

Proceedings of the 1st International Academic Conference

Applied and Fundamental Studies

VOLUME 2

hosted by the Publishing House «Science and Innovation Center»,
and the International Journal of Advanced Studies,

October 27-28, 2012

St. Louis, Missouri, USA

Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 1st International Academic Conference. Vol. 2,
October 27-28, 2012, St. Louis, USA. 664 p.

Edited by **Yan Maximov**

ISBN 978-0-615-67087-4

PUBLISHING TEAM

Publishing Director: **Yan Maximov**

Language Editor: **Dmitry Dotsenko**

Technical Editor: **Yury Byakov**

ORGANIZING COMMITTEE

Stephen Myers (University of Ballarat, Australia)

Tatiana Rozhko (Siberian Federal University, Russia)

Tamara Uskova (Institute of Socio-Economic Territories Development of Russian Academy of Sciences, Russia)

Tatyana Grass (Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafev, Russia)

Manos Savvakis (University of the Aegean, Greece)

Denis Nedbaev (Armavir Social-Psychological Institute, Russia)

Sunil Kumar Yadav (Alwar Institute of Engineering & Technology, India)

Konstantin Gulin (Institute of Socio-Economic Territories Development of Russian Academy of Sciences, Russia)

Aleksandra Shabunova (Institute of Socio-Economic Territories Development of Russian Academy of Sciences, Russia)

Amrendra Kumar Singh (NIIT University, India)

Published by © 2012 Publishing House «Science and Innovation Center»

St. Louis, Missouri, USA

pub@conf-afs.com

Printed by St. Louis, Missouri, USA

November 2012, 500 copies, 1st edition

ISBN 978-0-615-67087-4

INTRODUCTION

We are very much delighted to inform you of releasing a set of scientific articles presented by the participants of the 1st International Academic Conference on Applied and Fundamental Studies held October 27-28, 2012. The official Internet resource of the conference – <http://conf-afs.com/>. The host of the conference is the Publishing House «Science and Innovation Center» (St. Louis, Missouri, USA) and the International Journal of Advanced Studies.

The participants of the conference are scientists including Ph.D, postgraduates, school and kindergarten teachers, members of municipal and regional educational centres from cities of the Russian Federation and abroad.

The organizing committee is very appreciative to all participants of the conference.

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

THE CONCEPTION OF COMPETENCE-BASED FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Fedorova O.N. 17

MAINTENANCE INTEGRATION ECOLOGY - THE FOCUSED RESEARCH ACTIVITY IN THE COURSE OF NATURAL-SCIENCE FORMATION

Fairushina S.M. 21

TEXTBOOK ON PHYSICS OF NEW GENERATION AND ITS DESIGNING

Dubik M.A. 27

APPLICATION OF VARIOUS HYPOXEMIC SYSTEMS IN TRAINING OF MIDDLE DISTANCE RUNNERS

Mutaeva I.S., Kuznetsova Z.M., Morozov A.I. 32

CHILD CARE IN MODERN RUSSIA (IN CONTEXT OF HUMANISTIC PARADIGM OF EDUCATION)

Imnaev S.A., Babchenko A.P., Kichko E.V., Osadchy A.I. 36

INTERDISCIPLINARY INTEGRATION OF THE CONTENT OF MATHEMATICAL PREPARATION OF ENGINEERS ON THE BASIS OF COMPETENCE APPROACH

Berishvili O.N. 43

ETHICAL EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION IN THE SYSTEM OF MODERN EDUCATION

Brunchukova N.M. 49

THE BASIS FOR THE ORGANIZATION OF THE TEACHING WITHOUT COERCION IN THE BEST TRADITIONS OF HUMANISTIC PEDAGOGICS

Andreeva Yu.V. 57

MULTILEVEL SYSTEM OF CONTINUOUS LEARNING
OF A FOREIGN LANGUAGE BY TECHNICAL STUDENTS

Volegzhanina I.S. 63

SOCIAL AND EDUCATIONAL ASPECTS OF PROFESSIONALLY-APPLIED
PHYSICAL TRAINING (PPFP) MODERN SPECIALIST IN HIGH SCHOOL
AS PART OF HIGHER EDUCATION

Martirosova T.A. 69

SOCIAL PARTNERSHIP AS THE MOST PERSPECTIVE DIRECTION
IN THE TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS

**George I.V., George S.V.,
Verhoturtsev V.S., Verhoturtseva T.A.** 77

DESIGN OF THE MOBILE EDUCATIONAL ENVIRONMENT
OF PEDAGOGICAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Vinevskaya A.V. 80

THE FORMING OF STUDENTS' INDIVIDUAL STYLE OF COGNITIVE ACTIVITY
AND OPPORTUNITIES OF VIRTUAL EDUCATION

Kotryakhov N.V., Rozhina V.A. 84

THE USE OF THE IT POTENTIAL IN ORDER TO CREATE
A MOBILE LEARNING ENVIRONMENT IN A TEACHER'S
TRAINING UNIVERSITY

Vinevskaya A., Pailova M., Terskikh I. 89

FORMATION OF ACHIEVEMENT MOTIVATION BASED
ON THE ACQUISITION OF PERSONAL MEANING FOR SCHOOL TEAMS
TO IMPLEMENT THE EDUCATIONAL STANDARD
OF THE SECOND GENERATION

Sidenko E.A. 94

APPLICATION OF HARDWARE OF CONTROL
IN THE SYSTEM OF A MIDDLE DISTANCE RUNNER

Mutaeva I.S., Kononov I.E., Khalikov G.Z. 100

A DISTANCE SUPPORT STUDY OF THE HUMANITIES DISCIPLINES
WITH THE TEACHER EDUCATION WEBSITE

Panchenko T.V. 104

POSSIBILITIES OF THE ORGANIZATION OF QUALIFYING
PREPARATION OF THE TEACHER-RESEARCHER
FOR RESEARCH (MEDICAL) UNIVERSITIES

Osetrova O.V. 110

THE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF ADDITIONAL
PROFESSIONAL EDUCATION OF TEACHERS
IN REPUBLIC OF KALMYKIA

Munchinova L.D. 114

SEARCH COMMON INTERPRETATIONS
OF «EDUCATION TECHNOLOGY»

Licholetov V.V., Podaykonova A.S., Shaykina V.N. 119

PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF THE THEORETICAL-METHODOLOGICAL
INSTRUMENTS OF BACHELORS OF MANAGEMENT TRAINING

Kolesnikova L.G., Aupova E.I., Krukov D.N. 127

PRACTICAL BASES OF EXPANSION OF INNOVATIVE EDUCATIONAL SYSTEM
IN THE CONDITIONS OF SECONDARY PROFESSIONAL PEDAGOGICAL EDUCATION

Marvarova A.R. 132

5‘CS’ IN ENGLISH TEACHING AND LEARNING

Nosyreva S.G. 136

ABOUT USE OF SPATIAL IMAGINATION FOR FORMATION
OF THE CREATIVE PERSON OF THE SCHOOL STUDENT

Visitaeva M.B. 138

TOLERANCE FORMATION AND HUMANISTIC WORLD
OUTLOOK OF STUDENTS

Beysenbaeva A.A., Ubniyazova Sh.A., Bulshekbayeva A.I. 143

FORMATION OF A MEDICAL STUDENT’S CREATIVITY:
MISSION POSSIBLE

Razdorskaya O.V. 149

MULTIMEDIA COMPLEX IN TEACHING
FOREIGN LANGUAGES AT UNIVERSITY

Papernaya N.V., Kovalevich E.P. 153

CULTURAL TECHNOLOGIES OF IMMERSION INTO A HISTORICAL
ERA AS A BASIS FOR BUILDING OF CREATIVE ABILITIES
OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS

Matveevskaya N.S. 158

RESEARCHING THE LEVEL AND DYNAMICS
THE SPECIFIC COORDINATION ABILITIES
AT YOUNG ALPINE-SKIER IN THE AGE OF 11-12 YEARS

Lisovskij A.F., Mazur S.M., Mozhaev S.A. 164

MODEL OF DEVELOPMENT OF RESEARCH COMPETENCES
OF FUTURE TEACHERS

Nurieva E.G. 169

FORMATION OF CULTURE OF FREE THINKING AT PUPILS OF PROFESSIONAL
COLLEGES AS THE SOCIAL ORDER OF A SOCIETY

Mahmudov H.A. 172

THE ISSUE OF THE FORMATION OF SUBJECTIVITY
IN THE SPACE OF EVERYDAY LIFE:
NEW HORIZONS OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITIES

Kuznetsova E.S. 177

DESIGNING OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES
OF THE FORMATION OF THE STUDENT INDIVIDUALITY

Zhurakovskaya V.M. 183

DEVELOPMENT OF METAPHOR AS MEANS OF PUPILS' INDIVIDUALITY
MANIFESTATION

Zhurakovskaya V.M. 191

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

ACTUAL ABILITIES AS A FACTOR IN DETERMINING
THE FEATURES OF EMOTIONAL INTELLIGENCE

Tsarenkova M.M., Puchov I.A. 198

TO A QUESTION ABOUT FEATURES
OF THE PSYCHOLOGICAL PORTRAIT

OF DRIVERS – PARTICIPANTS OF ROAD ACCIDENTS

Oboymova S.M. 204

CHANGE OF IRRELEVANT PARAMETERS' IN TASKS

AS THE CONDITION OF DECREASE IN EINSTELLUNG EFFECT

Tukhtieva N.Kh. 209

THE WORKING VALUES OF THE YOUTH: THE GENDER SPECIFIC

Yavon S.V. 213

SOCIAL INNOVATIONS IN MANAGEMENT:

A LOOK AT THE IMPLICIT COMPONENT

Ilynih S.A., Mihailova E.V. 220

PSYCHOLOGICAL OVERCOMING THE INEQUITIES

IN SOCIAL INTERACTION

Pechersky A.V., Pecherski V.G., Beljakov A.E. 224

BIO-PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL PREDICTORS

OF THE DEVELOPMENT OF DEVIANT PERSONALITY

**Krasnoshchekov A.S., Zajchenko A.A., Pecherskij A.V.,
Pecherski V.G., Beljakov A.E.** 231

META-PHYSIOLOGIC LEVEL OF IMPLEMENTATION

OF STATE OF DEPENDENCE

Zapesotskaya I.V. 237

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

OF SUICIDAL BEHAVIOR SURVEILLANCE

Almukanov K.G., Epanchintseva G.A., Egorov R.S. 243

ON THE QUESTION OF PERSONAL ASSUMPTIONS

OF PROFESSIONAL SELF

Ihsanova S.G., Komakov V.V., Danilenko A.N. 245

CROSS-CULTURAL RESEARCH OF CREATIVITY

Erdyneeva K.G., Popova N.N. 251

UNIVERSAL EQUALITY IN A MULTIETHNIC KAZAKHSTAN

Jakupov S.M., Issakhanova A.A. 257

INCREASE OF PRODUCTIVITY OF INNOVATIVE PROCESS FROM THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT Serbiovskaya N.V.	260
SEMANTIC SIMILARITY DIMENSION OF MICROINTERACTIONS: OPERATIONALIZATION IN TERMS OF DATA THEORY Babich N.S., Batykov I.V.	266
THE STRUCTURE OF FRIENDLY INTERACTIONS Ryaguzova E.V.	273
PROACTIVE BEHAVIOR: CRITERION SIGNS, CLASSIFICATION AND PSYCHOLOGICAL PREDICTORS Erzin A.I., Nazarenko E.V., Har'kova A.A., Kirienko A.A.	278
PECULIARITIES OF CREATIVE ACTIVITY OF STUDENTS – FUTURE ENTREPRENEURS Akimova A.R., Ahramenkov E.A.	281
ATTITUDE PHENOMENON IN INTER-ETHNIC RELATIONS Gurieva S.D., Tararukhina O.V.	286
THERE ARE COGNITIVE AND EMOTIONAL PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS IN PERSONALITY PSYCHOLOGY Nalitova A.S., Epanchintseva G.A.	292

PHILOSOPHICAL SCIENCES

TERMS OF ASCENT TO GOD IN JESUS PRAYER Shlepin V.V.	296
ANALYSIS OF DEVELOPMENT OF SCIENCE IN THE CONTINUUM OF EUROPEAN CULTURE DURING PERIODS OF SOCIAL AND CULTURAL TRANSFORMATIONS: THE PHILOSOPHICAL ASPECT Tarasov A.N.	303
THE PROBLEM OF LIFE MEANING AND HISTORICAL MEANING IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY AT THE END OF 19-TH	

AND AT THE BEGINNING OF THE 20-TH CENTURIES

Naminova I.A. 309

RUSSIAN UTOPIA AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Mitina N.G. 315

PRINCIPLES OF COSMOHARMONY FOR THE PHILOSOPHY
OF GLOBAL ENVIRONMENTAL SECURITY

Dangadze M.K., Astvatsaturov A.E. 324

THE TRANSFERENCE OF INFORMATION:
EPISTEMOLOGICAL ASPECT

Turchevskaya B.K. 327

THE MEANING, AND THE ATTITUDE TOWARDS RATIONALITY
IN THE WESTERN AND EASTERN CULTURE

Zaikin A.A., Shcheglov B.S. 333

ΦΑΙΝΟΜΕΝΟΝ AND ΛΟΓΟΣ
IN HEIDEGGER'S PHENOMENOLOGY

Emelyanov A.S. 338

RUSSIAN IDEA OF HUMANISM
IN P.J. CHAADAEV'S SOCIAL PHILOSOPHY

Grigoryan T.V. 343

ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS – A GNOSEOLOGICAL BASIS
OF ECOLOGICAL CULTURE

Basilaia M.A., Tyurina T.A., Kintsurashvili M.D. 347

ETHICS AS THE WAY OF SOCIALITY

Zheleznov A.S. 351

ONTOLOGY OF SOCIAL INTERACTION:
THE INFORMATION NATURE OF SOCIAL SYSTEMS

Rozanov F.I. 354

EXISTENTIAL TIME: METAPHYSICS OF STATUS
AND PRAGMATICS OF EVERYDAY PERCEPTION

Denisova T.J. 359

PHILOLOGY

LACUNA AND CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY AS THE CATEGORIES OF THE COMPARATIVE LINGUISTICS	
Polyakova G.M.	365
FROM SYNESTHESIA AND SYNTHESIS OF ARTS TO INTERMEDIALITY: THEORETICAL ASPECT	
Petrova S.A.	368
«STRATUM» AS THE SEMANTIC MODALITY OF A POSTMODERN TEXT	
Sizykh O.V.	374
EXISTENTIAL INTRODUCTIONS IN THE RUSSIAN POETRY OF XVII-XX CENTURIES: THE EXPERIENCE OF GRAMMATICAL AND FUNCTIONAL-SEMANTIC DESCRIPTION	
Patroeva N.V.	379
A CONSTRUÇÃO IMPESSOAL IN THE PORTUGUESE LANGUAGE: AN IMPERSONAL CONSTRUCTION OR A STRUCTURE WITH INDEFINITE PERSON?	
Averyanov O.G.	386
TRANSderivational MORPHOLOGY AS THE ASPECT OF DIACHRONICAL COGNITIVE LINGUISTICS AND NEUROCHRONICAL PROGRAMMING	
Vasilkova N.I., Koch N.V, Romanyuk L.N.	390
THE ADJECTIVE COOL AS A FLUCTUATING SIGN	
Kulgavova L.V.	396
THE CONCEPT «PRAYER» AS THE REVELATION OF NATIONAL SELFCONSCIOUSNESS IN THE NOVEL «WAR AND PEACE» BY LEO TOLSTOY	
Lanskaya O.V.	399
METAPHORICAL FORMATION OF THE AMERICAN OIL AND GAS TERMINOLOGY	
Efremov A.A.	406

LINGUISTIC MODELING IN ARGUMENTATIVE DISCOURSE

Neborskaya V.V. 411

TIME AND SPACE IN TRADITIONAL FORMULAE

IN ENGLISH FOLK TALE DISCOURSE

Plakhova O.A. 414

TYPES OF THE INTERTEXTUAL RELATIONS BETWEEN

THE WORKS OF N.S. LESKOV AND ENGLISH LITERATURE

Pershina M.A. 420

FIGURATIVE METHODS OF CINEMATOGRAPHY

IN VLADIMIR MAYAKOVSKY'S POETRY

Silchenko G.V. 425

TYPICAL SITUATIONS REVEALED IN ENGLISH, FRENCH

AND RUSSIAN PROVERBS WITH ZOONYMS

Maklakova Y.M. 430

LINGUOCULTURAL CONCEPT «PROPERTY»

IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

(BASED ON PHRASEOLOGICAL UNITS & PROVERBS)

Mironova K.S. 435

THE LIVE STATUE OF THE A.S. GRIN' PROSE

Plyutova M.I. 439

KEYWORDS OF THEODORE DREISER'S «FINANCIER»

Fomina E.M. 444

LINGVOCULTURAL COMPETENCE

IN THE SPACE OF MULTICULTURAL SOCIETY

Khalupo O.I. 449

MYSTICAL TRAVELS IN THE WORK OF N.GUMILEV AND O.MANDELSTAM

Chizhikova A.A. 454

TO THE QUESTION ABOUT CENTRISM

AND POLYCENTRISM OF LANGUAGE SYSTEM

Nekipelova I.M. 459

TYPOLOGY OF ELECTRONIC MASS MEDIA:
STUDY METHODS AND RESULTS

Radiontseva E.S. 465

NEKRASOV'S STREET SCENOGRAPHY
IN «CITY» SERIES (INTERMEDIALITY ASPECT)

Pavlovskaya O.A. 471

ON THE USE OF ADMISSION IN THE STORIES
OF TRANSFORMATION F. SOLOGUB

Chvertko S.Yu. 477

ELLIPTICAL SENTENCES IN THE MODERN FEMALE
DISCOURSE OF FICTION

Bersirova S.A., Khachmafova Z.R. 482

ECONOMICS

ECONOMIC AND POLITICAL MODERNIZATION
IN KAZAKHSTAN

Baisultanova K.S. 488

FORMATION OF CORE AND INNOVATIVE COMPETENCES
OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE PERM REGION)

Popova E.S., Kichenko L.P. 492

EVALUATION OF THE FUNCTIONING REGIONAL TRANSPORT
SYSTEMS IN THE SOUTH OF RUSSIA, IN THE CONTEXT
OF POST-CRISIS DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

Berezhnaia O.V., Berezhnoy V.I. 498

URBAN LOCAL PUBLIC GOODS IN TRANSITION ECONOMY

Sadovnikova E.N. 504

THE INSTITUTIONAL TRANSFORMATION
OF THE RUSSIAN AIRPORT SYSTEM IN 1990-2012

Yaroshevich N.Yu., Vyazovskaya V.V. 506

INNOVATIVE SELF-EMPLOYMENT:

THE ESSENCE AND DIFFERENCES. PART 1

Serbinovskiy B.Y., Mukuchyan R.R. 513

INNOVATIVE SELF-EMPLOYMENT:

THE ESSENCE AND DIFFERENCES. PART 2

Serbinovskiy B.Y., Mukuchyan R.R. 519

EVOLUTION OF SCIENTIFIC THOUGHT IN FIELD OF BANKING

Ismagilov D.D., Abdyukova E.I. 525

FEATURES OF THE EFFECT OF INDUSTRIAL REGIONAL POLICY
ON THE DEVELOPMENT OF INTELLECTUAL PROPERTY

Zhdanov M.A. 534

SOCIOLOGY TRADE: SOME ASPECTS OF THE THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Aborvalova O.N. 539

FEATURES OF THE SOCIO-ECONOMIC POTENTIAL
OF THE TVER REGION

Belousov O.A. 545

MUNICIPAL UNITS: DIRECTIONS AND METHODS OF RESEARCH

Gordeeva T.N. 551

THE EFFECTIVENESS OF GOVERNANCE IN THE CORPORATE
AND PUBLIC SECTORS: THE CRITERIA AND FACTORS OF ASSESSMENT

Voronina E.V., Isaeva I.A., Kuramshina A.V. 557

APPROACHES TO THE FINANCIAL SUPPORT OF THE COMPANY
BASED FINANCING INSTRUMENTS

Yessymkhanova Z.K. 563

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF DEVELOPMENT
OF SELF-ORGANIZED MANUFACTURING EXECUTING SYSTEMS

Kirillov D.O. 569

BASIC TYPES AND FEATURES OF FUNCTIONING
OF INNOVATION SYSTEMS IN THE DIFFERENT COUNTRIES

Krasnokutsky P.A. 576

THE MODEL-BASED APPROACH TO THE FORMATION OF METRICS
AND EVALUATION SYSTEM OF ECONOMIC EFFICIENCY
OF MARKETING FUNCTIONS OF THE COMPANY

Schinova R.A. 582

SEGMENTATION OF THE RUSSIAN UNIVERSITIES MARKET

Mushketova N.S. 590

THE INSTITUTION OF THE ORGANIZATIONAL CULTURE
AND THE WAYS OF ITS CHANGE IN TIME

Popov A.N., Vinogradova N.P. 595

THEORETICAL BASE OF THE PROVISION
TO ECONOMIC SAFETY STATE

Kharesova M.S. 602

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT
OF CHANGES IN INDICATORS OF COMMUNITY DEVELOPMENT
IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL REFORM
OF THE SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Kazakov M.J., Bobryshev A.N. 608

INNOVATIVE PRODUCT: CONCEPTION, FEATURES, COST ESTIMATING

Ytrobina A.U. 614

FORMATION AND IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE INVESTMENT
STRATEGY OF THE ENTERPRISE

Barmashova L.V. 620

CLUSTER APPROACH IN THE STRATEGIC MANAGEMENT
OF DEVELOPMENT IN THE REGION

Fursov V.A., Lazareva N.V. 627

LEGAL SCIENCES

CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION OF AGRICULTURAL COOPERATION
IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Shilova N.P. 632

URGENCY AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT
OF INSTITUTION OF POLICE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY
(SOCIAL AND ADMINISTRATIVE ASPECT)

Yanbukhtin R.M. 636

LEGISLATING THE NORTH OF THE FIFTEENTH AND SEVENTEENTH CENTURIES.
IN THE FIELD OF FISHERIES AND OTHER NATURAL RESOURCES
OF NORTHERN RUSSIA FEDERAL, STATE AND COMMUNITY RIGHTS

Ivanova J.B. 642

CONCEPT OF THE STATE SERVICES:
ANALYSIS OF MODERN APPROACHES

Dushakova L.A. 648

HUMAN RIGHTS AS A FORM OF CONSTITUTIONAL VALUE

Vilova M.G., Permillovskiy M.S. 654

WHAT DOES IT MEAN TO BE A PROFESSIONAL RESPONSIBLE
AND ETHICAL LAWYER IN THE GLOBAL LEGAL MARKET?

Chernov A.M. 658

PEDAGOGICAL SCIENCES

КОНЦЕПЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE CONCEPTION OF COMPETENCE-BASED FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Федорова О.Н.

*Санкт-Петербургский государственный университет технологии
и дизайна Северо-Западный институт печати, г. Санкт-Петербург, Россия*

Fedorova O.N.

*Saint-Petersburg State University of Technology and Design
North-West Institute of Printing Arts, Saint-Petersburg, Russia*

Доклад посвящен ведущей концепции современности – компетентностному иноязычному высшему образованию. Данный вид образования позволяет удовлетворить требования профессионального мира к уровню развития компетентностей студентов в иностранном языке.

Ключевые слова: *компетентностный подход, компетенция, компетентность, иноязычная профессионально-коммуникативная компетентность.*

The paper deals with leading competence-based conception of foreign language education. Competence-based education means ability to connect demand from professional life to students' competences in foreign language essential to meet this demand.

Keywords: *competence-based approach, competence, competency, professional communicative competency in foreign language.*

Эффективность профессионального и иноязычного образования будущего специалиста во многом определяются принятой в обществе на определенном этапе его развития образовательной концепцией. Сегодня в качестве такой веду-

щей концепции рассматривается компетентностный подход.

Реализация компетентностного подхода в отечественной образовательной системе обусловлена рядом объективно существующих причин,

главной из которых является общеевропейская и мировая тенденция к интеграции науки и экономики.

В последние годы был выполнен ряд исследований компетентного подхода к иноязычному образованию в неязыковых вузах и неязыковых факультетах, посвященных:

- коммуникативно-ориентированному обучению и формированию иноязычной коммуникативной компетенции по видам речевой деятельности (Г.К. Борозенец, С.И. Гусева, И.В. Леушина, М.В. Мазо, И.А. Мегалова, О.Ю. Левченко, О.В. Федорова и др.);
- формированию отдельных видов компетенций (Н.И. Алмазова, Ю.А. Комарова, Л.М. Босова, А.В. Гетманская, Л.А. Кареева, Т.В. Литвинова, О.В. Сыромясов и др.);
- развитию профессиональной иноязычной компетентности (А.П. Петрова, А.Н. Кузнецов, Я.Е. Кузнецов, Т.С. Макарова, М.В. Маткова, М.В. Озерова, О.Н. Федорова и др.).

Понятия «компетенция» и «компетентность» выступили в качестве общего определения результата образования в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих. Компетенция трактуется как совокупность знаний, навыков и умений, формируемых в процессе обучения какой-либо дисциплине, а также способность к выполнению определенной деятельности на основе полученных знаний, навыков и умений.

А компетентность определяется как актуальное, формируемое личностное качество, интеллектуально и личностно-обусловленная социально-профессиональная характеристика человека, его личностное качество. Другими словами, ком-

петентность – это совокупность качеств личности, которая предполагает владение студентом соответствующими компетенциями, включающая его личностное отношение к ней и предмету деятельности и опыт деятельности в заданной сфере. Это позволяет утверждать, что компетенция являясь частью целого и, достигая необходимого уровня развития в результате обогащения новыми знаниями, навыками, умениями, способами деятельности, «превращается» в компетентность как интегративное качество личности. Более того и компетенция, и компетентность рассматриваются как результат развития личности в образовательном процессе.

Реализация компетентного подхода в качестве одного из ведущих в высшем образовании предопределило рассмотрение цели образовательного процесса как формирование ключевых компетенций.

Ключевые компетенции можно подразделить на три группы:

- компетенции, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности;
- компетенции, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми;
- компетенции, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах.

Таким образом, новая концепция образования вносит определенные коррективы в традиционную трактовку целей образования. Главной целью образования личности в соответствии с требованиями современного информационного поликультурного мира становится формирование ключевых компетенций: коммуникативной, социально- политической, информационной, социокультурной.

Системообразующей для всех предметов и дисциплин среди этих компетенций является иноязычная коммуникативная компетенция, так как она органично интегрирует в собственном развитии формирование всех остальных компетенций, являясь не только целью, но и средством эффективного развития личности в процессе иноязычного образования.

Соответственно возрастает роль иноязычного образования, которое в последнее время рассматривается как один из базовых элементов структуры образования, особенно в контексте интеграции в общеевропейское и мировое образовательное пространство. Перед иноязычным образованием ставятся задачи повышения эффективности овладения иностранным языком с целью использования его в будущей профессиональной деятельности, установления контактов с носителями другого языка на основе применения современных средств коммуникации. В логике компетентностной концепции это предполагает развитие компетенций, которые включают умения осуществлять коммуникацию в формате профессионального межкультурного общения, компенсаторные умения, информационные умения поиска, систематизации и дальнейшей обработки полученной иноязычной информации из Интернета, а также умения самостоятельной работы по овладению иностранным языком с целью самосовершенствования.

Примерная программа обучения иностранным языкам фактически построена на основных положениях компетентностной концепции. В связи с этим конечная цель иноязычного образования формулируется как формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетентности выпускника неязыкового вуза, представляющая собой совокупность компетенций и позволяющая на основе автономного поиска и использования информации на иностранном

языке в различных видах речевой деятельности осуществлять свою профессиональную деятельность, повышая ее эффективность и тем самым создавая предпосылки для профессионального и карьерного роста личности.

Являясь главным результатом иноязычного образования, иноязычная профессионально-коммуникативная компетентность может характеризоваться наличием следующих компетенций: лингвистической (языковой и речевой), социокультурной, дискурсивной, стратегической, предметной, информационной и учебно-познавательной. Уровень развития каждой из них на отдельных этапах языковой подготовки позволяет использовать иностранный язык практически как в профессиональной (производственной и научной) деятельности, так и для целей самообразования.

Таким образом, данная компетентность, по нашему мнению, также может быть представлена на трех уровнях, поскольку компетенции её составляющие могут быть объединены в три группы (компетенции лингвистического, социолингвистического и прагматического уровней).

К первой группе следует отнести основные компетенции, определяющие владение устным и письменным иноязычным общением. Лингвистическая компетенция рассматривается в качестве одного из основных компонентов коммуникативной компетенции и профессиональной подготовки специалиста, а её содержание формирует способность студентов правильно конструировать формы и синтаксические построения в соответствии с нормами изучаемого языка. Без знания слов и правил образования грамматических форм, системы изучаемого языка, подязыка специальности, структурирования осмысленных фраз невозможно никакое профессиональное общение, т. е. формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетентности

происходит только на основе изучения иностранного языка как системы и навыков оперирования этими знаниями.

В основе стратегической компетенции лежат умения анализировать и оценивать ситуации общения и в соответствии с этим строить свое речевое поведение, осуществлять контроль своих речевых поступков и поступков своих партнеров по общению, а также компенсировать недостаточность знания языка, речевого и социального опыта общения в иноязычной среде.

Вторая группа представлена социокультурной компетенцией, которая предполагает овладение студентами национально-культурной спецификой страны изучаемого языка и умением строить свое речевое и неречевое поведение в соответствии с этой спецификой, оставаясь при этом носителем другой культуры. Формирование социокультурной компетенции предполагает интеграцию личности в системе мировой и национальной культур и создает основу для коммуникативного поликультурного развития.

Социолингвистическая компетенция развивает умение осуществлять выбор лингвистической формы и способа языкового выражения, адекватных условиям ситуации профессионального общения, а также целям и намерениям, социальным и функциональным ролям партнеров по общению.

Третья группа прагматического уровня представлена предметной, информационной и учебно-познавательной компетенциями, которые, будучи взаимозависимыми, имеют сходные цели.

В лингвистический аспект иноязычной предметной компетенции входят знания терминов, профессионализмов, подязыка специальности, общеупотребительной лексики, клише, частотных в контексте данной специальности, грамматических структур и категорий и правил их употребления, а также навыки и умения применения

этих знаний при осуществлении профессионально направленного общения. В коммуникативный аспект этой компетенции входят речевые умения аудирования, говорения, чтения и письма текстов на иностранном языке по данной специальности.

В наши дни особую роль в формировании иноязычной предметной компетенции играет информационная компетенция, которая основывается на умениях осуществлять поиск, извлекать нужную иноязычную информацию из различных источников, переводить ее из одной знаковой системы в другую, оценивать ее и передавать содержание этой информации адекватно поставленной цели (сжато, полно, выборочно), а также продуктивно пользоваться ресурсами международной информационной сети.

Развитие учебно-познавательной компетенции частично обусловлено небольшим объемом времени, отводимом на изучение иностранного языка в неязыковых вузах. Поэтому способность студентов своими силами овладеть знаниями, навыками и умениями, поддерживать и повышать в процессе самообразования уровень владения иностранным языком и языком специальности является важным условием непрерывного самообразования специалиста с целью совершенствования своей профессиональной деятельности.. Эффективное владение иностранным языком как средством реализации профессиональной деятельности предполагает, прежде всего, умение самостоятельно работать над изучением языка, совершенствоваться в профессиональном плане, развивать свою коммуникативную и информационную культуру.

Таким образом, современный подход к иноязычному образованию студентов неязыковых вузов в полной мере соответствует концепции компетентностного образования, поскольку понимает языковое образование как индивидуальный по

форме, но глубоко социальный по внутреннему содержанию процесс. Осуществление данного процесса базируется на продолжительной самостоятельной межкультурно-познавательной деятельности индивидуума в его повседневной жизни и результат которого безотлагательно применяется в его межкультурном взаимодействии с окружающим миром в учебе, работе и в быту.

ИНТЕГРАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЭКОЛОГО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

MAINTENANCE INTEGRATION ECOLOGY - THE FOCUSED RESEARCH ACTIVITY IN THE COURSE OF NATURAL-SCIENCE FORMATION

Файрушина С.М.

*Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов,
г. Набережные Челны, республика Татарстан, Россия*

Fairushina S.M.

*Naberezhnochelninsky institute socially-pedagogical technologies and resources,
Naberezhnye Chelny, republic Tatarstan, Russia*

В статье рассматриваются интегрированный подход изучения объектов окружающей среды в естественнонаучном образовательном процессе педагогического вуза. Предложена комплексная междисциплинарная методика изучения экологических дисциплин в ходе, которой закрепляются знания химии, физики, биологии, географии и формируются компоненты экологической культуры будущего учителя согласно требованиям к результатам освоения основной образовательной программы проекта Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования в России. Приведено исследование на предмет результативности предложенной методики обучения объектов природы.

Ключевые слова: *Естественнонаучные дисциплины, комплексная междисциплинарная методика, студенты педагогических вузов, исследование.*

In article are considered an integrated approach of studying of objects of environment in natural-science educational process of pedagogical high school. The complex interdisciplinary technique of studying of ecological disciplines in a course by which knowledge of chemistry is fixed, physicists is offered, to biology, geography and components of ecological culture of the future teacher according to

requirements to results of development of the basic educational program of the project of the Federal state educational standard of the average (full) general education in Russia are formed. Research about productivity of the offered technique of training of objects of the nature is resulted.

Keywords: *Natural-science disciplines, a complex interdisciplinary technique, students of pedagogical high schools, research.*

Интегрированному подходу изучения предметов естественнонаучного цикла уделяется внимание на протяжении десятков лет, вот и в последнем проекте Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования от 17 мая 2012 г за № 413 во второй главе «Требования к результатам освоения основной образовательной программы» п. 9.4. Естественные науки отмечено, изучение предметной области «Естественные науки» должно обеспечить:

- сформированность основ целостной научной картины мира;
- формирование понимания взаимосвязи и взаимозависимости естественных наук; сформированность понимания влияния естественных наук на окружающую среду, экономическую, технологическую, социальную и этическую сферы деятельности человека;
- создание условий для развития навыков учебной, проектно-исследовательской, творческой деятельности, мотивации обучающихся к саморазвитию;
- сформированность умений анализировать, оценивать, проверять на достоверность и обобщать научную информацию;
- сформированность навыков безопасной работы во время проектно-исследовательской и экспериментальной деятельности, при использовании лабораторного оборудования [1].

Основываясь на положение междисциплинарного подхода изучения предметов естественнонаучного цикла, при подготовке учителей в педагогическом вузе нами разработаны учебные комплексы по изучению экологических дисциплин, базирующиеся на междисциплинарном методе. Известно, что наука экология основалась на знаниях биологии, далее развивалась на знаниях физики, химии, географии, математики, обществознания, социологии и других науках. При подготовке будущих учителей нами учитывается междисциплинарный аспект обучения экологических дисциплин. Экологическими дисциплинами при подготовке учителей географии, биологии, безопасности и жизнедеятельности, истории, иностранного языка, русского и татарского языка и литературы в педагогическом вузе являются «Экология», «Общая экология», «Основы природопользования», «Экология и природопользование», «Экология и безопасность жизнедеятельности», «Социальная экология и природопользование», «Экология республики Татарстан», «Основы экологической культуры», «Экологическое воспитание школьников».

Идея междисциплинарного подхода изучения вещества, объектов окружающей среды основывалось на следующем исследовании. В начале учебного процесса в педагогическом вузе мы определяли естественнонаучную подготовку первокурсников с целью определения владения экологическими знаниями по физики, химии, биологии, географии, где задавали вопросы по следующей схеме (табл.1)/

Таблица 1

Изучение экологических знаний естественнонаучного характера

№ п/п	Вопрос	Ответ	
ХИМИЯ			
1	Назовите промышленные яды	В целом	В Вашем городе
2	Химические реагенты, используемые в сельском хозяйстве		
3	Бытовые химикаты (СМС)	Какие	Последствия
4	Что представляют пищевые добавки	Какие	
		Для чего применяют	
		Последствия	
5	Что Вы знаете о воздействии выхлопных газов на окружающую среду	На почвы	
		На воздух	
		На человека	
6	Назовите темы из курса химии, где Вам рассказывали о химическом воздействии на окружающую среду		
БИОЛОГИЯ			
1	Назовите биологические загрязнения, которым может подвергнуться человек в ходе производственной деятельности		
2	Назовите биологические загрязнения, которым может подвергнуться человек в природной среде		
3	Назовите микроорганизмы, поражающие пищевые продукты		
4	Какие изменения могут произойти с растениями при загрязнении атмосферного воздуха окисью серы?		
5	Перечислите заболевания человека, переносчиками которых являются животные		
6	Как Вы думаете, способствуют ли достижения медицины совершенствованию развития здоровых поколений (например, успешное проведение хирургических операций при пороке сердца в младенческом возрасте)?		
ФИЗИКА			
1	Шумовое загрязнение	Понятие	Пример
2	Вибрационное загрязнение	Понятие	Пример
3	Световое загрязнение	Понятие	Пример

Продолжение таблицы 1

4	Электромагнитное загрязнение	Понятие	Пример
5	Радиоактивное загрязнение	Понятие	Пример
6	Ультрафиолетовая радиация	Понятие	Пример
ГЕОГРАФИЯ			
1	Назовите страны с наибольшим количеством населения		
2	Назовите регионы Мира, где распространены природные инфекционные заболевания		
3	Назовите точки земного шара, которые наиболее подвержены природным экологическим катаклизмам		
4	Как Вы считаете, влияет ли экономическое развитие региона на экологическое состояние		
5	Назовите наиболее экономически развитые районы России		
6	Назовите наиболее экономически развитые районы Республики Татарстан		

В приведенной таблице, мы постарались максимально, в непринужденной форме, определить экологические знания, полученные школьниками в Основной школе при изучении предметов естественнонаучного цикла. В опросе участвовали студенты первых курсов естественно – геогра-

фического (географы и биологи), исторического (историки) и филологического факультетов (русский, татарский языки и литература), всего 81 человек. Количество верных ответов распределились следующим образом (табл.2).

Таблица 2

Предметы		Химия	Физика	Биология	География
Студенты					
Географы	25 чел	8	1	10	14
Биологи	21 чел	9	2	12	10
Историки	18 чел	3	–	6	9
Филологи	17 чел	–	–	8	12
Итого/общий процент	81/100%	20/24,6	3/3,7%	36/44,4%	45/55,5%

Результаты опроса позволили сделать следующий вывод, что:

– о химическом загрязнении знают 24,5% студентов. Рассмотрение вопросов раздела химии показал, что первокурсники хорошо знают загрязнение окружающей среды тяжелыми металлами, в сельском хозяйстве называют – загрязне-

ние пестицидами, о химических пищевых добавках практически ничего не знают или называют только последствия на организм человека, курс химии, в котором говорили о химическом загрязнении, многие студенты не могут вспомнить;

– о физических загрязнениях студенты даже и не подозревают. Этот раздел анкеты отвечен

слабо. Всего обнаружили три ответа, студенты называют только последствия физического загрязнения (шумового, электромагнитного, радиоактивного). Понятие физического загрязнения (шумовое, световое, радиоактивное, ультрафиолетовое, вибрационное) ни один студент не дает.

– о биологических загрязнениях понятие 44,4% опрошенных студентов. Полученные ответы верные, но не расширенные, однозначные, без приведения примеров.

– о геоэкологическом (география) состоянии знают 55,5% студентов. Опрошенные студенты дают ответы практически на все вопросы, хотя не всегда точные. Лучше всего отвечают студенты естественно – географического факультета, видимо это факт того, что при поступлении в вуз они сдавали экзамен по географии, поэтому знания еще свежи.

Для улучшения результатов естественнонаучных знаний мы использовали разработанный комплексный междисциплинарный метод изучения объектов окружающей среды, где изучение химических элементов, влияние вещества на тот или иной объект окружающей среды изучался в комплексе:

1) физика – действие теплового, светового,

механического, радиоактивного, шумового, вибрационного загрязнения на растительные и живые организмы;

2) химия– влияние химического загрязнения на биосферу природными и антропогенными воздействиями;

3) география – максимализация стратегии бережливости в отношении с окружающим миром, причинно – следственные взаимосвязи экономического развития и экологического состояния;

4) биология – изучение вопросов биологического загрязнения водных, почвенных ресурсов, рассмотрение проблемы сохранения и восстановления здоровья человека;

5) экология – проблемы взаимодействия живых организмов с окружающей средой, вопросы экологического образования, формирования и развития экологической культуры учащихся молодежи [2, С.72-73].

В результате проведения данного эксперимента в течение ряда лет (2003–2012 гг.) нами были проведены повторные опросы уже в завершающих курсах (четвертый и пятый) обучения этих же специальностей в педагогическом вузе, всего в исследовании участвовало 72 человека (табл.3).

Таблица 3

Предметы		Химия	Физика	Биология	География
Студенты					
Географы	19 чел	16	12	15	19
Биологи	14 чел	13	11	14	13
Историки	16 чел	10	7	14	15
Филологи	23 чел	18	18	21	19
Итого/общий процент	72/100%	57/79,1	48/66,6%	64/88,8%	66/91,6%

В таблице 3 наглядно видно, что результат метода изучения объектов окружающей среды в междисциплинарном комплексном подходе дал свои положительные итоги:

– о химическом загрязнении знают 79,1% студентов. Студенты четвертых и пятых курсов: определяют органическое и неорганические химическое загрязнение водоемов, почв, атмосферы;

ры и биосферы; могут прогнозировать загрязнение того или иного промышленного или сельскохозяйственного предприятия; знают нормативные предельно-допустимые концентрации (ПДК) постоянно встречающихся вредных химических веществ; понимают значение изучения экологического аспекта химии;

– о физических загрязнениях уже положительно отвечает 66,6% студентов. После проведения лекций о физических загрязнениях студенты стали проявлять интерес к последствиям светового вибрационного, шумового радиоактивного загрязнения, знали о ПДК физических загрязнений на окружающую среду и живые организмы, отчетливо называли источники загрязнений и возможные от них экологические последствия;

– результаты исследования показали, что в биологических загрязнениях хорошо ориентируются 88,8% опрошенных. Студенты называют водных почвенных и воздушных вирусов, жизнедеятельность которых вызывают различные заболевания растений, живых организмов и человека,

ориентируются в биологических причинах загрязнения водных и почвенных ресурсов, определяют симптомы и причины кишечных, респираторных и половых инфекционных заболеваний;

– о геоэкологическом (география) состоянии знают 91,6% студентов. Полученные ответы показывают, что студенты уверенно отвечают на поставленные вопросы, дают расширенные полные точные (с приведением примеров) ответы, определяют причинно – следственные связи экологических загрязнений от экономического развития региона. В данном случае нами было замечено, что студенты естественно – географического и филологического факультета отвечали лучше, видимо это факт того, что на занятиях они обращали больше внимания на геоэкологическое загрязнение и количество часов на этих факультетах больше, чем на других факультетах, отведенных на экологические дисциплины.

Результаты проведенного эксперимента можно увидеть на рисунке 1.

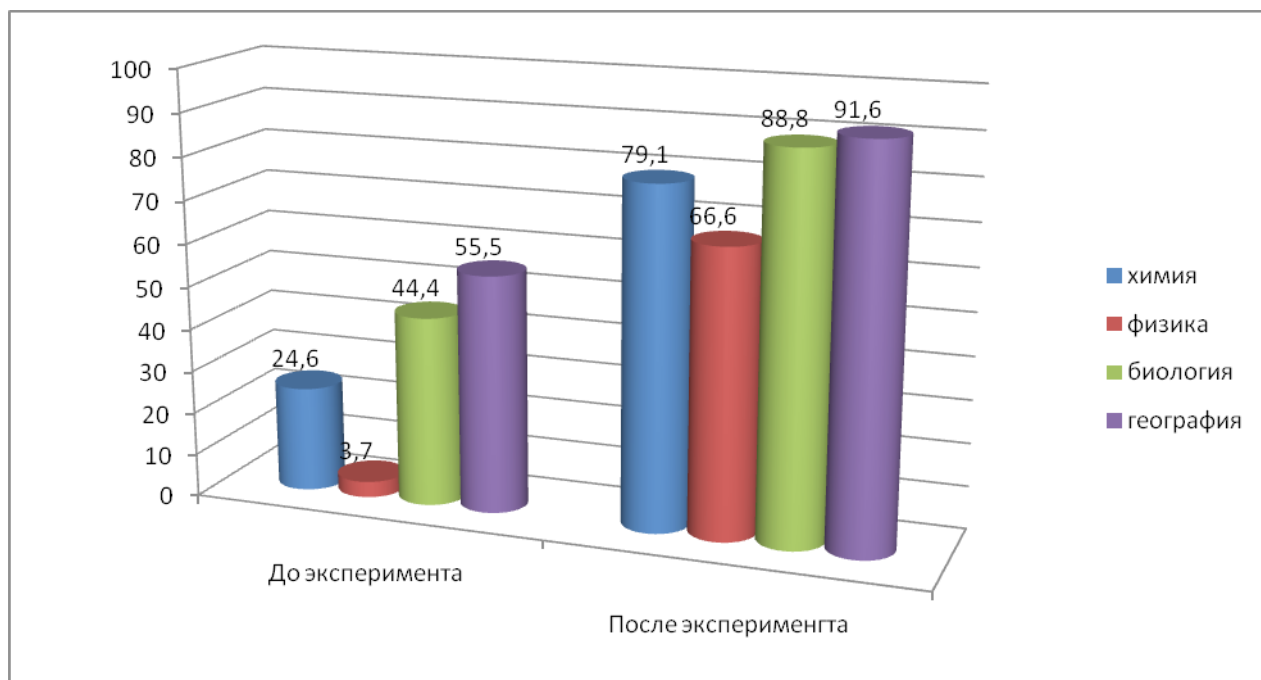

Рис. 1. Результаты внедрения комплексного междисциплинарного метода изучения объектов окружающей среды

В итоге мы видим, что предложенный метод дал положительный результат – показатели эколого-химических знаний увеличились на 54,5%; эколого-физические знания на 62,9%; биологические – на 44,4%, геоэкологические на 36,1%.

Изучение объектов окружающей среды в комплексе наук позволяет: закреплять полученные знания на занятиях естественнонаучных дисциплин

в исследовательской деятельности; и использовать законы химии, физики, биологии, экологии и географического развития при изучении объектов природы; формировать интегрированные навыки проведения экологических экспериментов; обобщать естественнонаучные понятия исследования; развивать междисциплинарный подход проведения исследования.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования от 17 мая 2012 г. № 413.
2. Файрушина, С.М. Формирование экологической культуры студентов педагогических вузов в процессе изучения естественнонаучных дисциплин / С.М. Файрушина // Казань: РИЦ «Школа». – 2008. – 172 с.

УЧЕБНИК ФИЗИКИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ И ЕГО КОНСТРУИРОВАНИЕ

TEXTBOOK ON PHYSICS OF NEW GENERATION AND ITS DESIGNING

Дубик М.А.

*Тюменский государственный нефтегазовый университет,
г. Тюмень, Тюменская обл., Россия*

Dubik M.A.

*Tyumen State Oil and Gas University,
Tyumen, Tyumen Oblast, Russia*

В статье рассматривается методика конструирования личностно ориентированного учебника физики для студентов технического вуза.

Ключевые слова: личностно ориентированный учебник физики, деятельность конструирования личностно ориентированного учебника физики.

The article discusses the technique of designing personal oriented textbook on physics for students

of technical university.

Keywords: *the personal oriented textbook on physics, the work by designing personal oriented textbook on physics.*

В соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года стратегической целью государственной политики в области высшего образования является повышение доступности качественного профессионального образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина. В условиях массового высшего образования реализация стратегической цели в области образования предполагает решение целого ряда приоритетных задач, в том числе в техническом вузе задачи системного подхода к подготовке инженерных кадров с новыми профессиональными компетенциями.

В ходе выполнения анализа результатов психолого-дидактических исследований по проблеме подготовки инженерных кадров с новыми профессиональными компетенциями мы зафиксировали факт, что, если студенты-первокурсники технического вуза испытывают некоторые трудности в процессе усвоения/ освоения содержания учебного текста по физике, то студенты старших курсов – содержания профессиональных дисциплин. Нами установлено, что, используемые вузовские учебники физики, в условиях информационной перегрузки и интеграции России в Европейское образовательное пространство, когда требуются профессионально подготовленные и самостоятельно мыслящие инженерные кадры, не формируют информационно-коммуникативные компетенции для самостоятельной познавательной деятельности поиска учебной, научной и профессиональной информации.

Теории и методике создания вузовского учебника посвящено немало книг и статей, но практически отсутствуют книги и статьи по созданию вузовского учебника по конкретной учебной дисциплине. Физика является основополагающим образовательным и мировоззренческим курсом в фундаментальной подготовке инженеров. В условиях компьютеризации всех областей человеческой деятельности и всё сокращающегося объёма времени на аудиторные занятия и увеличения доли самостоятельной работы студентов **актуальной становится проблема** создания учебника физики нового поколения для студентов технического вуза и органичного его включения в единую образовательную среду. (Использование понятия «учебник нового поколения» предполагает осознание того факта, что данное явление не характеризует определённый временной промежуток времени и не имеет точных хронологических рамок). Необходимость разрешения этой проблемы позволила определить тему и цель нашего исследования.

Цель исследования заключается в разработке теории обучения студентов-первокурсников технического вуза конструированию личностно ориентированного учебника физики.

В соответствии с требованиями к результатам усвоения образовательной программы у выпускника школы должна быть сформирована читательская компетентность. Однако диагностирование способностей и возможностей студента-первокурсника технического вуза позволило нам выявить три группы студентов по умению понимать содержание учебного физического текста и представлять его в новой форме:

- студенты-первокурсники первой группы – студенты, у которых не сформирована читательская компетентность, необходимая для субъективного овладения будущей учебной деятельностью;
- второй группы – студенты, у которых сформирована читательская компетентность, необходимая, но не достаточная для субъективного овладения будущей учебной деятельностью;
- третьей группы – студенты, у которых сформирована читательская компетентность, необходимая и достаточная для субъективного овладения будущей учебной деятельностью.

Результаты диагностирования подвели нас к выводу, что студент первой и второй группы готов усваивать учебную физическую информацию «вместе» с преподавателем. Студент третьей группы готов осваивать её «сам».

С целью устранения разницы в исходных позициях студентов с разной степенью начальной подготовки и подведения студентов каждой группы к тому, что значительная часть учебного материала ими будет изучаться самостоятельно, мы формируем у студентов деятельность конструирования личностно ориентированного учебника. Под личностно ориентированным преемственным учебником мы понимаем конструкцию, которая состоит из отдельных учебников – базового, преемственного и личностно ориентированного. Учебники, в свою очередь, состоят из отдельных модулей. Отдельные модули «сшиты» в тематический блок. Тематический блок – структурная единица личностно ориентированного преемственного учебника [3, 40].

В соответствии с теорией усвоения на этапе формирования деятельность конструирования личностно ориентированного учебника – пред-

мет усвоения [1; 2; 6]. Студенты усваивают деятельность конструирования личностно ориентированного учебника. На этапе применения деятельность конструирования личностно ориентированного учебника – средство освоения студентом книжной и электронной информации в процессе её поиска, переработки и понимания.

На аудиторном занятии студент до начала лекционного занятия для достижения максимального качества усвоения содержания лекции настраивает свой ритм усвоения информации на ритм изложения информации лектором и тем самым обеспечивает себе готовность внимательно слушать [5, 34 - 35].

В ходе лекции студент-слушатель слушает лекцию и воспринимает её как единое целое или по частям, если информация превышает возможности восприятия студентом узнаваемой на основе прежних представлений информации. Студент выполняет деятельность конспектирования лекции. (Мы задаём всю систему ориентировочных, исполнительских и контрольных действий в виде специальных инструкционных карточек, на которых записаны все инструкции о действиях в той системе и в той последовательности, которую надо осуществлять при составлении конспекта лекции). Преподаватель-лектор формирует у студента-слушателя ориентировочные и исполнительские действия деятельности конспектирования лекции.

В процессе конспектирования лекции студент выполняет аудиторную самостоятельную работу по переводу нового знания из устной речи лектора-преподавателя в свою письменную речь.

Результатом деятельности конспектирования лекции слушателя-студента является конспект – информационная модель вербального текста, в котором выделены главное в лекции в целом, главное в смысловой части лекции, доказательство главного в смысловой части лекции и ил-

люстрации доказательства главного в смысловой части лекции.

На внеаудиторном занятии:

- студент вносит в содержание конспекта лекции поправки. Выполняет контрольные действия деятельности конспектирования лекции - самопроверку;
- изменения и дополнения на основе базового учебника, информационных технологий и Интернета. Выполняет деятельность составления конспекта невербального текста укрупнёнными дидактическими единицами;
- выполняет воспроизводящие самостоятельные работы по образцу, самостоятельные работы конструктивно-вариативного типа, эвристические и творческие самостоятельные работы.

Выполняет деятельность конструирования личностно ориентированного учебника [4]. Результатом деятельности конструирования является изменённый и дополненный конспект лекции по физике – личностно ориентированный модуль личностно ориентированного преемственного учебника. В личностно ориентированном модуле учебника-конструкции студент усиливает тематическое содержание базового учебника. Став одним из авторов-конструкторов учебника-конструкции, он изменяет свойства (качества) используемого им базового учебника, делает его понятным (доступным) для самого себя и умеет применять его в дальнейшем образовании и самообразовании.

Процесс конструирования студентом личностно ориентированного модуля учебника-конструкции рассматриваем как фактор перевода им нового знания из письменной формы во внутреннюю речь.

Нами выполнен эксперимент с целью доказательства, что деятельность конструирования личностно ориентированного учебника физики студентом технического вуза есть способ эффективного управления усвоением/ освоением им нового знания на/ после лекционном занятии. Технология достижения цели строилась на комплексном использовании коррекции и индивидуальной помощи студенту. В качестве дидактических инструментов технологии использовались: внешняя обратная связь в форме корректирующих воздействий на студента со стороны преподавателя и внутренняя – в форме рефлексии студента.

Учебный курс физики, состоящий из лекций (34 час.), практических занятий (17 час.) и лабораторных работ (17 час.), студенты изучали в течение семестра. Экспериментальные и контрольные потоки занимались под руководством одного преподавателя. Различие учебных процессов в потоках было лишь технологическим: экспериментальный поток усваивал деятельность конструирования личностно ориентированного учебника (деятельность конспектирования вербального текста и деятельность составления опорного конспекта укрупнёнными дидактическими единицами невербального текста), слушал, понимал и записывал лекцию, а контрольный – слушал, понимал и записывал лекцию. Использовались два способа замера эффективности:

- первый заключался в том, что после каждой лекции на внеаудиторном занятии в том и другом потоках студенты выполняли самостоятельную работу, содержащую элементы знаний, с которыми они только что ознакомились на лекции, используя книжную и электронную информацию;
- второй – в текущей аттестации (три аттестации в семестр) и итоговой в форме тестирования.

Для обработки экспериментальных данных использовались методы математической статистики.

В конце каждого семестра с тем, чтобы выявить отношение студентов к новой технологии работы с конспектом лекции, было проведено анкетирование в обоих потоках. Результат: большинство студентов экспериментального потока отметили, что они самостоятельно могут понять вербальный и невербальный текст: выполнить деятельность конспектирования лекции и деятельность составления опорного конспекта учеб-

ной и профессиональной информации на бумажном или электронном носителе.

Таким образом, в период, когда учебная книга параллельно существует с электронным учебником, усвоение студентом деятельности конструирования личностно ориентированного учебника и конструирование им личностно ориентированного модуля учебника-конструкции разрешит проблему создания учебника физики нового поколения для студентов технического вуза и органичного его включения в единую образовательную среду.

Литература

1. Выготский Л. С. Педагогическая психология. - М.: Педагогика - Пресс, 1996.
2. Гальперин П. Я. Общий взгляд на учение о так называемом поэтапном формировании умственных действий, представлений понятий // Вестн. Моск. ун-та. Психология. - Сер. 14. - 1998. - № 2.
3. Дубик М. А. Современный учебник и его конструирование (на примере личностно ориентированного преемственного учебника физики для технических вузов): монография. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2010.
4. Дубик М. А. Формирование информационно-коммуникативной компетентности у студентов технического вуза (на примере освоения курса физики): Учеб.-метод. пособие. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.
5. Лемешев О. Г. Взаимосвязь аспектов внимания с точки зрения психологии и социологии в методике преподавания // Социология, ментология и психология личности. - 2001. - № 6.
6. Талызина Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. - М.: МГУ, 1975.

ПРИМЕНЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ГИПОКСИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ПОДГОТОВКЕ БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ ДИСТАНЦИИ

APPLICATION OF VARIOUS HYPOXEMIC SYSTEMS IN TRAINING OF MIDDLE DISTANCE RUNNERS

Мутаева И.Ш., Кузнецова З.М., Морозов А.И.

*Набережночелнинский филиал Поволжской государственной академии физической культуры,
спорта и туризма, г. Набережные Челны, Россия*

Mutaeva I.S., Kuznetsova Z.M., Morozov A.I.

*Naberezhnye Chelny branch of the Volga Region State Academy of Physical Culture,
Sports and Tourism, Naberezhnye Chelny, Russia*

В статье рассматривается проблема подготовки бегунов на средние дистанции с использованием эргогенических средств. Определено, что использование различных гипоксических систем в тренировке бегунов на средние дистанции позволяет повышать эффективность тренировочного процесса. В исследовании использована респираторная нагрузка с применением гипоксикатора «Вершина» и диафрагмальной маски «Elevation training mask».

Ключевые слова: гипоксические системы, бегуны, средние дистанции, гипоксикатор «Вершина», диафрагмальная маска «Elevation training mask».

The article is devoted to the problem of middle distance runners with ergogenic funds training. The use of hypoxic training systems in middle-distance runners training can improve efficiency of the training process. The respiratory load using hypoxikator «Peak» and diaphragmatic mask «Elevation training mask» is used in the research.

Keywords: hypoxic system, runners, middle distance hypoxikator «Peak», diaphragmatic mask «Elevation training mask».

Введение

Привлечение в тренировочный процесс бегунов на средние дистанции новых методов с применением новых средств позволяет значительно расширить диапазон адаптационных возможностей организма спортсменов. В этом плане широкой популярностью пользуются различные гипоксические системы, которые используются спортсменами в тренировочном процессе и во время отдыха. Гипоксические системы предусма-

тривают интенсификацию тренировочного процесса, индивидуализацию на основе выявления резервных возможностей спортсменов, подбор тренировочных средств с учетом подготовленности с целью проведения специальной работы по максимальному развитию тотальной функциональной работоспособности [1,2,3,4].

Анализ литературных источников показывает, что различные варианты гипоксической стимуляции использовали как отечественные, так и

зарубежные спортсмены: к примеру, олимпийская чемпионка в стипльчейзе Юлия Зарипова, олимпийский чемпион в беге на средние дистанции Юрий Борзаковский, чемпионка мира по бегу на пересеченной местности Паула Рэдклиф, олимпийский чемпион, пловец Эд Мозес, знаменитая мировая триатлонистка Мишель Джонс, рекордсмен США по марафону Дэйв Моррис, олимпийский призер Зимней олимпиады Катерина Нейманова, чемпион мира по велосипедному спорту Мэри Холден. Подобные факты свидетельствуют, что использование методов гипоксической тренировки позволяет спортсмену развивать и реализовывать физиологические преимущества для достижения более высоких результатов.

Вместе с тем, работы, освещающие особенности применения интервальной экзогенно-респираторной тренировки (ИЭРТ) при подготовке бегунов на средние дистанции, отсутствуют.

Цель нашего исследования: разработать и экспериментально обосновать методику применения интервальной экзогенно-респираторной тренировки в подготовку бегунов на средние дистанции.

Методика и организация исследования

Для решения поставленной цели в ходе нашего исследования применялся комплекс методов, адекватно отражающих рассматриваемую проблему. Опытно-экспериментальной базой явились НФ ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ» и МАОУ ДОД ДЮСШ «Яр Чаллы» г. Набережные Челны, эксперимент проводился в период 2011-2012 гг. В исследовании принимали участие 40 легкоатлетов в возрасте 18-22 лет. Были сформированы контрольная (КГ) и три экспериментальные группы (ЭГ-1, ЭГ-2, ЭГ-3) по 10 человек одинаковой физической и функциональной подготовленности в каждой. Квалификация ис-

пытующих варьировалась от первого разряда до мастера спорта.

Для выявления методики ИЭРТ в тренировочный процесс ЭГ-1 был включен гипоксикатор «Вершина», ЭГ-2 – диафрагмальная маска «Elevation training mask», в ЭГ-3 использовалась методика ИЭРТ (сочетание вышеназванных аппаратных средств). Контрольная группа занималась по традиционной программе спортивной подготовки для ДЮСШ.

При применении гипоксикатора «Вершина» учитывались следующие особенности: при выдохе воздух с пониженным содержанием кислорода и повышенным содержанием углекислого газа проходит через абсорбент, поглощающий углекислый газ, и поступает в дыхательный мешок. При вдохе газовая смесь из мешка снова проходит через поглотитель, смешивается с небольшим количеством атмосферного воздуха, поступающего через отверстия в верхней и нижней частях корпуса, образуя гипоксическую смесь. Применение прерывистой гипоксии, как дополнительного средства, проходило циклично в фракционированном режиме: дыхание смесью 5 мин., затем дыхание атмосферным воздухом – 5 мин. (один цикл), за период эксперимента использовалось 6 циклов. Участники экспериментальной группы 1 проходили 6 циклов дыхания 6 дней в неделю в течение 6 недель. В течение одного цикла дыхания содержание кислорода во вдыхаемой газовой смеси уменьшалось с 21 % об. до 10 % об. Использование гипоксической системы проводилось днем через 40 мин. после первой тренировки и до второй тренировки за 40-60 мин.

Участники ЭГ-2 20-30 % объема специальной работы выполняли в условиях дыхания с использованием диафрагмальной маски, создающей инспираторно-экспираторное резистивное сопротивление: в непрерывном режиме, осуществляя дыхание с сопротивлением в течение 10-

15 минут при пробегании дистанций на расстояние 5-6-10 км; а также включали в интервальном режиме воздействия циклами (от 1 до 3 циклов по 5-15 мин) также при выполнении специальной беговой работы.

Участники ЭГ-3 в тренировочном процессе использовали гипоксикатор «Вершина» в сочетании с диафрагмальной маской после первой тренировки и в течение второй.

До и после эксперимента участники всех исследуемых групп обследовались в межкафедраальной лаборатории НФ Поволжской ГАФК-СиТ и тестировались в условиях тренировочного процесса. Нами производились определение физической работоспособности (PWC_{170}), были сняты показатели частоты сердечных сокращений (ЧСС), жизненной емкости легких (ЖЕЛ), максимального потребления кислорода (МПК), специальной подготовленности по результатам пробега основной дистанции. Регистрировались показатели центральной гемодинамики с использованием аппаратного комплекса «Валента».

Результаты исследования и их обсуждение

В результате применения гипоксических систем в течение шестинедельного микроцикла во втором базово-развивающем этапе подготовительного периода (2 недели – апрель) и в предсоревновательном этапе соревновательного периода (4 недели – май) в исследуемых экспериментальных группах исследуемые нами показатели существенно повысились. Отмечены достоверно значимые изменения специальной физической подготовленности в ЭГ-2 и ЭГ-3, данные изменения мы определяли по результатам бега на 800 метров. В ЭГ-1 наблюдаются незначительные изменения, а в КГ даже ухудшение данного показателя.

В ЭГ-3 наблюдается достоверное увеличение показателя общей физической работоспособно-

сти: на 1 этапе он равнялся 1100 ± 41 кГм/мин, на 2 этапе – 1463 ± 45 кГм/мин, прирост составил 33% ($P < 0,05$). В ЭГ-2 показатель общей физической работоспособности на 1 этапе составил 1132 ± 62 кГм/мин, на 2 этапе – 1325 ± 45 кГм/мин, прирост составил – 17,04%. В ЭГ-1 данный показатель на 1 этапе составил 1080 ± 38 кГм/мин, на 2 этапе – 1145 ± 47 кГм/мин, прирост составил всего – 6%. В контрольной группе бегунов показатели общей физической работоспособности изменились незначительно, прирост за период эксперимента составил всего – 0,4%, что незначимо на уровне 0,05.

Среди физиологических тестов, определяющих PWC человека, наибольшее внимание уделяется измерению максимального потребления кислорода (МПК). Предел возможного увеличения потребления кислорода при возрастании интенсивности мышечной работы непосредственно характеризует аэробную производительность организма, его работоспособность. МПК характеризует высшую границу доступного данному организму уровня окислительных процессов, предельно усиленной мышечной работой. МПК зависит от активной массы тела и четко отражает общую физическую работоспособность организма.

Применение различных гипоксических систем в различном сочетании оказало существенное влияние на показатели максимального потребления кислорода. Наблюдается достоверно значимые изменения показателей МПК в трех экспериментальных группах. В КГ показатели МПК на 1 этапе равнялись $3,29 \pm 0,52$ л/мин., на 2 этапе – $3,49 \pm 0,89$ л/мин (прирост 6%). В ЭГ-1 данный показатель на 1 этапе равнялся $3,26 \pm 0,2$ л, на 2 этапе – $3,55 \pm 0,17$ л/мин (прирост 8,9%). В ЭГ-2 – $3,26 \pm 0,47$ л/мин и $3,89 \pm 0,75$ л/мин соответственно (прирост 19,3%). В ЭГ-3 показатель МПК на 1 этапе равнялся $3,23 \pm 0,42$ л/мин и на

2 этапе – $4,28 \pm 0,61$ л/мин, прирост составил 32,5%. В группе легкоатлетов, где использовали респираторную нагрузку с применением гипоксикатора «Вершина» и диафрагмальной маски «Elevation training mask», увеличение максимальной мощности физической нагрузки сопровождалось увеличением ЧСС (от 0,8% до 10%). Диапазон колебаний ЧСС max и ЧСС min в группах следующий: в экспериментальных группах максимальная ЧСС составляет 195,0 – 191,0 уд. мин, минимальная ЧСС – 66,0 – 61,0 уд. мин, а в контрольной группе – 192,5 уд. мин. максимальная и 69,5 уд. мин. минимальная ЧСС. Показатели ЧСС в покое в контрольной группе легкоатлетов на 1 этапе исследования составили $76,0 \pm 2,7$ уд. мин., ко второму этапу изменились до $75,0 \pm 2,2$ уд. мин. (прирост 1,3 %). В ЭГ-1 наблюдается незначительное урежение ЧСС: в начале – $79,0 \pm 2,5$ уд. мин, в конце – $78,0 \pm 3,5$ уд. мин (прирост составил 1,3 %). В ЭГ-2 наблюдается урежение ЧСС от $77,0 \pm 2,8$ уд. мин до $69,0 \pm 2,7$ уд. мин. (прирост 11,5%). В ЭГ-3 наблюдается урежение ЧСС от $72,0 \pm 2,8$ уд. мин до $62,0 \pm 2,8$ уд. мин (прирост 13,8%).

Следовательно, эффективная организация учебно-тренировочного процесса бегунов экспериментальных групп с применением различных гипоксических систем способствует улучшению общей физической работоспособности, при этом при применении маски «Elevation training mask» в сочетании с гипоксикатором «Вершина» результаты изменились в большей степени.

Нами отмечено, что у легкоатлетов экспериментальной группы интенсификация внешнего дыхания при физических нагрузках в большей степени происходит за счет учащения дыхания и за счет отчетливого возрастания ЖЕЛ и ФЖЕЛ. В контрольной группе легкоатлетов показатели ЖЕЛ от начала к концу эксперимента изменились от 3900 ± 143 мл до 3910 ± 123 мл. В ЭГ-1 и ЭГ-2

в показателях ЖЕЛ и ФЖЕЛ наблюдается отчетливое возрастание к концу эксперимента. В процессе систематических применений гипоксических систем в тренировке легкоатлетов улучшается нейрогуморальная регуляция дыхания при мышечной работе, отмечается нарастание процессов экономизации системы дыхания и в условиях покоя и при стандартных физических нагрузках. В течение шести недель в экспериментальных группах было отмечено увеличение показателей ЖЕЛ от 300 до 355 мл (прирост 9,2%).

Все вышеизложенное позволяет заключить, что использование гипоксических систем в тренировочном процессе легкоатлетов способствует повышению экономичности функционирования как респираторной системы, так и всего организма в целом. Отсюда становится понятным существенное повышение результативности у спортсменов, использовавших гипоксическую тренировку: на этапе высшего спортивного мастерства именно факторы экономичности и эффективности определяют повышение спортивного результата.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что систематическое использование гипоксикатора «Вершина» и диафрагмальной маски, особенно их в сочетании друг с другом в тренировочном процессе легкоатлетов оказывают положительное влияние на изучаемые показатели, способствуют значительному повышению специальной физической подготовленности, экономичности и эффективности дыхательной функции (по показателям ЖЕЛ и ФЖЕЛ) при физической нагрузке, росту аэробной производительности организма (по показателям МПК) и общей физической работоспособности.

Таким образом, использование различных гипоксических систем обеспечивает существенное повышение аэробной производительности,

способствует экономичности и эффективности функционирования системы дыхания и организма в целом. Вместе с тем, применение такой нагрузки на дыхание в непрерывном режиме (при выполнении беговой нагрузки) обеспечивает более высокую физическую работоспособность как при умеренной, так и в некоторой степени при

максимальной мощности физической нагрузки. Данные обстоятельства позволяют рекомендовать выше рассмотренные режимы применения гипоксических систем для практического использования в тренировке легкоатлетов различной квалификации как дополнительного адаптационного фактора.

Литература

1. Камалова, Э. И. Эффективность применения интервальной гипоксической тренировки в подготовке мужской сборной пловцов-ветеранов / Э. И. Камалова // Теория и практика физической культуры. - 2008. - N 10. - С.89-92. - Библиогр.: с. 92.
2. Платонов, В.Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте / В.Н. Платонов. - Киев: Олимпийская литература, 1997. - 584 с.
3. Платонов, В.Н. Теория и методика спортивной тренировки / В.Н. Платонов. - Киев: Виша школа, 1984. - 352 с.
4. Шамардин, А.А., Применение эргогенических средств в подготовке спортсменов. Монография. / А.А. Шамардин. - Саратов: Научная книга, 2008.- 209 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ)

CHILD CARE IN MODERN RUSSIA (IN CONTEXT OF HUMANISTIC PARADIGM OF EDUCATION)

Имнаев Ш.А., Бабченко А.П., Кичко Е.В., Осадчий А.И.
*Пятигорский государственный лингвистический университет,
г. Пятигорск, Ставропольский край, Россия*

Imnaev S.A., Babchenko A.P., Kichko E.V., Osadchy A.I.
*Pyatigorsk State Linguistic University,
Pyatigorsk, Stavropol region, Russia*

Современная социально-экономическая ситуация, модернизация общества в целом, выдвигают необходимость обоснования методологии, теории и практики социальной защиты

детства, поиск оптимальной модели ее функционирования в современной России в аспекте гуманистической парадигмы образования. На основе рассмотренных автором концептуальных идей предложена региональная модель социальной защиты детства, представленная межведомственными уровнями интеграции целей, содержания, форм и методов взаимодействия субъектов, критериями и показателями социальной защищенности детства.

Ключевые слова: модель, детство, защита, методология, теория, практика.

Modern socio-economic conditions, modernization of society in whole, advance the necessity of child care methodology, theory and practice substantiation. The author of the article supposes that optimal model of child care in modern Russia must have functioned in the aspect of humanistic paradigm of education. The author describes the regional model of child care, its interdepartmental levels of integration of aims, content, forms and methods of subjects' interaction, the criteria and indicators of child care.

Keywords: model, childhood, protection, methodology, theory, practice.

Международные процессы второй половины XX столетия способствовали усилению признания ценности мира детства. Для России значимость проблемы социальной защиты детства особенно очевидна в нынешних условиях реформирования всех социальных сфер. К сожалению, процесс модернизации современного общества вводит мир детства в противоречивую парадигму преобразовательной деятельности, повлекшей за собой множество локальных и глобальных проблем, ухудшающих положение детей: расслоение населения на бедных и богатых, нищету и социальную незащищенность, безответственность и моральный инфантилизм взрослых, межнациональные конфликты и войны, снижение качества образования, коммерциализацию социально-педагогической инфраструктуры, падение нравственных устоев общества, стрессовые ситуации и т.п.

Изучение литературных источников и исследований позволяет нам констатировать тот факт, что состояние социальной защиты детства в России как общественного института свидетельствует о дефиците теоретико-методологического

обоснования его сущности и содержания в контексте гуманистической парадигмы образования. В условиях модернизации образования основные концептуальные подходы к проблеме социальной защиты детства недостаточно определились – отсутствует четкая формулировка понятия «социальная защита детства», впрочем, как и единство точек зрения при определении ее содержания, технологий, форм, методов, средств. В научных источниках слабо обоснованы и концептуальные подходы к построению системы социальной защиты детства на региональном уровне в аспекте гуманизации образования и весьма не достаточен практический опыт в данном направлении. В целом, совокупность обсуждаемых положений демонстрирует полифонический взгляд на механизм совершенствования социальной защиты подрастающего поколения, характеризующийся разрозненностью и фрагментарностью теоретических идей. Все это позволяет сделать важный, на наш взгляд, вывод: теоретическая идентификация социальной защиты детства в рамках гуманистической педагогической парадигмы еще не состоялась на должном уровне.

Анализ современных исследований позволил выявить многогранность феномена «детства» – философского, психологического, социологического, педагогического. В различных отраслях знания понятие детства трактуется по-разному, что порождает трудности при комплексном исследовании проблем детей с позиций их социальной защиты. Предметом изучения являются не дети, а определенные стороны их жизнедеятельности, тем самым разрозненность информации не позволяет воссоздать целостную картину феномена детства. Детство рассматривается как целостное специфическое социальное явление, находящееся во взаимосвязи со многими другими явлениями социального мира. С учетом специфики исследования, опираясь на проведенный подробный анализ феномена детства в рамках различных областей знания, был определен единый подход в трактовке понятия детства.

Под детством мы понимаем пространственно-временной феномен (от рождения до 18 лет), период формирования и развития важнейших функций организма ребенка, его социализации, становления как личности (происходит активное усвоение знаний, навыков, умений, ценностей, социального опыта), а поэтому нуждающийся в особой заботе и помощи государства. Феномен детства понимается нами как целостное, интегративное социокультурное явление, отношение к которому определяет адекватная социальная политика государства и ее практическая реализация на всех уровнях; это отношение социальных институтов к детям через создание необходимых условий для индивидуального личностного развития, защиты прав каждого ребенка. Детство в нашем исследовании представлено как основная ценность человеческой жизни, требующая к себе особого подхода, заботы и защиты.

Анализ концептуальных подходов к рассматриваемой проблеме позволил определить

собственную позицию к проблеме социальной защиты детства в контексте гуманистической парадигмы образования. Под социальной защитой детства следует понимать осуществляемые обществом и его официальными структурами организационные, правовые, финансово-экономические, медицинские, социально-психолого-педагогические мероприятия по обеспечению гарантированных условий жизни, поддержания жизнеобеспечения и гармоничного развития ребенка. Педагогические аспекты социальной защиты заключаются в обеспечении социальной защищенности мира детства, удовлетворении потребностей и интересов каждого ребенка, содействии его социализации и оптимальной жизнедеятельности средствами образования. Главнейшей методологией социальной защиты детства является гуманистическая обусловленность образования, направленная на создание условий для полноценного личностного развития, базирующаяся на ценностно-смысловом единстве действий педагога и ребенка, ориентиром которого является ребенок как наивысшая ценность и субъект собственного саморазвития.

Ядром нашего исследования выступает региональная модель социальной защиты детства, представленная нами в виде концепции, включающей ее теоретико-методологическое обоснование, содержательную и технологическую характеристики. Методологической основой концептуальной модели является интегративное единство подходов: гуманистического, аксиологического, комплексного, дифференцированного, компетентностного, системно-структурного, при этом определяющим выступил системно-структурный подход, являясь смыслообразующим при определении всех аспектов социальной защиты несовершеннолетних. Ключевыми принципами реализации обозначенных подходов выступили: гуманистической направленности обра-

зования, субъектности, культуросообразности, детствосохранения, согласованности решения взаимосвязанного круга задач, одномоментности вовлечения специалистов, дифференциации, целостности, структурности и управляемости, компетентности. Важнейшей составляющей теоретико-методологического обоснования концепции региональной модели социальной защиты детства является метод моделирования, позволивший разработать теоретическую модель пространства социальной защиты детства, основанную на «тетраде пространственных понятий» теоретической модели образовательного пространства [2, 341]. Нами сформулировано понятие «пространство социальной защиты детства», под которым понимается территориально-обозначенное открытое социальное пространство, интегрированное в образовательное пространство, в котором осуществляется созидательно-интегрирующая деятельность субъектов социальной защиты детства по обеспечению социальных гарантий детства на основе сохранения социокультурных ценностей и традиций, направленная на создание конкретных педагогических условий и возможностей эффективного процесса социализации, самореализации и саморазвития индивида. Теоретическая модель пространства социальной защиты детства представлена двумя осями – осью районирования и осью смыслообразования, определяющими «тетрады пространственных понятий»: метатекст, место ребенка, системы социальной защиты детства, социально-педагогическая инфраструктура. На оси смыслообразования – метатекст и место ребенка, на оси районирования – системы социальной защиты детства и социально-педагогическая инфраструктура. Ось районирования означает функционирование множества систем социальной защиты разного уровня – федеральная, региональные и муниципальные системы, строго упорядоченных,

функционирующих во взаимосвязи друг с другом. Государственно-общественный характер социальной защиты детства говорит о том, что в ней участвуют самые разнообразные субъекты, действия которых могут быть разрозненные, но сохраняющими общий вектор – обеспечение социальных гарантий детства. Социально-педагогическая инфраструктура понимается нами как подсистема системы социальной защиты детства, характеризующаяся совокупностью связей учреждений социальной инфраструктуры детства и обеспечивающая эффективность процесса социальной защиты несовершеннолетних. В основе социально-педагогической инфраструктуры лежит целенаправленный процесс взаимодействия субъектов социальной защиты детства – педагогов, воспитателей, социальных педагогов, социальных работников – и индивида (группы индивидов), объединенных общей социальной ситуацией. Ось смыслообразования достраивает системы социальной защиты, превращая их в единое пространство. Метатекст характеризует в целом пространство социальной защиты детства: устанавливает ценности и смыслы, цели и задачи социальной защиты детей, определяет социальные стандарты, гарантии мира детства, регламентирует деятельность субъектов социальной защиты детства, их компетенцию. Метатекст социальной защиты детства подобно метатексту образовательного пространства также имеет иерархическую структуру: метатексты федерального, регионального и местного уровня (содержание, законодательная и нормативная правовая база, стандарты защиты детства и т.п.). Особым метатекстом в модели представлен социальный педагог и социальный работник как субъекты метатекстовой деятельности, которые выполняют функции транслятора государственной идеологии защиты подрастающего поколения через технологии, частные методики взаимодействия

с клиентами в пространстве социальной защиты детства. Имеющийся комплекс метатекстов определяется существующими в тот или иной период ценностями, смыслами. Значимое место в метатексте занимает национально-региональный компонент, определяющий содержание социальной защиты несовершеннолетних в социокультурных условиях.

Содержательную доминанту пространства социальной защиты детства составляет место ребенка как субъекта гуманистического личностно-ориентированного образования и объекта социальной защиты. Место ребенка в пространстве социальной защиты детства определено как его личное социальное поле, социокультурное пространство, в котором происходит процесс его социализации, где компонентами выступают: социум; правовое пространство; культурное пространство.

Учет выше обозначенных теоретико-методологических оснований позволил научно обосновать и разработать концепцию региональной модели социальной защиты детства, призванную быть теоретическим и практическим ориентиром в реализации государственной политики в интересах детей на уровне субъекта Российской Федерации. Сущностная характеристика содержательных доминант концепции представлена совокупностью основных идей, лежащих в основе моделирования региональной модели социальной защиты детства:

- идея пространства социальной защиты детства, определяющая статус ребенка в обществе, его личностную траекторию развития, вектор помощи и поддержки средствами образования, созидательно-интегрирующей деятельности субъектов социальной защиты детства, региональными социокультурными ценностями и традициями;
- идея объектности-субъектности, позволяющая осмыслить ребенка, детство, педагога, средства, формы, методы и другие составляющие социальной защиты детства с позиций гуманистического образования, социального менеджмента и ценностного отношения к личности каждого ребенка, обуславливающих изменчивость и устойчивость, переход и взаимодополняемость их позиций и статусов;
- идея отношения к ребенку как наивысшей ценности жизни человека, субъекта, обладающему правом на собственное развитие, защиту его интересов и потребностей, выступающему системообразующей ценностью и ядром социальной защиты детства.

Основными принципами построения региональной модели социальной защиты детства выступили: методологические, организационно-распределительные, психолого-педагогические, деятельностно-функциональные, социально-политические (рис.1).

Процесс модернизации современного образования, проявляющийся в смещении вектора доминирующей гуманистической образовательной парадигмы со знаниевого (преимущественной трансляции и освоения знаний, умений, навыков) на компетентностный подход (создание условий для овладения комплексом компетенций, способствующих формированию определенных качеств личности), обусловил формирование профессиональной компетентности будущих специалистов социально-педагогической инфраструктуры. Рассмотрение проблемы реализации компетентностного подхода в аспекте социальной защиты детства в гуманистической парадигме образования выступает приоритетной целью подготовки квалифицированного работника соответствующего

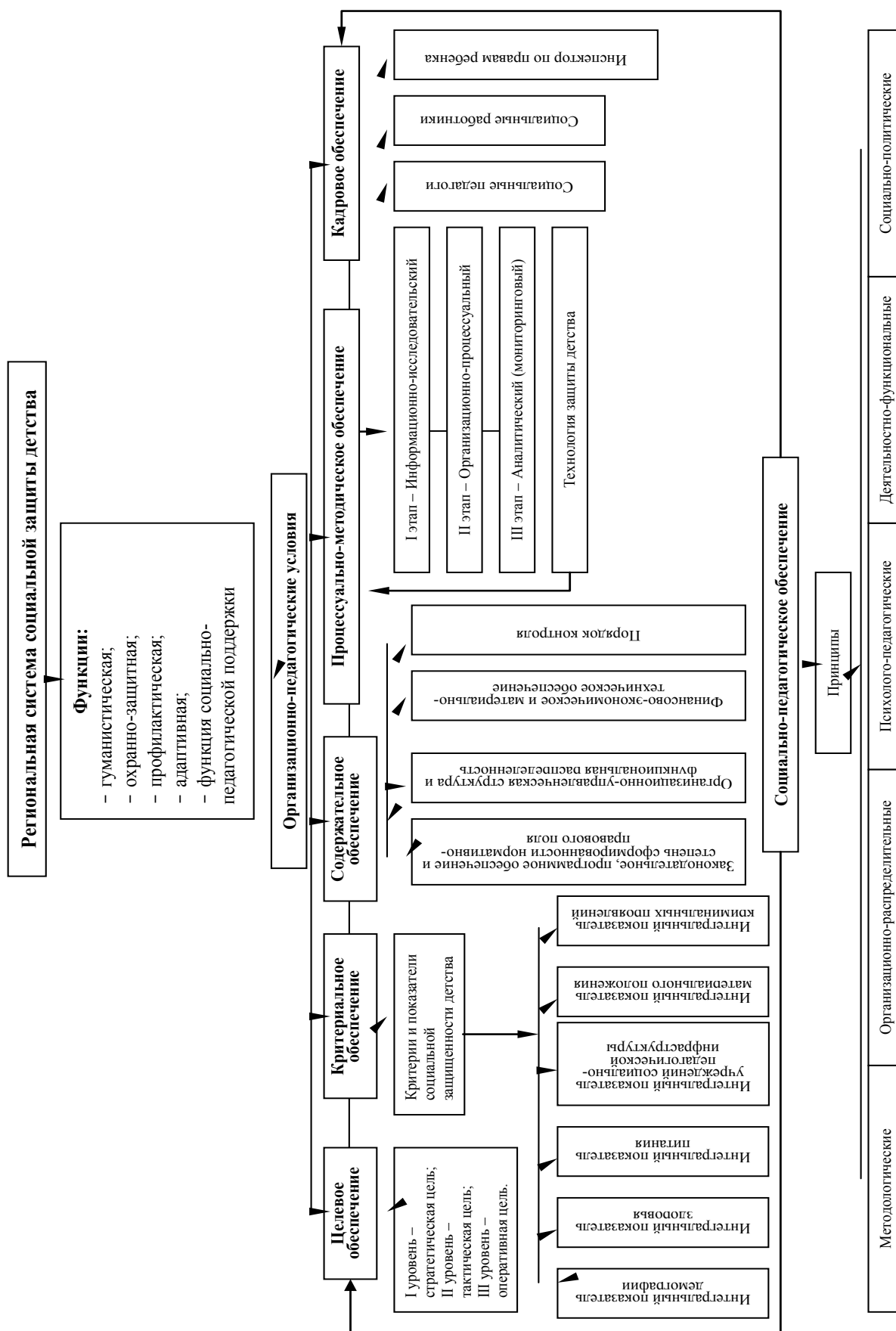

Рис. 1. Прогностическая модель региональной системы социальной защиты детства

уровня и профиля к деятельности по социальной защите подрастающего поколения.

В процессе исследования была разработана модель подготовки студентов – будущих социальных педагогов и социальных работников – к осуществлению данной деятельности. Основными компонентами модели выступили ее содержательное (программное обеспечение, критерии, показатели и уровни сформированности профессиональной компетентности специалистов), процессуальное (этапы подготовки студентов к деятельности по социальной защите детства) и методическое (формы, методы, содержание учебной деятельности) обеспечение. Содержательной канвой модели выступила программа подготовки студентов к деятельности по социальной защите детства. Цель данной программы заключалась в формировании профессиональной компетентности будущих специалистов в области социальной защиты детства. Основу программы составил междисциплинарный интегративный подход в процессе преподавания определенных гуманитарных дисциплин по специальностям 031300 «Социальная педагогика» и 350500 «Социальная работа». Организация образовательного процесса, направленного на подготовку будущих специалистов к деятельности по социальной защите детства в социокультурных условиях Ставропольского края легла в основу процессуального компонента и осуществлялась поэтапно:

- первый этап – мотивационный (1-2 курсы). Это начальный этап, ориентированный, прежде всего, на знакомство студентов со спецификой профессиональной деятельности социального педагога и социального работника.
- второй этап – когнитивно-коммуникативный (3-4 курсы) – ориентирован на развитие компетенций познавательной деятельности, коммуникативных навыков,

формирование знаниевого компонента профессиональной деятельности в сфере социальной защиты детства.

- третий этап – креативно-деятельностный (5 курс) – завершающий этап, предполагающий формирование навыков самостоятельного поиска решения социальных проблем клиентов, профессиональное творчество на практике, творческое применение полученных знаний и имеющегося опыта, предвидение перспектив.

Содержательная канва модели социально-педагогической поддержки представлена квинтэссенцией трех организационно-функциональных полей (субъект-субъектного, функционально-деятельностного, результативного), педагогическими составляющими выступили цель, задачи, субъекты, принципы, технологии, формы, методы, условия эффективности, конечный результат, а также характер трудной жизненной ситуации индивида (группы индивидов), которые образуют некое системное целое, педагогические условия социально-педагогической поддержки.

Цель социально-педагогической поддержки заключается в устранении препятствий, мешающих успешному самостоятельному продвижению ребенка в образовании. Основные *задачи* социально-педагогической поддержки заключались в обеспечении безопасности и защиты подрастающего поколения, предоставлении необходимой помощи каждому ребенку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, посредством активизации субъектов социальной защиты детства. Учитывая, что в основе социально-педагогической поддержки лежит двусторонний субъект-субъектный процесс, поэтому субъектами ее выступили, с одной стороны, профессиональные специалисты – социальные педагоги и социальные работники, а также учителя, воспитатели, роди-

тели, с другой – субъекты гуманистического образования (индивид, группа индивидов, объединенных общей социальной ситуацией). Обращение к научной литературе [1, 15; 3, 277], изучение отечественного и зарубежного опыта социально-педагогической деятельности, собственный опыт работы позволили нам определить следующие *принципы социально-педагогической поддержки*, которые легли в основу разработанной модели: гуманизма; принцип культуросообразности; целостности; субъектности; индивидуализации; своевременности; адаптивности и актуальности

деятельности; толерантности, милосердия, эмпатии.

В целом проведенное исследование позволяет утверждать, что социально-педагогическое обеспечение региональной модели социальной защиты детства способствовало эффективности социальной защиты несовершеннолетних в регионе и позволило поднять ее на новый качественный уровень, что имеет научную и практическую ценность в процессе гуманизации современного образования.

Литература

1. Бондаревская, Е.В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания / Е.В. Бондаревская // Педагогика. – 1995. - №4. – С. 14-19.
2. Борисенков, В.П. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования / В.П. Борисенков, О.В. Гукаленко, А.Я. Данилюк. - М.: Педагогика, 2006. – 464 с.
3. Дронова, Е.Н. Социально-психологическая поддержка личности / Е.Н. Дронова // Философия образования. – 2007. – № 2. – С. 276-280.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРОВ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

INTERDISCIPLINARY INTEGRATION OF THE CONTENT OF MATHEMATICAL PREPARATION OF ENGINEERS ON THE BASIS OF COMPETENCE APPROACH

Беришвили О.Н.

*Самарская государственная сельскохозяйственная академия,
п.г.т. Усть-Кинельский, Самарская область, Россия*

Berishvili O.N.

Samara State Agricultural Academy, Ust-Kinel, Samara region, Russia

В статье рассмотрены вопросы повышения качества инженерного образования в контексте формирования информационно-математической компетентности будущих специалистов.

Ключевые слова: инженерное образование; междисциплинарная интеграция; информационно-математическая компетентность.

In article questions of improvement of quality of engineering education in a context of formation of information-mathematical competence of future experts are considered.

Keywords: engineering education; interdisciplinary integration; information-mathematical competence.

Инновационный путь развития российской экономики требует обеспечения инженерными кадрами, способными решать задачи, определяемые новыми технологическими укладами, информационным обществом, инновационными формами экономической деятельности. Изменившиеся социальные и производственные условия, характер решаемых профессиональных задач, предъявляют к современному инженеру повышенные требования, одним из которых является сформированность комплексного восприятия явлений, предполагающего, в качестве основы, наличие трансдисциплинарных знаний и умений. В профессиональной педагогике актуализируется проблема модернизации содержания образования на основе междисциплинарной интеграции предметных областей знаний, с целью формирования профессиональных компетенций будущих специалистов.

Идеи интеграции широко исследуются учеными из различных отраслей педагогической науки, а способность к интегрированию, синтезированию и анализу знаний рассматривается как одна из наиболее значимых в процессе овладения студентами содержанием образования (Н.С. Антонов, И.Д. Зверев, П.Г. Кулагин, В.Н. Максимова и другие). В связи с чем, определена цель исследования – обосновать необходимость междисци-

плинарной интеграции математической подготовки, способствующей формированию базовой составляющей профессиональной компетентности выпускника инженерного вуза – информационно-математической компетентности.

Теоретические основы профессиональной подготовки инженеров в техническом вузе нашли отражение в работах В.Г. Горохова, Н.Н. Грачёва, М.А. Розова, В.С. Стёпина и др. На страницах научно-педагогических журналов («Высшее образование в России», «Высшее образование сегодня», «Alma mater», «Инженерное образование») обсуждаются вопросы повышения качества инженерного образования, что подтверждает актуальность проблемы исследования, которая представлена в педагогике различными аспектами: рассмотрены тенденции подготовки инженеров (Р.В. Габдреев, З.С. Сазонова и др.); выделена специфика инженерной деятельности (В.Г. Горохов, В.А. Кайдалов, В.М. Розин, Ю.А. Голиков, В.П. Рыжов и др.), обоснован её инновационный характер (Б.Л. Агранович, М.А. Соловьёв, А.И. Чучалин и др.); доказана эффективность качественного подхода к качеству образования в рамках компетенций инженеров (Ю. К. Чернова, С. Ш. Палферова, Н. А. Селезнева, А. И. Субетто); дана оценка качества познавательной деятельности будущих инженеров (В.М. Жура-

ковский, С.Ф. Артюх); качество инженерного образования рассматривалось в контексте формирования профессионально-значимых качеств (Н.Н. Маливанов, Н.П. Чурляева, Л.В. Ястребова).

Определяя современные цели и результаты профессионального образования, исследователи рассматривают в единстве систему качеств личности выпускника вуза, обеспечивающих способность и готовность успешно осуществлять профессиональную деятельность. Такая система когнитивных, мотивационных, деятельностных, рефлексивных качеств личности интегрирует понятие компетентности (В.И. Байденко, В.А. Болотов, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, Н.Д. Никандров, М.В. Рыжаков, В.В. Сериков, А.И. Субетто, Ю.Г. Татур, И.Д. Фрумин, В.Д. Шадриков, А.В. Хуторской и др.). В компетентностном подходе профессиональная компетентность определяет качество профессионального образования и становится его целью. Различные виды профессиональной компетентности будущего инженера рассматривались И.А. Гетманской, Г.И. Илларионовой, Л.К. Иляшенко, И.В. Шукуровой, Е.Т. Хачатуровой и другими.

Ассоциация инженерного образования России (М.Г. Минин, А.И. Митин, Ю.П. Похолоков, А.И. Чучалин и др.) рассматривает компетентностный подход как инновационный и продуктивный. Вместе с тем его реализация в инженерных вузах, в сравнении с другими категориями вузов, представляет собой сложную научно-методическую задачу, поскольку инженерное образование, «является самым наукоемким из всех сфер образования, во-первых, потому, что изучаемые предметы сложны для освоения, а во-вторых, темп обновления знаний самый большой именно в технике и технологии» [1].

Учет указанной специфики инженерного образования определяет требования к фундамен-

тальным дисциплинам в инженерном вузе, в том числе, дисциплинам математического цикла. По мнению ученых (Г.А. Бокаревой, В.В. Евстигнеева, М.В. Носкова, С.С. Торбунова, В.А. Шершневой и др.) именно математические знания должны занимать центральное место в процессе подготовки современного инженера. Недостаточный уровень математической подготовки в процессе обучения будущих инженеров приводит к тому, что при изучении общетехнических и специальных дисциплин происходит простое накапливание информации без глубокого понимания сущности происходящих процессов, их взаимосвязи и практического использования. В исследованиях показано, что математическая подготовка является неотъемлемой и важной составной частью компетентности инженера. Влияние математических знаний на качество профессиональной деятельности обосновано в трудах О.В. Авериной, Р.А. Блохиной, С.А. Севостьяновой, С.А. Шунайловой и других. Таким образом, актуализируется проблема формирования математической компетенции как основы эффективной деятельности инженера в современном техническом пространстве.

Инженер, выполняя свои функциональные обязанности, в условиях информатизации общества и развития рыночной экономики, постоянно сталкивается с необходимостью поиска и переработки информации. В соответствии с этим профессия современного инженера в аспекте его взаимодействия с техникой и технологиями тесно связана с информационной деятельностью. Следовательно, информационная компетентность становится важным качеством личности будущих инженеров, благодаря которому повышается результативность работы, обеспечивается социальный и профессиональный рост, конкурентоспособность на рынке труда.

Современное состояние науки и производства, переход к более высокому уровню информатизации инженерной деятельности приводит к необходимости дополнить математическую компетентность информационной компетентностью – совокупность личностных свойств, интегрирующих профессионально значимые знания и умения, обеспечивающих необходимый в конкретной профессии уровень получения, переработки, передачи, хранения и представления профессионально детерминированной информации.

Для выявления уровня использования информационных технологий и изучения потребностей в компьютерных знаниях и умениях будущих инженеров агропромышленного комплекса (АПК) Самарской области был проведен опрос педагогов СГСХА, а также научных сотрудников НИИ селекции и семеноводства, ВИИСХМа, непосредственно занимающиеся разработкой проблем компьютеризации АПК.

Респондентам было предложено дать оценку необходимого и достаточного для них уровня освоения компьютерных знаний и умений, представляющих структуру информационной компетентности специалиста их профессии. Сравнение средних оценок по группам базовых, универсальных и специализированных знаний и умений показывает, что субъективное ощущение необходимости в максимальной степени проявилось по отношению к специализированным знаниям и умениям, имеющим наиболее четко выраженную направленность на конкретную профессиональную среду (3.89 балла).

Ниже (3.71 балла) оценена потребность в универсальных знаниях и умениях, имеющих межпрофессиональное значение и пригодных для использования во многих областях профессиональной деятельности. Достаточно высокая, оценка потребности в универсальном программном обеспечении связана с пониманием важности

приобретения профессиональной мобильности, особенно необходимой в условиях неустойчивой конъюнктуры занятости и высокой вероятности смены профессии в будущем.

Меньше других оказалась субъективная потребность в базовых компьютерных знаниях и умениях (3.44 балла), что можно отнести за счет распространенной недооценки значимости базовой подготовки, непонимания ее определяющей роли в обеспечении любого, даже минимального успеха в работе с универсальными и профессиональными программами. Таким образом, высокий общий уровень потребностей работников АПК в компьютерной подготовке сопровождается заметными различиями по отношению к ее базовому, универсальному и специализированному блокам. Исследование мотивационно-потребностной сферы личности позволило выявить преобладающие мотивы применения компьютерных технологий в практике профессиональной деятельности и показало весьма высокий общий уровень потребностей работников АПК в освоении этих технологий.

Особая роль в формировании информационной компетентности принадлежит математике, которая изучает метод математического моделирования – основы применения информационных технологий в профессиональной деятельности. Информационные технологии, многократно повышают эффективность математических методов в инженерных расчетах и позволяют осуществлять математическое и компьютерное моделирование сложных процессов, новых материалов, техники и технологий, актуализируют формирование информационно-математической компетентности выпускника инженерного вуза, которая в этих условиях, на наш взгляд, становится базовой составляющей профессиональной компетентности. Не случайно, в числе так называемых «ядерных компетенций», которые отнесены

к «национальным ключевым квалификациям» (Стандарты Европейского образования), называются: сбор и организация информации; информационно-коммуникативная способность; компетенции в области математики и ИТ-компетенция.

В связи с тем, что в настоящее время становится реальным использование в вузах компьютерных математических систем, необходим новый взгляд на постановку целей и задач преподавания высшей математики в вузе. В силу большого значения прикладной стороны применения математического аппарата в профессиональной деятельности будущих инженеров, к целям преподавания математики следует добавить: формирование умений автоматизации математических вычислений (численных, символьных, графических) при помощи компьютерных математических систем (в том числе с применением языков программирования); формирование умений построения математических моделей технических процессов с реализацией решений в компьютерных математических средах.

Система компьютерной математики – это программное средство (ПС) или комплекс ПС, функциональное наполнение которых позволяет решать математические задачи любой сложности, с высокой степенью визуализации всех этапов решения. К системам компьютерной математики можно отнести следующие группы ПС: системы для численных расчётов; табличные процессоры; специализированные математические пакеты (в том числе статистические и эконометрические); программы построения графиков функций; универсальные математические системы. Универсальные математические системы (Derive, MuPAD, MathCAD, MatLAB, Mathematica, Maple) позволяют без знания алгоритмов и программ решать на компьютере сложнейшие численные и аналитические задачи; находить производные сложных функций, строить

графики, вычислять пределы, решать системы уравнений и многое другое.

Появление математических пакетов существенно и неоднозначно повлияло на процесс обучения математике и информатике в вузах, стало предметом многих исследований. Так, например, С.А. Дьяченко, проведя анализ дидактических возможностей системы Mathematica фирмы Wolfram Research Ltd., разработала программу и содержание системы лабораторных работ по курсу высшей математики с применением данного ПС для студентов первого курса вузов естественно-технического профиля. При этом, по ее мнению, традиционная парадигма образования «преподаватель – учебник – студент» заменяется новой парадигмой «студент - учебник – преподаватель», отражающей гуманистические тенденции в педагогике. Этот подход позволяет перейти к ее усовершенствованной форме обучения, при которой «компьютер и учебник параллельно используются в учебном процессе» [2].

Е.В. Клименко выделила в качестве средств интенсификации обучения математике будущих инженеров пакет подготовки презентаций Microsoft Power Point, табличный процессор Microsoft Excel, графический редактор Corel Draw, математические пакеты Mathcad и Maple. Использование средств ИКТ, по мнению Е.В. Клименко, позволяет реализовать такие цели обучения, как развитие мышления (пространственного, алгоритмического, интуитивного, творческого, теоретического); формирование информационной культуры, умений осуществлять обработку информации, осуществлять экспериментально-исследовательскую деятельность, принимать оптимальное решение [3].

Вместе с тем, ряд ученых отмечают, что широкое распространение математических пакетов в определенной мере сближает курсы математики и информатики, однако, такое сближение но-

сит скорее негативный характер. Задачи вычислительного характера, визуализация данных и пр. эффективно решаются с помощью этих программ, поэтому прикладная составляющая курса математики становится мало востребованной. Более того, автоматизация прикладной деятельности специалиста ведет к излишне упрощенному представлению о сущности математических методов и связанных с ними фундаментальных математических понятий. Формируется крайне опасное представление, что решение задачи состоит только в выборе подходящих средств. Столь же отрицательно подобная точка зрения влияет на освоение студентами информатики. При таком подходе понятия информационных процессов и взаимодействий, моделирования, систем управления с обратной связью и другие важные с точки зрения приложений информатики к описанию реальных процессов остаются в тени средств информатизации.

Общество и государство должны подумать об опасности компьютеризации без адекватного математического образования. Необходимо учитывать, что грамотное применение систем компьютерной алгебры практически невозможно без четкого понимания основ элементарной и выс-

шей математики, без творческого участия пользователя как в постановке решения задач, так и в контроле и отборе результатов их решения. В большинстве математических систем используются специальные опции и директивы, направляющие решение в нужное русло, в какое именно – должен определить пользователь, владеющий нужными для этого математическими понятиями. Кроме того, именно пользователю необходимо проверить полученные результаты и убедиться в их достоверности.

Таким образом, в профессиональной педагогике становится актуальной проблема модернизации содержания инженерного образования на основе информатизации предметных областей знаний, с целью формирования профессиональных компетенций. При этом, речь должна идти не об интеграции предметов, а об усилении связей между ними, при котором в обучении математике применяются информационные технологии, а в обучении информатике рассматриваются примеры профессионально-значимых математических моделей – при условии сохранения теоретической и практической целостности каждой дисциплины.

Литература

1. Рекомендации парламентских слушаний Совета Федерации. URL: <http://aeer.ru/index.phtml>.
2. Дьяченко С. А. Использование интегрированной символьной системы Mathematica при изучении курса высшей математики в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2005. 24 с.
3. Клименко Е.В. Интенсификация обучения математике с использованием новых информационных технологий. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 2007. 149 с.

ЭТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

ETHICAL EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION IN THE SYSTEM OF MODERN EDUCATION

Брунчукова Н.М.

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Brunchukova N.M.

Smolensk State University, Smolensk, Russia

В рамках данной статьи обозначена одна из актуальных проблем современного образования – этическое воспитание подрастающего поколения; представлены пути ее разрешения.

Ключевые слова: *этика, мораль, нравственность, воспитание, этическое воспитание, духовно-нравственная культура, современный национальный воспитательный идеал.*

This article deals with one of the urgent problems of modern education – ethical education of the younger generation; and there are ways to resolve it.

Keywords: *Ethics, morals, education, ethics education, spiritual and moral culture, the modern national educational ideal.*

Жизнь человека неразрывно связана с историей народа, страны: в течение веков ему суждено пройти через огромное разнообразие нравов и обычаев, модифицировать свои воззрения в соответствии с новыми и новыми материальными запросами. Но, в тоже время, каждая человеческая история, какие бы неизбежные преобразования она не претерпевала, оставляет за собой право на необходимость сохранения и соблюдения определенных нравственных норм и правил, в каких бы простейших формах и способах они не выражались.

Моральное состояние современного общества, согласно социально-педагогическим исследованиям, во многом определяется нравственными нормами, ценностями, действующими в данном обществе. Однако в современном мире

далеко не всегда понятия «этика», «мораль», «нравственность» являются основополагающими факторами, как при определении целей и задач, так и способов их разрешения, что, естественно, сказывается на результатах такой «преобразующей» деятельности человека.

В связи с этим проблема этического воспитания современного общества в целом и в образовании в частности является одной из актуальных и активно разрабатываемых.

Сущность понятия «этическое воспитание» определяется составляющими его понятиями «этика» и «воспитание».

Понятие «воспитание» не является устоявшимся и однозначно определенным. Каждая историческая эпоха привносила свои изменения, уточнения в определение этого понятия.

Одним из первых научных энциклопедических словарных изданий, опубликовавших трактовку понятия «воспитания», является «Толковый словарь живого великорусского языка» (Т.І) В. Даля: «Воспитывать, воспитать кого – заботиться о вещественных и нравственных потребностях малолетнего, до возраста его; в низшем знач. вскармливать, кормить и одевать до возраста; в высшем знач. научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно» (с. 249).

Подтверждение данной мысли мы находим в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: воспитание «по отношению к человеку определяется следующим образом: это есть преднамеренное воздействие взрослого человека на ребенка или юношу, имеющего целью довести его до той самостоятельности, которая необходима человеку для использования своего назначения на земле» (19, с. 117).

С течением времени под влиянием социально-экономических изменений, происходящих в обществе, менялось содержание понятий и на смену приходило другое трактование уже известных понятий.

С началом перестройки понятие «воспитание» практически исчезло из официальных документов по народному образованию, оно было заменено понятием «образование», которое в качестве одного из компонентов включало и воспитание.

Ряд ученых, определяют воспитание как ведущий фактор формирования личности.

Так, авторы учебника «Психология и педагогика» С.К. Багдасаров, Самыгин С.И., Столяренко Л.Д. отмечают: «воспитание – социальное, целенаправленное создание условий (материальных, духовных, организационных) для усвоения новым поколением общественно-исторического опыта с целью подготовки его к общественной жизни и производительному труду» (1, с.185).

При этом, характеризуя объем данного понятия, коллектив авторов выделяет «воспитание в широком социальном смысле, включая в него воздействие на личность общества в целом, и воспитание в узком смысле – как целенаправленную деятельность, призванную сформировать систему качеств личности, взглядов и убеждений» (там же).

Таким образом, согласно содержанию понятия «воспитание», оно является одним из ведущих понятий в педагогике и может употребляться в широком и узком смысле: социальном и личностном.

Подчеркивая социальный статус образования, в «Российской педагогической энциклопедии» дается определение воспитанию социальному, которое «целенаправленно на создание условий для развития человека. ... Воспитание в широком социальном смысле включает воздействие на личность общества в целом (т.е. воспитание отождествляется с социализацией). ... Воспитание в узком смысле – как целенаправленную деятельность, призванную формировать у детей систему качеств личности, взглядов и убеждений» (14, с.165)

Говоря об этическом воспитании, остановимся, прежде всего, на трактовке понятия «этика», которое является основой для образования понятия «этическое».

С философской точки зрения, трактовка данного понятия претерпела определенные изменения, связанные со сменой общественно-экономических формаций, что отмечается в самих определениях (либо их структурных элементах), хотя сама трактовка перевода данного слова с греческого осталась той же: «ethika: от ethos – нрав, обычай, характер, образ мысли».

«Этика – учение о нравственности (морали), о ее происхождении, развитии, принципах

и нормах и их роли в общественной и личной жизни человека. ... Этика представляет собой составную часть той или иной философии или теологической системы. В области этики, как и философии, вообще, на протяжении веков шла ожесточенная борьба направлений, отражавшая, в конечном счете, изменениями экономической основы общества» (10, с.1004), – читаем в «Малой Советской энциклопедии» 1960 года выпуска. Согласно «Философскому словарю», этика – «одна из древнейших теоретических дисциплин, объектом изучения которой является мораль. Этика возникла в период рабовладельческого строя, выделяясь из стихийно-обыденного морального сознания общества ...». Именно в этот период она выделяется в составную часть философии – «практическую науку» (15, с. 572).

Интересное определение, на наш взгляд, этике дает Я.И. Мильнер-Иринин в своей работе «Этика, или принципы истинной человечности»: «наука о должном, а не о сущем, именно наука о том, что в соответствии с моральным сознанием общества должно быть, а не о том, что есть» (11, с.3). В соответствии с этим автор выделяет предмет этики, как «науку об идеальных принципах истинной человечности, этика есть наука о нравственных максимах» (11, с.4). Рассуждая о вопросах этики и смысле человеческого существования, автор утверждает, что решение данного вопроса зависит от того, что составляет сущность человека, влияние на содержание данной сущности смены общественно-экономических формаций.

Понятие должного мы встречаем и в работах Ю.А.Шнейдера. Согласно авторскому определению, этика является разделом философии, предметом изучения которого выступает феномен морали (17, с.3). Причем, мораль автор относит к сфере должного, она «указывает, как должен поступить человек» (17, с.4).

С точки зрения психологии, «этика как научная дисциплина отвечает на вопрос о том, на какие нормы и цели или ценности люди должны ориентировать свою деятельность», – отмечается М.И.Дьяченко и Л.А. Кондыбовичем в «Кратком психологическом словаре» (7, с.344).

Таким образом, анализ трактовок понятия «этика» выводит на такие понятия, как «мораль» и «нравственность».

«Мораль – предмет изучения этики; общественный институт, выполняющий функции регулирования поведения человека во всех без исключения сферах его общественной жизни. ... Мораль того или иного общества, прежде всего, предполагает определение содержания поведения, то, как принято поступать – нравы» - читаем в «Педагогике; Большой современной энциклопедии» (13, с.327).

Аналогичный подход к определению морали и ее функциям мы встречаем в «Словаре по педагогике» Г.М. Коджаспировой и А.Ю. Коджаспирова: «Мораль – это совокупность норм, принципов поведения человека по отношению к обществу и другим людям; древнейшая форма общественного сознания; социальный институт, выполняющий функции регулирования поведения человека ... Мораль выступает как основа содержания нравственного воспитания» (9, с.196).

В связи с этим, исследования по определению содержания понятия «мораль», позволяют выделить следующие признаки данного явления:

- является формой общественного сознания;
- основная задача состоит в регуляции поведения каждого человека в отдельности и общества в целом.

Таким образом, определяя понятие «этическое воспитание», необходимо учитывать черты, присущие составляющим его понятиям.

Так, Н.Е. Щуркова в своей работе «Три принципа воспитания», описывая данное понятие, говорит о том, что, реализуя один из трех принципов воспитания, «педагог возвышается до высочайшей этики, придавая всей системе взаимодействия с миром, людьми, обществом, отдельным человеком, а значит, и с детьми, особый тонкий нравственный колорит» (18, с.34).

Что же думают по поводу данного феномена участники учебно-воспитательного процесса? Что, по их мнению, составляет сущность этического воспитания, каковы его формы и средства, методы и приемы?

В исследовании приняли участие студенты Смоленского государственного университета, учащиеся общеобразовательных учреждений г. Смоленска и Смоленской области.

Анализ проведенного анкетирования среди студентов и учащихся, говорит о том, что большая часть респондентов, определяя понятие «этика», «этическое воспитание», отражают основные черты данных понятий. Так, например, этика трактуется, как: «нормы поведения, определенные обществом», «совокупность правил и норм поведения», «наука о культуре поведения человека», «наука о правильном поведении в обществе», «наука, которая разрабатывает нормы поведения», «наука об этических нормах», «наука о хорошем тоне (правилах хорошего тона)» и т.п. Определяя составляющие понятия «этическое воспитание», учителя, воспитатели и студенты педагогических специальностей в качестве основы выделяли «воспитание такого поведения», «воспитание умения правильно вести себя в обществе», отмечая при этом, что данное понятие включает в себя «нравственное воспитание», «эстетическое воспитание», «человеколюбие», «уважение к человеку, независимо от его возраста, пола и рода занятий», «культурное, ин-

теллигентное поведение человека», «воспитание положительных черт характера» и т.п.

Более того, вопрос о том, каковы черты современного этического воспитания, большая часть респондентов оставила без ответа, указав при этом, что они знают «в идеале» каковы эти черты, но «не видят их в жизни».

Таким образом, на первом этапе исследования респонденты определились с предметом исследования, выделили его составляющие, наметили основные направления решения проблемы.

Более трудным оказался вопрос о формах, средствах, методах и приемах такой работы. Как правило, анketируемые ограничивались либо констатацией факта необходимости проведения такой работы: «проводить целенаправленную работу в этом направлении», «ввести предмет «этика», начиная с детского сада», «проведение мероприятий этического характера», «устраивать внеклассные часы, собрания, где обсуждать проблемы этического воспитания» и т.п.; либо – фразами: «не знаю», «не думала над этим вопросом» и т.п.

Однако все респонденты сошлись во мнении о том, что необходимость такой работы «назрела давно».

При этом необходимо отметить, что более 80% анketируемых (не зависимо от возраста) достаточно ясно представляют себе, какие нормы поведения приняты в обществе, и как надо правильно поступать в тех или иных ситуациях.

Особенно настораживает факт осознания детьми, что в жизни «не всегда так, как надо», «это только в книжках все правильно», «в жизни так не бывает» и т.п. При этом на вопрос о том, всегда ли ты поступаешь хорошо (правильно), более 70 % респондентов ответили утвердительно. Остальные же: «стараясь поступать правильно».

К числу наиболее плохих поступков, которые нельзя прощать, респонденты отнесли: предательство, ложь, измену, обман, унижение. Около 30% анкетированных еще не определились с ответом. Причем, чем младше ребенок, тем быстрее «жестче» он дает ответы на поставленные вопросы.

Интересно, что на вопрос о том, этическое воспитание какой эпохи, на Ваш взгляд, наиболее «эффективно», только 9% от общего количества респондентов определили современность, как образец этического воспитания, оговаривая при этом, что должны быть выполнены определенные условия. В качестве таковых были выделены следующие: «человек имеет право сам выбрать – быть ему этически воспитанным или нет», «мы живем в переходную эпоху и у нас есть возможность построить жизнь «с чистого листа», надо только очень захотеть» и т.д. Несколько человек ответили, что «в настоящее время этического воспитания уже не существует» (19 из 1123). Однако чаще всего анкетированные отвечали, что «точно не наша», «конкретную эпоху назвать трудно, но, несомненно, это прошлые эпохи», «когда слово было весомым, а слово старшего особенно», «люди были добрее», «ценились родители, семейные узы», «люди уважали друг друга», «у людей были идеалы и они стремились к высоким отношениям», «эпоха пионерии, когда каждый знал и вел себя так, как требовали правила», «эпоха социализма, когда все были равны, поэтому не так сложно было воспитывать; люди были добрее, более открытые», «советское время», «эпоха Возрождения, когда расцветали не только науки и искусство, но и отношения между людьми», «эпоха Средневековья, когда за нарушение этических норм, человек жестоко наказывался, поэтому все вели себя правильно» и т.д.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос о том, какая роль в этическом вос-

питании отводится родителям. Анализ анкетирования показал, что только примерно 67-27% (от учащихся до студентов) респондентов разговаривают на этическое проблемы со своими родителями: «часто обсуждаю с мамой (папой) как надо поступить в данной ситуации»; «родители прислушиваются к моему мнению, уважают принятое мной решение»; «понимают, что сейчас другое время, и я лучше знаю, как надо поступить», «живут старыми идеалами, но я им завидую и учусь, как надо поступать» и т.п. При этом, большая «нагрузка» падает на долю матерей, даже если в семье оба родителя, особой любовью и уважением пользуются беседы с бабушками: «бабушка понимает меня гораздо лучше, чем родители, которым всегда некогда меня выслушать», «родители только ругаются и учат, как надо делать, но не хотят объяснять почему», «а бабушка всегда выслушает, постарается понять и помочь», «никогда не ругается, не кричит, но всегда старается помочь» и т.д.

Однако, чаще всего, подрастающее поколение ограничивалось ответами, суть которых сводилась к тому, что «я достаточно взрослый, чтобы самому решать свои проблемы», «чем могут помочь родители, они ведь жили и воспитывались в другое время», «я должна «набить свои шишки, чтобы знать, как поступать», «нельзя учиться на чужих ошибках, времена меняются, поэтому надо жить своим умом», «зачем беспокоить родителей, все равно не смогут помочь, только будут волноваться» и т.д.

Настораживает и тот факт, что только 31-9% (от учащихся до студентов) опрошенных обратятся за советом к педагогу: «а зачем, я знаю, как они ответят – по науке, а мне надо – по жизни», «учителя нас учат, как надо поступать этично, а сами...», «не люблю обращаться за помощью к учителю, сразу начинаются расспросы: почему ты об этом спросил, какие у тебя проблемы; во-

общем лезут в душу, поднимают родителей, общественность, а результата – нуль, объяснят по книжке, как надо жить, а что толку от этого, я и сам могу это прочитать» и т.д.

Этика отношений в современной общеобразовательном учреждении между участниками учебно-воспитательного процесса является, в определенной степени, отражением отношений в обществе. Таким образом, результаты данного анкетирования высветили основные (ключевые) вопросы проблемы этического воспитания на современном этапе, определили возможные пути их решения.

В связи с этим одним из наиболее значимых и актуальных вопросов современного образования остается вопрос духовно-нравственного развития и воспитания личности, что нашло свое отражение в Законе Российской Федерации «Об образовании», в президентской образовательной инициативе «Наша новая школа», в Стандартах нового поколения, согласно которым «Современный национальный воспитательный идеал – это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа РФ» [6, с.4], что обеспечивается, прежде всего, приобщением обучающихся к национальным российским ценностям, ценностям семьи, своей этнической, конфессиональной, социальной группы, общечеловеческим ценностям в контексте формирования у них идентичности гражданина России и направляя образовательный процесс.

На основе национального воспитательного идеала, важнейших задач духовно-нравственного воспитания, требований Госстандарта нового поколения, установленных к результатам образовательной программы начального общего образо-

вания в качестве одних из основных задач воспитания и социализации ребенка рассматривается формирование: способности личности к духовному развитию на основе нравственных установок и моральных норм; основ морали и нравственного самосознания личности; осознанного принятия и сохранение базовых национальных ценностей, ценности человеческой жизни и т.п.

В рамках решения данной проблемы в 2012 году в Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования введена новая предметная область – «Основы духовно-нравственной культуры народов России», что позволит «обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России, воспитание патриотов России, граждан правового, демократического, государства, уважающих права и свободы личности; людей высокой нравственности, проявляющих религиозную терпимость, уважительное отношение к традициям и культурам других народов» [16, с.2].

Основным результатом школьного образования должно стать, прежде всего, не только определенный набор знаний, умений и навыков по заявленным в программе предметам, но и обязательное обретение ребенком нравственной основы, того нравственного фундамента, который определит роль и место человека в обществе, его жизнеспособность.

При этом следует понимать, что духовно-нравственная культура – «это не просто новый предмет, не отдельная дисциплина – это непрерывный процесс становления мировосприятия, мироощущения, развитие сферы чувств, формирование мировоззрения» [16, с.4].

Методическое обеспечение нового курса представлено различными издательствами и ав-

торскими коллективами.

Так, например в УМК «Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы религиозных культур и светской этики» под общей редакцией Т.Д. Шапошниковой духовно-нравственное воспитание детей младшего представлено шестью модулями:

1. Основы православной культуры.
2. Основы исламской культуры.
3. Основы иудейской культуры.
4. Основы буддийской культуры.
5. История религий в России.
6. Основы светской этики.

Новые предметы будут изучаться в 4 классе. Предполагается, что предварять процесс изучения данной предметной области будет единое для всех учащихся (независимо от их выбора модуля) введение. Цель, которого заключается в раскрытии общих понятий нравственности, традиционных моральных норм в жизни человека и общества, понятие религии. Затем, согласно выбору учащихся будут изучаться либо основы православной (иудейской, буддийской, исламской) культуры, либо основы светской этики, либо история религий в России.

Основная цель введения данного УМК, состоит, по мнению авторского коллектива, в знакомстве младших школьников с основами религиозных культур и светской этики, формировании первичных представлений о материальной и духовной культуре, образе культуры России в целом, которая складывается из культуры всех народов и народностей, наций и национальностей, живущих в нашей стране, людей разного вероисповедания.

Новый предмет не должен рассматриваться обособленно в учебном процессе, в отрыве от других школьных предметов и вне системы нравственного воспитания в целом. Являясь ор-

ганичной частью образовательной программы начальной школы, предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России» может предоставить возможности для выстраивания горизонтальных связей между различными предметными областями: связать воедино представления о происхождении жизни на Земле, о человеке, о географии и культуре древних цивилизаций, о «взрослении» человечества, т. е. об эволюции этических общественных норм и духовности от родовых культов до господствующих в наши дни этических теорий, в том числе и религиозных.

Названные цели реализуются посредством решения ряда задач:

- «знакомство учащихся с содержанием курса; формирование первичных представлений о религиозных культурах и светской этике; развитие интереса к этой области знаний;
- развитие представлений младшего подростка о значении норм морали, общечеловеческих ценностей в жизни людей;
- формирование у младших школьников ценностно-смысловых мировоззренческих основ, обеспечивающих целостное восприятие отечественной истории и культуры при изучении гуманитарных предметов на ступени основной школы;
- развитие способностей младших школьников к общению в полиэтнической, многоконфессиональной и поликультурной среде на основе взаимного уважения и диалога во имя общественного мира и согласия» [16, с.9].

Следовательно, предметы данного модуля, раскрывают для учащихся основы светской этики, мировых и традиционных для нашей страны религиозных культур, знакомят детей с понятием «этика», этическими добродетелями; раскрывают

для них понятия «справедливость» и «справедливое государство», определяют нормы «человеческого общежития», помогают освоить и усвоить опыт мирного сосуществования в многонациональном государстве, научат уважать и бережно сохранять историческое наследие и традиции Российской Федерации и др. Иными словами, в процессе изучения данного курса, ребенок выстраивает для себя иерархию ценностей современного общества, учится понимать значение слов «добро» и «зло», делать нравственный выбор, отстаивать свою точку зрения, давать оценку происходящему, обосновывать необходимость и возможность тех или иных явлений, происходящих в обществе.

Особое место в данном процессе отводится этическому воспитанию будущего учителя. Задача педагога, на наш взгляд, состоит не только в том, чтобы видеть данные проблемы, но, что самое главное, знать пути их разрешения, что,

естественно, должно иметь место на этапе подготовки будущих специалистов.

Одним из возможных путей решения данной проблемы может выступать введение в программу профессиональной подготовки студента вуза таких курсов как «Профессиональная этика», «Профессиональная этика в социально-педагогической деятельности» и др., а также элективных курсов «Роль этики в профессиональном становлении будущего специалиста», «Ценности этического воспитания подрастающего поколения», «Философско-психологические основы этического воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста» и др.

Таким образом, духовно-нравственное развитие и обучение подрастающего поколения является первостепенной задачей образовательной системы и представляет собой важный компонент социального заказа образования.

Литература

1. Багдасаров С.К., Самыгин С.И., Столяренко Л.Д. Психология и педагогика.- Москва: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2006.
2. Большой толковый психологический словарь. Т.1 (А-О) Пер. с англ. /Ребер Артур .- 000 «Издательство АСТ»; «Издательство «Вече», 2003.
3. Большая Советская Энциклопедия. Гл. ред. А.М. Прохоров. - 3-е изд. В 30 т. Т. 30. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1978.
4. Большая Российская энциклопедия, 1998.- 672с., Т.2.- М-Я.- 1999.
5. Брунчукова Н.М. К вопросу об этике человеческих отношений. / Психология и современное общество: взаимодействие как путь развития: мат-лы 2 Международной научно- практической конф.- Санкт-Петербург: СПбИУиП, 2007. - Ч.1.- С.48-50.
6. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: «Просвещение», 2009.
7. Дьяченко М.И., Кондыбович Л.А. Краткий психологический словарь: Личность образование, самообразование, профессия. - Мн.: «Хэлтон», 1998.
8. Караковский В.А., Новикова Л. И., Селиванова Л.Н. Воспитание? Воспитание... Воспитание! - М.: Пед. общество России, 2000.
9. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Словарь по педагогике.- М.: ИКЦ. «МарТ»; Ростов н/Д:

Изд. центр «МарТ», 2005.

10. Малая Советская энциклопедия. 3-е изд. Т.10. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1960.
11. Мильнер-Иринин Я. А. Этика, или принципы истинной человечности. - М.: Наука, 1999.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой.- М.: Рус. яз., 1990.
13. Педагогика; Большая современная энциклопедия/ Сост. Е.С. Рапацевич.- Мн.: «Современное слово», 2005.
14. Российская педагогическая энциклопедия: В 2т. / Гл. ред. В.В. Давыдов – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.- 608 с., Т.1.- А-М.- 1993.
15. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - 5-е изд. - М.: Политиздат, 1986.- 590 с.
16. Т. Д. Шапошникова, К. В. Савченко Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы религиозных культур и светской этики. Рабочая программа 4 класс (4-5 классы). М.:»Дрофа», 2012.
17. Шнейдер Ю.А. Этика.- М.: Текст, 1998.
18. Щуркова Н.Е. Три принципа воспитания / Н.Е. Щуркова. – Смоленск: Изд-во СИУУ, 1996.
19. Энциклопедический словарь: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. кн.81. Т.XLI. - С-Петербургъ. 1904.

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕНИЯ БЕЗ ПРИНУЖДЕНИЯ В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

THE BASIS FOR THE ORGANIZATION OF THE TEACHING WITHOUT COERCION IN THE BEST TRADITIONS OF HUMANISTIC PEDAGOGICS

Андреева Ю.В.

*Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия,
г. Уфа, Россия*

Andreeva Yu.V.

*Eastern economic-legal Academy of Humanities,
Ufa, Russia*

Автор рассматривает основные принципы и методы организации обучения без принуждения в лучших традициях гуманистической педагогики в России и за рубежом. Среди них принципы: победности учения; признания самоценности личности и опоры на положительное. Среди методов – создание ситуаций успеха и значимого учения.

Ключевые слова: *значимое учение, радость познания, ситуация успеха.*

The author considers the main principles and methods of the organization of training without any coercion in the best traditions of humanistic pedagogics in Russia and abroad. Among them the principles of: победности teaching; recognition of the inherent worth of the individual and of relying on the positive. Among the methods – creating situations of success and meaningful exercise.

Keywords: *significant teaching, the joy of learning, the situation success.*

Воспитание разумной воли к учению базируется на развитии «огонька» природной любознательности ребенка и способности педагога поставить ее на службу учению. Разумное воспитание требует возможности для ребенка следовать своим стремлениям, развития в нем самостоятельно-го личностного начала и всего человеческого.

В основе личностно-значимого учения лежат не знания, а человеческие отношения. Отношение ребенка к знаниям, к учению, в большей мере зависит от того, как он относится к учителю. В этом нельзя не согласиться с педагогом В.А. Сухомлинским, который, изучая школьные неврозы, пришел к выводу, что на несправедливость учителя у детей всегда болезненная реакция. У одних она приобретает характер взвинченности; у других – вызывает обиду; напускную беззаботность; безучастность, страх; кривляние или ожесточенность. Испытывая безразличное к себе отношение, ребенок теряет чуткость к добру и злу, у него появляется подозрительность, неведение в людей, а это самый главный источник озлобленности.

Детство и отрочество должны стать школой доброты, человечности, чуткости. Развитая у ребенка потребность быть хорошим В.А. Сухомлинский делает его воспитуемым, чувствительным к влиянию педагога. Эта детская потребность быть хорошим – есть определенное проявление той самой юношеской потребности в самореализации, о которой говорили А. Маслоу и К. Роджерс. Детство и отрочество – момент становления потребности в самореализации, для педагога

здесь важно дать ребенку программу развития личности, конкретизировать его желание быть хорошим, положительным.

Умение учителя создавать благоприятные условия для учения детей, развертывания и стимулирования их ведущей потребности: жажды познания лежит в основе *педагогического принципа опоры на положительное.*

Выявленные стимулы желания учиться: переживание радости познания, учебного труда, радости успеха в учении, переживание и существование того, что знания – это плоды творчества принадлежат к педагогическим находкам В.А. Сухомлинского. Идея воспитания желания учиться становится для него ключевой, и он находит способ – через учебный труд ребенка, нелегкий, но радостный, завершающийся победным результатом.

Суть принципа победности учения состоит в том, чтобы сделать учение напряженным и радостным одновременно. Начинать надо с победы над собой, с самоорганизации в возрасте с 7 до 11 лет. Если этот период самовоспитания упущен, в дальнейшем встанет проблема перевоспитания.

Подход к воспитанию ребенка, опирающийся на его потребности, желания и стремления, имеет глубокие основания в педагогике. В опоре на эту традицию развивалась прогрессивная линия практического искусства педагогики. Возникает естественный вопрос, на какие ж потребности ребенка необходимо в первую очередь опираться при его учении, чтобы сделать его значимым?

Классика гуманистической педагогики в России созвучна гуманистическому подходу в психологии А. Маслоу за рубежом. Его *теория потребностей*, хотя и подвергалась критике, продолжает использоваться в психологических исследованиях практически здоровых людей. По Маслоу, в самой природе человека, в каждой личности заложены возможности позитивности развития и самосовершенствования. Деструктивные действия людей являются не следствием изъянов в наследственности, а итогом фрустраций, давления внешних сил, неудовлетворенности основных потребностей. Среди важнейших свойств человеческой природы, по мнению А. Маслоу, одно из основных мест занимает способность к творчеству, которая ведет к ПОЗИТИВНОМУ самовыражению личности.

Потребность в творчестве и красоте, желание самовыражения, реализации своих потенциальных способностей и непрерывное совершенствование их А. Маслоу считал высшей потребностью самоактуализации, способностью к «выходу за пределы самого себя» – способностью к трансценденции, совершенствованию, способностью стать лучше, чем вчера.

Но для того, чтобы полноценно функционировать и стремиться к успеху в контексте личностной самореализации по А. Маслоу необходимо, чтобы еще 4 предыдущие потребности были удовлетворены: для начала – потребность в выживании (витальная – в еде, тепле); в самосохранении и безопасности; в общении и любви; в признании и самоутверждении. Потребность в самосохранении, безопасности, мире также важнейшее условие человеческого существования на уровне индивида. Стремление к общению с людьми и к любви А. Маслоу считал неотъемлемым качеством человека, отсутствие социальных потребностей – патологией. Все люди стремятся к самоутверждению. А. Маслоу подразделял этот

уровень потребностей на два вида: желание самоутвердиться, достичь в выбранной области деятельности свободы и независимости; стремление к достижению признания в глазах окружающих. И если все эти потребности удовлетворены, то можно говорить о потребности в самореализации, о потребности в творчестве.

Потребности одновременно являются и целями человека т. к. они динамичны. О целях как о радостных перспективах говорил советский педагог А.С. Макаренко. Если в процессе учения перед детьми ставятся увлекательные и значимые перспективы, которые сплачивают коллектив и мотивируют ребенка на деятельность: труд, учёбу, разумный досуг, то педагог создаёт радостную перспективу сегодняшнего дня и условия для общего стремления к коллективному успеху. В ситуации успеха поощряется инициатива тех воспитанников, которые сами выдвигают жизненные цели, учатся планировать свою жизнь.

Гуманисты считают, что человек осознаёт себя, осознаёт свои поступки, строит планы, ищет смыслы жизни. Человек – творец собственной личности, творец своего счастья. В своем внутреннем мире он стремится от «Я реального» к «Я идеальному», к раскрытию собственной индивидуальности, собственной позитивной сущности. Как же помочь ребенку в осознании собственного идеала человека? При этом считал В.А. Сухомлинский, важно обойтись без сюсюканья, без беспомощного морализирования; «без трескучих фраз о любви». Позиция В.А. Сухомлинского здесь категорична: с первых же дней сознательной жизни (во всяком случае, с первых дней в школе) ребенок должен усваивать не нравственные прописи, а те высокие принципы, которые составляют существо нравственного идеала. Детские годы – тот возраст, который мы считаем возрастом беззаботной радости, игры, сказки, но это – истоки жизненного идеала. Поэтому дет-

ские годы должны стать «школой радости», в т. ч. «радости познания».

Карл Роджерс выдвинул идею «полноценного функционирования» личности. Каждый ребенок может проявить себя наиболее полно и позитивно, так как в самой его природе заложен мотив к самоактуализации – стремление к успеху и максимальной реализации своих способностей. Но этот мотив (как и вся позитивная сущность человека) может быть скрыт «за болью и неприятностями» или задавлен неблагоприятными внешними обстоятельствами. Поэтому педагог должен быть конгруэнтен, искренен в общении с детьми, проявлять эмпатию – сопереживание их трудностям; *создавать условия значимого учения*. Значимое учение отличается от формального, обычного тем, что содержит в себе задания, которые ПОМОГАЮТ ребенку решать как учебные, так и личные трудности. В рамках таких условий ребенок получает такие знания, которые помогают ему справиться с проблемами и потому для него учение личностно значимо, а сам учитель выступает в роли консультанта, фасилитатора (от англ. – того, кто облегчает процесс учения). Если учитель – лишь сотрудник, помощник и руководитель в собственной работе ребенка, то воспитание ребенка как творца собственной жизни – есть лишь рациональная организация самовоспитания его.

У В.А. Сухомлинского была оптимистическая вера в способность детей справляться с учебными трудностями самостоятельно. Причем способность эта развивалась через побуждение ребенка к самостоятельному мышлению путем чтения книг, сочинения сказок, высказывания собственного отношения к учению. «Осмысленное учение» В.А. Сухомлинского схоже со «значимым учением» К. Роджерса. «Значимое учение» К. Роджерса давало знания, как преодолеть учебные трудности, а преодоление (как и успех

в учении по В.А.Сухомлинскому) дарило переживание учеником радости. Педагогика сотрудничества вся направлена на то, чтобы научить ребенка учиться, дать ему уверенность от успеха, не допускать, чтобы он отстал и заметил свое отставание. И все равно найдутся дети, которые не умеют учиться и учебные задания для них все равно покажутся перегрузкой. В.А. Сухомлинский видел великую силу воспитания в *этическом поучении*, когда «воспитатель сам является опорой и светочем для тех, кто не знает веры в человека или теряет опору и путеводный огонек». Для этого воспитателю «надо самому быть истинным Человеком – жить правильно, любить людей...». Поддержание веры в себя – это уже оптимизм. «...Для того чтобы ребенок хорошо учился, – писал В.А. Сухомлинский нужен интерес к учению, а он есть только там, где есть вдохновение, рождающееся от успеха». Вытекающая отсюда равноценность ребёнка и взрослого означает принятие человека таким, какой он есть, признание права ребёнка быть тем, кто он есть, – права на индивидуальность, права на уважение его человеческого достоинства.

Идея полноценности и глубинной позитивной сущности ребенка как Человека принадлежит не только К. Роджерсу, но и Я.Корчаку, педагогическая концепция детства Януша которого изложена в его книге «Как любить детей». В педагогике Корчака, помимо идеи самоценности детства как подлинного, а не предварительного этапа «настоящей» жизни, как и в педагогике К. Роджерса, утверждаются идеи полноценности ребёнка как человека. И эту идею о том, что ребенок полноценен и его нужно любить всем сердцем В.А. Сухомлинский выразил в *педагогическом принципе самоценности личности*.

Я. Корчака, В.Сухомлинского можно отнести к сторонникам своеобразного «разумного воспитания». Разумное воспитание, по Корчаку,

характеризуется бескорыстием, конкретным и диалектическим видением ребенка, глубоким изучением его, пониманием и терпимостью воспитателя во взаимоотношениях с детьми. *Основным методом разумного воспитания является ослабление отрицательных и развитие положительных черт характера детей.* К вопросу о методах педагогического воздействия Я. Корчак подходил с позиции сравнения врачебной и педагогической этики. Главное положение медицины – «не вредить» – должно быть и в воспитании.

В результате позитивного отношения со стороны педагога происходит повышение самооценки ребенка, что способствует раскрытию его творческого потенциала. Уважение личности воспитанника, удовлетворение его потребности в эмоциональном контакте возможно, если взаимоотношения в коллективе основаны на взаимном доверии, одобрении, положительной оценке, на признании успехов, эмоционально окрашенном тоне обращения и общения, заботе и взаимопомощи, заинтересованности в делах каждого и во многих других форм взаимоотношений. Опора на потребность личности в уважении, доверии, положительной оценке, принятии личности позволяют воспитателю создать такие условия, в которых сам ребёнок и окружающие его увидели, что в нём есть какие-либо положительные качества, которые перекрывают собой отрицательные проявления и помогут этому ребёнку в становлении других фундаментальных потребностей. Среди них потребности: самоопределения, самоутверждения, причём в положительном русле. Нужно построить свою работу так, чтобы дети поверили в себя, почувствовали внимание и поддержку учителя.

Все вышесказанное позволяет заключить, что есть ведущий путь, который может привести к этому – это создание ситуации успеха в учении. Ситуация успеха – это современный способ

организации значимого учения и «радости познания»; самый действенный способ педагогической поддержки ребенка сегодня, это путь веры в ребенка и его возможности. Здесь педагогический оптимизм реализуется наиболее полно как путь развития способностей в навыки, путь признания достоинств ребенка и предоставления ему возможности достижения успеха в учении.

Благодаря тщательно продуманным способам воздействия на ребенка у него формируется и укрепляется потребность быть хорошим. Эта потребность конкретизируется у ребенка в желание делать добро людям и трудиться на их благо, а каждое из этих желаний должно быть одухотворено красотой человеческого духа.

Это методы воспитания, опирающиеся на развитие собственной активности детей, на нравственную активность самой личности. Такой подход основывается на том, что ребенок – не только и не столько объект воспитания, сколько его субъект и активный участник. Не подчиняться желаниям ребенка, а руководить ими, воспитывать их – таков замысел подлинной педагогики потребностей. Да, нравственный идеал ребенок должен присвоить сам и захотеть стать хорошим, задача воспитателя в том и заключается, чтобы вызвать к жизни такую потребность.

Если с точки зрения рассмотренных выше тенденций обратиться к истории педагогики, то в творчестве выдающихся воспитателей прошлого можно обнаружить внимание к потребностям ребенка. В.А. Сухомлинский исходил из следующего представления о методах воспитания: поощрение и порицание. От того, в каком соотношении находятся эти две вещи, зависит мудрость воспитания. Там, где преобладает метод поощрения, царит творческий труд, взаимное доверие. Там же, где постоянно осуждают, вся школьная жизнь становится тягостной. Именно поэтому, вначале нужно, по В.А. Сухомлинскому, создать

у ребенка радость бытия, сформировать жизне-радостное мировосприятие. В.А. Сухомлинский писал: «Воспитание не обладает столь магической силой, чтобы делать человека счастливым независимо от обстоятельств, в которых он живет, но воспитание обязано беречь это огромное духовное богатство маленького сердца – радость, счастье», в этом заключается истинная гуманность педагогики.

По мнению В.А. Сухомлинского, мажорный тон жизни ребенка, атмосфера радости в классе, должны опираться не только на общий семейный и школьный климат, но и на его собственные успехи в учении и нравственном поведении школьника. Главное дело ребенка – его учение, и именно отсюда должны идти его положительные эмоции, создающие фон для воспитания потребности быть хорошим. В.А. Сухомлинский утверждал парадоксальное на первый взгляд положение, что потребность быть хорошим формируется только у того ребенка, которого взрослые уже считают хорошим, вне зависимости от того достиг он успехов или нет. Успех – есть не завершение воспитательной работы, а та начальная точка, от которой должно быть организовано учение. В. А. Сухомлинский писал: «В наших школах не должно быть несчастных детей – детей, душу которых гложет мысль, что они ни на что не способны. Успех в учении – единственный источник внутренних сил ребенка, рождающих энергию для преодоления трудностей и желание учиться» [5, С.50]. И потому в воспитательной системе В.А. Сухомлинского ребенку вначале внушается, что он хороший, и на этой основе он действительно стремится быть таким: «Я идеальное становится Я реальным».

Для В.А. Сухомлинского нет плохих, неспособных детей. Ведь дети приходят в школу с искренним желанием хорошо учиться, и это тот огонек озаряет им весь смысл детской жизни.

Если ребенок не видит успехов в своем труде, то он теряет веру в свои силы, становится настороженным, отвечает дерзостью на советы учителей или еще хуже: чувство собственного достоинства у него притупляется, он свыкается с мыслью, что ни к чему не имеет способностей.

Нужно отметить, что исследования как советских, так и зарубежных психологов указывают на принципиальную важность правильной самооценки ребенком своих возможностей для развития его способностей и нравственных качеств. Это важное условие и одновременно средство воспитания.

Воспитание радостью успеха конкретизировано в ряде приемов: отказа от двоек и троек; системы малых успехов, в которой у каждого ребенка тщательно фиксировался каждый, пусть и небольшой, успех, который непременно использовался для укрепления его веры в себя. В атмосфере радости, доверия к педагогу, уверенности в своих силах у ребенка и формируется основа для воспитания способности быть воспитуемым. На этой основе использует Сухомлинский два главных инструмента воспитания: слово и красоту.

На сегодняшний день принципы и методы классической педагогики не утратили своей актуальности, а, напротив, вызывают еще больший научный интерес в связи с ориентацией на приоритет личности и ее возможностей в системе образования. Мы дополняем ситуацию успеха рядом педагогических условий: 1) предоставление возможности взаимодействия; 2) создание благоприятного психологического климата; 3) предоставление возможности достижения значимых учебных результатов, соответствующих поставленным целям; 4) предоставление возможности оценки достигнутых результатов; 5) наличие прогрессивной и созидающей стратегии учителя.

Литература

1. Андреева Ю.В. Создание ситуации успеха в учебной деятельности подростков. Дис. к.п.н. Екатеринбург, 2003. - 173 с.
2. Макаренко А.С. Сочинения: В 7 т. - М.: Академия педагогических наук РСФСР. - 1958. - Т. 4. - 532 с.
3. Маслоу А. Новые рубежи в развитии человека // Хрестоматия по гуманистической психотерапии. - М., 2004.
4. Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться. М.: Смысл, 2002. - 527 с.
5. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. - Киев: Радянська школа, 1974.

МНОГОУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

MULTILEVEL SYSTEM OF CONTINUOUS LEARNING OF A FOREIGN LANGUAGE BY TECHNICAL STUDENTS

Волегжанина И.С.

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск, Российская Федерация*

Volegzhaniina I.S.

*Siberian Transport University,
Novosibirsk, Russia*

Рассмотрена проблема овладения иноязычной профессиональной коммуникативной компетентностью обучающимися нелингвистических направлений в многоуровневой системе непрерывной иноязычной подготовки. Проведен сравнительный анализ существующих образовательных систем. Описана модель многоуровневой системы непрерывной иноязычной подготовки, реализуемая в Сибирском государственном университете путей сообщения.

Ключевые слова: *многоуровневая система непрерывной иноязычной подготовки, иноязычная профессиональная коммуникативная компетентность.*

The problem of a foreign language professional communicative competence mastering by technical students within a multilevel system of continuous learning of a foreign language is considered. Comparative analysis of existing educational systems is made. The model of the multilevel system of

continuous learning of a foreign language in Siberian Transport University is described.

Keywords: *multilevel system of continuous learning of a foreign language, a foreign language professional communicative competence.*

На современном этапе развития мирового общества многоуровневая система непрерывного профессионального образования человека может быть признана наиболее эффективной благодаря ее *эластичности* (способности гибко реагировать на изменения кадрового рынка), *индивидуализированности* (соответствия образовательным запросам и способностям личности) и *ресурсосберегаемости* (возможности экономии ресурсов: временных, финансовых и др.).

В психолого-педагогической и методической литературе, посвященной проблемам организации профессионально-ориентированной иноязычной подготовки обучающихся нелингвистических направлений, всесторонне обосновывается положение о большей эффективности этого процесса в названной системе. Этапы овладения *иноязычной профессиональной коммуникативной компетентностью* реализуются в многоуровневой структуре учебной дисциплины «Иностранный язык» в тесной связи с этапами становления профессионализма личности в процессе ее образовательной и самообразовательной деятельности.

Профессионализм – показатель качества подготовки личности, предполагающий развитие базовых (ключевых) общих и специальных компетентностей, позволяющих осуществлять профессиональную деятельность на уровне современных требований науки, техники и культуры. Одним из этапов данного процесса является профессиональная компетентность. Исходя из особенностей реализации компетентностного подхода, следует отметить, что структура профессиональной компетентности анализируется

в единстве ее специальных, социальных, личностных и индивидуальных составляющих. В этой связи понятие «профкомпетентность» трактуется как общая способность человека к практической деятельности, основанная на знаниях, умениях, навыках, опыте, ценностях, склонностях. Таким образом, понятие «компетентности» включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, эстетическую, поведенческую. Для приобретения личностью профессионально значимых качеств необходимо развитие соответствующих способностей, готовности постоянно учиться и совершенствовать свое мастерство в течение всей жизни [1].

На основании вышеизложенного можно предположить, что проблему непрерывности иноязычной подготовки логично рассматривать в двух плоскостях: 1) как овладение иноязычной профессиональной коммуникативной компетентностью в процессе образовательной деятельности в многоуровневой системе непрерывного профессионального образования и 2) как овладение иноязычной профессиональной коммуникативной компетентностью в процессе непрерывной самообразовательной деятельности.

Под *иноязычной профессиональной коммуникативной компетентностью* мы понимаем готовность личности к взаимодействию с представителями родственного ей иноязычного профессионального сообщества, формируемую в процессе обучения и определяющую эффективность выполнения совместной профессиональной деятельности. В свою очередь, готовность рассматривается как новообразование, являющееся

результатом профессионально-ориентированного обучения иностранному языку и способствующее переходу обучающегося к качественно новой для него деятельности – профессиональной. Это новообразование представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов: ценностно-мотивационного, когнитивно-операционного, социального и рефлексивного.

Овладение названной компетентностью связано с целенаправленными качественными изменениями, которые происходят у обучающегося под влиянием внешнего управляющего воздействия и за счет внутренних источников. Первые обеспечивают ее формирование, а вторые – развитие. При этом в формировании всегда присутствует развитие отдельных компонентов данной компетентности, а в развитии – формирование некоторых ее составляющих. Таким образом, взаимосвязь и взаимозависимость этих двух сторон одного явления несомненна.

По мнению исследователей, в основу организации непрерывной иноязычной подготовки обучающихся положена философская трактовка преемственности как категории для обозначения универсальных, закономерных и относительно устойчивых связей предшествующих и последующих состояний, структур, степеней саморазвивающихся систем материальной и духовной реальности [2].

Согласно В.С. Сенашенко, преемственность как общепедагогический принцип обеспечивает органическую связь как между отдельными этапами и степенями образования, так и внутри них; расширяет и углубляет знания, приобретенные на предыдущих этапах обучения; преобразовывает знания и умения обучающихся в стройную систему. Образовательные программы считаются преемственными, если они способствуют формированию интеллектуальных, личностных, пове-

денческих качеств, знаний и умений обучающихся, созданию потенциала дальнейшего развития личности. Таким образом, преемственность в широком смысле является основой непрерывного образования, когда каждый предыдущий образовательный уровень рассматривается как исходный для всех последующих. Однако можно говорить о преемственности и в узком смысле – как отношении между отдельными учебными дисциплинами и даже учебными курсами [3]. При этом существование преемственных связей между дисциплинами не всегда представляет собой простое пересечение их содержания, – при некотором обобщении они могут рассматриваться как различные интерпретации одной и той же проблематики или структуры.

Как видим, существование налаженных преемственных связей (вертикальных и горизонтальных) между степенями многоуровневой системы иноязычной подготовки может обеспечить устойчивость процесса овладения иноязычной профессиональной коммуникативной компетентностью, придать ему поступательный и согласованный характер.

На основе анализа научной литературы было выявлено, что задача разработки и реализации механизмов, способствующих укреплению преемственных связей в обучении, решается учебными в рамках образовательных систем с разным числом ступеней. Это все те социальные институты, чья цель – профессиональное образование человека. К ним относятся старшая школа (гимназия, лицей), колледжи, высшая профессиональная школа, системы повышения квалификации и переподготовки кадров и др. Образовательные системы, как и любые системы, имеют свою структуру, т. е. состоят из определенных взаимосвязанных элементов (ступеней), взаимодействие которых направлено на достижение общей для системы цели. Мерилом ее дос-

тижения является результат, сформулированный в терминах компетентность и компетенция.

В зависимости от целей исследований авторы обращаются как к глобальным, так и к менее крупным образовательным системам, функционирующим на нескольких уровнях. Рассмотрим некоторые из них.

1. Регионально-отраслевой уровень

На этом уровне ученые призывают использовать возможности многоуровневых образовательных комплексов, функционирующих как юридически самостоятельные блоки, в которых объединены организационно обособленные образовательные учреждения, находящиеся на разных ступенях многоуровневой системы непрерывного профессионального образования. Примером служат университетские комплексы, интегрированные образовательные учреждения, образовательные кластеры, ресурсные отраслевые центры, многоуровневые региональные комплексы и др. Последние в основном ориентированы на подготовку кадров для конкретных отраслей промышленности на договорной основе.

Среди действующих комплексов известны образовательный нефтехимический кластер Республики Татарстан, который объединяет в себе общеобразовательные школы естественнонаучного профиля, учреждения среднего профессионального образования, Казанский государственный технологический университет, отраслевые предприятия, ресурсный центр по подготовке кадров для нефтяной и газовой промышленности Удмуртской Республики.

Преимуществом таких научно-педагогических решений является возможность осуществлять системное обеспечение отраслевых предприятий профессиональными кадрами, а также стимулировать профессиональное самоопределение обучающихся посредством возможности

индивидуальной карьерной траектории на любом этапе профессиональной подготовки.

Преимственность на этом уровне рассматривается как иерархическая связь между достижениями обучающихся в соответствии с иерархией «грамотность – образованность – компетентность – культура», элементы которой являются этапами образования. Такая классификация позволяет согласовать иерархию этапов профессионального образования с иерархией формируемых компетентностей.

2. Управленческо-образовательный уровень

Здесь усилия исследователей направлены на обеспечение связей в управлении образовательным процессом в условиях согласованности образовательных программ «школа–ссуз», «колледж/ссуз–вуз», «ссуз–вуз–производство», включая системы «бакалавриат–магистратура», «вуз–послевузовское обучение».

Среди преимуществ предлагаемых решений возможность повысить эффективность развития профессионально важных качеств и компетенций обучающихся. На этапе допрофессиональной подготовки происходит формирование мотивационной готовности к выбору профессии и овладение элементарными знаниями, на этапе базового образования (вуз) обучающийся овладевает профессией, достигает профессиональной зрелости. Одновременно решается проблема увеличения предметов на фоне сокращения количества учебных часов: за время обучения на младшей ступени изучаются отдельные дисциплины образовательной программы старшей ступени и обучающиеся получают возможность учиться по сокращенной программе.

3. Конкретно-дисциплинарный уровень

На данном уровне изучается преимственность подготовки обучающихся по отдельным предме-

там в формате «школа/лицей–вуз», «школа–ссуз–вуз», «бакалавриат–магистратура» и т. д. Исследования осуществляются в пределах конкретных учебных дисциплин, создаются конкретные педагогические инструменты: технологии, курсы, методы, учебно-методические комплексы и др.

Преимуществом является то, что в школе закладываются основы профессиональных компетентностей, в ссузе происходит их развитие при помощи профессиональной направленности обучения, в вузе учитывается связь основ наук с практической жизнью. На младших ступенях проходит адаптация к учебному процессу старших образовательных ступеней, сокращается разрыв между программами курсов обучения и требованиями, которые предъявляются ФГОС к базовым знаниям обучающихся, появляется возможность развивать профессионально значимые компетенции обучающихся с помощью отдельных дисциплин.

Реализация связей между ступенями перечисленных образовательных систем осуществляется с опорой на разные подходы и множество варьируемых принципов – общенаучных, дидактических, методических, организационных. Их количество и содержание зависят от масштабности задач, решаемых авторами [3]. Так как понятие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности связано с дисциплиной «Иностранный язык», поиск педагогических решений, повышающих эффективность ее формирования и развития, происходит, в основном, на конкретно-дисциплинарном уровне.

Анализ педагогической практики ряда отечественных образовательных учреждений позволил определить следующую типовую структуру многоуровневой системы непрерывной иноязычной подготовки обучающихся нелингвистических направлений: 1) профильные классы средней общеобразовательной школы (гимназии, лицея);

2) колледж (среднее-квалификационное обучение); 3) вуз (бакалавриат/специалитет и магистратура); 4) дополнительное профессиональное образование: система послевузовской подготовки (курсы иностранных языков, программы дополнительного (к высшему) образованию); 5) научно-педагогическое образование (аспирантура).

В качестве примера приведем модель системы непрерывной иноязычной подготовки Сибирского государственного университета путей сообщения (СГУПС), г. Новосибирск (рис. 1).

Условием функционирования этой системы является научно обоснованная и логически завершенная преемственность этапов иноязычной подготовки, сменяющих друг друга последовательно. В свою очередь, важное условие обеспечения преемственности – общность цели такой подготовки на разных образовательных уровнях.

В качестве принципов построения для модели многоуровневой системы непрерывной иноязычной подготовки рассматриваются ее открытость, доступность, возможность «входа и выхода» на любом этапе этого процесса, вариативность (эластичность), индивидуализированность.

Последний принцип предусматривает возможность построения обучающимся собственной модели подготовки, которая предполагает при сокращении суммарных сроков выбор индивидуальной траектории обучения. Индивидуализированность проявляется на всем протяжении процесса овладения иноязычной профессиональной коммуникативной компетентностью, включая маршрут прохождения уровней непрерывной иноязычной подготовки; формы (с их чередованием, совмещением) ее получения (очная, вечерняя, заочная); формы и методы изучения содержательной учебной информации; маршрут изучения содержательной учебной информации (последовательность изучения отдельных модулей курса); объем и уровень содержательной

Точка входа	Уровень системы профессионального образования	Этап	Ступень	Название курсов	Срок обучения ИЯ, лет	Суммарный срок обучения ИЯ, лет	Точка выхода
	Высшее	I	бакалавриат	Иностранный язык	2	2	бакалавр
			специалитет				специалист
	Дополнительное (к высшему)	II	переподготовка кадров	В соответствии с утвержденной программой	3	5	переводчик в сфере профессиональной коммуникации
	Высшее	III	магистратура	Иностранный язык для профессиональных целей	2	7	магистр
	Научно-педагогическое	IV	аспирантура	Иностранный язык для международной научной коммуникации	1	8	кандидат наук

Рис. 1. Модель многоуровневой системы непрерывной иноязычной подготовки, СГУПС

учебной информации (не ниже минимальных, предусмотренных ФГОС) и др. [4].

Организация непрерывной иноязычной подготовки обучающихся осуществляется по этапам, на каждом из которых определяются следующие базовые компоненты: цели и задачи, содержание, основные методы и формы обучения, условия и средства реализации в соответствии с заданным уровнем овладения иноязычной профессиональной коммуникативной компетентностью как интегративной целью всего процесса.

Таким образом, можно утверждать, что динамика овладения иноязычной профессиональной коммуникативной компетентностью обучающимися нелингвистических направлений осуществляется поэтапно: от формирования компетенций в ее составе (основой реализации преемственности разных уровней непрерывной иноязычной подготовки является содержание, закладываемое в базовых звеньях бакалавриата/специалитета на I ее этапе) к развитию данной компетентности как интегративного целого (присоединение про-

граммы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» на II этапе подготовки) и далее к становлению профессионализма обучающихся (программы магистратуры на III этапе и аспирантуры на IV этапе). При этом многоуровневая система непрерывной иноязычной подготовки, являясь открытой структурой, предусматривает возможность свободного доступа «извне» на каждую образовательную ступень.

Литература

1. Андриенко, А. С. Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза (на основе кредитно-модульной технологии обучения) [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ростов н/Д.: Южный федеральный ун-т, 2007. – 26 с.
2. Волегжанина И.С. Преемственное формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности (философский анализ). – Философия образования. – Новосибирск. – 2010. – № 4 (33). – С. 262-271.
3. Волегжанина И.С. Формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в системе непрерывного профессионального образования. – В мире научных открытий. – Красноярск: Изд-во: «Научно-инновационный центр». Ч. 1. – 2010. – № 2(08). – С. 160-163.
4. Захаржевская, Е. Э. Проектирование технологии организации непрерывной профессиональной подготовки специалиста в условиях многоуровневого образовательного комплекса: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Тамбов, 2004. – 22 с.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ (ППФП) СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА В ВУЗЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

SOCIAL AND EDUCATIONAL ASPECTS OF PROFESSIONALLY-APPLIED PHYSICAL TRAINING (PPFP) MODERN SPECIALIST IN HIGH SCHOOL AS PART OF HIGHER EDUCATION

Мартиросова Т.А.

*Сибирский государственный технологический университет,
г. Красноярск, Россия*

Martirosova T.A.

Siberian State Technological University, Krasnoyarsk, Russia

Физическая культура является одним из средств подготовки человека, в том числе, и студента к трудовой деятельности и успешной адаптации к изменяющимся социальным условиям. На вузовскую физическую культуру сегодня возлагается функция специально-прикладной направленности, реализуемой в виде ее гуманитарной компоненты – профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП), задачей которой являются формирование у студентов в процессе обучения в вузе средствами физической культуры прикладных знаний, физических, психологических, специальных качеств, умений и навыков, способствующих достижению объективной готовности будущего специалиста в различных сферах профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *бакалавр, физическое воспитание, физическая культура, профессионально-прикладная физическая подготовка.*

Изменения в социальной, экономической, информационной сферах, интеграция России в мировое экономическое и образовательное пространство предъявляют новые требования к определению целей образования, методам управления им, к личности специалиста с высшим образованием. Актуализируется разработка современных перспективных подходов к проектированию образовательного процесса, модернизации его на компетентностной основе. В Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС ВПО) третьего поколения требования к результатам образования квалификации «бакалавр» определяются на языке компетенций (способности и готовности применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области). Содержательный аспект компетенций гармонично перекликается с профессионально важными и значимыми качествами личности, необходимыми для успешной трудовой деятельности бакалавра.

Целью нашего исследования является: выделить структуру Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС ВПО) третьего поколения, рассмотреть суть понятия «прикладная физическая подготовка», определить специально-прикладную направленность

процесса ППФП, выделить структуру социально-прикладной направленности процесса ППФП студента-бакалавра, обозначить модель построения специально-прикладной направленности процесса ППФП студентов-бакалавров.

Проблемы профессиональной компетентности специалиста, категоризация его профессионально важных качеств, структура компетенций, критерии и показатели профессиональной компетентности рассмотрены в трудах многих отечественных ученых.

С позиций системного подхода в структуре профессиональной компетентности выделяют набор компетенций, понимая под компетенцией «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов, процессов, чтобы качественно и продуктивно действовать по отношению к ним». Это определение является для нас основополагающим, так как целью физического воспитания в вузах России является содействие подготовке гармонично развитых, высококвалифицированных специалистов. Это предусматривает решение комплекса профессионально ориентированных задач: воспитание высоких моральных, волевых и физических качеств, готовности

к высокопроизводительному труду; сохранение и укрепление здоровья, содействие правильному формированию и всестороннему развитию организма, поддержание высокой работоспособности на протяжении всего периода обучения; всесторонняя физическая подготовка; профессионально-прикладная физическая подготовка студентов с учётом особенностей их будущей трудовой деятельности; воспитание у студентов убеждённости в необходимости регулярно заниматься физической культурой и спортом.

В Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС ВПО) третьего поколения в квалификации «бакалавр» по направлениям подготовки выделяются профессиональные (ПК) и общекультурные (ОК) компетенции. Профессиональные компетенции направлены на формирование общепрофессиональных компетенций и умений выполнять различные виды профессиональной деятельности: производственно-технологическую, организационно-управленческую, научно-исследовательскую и проектную. Общекультурные компетенции предусматривают формирование способностей использовать в профессиональной деятельности основные законы развития современной социальной и культурной среды, основные положения и методы гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач, формировать навыки здорового образа жизни и безопасной образовательной среды обучающихся и др.

Структура основных образовательных программ бакалавриата включает в себя описание области, объекта, видов профессиональной деятельности, профессиональных задач, определяющих требования к результатам освоения основных образовательных программ. Она содержит учебные циклы и разделы, одним из которых является «Физическая культура» (ФК), включающая в себя профессионально-прикладную фи-

зическую подготовку студента-бакалавра. В результате процесса ППФП средствами физической культуры в системе высшего образования происходит формирование профессионально важных прикладных навыков, теоретических знаний, двигательных умений и навыков, физических и специальных качеств. Средства ППФП включают в себя прикладные физические упражнения, элементы отдельных видов спорта, прикладные виды спорта, гигиенические факторы, оздоровительные силы природы, навыки здорового образа жизни (ЗОЖ). В процессе ППФП предусматривается повышение работоспособности, физиологическое развитие организма, активизация исполнительской деятельности, формирование специальных умений и навыков, соответствующих определенной профессии. Формирование интегративных профессионально важных качеств способствуют развитию работоспособности (энергичность, выдержка, эмоциональный контроль, уравновешенность, двигательная память, логичность, оперативность мышления, эрудиция, интеллект), толерантности (эмпатия, доброжелательность, справедливость, гуманность, самообладание, оптимизм), волевых качеств (целеустремленность, самообладание, умение преодолевать внешние и внутренние препятствия, упорство, решительность, умение управлять своим физическим и психическим состоянием), социальной активности студента-бакалавра (инициативность, организованность, эмоциональность, энергичность, качества лидера).

Профессиональная подготовка к трудовой деятельности предполагает развитие и совершенствование определенных сторон свойств будущего специалиста на основе образа, эталона, профессионального идеала, в «структуре которого представлены ценности физической культуры: здоровье, соматический облик, функциональное состояние, развитые психофизические способно-

сти» и др. Такой идеальный специалист должен обладать и высоким потенциалом социальной отдачи, профессиональной надежности и дееспособности. Здоровье, умения и навыки здорового образа жизни наряду с высоким профессионализмом и ответственностью человека за его поступки являются главными ценностями новой эпохи. Изменение содержания физического воспитания студентов- бакалавров в процессе профессионально-прикладной физической подготовки – настоятельная потребность времени, так как современное производство, с его механизацией и автоматизацией производства, характеризуется напряженностью умственных, психических и физических сил, повышенной координацией и концентрацией внимания специалистов. Становится все более актуальным научно и методически обоснованное применение инновационных средств ППФП студентов в процессе физического воспитания с целью подготовки специалистов к профессионально-трудовой деятельности, соответствующих требованиям научно-технического прогресса. Полноценное использование этих знаний возможно при хорошем состоянии здоровья будущего специалиста, а значит высокой работоспособности, которая может быть приобретена в результате регулярных и специально организованных занятий физической культурой и спортом в процессе физического воспитания студентов в вузе. Качество физической подготовки студентов в процессе ППФП в вузе приобретает не только личное, но и социально-экономическое значение. Опыт практического использования этих закономерностей и привел к становлению особой разновидности физического воспитания – профессионально-прикладной физической подготовки (ППФП). Теоретическая модель соотношения объемов общих и специально-прикладных средств физического воспитания стала фундаментальной основой для профилирования

физического воспитания относительно будущей деятельности студентов вуза. Основная направленность занятий ППФП студентов заключается в увеличении диапазона функциональных возможностей организма студента, расширение его арсенала двигательной координации, а также обеспечении эффективной адаптации организма к различным факторам профессионально-трудовой деятельности. Таким образом, профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) рассматривается нами как одно из основополагающих направлений системы физического воспитания студентов вуза, формирующее профессионально-прикладные знания, умения и навыки, физические и специальные качества, способствующие достижению объективной готовности человека к условиям и воздействиям профессиональной деятельности.

Специально-прикладная направленность процесса ППФП в настоящее время рассматривает вопросы использования средств ППФП в целях более быстрого и качественного освоения определенных трудовых умений и навыков, повышения производительности труда, активного отдыха, профилактики профессиональных заболеваний, предупреждения травматизма, развития профессионально-трудовых способностей личности студента. Если основной задачей ППФП является формирование профессионально важных психофизиологических качеств и прикладных двигательных навыков, необходимых ряду категорий работников в связи с особыми условиями их профессиональной деятельности, то результаты научных исследований, проведенных в последние годы, расширили представление о задачах и содержании ППФП. Поэтому есть основание выделять специально-прикладную направленность процесса ППФП, которая развивает и совершенствует психические и волевые качества, сенсорные, умственные способности,

в результате чего приобретаются умения, навыки и теоретические знания в области производственной физической культуры, попутной тренировки, развиваются организаторские и руководящие способности, обеспечивается высокий уровень функционирования и надёжности всех органов и систем.

Критериями специально-прикладной направленности процесса ППФП являются цель, задачи, определенное содержание с учетом действия различных факторов профессиональной деятельности, средства ППФП, способствующие формированию профессионально важных качеств личности будущего специалиста.

Основными факторами, составляющими конкретное содержание специально-прикладной направленности процесса ППФП студентов, являются: 1) виды, формы, условия и характер труда; 2) режим труда и отдыха; 3) особенности динамики работоспособности специалистов в процессе трудовой деятельности; 4) специфика профессиональных заболеваний. Можно выделить также дополнительные факторы, которые связаны с индивидуальными, в том числе и возрастными, особенностями будущих специалистов, а также географическими и климатическими условиями региона, где будет работать будущий специалист. Как основные, так и дополнительные факторы объективны и взаимосвязаны. Полное представление о профессии может дать анализ всей их совокупности, проводимый в форме составления специальной профессиограммы, которая позволяет получить данные для обоснованной классификации профессий.

Средства специально-прикладной направленности процесса ППФП составляют: прикладные физические упражнения и отдельные элементы различных видов спорта, прикладные виды спорта, гигиенические факторы и оздоровительные силы природы, способствующие поддерживать

здоровье, высокой работоспособности и творческому долголетию.

Одно из основных преимуществ физических упражнений в качестве специально-прикладной направленности процесса ППФП заключается в том, что с их помощью можно смоделировать различные ситуации трудовой деятельности. Так, использование командных и игровых видов спорта позволяет с успехом применять их для совершенствования психологической закалки людей, создания чувства коллективизма и воспитания необходимых моральных качеств. Однако подбор упражнений и элементов из отдельных видов спорта чаще всего производится экспериментальным путем по принципу соответствия их особенностям профессиональных качеств и умений. В большинстве работ по определению содержания ППФП отмечается ведущая роль общей и специальной выносливости в обеспечении высокой работоспособности в процессе труда.

Важным средством специально-прикладной направленности процесса ППФП являются занятия прикладными видами спорта, то есть такими, в которых совершенствование отдельных физических качеств, навыков и умений в процессе тренировок совпадает с профессиональными задачами избранной специальности. Так, специально-прикладной направленности процесса ППФП студентов институтов гражданской авиации и некоторых морских институтов включает тренировку вестибулярного аппарата будущих специалистов элементами акробатики, упражнений на батуте, вращающемся колесе. Для студентов полевых и лесохозяйственных специальностей (геологов, географов, биологов) больше всего подходят занятия туризмом, альпинизмом, спортивным ориентированием. К числу необходимых компонентов специально-прикладной направленности процесса ППФП инженеров различного профиля часто относят различные умственные,

двигательные, волевые, педагогические и организаторские умения и навыки. Развитию этих качеств во многом способствуют занятия спортом и физическими упражнениями. Профессиональная деятельность инженера требует от него овладения не только физическими, но и психическими качествами. Ему необходимо оперативное мышление, хорошая память, сосредоточенное внимание. Важное значение имеет эмоциональная устойчивость, способность управлять своими чувствами, выдержка и самообладание.

Внедрение специально-прикладной направленности ППФП студентов-бакалавров оказывает положительное влияние на качественные изменения в физической и психофизиологической подготовке студентов. Это обусловлено тем, что:

1) специально-прикладная направленность ППФП является более эффективной по сравнению с общефизической подготовкой, так как она формирует специальные умения, навыки, соответствующие требованиям профессии;

2) специально-прикладная направленность ППФП является более важным социально-психологическим явлением, так как она отвечает потребностям личности и повышает работоспособность специалиста, что немаловажно в современных социально-экономических условиях;

3) специально-прикладная направленность ППФП не противоречит физиологическому развитию организма и базируется на общефизической подготовке;

4) специально-прикладная направленность ППФП способствует привитию навыков здорового образа жизни студента-бакалавра как будущего специалиста, что позволяет изменить мировоззрение человека, в котором здоровье является важнейшей ценностью;

5) специально-прикладная направленность ППФП, воздействуя избирательно на отдельные группы мышц, предусматривает выполнение си-

стем и упражнений, которые активизируют мыслительную деятельность студента.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно обозначить модель построения специально-прикладной направленности процесса ППФП студентов-бакалавров.

Разработанная нами модель специально-прикладной направленности ППФП, включает основные направления ППФП; критерии специально-прикладной направленности ППФП; определение понятия «специально-прикладной направленности» процесса ППФП; оценку фактического уровня физического здоровья; предпосылки (рациональная комплектация форм и видов специально-прикладной направленности ППФП в учебном плане: определение форм специально-прикладной направленности ППФП (учебные занятия, внеучебные занятия – самостоятельные виды деятельности), видов специально-прикладной направленности ППФП (общеразвивающие упражнения, специальные упражнения ППФП студентов вузов); программу специально-прикладной направленности ППФП: формирование мотивации к занятиям физическими упражнениями, контроль и коррекция ППФП, мониторинг физического здоровья, персонализация специально-прикладной направленности ППФП; технология: внедрение в учебный процесс индивидуального подхода к развитию двигательных умений и навыков студентов, способствующих освоению избранной профессиональной деятельности, интенсификация развития профессионально важных физических качеств, обеспечивающих высокий уровень дееспособности, повышение степени резистентности организма к неблагоприятным воздействиям средовых условий, физическое здоровье (рис.1).

В результате анализа представленного выше теоретического материала, можно сделать следующие выводы.

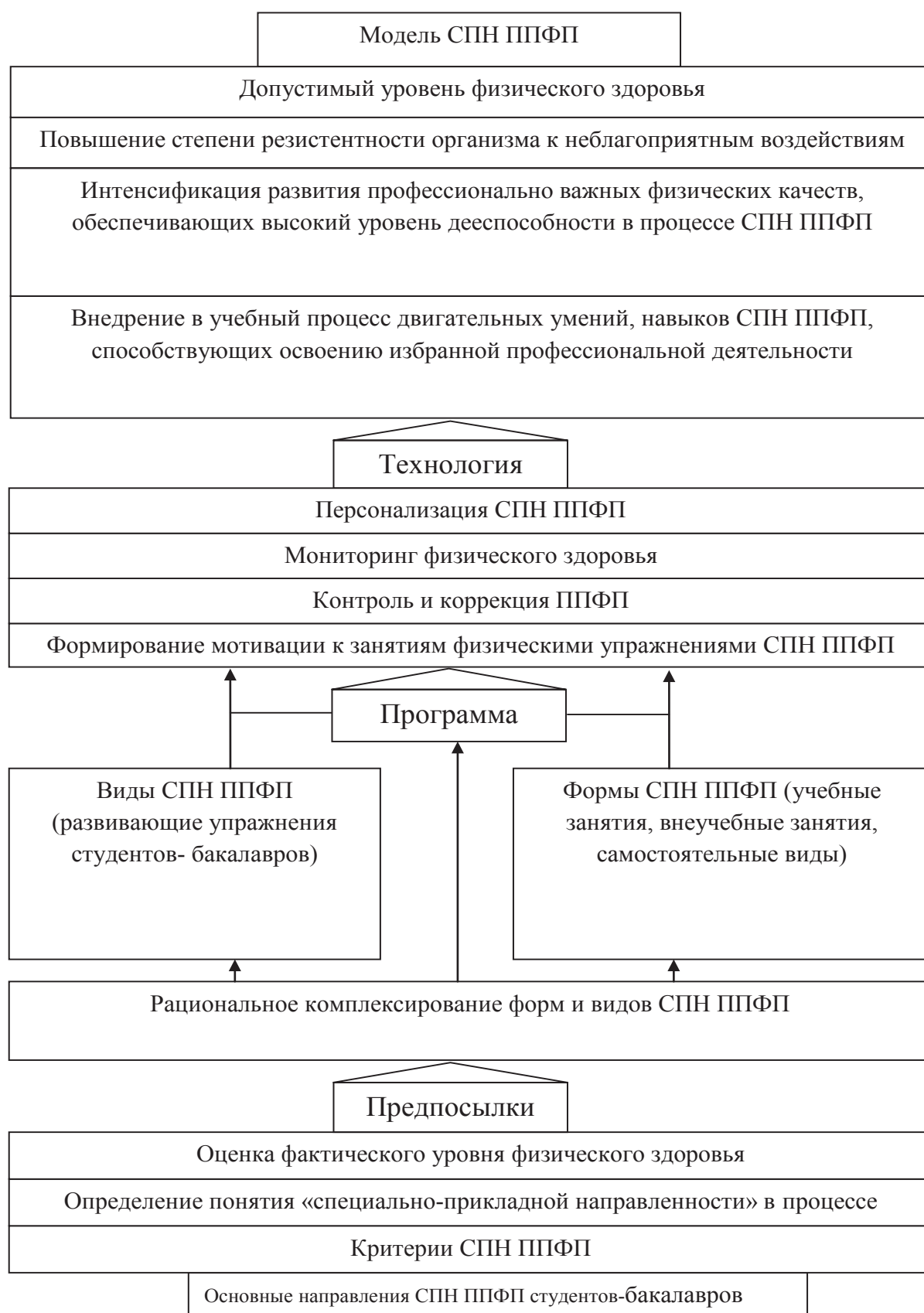

Рис. 1. Модель специально-прикладной направленности (СПН) ППФП студентов-бакалавров

- с позиций системного подхода под компетенцией мы понимаем совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов, процессов, чтобы качественно и продуктивно действовать по отношению к ним.

Данное определение подчеркивает цель физического воспитания: содействие подготовке гармонично развитых, высококвалифицированных специалистов и предусматривает решение комплекса профессионально ориентированных задач физического воспитания в процессе профессионально-прикладной физической подготовки:

- в структуре Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС ВПО) третьего поколения рассмотрено содержание профессиональных (ПК) и общекультурных (ОК) компетенций, определено место учебной дисциплины «Физическая культура» (ФК), обозначена роль профессионально-прикладной физической подготовки студента-бакалавра в формировании профессионально важных теоретических знаний, двигательных умений и навыков, физических и специальных качеств.

- профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) рассматривается как одно из основополагающих направлений системы физического воспитания студентов вуза, формирующее профессионально-прикладные знания, умения и навыки, физические и специальные качества, способствующие достижению объективной готовности человека к условиям и воздействиям профессиональной деятельности.

- специально-прикладная направленность ППФП рассматривается нами в качестве средства ППФП, которое используется в целях более быстрого и качественного освоения определенных трудовых умений и навыков, повышения производительности труда, активного отдыха, профилактики профессиональных заболеваний, предупреждения травматизма, развития профессионально-трудовых способностей личности студента. Специально-прикладная направленность ППФП способствует развитию и совершенствованию психических и волевых качества, сенсорных, умственных способностей, в результате чего приобретаются умения, навыки и теоретические знания в области производственной физической культуры, попутной тренировки, развиваются организаторские и педагогические способности, обеспечивается высокий уровень функционирования и надёжности всех органов и систем.

- структура социально-прикладной направленности процесса ППФП студента-бакалавра представлена в виде блок-схемы, включающей структуру Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС ВПО) третьего поколения, требования к структуре и результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата, способствующие формированию интегративных профессионально-важных качеств личности будущего специалиста.

- выделение специально-прикладной направленности ППФП студентов-бакалавров обусловило разработку ее модели, включающей основные направления ППФП студентов-бакалавров, предпосылки, программу, технологию реализации ППФП в вузе.

Литература

1. Агеевец В.У. Роль физической культуры в будущей профессиональной деятельности студентов // Вопросы физического воспитания студентов. - Л., 1965. С.31-35.

2. Грачев О.К. Физическая культура / О.К. Грачев. - Ростов-на-Дону: МарТ, 2011. - 464 с.
3. Зеер Э.Ф. Личностно-ориентированное профессиональное образование. - Екатеринбург: Урал гос. проф.-пед. ун-т, 1998. - 126 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК НАИБОЛЕЕ ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

SOCIAL PARTNERSHIP AS THE MOST PERSPECTIVE DIRECTION IN THE TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS

Георге И.В.¹, Георге С.В.¹, Верхотурцев В.С.², Верхотурцева Т.А.¹

¹ Тюменский государственный нефтегазовый университет, филиал в г. Нижневартовске, Россия

² Нижневартовский профессиональный колледж, г. Нижневартовск, Россия

George I.V.¹, George S.V.¹, Verhoturtsev V.S.², Verhoturtseva T.A.¹

¹ Tyumen state oil and gas University, branch in the city Nizhnevartovsk, Russia

² Nizhnevartovsk professional College, Nizhnevartovsk, Russia

В статье рассматривается возможность, необходимость и эффективность использования социального партнерства, как наиболее перспективного направления в подготовке будущих специалистов. В частности, описываются основные субъекты социального партнерства, рассматриваются способы сотрудничества образовательного учреждения профессионального образования и производства.

Ключевые слова: социальное партнерство, профессиональная компетентность, уровень подготовки, профессиональная адаптация.

The article considers the possibility, necessity and efficiency of social partnership, as the most perspective direction in the training of future specialists. In particular, the main subjects of social partnership, the ways of cooperation of educational institutions of vocational education and production.

Keywords: social partnership, professional competence, level of training, professional adaptation.

Особую актуальность в современных условиях приобрело качество образования специалистов или, иначе говоря, уровень их профессиональной компетентности.

Сегодня, как никогда, экономика нашей страны нуждается в высококомпетентных инженерах. Для создания такого профессионала необходим достаточно долгий промежуток времени. Целью

высшего инженерно технического образования является подготовка компетентного инженера определенной ступени, однако вуз является начальной ступенью профессиональной деятельности. Сегодня все большее значение приобретает сотрудничество между учебными заведениями и социальными партнерами, так как первые поставлены перед необходимостью прогнозировать потребности рынка труда с целью перспективного планирования процесса обучения, а вторые – заинтересованы в повышении качества профессионального образования. Основным социальным партнером учебного заведения – предприятие, т.к. именно оно является возможным работодателем. В отношениях «предприятие – учебное заведение» прежде всего, должна быть решена задача обеспечения соответствия уровню подготовки специалистов требованиями рынка труда.

Именно там, где рядом находится реальное производство, новые технологии и педагогический опыт можно дать студенту лучшее техническое образование, который способен успешно осуществлять свою профессиональную деятельность, что является необходимым фактором общественного и экономического развития России. Поэтому будущее инженерное образование лежит в основе развития социального партнерства.

Понятие «социальное партнерство» в мире рассматривается как участие различных организаций и частных лиц в современной деятельности, направленной на формирование современного подхода к профессиональному образованию. Социальные партнеры, независимо от того, какую сторону они представляют, либо образовательное учреждение, либо социально- государственные сообщества, заинтересованы в качественной подготовке будущего инженера.

Основными субъектами социального партнерства могут выступать:

- образовательное сообщество (общеобразовательные школы, учреждения начального образования, средне-специального, высшего профессионального образования, научные организации, филиалы высших учебных заведений);
- профессиональное сообщество (некоммерческие, коммерческие предприятия, компании, организации);
- государственно-управленческое сообщество (учреждения труда и занятости, социальной и молодежной политики, региональные и муниципальные органы исполнительной власти, учреждения вооруженных сил, правоохранительные органы, учреждения СМИ);
- общественное сообщество (общественные советы, благотворительные фонды, ассоциации промышленников, выпускников, попечительские советы, советы директоров предприятия, молодежные объединения).

Как нами уже отмечалось ранее, в настоящее время подготовку компетентного специалиста невозможно осуществлять без тесного сотрудничества образовательного учреждения профессионального образования и производства. Наиболее эффективными и распространенными способами взаимодействия образовательного учреждения профессионального образования с предприятиями является договорной, профориентационный и информационно-коммуникативный.

Договорной способ взаимодействия предусматривает:

- заключение договоров, позволяющих образовательному учреждению подготовить для предприятия необходимых специалистов, руководствуясь образовательными стандартами, согласовывая с работодателем требования к подготовке выпускника, оснащение новейшим оборудованием, материально-техническую базу вуза, программу производственной практики и т.д.

- создание органов сотрудничества среди субъектов социального партнерства (советы социальных партнеров, попечительские советы, советы учредителей), заинтересованные в выработке единой стратегии подготовки конкурентоспособных специалистов, востребованных как региональным, так и российским рынком труда;

- целевую подготовку специалистов для конкурентноспособного предприятия, ведомства, отрасли, решая проблему прохождения различных видов практик и трудового опыта выпускника;

- участие работодателей в итоговой государственной аттестации выпускников вуза.

Не менее важной формой взаимодействия «вуз-предприятие» является профориентационная работа, осуществляемая через различные виды технологических и производственных практик, обучение студентов на рабочем месте по отдельным новейшим технологиям, которые представлены на конкретном предприятии, конкурсы профессионального мастерства, производственные встречи с администрацией завода, привлечение опытных производственных специалистов к преподаванию практических спецкурсов, развитие наставничества, консультационная помощь по подготовке курсовых и дипломных проектов. Профориентационная работа тем самым способствует быстрому освоению профессии в процессе обучения и повышению профессионального мастерства.

Информационно-коммуникативный способ взаимодействия вуза и предприятия ориентирован на формирование положительного имиджа образовательного учреждения; изучение спроса на рынке образовательных услуг; работа со старшеклассниками и абитуриентами; изучение и формирование спроса на выпускников; работа по трудоустройству с организациями и предприя-

тиями; подготовка и издание информационно-справочных материалов по различным направлениям деятельности предприятия.

Такое плодотворное сотрудничество позволяет решить одну из главных проблем, как безболезненная и быстрая адаптация студентов к производству. Слабый уровень профессиональной адаптации выпускников образовательных учреждений проявляется в недостаточной теоретической и практической подготовке, отсутствии целостного представления о профессиональной деятельности, низком уровне коммуникационной и социальной компетенции, навыков самостоятельной и научно-исследовательской работы, неуверенности в своих силах, собственном личном потенциале. В последнее время проблема адаптации уже не сводится только лишь к освоению профессиональных навыков, существенное место в ней начинает отводиться и профессионально-личностным характеристикам.

Таким образом, социальное партнерство является наиболее перспективным направлением адаптации системы профессионального образования к условиям рыночной экономики и социально-экономической ситуации в России. Осуществляется:

- реализация государственной политики в области профессионального образования и подготовки кадров;
- обеспечение развивающегося рынка труда необходимыми специалистами требуемых профилей и квалификаций с учетом основных тенденций стратегического развития экономики;
- быстрая адаптация подготовки, обучения и переподготовки кадров к изменениям на рынке труда;
- обеспечение рабочими местами безработного и незанятого населения;

- повышение кадрового потенциала, профессиональной мобильности и конкурентноспособности специалистов образовательных учреждений.

Литература

1. Кузьмицкая А.Н. Всероссийское совещание-семинар «Социальное партнерство в системе среднего профессионального образования: состояние, проблемы, перспективы» // Среднее профессиональное образование. – 2005. – № 3. – С. 12-13.
2. Вражнова, М.Н. Система профессиональной адаптации студентов технических вузов в условиях взаимодействия «Вуз-предприятия» / М.Н. Вражнова / Под ред. Л.И. Гурье; Моск. автомобил.-дорожн. ин-т (гос.тех. ун-т), Ин-т проблем развития высш. проф. образования. М.: Техполиграф-центр, 2003. – 179 с.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ МОБИЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

DESIGN OF THE MOBILE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF PEDAGOGICAL HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Виневская А.В.

*Таганрогский государственный педагогический институту имени А.П.Чехова,
г.Таганрог, Ростовская область, Россия*

Vinevskaya A.V.

*Taganrog state institute named after A.P.Chekhov,
Taganrog, Rostov region, Russia*

В данной статье рассматривается основание проектирования модели мобильной образовательной среды педагогического вуза, выясняется место понятия «мобильная образовательная среда» в педагогике. Мы приводим собственное определение такой дефиниции, как «мобильная образовательная среда».

Ключевые слова: проектирование; образовательная среда; мобильная образовательная среда; мобильность; модель образовательной среды.

In this article the basis of design of model of the mobile educational environment of pedagogical higher education institution is considered, the concept place «the mobile educational environment»

in pedagogics becomes clear. We give own definition of such definition, as «the mobile educational environment».

Keywords: *design; educational environment; mobile educational environment; mobility; model of the educational environment».*

Введение

Одной из задач модернизации российской образовательной системы является создание такой образовательной среды в высшем профессиональном учебном заведении, которая бы содействовала формированию у будущего педагога личностной траектории развития, что способствует овладению современным выпускником педагогического вуза технологиями и приемами профессионального обучения. Современный выпускник педагогического вуза должен быть готов решать образовательные и исследовательские задачи, ориентированные на анализ научной и научно-практической литературы в области образования; использовать современные технологии сбора и обработки экспериментальных данных в соответствии с проблемой исследования в области образования; конструировать содержание обучения на разных ступенях образования; способствовать социализации, формированию общей культуры личности, осознанному выбору и последующему освоению профессиональных образовательных программ; систематически повышать свою профессиональную квалификацию, быть готовым участвовать в деятельности различных профессиональных объединений педагогов, осуществлять связь с родителями (лицами, их заменяющими). Вот почему педагогическое образование становится сегодня социокультурным механизмом, который оказывает влияние на ход развития личности и, где одной из актуальных ее составляющих становится проектирование мобильной образовательной среды, где личность способна к максимальной реализации своего по-

тенциала. Одной из важнейших компетенций будущего педагога должна быть профессиональная мобильность, которая заключается в готовности к поиску и использованию новой информации, как в социальной жизни, так и в профессиональной среде, в ощущении не только ответственности за свое дело, но и внутренней свободы в работе. Реализация этой задачи может решаться как через формирование профессиональной потребности к мобильности, через проектирование мобильной образовательной среды в педагогической вузе.

Целью исследования является осмысление на теоретическом уровне необходимости проектирования мобильной образовательной среды в педагогическом вузе.

Материалы и методы

Материалами для нашего исследования служили работы отечественных исследователей по проблеме изучения мобильности, профессиональной мобильности и образовательных сред.

Для разработки проблемы исследования мы использовали следующие методы: теоретические – теоретический анализ философской, психологической, педагогической и методической литературы по исследуемой проблеме; теоретическое моделирование; сравнительный анализ.

Результаты исследования и обсуждение

Новые требования к педагогу, сложившиеся в практике деятельности высших учебных заведений, предполагают выход за рамки традиционного обучения с монофункциональной направ-

ленностью образовательного процесса и среды вуза. Все это определяет необходимость разработки теоретико-методологических, научно-практических основ проектирования мобильной образовательной среды педагогического вуза, моделирующей новый тип педагогической реальности и, соответственно, профессиональной деятельности педагога.

В качестве методологической основы исследования используются пространственный, интегративный и средовый подходы, определяющие необходимость проектирования мобильной образовательной среды педагогического вуза, адекватного миссии и целям деятельности вуза, ориентированного на формирование личности будущего учителя как субъекта профессиональной деятельности в системе современного непрерывного образования. Все это обеспечит профессиональное развитие будущего педагога в контексте процессов самоактуализации и самореализации, осознанного и ответственного выбора содержания и технологий педагогической деятельности, формирования современных профессиональных компетенций в области учебно-воспитательной, социально-педагогической, методической, культурно-просветительской, организационно-управленческой деятельности.

В целом, необходимость изучения и осмысления процессов проектирования мобильной образовательной среды современного педагогического вуза обусловлена как возрастающими запросами общества и государства на обеспечение инновационного развития образовательных учреждений, так и для достижения качества профессионального педагогического образования. Очевидна потребность в анализе и систематизации имеющегося опыта по проектированию различных образовательных сред высшей школы. В этом плане, особую значимость приобретает изучение способов и алгоритмов перехода

от предметоцентрированного вузовского образования к подготовке учителей в соответствии с требованиями ФГОС ВПО, что дает достаточное основание для отнесения проблемы проектирования мобильной образовательной среды вуза к наиболее актуальной в педагогической науке.

Степень разработанности проблемы исследования

Теоретическими предпосылками обеспечения качества подготовки педагогических кадров на основе проектирования мобильной образовательной среды педагогического вуза выступают педагогические исследования, связанные с современным пониманием: природы педагогической деятельности, основных компетенций педагогов (Е.П. Белозерцев, Н.В. Бордовская, Е.О. Галицких, В.В. Краевский, П.Ф. Кубрушко, Н.В. Кузьмина, В.Л. Матросов, Н.К. Сергеев, В.В. Сериков, А.П. Тряпицина, И.Д. Чечель и др.); содержательных и процессуальных аспектов подготовки специалистов сферы образования (О.А. Абдуллина, А.Г. Бермус, Г.А. Бордовский, И.В. Зимняя, М.М. Поташник, Л.Л. Редько, А.И. Субетто, Г.А. Шабанов и др.); методологии средового подхода, его сущности, структуры, признаков (А.П. Лиферов, Г.Н. Сериков, Е.А. Ямбург и др.); организационно-педагогических основ проектирования образовательного процесса, обладающего новыми пространственными характеристиками (А.И. Бондаревская, А.Я. Данилюк, И.Е. Иванцова, И.В. Колокова, А.А. Криулина и др.). Научные положения, непосредственно затрагивающие проблему подготовки профессионально мобильной личности специалистов, сформулированы в диссертационных исследованиях З.А. Багишаева, Л.В. Горюновой, О.М. Дудина, Б.М. Игошева, Ю.И. Калиновского, Н.Ф. Хорошко и др.

Анализ данных исследований показал, что вопросы проектирования мобильной образовательной среды педагогического вуза в педагогической науке и образовательной практике являются нерешенными, что позволило нам ввести в научный тезаурус дефиницию «мобильная образовательная среда», обозначить цели и смыслы ее проектирования. Это актуализирует необходимость разработки теоретико-методологических и процессуально-технологических основ проектирования обозначенной среды педагогического вуза в системе современного непрерывного педагогического образования.

К системным характеристикам мобильной образовательной среды педагогического вуза в исследовании были отнесены его территориальная целостность, адаптивность, открытость, событийность, образовательная протяженность, иерархичность, инклюзивность, наполненность разнообразными ресурсами, динамичность, многомерность и вариативная доступность образовательных услуг, обеспечивающих создание многообразных условий для определения траектории личностного развития субъектов.

Качественными характеристиками мобильной образовательной среды педагогического вуза являются взаимодействие: общего с ориентацией на единство (сохранение единого образовательного пространства); единичного (учёт специфики региона) и особенного (способы построения пространства), обеспечивающего диалектический характер интеграционных процессов в соответствии с региональными социально-экономическими, географическими, культурно-демографическими и другими условиями.

Анализ теоретической разработанности проблемы исследования позволил определить *мобильную образовательную среду педагогического вуза* как организованную систему взаимодействий объектов, субъектов, средств и технологий работы с информацией (источников, содержания, ресурсов, условий поиска и применения), создающую, как возможности технологизации передачи и усвоения культурного и образовательного опыта для субъектов взаимодействий и интеракций, так и объединяющую перспективы построения личностной траектории развития и социализации субъектов в социуме.

Заключение

Таким образом, сращение дефиниций «мобильность» и «образовательная среда» позволяют нам формулировать необходимость введения в педагогический тезаурус определения мобильной образовательной среды. Введенное понятие требует дальнейшего осмысления и формулировок. В процессе нашего теоретического исследования был выявлен ряд проблем следующего характера: необходимость дальнейшей разработки модели мобильной образовательной среды педагогического вуза; разработка принципов построения мобильной образовательной среды, ее структуры, условий, факторов, соответствующих требованиям средового подхода; исследование особенностей реализации разработанной модели мобильной образовательной среды дополнительными средствами. Мы не претендуем на конечность нашего исследования и планируем в дальнейшем его продолжать.

Литература

1. Винеvская А.В. Готовность к профессиональной мобильности бакалавра специального образования как условие его социально-педагогической деятельности / А.В.Винеvская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. - №5(69). - С.21-24.

2. Ясвин В.А. Образовательная среда. От моделирования к проектированию / В.А.Ясвин. М.: Смысл, 2001. - 265 с.
3. Рубцов В.В. Коммуникативно-ориентированные образовательные среды. Психология проектирования / Под ред. В.В. Рубцова. М., 1996. - 237с.
4. Vinevskaya A.V. On the issue of information component of the mobile educational environment / A.V. Vinevskaya // European researcher. - 2012. - №8-1. - P.1159-1165.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE FORMING OF STUDENTS' INDIVIDUAL STYLE OF COGNITIVE ACTIVITY AND OPPORTUNITIES OF VIRTUAL EDUCATION

Котряхов Н.В. , Рожина В.А.

*филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный индустриальный университет», в г. Кирове,
Киров, Кировская область, Россия*

Kotryakhov N.V., Rozhina V.A.

*Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Vocational Training
«Moscow State Industrial University» in Kirov, Kirov, Kirov region, Russia*

В статье рассматриваются гипотетические возможности, которые предоставляет виртуальное образование для формирования индивидуального стиля познавательной деятельности учащихся.

Ключевые слова: *познавательные стили, индивидуальный стиль познавательной деятельности, виртуальное образовательное пространство.*

The article examines the opportunities which virtual education could grant for the forming of students' individual style of cognitive activity.

Keywords: *cognitive styles, individual style of cognitive activity, virtual educational space.*

Стремительный рост объёма информации активное освоение учащимся не столько знаний, предопределяет одну из важнейших глобальных сколько способов познавательной деятельности образовательных тенденций – ориентацию на сти.

Познание – процесс, опосредованный индивидуальными познавательными особенностями человека, особенностями темперамента, мотивов и т.п. Каждый человек воспринимает, перерабатывает и оперирует поступающей к нему информацией по-своему. Анализ психологических и педагогических исследований позволяет заключить, что познавательная деятельность отличается сложной структурной организацией и требует от человека использования адекватной системы методов, средств и операциональных сил. В этом случае индивидуальные возможности человека выдвигаются на первый план. Учащийся может достигнуть успеха в учебно-познавательной деятельности, если он научится использовать преимущества своей индивидуальности и компенсировать её недостатки, применять эффективные индивидуально-своеобразные способы познавательной деятельности, которые характеризуются понятием «индивидуальный стиль».

Цель нашего исследования – теоретически определить возможности виртуального образования для формирования индивидуального стиля познавательной деятельности учащихся и выявить особенности организации учебного процесса с использованием виртуального образовательного пространства. Освоение учащимися приёмов познавательной деятельности в учебном процессе рассматривали многие педагоги и психологи, но ответ на вопрос о том, как осуществить формирование единообразных познавательных приёмов у обучающихся с учётом и нарастанием их индивидуального своеобразия, развить индивидуальный стиль познавательной деятельности в условиях массового обучения, требует уточнения. Теория индивидуального стиля деятельности была разработана в отечественной общей и дифференциальной психологии. В педагогике исследования по формированию индивидуально-го стиля познавательной деятельности учащихся

немногочисленны, а изыскания возможностей его формирования с помощью виртуального образовательного пространства не проводились.

Прежде всего, определим, что мы понимаем под индивидуальным стилем познавательной деятельности учащихся. Мы исходим из определения Е. А. Климова (СССР): индивидуальный стиль деятельности – это «индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей индивидуальности с внешними условиями деятельности» [1, С. 49]. Важно отметить, что мы также различаем понятия «познавательный стиль» и «индивидуальный стиль познавательной деятельности». Познавательные стили, в нашем понимании, – это врожденные способы кодирования и переработки информации: визуальный, словесно-знаковый, чувственно-сенсорный или предметно-практический стили (М.А. Холодная), аналитический или синтетический (Р. Гарднер), импульсивный или рефлексивный (Дж. Каган), полезависимый или полнезависимый стили (Г. Уиткин) и др., а также способы постановки и решения проблем: исполнительный, эвристический или исследовательский стили (М.А. Холодная) [4]. Индивидуальный стиль познавательной деятельности основан на врожденных формах реагирования и имеет внутреннюю природу, но сознательно формируется человеком в процессе обучения в опыте деятельности (В.С. Мерлин).

А.В. Либин, отдавая должное афоризму Бюффона «Стиль – это человек», считает более предпочтительной и адекватной для начала XXI столетия формулу «Стиль – способ взаимодействия человека с миром» [2]. Принимая во внимание все выше сказанное, мы определили **индивидуальный стиль познавательной деятельности** (ИСПД) как систему индивидуально-своеобраз-

ных способов взаимодействия субъекта с объектом познания [3].

Опираясь на понимание сущности индивидуального стиля и теорию деятельности, мы можем охарактеризовать следующие компоненты ИСПД:

1. Субъективный компонент (включает индивидуальные особенности мотивационной, волевой, эмоциональной сфер индивидуальности, знание собственных познавательных возможностей, умения рефлексии).

2. Операциональный компонент (индивидуально-своеобразные способы познавательной деятельности, основанные на системе предпочтений; приобретенные субъектом познавательные знания, умения и навыки; способность к саморегуляции).

3. Результативный компонент (индивидуальное своеобразие продуктов познавательной деятельности) [3].

Критериями оценки уровня сформированности ИСПД, по нашему мнению, являются:

- 1) наличие у учащегося познавательных мотивов, интереса к способам познавательной деятельности, положительного отношения к познанию;
- 2) знание учащимся своих индивидуальных возможностей, «сильных» и «слабых» сторон в познавательной деятельности, наличие рефлексивных умений;
- 3) умение использовать приёмы познавательной деятельности, индивидуальное своеобразие применяемых способов познавательной деятельности;
- 4) способность выбирать самые эффективные способы познавательной деятельности согласно внешним условиям и индивидуальным возможностям;
- 5) индивидуальное своеобразие продуктов, успешность и результативность познавательной деятельности [3].

Анализ школьной практики позволяет установить, что система обучения, как правило, унифицирована, то есть направлена на то, чтобы учить всех одинаково. Это не способствует развитию у обучающихся индивидуальной системы способов познания, а, напротив, ведёт к «ломке» их природного своеобразия. Профессор Д. Колб (США) отмечал, что большинство современных образовательных систем недостаточно влияют на познавательное развитие: «В последние годы появилось множество образовательных методик, предназначенных для сопровождения процесса учения: автоматизированное обучение, основанные на формах опыта дидактические материалы по математике, естествознанию и психологии, программированное обучение, игры, мультимедийные учебные курсы, открытые классы и т. д. ... Слабость почти всех этих систем обучения – отказ от признания и обеспечения различий в стилях учения. Даже притом что многие из этих образовательных новаций были разработаны во имя индивидуализированного образования и учения, они не уточняют, какие основания индивидуализации предусматривают... Мало что было сделано для того, чтобы обеспечить ученика альтернативными методами учения, основанными на его стиле» [6]. Действительно, учебные планы обычно предусматривают только содержание и не решают задачи развития индивидуального стиля познавательной деятельности.

Мы полагаем, что познавательные стили должны учитываться при постановке образовательных целей, и весь учебный процесс должен быть направлен на формирование индивидуального стиля познавательной деятельности учащихся и достижение ими успехов в учебной деятельности; только так можно гарантировать возможность их дальнейшего самообразования и повышения квалификации в течение всей жизни.

Формирование индивидуального стиля познавательной деятельности учащихся, по нашему мнению, означает решение в образовательном процессе следующих задач:

- а) создание условий для актуализации познавательных стилей и потенциальных возможностей каждого ребенка;
- б) развитие познавательных мотивов учащихся, их интеллектуальных чувств, воли и умений рефлексии;
- в) помощь учащимся в овладении приёмами познания и построении индивидуально-свообразных способов познавательной деятельности;
- г) формирование умений саморегуляции, т. е. обучение выбору наиболее эффективных и адекватных способов познавательной деятельности в соответствии с изменяющимися внешними условиями деятельности и субъективными внутренними особенностями [3].

В целях формирования индивидуального стиля познавательной деятельности учащихся могут быть весьма эффективно использованы средства виртуального образования, так как виртуальное образовательное пространство предоставляет возможность индивидуализации учения, создания индивидуального образовательного маршрута. Взаимодействуя с искусственными визуальными объектами или средой, воздействующей на иные органы чувств, учащийся имеет возможность совершать активные действия в этом виртуальном пространстве, реагируя на происходящее в нём в соответствии со своими предпочтениями и индивидуальными особенностями. Если при создании виртуального образовательного пространства предусмотреть разные варианты действий и развития сценария, виртуальное образование позволит учесть индивидуальные психологические особенности каждого конкретного ученика и развить стилевые особенности позна-

вательной деятельности. Например, хорошо известно, что некоторые дети лучше воспринимают и запоминают информацию на слух (таких учащихся условно принято называть «аудиалами»). Программируя виртуальное образовательное пространство для них, можно использовать звуковые источники информации и звуковые способы обратной связи. «Визуалов», предпочитающих зрительное восприятие, в виртуальном пространстве можно обучать с помощью образов. Учащиеся, которые имеют чувственно-сенсорный или предметно-практический стиль восприятия («кинестетики»), в виртуальном пространстве смогут «касаться» объектов изучения и учиться на опыте движений. Ученик со словесно-знаковым стилем будет комфортно осваивать информацию, пользуясь электронным учебником. Предпочитаемый учеником способ переработки информации также можно учесть при разработке программных продуктов и технического обеспечения виртуального образования.

Однако существование виртуального образования невозможно вне взаимоотношений учителей и учащихся. Иными словами, виртуальная образовательная среда создается субъектами и объектами образовательного процесса, а не пособиями или компьютерными технологиями [7]. Виртуальное образование не означает отказа от реального взаимодействия учителей, учащихся и исследуемых объектов, оно лишь позволяет раздвинуть рамки учебного процесса и индивидуализировать его.

Индивидуализированное виртуальное образование, формирующее индивидуальный стиль познавательной деятельности учащихся, по нашему мнению, предполагает:

- диагностику индивидуальных познавательных особенностей учащихся;
- предусмотрение индивидуального значения учебного материала для каждого ре-

- бёнка;
 - специфическое построение урока, структура которого соответствует этапам познавательной деятельности учащихся как субъектов учебного процесса, осуществляющих полный цикл деятельности – от целеполагания до оценки результатов и коррекции своих действий, что необходимо предусмотреть при разработке электронных заданий;
 - признание знаний и умений не конечной целью учения, а инструментом, полем для творчества, исследования и самореализации ребёнка;
 - предоставление ученикам информации во всех каналах восприятия с возможностью выбора способа ее получения и переработки, как было показано выше, а также с индивидуализированной обратной связью;
 - адаптацию заданий к познавательным стилям детей на начальных этапах освоения нового материала и оказание им индивидуальной помощи в приобретении иных, несвойственных для них способов познания;
 - увеличение доли индивидуальной самостоятельной деятельности учащихся на уроке;
 - сохранение некоторой «зоны неопределённости деятельности» [5] для проявления индивидуальности ученика (то есть учитель не регламентирует деятельность учащегося полностью, а обеспечивает оптимальное соотношение между достаточно полной системой инструкций и проявлением индивидуальных свойств обучающегося; виртуальный процесс предоставляет для этого прекрасные возможности, т. к. отличается непредсказуемостью развития событий [7]);
 - психологическое просвещение учащихся в плане индивидуальных различий, то есть предоставление им информации, времени и инструментов для анализа своих действий и изучения собственных психологических особенностей.
- Таким образом, современные средства программирования позволяют предусматривать разработку индивидуального образовательного маршрута с учетом интересов, потребностей и индивидуальных особенностей познавательной деятельности конкретного учащегося на основе текущей диагностики. Примерные критерии для осуществления диагностики и особенности организации учебного процесса с применением виртуального образовательного пространства предложены в тексте данной статьи. Проведенное теоретическое исследование дает основания предполагать, что внедрение виртуального образования позволит существенно повысить общую эффективность процесса обучения и формировать индивидуальный стиль познавательной деятельности учащихся.

Литература

1. Климов Е. А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы / Е. А. Климов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969. – 280 с.
2. Либин А. В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций / А. В. Либин 2 изд., перераб. М.: Смысл; В Се, 2000. 549 с.

3. Рожина В. А. Формирование индивидуального стиля познавательной деятельности младших школьников: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Рожина Вера Анатольевна. Киров, 2006. 257 с.
4. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учебное пособие / М. А. Холодная. М.: ПЕР СЭ, 2002. 304 с. ISBN 5-9292-0061-0.
5. Щукин М. Р. Индивидуальный стиль и интегральная индивидуальность: проблемы и подходы / М. Р. Щукин // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 2. – С. 103-113.
6. Kolb, D. A. *Experiential learning* / David A. Kolb. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, 1984. 376 p. ISBN 0-13-295261-0.
7. Khutorskoy, A. Domestic preconditions of philosophy of virtual education in Russia / Andrey Khutorskoy [Электронный ресурс] // Internet-magazine «Eidos». Сайт Distance Education Centre «Eidos». Moscow, 1998–2005. URL: www.eidos.ru/eng/journal/domestic.htm

THE USE OF THE IT POTENTIAL IN ORDER TO CREATE A MOBILE LEARNING ENVIRONMENT IN A TEACHER'S TRAINING UNIVERSITY

Vinevskaya A., Puilova M., Terskikh I.

Taganrog state institute named after A.P.Chekhov, Taganrog, Rostov region, Russia

The article shows the use of information technology for creation of a mobile learning environment in the university. Modern pedagogical university graduate should be prepared for pedagogical process, for their own professional activity, for interpersonal and business relations, for mobile interaction with the socio-cultural and professional environment and for creating their own mobile learning environment. The article deals with the conditions which lead to the formation of mobile learning environment in teacher's training university with the help of information technology in the A. Chekhov Taganrog State Pedagogical Institute.

Keywords: *information technology, professional mobility, bachelor of pedagogy, development of professional mobility, mobile learning environment.*

Introduction

State Educational Standard of Higher Professional Education represents set of conditions and quality requirements as established for educational programs according to the performance standard of a teacher as a professional working in general and special

education systems, who has systemic thinking, the capacity for conscious consideration, creativity, a high level of personal development, professional mobility and adaptability.

That's why one of the objectives of the Russian educational system modernization is to create a

multi-level system of higher education «bachelor's degree – master's degree». The transition of higher education to multi-level system requires a review of the educational process. According to the strategy document of «Innovative Russia 2020», a innovation policy for 2011-2015, bachelor's degree is the basis for the subsequent selection of a professional pathway (master's degree, the system of additional education, job, etc.) and personal development path that requires from bachelor the knowledge of technology and methods of professional training.

Research objective is the theoretical judgment of a problem of use of information technologies in design of the educational environment of pedagogical higher education institution.

Materials and methods

As materials for our research works of domestic researchers on a problem of studying of mobility, professional mobility and educational environments served.

Results of research and discussion

Bachelor's degree is a basis of higher education. Bachelor's degree is an academic degree, and an educational and scientific base for many professions, in contrast to the specialist degree that is narrowly focused on a certain profession. Bachelor of pedagogy masters the scientific sources, common cultural and professional information, and universal methods of practical and theoretical education activities. Bachelor's degree of pedagogy graduate should be ready to solve the educational and research objectives focused on the analysis of the scientific and practical literature in the field of education, the use of modern technologies for the collection and processing of the experimental data according to the problem of research; compose the training content at different levels of education and promote socialization, development of a common cultural

identity, consciousness and subsequent mastering of professional training programs, systematically improve their professional skills, to be willing to participate in a variety of professional associations of teachers, to communicate with parents (or persons in loco parentis)[5].

Thus, we can say that bachelor's degree of pedagogy graduate is prepared to manage pedagogical process and their own professional activity, to build interpersonal and business relationships, to interact with the socio-cultural and professional environment.

However, at the present time the transition to a two-tier system of education is not quite methodically prepared. The training of highly qualified and competitive bachelors meet certain difficulties connected with the fact that research in bachelor training methodology is held at the same time with the process of modernization of higher education.

As already mentioned, the Federal State Educational Standard of Higher Professional Education clearly states that the future teacher must possess various professional capacities such as the ability and willingness to various professional activities, and that highly specialized training today is replaced with a broad professional education [2]. Consequently, teacher's training has become a social and cultural mechanism of influence to the course of personal development, and the most important result is the formation of a professionally active personality capable of their maximum potential fulfillment not only within the same profession as in the vertical mobility, but also in terms of career change as in horizontal mobility. Thus, bachelor's professional mobility is one of their essential skills. This mobility includes willingness to look for the new information and make use of it in social life as well as in a professional environment. It also includes not only a sense of responsibility for the business, but also the sense of inner freedom. It can be achieved through creation of invariant technology, and managing both,

new and updated system of education, the ability to rapidly develop new activities.

How future teacher can integrate into the changing world and society still being in their high school? How he/she can quickly adapt to the social and professional transformation? One answer to this difficult question is that it is necessary to create a mobile learning environment at the university, the conditions for the formation of professional mobility, possibility of the information and communication technologies use in educational practice, which today include technology computer training.

The term «mobility» which was borrowed from sociology is widely known in teaching. Now mobility is a concept that is widely used not only in sociology, but also in science and technology. Originally, it was defined as ability to respond quickly to emerging changes, readiness for quick response and involvement in any activity. Such widely known term as «social mobility» denotes the transition of people from one social group to another. Not very long ago the concept has come into use in teaching. A number of authors, for example, L. Amirova, have successfully used this concept for a long time and in teaching in general, and in the professional pedagogy in particular. Thus, in her studies of professional and educational problems of mobility, the development of professional mobility of the teacher due his personal self-fulfillment, development of the professional mobility in the system of additional education, L. Amirova carry out a detailed and thorough research of the mobility phenomenon in modern education. She identifies and gives scientific basis of «Intrinsic characteristics (integrity, complementarity, coherence) and the structure (activity, availability, adaptability, creativity) of professional teacher mobility as the value and sense construct of personality, on the basis of which the diagnostics of the professional level of teacher mobility and process of its further

development is carried out»[1, p .135].

We share the author's opinion that the professional mobility of the teacher is a dictates of the time. Professional mobility is determined by the environment, which is created and shaped according to the subject-subject interaction, their goals, and traits of their personalities.

In this connection, the opinion of M. Pazyukova deserves attention. She states that focus purely on specialist, bachelor's or master's degree in higher education is not sufficient, it is important to pay attention to the development of the student's personality as future teacher, capable of responding adaptively to changing conditions of cultural educational environment and possessing creativity, constructiveness and willingness to implement any form of professional mobility[2].

The construction and testing of emerging models of training requires new terms and concepts that can be borrowed from different sciences. And today there is a need to introduce in education a definition of a «mobile learning environment», genetically related to such concepts as «educational environment», «mobility» and «professional mobility.» In this case, it is important to determine the nature and components of the mobile learning environment.

Degree of a readiness of a problem of research

As it is generally known, there are several models describing the educational environment: V. Yasvin eco-personal model that defines the educational environment as influences as well as the conditions of personality formation by a certain standard; V.V. Rubtsova communication-based model, which has been defined by the author as some form of collaboration between students and teachers and students themselves, V. Slobodchikova anthropological-psychological model, in which joint activities of subjects of educational process are the basic concept, psycho-didactic model by

V. Lebedeva, V. Orlov, V. Yasvin, the concept of which is personality-centered education; ecopsychological approach proposed by V.I. Panovym, which is based on building a model of the educational environment; the basis of this approach is a system of psychological and pedagogical conditions and influences necessary for the development potentials of each person [3].

According to the environmental approach we determine that the mobile educational environment is a system which includes objects, subjects, system interactions and links, the information (its sources, content, resources, and use of search terms). Thus, today the mobile learning environment is a sophisticated system, which should be studied and promoted by the modern teacher. Thus, we consider that the use of modern information technology in education has led to the fact that the interpretation of the educational environment formation has reached a new level of development. The structure of modern educational environments has become more complex. This was primarily caused by the introduction of new structural components. One is the mobility and related concepts: professional, personal, academic, intellectual mobility, professionally mobile personality type, mobile learning, methods, resources, formats of mobile learning.

A necessary component of the mobile learning environment is the information it collects and holds, sources, resources, application, where we can make appropriate use of information computer technology.

In modern literature, there is an opinion about the need of information technology in education at all levels. [4] After all, a personal computer, supplied with a variety of application software in the hands of a future professional is a powerful evolving tool that can quickly implement the tasks for which the traditional approach would have left years. Information technology and computer-based training are relevant to the training of future teachers, as they make it possible to use new knowledge actively in

practice to achieve the best result. There have been created opportunities along with the technical means for using specialized software, electronic books, software simulators, testing systems, information directories (encyclopedia), demonstration (video and slide-show), educational and entertaining means; multimedia software that can be used for frontal, group, individual training, as well as for self-study at home.

Now we describe the practice of using information technologies in teaching the bachelor of pedagogy.

As it generally known, a modern student has no interest in paper textbook, and one cannot say the same about its electronic analog. Probably, there is no point in dwelling on the benefits of electronic textbooks in this article, so we'd better focus attention on the preparation technology of the electronic textbook or a textbook by the students themselves, which we use in the Chekhov Taganrog State Pedagogical Institute.

During training a student and a teacher accumulates a considerable amount of electronic documents, texts, slide show presentations that can be used in the preparation of a training manual. Students of Chekhov TSPI create our textbooks and teaching aids with MS Office Publisher. Initially we determine relevance of the e-book, select text files with training material, create a full textbook version, form vocabulary database, and correlate the concepts with references to them in the applicable dictionaries, form educational presentations database, which are also included in the textbook content. Subsequently we shoot microfilms necessary for highlighting of the problems, generate test and source database. Both, teachers and students themselves can use the electronic manual with ease, as it promotes a holistic perception of all of the course, «recovers» the educational material via video and animation tools, motivates learning, and as a result we have a complete socially significant product. Students of Chekhov

Taganrog State Pedagogical Institute prepared training manuals «Special Education Teaching for Speech Therapist», «Teaching Technology of Speech Therapists», «Correctional Tales».

Students make presentation of the electronic textbook. After the presentation, there is a discussion, in which all the students take part.

In Chekhov Taganrog State Pedagogical Institute we create Web School project, which is a relatively new form of information and communication technologies in the educational process. This form of training and cooperative learning requires not only material costs, but also intellectual resources. Web School was originally founded for cooperative learning, as a form of testing for students. And then it has become very popular among students who study in the pedagogy and methodology of primary education department, and are going to get their bachelor's degree of pedagogy. The mechanism of the Web School is simple. Teacher forms a workgroups and suggests number of topics for individual study. The students make reports and presentations on each topic on webinars. We use iMind software in our webinars. Time and schedule of the webinars are approved by the teacher and they are taken in the evening. There is only one group taking part in the webinar, but the other listeners also can take part in the discussion. Students of Chekhov Taganrog State Pedagogical Institute created the following webinars: «The Social Model of Disability Awareness», «Inclusion in Education as the Realization of the Right to Education», «Your Child Is in an Inclusive School»[6].

Information technology is also used to form the students' historical and pedagogical thinking as an important component of general and professional culture of teachers, ability to see the teaching facts and phenomena in their development, to understand the relationships and patterns of training, education and personal development.

As one element of the students' practical training we use the skills of independent work with primary sources, analysis and creative application of knowledge. To do this, we have developed electronic textbook «History of Education and Primary Education in Russia.» We have already mentioned on the advantages of working with this type of manual above.

Students themselves developed some webinars topics which they selected from ones suggested by the teacher, for example: «The Basis of Didactic Principles In Teaching Various Concepts From the Historical Point of View,» «History Of Approaches to the Age Periodization In Pedagogy,» «Teaching Terminology Of XIX Century», etc.

Conclusion

The problem of modern education is the introduction of a new educational content, which grows extremely quickly, but such a system presents completely new requirements for the competence of a high school teacher, and the future bachelor as well. That is why it is necessary for future teachers to get the professional education in such educational environments where new knowledge quickly accumulates; where it changes from the point of its competence; where mobility is formed not only as personal characteristics but also as characteristics of the teacher graduate and all of these are not only formed but also called-for. The question of a mobile environment, its research and the study of its components will help to ensure that the modern bachelor will be relevant to modern education and social competencies.

That is why the use of modern information technology has far-reaching perspectives in education institution; it shapes the professional mobility of future bachelor of the mobile learning environment.

References

1. L. Amirova, The development of occupational mobility of the teacher due to his/her personal self-fulfillment [Text] / L. Amirova. - East University, Ufa, 2006. - 460 p.
2. M. Pazyukova, Development of social and professional mobility of Teachers College students [text]: Candidate of pedagogical sciences thesis: 13.00.01: defended: 23.03.2003 Approved: 18.02.2004 / M. Pazyukova, Irkutsk, 2003. - 180 s.
3. A. Savenkov Educational environment [electronic resource] .-/Pervoe Sentyabrya / / 2008, - № 8. - [Electronic resource]. URL: https://psy.1september.ru/view_article.php?ID=200802001. - [Date of access: 21.07.2012]
4. V. Tikhomirov, e-learning system environment of education in Russia: a Global Virtual University [Text] / V. Tikhomirov, International Academy of Education.-M.: MESI, 2000.-332s.
5. Federal State Educational Standard [electronic resource]. URL: ftp://www.edu.ru/db/portal/spe/archiv_new.htm. - [Date of access: 20.07.2012].
6. Vinevskaya A.V. On the issue of information component of the mobile educational environment/ A.V.Vinevskaya // European researcher.-2012.-№8-1.-P.1159-1165.

О ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ, ОСНОВАННОЙ НА ПРИОБРЕТЕНИИ ЛИЧНОСТНОГО СМЫСЛА У ШКОЛЬНЫХ КОМАНД К ВНЕДРЕНИЮ ФГОС

FORMATION OF ACHIEVEMENT MOTIVATION BASED ON THE ACQUISITION OF PERSONAL MEANING FOR SCHOOL TEAMS TO IMPLEMENT THE EDUCATIONAL STANDARD OF THE SECOND GENERATION

Сиденко Е.А.

*Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования,
г. Москва, Россия*

Sidenko E.A.

Academy of training of educators, Moscow, Russia

В данной статье автор рассказывает о затруднениях, которые испытывают образовательные учреждения в связи с переходом на федеральный государственный общеобразовательный стандарт второго поколения, и предлагает некоторые способы выхода из затруднений.

В частности, раскрываются особенности курсовой подготовки школьных команд, основанной на формировании мотивации достижения у обучаемых путем приобретения ими личностного смысла.

Ключевые слова: *федеральный государственный общеобразовательный стандарт второго поколения (ФГОС), мотивация достижения, мотивация избегания неудач, личностный смысл, школьные команды.*

In this article the author writes about the difficulties faced by educational institutions in connection with the transition to the federal government general educational standard of the second generation, and suggests some ways out of difficulties. In particular, the author describes the peculiarities of course training of school teams based on the formation of achievement motivation among learners through the acquisition of personal meaning.

Keywords: *Federal State Educational Standards of the second generation, motivation of achievement, motivation of avoidance of failure, personal meaning, school teams.*

Министерством образования РФ, правительством российского государства обозначена необходимость качественных изменений в системе образования.

Начиная с конца 1980-х, постепенно нарастает неудовлетворенность общества результатами школьного образования, их неадекватностью современным требованиям и ожиданиям [6]. К этому времени начали снижаться и рейтинги отечественного школьного образования по оценкам сравнительных международных исследований учебных достижений учащихся [2].

Реальными ориентирами общего образования в традиционной школе оставались *конкретные знания и умения по отдельным учебным предметам*. За этими предметными результатами *терялась личность ребенка, развитие которой – смысл и цель образования*.

Осознание этого привело к формированию новых ценностей образования, к новому пониманию образовательных результатов, определяющих качество образования в его современном звучании.

Неудовлетворенность значительной части общества качеством общего образования, пони-

мание того, что нынешние образовательные результаты не могут в полной мере стать основой для успешной профессиональной карьеры и реализации жизненных устремлений выпускников, выразились, в конечном счете, в стремлении общества и государства сформировать новую, опережающую модель развития российской школы. Для решения этих задач был создан Федеральный государственный образовательный стандарт второго поколения (далее ФГОС) [7].

На сегодняшний день, несмотря на то, что опыт реализации ФГОС некоторыми экспериментальными площадками и отдельными образовательными учреждениями может быть оценен как вполне успешный, все же в большинстве образовательных учреждений существуют значительные затруднения по внедрению нового стандарта [8, 9]. Это определяет *актуальность* нашей разработки.

Как определено в ряде исследований [1, 3, 4], одним из существенных условий успешного внедрения инновации является подготовка управленческих и педагогических кадров. Несмотря на то, что существует значительное количество исследований и разработок, направленных на под-

готовку работников образования к реализации инноваций (внедрению ФГОС), недостаточно полно изученным и разработанным в рамках этих подходов остается вопрос влияния личностного смысла на формирование мотивации достижения участников образовательного процесса. Мотивация достижения необходима для успешного внедрения ФГОС, но несмотря на высокую степень разработанности теории мотивации в отечественных и зарубежных исследованиях, руководители очень часто используют приемы влияния на поведение педагогов, которые вместо мотивирования приводят к демотивации профессиональной деятельности [1]. Таким образом, вместо мотивации достижения у педагогов формируется мотивация избегания неудач, что ведет к фиктивной деятельности, деятельности репродуктивного типа, т.е. к формальному выполнению требований руководства во избежание административных наказаний.

Поскольку педагог не пережил ситуацию успеха, не самоопределился относительно своей роли во внедрении ФГОС, у него не сформирован личностный смысл. В ситуации отсутствия административных мер он бы отказался от внедрения ФГОС, но поскольку административные меры присутствуют, педагог вынужден имитировать деятельность по внедрению стандарта. Таким образом, мы можем говорить о том, что у педагога в данной ситуации преобладает мотивация избегания неудач (административных мер, выступающих в качестве наказаний). Аналогичная картина и для директорского корпуса.

Руководители также не видят личностного смысла во внедрении ФГОС, и поэтому у них сформирована мотивация избегания неудач, приводящая к имитации внедренческой деятельности на уровне своего образовательного учреждения. Таким образом, можно зафиксировать *противоречие* между острой потребностью подго-

товки управленческих и педагогических кадров к переходу на реализацию ФГОС и недостаточной разработанностью программ повышения квалификации, ориентированных на формирование мотивации достижения путем приобретения обучаемыми личностного смысла.

Обозначенное противоречие определило *проблему* исследования: теоретико-методологические и научно-практические основы эффективного формирования мотивации достижения на основе приобретения обучаемыми личностного смысла образовательной деятельности в процессе курсовой подготовки и в послекурсовой период.

Целью исследования является разработка модели повышения квалификации, основанной на теоретико-методологических и научно-практических положениях эффективного формирования мотивации достижения на основе приобретения обучаемыми личностного смысла внедрения инноваций.

Мотивации и мотивам посвящено большое количество исследований, как отечественных, так и зарубежных. Проблемами мотивации занимались такие отечественные и зарубежные ученые как А.Г. Асмолов, В.Г. Асеев, Дж. Аткинсон, А.Б. Бакурадзе, Л.И. Божович, О.С. Виханский, Н.П. Дерзкова, Б.В. Зейгарник, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, А. Маслоу, Х. Хекхаузен, К.М. Ушаков, В. А. Ядов и другие.

В зарубежной и отечественной психологии имеется около 50 теорий мотивации. В качестве мотива назывались самые различные психологические феномены, такие, как: намерения, представления, идеи, чувства, переживания, потребности и многие другие.

Однако, ряд отечественных и зарубежных исследователей, в том числе А.Б. Бакурадзе [1] и Д. Макклелланд [5], приходят к выводу, что попытка найти при определении мотива одну

единственную детерминанту – это тупиковый путь, поскольку человеческая деятельность является системным образованием и обусловлена системой детерминант, в том числе и на уровне мотивации. Поэтому монистический подход к пониманию сущности мотива не оправдывает себя, что вынуждает заменить его плюралистическим. Для правильного понимания психологического содержания мотива необходимо использовать все перечисленные выше психологические феномены, даже если такой подход представляется слишком сложным и громоздким [1, 5]. Только при таком понимании правомерно рассмотрение мотива в качестве сложного интегрального психологического образования. Следовательно, мотив личности – это и потребность, и цель, и намерение, и побуждение, и свойство личности, детерминирующие поведение человека.

Тема исследования: Формирование мотивации достижения, основанной на приобретении школьными командами личностного смысла внедрения ФГОС.

Объект: образовательный процесс повышения квалификации управленческих и педагогических кадров в условиях внедрения ФГОС.

Предмет: процесс формирования мотивации достижения у школьных команд (управленческих и педагогических кадров) в условиях внедрения ФГОС.

Гипотеза 1 этапа исследования: проблема внедрения ФГОС связана с тем, что школьные команды не видят личностного смысла во внедрении ФГОС и у них преобладает мотивация избегания неудач.

Методологическую основу исследования составляют системно-деятельностный, компетентностный подходы к формированию мотивации достижения в процессе повышения квалификации работников образования в условиях внедрения ФГОС.

Теоретическую основу составляет системный анализ структуры педагогической деятельности при внедрении системной инновации, деятельностный подход как основа организации руководства и управления процессом внедрения системной инновации (В.С. Лазарев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Г.П. Щедровицкий, А.К. Маркова, Д. Маклелланд, И.А. Зимняя, В.Д. Шадриков).

Информационной базой исследования являются научные достижения отечественных и зарубежных специалистов в области формирования мотивации достижения и реализации ФГОС.

В работе использовались теоретические и эмпирические *методы исследования*, включающие анализ литературы, проведение эксперимента. В частности, были использованы диагностические методики: анкетирование, тест незаконченные предложения, проективная методика метафора «Река ФГОС», тест-опросник «Измерения мотивации достижения» (модификация теста-опросника А. Мехрабиана), тест-опросник измерения мотивации аффилиации: стремления к принятию и страха отвержения (модификация теста-опросника А. Мехрабиана), опросник Стефансона и др.

В результате констатирующего эксперимента, проведенного на выборке 368 респондентов и предполагающего диагностику сформированности у школьных команд мотивации достижения, были получены следующие данные: 97% педагогов и 58% управленцев зафиксировали затруднения, связанные с переходом на стандарт, при этом: 1 группа педагогов – 3% обладают достаточными знаниями, умениями и активно внедряют ФГОС, 2 группа педагогов – 26% выразили интерес к внедрению стандарта, но не обладают необходимыми для этого знаниями, 3 группа педагогов – 11% респондентов не видят способов реализации ФГОС в данном образовательном учрежде-

нии, 4 группа педагогов – 42% респондентов выступают против нового образовательного стандарта, 5 группа педагогов – 18% респондентов выступают против инновационной деятельности любого типа и являются приверженцами классно-урочной системы. Относительно управленцев картина была аналогичная, но с меньшими значениями: 1 группа управленцев – 6% – обладают достаточными знаниями, умениями и создают условия для активного внедрения ФГОС в своем образовательном учреждении, 2 группа управленцев – 41% выразили интерес к внедрению стандарта, но не обладают необходимыми для этого знаниями, 3 группа управленцев – 30% респондентов не видят способов реализации ФГОС в данном образовательном учреждении, 4 группа управленцев – 9% респондентов выступают против нового образовательного стандарта, 5 группа управленцев – 12% респондентов выступают против инновационной деятельности любого типа и являются приверженцами традиционной системы обучения. При этом мотивация достижения у 1 группы и педагогов, и управленцев – высокая, у 2 группы – высокий и средний уровень, у 3, 4 и 5 групп – мотивация достижения низкая. Данные констатирующего эксперимента позволили сделать вывод, что на сегодняшний день в массовой управленческой и педагогической практике существует недостаточная готовность школьных команд к внедрению ФГОС. Эксперимент позволил выдвинуть предположение, что причиной недостаточной готовности команд является несформированность у них личностного смысла относительно внедрения ФГОС. При этом зафиксирован низкий уровень самоопределения управленцев и педагогов относительно их роли и функций введения ФГОС в образовательных учреждениях; управленцы и педагоги не умеют ставить цели, связанные с реализацией стандарта и не готовы принять новую образовательную парадигму.

В качестве *экспериментального материала* нами была разработана рабочая модель повышения квалификации для школьных команд, включающая три модуля, ориентированные на формирование у руководителей и педагогов мотивации достижения. Первый модуль – курсовая подготовка, осуществляемая в активных формах, методах и приемах. Второй модуль – межсессионный период, включающий консалтинг (сопровождение школьных команд по смыслообразованию и готовности к реализации ФГОС). Третий модуль – рефлексивно-оценочный и экспертно-аналитический, по итогам которого были зафиксированы результаты изменения мотивации достижения практически у всех групп слушателей. В частности, по 1 группе педагогов были получены следующие данные: мотивация достижения практически не изменилась; по 2 группе педагогов мотивация стала стабильно высокой; по 3 группе мотивация возросла до среднего уровня, по 4 группе мотивация стала высокой и по 5 группе изменилась незначительно в сторону улучшения. Относительно управленцев, картина была аналогичной.

Результаты исследования (1 этапа) обсуждались на международной научно – практической конференции по теме: «Современное образование: опыт, проблемы, перспективы развития» (апрель 2012) и на VI международном семинаре по вопросам естественного билингвизма и межкультурной коммуникации в городе Раттен, Австрия (июль 2012).

По результатам 1 этапа исследования опубликовано 11 статей, подготовлено пособие для учителей, разработана памятка и рекомендации для руководителей образовательных учреждений по формированию мотивации достижения у педагогов.

Выводом данного этапа исследования является то, что гипотеза исследования, заключа-

ющаяся в том, что проблема внедрения ФГОС связана с тем, что школьные команды не видят личностного смысла во внедрении ФГОС и у них преобладает мотивация избегания неудач, подтвердилась. Возможным ресурсом дальнейшего исследования является поиск способов повышения коэффициента эффективности методов, приемов и технологий, влияющих на формирование

мотивации достижения руководителей и педагогов, разработка усовершенствованной модели повышения квалификации, основанной на приобретении личностного смысла, формирующего мотивацию достижения для школьных команд в условиях введения ФГОС как системной инновации.

Литература

1. Бакурадзе, А.Б. Педагогические основы поддержки управленческой деятельности руководителей образовательных учреждений по мотивации трудового поведения педагогов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. - М., 2000. - 21с.
2. Кузнецов, А.А., Хеннер Е.К., Имакаев В.Р., Новикова О.Н. Проблемы формирования информационно- коммуникационной компетентности учителя российской школы. // Образование и наука. Известия УрО РАО № 7 (75), 2010, С. 88-96.
3. Лазарев, В.С. Управление инновациями в школе. Учебное пособие. М.: Центр педагогического образования, 2008.
4. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность. // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М., Изд-во МГУ, 1982. С. 22-27.
5. Макклелланд, Д. Мотивация человека. СПб.: Питер. - 2007. - 672 с.
6. Микетич, Андрея. Поведенческие и личностные особенности обучаемых основной школы. // Настава и васпитанье. Београд. - 2011. - №2. - С. 283-296.
7. Сиденко, А.С. О модели подготовки школ к реализации ФГОС второго поколения. // Образование и наука. Известия УрО РАО № 1 (90), 2012, С. 56-64.
8. Сиденко, Е.А. Основные проблемы и затруднения педагогов при переходе на Федеральные государственные стандарты второго поколения. Сборник материалов международной научно-практической конференции «Современное образование: опыт, проблемы, перспективы развития», 1-2 апреля, Москва, Россия / Сост. А.С. Сиденко. Ред.: А.С. Сиденко, Е.А. Сиденко. - М.: АПКИП-ПРО, 2012. - 200 с. - С.92-95.
9. Сиденко, Е.А. Тренинг мотивации достижения в зарубежной психолого-педагогической практике // Инновационные проекты и программы в образовании. - 2010. - №5.

ПРИМЕНЕНИЕ АППАРАТНЫХ СРЕДСТВ КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ ДИСТАНЦИИ

APPLICATION OF HARDWARE OF CONTROL IN THE SYSTEM OF A MIDDLE DISTANCE RUNNER

Мутаева И.Ш. Коновалов И.Е., Халиков Г.З.

Набережночелнинский филиал Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

Mutaeva I.S., Konovalov I.E., Khalikov G.Z.

Naberezhnye Chelny branch Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism, Naberezhnye Chelny, Russia

В статье рассматривается проблема подготовки бегунов на средние дистанции с использованием аппаратных средств контроля за функциональным состоянием спортсменов. Определены следующие показатели: PWC_{170} , МПК, максимальный индекс выносливости (МИВ), число метаболических единиц (MET), эргометрические показатели, показатели психоэмоционального состояния.

Ключевые слова: *аппаратные средства контроля, бегуны на средние дистанции, функциональные показатели, психоэмоциональные показатели.*

The problem of middle distance runners with use of test hardware of control for the functional state of athletes. The following indicators are identified: PWC_{170} , maximum oxygen consumption, the maximum endurance, the number of metabolic units, ergometric indicators, of emotional states.

Keywords: *Test hardware of control, a middle distance runners, functional indexes, psycho-emotional indicators.*

Введение

Высокий уровень психоэмоциональных и физических нагрузок, характерный для современного легкоатлетического спорта, оказывает сильнейшее стрессорное воздействие на организм спортсменов.

В своей основе, победы легкоатлетической школы могут быть достигнуты постоянной, настойчивой борьбой за повышение массового спортивного мастерства, устранением недостатков в подготовке легкоатлетов [4]. По мнению

В.М. Башкина (2011), управление тренировочным процессом становится эффективным при наличии четко организованного комплексного контроля за изменением функционального состояния организма спортсменов [2].

Развитие информационных технологий в спортивной науке привело к разработкам разнообразных психодиагностических методик, автоматизированных методов функциональной диагностики, программ для имитационного моделирования процессов кратковременной и долго-

временной адаптации организма [5]. В последние годы большое внимание стало уделяться психофизиологическим исследованиям спортсменов, благодаря созданию различных автоматизированных и экспертных систем аппаратно-программных комплексов.

Применение различных аппаратных средств контроля над функциональным состоянием спортсменов позволяет решать задачи диагностирования, планирования, прогнозирования и управления физическими нагрузками на основе диагностики.

Все выше изложенное актуализирует выбранные нами проблемы научно-методического обеспечения спортивной подготовки легкоатлетов на этапе спортивного совершенствования.

Целью нашей работы явилось обоснование и разработка экспериментальной методики комплексной диагностики функционального состояния легкоатлетов на основе применения аппаратных средств контроля.

Методика и организация исследования

В учебно-научной межкафедральной лаборатории были проведены исследования студентов-легкоатлетов, специализирующихся в беге на средние и длинные дистанции. Всего в исследовании приняли участие 14 спортсменов (МС – 2; КМС – 4; I разряд – 8 человек). Для проведения исследования вариабельности ритма сердца (ВРС) в программе Поли-Спектр использовали электрокардиограф компьютерный «Поли-Спектр-8/EX», программный модуль «Поли-Спектр-Анализ».

Оценивали текущее функциональное состояние бегунов на средние дистанции по шкале от «2 и ниже» (текущее функциональное состояние значительно снижено), до «16 и выше» (текущее функциональное состояние хорошее) [1]. Также определяли коэффициент $K_{30:15}$, который характе-

ризует функцию блуждающего нерва (реактивность парасимпатического отдела вегетативной нервной системы). В норме $K_{30:15} = 1.49 \pm 0.24$. Данный коэффициент позволяет осуществлять раннюю диагностику таких состояний, как утомление и переутомление, снижение уровня тренированности [7]. Так же оценивали адаптационные резервы организма, которые определяются по шкале от «6-12» (адаптационные резервы организма хорошие) до «(-6)-(-12)» (адаптационные резервы организма значительно снижены). Уровень функционирования физиологической системы определяли по шкале от 0 (значительно снижен) до 4 (близок к норме) [8].

Для исследования физической работоспособности бегунов на средние и длинные дистанции применялось нагрузочное тестирование PWC_{170} с применением электрокардиографа «Поли-Спектр-8/EX» и велоэргометра «eBike». Провели анализ изучаемых показателей, таких как: физическая работоспособность (PWC_{170}), максимальное потребление кислорода (МПК), максимальный индекс выносливости (МИВ), число метаболических единиц (МЕТ), эргометрические показатели, проводили оценку восстановительного периода. Для изучения механизмов регуляции и координации произвольных движений, контроля за сократительными и релаксационными характеристиками скелетных мышц, функциональным состоянием центральной нервной (ЦНС) и нервно-мышечной (НМС) систем использовали метод полимиографии, разработанный Ю.В. Высочиным [3].

Для изучения психологического состояния бегунов нами использовался аппаратно-программный комплекс «Активациометр АЦ-9К» разработанный Ю.А. Цагарелли.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе наших исследований проведена оценка физической работоспособности

бегунов на средние дистанции. Среднее значение показателей PWC_{170} у бегунов на средние дистанции составило 1373 кГм/мин и относительная PWC_{170} 21,35 кГм/мин/кг. Текущее функциональное состояние бегунов является удовлетворительным – 9,8, коэффициент $K_{30:15}$ составляет 1,16, что близко к значению условной нормы, адаптационные резервы организма снижены – (-1), уровень функционирования физиологической системы близок к норме – 3,6.

Одними из важнейших характеристик реакции являются скорость и точность. Е.П. Ильиным (1987, 2008) показано и проанализировано, что при возникновении различных состояний, сопровождающих работу человека (вработывание, монотония, психическое пресыщение, утомление) времени простой реакции выглядят по-разному. Реакция – это акт поведения, произвольное движение, возникающее в ответ на предъявление сигнала. При вработывании время простой реакции укорачивается. При состоянии монотонии время простой реакции уменьшается или не изменяется. При психическом пресыщении время простой реакции увеличивается.

Анализируя динамику показателей диагностики психоэмоционального состояния бегунов на средние дистанции в течение исследуемого периода, можно утверждать, оно изменяется в зависимости от подготовленности и периода подготовки. Точность РДО у бегунов составила $32,50 \pm 2,32$ усл.ед., индивидуальные показатели спортсменов изменились от $16,70 \pm 1,43$ до $42,50 \pm 2,1$ усл.ед. Величина коэффициента силы нервной системы ($K_{сНС}$) составила $19,46 \pm 5,21\%$, индивидуальные показатели спортсменов находились в диапазоне от $11,78 \pm 1,63$ до $23,46 \pm 5,21\%$. Полученные результаты дают возможность оценить саморегуляцию, как следствие повышения устойчивости организма бегунов к изменяющимся ситуациям.

Для изучения сократительных релаксационных

характеристик скелетных мышц, функционального состояния центральной нервной и нервно-мышечной систем нами использовался метод компьютерной полимиографии, разработаны Ю.В. Высочинным (1970-1980). Метод полимиографии основан на синхронной графической регистрации биоэлектрической активности и силы, поперечной твердости или тонуса различных групп мышц при их произвольном напряжении и расслаблении в изометрическом режиме. Метод полимиографии позволяет получить объективную, надежную информацию о функциональном состоянии центральной нервной системы, в частности о характеристиках возбудительных и тормозных процессов.

Многие движения, выполняемые с максимальной скоростью, требуют приложения значительных усилий за короткое время. Эффективность таких движений существенно зависит от скорости сокращения и напряжения, силы и скорости расслабления мышц. Для оценки абсолютной скорости произвольного напряжения рассчитывалось отношение величины непрерывно нарастающего усилия до первого пика ($F_{пик}$) ко времени его достижения ($t_{пик}$) с учетом скрытого периода сокращения (СПд). Кроме того, рассчитывалась относительная скорость произвольного напряжения (СПНо) мышц, где учитывалась масса тела бегунов. Общее функциональное состояние мышц (ОФСм) в равной мере определяется скоростью напряжения, максимальной силой и скоростью расслабления. Для его расчета использовалась сумма соответствующих показателей. В обобщенных нами данных рассматривалась зависимость полученных результатов от использования восстановительных мероприятий [3]. В данных исследованиях бегуны на средние и длинные дистанции показали следующие результаты: средние значения скорости произвольного напряжения мышц относительной (СПНо) составила 3,203 (правая нога) и 4,087 (левая нога);

скорость произвольного расслабления (СПР) – 5,468 (правая нога) и 4,029 (левая нога); функциональное состояние ЦНС (ФСц) – 4, 621 (правая нога) и 4,534 (левая нога); функциональное состояние мышц (ФСм) – 10,314 (правая нога) и 9,407 (левая нога).

На основе анализа полученных данных нами была составлена программа подготовки бегунов на средние и длинные дистанции с последующей индивидуальной корректировкой. Для контроля и управления тренировочным процессом использовали систему «Adidas miCoach», которая записывает статистические данные в тренировке благодаря беспроводной связи с монитором частоты пульса и датчиком шагов. Во время каждой тренировки выдается информация о времени, ЧСС, количестве потраченных калорий, расстоянии, темпе, частоте шагов, зоне. После этого, данные счетчика «Adidas miCoach» синхронизируются

с сайтом, где можно оценить данные полученные во время тренировки.

Заключение

Таким образом, нами апробирована на практике система «Adidas miCoach» в двух режимах действия: тренировка в свободном режиме («Free»), и в режиме «miCoach». В режиме «miCoach» закладывали программу тренировки, исходя из зон частоты пульса. Каждая из зон имел свой диапазон частоты пульса индивидуально для каждого спортсмена. Для удобства их разделяли по цветам. В нашем примере мы использовали свободный режим контроля над тренировочным процессом. Во время тренировки посредством наушников спортсмену задавали информации о тренировке. Спортсмен мог нажатием кнопки «обновление информации о тренировке» на счетчике «miCoach» узнать о текущем состоянии своего организма.

Литература

1. Бань А.С. Вегетативный показатель для оценки вариабельности ритма сердца спортсменов / А.С. Бань, Г.М. Загородный // Медицинский журнал. - № 4. – С. 127-130.
2. Башкин В.М. Система индивидуальной адаптации организма спортсменов к тренировочным нагрузкам в скоростно-силовых видах легкой атлетики: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В.М. Башкин. – Санкт-Петербург, 2011. – С.37.
3. Высочин Ю.В. Физиологические основы подготовки футболистов / Ю.В. Высочин, Ю.П. Денисенко, В.А. Чуев // Монография. – Набережные Челны: КамГИФК, 2007. – 176 с.
4. Гунько А.Д. Особенности развития выносливости бегунов в условиях вуза / А.Д. Гунько // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2011. – № 6 (76). – С. 37-40.
5. Комплексный контроль и управление в спорте: теоретико-методические, технические и информационные аспекты / А.И. Федеров, С.Б. Шарманов, О.А. Сиротин, В.Н. Медведев // Теория и практика физической культуры. – 1997. – № 9. – С. 25-39.
6. Максимов А.С. Система комплексного контроля на средние дистанции ВЛГИФКа / А.С. Максимов // Теория и практика физической культуры. – 2000. – № 5. – С. 28-30.
7. Михайлов В.М. Нагрузочное тестирование под контролем ЭКГ: велоэргометрия, тредмилл-тест, ходьба / В.М. Михайлов. – Иваново.: 2005 – 439 с.
8. Михайлов В.М. Вариабельность ритма сердца: опыт практического применения / В.М. Михайлов. – Иваново: Иван. Гос. Мед. академия, 2002. – 290 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ САЙТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК СРЕДСТВО ДИСТАНЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИЗУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

A DISTANCE SUPPORT STUDY OF THE HUMANITIES DISCIPLINES WITH THE TEACHER EDUCATION WEBSITE

Панченко Т.В.

*Мурманский государственный гуманитарный университет,
г. Мурманск, Россия*

Panchenko T.V.

Murmansk State Humanities University, Murmansk, Russia

В статье рассмотрены возможности и практика применения персонального образовательного сайта «Педагогика и психология» (www.tvpsite.ru) в дистанционной поддержке изучения предметов гуманитарного цикла.

Ключевые слова: образовательный сайт, дистанционная поддержка, педагогика, электронные образовательные ресурсы.

The article deals with theoretical and practical aspects of distance support the study of the humanities disciplines (for example, an educational site «Pedagogy and Psychology»).

Keywords: information educational environment, distance support, pedagogical disciplines, educational site.

Использование информационных и коммуникационных технологий и сервисов Интернета в преподавании и изучении предметов гуманитарного цикла получает все большее распространение. Создаются новые средства обучения, альтернативные модели образовательного пространства, в том числе образовательные порталы и сайты, размещенные в сети Интернет. Методология создания образовательных веб-сайтов исследована Андреевым А.А., Айсмонтас Б.Б., Гурским Ю.А., Кручининой Г.А., Могилевым А.В., Потоцким С.И., Симонович С.В., Якуниной Е.В. и др. Обобщив научные подходы, можно дать ряд определений. Веб-сайт (web-сайт) – это группа

web-страниц, связанных вместе единой темой, общим стилем оформления и взаимными гипертекстовыми ссылками [1, с. 23]. Образовательный сайт – это группа взаимосвязанных общими гиперссылками web-страниц, информационное наполнение которых целиком посвящено образовательным ресурсам конкретного учебного процесса, а именно, модели процесса обучения и ее основному системообразующему элементу – содержанию обучения конкретному учебному предмету [2, с. 289-90]. Образовательный веб-сайт – это совокупность web-страниц с повторяющимся дизайном, обеспечивающих собой целенаправленный процесс обучения и воспитания

в интересах личности, общества, государства, объединенных по смыслу, навигационно и физически находящихся на одном сервере, использование которых может сопровождаться аттестацией обучающихся или констатацией достижения образовательных уровней [12, с. 19]. Исследователями отмечается, что создание образовательного сайта, в том числе персонального сайта преподавателя, позволит педагогу реализовывать полноценный учебный процесс по своей дисциплине и разнообразные виды электронных занятий; презентовать педагогический опыт; размещать необходимую учебную и организационную информацию; развивать навыки использования дистанционных форм обучения и интерактивного взаимодействия со студентами, в том числе обучающимися по индивидуальному плану; организовывать на сайте проектную деятельность; использовать кибер-библиотеки и иметь возможность пополнения их собственными материалами, и в целом повышать уровень собственной информационно-коммуникационной компетенции. Высокий дидактический потенциал образовательного сайта как обучающей среды может быть реализован при использовании информационных технологий обучения, применение которых должно быть оправдано психолого-педагогическими целями, в соответствии с которыми проектируются способы использования созданного сайта в образовательном процессе.

В Мурманском государственном гуманитарном университете (МГГУ) имеется опыт создания творческими группами преподавателей и студентов тематических и междисциплинарных электронных ресурсов образовательного назначения, среди них - веб-сайт «Педагогика и психология» (www.tvpsite.ru) [10]. Этот сайт является совместным проектом автора (концептуальное и содержательное наполнение сайта) и студента МГГУ Кушнера Максима Витальевича (техниче-

ская разработка и поддержка, администрирование). Основой разработки данного сайта, отбора его содержания и проектирования способов образовательного взаимодействия выступала авторская педагогическая концепция [5; 6; 7; 9].

Сайт «Педагогика и психология» (www.tvpsite.ru) был создан с целью оптимизации преподавания и изучения гуманитарных дисциплин при использовании информационных и коммуникационных технологий и сервисов Интернета. *Целевой аудиторией* web-сайта «Педагогика и психология» выступают студенты педагогических и университетских специальностей, а также специалисты, интересующиеся теоретическими и прикладными аспектами использования информационных и коммуникационных технологий в процессе преподавания гуманитарных дисциплин. Данный сайт направлен на достижение следующих задач:

1. Интеграция и систематизация учебного, научно-исследовательского и методического материала по дисциплинам «Педагогика» и «Психология», а также обеспечение к нему оперативного доступа.
2. Обеспечение дистанционной поддержки и интерактивных форм образовательной деятельности, аудиторной и самостоятельной работы студентов по предметам педагогического и психологического циклов, а также педагогической практики.
3. Формирование средствами информационных и коммуникационных технологий и сервисов Интернета познавательной мотивации студентов к изучению педагогики и психологии, к самообразованию и самореализации в учебно-профессиональной педагогической деятельности, а также готовности студентов к их применению в будущей профессиональной деятельности.
4. Создание условий для организации совместной проектной деятельности преподавате-

лей и студентов по созданию электронных образовательных ресурсов и, тем самым, содействие раннему включению в профессиональную педагогическую среду, повышение уровня их педагогической направленности.

Дистанционная поддержка освоения дисциплин педагогического и психологического циклов на tvpsite.ru включает: оперативное ознакомление с учебными материалами, мониторинг личного учебного рейтинга, возможности публикации, тестирования и консультации с преподавателем и разработчиками через мини-чат, по электронной почте и с помощью личных сообщений на сайте и др. Посетив сайт и пройдя процедуру регистрации, студент может воспользоваться обширным спектром необходимых материалов и средств для успешной подготовки, ведения и анализа своей учебной деятельности, сэкономив время преподавателей, учебной части, а также свое, что позволит уделить большее внимание непосредственному изучению предметов педагогического и психологического циклов.

Материалы сайта распределены по трем видам деятельности: учебная, научная, досуговая. Их доступность обеспечивает возможность самостоятельной подготовки студентов, работающих по индивидуальному плану, к сдаче зачета или экзамена. С помощью интерактивного модуля «Тесты», предоставляющего возможность учета динамики и статистики результатов, можно организовать тестирование по тематическим блокам и контрольное тестирование по итогам изучения курса. Предусмотрена хрестоматия, включающая рекомендуемые, научно достоверные, свободно распространяемые электронные учебные материалы (версии опубликованных работ, авторефераты диссертаций, учебные пособия формата PDF), а также перечень качественных Интернет-ресурсов, систематизированных на федеральных образовательных порталах. Переход к внешним

ресурсам осуществляется прямо с сайта – достаточно кликнуть на нужную ссылку, и она откроется на новой странице. Текущая страница сайта останется доступной. Уделено внимание науке, творчеству и практической деятельности студентов: на сайте размещены материалы, полезные при выполнении курсовых проектов, лучшие научные и творческие работы студентов (статьи, электронные разработки и др.), актуальная информация о научных мероприятиях. Студенты найдут на сайте полезную информацию о педагогической практике по воспитательной работе. Помимо образовательных, на сайте представлены материалы досугового характера: фотоальбом, общение с посетителями и администраторами сайта через форум, мини-чат, личные сообщения и гостевую книгу.

Теоретическая перспективная модель проектирования его контента отражена в таблице.

В 2010-13 гг. сайт прошел апробацию, тестировался на разных платформах и браузерах. Проблем с оформлением, стилями не возникло. На данный момент активными пользователями сайта являются около 200 студентов разных факультетов, специальностей и направлений подготовки МГТУ, а также выпускники вуза. Благодаря встроенным системам мониторинга, можно объективно оценивать посещаемость и количество просмотров, востребованность информации, а также заинтересованность студентов размещенными на сайте материалами. Апробация пройдена и размещенными на сайте тестовыми заданиями. Студенты отметили объективность полученных результатов, доступных сразу по прохождению тестирования. По отзывам студентов – пользователей сайта, они тратят гораздо меньше времени на поиск и изучение материала, могут оперативно ознакомиться со своими текущими учебными успехами и имеют возможность подготовки

Таблица

**Теоретическая модель проектирования содержания образовательного сайта
«Педагогика и психология»**

Наименование компонентов	
Структура компонентов	Элементы структуры
I. Мотивационно-целевой компонент	
1. Целевые ориентиры, параметры достижения учебных целей (результаты обучения), критерии оценивания	1. <i>Дескрипторы уровней:</i> - уровень знания, понимания, осознания; - уровень практических (предметных) и ключевых (переносимых) навыков. 2. <i>Предметные эталоны.</i>
2. График учебного процесса	Технологическая карта учебной дисциплины
3. Межпредметные связи (психология, педагогика)	
4. Источники информации	Основная и дополнительная литература
	Образовательные ресурсы сети Интернет
II. Содержательно-деятельностный компонент	
5. Академическая учебная деятельность (аудиторная и внеаудиторная)	Основной материал (текст)
	Дополнительный материал (текст)
	Расширяющий блок материала (текст с нелинейной структурой (гипертекст))
	Глоссарий (сервис «Подсказка»)
	Пополняемая хрестоматия
	Ссылки на внешние источники информации
6. Учебно-профессиональная и научно-исследовательская деятельность	Педагогические ситуации, схемы их анализа и варианты решений
	«Кейсы» (case-study)
	Упражнения на развитие педагогической техники
	Деловые игры
	Компетентностные задания
	Методики исследований
	Результаты проведения исследований
	Проектная деятельность
	Педагогическая практика (задания)
	Научно-исследовательская деятельность
III. Внетекстовый компонент	
7. Схемная модель (опорный конспект) лекции	Сущностные, логические и образные схемы, отражающие ключевые понятия, их взаимосвязи и взаимовлияние
8. Видеоряд	Статический видеоряд (иллюстрации, схемы, таблицы, модели и др.)
	Динамический видеоряд (анимация)
9. Звукоряд	Аудиолекция
IV. Контрольно-оценочный компонент	
10. «Входящий» (вводный) контроль	
11. Блок самоконтроля (мыслительные операции с базовыми понятиями модуля)	Информационно-поисковый уровень
	Конструктивный уровень
	Компетентностный уровень

Продолжение таблицы

12. Разноуровневые тематические тестовые материалы	Фактологический уровень
	Структурный уровень
	Функциональный уровень
	Семантический уровень
	Ассоциативный уровень
	Ассоциативно-смысловой уровень
13. Альтернативные проверочные материалы	Предметные кроссворды
	«Раскраски», анаграммы и др.
14. Дополнительные («реабилитационные») задания	Творческие учебные задания
V. Эмоционально-волевой компонент	
15. Цветовое воздействие	Создание цветовой гармонии, периодическая смена цветовой палитры
16. Композиционное моделирование	Организация информации внутри окна и при работе с несколькими окнами
17. Анимация	Анимированные видеоизображения
18. Аудиосопровождение	Организация аудиоинформации
19. Пространственная визуализация графической информации	Выведение графики в отдельном интерактивном окне

к экзаменам и зачетам, с использованием пробных вариантов тематических тестов.

Сайт «Педагогика и психология» представляет собой гиперссылочную систему простого дизайна, размещен на хостинге ucoz.ru и создан с помощью конструктора. Это позволяет с легкостью добавлять, изменять материалы, обновлять журналы рейтингов студентов, а также не требует глубоких знаний в области языков разработки (HTML, Java и CSS). В целях безопасности, для пользователей на сайте отключен HTML, вместо него возможна работа с BB-кодами. Это исключает вероятность внесения вредоносного и потенциально опасного кода, который может повредить сайту и пользователям. Занимаемый объем памяти изменяется динамически, в зависимости от наполненности сайта материалами (50-1200 Мб). Системными требованиями выступают: процессор Intel Pentium (или аналогичный) 133 МГц и выше; оперативная память: 8 Мб и выше; операционная система – Windows 95 (или аналогичная) и выше; браузер – Microsoft Internet Explorer 6.0 и выше. Сайт тестировался на различных брау-

зерах. При работе с Google Chrome v.11, Mozilla Firefox v. 3.6, Opera v.9 проблем с отображением сайта обнаружено не было. Специальной подготовки пользователя не требуется, удобная навигация может осваиваться самостоятельно. Предлагаемые материалы можно распечатать, скопировать на CD-диски и другие носители. Переход к разделам сайта осуществляется через главное меню, которое доступно на всех страницах. Это упрощает навигацию по сайту. Ссылки на наиболее важные разделы (нормативно-правовой раздел, доска объявлений, обратная связь и т.п.) вынесены на главную страницу. При этом основное содержание и сервисы сайта являются доступными только для зарегистрированных пользователей. Образовательный веб-сайт «Педагогика и психология» динамически активен в обновлении и доступен в быстром управлении материалами. При необходимости есть возможность расширения его функциональности, с помощью подключения и настройки специализированных модулей. Так, для повышения посещаемости сайта и заинтересованности студентов планируется соз-

дание досугового раздела, затрагивающего сферы педагогики и психологии. На нем будут размещены психологические и педагогические тесты, программы исследований, профессиональный юмор и т.д. Это предоставит студентам возможность рефлексии и релаксации.

Образовательная деятельность преподавателя вуза с использованием образовательного сайта «Педагогика и психология» предоставляет возможность организации и исследования так называемой «сопряженной» деятельности, при которой один ее вид (учебно-исследовательская, в том числе и проектная деятельность препода-

вателей и студентов в специально и совместно спроектированной информационной образовательной среде) выступает фактором формирования склонностей/ способностей к другой деятельности – профессиональной педагогической [4; 8; 10]. Совместная проектная деятельность преподавателей и студентов по созданию электронных образовательных ресурсов обладает потенциальными возможностями для обеспечения раннего включения обучающихся в профессиональную педагогическую среду, повышения уровня их педагогической направленности.

Литература

1. Андреев А.А., Айсмонтас Б.Б. Персональный образовательный веб-сайт преподавателя (что это такое, для чего он нужен и как разработать) // Вестник практической психологии образования. - 2006. - № 1. - С. 22-25.
2. Каракозов С.Д., Рыжова Н.И. Методологическая основа проектирования образовательного WEB-портала фундаментальной подготовки в предметной области «Информатика» // Труды конференции «Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации, бизнесе». - Запорожье: Изд-во ЗГУ, 2002. - С. 288-291.
3. Панченко Т.В. Введение в педагогическую деятельность: Электронное гипертекстовое учебно-методическое пособие. - Национальный информационный фонд неопубликованных документов. - Номер государственной регистрации: 50200900248 от 09.02.2009. - Свидетельство об отраслевой регистрации разработки в Отраслевом фонде алгоритмов и программ № 12215 от 11.02.2009.
4. Панченко Т.В. Из опыта проектной деятельности по созданию электронных образовательных ресурсов (направление - «Педагогика») // Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции «Наука и современность-2011»: В 3 ч. / Под общ. ред. С.С. Чернова. - Новосибирск: Издательство НГТУ, 2011. - С. 307-312.
5. Панченко Т.В. Информационное обеспечение педагогических дисциплин: теоретические и практические аспекты // Открытое образование. - 2011. - № 2 (85). - Ч. 1. - С. 67-76.
6. Панченко Т.В. Педагогическое проектирование информационной образовательной среды // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Теоретические и методологические проблемы современного образования». - Москва: Литера, 2010. - 272 с. - С. 177-180.
7. Панченко Т.В. Разработка информационного обеспечения гуманитарных дисциплин (на примере направления «Педагогика») // Ученые записки СФГА. - Выпуск 13. - Научно-исследовательская деятельность как инновационный ресурс в образовании. - М.: Издательство НОУ ВПО «СФГА», 2009. - 85 с. - С. 61-65.

8. Панченко Т.В. Создание педагогических электронных образовательных ресурсов: теоретическое исследование и опыт проектной деятельности. - Наука и эпоха: Коллективная монография / Под общ. ред. проф. О.И. Кирикова. - Книга 4. - Воронеж: ВГПУ, 2010. - С. 26-62.
 9. Панченко Т.В. Теоретические аспекты информационного обеспечения педагогических дисциплин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: общественные и гуманитарные науки. - № 7 (112). - Петрозаводск: ПетрГУ, 2010. - С. 32-37.
 10. Панченко Т.В., Кушнир М.В. Образовательный сайт «Педагогика и психология». - Национальный информационный фонд неопубликованных документов. - Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 17877, выданное 06.02.12 ИНИМ РАО, ОФЭРНиО. Инв. номер ВНТИЦ № 50201250207.
 11. Панченко Т.В., Марков В.Н., Блинов В.А., Клышов Д.Л. Web-сайт «Введение в педагогическую деятельность». - Национальный информационный фонд неопубликованных документов. - Номер государственной регистрации: 50200900247 от 09.02.2009. - Свидетельство об отраслевой регистрации разработки в Отраслевом фонде алгоритмов и программ № 12214 от 11.02.2009.
 12. Яшина Т.С. Оценка качества образовательных веб-сайтов как фактор развития единого информационного образовательного пространства: Автореф. дис. соиск. учен. степ. канд. пед. наук. - Елец, 2005. - 28 с.
-

ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ (МЕДИЦИНСКИХ) УНИВЕРСИТЕТОВ

POSSIBILITIES OF THE ORGANIZATION OF QUALIFYING PREPARATION OF THE TEACHER-RESEARCHER FOR RESEARCH (MEDICAL) UNIVERSITIES

Осетрова О.В.

Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Россия

Osetrova O.V.

Samara state medical university, Samara, Russia

Предложено научно-методическое обеспечение в форме проекта образовательного стандарта, содержащего требования к освоению дополнительной квалификации «Преподаватель-исследователь (медицинские науки)», что позволит целенаправленно дополнить программы развития исследовательских университетов в части системного управления подготовкой

научно-педагогических кадров для улучшения показателей развития кадрового потенциала и реализации ведущего принципа образовательной и научной деятельности в высшей школе – интеграции науки и образования.

Ключевые слова: образовательный стандарт, дополнительная квалификация, преподаватель-исследователь.

Introduction of additional pedagogical qualification to basic professional (medical) education of teachers of higher education institutions will allow to add purposefully programs of development of research universities regarding system management of preparation of scientific and pedagogical shots for improvement of indicators of development of personnel potential and realization of a leading principle of educational and scientific activity at the higher school – science and education integration.

Keywords: pedagogical qualification, higher education, research universities, teacher-researcher.

Развитие медицинской науки и внедрение инноваций определены как приоритетные задачи в Концепции развития системы здравоохранения в РФ на период до 2020 г. Требования к организации медицинской науки включают целенаправленную подготовку высококвалифицированных специалистов и их «концентрацию ... на приоритетных и инновационных направлениях развития медицинской науки» [1]. Вместе с тем кардинальные перемены в развитии профессионального образования, обусловленные организацией исследовательских университетов, инициируют поиск новых организационно-педагогических форм создания высокоэффективной системы подготовки медицинских научно-педагогических кадров с развитой системой программ переподготовки и повышения квалификации для организации фундаментальной исследовательской подготовки научно-педагогического резерва: молодых преподавателей и аспирантов вузов с присвоением соответствующей дополнительной квалификации.

Учитывая, что качество медицинского образования становится первостепенным требованием к обучению врачей для практического здравоохранения, представляется важным аспектом в подготовке преподавателя медицинского вуза

его формирование как исследователя, способного к инновационной деятельности как в учебном процессе, так в лечебной и научной работе. Возможность достижения качественного образования во многом определяется обогащением учебного процесса новыми научными знаниями. Это означает, что преподаватель должен быть подготовленным к созданию научных знаний и их интегрированию в учебный процесс, для чего необходимо постоянное творческое саморазвитие и соответствующая дополнительная педагогическая квалификация к базовому медицинскому образованию [2].

Цель исследования заключается в разработке научно-методического обеспечения, представленного в форме проекта образовательного стандарта, содержащего требования к освоению дополнительной квалификации «Преподаватель-исследователь (медицинские науки)», раскрывающего специфику научной подготовки аспирантов и преподавателей в медицинском вузе с учетом современных потребностей в подготовке высококвалифицированных специалистов для высшей школы и инновационного развития медицинской науки.

Реализуя поставленную цель, нами разработан проект образовательного стандарта, основу которого составили требования к освоению дополнительной квалификации «преподаватель-исследователь» для работы высококвалифицированных специалистов в медицинских исследовательских университетах и образовательная программа [3]. Разработка образовательной программы для освоения дополнительной квалификации выполнялась в два этапа. На первом этапе раскрыта общая характеристика программы с указанием ее назначения, целей, функциональных задач, нормативного срока освоения программы и сфер профессиональной деятельности специалиста как преподавателя-исследователя. составлен примерный учебный план подготовки, устанавливающий учебные дисциплины и основные разделы с указанием часов и видов обучения, форм отчетности. дана структура квалификационной характеристики специалистов, получающих дополнительную квалификацию «Преподаватель-исследователь (медицинские науки)». на втором этапе определены дидактические ориентиры, представленные комплексом организа-

ционно-педагогических и методических требований, условий и правил, позволяющих освоить дополнительную квалификацию, основанную на реализации образовательной программы.

Образовательная программа реализуется в целях всестороннего удовлетворения образовательных и исследовательских потребностей научно-педагогических кадров для исследовательских медицинских университетов. К освоению образовательной программы допускаются аспиранты и преподаватели, имеющие высшее образование по медицинским специальностям: лечебное дело, педиатрия, медико-профилактическое дело, стоматология, сестринское дело, медицинская биохимия, медицинская биофизика, медицинская кибернетика.

Усвоение требуемых знаний, навыков и умений в подготовке преподавателей и аспирантов может обеспечить руководство обязательным минимумом содержания профессиональной образовательной программы к уровню подготовки, основные разделы которой представлены в примерном учебном плане (табл. 1).

Таблица 1

**Примерный учебный план для получения дополнительной квалификации
«Преподаватель-исследователь (медицинские науки)»**

Индекс	Наименование дисциплин и их основные разделы	Всего часов	Лекции	Семинары, практикум	Самостоятельная подготовка	Форма отчетности
ОПД.00	Общепрофессиональные дисциплины	300	44	120	136	экзамены зачеты
ОПД.01	История и философия науки (по программе кандидатского минимума по научно специальности медико-биологической отрасли наук)	140	40	50	50	экзамен
ОПД.02	Иностранный язык (в соответствии с программой кандидатского минимума по научной специальности медико-биологической отрасли наук)	100		50	50	экзамен
ОПД.03	Информационные технологии в науке и образовании	30	2	10	18	зачет

Продолжение таблицы 1

ОПД.03	Информационные технологии системы в медицине и здравоохранении	30	2	10	18	зачет
СД.00	Специальные дисциплины	460	170	152	138	
СД.01	Педагогика и психология высшей медицинской школы	100	50	30	20	экзамен
СД.02	Технологии профессионально-ориентированного обучения	100	40	30	30	экзамен
СД.03	Профессионально-ориентированное поведение	30	10	10	10	зачет
СД.04	Методологические основы выполнения научного исследования	100	40	32	28	экзамен
СД.05	Инновационный менеджмент и менеджмент наукоемких технологий	30	10	10	10	экзамен
СД.06	Патентно-информационные технологии и интеллектуальная собственность	60	10	20	30	зачет
СД.07	Курсы, практикумы и тренинги по выбору (по профилю научного исследования)	40	10	20	10	зачет
ФПД.00	Факультативные профилированные дисциплины	80	30	20	30	экзамен
ФПД.01	Современные главы изучаемой научной специальности медицинской отрасли	80	30	20	30	экзамен
	Итого часов теоретической подготовки	840	244	292	304	
НПП.00	Научно-педагогическая практика	100			100	
НПП.01	Исследовательская практика: работа в научном проекте	50			50	зачет
НПП.02	Педагогическая практика: подготовка и чтение лекции, проведение семинаров и практикумов	50			50	зачет
ИГА.00	Итоговая государственная аттестация	140	10	30	100	
ИГА.01	Подготовка и защита выпускной квалификационной работы и по усмотрению вуза квалификационный экзамен	140	10	30	100	
	Всего часов	1080	254	322	504	

Принимая во внимание постановку проблемы президентом Российского союза ректоров академиком РАН В.А. Садовничим об отсутствии «инструментов интеграции образовательной и научно-исследовательской деятельности в высшем учебном заведении», считаем, что организация

квалификационной подготовки преподавателя-исследователя явится одним из механизмов организации активной исследовательской деятельности и интеграции научных знаний в учебный процесс для «... достижения нового качества образования в России» [4].

Литература

1. Концепция развития системы здравоохранения в РФ на период до 2020 года [Электронный ресурс]: // Режим доступа: <http://www.Zdravo2020.ru>
2. Осетрова, О.В. Преподаватель-исследователь (стратегия научной подготовки в медицинском вузе) [Текст]: монография / О.В. Осетрова. – Самара, 2009. – 243 с.
3. Осетрова, О.В. Проект государственных требований к минимуму содержания и уровню профессиональной подготовки специалистов для получения дополнительной квалификации «Преподаватель-исследователь (медицинские науки)» [Текст]: метод. указания / О.В. Осетрова. – Самара, 2011. – 40 с.
4. Садовничий В.А. Сегодня нужен закон, который будет работать на опережение [Электронный ресурс]: обсуждение проекта закона «Об образовании» // Режим доступа: «Газета.ru», 28.12.2010 г.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

THE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION OF TEACHERS IN REPUBLIC OF KALMYKIA

Мунчинова Л.Д.

*Калмыцкий республиканский институт повышения квалификации работников образования,
г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия*

Munchinova L.D.

*Kalmyk republic institute of improvement of teachers professional skills,
Elista, Republic of Kalmykia, Russia*

В работе рассматривается становление системы дополнительного профессионального образования педагогических работников в Республике Калмыкия, характеризуются периодизация и особенности ее развития.

Ключевые слова: *дополнительное образование педагогов, повышение квалификации педагогов, профессиональная переподготовка педагогов.*

In the work the formation of the additional professional system of teachers education in Republic of Kalmykia is considered and characterized by periods and features of its development.

Keywords: *additional education of teachers, improvement of teachers skills, professional additional training of teachers.*

В настоящий момент в России происходит обновление содержания образования, направленное на удовлетворение образовательных потребностей граждан и общества в целом. Важной составляющей государственной образовательной системы выступает дополнительное профессиональное образование (ДПО) педагогических работников, которое также нуждается в переосмыслении своих целевых установок. Система ДПО является сложной структурой, содержащей в себе сложное сочетание государственной идеологии и региональных особенностей развития образовательных структур субъектов федерации.

За последние годы характерной особенностью развития системы ДПО в регионах страны стали такие процессы, как самодвижение, саморазвитие, рост внутреннего потенциала, расширение сферы образовательных услуг, конкуренция образовательных учреждений и т.д. Центр тяжести преобразований сместился вниз – в образовательные учреждения, которые должны уже самостоятельно проектировать путь своего дальнейшего развития. Вопросы самоопределения и модернизации видов деятельности являются актуальными и для Калмыцкого республиканского института повышения квалификации работников образования (Калмыцкий РИПКРО).

Калмыцкий РИПКРО на сегодняшний день выполняет роль системообразующей структуры региональной системы дополнительного профессионального образования педагогических работников Республики Калмыкия, которая владеет функциями образовательного, координирующего, научно-методического и научно-иссле-

довательского центра. При разработке концептуальных основ дальнейшего развития Калмыцкого РИПКРО возникла острая необходимость в переосмыслении прошлого опыта деятельности института и выявлении региональных особенностей его развития. Региональная система ДПО Калмыкии не была предметом научных исследований, поэтому в данной ситуации была определена *цель исследования* – провести анализ развития системы дополнительного профессионального образования педагогических работников Калмыкии и выявить характерные особенности развития региональной системы ДПО.

Методологическую основу исследования составила концепция непрерывного образования педагогических работников, базирующаяся на общенаучных принципах системного, синергетического, андрагогического, аксиологического, акмеологического подходов. Исследование носит теоретический характер, в ходе которого использовались методы контент-анализа научной, педагогической, методической литературы, архивных источников.

В группе архивных источников исследования документы фонда Министерства просвещения Калмыцкой АССР (фонд Р-25) Национального архива Республики Калмыкия, охватывающего период с 1918 г. по 1975 г. Анализировались в основном документы законодательного, распорядительного, контролирующего и учебно-методического характера.

В результате исследования было определено следующее:

1. Развитие региональной системы ДПО Республики Калмыкия можно рассматривать условно в рамках четырёх временных периодов: 1938-1943 гг., 1957-1992 гг., 1992-1996 гг., 1996-2012 гг.

1938-1943 гг. мы рассматриваем периодом становления в Калмыкии государственной системы повышения квалификации учительских кадров. В этот период система образования страны испытывала острый недостаток учителей в школах, а профессиональные характеристики отмечали их довольно низкий образовательный уровень и слабую педагогическую квалификацию. В стране создавались институты усовершенствования учителей, которые должны были демонстрировать на местах государственный подход к повышению квалификации учительских кадров и поднимать методический уровень работы с ними. В 1938 г. в Калмыкии также был открыт институт усовершенствования учителей (ИУУ), основными задачами которого стали вопросы рационализации и совершенствования педагогического труда, изучение условий работы и выявление уровня квалификации учителей, организация курсовой подготовки повышения квалификации и разработка методических материалов для их самообразования. В курсовой и методической работе делался акцент на раскрытие нового содержания образования, на освоение учителями новых учебных программ и организацию их работы по впервые созданным стабильным школьным учебникам. ИУУ также занимался вопросами политического образования учителей. Деятельность института была прекращена в 1943 г. вследствие депортации калмыков в Сибирь.

1957-1992 гг. – период формирования и развития региональной системы повышения квалификации работников образования Калмыкии. Этот период начинается с восстановления Калмыцкой автономии и возобновления деятельно-

сти Калмыцкого института усовершенствования учителей. В республике налаживалось всеобщее семилетнее обучение детей школьного возраста, в школах проводилась работа по организации политехнического обучения и по обеспечению связи обучения с общественно-полезным трудом, по повышению качества учебно-воспитательной работы и по укреплению материальной базы республиканских школ, также ощущалась нехватка учителей калмыцкого языка и литературы. После 13-летнего перерыва в педагогической работе учителя особенно нуждались в методической помощи. Работу ИУУ этого периода, позволившую завершить процесс формирования в республике единой системы повышения квалификации педагогических кадров, можно представить в следующих направлениях:

- организация и развитие системы курсовой подготовки национальных учительских кадров;
- организация и развитие методической службы по сопровождению учителей калмыцкого языка и литературы;
- совершенствование методов обучения русскому и калмыцкому языкам в школах республики;
- совершенствование методов обучения и воспитания школьников;
- организация опытно-экспериментальной работы по апробации и внедрению в образовательный процесс методической системы укрупнения дидактических единиц (УДЕ, автор – П.М. Эрдниев) в школах республики;
- формирование и развитие системы районных методических кабинетов как опорного звена ИУУ в организации методической работы на местах;
- формирование и развитие сети методических объединений педагогов республики

различного уровня;

- формирование единой системы повышения квалификации педагогических кадров республики на базе ИУУ;
- развитие системы курсовой подготовки для творчески работающих педагогов;
- развитие структуры ИУУ, привлечение к сотрудничеству дипломированных специалистов, деятелей науки и культуры.

Демократические преобразования в стране в конце 80-х гг. привели к серьезным изменениям в системе повышения квалификации работников образования. На фоне кардинальных изменений содержания образования и переходе его в новое качественное состояние четко обозначились проблемы и противоречия системы ДПО: закрытость, изолированность, административно-командный стиль общения, наличие контрольных (инспекторских) функций по отношению к практической деятельности работников образования, дискретность взаимодействия с обучаемыми, отсутствие преемственности в работе со слушателями. Этап закончился ликвидацией Калмыцкого ИУУ и созданием на его базе Республиканского Центра развития образования.

1992-1996 гг. – период функционирования Республиканского Центра развития образования (ЦРО). Основной задачей ЦРО стало изучение, прогнозирование и моделирование тенденций развития национально-региональной системы образования и управление этой системой. На наш взгляд, ликвидация Калмыцкого ИУУ была ошибочным актом со стороны Министерства образования Калмыкии. По сути, была необходима только реорганизация ИУУ с целью сохранения методической службы системы повышения квалификации работников образования. Также считаем, что ошибочным было и решение об упразднении районных методических кабинетов в отделах образования: опыт показывает, что эффективность

воздействия на школу и другие образовательные учреждения циркулярами и указаниями крайне мала, гораздо плодотворнее воздействовать на них посредством распространения педагогических инноваций и образовательных технологий. В 1996 г. на базе ЦРО постановлением Правительства Республики Калмыкия был создан Республиканский институт повышения квалификации работников образования.

1996-2012 гг. – период функционирования Калмыцкого РИПКРО, основными видами деятельности которого стали:

- повышение квалификации и переподготовка педагогических кадров на основе изучения и оптимального удовлетворения реальных потребностей и запросов педагогов;
- переход на сервисную систему обслуживания учреждений образования на основе конкретных заявок и договоров;
- обеспечение эффективной обратной связи и проведение анализа применения учителями профессиональных компетенций, приобретенных на этапе последиplomного образования (изучение эффективности курсовой подготовки на местах);
- усиление внедренческого и исследовательского компонентов в повышении квалификации;
- обеспечение высокого уровня диагностирования педагогических кадров;
- научно-методическое обеспечение федерального, национально-регионального и школьного компонентов образования;
- разработка, организация и проведение мероприятий научно-практического и научно-методического характера;
- редакционно-издательская деятельность по обобщению педагогического опыта учителей республики.

На сегодняшний день Калмыцкий РИПКРО является основным структурным подразделением системы регионального образования, отвечающим за дополнительное профессиональное образование педагогических работников Республики Калмыкия.

2. В результате исследования были выделены следующие характерные особенности развития региональной системы ДПО:

Система повышения квалификации педагогических работников Калмыкии во все периоды ее существования была неразрывно связана с решением самых острых проблем развития всей образовательной системы республики. К ним мы относим такие важные направления, как возрождение, сохранение и развитие национального образования, разработка новых педагогических и образовательных технологий, разработка стандартов национально-регионального компонента, программно-целевое управление развитием образовательных учреждений, методическое обе-

спечение образовательного процесса, внедрение инноваций, распространение и освоение передового педагогического опыта.

Также мы можем отметить, что развитие региональной системы ДПО проходило постепенно.

В 30-40-х гг. Калмыцкий ИУУ развивается как образовательный и координирующий центр системы повышения квалификации учительских кадров.

В 50-80-х гг. происходит становление института как научно-методического и научно-исследовательского центра системы ДПО республики.

С 90-х гг. по настоящее время институт находится в поиске более эффективных и качественных путей для дальнейшего развития.

Исследование развития системы ДПО педагогических работников Республики Калмыкия продолжается. Дальнейший анализ строится на исследовании статистических и социологических источников.

Литература

1. Бройдо Г.И. Первые итоги и задачи культштурма в Калмыцкой области. Саратов, 1932.
2. Ефремова В.Ф. Очерки истории школьного образования Калмыкии. Ленинград, 1969.
3. Килганов В.У. Становление школьного образования в Калмыкии. Элиста, 1968.
4. Мунчинова Л.Д. Развитие дополнительного педагогического образования в Республике Калмыкия: история и современность. Элиста, 2002.
5. Никитин Э.М. Федеральная система повышения квалификации: проблемы и перспективы развития // Материалы юбилейной научно-практической конференции. М., 1998. С. 5-11.
6. Панькин А.Б. Образование для калмыков (истоки, реалии, перспективы): монография. Элиста, 1997.
7. Сартикова Е.В. Образование Калмыкии: истоки и становление. Элиста, 2000.
8. Ташнинов Н.Ш. Очерки истории просвещения Калмыцкой АССР. Элиста, 1969.

Источники

9. Калмыцкий областной отдел народного образования (Калмоблоно), 1918-1929 гг. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК), фонд Р-25, опись 1.
10. Областной отдел народного образования, 1918-1929. НА РК, фонд Р-25, опись 2.
11. Народный Комиссариат просвещения Калмыцкой АССР, 1940-1944 гг. НА РК, фонд Р-25, опись 3.
12. Министерство просвещения Калмыцкой АССР, 1956-2003 гг. НА РК, фонд Р-25, опись 4.

ПОИСК ОБОБЩЕННЫХ ИСТОЛКОВАНИЙ ПОНЯТИЯ «ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ»

SEARCH COMMON INTERPRETATIONS OF «EDUCATION TECHNOLOGY»

Лихолетов В.В.¹, Подяконова А.С.², Шайкина В.Н.²

¹ Южноуральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск, Россия

² Филиал ФГБОУ ВПО «Южноуральский государственный университет» (национальный исследовательский университет) в г. Сатке, г. Сатка, Челябинская область, Россия

Licholetov V.V.¹, Podaykonova A.S.², Shaykina V.N.²

¹ South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia

² Branch of Federal State State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education «South Ural State University» (national research university) in Satka, Satka, Chelyabinsk oblast, Russia

Рассматривается многообразие понятийного поля «технология обучения». Уточняется содержание этого понятия по четырем основным аспектам: функционирования, связи, организации, координации. Анализ проводится на основе обобщенного метода качественных структур И.Н. Калинаускаса – Б.В. Шмакова.

Ключевые слова: образование, технология обучения, метод качественных структур.

The variety of a conceptual field «education technology» is considered. The maintenance of this concept on four basic aspects is specified: functioning, communications, the organizations, coordination. The analysis is spent on the basis of the generalized method of qualitative structures I.N. Kalinayskas – B.V. Shmakov.

Keywords: *the education, the education technology, the method of qualitative structures.*

Вокруг понятия «технология обучения» ведутся серьезные научные дискуссии, не позволяющие дать однозначное и компактное определение. Наряду с этим понятием в научной литературе широко применяются другие понятия: педагогическая технология, образовательная технология, технология воспитания, технология развития. Однако при этом четкого разграничения между понятиями нет.

Термин «технология» введен в 1772 г. И. Бекманом для обозначения ремесленного искусства,

включающего в себя профессиональные навыки и эмпирические представления об орудиях труда и трудовых операциях. В последнее время понятие «технология» далеко вышло за пределы техники. Его определяют в методологическом (как «совокупность методов и способов...») и алгоритмическом (как «описание (алгоритм) процесса ... целенаправленного изменения состояния, свойств, содержания и формы объектов воздействия») планах.

Понятие «технология обучения» впервые

введено на конференции ЮНЕСКО в 1970 году. В докладах «Учиться, чтобы быть» и «Как учиться» технология обучения рассматривается как системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования.

Из российских педагогов большой вклад в разработку проблемы внесли В.П. Беспалько, В.В. Гузеев, Н.Ф. Талызина, Ю.Г. Татур, М.В. Кларин, Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин, С.А. Смирнов и другие. В ряду зарубежных исследователей важно отметить труды Л. Андерсона, Дж. Блока, Б. Блума, Т. Гилберта, Р. Мейджера и др. При этом взгляды ученых существенно различаются. Так, ряд исследователей рассматривают технологию обучения в качестве педагогической науки, другие считают, что она занимает промежуточное положение между наукой и практикой. Третьи отводят технологии обучения промежуточное положение между наукой и искусством, а четвертые связывают её лишь с проектированием учебного

процесса. При этом представители всех подходов подчеркивают, что каждая из трактовок технологии обучения не охватывает её полностью, а лишь отражает определенную сферу применения.

В данной работе предпринята попытка сформулировать компактное, но полное определение понятия «технология обучения» с использованием обобщенного метода качественных структур (ОМКС) И.Н. Калинаускаса – Б.В. Шмакова [1]. Данный метод можно применять для анализа текстов как концептуальных систем, ведь любой текст описывает некую систему и к нему можно предъявить все требования системного подхода. Цель анализа по ОМКС – определение уровня полноты информации описываемой текста по четырем системным аспектам (связи, организации, функционирования и координации). Рассмотрение понятия как системы позволяет сравнивать и выделять сущностное в его содержании, а также дополнять содержание понятия через раскрытие аспектов, отсутствующих в известных толкованиях.

В табл. 1 приведен ряд известных трактовок анализируемого понятия.

Таблица 1

Определения понятия «технология обучения»

№	Определения	Автор, источник
1	Составная процессуальная часть дидактической системы	М. Чошанов
2	Комплекс, состоящий из средств диагностики текущего состояния учеников относительно планируемых результатов обучения, набора моделей обучения и критериев выбора оптимальной модели для данных условий	В.В. Гузеев
3	Описание процесса достижения планируемых результатов обучения	И.П. Волков
4	Проект деятельности, направленный на достижение цели учебно-воспитательного процесса; системное, концептуальное, нормативное, объективированное, инвариантное описание деятельности учителя и ученика, направленное на достижение образовательной цели всегда – квинтэссенция воспитательной системы, базовое основание, в котором фиксируются её своеобразие и специфические особенности теоретического состава и категориального аппарата	Ф.А. Фрадкин
5	Научный проект (описание, модель) дидактического процесса, воспроизведение которого гарантирует успех педагогических действий как способ обеспечения научными принципами процесса проектирования новой или модернизированной практики обучения	Н.Ф. Талызина
6	Не только как дидактический процесс, но и результат деятельности педагога по его проектированию	В.В. Трайнев

Продолжение таблицы 1

7	Проект определенной педагогической системы, реализуемой на практике; содержательная техника реализации учебного процесса	В.П. Беспалько
8	Совокупность психолого-педагогических установок, определяющих специальный набор и компоновку форм, методов, способов, приемов обучения, воспитательных средств; она есть организационно-методический инструментарий педагогического процесса	Б.Т. Лихачев
9	Предполагает формулировку целей через результаты обучения, выраженные в действиях учащихся, надежно осознаваемых и определяемых	И.Я. Лернер
10	Искусство, мастерство, умение, совокупность методов обработки, изменения состояния	В.М. Шепель
11	Научное обоснование выбора операционного воздействия педагога на ребенка в контексте взаимодействия его с миром с целью формирования у него отношений к этому миру, воздействия, гармонично сочетающего свободу личностного проявления и социокультурную норму	В.Ю. Питюков
12	Сумма и система научно-обоснованных приемов и методов педагогического воспитательного воздействия на человека или группу людей. Воздействие осуществляется в процессе организации многообразных видов деятельности и общения с целью формирования у школьников отношений к миру (к Родине, людям, труду, к себе)	Н.Е. Щуркова
13	Более или менее жестко запрограммированный алгоритмизированный процесс взаимодействия преподавателя и учащихся, гарантирующий достижение поставленной цели	М.И. Махмутов
14	Продуманная во всех деталях модель совместной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для учащихся и учителя	В.М. Монахов
15	Системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования	ЮНЕСКО
16	Вспомогательное средство и новая система, играющая большую роль в развитии учебного процесса, изменяя его организационные формы, методы, содержание, что оказывает воздействие на педагогическое мышление преподавателей и обучающихся, приводящее к изменению менталитета педагога и учащихся	Э. Бистереки и Ж. Целлер
17	Системная совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей	М.В. Кларин

Аспект организации (АО) в ОМКС отражает (см. определения 11, 13). организованность целого. Ниже в табл. 2 представлен данный системный аспект, выделенный нами из известных определений. Аспект организации характеризует понятие «технология обучения» как деятельность – процесс активного взаимодействия субъекта (педагога) с другим субъектом (учащимся), во время которого первый субъект достигает цели (см. определения 4, 6, 9, 14 из табл. 1). Исходя из определения понятия «деятельность», сюда можно отнести понятия «воздействие», «взаимодействие» и «действие»

Таблица 2

**Аспект организации, выделенный
из известных определений**

№ определения	Аспект организации
1	составная процессуальная часть
2	комплекс, состоящий из средств диагностики, набора моделей обучения и критериев выбора
3	описание процесса
4	проект деятельности, описание деятельности
5	проект (описание, модель) процесса

Продолжение таблицы 2

6	процесс и результат деятельности
7	проект, содержательная техника
8	совокупность психолого-педагогических установок, определяющих специальный набор и компоновку форм, методов, способов, приемов обучения, воспитательных средств; она есть организационно-методический инструментарий педагогического процесса
9	действия учащихся
10	искусство, мастерство, умение, совокупность методов
11	операционное воздействие [педагога]
12	сумма и система научно-обоснованных приемов и методов [педагогического воспитательного воздействия]
13	процесс взаимодействия [преподавателя и учащихся]
14	модель [совместной педагогической] деятельности
15	метод создания, применения и определения процесса
16	средство и система в развитии [учебного процесса]
17	системная совокупность и порядок функционирования средств

Примечание: в квадратных скобках указана информация, не относящаяся к аспекту, но важная для уяснения значения аспекта.

Так как деятельность рассматривается в данном контексте как процесс, сюда же относим: «процессуальную часть» (1), «описание процесса» (3), «процесс + результат» (6), «процесс» (13). При этом «технология обучения» рассматривается не просто как деятельность, а проект, модель, описание этой деятельности в виде определенного порядка действий педагога по достижению поставленной цели. Авторы определенных подразумевают под проектом разработанный план (деятельности), под моделью – образец этой деятельности для воспроизводства, что позволяет отнести их к одной категории. Обобщающим словом является слово «описание».

Описание порядка действий сводится у ряда авторов к характеристике методов, инструментария, приемов, средств достижения педагогической цели. Рассмотрим подробнее содержание этих понятий в словарях.

Метод – это: а) способ действия, последовательность действий; б) процедура, прием, позволяющий осуществить что-либо на практике. Прием – способ, образ действий при выполнении, осуществлении чего-либо. Средство – прием, способ действия для достижения чего-либо. Инструментарий – совокупность инструментов. Инструментарий поддерживает приемы, средства и методы. Анализируя приведенные определения, можно сделать вывод, что наиболее общим понятием является метод, как совокупность приемов, средств по достижению цели.

Методы объединены у разных авторов в систему (12, 16, 17), комплекс (2), совокупность (8, 17), сумму (12). Сравним эти понятия. Система – это объединение частей, основанное на взаимной связи. Она не простая сумма (совокупность) методов, а взаимосвязанный упорядоченный набор, из которого нельзя убрать ни один из компонентов.

Понятие комплекса используется для характеристики группы разнородных элементов, соединенных в одно целое. Действительно, технология обучения содержит множество разнородных компонентов, объединенных в единую систему. В.В. Гузеев, говоря о комплексе, подчеркивает именно свойство разнородности компонентов (средства диагностики, наборы моделей, критерии выбора). Исходя из этого, целесообразно говорить о «комплексной системе методов».

В результате, обобщая определения, можно сделать следующий вывод **по аспекту организации**, что технология обучения является:

- 1) описанием деятельности [педагога];
- 2) комплексной системой методов [обучения].

Проанализируем далее **аспект связи** (под связью понимаются многообразие воздействий внешней среды на данное целое, существующих в том пространстве, где это целое выделено из фона как единичный объект). Аспект связи характеризует: а) место системы в надсистеме; б) вещественные, энергетические, информационные потоки, поступающие в систему и нужные для выполнения главной функции; в) продукт, передаваемый в надсистему.

а) место системы в надсистеме

В табл. 3 представлен аспект связи по месту системы в надсистеме, выделенный нами из известных определений.

Таблица 3

Аспект связи, выделенный из известных определений

№ определения	Аспект связи
1	дидактическая система
2, 3	нет
4	воспитательная система
5	дидактического [процесса]
6	дидактический [процесс]
7	педагогическая система
8	педагогического процесса
9, 10, 11	нет
12	педагогического воспитательного воздействия
13	нет
14	педагогической [деятельности]
15	[процесса] преподавания и усвоения знаний
16	учебного процесса
17	педагогических [целей]

Примечание: в квадратных скобках указана информация, не относящаяся к аспекту, но важная для уяснения значения аспекта.

Соотнесем систему понятия «технология обучения» и его надсистему, выясним, как связаны между собой система и надсистема.

Чаще всего встречается надсистема «педагогика» (7, 8, 12, 14, 17). У Коджаспировой Г.М. [2]

педагогика – это совокупность теоретических и прикладных наук, изучающих воспитание, образование и обучение. Под воспитанием (4, 12) понимают процесс целенаправленного формирования личности. С.А. Смирнов отмечает [3], что для воспитания невозможно определить диагностичную цель. Человек достаточно сложная структура, обладающая значительным количеством как психологических, так и личностных качеств. Поэтому детально описать и выстроить педагогические процессы, которые смогли бы сформировать эти качества на нужном уровне, объединить эти процессы в один, предотвратить все возможные случаи наложения процессов и искажения результатов педагогика сегодня не может. Кроме того, педагогика пока не имеет достаточно точных средств диагностики, которые позволили бы однозначно определить уровень сформированности того или иного психологического, особенно личностного, качества. На сегодняшний день мы не можем создать технологию воспитания, так же как и технологию развития. Процесс развития ещё менее изучен, чем воспитание. Современный уровень развития психологии, изучающей психосферу развития человека, и недостаток системных данных о другой стороне развития – личностной, не позволяет ставить диагностичную цель в процессе развития. Ввиду того, что воспитание и развитие пока не могут быть организованы в учебном заведении на технологическом уровне, использование понятия «педагогическая технология» представляется неправомерным.

В сфере обучения диагностичную цель определить возможно. Ею может выступать освоение определенного объема учебного материала, способов действий, необходимых студенту в дальнейшей профессиональной деятельности. Качество усвоения конкретного учебного материала поддается итоговому контролю. Таким образом,

построение и использование на практике технологий в обучении вполне возможно.

Дидактика (согласно определениям 1, 5, 6) – раздел педагогики, наука, которая изучает и исследует проблемы, законы, принципы и средства образования и обучения. Её предмет – связь преподавания и учения, их взаимосвязи, а объект – обучение. Одна из задач дидактики – организация учебного процесса и разработка новых технологий обучения. В свою очередь учебный процесс (16) – система организации учебно-воспитательной деятельности, в основе которой органическое единство и взаимосвязь преподавания и учения; он направлен на достижение целей обучения и воспитания. Отсюда очевидно, что надсистемой для технологии обучения является дидактика.

Вывод 1 по аспекту связи: технология обучения – это:

- 1) описание дидактической деятельности [педагога];
- 2) комплексную дидактическую систему методов [обучения].

б) потоки (вещественные, энергетические, информационные), переданные в систему для выполнения главной функции

В табл. 4 представлен аспект связи по потокам, идущим в систему для выполнения главной функции, он выделен нами из известных определений.

Таблица 4

Аспект связи, выделенный из определений

№ определения	Аспект связи
2	[текущего состояния] учеников
4	учителя и ученика
6	педагога
9	учащихся
11	педагога на ребенка
12	на человека или группу людей; у школьников
13	преподавателя и учащихся

Продолжение таблицы 4

14	для учащихся и учителя
16	преподавателей и обучающихся; педагога и учащихся

Видно, что авторы определений единодушны в мнении: технологию обучения использует педагог (учитель, преподаватель) для воздействия на обучающегося (ученика, учащегося, школьника, человека или группу людей) в процессе обучения. Отсюда следует **вывод 2 по аспекту связи:** технология применяется в рамках образовательного процесса, поэтому наиболее общими категориями аспекта связи являются педагог и обучающийся, как субъекты особого дидактического взаимодействия.

в) продукт, переданный в надсистему (результат)

Из представленной выборки определений, только в одном (9) встретилось указание на результат, к которому приводит применение технологий обучения. Из определения И.Я. Лернера можно сделать вывод, что результатом применения технологии обучения является учащийся с определенным комплексом измененных качеств, выраженных в его действиях, надежно осознаваемых и определяемых. В условиях модернизации российского образования оценку результата обучения все чаще проводят с позиций компетентного подхода. Поэтому качества, которые должен приобрести обучающийся сегодня – это компетентность. Таким образом, **вывод 3 по аспекту связи** выводит на результат применения технологии обучения – это формирование компетентности у обучающегося.

Согласно ОМКС, **аспект функционирования** определяет главную и дополнительную функцию системы (табл. 5).

Таблица 5
**Аспект функционирования,
выделенный из известных определений**

№ определения	Аспект функционирования
11	с целью формирования у него [ребенка] отношений к этому миру; гармонично сочетающего свободу личностного проявления и социокультурную норму
12	с целью формирования [у школьников] отношений к миру (к Родине, людям, труду, к себе)
15	оптимизация форм образования
16	изменение менталитета педагога и учащихся

Из 17 рассмотренных выше определений лишь четыре автора указывают, для чего применяются технологии обучения. Определений применения технологии обучения авторы либо не приводят, либо дают противоречивые. Из рассмотренной выборки определений сделать вывод затруднительно. Из предложенных четырех функций – три дополнительные (11, 12, 16), а функция, определенная ЮНЕСКО (15) – слишком обобщена.

Ключевым звеном любой технологии является детальное определение конечного результата и контроль точности его достижения. Любой процесс (в промышленности или в социальной сфере) только тогда получает статус технологии, когда он заранее спрогнозирован, определены конечные свойства продукта и средства для его получения, целенаправленно сформированы условия для проведения этого процесса, а также когда он «запущен».

Исследователи, анализируя технологию, отмечают, что основная цель технологизации – управляемость учебного процесса, получение стабильного результата, исключение недостатков, вызванных влиянием субъективного фактора [4]. Проблема управляемости учебного про-

цесса обусловлена тем, что человек является многофакторной системой, и на него оказывается огромное количество внешних воздействий, сила и направленность которых различна, а порой и противоположна, вследствие чего заранее предсказать эффект того или иного влияния часто невозможно. В связи с этим работу педагога часто сравнивают с искусством, высоким мастерством (10), которое невозможно заранее спланировать и повторить. Однако технология обучения ставит своей целью разработать такие методы обучения, при которых в любых учебных группах будет получен стабильно высокий результат, что приведет к «оптимизации форм образования». Отсюда следует **вывод по аспекту функционирования**: главная функция «технологии обучения» – управляемость учебного процесса.

Аспект координации в ОМКС несёт в себе выражение принципа действия, единства системы, иначе говоря, тотальности. В этом смысле данный аспект может быть сопоставлен с объектом-связью в идеальном объекте. В табл. 6 нами приведена сводка результатов анализа по этому аспекту.

Таблица 6
**Аспект координации,
выделенный из известных определений**

№ определения	Аспект координации
2	планируемых результатов обучения
3	планируемых результатов обучения
4	на достижение цели [учебно-воспитательного процесса]; на достижение образовательной цели
5	успех [педагогических действий]
13	гарантирующий достижение поставленной цели
17	для достижения [педагогических] целей

Нетрудно заметить, что анализ по аспекту координации выводит на мысль, что принцип действия технологии обучения – это планируемые результаты, гарантия достижения поставленной

цели. Отсюда следует **вывод по аспекту координации:** применение технологии обучения позволяет достигнуть планируемых результатов.

Таким образом, в итоге при анализе и обобщении понятия «технология обучения» по всем системным аспектам ОМКС нами синтезировано два свернутых и достаточно компактных определения.

1. При рассмотрении технологии обучения как процессной системы получено следующее определение: **технология обучения – это описание дидактической деятельности педагога по формированию компетентности у обучающегося, которая позволяет управлять учебным процессом и гарантирует достижение планируемых результатов обучения.**

2. При рассмотрении технологии обучения как объектной системы получено определение **технологии обучения как комплексной дидактической системы методов обучения, применяемой педагогом с целью управления учебным процессом и достижения планируемых результатов по формированию компетентности обучающегося.**

Полученные определения технологии обучения – одного из ключевых понятий современной педагогики отвечают, на наш взгляд, системным требованиям необходимости и достаточности в терминологии и призваны помочь в решении существующей проблемы качественного содержательного обобщения широкого понятийного поля педагогической науки.

Литература

1. Шмаков, Б.В. Моделирование процессов управления материальным потоком дистрибьюторской фирмы (системный подход): монография / Б.В. Шмаков, И.Б. Егоров. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 262 с.
2. Коджаспирова, Г.М. Словарь по педагогике. / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. – 448 с.
3. Смирнов, С.А. В мире учебных технологий / С.А. Смирнов – http://biblio.narod.ru/gyrnal/statyi/ped_texnol.htm
4. Лихолетов, В.В. Теория и технологии интенсификации творчества в профессиональном образовании: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / В.В. Лихолетов. – Челябинск, 2002. – 432 с.

ПРОБЛЕМА ВЫРАБОТКИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ МЕНЕДЖМЕНТА

PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF THE THEORETICAL- METHODOLOGICAL INSTRUMENTS OF BACHELORS OF MANAGEMENT TRAINING

Колесникова Л.Г., Аюпова Э.И., Крюков Д.Н.

*Южно-Уральский профессиональный институт,
г. Челябинск, Челябинская область, Россия*

Kolesnikova L.G., Aupova E.I., Krukov D.N.

*South-Ural Professional Institute,
Chelyabinsk, Chelyabinsk region, Russia*

Данная статья посвящена актуальным вопросам подготовки управленческих кадров, бакалавров менеджмента на современном этапе. Автор рассматривает некоторые теоретико-методологические подходы процесса подготовки – партисипативный, фреймовый; трактует понятие «управленческая компетентность». Значимость данных вопросов связывается с требованиями современного рынка труда и задачами экономического развития.

Ключевые слова: *партисипативный подход, фреймовый подход, подготовка менеджеров к осуществлению профессиональной деятельности, партисипативная стратегия, современный рынок труда.*

This article is devoted to the topical issues of managerial staff training, bachelors of management at the present stage. The author considers some theoretical-methodological approaches to the training process – the participative approach, the frame approach; interprets the definition «management competence». The importance of these problems is connected with the requirements of a modern labor market and the tasks of economic development.

Keywords: *the participative approach, the frame approach, preparation of managers for professional work realization, the participative strategy, a modern labor market.*

Современный рынок труда объективно требует повышения качества профессионального образования, профессиональной подготовки, более высокого уровня квалификации, получаемого выпускником вуза в начале своего жизненного пути. Особую остроту в задачу обеспечения высокого качества профессионального образования приносят, с одной стороны, ускоренное развитие

международных экономических связей, более широкая вовлеченность российского потенциала в мировое экономическое пространство, а с другой – конкуренция в сфере образования, на рынке образовательных услуг. В отношении конкуренции вовлекается и каждый индивид, выходящий на рынок труда. Поэтому на современном этапе перед учебными заведениями профессиональ-

ного образования встает необходимость поиска и реализации таких подходов в организации образовательного процесса, которые обеспечивали бы студенту условия личностного развития, профессионального становления, возможность эффективно конкурировать и реализовывать свой потенциал с учетом конъюнктуры рынка труда. Реализация данного инновационного направления в области профессиональной подготовки менеджеров представлена в работе МОУ ВПО «Южно-Уральский профессиональный институт». Вся образовательная политика данного вуза направлена на подготовку высококвалифицированных выпускников, профессионально мобильных, успешных на рынке труда и в жизни. Для этого нам удалось объединить разноуровневые программы, создать корпоративную систему управления, сосредоточить лучший профессорско-преподавательский состав, современные компьютерные и мультимедийные образовательные технологии и обеспечить высокий уровень подготовки выпускников.

Одним из инновационных направлений работы вуза является изучение теоретико-методологических подходов и технологий подготовки бакалавров менеджмента, адекватных современным социально-экономическим условиям.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разрешения противоречий социально-педагогического, научно-педагогического и научно-методического характера, и, прежде всего, между возросшей потребностью общества в качественной подготовке менеджеров, адекватной запросам общества, рынка труда, обеспечивающих должный уровень эффективности и востребованности специалистов.

Научная новизна исследования определена тем, что:

- теоретико-методической основой педагогической системы подготовки студентов вуза к

осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности *избрана* интеграция компетентностного, партисипативного и фреймового подходов, обеспечивающая ее методологическую многоуровневость и иерархический характер за счет структурной взаимосвязи и концептуального единства, что обеспечивает целостность образовательного процесса, преодолевая узкопрофильность и усиливая ориентацию на потребности современного рынка труда;

- на основе интеграции компетентностного, партисипативного и фреймового подходов *спроектирована* педагогическая система подготовки студентов вуза к осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности, включающая следующие структурные блоки: целевой, организационно-содержательный, организационно-деятельностный, контрольно-мотивационный и являющаяся реализационно-технологической основой совершенствования традиционного процесса подготовки менеджеров. При этом спецификой данной системы является организационно-содержательный блок, определяющий интегративную структуру управленческой компетентности: специальный (технологический) компонент (организационно-управленческая, информационно-аналитическая, коммуникативная и кросс-культурная функции), социально-психологический компонент (социально-перцептивная, социально-аксиологическая, конфликтная функция и функция эмоционального интеллекта), научно-исследовательский и информационно-технологический компоненты;

- *определен и обоснован* комплекс организационно-педагогических условий эффективной реализации педагогической системы подготовки студентов вуза к осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности, включающий в себя решение управленческих задач, применение игротехнического менеджмента, ис-

пользование мультимедийных презентаций как формы обучения, участие студентов в научно-исследовательской деятельности по профильным дисциплинам, разработку и реализацию в образовательном процессе вуза дисциплины специализации «Функции менеджера».

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

- *выявлена* историография проблемы подготовки студентов вуза к осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности;
- *уточнены* ведущие понятия исследования: «менеджмент как вид профессиональной деятельности», «управленческая компетентность»;
- *обоснованы* принципы педагогической системы подготовки студентов вуза к осуществлению менеджмента: гуманизации, культуросообразности, антропологизма, организационной культуры, доступности учебного материала;
- *выявлены* основные функции подготовки менеджеров: социализационно-гуманистическая, целостно-интегрирующая, профессионально-преобразующая, ситуационно-направленная.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и рекомендации по подготовке студентов вузов к осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности служат совершенствованию образовательного процесса в высших учебных заведениях; в определении дополнительных возможностей для эффективного решения задач формирования управленческой компетентности будущих специалистов; в моделировании системы показателей подготовки студентов вуза к осуществлению менеджмента; в разработке дисциплины специализации «Функции менеджера»; в разработке уровней сформированности управленческой компетентности, определяющих готовность студента

к осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности.

Обоснованность и достоверность проведенного исследования обеспечиваются использованием взаимосвязанного комплекса теоретических, эмпирических и констатирующе-диагностических методов, адекватного предмету и задачам настоящей работы; результатами реализации в образовательном процессе высшей школы дисциплины специализации «Функции менеджера», разработанной на основе выдвинутых в диссертации теоретических положений; разработкой комплекса диагностических методик, корректной организацией опытно-поисковой работы, практическим подтверждением ведущих положений настоящей работы и научной обработкой полученных в ходе опытно-поисковой работы данных.

Во всех развитых странах мира менеджмент связывают с устойчивым и успешным развитием экономики, ее динамичностью и потенциалом. Все больше и больше развитие производства, экономики, общества становится зависимым от менеджмента. И в самом менеджменте происходят большие изменения. Расширяются информационные возможности, повышается роль знаний и возникает проблема управления знаниями, персонал становится человеческим капиталом, увеличивается количество альтернатив решаемых в процессах менеджмента проблем, менеджмент превращается в науку и, в то же время, остается уникальным искусством работы с людьми, в связи с чем предъявляются новые требования к менеджерам – требования профессионализма деятельности. Важнейшей из этих тенденций менеджмента является профессионализация управленческой деятельности, точнее, подготовка менеджеров-профессионалов и создание необходимых условий для их профессионального образования.

В связи с этим, возникает вопрос: как формируется менеджер-профессионал? Какую роль играет образование в этом процессе? Может быть, достаточно индивидуального искусства и простого накопления опыта, дальнейшего обогащения и корректировки посредством повышения квалификации или дополнительного образования. Практика – и зарубежная и российская – показывают, что профессионализация менеджмента – это сложный процесс формирования у менеджера потенциала вполне определенных знаний, навыков и опыта, развитие личных качеств, таких как деловая активность, энергичность, тип мышления, лидерство и других. В этой связи обращение к исследованию процессов подготовки студентов вуза к осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности представляется актуальным для педагогической науки высшей школы.

Радикальные преобразования социально-политического уклада российского общества и развитие экономики рыночного типа обусловили необходимость модернизации системы образования и развития направлений, обеспечивающих качественную подготовку управленческих кадров. В настоящий момент экономика требует конкурентоспособных специалистов, квалифицированно осуществляющих менеджмент как вид профессиональной деятельности в организациях различного типа и правовой формы. Это дает основание для совершенствования процесса подготовки студентов вуза к осуществлению менеджмента, его адаптации к быстро меняющимся социально-экономическим условиям, что может быть достигнуто только при условии постоянного взаимодействия образовательной системы с представителями национальной экономики, науки, культуры, заинтересованных ведомств, предприятий, организаций и работодателей. Возрос-

шие требования работодателей к качеству человеческого капитала обозначили проблему несоответствия практики подготовки менеджеров существующим потребностям рынка труда, проблему, возникающую между работодателями и образовательными учреждениями в условиях формирующегося рынка труда и рынка образовательных услуг (Е.В. Ткаченко, И.П. Смирнов, В.А. Поляков). Имеющиеся научно-педагогические подходы к проблеме подготовки менеджеров не обеспечивают расширения социокультурного диапазона и личностного потенциала обучающихся, не способствуют формированию профессиональных компетенций, не определяют стратегию развития профессионально необходимых качеств – имеет место направленность на овладение узкопрофессиональными и слабо интегрированными между собой знаниями и навыками. Выпускник-менеджер на основе профессиональных знаний должен обеспечивать эффективное управление организацией на различных уровнях, быть способным к практической деятельности по решению управленческих вопросов, формированию целей организации, решению стратегических и тактических задач, участию в решении организационно-технических, экономических, кадровых проблем организаций, совершенствованию управления в соответствии с тенденциями социально-экономического развития. Таким образом, перед учебными заведениями встает необходимость поиска и реализации таких подходов в организации образовательного процесса, которые обеспечивали бы студенту вуза – будущему менеджеру условия личностного развития, профессионального становления, возможность эффективно конкурировать и реализовывать свой потенциал с учетом конъюнктуры рынка труда. Анализ практики позволяет констатировать слабую ориентацию будущих менеджеров в области ведущих профессиональных компетенций. По результатам

тестирования студентов – будущих менеджеров около трети выпускников не имеют сложившейся системы ценностей, проявляют устойчивые стереотипы управленческого мышления, недостаточную направленность на профессиональное развитие. Для 38 % студентов характерны боязнь ответственности, безынициативность, отсутствие самостоятельности в выборе направлений и средств управленческого процесса. Определяя необходимые профессиональные навыки и умения, 70 % опрошенных отдают предпочтение навыкам общения, тогда как умение ставить цели и задачи деятельности среди ведущих отмечают 12 % студентов – будущих менеджеров, умение анализировать ситуацию – 15 % опрошенных. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы научно-методического обеспечения организации и осуществления процесса подготовки студентов вуза к осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности.

В отличие от имеющихся подходов к подготовке студентов вуза к осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности теоретико-методологической основой данного процесса может выступать **интеграция компетентностного, партисипативного и фреймового подходов**, обеспечивающая методологическую многоуровневость и иерархический характер педагогической системы за счет структурной взаимосвязи и концептуального единства, так как:

- 1) компетентностный подход определяет общенаучный уровень и способствует формированию совокупности взаимосвязанных компетенций будущего менеджера, экстраполируя личный опыт управленческой компетентности в плоскость практического применения;
- 2) партисипативный подход относится к конкретно-научному уровню теорети-

ко-методической основы и акцентирует внимание на выборе таких методов, принципов, форм, которые позволяют привлекать студента к принятию гипотетических управленческих решений на основе партисипативной стратегии подготовки будущих менеджеров (групповая, командная, консалтинговая деятельность);

- 3) фреймовый подход как методико-технологический позволяет модернизировать процедуры и способы организации учебного материала и учебного времени.

Можно говорить об особой значимости компетентностного подхода в рамках профессионального образования, профессионального становления личности и профессиональной подготовки будущих менеджеров. Однако, определив основные положения компетентностного подхода, мы пришли к выводу о том, что процесс формирования управленческой компетентности менеджера делает очевидным необходимость поиска такого концептуального подхода, который бы позволил студентам вуза – будущим менеджерам стать равноправными участниками образовательного процесса, активно в нем участвовать, с полной ответственностью принимая совместные решения.

Таким образом, на современном этапе подготовку студентов вуза к осуществлению менеджмента как вида профессиональной деятельности необходимо рассматривать как процесс, обеспечивающий реализацию педагогической системы, адекватной требованиям социокультурной среды и приводящей к достижению высокого уровня управленческой компетентности, под которой понимается интегральная характеристика совокупности компетенций (специальной (технологической), социально-психологической,

научно-исследовательской и информационно-технологической), достаточных для эффективной профессиональной деятельности; личностных качеств и ценностно-нравственной позиции, соответствующей современным представлениям о социальной ответственности менеджера, современных рыночных отношениях и цивилизованном ведении бизнеса.

Литература

1. Веснин В.Р. Технология работы с персоналом и деловыми партнерами: Учеб.-практич. пособие. – М.: Изд-во ТД «Элит-2000», 2003. – 592 с.
2. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: Учебник для вузов. – 3-е изд. – М.: Изд-во «Экономист», 2007. – 528 с.
3. Колодочко Т.Н. Фреймовое обучение как педагогическая технология: Автореф. дис...кад. пед. наук. – Краснодар, 2009 – 24 с.
4. Литвак Б.Г. Разработка управленческого решения: Учебник. – М.: Изд-во «Дело», 2011. – 392 с.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

PRACTICAL BASES OF EXPANSION OF INNOVATIVE EDUCATIONAL SYSTEM IN THE CONDITIONS OF SECONDARY PROFESSIONAL PEDAGOGICAL EDUCATION

Марварова А.Р.

*Нефтекамский педагогический колледж,
г. Нефтекамск, республика Башкортостан, Россия*

Marvarova A.R.

*Neftekamsk teacher training college,
Neftekamsk, Republic of Bashkortostan, Russia*

В представленной статье рассмотрены практические основы развертывания инновационной воспитательной системы в педагогическом колледже. При этом особое внимание уделяется учебно-производственной фирме как наиболее эффективной образовательной модели по формированию конкурентноспособной личности педагога.

Ключевые слова: учебно-производственная фирма, инновационная воспитательная система, конкурентоспособность выпускников.

In presented article practical bases of expansion of innovative educational system in teacher training college are considered. Thus the special attention is given to industrial practice firm as to the most effective educational model on formation of the competitive identity of the teacher.

Keywords: *industrial practice firm, innovative educational system, competitiveness of graduates.*

В настоящее время система профессионального образования претерпевает существенные изменения. Современные тенденции предусматривают повышение самостоятельности студентов, способствующие успешному развитию высоконравственного, творческого, компетентного гражданина России, принимающую свою судьбу Отечества как свою личную, осознающего ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененного в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации [2]. Способствовать формированию такого специалиста будет инновационная воспитательная система образовательного учреждения.

При построении воспитательной системы специально моделируются и создаются условия для самореализации и самоутверждения студентов и преподавателей, а это содействует их творческому самовыражению и личностному росту, гуманизации деловых и межличностных отношений в учебном заведении и за ее пределами.

Воспитательная система – это такой способ организации ее жизнедеятельности, который предполагает упорядоченность дидактического и воспитательного процессов, их взаимопроникновение в соответствии с принятой педагогической идеей, совершенствование и изменение характера сложных связей между компонентами системы [3].

Смена заказчика на подготовку квалифицированных кадров привела к формированию иных ориентиров в управлении системой среднего профессионального образования, что способствовало созданию инновационной воспитательной си-

стемы в Нефтекамском педагогическом колледже, где готовят будущих учителей начальных классов и воспитателей дошкольных учреждений. Практической основой развертывания инновационной воспитательной системы стала учебно-производственная фирма, которая предоставляет студентам широкие возможности для участия в новой для них практической деятельности. Учебно-производственная фирма функционирует на базе аудиторий и лабораторий колледжа, работая в которых, студенты на практике овладевают не только основами педагогического мастерства, но и получают знания по делопроизводству, менеджменту и маркетингу, бухгалтерскому учету, бизнес – планированию, организации управления производством, что раньше в педагогическую сферу деятельности специалиста не входило. Поэтому учебно-производственная фирма может являться ядром учебных дисциплин практического блока, эффективным средством качественной подготовки будущих специалистов [1]. При этом учебно-производственная фирма выступает как фактор повышения качества практического обучения, где:

1. формируется профессиональная компетентность студентов: закрепляются, обобщаются и систематизируются знания путем их применения на практике;
2. расширяются и углубляются знания за счет работы на имитационных моделях конкретного учреждения;
3. происходит практическое освоение современного оборудования и технологий, методов управления;

4. создаются условия для приобретения студентами специальных умений и навыков, необходимых в дальнейшей трудовой жизни;
5. формируются коммуникативные навыки, умения работать в команде, коллективной и персональной ответственности, взаимопомощи;
6. обеспечивается мобильность содержания, методов обучения;
7. обеспечивается целостность учебно-производственного процесса;
8. развиваются способности профессиональной адаптации к изменяющимся социально-экономическим условиям.

Преимущества использования учебно-производственной фирмы для педагогического колледжа заключаются в следующем:

1. совершенствование образовательного процесса в соответствии с требованиями реального рынка труда;
2. освоение информационных технологий студентами на уровне специалиста;
3. повышение социальной адаптации студентов;
4. повышение имиджа образовательного учреждения;
5. новые контакты с другими образовательными учреждениями, социальными партнерами;
6. реализация «корпоративной» технологии обучения.

Преподаватель в учебно-производственной фирме играет роль консультанта для студентов. Наличие квалифицированных преподавателей-консультантов – важный фактор успеха работы. Функция преподавателя учебно-производственной фирмы – инструктивно-консультативная,

стиль руководства – демократичный, стиль работы – работа в команде. В ходе работы решаются задачи и проблемы. Много возможностей для проявления самостоятельности. Допускаются ошибки, которые исправляют в процессе работы. Формы контроля – разнообразные: наблюдение, беседа, тестирование, аттестация.

Деятельность студентов в учебно-производственной фирме имитируется через задание игровой ситуации. Игровая ситуация – это учебное время, которое необходимо выделить на ее рассмотрение со студентами и оформление новых документов разной сложности для каждого отдела в процессе проигрывания ситуации. Для того, чтобы отработать навыки в соответствии со стандартом в пределах ограниченного времени, ситуации должны быть тщательно продуманы. Содержание подготовки будущего учителя имеющего сформированную систему профессиональных умений и навыков требует научного обоснования структуры деятельности данного процесса в рамках учебно-производственных фирм в учреждениях среднего профессионального образования. Современное педагогическое образование ориентировано на мобильного, конкурентноспособного специалиста, способного перестраиваться в изменяющихся социально-экономических условиях российского общества. При этом необходимо создать такую систему, при которой ресурсы всех учебных дисциплин направлялись бы на развитие профессионально-значимых качеств личности будущего специалиста. Это может быть успешно осуществлено в рамках деятельности учебно-производственных фирм. Профессионально-значимые качества личности студента наиболее полно развиваются в процессе моделирования деятельности в учебно-производственных фирмах, которые формируют необходимый набор профессиональных качеств будущих учителей и раскрывает их твор-

ческий потенциал. Учебно-производственная фирма позволяет преодолеть разрыв между образованием и рынком труда. В ней отрабатываются основные функции, реализуемые во всех управленческих отделах, существующих на любом предприятии или учреждении. Студентам дается возможность понять процесс создания предприятия, составления бизнес-плана, довести до автоматизма умение оформлять большинство реальных документов, например, оформлять бухгалтерские документы, осуществлять анализ хозяйственной деятельности, составлять приказы, вести личные дела сотрудников, коммерческую переписку и т.д. Учебно-производственные фирмы управляются студентами и моделируют реально действующие фирмы таким образом, что оформление регистрационных документов, открытие банковского счета, отчетность в налоговой инспекции, пенсионном управлении осуществляются фиктивно, а документооборот, задачи по менеджменту, маркетингу, экономике, анализу хозяйственной деятельности и, что самое важное, производственные процессы – реально. Учебно-производственные фирмы функционируют в рыночной среде, с соблюдением реальных условий, складывающихся рыночных отношений, с учетом региональных и национальных особенностей. В учебно-производственной

фирме студенты «вращаются» в специфической творческой среде, которая позволяет обучать студентов посредством выполнения обязанностей. Студенты сами занимаются бизнесом в соответствии с принятой практикой ведения дел. При этом они ищут оптимальный способ решения возникающих проблем методом проб и ошибок. В данной дидактической концепции роли преподавателя и студентов сильно отличаются от принятых в традиционном обучении. Студенты являются работниками фирмы, а педагог по отношению к студентам выступает фактически в роли консультанта, помогая путем совместных усилий принимать рациональные решения и нести за них ответственность. Разрабатываемые направления учебно-производственных фирм тесно связаны с содержанием будущей профессий, это пригодится в дальнейшей профессиональной деятельности студентов.

Таким образом, одним из практических основ развертывания инновационной воспитательной системы в свете реализации требований ФГОС, созданной на базе ГБОУ СПО «Нефтекамский педагогический колледж», является учебно-производственная фирма, которая направлена на активное внедрение инновационных производственно-образовательных моделей в процессе подготовки квалифицированных кадров.

Литература

1. Инновации в профессиональном образовании и обучении. Образовательная технология «Учебная фирма». Пособие для преподавателей / Под редакцией Завгородней А.В., Борисовой Г. В., Архангельской С. В. – СПб.: 000 «Полиграф-С», 2004.
2. Хуторской А.В. Педагогическая инноватика: учебное пособие для студ. высших учеб. заведений / А.В. Хуторской. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2010.
3. Янгирова В.М. Теория воспитания: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений. – Уфа: Творчество, 2003.

5‘CS’ IN ENGLISH TEACHING AND LEARNING

Nosyreva S.G.

*Armavir State Pedagogical Academy,
Armavir, Krasnodar Region, Russia*

The article provides reasoning for the 5Cs model in enhancing English teaching and learning process. The 5Cs stand for: Communication, Collaboration, Critical thinking, Creativity and Continuous competence development as a teacher and a learner.

Keywords: *5 Cs model; communication; collaboration; critical thinking; creativity; continuous competence development; English teaching and learning process.*

According to Richard Paul, one of the most recognized critical thinking authors, «development in thinking is a gradual process requiring plateaus of learning and just plain hard work» [2]. Thinking is a major part of every subject learning and teaching processes, including those of foreign languages. *Critical thinking* skills which involve questioning, selecting and analyzing information, problem solving, making the right decisions, reflecting and evaluating, are all applicable for language learning. Moreover they are aimed at effective teaching and motivated learning. The objective of the research is to provide the reasons to the hypothesis about enhancing the English language teaching and learning process on the basis of integration of the 5Cs model into it. There have been done several researches into the significance of critical thinking skills in the language classroom. Following the original American educational technology «Reading and Writing for Critical Thinking (RWCT)», ELT teachers in Russia and abroad employ the three-phase approach: evocation, realization of meaning, and refection for teaching reading, speaking and writing. Through to systematic integration of RWCT into the EL teaching process all competences including communication are progressing. Communicative competence is commonly accepted to be the goal of

language education and central in classroom practice.

Communication taught and learnt through critical thinking techniques would be much more efficient and productive as not only imitation and reproduction will be trained but mainly well-reasoned independent thinking. Through developing mental activities, specifically: analysis, synthesis, comparison, cause-effect reasoning, etc., communication of English learners is becoming more profound and more effective. Solving problems together and working at projects, doing ‘case-studies’, etc., English learners improve their language skills and interactive abilities. Thus, actual *collaboration* in language classroom is of considerable importance, as well.

Creating joint projects, creative writing, creative approach to every kind of language assignments result in acquiring productive language skills to be widely used in the future professional career and every day communication. Even the selective process of choosing the most appropriate vocabulary for this or that task implies *creativity*, so that solving more complicated problems ranging from composing essays or scripts to participating in the international projects do involve and develop creativity. Creativity as the top cognitive skill has been recently added to the Bloom’s taxonomy of educational objectives after ‘knowledge, comprehension, application, analysis,

synthesis and evaluation' [1].

All the above mentioned 21st century skills (4 Cs – communication, collaboration, critical thinking and creativity) have been discussed by the panelists Vicki Hollett, Gareth Rees and Lewis Lansford at the 46th Annual International IATEFL Conference in Glasgow. In the view of Vicki Hollett, the degree of collaboration in the modern technological world is much greater than before and communication in English would require more focus on discourse with the provision of more context and the aim for clarity above accuracy. According to Lewis Lansford, creativity is the human quality shared by all. In teaching and learning languages it may mean taking old tools of grammar and vocabulary and making something new.

Complying with Gareth Rees's idea of critical thinking being the foundation of all skills [3], we can add that the trained critical thinker will never stop upgrading the acquired skills and obtaining the new ones. The idea of *continuous development of all competences* leads to human and professional growth and thus provides the realization of the basic educational principle – the principle of lifetime

education. English language teachers continue learning how to grow professionally through communication and collaboration with colleagues and fellow teachers in other countries; they create blogs or journals; using critical thinking skills they do research into interesting issues or present their experiments' results at various conferences.

In conclusion, considering the way to efficient English teaching and learning aimed at improving motivation and linguistic competence one should carefully focus on modelling practical combination of the following skills in ELT classroom – 5 Cs: communication, collaboration, critical thinking, creativity and continuous competence development. Designing team creative projects with the use of information technologies and critical thinking techniques and strategies may serve as one of the possible examples for realization the 5 Cs model in English language teaching and learning. As for the continuous professional development, the expansion of competences based on developing creative and critical thinking skills by means of communication and collaboration with fellow teachers and language learners is unquestionably valuable and innovative.

References

1. Benjamin Bloom's Model of Critical Thinking. http://inventors.about.com/library/lessons/bl_benjamin_bloom.htm
2. Paul Richard W., Elder Linda. Critical Thinking: Tools for Taking Charge of Your Professional and Personal Life//Financial Times Prentice Hall. 2002.
3. Vicki Hollett, Lewis Lansford and Gareth Rees: 21st Century Skills for ELT <http://iatefl.britishcouncil.org/2012/sessionreport/7244/21st-century-skills-elt>

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВОООБРАЖЕНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА

ABOUT USE OF SPATIAL IMAGINATION FOR FORMATION OF THE CREATIVE PERSON OF THE SCHOOL STUDENT

Виситаева М.Б.

*Чеченский институт повышения квалификации работников образования,
г. Грозный, Россия*

Visitaeva M.B.

*Chechen institute of professional development of educators,
Grozny, Russia*

В статье описан нетрадиционный подход к понятию «воображение» в контексте использования пространственного воображения для формирования творческой личности школьника: психологами, математиками и методистами.

Ключевые слова: *творчество, деятельность, личность, способность, пространственное воображение, школьник, представление, опора, восприятие, образ.*

In article the nonconventional approach to the concept «imagination» of a context of use of spatial imagination for formation of the creative person of the school student is described: psychologists, mathematics and methodologists.

Keywords: *creativity, activity, personality, ability, spatial imagination, school student, representation, support, perception, image.*

В современной национальной системе образования в России проблема затрагивающая вопросы воображения, пространственного воображения школьников является одной из актуальных.

В связи с этим на основе теоретического анализа (исследований, затрагивающих проблему изучения пространственного воображения в контексте формирования творческой личности школьника, литературы по психологии, дидактике и методике преподавания геометрии, связанной с проблемой исследования, наблюдений за процессом обучения и личного педагогического

опыта работы в школе) нами изучены некоторые аспекты данной проблемы.

Как нам представляется, разработанный материал позволит использовать потенциальные возможности курса геометрии с целью формирования и развития творческой личности школьника.

Творчеством ученика мы называем вид его деятельности, [10] направленный на создание качественно новых для него ценностей, имеющих общественное значение, то есть важных для формирования личности как общественного субъекта.

Интеллектуальное творчество [3] в детском возрасте – это процесс создания субъективно нового, основанный на способности порождать оригинальные идеи и использовать нестандартные способы деятельности.

«На основании трактовок категории творчества можно установить, некоторые качества творческой личности: оригинальность (*способность производить идеи, отличающиеся от общепринятых взглядов*), беглость (*количество идей в единицу времени*), гибкость, подвижность мысли (*способность переключаться с одной темы на другую*), любознательность (*чувствительность к проблемам в окружающем мире*), способность к преобразованию, мысленное конструирование идеального образа предмета (*идеализация*) и т.д.» [6, С. 99].

Ряд исследователей, показали, что именно пространственное воображение обеспечивает ориентацию в пространстве и во времени, овладение различными видами деятельности, успешное познание и отражение окружающего мира, активное преобразование действительности, что способствует формированию творческой личности школьника:

- 1) психологи: В.В. Давыдов, Е.Н. Кабанова-Меллер, Б.В. Ломов, И. Петер, Т.Рибо, В. Оконь, И.С. Якиманская и др.;
- 2) математики А.Д. Александров, А.Н. Колмогоров и др.;
- 3) ученые математики-методисты: В.А. Гусев, А. Пардала, А. Пуанкаре, А.Я. Цукар и др.

Практика обучения математике и специальные исследования говорят о том, что интерес учащихся к изучению геометрии отличается от интереса к изучению алгебры. В первую очередь объяснением тому является, функциональная асимметрия полушарий головного мозга. Под

влиянием работ американского нейрофизиолога Роджера Сперри, основателя исследований по функциональной специализации полушарий головного мозга человека, за которые он удостоен Нобелевской премии (1981), стала формулироваться концепция межполушарной асимметрии головного мозга.

Было доказано, что левое полушарие специализируется на вербально-символических функциях, а правое на пространственно-синтетических. Правое полушарие обрабатывает одновременно большое число деталей, элементов, осуществляя одномоментное схватывание рассматриваемой «картины». Левое же полушарие обрабатывает поступающую информацию поэлементно, производя анализ каждой отдельной порции.

Каждое полушарие – левое и правое – имеет свою собственную отдельную цель воспоминаний и усвоенных знаний, недоступных для другого. Во многих отношениях каждое из них имеет как бы отдельное собственное мышление.

Усиленное внимание школы абстрактно-логическому, является тормозом развитию правого полушария по сравнению с левым и поэтому у большего числа учеников интерес к алгебре и соответственно и знания выше, чем по геометрии.

Об этом свидетельствуют и результаты, как олимпиад различного уровня, так и результаты государственных аттестаций в форме ЕГЭ и ГИА по математике.

Как бы эхом это (состояние геометрической составляющей в общей математической подготовке) отзывается и в соответствующей подготовке учителей математики.

В связи с этим актуальным является также вопрос, затрагивающий создание образов и оперирование ими в контексте формирования творческой личности школьника.

Мы считаем, на основании теоретического анализа исследований по данной проблеме пси-

хологов (С.Л. Рубинштейн, И.С. Якиманская и др.), математиков (А.Д. Александров, А.Н. Колмогоров и др.), ученых математиков-методистов (В.А. Гусев, А. Пардала и др.), что деятельность при создании образов и оперирование ими является продуктивным, а воображение не является воссоздающим, а является творческим процессом, так как в основе его создания лежит продуктивная деятельность.

«Основой создания образов и оперирования ими признается деятельность двух типов, четко обособляемая: продуктивная и репродуктивная. Выражением этого является принятая в психологии классификация на образы памяти и образы воображения, которые в свою очередь делятся на воссоздающие ...и творческие. Создание нового в образной форме приписывается обычно специфике воображения. Такое понимание механизма создания образа не соответствует накопленному в последнее время экспериментальному материалу...» [13, С. 90]. «Создание образа по чертежу предполагает, мысленное «наполнение» каждой проекции третьим измерением, знание способов проецирования, наложения, вращения, совмещения, владение системой условных обозначений и т.п. ... Проведенный анализ механизма создания образа на уровне восприятия и представительства показывает, что... в основе его лежит продуктивная деятельность... Воображение есть процесс оперирования созданными образами; данными в представлении. Воображение также реализуется деятельностью представительства, которая выступает как самостоятельная, развернутая деятельность, осуществляемая в специфических условиях. Она выполняется на основе уже созданных первичных образов, без непосредственной опоры на исходный наглядный материал (последний может лишь тормозить осуществление этой деятельности) ... Таким образом, если представление есть результат представительства с оп-

рой на восприятие, то воображение есть сложная деятельность представительства, осуществляемая с максимальным отвлечением от исходной основы, путем разноплановых и многократных преобразований имеющихся представлений» [13, С. 91-92].

Математик, академик А.Д. Александров, пространственное воображение трактует через воображение вообще: «Пространственное воображение, развитию которого служит геометрия, составляет важный компонент в общей способности человека к воображению и имеет существенное значение в ряде отношений. Оно, разумеется, необходимо каждому человеку для ориентировки в окружающем мире и в развитой форме, существенно для многих видов деятельности» [1, С. 5]. Задача преподавания геометрии, развить у учащихся три качества: пространственное воображение, практическое понимание и логическое мышление, и ставит пространственное воображение, на первое место не только в изучении геометрии, но и в большинстве человеческих деятельностей. Важность ясного наглядного представления и, на основе этого точного понимания изучаемых понятий нельзя переоценить [2].

Несомненно, умение оперировать пространственными образами (пространственное воображение) [11] является одним из существенных условий успешности творческой деятельности в различных областях теории и практики.

С другой стороны в литературе имеются факты того что трудовая деятельность благоприятствует развитию пространственного воображения учащихся, поскольку «представительство» как умственное действие с образами предметов успешно формируется на основе практических действий (термин «представительство» в психологию введен Б.П. Тепловым).

«Пространственное воображение — ... это есть произвольная мыслительная манипуляция

видеть будущее пространственным образом, это сила, которая позволяет нам предвидеть будущие изменения отношений между объектами, это ощущение ориентации в окружающем пространстве» [7, С. 70].

И А.А. Постнов [9] называя способность создавать новые пространственные комбинации «пространственным воображением», имеет ввиду по всей вероятности формирование творческой личности школьника.

В литературе имеются сведения того что Леонардо да Винчи в познавательной активности на первое место ставил воображение, которое соединялось им с творчеством, как с созданием нового.

Для формирования **творческой личности** школьника «преподавание математики должно, быть построено так, чтобы ученик чаще искал новые комбинации, преобразовывая вещи, явления, процессы действительности, искал неизвестные связи между объектами. Прекрасным способом приобщения к творческой деятельности при обучении математике является самостоятельная работа во всех ее видах и проявлениях» [6, С. 104].

Учащимся предоставляется возможность составлять самостоятельно задачи, что позволяет проявлять самостоятельность и исследовательские умения учащихся, в большей степени, чем при решении готовых задач. В этой связи заметим то, что Д. Пойа отмечал, что нельзя считать полный математический опыт учащегося, «если он не имел случая решить задачу, изобретенную им» [8, С. 110].

К примеру, можно предложить учащимся составлять открытые задачи аналогичные данным, развивающие идею исходной задачи. Каждому ученику должна быть предоставлена возможность для полноценного развития, важно строить систему задач «с запасом», в надежде, что некоторые из составленных задач для того или иного

ученика станут толчком его интереса к математике, а тяга к задачам, которые «получаются», позволит позднее развить соответствующие способности (в частности математические).

Следует обратить внимание и на то, что нередко задания, используемые в обучении геометрии, таковы, что ученик не имеет возможности рассмотреть фигуры в динамике, для решения данной проблемы в практику обучения следует включать задания, в которых ученик наблюдал «движение» геометрических фигур.

Как показывает опыт работы в школе, прежде чем проектировать в ученике появление навыков пространственного воображения, надо помочь ему накопить достаточное количество пространственных представлений, т. к. без такого условия не может быть успешного продвижения ни в области мыслительной деятельности, ни в области пространственного мышления, в частности. *Известный русский методист-математик В.К. Беллюстин еще в начале XX века отмечал, что «никакое отвлеченное сознание невозможно, если ему не предшествует обогащение сознания нужными представлениями». При этом удачное и умелое применение наглядности побуждает детей к познавательной самостоятельности и повышает их интерес к предмету, является важнейшим условием успеха.*

Решая геометрическую или алгебраическую задачу, способ решения которой ему не известен, ученик должен также мысленно перебирать известную ему соответствующую теорию, конструируя новые для него способы действий и примеряя их к конкретным условиям задачи. Более того, деятельность ученика будет эффективней, если он будет попеременно переходить от синтетического метода к аналитическому и обратно.

В литературе приводятся выводы, на наш взгляд, соответствующие реалиям сегодняшнего дня. Построение процесса обучения математике

в школе должно быть таким, чтобы каждый ученик соответственно своим способностям сталкивался с движением идей, которые наблюдались в развитии математики.

На начальных этапах изучения понятий новой теории должна широко использоваться практическая деятельность школьников в широком ее понимании. Это позволит устранить формализм и сделать изучаемые понятия, теории содержательными, а значит более понятными ученикам. Осознанный переход от практических потребностей к введению математических понятий, требуя иногда большего времени, служит лучшему осмыслению получаемых знаний.

В обучении математике должно измениться соотношение между дедуктивным и индуктивным. Ученики чаще должны включаться в деятельность по получению индуктивных умозаключений при полном осознании того, что они могут привести к неверным выводам. Только так организованный процесс обучения позволит включать учащихся в активную познавательную деятельность, в которой они будут самостоятельно получать новые знания.

После освоения школьниками начальных понятий некоторой теории необходимо включать их в получение новых для них результатов дедуктивным способом. Основные свойства (аксиомы) должны занять свое достойное место в обучении математике, чтобы дедукция могла быть использована учениками со всею полнотой [12]. Тем самым они поймут некоторые возможные пути исторического процесса открытия нового в математике, что может способствовать формированию творческой личности школьника!

Некоторые аспекты рассматриваемой проблемы обсуждались на различных форумах (на семинарах и на курсах повышения квалификации учителей математики общеобразовательных учреждений, на конференциях различного уровня [4], [5] и т.д.).

Вывод: использовать ресурсы пространственного воображения для формирования творческой личности школьника, учитывая, что деятельность при создании образов и оперирование ими является продуктивным, а воображение является творческим процессом, так как в основе его создания лежит продуктивная деятельность.

Литература

1. Александров А.Д. О геометрии. Математика в школе. 1980. № 3. – С. 56-62.
2. Александров А.Д. Диалектика геометрии. Математика в школе. 1986. № 1. – С. 12-19.
3. Амосова Н.Ф. Формирование творческой личности младших школьников средствами математики. – Астрахань.: АГПУ, 1988.
4. Виситаева М.Б. К вопросу о пространственных представлениях и пространственном воображении: тез. докл. Международной научно-образовательной конф., г. Москва, 23-27 марта 2009 г. / Наука в вузах: математика, физика, информатика. Проблемы высшего и среднего профессионального образования. – 2008. – С. 784-786.
5. Виситаева М.Б. К вопросу о развитии пространственных представлений учащихся при творческом изучении курса геометрии в средней школе / тез. докл.: Российской школы – конф. с международным участием. – Москва, 14-18 декабря 2009 г. / Математика, информатика, их приложения и роль в образовании. – Москва, 2009. – С. 263-266.

6. Гусев В.А. Психолого-педагогические основы обучения математике. М.: Издат. центр «Академия», 2003.
7. Пардала А. Формирование пространственного воображения учащихся при обучении математике в средней школе (с учетом специфики школы Республики Польша): дис. ... докт. пед. наук. – М., 1993.
8. Пойа Д. Как научить решить задачу /Д. Пойа // Квантор. – 1991. – №1.
9. Постнов А.А. Формирование и развитие пространственных представлений у учащихся восьмилетней школы с применением средств наглядности: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1964.
10. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения. – М.: Педагогика, 1981.
11. К проблеме восприятия пространства и пространственных представлений. Материалы научного совещания / Под ред. Б.Г. Ананьева и Б.Ф. Ломова. – Л., 1959.
12. Цукарь А.Я. Методические основы обучения математике в средней школе с использованием образного мышления: дис... докт. пед. наук. – М., 1999.
13. Якиманская И.С. Психологические основы математического образования. – М.: Издат. центр «Академия», 2004.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ГУМАНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

TOLERANCE FORMATION AND HUMANISTIC WORLD OUTLOOK OF STUDENTS

Бейсенбаева А.А., Убниязова Ш.А. Булшекбаева А.И.

*Казахского национального педагогического университета имени Абая,
г. Алматы, Казахстан*

Beysenbaeva A.A., Ubniyazova Sh.A., Bulshekbayeva A.I.

*Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan*

В статье рассматриваются проблемы формирования толерантности посредством воспитания ценностного отношения к человеку, развития гуманистического мировоззрения подрастающего поколения. Анализируются вопросы гуманизации взаимоотношений преподавателей и студентов в совместной учебно-воспитательной и внеурочной деятельности, от чего зависит проявление ценностного отношения к человеку в конкретных жизненных ситуациях. Авторами предлагаются педагогически-целесообразные пути, формы и методы формирования этих качеств.

Ключевые слова: толерантность, ценностное отношение к человеку, гуманистическое мировоззрение и воспитание, ценности гуманизма, диалог, интерактивные методы, приемы социального взаимодействия (сенситивного тренинга), игровое моделирование.

This article touches upon the problems of tolerance formation by means of education of the valuable relation towards a person, humanistic outlook development of younger generation. Teachers' and students' humanization relationship questions in combining with teaching and educational extracurricular activities which depend on manifestation of the valuable relation towards a person in concrete life experiences. Pedagogical -expedient ways, forms and methods of formation qualities are offered by authors.

Keywords: tolerance, valuable relation to the person, humanistic outlook and education, values of humanity, dialogue, interactive methods, receptions of social interaction (sensitive training), game modeling.

Введение

Мировое сообщество как источник социального заказа требует воспитания подрастающего поколения в духе гуманизма, уважения достоинства другого человека, подготовки к самостоятельному решению любых вопросов жизнедеятельности, овладения каждым учащимся необходимой в той или иной сфере компетентностью, способностью извлекать из факта непохожести друг на друга не поводы для конфликтов, а дополнительные ресурсы для совместной конструктивной деятельности. Сегодня ведение диалога, групповое освоение опыта, знаний и развитие умений, интерактивный характер взаимодействия востребованы так, как никогда раньше. Система образования призвана готовить человека к эффективному функционированию и взаимодействию в обществе, выработке стратегий, позволяющих сочетать задачи воспитания, самореализации с потребностями общества и государства. Поэтому образование должно содействовать нравственному воспитанию, обучению социальному взаимодействию, готовить каждого молодого человека к конструктивному общению. Во главе угла этого процесса должны находиться

принципы гуманизма, толерантности, ценностного отношения к человеку.

В настоящее время в международных и отечественных документах о толерантности особая роль отводится воспитанию и образованию при разработке и реализации комплекса эффективных мер в плане развития толерантности. Декларация принципов толерантности, Декларация и программа действий в области культуры мира, целевая программа и другие документы призывают «принять немедленные и эффективные меры в областях преподавания, воспитания, культуры и информации...». Однако в педагогической литературе описание конкретных механизмов развития толерантности практически отсутствует. В условиях современных тенденций мирового развития, повсеместного распространения гуманистического мировоззрения, нравственного обновления духовной культуры в достаточной степени поставлены под сомнение традиционные, привычные в отечественной педагогике формы, методы и само содержание морально-нравственного воспитания молодежи. Свидетельствуют об этом исследования ученых и практиков, касающиеся проблем формирования духовных цен-

ностей, нравственного развития личности (И. Бех, А. Бойко, Е. Вишневский, М. Казакина, Н. Никандров, Ж. Омельченко, Л. Попов, В. Скиба, Ф. Стефанюк, А. Сущенко, С. Тищенко, Н. Трофимова). Для педагогической науки начала XXI в. характерным является поиск, обоснование и внедрение новых гуманистических оснований построения образовательной среды, где формирование ценностного отношения к человеку будет определять успешность духовного, интеллектуального и физического развития личности, обеспечит эффективные условия ее социализации и подготовки к самостоятельной жизни, содержательной воспитательной работы с студентами. Анализ теоретической литературы по проблемам воспитания ценностного отношения к человеку, формирования толерантности показывает, что педагогический аспект значительно отстает от философского рассмотрения проблемы, психологического, социологического, политологического аспектов изучения. Приходится признать, что этим проблемам все еще уделяется недостаточное внимание на всех уровнях образовательно-воспитательной деятельности, в том числе и в повседневной педагогической практике. Отдельные попытки в этом направлении, как правило, сводятся к провозглашению лозунгов, а в лучшем случае – локальных образовательных концепций или всевозможных организационно управленческих мероприятий, сводящих сложнейшую проблему к набору бессистемных мероприятий.

Цель

Данная ситуация определяет необходимость пристального внимания к идеям гуманистического воспитания и их реализации в учебно-воспитательном процессе. Исследование данной проблемы позволило выявить некоторые противоречия между: потребностью общества в выпускниках,

обладающих толерантной культурой, способных к толерантному взаимодействию, и недостаточным уровнем ее развития; необходимостью воспитательной работы в этом направлении и не разработанностью необходимых методик, технологий, способствующих развитию изучаемых качеств; потребностью в преподавателях, обладающих толерантной культурой и владеющих эффективными технологиями, способствующими развитию гуманной личности, и недостатком воспитателей, осознающих необходимость наличия толерантности в своей профессиональной деятельности, а также возможность ее развития посредством диалога и активных методов обучения и воспитания.

Метод

Таким образом, главная проблема исследования заключается в необходимости ее изучения и анализа в процессе высшего образования, определения и реализации педагогических условий развития толерантности, ценностного отношения к человеку у студентов. Мы убеждены, что развитие выше названных качеств будет происходить более эффективно, если в процессе воспитания будет реализовано следующее:

а) совокупность педагогических условий: создана ценностно-ориентационная направленность образовательного процесса; осуществлено диалогическое взаимодействие преподавателя и студента с учетом наличия диалогической компетентности воспитателя; использованы педагогические и методические возможности всех дисциплин «Человековедения» с применением игрового моделирования и приемов социального взаимодействия;

б) выявленная совокупность педагогических условий будет реализована в рамках педагогической технологии, в качестве технологического условия будет разработан и реализован спецкурс

«Человек – наивысшая ценность», обучающий потенциал которого – организационные формы и методы работы – будет способствовать развитию толерантности и ценностного отношения к человеку через сотрудничество учащихся в различных видах социально полезной деятельности [2].

Ведущими методологическими ориентирами в нашем исследовании являлись:

- *аксиологический подход*, определяющий направленность активности личности на осмысление, признание, актуализацию и создание ценностей (И. Бех, Е. Бондаревская, Б. Гершунский, В. Сластенин и др.);

- *личностно-деятельностный подход*, который позволяет рассматривать личность как субъект деятельности, которая сама, формируясь в деятельности и в общении с другими людьми, определяет характер этой деятельности и общения (Л. Выготский, И. Зимняя, А. Леонтьев, А. Маркова, С. Рубинштейн и др.). Сущность развития толерантности на начальных этапах серьезной воспитательной работы заключается в характеристиках рассматриваемого периода, когда человек переживает процесс социально-психологической адаптации (установление баланса в ценностных ориентациях, установках, ожиданиях в процессе совместной деятельности, а также в проблемных ситуациях). Психологические и социальные изменения определяют направленность на поиски адаптационных способов в условиях вуза через развитие толерантности. Процесс развития толерантности студентов средних курсов обеспечивается реали совокупности педагогических условий:

- *ценностно-ориентационной направленности образовательного процесса*, ориентирующей на актуализацию в сознании студента ценностей как мировоззренческих ориентиров;

- *диалогического взаимодействия преподавателя и студентов*, призванного развить толе-

рантность как системное качество, улучшить его освоение, влиять на мотивационную сферу их познавательной деятельности, активизировать процессы самореализации и рефлексии (применительно к будущей профессиональной деятельности диалогическое взаимодействие является способом межличностного и корпоративного общения, от чего

зависит адаптация личности в коллективе);

- *диалогической компетентности преподавателя* как способности, которая позволяет реализовывать гуманистические возможности диалога в своей профессиональной деятельности, поведении и коммуникации, соответствующих ценностным ориентациям собеседника [4];

- *использование здоровьесберегающих технологий*, снижающих уровень утомляемости и другие нежелательные проявления в процессе работы, оптимизируя деятельность преподавателя и студента и сохраняющих их толерантное состояние;

- *использование методических и педагогических возможностей* дисциплин человековедения, спецкурсов с применением игрового моделирования и приемов социального взаимодействия [6, с. 29]. Интеграция педагогических условий развития толерантности учащихся осуществляется в рамках педагогической технологии, нацеленной на получение практических навыков, необходимых при контактах в межличностной коммуникации для понимания личностного многообразия. Критериями развитости толерантности являются: поведенческий, коммуникативный, ментальный. *Поведенческий* отражает меру принятия человека в ситуациях, когда другой не соответствует требованиям и ожиданиям, характеризует толерантное поведение; *коммуникативный* предполагает наличие коммуникативной компетентности (вербальной и невербальной), которая реализуется в русле принятых норм и правил; *ментальный*

характеризует глубинные процессы личности, активность при принятии решений, способность к рефлексии, самонаблюдению, отражает систему ценностных ориентаций личности; проявляет себя в адекватном выборе способов деятельности в той или иной ситуации. Проявления по всем трем критериям можно рассматривать как *толерантную культуру*: культуру толерантного мышления, толерантного поведения и коммуникации. Толерантность не имеет однозначного определения и понимается в различных научных литературах по-разному: как активная форма отношения к миру, как приспособительная функция организма, как эквивалентность и мера различаемости, как нравственная сдержанность, как терпимость, эмоциональная устойчивость и т. д. Таким образом, ее можно рассматривать как минимум в трех аспектах:

- 1) овладение определенной философией как ценностью;
- 2) культура толерантного сознания;
- 3) отношение к соответствующей действительности, воплощающееся в реальном поведении.

Результат

Наше понимание базируется на выше упомянутых взаимодополняющих аспектах. Многомерный подход к рассмотрению этого явления инициирован сложностью его рассмотрения как интегративной, многокомпонентной и многоплановой проблемы. На основании анализа литературы и имеющихся подходов к пониманию сущности изучаемого феномена мы определили, что под **толерантностью следует понимать качество личности, которое является составляющей ее гуманистического мировоззрения и, соответственно, направленности и определяется ценностным отношением к человеку.** Толерантность основывается на понимающем

сопереживании, которое ведет к уяснению целей взаимодействия противоположной стороны, мотивации и точек зрения. Несогласие с рассуждениями, взглядами, образом поведения партнера не приводит к конфликту, а предусматривает существование его мнения, сохраняя при этом внутреннее спокойствие, самоуважение, свободу. Важно то, что толерантность не предусматривает снисхождение, потворство, уступку, не предполагает отказ от критики, а проявляется в активном поиске точек соприкосновения и возможности выбора. Решающим принципом в основе развития ценностного отношения к человеку, воспитания толерантности является *принцип диалога*.

Диалог рассматривается как специфическая форма социального взаимодействия, основанная на равенстве и свободе участвующих в нем сторон, направленная на прояснение, сближение и взаимное обогащение позиций. Особое значение приобретает глубокое понимание диалога – «вне-находимость» (М. Бахтин), «слушание/слышание» (А. Хараш), «доминанта на собеседнике» (А. Ухтомский), «другодоминантность» (Ю. Сенько), «творческий акт, порожденный духовной индивидуальностью» (В. Гумбольдт).

Диалог имеет социальную природу, он реализует фундаментальную потребность человека в общении, взаимодействии, сотрудничестве, сотворчестве. В структуре диалогического взаимодействия преобладают эмоциональный и когнитивный компоненты, которые могут быть охарактеризованы через высокий уровень эмпатии, отсутствие стереотипности в восприятии других, через гибкость мышления, умение видеть свою индивидуальность, адекватно оценивать свою личность. Поэтому диалогическое взаимодействие может рассматриваться в качестве методологической основы гуманистического мировоззрения. Опираясь на аксиологический и личностно-деятельностный подходы, было предположе-

но, что совокупность условий, необходимых для развития толерантности учащихся, должна включать специфические методы и приемы, используемые в учебно-воспитательной деятельности и отвечающие принципам вышеупомянутых подходов.

Диалогическое взаимодействие в процессе воспитания призвано развивать толерантность как системное качество, улучшить его освоение, влиять на мотивационную сферу познавательной и нравственной деятельности студентов, активизировать процессы самореализации и рефлексии, актуализирующих тенденцию планировать свою деятельность как творческий процесс. Принятая за основу идея диалога обеспечивает субъектную позицию студентов в образовательном процессе, актуализирует у них навыки общения, уважительное отношение к людям, к их суждениям и проявлениям, толерантность и тактичность во взаимодействии с окружающими, развивает критическое мышление, рефлексия и саморефлексию. Следовательно, уровень развития толерантности студента напрямую зависит от уровня развитости диалогических умений.

Заключение

Важной характеристикой гуманистической направленности личностно-ориентированного обучения и воспитания относительно его содержания, методов, видов и способов педагогического взаимодействия является его *психотерапевтическая основа*, под которой понимается развитие принципиально новых, психически комфортных, ситуативно адекватных, безопасных для самого человека и общества способов взаимопонимания между людьми в профессиональной деятельности и личной жизни. Сам методический аспект, механизм образовательной и воспитательной деятельности, организационные формы занятий помогают в обучении сотрудничеству, выражению

своих позиций, точек зрения, ведению диалога, эмпатийному слушанию [1]. Включение преподавателем *приемов социального взаимодействия (сенситивного тренинга)* способствует развитию у студентов ценностей взаимодействия и культуры, навыков партнерских отношений, умений осуществлять сотрудничество, опираясь на рациональные социально-психологические решения [3]. Основное назначение приемов социального взаимодействия, помимо его обучающего потенциала, заключается в том, что его задачей является выстраивание межличностной составляющей взаимодействия с другими людьми путем развития психодинамических свойств студента и его социальных умений и навыков.

Игровое моделирование реализует важнейшие стратегические и методологические принципы социального взаимодействия [5]. Его применение в целях развития толерантности студента заключается в том, что данный метод направлен на получение психокоррекционного эффекта (А.П. Панфилова) за счет интенсивного межличностного общения и участия в совместной деятельности. Игровое моделирование может иметь мощный диагностический, прогностический и коррекционный потенциал в плане социально-психологической подготовки студентов, приобретения значимого социально-психологического опыта, анализа как своего собственного поведения, так и поступков других [4]. Интеграция педагогических условий развития толерантности на основе воспитания ценностного отношения к человеку осуществляется в рамках *педагогической технологии и общей методики развития* рассматриваемого качества. Концептуальная идея основ технологии заключается в развитии толерантности студентов как качества, ценности, принципа, жизненной социальной позиции, которая проявляется в умении организовывать и рефлексировать свою деятельность в логике конструктив-

ного взаимодействия, плюрализма и установок, способствующих эффективному межличностному взаимодействию. Полученные в результате теоретического анализа выводы позволили нам создать методическое и технологическое обеспечение по развитию толерантности как одного из важнейших гуманистических качеств студентов, главным условием возникновения которого является ценностное отношение к человеку [7; 8].

Литература

1. Ковынева М.В. Методика активного обучения и воспитания (современный подход к гражданскому образованию и воспитанию). – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 320 с.
2. Мещеряков Б., Мещерякова И. Введение в человековедение. – М.: Изд-во Рос.гос. гуманит. ун-та, 1994. – 320 с.
3. Петровская Л.А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 216 с.
4. Пометун О. Інтерактивні методики та система навчання. – К.: Шк. світ, 2007. – 112 с.
5. Поташник М. Лавина с гор, или на пути к толерантному сознанию // Народное образование. – 2001. – № 6, с. 45–49.
6. Сазоненко Г.С. Педагогічні технології. – К.: Шк. світ, 2009. – 128 с.
7. Столяренко О.В. Виховання гуманності учнів підліткового віку: Навчально-методич. посібник. – Київ: Віпол, 2003. – 158 с.
8. Столяренко О.В. Реалізація принципу гуманізму в діяльності класного керівника: Навчально-метод. посібник. – К.: Віпол, 2000. – 116 с.

FORMATION OF A MEDICAL STUDENT'S CREATIVITY: MISSION POSSIBLE

Razdorskaya O.V.

Kursk State Medical University, Kursk, Kursk region, Russia

The article deals with the usage of didactic drama at the English classes for the students of the medical university and the development of the students' creative and reflective skills in the process of taking part in the dramas.

Keywords: *didactic drama, creative skills, pedagogical support of the creativity development process, English for special purposes, interdisciplinary links.*

*If you need creative workers
give them some time to play*

John Cleese

Modern pedagogical technologies of teaching academic subjects, the rules of pedagogical communication of a teacher and the students, recommendations for the development of a student's personal and professional qualities occupy a significant place in a university's educational process. All these technologies, rules and recommendations require creative usage and taking into account the certain conditions and personal features of the participants of pedagogical communication [1. C. 103, 2. C. 154]. 'Mechanical' usage of these technologies doesn't give the result expected, that's why we consider the usage of creative and reflective approach worked out by us to be advisable for stepping up the process of teaching the students and forming their creative skills. Reflective and creative approach presupposes the presence of creative and personally oriented educational environment at the establishment of higher education. Studying at such an environment a student can become a person who is not only creative, but also responsible for the results of his future professional activity [2. C. 323].

The notion 'didactic drama (or didactic theater)' borrowed by many teachers from the educational system of V.A. Karakovsky is used in modern pedagogy not very often and is usually viewed as a method used for education of the children in the kindergarten. In our opinion, didactic drama can be used while studying foreign language (English for Medicine – EMP) at a university as it is a form of practical class aimed for obtaining knowledge in the process of theatrical acting. Didactic drama provides many new opportunities for a creative teacher and the students taught by him\her as the students can improve the knowledge of the subject performing as actors, directors and scenario writers and at the same

time demonstrating their talents not connected with the language skills.

Didactic drama is an important means of the students' creative skills' development, and the stage of reflection carried out and initiated by the teacher after staging the play promotes the development of the students' skills of self-evaluation, innovative thinking and verbal creativity.

Didactic drama is an alternative form of the students' individual work on the discipline 'Foreign language'. Along with writing scientific papers, making computer presentations, crossword puzzles on the topics under study, didactic drama is the most popular form of individual work among the students of Kursk State Medical University. The scripts of didactic dramas were worked out by us for the students of the faculties of Medicine, Pharmacy, Pediatrics, Dentistry and Clinical Psychology.

The concept of foreign language studying is based on the medical knowledge obtained by the students in process of mastering other subjects. Thus, the data obtained by the medical and pharmaceutical students during the practical studies in history of medicine and pharmacy can be used during the studies on English. Here the integration of the special and scientific knowledge is carried out.

According to educational working program during the classes on English medical, dental and pharmaceutical students study the topic 'History of medicine and pharmacy'. They read the texts about the development of medicine and pharmacy in the Ancient world, the Middle Ages, etc. The topics in the history of medicine and pharmacy are given to the students for individual work on English. Traditional writing of the scientific papers on the topic 'Medicine

in the Ancient World' was changed by us into a more creative form – a didactic drama.

According to the educational plan on History of medicine, the first year medical, pharmaceutical and dental students study the topic 'Medicine in Ancient Sumeria, Babylonia, Mesopotamia and Assyria'. That is why we took into account the interdisciplinary link between History of medicine and English while preparing didactic drama with the first year students.

According to the script, the great Assyrian king Hammurabi was badly wounded during the battle with the Medes. His adviser says that it is necessary to find the best doctor who will be able to treat the king. That's why Hammurabi starts a sort of vacancy of a doctor.

Studying History of medicine the students got to know that there were two distinct types of professional medical practitioners in ancient Mesopotamia. The first type of practitioner was the *ashipu* (plural: *ashiputu*, *āšipūtu*), in older accounts of Mesopotamian medicine often called a 'sorcerer'. One of the most important roles of the *ashipu* was to diagnose the ailment. In the case of internal diseases, this most often meant that the *ashipu* determined which god or demon was causing the illness. The *ashipu* could also refer the patient to a different type of healer called an *asu* (plural: *asutu*). He was a specialist in herbal remedies, and in older treatments of Mesopotamian medicine was frequently called 'physician' because he dealt in what were often classifiable as empirical applications of medication. All three of these techniques of the *asu* appear in the world's oldest known medical document (c. 2100 BC).

Asutu and *ashiputu* come to the king's court. Each doctor must prove that his methods are the most effective. The king should ask each applicant for the job of a military doctor the following questions:

1. Name the epoch when you live. Where is your country situated?

2. Name the famous doctors – your contemporaries.

3. What theories of treatment were worked out by you?

4. What methods of treatment do you use?

5. What medicinal herbs do you use?

6. What payment do you get for your treatment?

7. Are the surgeons your rivals?

8. Are the priests your rivals?

9. What words do you always write on the prescription before you indicate the composition of the medicine?

10. Can you prepare the medicines?

11. What are the reasons of illnesses diagnosed by you?

12. What are the legal norms of your activity?

The king must choose the doctor and give the arguments. He should also take into account his adviser's opinion. The students prepare the costumes for this play. The soundtrack of this play was the song 'Die Rache Lied Krieg der Assyriker' by the American metal band Nile.

Staging another didactic drama the students of the faculty of Pediatrics discussed the topic rather actual in Russia now – many people prefer to attend psychics, healers, even shamans, who are in fact charlatans. This problem is also discussed by the students at the seminars in Philosophy. Philosophy is studied by the second year pediatric, medical, dental and pharmaceutical students. The script of the didactic drama was worked out by the teacher and the second-year students.

According to the script, two girls go for a walk and meet a Gypsy who says that she will tell their fortune. According to her fortunetelling, one of the girls is seriously ill and will die soon. Having heard a lot about non-traditional medicine, both girls decide to go first to the shaman, then to the psychic and the witch. But the shaman says that the patient should

pay a great sum of money for the treatment, and the girl doesn't have this sum. The witch makes a potion, but the ingredients are really unpleasant and the girl doesn't want to take it. The psychic tries to guess what the girl's problem is and by mistake says that her boyfriend fell in love with another girl. After that the psychic says that her crystal ball doesn't work and needs repairs, so the girl should pay for it. Having realized that the charlatans' methods are not effective, the girls go to the physician who examines the 'sick one' and finds out that she is healthy. The doctor explains that it is not effective and, moreover expensive to attend charlatans.

At the practical classes of English the students rehearse the fragments of the drama using professionally oriented vocabulary and become creative coauthors of a drama's scenario. A drama promotes active mastering of communicative skills, speech patterns and phrases usually used in discussions. The students also prepare the costumes of a Gypsy, a psychic, a shaman and a witch for this play.

University teachers, students of the other academic groups and the foreign students (who are taught by Russian teachers in English at Kursk State Medical University) are invited to watch the performances. They are not simple viewers, but the active participants of the discussion.

After staging the performances we usually carry out subsequent reflection - that is self-analysis having the important functions of the professional education. It presupposes reflection of successful moments and drawbacks of the students. The teacher and the students analyze what language and communicative skills were mastered by the students in the course of the performance, if there were enough actions repeated in order to form these skills or we need additional exercises and so on.

Control of performing the tasks is carried out jointly: by the teacher and by the students, and also

there is self-evaluation by the students who took part in the performance. All together they form the final mark. In our opinion, reflective and creative technology leads to the formation of the students' ability to find the links between the topics studied in English and the topics studied during the classes on the other subjects, to evaluate their own deeds and discuss them.

Preparing a didactic performance the students get the cards with a brief description of the chosen character, translate it into English, add it with the some other certain traits of character, prepare some questions for a dialogue. The students who work at the role more carefully get the higher mark.

Thus we teach English by means of quasi professional activity modeling special educational environment, and we form some professional qualities of a future specialist in the process of studying English. Self-preparation of the students to the situations of the performance and its staging promote students' mastering social and professional qualities of the future specialist, business communication in English and its ethic aspects. Practical usage of the new pedagogical technology, didactic drama, allowed us to systematize the experience obtained and to reveal the skills and abilities formed by the students as the future creative specialists.

Practical experience of using didactic drama while teaching English to the students of Kursk State Medical University allowed us to reveal some positive items:

- motivation and interest to studying English and attending the classes in it increases;
- the students' interest to the problems of the professional sphere modeled and performed at the classes in English increases;
- the students get to know the information based on the certain cases and examples, it promotes the drama's participants' mastering the skills of making productive decisions;

- the experience obtained in the process of staging the performances allows the proper evaluation of the possible real situations. Usage of a didactic drama gives a teacher more opportunities for the development of the students' communicative and linguistic abilities as well as their creative and reflective skills necessary for their future practical activity.

References

1. Мартишина Н.В. Становление и развитие творческого потенциала педагога: модели и технологии / Н.В. Мартишина // Российский научный журнал, № 2 (3), 2008. – С. 103-111.
2. Раздорская О.В. Применение рефлексивно-креативного подхода в образовательном процессе непрерывного обучения слушателей ФПО / О.В. Раздорская // Университетская наука: Взгляд в будущее/ Материалы итоговой научной конференции, посвящённой 76-летию КГМУ (2-3 февраля 2011 года) / Под ред. В.А. Лазаренко. В 3-х томах. – Том III. – Курск: ГОУ ВПО КГМУ Минздравсоцразвития России. – 404 с. – С. 323-326.
3. Ухов Ю.И. Специфика педагогического подхода в подготовке студентов-медиков на начальных этапах обучения/ Ю.И. Ухов, О.В. Крапивникова // Российский научный журнал, № 1 (2), 2008. – С. 148-156.

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ УМК В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВУЗА

MULTIMEDIA COMPLEX IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT UNIVERSITY

Паперная Н.В., Ковалевич Е.П.

АГПА, Армавир, Краснодарский край, Россия

Papernaya N.V., Kovalevich E.P.

ASPA, Armavir, Krasnodar region, Russia

В статье рассматривается применение мультимедийного учебно-методического комплекса на основе регионально-национального компонента на занятиях по английскому языку в вузе. Выявляется его роль в повышении качества профессиональной подготовки специалистов к практической деятельности в своём регионе. Подчёркивается необходимость использования информационных технологий.

Ключевые слова: поликультурное образование, преподавание иностранного языка, меж-

культурная компетенция, регионально-национальный компонент, информационные технологии.

The article deals with the usage of the teaching complex based on regional-ethnic component while teaching foreign languages. The importance of enabling students to conduct a cross-cultural dialogue with the awareness of cultural identity and respect to ethnic and linguistic diversity is emphasized. The Internet is regarded as one of the sources of different information encouraging students to participate in creative problem solving.

Keywords: *multicultural education, teaching foreign languages, cross-cultural competence, regional-ethnic component, informational technologies.*

Введение

В последние годы в иноязычном образовании значительно возрос интерес к роли родной культуры. Это вызвано новыми образовательными стандартами, продолжающими тенденцию внедрения личностно-ориентированного подхода.

В рамках системы высшего образования осуществляется задача подготовки обучаемых к культурному, профессиональному и личному общению с представителями стран с иными социальными традициями, общественным устройством и языковой культурой. Однако обучение иностранным языкам реализуется в рамках той культуры, обычаев и традиций, которые сложились в данном регионе в целом, так как в любом регионе Российской Федерации проживают представители нескольких этносов.

Северный Кавказ представляет собой мозаику народов и культур, различающихся по уровню интенсивности внутренних связей, спецификой политической организации, экономической и социальной характеристиками, языком и менталитетом. Учитывать условия социума и образовательной стратегии в регионе призвано поликультурное пространство педагогического вуза, где преподаватель иностранного языка выступает в качестве связующего звена между представителями разных стран, народов, культур [1]. Обучать

языку в вузе – значит обучать культуре, что подразумевает взаимосвязанное коммуникативное, социокультурное и когнитивное развитие студентов.

Для того чтобы у них поддерживался постоянный интерес к языку, представляется целесообразным включать в занятия региональную тематику, или так называемый регионально-национальный компонент (РНК).

Материал, составляющий РНК, предполагает овладение студентами знаниями фоновой и безэквивалентной лексики; реалий в рамках изучаемой тематики; норм и ограничений повседневного поведения; исторических фактов, культурных традиций. РНК призван не только выразить индивидуальность национальных культур и их связь с общечеловеческими ценностями, но и обеспечить решение комплексных задач по изучению национальных стереотипов восприятия и поведения, форм мышления, систем ценностной ориентации [5].

Цель нашего исследования мы видим в том, чтобы средствами иностранного языка научить студентов вести диалог культур, который невозможно полноценно осуществлять без осознания себя как носителя определенной национальной культуры, бережного отношения к этническим и языковым различиям. При этом особое внимание

следует уделять сопоставлению культур страны изучаемого языка, родной страны, региона и своего национального языка с выделением универсального и специфического в культурах.

Известно, что основной целью обучения иностранным языкам является формирование и развитие коммуникативной компетенции, подразумевающей умение участвовать в коммуникации на языке. Этому способствует использование информационных ресурсов сети Интернет, при помощи которых можно решать целый ряд дидактических задач:

- формировать навыки и умения в чтении, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности;
- развивать умения в аудировании на основе аутентичных звуковых текстов;
- совершенствовать умения в письменной речи;
- пополнять активный и пассивный словарный запас;
- расширять фоновые знания [2].

Поиск в сети аутентичных материалов, в том числе регионального характера, активизирует самостоятельную работу студентов и формирует умения, обеспечивающие их информационную компетентность. Использование обнаруженной информации позволяет применить сформированные навыки и речевые умения для решения реальных коммуникативных задач, что ведёт к повышению интенсивности учебного процесса [3].

Материал исследования

Для решения практических задач, возникающих в вузовском образовании в условиях поликультурной среды, необходимо обеспечение соответствующими учебниками и учебно-методическими комплексами.

В процессе преподавания английского языка на факультетах АГПА апробируется учебно-методический комплекс «Krasnodar Region – Land of Diversity (Краснодарский край – мозаика языков и культур)». Разделы УМК – *Glimpses of History, Cultural Tips, Industry & Agriculture, Schools & Universities, Health Care, Sport, Recreation & Tourism* – раскрывают историко-культурное наследие Краснодарского края и города Армавира, перспективы его социально-экономического развития в рамках подготовки к проведению Олимпиады-2014 и расширения туристических связей, а также потенциал в области образования и здравоохранения.

Источниками для создания для комплекса послужили следующие ресурсы: сайты администраций края и муниципальных образований, предприятий промышленности и сельского хозяйства, учреждений образования, здравоохранения и культуры; спортивных клубов и федераций; туристических компаний; строительных организаций и компаний, возводящих олимпийские объекты; энциклопедическая и справочная литература; рекламные проспекты; видео- и аудиоматериалы о Краснодарском крае на русском и английском языках, а также образовательные ресурсы сайтов British Council и BBC для изучающих английский язык.

При разработке занятий на основе предлагаемого комплекса учитывались такие аспекты, как предметно-содержательный, языковой и коммуникативный. Предметно-содержательный аспект связан с отбором необходимой информации по изучаемой теме (данные о численности населения, природных условиях, учебных заведениях, спортивных сооружениях, клиниках и т.д.). Языковой аспект включает отбор лексических единиц, относящихся, например, к географическим, историческим, культурным реалиям своего края

и региона. Коммуникативный аспект реализуется через использование отобранного языкового материала для решения определенных коммуникативных задач (обобщение данных по изученной теме, выражение собственного мнения и т.д.).

Стержневым компонентом УМК «Krasnodar Region – Land of Diversity (Краснодарский край – мозаика языков и культур)» является побуждение обучаемых к речевой деятельности по широкому спектру вопросов, связанных с жизнью Северокавказского региона.

Использование данного УМК направлено на:

- приобретение и закрепление умений межкультурной коммуникации,
- побуждение обучаемых к активизации полученных знаний,
- формирование навыков креативного мышления с целью коммуникативно-осмысленного выбора языковых средств для описания различных сфер человеческой деятельности [4].

При таком подходе достигается наибольший эффект в познании концептосфер культуры и языка и, как следствие, – формируется умение вести успешный межкультурный диалог.

Методы исследования

Наряду с традиционно-педагогическими методами (наблюдение, анализ первоисточников, изучение преподавательского опыта и студенческого творчества, беседы и интервью) нами были использованы гипотетико-дедуктивный, теоретические и эмпирические методы исследования.

Результаты исследования

Проиллюстрируем сказанное заданиями на основе материалов сети Интернет к разделу **Sports and Games**. Как и все разделы УМК, он начинается с вводных упражнений (**Lead-in**):

1. Do you do any sport? How often?

2. Look at the photos.

a) *Match the photos to the names of SOCHI 2014 Olympic objects: «RusSki Gorki» Jumping Center, «Shayba» Arena, «Fisht» Olympic Stadium.*

b) *What sport events will be held there? Choose from the list:*

Ice hockey, Curling, Figure Skating, Speed Skating, Biathlon, Ski Races, Opening and Closing Ceremonies, Medal ceremonies, Ski jumping, Nordic combined, Bobsleigh, Skeleton, Freestyle Skiing, Snowboarding.

3. What kind(s) of sport do you like /hate? Why?

Далее следуют задания по развитию умений в таких видах речевой деятельности, как: **Listening, Speaking, Reading и Writing /Project**.

Так, для аудирования (**Listening**) имеется следующее задание с использованием Интернет-ресурса:

Watch the video Russian sports school from Talking sport <http://www.bbc.co.uk> (or listen to the audio downloaded) and say what it takes to graduate from this school (hard work). Is there any sports school in Armavir you know? Use the Internet to learn more.

Для чтения (**Reading**) предъявляются небольшие по объему тексты информативного характера с различными заданиями, например:

Read about **Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism** and complete the chart.

in 2003	the status of University
educational programmes	
University graduates	
in 2007	
teams functioning on the University base	
social sport events on the University base	
procedures for students' employment	

В качестве примерного задания для говорения (**Speaking**) можно привести такое:

Give advice to your partner about sports you can do /play in Armavir. Use the prompts: I enjoy ... , Let's ... , Why don't we ... ? If I were you, I would

Письменные задания (**Writing**) могут выглядеть следующим образом:

You are writing an article about Armavir Sambo & Judo School of the Olympic Reserve. Follow the plan Founded → Coach /Manager → Achievements → Champions /Prizewinners.

Перспективным представляется также использование проектной деятельности (**Project**):

Make a slide show about your favorite sport. Speak about the history, place, equipment, rules and famous athletes.

My favourite sport is It was first played /done We do/ play/ the sport or go sporting on/ in/ at To do/play/ go it you need You have to observe the following rules: The famous athletes are

Подобные задания позволяют активизировать мотивацию студентов, повысить уровень их творческой самореализации, формируя межкультурную компетенцию на основе коммуникативных навыков. Таким образом, технические и информационные возможности делают Интернет незаменимым в процессе обучения английскому языку в вузе.

Важно, что при включении родной культуры в образовательный процесс реализуется функция языка как средства самовыражения, а дидактические материалы УМК способствуют социокультурному развитию обучаемых, обогащению их лексической базы, усилению мотивации в изучении иностранного языка.

Нам представляется, что использование УМК «Krasnodar Region – Land of Diversity (Краснодарский край – мозаика языков и культур)» в процессе обучения языку позволит значительно обогатить коммуникативную культуру студентов и поможет реализовать такие цели, как воспитательная, образовательная и развивающая.

Литература

1. Барышников Н.В. Параметры обучения межкультурной коммуникации в средней школе // Иностранные языки в школе, 2002. – № 2. – С. 28-32.
2. Доржинова З.Б., Куликова О.А. Использование мультимедийных средств в обучении английскому языку для формирования социокультурной компетенции // Языки и культуры народов мира в лингводидактической парадигме. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – С. 36-37.
3. Ковалевич Е.П., Паперная Н.В. Интернет-ресурсы как средство языковой подготовки студентов на основе национально-регионального компонента / Е.П. Ковалевич, Н.В. Паперная // Актуальные проблемы лингводидактики в условиях модернизации профессионального образования. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2011. – С. 151-155.
4. Паперная Н.В., Ковалевич Е.П. Роль регионально-национального компонента в обучении межкультурной коммуникации // Инновации в языковом образовании: обучение иноязычному общению в различных типах учебных заведений в контексте компетентностного подхода. – ИГЛУ, Иркутск, 2010. – С. 75-81.
5. Яценко И.А., Шевцова М.В. Интеграция национально-регионального компонента в обучении английскому языку. – <http://festival.1september.ru>.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОГРУЖЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ШКОЛЬНИКОВ

CULTURAL TECHNOLOGIES OF IMMERSION INTO A HISTORICAL ERA AS A BASIS FOR BUILDING OF CREATIVE ABILITIES OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS

Матвеевская Н.С.

Университет РАО, г. Москва, Россия

Matveevskaya N.S.

Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Данная статья рассматривает опыт внедрения культурологических методов погружения в повседневную жизнь общеобразовательной школы и аргументирует значимую роль культурологического подхода в развитии творческих способностей учеников в современном образовательном пространстве.

Ключевые слова: *театрально-историческое погружение, виртуальное погружение, творческие способности, культурологический подход, живой музей.*

This article considers the experience of the implementing of the culturological methods of immersion into the daily life of secondary school, and argues the important role of culturological approach in the development of creative abilities of pupils in the modern educational space.

Keywords: *theater and historic immersion, virtual immersion, creativity abilities, culturological approach, a living museum.*

Образование в современной России становится приоритетной отраслью, на перемены в которой общество возлагает большие надежды. Социальный заказ требует воспитания будущих граждан, способных повести страну по пути прогресса и процветания, реализуя свои частные притязания и решая общественные задачи. Коллективное общественное сознание требует новых образов осмысления и методов преобразования обучающей и воспитывающей действительности. Информативное, «знаниевое» образование, традиционное для индустриальной эпохи развития нашей страны становится несоответствующим, антикультуросообразным новой, технологически развитой, скоростной жизни общества. Общим курсом в модификации системы образования является наметившееся смещение акцентов в ценностных смыслах и конструктивных образовательных целях от социально направленных к личностно - ориентированным [3].

По мнению автора теории многоуровневого креативного образования М.М. Зиновкиной, «главным резервом России, позволяющим выйти из кризиса и вернуться в число мировых держав, является творческий потенциал личности, способной продвигать научно-технический прогресс» [5, 4 с.]. В связи с этим обостряется внимание к проблеме повышения креативных (творческих) способностей и возможностей учащихся общеобразовательных школ, вырабатывания

у них активных индивидуальных качеств, способности к практической самомотивации, самоконструированию и самопрезентации, и вместе с тем к их успешной социализации.

Исследованию проблем, связанных с креативной педагогикой и творческим потенциалом личности, посвящен целый ряд работ Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Богоявленской, Я.А. Пономарёва, Хуторского А.В. и др. Креативность (творчество) – одна из ведущих жизненных потребностей личности в переустройстве реальности и одна из важнейших характеристик самоактуализации. В исследованиях отечественных и зарубежных психологов показано, что любой здоровый человек обладает с рождения творческим потенциалом. Именно поэтому очень важно пронести этот дар по маршруту детство – отрочество – юность – зрелость, преемственно и постоянно развивая креативные способности на каждом этапе взросления ребёнка и во взрослом состоянии. Следует понимать, что креативность – не самоцель. Главной целью формирования и сохранения этого свойства, собирающего в себе множество составляющих, является решение больших и малых практических и зачастую нестандартных задач. По Е. Торренсу креативность: «беглость – способность продуцировать большое количество идей; гибкость – способность применять разнообразные стратегии при решении проблем; оригинальность – способность проду-

цировать необычные, нестандартные идеи; работанность – способность детально разрабатывать возникшие идеи; сопротивление замыканию – это способность не следовать стереотипам и длительное время «оставаться открытым» для разнообразной поступающей информации при решении проблем; абстрактность названия – это понимание сути проблемы того, что действительно существенно».

По мнению М.А. Ариарского, основателя научного направления и научной школы прикладной культурологии, «сегодня понятие «личность» неотделимо от креативности, то есть способности к активному созидательному творчеству...». Профессор Ариарский М.А. считает, что обладание креативными качествами может быть лишь результатом последовательного, педагогически выверенного воздействия на сознание и чувства индивида, поэтапного приобщения его к миру творчества и реализации своих интеллектуальных, организационных, коммуникативных и эмоциональных потенций» [1, 2 с.].

Формирование креативности у школьников как особой творческой способности может происходить только в условиях потребности самореализации. Учитель, сам обладающий глубокими универсальными педагогическими и широкими социальными знаниями, быстротой и неординарностью мышления, имеющий богатое воображение, скрупулезность в изучении проблемы, остроумие, доброжелательность, «приверженность высоким эстетическим ценностям» (по Гилфорду) сможет воспитать и обучить, выпустить в большую жизнь творческих людей, обладающих главными компетенциями личности с креативно-культурологической точки зрения – свободой мышления и действий, «творчеством, ответственностью и толерантностью» [2, 10-12 с.].

Принимая нормы и традиции общества, личность, воспитанная в нём, способствует продол-

жению его жизни, передаче культурного опыта предыдущих поколений будущему [4]. Тем самым, сформированная социальная активность граждан страны способствует дальнейшему развитию и преуспеванию своей Родины. Воспитание таких качеств личности, как практичность интеллекта, контактность, умение генерировать идеи, упорство, выдержка, работоспособность, наблюдательность, собранность, склонность к эмпатии, критический ум, самостоятельность, ответственность и др. играет важную практическую роль в создании социально продуктивной модели образовательного пространства XXI века. Оно должно представлять собой культуранополненную модель, где ученики осваивают ценностную картину мира через осознанную творческую деятельность: разработку исследовательских проектов, реконструкцию исторических событий национального и мирового образцов, создания новых культурных составляющих; принимают решения по организационным и содержательным вопросам; создают итоговый продукт (макет) исследования как осязаемый результат деятельности. Выпустить в жизнь полноценных граждан страны, «помнящих родство», созидющих бытие, достойное современного человека – вот задача современной школы. Тем не менее, творческую личность может обучить и воспитать только творческий преподаватель, использующий продуктивные методы, приёмы и технологии, – на этом «камне преткновения» и буксует реформа образования [6]. Анализируя реальную работу системы современного образования можно прийти к выводу, что педагогические составы учебных учреждений участвуют в модернизации образования, локально внедряют системы развивающего обучения и интерактивные методологии, но в силу разных причин это происходит зачастую декларативно, в целом сохраняя тенденции обучения традиционного. Опираясь на

мнение отечественных и зарубежных психологов и педагогов о минимальной эффективности восприятия традиционных методов трансляции, репродукции и иллюстративной демонстрации, до сих пор господствующих на уроках, и на успешные результаты применения «активной практики через действие» стоит задуматься о глобальной реорганизации школьного методологического банка [7].

Рассмотрим опыт формирования творческих способностей личности обучающихся путём внедрения технологий театрално-исторического и виртуального погружения в образовательном пространстве НОУ СШ в Адаптированной системе обучения (АСО) п. Свердловский Щёлковского района Московской области.

Школа находится на территории парковой зоны усадьбы конца XIX века бывшего фабриканта С.И. Четверикова, в историческом здании. Этот существенный факт сподвиг коллектив учебного учреждения поставить усвоение базовых образовательных программ на культурологическую основу. Ежегодный проект «Бал в русской усадьбе» готовится и проводится при помощи различных творческих методов и приёмов, включая технологии театрално-исторического и виртуального погружения, позволяющие реконструировать ту или иную эпоху, в традициях которой решено провести бал. Проект разрабатывался по нескольким направлениям, выявленным методом мозгового штурма во время работы с педагогическим и ученическим коллективами школы и позволяющим системно охватить изучение информации о жизни России на данном историческом отрезке. Данное исследование проводилось в течение года по следующим направлениям с учётом поставленных задач, конечный продукт зафиксирован и оформлен при помощи технологии макетирования. Макет – продукт представляет собой рукотворную книгу в стиле заданной эпохи

и её электронный вариант. Каждое направление проекта было закреплено за ответственным педагогом и разновозрастной группой школьников, чтобы учесть интересы и пристрастия каждого обучающегося.

Подвергнем рассмотрению цели и задачи, а также поручения с заданным заданием – результатом к исследовательскому проекту «Бал в стиле модерн».

Прогнозируемый результат замысливался как создание социокультурной ситуации в школе и основание в ней помимо музея исторических артефактов жизни в царской России конца XXI века - начала XX века – живого музея, глобальной национальной исторической реконструкции [8].

Задачи были отработаны согласно педагогической теории.

Обучающие: изучить характерные черты исторических эпох, творчество персоналий – представителей эпохи, стилевое проявление каждой избранной эпохи в современной российской жизни, исследовать мир на заданном историческом отрезке, анализируя письменные источники.

Развивающие: сформировать способность продуктивного мышления, эмпатию как способность сопереживания и умения поставить себя на место другого человека, креативность как созидательную рефлексию, аксиологическое отношение к реальному миру, умение подвергать анализу и сопоставлять эстетический материал, историческое восприятие времени, пространственное мышление (ощущение себя в культурологическом пространстве).

Воспитательные: воспитать чувство ответственности, трудолюбие, умение переносить опыт веков в современность, чувство коллективизма, умение работать в команде и моделировать различные групповые ситуации, становление интеллигентности сознания.

Методика разработки технологии культурно-исторических погружений вводилась по отработанному опытному путём алгоритму проведения традиционного годового общешкольного культурологического проекта «Бал в русской усадьбе»: проведение мозгового штурма среди педагогов, использование методов критического мышления; отработка исследовательских направлений по всем научным дисциплинам, представленным в Базисном учебном плане и дополнительном образовании школы для качественного погружения в ту или иную эпоху.

Были разработаны следующие направления:

Лингвистическое направление: (русский язык и литература): анализ произведения, содержащего в себе сюжет проведения балов в XIX веке; изучение стиля письменной и устной речи конца XIX века: эпистолярный, публицистический, художественных текстов, разговорный; лексика и фонетика письменной и устной речи; поэзия конца XIX века: художественное чтение. *Продукт:* приглашение на бал в стиле эпохи модерн, иллюстрированная книга цитат и описаний.

Лингвистическое направление (английский язык): перевод рассказов А.П. Чехова; изучение стилевых особенностей; знакомство с основателями стиля модерн в англоязычных странах. *Продукт:* иллюстрированная книга переводов чеховских рассказов на английский язык.

Историческое направление: исследование эпохи стиля модерн с 1890 по 1914 год по различным линиям культуры и быта этого времени; разработка видеоряда и предметного наполнения школьного музея; подготовка и проведение дебатов «Этикет жив или мёртв». *Продукт:* оформление музея «Русская усадьба эпохи модерн» и иллюстрированных дидактических пособий по истории 1890-1914 года.

Музыкально-эстетическое направление: изучение биографий и музыки авторов эпохи

модерн; особенности музыкальных стилей XIX века - начала XX века; исполнение классического городского романса XIX века. *Продукт:* работа музыкальной гостиной на балу.

Естественнонаучное направление: математика – работа с планом здания, подготовка разработки макета здания усадьбы С.И. Четверикова; физика, химия, география: изучение истории открытий конца XIX века - начала XX века; биология: оформление выставки по интегрированному направлению изучения светского этикета «Язык цветов». *Продукт:* работа участников проекта естественнонаучного направления на научно-практической конференции.

Театральное направление: изучение драматического творчества А.П. Чехова; изучение бальных игровых технологий. *Продукт:* постановка бальных игр, постановка спектакля по рассказам А.П. Чехова.

Художественно-изобразительное направление: изучение живописи и архитектуры эпохи модерн; изучение творчества художников – друзей А.П. Чехова. *Продукт:* оформление залов усадьбы репродукциями художников эпохи модерн, фотовыставка «Московский модерн».

Хореографическое направление: изучение историко-бытового танца конца XIX века - начала XX века, разучивание танцев: полонез, вальс, полька, кадрили, котильон. *Продукт:* исполнение танцев на балу.

Декоративно-прикладное направление: изучение декоративно-прикладного искусства и костюма эпохи модерн; изучение технологии изготовления изделий декоративно-прикладного творчества (декупаж, вышивание лентами пр.) *Продукт:* проведение бального благотворительного аукциона.

Работа над проектом «Бал в русской усадьбе» и проведение самого бала позволил школьникам и педагогам создать общий продукт исследова-

ния посредством культурологического подхода, овладеть технологией проведения культурологического исследования, основать интерактивную креативную среду в образовательном пространстве, основать в школе живой музей. Непрерывная актуализация предметов вещественного и духовного наследия культуры, сохранение национальных обычаев, культурных традиций побуждает к формированию и развитию креативности школьников, их активной жизненной позиции и возрождению национальной генеалогической культуры. Историческая реконструкция конца XIX века - начала XX века позволила воссоздать полную картину материальной и духовной культуры и почувствовать дыхание живой истории.

В результате диагностики, проведённой среди участников проекта (98 учеников и 23 учителя), выявлено, что по сравнению с первичным опросом этих же респондентов, их процентные

позиции значительно выросли: интерес к творческой деятельности на 34% ($10\% < 44\%$), уровень потребности новизны в оригинальных идеях для решения жизненных ситуаций на 28% ($8\% < 36\%$), уровень самооценки и оптимизированная самоактуализация на 18% ($18\% < 36\%$), самооценка уровня творческих (креативных) умений и навыков на 24% ($12\% < 36\%$), уровень потребности самовыражения на 35% ($25\% < 60\%$), стремление к управлению организации творческих проектов на 14% ($5\% < 19\%$), стремление к творческой результативности проекта на 15% ($45\% < 60\%$).

Итак, в ходе эксперимента с помощью методов опроса и анкетирования были получены данные, аргументирующие эффективность реализации культурологических методов для формирования творческих способностей учеников и учителей средней общеобразовательной школы.

Литература

1. Ариарский М.А. Прикладная культурология : Монография. С.-п. гос. ун-т культуры и искусств, Ассоц. музеев России. – СПб.: Эго. – 2001. – 287 с.
2. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М.: Прогресс, 1969. – 14 с.
3. Запесоцкий А.С. Образование. Философия. Культурология. Политика. СПб: ГУП. – 2007. – 298 с.
4. Запесоцкий А.С., Марков А.П. Становлении культурологической парадигмы. Дискуссионный клуб университета. – СПб: ГУП. – 2007. – 56 с.
5. Зиновкина М.М. Многоуровневое непрерывное креативное образование и школа // Пособие для учителей. М., 2006. – 145 с.
6. Лихачёв Д.С. Учитель и отечественная школа. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. М.: Рос. фонд культуры, 2006. – С. 298-301.
7. Печерская С.А. Культура, гуманизация образования и профессиональное сознание учителя // Человек культуры: Статьи, тезисы сообщений по актуальным проблемам гуманитарных исследований. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000.
8. [Сайт] http://www.museum.ru/RME/sci_live.asp – Российская музейная энциклопедия (сентябрь 2011).

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ И ДИНАМИКИ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ДВИГАТЕЛЬНО-КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У ЮНЫХ ГОРНОЛЫЖНИКОВ В ВОЗРАСТЕ 12-13 ЛЕТ

RESEARCHING THE LEVEL AND DYNAMICS THE SPECIFIC COORDINATION ABILITIES AT YOUNG ALPINE-SKIER IN THE AGE OF 11-12 YEARS

Лисовский А.Ф.¹, Мазур С.М.², Можяев С.А.²

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Чайковский филиал,
г. Чайковский, Пермский край, Россия*

Lisovskij A.F.¹, Mazur S.M.², Mozhaev S.A.²

Perm national Tchaikovsky's state Institute of Physical culture, Tchaikovsky town, Perm region, Russia

В статье сформулирована проблема, связанная с изучением двигательных-координационных способностей у юных горнолыжников, связанная с особенностями развития организма подростков в возрасте 12-13 лет.

Авторами показаны возможности решения означенной проблемы на основе применения комплекса специальных упражнений способствующих развитию у юных горнолыжников двигательных координаций, специфических именно для горнолыжного спорта.

Авторами установлены достоверные положительные сдвиги показателей двигательных-координационных способностей в сравнительном экспериментальном исследовании с применением специальных упражнений для развития ловкости у детей.

Ключевые слова: юные горнолыжники, координационные способности.

In the article was formulated the problem, connected with the study of engine-coordination abilities of young Alpine-skiers, connected with the special features of the development of the organism of adolescents at the age of 12-13 years.

The authors showed the possibilities of the solution of the designated problem on the basis of the application of a complex of special exercises of the facilitating development in young Alpine-skiers engine coordinations, specific precisely for the mountain-skiing sport. In the article is formulated the problem, connected with the study of engine- coordination abilities in young Alpine-skiers, connected with the special features of the development of the organism of adolescents at the age of 12-13 years.

The authors demonstrated the positive abilities in establishing changes of positive improvements the indexes of engine-coordination abilities in the comparative experimental researching with the using of special exercises for the adroitness development.

Keywords: the young alpine-skiers, specific coordination abilities.

Проблема

Известно, что успешное освоение сложной горнолыжной техникой на стадии начального обучения является трудной задачей для подростков в возрасте 12-13 лет [1]. Это явление связано с особенностями развития организма в указанном возрасте, которые особенно отражаются на процессе постановки горнолыжной техники в виде недостаточного уровня сформированных у детей двигательных координаций.

В то же время достаточно высокий уровень начального освоения горнолыжной техники в указанном возрасте является основой для дальнейшего становления технического мастерства у юных спортсменов и достижения ими в дальнейшем высоких спортивных результатов.

Объект исследования. Объектом нашего исследования является юношеский горнолыжный спорт.

Предмет исследования – начальная подготовка юных спортсменов в соответствии с программой учебно-тренировочного процесса СДЮСШОР по горнолыжному спорту.

Научная гипотеза. Мы предполагаем, что в подготовительном периоде тренировочного процесса в группах начальной подготовки в беснежном периоде необходимо разрабатывать и применять специальные упражнения, которые должны способствовать развитию у юных горнолыжников двигательных координаций, специфических именно для горнолыжного спорта.

Цель нашей работы состояла в установлении информативности разработанных авторами специальных двигательных заданий как средства для измерения и оценки уровня двигательных координационных способностей у юных горнолыжников СДЮСШОР города Чусовой Пермского края в возрасте 12-13 лет на основе оригинальной авторской методики.

Задачи эксперимента

Для достижения поставленной цели исследования нами были сформулированы следующие задачи.

1. Разработать методику оценки специфических двигательно-координационных способностей у юных горнолыжников на основе предъявления им заданий на выбор неизвестного заранее маршрута движения с учетом времени движения.

2. Показать достоверность сдвигов показателей двигательно-координационных способностей в сравнительном экспериментальном исследовании с применением специальных упражнений для развития ловкости у детей экспериментальной и контрольной групп в подготовительном периоде.

3. Установить информативность результатов примененных контрольных упражнений как показателей специфических двигательно-координационных способностей у детей исследуемого возраста

4. По результатам эксперимента разработать нормативы по информативным контрольным упражнениям для юных горнолыжников и внедрить их в практику работы СДЮСШОР города Чусовой.

Методы исследования

В исследовании применялись следующие методы:

- метод формирования экспериментальной и контрольной групп посредством случайного выбора испытуемых;
- метод контрольных испытаний с применением оригинального двигательного задания, предусматривающего точное определение состава и структуры специфического для юных горнолыжников двигательного задания «Прыжки по кружкам»;

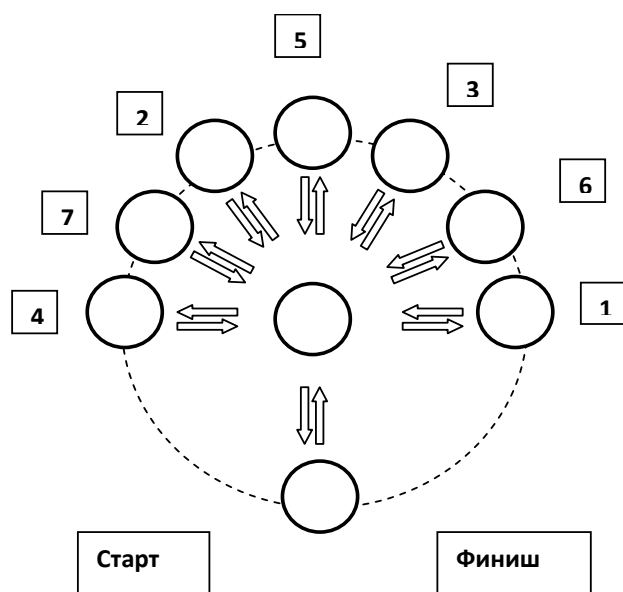

**Рис. Схема выполнения задания
«Прыжки по кружкам»**

- математико-статистический метод обработки результатов для определения информативности авторского двигательного задания («Прыжки по кружкам») посредством сравнения его результатов с критерием информативности (результаты соревнований по горнолыжному спорту) с помощью корреляционного анализа [13, 23].

Организация исследования

Перед началом работы авторами была сформирована экспериментальная группа из юных спортсменов, учащихся СДЮСШОР по горнолыжному спорту города Чусовой, возраст испытуемых 12-13 лет, всего 32 юноши и 28 девушек. Контрольная группа была составлена в таком же количестве из учащихся средней общеобразовательной школы №75 города Чусовой. Исследования проводились в течение шести месяцев с мая по ноябрь месяц в спортивном зале школы.

В экспериментальной группе кроме средств общей физической подготовки применялось спе-

циально разработанное двигательное задание под названием «Прыжки по кружкам» (ПК).

В соответствии с возрастом испытуемых для всех участников эксперимента радиус большого круга принимался равным 0,80 метра, радиусы малых кругов - 0,25 метра. Маршрут движения в виде последовательных прыжков обозначался номерами, расположенными около кружков, очередность прыжков для каждой попытки изменялась и не была известна испытуемым до команды «Марш!». Результат выполнения задания представлялся в виде суммы времени двух попыток. Погрешность измерений определялась точностью хронометрирования, при использовании электронного секундомера относительная погрешность измерений составляла не более 3%.

Результаты измерений в обеих группах по этапам: май-июнь, июль-август, сентябрь-октябрь обрабатывались с помощью методов статистического анализа. Находились средние арифметические значения выборок ($\bar{X}$), средние квадратические отклонения (S), а также значения линейных коэффициентов корреляции (R). Достоверность результатов измерений рассчитывалась с помощью критерия Фишера на уровне 95 процентов.

Результаты эксперимента

Результаты обработки результатов измерений в виде среднegrupповых характеристик по трем этапам наблюдений представлены в табл.1.

По данным таблицы 1 можно видеть, что достоверные изменения, полученные нами расчетным путем произошли за изучаемый период как в экспериментальной, так и в контрольной группах. Однако, изменения в экспериментальной группе оказались достоверно большими. Полученные результаты позволяют нам считать, что юные горнолыжники лучше освоили специальное упражнение «Прыжки по кружкам», требующее быстрой оценки ситуации при выполнении

Таблица 1

Групповые результаты выполнения двигательного задания ПК по этапам

Характеристики	1 этап		2 этап		3 этап		Измен. начало-конец	Критерий Фишера	
	Нач.	Кон.	Нач.	Кон.	Нач.	Кон.	%	$F_{расч.}$	$F_{табл}$
Горнолыжники								19,70	2,32
$\bar{X}$	24,09	23,84	21,64	19,64	20,44	19,46	19,22		
S	1,46	1,48	1,00	0,92	0,96	0,92			
Школьники								13,98	2,32
$\bar{X}$	29,09	28,79	26,84	22,75	26,47	26,39	9,28		
S	4.44	4.47	3.27	3.28	2.19	2.18			

движения по неизвестному заранее маршруту и достаточно высокого уровня скоростно-силовых способностей.

Дальнейшая обработка результатов эксперимента состояла в нахождении величин коэффициентов линейной корреляции (R) между результатами выполнения горнолыжниками задания «Прыжки по кружкам», полученными на последнем этапе контроля в подготовительном периоде, и результатами соревнований по слалому-гиганту в Зимнем спортивном сезоне 2009-2010 годов в городе Чусовой. Результаты расчетов представлены в табл.2.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа между заданием «Прыжки по кружкам (ПК)» и результатами соревнований в слаломе-гиганте

Пол	Группа	Декабрь 2009 г.	Февраль 2010 г.	Март 2010 г.
Юноши	Эксперим.	0,42	0,58	0,62
Девушки	Эксперим.	0,49	0,60	0,64

Данные табл. 2 демонстрируют среднюю по тесноте корреляционную связь между изучаемым показателем подготовленности (ПК) и результатами юных спортсменов в соревнованиях по слалому-гиганту. Некоторые изменения уровня показателя корреляции за период «декабрь –

февраль» отражают, по нашему мнению, влияние «периода вкатывания», в течение которого постепенно формируется состояние «спортивной формы» у горнолыжников. В дальнейшем, в середине спортивного сезона различия показателей могут оказаться недостоверными.

По данным групповых результатов эксперимента следует, что за все время наблюдений с первого по третий этапы у всех участников эксперимента произошло уменьшение величин интервала времени выполнения двигательного задания «Прыжки по кружкам». Достоверность изменений определялась по величинам расчетного и табличного критерия Фишера как в экспериментальной, так и в контрольной группах.

Для группы горнолыжников изменение среднего времени выполнения задания составило 16,5 процентов, для группы школьников – 13,7 процентов. Можно считать, что юные горнолыжники лучше освоили это специальное упражнение, требующее быстрой оценки ситуации при появлении сигналов на движение по неизвестному заранее маршруту и достаточно высокого уровня скоростно-силовых способностей.

Для определения вклада двигательного-координационных способностей в общую специальную подготовленность испытуемых нами использо-

вался метод расчета коэффициентов детерминации, которые находились в виде квадратов от коэффициентов линейной корреляции (D) по формуле $D=R^2$, табл.3.

Таблица 3
Значения коэффициентов детерминации при анализе корреляционных связей между результатами упражнения «Прыжки по кружкам (ПК)» и результатами соревнований в слаломе-гиганте

Пол	Группа	Декабрь 2009 г.	Февраль 2010 г.	Март 2010 г.
Мальчики	Э	0,19	0,46	0,44
Девочки	Э	0,24	0,38	0,41

На основании данных табл. 3 можно утверждать, что средний вклад уровня двигательного-координационной подготовленности в результаты соревнований у юношей составил в феврале месяце 46 процентов, в дальнейшем он сохранился на уровне 44 процента. Для девушек характерна менее интенсивная динамика роста значения коэффициента детерминации (D), который достиг величины 41% только в марте месяце. Мы полагаем, что отмеченные различия объясняются большей значимостью уровня физической подготовленности для юных спортсменов-горнолыжниц, т.к. девушки младшего юношеского возраста еще

не имеют возможностей для достижения высокого уровня скоростно-силовых способностей.

Выводы

1. Авторами разработано обоснованное предположение о возможности создания методик оценки уровня специфических двигательного-координационных способностей у юных горнолыжников на основе предъявления им заданий на выбор неизвестного заранее маршрута движения с учетом времени движения.
2. В результате проведенной работы авторами установлено, что с помощью применения представленной специализированной методики возможно получить положительные сдвиги величин показателей специальной двигательной подготовленности у горнолыжников и горнолыжниц младшего возраста в подготовительном периоде.
3. Методика «Прыжки по кружкам» может быть рекомендована для использования в тренировочном процессе юных горнолыжников в качестве средства контроля уровня и динамики величины специализированной зрительно-двигательной реакции.

Литература

1. Бубэ Х., Фэк Г., Штюблер Х., Трогш Ф. Тесты в спортивной практике. - М.: Физкультура и спорт, 1968. - 238 с.
2. Лисовский А.Ф. Исследование специфических показателей двигательных координаций у спортсменов-горнолыжников разных возрастов / Научно-теоретич. журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта». - №7 (65). СПб - 2010. - С. 38-42.
3. Лисовский А.Ф., Барков Ю.Ф., Лисовская Н. И. Методика специальной лыжной подготовки юных спортсменов-горнолыжников // Уч. метод. пособие / Под общ. ред. д.п. н. А.Ф. Лисовского – Чайковский: ЧГИФК, 2000. - 128 с.
4. Лях В.И. Сензитивные периоды развития координационных способностей детей в школьном воз-

расте // Теория и практика физической культуры. - 1990. - №3. - С.15-18.

5. Назаренко Л.Д. Развитие двигательного-координационных качеств как фактор оздоровления детей и подростков. - М. - Теория и практика физической культуры, 2001. - 332с.

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

MODEL OF DEVELOPMENT OF RESEARCH COMPETENCES OF FUTURE TEACHERS

Нуриева Э.Г.

*Нефтекамский педагогический колледж,
г. Нефтекамск, Республика Башкортостан, Россия*

Nurieva E.G.

*Neftekamsk teachers college,
Neftekamsk, Republic of Bashkortostan, Russia*

Статья посвящена вопросам формирования исследовательских компетенций в условиях учреждения среднего профессионального педагогического образования. Предложена авторская модель конструирования процесса подготовки будущего учителя к исследовательской деятельности с акцентацией на методологическую, теоретическую подготовку и усиление формирования исследовательских компетенций.

Ключевые слова: *исследовательская деятельность, исследовательские компетенции, моделирование научно-исследовательской деятельности.*

This article is devoted to the development of research skills in institutions of secondary vocational pedagogical education. Offered an author's model of design process for the preparation of future teachers to research activities in accordance with GEF STR.

Keywords: *research activities, research competences, modeling of scientific research activities.*

Существенное изменение взглядов на ценности современного образования требует создания нового образовательного продукта, основой для которого становится деятельностный подход,

где приоритетным является не информированность обучающегося, не усвоение и репродукция учебного материала, а самостоятельный мотивированный поиск информации, ее интерпретация,

обработка и анализ с целью получения нового знания, то есть исследовательская деятельность.

При выборе подхода структуризации знаний мы исходили из того, что студент должен владеть не отдельными разрозненными знаниями, а их системой, которая отражает функциональную структуру подготовки студента к исследовательской деятельности и организуется на основе современных научных методов, теорий, принципов.

Система развития исследовательских компетенций будущих учителей представляет собой создание авторской программы факультатива «Методология и научный аппарат педагогического исследования» и предполагает эффективное усвоение студентами основ научно-исследовательской деятельности в процессе обучения.

Особенностью данного факультатива является деятельностно-компетентностный подход к проблеме подготовки будущих педагогов к исследовательской деятельности, поэтому она носит интегративный характер. В ней синтезируются специальные и общепрофессиональные знания студентов.

Для реализации факультатива, мы попытались разработать педагогическую технологию, построенную на принципах исследования, опирающуюся на исследовательскую деятельность и побуждающую студентов к необходимости реализации исследовательской деятельности. При этом под технологией формирования исследовательской деятельности мы подразумеваем последовательную систему действий преподавателя и студентов, а также их совместную учебно- и научно-исследовательскую деятельность в рамках образовательного процесса, направленную на решение стратегической задачи ФГОС СПО – формирование у студентов навыков самостоятельно-го научного исследования.

На основе анализа научно-педагогической литературы были выделены основные положен-

ия разработки содержательного, методического и организационного аспектов факультатива:

- 1) содержательный, методический и организационный аспекты реализуются как целостное единство задач, содержания, форм и методов, подчиненное цели и выделенным принципам;
- 2) в основе содержания предлагаемого факультатива лежат инновационные исследования в области ИТ, а также технологии педагогического исследования;
- 3) теоретические знания носят комплексный характер, а узконаправленными являются только те темы, которые слабо представлены в интегрируемых дисциплинах;
- 4) практические знания носят контекстный характер и проводятся в условиях имитации актуальных профессиональных задач.

Применение разработанных нами форм и методов научно-исследовательской деятельности студентов основывалось на создании заранее спроектированных занятий (внеаудиторные занятия с использованием рабочей тетради, внесение элементов инновационной деятельности, обогащение творческими элементами).

При моделировании процесса подготовки к научно-исследовательской деятельности мы исходили из того, процесс подготовки будущих учителей представляет собой последовательную смену этапов: подготовительный, операционный и результативный.

Подготовительный включает диагностические и целеполагающие функции. Диагностическая функция направлена на получение информации об уровне профессиональной исследовательской компетентности учителей и совокупности факторов педагогической деятельности. Целеполагающая функция сводится к формулировке

целей подготовки будущих учителей начальных классов к исследовательской деятельности.

Операционный этап предполагает реализацию программы факультатива. Для достижения целей факультатива необходима согласованность действий всех участников образовательного процесса. В связи с этим осуществляется контроль за реализацией образовательной стратегии и технологии посредством систематического сбора информации о качестве усвоения студентами материала и корректировке педагогических решений. Таким образом, на операциональном этапе реализуется регулятивная функция.

Результативный этап включает анализ достигнутых результатов, их соответствие принятым целям факультатива. Данному этапу присуща оценочная функция, позволяющая увидеть качество подготовки будущих учителей к исследовательской деятельности.

Для реализации модели, в первую очередь, необходимо было разработать-подобрать задачи и задания практико-ориентированного характера и их классифицировать. Наше исследование показало, что невозможно в рамках одного типа классификации эффективно решить проблему подготовки будущего учителя начальных классов к исследовательской деятельности. Поэтому в эксперименте мы использовали три блока задач.

Первый блок включал в себя задачи-тесты для проверки степени освоения студентами содержания учебного материала и задачи-вопросы к проведению семинаров, лабораторных и практических занятий.

Второй блок был представлен комплексом практико-ориентированных задач и заданий для индивидуального и коллективного решения. Задачи по формированию отдельных групп умений использовались преимущественно в учебном процессе.

В третий блок мы включили рефлексивные задачи – работа на самоанализ, самооценку и самокоррекцию своей деятельности при решении задач и отдельных этапов данной деятельности, а также задания на самодиагностику своего уровня готовности к исследовательской деятельности в учебной деятельности.

Основное положение методик предъявления задач было следующим: способ предъявления учитывает принцип последовательности, обеспечивая поэтапное включение студентов в деятельность более высокого уровня; с ростом уровня сложности задач возрастает и уровень самостоятельности студентов; задание формируется полностью, что обеспечивает осознание студентами всего ряда действий, ориентирует их на конечный результат и обозначает «траекторию» движения к этому результату; логика решения задний ряда действий, ориентирует их на конечный результат и обозначает «траекторию» движения к этому результату; логика решения задний подчиняется обобщенному алгоритму, включающий четыре основных этапа: аналитический, проективный, исполнительный, рефлексивный. В своей совокупности названные этапы своеобразный «цикл» деятельности (В.А. Беликов, Г.Г. Гранатов, Т.Е. Климова и др).

Результатом исследовательской деятельности являлось выполнение продуктов на более ранних этапах обучения и проектов в процессе изучения факультатива и учебного курса путем передачи эмоционально-личностного отношения к результатам собственной деятельности студентами.

Таким образом, мы рассмотрели способ реализации данной модели, где важной особенностью процесса обучения и научным методом развития современного стиля мышления студентов является овладение научными знаниями обучающихся.

Литература

1. Бабанский Ю.К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований / Ю.К. Бабанский. - М.: Педагогика, 1982. - 190 с.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И.А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
3. Правдин Ю.П. Методологические основы педагогики / Российская академия образования: Институт развития личности; БГПИ. – М.: б.и, 1995. – 110 с.
4. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. - С. 58-64.

FORMATION OF CULTURE OF FREE THINKING AT PUPILS OF PROFESSIONAL COLLEGES AS THE SOCIAL ORDER OF A SOCIETY

Mahmudov H.A.

Tashkent institute of Irrigation and Melioration, Uzbekistan

In article the questions, concerning scientific-theoretical bases, an essence and value of formation at studying youth of Uzbekistan of culture of free thinking on a basis teaching in professional colleges of general educational subjects, national values are considered as a social order of a society. Questions of education of studying youth and their preparation for a life, being one of the basic requirements of the Idea of national independence and the National program of the Personnel training system of establishments of an average special, vocational training are brought up. On the basis of the scientific analysis conclusions about factors, didactic aspects of formation and development in studying youth of free thinking are given.

Keywords: *formation of the person, personal freedom, the free thinking, deeply conceiving citizen, innovative ideas, national pedagogics, formation of wide outlook, educational system, national values.*

One of the major aspects of the National program on a Republic of Uzbekistan professional training is a creation of the free environment and conditions for formation and youth and trade acquisition. Thanking this freedom in an education system are shown qualitatively new approach and transformations of the form and the training maintenance.

Questions of development of skills of free thinking of pupils and formation at them should be considered cultures of free thinking as the social order which is put before us by the independence reached by our country, the ideology of national independence, hence factors of a social life play the important role in formation at pupils of skills of free

thinking.

In Ideology of National Independence of the Republic of Uzbekistan the primary goal – education of harmoniously developed generation, the person possessing freedom of thought is especially underlined. The outlook of harmoniously developed person leans against healthy, effective rational thinking.

Training of pupils to free thinking during the period after a comprehensive school – during training in the academic lycées and professional colleges – demands special attention. If more deeply to analyze the given question, presence of such concepts, as independent thinking, free thinking, logic thinking, critical thinking, creative thinking, and also their interrelation, at the same time comparison with such concept, as free-thinking we see indissoluble communication not only between their sense and value, but also and distinctions from the point of view of their problems. However, during the analysis of original educational functions of the given concepts it is possible to observe also the social problem assigned to them.

The role of education of youth on the basis of national ideology the people possessing knowledge, a wide outlook, hardworking, with feeling of fidelity of independence, modest, objectively and intelligently perceiving the world is boundless.

The scientist-philosopher, academician J. Tulenov, from the philosophical point of view the studied this question, has told: «at the philosophical approach to scientific character of the national model offered by the head of the state, we will see, that in it the laws of philosophy named freedom and philosophical categories» [4, p. 319].

The person, group or the social layer, capable to display the free opinion, first of all, should lean against the certain, proved sights, to incur responsibility for consequences of the sight points, to observe rules of culture of polemic. Special educational value has

training of present youth to the approach to polemic on the basis of a debt and responsibility.

As the duty is the responsible problem resulting from freedom, given to the person on the basis of laws of the democratic state, and he demands the realised approach. Responsibility before a duty and the realised approach to it can be brought up only in the person and only in the person who has reached freedom and healthy thinking. In the person from psychology of humility and spiritual slavery completely there is no concept of a duty.

During educational process of ability of the child independently to think it is shown in its knowledge of the form, colour, taste of products and subjects, in other words, in the course of games and training the personal relation of the child to occurring events, its interest to surrounding, aspiration to change the form of a subject in the course of studying, its personal relation to qualitative concepts good-bad is shown. Training of the child to independent thinking proceeds since the early childhood in the course of training in a kindergarten, school, averages special, professional educational institutions and during actions during free time from study.

In researches of scientist-psychologist Z. T. Nishonova it is spoken, if the independent thinking displays not quality of thinking, and quality of the person the same as the person becomes the subject and biologically, and socially caused properties, and gradually develops quality of independence of thinking into personal quality and from knowledge process there is a quality of the person. At the analysis of this phenomenological process from the methodological point of view the dialectics of continuous transition of a direction of thought from individual to the general, from the general – to private [2, p. 391]. Proceeding from the scientific conclusions of the scientist, it is possible to notice, how it has been specified above, sequence of process of independent thinking and free thinking.

But there is not specified a value and a level of development with pupils of colleges of the free thinking which is original display of independent thinking, carrying out of a problem of a sociality and as concept and a category of society widely serving to development.

The person, as the life possessing spirit and thinking, has created possibilities for display of the abilities of incomparable abilities, boundless possibilities. Each citizen, realising itself free, freely operating, began to understand personal participation in formation of own creative abilities and, literally words, to definition of own destiny.

As a result of researches and supervision we have come to conclusion, that free thinking, providing a continuity the function assigned to it as the perfect form of independent thinking, passes from private – primary function of independent thinking – to the general, a sociality, more precisely speaking, on the basis of the received knowledge and skills develops into property of possession wide outlook - in function with a free-thinking category.

During a cycle of classes and the after-hour actions which taken placed in social-economy college of Urtachirchik district of the Tashkent region, in professional college of mechanical engineering and technologies of Mirzo-Ulugbek district of a city of Tashkent which have been directed on training and development to free thinking of pupils, interesting experience has been saved up and generalised. In both colleges educational work on the basis of the plan developed under the motto «Freely we think, freely we study, freely we live». In particular, in Urtachirchik social- economic college proceeding from the given theme during after-hour actions «The Club of free thinkers» has been created by the pupils of college trained in a direction «The Economic activities Law», «The International Business», «Exchange activity» which members became of such club and etc. In college foyer «Mail of free

thoughts» where each pupil could leave the opinions and judgements on problems exciting it has been established, if necessary to leave the critical remarks and offers.

Expressed on the basis of free thought in the given letters of opinion and judgement of times in two months were analyzed on general meeting of pupils of college by means of the teacher, by their results measures in business of elimination of the revealed lacks and miscalculations have been taken. Thanks to it on the basis of college of free thinking formed among pupils at them the self-trust, in the possibilities began to increase.

In college the mutual trust, healthy friendly atmosphere began to become stronger. Whether members of the given club have won superiority in a regional stage of review-competition named «Do you know the law?» and a place of honour – in a republican stage. In this direction large-scale work has been made, and the above-named motto became the basic motto of college.

On the basis of methods of carrying out of a new lesson according to the plans offered by us in the course of an estimation of knowledge of pupils possibility for their self-estimation has been given, then during open discussion with participation of group of youth justice and truthfulness of estimations for knowledge was provided.

During such actions and the lessons directed on free thinking, the teacher carried out function not the teacher, about the expert-expert of sphere. During participation of pupils at lessons and development of subjects were formed by them sprouts of the free creative approach and spiritual freedom. It is noticed, that «refusing from the pedagogics based on submission and obedience, transition to the educational process penetrated by spirit of creativity and cooperation is one of the basic directions» [3, p. 4-5].

In expanding of frameworks of thinking of the pupil, development of abilities and skills of free thinking during a lesson of the native language and the literature the great value has the composition on a free theme. The composition on a free theme is, it is possible to tell, an indicator received by the pupil of level of knowledge, spiritually-moral preparation.

The given kind of written work allows to involve creative thinking – in other words, serves the thought description on a logic basis by means of an art word, learns to free thinking. The composition on a free theme along with perfection of ability to reflexion, also expands representation, outlook, conducts to knowledge. After all the composition on a free theme it also criterion of thought of the pupil.

It is known, that the composition theme defines the composition maintenance. If the pupil has no representation about a theme certainly it cannot open a composition essence. Therefore by preparation for a composition writing on a free theme of creative character, the pupil should study carefully a theme, reflect on a theme, manage is masterful to state an art material with use of deep thoughts and judgements then it will reach expected result and success.

The pupil brought up on the basis of free thinking creatively and freely approaches to each detail, a logic chain of events, avoids sample forms of a statement of thought, does not use repeated phrases and the turns, earlier stated thoughts and judgements, on the contrary, on the basis of synthesis of the art attitude leans against the personal opinion. Does not repeat another's thoughts, the independent representation and thought penetrates spirit of the composition.

In accordance The National program of our country on a professional training as means of reforming of process and quality of formation, is directed on formation of spiritual and moral freedom of the people, preparation of professional shots by finishing to youth of our values and traditions.

The main thing is education of the new freely conceiving person with the wide outlook, possessing a profound knowledge, aspiring to fine, social development and perfection of the person, considering responsible both before a society, and before by itself.

According to scientist-philosopher A. Erkaev, person freely conceiving and correctly perceiving social responsibility is the important condition and the basic subject of development of economy, democratisation of a society, the statement of the free and arranged well life [5, p. 256].

The person, as the life possessing spirit and thinking, has created possibilities for display of the abilities of incomparable abilities, boundless possibilities. Each citizen, realising itself free, freely operating, began to understand personal participation in formation of own creative abilities and, literally words, to definition of own destiny.

From the point of view of the organisation of educational process, radical restructuring of its maintenance, society liberalisation their maintenance further socializing and democratisation is necessary.

Free-thinking – spiritual property of the person. The individual possessing this quality, differs ability practically to master everything, that is considered good, undoubtedly to create good.

If in a society there is a variety of opinions, sights, ideas, a place the person gets new sense. Consciousness and thinking freedom is one of the factors providing a variety of opinions.

The person, group or the social layer, capable to display the free opinion, first of all, should lean against the certain, proved sights, to incur responsibility for consequences of the point of view, to observe rules of culture of polemic. Special educational value has training of present youth to the approach to polemic on the basis of a duty and responsibility.

Therefore, concentration above the named qualities in pupils of professional colleges should

make a basis of our work. The first condition of high spirituality is freedom, comprehension of this freedom by members of a society. For, concepts «citizen» and «freedom» are interconnected and synonymous. As the concept «citizen» has historically arisen and has affirmed as struggle process for freedom, equality. Therefore deep understanding pupils of professional colleges of value of this concept, expansion of their knowledge play the important role in definition of the purposes of formation.

It is required, that the free citizen was educated. Freedom and enlightenment are concepts-twins. A personal freedom it: free thinking; free creed; free activity. Actions for liberalisation of a political and economic life, naturally, will give even more possibilities for involvement by citizens of the abilities and knowledge. But there are also such people who even do not think to involve available possibilities, they live with thought that other people are engaged in it.

Legal warranting of freedom of the citizen and the person does not mean full comprehension by it of that it really is the free citizen or the free person. It is connected with many reasons, namely:

- 1) full comprehension of freedom by the citizen and the person;
- 2) spiritual level, an internal inner world of the citizen and the person;
- 3) knowledge and deep understanding of own rights;
- 4) a support on own forces and possibilities, a self-trust;
- 5) own sight and opinion on the validity and the events, the independent approach;
- 6) perception of own interests in harmony with interests of a society;
- 7) to be harmoniously developed person in every respect.

Each person who has realised as the citizen and the person, deeply understanding the true freedom

realises also feeling of own debt to the Native land more deeply. In such person freedom and understanding of this freedom are connected.

The 36-clause of section «Freedom of the statement of own opinion» VIII chapter of «Criterion of humanism» of the Declaration of Security Council and Cooperation in Europe (the final document) testifies that the state-participants once again confirm that free expression of own opinion are the basic components of fundamental laws of the person and a democratic society [1, p. 166].

The convention by the rights of children defines the right to active participation in decision-making process on the questions, concerning lives of children and are provided with necessity of the account of opinion of children.

At the special session which have taken place in May, 2002 of the United Nations concerning children from 7000 participants 600 – children made, and they had possibility freely to express the opinion to heads of the states of the world.

The children's forum which has taken place at session and given to children the right to express the opinion, became one of considerable events in which result of the head of the states have incurred obligations on assistance in creation «to Children – the comprehensible world».

From first years of achievement of independence in the Republic of Uzbekistan there was a task in view of education of the new generation possessing critical, creative and free thinking, differing from the generations which have grown during an epoch of dependence, free with feeling of social dependence, politically and socially active, possessing a profound knowledge, considering shameful for itself all displays of dependence, as the social order of a society. These questions have been defined by the main tasks of the National program on a professional training. Accordingly requirements too have been entered into operating state educational standards

on preparation of freely conceiving youth, shots- studying of general educational subjects in colleges
experts. The effective use of sights and ideas of will be a valuable source at formation of culture of
thinkers, poets of scientists of Central Asia at free thinking at pupils.

References

1. Европада хавфсизлик ва ҳамкорлик ташкилотининг инсонийлик мезонлари бўйича ҳужжатлари. / Масъул муҳаррир А. Саидов. – Т.: 2002. – 166 б.
2. Нишонов З.Т. Мустақил ижодий фикрлашни ривожлантиришнинг психологик асослари. Психология фанлари доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация. Низомий номидаги ТДПУ, –Т.: 2005. – 391 б.
3. Сиддиқов Б., Гуломов Н., Содиков М. «Таълимни гуманитарлаштиришнинг маънавий-маърифий асослари», «Қасб-ҳунар таълими» журнали, 2002 йил, 2 – сон, 4-5 бетлар.
4. Туленов Ж. Ҳаёт фалсафаси. Т.: «Ўзбекистон», 1993. – 319 б.
5. Эркаев А. Миллий ғоя ва маънавият. – Т.: «Маънавият», 2002 йил. – 256 б.

ПРОБЛЕМАТИКА СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ РАБОТЫ

THE ISSUE OF THE FORMATION OF SUBJECTIVITY IN THE SPACE OF EVERYDAY LIFE: NEW HORIZONS OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITIES

Кузнецова Е.С.

Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, г. Кемерово, Кузбасс, Россия

Kuznetsova E.S.

Kuzbass regional in-service teacher training institute, Kemerovo, Kuzbass, Russia

The article is dedicated to the examination of the possibilities of kulturfilosof studies of search by the subject of the culture of conditions «creation itself» in the space of daily practitioner.

Keywords: «vital peace»; daily activity; activity; activity; subject; experience; the boundary of the application of methodological approaches to a study of sociocultural activity; the updating of pedagogical component of sociocultural activity.

Современные философия, социальная и педагогическая антропология и культурология постоянно посвящают проблемам повседневности серьезное внимание, поскольку на данном уровне культуры происходят сложные процессы формирования человеческой субъективности. В современных отечественных публикациях данная проблема соотношения человека и культуры анализируется такими авторами, как П.С. Гуревич, С.Н. Иконникова, М.С. Каган, А.С. Кармина, Л.К. Круглова, М.К. Мамардашвили, Б.В. Марков, А.А. Пелипенко, Г.Н. Миненко и пр. Все большую дискуссионность приобретает точка зрения, согласно которой «повседневное» и «неповседневное» (включая в последнее – теоретическое, трансцендентальное, мистическое, патологическое и т.д.) «должны рассматриваться как разные, но равноценные виды опыта» (С. Токарева) [1]. Именно в этой зоне «жизненного мира» по определению должно происходить конституирование «целостного субъекта». Поиском решений данной задачи озабочены сегодня социальные педагоги, воспитатели, проектировщики в свете требований новых образовательных стандартов в России, но, увы... результаты оставляют желать лучшего. Причина данного положения дел видится нам в недостаточном научно-методологическом обосновании данных направлений работы. Прокомментируем свою позицию.

Сегодня мы являемся свидетелями ситуации, при которой «существовавшее в классической философии центрированное внимание на сознании, которое являлось ядром целостности субъекта, по сути дела создавало искусственную «конструкцию», при которой человек во всей совокупности его чувственных форм, объединенных телесностью, был утрачен». Разрыв между сознанием и экзистенциальной целостностью человека, существовавший в классической традиции, не в меньшей мере наблюдается и у ряда

авторов постмодернистской традиции. Так в ней «человек становится одновременно «субъектом» и «объектом» интеллектуальных манипуляций, к тому же попадая в «плоскость одномерности». Обретение себя в «зонах смысла» и поиск таких зон, становится его, человека, главной потребностью, при этом далеко не единственной» [2]. Следовательно, *практика социально-культурной деятельности, социально-педагогической, воспитательной работы, а также - прикладные культурологические проекты (социокультурное проектирование) должны быть ориентированы на развитие именно гуманитарных технологий конструирования подобных «зон смысла» в практике повседневного существования человека.* На этом структурном уровне специалисты должны быть ориентированы также на создание *дополнительных культуросообразных условий* для существования и реализации человека в экзистенциальном и общечеловеческом смыслах.

В этой связи для развития гуманитарного педагогического и культурологического научного знания необходимо уделить более пристальное внимание уточнению и корректировке понятия «гуманитарный подход к исследованию и конструированию человека». В этом случае открываются новые горизонты и дополнительные возможности для разработки перспективной междисциплинарной стратегии развития *идей «педагогике повседневности как социально-культурной стратегии становления субъективности современного человека».* Данная стратегия ориентирована на развитие человеческого потенциала (сил, способностей, волевых качеств и пр.) человека как *активного мультисубъекта деятельности* по формированию нового образа носителя культуры в – «человека понимающего», ориентированного на требования креатосферного развития человечества, то есть «способного получать новое знание и расшифровывать куль-

турные коды, заложенные в нем» в трансформирующихся социокультурных и цивилизационных условиях [3].

Немаловажно подчеркнуть и специфику основных понятий заявленной стратегии – это «*деятельность*» и «*активность*». «Принципиальное отличие активности и деятельности состоит в том, что деятельность исходит из потребности в предмете, а активность – из потребности в деятельности... Активность как бы предшествует деятельности во времени: до начала деятельности мы еще можем что-то изменить, передумать, улучшить» [4]. Таким образом, «мир жизни» современного человека (но не «жизненного мира»), «повседневность» – это уровень культуры, активизирующей процессы становления субъектности. Это такая зона пробуждения активности, которая является предпосылкой деятельности личности в «иных мирах» реальности. Этот аспект заявленной проблемы крайне важен для дальнейшей разработки еще и с позиций обсуждаемых сегодня поисков путей *актуализации педагогической составляющей социально-культурной деятельности в работе разными адресными группами населения как средства преодоления тотальной инфантилизации общества*. Междисциплинарные усилия специалистов важны еще и потому, что именно активность «...придает личности значимость и субъективную «окраску»» (Л.Г. Костюченко, Ю.М. Резник) [5]. На наш взгляд, отечественная современная социальная педагогика и педагогика дополнительного образования, в частности, недостаточно озабочены развитием гуманитарных технологий конструирования субъектности личности. Отчасти причина такого положения дел видится в отсутствии заинтересованности специалистов в усилиях по поиску и трансляции актуальных «примеров достойных подражания» – современных образов «героев нашего времени». Многолетнее иници-

рование автором статьи в Кузбассе социально-педагогических и прикладных культурологических грантовых проектов не позволяет согласиться с существующим положением вещей.

Мы убеждены, что цель «педагогики повседневности» можно определить как системное психолого-педагогическое гуманитарное сопровождение субъекта культуры в процессе его повседневной деятельности, что требует от специалистов готовности разрабатывать специализированные методы и средства инициирования и поддержания активности взрослеющей личности в процессе самостоятельного поиска смысложизненных ориентиров и самопознания («Я» и «Другой»). Следовательно, «педагогика повседневности» может быть одной из важнейших стратегий междисциплинарного осмысления процесса процессов и последствий трансформации субъекта национальной культуры в современной социально-культурной практике конструирования личности. Именно в воспитательном культуротворческом процессе создаются условия для самопрезентации наиболее репрезентативных моделей «нового субъекта», что требует от специалистов владения новыми подходами и к проектированию соответствующих поддерживающих условий воспитательной среды.

Действительно, *обретение себя в пространстве повседневности, в новых «зонах смысла» и поиск таких зон, становится его, взрослеющего человека, главнейшей осознанной потребностью*, при этом далеко не единственной. Это с одной стороны. С другой, утверждение повседневности в качестве горизонта формирования целостного субъекта связано с отрицанием *абсолютных духовных ценностей и объявлением самой повседневности в качестве ценности*. Таким образом, признавая, что человеческая субъективность формируется в горизонте повседневности, современная культурфилософия проявляет склонность

к абсолютизации повседневного опыта, к рассмотрению его в качестве ценности, не подлежащей преодолению никакими видами социальной духовной практики.

В свете этого понимания С.Б. Токаревой предлагается и новое решение проблемы человеческой идентичности, которое важно взять на вооружение педагогам-воспитателям. Суть его сводится к утверждению, что в условиях постмодернистской утраты человеком и обществом фундаментальных аксиологических и онтологических ориентиров, отнесении с которыми личность обретает смысл собственной жизни, ведущую роль в осуществлении смыслополагания и зарождения у человека качества самотождественности начинает играть *переживание*.

Необходимую предварительную работу по осмыслению смыслополагающей функции переживания проделала феноменология. Так Э. Гуссерль вынес живой опыт, наполняющий повседневность, «за скобки» так называемого «жизненного мира», который он понимал как сферу смыслорождения, где все многообразные виды человеческого опыта предстают исключительно со своей смысловой стороны, а любая предметность, положение дел рассматривается как явление в сознании в качестве смысловой конструкции, конфигурации. Будучи противником натурализации сознания, Э. Гуссерль стремился в исследовании уйти из мира ментальных сущностей и жизненного опыта в смысловой универсум, где все акты сознания – понимание,... или формирование смысла – представляют интерес как акты смыслопорождения. «Жизненный мир» включает в себя самоочевидности сознания, практики, «логику практики» и является не объективным миром, а лишь совокупностью *представлений* о мире и деятельности (в том числе с воображаемыми объектами), имеющими для человека субъективную значимость. Он не совпадает с ми-

ром живого опыта, в том числе духовного, но составляет по отношению к этому последнему преданную почву и смысловой горизонт. Таким образом, в прикладных культурологических и социально-педагогических исследованиях *повседневность можно рассматривать в качестве своеобразной «поверхности» жизненной реальности, сотканной из событий и человеческих поступков, где смысл неотделим от переживания*.

Таким образом, «жизненный мир» и повседневность представляют собой два различных «мира опыта», каждый из которых характеризуется специфическими формами восприятия и переживания. В структуру «жизненного мира» входят особые «переживания истин и идей», под которыми Гуссерль понимает интуитивное усмотрение смысла. Напротив, в повседневности усмотрение личностных смыслов осуществляется в форме *привычных* переживаний, где переживание выступает как непосредственная представленность человеку жизненных явлений со стороны их интимной, личностно-эмоциональной значимости. Через такие переживания выражается отношение личности к жизненным ситуациям и формируется тот мир обыденного опыта, в котором нацеленное на смысл сознание вовсе не является единственным организующим началом и регулятором человеческого поведения. Роль сознания здесь ограничивается тем, что, ориентируясь на привычные формы восприятия, оно обнаруживает в повседневном опыте *типические* определенности, которые и становятся ориентирами поведения человека.

В свете вышесказанного можно предположить, что повседневность выступает как онтологически целостный социокультурный мир, семиотическое и символическое пространство, где происходит становление субъективности. Этот мир, функционирующий как естественное

граничное условие человеческой деятельности и требующий, по выражению А. Шюца, «бодрующего напряженного внимания к жизни», ориентированного на жизненные ценности, которые не столько интеллектуально прорабатываются, сколько, *переживаются* субъектом. При этом в смысловом горизонте «жизненного мира» повседневность «обналичивает» и переводит в сферу переживания лишь те смыслы, которые обыденное мышление использует в живом опыте, включает в него.

Таким образом, разрыв между «жизненным миром» и повседневностью в рамках феноменологии оказался непреодолимым. Однако продуктивное решение этой проблемы все же было найдено на пути объединения феноменологического и деятельностного подходов к переживанию, что позволило выявить связь между переживаниями, характерными для обыденного опыта, и той формой, в которой переживание выступает в смысловом пространстве жизненного мира – интеллектуальной интуицией. Так Ф.В. Бассин выдвинул идею о том, что «за поверхностью феноменально ощущаемого потока переживания можно выявить проделываемую им работу, производящую реальные изменения человеческого сознания и поведения» [6]. Действительно, переживание способно выступать в качестве особой *осмысленной деятельности по определению себя*, которая имеет место в критических жизненных ситуациях живого человеческого опыта.

Подведем некоторые итог. «Общим знаменателем» «жизненного мира» и повседневного опыта оказывается переживание, которое выступает уже не просто как психическая функция, стоящая в одном ряду с памятью, восприятием, мышлением или воображением, но как самостоятельная деятельность, в реализацию которой отдельные психические функции включаются так же, как и в реализацию всякой человеческой деятельности.

Через расширение трактовки феномена «переживания» понятие «жизненный мир» содержательно все более сближается с живым опытом повседневности, а понятие повседневности, в свою очередь, получает большую смысловую определенность в качестве первичной по отношению к культуре вне-институциональной структуры, которая порождает и саму себя, и различные формы субъективности. На этом теоретическом основании повседневность действительно может быть признана не только целостностью, но и ценностью.

В социальном плане отсюда следует вывод: разрушение повседневности средствами «социальной инженерии» в рамках современных процессов глобализации, модернизации и т.д., опирающейся на любую убедительную «научную теорию», опасно и пагубно для человека. *Именно в этой – прогнозной функции – «культурология образования» может быть определена эффективный участник научных методологических поисков.* В гносеологическом плане признание самоценности повседневности означает, что конструкции повседневной ментальности и обыденного сознания не подлежат оценке в терминах «истинно» или «ложно», но, напротив, служат критерием обоснования социального знания. Подобный детальный анализ позиции С.Б. Токаревой рождает понимание, что человек как духовное существо не есть носитель «чистого» сознания. В своем стремлении к самосовершенствованию, самоидентификации он выступает как *личность, чье отношение к миру рождается не столько через сознательное волевое усилие, сколько через переживание исходных духовных интуиции.* Поэтому философия культуры именно через анализ переживания как непосредственной внутренней данности явлений выходит на *реализующийся в повседневности механизм развития индивидуального плана духовности.*

Во-первых, именно в форме переживания реализуется «открытость» индивидуального сознания миру, а во-вторых, только через переживание, «вчувствование» реализуется любой духовный опыт, связанный с постижением другого человека, погружением в чужую субъективность. Следовательно, «намечается перспектива творческого отношения к реальности, в том смысле, что человек начинает трактовать реальность как совокупность различных возможностей для реализации своего жизненного поведения, что он может видеть себя частью реальности, находящейся в становлении» [7]. В контексте этих рассуждений важно заметить, что творческие аспекты культуры все значительнее зависят от индивидуального бытия людей и не сводятся теперь только к их участию в общем эволюционном процессе создания культурных форм.

Апробация идей взаимосвязи процессов переживания и становления субъективности в ходе участия взрослеющей личности в повседневных практиках проводилась автором в рамках социального партнерства с исправительными учреждениями ФСИН по Кемеровской области с 2008 года по настоящее время. Выбор базы для прикладного культурологического проекта был обусловлен начавшейся реформой системы, по-

требовавшей поиска принципиально иных подходов к воспитательной, социально-культурной превентивной и реабилитационной работе с осужденными. Поскольку итоги психолого-педагогического эксперимента еще не окончательно подведены, отметим лишь некоторые выводы. На данном этапе развития науки *требуют внимания культурологов, социальных педагогов, превентологов, педагогов дополнительного образования те аспекты проблемы, которые посвящены альтернативному поиску методологического обоснования универсальности и имманентности природе социокультурного субъекта соответствующих алгоритмов организации его успешного самоопределения в пространстве повседневности*. В этой связи, предлагаемые результаты эффективного опыта социального партнерства решают принципиальную для региональной культурной и социальной политики проблему. Она заключается в необходимости «активизации социального проектирования на локальном и региональном уровне, поскольку именно на данных уровнях существует насущная необходимость создания систем с заданными условиями» [8]. Первые успешные шаги уже предприняты сторонами. На 2013-2012 гг. запланирован следующий этап – научного обобщения опыта.

Литература

1. Токарева С. Б. Духовность в горизонте повседневности и за его пределами // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. Вып. 4 (28).
2. Колесник И. И. Проблема трансформации человека в философии культуры XX века: Диссертация ... канд. философ. наук. Санкт-Петербург, 2009.
3. Резник Ю. М. Конструирование человека: от социальной инженерии к гуманитарным технологиям // Философия в современном мире: диалог мировоззрений; Материалы VI Российского философского конгресса/Нижегород, 27-30 июня 2012 г. / В 3-х т. Т. III. Н.-Новгород, Изд-во Нижегородского университета им. Лобачевского, 2012. - С. 49.
4. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991. - С. 77-78.

5. Костюченко Л. Г., Резник Ю. М. Введение в теорию личности: личность и ее жизненный мир. М., Независимый институт гражданского общества, 2003. - С. 51-52.
6. Бассин Ф.В. «Значение» переживания и проблема собственно-психологической закономерности // Вопросы психологии. 1971. № 4.
7. Жукова О. И. Общество постмодерна и его воздействие на современную личность // Устойчивое развитие и культура регионов: Материалы Международной науч.-практ. конференции, Кемерово, 17-20 апреля 2007. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2007.
8. Там же. - С. 17.

DESIGNING OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES OF THE FORMATION OF THE STUDENT INDIVIDUALITY

Zhurakovskaya V.M.

*Pedagogical Academy of Postgraduate Education,
Moscow, Russia*

In the article a problem of pedagogical technologies designing is considered. The urgency of working out of new pedagogical technologies at the present stage of education development is shown. Author's definitions of such concepts, as «experience of becoming individuality», «pedagogical technology of a combinatory type», «business game with status» are offered. Design model gaming technology of the pupil's individual educational trajectory promoting the pupil's individuality development, is offered.

Keywords: *pedagogical technology of a combinatory type, technology of the pupil's individual educational trajectory designing, experience of becoming identity, individuality development.*

The strategic purpose of state policy in the education field, as it is noted in the project of a modern education model for the period up to year 2020, is the enhancement of availability of a qualitative education, which conforms to requirements of economy innovation development and modern needs of the society and each citizen. The main tasks of state policy in the education field are provision of the innovative character of base education, including the *renewal* of contents and *technologies of education*, which provide the balance of fundamentality and

competence-based approach.

Within the framework of our investigation, such a pedagogical technology of the pupil's individuality formation as a gaming technology of the pupil's individual educational trajectory designing, which is a pedagogical technology of a combinatory type, is worked out. In our understanding, the technology of a combinatory type represents not a mechanical sum of teaching technologies or methods but an «alloy» of teaching technologies and methods. If at least one technology «falls» from the «alloy», this leads to the

fact that the newly created technology ceases to be itself. *By a pedagogical technology of a combinatory type (PTCT) we shall mean a technology that is worked out on the basis of a new or a known conception and represents a hierarchical system of known and worked-out teaching technologies and methods. The algorithm of their interaction under the conditions of its obligatory fulfillment leads to the achievement of planned results.* Before we start considering the model of this technology, we consider the theory of the topic, which is connected with the technology of the pupil's individual educational trajectory designing.

In the modern Russian pedagogical theory and practice the most prominent examples of learning individualization technologies are such as a creative projects, a technology of productive learning, a technology of individualized learning by I. Unt, adaptive system of learning by A.S. Granitskaya, learning on the basis of individually oriented educational plan by V.D. Shadrikov.

Such scientists as O.V. Akulova, T. B. Alexeev, L.N. Brezhneva, R.U. Bogdanova, Yu. Gutnik, S.A. Pisareva, E.V. Piskunova, A.P. Tryapitsyna, A.N. Tubelskiy, I.A. Khomenko, A.V. Khutorskoi, V.D. Shadrikov, researchers O.D. Vladimirskaia, S.V. Vorobyova, A.V. Rudenko worked out individual programs.

In modern domestic educational theory and practice examples of technologies individualization of instruction are: project technology, individualized instruction (I.Unt), adaptive learning (A.S. Granitskaya), training on the basis of individual performance-oriented curriculum (V.D. Shadrikov). Technologies individualization of instruction – is the organization of the educational process, in which the personal approach and individual form of education is a priority [328].

Our technology is implemented in the context of gaming technology – a business play with the

status of «The Council of People's Deputies of the city of Entrepreneurs». In this technology is used a rating of student performance, students develop an individual program of self-development, including research, design works and exploration work, which are «attached» in the form of files to the card self-education (lesson in the theses- «mind map» T. Buzan) and attached to the application of self-development program which carried out with the use of information and communication technology – software MindManager (or XMind, FreeMind, etc.). This allows a single document (self development program) to see the educational trajectory of the student. Topics of research and exploratory activity determined in the course study the subject, taking into account the interests and needs of students.

Under the *business game with status* we shall mean a business game, that is oriented at the solution of the problem of the pupils' self-perfection, in which game participants take a definite status depending on their success in educational activity (in accordance with the number of scores, deserved by them in educational activity), in accordance with which they fulfill definite status roles, which are oriented at the acquisition of the experience of the freedom of the creation of own «me», spiritual self-building and life construction [5].

The results of our experimental work showed that our developed gaming educational technology design individual learning paths student, promotes development of his individuality. Individuality we understand as how personality, characterized by high creative potential, capable of authorship itself, his life. However, to a person to maintain their individuality, not dissolved in the society, it needs experience of becoming individuality. In our study, we support the position of S.L. Rubinstein, according to which «Becoming 'individuality, going beyond itself, not as a negation of the essence of individuality, and as

the formation, implementation of this entity in the world, other people and in myself.»

Results of theoretical study allowed us to identify the essence of the concept experience of becoming individuality student's. Experience of becoming individuality student's understand as experience self-cultivation (as a self-transformation and self-development to a new level), the spiritual self-construction, life definition.

Under the *self-development of the individual* understand the purposeful process of development of the individual under the influence by itself, having activity-character, which is manifested in its ability to make its own vital functions in the practical transformation of the object that is associated with a change in the intellectual, personal, behavioral sphere etc.

Under the *spiritual self-construction* we understand the creation of the «I» from the inside, which occurs as a result of trastsendirovaniya as the ability to transcend himself, experience, the desire to «grow» through self-improvement

The discovery and the creation of his «I» – the study itself, the critical attitude, the adoption of values, building prospects of their personal development and its implementation, the implementation of moral, volitional choice, relationship to the world, other people, myself, awareness of the usefulness to society, caring for another being, ability to objectification, implementation themselves in society, the implementation of personal contributions to the sphere of the sense of others, to society development, the implementation of themselves in life, execution public appointment, initiated by the interests of society, family, social groups, nation, humanity, creation of norms

Life's self-determination is understood as the creation of the authorship of their own lives through the implementation of decisions, taking responsibility for their implementation; the experience of

creation, authorship of his life - the design and implementation of the life, the professional choice, self-determination relative to the path of his training, life in multinational, multicultural society, including in the struggle for the solution of political, national objectives and the adoption of an active lifestyle, citizenship, civic responsibility, liability for failing to action [4].

As a result of our study developed a model of gaming technology, individual student learning for students 8-11. classes [5].

We offer explanations for the model (Fig. 1).

1. Conceptual component of the model includes:

1) disclosure of the education development tendencies at the modern stage, disclosure contradictions, problem formulation. At the modern stage of education development, there is an actual problem of working out the technologies of the pupil's individuality development, which are directed at the pupil's individuality development and including the usage of information and communication technologies in the scope of different subjects; project, creative, investigation types of activity. The problem of designing pedagogical technologies of the pupil's individuality development is poorly known in pedagogics and educational practice. That is why this problem is actual.

2) conception which is the basis for building PTCT: The basis of the gaming technology design individual learning paths laid student conceptual position, developed by us, «Designing pedagogical technologies of the pupil's individuality development, which contributing to the development of his individuality, is possible on the basis of the formation of five-component of the experience including such components as mental, spiritual-moral, communicative, of self-development, critical [4].

3) *pedagogical technologies of a combinatory type (PTCT) goals*: facilitation of the pupil's individuality development.

4) *scientific approaches to the design of technology*: a personality-activity approach along with a system approach.

5) *PTCT design principles*: of scientific conceptuality, principle problematic,

principle of communicative interaction, principle of reflexivity, principle of the activization of the pupil's independent creative work, principle motivation, the principle of self-development, principle individualization, principle of soft competition, principle of the distribution of attention.

6) *determination of functions of a game PTCT of the pupil's individual educational trajectory designing*: social-adaptational, of formation, developing, teaching;

7) *the criteria for effectiveness PTKT* – the level of formation of students' experience of becoming individuality

II. Component of content of the model of designing a gaming technology of the pupil's individual educational trajectory supposes the determination of a classroom discipline or a course, on the contents of which it will be realized, as well as the search of pedagogical technologies for their inclusion into a gaming PTCT «alloy»; of the pupil's individual educational trajectory designing, working out modified technologies and new educational devices, methods, forms and funds of each technology, which inclusion an «alloy» of PTCT. The justification of realization of a gaming PTCT of the pupil's individual educational trajectory designing on the subjects Social Science and economy.

In the process of investigation, pedagogical technologies, which have inclusion an «alloy» of a game technology of the pupil's individual educational trajectory designing, have been selected: technology of education concentration with the help

of sign and symbolic structures (frame knowledge structuring), technology of project, technology of education individualization (by V.D. Shadrikov), information and communication technologies («self-development card» («intellect-card» by T. Buzan), gaming technology, ways on the formation of critical thinking, technology of rating.

III. Components of the process of the model of a gaming PTCT of the pupil's individual educational trajectory designing is connected with designing the structure of a gaming PTCT of the pupil's individual educational trajectory designing and stages of its realization. The structure of a gaming PTCT of the pupil's individual educational trajectory designing «Council of People's Deputies of the city of «Entrepreneurs» includes the following stages:

1st stage: Introduction into the game «Council of People's Deputies of the city of «Entrepreneurs» (the beginning of the 1st half-year period). The teacher offers pupils to build their educational process in the form of business game with status. For example, all the class pupils are residents of the city of «Entrepreneurs. Socio-economic issues of the city decides its mayor and City Council of People's Deputies. The purpose of the game is to elect the dignified head of the city of «Entrepreneurs and his deputies – heads of districts as well as deputies into the city council with the purpose of securing the city residents' rights and solving their problems. For this purpose, the residents of the city of «Entrepreneurs will work – they will fulfill the self-development program in the 1st half-year period, to participate in the development and decision gaming exercises. The self-development program includes investigation, project and search pupils' works, for which they will get points. Pupils independently choose topics of the above-mentioned works in accordance with their interests and needs. Besides, within this topic the pupil can solve a problem, i.e. fulfill an investigation or project work. The pupil, who will get the most points

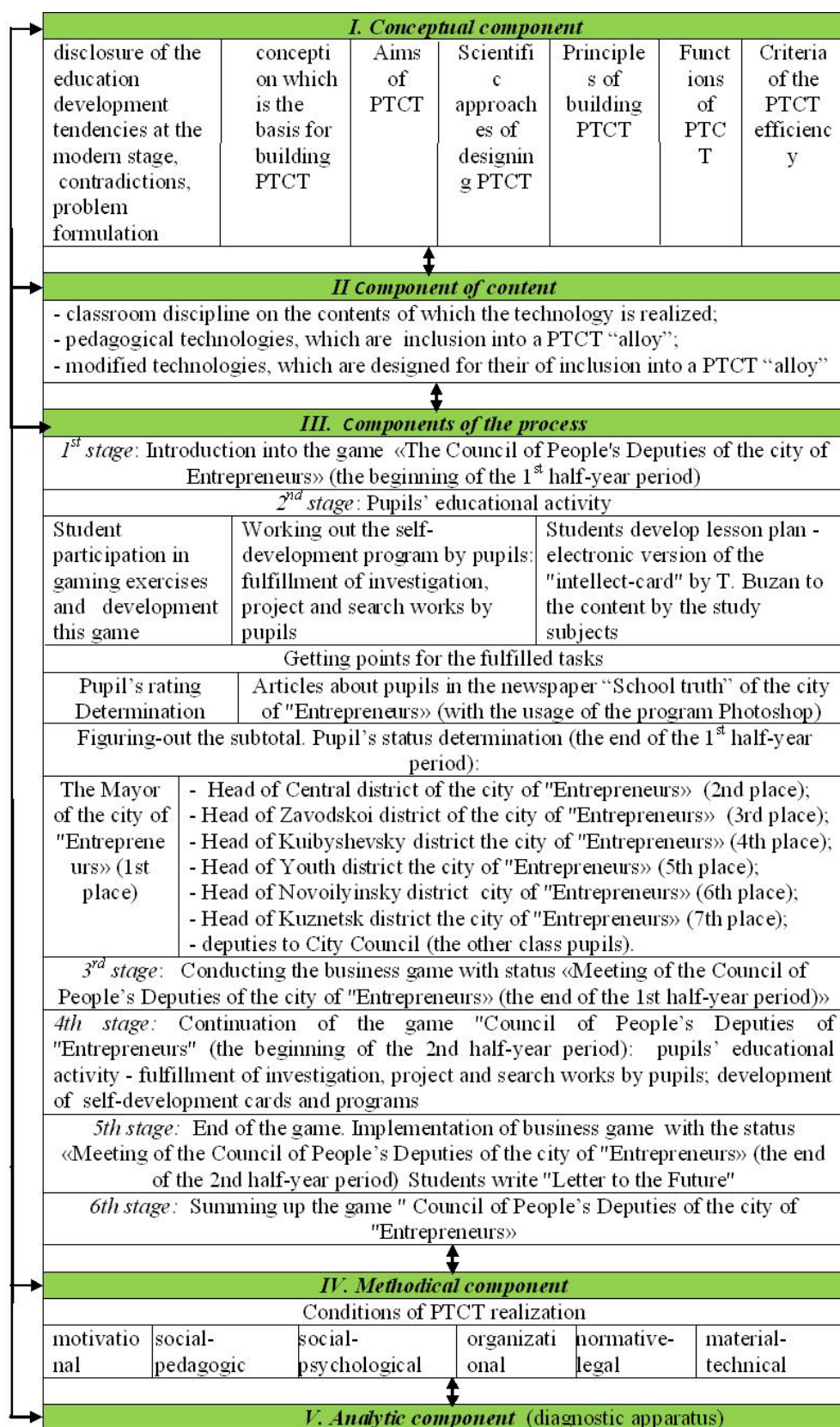

Fig. 1. Model designing of a gaming technology of the pupil's individual educational trajectory «The Council of People's Deputies of the city of Entrepreneurs»

for the realization of his self-development program, will be elected mayor of the city of «Entrepreneurs». Pupils, who will take the 2nd, 3rd places, etc, will be elected mayor of the city of «Entrepreneurs». The conditions of the game is the fulfillment of minimum 1 investigation of project work and 2 search works in the 1st half-year period. There is no limit for the maximum. The more works the pupils will do, the more chances to head the city he has. More over, the pupils can get points for the evaluation of his/her activity: if a pupil objectively has evaluated his works, he gets a 5-point bonus. The fulfilled works should be attached to self-development program in the program MindManager. The pupil gets points for self-development cards – lesson plan which has been fulfilled in the program MindManager (or programs XMind, FreeMind, Labyrinth, etc.). The pupil gets a 5-point bonus for the objective self-evaluation of the self-development card. The pupils' success in the educational activity will be reflected in media – «School truth» of the city of «Entrepreneurs», in which there will be articles with the photographs of the pupils, who take the leading positions in the educational activity, amid politically exposed people of other countries, aristocracy of talent, writers (with the usage of the program Photoshop). At the end of the first half-year period, for example, of the 10th class, after the election of the representatives of management structures of the city of «Entrepreneurs» there will be a business game with status «Meeting of the Council of People's Deputies the city of «Entrepreneurs», during which social problems of the city of «Entrepreneurs» will be solved, for example: «How to solve social problems of children with restricted abilities?», «How to liquidate unemployment, alcohol and drug abuse in the city of «Entrepreneurs»?», How to decrease the crime rate in the city of «Entrepreneurs»?», «How to increase the life expectancy of the city of «Entrepreneurs» residents?» through charity activity. In the second

half-year period the life of the city of «Entrepreneurs» residents will go similarly to the first one: they will work, get points, then they will elect representatives of management structures for the second term and have a business game, during which they will solve problems of the city.

2nd stage: Pupils' educational activity. In the process of mastering program material topics, the pupils work out the self-development program. At the lesson the teacher together with pupils formulates problems in the context of the considered material and topics of search activity which can be interesting to pupils and help them to consider and understand program material more deeply and widely.

At the end of the first-half year period there is a preliminary summing-up: the determination of the pupil's status for a role status game «Meeting of the Council of People's Deputies of the city of «Entrepreneurs» in accordance with the quantity of the received points: Mayor of the city of «Entrepreneurs» – the pupil who has taken the 1st place; Head of Central district of the city of «Entrepreneurs» – the pupil who has taken the 2nd place; Head of Zavodskoi district – the pupil who has taken the 3rd place; Head of Kuibyshevsky district of the city of «Entrepreneurs» – the pupil who has taken the 4th place; Head of Ordzhonikidzevsky district – the pupil who has taken the 5th place; Head of Novoiyinsky district – the pupil who has taken the 6th place; Head of Kuznetsk district – the pupil who has taken the 7th place; the other pupils are people's deputies. The class is divided into 6 groups (6 districts); the leader of each one is the district head. Besides, «Honorable residents» of the city of «Entrepreneurs» are chosen out of the pupils, who have not become authority representatives, but exhibited actively in educational activity in accordance with the quantity of received points. All the events are reflected in the press – «School truth»: «election race», congratulations of elected authority

representatives, «Honorable residents» of the city of «Entrepreneurs», etc.

3rd stage: Business game with status «Meeting of the Council of People's Deputies of the city of «Entrepreneurs» (the end of the 1st half-year period) (fig.2).

Leading opens the game... The mayor notes that at the moment they are in the building of the city of «Entrepreneurs» administration at the meeting of the Council of People's Deputies of the city of «Entrepreneurs», during which they have to solve important city problems. Mayor of appeals to the audience with a message that in city of «Entrepreneurs» there is a money reform, during which the score, which have been received by pupils, are exchanged into rubles at the exchange rate: 1 mln. rubles for 1 score, (Course credits depends on the number of score which have been received by pupils). The mayor notes that, according to the city of «Entrepreneurs» statute, the city head, his/her deputies and district heads do not have the right to do business. Nevertheless, there are a lot of actual problems in the spheres of education, health care, ecology, etc. Consequently, the representatives of management structures of the city of «Entrepreneurs» can do charity.

Deputies (pupils) vote for (against) charity activity which is oriented the solution of actual problems of the city of «Entrepreneurs» residents. The city mayor pays attention to the fact that it is necessary to listen to the speeches of: deputy city head on social policy who will consider the problem which is connected with the increase of the city of «Entrepreneurs» citizens' life expectancy; Chairman of the Council of People's Deputies who will consider the problems of pensioners; head of health department – problems of struggle against drug abuse and alcohol abuse; chairman of education committee – problems of education; head of the committee on environmental protection, etc., and to decide

which social problems they (deputies) are going to solve, into which sphere activity will invest their money and in what from they will realize charity activity.

PROBLEM SELECTION, WORKING OUT ITS SOLUTION AND DETERMINATION OF THE FORM OF THE INVESTMENT INTO IT: pupils in groups choose the problem for solution; the presenter hands out materials – the information on the problem, on the basis of which it is possible to solve it; criteria of evaluating the solved problem; the pupils solve a problem, count the number of scores for the whole group, transfer them into mln. rubles; determine, of which form their charity activity will be: charity fund, endowment or private investment.

MAYOR'S SPEECH of city Entrepreneurs: summary, reflection of game. The city mayor thanks everybody for the work of the Council of People's Deputies, gives it the evaluation in the light of moral values and highlights the groups which have met the challenge more successfully than others in accordance with the criteria of evaluating the solved problem. Each group gets scores for the solved problem which are given to each pupil of the group and then transfer into his rating for the next half-year period. Besides, the city mayor finds out what problems of the city of «Entrepreneurs» residents are to be solved at the next meeting of the Council of People's Deputies.

LEADING ASSESSES THE PERFORMANCE PLAYERS AND COMMENTS THEM. Leading assesses the performance players, according to evaluation criteria: investigation deepness, material statement logicity, material argumentativeness, originality of solution ideas, solution novelty, solution practical meaning and moral aspect of the solved problem.

4th stage: Continuation of the game «Council of People's Deputies of the city of «Entrepreneurs» (the beginning of the 2nd half-year period) (similar to the

first half of the year):

5th stage: Reflection game «Council of People's Deputies of the city of» Entrepreneurs». Students write «Letter to the Future»

We note finally that designed gaming technology of the pupil's individual educational trajectory designing is oriented at the solution of actual tasks, which are noted in the new education model up to the year 2020 – working out new education technologies and education materials, the usage of information and communication technologies which promote the improvement of education quality. More over, the results of experimental work have shown that the usage of the gaming technology of the pupil's individual educational trajectory designing in education process promotes the pupil's individuality development.

Application

Letter to the Future

(The letter should strike out and finish it, that apply)

Hello my dear children, grandchildren, just people of planet Earth.

I, (name) Russian citizen, is currently located at the «Meeting of the Council of People's Deputies of the city of «Entrepreneurs» on which we solved these problems ... Now I am late 50s, and I feel I should tell you that I have succeeded in my life, as has taken place. In general, I am satisfied (not satisfied) with their lives. I was interested in the vertical career («chair», post, etc.), because it gave me the opportunity to receive higher wage, to have power over people to manipulate them, so I do not want to look you in the eye. (OR - I was interested in the vertical career because it gave me the opportunity to solve the problems of people, humanity, because of my making them live better, so I'm not ashamed to look you in the eye). (OR-I was interested in

only the horizontal career associated with increased level of my professionalism. I became indispensable expert in their field ... Indispensable people are, for example, 10 mediocre doctors will not replace a doctor's professional).

In my life I have decided to global problems of mankind, if not me, then who is responsible for the planet Earth? (Or – in my life, I did not solve the global problems of mankind because, I am a little, let the President is responsible for this). For example, I was worrying about environmental issues, so I am proud to leave behind an oasis, not wilderness (or – I did not care about environmental issues, so now you live in the metro bunker under water ...). Environmental problems I solved this way: ... I saved the planet Earth from the arms race and terrorism. (OR – I did not save the planet Earth from the arms race and terrorism, so you had to look for another planet). I struggled with the arms race and terrorism as follows: ... I do not care about your health (smoking, drug addiction, drinking, led an unhealthy lifestyle ... so you, my dear descendants inherited chronic disease such as (list) ... however, You can replace your bodies at the new level of medicine can do: lie down on the operating table. I perfected your skills: (list) ... so you, my dear descendants became beautiful people, bright individual, you «painted» the world in its individual color and all around was gracious of you (or – I can not improve his ability to: (list) ... so, you, my dear offspring, were mediocre: the makings of not on the level). I did not struggle with their weaknesses (list) ... so, you, my dear descendants have settled on another planet and have not given «pills of immortality for you». I was guided in his life by such moral values as honor, conscience, honesty, without causing harm to others, justice, tolerance, cooperation. I have built their lives in accordance with the absolute values of love, freedom, knowledge, human life, the preservation of peace, happiness, good .. so now you live in a happy

society: each person belongs to another person, in accordance with the ethics of humanity - taking care of the man, his recognition as the values and love for him, reverence and awe of the human and all other life (or, I did not build, life according to the absolute values, I did not follow in his life moral values, so

the society in which you currently live mired in theft, corruption, lies, violence, it uncomfortable, «cold», it is not safe). My moral self-improvement, I exercised through ...

Note: it is desirable that the letter was continued student.

References

1. Organization of individual education at school (theory and practice). – M: September, 2004. – 208 p.
2. Khutorskoi, A.V. Methodology of personally oriented education. How to teach differently? Teacher's book / A.V. Khutorskoi. – M.: VLADOS-PRESS, 2005. – 383 p.
3. Vygotsky, L.S. Imagination and creativity in childhood / L.S. Vygotsku. – SPb: Soyuz, 1997. – 92 p.
4. Zhurakovskaya, V.M. The pupil's individual experience as his individuality formation experience: monograph. In 2 parts. Part 1 / V.M. Zhurakovskaya. – St. Petersburg: NEI «Express», 2009. – 227 p.
5. Zhurakovskaya, V.M. Design of the pupils' individual experience enrichment technologies: monograph. In 2 parts. Part 2 / V.M. Zhurakovskaya. – St. Petersburg: NEI «Express», 2009. – 236 p.
6. Podlasyi, I.P. Pedagogy. New course: textbook for education college students: In 2 books. Book 1 / I.P. Podlasyi. – M.: Humanitarian publishing centre VLADOS, 1999. – 576 p.
7. Zagvyazinsky, V.I. Teacher's pedagogical creativity / V.I. Zagvyazinsky. – M.: Pedagogy, 1987. – 160 p.

DEVELOPMENT OF METAPHOR AS MEANS OF PUPILS' INDIVIDUALITY MANIFESTATION

Zhurakovskaya V.M.

*Pedagogical Academy of Postgraduate Education,
Moscow, Russia*

The topicality of the development of metaphor as means of pupils' individuality forming is designated. Author's definitions of such concepts as «individuality», «individual experience» of a pupil are offered, the basic approaches to metaphor definition, its possibilities are revealed, the functions of metaphor, author's way of metaphor development and examples of its use in educational process are noted.

Keywords: *individuality, metaphor, metaphor developing methods.*

Personality's unique peculiarities have a significant meaning in the society life. Personality diversity is a significant condition and form of the successful society development, the greatest public value, the highest criterion of a social progress. According to investigations of V.A.Kholodnaya, the forming of the mental (intellectual) experience occurs on the basis of the sensible-sensory way of the coding of the information and on the basis of the application of metaphor in educational process [1]. Results of our research have shown that the mental experience is one of the components of the individual experience, formed on its basis. According to L.S. Vygotsky *we understand the experience of the manifestation, forming of individuality as an individual experience of a person* [2]. We understand the highest degree of person's development as the subject of the activity *as the individuality*, capable to create its own personality, norms, the public progress, capable to the self-realization being characterized by the great creative potential, assuming the critical comprehension and introduction. We understand the experience of the self-improvement of a person as an individual experience of a pupil, connected with realization of the individual intellectual resources in mastering and acquisition of knowledge as the researches of the cognitive process, with logic, reflective thinking for acceptance of the argumentative decision, with the moral practice defining an internal core of a person, the communicative competence, necessary for the development of the individuality as the higher criterion of the social progress [3]. Thus, the developing of the metaphor by pupils in educational process is an actual problem promoting the manifestation of pupil's individuality, the enrichment of their individual experience.

The largest thinkers such as Aristotle and Russo, Gegel and E. Kassirer, H. Ortegi-I-Gasset and many others, the modern foreign scientists M. Blek, D. Bikerton, A. Vezhbitsky, D. Davidson, E. Jordan,

T. Dombzhinsky, M. Minsky, D.A. Miller, E. Ortoni, P. Riker, F. Wilrayt, the scientists of our country N.D. Arutyunova, S.S. Gusev, M.A. Zhurinsky, V.P. Moskvina, I.B. Sibiryakov, J.S. Stepanova, V.N. Teliya, V.K. Kharchenko and others address to metaphores.

The way a metaphor is understood: intrusion of synthesis into a zone of the analysis, of representation (image) into a zone of concept, imagination within a zone of intelligence, individual in a zone of the general, individualities in the country of classes [4, c.21]; figure of speech, consisting in the fact that the name or descriptive expression is transferred on some object distinct from the object to which this expression is applicable, but it is similar to it in something, actually; a metaphorical expression is the result of this [5]; verbal formulation of the reality concluding in the variety perceived as a totality of properties (E. Jordan) [4, c.91]; reduced comparison, but if in case of comparison a similarity is affirmed, in case of a metaphor it is implied (Waytly) [6].

Three types of statements of comparison are distinguished: literal comparisons, similes (likening) and analogies. The reasons are obvious in literal comparisons. For example, the sentence «John's Wife is like his mother». The reasons of comparison are non evident in simile: «John's Wife is like its umbrella» could being understood as the affirmation that she is very thin, or that she protects it, or some other way you can explain it to assimilation. Likening (simile) is the affirmation of comparison including two dissimilar things: «Evening is spreading on the sky as a patient under anaesthetic on the table». According to Aristotle, any metaphor is actually literal simile which omits «like» or «as» and the reason of comparison was left uncertain. Any expression of similarity or likening is named an analogy.

According to scientists, the possibilities of metaphor as follows: metaphor is the tool of the

description and of explanation in any sphere. It enriches the understanding of the human activity, of knowledge and language [7]; metaphor promotes the spread of learning from one scientific paradigm to another [8]; metaphor marks the beginning of the thought process, giving impetus to the development of thought, metaphor fades gradually wear off and, in the end, losing the image that comes to replace the notion, she instrument, not the product of scientific research [9]; metaphor teaches to extract the signs from a subject, to attract the world of objects, to transform the world of objects into the world of senses. Thus, the metaphor is the mechanism of the new senses and words meanings formation; metaphor is the tool of a speech thinking consisting in comparison of the objects placed rather far from each other; metaphor is the necessary tool of thinking, the form of scientific thought; it is necessary to make our thought accessible to other people, to make the object accessible to our thought; metaphor opens the thinking access of the far and escaping from us concepts; the metaphor lengthens the «hand» of intellect; the metaphor helps to notice those properties of things and objects that we did not notice before [10].

The following functions of the metaphor are distinguished: nominative function. Metaphor helps word creation: creation of words without metaphor would be doomed to continued production of more and more new words; *informative function.* Information conveyed through metaphors, is characterized by integrity, panoramic image, pluralism and multiplicity of imaginative reading of the situation; *mnemonic function.* The metaphor promotes the best memorizing of the information. If you really have named the mushrooms as natural vacuum cleaners, we will remember for a long time, that just mushrooms absorb better the toxins from soil; *text forming function* is as a process of the creation of text, of under-text layer. There is a wise

saying «Medicine is a cat running after the mouse and everything in its path splits. Therefore it is necessary to be very careful with medicines with the years»; *genre forming function* as the participation of metaphor in creation of certain genre: the metaphor is almost obligatory for riddles and proverbs, odes and madrigals, lyrics and aphoristic miniatures; *heuristic function.* The metaphor underlies the thinking. Metaphorical transfer underlies primary understanding, primary grasping of integrity, of construction of the higher levels systems...; *explanatory function:* the metaphor helps to learn the difficult scientific information, terminology, give to the person a language support by study of physics, music, biology, astronomy, painting, etc.; *emotional-attitudinal function of metaphor.* The image, a new metaphor in the text cause attitudinal reactions recipient of speech; *style forming function of metaphor* as the important factor of the style creation, first of all, of the style of belles-lettres; *ethical function of metaphor* as the ethical effect depending on disguise, hiding of an ethical influence; the person acquires the ethical estimations, and consequently also the norm with the mastering of language; the language is the guardian of our conscience; *conspiring function of metaphor* as making the sense secret, in its metaphorical encoding. «There is nothing good in this», – the old man has begun speaking. – New only that all the hares took counsel how to get rid of the eagles. And the Eagles are killing rabbits gradually». (L.N.Tolstoy, «Hadzhi Murat»). The understanding of metaphor is fulfilled in three steps – recognition, reconstruction and interpretation, merging in the mental act; *play functions of metaphor* as a form of language play – widely employed in works of art. «You look at other poetic creation: muslin, ether, demigoddesses. Million enthusiasm. A look within the soul – an ordinary crocodile!» (Anton Chekhov «The Bear»); *ritual function of metaphor:* use of a metaphor in congratulations texts,

greetings, toasts, and also sympathy etc. [11].

According to V.K. Kharchenko, the functions are crossing over in the real life of language, connecting, being in relations of mutual addition, of mutual induction.

Despite the fact that, according to scientists, to create metaphors no instructions, no reference to the definition of what it «means», «as reported», however, there are some general patterns of metaphor values attributive words: physical attribute object is transferred to the person contributing to allocate and designation of mental personality traits (blunt, sharp, soft, solid, hard, deep people), signs and actions of people and animals are transferred to natural phenomena (storm crying; weary Sun sad farewell to the sea), the attribute object is converted into an attribute of the abstract concept (deep / superficial judgment, rhetoric), signs of nature and natural classes of objects are transferred to the person (windy / blustery man, dark night / dark personality) [12].

In our research developed technique drawing Metafory, which is based on the explanation (simple subject-predicate) metaphors: «metaphor to explain – then explain how the speaker and listener are moving from the literal meaning of the sentence« S is P »to metaphorical sayings «S is R ». Rather, it should be expressed in the statement of similarity, such as «S is similar to P with respect to R», or, if you follow the DA Miller, a metaphorical expression «S is P» should be interpreted as «There is some property F, and some property G such that S, has the property F, similar to P, with the property that G» [4, p.317]. For example, in the example of Aristotle's «Achilles darted like a lion», both concepts refer to different sorts of objects. Achilles will refer to the genus «man», while the lion will belong to the genus «large felines with short yellow hair and a long mane» And yet, despite the fact that generic differences between the concept, in the metaphorical parallels their interaction there exists and is expressed in the intersection of their contents

of «courage»: the highest form of courage inherent lion transferred to Achilles. In this case, the scope of the term «Achilles» and «Lion» will be in a broader concept, such as «brave creature (mammal)». It is this feature of «courage» and defines the boundaries of the functioning of this metaphor, because the action of metaphor applies solely to Achilles, Indeed, it is known fact that not every person has the courage of a lion.

From the above analysis, according to I.V. Sibiriyakov, that «metaphor always operates solely in the form of a parallelism, where according to some criterion concepts intersect in their common characteristics. Such interaction in formal logic called subordination of concepts. I.V.Siberians believed that such a metaphor is functioning, «lives» only when there is a process of subordination of concepts [10].

Let's consider the method of the metaphor formation offered by us.

1. Need in the text to identify key words, thoughts, suggestions, which are important to understand, remember and play. These may be symptoms, function, role, purpose concepts, etc. That is, you want to select a subject that must be submitted in a metaphorical way.

2. You should take the theme, select it important characteristic, an important feature that characterizes his best, to be presented in the form of subject-predicate (S is P), where S-(subject judgments) – the concept of the object of our thoughts, and P (predicate judgment) – the concept of the sign, the state of the object of our thoughts; («S is P» – «is» – a bunch in judgment).

3. It is necessary to accept the essential sign, the property, characterizing the subject for *the generic* concept or *a genre*. That is predicate *P is* to accept *for generic* concept.

4. To define the volume of the *generic concept*, that is to find the concepts, which are subordinate

to the generic concept, need to make drawings of concepts as circles Euler.

5. Of subordinate concepts to choose a concept that fits better than the others as a metaphor (comparison) for the selected object.

Note: You can continue to write the concept in the metaphorical form, with the concept, which is subordinate to him, that is, the concept is part of its volume. Further you can stop writing, the metaphor is ready, but in this case there will be a set of images associated with the metaphor, ambiguous images, ambiguous understanding it, because the reasons are not clear comparison. Metaphor in poetry, this situation does not spoil the contrary, however, the study of school discipline, when students need to remember and reproduce exactly scientific information, specific signs concepts, in this case the ambiguity can only confuse the student. Therefore we need to make a «plume explanations» metaphors.

6. Need to write the signs of concept, which is represented in the metaphorical form, and the signs of the concept, which is subordinate to him. Then find their general signs of

7. Then you need to write a metaphor, as comparison (a concept which is subordinated to it), and their general properties, characteristics then the metaphor will look clear

Consider how our proposed technique drawing metaphor can be used in teaching secondary school social studies in the classroom (school subject that studies the regularities development of society), grade 10.

The task for students: Read the «signs of law», find in it signs of law, and to offer metaphor for them (in the text of § 25 Social Studies [13]. «Right in the system of social norms», has the following main features: the right – the system of norms of social behavior; focused on the legal regulation of social relations in all spheres of life; the right – a system

of rules that only sets the state; the rule of law are of an obligatory nature; The state protects the right of; the right is strengthens existing political and social system; the right is necessary to strengthen the political and social system).

Let's use the method of the metaphor formation :

The 1st example of metaphor formation

We extract from the text of the first sign of right: the right – the system of norms of social behavior, which is focused on the legal regulation of social relations in all spheres of society, isolate a concept that must be submitted in a metaphorical way. They will be the concept of «law as a system of rules».

1. Let's reveal at the selected concept «Law as system of norms» the essential sign characterizing it in the best way, and then to write it subject-predicate form (S is P): «the Law as a system of norms» (S) is regulating social relations (P).

2. Essential feature that characterizes the selected concept – «regulating social relations», we will take as of the generic concept or genus.

3. Define the volume of the generic concept of «regulating social relations», that is, we define the concepts, which are subordinate to him, which are included in its volume. Then we paint scheme by relationship between the volume of these concepts in the form of circles (circles Euler).

4. From all the subordinated concepts we will choose what is better than others will be suitable as a metaphor (comparison) for the selected concept the «The right is a system of norms ». For example, such subordinated concept as «the football referee» will be suitable as comparison for the metaphor (Fig.1).

5. Let's write the properties of the concept represented in the metaphorical form «The right is a system of norms », and let's write the properties of the subordinated concept selected for simile (metaphor) «the football judge (referee)». Such common properties are: he punishes, makes remarks, stops (whistles) etc.

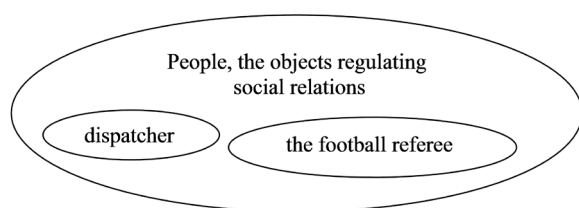

Fig. 1.

Let's present the selected concept in the metaphorical form: *«Law like the football referee: to punish somebody or to remind somebody, to whistle on somebody».*

The 2nd example of metaphor formation

1. Let's select from the text the second features right: the right is a system of norms which being established only by the state. Let's choose a concept that must be submitted in a metaphorical form. It can be the concept of «The right is a system of norms».

2. Let's reveal at the selected concept «The right is a system of norms» the essential sign characterizing it in the best way, and then to write it subject-predicate form (S is P): «The right is a system of norms». (S) is established only by the state (P).

3. Essential feature that characterizes the selected concept – «established only by the state», we will take as of the generic concept or genus.

4. Define the volume of the generic concept of «established only by the state», that is, we define the concepts, which are subordinate to him, which are included in its volume. Then we paint scheme by relationship between the volume of these concepts in the form of circles (circles Euler).

5. From all the subordinated concepts we will choose what is better than others will be suitable as a metaphor (comparison) for the selected concept the «Law as a system of norms». For example, such subordinated concept as «money» will be suitable as comparison for the metaphor (Fig.2)

6. Let's write the properties of the concept represented in the metaphorical form «Law as a system of norms» and let's write the properties of the

subordinated concept selected for simile (metaphor) «money». Such common properties are: they are printed on machine tools, are printed only by the state, without it (them) is difficult to live etc.

7. Let's present the concept in the metaphorical form: *«Right – like money: use them all and one producer»* [14], [15].

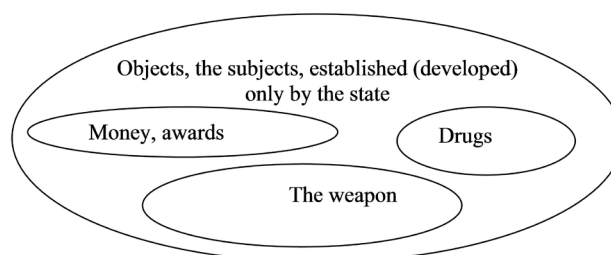

Fig. 2.

It is necessary to notice that the developed by us method of formation of the metaphor promotes the formation of the conceptual thinking of a pupils, as its algorithm includes such operations as revealing of essential signs of the concept, definition of generic concept or genus to which belongs to the concept, operation associated with the comparison of concepts.

For modern teaching practices of special interest provisions LS Vygotsky, according to which the restructuring of the entire intellectual activities teenager, and significant changes in the content of his consciousness as a whole due to the formation of concepts. Thanks to concepts, the teenager starts to understand communications, relations of the phenomena, hence, understand the laws that govern reality.

Environment consciousness is expanding teen restructuring («intellectualization») of the elementary cognitive functions with their fusion with the function of education the notions (possession of concepts). There is an adequate and full mastering of the historically developed experience of mankind through the creation of conceptual thinking. Thanks to the creation of conceptual thinking (ownership concepts)

contents of thinking becomes an inner conviction teenager his desire and intention. With formation of concepts comes the intensive development of the self-perception, introspection, knowledge of the internal reality, of the world of own experiences [16].

According to the investigations of M.A. Kholodnaya the formation of the conceptual thinking

underlies the formation of the mental experience of a pupil.

Thus, the development of the metaphor by pupils promotes the display of their individuality, realization of individual intellectual resources.

References

1. Kholodnaya, M.A. Psychology of intelligence. Paradoxes of investigations. – 2-nd.edition, adapted and ad. / M.A. Holodnaya. - SPb.: Peter, 2002. 272 p.
2. Vygotsky, L.S. Imagination and creativity at children's age / L.S.Vygotsky. - SPb: Sojuz, 1997. - 92 p.
3. Zhurakovskaya, V. M. Individual experience of the pupil as experience of formation of its individuality: monography. In 2 p. P.1 / V.M. Zhurakovskaya. - SPb: NOU «Express», 2009. - 227 p.
4. The metaphor theory: collection / Transl. from engl., fr., it., esp., pol., / introd. article of N.D. Arutjunova; editorship of N.D. Arutjunova and M.A. Zhurinsky. - M: Progress, 1990. 512 p.
5. diclib.com. - Oxford dictionary [the Electronic resource] / Oxford dictionary. - access mode: <http://www.diclib.com>.
6. Whately R. Elements of Rhetoric. London, 1846.
7. Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science. - In: The ubiquity of metaphor. Amsterdam, 1985. - P. 327.
8. Minsky, M.S. Wit and logic of cognitive unconscious / M.S. Minsky. - In col.: New in foreign linguistics, issue XXIII. - P. 291-292.
9. Althusser L. Lire le Capital. Paris, 1968.
10. Sibirjakov, I. V. Metaphor: the gnoseological status, mechanisms of realization and a role in cognition / I. V. Sibirjakov. - Chelyabinsk, 2005.
11. Khartchenko, V.K. Functions of metaphor / V.K. Kharchenko. M: Publishing house LKI, 2007. - 92 p.
12. krugosvet.ru. The humanities: Linguistics [the Electronic resource] / The Humanities: Linguistics – Elektronik dates.- access mode: <http://www.krugosvet.ru>.
13. Social science. Text-book for pupils of 10-11 cl. of general education establishments. In 2p. P.1. 10 cl. / L.N. Bogolyubova, L.F. Ivanova, A. Ju.Lazebnikova, etc.; editorship of L.N. Bogolyubova. - 6 issue. - M: Education, 2007. - 270 p.
14. Zhurakovskaya, V.M. Critical and conceptual thinking of pupils as the factor of individuality development: the manual. In 2 p. P.2. / V.M. Zhurakovskaya. - SPb.: NOU «Express », 2009. - 178 p.
15. Zhurakovskaya, V.M. Development of critical and conceptual thinking of pupils at social science lessons: the manual. In 2 p. P.1. / V.M. Zhurakovskaya. - SPb.: NOU «Express», 2009. - 195 p.
16. Vygotsky, L.S. Psychology of the teenager. The complete works. B.2./ L.S. Vygotsky. - M: Pedagogics, 1984.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ КАК ФАКТОР ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ACTUAL ABILITIES AS A FACTOR IN DETERMINING THE FEATURES OF EMOTIONAL INTELLIGENCE

Царенкова М.М., Пухов И.А.

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск, Новосибирская область, Россия*

Tsarenkova M.M., Puchov I.A.

*Siberian Transport University of Novosibirsk,
Novosibirsk Region, Russia*

Приводятся данные изучения влияния актуальных способностей на формирование эмоционального интеллекта у студентов разной профессиональной направленности.

Ключевые слова: *эмоции, интеллект, эмоциональный интеллект, актуальные способности, первичные способности, вторичные способности.*

The data of the effect of actual abilities on the formation of emotional intelligence among students of different professional orientation are presented.

Keywords: *emotions, intelligence, emotional intelligence, actual abilities, primary abilities, secondary abilities.*

Одной из главных экзистенциальных особенностей переживаний является обнаруживание личных склонностей и слабостей человека, для которых, к сожалению, он не всегда готов открываться. Когда человек понимает что чувства неподконтрольны ему, не могут быть объяснены и изучены, как другие объекты, их трудно изме-

рить и классифицировать, именно тогда они сами подчиняют себе человека. Именно здесь можно говорить о развитии эмоционального интеллекта, который так широко стали рассматривать в последние годы. Составляющие эмоционального интеллекта важны и необходимы для внутренней регуляции собственных эмоциональ-

ных состояний, развитие которых способствует личностному, а также профессиональному росту личности, влияя на его успешность в жизни. Эмоциональный интеллект представляет собой подструктуру социального интеллекта, которая включает способность наблюдать собственные эмоции и эмоции других людей, различать их и использовать эту информацию для управления мышлением и действиями [1]. Так что же влияет на развитие и формирование эмоционального интеллекта? Возможным ответом на этот вопрос является с одной стороны, профессиональная направленность, а с другой, актуальные способности. В нашем исследовании под актуальными способностями мы понимаем первичные и вторичные способности, которые определяют тип реагирования человека на изменение условий окружающей среды, разработанные в концепции модели личности Н. Пезешкиана [2].

Объектом исследования выступает эмоциональный интеллект. Предметом исследования: влияние актуальных способностей на формирование эмоционального интеллекта.

В качестве гипотезы в данном исследовании выступает предположение о наличии связи между эмоциональным интеллектом и актуальными способностями, а также профессиональной направленностью, а именно: на уровень развития эмоционального интеллекта влияет уровень выраженности тех или иных актуальных способностей, а также особенности профессиональной направленности личности.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей влияния актуальных способностей на формирование эмоционального интеллекта.

Для достижения поставленной цели следует решить следующие задачи: во-первых, определить группу респондентов, во-вторых, экспериментально проверить сформулированную гипотезу, в-третьих, выявить причинно-следственные

связи и корреляции между эмоциональным интеллектом и актуальными способностями.

Основными методами исследования является метод психологического тестирования, метод личностного опроса, математический анализ полученных данных.

В данном исследовании выборочную совокупность составляют студенты-психологи Сибирского государственного университета путей сообщения, студенты-музыканты (струнники) Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки и студенты-архитекторы Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии.

Общее количество испытуемых составляет 65 человек в возрасте от 18 до 23 лет (27 юношей и 39 девушек). Были сформированы 3 группы: «студенты -психологи» – 21 человек (3 юношей, 18 девушек), «студенты-музыканты» – 20 человек (12 юношей, 8 девушек), «студенты-архитекторы» – 24 человек (11 юношей, 13 девушек).

В данной работе использовался такой метод психологического тестирования, как тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0), состоящий из 141 вопроса, разделенных на 8 секций, с вариантом ключа по популяционной частотности [3]. Тест позволяет выявить уровень выраженности эмоционального интеллекта, а также каждого из компонентов отдельно: идентификация эмоций, эмоциональная фасилитация мышления, понимание эмоций, осознанная регуляция эмоций. Такой метод личностного опроса, как опросник к методу позитивной и семейной психотерапии (WIPPF) Н. Пезешкиана. Опросник имеет две формы вопросов для мужчин и женщин по 85 в каждом, которые представляют собой утверждения и высказывания, которые сформулированы от имени людей различного происхождения, возраста и пола. Данный метод позволяет выявить

уровень выраженности развития первичных и вторичных способностей [2].

Применялся метод ранговой корреляции Спирмена, который позволяет определить силу и направление корреляционной связи между двумя признаками или двумя профилями (иерархиями) признаков. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена r_s использовался для определения связи между эмоциональным интеллектом и первичными и вторичными способностями. А также критерий Н Крускала – Уоллиса, позволяющий оценить различия одновременно между тремя выборками, по уровню какого-либо признака. Критерий Н. Крускала-Уоллиса использовался для выявления различий между группами [4].

Исследование проходило в 4 этапа, на каждом из которых производилось выявление особенностей развития актуальных способностей и уровня развития эмоционального интеллекта. На первом этапе у студентов – психологов, на втором у студентов – музыкантов, на третьем у студентов-архитекторов, на четвертом этапе осуществлялась обработка и анализ полученных данных.

В результате исследования было выявлено, что во всех группах испытуемых наиболее выра-

жены первичные способности, т.е. способность к любви, которая отвечает за эмоциональные и душевные переживания (рис. 1).

У студентов-психологов наиболее выражены такие первичные способности как контакты, надежда, сексуальность, вера. Среди вторичных способностей стоит выделить вежливость и усердие.

У студентов-музыкантов наиболее выражены такие первичные способности как терпение, время, надежда, любовь, сексуальность. Среди вторичных способностей стоит выделить верность и усердие.

У студентов-архитекторов наиболее выражены такие первичные способности как терпение, время, доверие, любовь, сексуальность. Среди вторичных способностей стоит выделить усердие, аккуратность, пунктуальность, обязательность. В таблице 1 представлено подробное описание первичных и вторичных способностей.

Сравнивая уровень выраженности эмоционального интеллекта у студентов разной профессиональной направленности можно говорить о том, что он наиболее выражен у студентов-психологов, наименее у студентов-музыкантов.

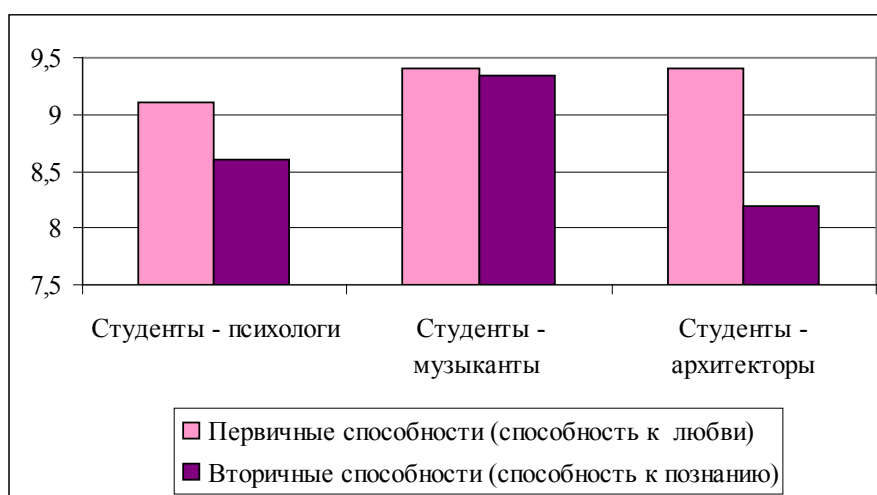

Рис. 1. Уровень выраженности первичных и вторичных способностей у студентов разной профессиональной направленности

Таблица 1

Характеристика первичных и вторичных способностей по Н. Пезешкиану

Вид способности	Характеристика
Терпение	Способность ждать, отсрочивать исполнение желаний, а также поддерживать и развивать в себе и других эти способности, несмотря на сомнение и ожидания.
Время	Способность уделять себе и другим достаточное количество времени и внимания.
Контакты	Способность посвящать себя другим людям, даже если они проявляют другие актуальные способности.
Доверие	Способность принимать себя и других людей в их неповторимости, такими какие они есть.
Надежда	Способность признавать будущие возможности для развития и, таким образом, делать успехи настоящего дня относительными.
Сексуальность	Отношение к физическому контакту. Принятие или страх прикосновения.
Любовь	Эмоциональное отношение, которое независимо от принятых или имеющихся качеств и образа поведения другого человека характеризует принятие его как личности.
Вера	Способность устанавливать отношения с неизведанными в самом себе, в окружающем мире и неземном (Бог), а также интересоваться вопросом о смысле жизни.
Аккуратность	Аккуратность, любовь к порядку проявляется в полном соответствии каждой вещи своему месту.
Пунктуальность	Строгое соблюдение условленного или ожидаемого времени.
Вежливость	Скрытая агрессия на социум.
Усердие	Готовность в течении длительного времени предаваться напряженной и утомительной работе для достижения определенной цели.
Обязательность	Принципиальность, установка на безошибочное, безукоризненное, добросовестное выполнение работы.
Верность	Достаточно длительное следование «само собой разумеющимся» подсознательным или осозанным нормам и концепциям, первично – в сексуальной, вторично – в других сферах жизни.

Уровень выраженности компонентов эмоционального интеллекта у студентов, относящихся к группам с выраженными первичными и вторичными способностями отличаются незначительно, но следует заметить что у студентов-психологов и студентов-музыкантов относящихся к группе с выраженными первичными способностями более развиты такие компоненты эмоционального интеллекта как понимание эмоций и осознанная регуляция эмоций, а у группы выраженными вторичными способностями более развит такой компонент как идентификация эмоций и эмоциональная фасилитация мышления. У студентов-

архитекторов относящихся к группе с выраженными первичными способностями более развиты такие компоненты эмоционального интеллекта как эмоциональная фасилитация мышления и понимание эмоций, а у группы выраженными вторичными способностями более развит такой компонент как идентификация эмоций. Компонент осознанная регуляция эмоций выражен в равной степени.

Корреляция между показателями уровня эмоционального интеллекта и уровнем выраженности первичных и вторичных способностей не отличаются от нуля. Но тенденция отрицательной

связи между этими двумя переменными может говорить нам о том, что ее можно было бы подтвердить на статистически значимом уровне, если бы мы увеличили объем выборки.

Было выявлено 9 отрицательных связей с первичными способностями и 8 с вторичными способностями (рис. 2). При этом наибольший вклад в эти связи вносит общий показатель эмоционального интеллекта, т. к. связь с ним была выявлена как у первичных, (студентов-психологов ($r_s = -0,208$), студентов-музыкантов ($r_s = -0,047$), студентов-архитекторов ($r_s = -0,013$)), так и у вторичных способностей (студентов-психологов ($r_s = -0,057$), студентов-музыкантов ($r_s = -0,029$)).

У студентов-психологов присутствует связь первичных способностей с идентификацией эмоций ($r_s = -0,044$), пониманием эмоций ($r_s = -0,171$), осознанной регуляцией эмоций ($r_s = -0,157$) и вторичных с идентификацией эмоций ($r_s = -0,029$), пониманием эмоций ($r_s = -0,443$), эмоциональной фасилитацией мышления ($r_s = -0,486$), осознанной регуляцией эмоций ($r_s = -0,543$).

У студентов-музыкантов присутствует связь первичных способностей с эмоциональной фа-

сilitацией мышления ($r_s = -0,054$), пониманием эмоций ($r_s = -0,086$) и вторичных с пониманием эмоций ($r_s = -0,086$), осознанной регуляцией эмоций ($r_s = -0,029$).

У студентов-архитекторов присутствует связь первичных способностей с идентификацией эмоций ($r_s = -0,162$). А также выявлена близкая связь вторичных способностей с пониманием эмоций ($r_s = 0,829$) и общим показателем эмоционального интеллекта ($r_s = 0,829$).

Таким образом, можно сделать вывод об обратной связи эмоционального интеллекта и первичных, вторичных способностей. При этом наибольший вклад в корреляции с первичными способностями дает общий показатель эмоционального интеллекта, а с вторичными способностями понимание эмоций. Однако необходимо учитывать специфичность выборки, которую составляют студенты разной профессиональной направленности.

С помощью критерия Н. Крускала-Уоллиса мы выявляли различия между уровнями выраженности эмоционального интеллекта, которые оказались достоверными на 1%-м уровне значи-

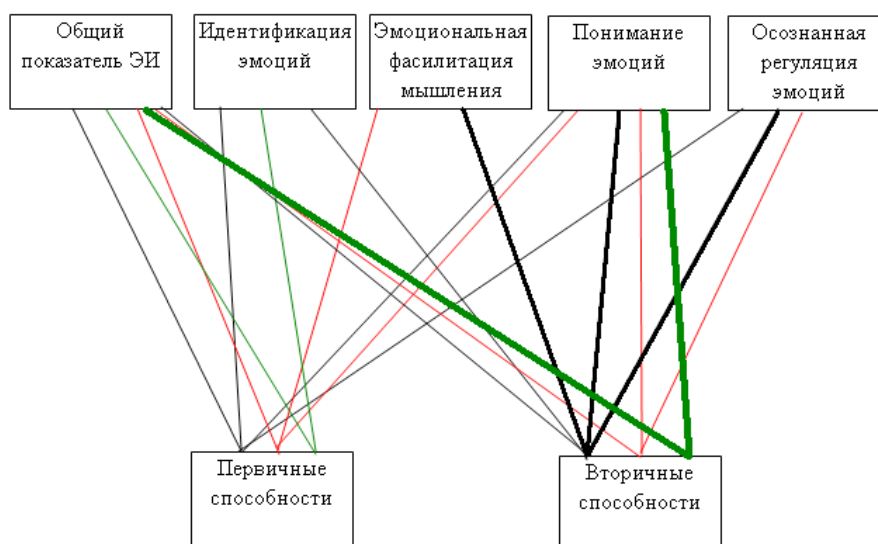

Рис. 2. Схема связей между эмоциональным интеллектом и первичными, вторичными способностями (черными линиями отмечены студенты-психологи, красными студенты-музыканты, зелеными студенты-архитекторы)

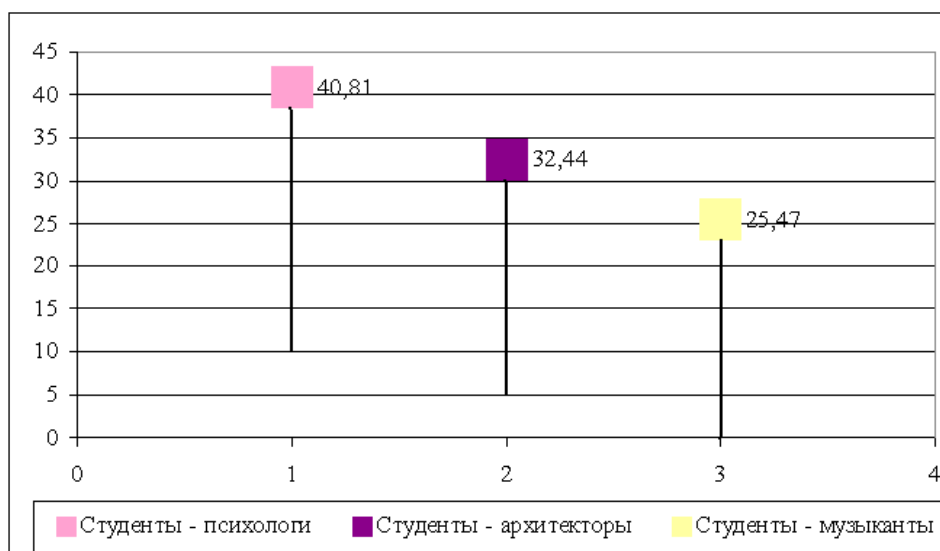

Рис. 3. Соотношение рядов значений уровня выраженности эмоционального интеллекта в трех выборках

мости. Наиболее выраженным эмоциональный интеллект является у студентов-психологов, а наименее у студентов-музыкантов, что может быть связано с отсутствием в методике исследования эмоционального оценивания музыки (рис. 3).

Наша гипотеза частично подтвердилась, т. к. между эмоциональным интеллектом и особенностями психологической диспозиции были выявлены лишь отрицательные связи, а различия уровня выраженности эмоционального интел-

лекта у студентов разной профессиональной являются достоверными на 1%-м уровне значимости.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования полученных данных в психотерапевтической и консультативной практике. А также в учебно-педагогической деятельности у студентов с разной профессиональной направленностью с целью дифференцированного подхода в гуманитарном компоненте при подготовке специалистов.

Литература

1. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. - М.: АСТ, 2008. - 480 с.
2. Пезешкиан, Н. Психосоматика и позитивная психотерапия / Н. Пезешкиан. - М.: Институт позитивной психотерапии, 2006. - 464 с.
3. Сергиенко, Е. А. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEITV 2.0): Руководство / Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. - 176 с.
4. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. - СПб.: ООО «Речь», 2007. - 350 с.

**К ВОПРОСУ ОСОБЕННОСТЕЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ВОДИТЕЛЕЙ
УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ**

**TO A QUESTION ABOUT FEATURES
OF THE PSYCHOLOGICAL PORTRAIT
OF DRIVERS – PARTICIPANTS OF ROAD ACCIDENTS**

Обоймова С.М.

*Университет Российской академии образования,
г. Москва, Россия*

Oboymova S.M.

*University of Russian Academy of Education,
Moscow, Russia*

В представленном исследовании рассмотрено воздействие на личность водителя дорожно-транспортного происшествия (ДТП) как стрессорного события. Предмет исследования – психопатологические симптомы, объективно отражающие уровень влияния травматического события на испытуемого. Цель исследования – рассмотреть воздействие дорожно-транспортного происшествия как стрессорного события; установить взаимосвязи между уровнем специфических категорий переживаний, возникающих в ответ на воздействие травматического события, и изменением психологического симптоматического статуса испытуемого.

Ключевые слова: *психопатологические симптомы, психическая травма, индивидуальные психологические особенности.*

In this article the impact on the driver's identity of the road accident is considered as a stressor event. The object of research are the psychopathological symptoms which objectively reflect the level of the influence of a traumatic event on the examinee. The aim of the research is to consider the influence of the road accident as the stressor event; to establish the interrelations between the level of the specific categories of the experiences, arising in a reply on the influence of the traumatic event, and changing of the psychological symptomatic status of the examinee.

Keywords: *psychopathological symptoms, mental trauma, specific psychological features.*

В течение последних десятилетий отмечается рост числа различных природных и антропогенных чрезвычайных ситуаций, что соответственно ведет к увеличению количества лиц (первичных и вторичных жертв), подвергшихся воздействию

психической травмы. Эти ситуации характеризуются, прежде всего, сверхэкстремальным воздействием на психику человека, вызывая у него травматический стресс, который в тяжелых случаях может выражаться в посттравматическом

стрессовом расстройстве (ПТСР).

К настоящему времени описаны различные виды реагирования на чрезвычайную ситуацию. Выделены варианты острой реакции на стресс, описаны посттравматическое стрессовое расстройство и различные формы расстройства адаптации. Изучены особенности реагирования в зависимости от возраста.

Актуальность клинического изучения отдельных вариантов ПТСР не снижается. Симптоматология ПТСР в значительной степени связана с характером перенесенного стресса, а число стрессоров в мире постоянно расширяется. Одним из таких стрессоров стали автомобильные аварии.

Рассматриваемая проблема, безусловно, актуальна, поскольку связана не только с масштабом такого стрессора как автомобильная авария, но и с существованием такого юридического и социального термина как «моральный вред». Факт причинения морального вреда и компенсация его в судебной практике в нашей стране не регламентированы. Однако обоснование их возможно через оценку психологического симптоматического статуса людей, попавших в автомобильную аварию. ООН объявила 2011-2020 годы «Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения».

Можно говорить о том, что водитель – человек, находящийся в экстремальной ситуации. Индивидуально-психологические особенности индивидуума, участвующего в дорожном движении, находятся в прямой зависимости с его профессиональными действиями как водителя, субъективным восприятием дорожной обстановки, а так же особенностями переживания такого стрессового события как ДТП. Увеличение количества автомобилей на дорогах и неуклонный рост уровня ДТП свидетельствуют о необходимости изменения требований к программе подготовки водителей.

На настоящий момент, в соответствии с федеральной целевой программой разработаны проекты профессиональных стандартов водителей по каждой категории транспортных средств.

Профессиональный стандарт определяет перечень требований к водителю. Что водитель должен знать и понимать, что он должен уметь и применять в ситуации дорожного движения наиболее эффективным и безопасным образом.

Особое значение приобретает вопрос подбора и подготовки водителей для профессиональной деятельности на спецтранспорте, перевозки людей. Много вопросов вызывает уровень подготовки курсантов в автошколах, качество условий обучения и сам учебный процесс. Назрела необходимость рассмотреть возможность создания различных обучающих программ и методов в автошколах в зависимости от индивидуальных психологических особенностей обучающихся. А также, необходимость психологической диагностики перед обучением в автошколе для определения соответствующей программы обучения. Много неразрешенных вопросов остается в области обучения, переподготовки водителей и предупреждения попадания в дорожно-транспортные происшествия.

Существующая проблема определила цель нашего исследования – определить феномен дорожно-транспортное происшествие как стрессовое событие; исследовать зависимость между уровнем специфических категорий переживаний, возникающих в ответ на воздействие травматического события, и изменением психологического симптоматического статуса испытуемого.

Объект исследования – психологический симптоматический статус индивидов, ставших участниками дорожно-транспортного происшествия.

Предмет исследования – психопатологические симптомы, уровень влияния травматического события на испытуемого.

Сегодня особую актуальность обретает обеспечение психологической безопасности личности. Автомобильные аварии, а также участие водителей в дорожном движении, особенно в крупных мегаполисах, являются одним из стрессоров, влияющих на изменение психофизиологического статуса индивидуума.

Вопросы влияния на индивидуумов травматических событий всегда остро стояли как перед исследователями, так и перед практиками. Представление о расстройствах, вызванных воздействием на психику человека экстремальных психотравмирующих событий (травматических событий, травматических стрессов), формировалось преимущественно на основании клинических наблюдений за течением психических расстройств у лиц, принимавших участие в военных действиях, а также лиц, попавших в зону бедствия или катастрофы. Изучались и такие ситуации, способные воздействовать на психику человека, как различные виды насилия над личностью.

В настоящее время, несмотря на огромное количество работ по данной проблеме, продолжается уточнение клинко-диагностических критериев.

За последние годы список травматических событий, способных вызвать ПТСР, был значительно расширен. К таким событиям стали относить:

- тяжелые, угрожающие жизни заболевания.
- смерть близких людей и суицидальные попытки.
- ситуация вынужденного переселения.
- техногенные аварии и катастрофы,
- пребывание в заключении.
- и даже ситуации угрозы потери работы.

Особую категорию, угрожаемую развитием ПТСР, составляют свидетели травматических/

стрессовых событий, или так называемые «третьи лица».

Вопрос о значении личностной структуры в формировании отставленной реакции на стресс также остается недостаточно разработанным, так же как и проблема подготовленности, а также роль социальной поддержки в преодолении стрессовых симптомов.

Иными словами в настоящее время, несмотря на огромное количество работ по данной проблеме, продолжается уточнение клинко-диагностических критериев.

Наличие травматического события в диагностике посттравматического стрессового расстройства является определяющим. Большое значение имеют такие показатели как сила, длительность воздействия стрессора. При этом не у всех людей, имеющих травматический опыт, развивается ПТСР. Значительное внимание уделяется социальному поведению больных страдающих ПТСР, ряд авторов предлагает не забывать об исходящей от них опасности.

В результате возникновения ПТСР теряется способность гибкого реагирования на изменяющиеся требования окружающей среды, что может проявляться в трудностях в социальной жизни, особенно связанной с усвоением новой информации.

В течение последних десятилетий отмечается рост числа дорожно-транспортных происшествий и аварийных ситуаций, особенно в крупных мегаполисах, что соответственно ведет к увеличению количества лиц (первичных и вторичных жертв), подвергшихся воздействию психической травмы.

В проведенном экспериментальном исследовании нами были использованы такие методики как:

- шкала оценки влияния травматического события – ШОВТС (Impact of Even Scale – R),

- опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R),
- опросник уровня личностной тревожности Ж.Тейлор,
- гиссенский опросник,
- шкала для психологической экспресс – диагностики уровня невротизации,
- шкала самооценки, методика Ч.Д. Спилберга и Ю.Л. Ханина,
- методика «Прогноз» Санкт-Петербургской военно-медицинской академии.

В процессе исследования нами был создан и применен «Водительский опросник».

В проведенном исследовании приняли участие:

1 группа – 133 человека, участвовавшие в ДТП в качестве пострадавшей стороны (23 мужчины и 10 женщин) в возрасте от 22 до 63 лет (средний возраст – 38,9 лет).

2 группа (контрольная) – 43 человека, никогда не попадавших в ДТП на момент исследования (14 мужчин и 9 женщин) в возрасте от 20 до 55 лет (средний возраст – 40,08 лет).

При работе с первой группой испытуемых использовались шесть методик:

- шкала оценки влияния травматического события – ШОВТС (Impact of Even Scale – R); по методике получено 4 показателя (субшкалы «вторжение», «избегание», «физиологическое возбуждение» и показатель IES-R как суммарный показатель трех субшкал).
- опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R). По методике получено 13 показателей (соматизация, обсессивно-компульсивные расстройства, межличностная сензитивность, депрессия, тревожность, враждеб-

ность, фобическая тревожность, паранойяльные симптомы, психотизм, дополнительные вопросы, общий индекс тяжести симптомов (GSI), индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI), общее число утвердительных ответов (PST).

- опросник уровня личностной тревожности Ж.Тейлор.
- гиссенский опросник, по методике получено 5 показателей («истощение», «желудочные жалобы», «ревматический фактор», «сердечные жалобы», «давление (интенсивность) жалоб»).
- шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации (УН).
- шкала самооценки, методика Ч.Д. Спилберга и Ю.Л. Ханина, по методике получено 2 показателя (реактивная и личностная тревожность).

При работе со второй (контрольной) группой испытуемых использовались две методики:

- шкала оценки влияния травматического события – ШОВТС (Impact of Even Scale – R).
- опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R).

Полученные в эксперименте данные были подвергнуты математической обработке.

Анализ экспериментальных данных и математической обработки результатов исследований, проведенных на испытуемых ставших участниками дорожно-транспортного происшествия, и испытуемых, никогда не попадавших в ДТП, показал, что реакция на стресс, вызванный таким травматическим событием как дорожно-транспортное происшествие, в области симптомов физиологического возбуждения, вторжения и избегания по средним значениям и индивидуальным

показателям большинства испытуемых превышают средние показатели, полученные на выборке нормальной популяции. Средние показатели по шкалам симптоматических расстройств в группе испытуемых – участников ДТП существенно выше значений группы «норма», в то время как средние показатели контрольной группы несколько ниже средних значений группы «норма».

В группе испытуемых – участников ДТП доля лиц, у которых значения шкалы оценки влияния травматического события и общего индекса тяжести (GSI) выше «нормы», значимо больше, чем в контрольной группе ($p \leq 0,01$).

Экспериментальные данные показали, что только 3% испытуемых участников ДТП имеют низкий уровень личностной и ситуативной тревожности. Одновременно, анализ экспресс-диагностики уровня невротизации (УН) позволяют сделать вывод, что испытуемые не относятся к группе риска психической дезадаптации.

Корреляция между уровнем влияния травматического события и показателями симптомов вторжения, симптомов избегания, симптомов физиологического возбуждения статистически значима ($p \leq 0,01$) и является положительной.

Корреляция между уровнем влияния травматического события и показателями тревожности, враждебности, показателями количества симптомов статистически значима ($p \leq 0,05$) и является положительной.

Корреляция между уровнем влияния травматического события и субъективной степенью эмоционального переживания физических недомоганий, а также между уровнем влияния травматического события и показателями шкалы депрессии не отличается от нуля.

Сопоставление данных эксперимента у испытуемых из контрольной группы, попавших в ДТП в период проведения исследования, показывает высокие «стартовые» показатели величины

влияния травматического события, симптомов физиологического возбуждения, вторжения и избегания. Эти же показатели у испытуемого, попавшего в аварию в качестве пострадавшего за период эксперимента дважды, самые высокие в группе.

Сравнение показателей по шкалам симптоматических расстройств у испытуемых до и после аварии, а также с показателями контрольной группы и «нормой» говорит об изменении психологического симптоматического статуса.

С каждым годом обстановка на дорогах все более усложняется. Увеличивается количество автовладельцев. Изменяются технические характеристики автомобилей, они становятся все более маневренными и скоростными. Уровень профессиональной подготовки и психологической устойчивости каждого водителя принимает особое значение. Находясь за рулем автомобиля, водитель несет ответственность за себя и за других участников дорожного движения. При этом для него стерты индивидуальные особенности других водителей. Он действует в условиях физиологически не свойственных человеку, когда скорость в десятки раз выше скорости пешехода. Поэтому так значима роль автошкол в подготовке водителей.

Особую актуальность на сегодняшний день имеет задача психологического тестирования при подготовке или переподготовке водителей в автошколах, а также диагностика профессиональной пригодности к данному виду трудовой деятельности.

Результаты проведенного нами исследования говорят о перспективности дальнейшего исследования темы в направлении прогнозирования группы риска. Анализ результатов указывает на необходимость учета психофизиологических особенностей личности при профессиональной

подготовке водителей, при оценке пригодности граждан к управлению транспортными средствами; дифференциации в требованиях к профессиональной работе водителя и при использовании автомобиля как личного транспорта для своих потребностей.

Литература

1. Александровский Ю.А. Проблема посттравматического стрессового расстройства и подходы к лечению. - М.: 2005.
2. Кекелидзе З.И. Посттравматическое стрессовое расстройство у пострадавших при чрезвычайных ситуациях // Посттравматическое стрессовое расстройство / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. – М.: 2005.
3. Селье Г. Стресс без дистресса. – М., 1997.
4. Тарабрина Н.В. Посттравматический стресс: междисциплинарные аспекты изучения // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. – М.: 2003.

ИЗМЕНЕНИЯ ИРРЕЛЕВАНТНЫХ ПАРАМЕТРОВ ЗАДАЧ КАК УСЛОВИЕ СНИЖЕНИЯ ЭФФЕКТА ЛАЧИНСА

CHANGE OF IRRELEVANT PARAMETERS' IN TASKS AS THE CONDITION OF DECREASE IN EINSTELLUNG EFFECT

Тухтиева Н.Х.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Tukhtieva N.Kh.

Sankt-Petersburg University State, Sankt-Petersburg, Russia

В статье рассматривается возможность ослабления эффекта Лачинса посредством изменения способов предъявления условий как иррелевантных параметров задач.

Ключевые слова: эффект установки, задачи Лачинса, иррелевантные параметры задач.

This article is devoted to experimental investigation of possibility to decrease the effect Luchins by means of changing the ways of its conditions' presentation, which are seen as irrelevant parameters of the task.

Keywords: Einstellung effect, Luchins tasks, irrelevant parameters of task.

Введение

В современном мире большое внимание уделяется проблеме осознанности жизнедеятельности человека, на повышение которой направлены многочисленные психотерапевтические и психологические практики. В теории психологии данная проблема может конкретизироваться как проблема взаимоотношения автоматических и контролируемых сознательной деятельностью процессов. В качестве экспериментальной возможности изучения данной проблемы представляется важным исследование эффекта установки как готовности к повторению сформированных в прошлом опыте действий без учета их адекватности или оптимальности новым условиям. К наиболее ярким примерам подобной ригидности установки можно отнести эффект установки, обнаруженный А. Лачинсом (Luchins effect). В эксперименте автора испытуемым предъявлялись десять арифметических задач с требованием получить указанное количество жидкости при помощи сосудов разного объема. При этом первые пять задач (установочные) могли решаться с помощью сложного способа решения (B-A-2C). Следующие задачи (критические) могли решаться уже освоенным сложным, а также новым простым способом (A±C). Одна задача (№9) могла решаться только простым способом. Было обнаружено, что испытуемые, как правило, «не видели» возможности решения критических задач новым способом, перенося «старый» способ на новые задачи, а задачу №9, чаще всего, затруднялись решить [11]. Эффект установки продолжает привлекать внимание психологов с точки зрения решения как исследовательских, так и прикладных проблем: обучения, решения творческих, психотерапевтических задач [5, 10, 13, 14]. Возникает вопрос об условиях, затрудняющих сверхфиксацию установки и, напротив, приводящих к усилению ригидности ее действия.

Поскольку эффект Лачинса характеризуется ригидностью когнитивных автоматизмов, возникающих вследствие потери сознательного контроля над способами выполнения действия [2, 8, 9], можно предположить, что активизация деятельности сознательного контроля может привести к снижению эффекта установки. В ряде исследований выявлена возможность влияния на проявление сознательного контроля посредством изменения иррелевантных компонентов ситуации [1, 4].

Целью данного исследования является изучение эффекта установки в условиях наличия или отсутствия регулярности в изменении иррелевантных параметров задач. Мы предположили, что постоянное изменение иррелевантных параметров задач приведет к активизации деятельности сознательного контроля, обуславливая изменения направленности смещения эффекта установки. При этом характер трансформации задач будет обуславливать направленность деятельности сознательного контроля.

Эксперимент

Экспериментальные гипотезы:

- регулярные изменения вариантов предъявления условий задач приведут к уменьшению числа установочных решений задач Лачинса, как показателя снижения эффекта установки;
- хаотичные изменения иррелевантных параметров задач приведут к увеличению числа установочных решений задач как показателя усиления эффекта установки.

Испытуемые

В исследовании приняли добровольное участие 147 испытуемых: 43 мужчины и 104 женщины в возрасте от 17 до 32 лет (средний возраст – 24 года). Испытуемые были случайным образом разделены на три группы.

Стимульный материал

В эксперименте использовались задачи Лачинса, предъявляемые на экране монитора. Каждая новая задача на новом слайде. Варианты предъявления задач:

1) в экспериментальной группе №1 (ЭГ1) происходили «хаотичные изменения» irrelevantных параметров – в каждой задаче изменялись способы предъявления условий задачи: изменялся способ фиксации условий (цифрами, прописью); цвет, шрифт, размер, пространственное расположение; менялся фон предъявления задач. Кроме того, использовались элементы анимации (например, передвижение экрану монитора цифр (условий задач)). Все изменения происходили в случайной последовательности.

2) в экспериментальной группе №2 (ЭГ2) происходили «регулярные изменения»: изменения irrelevantных параметров были схожими с изменениями в ЭГ1, но происходило их регулярное чередование.

3) в контрольной группе (КГ) задачи предъявлялись без изменения irrelevantных параметров: на белом экране черным шрифтом в центре были написаны условия задач (цифрами).

Процедура исследования

Испытуемые располагались перед монитором. Для фиксации решений предлагался бланк. На решение задачи отводилось не более 2,5 минут. Все задачи решались последовательно.

Результаты

- Моментом перехода к новой стадии, на которой возможна выработка нового способа действия, является решение первой критической задачи. Здесь были обнаружены значимые различия между результатами контрольной группы и экспериментальной группы №2: в условиях регуляр-

ного изменения irrelevantных параметров задач количество установочных решений значительно уменьшается в сравнении с КГ ($\chi^2=0,000$). Достоверных различий между контрольными условиями и условиями хаотичного изменения irrelevantных параметров задач (ЭГ2) не обнаружено ($\chi^2=0,674$).

- Анализ результатов решения всех критических задач в трех экспериментальных группах показал значимые различия в использовании установочных способов решения в экспериментальных условиях в сравнении с контрольными (One-Way ANOVA, $p=0,000$).

Попарное сравнение результатов экспериментальных групп с контрольной также обнаружило статистически значимые различия в проявлении эффекта Лачинса. Общее количество всех решений установочным способом в условиях с регулярным изменением irrelevantных параметров задач (ЭГ2) по сравнению с контрольным условием значительно снизилось (критерий t-Стьюдента, $p=0,000$). В условиях же хаотичного изменения irrelevantных параметров задач произошло достоверное увеличение количества установочных решений в сравнении с контрольными условиями предъявления задач (критерий t-Стьюдента, $p=0,000$). Сопоставление результатов двух экспериментальных групп обнаруживает достоверное снижение установочных решений в условиях регулярного изменения в сравнении с хаотичным (критерий t-Стьюдента, $p=0,000$).

Выводы

Было обнаружено снижение эффекта установочности в условиях регулярного изменения irrelevantных параметров задач Лачинса. Такое снижение проявляется сразу при переходе к крити-

ческой стадии, и сохраняется по отношению ко всем критическим задач в целом.

Хаотичное изменение иррелевантных параметров, напротив, приводило к усилению эффекта установки. Такое усиление не проявилось сразу в первой задаче, но обнаружилось при анализе всех задач в целом.

Обсуждение

Эффект установки формируется в условиях однообразия ситуации задачи, что приводит к автоматическому негативному переносу способов действий. В частности, этот вопрос подробно исследуется в рамках проблемы обучения, когда усвоенные способы действий механически переносятся в новые условия [3, 6, 12]. В связи с этим некоторые исследователи считают, что использование разнообразного материала на стадии формирования и применения способов действий будет препятствовать сверхфиксации установки [6, 7].

В нашем исследовании удалось разнообразить предъявляемый материал, что способствовало преодолению повторения однообразных действий, активизируя сознательный контроль над решением предложенной задачи. Однако,

как показали результаты нашего исследования, варианты действия такого разнообразия материала могут быть различными. Условием снижения эффекта установки является регулярное изменение иррелевантных параметров задач, ингибирующее сверхфиксацию установки. Однако в условиях хаотичного изменения иррелевантных параметров задачи происходит усиление эффекта установки в условиях.

Вероятно, внесение хаотично изменяющейся информации приводит к выделению работы с ней в отдельную дополнительную задачу. Появление такой задачи может способствовать переключению на нее сознательного контроля. Можно предположить два варианта дополнительной задачи. В первом случае она заключается в обработке иррелевантной информации; во втором – в необходимости ее игнорирования. В обоих случаях происходит отвлечение сознательного контроля от целевой задачи. Такое отвлечение способствует еще более выраженному проявлению автоматизма действий, т.е. усиливает эффект установки.

Исследование поддержано грантом РГНФ; РФФИ «Неосознанная регистрация ошибок при решении когнитивных задач» № 11-06-00287а.

Литература

1. Аллахвердов В.М. Размышления о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. - 264.
2. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. Томск, 2004. - 458.
3. Вертгеймер М. Продуктивное мышление: Пер. с англ./ Под общ. ред. Горбова С.Ф., Зинченко В.П. - М.: Прогресс, 1987. - 336 с.
4. Морошкина Н.В. Сознательный контроль в задачах научения, или как научиться не осознавать очевидное // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В.М. Аллахвердов и др. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2006. С. 142-165.
5. Ben-Zeev T., Star J.R. Spurious Correlations in Mathematical Thinking // Cognition and instruction. 2001, 19 (3), 253-275.

6. Chen Z. Schema Induction in Children's Analogical Problem Solving // Journal of Educational Psychology. December, 1999. Vol. 91, No. 4, 703-715.
7. Chen Z., Mo L. (2004). Schema Induction in Problem Solving: A Multidimensional Analysis. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition, 30, 583-600.
8. Egidi M. (2007). The dual process account of reasoning: historical roots, problems and perspectives. [Working Paper]. Università degli studi di Trento. Dipartimento di Economia, Trento. Pp. 27.
9. Egidi M., Narduzzo A. The emergence of path-dependent behaviors in cooperative contexts // International Journal of Industrial Organization, 1997.
10. King A.A., & Lakhani K.R. (2011). The Contingent Effect of Absorptive Capacity: An Open Innovation Analysis, Harvard Business School Working Paper Series. No. 11-102.
11. Luchins A.S. (1942). Mechanization in problem solving--the effect of Einstellung. Psychological Monographs, 54, Whole No. 248.
12. Luchins A.S., Luchins E.H. (1950). New experimental attempts at preventing mechanization in problem solving. Journal of General Psychology, 42, p.279-297.
13. McCloy R., Beaman C.P., Morgan B., Speed R. (2007). Training conditional and cumulative risk judgements: The role of frequencies, problem-structure and Einstellung. Applied Cognitive Psychology, 21, p.325-344.
14. Stemberger G. Anwendungen der Gestalttheorie im Bereich der Psychotherapie Eine Spurensuche // DAGP/ÖAGP-Informationen 14. Jahrgang (2005).

ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА

THE WORKING VALUES OF THE YOUTH: THE GENDER SPECIFIC

Явон С.В.

Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти, Самарская область, Россия

Yavon S.V.

Volga Region State University of Service, Togliatti, Samara region, Russia

В статье на основе результатов социологических исследований анализируются ценностные основания жизненного самоопределения юношей и девушек Ульяновской и Самарской областей в трудовой сфере.

Ключевые слова: *молодежь; гендерная специфика; жизненные цели; ближайшие планы; трудовая деятельность; мотивация труда.*

In article on the basis of results of sociological researches the valuable bases of biotic self-determination of young men and girls of the Ulyanovsk and Samara areas in the labor sphere are analyzed.

Keywords: *youth; gender specifics; biotic purposes; the next plans; labor activity; motivation of work.*

Трудовая сфера в большинстве случаев является ведущей в процессе жизненного самоопределения. Вместе с потенциальной возможностью адаптивного и легкого включения в новые рыночные отношения, молодежь отличает: зависимость, неопытность и бесправие. Ситуация многовекторности жизни предполагает, с одной стороны, сеть выборов, с другой – наличие барьеров. Важную роль в процессе жизненного самоопределения играют субъективные факторы; более значимыми стали ценностные ориентации, предпочтения, мотивации, зачастую в решающей степени определяющие личные усилия, которые предпринимает молодой человек для достижения желаемых результатов.

Проследить гендерную специфику ценностных оснований жизненного самоопределения молодежи российского региона в трудовой сфере было одной из задач социологических исследований, проведенных автором статьи «Молодежь в современном обществе» (2002 г.; г. о. Тольятти; N = 1000 человек 14–30 лет) и «Место и роль молодежи в современном обществе» (2009 г.; г. о. Ульяновск, г. о. Тольятти, сельские поселения Приволжского федерального округа (Ульяновской области, Самарской области); N = 3000 человек 14–30 лет). В качестве метода опроса применялось очное анкетирование. Выборка составлена с учетом статистических данных о численности населения, в нее вошли и крупные, и средние, и маленькие районы, а также территориальное расположение относительно областного центра и крупного города в субъекте (соответ-

ственно). Согласно данным российской статистики, уровень жизни населения Ульяновской области существенно ниже, что позволяет сравнивать положение молодежи в разных социально-экономических условиях. Характеристики молодых людей Ульяновской и Самарской областей отражают общие тенденции ситуации, сложившейся в регионе в последние годы.

Молодежь Ульяновской области и Самарской области, принявшая участие в исследовании, определяет главные жизненные приоритеты: «высокий заработок, материальное благополучие» – 55,9%, «дело по душе, интересная работа» – 44,2%, «хорошие отношения в семье» – 35,7% (табл. 1).

Если говорить о гендерной специфике ответов, то у мужчин тройка предпочтений выглядит так: «высокий заработок, материальное благополучие» – 57,2%, «дело по душе, интересная работа» – 42,8%, «хорошие, верные друзья» – 32,7%. Женские приоритеты расставлены следующим образом: «высокий заработок, материальное благополучие» – 54,6%, «дело по душе, интересная работа» – 45,6%, «хорошее отношение в семье» – 41,9%. То есть потребность в гармоничных взаимоотношениях у мужчин направлена в сторону друзей, у женщин – в сторону семьи, что соответствует традиционным гендерным стереотипам.

Для юношей большую приоритетность составили «знакомства, связи, возможность все достать» и «самостоятельность, свобода», а для девушек – «душевное равновесие».

Таблица 1

Жизненные цели молодежи (в % от числа ответивших)

Жизненные цели	По всей выборке	Пол	
		Мужчины	Женщины
Высокий заработок, материал. благополучие	55,9	57,2	54,6
Дело по душе, интересная работа	44,2	42,8	45,6
Хорошие отношения в семье	35,7	29,6	41,9
Хорошие, верные друзья	30,4	32,7	28,1
Удовлетворенность в любви, интимной жизни	19,0	18,9	19,1
Возможность поехать по миру	16,7	14,8	18,7
Душевное равновесие	14,3	10,7	17,9
Свое дело, успех в предпринимательстве	12,6	15,2	9,9
Самостоятельность, свобода	10,8	11,6	9,9
Знакомства, связи, возможность все достать	10,5	13,9	7,0
Возможность проявить себя, свои способности	8,9	8,4	9,3
Профессионализм, мастерство	8,8	8,8	8,7
Нетрудная работа, спокойная жизнь	8,4	8,9	7,9
Уверенность в безопасности	7,6	5,8	6,7
Признание окружающих, слава	5,9	6,1	5,6
Власть, возможность командовать людьми	3,5	5,4	1,5

У тольяттинских молодых мужчин и молодых женщин (табл. 2) за семь лет (2002–2009 гг.) тройка приоритетных целей не изменилась: достаток (незначительное уменьшение и у юношей и у девушек), любимая работа (незначительное увеличение, более у девушек), семейное благополучие (незначительное увеличение, более у девушек). Тольяттинские мужчины меняют приоритеты – от друзей к семье.

Гендерный нюанс проявляется в выбираемых способах достижения успеха: первые две

позиции совпадают – «личные качества, способности», «наличие знаний», а вот третья позиция не столь единодушна – для молодых мужчин это «деньги, материальное положение», для молодых женщин важно «высшее образование». Ориентация девушек на образование, а юношей на высокий заработок подтверждают различия гендерных представлений о способах достижения успеха, с одной стороны, и, с другой, – говорит о меньшей доступности материальных благ/высокооплачиваемой работы без требования выше-

Таблица 2

Жизненные цели молодежи Тольятти (в % от числа ответивших)

Жизненные цели	Исследование 2002 года			Исследование 2009 года		
	По всей выборке	Муж.	Жен.	По всей выборке	Муж.	Жен.
Высок. заработок, мат. благополучие	56,7	57,8	55,6	55,1	55,4	54,7
Дело по душе, интересная работа	41,8	40,6	43,0	43,5	41,5	45,5
Хорошие отношения в семье	36,7	33,6	39,8	39,1	35,1	43,1
Хорошие, верные друзья	35,9	40,6	31,2	30,5	34,1	26,6
Удовлет-ть в любви, интимной жизни	22,2	18,0	26,4	25,2	23,2	27,2
Количество ответивших	1000	500	500	995	504	492

го образования для женской категории молодого населения. Девушки связывают уверенность в завтрашнем дне с раскрытием способностей, личных качеств, получением знаний в процессе обучения в вузе.

Согласно проведенному исследованию среди ближайших планов молодых мужчин свои лидирующие позиции заняли: «основать свое дело» – 21,4%, «продолжить образование» – 16,3%, «работать по специальности в государственных структурах» – 15,8% (табл. 3). У молодых женщин расстановка оказалась несколько иной: на первое место вышло «продолжить образование» – 20,7%, далее – «работать по специальности в государственных структурах» – 17,4% и третье «основать свое дело» – 13%. Удовлетворенность молодежи профессиональным образованием проявляется в большей предпочтительности работать по специальности (более чем в три раза). Получение образования может рассматриваться как своего рода инвестиции в будущую статусную позицию, более характерное для девушек.

Отсутствие различий с точки зрения рациональности в затратах на образование юношей и девушек свидетельствует об отрицании априор-

ной некачественности женской рабочей силы и необходимости выполнять одну роль на протяжении жизненного цикла (роль хозяйки дома). Снижение рождаемости, развитие контрацепции, вовлечение женщин в общественное производство, рост образовательного уровня населения, рост доли неполных семей – все эти тенденции нарушают рациональность гендерной дифференциации вложений в человеческий капитал.

Реализовать полученные знания девушки планируют в трудовой сфере, так как посвятить себя дому, семье желает незначительная часть респондентов – 6,5% (юношей 3%). Домашняя жизнь как традиционная система ценностей в жизни женщины отходит на второй план, уступая место профессиональной сфере. Значительная часть девушек желает рационально направить усилия в более перспективную, с их точки зрения, область самореализации. Все, что связано с внутренним миром домашней жизни, лишено для них перспективы развития. Более того, препятствует их движению вперед и, в конечном счете, выживанию в жестких условиях сегодняшней российской реальности. Завоевывая профессиональную сферу, девушки/женщины нарушают

Таблица 3

Планы на ближайшее будущее (в % от числа ответивших)

Ближайшие цели	По всей выборке	Пол	
		Мужчины	Женщины
Продолжить образование	18,5	16,3	20,7
Основать свое дело	17,2	21,4	13,0
Работать по спец. в государственных структурах	16,6	15,8	17,4
Работать по спец. в коммерческих структурах	10,7	11,4	9,9
У меня другие планы на будущее	9,9	9,9	9,8
Работать не по специальности в коммерч. структурах	6,7	6,7	6,6
Уехать за границу работать или учиться	5,2	4,7	5,7
Посвятить себя дому, семье	4,7	3,0	6,5
У меня еще нет никаких планов на будущее	4,2	4,7	3,7
Работать не по спец. в государственных структурах	2,6	2,2	3,0
Заняться научно-исследовательской работой	2,2	2,3	2,0
Остаться работать в организации, где подрабатываю	1,6	1,6	1,6
Количество ответивших	2998	1518	1480

стереотипные представления о том, что «женщины отстают от мужчин в уровне профессиональной подготовки и квалификации», «мужчины должны получать большее жалование, чем женщины (при аналогичных работах)», «основная роль женщины – быть матерью, женой, вести домашнее хозяйство, а главное в жизни мужчины – это работа»...

Сравнение результатов исследования в г. о. Тольятти за 2002 г. и 2009 г. о планах на ближайшее будущее говорит о снижении числа респондентов, планирующих продолжить образование, и увеличении желающих организовать собственное дело (особенно у мужчин). Данная тенденция является адекватной реакцией на экономический кризис в стране. Увеличилась значимость трудоустройства в государственных структурах по специальности, особенно у мужчин.

Сложившийся в России гендерный порядок определенным образом сказывается на принципах планирования своего будущего юношей в сторону активной позиции и принятия полной ответственности за решения возникающих проблем. Поэтому на передний план выходит организация собственного бизнеса как способа преодоления классической схемы карьерного роста и освоения новых возможностей жизненного успеха, основанного на другом типе культурного капитала (собственных силах, деньгах, власти). Стратегия достижения жизненного успеха женской части опрошенной молодежи базируется на классических, советских представлениях: получение высшего образования и работа в государственных учреждениях.

Мотивация труда является важным показателем направленности воспроизводственных процессов. Лидирующим мотивом у юношей и девушек Самарской и Ульяновской областей является хорошая оплата труда – 81,6% и 84,9%. Возможность профессионального роста находится на

втором месте в ранжированном ряду требований, предъявляемых к работе (48,8% и 51,5%). Роль публичности успеха для юношей подтверждает тот факт, что на третьем месте по значимости стоит не самореализация как, например, у девушек (30,5%), а «престижность» – 25,3%. Т. е. на фоне прагматических ценностей содержание работы является наиболее значимым фактором для девушек. Для юношей значимы внешние атрибуты профессии (статусная/инструментальная функция будущей/настоящей специальности).

Динамика ожиданий тольяттинских юношей и девушек от будущей трудовой деятельности фиксирует уменьшение диссонанса как расхождения относительно престижности работы и самореализации/самоутверждения (таблица 4). Интенсивнее увеличивается значимость престижности для девушек и самореализации для юношей (на фоне сохранения прежней гендерной специфики). В целом, для трудовой мотивации молодежи менее значимыми становятся возможность общения и ощущение независимости, возрастает ориентация на самореализацию/самоутверждение, разрешение бытовых проблем и возможность профессионального роста. Обоснованием первой тенденции является вторжение информационных технологий (интернет) в молодежную среду, второй – доминирование материальной стороны в ценностях юношей и девушек в условиях рыночного механизма хозяйствования, а также активной позиции на рынке труда.

Стирание границ между мужскими и женскими типами поведения отражается также в ответах о способности женщин выполнять типично мужские роли (табл. 5). При этом молодые мужчины неохотно сдают свои позиции в традиционно мужской сфере деятельности – работа. 36,9% опрошенных мужчин считают, что женщины не способны работать столько же, сколько и мужчины. А 46% девушек уверены в обратном. Муж-

Таблица 4

Динамика мотивов трудовой деятельности молодежи Тольятти (в % от числа ответивших)

Мотивы трудовой деятельности	Исследование 2002 года			Исследование 2009 года		
	По всей выборке	Мужчины	Женщины	По всей выборке	Мужчины	Женщины
Хорошая оплата труда	83,9	84,0	83,8	85,4	84,9	86,0
Возможность профессионального роста	48,4	48,8	48,0	52,1	53,1	51,1
Самореализация, самоутверждение	24,6	16,4	32,8	29,5	23,9	35,3
Престижность	22,6	27,8	17,4	24,9	25,4	24,3
Ощущение независимости	22,1	22,8	21,4	16,9	18,7	15,0
Возможность общения	21,8	16,4	27,2	15,2	12,1	18,3
Развитие способностей	18,4	19,2	17,6	17,7	17,7	17,6
Возможность чувствовать себя при деле	13,5	14,2	12,8	13,8	16,5	11,0
Мин. физ. нагрузки, комфор. условия труда	11,8	13,2	10,0	9,4	7,4	11,6
Принести пользу обществу	11,6	11,4	11,8	9,9	10,9	8,9
Полное использование своих знаний	11,5	13,4	9,6	13,5	14,7	12,2
Возможность решения бытовых проблем	4,7	5,8	3,2	8,9	9,5	8,3
Количество ответивших	1000	500	500	996	503	493

ские черты характера, такие как «напористость и настойчивость», по мнению молодых женщин, могут входить в арсенал женского типа поведения: 63,5% против 42,9% мужчин. Более уверены в своей выносливости и возможности выполнять неприятную работу женская часть респондентов: 49,5% (так же могут) и 37,2% (почти так же могут), когда у мужчин лишь 29,6% (так же могут) и

36,5% (почти так же могут). Эмпирические данные свидетельствуют о проявлении конкурентоспособности девушек на рынке труда.

Можно предположить, что юноши/мужчины в потенциале несклонны «позволить» девушкам/женщинам войти в профессиональный мир, заниматься оплачиваемой работой, что подразумевает традиционную семейную экономику, основан-

Таблица 5

Убеждение молодежи относительно некоторых женских способностей (в % от числа ответивших)

Убеждения о способностях	По всей выборке	Пол	
		Мужчины	Женщины
Могут ли женщины работать столько же, сколько мужчины?			
Нет не могут	27,8	36,9	18,3
Почти также могут	36,1	36,5	35,7
Также могут	36,1	26,5	46,0
Могут ли женщины быть такими же настойчивыми и напористыми, как мужчины?			
Нет не могут	12,0	17,4	6,4
Почти также могут	34,9	39,7	30,0
Также могут	53,1	42,9	63,5
Могут ли женщины быть такими же выносливыми, как и мужчины, когда нужно делать неприятную работу?			
Нет не могут	23,7	33,9	13,2
Почти также могут	36,8	36,5	37,2
Также могут	39,4	29,6	49,5

ную на жестких гендерных ролях. Девушки-респонденты имеют более либеральные гендерные убеждения, чем юноши, относительно их гендерного ролевого поведения.

Гендерные воззрения проявляются и в ответах на вопросы о способности мужчин выполнять типично женские роли. Большинство юношей (52,3%) и девушек (49,9%) не отрицают возможность того, что мужчины могут быть столь же чувствительными и также, как женщины, реагировать на нужды других (табл. 6). Высока доля молодых мужчин (46,1%) и молодых женщин (47,6%), убежденных, что мужчины также, как и женщины, могут выражать любовные эмоции. Аналогичного единодушия не наблюдается в оценке способности мужчин заботиться о детях. Юноши проявляют бóльшую готовность сказать, что мужчины также могут (42,5%) или почти также (44,7%) заботиться о детях, как и женщины. Девушки менее уверены в данной способности мужчин (соответственно: 31,7% и 51,2%). В целом молодые женщины проявляют меньшую готовность сказать, что у мужчин почти также, как у женщин, развиты все три вида способностей.

Что же касается молодых мужчин, то они отмечают, что в равной мере способны делать то же, что и женщины. Этот результат позволяет предположить, что мужчины в потенциале склонны войти в мир заботы о ребенке.

Анализируя динамику убеждений молодежи относительно некоторых женских и мужских способностей (г. о. Тольятти; 2002 г., 2009 г.), можно говорить о том, что женщины все увереннее входят в трудовую сферу наравне с мужчинами (при этом больше доверяют мужчинам заботу о детях и надеются на их отзывчивость). И мужчины выражают согласие с этим, констатируя у женщин необходимые для этого качества.

Таким образом, готовность поменяться гендерными ролями как у молодых людей, так и девушек высока. Изменения традиционного патриархального уклада в сознании молодежи в первую очередь влияет на размывание границ между женскими и мужскими ролями. Хотя способность признать подобную готовность за противоположным полом еще не созрела до конца, поэтому формально соблюдаются все традиционные практики патриархального гендерного порядка.

Таблица 6

Убеждения молодежи относительно некоторых мужских способностей (в % от числа ответивших)

Убеждения о способностях	По всей вы- борке	Пол	
		Мужчины	Женщины
Способны ли большинство мужчин также, как и женщины, заботиться о детях?			
Нет не могут	14,9	12,8	17,1
Почти также могут	47,9	44,7	51,2
Также могут	37,2	42,5	31,7
Способны ли большинство мужчин быть такими же, как и женщины, чувствительными и отзывчивыми к нуждам других?			
Нет не могут	15,8	13,2	18,5
Почти также могут	51,1	52,3	49,9
Также могут	33,0	34,5	31,5
Способны ли большинство мужчин также, как и женщины, проявлять эмоции в любви?			
Нет не могут	12,2	12,4	11,9
Почти также могут	40,9	41,4	40,5
Также могут	46,9	46,1	47,6

Итак, специфика предпочтений молодых мужчин и молодых женщин формируется путем конструирования и проектирования социальной реальности, исходя из гендерной идентификации и полоролевой социализации в процессе жизненного самоопределения. Делая основной акцент на собственном материальном благополучии, основной ценностью становится высокооплачиваемая, престижная, интересная работа. Для юношей/мужчин характерны: мобильность,

активная жизненная позиция, преобладающее значение высокой зарплаты и быстрого трудоустройства, поддержки друзей. Жизненное самоопределение девушек/женщин базируется на традиционных представлениях достижения успеха через получение высшего образования, работу в государственных структурах по специальности. Девушки/женщины вторгаются в сферу деловой активности быстрее и охотнее, чем молодые люди/мужчины в область домашнего хозяйства.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ: ВЗГЛЯД НА ИМПЛИЦИТНУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ

SOCIAL INNOVATIONS IN MANAGEMENT: A LOOK AT THE IMPLICIT COMPONENT

Ильиных С.А., Михайлова Е.В.

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Россия*

Ilyin S.A., Mihailova E.V.

*Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia*

В статье рассматриваются социально-экономический, деятельностный, гуманистический подходы к социальным инновациям. Показывается, что гуманистический подход сосредоточен на учете гендерной составляющей социальной инновации. В статье обосновывается важность создания условий для реализации социальной и индивидуальной субъектности каждого человека. Приводятся примеры учета гендерной составляющей социальных инноваций в управлении, которые иллюстрируются эмпирическими данными.

Ключевые слова: социальная инновация; гендер; стереотипы; управление.

The article deals with the socio-economic, activity and humanistic approaches to social innovation. It shows that the humanistic approach focuses on the integration of a gender component of social innovation. The article explains the importance of creating special conditions for the realization of

social and individual subjectivity of each person. There are examples of gender component in the management of social innovations which are illustrated by empirical data.

Keywords: *social innovation, gender, stereotypes, management.*

В настоящее время существует множество подходов к феномену инновации. Это определяется тем или иным методологическим подходом, на который опирается исследователь. Так, если в основу положить *социально-экономический подход*, то инновация предстает как внедрённое новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком. Во главе угла – эффективность, востребованность рынком. Здесь основными свойствами инновации являются:

- научно-техническая новизна;
- практическая воплощенность (промышленная применимость), т.е. использование, например, в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании или других областях деятельности;
- коммерческая реализуемость, которая означает, что новшество «воспринято» рынком, что, в свою очередь, означает способность удовлетворить определенные запросы потребителей [1, с.26].

Когда в качестве базового используется *деятельностный подход*, то понятие «инновация» дополняется новым смыслом. К примеру, инновация может быть рассмотрена как особая сфера теории и практики, система действий социального субъекта, направленная на совершенствование качеств социокультурного объекта и позволяющая агенту приобрести в качестве вознаграждения желаемые ресурсы и положительную репутацию в глазах референтных аудиторий релевантного социального пространства.

Частные варианты данного взгляда сосредоточены на описании инновации как инструмента деятельности предпринимателей, при помощи которого последние используют изменения как благоприятную возможность для осуществления своих замыслов в сфере бизнеса.

Показательно, что деятельностный подход позволяет увидеть в инновации одновременно и специфический логико-рациональный компонент поведения субъектов инновации, и изменения качеств менталитета, когнитивных способностей индивида. Логико-рациональный компонент поведения субъектов инновации затрагивает познание содержания восприятий и разнообразных концепций.

Если же исходить из *гуманистического подхода*, представленного в рамках психологии и социологии, то инновации начинают обретать социальный оттенок. Иными словами, инновации становятся социальными.

Хотя существует немало определений к социальным инновациям, нам хотелось бы раскрыть в исследуемом феномене некоторые важные имплицитные аспекты. Говоря в общем о социальных инновациях, стоит сказать, что в фокусе внимания находится процесс обновления сфер жизни человека в реорганизации социума. Это обновление может осуществляться за счет новых стратегий, концепций, идей и организаций, которые удовлетворяют любые социальные потребности. Социальные инновации помогают в решении существующих социальных, культурных, экономических задач таким образом, чтобы эти решения приносили пользу как человеку, так и обществу, а вместе с этим и человечеству. В свя-

зи с этим и возникает необходимость раскрыть имплицитную сторону социальных инноваций. С нашей точки зрения, она сосредоточена на гендерной составляющей.

Необходимость изучения гендерной проблематики в социальных инновациях обусловлена ее важностью в научном, социальном и индивидуальном аспектах. Каждый индивид постоянно включается в сеть социальных отношений, которые имеют гендерную специфику. Ее особенностью является укорененность на макросоциальном и микросоциальном уровнях. На макросоциальном уровне гендер иерархически организует социальную систему и, как указывают Е.А.Здравомыслова и А.А.Темкина, выступает одним из базовых измерений социальной структуры общества, наряду с классовой принадлежностью, возрастом [2]. Гендер, включаясь все социальные институты и приобретая следствие этого постоянство, представляет собой одну из форм социального неравенства, а именно форму неравенства возможностей мужчин и женщин представителей гендерных групп во всех сферах жизнедеятельности. Исходя из такого социально-конструктивистского подхода к интерпретации гендера, появляется возможность анализа доминирования одной гендерной группы над другой, а также выявления последствий, спровоцированных реализацией гендера на практике.

На микросоциальном уровне гендер выступает как ограничитель субъектности личности в индивидуальном и социальном планах. Субъектность мы рассматриваем как свойство личности, которое позволяет ей реализовать свой внутренний потенциал, участвовать в тех сферах и видах деятельности, которые представляют для нее интерес, исполнять те социальные роли, которые удовлетворяют ее актуальные потребности. Однако именно гендер и все виды его проявления выступают как стратификационный барьер для

человека в реализации субъектности. Личность не может полноценно производить изменения в себе, в мире, реализовать свои профессиональные и иные виды способностей. При этом вряд ли кто-то связывает трудности своей личностной реализации с проявлениями гендера. И в этом кроется одна из серьезных проблем, обусловленных влиянием гендера на индивидов (см. [4]).

В картине мира оказываются укорененными гендерные представления и гендерные стереотипы. Гендерные представления создаются коллективно в процессе межличностной коммуникации и существуют, как отмечает И.С. Клецина, как способ группового осмысления сущности социальных ролей мужчин и женщин в обществе в конкретный исторический период [6]. Вследствие процесса постоянной межличностной коммуникации осуществляется непрерывное воспроизводство гендера и гендерных проявлений (см. [3]).

Гендерные стереотипы представляют собой устойчивые представления о характере социальных взаимных отношений между полами, о нормах, принципах, которые различаются в зависимости от пола, и распространяются на всю область социальных отношений, общественного сознания. Гендерные стереотипы являются разновидностью социальных стереотипов, под которыми понимается стандартизированные, устойчивые, эмоционально насыщенные, ценностно определенные образы. Гендерный стереотип действует как схема, благодаря которой происходит управление многими процессами: информацией, правилами, нормами, образцами социально-одобряемого и социально-допустимого поведения для мужчины и женщины. В результате создается специфический «план» женского и мужского поведения, который в силу своей схематизированности заменяет понимание многих процессов и

ограничивает зону социально одобряемого действия для мужчин и женщин.

Возвращаясь к имплицитному аспекту социальных инноваций, следует указать на существенную важность учета гендерной составляющей. Как мы показали, гендер на микросоциальном уровне ограничивает реализацию индивидуальной и социальной субъектности. Особенно это касается женщин. Проблема, как уже указывалось, состоит еще и в том, что эти ограничения оказываются «естественно включенными» в гендерные стереотипы и гендерные представления. Возможность ухода от гендерных ограничений и в некотором роде выхода за рамки гендерных стереотипов и гендерных представлений заложена в реализации социальной инновации в ее гендерном аспекте.

В чем может проявляться учет гендерной составляющей? К примеру, в возможности участия персонала – мужчин и женщин в процессе принятия важных для организации решений. Само по себе участие персонала в обсуждении важных и порой существенных проблем в организации являет собой пример социальной инновации, касающейся управления. А акцент на принятии в этом процессе мужчин и женщин – это учет гендерной составляющей социальной инновации.

Подтверждают наши выводы о необходимости привлечения мужчин и женщин к управлению в самых разных формах данные социологического исследования, проведенного в 2009 году в Новосибирске (выборочная совокупность составила 1534 респондента, метод опроса – анкетирование, выборка – двухступенчатая) [5]. Так, около трети респондентов положительно высказались о том, что участие в управлении организацией приносит им удовлетворение.

Стоит сказать, что привлечение персонала к управлению вскрывает еще один аспект – возможность руководства поощрить наиболее инте-

ресные предложения, а также их создателей. Мы находим подтверждение этому также и в указанном выше исследовании. На вопрос о способах мотивирования и поощрения работников в организации, 39,7% мужчин и 33,2% женщин указали на такой способ, как вынесение благодарности от руководства. В данном случае важен собственно социальный аспект: мужчины и женщины не формально принимают участие в управлении, высказывают свои мнения, обосновывают их, но и получают возможность быть увиденными и услышанными непосредственно руководителем. А соответственно, получить еще один бонус в виде благодарности. Организация тоже оказывается с социальными бонусами в виде дополнительной мотивированности персонала.

Важно, что в данном случае создается возможность реализации индивидуальной и социальной субъектности мужчин и женщин. Любой топ-менеджер так или иначе должен учитывать этот момент. Показательными в этом отношении являются результаты того же исследования. На вопрос о том, влияет ли организация на возможности раскрыть внутренний потенциал, 49,5% мужчин указали на полную возможность развивать свой потенциал, а 44,2% женщин – на частичную возможность. Как видим, у женщин не всегда имеются возможности для реализации их субъектности. Следовательно, важно использовать любые возможности, чтобы максимально создать условия для самореализации. И привлечение персонала к управлению – одна из таковых.

Как еще можно использовать персонал, создавая возможности для реализации их индивидуальной и социальной субъектности и уходя от гендерных проблем? С нашей точки зрения, привлекая ко всем управленческим аспектам, связанным с формированием корпоративной культуры. Сюда можно отнести и участие в формировании кодекса корпоративного поведения, клиентоцен-

трированной концепции, новых традиций, ритуалов, норм, философии, миссии и т.д.

Подведем итоги. Социальные инновации, открытые однажды Мухаммадом Юнусом, получают все большее распространение. При этом важно, чтобы в процессе внедрения той или иной

инновации каждый человек имел возможность полноценной реализации индивидуальной и социальной субъектности. Учет гендерной составляющей, пожалуй самой имплицитной из всех, как раз и позволяет получить максимальный эффект от внедрения социальных инноваций в управлении.

Литература

1. Балабанов В.С., Дудин М.Н., Лясников Н.В. Инновационный менеджмент. – М.: Российская Академия предпринимательства; АП «Наука и образование», 2008. – 256 с.
2. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Рос. лет. шк. по жен. и генд. исс. «Валдай – 96». – М., 1997. – С. 84-89.
3. Ильиных С.А. Образы мужчин и женщин в зеркале гендерных представлений // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008.- № 14. – С.120-125.
4. Ильиных С.А. Влияние гендера на картину мира: опыт социологического исследования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2009. – №28. – С.66-86.
5. Ильиных С.А. Гендерные стереотипы и гендерные представления в организационной культуре: на примере организаций малого бизнеса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 10. – С.332-338.
6. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004. – 408 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

PSYCHOLOGICAL OVERCOMING THE INEQUITIES IN SOCIAL INTERACTION

Печерский А.В., Печерский В.Г., Беляков А.Е.

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

Pechersky A.V., Pecherski V.G., Beljakov A.E.

*Saratov state University named N.G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia*

В статье рассмотрены сущностные характеристики несправедливости в организационной культуре, определено влияние разных по модальности отношений в организации, оцениваемых как несправедливые, на характер межличностного взаимодействия субъекта, способы психологической защиты и психологического преодоления фрустрации и стресса. Эти характеристики субъектов организации должны быть предметом психологического осмысления консультанта и клиента, областью аналитической, психокоррекционной и психотерапевтической работы.

Ключевые слова: организационная культура, несправедливость, фрустрация, модусы поведения, психологическая защита, психологическое преодоление, консультативная практика.

The article considers the essential characteristics of injustice in the organizational culture, to determine the influence of different modalities of relations in the organization designated as unfair; the character of interpersonal relations of the subject, methods of psychological protection and psychological overcome the frustration and stress. These characteristics of the subjects of the organization should be the subject of psychological understanding of the consultant and the client, the analytical, psychological correction and psychotherapeutic work.

Keywords: organizational culture, injustice, frustration, modes of behavior, psychological protection, psychological overcoming, the Advisory practice.

Введение

Одной из наиболее частых проблем, с которыми приходится сталкиваться в настоящее время практикующему психологу, является проблема несправедливости, возникающей в межличностных отношениях персонала организаций. Это связано с тем, что во времена больших социально-экономических преобразований, которые затрагивают личность, прежде всего, на организационном, профессионально-деятельностном и профессионально-бытийном уровнях, всегда возникают стремления анализировать происходящие перемены, сравнивать их результаты с событиями прошлых доперестроечных времён, прогнозировать своё будущее. Одним из основных критериев анализа, оценки социальных, экономических и, как следствие, организационных изменений является критерий «справедливость - несправедливость», который, по сути, определя-

ет гуманитарный потенциал всех общественных инноваций.

Несомненно, что именно несправедливость формирующих отношений является наиболее стрессогенным, психотравмирующим фактором, обуславливающим возникновение различных рода конфликтов в организации и личностных деструкций. Чтобы решить эту проблему, консультант должен разобраться в ситуации, понять суть и глубинные причины проблемы, для чего необходимо изучить, исследовать её генезисные факторы. Таким образом, анализу подвергается процесс жизнедеятельности организации, и консультанту необходимо на основе анализа ситуации создать условия для решения этой проблемы конкретными людьми в организации, находящимися на разных уровнях управленческой иерархии. Для того чтобы представители организации могли решить проблему несправедливости организационных отношений, они должны узнать

её объективные и субъективные модальности, научиться включать эти модальности в арсенал управленческих средств или межличностных интеракций. Таким образом, единство изучения, решения и обучения выступает одним из основополагающих методологических принципов работы консультанта, ориентирующегося на работу с субъектами организационного развития, организационных трансформаций.

Исследуя проблему организационной несправедливости, практикующий психолог должен учитывать два основных аспекта проблемы: во-первых, определить отношение к самому феномену «несправедливость» как субстанции нашего бытия и нашего сознания, т.е. понять её объективные и субъективные характеристики; во-вторых, быть ориентированным на специфичность профессиональной деятельности и связанные с этим фактором особенности организационной культуры.

Рассматривая первый аспект проблемы, мы, путём интеграции и уточнения различных подходов к определению организационной несправедливости (Е.А. Алексеева, 1992, Д. Ролз, 1995, С.А. Иванова, 2005) пришли к следующему пониманию данного социально-психологического феномена: несправедливость в организационной культуре есть фактически сложившиеся и воспринимаемые групповым и индивидуальным сознанием диспропорции в оценке личностных и профессиональных качеств в системе «Я – Другой», в оценке профессиональной деятельности персонифицированных членов группы, в системе распределения, перераспределения жизненных благ и ресурсов, в условиях карьерного роста, в построении межличностных отношений.

Несправедливость является исходно естественным свойством жизненных отношений людей, включая их экономические, социальные, властно-политические модификации. Подобная

естественность детерминирована двумя группами условий и факторов. Во-первых, объективным неравенством жизненных ресурсов конкретных людей, субъектов различных отношений (коммуникаций). Во-вторых, неравенством распределения воспроизводимого потенциала (капитала, власти, статуса и так далее) и отсутствием оптимальных механизмов их вторичного перераспределения по справедливости [1].

Необходимо акцентировать внимание на ещё одном очень важном свойстве несправедливости: как феномен социальной реальности и субъективной интерпретации событий социальная несправедливость не является зеркальным отражением, прямой противоположностью социальной справедливости. По мнению Д. Ролза событие справедливости и несправедливости представляет собой «неравновесное» диалектическое единство, как противоположностей, так и уникальных состояний асимметричного свойства, определяемых различными типами общественных отношений и, прежде всего, экономических, по сути, имеющих объективный характер. Можно анализировать несправедливые поступки конкретных людей, но важнее видеть за этими персоналиями, за этими несправедливыми поступками их детерминированность экономическими отношениями, отношениями власти, отношениями собственности [3]. Данные размышления приводят нас к пониманию того, что природа социальной несправедливости объективна, тогда как природа социальной справедливости субъективна.

В силу различия исходных физических, физиологических, психических, интеллектуальных, волевых ресурсов конкретных людей, неравнозначности их стартовых исторических, географических, экономических, социокультурных и иных условий последующего бытия в реальном жизненном мире доминируют феномены несправедливости, которые в мире публичных отноше-

ний приобретают статус социальных несправедливостей [2].

Таким образом, несправедливость – постоянный спутник возникающих в процессе жизнедеятельности социальных отношений. Проявляется она в самых разных контекстах межличностных, групповых, организационных, этнических и др. отношений. Важно подчеркнуть, что реалии социальной несправедливости как феномены бытия детерминируют дальнейшее профессиональное и личностное развитие субъекта, которое может приобретать черты деструктивности. Естественно, что это субъективные напряженности, деструктивности сознания и личности в целом. Но их значение в событиях людей, социальных групп, в том числе организаций очень велико.

Определяя подходы к анализу феноменов несправедливости в организационных, в том числе межличностных отношениях, мы исходили из тезиса о том, что генезис межличностной несправедливости в жизнедеятельности организации предопределяется, прежде всего, содержанием и особенностями публичных отношений людей. Неравнозначность, неравноценность, неэквивалентность публичных отношений людей в различных сферах деятельности как мера справедливости и несправедливости предопределяет доминанту типологии этих отношений.

Исходя из данного понимания генезиса организационной несправедливости мы определили одной из задач консультативной практики выявление влияния разных по модальности отношений в организации, оцениваемых как несправедливые, на характер межличностного взаимодействия субъекта, способы психологической защиты и психологического преодоления фрустрации и стресса. Предметом психологического осмысления являлись не столько типичные феномены социальной несправедливости в организационной культуре, сколько формируемые под их

влиянием личностные аксиологические интерпретации, мотивационные предпочтения, социальные установки, отношения, характеризующие особенности межличностного взаимодействия в организации, способы психологической защиты и психологического преодоления. Эти характеристики субъектов организации, на наш взгляд, должны быть предметом отношений консультанта и клиента, предметом аналитической, психокоррекционной и психотерапевтической работы.

В данной публикации мы приведём опыт психодиагностической работы как первого этапа консультативной практики в специфической организационной культуре: культуре общеобразовательных учреждений.

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей межличностного взаимодействия персонала общеобразовательного учреждения, способов психологической защиты и психологического преодоления тревоги и стресса в условиях несправедливых организационных отношений.

Материал и методы исследования

В исследовании участвовали педагогические работники трёх общеобразовательных школ г. Саратова в количестве 96 чел. С помощью достаточно простого методического инструментария нами были сформированы две группы учителей: группа 1 – учителя, оценивающие организационные отношения как несправедливые; группа 2 – учителя, оценивающие организационные отношения как справедливые (44 и 52 чел. соответственно).

Исследование личностных характеристик субъектов организационных отношений, воспринимающих эти отношения как несправедливые, проводилось с использованием следующего диагностического инструментария: опросник Басса-Перри, с помощью которого выявлялись

интегральные характеристики агрессивности респондентов; методики «Уровень социальной эмпатии», «Диагностика личностной установки «альтруизм – эгоизм»» (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.); опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (модификация Е.С. Романовой, Л.Р. Гребенникова); методика Р. Лазаруса и С. Фолкман (Ways of Coping Questionnaire; (модификация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой). Для оценки статистической достоверности результатов использовался непараметрический статистический критерий Манна-Уитни. В качестве индикаторов эмоциональных характеристик межличностного взаимодействия субъектов организации нами были взяты показатели агрессивности и эмпатийности. В качестве индикаторов поведенческих особенностей субъекта в ситуации несправедливых организационных отношений мы использовали показатели альтруистических и эгоистических тенденций в его поведении.

Результаты исследования

Опросник Басса-Перри предназначался для изучения интегрального показателя агрессивности, поскольку мы считали этот показатель достаточным для решения задач нашего исследования. В связи с этим, мы воспользовались только одной шкалой методики. Результаты исследования в виде средних показателей отражены на рис.1. Статистический анализ полученных данных позволяет сделать вывод о достоверно более высоких интегральных показателях агрессивности в группе испытуемых №1 ($57,6 \pm 1,2$; $48,9 \pm 0,9$; $U=6859,5$; $p<0,000$) (табл. 1).

Изучение эмоционального компонента межличностных отношений респондентов двух групп проводилось нами также с помощью методики «Уровень социальной эмпатии». Результаты выполнения методики отражены в табл.2.

Таблица 1
Средние арифметические и их ошибки ($M \pm m$) показателей свойств личности (методика Басса-Перри)

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность (U, p)
	Группа 1	Группа 2	
Интегральная шкала агрессивности	$57,6 \pm 1,2$	$48,9 \pm 0,9$	$6859,5$; $p<0,001$

Таблица 2
Показатели выраженности эмпатийных тенденций у респондентов двух групп

Группы респондентов	Уровни эмпатийных тенденций (%)		
	высокий	средний	низкий
Группа 1	18,2	54,5	27,3
Группа 2	21,1	46,1	32,8

Статистический анализ полученных данных, вопреки нашим предположениям, не выявил значимых различий уровневых характеристик эмпатии у респондентов исследуемых групп. Это позволяет нам сделать вывод о том, что отношения несправедливости в культуре организации не влияют на уровневые характеристики эмпатийности субъектов этих отношений.

Исследование поведенческого компонента межличностных отношений респондентов двух групп проводилось нами с помощью методики «Диагностика личностной установки «альтруизм – эгоизм»» (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.). Результаты выполнения методики приведены в табл. 3.

Статистический анализ результатов выполнения методики позволяет выявить достоверные различия ($p=0,01$) в проявлениях альтруистических тенденций в выборах респондентов исследуемых группы. Эти различия заключаются в более высоких уровневых характеристиках аль-

труизма у респондентов второй группы, и более высоких значениях эгоистических тенденций у респондентов первой группы.

Таблица 3

Показатели выраженности альтруистических (эгоистических) тенденций в поведении респондентов

Группы	Социально-психологическая установка	Уровни выраженности тенденций (%)			Средний балл
		высокий	средний	низкий	
Группа 1	альтруизм	-	11,4	29,5	6,9
	эгоизм	11,4	9,1	38,6	
Группа 2	альтруизм	-	17,3	36,5	11,8*
	эгоизм	7,6	15,4	23,2	

Проведённое изучение влияния несправедливости на личность субъектов организационных отношений выявляет особенности их межличностного взаимодействия, связанные с ростом эмоционального напряжения, агрессивности и эгоистических тенденций в поведении.

Рассматривая выявленные особенности межличностного взаимодействия субъекта в ситуации несправедливости как часть единого психологического процесса, связанного с оценкой существующей несправедливости и реакцией на неё, мы провели исследование следующей стадии процесса, стадии психологической защиты от повреждающего воздействия несправедливости или психологического преодоления связанных с несправедливостью тревоги, фрустрации и стресса. Проведение методики Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» и анализ полученных данных позволили нам определить наиболее часто используемые психологические защиты респондентами в ситуациях организационной несправедливости (табл. 4).

Статистический анализ полученных данных выявляет достоверные различия по шкалам «ком-

пенсация», «проекция», «замещение» ($p=0,01$). Выявленные различия позволяют сделать вывод о том, что у учителей общеобразовательных учреждений в фрустрирующих ситуациях организационной несправедливости повышается значимость проективных и замещающих механизмов психологической защиты, обеспечивающих снятие эмоционального напряжения, тревоги и предотвращение стресса.

Таблица 4

Результаты средних значений индекса напряженности по методике Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (%)

Механизмы психологической защиты	Группа №1	Группа №2
	%	%
Отрицание	9,1	9,6
Вытеснение	4,5	5,7
Регрессия	20,4	23,1
Компенсация	63,6	80,7
Проекция	65,9	46,1
Замещение	36,4	23,1
Интеллектуализация	47,7	51,9
Реактивные образования	25,0	19,2

Механизмы сознательного преодоления эмоционального напряжения, фрустрации и стресса, обусловленных воздействием несправедливых организационных отношений, изучались нами с помощью методики Р. Лазаруса и С. Фолкман (Ways of Coping Questionnaire; Folkman & Lazarus, (WCQ) (модификация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык, М.С. Замышляевой). Методика позволяет выявить наиболее привычные для субъекта стратегии психологического преодоления эмоционального напряжения и тревоги. Результаты исследования стратегий преодоления у респондентов двух групп представлены в табл.5.

Таблица 5

**Результаты исследования способов совладания по методике Р. Лазаруса и С. Фолкман
(Ways of Coping Questionnaire (WCQ) (балл))**

№/копинг	К	Д	С	ПСП	ПО	Б-И	ПРП	ПП
Группа 1	13,6	9,8	10,9	15,8	1 0,1	4,3	10,4	6,2
Группа 2	10,4	11,9	13,2	12,6	11,3	6,1	10,9	7,1

Статистический анализ полученных данных позволяет говорить о значимых различиях в способах преодоления тревоги и стресса у респондентов исследуемых групп по показателям конфронтационной стратегии, стратегиям самоконтроля, поиска социальной поддержки и избегания.

Вывод

Учителя общеобразовательных учреждений в ситуациях организационной несправедливости отдают предпочтение конфронтационных стратегиям преодоления тревоги, при этом активно взаимодействуют с ближайшим социальным окружением, стремясь получить поддержку. Не

склонны избегать возникших проблем. Снижение значимости механизмов самоконтроля и саморегуляции может свидетельствовать о некотором снижении конструктивности преодолевающего поведения.

Исследование особенностей межличностного взаимодействия персонала общеобразовательного учреждения, способы психологической защиты и психологического преодоления тревоги и стресса в условиях несправедливых организационных отношений выявляет те модусы поведения субъектов, которые должны стать предметом развивающих и психокоррекционных программ, предметом организационных и управленческих решений.

Литература

1. Алексеева Е. А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Ролза. – М., 1992.
2. Иванова С. А. Принцип социальной справедливости в гражданском праве России. – М., 2005.
3. Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.

БИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ РАЗВИТИЯ ДЕВИАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ

BIO-PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF THE DEVELOPMENT OF DEVIANT PERSONALITY

Краснощеков А.С., Зайченко А.А., Печерский А.В.,
Печерский В.Г., Беляков А.Е.

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

Krasnoshchekov A.S., Zajchenko A.A., Pecherskij A.V.,
Pecherski V.G., Beljakov A.E.

*Saratov state University named N.G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia*

В статье приводятся результаты исследования взаимосвязи био-психологических и социально-психологических факторов в генезисе девиантного, в том числе делинквентного поведения. Выявленные взаимосвязи рассматриваются в качестве предикторов девиантного поведения личности.

Ключевые слова: *делинквентное поведение, социально-психологические предикторы, биопсихологические предикторы, прогноз, профилактика.*

The article presents the results of investigation of the interrelation between bio-psychological and socio-psychological factors in the Genesis of deviant, including delinquent behavior. The established interrelations are considered as predictors of deviant behavior of the individual.

Keywords: *delinquent behavior, prognosis, prevention, bio-psychological and socio-psychological predictors.*

Введение

На протяжении большей части XX века в мировом психологическом сообществе сохранялось скептическое отношение к возможности существования связей психики и поведения с биологическими факторами. Лишь сравнительно недавно сформировалась биологическая психология – область психологии, использующая измерения психических (поведенческих) и биологических переменных с целью выявления их связей [1].

В центре внимания вновь оказались вопросы: какие особенности психики и какие элементы поведения связаны с физическими признаками и, если такие связи существуют, то с какими именно признаками и насколько тесные.

Начиная с последней четверти (и особенно – с последнего десятилетия) XX века отмечается возрождение интереса к биологическим объяснениям делинквентного поведения [2]. Начало исследованиям отношений между телосложением

и делинквентным поведением положил один из основоположников конституциональной психологии (и автор этого термина) Уильям Герберт Шелдон. Он отмечал, что юноши-правонарушители отличаются развитием мезоморфного компонента выше среднего [3].

Основоположником научных исследований связей дерматоглифических, психических и поведенческих особенностей можно считать английского специалиста по дерматоглифике Ноэля Джекуина (Noel Jaquin), который обнаружил высокую встречаемость завитков у осужденных с деформациями в нравственной сфере [4]. Проблемам связей дерматоглифической конституции с частными нейродинамической и психодинамической конституциями при делинквентном поведении посвящены работы белорусского антрополога Л.И. Тегако[5] и нейрофизиолога Н.Н. Богданова, который, в частности, выявил у серийных убийц редкий тип ассиметрии в распределении узоров различной сложности с преимущественным расположением узоров большей сложности на пальцах правой руки [6].

Активные исследования в области биологических объяснений делинквентного поведения привели в начале XXI века к становлению биологической криминологии, развитие которой в настоящее время продолжается и, кажется, ускоряется [7].

Комплексные исследования связей показателей частных конституций – психодинамической (темперамент, личность), соматической (телосложение), дерматоглифической (пальцевые узоры) – лиц с психическими и поведенческими расстройствами и делинквентным поведением не проводились. Представляется, что выделение личностных и биометрических маркеров психических и поведенческих расстройств, делинквентного поведения может обеспечить возможность раннего выявления групп риска, их

мониторингом и фокусированием в них донозологических экспресс-диагностических, и профилактических программ.

Это и обусловило **цель нашего исследования**, которая заключается в выявлении взаимосвязей биопсихологических и социально-психологических факторов в генезисе девиантной личности.

Объектом исследования явились социально-психологические, индивидуально-личностные и биометрические факторы, системное соотношение которых обуславливает риск возникновения делинквентного поведения у лиц мужского пола.

В исследовании приняли участие 200 мужчин $28,46 \pm 0,70$ лет, осужденные за насильственные преступления (исследуемая группа) и 200 мужчин $27,08 \pm 0,37$ лет, не привлекавшихся ранее к уголовной ответственности (контрольная группа).

Методы исследования. Исследование проведено с использованием комплекса методов, обеспечивающих выявление факторов риска возникновения девиаций в поведении социальной модальности:

- 1) изучение личных дел осужденных;
- 2) комплекс методов для выявления факторов риска возникновения девиаций в поведении интрапсихического, в том числе биопсихологического уровней:
 - а) личностные опросники (пятифакторный личностный опросник «Big 5», опросники Басса–Перри, Шмишека, методика «УСЦД» Е.Б. Фанталовой;
 - б) биометрические и дерматоглифические методы.

Статистическая обработка данных, проведенная с помощью стандартного пакета прикладных программ «Statistica-8.0», включала корреляционный, дисперсионный и дискриминантный анализы.

Результаты исследования. На первом этапе нашего исследования с помощью однофакторного дисперсионного анализа нами выявлялись взаимосвязи между различными факторами социальной ситуации развития в генезисе делинквентного поведения. Выявлено, что возможность проявления преступного поведения в максимальной степени зависит от факторов «приводы в милицию» ($30,3 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$) и «возраст начала употребления алкоголя» ($22,0 \pm 0,6\%$; $p < 0,000$). Значительное влияние оказывает фактор «служба в армии» ($20,4 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$). В значительной степени делинквентное поведение зависело от полноты семьи испытуемых ($12,5 \pm 0,4\%$; $p < 0,000$), при этом в меньшей степени от факта развода родителей ($2,1 \pm 0,2\%$; $p < 0,003$). Также влияние оказывают факторы «нереализованность потребностей» ($8,0 \pm 0,5\%$; $p < 0,000$), алкоголизм родителей ($6,3 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), «подвержение побоям в детстве» ($3,8 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), «конфликты в семье» ($2,8 \pm 0,2\%$; $p < 0,001$). Высоко влияние уровня образования, причем как самих делинквентов ($19,8 \pm 0,4\%$; $p < 0,000$), так и их матери ($10,5 \pm 0,5\%$; $p < 0,000$) и отца ($13,6 \pm 0,6\%$; $p < 0,000$). Выявляется зависимость возникновения делинквентного поведения от факторов «притеснения со стороны одноклассников» ($8,7 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), «успеваемость в школе» ($6,7 \pm 0,5\%$; $p < 0,000$), «повторное обучение в одном классе» ($6,5 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), «конфликты с учителями» ($6,1 \pm 0,2\%$;

$p < 0,000$), «прогулы уроков» ($5,6 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$). Возможность проявления делинквентного поведения в большей степени зависит от наличия и количества детей ($11,1 \pm 0,7\%$; $p < 0,000$), чем от семейного положения ($6,5 \pm 0,7\%$; $p < 0,000$).

На втором этапе исследования с помощью указанных выше психодиагностических методик выявлялись корреляционные связи между факторами интрапсихического уровня в генезисе делинквентного поведения. Статистический анализ эмпирических данных, полученных с помощью методики Big-5, выявляет достоверные различия в степени выраженности свойств личности испытуемых двух групп. В частности, в группе осужденных отмечается достоверно более высокая выраженность факторов «открытость опыту» и «нейротизм», тогда как показатели «экстраверсии», «уживчивости и сознательности» имеют достоверно меньшую степень выраженности, чем в контрольной группе.

Анализ результатов выполнения испытуемыми методики Басса-Перри позволяет сделать вывод о том, что у осужденных проявления агрессии более выражены, чем у исследуемых контрольной группы (табл. 2). При этом наиболее существенные различия наблюдаются в когнитивном компоненте агрессии: у осужденных более «враждебное» восприятие социального окружения, конкретной ситуации взаимодействия.

Таблица 1

Различия в показателях выраженности свойств личности у осужденных за насильственные преступления и исследуемых контрольной группы («Big 5»)

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность различий (U, p)
	Осужденные	Контрольная группа	
Нейротизм (N)	$18,7 \pm 0,6$	$12,9 \pm 0,5$	$8181,0$; $p < 0,000$
Экстраверсия (E)	$27,0 \pm 0,8$	$31,5 \pm 0,5$	$9759,0$; $p < 0,000$
Открытость опыту (O)	$26,4 \pm 0,6$	$23,8 \pm 0,4$	$12088,5$; $p < 0,000$
Уживчивость (A)	$28,2 \pm 0,9$	$29,8 \pm 0,5$	$13899,0$; $p < 0,05$
Сознательность (C)	$34,1 \pm 1,1$	$36,4 \pm 0,4$	$14097,0$; $p < 0,05$

Таблица 2

Различия в показателях выраженности свойств личности у осужденных за насильственные преступления и исследуемых контрольной группы (Басса-Перри)

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность различий (U, p)
	Осужденные	Контрольная группа	
Физическая агрессия (pha)	24,5±0,6	20,1±0,4	9879,0; p<0,000
Гнев (ang)	18,0±0,5	14,0±0,4	9339,0; p<0,000
Враждебность (hst)	21,2±0,6	15,9±0,3	7261,5; p<0,000
Интегральная шкала агрессии (isa)	63,6±1,4	49,9±0,9	6859,5; p<0,000

Диагностическое исследование характерологических свойств личности осужденных также выявляет различия в показателях выраженности этих свойств в основной (осужденные) и контрольной группах. В группе осужденных достоверно выше показатели всех шкал теста Шмишека: дистимности, циклотимности, возбудимости, застревания, педантичности, тревожности, эмотивности, демонстративности, экзальтированности. Исключение составляет лишь шкала гипертимности (табл. 3).

В группе осужденных достоверно выше уровень общей внутренней конфликтности (ОВК), чем в контрольной группе (20±0,64; 17±0,64; U=16262; p=0,001) и ниже показатели уверенности в себе (-1±0,37; 1±0,34; U=15103; p=0,000). Высокие значения данного показателя могут оз-

начать наличие у осужденных высокой степени эмоциональной напряженности и высокого уровня дезинтеграции ценностно-смысловой сферы личности при низкой уверенности в себе.

Исследование факторов биопсихологического уровня, в частности, дерматоглифических факторов у испытуемых основной и контрольной групп, выявляет следующие их особенности. В группе осужденных по сравнению с контрольной группой ниже частота встречаемости узоров «дуга» (соответственно $p_a=0,059\pm0,006$; $p_a=0,117\pm0,008$; $t=6,0$; $p<0,001$), «ульнарная петля» ($p_{lu}=0,508\pm0,013$; $p_{lu}=0,550\pm0,012$; $t=2,5$; $p<0,05$) и «радиальная петля» ($p_r=0,036\pm0,005$; $p_r=0,106\pm0,007$; $t=8,1$; $p<0,001$), но чаще встречаются «завитки» ($p_w=0,397\pm0,012$; $p_w=0,273\pm0,010$; $t=7,6$; $p<0,001$).

Таблица 3

Различия в показателях выраженности характерологических свойств личности у осужденных за насильственные преступления и исследуемых контрольной группы

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность различий (U, p)
	Осужденные	Контрольная группа	
Гипертимность	16,5±0,4	16,8±0,4	33537,0; p>0,05
Дистимность	7,8±0,3	6,5±0,4	28621,5; p<0,000
Циклотимность	11,2±0,4	9,3±0,4	26834,0; p<0,000
Возбудимость	8,0±0,4	5,0±0,4	23853,0; p<0,000
Застревание	12,5±0,3	11,2±0,3	27481,0; p<0,000
Педантичность	11,9±0,3	9,3±0,3	23011,5; p<0,000
Тревожность	5,6±0,3	4,0±0,3	26299,5; p<0,000
Эмотивность	13,2±0,3	8,9±0,4	17703,0; p<0,000
Демонстративность	13,4±0,3	11,8±0,3	26687,0; p<0,000
Экзальтированность	14,3±0,4	11,2±0,4	25840,5; p<0,000

Анализ биометрических факторов позволяет сделать вывод о том, что в отличие от испытуемых контрольной группы, у осуждённых ниже средние показатели длины ($176,6 \pm 0,5$; $175,2 \pm 0,8$; $U=11884,50$; $p<0,026$) и массы тела были связаны ($73,8 \pm 0,9$; $70,0 \pm 1,1$; $U=10765,50$; $p<0,002$).

Обнаружено статистически достоверное влияние факторов «Большой пятерки» на возможность проявления делинквентного поведения: нейротизм оказывает влияние в размере $12,1 \pm 0,5\%$, экстраверсия – $15,7 \pm 0,5\%$, открытость опыту – $7,5 \pm 0,5\%$, сознательность – $2,1 \pm 0,5\%$, уживчивость – $1,1 \pm 0,5\%$ (достоверного влияния фактора уживчивости обнаружено не было). Так же выявляется статистически достоверное влияние агрессии на возможность проявления делинквентного поведения: физическая агрессия оказывает влияние в размере $8,9 \pm 0,5\%$ от общего влияния всей суммы факторов, гнев – $9,9 \pm 0,5\%$, враждебность – $20,4 \pm 0,4\%$, интегральная шкала агрессии – $22,1 \pm 0,4\%$.

Обнаружено статистически достоверное влияние особенностей характера на возможность проявления делинквентного поведения. Эмотивность имеет наибольшее влияние в размере $15,7 \pm 0,5\%$ от общего влияния всей суммы факторов, педантичность – $7,0 \pm 0,5\%$, возбудимость – $6,5 \pm 0,5\%$, экзальтированность – $5,3 \pm 0,5\%$, демонстративность – $4,5 \pm 0,5\%$, застревание – $3,2 \pm 0,6\%$. Выявлено статистически достоверное влияние запаса уверенности в себе ($5,5 \pm 0,7\%$) и общей внутренней конфликтности личности ($4,6 \pm 0,7\%$) на возможность проявления делинквентного поведения.

Для выявления значимых различий дерматоглифических факторов нами был проведён дисперсионный анализ. Обнаружено статистически достоверное влияние встречаемости всех узоров – «дуга», «ульнарная петля», «радиальная петля», «завиток» на левой и правой руке на воз-

можность проявления делинквентного поведения – в размере от $5,6 \pm 1,1\%$ до $16,9 \pm 0,9\%$. Достоверно значимого влияния антропометрических факторов длины и массы тела на проявление делинквентного поведения не обнаружено.

На третьем этапе исследования применение пошагового дискриминантного анализа сделало возможным разделение групп осуждённых за насильственные преступления и сравнения по следующим социально-психологическим, индивидуально-личностным и биометрическим переменным («маркерам делинквентного поведения»): 1 – наличие приводов в милицию (1); враждебность (hst); нахождение на гауптвахте (2); служба в армии (3); образование матери (4); образование отца (5); возраст матери (6); семейное положение (7); алкоголизм родителей (8); образование (9); местность в которой прошло детство (10); конфликты с одноклассниками (11); конфликты в семье (12); «радиальная петля», количество на левой руке (LRL); возраст отца (13); интегральная шкала агрессии (isa); эмотивность (Эм); циклотимность (Цик); гипертимность (Гип); прогулы уроков (14); участие в боевых действиях (15); наличие и количество детей в семье (16); возбудимость (Возб); «дуга», количество на правой руке (AR); «завиток», количество на правой руке (WR); конфликты с учителями (17); дистимность (Дис); экзальтированность (Экз); общая внутренняя конфликтность (ОВК); полная-неполная семья (18); развод родителей (19).

Классификационная матрица демонстрирует, что общий уровень достоверности разделения групп по выделенным переменным составляет 95,7% ($95,6\%$ – для группы осуждённых за насильственные преступления, $95,8\%$ – для контрольной группы).

Классификационные функции для каждой группы (y_1 – классифицированное значение для группы осуждённых y_2 – классифицированное

значение для контрольной группы):

$$y_1 = 7,309 + 32,067(1) - 4,960(hst) + 27,324(2) + 7,785(3) + 5,985(4) + 4,236(5) + 6,587(6) + 32,446(7) - 1,528(8) + 7,777(9) + 12,720(10) + 7,309(11) + 2,931(12) - 33,372(LRL) + 10,111(13) + 1,777(isa) - 1,476(Эм) + 34,347(Цик) + 47,454(Гип) - 442,587(14) + 32,067(15) - 4,960(16) + 27,324(Возб) + 7,785(AR) + 5,985(WR) + 4,236(17) + 6,587(Дис) + 32,446(Экз) - 1,528(OBK) + 7,777(18) + 12,720(19),$$

$$y_2 = 6,453 + 23,081(1) - 3,201(hst) + 26,855(2) + 5,306(3) + 5,049(4) + 3,648(5) + 7,193(6) + 38,827(7) - 4,003(8) + 9,578(9) + 11,101(10) + 6,453(11) + 2,368(12) - 35,953(LRL) + 8,829(13) + 3,720(isa) - 2,920(Эм) + 36,255(Цик) + 49,276(Гип) - 393,321(14) + 23,081(15) - 3,201(16) + 26,855(Возб) + 5,306(AR) + 5,049(WR) + 3,648(17) + 7,193(Дис) + 38,827(Экз) - 4,003(OBK) + 9,578(18) + 11,101(19).$$

При практическом применении данных формул в прогностической работе классификационное значение рассчитывается по предложенным функциям путем подстановки в формулы соответствующих значений психодиагностических методик и анкетирования.

Выводы

Таким образом, с высокой степенью достоверности можно говорить о наличии взаимосвязанных факторов разноуровневой организации личности, имеющие прогностическую значимость в отношении вероятности развития делинквентного поведения. Определено, что у

лиц с делинквентным поведением имеет место взаимоспецифические особенности социальной ситуации развития (социально-психологические факторы),

На уровне индивидуально-личностных особенностей осужденные отличаются повышенным уровнем нейротизма и открытости опыту и пониженной экстраверсией, уживчивостью и сознательностью. У лиц с делинквентным поведением выше все компоненты агрессивности (поведенческий, эмоциональный и когнитивный), как и агрессивность в целом. В группе осужденных более выражены такие характерологические черты как дистимность, циклотимность, возбудимость, застревание, педантичность, тревожность, эмотивность, демонстративность, экзальтированность. В группе осужденных выше уровень общей внутренней конфликтности ценностных ориентаций и ниже уровень запаса уверенности в себе.

На уровне биометрических показателей у лиц с делинквентным поведением ниже частота встречаемости «дуги», «ульнарной и радиальной петель», чаще встречается узор «завиток». Кроме того, у них ниже длина и масса тела.

Установлено влияние социально-психологических, индивидуально-личностных и биометрических факторов на возможность проявления преступного поведения, что позволило разработать алгоритм определения риска возникновения делинквентного поведения на основе системы детерминант различных уровней организации личности.

Литература

1. Rosenzweig M.R. et al. Biological Psychology: An Introduction to Behavioral and Cognitive Neuroscience. N. Y.: Sinauer Associates, 2004. 615 p.
2. Wright R.A., Miller J.M. Taboo until today? The coverage of biological arguments in criminology textbooks, 1961 to 1970 and 1987 to 1996 // Journal of Criminal Justice. 1998. Vol. 26, No. 1. P. 1-19.

3. Sheldon W.H. Varieties of Delinquent Youth: An Introduction to Constitutional Psychiatry. New York: Harper, 1949. 899 p.
4. Jaquin N. The Hand of Man. London: Faber & Faber Ltd. 1934. P. 44-48.
5. Тегако Л.И. Рука как морфологический маркер в конституциональной психологии // Проблемы современной морфологии человека: материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25-26 сентября 2008 г. М.: Изд-во РГУФКСиТ, 2008. С. 43-44.
6. Богданов Н.Н., Самищенко С.С., Хвыля-Олинтер А.И. Дерматоглифика серийных убийц // Вопросы психологии. 1998. №4. С. 61-65.
7. Rafter N.H. H.J. Eysenck in Fagin's kitchen: the return to biological theory in 20th-century criminology // History of the Human Sciences. 2006. Vol. 19, No. 4. P. 37-56.

META-PHYSIOLOGIC LEVEL OF IMPLEMENTATION OF STATE OF DEPENDENCE

Zapesotskaya I.V.

Kursk State Medical University, Kursk, Russia

The article studies dependence as a psychological state. The influence of a dependent family member on the state of his close relatives is regarded in the article. It is proven that the state of dependence, not only changes the «carrier» himself, but also adjusts the immediate social environment.

Keywords: *the state of dependence, the criteria for the state of dependence, codependency.*

Regarding the category of relations, the focus of which is realized in the subject-subject or the subject-object existential position, as the baseline of the dependence phenomenon, we believe it is necessary to also provide the meta-physiologic level of manifestations of this condition. Meta-physiologic level is revealed in the relationship with the base level, as well as in external, social interactions. Thus, if the state of dependence on the base level can be regarded as a mental phenomenon, manifested in the individual limits, the meta-physiological level of the study suggests exceedance beyond their limits with the establishment of broader, more subjective, more

inter-individual relationships.

In the study of the phenomenological field of the «significant other», E.A. Khoroshilova regards this category of «attitude» and «character building» as being baseline [7]. The vital relations of a man become his character traits and are added to the personality relations system, which determines the dialogism of the inner world of a human being: «every experience, every thought is accompanied by the eternal looking back at another person» [2, p. 38], the personality itself represents a «crossing point of several, many and various relationships «we» and» they» [6, p. 184].

Among works of national psychologists, the three-factor model of the significant other of A.V. Petrovsky deserves special attention.

Considering the place of the individual in the categories in the triad, «individual-subject-personality,» A.V. Petrovsky denotes personality as a manifestation of the subjectivity of the individual, highlighting meta-individual level of implementation of the personality, in addition to the intra-individual and inter-individual levels [5, p. 168].

Activity, being a defining characteristic of an individual, is manifested in a real contribution to other people in the meta-individual sense. From this position, the personality – is a «peculiar synthesis of the individual's own qualities and internalized subjective-intentional qualities of other individuals.» On the other hand, the personality can also be studied as part of the existence of the particular individual in other individuals and for other individuals, which is consistent with the Rubinstein interpretation of the category of «act»: the act is revealed and manifested in creative amateur activity, ethical act of the person involves another person as a different ethical subject [1].

Designated by Petrovsky, the need for personalization (the need to be a «personality») provides the active inclusion of the individual and the system of social relations into practice and at the same time is determined by these social connections [5]. The result of the personalization of the individual is a reflected subjectivity and representation of the significant other.

Dependence is an axiological relation between a subject and an object. The relation consists of an ultra-significant relation of the subject to the object and is manifested in the painful nature of their interaction. The dependence as a psychological state meets the following criteria: efficiency, manageability, activity, autonomy, observability [4].

The meta-individual level of function of the

dependent consists in modification of the internal (mental)-regulatory, motivational, value-semantic-spheres and external (behavioral) manifestations of his relatives due to the presence of a dependent individual or updating of his image in their minds¹. Turning to the subject-object nature of dependence, it can be assumed that this phenomenon leads to a deformation of the subject-subject relationship of the people close to the dependent. Being represented as subjective, in reality they acquire the objective character, taking the object of dependence, state of dependence, etc. as the object of the relations (Fig. 1).

Fig. 1. Shows the specific focus of the relationship in the state of codependency

In the broad sense of the word, codependency is the emotional dependence of one person on another person significant to him; specifically this could be dependence on a spouse and children or dependence of parents on a dependent family member.

Traditionally, concentration in the study of co-dependence, in terms of psychology, is credited to A.W. Schaef [9]. The views of P. Mellody, C. Hurcom, C. Black, M. Beattie and P. Potter-Efron have also had great influence on the development of co-dependence.

Despite sufficient research interest in this problem, scientific literature still doesn't contain considerable clarity in understanding the phenomenon itself, as

¹ Meta-individual manifestations – that is to say, manifestations that exist not only outside the borders of the individual subject himself, but namely «beyond his current relationships with other individuals, outside of his joint activity with them» (V.A. Petrovsky, 1985).

well as in the aspects that are related to its correction (M. Beattie, N. N. Ivaniec, L. D. Miroshnichenko, V. D. Moskalenko, T. M. Mishina, A.K. Myager, A.I. Zaharov and V.R. Kislovskaya, etc.).

Reactions of a family to alcoholism were described in the scientific literature even 50 years ago – these are a series of adaptive stages, relevant to the progression of the disease. The first term used was «co-alcoholism,» which described the state of relatives; later, this phenomenon became known as codependency [3, c.112].

Codependency is a painful condition at the present time, which is largely the result of adaptation to a family problem. Firstly, it is a person's defense or method of survival in adverse family circumstances, a kind of anchored response to stress related to the drug or alcohol addiction of a family member, which eventually becomes a way of life.

For empirical study of the peculiarities of the state of codependency as meta-individual level of implementation of a state of dependence, the following methodological tools were used: the definition of efficiency – Tomsk rigidity questionnaire, «Scale of dissociation»; controllability – test questionnaire of the subjective level of control by J. Rotter (Adaptation of E.F. Bazhin, S.A. Golyunkina, E.M. Etkind), «The style of behavioral self-regulation» (by V.I. Morosanova), repertory grid technique by Kelly; activity – Bass's questionnaire of personality orientation; autonomy – methodology of diagnosis of emotional response type on the impact of environmental stimuli by V.V. Boyko, Cattell's 16-factor test (Factor Q2: «conformity – nonconformity»), observability – an associative experiment.

The study was conducted on the basis of the regional narcological dispensary of Kursk, Kursk Regional Psychiatric Hospital, Department of Narcology, Moscow Research Narcology Center of Health Department.

The study involved 438 people and experimental groups were formed in the following way: by the type of dependence – a group of ratees with alcohol dependence (52 people), a group of ratees – their families (wives, 52 people), a group of ratees with drug addiction (59 people), a group of ratees – their relatives (mothers, 59 people), a group of ratees with gambling addiction (47 people), a group of ratees – their relatives (mothers, 47), a group of ratees without the state of dependence (61 people) and a group of ratees – their families (wives and mothers, 61 people).

The way to control the dependent variable was elimination: ratees in the following age groups participated in the study: 19-35 years (all dependent, their wives), 44-52 (mothers of the dependent), all the dependent ratees were male and their families – female, all the dependent ratees had the experience of dependence at least one year, the first manifestation was after 16 years.

The study used the following groups of methods: organizational, empirical and statistical methods of data processing and quantitative and qualitative analysis. The measures of relation were determined using the correlation analysis. The comparative analysis of the differences was conducted using the Kruskal reliability coefficient – Wallis ANOVA by Ranks and Mann-Whitney U Test. The statistic processing of data was performed using the program Statistica 6.0.

Comparing the relatives' measures of efficiency (wives, mothers) in the dependent groups we should note that the overall rigidity level was lower than in the groups of the dependent. However, it was impossible to detect significant differences between groups of the dependent and their families by «efficiency» criterion. The wives and mothers of the dependent were also highly rigid with the greatest evidence of sensory rigidity observed: ($X_{\text{average, alcohol}} = 51.6$, $X_{\text{average, drug}} = 49.3$, $X_{\text{average, gambling}} = 48.7$,

$X_{\text{average, healthy}} = 25.2$). The level of dissociation in these groups was also high.

The influence of the age factor should also be indicated – in the group of mothers (44-52 years), mean values of dissociation rate were higher than in the group of wives, at the level of the trend. Significant differences were revealed between the group of relatives (wives, mothers), with a lack of dependency and family groups in a state of dependence (at $P \leq 0.05$). The controllability criterion represents the degree speed and ease with which the system is brought into states, asked by the meta-system. It is connected with the personal regulation: self-management, self-organizing, self-regulation (Osnitsky A.K., Chuikov T.S., Konopkin O.A., Morosanova V.I., Bazhin E.F., Golyunkina E., Etkind, A. M., Klochko V.E.).

In a study of the dependents' close relatives on the base of the «controllability» criterion there were noted low levels on the self-regulation scales, except for the scales «programming» and «evaluation», which combined with a high rigidity indicates the presence of an expanded system of planning and evaluation of their actions and a strong desire to establish control over the situation. However, the whole system is maladaptive and does not change after the established situation.

External locus of self-control was expressed. No significant differences in indexes of the dependent ratees and their relatives (wives, mothers) were identified. Significant differences were found between the indices of controllability of dependent relatives and relatives without the state of dependence on the scales of «planning», «programming», «assessment results», «flexibility», «the general level of self-regulation», «total internality», «internality in the sphere of failures», «internality in the area of family relations» and «internality in the sphere of health and disease».

The modification of the stimulus material was

revealed in the study using the repertory grid method. The ratees were offered three types of inputs: close relatives (a mother, a wife, a sister, a brother, a daughter, a son, etc.), people who embodied certain social roles (a human being, a woman, man, a boss, a teacher, etc.) and items related to the state of dependence (a bottle, drugs, alcoholic degree, etc.). The ratees' answers were assessed on the grounds of complexity – simplicity of the cognitive constructs. For the relatives of the ratees with a state of dependence, it was characteristic to have simple cognitive constructs, but their number significantly increased in the spatium associated with an object of dependence or with the dependent himself.

The activity criterion represents a measure of the system's usage of inner energy resources for the organization of functions defined by the meta-system. This measure is associated with the «intensity» – the dominance of the individual components of the overall condition and the impact of these dominant components on its effectiveness and functions of the state in the meta-system. For a state of dependence, it is characteristic to have an object-oriented activity, obsessions, limited resources, sensitivity to any internal and external stimulation. (B.G. Ananiev, Abulkhanova-Slavskaya K.A., Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G., Petrovsky V.A., Uznadze D.N., Slobodchikov V.I., Isaev E.I., Hansen V.A., Frolov Y.P., etc.)

Research of the activity focus in groups of the dependent and their families showed marked focus on themselves, which implied a focus on direct compensation and satisfaction, regardless of others, aggressiveness in achieving the status, arrogance, a tendency to compete, irritability, anxiety, and introversion. Comparison between groups of the dependent, as well as between groups of dependent and their families didn't reveal any statistically significant differences. There were not found significant differences in the directionality of activity

between the group without a state of dependence and the other experimental groups, as well as between the group of relatives without a state of dependence and the dependents' relatives.

Autonomy as a criterion of the state is understood as a measure of system independence from the meta-system. The principle of personal regulation is implemented through the functional structure of the states in the form of self-organization, self-government, self-regulation of changes in quality and symptom sign. It approves itself in the differentiation of the mental state from other components of the meta-system and the meta-system as a whole, as well as in certain positions between the processes and properties. In the state of dependence, autonomy is realized in the value-sense deformation. Physiological and psycho-physiological levels predominate in the regulation.

The concept of «autonomy» is often used in psychology as a characteristic of a developing, self-actualizing, mature person, and such terms as independence, the ability to be geared to one's own goals and needs, etc. are understood as the synonyms of «autonomy.» State of dependence, deforms the sphere of human relations, which also transforms the functional load of personal boundaries that ensure autonomy. For the state of dependence it would be more exact to denote «personal autism» as a synonym of autonomy, as a phenomenon that indicates not only a tough and tight border between one's ego and the outside world, but also assumes the shift of the substantial mode of the relations to the object-pole.

Correlation analysis of the types of emotional response in the groups of the dependent and their relatives revealed significant positive relationships, similar in all the three groups of the dependent. Euphoric and refractory emotional reactions of the dependent are closely associated with negative and dysphoric reactions of their loved ones.

The following results were attained according to the factor of «conformity – self-sufficiency»: on the contrary, conformism, or dependence on the group as Cattell renders it, was characteristic for the subjects from the groups of the relatives of the dependent [8]. Subjects without a state of dependence and their families were characterized with an average level of expression of conformism – non-conformism, significant differences were not found.

Observability as a criterion of mental state is a measure of information availability about the system for a meta-system. Observability is presented in the methods of diagnosing the states and peculiarities of the methodical techniques associated with specificity of the events. For the state of dependence, observability is revealed in behavioral and phenotypic reactions.

In the associative experiment, the ratees were presented with stimuli series of words, including words with neutral values for the ratees (a book, a car, a holiday, a road, a bird, etc.), as well as the words related to a state of dependence, to the object of dependence (hop, drunkenness, a bottle, degree, etc.). Another reason for the compilation of stimulus material was orientation of attitudes towards people in general (a human being, a woman, a man, a boss, etc.), loved ones (a wife, a sister, a mother, a daughter, a husband, a son, etc.) and objects (a table, a sofa, a hat, a bag, etc.).

As a result of the study of the associative reactions of the dependent, it can be concluded that the dependent unequivocally expressed reactions to the word incentives associated with addiction in general and with specific types of dependence, on the incentives related to the dependent family member.

Thus, as a result of the conducted study it is possible to make a number of conclusions that characterize the peculiarities of the state of dependence in the dependents' families. The peculiarities of the state of the dependents' relatives

with the state of dependence represent a particular complex of symptoms, the core component of which is the attitude of the dependent himself and the object of dependence, regardless of the type of dependence. The state of the close relatives of the dependent is characterized with a decrease in the effectiveness of mental reaction and interaction with the environment; they also have increase in rigidity and dissociativeness. Their cognitive constructs in regards to dependent relatives are simple and non-systematic, in regards to other family members they are also simple, but there is a broader systematization. Controllability of this group of ratees is characterized by a high level of programming and evaluation of results, which combined with high rigidity forms securely fixed cognitive attitudes, ways of emotional response and programs of behavior that mothers or wives of the dependent are forced to carry out. The

activity of subjects in this category has a wider range of focus, but overall, it also has a mediating character: the activity of the close relatives of the dependent is directed either to the dependent himself or to the object of dependence, or to them in the context of experience in a situation (according to the associative experiment results). The autonomy of close relatives of the dependent, and dependent themselves is structurally similar. They all demonstrate severe internal boundaries, to be more precise – they close from the outside world, however, it is possible to observe the dependents' relatives have an expressed conformity, the core of which is the orientation to the dependent. Thus, it can be asserted that the state which the dependents' close relatives experience meets the criteria for the state of dependence and significantly differs from that of the ratees' close relatives without the state of dependence.

References

1. A. Abulkhanova Slavskaya-K.A. The main stages of the development of the S.L. Rubinstein's concept / K.A. Abulkhanova-Slavskaya, A. Brushlinskii // Rubinstein S.L. Fav. philosophical and psychological works. - M., 1997.
2. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics / M.M. Bakhtin. - Moscow: Soviet Russia, 1979. - 320.
3. Moskalenko V.D. Codependency at alcoholism and drug addiction (manual for physicians, psychologists and patients' relatives) / V.D. Moskalenko. - Moscow, Anacharsis, 2002. - 112.
4. Nikishina V.B. The state of dependence: meta-physiological analysis / V.B. Nikishina, I.V. Zapesotsky. - Kursk: KSMU, 2012. - 252 p.
5. Petrovsky A.V. Foundations of Theoretical Psychology / A. V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. - Moscow: INFRA-M, 1998. - 525 p.
6. Porshnev B.F. Social Psychology and History / B.F. Porshnev. - Moscow: Nauka, 1979 - 235 p.
7. Khoroshilova E. A. The phenomenon of the subjective value of another.
8. person: thesis work. PhD in Psychological Sciences: 19.00.01. - M., 1984. - 24 p.
9. Kjell L. Theories of Personality (The main points of research and application) / Kjell L. and D. Ziegler. - St. Peter Press, 1997. - 608 p.
10. Schaef A W. Co-dependence: misunderstood-mistreated. - Harper & Row. Publishers. - San Francisco. - 1986. - 105 p.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF SUICIDAL BEHAVIOR SURVEILLANCE

Almukanov K.G., Epanchintseva G.A., Egorov R.S.

Orenburg State Medical Academy, Orenburg, Russia

A brief historical analysis of suicidal behavior is represented in article.

Authors consider suicide as a psychosocial phenomenon. Theoretical position of suicidal behavior surveillance is represented. Authors suggest new perspective direction, of composing screening method, requiring quite new theoretical basement and practical standardization.

Keywords: *suicide, suicidal intentions, psychological diagnostics of suicidal intentions, screening technology.*

In a history of world civilization the problem of suicide represented as religious, juridical, moral, and philosophical. It is also the problem of the last choice, freedom, margin conditions and self-relation (Ambrumova, Tihonenko, Bergelson, 1981). Since the 19th century the phenomenon of suicide have studied in sociology, ethnography, psychology, psychiatry, etc.

One of the first vast treatises on suicidology was the famous monograph «Suicide» by E. Durkheim (1897). Author considered as motives for suicide the variety of social factors, the main one is «anomie», a mismatch between personal or group standards and wider social standards. Durkheim's basic conclusions in different variations has been proved out and illustrated in subsequent prospects.

The epidemic of suicide that burst upon Russia in the beginning of the 20th century, urged the new wave of investigations in a field of suicidology (Terehovko, Bernatskiy, 1903). For the first time researchers suggested the suicide preventive measures, which included will training, devoutness strengthening, fighting loneliness and sexual debauchery. At that time the view on suicide as a prerogative of mentally healthy people dominated. The term «suicidology», denoting special discipline with appropriate subject

matter appeared in 20th century. But till now, despite of multidisciplinary, suicidology represented more as a formal association of various specialties linked by necessity of solving the practical problem, than monolithic science with integrated conceptual base.

Investigations of suicidal behavior (Tihonenko, 1978; Condratenko, 1988; Ravndal, Vaglum, 1999) helped to generalize psychosocial causes of this phenomenon, to signify the necessity of early detection of suicidal intentions and psychosocial rehabilitation of the patients with suicidal ideation.

During the centuries scientists attempted to make theoretical substantiation of suicidal behavior. But till now, there is no integrative theory that can explain the nature of suicide. There are four basic conceptions: biological, psychopathological, psychological and social (Condratenko, 1988).

Suicidal behavior on different stages of ontogenetic development has special features. There are several labile peaks, but the main are the «peak of youth» (ages 15-23) and the «peak of involution» (after 40 years).

Numerous investigations demonstrate that the most specific periods of human life are childhood and adolescence. According to inquiries, auto-aggressive behavior of children and adolescents is

quite dangerous. Suicidal tendencies are remaining in 60% of cases of attempted suicide. Peculiarity of children suicide consists in absence of fear of death, because a child doesn't have the conception to death (Shir, 1984). Conception to death forms at the age of 11-14 (Shir, 1984; Condratenko, 1988). Due to viridity and absence of life experience, even minor conflict situation seems hopeless, therefore it becoming quite dangerous. The burden of negative family history is also very important. Low cultural level of parents, cruelty can lead to children suicide. Family conflicts are often associated with mutual antagonism of values between two generations.

Despite of the great number of diagnostic methods, explicit detection of suicidal intentions is still impossible. Psychologists can not cover all the situations that can provoke suicide. But the necessity to solve this problem, force us to look for diagnostic ways that will allow revealing the risk group of suicide behavior. This work is quite important

concerning adolescents. Adolescents that attempt suicide has personal characteristics that in certain situations can provoke auto-aggressive behavior. Therefore is important to develop the diagnostic tool kit that allow the detection of crisis and obtain treatment.

Psychologists involve into diagnostic batteries popular and verified tests that reveal inner tendencies and personal needs. Usually choosing projective techniques like Thematic Apperception Test, Rorschach test, S. Rosenzweig Frustration Test, investigating the level of social disadaptation and coping with stressful situations. Except diagnostic methods psychologists use various techniques and procedures to check up the efficacy of treatment (Frankl, 1990).

Necessity to achieve screening tasks forces to compose compact methods that provide quick processing of a large number of results. Nowadays there is no similar tool kit in Russian suicidology.

References

1. Ambrumova A. G, Tihonenko A. V, Bergelson L.L. Psychosocial disadaptation suicide prevention // Questions of psychology. 1981.
2. Condratenko V.G Deviant behavior of adolescents. Minsk. 1988.
3. Durkheim. E. Suicide. 1897.
4. Frankl V. Human in search of essence. Moscow. 1990.
5. Ravndal. E, Vaglum, Per. Overdoses and suicide attempts: Different relations to psychopathology and substance abuse? A 5-year prospective study of drug abusers. European Addiction Research. 1999.
6. Shir E. Suicidal behavior of adolescents // Journal neuropathology and psychiatry. 1984.
7. Terehovko F. To the question of suicide in St. Petersburg. 1903.
8. Tihonenko V. A. Classification of suicidal appearance. Actual problems of suicidology. Moscow. 1978.

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

ON THE QUESTION OF PERSONAL ASSUMPTIONS OF PROFESSIONAL SELF

Ихсанова С.Г.¹, Комаков В.В.², Даниленко А.Н.²

¹Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,
Самара, Самарская область, Россия

²Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева
(национальный исследовательский университет), Самара, Самарская область, Россия

Ihsanova S.G.¹, Komakov V.V.², Danilenko A.N.²

¹Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Samara Region, Russia

²Samara State Aerospace University, Samara, Samara Region, Russia

Статья посвящена проблеме профессионального самоопределения студентов вузов. Ставится вопрос о целесообразности изучения личностных предпосылок самоопределения. Предлагается метод статистического прогноза профессиональной успешности.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, личностные факторы самоопределения, психодиагностика, прогноз профессиональной эффективности.

The article is devoted to the professional self-students. The question about the appropriateness of personal learning prerequisites identity. Propose a method of statistical prediction professional success.

Keywords: professional self-determination, personal factors of self-psychological diagnostics, prognosis professional effectiveness.

В настоящее время проблема профессионального самоопределения претерпевает серьезные изменения. Прежде всего, это связано с тем, что современные тенденции развития общества и экономики ставят перед практической психологией задачи прогностического характера, и там, где раньше было достаточно простой констатации, теперь ожидается вероятностный прогноз. Сферы профессиональной ориентации и профессионального самоопределения уверенно становятся областью прогностики и требуют нового

подхода к решению задачи выбора профессии.

Сложность профориентационных задач, помимо прочего, обусловлена возрастом определяющегося субъекта, который, находясь на подростково-юношеском этапе развития, не обладает зрелостью и опытом, позволяющими сделать оптимальный выбор профессии.

Следует, кроме того, отметить, что именно на этот выбор, определяющий профессиональную судьбу человека, оказывают мощнейшее воздействие социально-культурные факторы, начиная

с влияния референтной группы и заканчивая непредсказуемыми колебаниями модных идей масс-медиа.

В таких обстоятельствах становится особенно важным поиск и разработка профориентационных моделей, основанных на измеряемых и устойчивых параметрах. Такими параметрами нам представляются личностные черты.

Анализ многочисленных работ [4, 5, 6, 11, 15, 16, 17, 18] приводит к выводу о том, что выбор профессиональной сферы происходит в процессе своего рода «самоотбора»: личность интуитивно тяготеет к тому типу профессии, в котором предполагает реализовать себя наиболее органично и адекватно собственным возможностям. Однако остается вопрос, является ли такой выбор эффективным. В методологическом плане это вопрос о том, насколько прогностичными являются модели профессионального определения, основанные на диагностической констатации.

Приведем фрагмент собственного исследова-

ния, проведенного на базе Самарского государственного аэрокосмического университета, выборку для которого составили 146 выпускников самарских общеобразовательных школ. Одним из инструментов исследования стал перечень, включающий в себя 60 наиболее известных профессий. Испытуемым предлагалось оценить каждую из профессий по пятибалльной шкале (от 2 до -2 баллов). В диагностическую батарею входил шестнадцатифакторный личностный опросник Р.Кеттелла. один из эпизодов исследования заключался в том, чтобы получить и проанализировать корреляционные связи между шестнадцатью личностными характеристиками и профессиональными предпочтениями испытуемых. Поскольку корреляционная матрица размерностью 60/16 достаточно массивна, обсудим здесь лишь некоторые из полученных результатов. Для расчетов нами использовался коэффициент корреляции Ч.Спирмана, все приведенные результаты имеют уровень достоверности $p \leq 0,01$.

Таблица 1

Связь профессиональных предпочтений с личностными факторами студентов

	MD	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4
Автогонщик	0,09	0,15	0,02	0,16	0,22	0,10	0,18	0,04	-0,20	-0,01	-0,21	-0,11	-0,18	-0,02	-0,02	0,23	-0,16
Агент по недвижимости	0,17	0,18	0,02	-0,03	0,13	0,06	0,07	0,24	-0,05	-0,09	-0,19	0,15	-0,11	-0,11	-0,03	0,07	-0,02
Адвокат	0,15	0,19	0,07	-0,03	0,11	0,00	0,07	0,07	0,15	0,08	-0,11	0,07	0,03	0,11	-0,10	0,10	0,11
Администратор	0,00	0,10	-0,05	0,01	0,04	0,07	0,04	0,06	0,02	0,08	-0,09	0,05	0,00	-0,07	-0,10	0,00	-0,04
Актер	-0,08	0,11	0,02	0,03	0,00	0,06	0,01	0,19	0,25	-0,10	0,07	-0,04	0,06	0,24	-0,06	-0,02	0,02
Аналитик	-0,04	0,03	-0,06	-0,08	-0,09	-0,10	-0,13	0,10	0,04	0,05	0,02	0,02	-0,07	0,18	0,05	-0,02	-0,03
Армейский офицер	0,08	0,10	0,03	0,19	0,05	-0,04	0,14	0,04	-0,03	0,10	-0,10	0,10	-0,13	-0,06	-0,14	0,07	-0,23
Архитектор	-0,03	0,02	-0,04	0,11	0,08	-0,05	0,12	0,02	0,05	-0,14	0,07	0,02	0,08	0,17	-0,15	0,03	0,06
Биржевой маклер	-0,01	0,07	0,04	-0,15	0,00	0,03	0,05	0,08	0,00	0,01	-0,16	0,03	0,03	-0,04	0,00	0,15	0,07
Бухгалтер	-0,06	-0,07	-0,08	-0,12	-0,11	0,07	-0,04	-0,11	0,11	-0,10	-0,24	-0,04	0,05	-0,28	-0,05	0,00	0,10
Ведущий аукциона	0,02	-0,01	-0,03	0,01	0,08	0,02	-0,07	0,18	0,02	-0,02	-0,05	0,01	-0,05	-0,03	-0,02	0,04	-0,11
Врач	-0,04	-0,01	0,16	0,01	0,08	-0,08	0,04	-0,03	0,05	-0,03	0,04	0,06	0,06	-0,06	-0,17	-0,06	0,17
Депутат	-0,06	0,19	-0,05	0,04	0,08	0,13	0,17	0,29	-0,03	0,04	-0,02	0,03	-0,10	-0,07	-0,12	0,15	-0,13
Дипломат	-0,06	0,20	0,07	-0,07	0,13	0,14	0,02	0,20	0,19	0,02	0,01	0,03	0,01	0,06	-0,19	0,06	-0,06
Журналист	0,01	0,08	0,04	0,02	-0,01	0,04	0,08	0,20	0,17	-0,07	0,09	-0,01	-0,10	0,16	-0,16	-0,01	0,02
Изобретатель	-0,06	-0,12	0,16	0,03	0,06	-0,09	-0,05	-0,07	0,02	0,11	0,10	-0,05	-0,08	0,14	0,03	-0,06	-0,09
Инженер	0,05	-0,13	0,10	0,11	-0,03	-0,01	0,08	-0,16	-0,05	0,14	-0,01	-0,11	0,03	0,00	0,10	0,11	0,00

Продолжение таблицы 1

Инспектор угрозыска	0,05	0,02	-0,04	-0,04	0,09	0,06	-0,06	0,00	-0,08	0,01	-0,11	0,13	0,08	-0,16	-0,06	-0,01	0,01
Контрразведчик	0,03	0,08	0,15	-0,08	0,10	0,11	0,05	0,00	-0,01	0,05	-0,15	0,03	0,03	-0,01	-0,11	0,02	0,02
Конструктор	-0,07	-0,20	0,26	0,07	-0,08	0,01	-0,03	-0,14	-0,14	0,07	-0,10	-0,04	-0,05	-0,10	0,11	0,07	-0,07
Летчик	0,02	-0,01	0,15	-0,02	0,14	0,10	0,01	-0,07	-0,06	0,02	-0,08	0,07	-0,06	-0,04	-0,02	0,01	-0,03
Менеджер	0,07	0,11	-0,05	0,04	0,06	0,07	0,18	0,12	0,08	-0,08	-0,09	0,07	-0,01	0,01	-0,04	0,11	-0,15
Модельер	0,05	0,09	-0,03	-0,05	0,03	0,05	0,03	0,21	0,20	-0,24	0,12	0,08	0,12	0,09	-0,05	-0,02	0,04
Моряк	-0,06	-0,06	0,01	0,00	0,10	-0,17	-0,10	-0,10	-0,05	-0,02	-0,01	0,05	0,04	-0,07	0,01	0,01	0,00
Музыкант	-0,12	-0,14	0,18	-0,13	-0,15	-0,03	-0,18	0,01	0,27	-0,09	0,26	-0,12	0,16	0,05	-0,07	-0,30	0,02
Научный работник	-0,03	-0,18	0,07	0,00	-0,04	-0,10	-0,13	-0,16	0,05	-0,10	0,03	-0,02	0,06	0,04	0,03	-0,14	-0,08
Офицер флота	0,01	0,04	0,10	0,14	-0,01	-0,06	-0,04	-0,02	0,05	0,07	0,03	0,05	-0,10	-0,08	-0,07	-0,01	-0,09
Переводчик	0,02	-0,01	-0,04	-0,22	-0,09	0,00	-0,02	-0,04	0,24	-0,17	0,09	0,09	0,16	0,06	-0,10	-0,18	0,14
Писатель	-0,04	-0,05	0,09	-0,15	-0,01	-0,08	0,01	0,10	0,32	-0,02	0,22	-0,03	0,14	0,24	0,00	-0,14	0,10
Политик	-0,05	0,12	0,06	-0,08	0,18	0,12	0,07	0,21	0,10	0,10	-0,05	0,08	-0,01	-0,04	-0,14	0,06	0,01
Политолог	-0,05	0,08	0,01	-0,08	0,01	-0,01	0,12	0,22	0,12	-0,08	-0,03	0,19	-0,07	-0,02	-0,16	0,10	-0,02
Поэт	-0,06	-0,04	0,20	-0,08	0,07	0,01	-0,08	0,09	0,37	0,00	0,23	0,02	0,03	0,17	-0,14	-0,10	0,06
Предприниматель	0,06	0,32	0,03	0,00	0,15	0,12	0,17	0,17	0,08	0,10	-0,21	0,07	-0,05	0,11	-0,18	0,16	-0,09
Преподаватель ВУЗа	-0,06	0,01	0,17	-0,11	-0,01	-0,04	-0,03	0,01	0,06	-0,08	0,10	0,08	0,05	-0,12	-0,06	-0,09	0,06
Программист	0,07	-0,18	0,03	-0,02	-0,06	-0,07	0,02	-0,16	-0,03	0,06	0,04	-0,10	0,15	0,03	0,17	0,01	-0,04
Профсоюзный деятель	-0,01	0,11	0,08	-0,02	0,01	0,08	0,02	0,06	0,10	-0,22	-0,03	0,05	0,03	-0,14	-0,16	-0,03	-0,13
Психолог	0,00	0,07	0,00	-0,06	-0,03	-0,05	0,02	0,15	0,12	0,00	0,15	0,08	0,22	0,11	-0,02	-0,08	0,10
Редактор	0,01	0,00	0,05	-0,06	-0,06	0,05	-0,04	-0,03	0,14	-0,10	0,12	0,09	0,08	-0,02	0,06	-0,12	0,10
Рекламный агент	-0,07	0,21	0,03	-0,08	0,10	0,12	0,08	0,10	0,01	-0,03	-0,07	0,08	-0,06	-0,14	-0,12	-0,11	0,03
Священник	0,10	0,14	0,08	-0,02	0,07	-0,03	0,05	0,02	0,06	-0,06	0,00	-0,01	-0,08	-0,12	-0,10	-0,09	-0,09
Секретарь референт	0,05	0,13	0,06	-0,10	0,04	0,11	0,05	-0,06	0,11	-0,14	-0,07	0,04	0,03	-0,18	-0,08	-0,05	0,08
Следователь	-0,01	0,13	0,14	0,02	0,02	0,06	-0,02	0,01	-0,08	0,06	-0,11	-0,01	-0,05	-0,12	-0,05	-0,05	0,02
Сотрудник банка	0,10	0,17	-0,05	-0,06	0,06	0,04	-0,02	0,11	0,12	-0,15	-0,05	-0,04	0,06	-0,08	-0,03	0,03	0,00
Сотрудник разведки	0,02	0,12	0,15	-0,09	0,12	0,08	0,06	0,05	0,01	0,07	-0,08	-0,05	0,05	-0,01	-0,12	-0,07	0,00
Социолог	0,04	-0,01	0,21	-0,09	0,03	0,09	0,08	0,04	0,16	0,01	0,03	0,07	0,10	-0,09	-0,14	-0,14	0,06
Страховой агент	0,14	0,13	0,08	0,00	-0,02	-0,03	0,05	0,08	0,04	-0,11	-0,11	0,08	-0,15	-0,23	-0,07	0,05	-0,16
Судья	-0,08	0,24	0,13	0,02	0,05	0,05	-0,03	0,19	0,03	0,02	-0,09	0,04	-0,05	-0,08	-0,16	0,08	-0,09
Тренер	-0,02	0,05	-0,05	0,07	-0,01	-0,01	0,08	0,13	-0,15	-0,09	-0,08	-0,02	-0,11	-0,09	-0,08	0,18	-0,05
Ученый	-0,02	-0,24	0,10	-0,07	0,08	-0,16	-0,10	-0,16	0,09	0,16	0,05	0,09	0,11	0,13	0,11	-0,10	0,14
Учитель	-0,06	-0,10	0,17	-0,18	-0,19	-0,06	0,00	-0,11	0,06	-0,18	0,15	0,07	0,14	-0,05	-0,12	-0,15	0,18
Фермер	-0,06	-0,06	-0,02	0,06	0,07	-0,04	-0,03	-0,03	-0,06	-0,12	0,10	0,01	-0,02	-0,05	-0,03	0,01	0,01
Философ	-0,09	-0,07	0,07	0,05	0,14	-0,10	-0,09	0,06	0,04	0,07	0,26	-0,05	-0,01	0,13	0,11	-0,02	0,00
Финансист	0,04	0,23	-0,03	0,07	0,22	0,08	-0,12	0,25	0,10	-0,14	-0,08	-0,09	-0,07	0,01	-0,08	0,08	-0,12
Художник	-0,11	-0,09	0,15	-0,05	0,08	-0,10	-0,17	0,04	0,23	-0,05	0,26	0,03	0,09	0,12	-0,03	-0,12	0,08
Частный детектив	0,03	0,11	0,08	-0,06	0,10	-0,02	-0,16	0,06	-0,01	0,14	-0,16	0,07	-0,03	-0,05	0,00	-0,07	0,05
Шоумен	-0,02	0,20	0,16	0,11	0,01	0,13	-0,04	0,36	0,20	0,13	0,07	0,02	-0,09	0,17	-0,09	0,10	-0,04
Эколог	-0,15	-0,05	0,07	-0,06	0,01	-0,13	-0,09	0,03	0,12	-0,03	0,05	0,02	0,02	-0,04	-0,04	-0,03	0,14
Ювелир	0,01	0,04	0,06	-0,06	0,12	0,07	-0,11	0,02	0,09	-0,04	0,04	0,09	0,02	-0,21	-0,16	-0,02	-0,05
Юрист	0,06	0,19	-0,09	0,06	0,04	0,02	0,07	0,19	0,16	0,06	-0,18	0,08	0,01	-0,04	-0,19	0,16	-0,02

Предпочтение профессии риэлтера, например, положительно коррелирует с факторами А и Н и отрицательно – с фактором М. Иными словами открытость (фактор А) и социальная смелость (фактор Н) предрасполагают человека к работе риэлтером, а высокие показатели романтичности (фактор М) такому предпочтению препятствуют. Выбор адвокатской деятельности коррелирует только с коммуникативными навыками (фактор А), а актерская профессия связана с комплексом социальная смелость-чувствительность-радикализм. Интересно, что тот же комплекс связан и с выбором профессии дипломата с той лишь разницей, что здесь он дополнен отрицательной корреляцией с фактором независимости (Q_2).

Выбор профессии конструктора положительно связан со шкалой интеллекта (фактор В) и отрицательно с проявлениями общительности (фактор А). Предпочтение музыкальной карьеры отличается положительными связями с интеллектом (фактор В), сензитивностью (фактор I) и романтичностью (фактор М) и отрицательно – с такими проявлениями социальности, как нормативность (фактор G) и независимость (фактор Q_2).

Интересную плеяду образуют связи личностных черт с выбором профессии предпринимателя: этот выбор положительно связан с открытостью (фактор А), нормативностью (фактор G) и социальной смелостью (фактор Н) и отрицательно с романтизмом (фактор М).

Одна из наиболее часто выбираемых профессий – программист – характеризуется отрицательной связью с коммуникативными чертами фактора А и положительной связью с проявлениями независимости и автономности (фактор Q_2).

Как видно из приведенных примеров, обнаруженные связи достаточно логично вписываются в обобщенные представления о профессиях. Рассмотрим теперь некоторые вертикальные закономерности матрицы. Фактор А, выбирающий

в себя все множество черт, определяющих коммуникативные особенности человека, положительно связан с выбором таких профессий, как агент по недвижимости, депутат, дипломат, предприниматель, рекламный агент, шоу-мен, финансист и все юридические профессии. Отрицательная корреляция связывает фактор А с профессиями конструктора, научного работника, программиста и ученого. Шкала интеллекта В проявляется в связях с профессиями интеллектуального типа: конструктор, преподаватель вуза, социолог, учитель. Фактор доминирования (Е) положительно связан с выбором профессий политика и финансиста, и отрицательно – с ориентацией на профессию учителя или переводчика.

Большим количеством связей характеризуется фактор социальной смелости (Н), который положительно связан с выбором профессий администратора, агента по недвижимости, депутата, дипломата, журналиста, модельера, политика, политолога, предпринимателя, страхового агента, финансиста и шоумена.

При внешней убедительности полученных результатов анализ корреляционной матрицы порождает больше вопросов, чем ответов. Например, можно обнаружить профессии, выбор которых не связан ни с одним из шестнадцати факторов. Такими в нашем случае стали профессии инженера, инспектора уголовного розыска, летчика, офицера флота, продавца и некоторых других. Означает ли отсутствие связей независимость предпочтения этих профессий от личностных черт? Можно ли сказать, что самореализация человека в таких профессиях не определяется его способностями и возможностями, опосредованными личностью? На наш взгляд, ответ на эти вопросы отрицательный.

Отрицательно придется ответить и на другой вопрос, – обладают ли подобного рода расчеты прогностическим смыслом. Мы полагаем,

что корреляционные исследования, интересные сами по себе, не дают основания для прогностического профессионального определения и, следовательно, не могут служить надежной моделью профориентационной работы. Но это ни в коем случае не означает, что в поисках таких моделей нам следует отказаться от личностных факторов. Более перспективными выглядят диагностические статистические исследования, опирающиеся на сопоставление диагностических данных с объективными критериями профессиональной успешности.

В нашем исследовании использовался метод прогноза профессиональной успешности, основанный на идее каузального моделирования. Его суть состоит в построении на базе психодиагностических данных и объективного критерия, позволяющего получать количественно выраженную оценку успешности испытуемого в области менеджерской деятельности в авиационной промышленности, регрессионного уравнения вида

$$Y = const + a_1 X_1 + a_2 X_2 + \dots + a_n X_n$$

где Y – зависимая переменная, в данном случае профессиональная успешность;

X_i – диагностические показатели;

a_i – эмпирически полученный коэффициент.

Серьезной проблемой в подобного рода исследованиях является выбор объективного критерия для оценки основной интересующей исследователя переменной. В данном случае такой переменной стала профессиональная успешность менеджера. Практика отбора и развития персонала, сложившаяся в авиационной промышленности, включает несколько продолжительных этапов, на каждом из которых кандидат выполняет разнообразные задания, подлежащие оценке группой экспертов. Суммарная оценка деятельности кандидатов и стала объективированным внешним

критерием профессиональной эффективности. Размах оценки – от 1 до 30 баллов. Таким образом, в массив данных для регрессионного анализа вошли шестнадцать факторов личностного опросника Р. Кеттелла и суммарная оценка деятельности каждого испытуемого. Именно этот показатель использовался в качестве зависимой переменной [7, 8].

В регрессионное уравнение, связывающее показатели тестов с переменной профессиональной успешности, вошло несколько показателей личностных черт:

$$Y = 0,92 + 0,64B + 1,51C - 1,08E + 1,06G - 0,72L + 1,17Q_4$$

Мы видим, что основной вклад в профессиональную успешность осуществляют такие характеристики личности, как:

- общий интеллект (фактор В), подразумевающий способность к обучению и логической гибкости;
- эмоциональная устойчивость (фактор С);
- нормативность (фактор G), понимаемая как умение воспринимать социальные правила и следовать им;
- мотивация к развитию (фактор Q_4), возникающая в результате эго-напряжения.

Отрицательный вклад в показатель успешности, который также должен быть учтен при прогнозе, дают факторы Е – стремление к доминированию, и L – подозрительность.

Полученное уравнение в известной мере удовлетворяет требованиям диагностической прогностичности: имея такое уравнение, мы можем, подставляя в него диагностические данные конкретного испытуемого, рассчитать вероятную степень успешности его реализации в области менеджерской деятельности. Интерпретация результата основывается на степени близости

к максимальной оценке успешности, которая в данном случае составляет 30 баллов.

Использование математических моделей в качестве основы для профориентационной деятельности представляется нам перспективным направлением, поскольку такие модели строятся

на основе фактических эмпирических данных. При этом во главу угла профориентационной модели действительно ставятся интересы каждой конкретной личности, нуждающейся в помощи при профессиональном определении.

Литература

1. Близнова В. В., Шевцов М. Н. Сопоставление психологических особенностей студентов университета и института культуры // Теоретические и прикладные исследования в психологии. Казань, 1977. – С. 63-69.
2. Близнюк М. В., Безносова-Близнюк А. Г. Склонности к изучению наук и личность // Психология: итоги и перспективы (30 лет факультету психологии Санкт-Петербургского университета). Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1996. – С. 58-59.
3. Голубева Э. А. Способности и индивидуальность. М., 1993.
4. Гриншпун С.С. Опыт создания государственной службы профориентации во Франции /С.С.Гриншпун //Педагогика. – 2004. - №7. – С.85-91.
5. Гриншпун С.С. Организация профориентации школьников в Великобритании /С.С.Гриншпун // Педагогика. – 2005. – №7. – С.100-105.
6. Гриншпун С.С. Профессиональная ориентация школьников в США / С.С.Гриншпун // Педагогика. – 2005. – №9. – С.65-72.
7. Даниленко А.Н., Ихсанова С.Г., Комаков В.В. Прогностическое планирование карьеры студента вуза // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал), №1(99), 2012
8. Ихсанова С.Г., Комаков В.В. Психодиагностический принцип формирования индивидуальной образовательной траектории студента вуза // Экспериментальная психология, №2, 2012
9. Корягина М. С. Личностные особенности студентов различных факультетов // Психология XXI века. Материалы Международной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. СПб., 2004. – С. 306-308.
10. Кудрявцев Т. В., Сухарев А. В. Влияние характерологических особенностей личности на динамику профессионального самоопределения // Вопросы психологии. 1985. № 1. – С. 86-93.
11. Лейтес Н. С. Об изучении проблемы склонностей в русле идей Б. М. Теплова // Вопросы психологии. 1976. № 5.
12. Павлютенков Е. М. Формирование мотивов выбора профессии. Киев, 1980.
13. Серавин А. И., Фирсова И. А. Сравнительное исследование студентов первого курса СПбГУ // Психология XXI века. Материалы Международной межвузовской научно-практической конференции. СПб., 1999. – С. 78-79.
14. Спивак, С. И. Профессионально важные качества субъекта: ретроспектива оценки / С. И. Спивак // Российская академия гос. службы при Президенте РФ /- www.vikta.ru/press56.
15. Стреляу Я., Краевски А. Индивидуальный стиль деятельности и сила нервной системы // Психо-

- физиологические вопросы становления профессионала. М., 1974. – С. 170-186.
16. Теплое Б. М. Психология (учебник). М., 1954.. – С. 220.
17. Укке Ю.В. Диагностика сознательности выбора профессии у японских школьников / Ю.В. Укке // Вопросы психологии. – 1990. - №5. – С.150-151.
18. Фернхем А, Хейвен П., Личность и социальное поведение Издательство: Питер 2001. – С. 233.
-

КОССКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КРЕАТИВНОСТИ

CROSS-CULTURAL RESEARCH OF CREATIVITY

Эрдынеева К.Г., Попова Н.Н.

*Забайкальский государственный университет,
Чита, Забайкальский край, Россия*

Erdynееva K.G., Popova N.N.

*Zabaikalsky state university,
Chita, Zabaikalsky region, Russia*

В статье представлен факторный анализ кросскультурного исследования этнических особенностей креативности. Выявлена взаимосвязь между этническими характеристиками респондентов и их показателями креативности (гибкость, оригинальность, уникальность, беглость и разработанность).

Ключевые слова: *креативность, этнические особенности, личность, студент, творчество, кросскультурные исследования.*

Factorial analysis cross-cultural studies ethnic particularities creativity is presented in article. Revealed intercoupling between ethnics feature respondent and their factor creativity (flexibility, originality, uniqueness, facility and readiness).

Keywords: *creativity, ethnic feature, personality, student, creation, krosskul'turnye researches.*

Творчество является одним из основных направлений исследования в современной психологии. Большой интерес к этой проблеме вызван тем, что ее решение открывает возможность вы-

явления общих механизмов функционирования и развития творческой личности, знание которых является необходимым как для практической работы психологов, так и для дальнейшего раз-

вития психологической теории. Особенностью современного этапа развития научного знания является рост интереса к проблеме креативности как элемента творчества, обусловленный ее ролью в формировании многогранной личности, способной к продуцированию большого количества новых идей. Научные представления о креативности многообразны и противоречивы, поскольку рассматриваемый феномен является предметом исследования философии, социологии, психологии, педагогики, истории, культурологии, искусствоведения и многих других наук.

В науке накоплена достаточно большая база теоретических и эмпирических исследований креативности. Вместе с тем имеет место неоднозначность научного понимания креативности, недостаточно полно изучена этническая специфика креативности личности. Поэтому повышенный интерес, на сегодняшний день, вызывают кросскультурные исследования, выявляющие этнические особенности в поступках, продуктах деятельности, поведении личности. В рамках этнопсихологического аспекта изучения креативности закономерным образом определяется необходимость выявления индивидуально-личностных характеристик различных этносов в сравнительно-сопоставимом плане. При всем многообразии исследований, учитывающих категорию этноса (А.О. Бороноев, А.А. Бучек, Т.Ц. Дугарова, Т.Ц. Тудупова, А.П. Оконешникова, Р.Д. Санжаева, В.Ю. Хотинец, Дагбаева С.Б. и др.) мы не выявили работы, которые рассматривали бы креативность с т.з. этнических особенностей.

В ходе анализа существующих определений креативности нами было отмечено, что данную категорию принято рассматривать чаще как свойство или черту личности, способность, результат или процесс, реже как интегральную характеристику и потенциал.

Приведённый анализ основных подходов к исследованию творчества и креативности субъекта показывает, что большинство из них изучает эти психологические категории, преимущественно, на одном уровне – личностном. Вместе с тем в настоящее время назрела настоятельная необходимость их многоуровневого анализа. Опираясь на системный подход Б.Ф. Ломова мы полагаем, что такой анализ может быть осуществлён в рамках данного подхода, позволяющего исследовать не только личностные, но и социальные, культурные, экономические и пр. детерминанты творческой активности субъекта. Мы согласны с Д.Б. Богоявленской¹, что понятие «система» – не синоним понятия «комплекс» как сумма компонентов. Система подразумевает процесс интеграции, т.е. целое обладает новым свойством по сравнению со свойствами её компонентов.

Особый интерес представляет позиция М. Чиксентмихайи, который считает, что основой системной модели креативности является положение о том, что окружение созидającego субъекта состоит из двух основных составляющих: культурной и социальной. В процессе творчества субъект взаимодействует с этим окружением, внося в него изменения. Предполагается также наличие некоторого сообщества людей, которые обладают сходными стилями мышления, учатся друг у друга и/или подражают друг другу (Csikszentmihalyi, 1999).

Нам представляется наиболее адекватным понимание креативности, как системного образования личности, которое является координатором, регулятором, стимулятором творческой деятельности, способствующей нахождению принципиально новых решений, дающих возможность человеку преобразовывать как весь мир, свое окружение, других людей так и самого себя.

Анализ работ выше указанных исследователей позволил нам выявить следующие возраст-

ные особенности креативности студентов: дивергентное и гибкое мышление, способность к генерированию большого количества идей, интуиция, находчивость, свобода ассоциаций, креативная мотивация и креативная направленность.

Согласно позиции С.У. Арутюнян, М.С. Джунусова, Н.Д. Джандильдин, Х. Дейкер, Н. Фрайда и др., люди, принадлежащие к одной этнической общности, обладают особенностями, типичными для всех представителей данной этнической общности и нетипичными для представителей другой.

Эмпирическую базу исследования составили представители бурятского и русского этносов, проживающих на территории Забайкальского края (страна Россия). Выборка была сформирована из двух групп: представителей бурятской национальности – 125 человек, представителей русской национальности – 126 человек, из которых – юношей – 125 чел., девушек – 126, в возрасте от 16 до 22 лет (общее количество 251 человек) и выдвинута гипотеза о том, что этниче-

ские различия в степени развития креативности зависят от принадлежности к той или иной национальности и проявляются в значимых отличиях в показателях креативности и личностных особенностях субъекта, как носителя этноса. Цель исследования – выявить этнические различия существенных характеристик креативности как свойства личности.

В качестве методик были использованы: субтест Е. Торренса «Завершение картинок»⁴, тест отдельных ассоциаций С.Медника в варианте А.Н. Воронина и Т.В. Галкиной², проба Ю.Н. Кулюткина³ на выявление невербальной креативности, два опросника личностной составляющей креативности Д.Л. Джонсона и Дж. Рензулли⁶; 16 факторный опросник личности Р.Б. Кетелла (сокращенный вариант)⁵.

Факторный анализ, произведенный в статистической системе SPSS for Windows 16.0, процедура Factor, выделил три фактора, которые представлены в таблице.

Первую группу респондентов характеризуют

Сравнительная характеристика матриц факторов русских и бурятских студентов

Респонденты	Факторы и переменные		
Студенты русской национальности	Фактор 1 (11,5%) «эмоц.устойч-ть – неустойч-ть» – 0,699 «адекватность самооценки» – 0,590 «чувств-ть – выс. нормат-ть повед.» – 0,541 «замкнутость – общительность» – 0,534 «подчиненность – доминантность» – 0,514	Фактор 2 (9,66%) визуальная оригинальность – 0,670 гибкость – 0,635 вербальная оригинальность – 0,588 вербальная уникальность – 0,570	Фактор 3 (7,07%) «расслабленность – напряженность» – 0,545 самооценка креативности – 0,535
Студенты бурятской национальности	Фактор 1 (10,65%) «эмоц.устойч-ть – неустойч-ть» – 0,589 визуальная оригинальность – 0,562 «подчиненность – доминантность» – 0,554 вербальная оригинальность – 0,515	Фактор 2 (9,41%) вербальная уникальность – 0,522 «замкнутость – общительность» – 0,499 визуальная оригинальность – 0,478 вербальная оригинальность – 0,474	Фактор 3 (7,61%) самооценка креативности – 0,490 разработанность – 0,486

ют такие факторы как «эмоциональная устойчивость-неустойчивость», «визуальная оригинальность» и «расслабленность-напряженность».

Первый фактор «эмоциональная устойчивость-неустойчивость» представлен следующими переменными: адекватность самооценки, чувствительность – высокая нормативность поведения, замкнутость – общительность, подчиненность – доминантность, от которых, смеем предположить, зависит эмоциональная устойчивость-неустойчивость русских студентов.

Второй фактор «визуальная оригинальность» характеризуют следующие показатели креативности: вербальная оригинальность и вербальная уникальность.

Третий фактор «расслабленность – напряженность», характеризующий этнопсихологические особенности представителей русской национальности представлен переменной самооценка креативности.

Таким образом, мы видим, что креативность студентов русской национальности напрямую зависит от эмоциональной устойчивости – неустойчивости, замкнутости-общительности и подчиненности – доминантности.

В группу факторов, характеризующих испытуемых второй группы, вошли: «эмоциональная устойчивость-неустойчивость», «вербальная уникальность» и «самооценка креативности».

Первый фактор «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» включает переменную «подчиненность – доминантность» и две переменных, имеющих отрицательный вес: «визуальная оригинальность» и «вербальная оригинальность». Значит, связь переменных противоположная, т.е., чем выше значение визуальной и вербальной оригинальности, тем ниже эмоциональная устойчивость-неустойчивость и подчиненность – доминантность бурятских студентов.

Второй фактор «вербальная уникальность» представлен замкнутостью-общительностью, визуальной оригинальностью и вербальной оригинальностью, которые отражают прямую зависимость вербальной уникальности от перечисленных переменных. Это означает, что чем выше вербальная креативность бурятских студентов, тем более они общительны и оригинальны.

Третий фактор содержит переменную разработанность, которая напрямую связана с самооценкой креативности. Следовательно, у студентов бурятской национальности такой показатель образной креативности как разработанность напрямую зависит от самооценки креативности.

Таким образом, полученные данные говорят о том, что основные показатели креативности бурятских студентов напрямую зависят от их эмоциональной устойчивости – неустойчивости и самооценки креативности. Данную особенность можно объяснить тем, что соотнесение себя с представителем определенной национальности предполагает осознание человеком своих креативных способностей, возможности их реализации. Вероятно, именно буряты обладают неисчерпаемым ресурсом креативности, который своими корнями уходит в самобытность и родной язык.

По результатам корреляционного анализа (по критерию Пирсона) выявились две статистически значимые корреляционные связи между национальностью и оригинальностью ($p = 0,248^{**}$, при $p < 0,01$) и национальностью и самооценкой креативности ($p = 0,256^{*}$, при $p < 0,05$). Это можно рассматривать как свидетельство того, что именно национальность может оказывать существенное воздействие на показатели исследуемого феномена. Соотнесение себя с представителем определенной национальности предполагает осознание человеком своих креативных способностей, возможности их реализации. На это су-

ществленное воздействие оказывает высокая нормативность поведения ($p = 0,244^{**}$, при $p < 0,01$), это особенно относится к бурятской национальности. Ведь именно эта нация веками трепетно бережет наследие и ценности, передаваемые по наследству. Уважение и авторитет родителей в семье, вероятно, играют существенную роль в формировании высоко нормативного поведения.

Взаимосвязь переменных консерватизма и национальности ($p = 0,132^{*}$, при $p < 0,05$) свидетельствует о двусторонней значимости этих переменных, т.е. консерватизм во многом обусловлен принадлежностью к определенной нации. Верность традициям, передающиеся их поколения в поколение, формируют у молодежи стойкие установки и стереотипы, которые проявляются в поведении, чертах характера и формируют систему личностных свойств.

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязь ($p = -0,169^{**}$, при $p < 0,01$) национальности и переменной «замкнутость-общительность». Данная взаимосвязь очень хорошо объясняет существенное различие в показателях креативности у русских и бурят, а именно, превосходство средних значений по оригинальности и уникальности бурятских респондентов. Это можно объяснить тем, что бурятская национальность характеризуется большой чувственностью, эмоциональностью и, одновременно сдержанностью, не многословностью. Скорее всего, это происходит из-за врожденной или приобретенной способности к осознанию системы собственных действий и их оснований при решении разного рода мыслительных, творческих задач, что развивает умение создавать разнообразные сочетания, моделировать совокупность действий, объединенных общим замыслом, то есть проявлять креативность. Данная интерпретация подтверждается достоверностью корреляций националь-

ности с «сдержанностью-экспрессивностью» ($p = -0,128^{*}$, при $p < 0,05$) и «робостью-смелостью» ($p = -0,126^{*}$, при $p < 0,05$).

Следует отметить выявленные различия в средних показателях самооценки креативности. У испытуемых русской национальности она существенно выше, чем у бурятских респондентов. Коэффициент корреляции Пирсона между переменными национальность и самооценка креативности составил $p = 0,266^{**}$, при $p < 0,01$, это объясняет выявленные в ходе эмпирического исследования этнические особенности в самооценке респондентов. Она оказалась значительно выше у русских респондентов, чем у бурятских. Видимо самооценка и креативность взаимосвязаны между собой, так что, осознание человеком самого себя, своей деятельности, позволяет ему правильно распределять свои силы в любой деятельности, в том числе и творческой.

Итак, фактор принадлежности испытуемого к той или иной национальности, оказывает существенное влияние на показатели креативности (оригинальность, уникальность, беглость, гибкость), как свойства личности, характеризующегося эмоциональностью, общительностью, конформностью и самоконтролем.

Выводы

1. Креативность является целостным системным образованием, представляющим собой совокупность взаимосвязанных между собой этнических и личностных особенностей.

2. На становление и развитие креативности существенное влияние оказывает национальность человека, т.е. соотнесение себя с представителем определенной нации способствует развитию специфических показателей креативности (оригинальности, уникальности или разработанности).

3. Креативность тесно связана с целым рядом параметров личностной и эмоциональной сфер, прежде всего с эмоциональной устойчивостью/неустойчивостью, подчиненностью/доминантностью, замкнутостью/общительностью и чувствительностью/высокой нормативностью поведения.

4. В ходе нашего исследования наблюдались несущественные половые различия при определении креативности. По вербальной креативности, определенной согласно ассоциативному тесту, достоверных различий между мужчинами и женщинами не установлено, однако наблюдается тенденция доминирования мужчин по оригинальности ассоциативного вербального мышления.

5. По данным факторного анализа было установлено, что между переменными нацио-

нальность и креативность существует высокая статистически значимая связь (вербальная оригинальность – 0,720, невербальная оригинальность – 0,719, вербальная уникальность – 0,682), что подтверждает теоретическое предположение о том, что фактор этнической принадлежности респондента во многом обуславливает степень развития у него тех или иных показателей креативности.

6. Эмпирическое исследование этнических особенностей креативности подтвердило нашу гипотезу о том, что этнические различия в степени развития креативности зависят от принадлежности к той или иной национальности и проявляются в значимых отличиях в показателях креативности и личностных особенностях субъекта, как носителя этноса.

Литература

1. Богоявленская Д.Б. Еще раз об одаренности // Д.Б. Богоявленская / Вестник практической психологии образования. - № 2 (7). - 2006. - С. 15.
2. Дружинин В.Н. Психология общих способностей / В.Н. Дружинин.- СПб.:Питер, 2007. - С. 322-345.
3. Кулюткин Ю.Н. Изменяющийся мир и проблемы развития творческого потенциала личности. Ценностно-смысловой анализ / Ю.Н. Кулюткин. - СПб.: Изд-во СПбГУПМ, 2001. - 84 с.
4. Краткий тест творческого мышления (фигурная форма). - М.: Институт развития одаренности, 1995. - С. 13-46.
5. Практикум по психологии / Под ред. А. С. Кармина. - СПб.: Изд-во Лань, 2002. - С.32, с.9.
6. Туник Е.Е. Диагностика творческого мышления: Креативные тесты / Е.Е. Туник. - М.: Чистые пруды, 2006.

ВСЕОБЩЕЕ РАВЕНСТВО В ПОЛИЭТНИЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

UNIVERSAL EQUALITY IN A MULTIETHNIC KAZAKHSTAN

Джакупов С.М., Исаханова А.А.

*Международный Казахско-Турецкий Университет им. Х.А. Яссави,
г. Туркестан, Южно-Казахстанская область, Казахстан*

Jakupov S.M., Issakhanova A.A.

*Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University,
Turkestan, South-Kazakhstan, Kazakhstan*

В современном мире этнические предпочтения как нестранно занимаю оду из главных ролей в жизни человека, и порой становятся причиной многочисленных разногласий в полиэтничном обществе, где нравственные ценности всеобщего равенства становятся опорой в решении межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: *полиэтничность, межэтнические отношения, всеобщее равенство, глобализация, этническое возрождение.*

In the modern world, ethnic preferences occupy a major role in human life, and sometimes they are become the cause of many disputes in a multiethnic society where moral values of the universal equality becomes a mainstay in resolving ethnic conflicts.

Keywords: *polyethnicity, inter-ethnic relations, the universal equality, globalization, revival of ethnic.*

Современные мировые стандарты социальной активности граждан всего мира все больше направлены на всеобщее равное отношение между людьми во всем мире, независимо от расы, вероисповедания и социального статуса.

Политика современного Казахстана так же направляет свою работу на достижение всеобщего равенства граждан республики. Это связано не только с социальными стандартами но и с особенностями полиэтничного общества страны. Всеобщее равенство в республике где проживают свыше 140 национальностей – это залог спокойствия и процветания. Ни одна из бывших советских республик не испытала на себе столь мощных миграционных перегрузок как Казахстан. По этому психологические аспекты в межэтниче-

ских отношениях всеобщего равенства занимают главенствующую роль. Этот факт подтверждают многочисленные исследования этносов Казахстана как психологического так и социального характера.

В связи с развитием двух глобальных течений мирового масштаба как глобализация (которая стирает все границы между людьми объединяя их) и этническое возрождение (где люди все больше начинают интересоваться своими корнями ища поддержки в забытых родственных связях отделившись от мира). Эти два течения развиваются параллельно, внося разногласия и новый взгляд на устоявшиеся традиции и правила, затрагивают абсолютно все страны мира. Мы становимся свидетелями, как в различных уголках мира

происходят политические, межнациональные, религиозные конфликты. Параллельное развитие порождает конфликты не только в обществе, но и в сознании каждой личности, затрагивая все аспекты жизни. В многонациональном обществе жизнь среди двух течений глобализации и этнического возрождения особенно остро ощущается. Связанно это с различными взглядами культур на жизненные позиции и предпочтения.

Поэтому вопрос всеобщего равенства является одним из важных вопросов современного независимого Казахстана. В последних выступлениях президент республики Н.А. Назарбаев призывает общество развивать институты обеспечения стабильности и согласия в межэтнических и межрелигиозных отношениях. Для этого правительством будут усиливаться законодательные меры наказания и социального неприятия религиозной и этнической дискриминации, а также преступлений на этой почве [1]. В 21 веке мы живем в «стеклянном мире». Это мир – прозрачный и хрупкий. Залог развития общества в данном мире – в спокойном понимании и уважительном восприятии этнических и религиозных отличий.

Но несмотря на отсутствие острых межнациональных конфликтов, в республике существуют проблемы, связанные с поиском модели национальной самоидентификации, решением языкового вопроса и оптимизацией межэтнических отношений в полиэтнической среде. Каждое общество имеет уникальную ценностно-ориентационную структуру, в которой отражается самобытность данной культуры. Наше исследование заключалось в изучении нравственных ценностей общества равенства, одного из основных аспектов взаимодействия в полиэтническом обществе, где очень часто исторически сложившиеся культурные предпочтения этносов противостоят друг – другу.

Для исследования нами были выбраны два основных этносов Казахстана, исторически связанные друг с другом но очень разные: русский и казахский. Именно эти этносы выбраны были нами не случайно. Казахский этнос является основным этносом страны, территория Казахстана являлась из древне территорией обитания казахского этноса. Русский этнос – один из многочисленных этносов республики исторически тесно связанный с казахским народом. Быстрая социальная интеграция и аккультурация казахов происходила под доминирующим влиянием культуры-донора – русской культуры. Специфика заключается в том, что овладение достижениями мировой культуры и современной цивилизации пришло к казахам вместе с языковой русификацией. И это не было злой сознательной волей «старшего брата», а естественным следствием его численного и цивилизационного превосходства, продуктом объективных исторических условий [2].

Возраст испытуемых в исследовании варьировался от 20 до 35 лет, так как данный период составляет период ранней взрослости, когда сформировавшееся личность уже самостоятельно может принимать осознано решения и нести за них ответственность. Каждая сфера человеческой активности, на данном этапе жизни, характеризуется специфическим характером деятельности и общения [3], расширяя кругозор и расставляя новые предпочтения в построении дальнейшей жизни. В месте с тем мы ориентировались на средний возраст граждан Казахстана, который не превышает 35-ти лет.

Общее число испытуемых составило 200 человек. Из которых 100 представителей казахской и соответственно 100 представителей русской национальности. Две группы испытуемых включали себя равное количество женщин и мужчин (по 50 в каждой группе), разных социальных статусов. Помимо этого каждая группа делилось

на две части 50 человек из каждой группы были жителями сельской местности Южно-Казахстанской Области, а остальные 50 человек жители областного центра Южно-Казахстанской Области – города Шымкент. Все испытуемые без исключения являются гражданами Казахстана, они были рождены в Казахстане и по сегодняшний день проживают на территории государства.

Исследование проводилось методом объективного наблюдения, беседы а тек же с применением психологических тестов, скорректированных специально для нашего исследования.

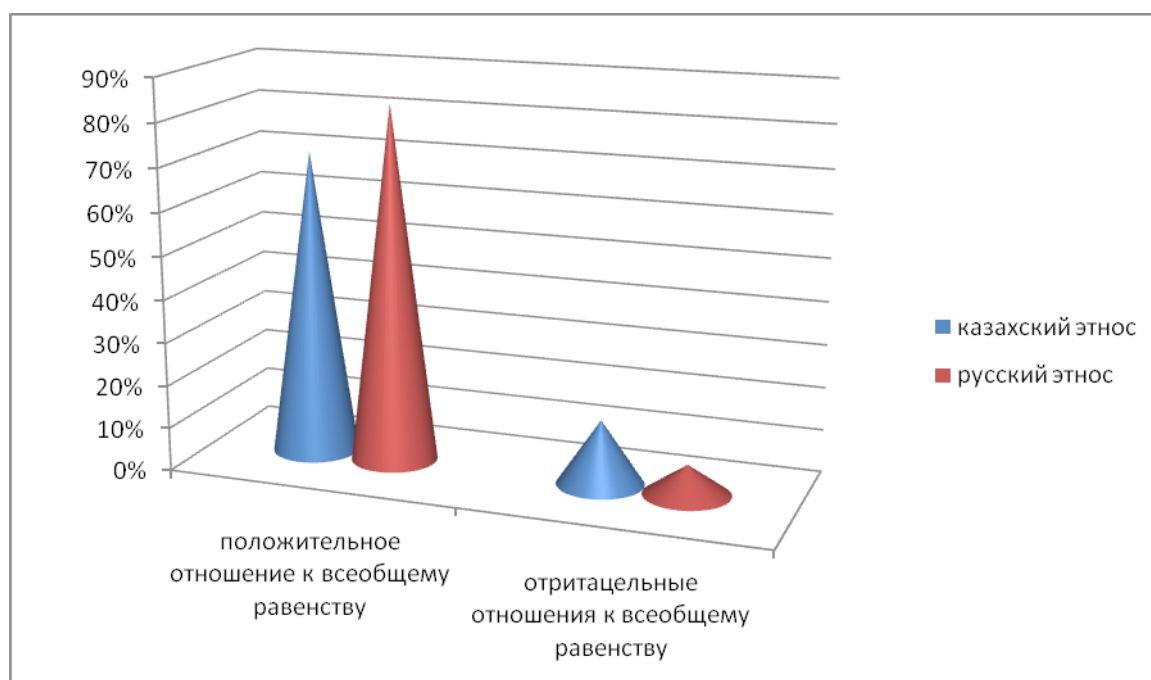
Для проведения исследования использовались идентичный по содержанию методики для обоих этносов, единственное их отличие заключалось в языках составления. Так для казахской группы методики были проведены на казахском языке, а для русской – на русском языке. Стоит отметить что для конструирования и перевода методик привлекались специалисты в области языковедения и психологи специализирующиеся

на переводе и составлении психологических тестов и методик исследования.

Результаты исследования показали, что разница в отношении к всеобщему равенству между русским и казахским этносами не велика.

Полученные результаты исследования нравственных ценностей всеобщего равенства дает нам право судить о положительном отношении к всеобщему равенству в обществе Казахстана. У каждого этноса в республике своя история, своя культура, и понимание этого тезиса помогает правильно строить отношения между людьми разных национальностей, что соответствует духу и букве Конституции нашей страны, отражает объективную реальность того, что Казахстан многонациональное государство. Мир и согласие на нашей земле есть результат искреннего родства и мудрости проживающих здесь людей. Даже несмотря на то что Южно Казахстанская область по всем признакам и исторически сложившемся устоям жизни людей, считается самой культурно стойкой областью страны, где до сих пор строго

Диаграмма положительного и отрицательного отношения к всеобщему равенству

чают традиции древности, не допускают смешения других культур с древней культурой казахов. Полученные результаты говорят о ценности всеобщего равенства для казахстанского народа.

Но несмотря на позитивные результаты исследования, изучение проблемы нравственных ценностей всеобщего равенства в полиэтниче-

ской стране необходимо для осмысления и понимания этнических и этнопсихологических процессов, происходящих в современном полиэтническом казахстанском обществе; выработки национальной идеи, в формировании этнической личности и новой ценностной модели взаимодействия этносов.

Литература

1. Выступление Президента Казахстана перед студентами Назарбаев Университета 05.09.2012 «КАЗАХСТАН НА ПУТИ К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ».
2. А. Г. Балаева Этно-религиозная идентификация молодежи Казахстана: социологический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук Республики Казахстан, Астана, 2010.
3. Психологический атлас человека / Под ред. А. А. Реана. - СПб.: ПРАЙМ-ЕВРО - ЗНАК, 2006. - 651, [5] с.

ПОВЫШЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЦЕССА С УЧЕТОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТА

INCREASE OF PRODUCTIVITY OF INNOVATIVE PROCESS FROM THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT

Сербиновская Н.В.

*Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса,
г. Шахты, Ростовская область, Россия*

Serbiovskaya N.V.

*South-Russia State University of Economics and Service,
Shakhty, Rostov-on-Don region, Russia*

Рассмотрены психологические проблемы, возникающие у субъектов инновационной деятельности, и подходы к повышению результативности инновационного процесса и проекта, обосновывается необходимость их психологического сопровождения инновационных в современной глобальной экономике.

Ключевые слова: инновации, инновационность субъекта, психология инновационной деятельности, психологические особенности личности, психологическое обеспечение эффективности инновационных процессов и проектов.

The psychological problems the subjects having in the process of innovative activity, and approaches to increase the results of innovative process and the projects are pointed out, the necessity of psychological support of innovative processes in modern global economy is considered.

Keywords: innovation, innovativeness of the subject, psychology of innovative activity, psychological features of the person, psychological support of efficiency of innovative processes and projects.

Инновация рассматривается в широком контексте, в том числе как идея, которая может быть превращена в коммерческий продукт, промежуточный результат творческого и исследовательского процесса, новый товар, инновационное средство производства или технологию, представленные как коммерческий результат. Это новое экономическое благо для удовлетворения потребностей отдельных потребителей, групп, бизнеса и общества.

Результативность инновационного процесса в значительной степени зависит от психологических аспектов и факторов. Психология инновационной деятельности проявляется в многообразии связей и аспектов. Ее сущность и содержание связана с психологией субъектов – разработчиков и потребителей инноваций, следовательно, с психологией: индивидуального и коллективного творчества; организации (компании), в том числе с психологическим климатом в организации и психологией руководителей, а также с психологией, преобладающей в обществе, способствующей или препятствующей инновационному развитию; исследователя и создателя нового знания, которое служит основой для инноваций; предпринимателей, принимающих на себя риски продвижения инновации на рынок; маркетологов, осуществляющих исследования и работы

в сфере исследования рынка, брендинга, рекламы, управления поведением потребителей инноваций; потребителей инноваций.

Несмотря на многообразие и сложность такой картины, при рассмотрении каждого отдельного аспекта или их совместном анализе приходится сталкиваться с инновационностью субъекта, который в той или иной мере связан с отдельными этапами создания, производства, распределения, продажи, потребления инновации и ее сервиса в процессе потребления (эксплуатации).

В отечественной психологии подходы к определению инновационности субъекта представлены в исследованиях В.Д. Шадрикова. В его последних работах эта проблематика рассматривается в контексте изучения индивидуальности и личностных черт человека [1]. Им исследуются способности человека, которые он определяет как «...свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, которые имеют индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности» [2, с. 209]. Рассматривая природные (биологические) основы способностей и понимая их как общие сущностные качества психических функций, он также указывает на необходимость при их анализе принимать в расчёт и личностные

факторы, оказывающие влияние на интеллектуальную деятельность человека: ценностные ориентации, процессы планирования, программирования, принятия решений, регуляторные аспекты интеллекта и креативности и пр. При этом необходимо включать в анализ способностей и их социокультурные детерминанты, оказывающие влияние также на формирование личности и жизненные выборы человека.

Способности предлагается рассматривать на трёх уровнях. *Первый* уровень – уровень индивида, на котором способности отражают главным образом биологическую сущность этого индивида и проявляются в качестве свойств функциональных систем. На *втором* уровне они исследуются как способности субъекта деятельности. Третий уровень предполагает их анализ в масштабе личности. При этом способности рассматриваются как факторы, определяющие качественное своеобразие и успешность социального познания человека.

Проявлением духовных способностей являются духовные состояния, характеризующиеся расширением сознания, активизацией связей между сознательными и бессознательными уровнями личности, что способствует информационному обогащению в контексте понимания человеком проблемной ситуации или задачи. Кроме этого, происходит снятие эмоциональных барьеров, зачастую блокирующих его творческий потенциал и мешающих проявить свои интеллектуальные возможности в полную силу. Такие состояния характеризуются общим энергетическим подъёмом и могут быть тесно связаны с состояниями воодушевления и вдохновения. При этом происходит гармонизация личности человека, оптимизация его взаимоотношений и контактов с окружающим миром, устранение противоречий, усиливается концентрация на решаемой проблеме, устанавливается внутреннее равновесие, ак-

тивизируется контроль над своим «я», стремление к постижению истины и пр. [2]. Реализация «духовных» способностей может быть тесным образом связана с процессом творчества и творческой самореализацией человека. Способности субъекта В.Д. Шадриков связывает с одарённостью.

Многие отечественные исследователи отмечают, что познавательная деятельность человека – это непрерывное взаимодействие человека с миром. В этой связи возникает важная проблема, связанная с изучением роли творчества в адаптации человека к окружающей среде. По мнению В.А. Петровского, неадаптивная активность «как и созидательная (продуктивная) активность... избыточна относительно интересов «выживания» и составляет необходимый момент расширенного воспроизводства индивидуально-общественного бытия» [3, с. 39]. Надситуативная активность, по его мнению, связана с развитием человека и его личностным ростом. Особый акцент делается на способности человека творить и направленно транслировать инновации собственного опыта другим людям.

Следует отметить, что в последние десятилетия в исследованиях креативности и творчества наметилась тенденция к возрастанию интереса к проблематике восприятия, принятия, освоения и использования оригинальных и творческих идей. Это и понятно: зачастую прекрасная научная идея может оказаться нереализованной и невостребованной не потому, что является непрактичной или неинтересной, а потому, что не была должным образом воспринята, оценена и прорекламирована. Зачастую эффективное осуществление этих функций во многом зависит от другой важнейшей характеристики субъекта – его инновационности.

Научный анализ инновационной деятельности предполагает исследовать психологические

характеристики субъекта (личности): когнитивной, мотивационной и эмоциональной составляющих. Особенности формирования, функционирования, проявления и развития личностной инновационности во многом определяют поведение субъекта в условиях постоянно меняющихся экономических, технологических, информационных, социально-политических и др. параметров современного мира. Так, Э. Роджерс впервые осуществил типологизацию субъектов инновационной деятельности в зависимости от степени их вовлечённости в процесс внедрения и реализации новых идей, решений и технологий: инноваторов, склонных идти на риск ради инноваций; ранних потребителей, в целом принимающих инновации без особых задержек; поздних массовых потребителей, представленных в основном скептиками; медлительных и «опоздавших», которые являются зачастую консерваторами [4].

В рамках другой классификации все участники инновационного процесса делятся на типы: инноваторов, наиболее активно принимающих новые идеи и технологии; имитаторов, которые придерживаются веяний моды, традиций и мнения; большинства и «повторителей», которые склонны повторять однажды сделанный выбор несколько раз [4]. Третья классификация позволяет дифференцировать участников инновационного процесса в зависимости от их отношения к новым идеям, деятельности субъекта, а также качественного своеобразия процессов мышления: *адаптор*, *инноватор*.

Адаптор склонен к методичности, что позволяет ему довольно эффективно осуществлять рутинную деятельность. Он может аккуратно и обстоятельно выполнять даже однообразную работу, и в большинстве случаев на него можно положиться, т.к. всю работу он выполняет качественно. При этом он не склонен идти на риск. Во всём адаптор производит впечатление челове-

ка ответственного. Выглядит невосприимчивым к скуке. *Инноватор* может показаться недисциплинированным, относящимся к своим обязанностям не очень ответственно. Зачастую производит впечатление человека поверхностного и несерьёзного. Способен к качественному и обстоятельному выполнению рутинной и повседневной работы только в течение кратковременных порывов. Инноватор склонен делегировать рутинные функции другим людям или принятия решения в условиях осуществления этой деятельности.

В соответствии с этой теорией, каждый человек находится в определённой точке шкалы: *адаптор* – *инноватор*. На психологическом уровне различия между указанными двумя типами могут проявляться в следующем.

1. *Стиль осуществления деятельности.* *Адаптору* свойственна аккуратность и надёжность. В выполнении возложенных на него обязанностей он деловит и дисциплинирован. На него в большинстве случаев можно положиться, т.к. всю работу он выполняет качественно. Склонность *адаптора* к методичности позволяет ему довольно эффективно осуществлять рутинную деятельность, он может аккуратно и обстоятельно выполнять даже однообразную работу. При этом он не склонен идти на риск, иногда даже обоснованный. Во всём адаптор производит впечатление человека ответственного. Выглядит невосприимчивым к скуке. *Инноватор* может показаться недисциплинированным, относящимся к своим обязанностям не очень ответственно. Зачастую производит впечатление человека поверхностного и несерьёзного. Способен к качественному и обстоятельному выполнению рутинной и повседневной работы только в течение кратковременных порывов. Инноватор склонен делегировать рутинные функции другим людям или избегать их вовсе. В процессе достижения поставленных целей не очень охотно использу-

ет уже известные средства. Выглядит не очень основательным и практичным, часто шокирует окружающих.

2. *Специфика мышления.* Адаптор склонен скорее решать поставленную задачу, чем находить новую проблемную область. Ищет решения проблем в апробированных и понятных (ожидаемых) направлениях. Склонен путать цели и средства. Инноватор скорее будет отыскивать новые проблемные области и новые решения уже поставленных задач. Решать рутинные задачи ему просто неинтересно. Он интересуется всеми сопутствующими аспектами проблемы, компетентен во взаимодействии с ними. В столкновении с новыми и нестандартными ситуациями чувствует себя «как рыба в воде». Но при необходимости решать задачу или проблему уже известными и апробированными способами ему неинтересно.

3. *Стиль работы в группе.* Адаптор чувствителен к другим людям, способствует сплочению и кооперации в группе. В связи с тем, что он склонен к стабильным и устойчивым отношениям, адаптор не очень любит необычные формы поведения партнёров по общению, а также сам старается не совершать необычных и непонятных другим поступков. Инноватор нечувствителен к другим людям, может создавать угрозу сплочённости и кооперации в группе в силу склонности к нестандартному поведению. Кроме этого, зачастую инноватор заинтересован в том, чтобы активировать устойчивую группу с тем, чтобы в ней произошли хоть какие-нибудь перемены.

4. *Степень зависимости/независимости от окружения.* Адаптор редко бросает вызов существующим правилам. Если и бросает, то только тогда, когда обеспечен сильной поддержкой. Его больше устраивает стабильность в отношениях. Часто он неуверен в себе, реагирует на критику с показным согласием. Однако такая реакция адаптора может сопровождаться глубокими пе-

реживаниями. Чувствителен к давлению и власти. Может достаточно долго мириться с ситуацией, которая его не устраивает. Уступчив и покладист. Предпочтёт не ввязываться в конфликт, чем доказывать свою правоту. Конформен. Ему зачастую недостаёт конфликтной компетентности как умения эффективно использовать конфликт для решения встающих перед ним задач. Инноватор часто бросает вызов правилам, не проявляет особого уважения к традициям. Его зачастую не волнует, что в результате его действий может возникнуть конфликтная ситуация. Выглядит уверенным в себе и независимым в период продуцирования идей. Однако в период выполнения рутинных функций в течение коротких промежутков времени может терять уверенность в себе и становиться подавленным и подверженным влиянию. Не нуждается в согласии и поддержке для формирования веры во что-либо в условиях критики. Может отстаивать свою точку зрения, если уверен в её правильности, до конца. При этом инноватору может быть совсем не важно, насколько его точка зрения популярна или пользуется поддержкой. Он бывает неуважителен к общегрупповому согласованному мнению; может выглядеть несговорчивым, резким, создающим диссонанс в группе.

5. *Отношение к изменениям.* Адаптор относится к переменам зачастую скептически. Но при этом может обеспечивать надёжный фундамент для рискованных предприятий инноватора. Сокращает проблемную область посредством постепенных усовершенствований или более высокой производительности с максимальной преемственностью и стабильностью. Избегает резких и революционных изменений. В совместную с инноватором работу привносит стабильность, порядок и последовательность. Инноватор относится к изменениям позитивно, зачастую даже нуждается в них. Может выступать катализатором из-

менений в устойчивой группе или структуре. В совместную с адаптором работу привносит ориентацию на задачу, независимость от прошлого и от уже устоявшихся теорий. Он обеспечивает динамику для периодических кардинальных перемен, без которых система или организация застывает.

6. *Качества менеджера. Адаптор* эффективно управляет уже существующими структурами. Но в случае кризиса может оказаться не очень эффективным руководителем. Важен для повседневного функционирования организации. Однако иногда его необходимо выводить из привычной обстановки. *Инноватор* склонен брать на себя управление в непредсказуемых ситуациях. Очень эффективен в периоды незапланированного кризиса или в процессе профилактики такого кризиса (но только в случае, если *инноватор* находится под контролем).

Управляя инновационными процессами на любом этапе, целесообразно проводить исследования психологических характеристик субъектов, чтобы определить свойственный человеку набор качеств, в том числе его принадлежность к списку личностных особенностей *адаптора* и *инноватора*.

В современной глобальной экономике, информационном обществе и виртуальном информационно-коммуникационном пространстве (среде инновационной деятельности) все ярче проявляются два важных аспекта и проблемы эффективности инновационных процессов, которые связаны с распространением практики открытых проектов, команды которых могут состоять из специалистов разных стран, следовательно, члены команды могут говорить на разных языках и быть представителями культур, носителями разных традиций, норм, менталитета, верований и т.д.

Во-первых, повышается приоритет психологических особенностей субъекта инновационной деятельности, связанных с его национальной культурой и привычной средой общения. Преодоление этой проблемы требует от участников открытых проектов не только толерантности в межкультурном общении, но и разработки специальных мер психологической поддержки для предотвращения конфликтных ситуаций в связи с возникающим непониманием мотивов поступков и непривычностью норм поведения отдельных участников проекта.

Во-вторых, особым образом выстраиваются два основных языковых барьера многонациональной проектной команды:

- уровень владения языком и способности субъекта к овладению иностранным языком, который принимается как основной в проектной группе, определяет гамму трудностей, с которыми может столкнуться член команды, обладающий высокими профессиональными компетенциями, но имеющий затруднения в общении, снижающие его личную эффективность и эффективность команды проекта;
- психолингвистические особенности личности как часть психологических особенностей, специфически проявляющихся в профессиональном (с использованием языка конкретной профессиональной области знаний), но межкультурном общении междисциплинарной команды проекта.

Таким образом, наряду с «традиционными» психологическими подходами к повышению эффективности субъекта инновационной деятельности должны разрабатываться новые технологии психологического сопровождения инновационных проектов и процессов в современной глобальной экономике.

Литература

1. Шадриков В.Д. Психологическая характеристика нормального человека, или Познай самого себя. – М.: Университетская книга; Логос, 2009. – 210 с.
2. Шадриков В.Д. Происхождение человечности. Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Логос, 2004. – 296 с.
3. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: Горбунок, 1992. – 224 с.
4. Яголковский С.Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. – М.: 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/>

SEMANTIC SIMILARITY DIMENSION OF MICROINTERACTIONS: OPERATIONALIZATION IN TERMS OF DATA THEORY

Babich N.S., Batykov I.V.

Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The purpose of the present article is to identify perspectives for the development of a model of microinteraction which would simultaneously take into consideration both the formal features of a social structure and semantic aspect of group reality. The objects of integration will be represented by the social theory of the founder of symbolic interactionism George Herbert Mead, on the one side, and some contemporary approaches to the measurement and quantitative data analysis, on the other.

Keywords: *microinteraction, semantic similarity dimension, behavior, attitude-object model, semantic link model.*

Studying the process of microinteractions we need refer to Mead's theory. But it does not mean that we are quite positive about its being true or its being the best option for sociological analysis of the issue of meaning and signification of behavior. Still the social conception of Mead has a number of advantages from the standpoint of identified task. First of all it possesses significant potential for the integration with other relevant theoretical approaches. Mead's idea is closely connected with the tradition of pragmatism within the framework of

which the original ideas of semiotic character were developed (Scheffler, 1974). In his recent work Butt (2001) demonstrated complementarity of Kelly's (1955) personal constructs theory and a definition for social act given within the framework of Mead's pragmatism. The theory of personal constructs develops efficiently in the direction of methods of significations analysis (Fransella & Bannister, 1977) which can be applied to empiric verification of semantic models of microinteraction and for acquiring new unique data. Secondly, Mead's social

psychology mainly considers the situation of «face-to-face» interaction.

1. Semantic approach to microinteraction

The main idea of microinteraction semantic analysis can be formulated as follows: social entities, irrespective of their nature, are reflected in human consciousness as concepts. Thus, the reflection of social concepts is basically semantic relations. This idea is of high importance in the methodological plane as it explains many aspects of *constructing* social relations in an empiric and not speculative way. Moreover it makes the model of human regarded as the agent performing social actions much more complicated.

Conventionally human behavior is connected with the attitude to certain objects at which this behavior is directed. Although it was shown that behavioral intentions play a more significant role than attitudes (Fishbein & Ajzen, 1975) later on the intentions were successfully incorporated into the attitude model as such (Zimbardo & Leippe, 1991). Probably the most currently wide-spread model of behavior explanation can be presented in the way as it was done in fig. 1.

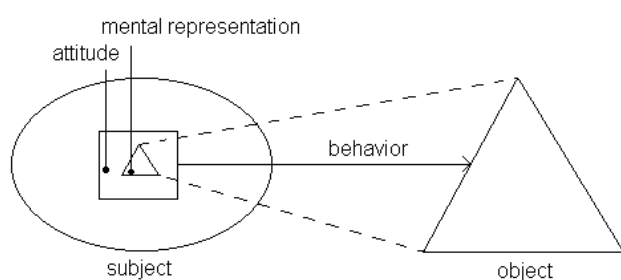

Fig. 1. *Attitude-object model of behavior explanation*

The object conceived by the social agent is reflected in his consciousness as a mental representation. This mental representation forms the part of the attitude which determines the behavior as regards the object in question.

Semantic approach to microinteraction gives grounds to regard as the basis of a social act not only the attitude of the agent to the object but also the relations between objects. This model is given in fig. 2.

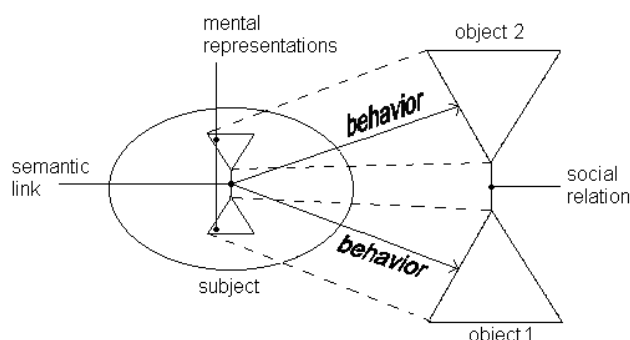

Fig. 2. *Semantic link model of behavior explanation*

It takes us outside the framework of subject-object dichotomy and introduces into the agent's model as the obvious element his notion of social relations which form in the environment. This scheme shows the possibility of influencing the behavior of bonds between the images of the objects at which the behavior is directed. As these are the bonds of semantic nature it is quite reasonable to draw parallels between such invariants of the social structure as the status and power, and semantic invariants which are similar to the factors of semantic differential revealed by Osgood, Suci and Tannenbaum (1957). In this case the status is expressed via the evaluation factor and power is shown through the potency factor (Kemper & Collins, 1990).

It is evident that for semantic analysis of microintentions we need such theoretical basis which takes into account the process of formation of notions concerning social objects. Among such approaches is symbolic interactionism of George Herbert Mead. Moreover Mead's theory regards not only the attitude itself as a social notion but also the whole inner architectonics of man as a social agent.

We appear as selves in our conduct in so far as we ourselves take the attitude that others take toward us, in these correlative activities. Perhaps as good an illustration of this as can be found is in a «right.» Over against the protection of our lives or property, we assume the attitude of assent of all members in the community. We take the role of what may be called the «generalized other.» And in doing this we appear as social objects, as selves. (Mead, 1932, p. 185)

As Nathanson (1956) points out, Mead believes that social experience includes all fundamental data for the analysis of both the nature of «social» and the nature of «experience». Here lies the difference of his concept of meaning from that of Ferdinand de Saussure (1916) who focused on formally logic features of sign systems. Mead was not evidently influenced by the works of de Saussure but was quite obviously affected by another outstanding semiotist Pierce (e.g. see Rosenthal, 1969). Mead (1932) developed the relational understanding of meaning:

Meaning arises and lies within the field of the relation between the gesture of a given human organism and the subsequent behavior of this organism as indicated to another human organism by that gesture. If that gesture does so indicate to another organism the subsequent (or resultant) behavior of the given organism, then it has meaning. In other words, the relationship between a given stimulus-as-a-gesture and the later phases of the social act of which it is an early (if not the initial) phase constitutes the field within which meaning originates and exists. Meaning is thus a development of something objectively there as a relation between certain phases of the social act; it is

not a psychical addition to that act and it is not an «idea» as traditionally conceived. (pp. 75-76)

This approach is closely related with dynamic interpretation of the nature of concepts by Vygotsky (1934) who considers meaning as a reductive form of a certain flow of thought or attitude to such process:

Every concept which originates in the consciousness separately forms so to speak a group of readinesses, a group of predispositions to certain flows of thought. That is why in consciousness every concept is presented at the background of relevant relations of commonness. Out of this background we choose the appropriate line of thought. Consequently the degree of commonness from the functional side determines the whole aggregate of possible thought operations with the given concept (p. 275).

Significant symbols are noted for their ability to call forth a predictable reaction in those to whom they are addressed and due to this fact human communication as such takes place: «Individual responds to his own stimulus in the same way as other people respond. Then the stimulus becomes significant; then one is saying something» (Mead, 1934, p. 67). The sample of behavioral expectation can be found in Mead's understanding of a role: assumption of another person's role is the anticipation of his/her behavior and not only the mental occupation of his/her position in the social structure.

Thus, the semantic approach to microinteractions which is based on Mead's theory rests on the following theses:

1. The behavior in relation to other people can be regulated not only by the images of these people

in the actor's consciousness but also by the semantic links between these images.

2. The images themselves take on significance in the result of the behavior of relevant individuals.

These theses help understand and study the most important aspect of microinteraction, i.e. being social behavior it reflects the behavior of those with whom the interaction takes place.

2. Operationalization of mead's «transcendental sociality» in terms of data theory

In an early review Bittner (1931) pointed out that Mead's attitude to German idealism is the key factor for the understanding of its social theory. In one place Mead even says, «The «I» is the transcendental self of Kant» (Mead, 1912, p. 141). Thus, Mead shares Kantian statement of the problem concerning the conditions of objective cognition but considers the answer of the German philosopher unsatisfactory. «The self-conscious, actual self in social intercourse is the objective «me» or «me's» with the process of response continually going on and implying a fictitious «I» always out of sight of himself» (Ibid). Mead opposes a community of active, communicating people to Kant's transcendental subject. «In the field of any social science the objective data are those experiences of the individuals in which they take the attitude of the community, i.e., in which they enter into the perspectives of the other members of the community» (Mead, 1932, p. 166). Miller (1973) points out that in Mead's last works he suggested a system of philosophy based on the principle of sociality. «The social character of the universe we find in the situation in which the novel event is in both the old order and the new which its advent heralds. Sociality is the capacity of being several things at once» (Mead, 1932, p. 49).

Digressing from the metaphysical sense of sociality principle let us ask ourselves the question of the methodological consequences of substituting the

transcendental cognition subject with transcendental cognition community. This question presents to be highly important not only for Mead's pragmatism but also for many social theories of the XX century in which such substitution takes place. One of the examples is Wittgenstein's (1953) private language argument and relevant issue of the society's role in conforming to the rule (Bailyn, 2002). It is vital to understand that the considered substitution is not the derivation of community by multiplying the subjects but derivation of subjects by reducing the sociality. In terms of the model we are developing this means that individual systems of meanings are the versions of group system but the latter is not necessarily described adequately by means of averaging the group members.

In case when a social group is regarded as a multiplied individual the collective evaluation of some object results from calculating mean or median for single assessments. Measurements which correspond to individuals are the elements of collective evaluation and the process of calculation constructs it and at the same time reveals it. In other words the average for individuals describes fully collective assessment. If the group meanings system is a certain semantic model which is represented in the consciousness of every individual belonging to the group then their separate assessments are only a version which reflects the group system with certain degree of precision. In this case averaging does not perform the function of constructing but only reveals group system. The distinction we have drawn corresponds to a certain extent to the theoretical division of holism and methodological individualism. This correspondence is, however, only partial as Mead's social theory is sometimes attributed to «dialectical approaches» (Berger & Luckmann, 1967) but in any case it is opposed to individualistic approaches. Mead (1934) wrote:

Our contention is that mind can never find expression, and could never have come into existence at all, except in terms of a social environment; that an organized set or pattern of social relations and interactions (especially those of communication by means of gestures functioning as significant symbols and thus creating a universe of discourse) is necessarily presupposed by it and involved in its nature. (p. 223)

This opposition has two approaches to consequence data analysis which will be considered by the example of multidimensional scaling in the process of which the averaging of proximity level is often used. Multidimensional scaling is quite actively used both for semantic studies (e.g. see Murakami & Kroonenberg, 2003) and for the analysis of a group's structure (Gazda & Mobley, 1994), which makes it one of the most perspective methods for the implementation of the tasks identified in the present work.

The averaging across subjects is known to artificially increase the amount of symmetry in the data, that is why averaged similarity data will likely be well fit by a standard multidimensional scaling model, regardless of whether the model provides a good fit to the data of any single subject (Ashby, Maddox & Lee, 1994). From the standpoint, which Udehn (2002) names a strong version of methodological individualism; this fact can be viewed as a purely natural one as any averaging across subjects gives fictitious data as the result. These data could be applied for diverse purposes and their adjustment to individuals may be improved but the main point here is that such analysis scheme remains theoretically relevant. If we follow Mead's logic of a subject as a reductive community then the group model which does not correspond to any of group members appears as highly doubtful because

every person should contain a certain variant of the group's semantic model.

In the studies which presuppose the people's assessment of some objects averaging always distorts the data structure. Realizing this fact Cattell (1952) suggested the concept of the data cube as being more corresponding to the real world. His data cube consists of dimension of data classification for subjects, a dimension for attributes and a dimension for objects. Every respondent is related to a matrix with a regular number of lines and columns and not a mere characteristics vector. Later Carroll and Arabie (1980) influenced by Tucker (1966) developed a taxonomy of data which made it possible to describe the peculiarities of observation matrixes of any dimension. In the works of Arabie, Carroll and DeSarbo (1987), and Young (1987) the theory was shaped finally which supplements significantly the approaches to data analysis developed by Coombs (1964). Jacoby (1991) summarized the content of this theory as follows:

The central ideas involve the numbers of *ways* and *modes* contained in a data matrix. The term *ways* refers to the dimensions of the matrix. The *modes* of a data matrix correspond to the number of distinct, different kinds of objects that are represented by the ways of the matrix. Each way of a data matrix has its own number of *levels*, corresponding to the number of entities in that object set. Thus the ways define the overall shape of the data matrix, the modes determine the interpretation of the objects, and the levels specify the size of the matrix. (p. 22)

Matrixes, which are built on the basis of the results of ordinary sociological polls, contain two ways and two modes (respondents and questions). The matrix of paired comparisons for one respondent

contains two ways and one mode (compared objects), minimal number of ways in a data matrix; moreover for numerous respondents there are three ways and it is always greater or equal to the number of modes (respondents and objects). Two is the des.

References

1. ARABIE, P., CARROLL, J. D., & DESARBO, W. S. (1987). *Three-Way Scaling and Clustering*. Newbury Park, CA: Sage.
2. ASHBY, F. G., MADDUX, W. T., & LEE, W. W. (1994). On the Dangers of Averaging Across Subjects when Using Multidimensional Scaling or the Similarity-Choice Model. *Psychological Science*, 5, (3), 144–151.
3. BABICH, N. S. & BATYKOV, I. V. (2004). *Ordinal Scaling*. Krasnodar: Kuban State University. (In Russian).
4. BAILYN, S. J. (2002). Who Makes the Rules? Using Wittgenstein in Social Theory. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 32, (3), 311–329.
5. BERGER, P. & LUCKMANN, T. (1967). *The Social Construction of Reality*. London: Allen Lane.
6. BITTNER, C. J. (1931). G. H. Mead's Social Concept of the Self. *Sociology and Social Research*, 16, 6-22.
7. BORGATTI, S. P. & EVERETT, M. G. (1999). Models of Core/Periphery Structures. *Social Networks*, 21, (4), 375–395.
8. BUTT, T. (2001).. Social Action and Personal Constructs. *Theory & Psychology*, 11, (1), 75–95.
9. CARROLL, J. D. & ARABIE, P. (1980). Multidimensional Scaling. *Annual Review of Psychology*, 31, 607–649.
10. CATTELL, R. B. (1952). *Factor Analysis: An Introduction and Manual for the Psychologists and Social Scientist*. New York: Harper and Row.
11. COOMBS, C. H. (1964). *Theory of Data*. Ann Arbor, MI: Mathesis.
12. FISHBEIN, M., & AJZEN, I. (1975). *Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research*. Reading, MA: Addison-Wesley.
13. FRANSELLA, F., & BANNISTER, D. (1977). *A Manual for Repertory Grid Technique*. London: Academic Press.
14. GAZDA, G. M. & MOBLEY, J. A. (1994). Multidimensional Scaling: High-Tech Sociometry for the 21st Century. *Journal of Group Psychotherapy, Psychodrama & Sociometry*, 47, (2), 77-96.
15. JACOBY, W. G. (1991). *Data Theory and Dimensional Analysis*. Newbury Park, CA: Sage.
16. KELLY, G. A. (1955). *The Psychology of Personal Constructs*. New York: Norton.
17. KEMPER, T. D. & COLLINS, R. (1990). Dimensions of Microinteraction. *American Journal of Sociology*, 94, (1), 32–68.
18. MEAD, G. H. (1932). *The Philosophy of the Present*. LaSalle, Ill.: Open Court.
19. MEAD, G. H. (1934). *Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago: The University of Chicago Press.
20. MEAD, G. H. The Mechanism of Social Consciousness (1912). In A. J. Reck (Ed.) *Selected Writings*:

George Herbert Mead. Chicago: University of Chicago Press, 1964, pp. 134-141.

21. MILLER, D. L. (1973). *George Herbert Mead: Self, Language, and the World*. Austin: University of Texas Press.
22. MURAKAMI, T. & KROONENBERG, P. M. (2003). Three-Mode Models and Individual Differences in Semantic Differential Data. *Multivariate Behavioral Research*, 38, (2), 247–283.
23. MORENO, J.L. (1934). *Who Shall Survive? Foundations of Sociometry, Group Psychotherapy and Sociodrama*. New York: Beacon House, 1953.
24. NATANSON, M. (1956). *The Social Dynamics of George Herbert Mead*. Washington, D.C.: Public Affairs Press.
25. OSGOOD, C. E, SUCI, G., & TANNENBAUM, P. (1957). *The Measurement of Meaning*. Urbana, IL: University of Illinois Press.
26. ROSENTHAL, S. B. (1969). Peirce, Mead, and the Logic of Concepts. *Transactions of the Charles S. Peirce Society*, 5, (3), 173-187.
27. SAUSSURE, F. (1916). *Course in General Linguistics*. La Salle, Ill.: Open Court, 1983. (Translated by R. Harris)
28. SCHEFFLER, I. (1974). *Four Pragmatists: A Critical Introduction to Peirce, James, Mead, and Dewey*. London: Routledge and Kegan Paul.
29. SCHWARZ, G. (1978). Estimating the Dimension of a Model. *Annals of Statistics*, 6, (2), 461–464.
30. SNYDER, C. W & LAW, H. G. (1979). Three-Mode Common Factor Analysis: Procedure and Computer Programs. *Multivariate Behavioral Research*, 14, (4), 435-441.
31. UDEHN, L. (2002). The Changing Face of Methodological Individualism. *Annual Review of Sociology*, 28, (1), 479–507.
32. VYGOTSKY, L. S. (1934). Thought and Language. In *L.S. Vygotsky's Collected works*, Vol. 2. Moscow: Pedagogika, 1982, pp. 5-361. (In Russian).
33. YOUNG, F. W. (1987). Data Theory. In F. W. Young and R. M. Hamer (eds.) *Multidimensional Scaling*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 43-67.
34. ZIMBARDO, P. G., & LEIPPE, M. R. (1991). *The Psychology of Attitude Change and Social Influence*. New York: McGraw-Hill.

СТРУКТУРА ДРУЖЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

THE STRUCTURE OF FRIENDLY INTERACTIONS

Рягузова Е.В.

Саратовский государственный университет,
г. Саратов, Россия

Ryaguzova E.V.

Saratov State University,
Saratov, Russia

В статье представлена структура дружеских взаимодействий, полученная с помощью авторской методики рефлексивного самоотчета «Я и Другой» и процедуру факторного анализа. Расширены и наполнены новым эмпирическим содержанием научные представления о ключевых компонентах дружеских интеракций: обоюдное доверие как основа любых взаимодействий; взаимный реципрокный альтруизм как смысловая установка; эмпатический резонанс как когнитивное и эмоциональное понимание Другого, безусловное принятие как признание аутентичности и ценности Другого.

Ключевые слова: личностные репрезентации, взаимодействие «Я – Другой», дружба, межличностные отношения, дружеские взаимодействия.

The article presents the structure of friendly interaction, using authentic methods of self-reporting reflexive «I and the Other» and the procedure of factor analysis. Scientific ideas about the basic components of friendly interactions are expanded and filled by the new empirical maintenance: mutual trust as a basis of any interactions; mutual reciprocal altruism as semantic setting; Empathetic resonance as mental and emotional understanding of Other, absolute acceptance as a recognition of authenticity and value of Other.

Keywords: personal representations, interaction «I – Other», friendship, interpersonal relations, friendly interactions.

In the face of globalization and integration challenges and risks the life of a modern human involved with both the apparent positive developments and with obvious negative transformations in various aspects of his life. On the one hand, the world unites in a single all-out Federation of identical and similar to each other, increasing mobility, are visible and invisible borders and barriers, but on the other hand, a person loses his identity and uniqueness,

experiences the exclusion, associated with isolation, loneliness and communication of risks. Accordingly, it is possible to speak about the anthropological crisis loss man values his being associated with diffusion identity, inability to detect and understand other content of its distinction and assimilation in his own experience, focusing on the design of a new model of otherness, identity. At the present stage of development of society, understanding between

people serves as a necessary condition for the full and effective existence in a globalized world as individuals and groups or society as a whole. In today's world is changing the nature of interpersonal relations which are becoming more and more traits of volatility and pragmatism.

The purpose of this study is to identify the content of personality representations of interaction «I-significant other» on the example of friendship and friendly interaction structure description. The study involved 133 teenager two age categories (11-12 years of age and 15-16 years). As a major diagnostic technique used study methods of interpersonal relations (T. Leary), orientation questionnaire, as well as the note of the author's technique was applied to reflexive self-reporting «I and the Other» [1]. Reflexive methodology relies on self-reporting qualitative phenomenological methodology and is intended to describe the experience of intersubjective interactions «I and Other». Verbal descriptions of the verbalization of subjective version, personal meanings, experiences and ways of articulating the relationship with others in the form of value judgments, which together form a text with a given researcher structure. Text configuration in reflexive self-reporting is the result of cooperation researchers and researched. On the one hand, a researcher purposefully and willfully actualizes intersubjective experience and associated feelings and meanings. The structure of the text, its dominant symbolic figures (such as Another, I, Friend, Hero, Enemy, Stranger), iconic props estimation (e.g., the register of significant qualities of Other, associative and metaphorical ranks, degree of similarities and differences and/or assessment of the positive and negative qualities of Other) are specified by using either the open or closed questions, focused on a specific subject and defining the subject and timing of research, either through the unfinished proposals, identify personal meanings, subjective values and

explaining implicit content of the proposed concept. The texts are reports written in terms of ordinary language, naive, while retaining individual style and distinctive vocabulary, but we believe that the phenomenological descriptions of it everyday, familiar subjects, individualized language can reveal and show the presence of subtle differences and barely noticeable nuances due to cultural, religious, age, professional, group and other discourses.

Based on content analysis of verbal descriptions of Friend identified the functional characteristics of the Friend: mutual trust; mutual aid, support, devotion, understanding, acceptance, the similarity of interests, sacrifice, sincerity, exclusiveness, intimacy, ability to empathize, to be able to love and care for each other, actualize the positive emotions, to spend time together, sharing the victories and defeats, be selfless, caring about other people, be respected by others.

By factor analysis reveals four key factors that define the functional characteristics of the Friend (table 1).

The first factor «Mutual trust» (15 per cent variance) is formed by such characteristics as devotion and trust. If «devotion» is clearly understood as a quality of person that determines its behavioral picture on another man, the concept «trust» in psychology is treated differently: as a basic setting, produced in the early stages of ontogenesis (D. Brothers, T. Govir, E. Erickson, T. Yamagishi); as the original premise of human communication (C.A. Abulhanova-Slavskaya); as a kind of relationship (L.Y. Gozman, I.S. Kon, M.U. Kondratyev, E.A. Khoroshylova); as anticipating and assessing the meaning of affective events (V.P. Zinchenko); as the first and paramount condition for the existence of the phenomenon of friendship (I. S. Kon, V.A. Losenkov, L.Y. Gozman, A.V. Mudryk, I.S. Polonsky, etc.); as a kind of setting-relationship (T.P. Skripkina); as the counter equivalent

Table 1

Results of factor analysis of the functional characteristics of Friend

Functional characteristics of Friend	Component			
	1	2	3	4
Devotion	0,767			
Mutual trust	0,732			
Sacrifice		0,744		
Similarity of interests		0,644		
Understanding			0,729	
Exclusiveness			0,631	
Acceptance				0,728
Sincerity				0,685

to metarelation the subject to object (I.V. Antonenko); as the property of personality in the context of the subject's moral-psychological regulation of social activity (A.L. Zhuravlev, A.B. Kuprechenko). Invariant for all of these concepts is the recognition that trust is all-pervasive phenomenon presented in all spheres and at all levels of social functioning. Therefore, a key component of all sustainable and lasting interpersonal relationships is the presumption of trust as the basis of interaction with the world.

The factor of «mutual trust» we interpret in the context of the psychological relationship with emotional, cognitive and behavioral components. These relations are based on the simultaneous experience of significance and security relationship with Friend; they are based on the belief in honesty, friendliness and confidence that in difficult life situations, I and my Friend will act jointly and consistently; as well as these relations are based on the knowledge of certain rules and learned in the process of socialization, and willingness to comply with them.

«Mutual trust» can be seen as a condition of stable concerted action. When one person nominates, it means that he takes for granted its relationship with Other (Friend) and tries to act on the basis of the limited repertoire of means of action prescribed by society friendly interpersonal relations. Moreover, trust in friendship implies reciprocity perspectives

related to the fungibility of positions and roles, and the coincidence of meanings. In a typical communication each one its participants is referring to the existence of some form of sociality, which was the approval of a person that there is some dissonance between the way broadcasts to the other one (image I for Other), and I for myself. In the friendly interactions these images is certainly not a merge, but the mismatch between them can reach the minimum values. Trust in friendship implies openness to the other one (Friend) and involving it in your own inner peace. In fact, the factor of «mutual trust» is an integrative factor associated with the entry of any person into a substantive and social peace and defines the configuration of its relationships. Friendship personality is safety, satisfaction and meaning, and speaking of security, we have in mind is not so much the absence of threats, but rather the existence of basic support and care while respecting and preserving the sovereignty of the individual.

The second factor (14.2% dispersion), which includes features like the sacrifice and the similarity of interests that we conventionally labeled as «Mutual reciprocity altruism». Traditionally, altruism is understood as a system of value orientations, its common humanistic setting providing selfless assistance to any person caring for him, mercy and self-denial even for another person, sometimes associated with a different kind of risk and willingness

to sacrifice up to sacrifice. In modern psychology this is a fairly broad definition of differentiated and refined depending on what is meant by using and as it turns out (alternate altruism), and who is and what is expected in return (reciprocity altruism). «Alternate altruism or alter-altruism» (A. N. Poddyakov) is defined as setting to help Other, ignoring selflessly own interests, through damage to opponents of Other [2].

Reciprocity altruism (R. Trivers) deals with the loved one, which takes a certain and particular position. In this case, an altruistic motive is formed on the basis of exteriorization personality social norms and perceptions of friendship made in society and internal imperatives governing its activity (behavior, attitudes, experience). It is considered a priori and is expected to sign a similar activity – the response of self-sacrifice in similar circumstances on the part of Friend in relation to yourself. Therefore, mutual altruism is the semantic of conscious, value-oriented setting, the nature and specificity of friendly relations. Accordingly, the selected factor refers to the value of semantic field of personality and is associated with a hierarchy of values, meanings and a pyramid system of interest.

Implicit in the meaning of the third factor «Empathetic resonance» is revealed through characteristics such as «Understanding» and «Exclusiveness» (12.2% of the variance). In a narrow sense, the understanding of the gnoseological constitutes one of the processes of thinking and in a broad sense, it is treated as ontological universal psychic ability and even as a way of being human in the world [3]. The term «empathetic resonance» is derived by us from the literature on psychotherapy and consulting practice (Burlachuk L.F., Vasilyuk F.E., Gippenrejtör Y.B., Greenberg L., Kohut H., Petrushin S.V., Rogers K., Elliot R.). In our view, such borrowing not-coincidentally, since friendship is «helping relationship» with pronounced

psychotherapeutic effect. Thus if a personality-oriented therapy the position of Other (a professional therapist or counselor) is a compassionate stance mirrors (F.E. Vasiluk), friendly relations is not only the opportunity to see myself, transform the meanings and values, but also impact, responsiveness, sense of understanding, strengthening and confirming the authenticity and value of the person, as well as assisting in updating its credibility to their own experiences. Empathetic response in friendship, providing a special kind of empathetic recognition, based on a single internal coordinate system developed in conjunction with the Friend; at the joint experience of living life situations; on involvement in similar or even the same sociocultural context, as well as understanding of verbal and non-verbal messages to each other. Empathetic response leads to a peculiar name (k. J. Gergen), involving the harmonic combination of two I, sounding in unison. It should be noted that to be on the same wavelength with many impossible, so Friend attributed the status of exclusivity.

The fourth factor «Unconditional acceptance» (11.5% dispersion) combines characteristics such as «sincerity» and «acceptance». K. Rogers indicates that unconditional acceptance of necessary liberates identification all the time looking for social acceptance and positive attitude along with empathy and congruence of personality are clearly established conditions that are regarded as necessary and sufficient for meaningful changes personality [4]. Priority certainly value the relationship to myself and Other, being with Other, the importance of authenticity and spontaneity for personal development and enhance its effectiveness, creativity, self-expression and self-actualization enough represented in the works of A. Adler, R. Burns, Y.B. Gippenrejtör, V.P. Zinchenko, E.I. Isaev, A. Cronin, A. Maslow, A. Meneghetti, V.A. Petrovsky, K. Rogers, V.I. Slobodchikov, A.U. Harrache.

If the adoption means the inclusion in its membership, the unconditional acceptance is treated as a positive attitude towards the part that does not require articulation preconditions and restrictions. Pay attention to the important fact-in the context of friendly relations of unconditional acceptance does not mean lack of evaluation. The evaluation takes place not only at the stage of choosing Friend based on a hierarchy of values, personal meanings, identities, interests, views and attitudes, prejudices, peculiar emotional sympathies and antipathies matrices, assumptions and expectations, i.e. preceded by establishment of friendly relations, but also accompanies them. Unconditional acceptance does not protect the individual from adverse judgments and painful truth, Friend valued honesty, sincerity and truthfulness. However, by becoming a friend, personality counts for symmetric cross unconditional acceptance, recognition of it as a value, stimulate her expression, openness to experience and lack of conviction. Note that the emotional nature of unconditional acceptance is another limitation in friendships: unconditional acceptance are the valid boundaries, deviations from the role-playing a reflexive position «friend», as well as the subjective perceptions of friendship, deterministic sociocultural norms and conventions.

Friendship not only fulfils the need for affiliation, but also contributes to personal development, harmonious integration of identity and expression of spontaneity, acceptance and understanding of self, the world, and Other in the world in all variety and multidimensionality. Unconditional

acceptance of friendship is a reflection of himself in Other recognition of the authenticity of Other (Friend), respect for their individuality, as well as the positioning of the Other (Friend) as values and as a part of yourself. Revealed factor relates to the social development of the individual, with the expansion of its capabilities, increased creativity, with a focus on the success of self-development and self-realization.

Identified patterns are fully supported by the results of the study of interpersonal relationships and orientation form. Received significant connection between the I and the Other factors «Friendliness» ($r = 0.30$ in $p < 0.01$) and «Domination» ($r = 0.45$ in $p < 0.01$), as well as a significant link between the thrust of the individual to communicate and self esteem factor «Friendliness» ($r = 0.41$ in $p < 0.05$). A closer link to «Dominate» shows, in our view, that the teenage friendship is not always equal union of actors based on equivalent relation to himself, Other/Friend on exclusive recognition of its uniqueness and value.

Thus, the empirical results significantly expand scientific understanding of the basic components of friendly interactions. They represent the invariant structure of friendly interaction: mutual trust as the foundation of any relationship; reciprocal altruism as semantic setting and a perceived value orientation of the person; empathetic response as cognitive and emotional understanding of friendly relations with each other, strengthening and confirming the authenticity and value of the person; unconditional acceptance as a recognition of individual authenticity and values of Other.

References

1. Рягузова Е.В. Личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой»: социально-психологический анализ // Автореферат на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.05 – Социальная психология. – Саратов, 2012. – 49с.
2. Поддьяков А.Н. Альтер-альтруизм // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. №3. –

С. 98-107.

3. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2000. Т. 21. №2. – С. 7-15.
4. Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия: теория, современная практика и применение. М: Психотерапия, 2007. – 558с.

PROACTIVE BEHAVIOR: CRITERION SIGNS, CLASSIFICATION AND PSYCHOLOGICAL PREDICTORS

Erzin A.I., Nazarenko E.V., Har'kova A.A., Kirienko A.A.

¹Orenburg State University,
Orenburg, Russia

In article the phenomenon of proactive behavior of the individual is considered. According to the authors, in the modern psychological researches the human personality and his behavior are presented by reactive approach in general. The proactive behavior is studied insufficiently. The authors offer criteria of proactivity by means of which it is possible to expand knowledge about this phenomenon. Three forms of proactivity are distinguished: constructive, destructive and deficiency. The analysis of the main psychological predictors influencing the behavior formation is carried out. The model of proactive behavior is presented in which it is compared to reactive (adaptive) behavior. The article has controversial character creating a basis for the next researches of this subject.

Keywords: *proactive behavior, proactivity, psychological predictors, behavior forms, outlook.*

The question of sources of human behavior always was a hard subject in philosophy and psychology. A lot of works is devoted to studying of behavioral activity of the individual and determining factors (J. Watson, W. Hunter, K.S. Lashley, B.F. Skinner, E. Thorndike, A. Bandura, I.P. Pavlov, I.M. Sechenov, V.M. Bekhterev, P.K. Anokhin, A.A. Ukhtomsky, L.S. Vygotsky, S.L. Rubinstein, A.F. Lazursky, M.Ya. Basov, A.N. Leontyev, A.R. Luria, etc.). However still there is open a question about ratio various role of external (environmental) and internal (personal) factors in behavior formation.

At the basis of the psychological theories of the personality explaining the reasons of behavior, two views are established: *reactivity* and *proactivity*. According to the first view, in formation of behavioral model a lead role is played by the external conditions which are not depending on will of human. In other words, the individual acts how circumstances direct to him. The individual builds interaction strategy with environment, proceeding from external conditions.

The view of the human mentality and his behavior from position of proactive psychology is represented otherwise. According to this approach, the person

independently chooses the reaction to external influences (V. Frankl, G. Allport). The behavior of the individual is not determined by circumstances, but conscious choice based on world outlook and values.

Anlages of proactive psychology started to be formed in the middle of the 20th century within the humanistic psychology (V. Frankl, G. Allport). V. Frankl entered for the first time the term «proactive» for designation of the personality accepting responsibility for the life, instead of looking for the reasons for occurring events only in circumstances (V. Frankl).

Thus, the behavior of the individual can be divided conditionally on *reactive* (adaptive) and *proactive* (creative, valuable-focused).

The *criteria* defining degree of proactivity of the personality include:

- 1) awareness of actions;
- 2) understanding of its consequences;
- 3) responsibility for the life;
- 4) spontaneity;
- 5) free will, freedom of decision-making;
- 6) domination of metamotivation over deficiency needs (A.Maslow);
- 7) orientation not on external circumstances, but on own ideals, interests, attitudes, belief and values;
- 8) prevalence of coping-strategy over defence mechanisms.

The specified criteria certainly still need development and addition as the proactivity theory of the personality isn't created yet at this stage of development of psychology.

So proactive behavior of the individual represents? Proceeding from criteria, first of all, the proactive behavior is based on world outlook of the individual, on his views and values. The proactive individual always knows what moves he; he is guided

by values in everyday life. The proactive person is stable, quiet and judicious wise.

Besides, the proactive behavior is always the conscious behavior with prediction of consequences. The proactive individual plans in advance the activity before making act. The proactive individual sees in advance consequences of the actions and if it can appear undesirable, he can refuse implementation of the plan.

Also proactive behavior is a free behavior (behavior of the free person who capable to choose model of behavior independently).

The proactive individual is an individual spontaneous. He acts under the influence of internal motives, instead of circumstances. The proactive person is a person free in the creativity, creative, relaxed, confident in himself forces. The proactive personality is capable to convince itself people, instead of to listen to opinion of people around and to be afraid of norms and rules.

The proactive individual is a responsible individual. He doesn't cop out responsibility for the acts as he knows that he made it consciously and independently. The proactive person is owner of the life.

At last, in behavior of the proactive personality the unconscious mechanisms of psychological protection (defence mechanisms) forming neurosis not prevail. The coping strategies dominate in behavior of the proactive personality, its' always conscious and directed on adaptation to a stress.

Being based on the G. Ammon's theory of the personality Ego-structure, we distinguished the next *forms of proactive behavior* of the individual:

- 1) the constructive;
- 2) the destructive;
- 3) the deficiency forms.

The constructive behavior of the personality is directed on creation and maintenance of productive contacts with people around or other objects. The

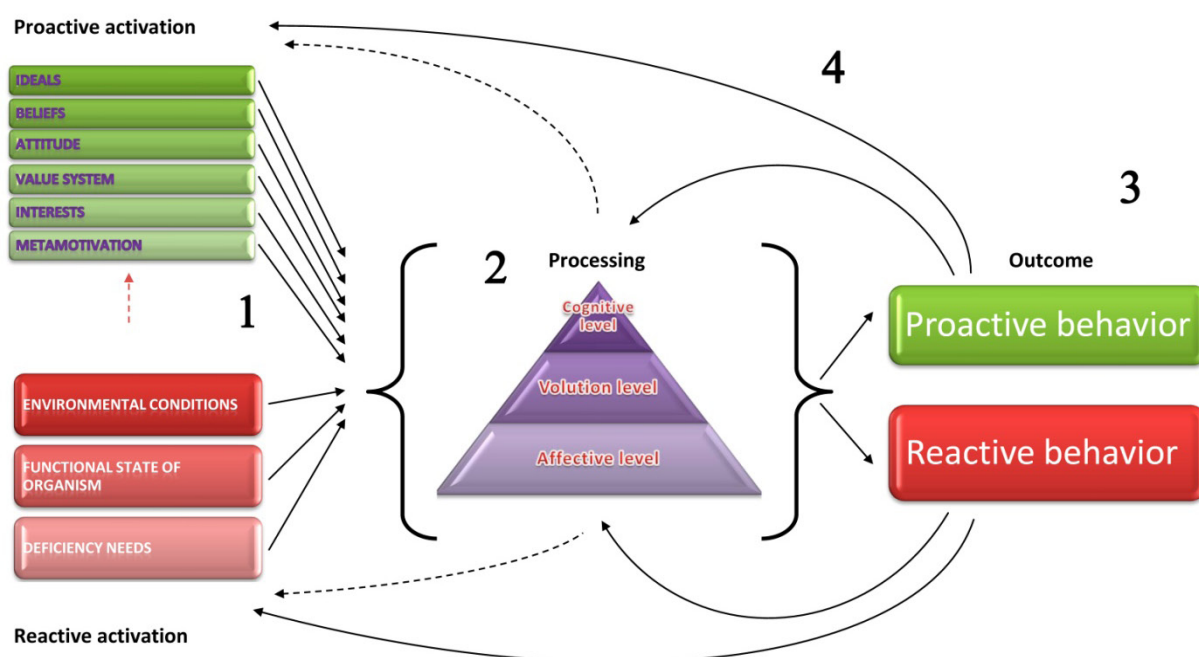

Fig. 1. The model of proactive behavior

1 – behavior sources, 2 – processing by the personality the entering signals, 3 – behavior as outcome, 4 – feedback (result verification with sources); → – direct influence, --- – indirect influence.

constructive proactive behavior set sights on useful result. Such behavior promotes learning, assimilation of new knowledge of the world, other people and itself. The constructive proactive behavior represents a basis of creative activity therefore new objects are created.

The destructive proactive behavior is a conscious choice of the personality for violation of interpersonal interaction. The destructive proactive personality meaningfully moves against other people, against society (*moving against people*, according to K.Horney). Such person consciously destroys social contacts, entering the conflict. Such people are usually aggressive, malicious and try to maintain other people for obtaining own benefit. The main aim of such people's life is fight. They perceive other people as enemies.

The deficiency type of proactive behavior represents conscious leaving of the personality from numerous contacts, interruption of communications

with other people. Such people are usually isolated. They feel comfort alone with themselves. Contacts with other people and communication burden such people. They often feel fear and anxiety in environment of other individuals. They are meaningfully fenced off from the world, trying to create the own world full of autistic thinking.

In sum, the proactive behavior is a form of the activity caused by the internal reasons (personal predictors). These predictors include (Fig. 1): ideals, belief, attitudes, value system, interests, metamotivation. All of them in aggregate form the complete system determining behavior and activity of the individual.

Thus, the question of sources of proactive behavior still remains unresolved. The development and the solution of this problem need detailed research of the distinguished criterion signs and psychological predictors of proactivity of the personality and forms of proactive behavior in various groups of survivors.

References

1. Allport G. (1955). *Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality*. New Haven: Yale University Press.
2. Anokhin P.K. (1937). The functional system as the basis for the integration of nervous process during embryogenesis. All- Union Conference of Physiologists, Biochemists and Pharmacologists, Tbilisi (p.148-156).
3. Bandura, A. (1977). *Social learning theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
4. Frankl V. (2006). *Man's Search for Meaning. An Introduction to Logotherapy*, Beacon Press, Boston, MA.
5. Horney K. (1945). *Our Inner Conflicts*. W.W. NORTON & COMPANY, INC.
6. Maslow A. (1954). *Motivation and Personality*. New York: Harper. Second Ed. New York: Harper. (1970). Third Ed. New York: Harper. (1987).
7. Watson J. B. (1930). *Behaviorism (revised edition)*. University of Chicago Press.

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

PECULIARITIES OF CREATIVE ACTIVITY OF STUDENTS – FUTURE ENTREPRENEURS

Акимова А.Р., Ахраменков Е.А.

*Магнитогорский государственный университет, кафедра возрастной психологии и физиологии,
г. Магнитогорск, Челябинская область, Россия*

Akimova A.R., Ahramenkov E.A.

*Magnitogorsk State University, department of age psychology and physiology,
Magnitogorsk, Chelyabinsk area, Russia*

Статья посвящена проблеме изучения творческой активности личности в условиях предпринимательской деятельности. Представлен качественный анализ и раскрыта специфика взаимосвязей личностных и мотивационных параметров творческой активности у студентов – будущих предпринимателей.

Ключевые слова: творческая активность, предпринимательская деятельность, направленность мотивационной структуры, базовые смысловые установки, изобретательность как системное свойство личности, студенты – будущие предприниматели.

The article is devoted to the study of the peculiarities realization of creative activity in the entrepreneurship. The descriptive analysis and the correlation of personal and motivational components of the creative activity of students – future entrepreneurs are presented.

Keywords: *creative activity, entrepreneurial activity, orientation of motivational structure, basic semantic installation, ingenuity as a systemic quality of personality, students – future entrepreneurs.*

К современным экономическим, политическим и социальным условиям России можно применить такие характеристики, как динамичность, сложность, неоднозначность, противоречивость. Развитие инновационных технологий и доступность информационного пространства задают высокий уровень конкуренции и ускоряют темп изменений, затрагивающих разнообразные стороны жизнедеятельности. С одной стороны, данные особенности расширяют возможности для успешной профессиональной и духовной самореализации, с другой стороны – предъявляют высокие требования к способности личности принимать самостоятельные решения, разрабатывать и реализовывать нестандартные идеи, изменять тактики и стратегии своего поведения при решении разнообразных задач.

Все эти характеристики входят в понятие творческой активности. Поскольку творчески активная личность с максимально возможной полнотой использует свои способности и талант, стремится к реализации своего потенциала и достижения успеха в различных сферах жизнедеятельности. Более того, растущий интерес коммерческих компаний к творческому потенциалу личности рассматривается как средство повышения эффективности труда и адаптации персонала к постоянно развивающимся рынкам.

Между тем, изучение творческой активности личности – глобальная теоретическая проблема и сложная область эмпирических исследований. Каждый раздел психологической науки – общая, дифференциальная, социальная, возрастная, кли-

ническая психология – внес свой вклад в понимание этого предмета. При этом во всем многообразии определений творческая активность чаще всего рассматривается как специфический вид активности человека, направленный на познание и творческое преобразование окружающего мира, включая себя и условия своего существования. Творческая активность проявляется в любом виде деятельности (в области производства, науки, искусства и т.д.), а также в ситуации неопределенности с отсутствием четких алгоритмов решения встающих перед человеком проблем и задач. Поэтому природа творческой активности трактуется и изучается с различных сторон: как когнитивные свойства, мотивационные образования, личностные черты [3].

Согласно многофакторной концепции креативности, творческая активность личности зависит от сочетания взаимодействующих когнитивных, конативных, эмоциональных и средовых компонентов. Выделение этих четырех факторов зависит от того, какой из четырех аспектов проблемы исследования выходит на первый план: среда, в которой осуществляется творчество, творческий продукт, творческий процесс, творческая личность. При этом каждому человеку в каждой профессии свойственно особое сочетание этих факторов [5].

На основе многочисленных теоретических и эмпирических данных можно выделить следующие наиболее важные психологические черты успешного предпринимателя, бизнесмена: внутреннее стремление к новаторству (преоб-

разующей и созидательной деятельности), изобретательность и способность к инновациям; инициативность, волевые качества, потребность в достижениях, самостоятельность, склонность к риску, приверженность делу, оптимистическая ориентация [1-2, 8-9].

Для нашего исследования является особенно важным, что большинство перечисленных характеристик являются показателями, сосредоточенными в конативном факторе творческого потенциала личности. Однако, проблема развития личностных черт и мотивов деятельности, которые в наибольшей степени соответствуют успешному выполнению задач в области предпринимательской деятельности, остается недостаточно исследованной.

Таким образом, целью данного исследования явилось изучение особенностей проявления конативных (личностных и мотивационных) параметров творческой активности у студентов – будущих предпринимателей.

В соответствии с целью и задачами исследования была сформирована выборка, в которую вошли 48 студентов Магнитогорского торгово-экономического техникума (12 юношей и 36 девушек в возрастном диапазоне от 17 до 19 лет), обучающихся по специальности «Предприниматель. Коммерсант».

Диагностика соответствующих показателей осуществлялась с помощью методик: «Бланковый тест – Изобретательность» А.И. Крупнова [4], «Ориентировочная анкета» В. Смейкала и М. Кучера (адаптация Л.В. Верещагина) [7], «Смысловые базовые установки» (адаптация А.Д. Ишкова и Н.Г. Милорадовой опросника «Шкала дисфункциональности» Д. Бернса) [6].

В результате качественного анализа были определены особенности творческой активности, обусловленные доминированием и преобладанием отдельных ее признаков у студентов – буду-

щих предпринимателей.

Так, по всей выборке студентов в большей степени выражена производительная, творческая и созидательная направленность, обусловленная стремлением к реализации целей и решением задач в профессиональной деятельности (*направленность на задачу* – 26,9). При этом в мотивационной структуре студентов менее выражены показатели потребности в общении и стремления к конформным, зависимым отношениям (*направленность на взаимодействие* – 25,6), а также признаки проявления эгоцентрических тенденций, связанных с потребительной мотивацией и личным благополучием (*направленность на себя* – 23,8).

На основании полученных данных можно сказать, что реализация студентами творческой активности побуждается, прежде всего, самим процессом и результатом творчества, их стремлением внести свой вклад в достижение общей цели группы. При этом менее выражено желание получить какие-то преимущества, иметь превосходство над другими или повысить свой авторитет.

Также по всей выборке студентов представлен широкий диапазон базовых смысловых установок с выраженным доминированием показателей *ответственности за других* (6,4), *ответственности за себя* (6,1) над показателями *вербальной зависимости* (4,8), *эмоциональной зависимости* (4,6) и *зависимости от достижений* (4,5).

Следовательно, можно сказать, что, в целом, студенты интересуются многими аспектами жизни, способны ставить разумные цели и испытывать удовольствие от самого процесса достижения цели. Они демонстрируют адекватную реакцию на критику и одобрение, удовлетворение от работы и уважение к себе, несут личную ответственность за происходящее и интерпретируют значимые события своей жизни как результат

собственной деятельности. Студенты в большей степени относятся к людям как к равноправным партнерам, отношения строятся на взаимности. Хотя иногда демонстрируют склонность брать чужую ответственность и необоснованно обвинять себя за проступки других людей.

Что же касается личностных особенностей, то проявление изобретательности у будущих предпринимателей характеризуется максимальной выраженностью переменных продуктивного компонента с доминированием значений *предметности* (37,1), а также преобладанием значений агармонических признаков когнитивного, динамического, эмоционального и регуляторного компонентов: *осведомленности* (34,1), *аэнергичности* (27,9), *астеничности* (34,7) и *экстернальности* (30,9).

Это свидетельствует о том, что результативность творческих действий наиболее высоко оценивается студентами в различных видах деятельности и способствует развитию творческого отношения к порученному делу, быстрому решению творческих задач, лучшему предвидению конечного результата деятельности. В тоже время творческая активность в исследуемой группе характеризуется пассивной установкой в плане саморазвития креативности, поскольку студенты более склонны считать, что изобретательность – это врожденное свойство личности, которое не поддается изменению. Студенты также демонстрируют неустойчивость проявления данного свойства, прибегают к творчеству только в крайнем случае или при необходимости, проявляя при этом неуверенность, тревогу, смущение, когда обнаруживается несостоятельность решения творческих задач. У студентов также выражен более низкий уровень саморегуляции процесса творчества. В частности, их стремление изобрести что-то исчезает, когда они сталкиваются с оценкой и мнением окружающих. Таким образом, для дан-

ной группы студентов успешное появление новых творческих идей представляется возможным только при наличии соответствующих условий, везения или удачи.

В результате корреляционного анализа в исследуемой группе получено наибольшее количество связей мотивационно-смысловых (10) и инструментально-стилевых (7) признаков свойства личности изобретательности с показателями смысловых базовых установок (17).

Так, показатели установок «*Вербальная зависимость*» и «*Эмоциональная зависимость*» напрямую связаны с агармоническими переменными *аэнергичности* ($r=0,37$; $p\leq 0,01$ и $r=0,34$; $p\leq 0,05$) динамического компонента и *операциональных трудностей* ($r=0,30$; $p\leq 0,05$ и $r=0,37$; $p\leq 0,01$) рефлексивно-оценочного компонента, а также обратно коррелируют с переменными *эгоцентричности* ($r=-0,52$; $p\leq 0,001$ и $r=-0,48$; $p\leq 0,001$) мотивационного компонента и *предметности* ($r=-0,34$; $p\leq 0,05$ и $r=0,37$; $p\leq 0,01$) продуктивного компонента изобретательности.

Следовательно, выраженное проявление тревоги студентов, что их творческие предложения окажутся неправильными, а также усиление для них значимости эмоциональной поддержки и ожидания внешнего толчка для проявления творческой активности напрямую связаны с признаками неустойчивости, слабости реализации творческих идей и, в целом, сопровождаются снижением их творческой результативности в предметно-деятельностной сфере.

Наряду с этим в исследуемой группе получены тесные связи показателя «*Зависимости от достижений*» с мотивационно-смысловыми признаками изобретательности – переменной *осмысленности* когнитивного компонента положительного характера ($r=0,32$; $p\leq 0,05$) и переменной *стеничности* эмоционального компонента отрицательного характера ($r=-0,31$; $p\leq 0,05$).

На основании полученных данных можно сказать, что чем выше у студентов уровень глубины осознанного понимания изобретательности как нестандартного подхода к любым жизненным ситуациям и активная установка на саморазвитие этого личностного свойства, тем выше уровень их удовлетворенности от результатов своих творческих успехов как залога личного и материального благополучия.

Между тем, следует обратить внимание, что высокая выраженность у студентов положительных эмоций радости и удовольствия от процесса творчества сопровождается снижением уровня самооценки их успехов. На наш взгляд, полученные данные подтверждают выводы многих исследователей о том, что положительные эмоциональные состояния могут являться *контекстуальным* фактором, способствующим введению субъекта в определенное состояние (физиологическое, поведенческое и когнитивное), которое приводит либо к повышению, либо, в данном случае, к снижению творческой продуктивности в зависимости от рода деятельности.

В целом, проведенный теоретический и эмпирический анализ позволил нам подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что у студентов – будущих предпринимателей существуют особенности проявления творческой активности, которые обусловлены не только доминированием и преобладанием отдельных личностных и мотивационных параметров, но и характером их взаимосвязей между собой. В частности, полученные результаты указывают на высокую результативность внешних социально значимых *мотивационно-смысловых* проявлений и несовершенство функционирования внутренних *инструментально-стилевых* признаков реализации творческой активности у студентов – будущих предпринимателей.

Безусловно, оценка творческой активности, основанная только на когнитивном аспекте, явля-

ется неполной и требует в перспективе дальнейшего изучения во взаимосвязи с когнитивными, эмоциональными и средовыми факторами. Поскольку только благодаря всестороннему изучению возможно эффективное обучение предпринимателей лучшему использованию собственных ресурсов. Между тем, полученные данные и выводы нашего исследования могут позволить в рамках образовательных и обучающих программ обращаться по мере необходимости к заявленным компонентам творческой активности, оптимизируя наиболее важные параметры, необходимые для успешного решения соответствующих задач в условиях современного российского бизнеса.

В частности, для снижения у будущих предпринимателей непродуктивных форм реализации творческой активности наиболее приоритетной является коррекция *агармонических* проявлений *инструментально-стилевого* аспекта свойства личности изобретательности. При этом необходимо ослабить проявление *азнергичности*, *операциональных* и *эмоционально-личностных трудностей*, сужающих творческую активность в силу проявления у студентов нерешительности, робости или опасения выходить за рамки стандартных ситуаций, отсутствия у них четких целей, прогнозов, приемов и способов решения изобретательских задач. Вместе с тем требуется целенаправленная работа по гармонизации когнитивных признаков изобретательности. В частности, следует минимизировать выраженное проявление у студентов признака *осведомленности*, обусловленного ошибочными представлениями о природе этого свойства как о врожденной, природно-заданной и неподдающейся изменению характеристике. И, соответственно, сформировать у студентов активную установку на возможность самосовершенствования этого личностного свойства и развития изобретательности в различных сферах жизнедеятельности.

Литература

1. Бабаев Т. М. Общительность как базовое свойство личности в коммерческой деятельности (на примере профессии продавца): Автореф. дис... канд. психол. наук. – М., 2005. – 22 с.
2. Иващенко А.В., Мелешко А.В. Теоретические и эмпирические аспекты изучения индивидуально-личностных особенностей самореализации бизнесменов в экономической деятельности // Вестник РУДН – Серия: Психология и педагогика. – 2006. – № 1 (3). – С. 20-35.
3. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. - СПб.: Питер, 2009. – 448 с.
4. Крупнов А.И. Психодиагностика свойств личности и темперамента: учеб. пособие. – М., ИИЦ МГУДТ, 2007. – С. 42-45.
5. Любарт Т. Психология креативности. – М.: Когито-центр, 2009. – 215 с.
6. Милорадова Н.Г. Психология и педагогика: Учебник. – М.: Гардарики, 2005. – С. 174-180.
7. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: учеб. пособие / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. – СПб.: Речь, 2003. – 448 с.
8. Цхай И.К. Личностные и когнитивные аспекты креативности: Автореф. дисс... канд. психол. наук. – М., 2000. – 22 с.
9. Харитонов Е.В. Проблема профессионально-личностной невостребованности в условиях современного российского предпринимательства // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. – М.: ИП РАН, 2007. – С. 217-233.

ATTITUDE PHENOMENON IN INTER-ETHNIC RELATIONS

Gurieva S.D., Tararukhina O.V.

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

This article explores the role and significance of a psychological factor: ethnic attitude in inter-ethnic relations. It comprehensively analyzes emergence and development of the concept «attitude», discusses forms and stages of inter-ethnic relations and key factors that influence their dynamics and development. The methodology offered in this article, allows making apparent the orientation and content of ethnic attitudes that appear in the system of relations «us vs. them». It also gives the possibility to determine the tolerance and intolerance level. The research findings obtained with the author's methodological instruments, give the possibility to reveal the reality of international, inter-ethnic relations, reveal predominant ethnic attitude in contemporary Russian society.

Keywords: attitude, ethnic attitude, international relations, inter-ethnic relations, inter-ethnic tension.

Introduction

The problem of international, inter-ethnic relations remains one of the most complicated and current problems in contemporary society. Recent events in a number of regions in Russia and abroad have demonstrated dramatic and sometimes tragic aspect that can be proper to inter-ethnic relations. Study of inter-ethnic relations is the field of scientific interest for different schools. However, according to D. Horowitz, this domain «until recently was backwaters in social science» (Horowitz, 1985, p.13). Inter-ethnic relations are deemed as social process (Mead, 1934; Park, 1928); social model of society (Gudykunst, 2005, p.28-36); self-developing and self-adjusting organization that has its elements more or less counter-running each other, yet united at a given moment; cross-cultural communications (Kim, 1933); inter-ethnic communications (Scolton&Scollon, 1980); inter-ethnic cooperation (Sherif, 1966), (Fearon&Laitin, 1997, p.75-90); inter-ethnic relations represent the system that becomes evident in attributes of «us vs. them» (Horowitz, 1985; Sherif, 1966; Vanhanen, 1999).

Many papers on inter-ethnic relations postulate that inter-ethnic tension is inevitable or is «assumed» by default. The phenomenon of inter-ethnic tension and «imbalance» in inter-ethnic relations attracts more researchers that the questions of maintaining or developing relationships (Davis, 1972; Triandis, Tanaka, Shanmugam, 1966; Giddens, 2005; Horowitz, 1985; Sherif, 1966).

Based on their study, H.-J. Axt, A. Milososki, O. Schwarz concluded that inter-ethnic relations almost always include the belonging system «us vs. them», which leads to inter-ethnic tension, and that the main question is determining the level of social context in the process of relations between ethnic groups (Axt, Milososki, Schwarz, 2006).

The problem of maintaining harmony in inter-ethnic relations, search for mechanisms and the

ways to stabilize them, attracts many researchers (Avksentiev, 1996; Giddens, 2005; Aguirre, 2003; Gudykunst, 2005; Kim, 1993). However, F. Casmir denies the possibility of building inter-ethnic relations based on dominance and considers that a joint search is required, and that it will be inevitably followed by creating a «third culture» (Casmir, 1993, p.424). J. Fearon and D. Laitin proved that it is impossible to completely exclude various «faults» in inter-ethnic relations, yet the endeavor of both parties to collaborate should be considered as the fundamental strategy of «right» behavior (Fearon&Laitin, 1997).

The problem of studying the attitude

The concept of «attitude» was introduced into scientific language by L. Lange (Yadov, 1975), G. Fechner (Asmolov, Kovalchuk, 1975, p.11), Y. Muller (Myasishev, 1970, p.9-16), H. Spencer and A. Bain (Bozrikova&Semenov, 1974; p.55), et al. Initial meaning of the term «attitude»—from latin «aptus»—is translated as adaptivity. It is well-known that H. Spencer was the first to use the concept of «attitude of mind» in 1862, in his paper «Primal Principles.» This point of view is shared by: W. McDougall (McDougall, 1916, p.19) and G. Davis (Davis, 1972, p.54-68). The term «attitude» is translated as «relations». In Russian social-psychological literature, the term «attitude» is translated as «social attitude», while accurate translation is «relations», «social stand».

Data collection and analysis

Sample

The research was carried out in 2006–2010 in two multi-ethnic and multi-confessional cities of Russian Federation: Vladikavkaz—the capital of Northern Osetia–Alanya, and St.Petersburg. The sample ratio represents 47.1% in Vladikavkaz, and 52.9% in St.Petersburg. Participants were Russian, Osetin and Ingush by origin. In Vladikavkaz, 45.3%

were Russians, 34.7% Osetins, 20.0% Ingush. In St.Petersburg, 47.1% were Russians, 31.2% Osetins, 21.7% Ingush. Gender-wise, female part was insignificantly more numerous than the male. Russian women represent 68.4% of St.Petersburg; Osetin women represent 60.8% in St.Petersburg and 64.6% in Vladikavkaz; Ingush women represent 62.2% in St.Petersburg and 72.8% in Vladikavkaz. Different socio-demographic groups took part in the research at its different stages—employed and unemployed, retirees and homemakers, students and entrepreneurs, etc. Educational levels vary significantly between Russians and Ingush, in both St.Petersburg and Vladikavkaz, $p < .001$. Ingush with college degrees were more numerous in St.Petersburg, while Russians with college degrees, were more numerous in Vladikavkaz. Total sample amounted to 1,140 people.

Research Methodology

Assignment: respondents were asked to judge the degree of emotional attractiveness of quotes and short poems by famous poets, philosophers, who lived in different times, from different nations and cultures, according to five-leveled scale. The pieces offered for judgment, contained information on author's belonging to «our» or «their» culture. The first variant (variant A—no attitude) presented literature pieces with no author's name. Thus, respondents found themselves in front of an uncertainty, «cognitive void» to base their judgment on. The only criterion for judgment in this case, is respondent's subjective-objective opinion about attractiveness of the literature pieces demonstrated. Examples of these pieces include:

1. «...Now, my years have passed. I've come to a different age. I feel and think in a different manner. And what I say with festive wine is: Praise and glory to the leader».

2. «Strong chain squeeze our necks; in wild

insanity having no pity for the sacred, We were deprived of the ancestors' graves and wonderful mountains,—and the back is tired of rod ...».

3. «I am aware...That as a poet, I came too early, To be a prophet—am too late».

4. «One has to live with no gloom and no sobbing... In spite of misery and in spite of fate. If luck finds you, you will tell yourself: «I am lucky».

5. «I haven't reached the water, though struggled from thirst, haven't reached a place of rest though I asked people for help. And, ever disadvantaged, with pain in my heart, haven't reached the goal I had dreamed of.».

Second variant (variant B—with attitude), which was offered a 3-7 days later, offered the above mentioned sources yet mentioning authors' names, therefore introducing the attitude to national identity of each of the suggested literature pieces. Respondents were now put under influence of the attitude by the quote author's nationality. Examples of the pieces with attitude:

1. «...Now, my years have passed. I've come to a different age. I feel and think in a different manner. And what I say with festive wine is: Praise and glory to the leader». *Omar Khayyam, Arabic poet.*

2. «Strong chain squeeze our necks; in wild insanity having no pity for the sacred, We were deprived of the ancestors' graves and wonderful mountains,—and the back is tired of rod ...». *Ruslan Yusupov, Chechen poet.*

3. «I am aware...That as a poet, I came too early, To be a prophet—am too late». *Sergey Yesenin, Russian poet.*

4. «One has to live with no gloom and no sobbing... In spite of misery and in spite of fate. If luck finds you, you will tell yourself: «I am lucky». *K.L. Khetagurov, Osetin poet.*

5. «I haven't reached the water, though struggled from thirst, haven't reached a place of rest though I asked people for help. And, ever disadvantaged,

with pain in my heart, haven't reached the goal I had dreamed of». *R. Gamzatov, Dagestan national poet.*

It is important to outline that none of the respondents commented or made notice of the true authorship of the quotes. Key: Piece #1 was written by Sergey Yesenin, Russian poet («Letter to My Mother», 1924); piece #2 was written by Kosta Khetagurov, Osetin poet («Weep», 1906); piece #3 was written by Rasul Gamzatov, Dagestan national poet; piece #4 was written by Ruslan Yusupov, contemporary Chechen poet; piece #5 was written by Omar Khayyam, Arabic poet and philosopher («I haven't reached the water, though struggled from thirst»).

Results obtained by the «Attitude and inter-ethnic relations» method allow revealing the phenomenon of cultural and psychological belonging to «us» or «them» using the influence of ethnic attitude that came out in the difference of emotional judgment of the pieces offered. Important factors that influence the judgment system of «like it–dislike it,» are: belonging to «us» or «them,» attitude towards «us» or «them,» level of person's tolerance of uncertainty. These indicators are interrelated. Coming together, they reflect three most important areas of inter-ethnic relations: national and cultural group characteristics, specifics of their social perception, specifics of inter-ethnic relations. This method allows revealing several values. For example, double measurement of tolerance implies that at the first level, tolerance was measured in an uncertain situation, when the authorship of the quotes was unknown. At the second level, tolerance was measured under the influence of ethnic attitude, which determines national and cultural belonging of quotes authors.

Research Findings and Discussion

Methodology «Attitude and Inter-ethnic Relations» demonstrates significance of belonging to «us» or «them» over forming the judgmental

relational system. Results obtained with this method, allow measuring the influence of ethnic attitude of belonging to «us» or «them». First measurement showed that without information about the authors of poetry pieces, all groups of respondents independently from their ethnicity and place of living, have a tendency to average their judgments, stable and static assimilating judgments are predominant. However, at the second level, when respondents «recognize» the authorship, they switch from latent to contrasting judgments. Process of creating judgments «like it – don't like it» was taking place under the influence of ethnic attitude which determines ethnicity of the quotes authors.

Osetin respondents, when no authorship was offered, remained in the «averaging» judgments towards all the pieces. However, after seeing the same pieces with their authorship, answers changed significantly. The highest judgment grades in Osetin sample that correspond to the category «us» – «like it very much» (piece #4–Osetin poet), and in the category «them» – «like it» (piece #3–Russian poet). System of grades distribution «like it – don't like it» in Russian respondents demonstrated also the major preference for «us» category, in this case it was Russian poet (piece #3), who was attributed the highest possible grades «like it very much.» Distinguishing «us» from «them» was confirmed also in Ingush respondents, who graded most highly – «like it very much» were given to the piece #2 – «us.» The data thus obtained, confirm the phenomenon of social-cultural categorizing based on the significance of belonging to «us» as related to «them». Further comparisons were carried out in several directions. First, average values of attractiveness were related to the place of living. The trend of judging quotes without attitude comes evident in an averaged tendency dwelling in around «don't know»: max 2.854 (St.Petersburg), min 2.616 (Vladikavkaz).

At the significant difference level of $P < .001^*$, the differences between the citizens of Vladikavkaz and St.Petersburg were revealed when judging attractiveness of the first (Arabic poet) and the last (Dagestan poet) pieces. In these pieces, the content was judged differently, thus the attractiveness is different. The trend to judge poetry with ethnic attitude is proper to Osetin respondents, when they switch from averaged tendency to polar, with the values distributed between «like it» to completely «don't like it». At the significant difference level of $P < .001^*$ the differences between Osetins from St.Petersburg and Osetins from Vladikavkaz were revealed when judging second (Chechen poet) and the last (Dagestan poet) poem pieces. The highest values belong to the «us» category (piece #4), then «them» category (piece #3 – Russian poet); the lowest values in «them» category was given to piece #2 (Chechen poet).

Results of multi-dimensional two-factor dispersion analysis (nationality and attitude/no attitude) showed significant values by factor $p < .001$, interaction between the factors: $p = .030$. The attitude influence is significant in all pieces offered for judgment, $p < .001$. The influence of respondents ethnicity is significant when judging the pieces by Arabic poet Omar Khayyam, Osetin poet K.L. Khetagurov and Chechen poet R. Yusupov.

Ethnicity and place of living are significant factors when judging the piece by Dagestan national poet R. Gamzatov (Table 1).

Multi-dimensional tests in each group are significant: $p < .001$. Var-distributions of dispersion analysis are asymmetrical, bi-modal, which points to significant differences. Results of multi-dimensional two-factor dispersion analysis (ethnicity and attitude/no attitude) showed significant differences at $p < .001$. The influence of attitude is significant in all pieces offered for judgment, at the level of $p < .001$. We may argue that the influence of attitude effect is more important than ethnicity or place of living. Importance of psychological effect «us» and «them» is a steady and predominant tendency in answers, independently from their place of living or ethnicity. Methodology «Attitude and inter-ethnic relations» has demonstrated the significance of belonging to «us» and «them» in all groups of respondents. The findings thus obtained confirm the phenomenon of social-cultural categorization in significance of belonging to «us» in relation to «them.»

Implications

1. Without the effect of attitude, in the cognitive uncertainty situation, the process of creating judgment system is demonstrated by the tendency of averaging values, steady and static predominance

Table 1

Var-Significance of Comparing Dispersions (Data Variability)

Attitude	Piece	Ingush			Russian			Osetin			p	
		N	Mean	SE	N	Mean	SE	N	Mean	SE	Var	t-test
Without Attitude	piece_1	24	2.54	.364	94	2,88	.118	14	2.50	.374	.459	.259
	piece_2	24	4.64	.257	94	3,60	.117	14	3.64	.357	.140	.888
	piece_3	24	2.78	.152	94	2,48	.110	14	2.79	.350	.269	.331
	piece_4	24	2.56	.174	94	2,05	.118	14	1.57	.173	.191	.129
	piece_5	24	3.02	.302	94	2,98	.133	14	3.07	.305	.350	.799
With Attitude	piece_1	13	1.24	.062	60	2,30	.135	77	1.96	.079	.000*	.033*
	piece_2	13	1.02	.012	60	3,13	.149	77	3.53	.092	.001*	.025*
	piece_3	13	3.64	.024	60	2,20	.121	77	2.21	.142	.007*	.967
	piece_4	13	4.84	.047	60	1,85	.134	77	1.25	.049	.000*	.000*
	piece_5	13	2.44	.082	60	2,80	.159	77	1.71	.088	.000*	.000*

of assimilating judgments between 2.854-2.616. Without attitude, significant differences were not found.

2. Comparison of all dispersions according to factors of ethnicity and place of living (without attitude) showed that all respondents' answers in general are rather coherent in judgment, which shows as an undefined attitude «don't know», average values are different only for two pieces, depending on the place of living.

3. At the level of significant differences $P < .001$,* there was a trend revealed to judge differently about the attractiveness of information that belongs to categories «us» or «them» in all groups, independently from ethnicity or place of living. One exception is coherency in responses to the piece in the category «us» in all groups of respondents.

4. At the level of significant differences $P < .001$ *, depending on the place of living, there was a tendency revealed to judge about the attractiveness of the poetry piece by Arab poet Omar Khayyam, and the piece by Dagestan national poet R. Gamzatov. Without attitude, no significant differences were

found.

5. The results of multi-dimensional two-factor dispersion analysis by factors of ethnicity and attitude/no attitude showed that the influence of ethnic attitude is significant $p < .001$. We may argue that the significance of attitude effect is stronger than the ethnicity or place of living.

Conclusion

In our opinion, the following decade will be dedicated to studying the role of social-psychological phenomena, finding social-cultural factors of economic well-being in contemporary Russian society. Priorities will be: prophylaxis of ethnic tension emergence, ethnic conflicts and repetition of their manifestations, search for and approbation of mechanisms of creating harmonious inter-ethnic relations in order to create stability and well-being in Russian society. Special attention and significance will be given to attitude phenomena of different level, with emphasis on their affective aspect and regulatory function in the process of international relations.

References

1. Aguirre A. (2003). Racial and Ethnic Diversity in America. California.
2. Asmolov A.G., Kovalchuk M.A. (1975). Towards the Problem of Attitude in General and Social Psychology. *Matters of Psychology* #4.
3. Avksentiev V.A. (1996). Ethnic Conflictology: V 2 Part 1. Stavropol.
4. Axt H.-J., Milososki A., Schwarz O. (2006). Conflict – a Literature Review. Duisburg.
5. Bozrikova L., Semenov A. (1974). Attitudes and Their Relationship with Behavior. *Social Psychology Abroad. Vol. 1*. Moscow: Institute for Information on Social Science.
6. Brahm E. (2003). Conflict Stages. *Beyond Intractability. ed. by Burgess G., Burgess H.* Boulder.
7. Casmir F.L. (1993). Third-Culture Building: A paradigm shift for international and intercultural communication. *Communication Yearbook №16. 1993*. P. 407-428.
8. Davis J. (1972). Sociology of Attitude. *American Sociology*. Moscow: Progress.
9. Esser H. (1986). Social Context and Inter-Ethnic Relations: the Case of Migrant Workers in West German Urban Areas. *European Sociological Review. № 2. 1986*. P. 30-51.
10. Fearon J.D., Laitin D.D. (1997) Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review. 1997. № 1*. P. 75-90.

11. Giddens A. (2005). *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow.
12. Gudykunst W.B. (2005). *Theorizing about Intercultural Communication*. Sage Publications, Inc.
13. Horowitz D.L. (1985). *Ethnic Groups in Conflict*. University of California Press, Berkley et al.
14. Kim Y.Y. (1993). Culture-based interactive constraints in explaining intercultural strategic competence. *Intercultural Communication competence*. ed. by Wiseman R.L., Costner J. Newbury Park, 1993. P. 132-150.
15. McDaugoll W. (1916). *Main Problems of Social Psychology*. Moscow: Cosmos.
16. Mead G.H. (1934). *Mind, Self, Society*. Chicago.
17. Merton R.K. (1938). Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*. Oct., 1938. Vol. 3, No. 5. P. 672–682.
18. Myasishev V.N. (1970). On Connection of the Problems of Psychology of Relations and Psychology of Attitude. *Concept of Attitude and Relation in Clinical Psychology*. Tbilisi: Mezniereba.
19. Park R.E. (1928). Human Migration and the Marginal Man. *American Journal of Sociology*. May, 1928. Vol. 33. P. 881-893.
20. Ratnikov V.P., ed. (2004). *Conflictology. Questions – Answers: College Manual*. Moscow.
21. Scollon R., Scollon S. (1980). Inter-ethnic Communication How to recognize negative stereotypes and improve communication between ethnic groups. Alaska Native Language Center.
22. Sherif M. (1966). *Group Conflict and Cooperation: Their Social Psychology*. London.
23. Triandis H. C., Tanaka Y., Shanmugam A.V. (1966). Interpersonal attitudes among American, Indian, and Japanese students. *International Journal of Psychology*. 1966. № 1. P. 177-206.
24. Vanhanen T. (1999). *Ethnic Conflicts Explained by Ethnic Nepotism*. Stamford, Conn.
25. Yadov V.A. (1975). On Dispositional Regulation of Social Behavior of Personality. *Methodological Problems in Social psychology*. Moscow: Nauka.

THERE ARE COGNITIVE AND EMOTIONAL PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS IN PERSONALITY PSYCHOLOGY

Nalitova A.S., Epanchintseva G.A.

Orenburg State University, Orenburg, Russia

The article consists of aspects of psychological diagnostics about cognitive and emotional in the psychology of personality. The various modern intellectual and emotional tests were analyzed. The authors presented the theoretical position, which demonstrate the independence of diagnostics of the cognitive and emotional in personality psychology. They defined the problems which allow studying these phenomena simultaneously.

Keywords: *intellect, emotions, psychological diagnostics, standardization of research tests.*

The history of psychology notes deep interest in the study of intelligence (R. Kettell, Ilyasov F. N., F. Galton) and manifestations of emotions. It should be noted that, currently, researchers are interested in the ratio of the emotional and cognitive psychology of the personality. However, the relationships between the emotional and cognitive parameters are narrowed range of consideration in these works. Emotions often are taken as any formal-dynamic characteristics. Qualitative features of emotion are excluded from consideration which associated with the relative representation of the different emotions in the intellectual life of the individual. Meanwhile, there are grounds to consider them the most important components of emotion.

As rule emotions correlate only level characteristics of cognitive parameters (e.g., level of intelligence). Style features are usually ignored which associated with operational composition of cognitive acts. Problems the complex psychological diagnostics remains open despite the great popularity of the study of questions about the relationship between emotions and intellect. At the present stage psychologist are mainly concentrated on solution of two problems: adjustment of content validity of the intellectual and emotional tests and limitation of the purpose of their practical using [2]. Therefore, they seek to clearly limit the area of mental process, which is diagnosed every intellectual or emotional test. And they missed opportunity of a complex and multi-faceted consider something or other mental phenomenon. On the contrary, since ancient times, psychological diagnostics has a large set of intellectual tests and tests for the study of emotion integrally from each other.

The aim of our research was consider in detail the shortcomings of this cumulative approach of modern in psychology to the study of intellect and emotion.

With the end of the XIX century for the assessment of intelligence of the person are used standardized

psychological tests, based on the calculation of the so-called factor of intelligence. The psychological tests are attractive for psychologists. It is connected that it allows quantifying the level of intellectual abilities of how in General, as well as in separating its components, which are allocated to the developers of the tests [6].

Content-analysis of scientific sources showed that the majority of the intellectual tests measure the non-verbal and verbal components of intelligence [3]. The first consists of tasks, stimulus material, which is presented either in a visual form, either in the objective form. Non-verbal tests help to estimate visual-figurative and visually-effective thinking. A typical and widespread non-verbal test of intelligence is progressive matrices J. Raven. The bases of tasks of test are based on Gestalt theory and definition intelligence Ch. Spearman. The best way to determine the intellect is a test to search for abstract relations by Ch. Spearman [2]. However, in studies, V.N. Druzhinin was shown that the solution of the test J. Raven has a probabilistic nature. Its connected subject of research may lose interest. Besides they may make mistakes in simple tasks that are why they did not understand the instruction manual of the task [4]. In other words emotional activity of the person influences the internal validity of this technique.

Verbal tests consist of tasks, stimulus material, which is presented in the language form the words. Verbal tests consist of logical-functional and associative relations in incentives, intermediate language form. The most popular and valid test of intelligence is the scale dimension D. Veksler. The test is based on a hierarchical model of intelligence of D. Veksler. It helps to diagnoses General intelligence and its components – verbal and non-verbal intelligence. Besides the test of D. Veksler helps to evaluate the different sides of intellectual development such as conceptual and visual thinking, attention, and memory. To the same, D. Veksler refused to groups

of tasks by age range. And he combined tasks of test in similar subtests, where subtests rebuilt by difficulty level [6]. To the present time pragmatic validity of each of subtest D. Veksler remains up to the end is not studied. It connected with the standardization operation within the semantic units. Besides the final result is the sum of the estimates for the execution of certain tasks. And fundamental lack of subtest is assessment only on the end result, without consideration of the qualitative peculiarity of the accounting of mental operations.

It is important that the absence of a decision or the wrong decision, definitely regarded as the failure of subject of research to do the task regardless of the type of intellectual tests («velocity tests» or a «level») [7]. However, the standard procedure of testing these peculiarities does not even consider. [3] In addition to the test ball measurement of intelligence reflects the level of training, with very different level of training. On the results of testing has also a great influence the structure of the motivation of the subject [9] It was found that the efficiency of mental activity is very low at low interest in the result. But it gradually increases with the growth of interest. However, reaching the highest point, it then begins to decline and drop dramatically in the conditions of extremely high interest [4] In addition, the subjects of research may show low motivation and simply do not make enough effort. It depends from the situation testing, emotional background and psychological climate of the subject. In this case we are talking about validity, which identified limited capacity of tests of intelligence and about indicators of the external validity of intellectual tests.

We have the peculiarities of psychological diagnostics intelligence back to the other problem of our work. Methodological opportunities of diagnostics of emotions are focused on two aspects of the study: the psycho-physiological and psychological [4].

In this paper we discuss methodological problems of study of emotions on a psychological level, which vary by type of functionality of the investigated features: 1. Visual (facial expression); 2. Auditory (diagnostics of emotions with the help of analysis of the speech); 3. Kinesthetic (feeling emotions as their own, so strange) [6].

The level of emotional is enough studying of one of emotional mental phenomena. We would to take more information about the peculiarities of the human psyche. To the same studying emotions in nature condition is very difficult. So we need the origin of a new direction in the measurement to arrange testing of intellectual emotions, which are designed to differentiate the scale of emotional and cognitive in modern psychological testing.

The theoretical basis for constructing complex battery of psychological diagnostics emotional and cognitive was the using of the new knowledge about intellectual emotions [8]. The intellectual emotions are emotional states, arising in the process of intellectual activity by the results of research Vasiliev I.A. It's sent to the thought process, work on it and evaluate its success.

This work identified the problem field. It is connected with creating diagnostic techniques for the study of intellectual emotions, taking into account specific and general regularities of development of the psyche. These features include the structure of intellectual emotions and the potential of cognitive activity in the dynamic characteristics of the emotional component of the psyche. Besides, the practical importance of the application of such methods is determined by the capabilities of their material correctional-developing work with the participants in the experiment.

Therefore, the indicators of validity and reliability at the modern stage of psycho diagnostics require a differentiated approach to the study of emotional and cognitive processes of the psyche.

References

1. Ananiev B.G. A man as the object of knowledge. – St. Petersburg: Piter, 2003.
2. Anastasi A. Psychological testing: Psychological testing: In 2 volumes / Under the editorship. K.M. Gurevich, V.I. Lyubovskogo, Volume 1-2.
3. Gurevich K.M. The reliability of psychological tests // Psychological diagnostics. Its problems and methods. – M., 1975.
4. Druzhinin B.H. Psychological diagnostics abilities: theoretical foundations. Saratov: SGU, 1990.
5. Olshannikova A.E. Semenov V.V., Smirnov L.M. Evaluation of methods of diagnostic emotionality. – questions of psychology, 1976, №5, c. 103-113.
6. Psychological diagnostics: textbook. / Under the editorship of M.K. Акимовой. – St. Petersburg: Piter, 2005.
7. Reykovskiy Ya. Experimental psychology of emotions. – M., 1979. – 392 c.
8. Tikhomirov, O.K. Psychology of thinking: a manual for students of higher educational institutions. – Moscow: publishing center of the «Academy», 2002. – 288 p.
9. Yampolsky L.P. Measurement productivity of intellectual activity // Questions of psychology 1984. №5. C. 142-147.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УСЛОВИЯ ВОСХОЖДЕНИЯ К БОГУ В ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЕ

TERMS OF ASCENT TO GOD IN JESUS PRAYER

Шлепин В.В.

Ярославская Духовная Семинария, Открытый Институт Богословия Славяно-Греко-Латинской Академии, г. Ярославль, Ярославская область, Россия

Shlepin V.V.

Yaroslavl Seminary, Open Institute of Theology of the Slavonic-Greek-Latin Academy, Yaroslavl, Yaroslavl Region, Russia

В данной статье в результате исследования Священного Писания и Священного Предания выделены двадцать семь условий, которые содействуют обретению непрестанной Иисусовой молитвы для духовно-нравственного совершенствования личности.

Ключевые слова: *Иисусова молитва; подвижничество; стяжание благодати.*

In this article a study of Sacred Scripture and Sacred Tradition are marked twenty-seven conditions that contribute to the attainment of unceasing prayer of Jesus for the spiritual and moral perfection of the individual.

Keywords: *Jesus Prayer, penance, the grace of acquisition.*

Актуальность данной статьи обусловлена глубокой сотериологической значимостью условий восхождения к Богу в Иисусовой молитвы как выражения традиции умного делания. Несмотря на то, что о молитве, в том числе Иисусовой молитве написано много трудов, в них, как правило, отсутствует исследование, касающееся проблемы систематизации условий деятельного и созерцательного восхождения в Иисусовой молитве.

Целью данной статьи является исследование условий практики Иисусовой молитвы в религиозно-нравственной жизни с аскетико-сотериологической точки зрения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть применены в личном опыте стяжания благодати Божией с помощью Иисусовой молитвы.

Непрестанной Иисусовой молитве, посредством которой стяжается благодать Божия, содействуют:

1) страх Божий, который есть начальное проявление любви к Богу, когда человек стремится во всем подчиниться Тому, Кого он любит [4; 17, с. 10]. Свт. Василий Великий поучает: «Со страхом и трепетом надо стоять пред Богом, весь ум устремляя к Нему единому, потому что Он не только подобно людям видит внешнего человека, но прозирает и внутреннего» [33, с. 16];

2) память смертная. «Действительнее всех других помышлений – мысль о смерти, о суде и о последнем решении вечной участи нашей», – наставляет свт. Феофан Затворник¹ [32];

3) искреннее покаяние. Господь говорит: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9:13); «на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7). Покаяние включает осознание греха, оплакивание греха, исповедание греха, ненависть ко греху и боязнь в него впасть, молитва к Богу о помощи в борьбе со грехом [24]. По словам св. прав. Иоанна Кронштадтского, «покаяние – вторая баня сердечная после крещения» [12, с. 103-104];

4) сокрушение и самоукорение. «Близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренным духом спасет» (Пс. 33:19). «Жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50:19);

5) кротость и смирение. Сердце человека должно быть подготовлено к восприятию благодати. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4:6; 1 Пет. 5:5). По словам преп. Симеона Нового Богослова, смирение служит основанием для стяжания Духа Святого: «Поистине одна только есть печать Христова – осияние

Духа Святого, хотя много есть видов воздействий Его и много знамений силы Его. Первейшее всего другого и необходимейшее есть смирение, так оно есть начало и основание» [22, с. 36];

6) хождение пред Богом, т.е. постоянно помнить присутствие Бога вездесущего (Пс. 138:7-12) и всеведущего (1 Ин. 3:20; Евр. 4:13) [10]. На молитве «надо стоять в сознании вездеприсутствия Божия»², – пишет свт. Феофан Затворник [32]. Кроме того, свт. Феофан указывает, что память о Боге надо довести «до того, чтобы мысль о Боге сроднилась и срастворилась с умом и сердцем, и с сознанием нашим» [34, с. 181];

7) мир со всеми. Апостол Павел наставляет: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12:14). Авва Исаия говорит: «Будь мирен со всеми, чтоб иметь дерзновение в молитве»³; «желающий во истину умом молиться Богу, в Духе Святом, с чистым сердцем, испытывает сердце свое прежде, чем станет молиться, беспечно ли оно в отношении ко всякому человеку или нет»⁴ [5, с. 351, 364];

8) избегание соблазна греха, т.е. всех случаев ко греху, мест, лиц, вещей, которые могут быть соблазнительными и внушают греховные желания [10]. Преп. Исаак Сирин пишет, что «мир есть плотское житие и мудрование плоти»⁵ [21]. Апостол Павел говорит: «Мы не должники плоти, чтобы жить по плоти» (Рим. 8:12). Более того, «живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим. 8:8). Поэтому апостол Павел призывает: «поступайте по духу, и вы не будете исполнять волеплотий» (Гал. 5:16);

9) внутренний мир. Враг часто старается на-

² Письмо 902.

³ Слова преподобного аввы Исаии к своим ему ученикам, 16, 14.

⁴ Слова преподобного аввы Исаии к своим ему ученикам, 18, 1.

⁵ Слова подвижнические, 2.

¹ Письмо 900.

рушить внутренний мир молящегося, постоянно его куда-то гонит, не давая покоя. Умиротворению способствует участие в церковных службах и духовное чтение⁶. Церковная жизнь важна сама по себе. Свт. Симон (†1226) наставляет: «Все, что творишь ты в келии, маловажно <...> все это не может сравниться с одним соборным: «Господи, помилуй!»⁷ [15]. Кроме того, следует совершать келейное правило и читать Священное Писание и Предание Церкви, Жития Святых [1];

10) крестное знамение и поклоны;

11) самоотвержение и предание себя в волю Божию. Воля Божия открывается через вопрошание старцев и обращение за советами к духовному отцу или опытным в духовной жизни. Преп. авва Исаия наставляет: «Дай сердце свое в послушание отцам твоим, и благодать Божия вселится в тебя»⁸ [5, с. 464]. «Бог не столько нуждается в продолжительном служении, – говорит преп. Исаак Сирин, – сколько в добродетели воли: добродетельная душа избирается Богом не благодаря делам, но благодаря добродетельной воле, <направленной> к Нему, и сердцу, страждущему на всякий миг»⁹;

12) труд. От телесного делания рождается душевное делание, которое, в свою очередь, порождает духовные дары. Однако нельзя ограничиваться только телесными трудами [11]. Преп. Иоанн Кассиан наставляет: «Никакая добродетель не достигает совершенства без труда, – и до умирения помыслов никому нельзя достигнуть без крайнего преутруждения сердечного. Сюда прямо относится слово Господа: *Царствие Божие с усилием возьмется, и употребляющие усилие*

восхищают его (Мф. 11:12)»¹⁰ [6, с. 100];

13) пост. Господь говорит: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17:21) и предупреждает: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно» (Лк. 21:34). Однако пост есть только средство к укрощению плоти и укреплению духа для более ревностного упражнения в благочестии, поэтому нужно остерегаться, чтобы то, что должно быть пособием для добродетелей, не противилось им [18]. «Ибо не плоть тленная, а сердце чистое соделывается обиталищем Богу и храмом Духа Святого, – наставляет преп. Иоанн Кассиан. – Итак надлежит нам, когда постится внешний наш человек, и внутреннего удерживать от вредных вкушений»¹¹ [6, с. 29]. Именно о таком посте преп. Ефрем Сирин говорит: «Пост возводит молитву на небо»¹² [8, с. 290];

14) воздержание (целомудрие). Преп. Антоний Великий призывает: «Не ходите вслед похоти очес своих и не расслабляйтесь сердцем своим. Ибо злая похоть развращает сердце и омрачает ум»¹³ [5, с. 58];

15) «внимать себе» («хранение ума», трезвение, бдительность), то есть бодрствовать, наблюдать за своими мыслями, чувствами, желаниями и поступками. Авва Исаия наставляет: «Внимай же себе, чтоб что-нибудь пагубное не отдалило тебя от любви Божией»¹⁴ [5, с. 411]. Бесы предпочитают, чтобы человек принимал помыслы как свои мысли и думал, что он сам себе мешает [1].

⁶ Однако полемические сочинения могут нарушить внутренний мир.

⁷ Послание смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу Печерскому. Слово 14.

⁸ Главы о подвижничестве и безмолвии, 6.

⁹ Беседа 1, 59.

¹⁰ Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани, 163.

¹¹ Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани, 37.

¹² Слово 66.

¹³ Наставления св. отца нашего Антония Великого о жизни во Христе, 73.

¹⁴ Слова преподобного аввы Исаии к своим ему ученикам, 25, 24.

«Как тело без души мертво, – пишет свт. Игнатий (Брянчанинов), – так и молитва без внимания мертва. Без внимания произносимая молитва обращается в пустословие, и молящийся так сопричисляется к приемлющим имя Божие всуе» [9, с. 68]. «Господу мерзок бывает предстоящий на молитве, и приемлющий нечистые помыслы»¹⁵, – говорит преп. Иоанн Лествичник [20]. Причем Бог всегда должен быть средоточием внимания [2, с. 54]. Поэтому нужно отсекал всякое пожелание, своеволие, тогда человек смиряется и становится явной Божественная благодать [23]. «Уничтожь искушения и помыслы, – говорит авва Зосима, – и не будет ни одного святого»¹⁶ [7, с. 108]. Дело не в том, чтобы не испытывать искушений, а в том, чтобы проходить их [19];

16) безмолвие. Преп. Макарий Великий наставляет: «Истинное основание молитвы таково – быть внимательным к помыслам и совершать молитву в великом безмолвии и мире»¹⁷ [5, с. 216]. Преп. Исаак Сирий говорит, что безмолвие – «умолкание по отношению ко всему»¹⁸. Безмолвие «предохраняет чувства от внешнего смятения и способствует трудам телесным и душевным»¹⁹. Есть два вида безмолвия – внешнее и внутреннее. Внешнее безмолвие состоит в хранении языка, молчании уст; внутреннее – в молчании ума, мире помыслов, тишине сердца. Следует упражняться в первом, чтобы достичь второго: «Молчание способствует безмолвию»²⁰ [11]. По словам преп. Иоанна Лествичника, «безмолвие есть непрерывная служба Богу и предстояние пред Ним. Безмолвник тот, кто говорит: Аз сплю,

а сердце мое бдит (Песн. 5:2)»²¹ [20]. Преп. Исаак Сирий говорит, что «вершина всякого блага для человека Божия в мире сем есть чистая молитва. И если не умрет человек по отношению ко всем людям и не будет усердствовать в безмолвии наедине с собой, словно мертвец во гробе, не сможет он приобрести это для себя. Ибо чистая молитва требует отрешенности от всего, дабы благодаря этому целомудренно и без рассеянности предстоял <человек> перед Богом во время молитвы, а разум его был собран отовсюду внутрь, вглядываясь только в Бога в безмолвии движений своих»²² [13]. Преп. Нил Синайский говорит: «Вкусивший безмолвия и начавший сколько-нибудь упражняться в созерцании не согласится связать ум заботами о телесном и, отвлекши его от духовного ведения, обращать к делам земным, когда он большею частью парит превыспренно»²³ [6, с. 290];

17) неспешность. Преп. Иоанн Лествичник советует: «Произноси слова молитвы неспешно; не позволяй уму скитаться повсюду, но затворяй его в словах молитвы»²⁴ [20];

18) осознание и прочувствование сказанного. Преп. Исаак Сирий говорит: «Молитва есть не только повторение <слов>, но и то чувство, которое пробуждается в глубинах ума по отношению к <божественному> Бытию»²⁵ [13];

19) простота сердца, т.е. чистота сердца и совести, скромность, целомудренность, непонимание и незнание лукавства, хитрости, лжи, расчета [24]. Свт. Василий Великий пишет: «Благодать Божия наипаче просияла, действуя в младенцах и в невысоких умах» [26, с. 242];

20) вера. Сщмч. Киприан Карфагенский

¹⁵ Слово 28, гл. 54.

¹⁶ Собеседования, 5

¹⁷ Наставления святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед, 161. Беседа 6, 3.4.

¹⁸ Слова подвижнические, 14.

¹⁹ Беседа 1, 19.

²⁰ Слова подвижнические, 41.

²¹ Слово 27, 17

²² Беседа 1, 72.

²³ Мысли и увещания, извлеченные из других писаний преп. Нила, 60.

²⁴ Слово 28, 17.

²⁵ Беседа 1, 54.

(†258) говорит: «Мы столько почерпаем от избытка благодати, сколько имеем веры, способной к ее принятию» [14, с. 92];

21) надежда. «Уповай на благость Божию и ожидай от Бога заступления, зная, что если обращаемся к Нему как должно и искренно, то Он не только не отринет нас вовсе, но пока еще производим слова молитвы, скажет: «Вот Я!»²⁶ – пишет свт. Василий Великий [27, с. 245]. Преп. Макарий Великий говорит: «если не будет у человека пред очами радости и надежды, что примет избавление и жизнь, то не сможет стерпеть скорбей и принять на себя бремя и шествие тесным путем»²⁷ [5, с. 213];

22) любовь к Богу. Старец Порфирий Кавсокаливит говорит, что Бог любит возлюбленного, а возлюбленный желает достигнуть соединения с Любящим [25]. «Не будет светильник светить без елея и молитва не озарит духа без любви, не взыдет к Богу», – поучает свт. Филарет Московский [3, с. 36]. Свт. Феофан Затворник замечает: «Любовь возжигает любовь. Восчувствовав, как любит вас Господь <...> сердце само к Нему привлечется благодарением и любовью. Держите сердце под влиянием такого убеждения любви к вам Господа: и теплота сердечная скоро возрастет в пламень любви ко Господу» [34, с. 184]. Преп. Нил Синайский говорит: «Любовь есть полнота бесстрастия, – изглаждение страстей»²⁸. «Любовь собственно ничего не имеет, кроме Бога; потому что Бог есть любовь»²⁹ [6, с. 290];

23) болезнование сердца, печаль в сердце по Богу. Свт. Иоанн Златоуст говорит: «Подлинно,

²⁶ Письмо 167 (174).

²⁷ Наставления св. Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед, 153. Беседа 26, 11.

²⁸ Мысли и увещания, извлеченные из других писаний преп. Нила, 40.

²⁹ Мысли и увещания, извлеченные из других писаний преп. Нила, 41.

ничто так не делает сердца любомудрым, как скорбь и печаль по Боге»³⁰ [28]. «Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению» (2 Кор. 7:10);

24) плач. Слезы на молитве, по слову преп. Нила Синайского, «орудие к получению всякого прошения»³¹ [6, с. 208]. В свою очередь свт. Феофан Затворник замечает: «Слезы – мера преуспевания, а непрестанные слезы – признак скорого очищения» [30, с. 200]. Кроме того, «есть слезы в сердце, которые лучше текущих из глаз. Из глаз текущие питают червь тщеславия, а те, сердечные, Богу Единому ведомы» [31, с. 177];

25) усердие, ревность и дерзновение³², решимость и мужество, без самосожаления. «Без ревности по Богу, наставляет преп. авва Исайя, – нет и преспеяния»³³ [5, с. 173]. Преп. Макарий Великий говорит: «Душа, хотя изъязвлена язвами постыдных страстей, хотя ослеплена греховной тьмой, однако же имеет волю возопить к Иисусу и призывать Его, чтобы пришел Он и сотворил душе вечное избавление»³⁴ [5, с. 173]. Преп. Марк Подвижник учит: «Благодать Христова восполнит наши недостатки, если только мы не вознерадим о делании по силе нашей»³⁵ [5, с. 517]. Кроме того, «святый Макарий говорит о душе, в которой есть истинная решимость, что бы ни было ей нанесено, среди тысячи искушений, все претерпевая, она говорит: если и умру, не оставлю Его (то есть Господа, в угоду греху и врагу)»³⁶ [5, с. 189].

³⁰ Слово 2 о молитве.

³¹ Слово о молитве, 6.

³² Не следует отождествлять с дерзостью.

³³ Слова преподобного аввы Исаяи к своим ему ученикам, 2, 2.

³⁴ Наставления святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед, 68. Беседа 20, 7.

³⁵ Наставления Марка подвижника о духовной жизни, 2, 75.

³⁶ Наставления св. Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед, 102. Беседа 26, 8.

Антоний Великий говорит, что «мужество есть не что иное, как твердость в истине и сопротивление врагам: когда не уступишь им, они отступят и совсем не покажутся более»³⁷ [5, с. 109]. Авва Исайя говорит, что «настоящее мужество – когда человек противоборствует прежним грехам, о прощении коих и просит, умоляя всегда о том, чтоб опять не впасть в них, ни в сердце своем, ни в действовании, ни в чувствах»³⁸ [5, с. 392];

26) терпение. «Действие Божией благодати, – говорит преп. Макарий Великий, – открывается в человеке и приемлет он дарование Духа Святого, какого сподоблена бывает душа верная, только после долговременного борения, после опытов великого терпения и великодушия, после искушений и испытаний, когда свободное произволение испытано будет всякими скорбями»³⁹. Свт. Иоанн Златоуст наставляет: «Не потому Бог часто медлит исполнением наших просьб, что отвергает их, а желая научить нас постоянству и привлечь к Себе»⁴⁰ [28]. Апостол Иаков, уча долготерпению, сравнивает человека с земледельцем, который «ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний» (Иак. 5:7). Перенесе-

ние скорбей развивает навык постоянной молитвы, «если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8:17);

27) непрестанное призывание (или постоянное понуждение к молитве) [16]. Преп. Макарий Великий говорит: «Кто скорбит и ищет, и неотступно просит Господа, тот скорее получит избавление и небесное богатство, как сказал Господь, заключая слово о неправедном судье и о вдове: *кольми паче Бог сотворил отмищение вопиющих к Нему день и ночь? Ей глаголю: сотворит отмищение их вскоре* (Лк. 18:7, 8)»⁴¹ [5, с. 181]. Также и преп. Иоанн Кассиан призывает: «Без колебания неверием будем неотступны в молитве, и получим просимое. Так обетовал Господь: *просите, и дастся вам, ищите и обрящите, толцые и отверзется вам* (Лк. 11:9)»⁴² [6, с. 138]. Свт. Феофан Затворник наставляет: «Возрастание молитвы конца не имеет» [29, с. 195].

Таким образом, в результате исследования систематизированы условия восхождения к Богу в Иисусовой молитве в соответствии с многовековым святоотеческим опытом стяжания благодати Божией.

³⁷ Устав отшельнической жизни, 177.

³⁸ Слова преподобного аввы Исаяи к своим ему ученикам, 23, 7.

³⁹ Наставления святого Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед, 87. Беседа 1, 12.

⁴⁰ Слово 2 о молитве

⁴¹ Наставления св. Макария Великого о христианской жизни, выбранные из его бесед, 87. Беседа 1, 12.

⁴² Святого Иоанна Кассиана обозрение духовной брани, 206.

Литература

1. Агафон, игум. Практическое руководство к «умной» молитве (Электронный ресурс) // Режим доступа: <http://www.tihon-luh.ru>
2. Антоний Сурожский, митр. Школа молитвы. Клин: Христианская жизнь, 2007.
3. Булгаковский Д., свящ. Молитва – царица добродетелей. СПб., 1893.
4. Диодор (Ларионов), монах. Аскетическое богословие старца Иосифа Ватопедского – Часть 2: покаяние и преображение человеческой природы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/332495.html>
5. Добротолюбие. Т.1 / Перевод. – Репринт. изд. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993, 640 с.
6. Добротолюбие. Т.2/ Перевод. – Репринт. изд. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993, 765 с.
7. Добротолюбие. Т.3 / Перевод. – Репринт. изд. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993, 442 с.
8. Ефрем Сирин, преп. Творения. Ч. 3. М., 1849.
9. Игнатий (Брянчанинов), еп. Аскетические опыты. В 2-х т. Т. I. – Мн.: Лучи Софии, 2001. – 496 с.
10. Иеромонах Серафим (Вырицкий) / Ред. епископ Александр (Милеант). Свято-Троицкая Православная Миссия, 2001.
11. Иларион (Алфеев), еп. Духовный мир преподобного Исаака Сирина (Электронный ресурс) / Режим доступа: <http://bishop.hilarion.orthodoxia.org>
12. Иоанн Кронштадтский, св. прав. Богопознание и самопознание, приобретаемое из опыта. – СПб., 1900.
13. Исаак Сирин, преп. О божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты / Пер. с сир., прим. и послесл. игумена Илариона (Алфеева). М.: Издательство Зачатьевского монастыря, 1998.
14. Киприан Карфагенский, сщмч. Творения. Ч. 1: Письма. 2-е изд. Киев, 1891.
15. Киевопечерский патерик по древним рукописям. В переложении на современный русский язык, Марии Викторовой. Киев, В типографии Киевопечерской Лавры, 1870.
16. Никон (Беляев), иером. Завещание духовным детям. Куйбышев, 1990.
17. Паисий Величковский, преп. Крины сельные или цветы прекрасные. СПб., 1910.
18. Петр (Екатериновский), еп. Указание пути ко спасению. Опыт аскетики. Издательство Сретенского монастыря, 2001.
19. Письма святителя архиепископа Феофана Полтавского и Переяславского, 1976.
20. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Изд. 7-е. Сергиев Посад, 1908.
21. Симеон Афонский, монах. Дорога, освященная Солнцем. Издание Пустынь Новая Фиваида Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 2008. – 80 с.
22. Симеон Новый Богослов. Творения. В 3-х т. Т. 1. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
23. Слова Старца Паисия Святогорца: Духовное Пробуждение. Т. 1, 1999.

24. Старец иеросхимонах Сампсон. Жизнеописание, беседы и поучения, письма. М., Библиотека журнала «Держава». 2002, 904 с.
25. Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова. Малоярославец: Изд-во Свято-Никольского Черноостровского женского монастыря, 2006.
26. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. 4-е изд. Ч. 1. ТСЛ, 1900.
27. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого. Письма. – Минск, 2003.
28. Творения св. отца нашего Иоанна Златоустого, архиеп. Константинопольского, в рус. переводе. Т. 12. Ч.2. СПб., 1906.
29. Умное делание. О молитве Иисусовой. Сборник поучений святых отцов и опытных ее делателей. Сост. игумен Харитон. Сортавала, 1936.
30. Феофан Затворник, свт. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики. М., 1899.
31. Феофан Затворник, свт. Собрание писем. Свято-Введенский Печерский монастырь, 1994. Выпуск II.
32. Феофан Затворник, свт. Собрание писем. Свято-Введенский Печерский монастырь, 1994. Выпуск V.
33. Феофан Затворник, свт. Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу и истолкование молитвы Господней словами святых отцов / 2-е изд. Афон. Рус. Пантелеймонов монастырь. – М.: Типо-лит. Ефимова, 1889. – 600, II с.
34. Феофан Затворник, свт. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? СПб., 1991. – 200 с.

ANALYSIS OF DEVELOPMENT OF SCIENCE IN THE CONTINUUM OF EUROPEAN CULTURE DURING PERIODS OF SOCIAL AND CULTURAL TRANSFORMATIONS: THE PHILOSOPHICAL ASPECT

АНАЛИТИКА РАЗВИТИЯ НАУКИ В КОНТИНУУМЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОДЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Tarasov A.N.

*Lipetsk State Pedagogical University,
Lipetsk, Russia*

Тарасов А.Н.

*Липецкий государственный педагогический университет,
г. Липецк, Россия*

В статье анализируется развитие науки в периоды социокультурных трансформаций. В работе показано, что в такие периоды наука, как и другие сферы культуры переживает серьёзные качественные изменения. Вместе с тем, в отличие от вышеназванных сфер культуры наука демонстрирует и специфику, которая проявляется в том, что наука всегда идёт по пути прогрессивного развития.

Ключевые слова: *социокультурная трансформация, история науки, эллинизм, Возрождение, авангард, постмодерн.*

The article analyzes the development of science in the period of social and cultural transformation deformations. It is shown that in such times, science, like other areas of culture is in serious qualitative change. However, unlike the above-mentioned areas of culture and science is demonstrating the specificity, which is manifested in the fact that science always follows the path of progressive development.

Keywords: *socio-cultural transformation, history of science, Hellenism, the Renaissance, the vanguard of the postmodern.*

В общекультурологическом значении наука представляет собой специализированную форму культуры, которая ориентирована на познание. Научное знание отражает объективно существующие закономерности окружающей действительности. Оно представляет собой духовно-теоретическое знание, выполняющее описательную, объяснительную, прогностическую и другие функции. Понятие «наука» включает не только деятельность по получению нового знания, но и результат этой деятельности. Будучи рациональной отраслью духовной культуры, наука основывается на познании реальности в теоретической форме допускающей эмпирическую проверку и выявляющая устойчивые повторяющиеся связи между явлениями действительности [7, с. 63].

К настоящему моменту имеется значительный массив литературы по истории науки и, соответственно этому направлению, в его основу положен хронологический принцип изучения. Признавая эффективность указанного принципа анализа, вместе с тем, представляется интересным анализ развития науки в переломные периоды

бытования культуры. Такие периоды мы определяем как «социокультурная трансформация», под которой понимаем процесс качественных изменений, детерминированных социально-экономическими причинами и отражающими переход от одной культур-системы к другой [6, 12, 16]. Не будем повторяться относительно всех аспектов аналитики социокультурной трансформации [17], отметим лишь, что применительно к европейской культуре можно выделить четыре стадии социокультурных трансформаций: поздний эллинизм при переходе от античной к средневековой культур-системе, Возрождение – от средневековой к новоевропейской, авангард от новоевропейской к современной и постмодерн от современной к пост-современной [9]. Именно в эти периоды нас и будет интересовать развитие научного знания в континууме европейской культуры.

Наука античности возникает как обособленная сфера духовной культуры. В этот период появляется особая группа людей, которая специализируется на получении новых знаний, кроме того, сами знания становятся системными. В методо-

логическом плане важным достижением античности становится создание дедуктивного метода исследований. В этой культур-системе как междисциплинарная наука формируется математика. Современные философы науки подчёркивают, что первые относительно развитые образцы теоретических знаний в математике возникли в контексте культуры античного полиса [1, с. 25]. Полис принимал социально значимые решения на основе конкурирующих предложений и мнений. Преимущество одного мнения перед другим определялось посредством доказательства. Применение идеала доказательности утвердило новые принципы изложения и передачи знаний, государства и закона, классифицировали формы государственной власти. Однако и в период позднего эллинизма – I социокультурной трансформации в континууме европейской культуры были сделаны значительные открытия. Так, логико-правовые конструкции римских юристов оказали значительное влияние на становление юриспруденции как самостоятельной дисциплины.

Значимость переходного этапа позднего эллинизма определяется и ещё одним обстоятельством. Мы уже отметили, что в античной культур-системе, наряду с философским знанием развивается математика как междисциплинарная отрасль. Античные философы, подготовив необходимые средства для перехода к теоретическому пути развития математики, предприняли попытки систематизировать математические знания, добытые в древних цивилизациях, путём изменения процедуры доказательства. Этот процесс завершается в эпоху эллинизма созданием первого образца развитой научной теории – Евклидовой геометрии.

Таким образом, к периоду начала эпохи эллинизма сложились все условия для перехода научного знания к новому, качественному переходу, переходу к средневековой культур-системе. Как и

во всех сферах культуры, в науке это был сложный, противоречивый период.

Безусловно, представленные выше характеристики говорят о системно-поступательном прогрессивном развитии науки, в тоже время многие исследователи отмечают, что к периоду позднего эллинизма «античная цивилизация была обречена, но умирала долго и вместе с ней умирала и наука» [2, с. 39]. Подобная негативная оценка во многом определяется тем массивом научного знания, который был сформирован периодом позднего эллинизма – он был невелик.. Противоречивость I социокультурной трансформации проявляется и в том, что в античной культуре знание об искусственном противопоставлялось знанию о естественном. Познание космоса понималось как постижение его гармонии в умопостигаемом созерцании, которое расценивалось как главный способ достижения истины. Поэтому даже когда античная наука в эпоху позднего эллинизма вплотную подошла к соединению математического описания природы с экспериментом, она не сделала решающего сдвига к конституированию эксперимента как способа познания природы. Этому препятствовали фундаментальные мировоззренческие смыслы, определяющие специфику античной культуры.

Таким образом, аналитика развития европейской науки к I социокультурной трансформации показывает, что она подошла к этой стадии совершив качественный скачок, который заключался в подготовленности для утверждения метода эксперимента в науке. Вместе с тем, предвосхищая средневековую стадию, научное знание в период позднего эллинизма выглядит более скудным нежели в предыдущие периоды античной культур-системы (например, классический период).

Итак, I социокультурная трансформация знаменовала переход к средневековой науке. Научное знание этого периода развивалось в сложных

социально-экономических условиях. В средневековой культур-системе не было значительных прорывов в науке. Однако упадок классической цивилизации не стал катастрофой для науки. Новая культур-система обрела механизмы передачи научных знаний. Возникшие мировые религии стали естественной реакцией на деградацию и упадок античного мира.

Проводником знания в эпоху средневековья стала церковь. Церковные школы и монастыри обеспечивали обучение, сохранение знаний и подготовку духовенства. Кроме того, в средневековой культур-системе были восприняты и разработаны важнейшие технические достижения, например, водяной и ветряной двигатели, компас, порох, бумага, очки. Однако все эти достижения очевидно не говорят о значительном (в сравнении, например, с классическим периодом античной культур-системы) вкладе средневековой науки в мировой массив знаний. База для качественных изменений была сделана ко II социокультурной трансформации в континууме европейской культуры, коей выступает Возрождение. Суть этих изменений заключается в следующем. Становление мировоззренческих предпосылок, необходимых для утверждения метода эксперимента в науке, было связано именно с духовной революцией эпохи Ренессанса и Реформации; с новым пониманием человека как творца, отражением этого стала базовая мировоззренческая установка этого времени – антропоцентризм. Безусловным элементом этой духовной революции стало отношение к любой деятельности как к ценности и источнику общественного богатства, ранее такое отношение было характерно только для интеллектуального труда. Революционность этих изменений заключалась в том, что теперь под право человека заниматься наукой, преобразовывать окружающую действительность подводилось идеологическое обоснование, коим вы-

ступал антропоцентризм. Всё это стимулировало бурный рост научного знания на этапе новоевропейской культур-системы.

К XVII–XVIII вв. наука оформляется как особый социальный институт, возникают первые научные общества и академии. Однако к пос. тр. XIX – нач. XX вв. развитие науки столкнулось с, казалось бы, невозможным явлением – появились открытия, которые не вписывались в традиционную научную картину мира. Например, открытие явления радиоактивности. Подобные открытия заставили многих ученых естествоиспытателей утверждать, что якобы «материя исчезла». Эти заявления стали результатом того, что традиционными методами новые научные достижения было невозможно объяснить, эти открытия опередили время и отразили в научной сфере переход к III социокультурной трансформации в континууме европейской культуры. Общесоциальным отражением этих процессов стал авангард, для которого характерно стремление к коренному обновлению, разрыву с устоявшимися принципами и традициями. В авангарде переломились острейшие социальные проблемы эпохи, отразились растерянность и отчаяние перед лицом общественных катастроф. Отражением этого, например, в философии стало появление иррационализма, а в развитии религии появление сект [15]. Поддержала этот «дух времени» и наука.

Итогом III социокультурной трансформации в сфере науки стал её выход на неклассический тип научной рациональности. Основой этой рациональности было представление о деятельностной природе познания. «Познающий разум рассматривался уже не как дистанцированный от изучаемого мира, а как находящийся внутри него, детерминированный им. Возникает понимание того обстоятельства, что ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством

самой природы, но и способом нашей постановки вопросов» [3, с. 21]. В значительной степени переход на неклассический тип научной рациональности и к стадии современной культур-системы был детерминирован III социокультурной трансформацией.

Современная наука превратилась в особый тип производства научных знаний с разветвлённой и сложной структурой [5]. Массив современного знания увеличился на несколько порядков. Значительно расширились научные связи, чему в немалой степени способствует Интернет [4]. Всё это открыло путь для выхода современной европейской (евроатлантической) цивилизации на новые рубежи – постиндустриального или информационного общества. Отражением этих процессов стала IV социокультурная трансформация в континууме европейской (евроатлантической) культуры, которую отражает постмодерн [10, 13, 14]. Мы уже рассматривали различные аспекты аналитики культуры постмодерна как социокультурной трансформации [11]. Здесь же отметим, что постмодерн в науке, несмотря на многочисленные теоретические выкладки иррационального порядка, сегодня проявляется в стремительно возрастающем массиве знания. В этой связи, в сравнении, например, с реализацией идей постмодерна в искусстве, современное европейское (евроатлантическое)

общество может быть охарактеризовано как «становящееся общество знания» в том смысле, что это явление, очевидно, прогрессивного развития. Свидетельством этого являются прорывы в различных отраслях научного знания.

Таким образом, философский анализ развития науки в континууме европейской культуры в периоды социокультурных трансформаций показывает, что она как и другие сферы культуры в такие переломные моменты испытывает серьезные изменения. Научное знание в такие периоды готовит почву для нового научного рывка, как это было в кон. XIX – нач. XX вв. или же создает необходимые условия для становления нового общества как мы это наблюдаем сегодня («общество знания»).

Проведённый философский анализ позволил установить, что наука как сфера духовной культуры в периоды социокультурных трансформаций в континууме европейской культуры демонстрирует особое положение среди других сфер. Если, например, религия или искусство в переломные периоды могут являть примеры как конструктивного, так и деструктивного характера, то наука всегда идёт по пути прогрессивного качественного развития. Объясняется это специфичностью научного знания, его нацеленностью на достижение объективности в процессе познания и истины.

Литература

1. Наука // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. III. 692 с.
2. Соломатин В.А. История науки. М.: ПЕР СЭ, 2003. 352 с.
3. Стёпки В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18-25.
4. Тарасов А.Н. Виртуальный объект в философии и культуре постмодернизма // Мировая экономика и социум: от кризиса до кризиса. Материалы международной научно-практической конференции 15 сентября 2009 г. / Отв. ред. Л.А. Тягунова. Саратов: ООО «Издательский Центр «Наука», 2009. С. 171-174.

5. Тарасов А.Н. Глобализация социокультурного пространства в аспекте социокультурной трансформации современности // Актуальные направления развития сферы культуры и искусства России: тенденции, инфраструктура, инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции 21 мая 2012 г. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. С. 55-63.
6. Тарасов А.Н. Категориально-понятийный аппарат аналитики социокультурной трансформации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов, 2012. - Вып. №115)4. I. С 189-191.
7. Тарасов А.Р. Культурология: Учебно-методическое пособие для бакалавров. Липецка ЛГПУ, 2012. 90 с.
8. Тарасов А.Н. Н.А. Бердяев о роли искусства в отражении процесса социокультурной трансформации // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6 // www.science-education.ru/100-51171 Номер гос. рег. 0421100037/0620. (дата обращения: 15.10.2012).
9. Тарасов А.Н. Периоды социокультурных трансформаций в континууме европейской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов, 2012. Вып. № 10 (25). Ч. 1. С. 185-192.
10. Тарасов А.Н. Постструктурализм как философская основа постмодернистского типа художественной культуры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург. 2008. Вып. 34 (74). С. 478-483.
11. Тарасов А.Н. Социокультурная трансформация: постмодернизм. Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2012. 131 с.
12. Тарасов А.Н. Сущность концепта «социокультурная трансформация» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. Вып. № 7 (13). Ч. II. С. 211-213.
13. Тарасов А.Р. Теория деконструкции как философско-теоретическая основа эстетики постмодернизма // Философия и общество. Москва, 2009. № 1 (53). С. 174-187.
14. Тарасов А.Н. Философские истоки художественной культуры постмодернизма: постфрейдизм // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов» 2007. Вып. 12(56). С. 59-63.
15. Тарасов А.Н. Философский анализ развития религии в континууме европейской культуры в периоды социокультурной трансформации // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: www.science-education.ru/105-6939 (дата обращения: 15.10.2012).
16. Тарасов А.Н. Философско-теоретические основания актуализации концепта социокультурная трансформация» // Аналитика культурологии. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина» 2012. № 2 (23). <http://www.analiculturolog.ru/journal/new-number/item/840-9/html> (дата обращения: 15.10.2012).
17. Тарасов А.Н. Экономическая культура общества в условиях современной социокультурной трансформации евроатлантической цивилизации: философский аспект // Фундаментальные исследования. 2012. № 9 (часть 1). С. 182-185;
URL: www.rae.ru/fs/?section=coritent&op=show_article&article_id=999417 (дата обращения: 15.10.2012).

**ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ И СМЫСЛА ИСТОРИИ
В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
КОНЦА 19 – НАЧАЛА 20 ВЕКОВ**

**THE PROBLEM OF LIFE MEANING AND HISTORICAL MEANING IN
RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY AT THE END OF 19-TH
AND AT THE BEGINNING OF THE 20-TH CENTURIES**

Наминова И.А.

*Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования,
г. Москва, Россия*

Naminova I.A.

*Academy of professional improvement skills and additional training of educational workers,
Moscow, Russia*

Рассматривается проблема смысла жизни и смысла истории в философском наследии Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого и С.Л. Франка. Дается историко-философский анализ проблемы как основы поиска русскими философами путей обновления и духовно-нравственного становления жизни человека и общества.

Ключевые слова: *русская религиозная философия, смысл жизни, смысл истории, духовно-нравственное развитие жизни человека и общества.*

The problem of life meaning and historical meaning in F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, V.S. Solovjev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy and S.L. Franko philosophical heritage is considered. Historico-philosophical analysis of problem as the principles of search by russian philosophers the ways of renewal and spiritual-moral formation of man's life and society is given.

Keywords: *russian religious philosophy, life meaning, historical meaning, spiritual-moral development of man's life and society.*

Проблема смысла жизни и смысла истории являлась одной из центральных тем в творчестве русских религиозных философов конца 19 – начала 20 веков. Постановка проблемы была своеобразной духовной реакцией русских философов на общественные, экономические и политические процессы, проходившие в тот период в России в условиях кризиса государственной власти

и религиозной веры, формирования раннеиндустриальных общественных отношений, диктовавших обществу преимущественно научно-индустриальные подходы к жизни.

Интерес к исследованию проблемы был вызван тем, что она явилась попыткой духовно-нравственного обновления основ жизни человека и общества. Русские философы, онтологически

обосновав абсолютную значимость человека и его творческого начала для «земной жизни» человечества, поставили перед обществом проблему ответственности людей за происходящее в мире зло. Путь к обретению смысла жизни человеком и обществом философы видели в обращении к религиозному миропониманию как к системе абсолютных моральных и нравственных ценностей.

Современное исследование проблемы смысла жизни и смысла истории русской философии рассматриваемого периода активно началось в 90-х гг. 20 века. Проблема смысла жизни рассматривалась в диссертационных исследованиях Е.Ю. Антюховой, И.А. Декун, Т.С. Оленич, Е.А. Парадиз, И.Б. Пелевина, О.С. Соиной, П.А. Сухоплюева, Н.И. Хагуровой и др., проблема смысла истории – в исследованиях Э.Л. Гайдадым, И.В. Желтиковой, П.Б. Клевцова, С.В. Кузнецовой, А.М. Кунгурова, Е.В. Надольской, С.Н. Трофимова и др., проблема «связи смысла человеческого существования со смыслом истории» раскрывалась в работе М.Е. Харитоновой, некоторые аспекты проблемы представлены в трудах В.Г. Безносова, В.А. Зайцева, Ю.С. Пивоварова и др.

На наш взгляд, проблема смысла жизни и смысла истории не рассматривалась исследователями с позиции поиска русскими религиозными философами путей обновления духовной, культурной и общественной жизни России. Также считаем, что не были раскрыты религиозно-этический и нравственный аспекты проблемы смысла жизни и смысла истории. В исследовании мы обратились к философскому наследию Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева, поднявшим тему нравственного соотношения смысла жизни и смысла истории, С.Н. Булгакова, рассмотревшего влияние творчества на развитие индивидуальной и общественной жизни, Е.Н. Трубецкого, раскрывшего

значение естественно-правового преобразования общественной жизни для формирования нравственного сознания человека и общества, С.Л. Франка, обосновавшего роль нравственного воспитания в жизни человека и общества.

В исследовании была определена цель – рассмотреть проблему смысла жизни и смысла истории как основу поиска русскими философами путей обновления и духовно-нравственного становления жизни человека и общества.

Источниками исследования послужили работы русских философов Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова.

Исследование проводилось на основе общих принципов историко-философского анализа, комплексного подхода к изучению и рассмотрению социально-политических, исторических, культурологических и философских аспектов данной проблемы, сравнения позиций разных авторов, занимавшихся ею.

В исследовании ставились следующие задачи:

- дать характеристику историческим и теоретическим предпосылкам, обусловившим актуализацию проблемы смысла жизни и смысла истории на рубеже 19-20 веков;
- провести анализ духовно-нравственного обоснования смысла жизни и смысла истории в творчестве Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева;
- определить характер связи смысла жизни и смысла истории с задачами духовно-нравственного возрождения общественной жизни России;
- раскрыть взгляды С.Н. Булгакова на роль творчества в формировании духовных основ жизни человека и общества;

- рассмотреть точку зрения Е.Н. Трубецкого на необходимость правового преобразования основ индивидуальной и общественной жизни;
- дать анализ понимания С.Л. Франком роли нравственного воспитания в жизни человека и общества.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. Историческими предпосылками, обусловившими на рубеже 19-20 веков актуальность метафизических вопросов о человеке и смысле его существования, истории и смысле ее развития, явились события общественной и политической жизни России: в частности, крестьянская реформа 1861 г., развитие революционно-демократического движения, убийство Александр II, поражение страны в русско-японской войне, революция 1905-07 гг. Предпринятый русскими философами анализ происходящих событий обнаружил кризис религиозной веры и духовно-нравственный упадок жизни общества. Поставив проблему ответственности людей за происходящее в мире зло и стремясь решить задачу духовно-нравственного возрождения России, русские философы обратились в своих поисках к идеям представителей немецкой идеалистической философии, славянофилов, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева.

2. Духовно-нравственное обоснование проблемы смысла жизни и смысла истории в творчестве Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева опирается на их убеждение о том, что главным назначением человека в этом мире является реализация его нравственного потенциала. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой были первыми, кто выявил состояние полной непримиримости между собой смысла жизни и смысла истории. Ими был вскрыт парадоксальный факт – в

религиозно-этических исканиях человечеством смысла жизни и смысла истории личность человека рассматривалась одновременно и центром и «мертвым орудием» логического провиденциализма. Драму человеческой судьбы русские философы увидели в том, что человеку, созданному по образу и подобию Божьему, на протяжении всей истории человечества приписывался «мотив» фаталистической покорности, в то время, как, на самом деле, человек должен обладать божественной свободой творчества, чтобы «созидать» собственную судьбу.

Ф.М. Достоевский, по словам Н.А. Бердяева, раскрыл «трансцендентные глубины религиозной психологии» и показал несостоятельность религиозно-моралистического учения исторического христианства, на основе которого человек ощущает лишь одиночество и трагизм своего бытия. Достоевский считал, что смысл жизни и смысл истории несовместимы между собой: история поглощает смысл жизни человека. Писатель считал, что человеку необходимо вернуть смысл жизни, он видел два взаимосвязанных пути нравственного спасения человека и человечества. Первый, нравственно-религиозный, как путь спасения человека через любовь «ко всему миру»: «к «каждой песчинке», к каждому человеку – это путь к Богу, дарующий всю полноту божественной жизни. Второй, религиозно-нравственный, как заповедь Христа, которая должна быть в сознании человека в виде нравственного закона жизни и быть опорой во всех его невзгодах.

Л.Н. Толстой считал, что главным назначением человека в этом мире является реализация им нравственного потенциала, без чего все остальное теряет смысл. Нравственное сознание пробуждается у человека благодаря вере. Ответ на вопрос о смысле жизни Л.Н. Толстой находит в верованиях всех народов – в «бесконечном

Боге», в «божественности души», в «связи дел людских с Богом», в «понятии нравственного добра и зла».

Творчество В.С. Соловьева предстает как путь искания социальной правды. Он считал, что человеческое существование определяется метафизической, физической, исторической и социальной сторонами своего бытия. Каждый человек, помимо материального и эмпирического содержания своей жизни, включает в себя образ Божий, как особую форму абсолютного содержания. Мир, окружающий человека, становится разомкнутым и разобленным, потому что вера перестает быть «началом жизни». Перед человеком встает задача в восстановлении «распавшихся планов жизни» в их взаимной связи и органической целостности. Духовно-физический процесс восстановления образа Божия в материальном человечестве не может совершиться сам собой без участия человека. Заслуга В.С. Соловьева состоит в том, что он создал учение о всеобщей духовной телесности и преодолении мирового зла посредством богочеловеческого подвига.

3. Теоретической основой формирования связи смысла жизни и смысла истории явились концепции всеединства, богочеловечества и философии жизни, идея необходимости обновления духовной, культурной и общественной жизни России. По мнению русских философов, различное понимание смысла жизни и смысла истории определяли и разные подходы к конструированию социально-политических отношений внутри общества. Когда истории приписываются цель и смысл, то ее эволюция возводится в абсолют, окружается «религиозным ореолом», регулятивами ее общественной работы предстают сверхчеловеческие идеалы в виде «подвижничества на благо рода человеческого». Действительными регулятивами жизни человека и общества должны рассматриваться реальные интересы людей.

Государственная деятельность и социальные реформы должны руководствоваться не ослепительными утопиями идеального государства и его общественного строя, а идеей справедливости и желанием обустроить жизнь человека и общества, чтобы создать условия для их стремлений к моральному совершенствованию и нравственному творчеству.

4. С.Н. Булгаков в своем творчестве развивает идею о том, что жизнь должна рассматриваться творческим саморазвитием человека, а история – творческим саморазвитием человечества. Булгаков считает, что существуют три сферы для творческой деятельности – философия, хозяйство и искусство. Особая роль в творческой деятельности человека должна отводиться религии как важнейшему фактору духовного развития человека и общества. Истинная сущность религиозной жизни заключается в охвате ею всех сфер человеческой деятельности, в объединении под ее началом всей земной жизни христиан. Это единение поможет вернуть современному миру его духовно-нравственные основы и восстановит целостность мира как божьего творения.

С.Н. Булгаков полагает, что жизнь и история получают свое обоснование только на основе признания надсущностной закономерности развития бытия. Жизнь перестает быть бессмысленной, если получает «абсолютный смысл и ценность вне себя и выше себя, получает ее не в качестве эмпирического или биологического факта, а как служение высшему, идеальному началу». Нравственная цель, по С.Н. Булгакову, должна заключаться в духовной работе человека, в его творчестве, которые, в свою очередь, определяют собой общую духовную культуру человечества или конкретной исторической эпохи. Результатом творческой деятельности человека и общества должно стать совершенное Богочеловечество, то есть духовная цивилизация, а не какая-

либо форма государственного или общественно-го устройства. В этом случае история перестает быть «дурной бесконечностью», обретает «начало» и «конец» и получает смысл своего развития.

5. Теоретической основой идеи Е.Н. Трубецкого о правовом преобразовании человека и общества являлась проблема соотношения права с верой и нравственностью. Методологической основой проблемы явились понятия «позитивное право» (как право внешнего авторитета), «естественное право» (как нравственные нормы) и «нравственность» (как форма содержания добра). Е.Н. Трубецкой считает, что в развитии общества имеют значение, как сознательные волевые действия людей, так и стихийные силы истории. Сознательный подход к гармоничному сочетанию естественного права с позитивным будет способствовать формированию нравственных установок в сознании человека и общества. Законы и нормы, содержащие в себе нравственные предписания, обладают надорганическим свойством и также будут формировать в сознании человека и общества «стремление к свету совести, добра и порядочности». Такие законы и нормы могут противостоять хаосу социальной жизни и способны гармонизировать внутренние и внешние отношения жизни человека и общества.

6. Философское осмысление С.Л. Франком роли нравственного совершенствования в жизни человека строилось на убеждении, что человек, являясь существом эмпирического и божественного мира, представляет собой уникальный, целостный мир, состоящий из способностей самоопределения, свободного жизнетворчества, а также умения человека судить и оценивать окружающий мир и самого себя. Нравственные и правовые основы жизни, определяя должное в человеческих отношениях, по словам С.Л. Франка, поднимают человека над сферой природно-естественного бытия. С.Л. Франк считает, что чело-

век, являясь свободно действующей личностью, способен быть «преобразователем и двигателем» духовно-нравственного развития индивидуальной и общественной жизни.

Нравственное воспитание, по С.Л. Франку, предстает в виде «христианской нравственной активности», заключающейся во внесении добра в человеческие души и в личные отношения между людьми. Целью христианского нравственного сознания является не улучшение общего состояния жизни, а помощь людям в их каждодневной духовной и материальной нужде. Эта установка должна стать основной заповедью людей на пути к общему совершенствованию жизни, а источником нравственных основ для «разумных» поступков человека должно стать Евангелие, где Слово Божие предстает «единственным подлинно нужным и спасительным для человека». Смысл жизни нельзя найти в готовом виде, а можно только добиваться его осуществления: «смысл жизни не дан – он задан».

Вывод исследования

Обоснование нравственного приоритета смысла жизни над смыслом истории позволило русским философам рассмотреть проблему в согласовании ее с задачами поиска путей практического обновления духовной, культурной и общественной жизни России. Важнейшей ценностью в данном случае для них выступили не идеальные образы государства и общества, а реальные интересы людей. Считаем, что проблему смысла жизни и смысла истории, выразившей онтологические, гносеологические и морально-этические идеи русских мыслителей, необходимо рассматривать не только существенной частью их теоретического наследия, но и важным ориентиром в духовно-нравственном возрождении современного российского общества.

Литература

1. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999.
2. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992.
3. Булгаков С.Н. Два града: исследование о природе общественных идеалов. СПб.: РХГИ, 1997.
4. Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994.
5. Булгаков С.Н. Сочинения: в двух томах. М., 1993.
6. Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991.
7. Достоевский Ф.М. Великий инквизитор // Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Дрофа, 2002.
8. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М.: Молодая гвардия, 1992.
9. Русские эмигранты о Достоевском. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.
10. С.Н. Булгаков: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2003.
11. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. Минск: Харвест, 1999.
12. Соловьев В.С. Сочинения: в двух томах. М.: Правда, 1989.
13. Соловьев В.С. Смысл любви: избранные произведения. М.: Современник, 1991.
14. Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000.
15. Толстой Л.Н. Избранное. Ростов-на-Дону, 1998.
16. Толстой Л.Н. В поисках веры. М.: Мартин, 2006.
17. Трубецкой Е.Н. Избранное. М.: Канон, 1995.
18. Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
19. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.
20. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
21. Франк С.Л. Свет во тьме. М.: Факториал, 1998.
22. Франк С.Л. Сочинения. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000.

РУССКАЯ УТОПИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

RUSSIAN UTOPIA AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Митина Н.Г.

*Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского,
г. Владивосток, Приморский край, Россия*

Mitina N.G.

*Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoi,
Vladivostok, Primorye, Russia*

В статье раскрываются специфические черты, присущие русской утопии и механизмы регенерации утопии в России. Данный подход позволил определить утопию как социокультурный феномен, включающий в себе специфические черты цивилизации, на базе которой она формируется.

Ключевые слова: утопия; культурная форма; социокультурный феномен; цивилизация; утопизм.

The article describes the specific traits of Russian utopia and mechanisms of regeneration of a utopia in Russia. This approach allowed us to determine the utopia as a sociocultural phenomenon, which includes a specific features of civilization, on the basis of which it is formed.

Keywords: Utopia; a cultural form; sociocultural phenomenon; a civilization; utopianism.

Социокультурный мир представляет собой уже заранее конструированный и организованный мир, особая структура которого является результатом исторического процесса, которая отличная для каждого конкретного общества и каждой конкретной культуры. Остановимся на особенностях, определяющих утопию, как социокультурный феномен.

Как подчеркивает Э.Я. Баталов: «В России утопия всегда чувствовала себя как дома. Русская народная социальная утопия с ее идеалом Правды, уходящая корнями в культуру Древней Руси, оказывала неизменное воздействие на формирование национального утопического сознания и массовых движений протеста, включая все три

русские революции» [1, с. 105]. На готовность России к созданию и реализации утопических проектов указывал Г.П. Федотов: «...Россия мыслится национальной пустыней, многообещающей областью для основания государственных утопий» [19, с. 1]. Следовательно, их надо искать в особенностях формирования российской цивилизации, наложившей отпечаток на складывание психологии, культуры русского народа.

Многие философы отмечают, что утопичность свойственна русской ментальности. Например, Н.О. Лосский в своем исследовании «Характер русского народа» отмечает такие черты, как религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра, свобода духа, отсут-

ствие организованности, формы, стремление к социальной справедливости [11]. На отсутствие формы указывает и другой русский философ Н. Бердяев: «Русский человек во власти своей природы, во власти своей земли, во власти стихии. Это означает, что в строении души русского человека форма не овладевает содержанием, душевно-телесной стихией не овладевает дух» [4, с. 52–53]. Романтизм и духовную анархию, как черты русских, выделяет немецкий философ В. Шубарт, подчеркивая: «Отсюда пресловутая мечтательность русских, неотмирность их планов и программ, копание в теориях без всяких перспектив на практический идеал» [26, с. 104]. Данная особенность по нашему мнению так же является предпосылкой русского утопизма.

Другими важнейшими чертами русского народа являются коллективизм, общинность и соборность. Это подчеркивает и С. Франк: «В противоположность западному, русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию «МЫ», или «МЫ-философию». Для нее последнее основание жизни духа и его сущности образуется «МЫ», а не «Я»» [21, с. 4]. В понятиях соборность, всеединство – заключается и идея государства, которая представлена у русских, как идеал, утопия единения, целостного органичного взаимоотношения власти – народа – человека. Данные мысли высказывает и В.Н. Муравьев: «Наиболее полным идеалом древнего русского мирозерцания было Царство Божие на земле. К этому идеалу сознание подходило одновременно через Церковь и Государство, сливая их в образе великой, сначала русской, затем вселенской теократии» [15, с. 58].

По мнению А.Д. Сиявского (А. Терца), причины данных особенностей заключаются в пришедшей из Византии восточной ветви христианства – православии, наложившим отпечаток на развитие русской цивилизации. Эта особенность

заключается в усилении третьей ипостаси Божественной Троицы – Святого Духа [18, с. 48–49]. Религия Святого Духа приводит к природной бесформенности, аморфности, к приоритету духа над формой. На влияние Византии указывает и Г. Померанц, отмечая переплетение в русском наследии цивилизационных начал Византии, Татари и Запада. «Создать из всего этого устойчивую форму непросто. Отсюда превосходство бродящего духа над формой – в том числе формами общежития – и постоянная угроза хаоса» [16, с. 3–4]. В этих особенностях заключается и причина иррациональности мышления, подчинение сердцу, а не разуму.

Н. Бердяев, рассматривая особенности русского национального типа, определяет антиномии в русском характере: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт [2, с. 2]. Все эти черты подтверждают выводы о существовании в недрах российской цивилизации предпосылок формирования утопического сознания.

Ряд современных исследователей утопии также останавливаются на истоках утопизма. К примеру, Б.Ф. Егоров определяет истоки социального утопизма в двух совсем различных ментальностях, укорененных в русском национальном характере. Одной из них является отвращение к рабочему процессу, лень, воровство и обман, сформировавшие на протяжении долгих веков рабства и истолкование, на этом фоне, христианской морали как враждебной по отношению

к физической работе. Об этом свидетельствуют фольклорные произведения сказки, былины, пословицы, поговорки. Русский человек, независимо от его социального положения, надеется на чудо, на получение каких-то благ без усилий, труда, с помощью сказочных персонажей, или божественных сил, либо используя хитрость и обман. Исключение составляют былинные эпосы о русских богатырях, которые честно использовали свою силу для защиты Родины. С другой стороны, отмечает Егоров, в относительно свободных группах (северные поморы, старообрядцы, казаки), суровые условия воспитывали культ труда, формировали трудовую мораль, имеющую много общего с идеалами протестантизма. Однако все эти различия имели одну основу – мораль, которая требовала честности и справедливости. Отсюда и появлялись утопические мечты о рае, который должен был стать наградой праведникам [9, с. 15–19]. По мнению ученого рай – это самая древняя утопия, а ад, соответственно, самая древняя антиутопия во всей мировой культуре. Именно поискирая, который может стать наградой за праведную жизнь уже на земле, заложили установку на формирование утопий.

В.П. Шестаков считает, что важный аспект русского национального самосознания составляет антиномия эсхатологизма и утопизма. С одной стороны, эсхатологическая вера в достижение лучшей жизни и мессианской предопределенности России в мировой истории, а с другой, тенденция к социальному утопизму, созданию зримого образа желаемого (или нежелаемого – в антиутопиях) будущего [25, с. 5]. Примером этого является утопия «Русская идея» – превращенный в абсолют социальный идеал о особой миссии России в мире.

Общественные идеалы и социальные утопии по своей природе историчны, в них диалектически сочетаются изменчивое и устойчивое, специ-

фическое и универсальное. В свою очередь антиутопии, демонстрируя тревогу за судьбу личности в «массовом обществе», позволяют спрогнозировать возможные последствия реализованной утопии. Н. Бердяев предупреждал: «Всякая попытка созданиярая на земле есть попытка создания ада». Как отмечает Е. Черткова: «Само позитивное осмысление будущего с учетом многовариантности развития, ведущего к нему, может сыграть роль противоядия от другой грозящей нам беды – интеллектуального и морального хаоса, абсолютного негативизма, сконцентрированных в идеологиях, подрывающих основы современной культуры» [22, с. 5].

Специфика ощущения времени у русских также является механизмом генерации утопического сознания. Для русской цивилизации характерно некоторое замедление временных процессов, что обусловлено ее пространственной протяженностью. Бесконечная даль пространства и бесконечная даль времен, соотносимые для русского понятия. Отсюда и укорененность в вечном. В. Шубарт подчеркивает: «У русского бесконечно много времени, поскольку в нем живет уверенность, что он бесконечное существо». Русский живет мгновением, что объясняет невнимание к прошлому, как и к будущему. Это, по мнению Шубарта, «виталистическое возражение против исторического мышления» [26, с. 119]. К аналогичным выводам в своем исследовании русского характера приходит К. Касьянова: «В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагается». В культурах, ориентированных на вечность, подчеркивает она, нет историчности: «Это и понятно: какая же относительность в вечности – в вечности может оставаться только абсолютное» [10, с. 5].

Еще одну специфическую черту временных

представлений выделяет В.Н. Муравьев: «Древнерусское мирозерцание устанавливало живую и нерушимую связь настоящего с прошлым... Соборность и временность неотделимы» [15, с. 57]. Данная связь устанавливалась не рассудком, а целостным познанием, восприятием «былого в действии». Человек, таким образом, находился в истории, жил ее.

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные нами особенности тем-поральности русской души являются причиной неистребимости утопий в России, ее открытости новым утопическим проектам, способности постоянно впитывать в себя появляющиеся утопические идеи и становится почвой для их реализации.

Рассматривая особенности ментальности русских можно выделить ряд положений: антиномия добра и зла представлена здесь в виде противопоставления общины, как символа добра, и государства (властных структур), как символа зла; основным способом действия для русских является надежда на лучший исход дела (выражение «авось»); достижение добра, счастья возможно, но только в будущем. Таким образом, можно выделить черты, которые способствовали генерации утопии в России. Основными из них являются: религиозность, эсхатологизм, мессианство, свобода духа, отсутствие формы, стремление к социальной справедливости, правдоискательство, общинность, соборность, вера в чудо.

Вывод о том, что русская утопия представляет собой социокультурный феномен подтверждают ее специфические черты. Утопические идеи буквально пронизывают русскую философию. В чем же заключаются ее особенности? Например, В.П. Шестаков указывает, что русская утопия не всегда являлась самостоятельным произведением, а растворялась в литературных произведениях других жанров. Данная особенность, а также отсутствие к ней внимания со стороны

исследователей, по его мнению, стали причиной ее неизвестности в мире [25, с. 39]. Образный, художественный характер утопии объясняется особенностью русской философии в целом. Многие исследователи отмечают, что русская философия тяготеет к живому, образному слову, публицистичности, что приводит ее к тесному переплетению с художественной литературой. Русская философия идет через развитие всей русской культуры, а философские идеи воплощаются через образы литературы, архитектуры, изобразительного искусства [7; 20; 12; 13; 14].

Традиционным повествовательным приемом в русской утопической литературе становится сон, что объясняется подцензурным характером литературы, так как утопические произведения, рисующие будущее, касались острых социальных проблем, и были опасной формой литературы. Кроме того, в России, по сравнению с Западом, более остро чувствовался разрыв между идеалом и действительностью. В.П. Шестаков подчеркивает: «То, что европейскому философу и сочинителю ... казалось возможным уже в процессе ближайшего созидания ..., для русского утописта представало пронзительной мечтой, осуществимой лишь в очень далеком будущем» [25, с. 40–41].

Любая утопия в какой-то степени религиозна, так как пытается воплотить веру в осуществимость идеального общества. Но русская утопия религиозна в своей основе. Е.Л. Черткова выделяет следующие черты русского утопизма: религиозный имманентизм, «теургическое беспокойство», мессианизм, идея спасения. Однако, как подчеркивает исследовательница: «Религиозные по своему источнику и характеру идеи преобразуются в структуре утопического сознания в нечто всецело «от мира сего», обнаруживая тем самым его псевдорелигиозный характер» [23, с. 181–185]. Еще одним важным аспектом рус-

ской утопии является ее нравственная сущность. Здесь также необходимо отметить, что данная черта отличает русскую философию от западной, имеющей рациональный характер. Это черта коренится в особенностях русского самосознания, как уже подчеркивалось ранее, в приоритете духа над формой. Утопия, таким образом, выражает христианский идеал Царства Божьего, но как земного, создаваемого людьми без Бога, где реализуется ответственность человека за историю, вера в свою провиденциальную миссию указать людям путь правильного жизнеустройства, спасти человечество.

Необходимо выделить еще одну важную черту утопий – символизм. Утопический мир – это знаковая реальность, где знак выступает как символ. Е. Черткова также отмечает ее в своем исследовании [23, с. 169]. В русской утопии данная черта проявляется особенно ярко, что мы видим из анализа утопических, и, особенно, антиутопических проектов.

Утопии трансформируются в зависимости от духа эпохи и одновременно содержат традиции культуры и общую концептуальную основу. Переосмысление утопических проектов предпринятое в конце XX века, с помощью метода деконструкции, используемого в постмодернистской философии, позволило определить новые ценности утопии – умение обратить внимание на существование разных способов решения проблем, на необходимость осмыслить и пересмотреть существующие нормы и ценности. Эта особенность утопии дает возможность найти новые подходы и таким образом изменить устои общества, составить философский прогноз его дальнейшего развития. И.И. Евлампиев отмечает данную особенность, как характерную черту русской утопии, связанную с дуальным восприятием мира: «Здесь создается идеал, который осознается как совершенно необходимый для человека в истории и

в то же время как недоступный нам в реальном историческом времени». Но при этом, «...принципиальное разнообразие культурных типов не должно считаться препятствием к возможности реализации общечеловеческого прогресса, более того, именно многообразие направлений продвижения к идеалу является условием этого прогресса». В отличие от западных утопий этот идеал не может быть столь же «конкретным», он носит духовный, а не сугубо материальный характер. «По-настоящему действенный и плодотворный идеал, способный придать новый импульс развитию общества, должен не превозносить и «консервировать» материальную приземленность и бездуховность современной цивилизации, а ставить задачу бесконечного духовного совершенствования человека» [8, с. 82–83].

На еще одну особенность русской утопии указывает В.А. Суковатая: «Русская утопия, по сравнению с западной, не выливалась в единую и целостную литературу или философию, и выполняла не столько прогностические функции, как на Западе, а, скорее, идеализирующе-шифровательные... Иначе говоря, изображая в качестве «внешнего плана» утопии некие «желаемые отношения», автор, на самом деле, в качестве ее внутреннего плана делал акцент на фигурах иного порядка, тех отношениях, которые мыслились как социально-неприемлемые, тормозящие социальный и политический прогресс, развитие нравственности и демократии» [17, с. 3]. Отсюда и интерес утопии к гендерным отношениям, которые находились за рамками тем допущенных к публичному обсуждению.

Кроме особенностей русской философии, исследователи утопии выделяют и ряд черт, объединяющих западную и русскую утопии: осмысление социального идеала, критика существующего общества, попытка предвосхищения образов желаемого будущего, идея необходимости

абсолютного преобразования действительности. Она не избежала смешения идеала и факта, в ней произошло отождествление историческое порядка с мистическим порядком Царства Божия [23, с. 180]. Сравнение позволяет выделить и специфику: если для западной утопии преобладающей темой является поиск путей рационального переустройства общества, устройство жизни в соответствии с принципами разума, то для русской утопии – цель заключается в преобразении общества в соответствии с законами социальной правды, заключающейся в единстве истины и справедливости. Развитие западной утопии шло от религии через рационалистическую философию к утопии, с опорой на науку. Русская утопия также шла от религиозного источника, но совершила круг: от православия через идеи Просвещения и рационализма (пришедшие с Запада) к религиозной философии, которая позднее дала ей серьезную критику, отмечает Е.Л. Черткова [23, с. 180].

Таким образом, нет оснований делать вывод о неразвитости русской утопии. Проведенный анализ позволяет говорить о более позднем развитии (расцвет русской утопии приходится на вторую половину XIX – начало XX века), но не отставании ее от западных утопических концепций. В.П. Шестаков подчеркивает, что русский утопический роман «был на уровне мировой утопической литературы, а в жанре негативной утопии русские писатели оказывались и намного впереди» [24, с. 248]. Он отмечает высокое художественное достоинство русской утопии, ее оригинальность, и значительное расширение диапазона представлений о будущем: «Это стремление к созданию образа будущего, предвидение его в образе утопии – одна из характерных особенностей русской литературы» [25, с. 65].

Все эти особенности позволяют нам рассматривать утопию как социокультурный феномен.

Это подтверждается многими исследователями. Культура концентрирует в себе знания, ценности, обычаи, благодаря которым человек и общество формирует свои традиции и идеи. Как подчеркивает Э.Я. Баталов – утопия является живым явлением сознания и культуры [1, с. 10]. Необходимо подчеркнуть уникальность каждой культуры и вытекающие из нее особенности утопических проектов. Более того утопия сама оказывает существенное влияние на культуру и другие сферы общественной жизни.

Н. Бердяеву удалось продемонстрировать особенности культуры через сравнение ее с цивилизацией. По мнению философа между культурой и цивилизацией нельзя ставить знак равенства. Он отмечает ее благородное происхождение, ее сакральные истоки. Культура произошла от культа и имеет религиозные основы, отсюда истоки ее символизма. Рождение цивилизации напротив связано с борьбой человека с природой. Это является причиной индивидуальности, своеобразия культур и общих признаков цивилизации разных народов.

Н. Бердяев подчеркивает различие основ цивилизации и культуры, если культура имеет духовную основу, то цивилизация – машинную. Культура переходит в цивилизацию, что означает гибель духа. В темпе цивилизации «нет прошлого и нет настоящего, нет выхода к вечности, есть лишь будущее». Однако механическое преобразование «жизни» к которому стремится цивилизация с помощью своих средств, не единственный способ такого преобразования – есть еще путь религиозного преобразования, который существует внутри культуры. Реальное преобразование «жизни» связано с волей к чуду, считает философ. Проведенное сравнение позволяет нам сделать вывод о связи между особенностями культуры и выявленными нами особенностями утопии (сакральность, вера в чудо, стремление к вечности,

обращенность в будущее).

Эти различия отражаются и на временных представлениях цивилизации и культуры. Цивилизация в отличие от культуры не стремится к вечности, более того именно конечность времени случит основанием успехов цивилизации. В культуре происходит борьба вечности со временем, в ней действует два начала «консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и создающее новые ценности». Однако в ней не может быть революционного, разрушительного начала, так как оно изначально антикультурно [5; 3].

По мнению Н. Бердяева, в России воля к культуре захлестывается волей к «жизни», воля имела две направленности, переплетающиеся между собой – стремление к социальному преобразению жизни в цивилизации и стремление к религиозному преобразению жизни, к явлению чуда. Тем не менее, подчеркивает философ, русские создали безобразную цивилизацию и религиозное преобразование русских было поражено болезненной мечтательностью. Но нам дано понять более остро кризис культуры и трагедию исторической судьбы, воля требует очищения, и тогда «воля его к преобразению жизни даст ему право определить свое призвание в мире» [3]. Культурные особенности России, выделенные Бердяевым, связаны с выделенными нами механизмами генерации утопических проектов в русской философии.

Данный подход философа к понятиям культуры и цивилизация, мы можем сопоставить с понятиями культура и культурная форма. Определение культуры у философа и в феноменологической концепции «жизненного мира» совпадают. В свою очередь понятие цивилизация у Бердяева мы можем сопоставить с понятием культурная форма. Культурная форма является продуктом

жизнедеятельности человека и понятие «цивилизация» в трактовке Бердяева имеет в отличие от понятия «культура» практическую направленность на преобразование жизни. По мнению Бердяева культура не может развиваться бесконечно и в момент «смерти» она трансформируется в цивилизацию, где умирает дух культуры. Культура, таким образом, приобретает практическую направленность к организации жизни, происходит социальная энтропия. Цивилизация это переход к жизни, подчеркивает Бердяев, что свидетельствует о существовании в культуре практического уклона [3, с. 163–167]. В этом обнаруживается связь с вторичной культурной формой, где и находятся истоки утопии.

Вторичная культурная форма (у Бердяева – цивилизация), имеет свои временные параметры. Бердяев отмечает, что у цивилизации есть только один временной модус – будущее, в отличие от культуры, которая устремлена в вечность [3, с. 169]. Это подтверждает вывод о том, что основание утопии корнями уходит во вторичную культурную форму. Поскольку цивилизация имеет практическую направленность (в противовес символическому и созерцательному характеру культуры [3, с. 172–173]), мы можем говорить о ее рациональности, а, следовательно, и о рациональности утопии, что подтверждается выводами Б. Ванденфельса о том, что повседневность приобретает значение места «изменчивой и варьируемой рациональности» [6, с. 45]. Утопия, как одна из форм рационализации, соединяет в себе социум и культуру с помощью человека и одновременно является их продуктом – социокультурным феноменом. Специфика русской цивилизации заключается в том, что в ней, как указывает Бердяев, воля к «жизни» захлестывает волю к культуре, отсюда и совмещение направленности к социальному преобразению жизни – в цивилизации, и религиозному преобразению – яв-

ление чуда [3, с. 174]. Данная специфика является не только причиной существования утопии, но и определяет ее особенности, характерные черты. Российские утопии, несмотря на многообразие их форм, имеют религиозные черты.

Культурная форма, таким образом, выступает как связующее звено между человеком, культурой и социумом. Социум принуждает культуру к обмену, а результатом такого обмена является культурная форма. И поскольку мы определяем утопию, как вторичную культурную форму, то это свидетельствует, что утопия выступает как социокультурный феномен, продукт жизненного мира человека.

Данный подход находит отражение в концепции С.Е. Ячина. Культура, подчеркивает он, является intersubjective смысловым пространством совместного бытия и может быть обозначена в принципе дара. В то время как общество – это институциональное пространство совместного бытия, обозначаемое как принцип обмена. Человек, в свою очередь, может быть обозначен в принципе жертвы [27, с. 11–12]. Автор рассматривает человеческую жизнь, как последовательное прохождение через формы – антропологическую, культурную, социальную: *«Человек дан себе как субъект переживаний жизни, мысленно размечающий ее пространство решительной причастностью Миру, циклически пробегающий по регистрам жертвы, дара и обмена»* [27, с. 273].

По мнению С.Е. Ячина культурный дар, как и антропологическая жертва, сами по себе чужды

проектированию как расчетной задаче. Однако забота о полноте бытия является самой глубокой заботой человека, данной человеку как забота о счастье. Следовательно, задача дефрагментации сознания и мира, как достижения этой полноты бытия вполне проектна, приходит к выводу философ [27, с. 273]. Данный подход позволяет нам рассматривать утопии, как составную часть бытия человека, его сознания, выраженную в принципах дара и обмена, и выполняющую задачу дефрагментации сознания и мира в форме проекта.

По своим социокультурным установкам, отмечает Баталов, утопия амбивалентна, ее общественно-политическая роль противоречива и определяется ситуацией в обществе [1, с. 304–305]. Амбивалентность утопии заключается в неоднозначном отношении человека к окружающему миру, в различии, а точнее в противоречивости существующей в обществе системы ценностей. Авторы утопий, следовательно, пытаются противопоставить новую систему ценностей, в создаваемом ими обществе, старой, существующей в обществе на данный момент.

Утопия, таким образом, являясь продуктом нашей повседневной жизни, вмещает в себя особенности культурных и социальных отношений данной человеческой общности. И это подтверждает вывод о том, что утопия представляет собой социокультурный феномен, включающий в себе специфические черты цивилизации, на базе которой она формируется.

Литература

1. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопич. сознании и утопич. экспериментах. – Диалог первый. Утопическое сознание. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – Доступно из URL: <http://philologos.narod.ru/berdyayev/berd-rusidea.htm> [Дата обращения: 08.01.11]. –

71 с.

3. Бердяев Н. Воля к жизни и воля к культуре / Н. Бердяев // Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 162-174.
4. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. – Доступно из URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn008.htm> [Дата обращения: 08.01.11]. – С. 52-76 с.
5. Бердяев Н.А. О культуре. – Доступно из URL: http://miemp.ru/lib_portal/plan/text/kultur/Berd.pdf [Дата обращения: 04.03.11]. – 4 с.
6. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // СОЦИО-ЛОГОС: Социология, антропология, метафизика. Вып. 1. / под ред. В.В. Винокурова, А.А. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 39-50.
7. Евлампиев И. И. Введение / И. И. Евлампиев // История русской философии: Учебное пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 5-11.
8. Евлампиев И.И. «Конец истории» и многообразие культурно-исторических форм (западная и русская утопия) // Философский век. Альманах. – Вып. 13. – Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. – С. 79-83.
9. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2007. – 416 с.
10. Касьянова К. О русском национальном характере. – Глава 8. Репрессия как глобальная модель «ответа» на ситуацию. – Доступно из URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava8.php [Дата обращения: 21.03.11]. – 7 с.
11. Лосский Н.О. Характер русского народа. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, Издательство «ДАРЪ», 2005. – 336 с.
12. Миненков Г.Я. Русская философия // Всемирная энциклопедия: Философия / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицианов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, - Современный литератор, 2001. – С. 882 – 885.
13. Миненков Г.Я. Русская философия // История философии: Энциклопедия / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицианов. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. – Серия: Мир энциклопедий. – С. 912-917.
14. Миненков Г.Я. Русская философия // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицианов. – Мн.: Книжный Дом. 2003. – Серия: Мир энциклопедий. – С. 1195-1199.
15. Муравьев В.Н. Неведомая Россия. Рев племени / В. Н. Муравьев // Овладение временем. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 52 – 72.
16. Померанц Г. Разрушительные тенденции в русской культуре. – Новый Мир. – 1995. – № 8. – Доступно из URL: http://magazines.russ.ru/njvei_mi/1995/8/pomeran.html [Дата обращения: 08.10.10]. – 10 с.
17. Суковатая В. А. Утопические мотивы в философии Всеединства. – Доступно из URL: <http://www.standrews.ru/index-ea=1&ln=1&chp=showpage&num=380> [Дата обращения: 08.10.08]. – 9 с.
18. Терц А. (Синявский А.Д.) Голос из хора. – Доступно из URL: <http://www.litru.ru/?book=42578&description=1> [Дата обращения: 18.09.10]. – 67 с.

19. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? – Доступно из URL: [Библиотека «Вехи»] <http://www.vehi.net/fedotov/rossiya.html> [Дата обращения: 18.10.10]. – 11 с.
20. Философия: Учебник / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юристъ. 2004. – 511 с.
21. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии. – Доступно из URL: <http://az-libr.ru/Persons/0B5/84e77bbb/0001/Frank.shtml> [Дата обращения: 08.01.11]. – 5 с.
22. Черткова Е. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 71-81.
23. Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. – М.: РОСПЭН, 1996. – С. 156-187.
24. Шестаков В. Утопия // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. Ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева – М.: Прогресс, 1989. – С. 244-248.
25. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 208 с.
26. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: «Русская идея», 2000. – 446 с.
27. Ячин С.Е. Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена. – Владивосток: Даль-наука, 2001. – 279 с.

КОСМОГАРМОНИЧЕСКИЕ НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

PRINCIPLES OF COSMOHARMONY FOR THE PHILOSOPHY OF GLOBAL ENVIRONMENTAL SECURITY

Дангадзе М.К. Аствацатуров А.Е.

*Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Dangadze M.K., Astvatsaturov A.E.

*Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

Проблемы экологической безопасности ставят задачу поиска новых нетрадиционных путей развития науки способных защитить общество от глобальных катастроф. Исследована актуальная проблема единства фундаментальных и философских знаний, ведущая к новому миропониманию современных кризисных ситуаций.

Ключевые слова: экологический кризис, техносфера, фундаментальные знания, философия, новое миропонимание.

The problems of environmental safety put the task of finding new nontraditional ways to develop science that can protect society from a global catastrophe. The actual problem of unity of fundamental and philosophical knowledge, leading to new outlook of modern crisis situations is investigated.

Keywords: ecological crisis, the technosphere, fundamental knowledge, philosophy, new outlook.

Введение

Ученые, открывающие человечеству величайшие фундаментальные законы мироздания, на протяжении тысячелетий связывали свои изыскания с философией. Следуя каменистыми тропами науки, творцы ее со времен Пифагора и до наших дней раскрывали философскую сущность своих открытий. Такая оценка творческих находок всегда давала богатую почву следующим поколениям исследователей. У великих математиков, физиков и других ученых решение философских проблем своей науки было не только делом раскрытия целостности сложной проблемы, но и естественной потребностью показать миру в более доступных формах всю красоту результатов нелегкого творчества [1]. Концепция защиты от глобального экологического кризиса, связанного с жизнедеятельностью техносферы, исследована нами с позиции единства фундаментальных и философских знаний, ведущих к новому миропониманию.

Цель и методы исследования

Философии никогда не был чужд язык абстракции, но обращение к услугам, скажем, математики случалось реже. Попытки мыслить на стыке двух великих достижений человеческого разума были всегда, но порывов к взаимопроникновению было меньше. Целью исследования является поиск и обоснование оптимальной концепции экологической стабильности, связанной

с безопасностью взаимодействия человечества и окружающей среды.

В этом контексте объединение фундаментальных и философских знаний в мощную единую систему управления глобальными процессами должно принести существенную пользу. Однако сегодня еще предстоит выяснить, насколько необходим и полезен такой синтез знаний математики и философии в условиях, требующих новых нетрадиционных подходов к решению глобальных задач.

В кантовской «Критике чистого разума», которая, в частности, стимулировалась стремлением преодолеть скептицизм Д. Юма, выдвигавшего в качестве общего положения суждение о причинности опыта «... что знание отношения причинности отнюдь не приобретается путём априорных заключений, но проистекает всецело из опыта ...» [2, С.29], есть весьма примечательная мысль о роли математики. Кант замечает, что Юм при рассмотрении суждений о причинности не рассмотрел проблему всеобщности и необходимости в её всеобщности: сделав это, Юм, как полагает Кант, получил бы возможность включить в своё рассмотрение математические положения, всеобщность и необходимость которых даже он не может отрицать! [3, С.34]. Вместе с тем, в работах Юма есть высказывания, согласно которым он не оставил без рассмотрения и математические утверждения; однако он сомневался во всеобщем и необходимом характере ма-

тематических положений. «Нет такого алгебраиста или математика, – писал он, – который бы настолько сведущ в своей науке, чтобы вполне доверять любой истине тотчас после её открытия или же смотреть на неё иначе, чем на простую вероятность. С каждым новым обозрением доказательств его доверие увеличивается ... Очевидно, однако, что такое постепенное возрастание уверенности есть не что иное, как прибавление новых вероятностей ...» [2, С.289-290].

Сегодня можно говорить о некой средней позиции между рабским подчинением природе и господством над ней, представляющей мудрую, гармоническую пропорцию взаимосвязи, из осознания которой формируется концепция космогармонии – принципиально нового соотношения сил и взаимодействия этих сил между природой и человеческим обществом.

История культуры свидетельствует о том, что достижение реального прогресса и методов жизнеспособного, гармонически единого существования и развития человеческого общества и глобальной среды его обитания связаны со способностью разума находить и развивать проекты космогармонии в наиболее точной форме, выраженной в числах, пропорциях, сформированных математикой. Таковы, например, методы и задачи физики, химии, астрономии, разделяющие мир на различные сферы знаний и находящие законы в виде математических выражений. По пути использования математических приемов и моделей идут и естественные науки, такие как биология, физиология, зоология, минералогия, ботаника, неразрывно связанные с фундаментальными науками.

Наша Вселенная в силу своей структурной устойчивости становится удобной для описания ее дифференциальными уравнениями. Разумеется, материю мы воспринимаем в ее изменении, но они, эти изменения, происходят в мире с устойчивой структурой. В свою очередь, устойчивость структуры определяется неизменностью фундаментальных физических постоянных (скорости света, постоянной Планка, заряда электрона и т.д.). [4, с.183]

Результаты исследования

На основе материалов исследования была построена космографическая модель, а в методологическую базу этой работы были включены новые идеи, связанные с поиском путей экостабильности и выхода из состояния глобального экологического кризиса. Основные принципы этой модели были опубликованы в доктрине космогармонии, включенной в монографию «Философия научного оптимизма в решении планетарных экологических проблем» [5].

Выводы

Концепция форм и динамических процессов, разработанных в модели, содержит элементы новизны и может быть использована в последующих исследованиях.

В этом процессе познания, следуя от первоначального космического уровня к миру биосферы и человека, мы на новом уровне усматриваем возможность не вредить планете техногенными и антропогенными стрессами, оказывая положительное влияние на восстановление природной экологической стабильности биосферы [6].

Литература

1. Аствацатуров А.Е. Философия научного оптимизма в решении планетарных экологических проблем. – Ростов н/Д, Изд.центр ДГТУ, 2003

2. Басилаиа М.А. Необходимость снижения экологической опасности как императив глобального мироустройства (Философский анализ). – Ростов н/Д, 2010.
3. Юм Д. Исследования о человеческом познании // Соч. В 2т. Т. 2. – М., 1969.
4. Кант И. Критика чистого разума. – СПб., 1915.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. / Пер. с англ. Ю.А.Данилова. – М., 1986.
6. Artem Astvatsaturov Perpetual motion or the 'flowing-river principle' Review / Oxford Philosophical Society. – 2011. – № 33.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРЕНОС: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE TRANSFERENCE OF INFORMATION: EPISTEMOLOGICAL ASPECT

Турчевская Б.К.

*Дальневосточный государственный гуманитарный университет
г. Хабаровск, Дальневосточный регион, Россия*

Turchevskaya B.K.

*Far Eastern State University of Humanities,
Khabarovsk, Far Eastern, Russia*

Обсуждаются способы трансляции (переноса) информации с одного уровня знания на другой. Рассматривается специфика метафоры и мифа.

Ключевые слова: научное познание, информация, миф, метафора, проблема понимания, виртуальная реальность.

The ways of informational transference from one level of knowledge to another have been discussed. A specificity of metaphor and myth has been considered.

Keywords: science knowledge, information, myth, metaphor, the problem of understanding, virtual reality.

Предмет нашего исследования – трансляционные процессы, которые рассматриваются не просто как технический акт по передаче того или иного сообщения одного коммуниканта другому, а как информационный перенос достоверного знания из области, где оно было установлено,

в иную область с применением мифов и метафор.

Наступивший век определяется усложнением глобальных проблем, организацией человечества как целого на фоне всеобъемлющей компьютеризации, создающей единое информационное пространство. На первый план выступают трансляционные процессы и информационные переносы, объясняющие затруднения, возникающие в процессе понимания и усвоения информации, осуществляющие переход от незнания к знанию, позволяющие сделать знание доступным любой социальной группе, получателю разного уровня образования.

Специфика информационных переносов заключается в трансляции информации из области, где она получена, в другую область знания с последующим закреплением в новом контексте. Это изменение формы (бытия) информации в процессе её движения предполагает применение стереотипов - устойчивых, фиксированных формулировок, исключающих любую двусмысленность. Стереотип сохраняет этот единственный смысл и даёт возможность понимать его однозначно не только в процессе трансляции информации, но и в ситуации информационного переноса с одного гносеологического слоя на другой.

Будем придерживаться понимания метафоры как своеобразной освоенной техники в режиме автоматизма. С помощью метафор структурируется процесс понимания, складываются некоторые схематичные познавательные схемы, определяющие восприятие и представление информации в нашем мышлении, они играют роль фильтров, пропускающих информацию, соответствующую фильтру, и задерживающих, скрывающих информацию, ему не соответствующую.

Метафоры систематически упорядочивают поступающую информацию в соответствии с заданной схемой; и, наконец, связывают в памяти

отдельные блоки информации в единое целое. Сами метафоры нельзя рассматривать как временные образования, создающиеся и существующие для данного конкретного случая. Они служат лесами знания, позволяющими улучшить наше понимание.

Существует разница между метафорой как чисто языковым явлением и метафорой как средством понимания, то есть между метафорой языка и метафорой мышления или в терминологии Д. Олбриттона – «концептуальной метафорой».

Мы выделяем метафоры мышления как механизм трансляционных процессов, возникающих в следующих случаях:

- а) между отдельными субъектами (социальными группами);
- б) между разными областями знания;
- в) между различными уровнями одного знания.

Роль концептуальной метафоры заключается в нанесении знания об одной концептуальной области на «карту» другой, что сопровождается структурированием процесса понимания во многих областях [1].

В варианте «а» метафора помогает установить близость между говорящим и слушающим, выявляет общие основания понимания между участниками диалога, играет различительную роль, ведь её понимание (непонимание) отражает существование (не существование) этого основания.

В трансляционных процессах, возникающих при переносе информации из одной области знания в другую (вариант «б») метафора устанавливает сходство между двумя областями. Это может быть сходство, связанное со старыми ассоциациями, но возможны и новые аналогии, появившиеся в данном конкретном случае понимания.

Разноуровневая информация также требует метафоры (вариант «в»). Здесь метафора даёт

схему для понимания нового или для переструктурирования понимания старого, уже известного материала. Эта функция очевидна в области научных теорий. Так память сравнивали то с восковыми табличками, то с фонографом, коммутатором телефонной станции или компьютером. Каждая из метафор влияла на теоретические подходы в изучении памяти.

Метафоры влияют не только на теоретическое, но и на повседневное мышление, так наше понимание повседневных представлений, например, гнева, есть структурированная концептуальная метафора, которая выражается в терминах пара и давления. То же самое происходит, когда речь идёт о распространении или вернее трансформации специализированного, сложного научного знания, через его популяризацию в знание более понятное, близкое обыденной реальности, к здравому смыслу.

Подобный перенос информации с одного уровня на другой, низлежащий, довольно непростая задача. Она возникает, в частности, тогда, когда появляется необходимость популяризации знания через систему образования. Для того чтобы сделать научные знания доступными обучающимся, нужно принять во внимание их психологические и интеллектуальные возможности. Необходимо знать, каковы познавательные способности среднего человека, какой объём информации он сможет усвоить.

Трудности процесса образования во многом связаны с возрастанием объёма информации, усвоение которой затруднительно даже в более или менее доступном изложении. Разрешение проблемы не в поверхностном запоминании всё большего количества информации, а в рационально отобранном (действуют возрастная, семантическая и другая фильтрация информации) и соответствующим образом поданном, сравнительно ограниченном познавательном материале.

Видимо, это ситуация информационного переноса между разными уровнями знания: научного, научно-популярного, учебного, обыденного. Прогресс науки, проникновение её во все сферы жизнедеятельности субъекта, развитие информационных технологий придаёт особое значение популяризации научных знаний. В этой связи возникает вопрос: насколько возможен адекватный перенос информации с профессионального языка науки на уровень его понимания субъектом – неспециалистом?

К его решению можно подойти, по крайней мере, с двух сторон:

- 1) любая научная проблема и гипотеза должна иметь средства, с помощью которых, пусть не полностью, но возможен их перевод на язык неспециализированного знания;
- 2) популярное знание является всего лишь иллюзией приобщения к научному знанию, его суррогатом.

Проблема понятности знания для неспециалистов напрямую связана с порогом доступности – минимумом знаний и уровнем интеллектуального развития, необходимого субъекту для усвоения научного знания. Следует учитывать возраст, тип и уровень образования и культуры тех, кому адресуется эта информация, а также характер самого популяризируемого знания.

Гносеологическая основа понятности (доступности) научного знания для неспециалистов лежит в опоре на имеющиеся знания, определённую парадигму мышления. Из теории информации известно, что «новая информация усваивается лишь тогда, когда она без особого труда укладывается в общепринятые представления. Информация не признаётся в качестве таковой, пока она не превращается в знание» [2].

Разумеется, что новая информация выходит за рамки уже известного знания, иногда даже может ему противоречить, но этот разрыв не должен превышать некий барьер, иначе сведение будет не понято.

Важным условием понятности получаемой информации является её первоначальное, интуитивное понимание. Оно происходит с помощью аналогий и ассоциаций и это, видимо, наиболее рациональный и эффективный путь научной популяризации.

Итак, понимание – это достраивание новых фактов к имеющимся, приведение к целому старого и нового знания. Иными словами, понимание осуществляется как перенос известного на неизвестное как метафора в широком смысле слова «перенос». Именно перенос выступает главным механизмом понимания. Метафора в таком толковании не есть явление чисто языковое, хотя лишь в языке могут быть зафиксированы развитые формы метафорического переноса как механизма понимания. Сам способ образования слов – понятий предполагает метафору или перенос чувственно-конкретного смысла на иной, чувственно не данный объект.

Метафорический перенос лежит как в основе первичного понимания, изначального схватывания целого, так и в основе построения систем более высокого уровня.

Разрыв между научным уровнем понимания и уровнем здравого смысла может быть уменьшен через популяризацию сверхспециализированной информации. Бытует мнение, что будущие формы научной литературы будут ближе к научно-популярному типу, чем к специальным научным статьям.

В этой связи актуальным становится совершенствование популяризации через систему общего и специального образования. Речь идёт опять об информационном переносе, то есть

об изменении формы бытия информации (или трансформации) при сохранении смысла в процессе движения (или трансляции).

Для выражения опыта определённой группы используются стереотипы, которые закрепляют информацию об однородных явлениях, процессах, субъектах; дают возможность обмениваться информацией, понимать друг друга, вырабатывать общие взгляды, ценности, мировоззрение. Стереотипы «экономичны» для сознания и поведения, они способны сокращать процесс познания и понимания происходящего в мире, вокруг субъекта, а так же усваивать и воспроизводить социальный опыт. Выполнение перечисленных функций тесно связано с тем, что стереотип выражается в языковых структурах – понятиях, категориях, формулировках, мифах и метафорах.

Особенностью языковых форм существования стереотипа является невозможность рассмотрения в рамках «истина-ложь». Причина этого в следующем: в стереотипе главное не истинность знания, а вера и убеждённость субъектов в истинности этого знания, его социальной значимости для данной группы. Основное значение несёт не сама формулировка стереотипа, а совокупность образов, закреплённых в нём и однозначность их понимания субъектами одной общности.

При информационном переносе возможно неполное или неточное транслирование информации: дезинформация, умолчание, полуправда. Феномен полуправды имеет несколько форм. Прежде всего, это «поэтапная», «порционная» (И.Н. Виноградов) полуправда.

Выделим две ситуации:

1) институциональному субъекту известна вся информация о чём-либо, но он её предаёт выборочно, частично;

2) институциональному субъекту неизвестна полная правда, она становится известной лишь

частным лицам, но официальные органы препятствуют распространению важной информации, налагают запрет на публикацию новых данных, тем самым происходит неполное, «урезанное» отображение реальности [3].

Полуправда – это неполное и часто не вполне точное транслирование информации адресату: или субъект сообщает другому лицу лишь часть информации, которой владеет, без намеренных искажений, или субъект – транслятор сообщает информацию, в которой истинная информация сочетается с ложной. В обоих случаях адресат не имеет возможность проверить передаваемую ему информацию.

Намеренная полуправда – средство защиты интересов субъекта, достижения цели и выигрыша в социальных играх. Искажение информации при трансляции происходит и по причине того, что коммуникативная ситуация может приобретать форму, в которой транслятор и адресат информации выделяются резкой асимметричностью позиций. Если речь идёт о манипулировании информацией, «фильтрации» её, то обманные действия в форме полуправды, производимые институциональным субъектом, носят системный характер. Информационно-управленческая система задаёт фильтры и каналы распространения информации, допустимые способы её оценки и интерпретации, определяет категориальную структуру полуправды, то есть общие параметры смыслового структурирования сообщения.

Полуправда – это всегда необходимое средство дезинформации. Однако совершенствование технологии обмана приводит к развитию процедур, его разоблачающих, позволяющих успешно расшифровывать скрытые значения и смыслы, содержащиеся в информации, раскрывать цели и условия конкретной коммуникации, в силу которых адресаты намеренно вводятся в заблуждение.

Информационная модель знания, записанная в компьютере, вербализованная в тексте – намёк на представленное знание, по которому субъект должен творчески воссоздать само знание. Наше мышление неоднозначно, противоречиво, но именно благодаря этому возможна смысловая интерпретация, позволяющая устанавливать связь с уже имеющимися знаниями. Понять новое – значит переформулировать его в терминах сложившейся системы понятий. Таким средством порождения нового знания в философии познания и исследованиях в области «искусственного интеллекта» считается метафора.

Трансляция и трансформация знания происходит не только с помощью метафорического переноса. Внешне схожим с ним видом трансляции является мифический перенос. Смысл нашего существования – освоение информации, получившей уже некую социальную значимость, которая хранится не только в устной, письменной, но и других формах, созданных цивилизацией.

По своей сути знание – это сложно структурированный объект, в котором можно выделить личностное (о нём уже подробно говорилось в этой работе), фоновое, социальное знание.

Социальное или социально-рефлексивное знание появляется и существует лишь в момент передачи информации, в осознаваемый нами момент. Как только информация передана, она становится либо моим личностным знанием, либо превращается в некий фон.

Фоновое знание, в свою очередь, представляет набор стереотипов, непроговариваемых и нерелексированных. Оно существует на дооценочном уровне, на уровне обыденности, здравого смысла, это есть заведомо истинное и само собой разумеющееся для нас. Способом построения этого фонового знания или информационной реальности становится миф, формируется его особая мифологическая реальность, на её язык,

язык её образов мы и стараемся перевести свои знания.

Мы переживаем реальность скорее в образах, чем в понятиях. Нам нужны какие-то упрощённые формулы, «модели – образцы», которые позволяют нашей психике найти более простой путь к согласию с миром. Для этого нам и нужны мифы, как упрощённое, одностороннее и поэтому популярное истолкование некоего явления или проблемы. Причём, упрощая и произвольно обобщая, миф всё же находит пусть небольшую, но часть объективной истины.

Субъект не в силах контролировать (проявлять) знания, добытые не им, да ещё и в малоизвестных ему областях. В мифе он получает разрешение работать с «чужим» знанием, не проверяя его постоянно [4].

Миф не противоречит миру знаний, он представляет определённый способ бытия знания, хотя и равнодушный по отношению к тем знаниям, которые добывает и хранит. Он ничего не объясняет, да он просто ничего и не пытается объяснить. Миф – это сфера чувств, эмоций, а не критического и логического.

Когда мы пытаемся рационализировать миф (поймать его, зафиксировать, объяснить, просто проговорить его), миф перестаёт быть самим собой, он как бы растворяется в словах. Можно понимать миф как модель – образец, который облегчает ориентировку в сложном мире, регулирует поведение. Мы всё понимаем через миф. Он для нас – это очки, сквозь которые мы смотрим на мир. Для человека тяготеющего, к тем или иным мифам, они становятся очевидной и обыденной реальностью.

Современные мифы обеспечивают виртуальную целостность человека. Это его способ существования. Современный человек воспринимает действительность не непосредственно, а через средства массовой информации, через созданные ими модели, стереотипы, то есть имеет дело с отчуждённой информацией.

Полученные результаты могут быть использованы для теоретического осмысления некоторых дискуссионных проблем онтологии и теории познания, связанных с информационной природой познавательного процесса, трансляцией и трансформацией информации.

Литература

1. Оллбриттон Д. Когда метафоры функционируют как схемы: некоторые аспекты когнитивного значения метафор. // РЖ Социальные и гуманитарные науки отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. – 1997. №1. – С.213-215.
2. Колеватов В.А. Социальная память и познание. – М.: Мысль, 1984. – С.247.
3. Дубровский Д.И. Обман: философско-психологический анализ. – М.: Изд-во РЭИ, 1994. – С.49-51.
4. Корсунцев И.Г. Глобальные процессы и технологии.// Философские исследования. – 2001. №1. – С.204-210.

СМЫСЛ, ЗНАЧЕНИЕ И ОТНОШЕНИЕ К РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

THE MEANING, AND THE ATTITUDE TOWARDS RATIONALITY IN THE WESTERN AND EASTERN CULTURE

Заикин А.А., Щеглов Б.С.

*Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова,
Таганрог, Ростовская область, Россия*

Zaikin A.A., Shcheglov B.S.

*Taganrog state pedagogical Institute the A.P. Chekhov,
Taganrog, Rostov region, Russia*

Рациональность имеет особенности своей интерпретации и воплощения в различных типах культур. Стоит различать смысл и значение рациональности в западном и восточном ее типах. Такая трактовка обусловлена как социально-историческими условиями бытия этих социумов, так и особенностями их культурных традиций.

Ключевые слова: рациональность; тип социума; Запад; Восток; культура.

Rationality has features of its interpretation and implementation in different types of crops. It is worth to distinguish the meaning and significance of rationality in the Western and Eastern its types. Such an interpretation is due to both a socio-historical conditions of existence of these societies, and peculiarities of their cultural traditions.

Keywords: rationality; type of society; the West, the East, culture.

Восточная культура, в отличие от западной, существует в единстве науки, религии и философии. Западная культура с ее всеобщим разделением как внешних по отношению к человеку сфер общественной жизни, так и разделением самой личности человека, ее внутренних составляющих, по большому счету оказалась обособлена от общего культурного процесса, поделена на автономные, в некоторой степени закостеневшие атомизированные единицы. Как отмечает Л.Л. Штуден, «цивилизованный социум все более превращается в общество самодостаточных, живущих для самих себя индивидов» [8, с. 20]. Сама идея

атомизации личности, ее внутренней автономии по отношению к обществу глубоко чужда восточной культуре. И в этом восточная культура близка религиозно-философскому мировоззрению первых вв. н. э. Некоторые исследователи ошибочно предполагают, что восточное общество находится на несколько ступеней ниже западного, как в плане НТР, так и в плане общественного устройства, и причисляют восточную культуру к традиционным обществам. Если понимать эту проблему как дихотомию «традиционное-техногенное», то мы, естественно, вынуждены записать восточное общество и его культуру к первому типу. Но если

посмотреть чуть шире, мы обнаружим, что так называемые страны Востока отнюдь не отстают в своем НТР. Напротив, некоторые из них занимают первые места в числе экономически развитых стран. Среди них Индия, которая показывает наиболее благоприятные темпы экономического роста, Китай, Япония, ставшие не просто региональными центрами экономик, но входящие в двадцатку лучших экономик мира. Саудовская Аравия и Иран активно занимаются экономическим развитием, развивают науку, культуру.

Как мы видим, однако, в анализе западной и восточной культуры экономический вопрос не может быть довлеющим. Основное различие этих миров – в типе общественного устройства, способе жизни, мировоззрении, представлении о личности и смысле жизни.

Под типом общественного устройства мы будем понимать не государственный строй или форму государственного правления, а те внутренние особенности жизни общества, которые отличают Восток от Запада.

Как мы уже упоминали, основное отличие западной культуры от восточной в этом смысле – это дробление (общества, человека, сознания) и синергия (единство) соответственно. Восточный человек живет в единстве с природой, со своим родом, семьей, он помнит историю своего рода. Западный человек как правило отделен от своей семьи, вся его жизнь поделена на отдельные сферы: работа, отдых, обучение, семья...

Большое значение имеет также понятие времени. Если западный человек все время куда-то торопится, боится опоздать, для него понятие времени является доминирующей категорией жизни, то восточный человек умеет ценить время, умеет наслаждаться временем, умеет не быть рабом времени. Западный человек стал рабом времени: часы решают за него, когда вставать, идти на работу, когда можно отдохнуть, сходить

в кино, ресторан. Часы для западного человека стали идолом, символом неумолимости времени. Человек заключен в эту темницу 24-часового дня и не может из нее освободиться. Для западного человека представление о времени сводится к «стреле времени», которая течет от начала к концу, к концу его жизни. Это представление о времени было сформулировано в «проекте Просвещения» вместе с идеей прогресса, что и заставляет современного западного человека торопиться жить, боясь упустить момент. Восточный же человек чувствует себя хозяином своего времени, потому что на Востоке преобладает идея цикличности бытия. К этому добавляется идея о цикличности жизни, близости к природе. Даже идея прогресса понимается на Востоке не так, как на Западе. Как пишет И.А. Абсалямова, «в идее прогресса рельефно выражен переход от циклического времени земледельческого общества к линейному векторному времени. Циклическое время необратимо и имеет предел в самом ходе природы и встроеной в нее человеческой жизни. Для векторного времени характерна обратимость: в нем можно возвратиться к исходному пункту и все исправить» [1, с. 12].

Западный человек боится смерти и рассматривает свою жизнь как отрезок с естественным концом. Смерть кажется западному человеку неумолимой, а жизнь – короткой. В сознании западного человека присутствует страх смерти. Этот страх толкает его на как можно большее насыщение при жизни, на как можно большее потребление, прежде всего удовольствий. Это становится главной целью жизни человека западного общества.

Вместе с тем человек восточной культуры ощущает себя погруженным в мир, и это его состояние гармонии с миром, эта его вневременность позволяют ему воспринимать свою жизнь как «единство и гармонию с миром»: чувствуя

себя частью этого мира, этой природы, восточный человек не боится вернуться в нее. По мнению В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко, «О.О. Розенберг отмечает, что в буддийском менталитете объекты не существуют отдельно от наблюдателя. <...> Например, не существуют отдельно человек и солнце, «есть единое поле опыта – человек, видящий солнце». Реальность для буддиста не мир, в котором мы живем, но мир, который мы переживаем. Мир как «местопребывание» четко коррелирует с уровнем развития сознания разных живых существ. <...> В отличие от академической американской, европейской и отечественной психологии, где личность выступает вершиной психики, а «Я», по образному выражению О. Кюльпе, является верховным правителем (хозяйном) психических функций, <...> буддийское мировоззрение полагает их иллюзией омраченного сознания» [4, с. 90, 92]. Индивидуализм и одиночество западного человека толкают его искать удовольствий, забыться, постоянно двигаться, неважно куда. Восточный человек привязан к своей любящей семье, он чтит старших, уважает их мудрость и жизненный опыт, старается следовать в своей жизни заветам предков. Западный человек оторван от своей истории, своих корней, он не знает себя, да и, скажем прямо, боится заглянуть в свою душу, потому что там обитают только хаос и пустота.

Классическим уже стало утверждение о преобладании двух типов отношения к миру: деятельного – у западного человека и созерцательного – у восточного. Однако что же скрывается за этими понятиями?

Деятельное начало западного человека предполагает активное преобразование природы, всей окружающей действительности. Как отмечает А.П. Лысков, «человек [в техногенной цивилизации] понимается прежде всего как деятельное, активное существо, призванное к преобразова-

нию мира. Он – сила, противостоящая природе, вторгающаяся в ее процессы, преобразующая объекты природы в необходимые для себя предметные формы. Деятельность человека направлена вовне, на преобразование и переделку внешнего мира» [3]. Природа понимается в данном случае как кладовая, источник ресурсов, с помощью которых человек может создать свой новый мир, который ему подходит. Как утверждает П.П. Гайденко, «в лице Декарта, как видим, естествоиспытатель рассуждает как техник-изобретатель, конструирующий определенный прибор: ведь именно последнему важен только эффект, а средства его достижения решающего значения не имеют» [2, с. 86, 87]. Но в чем же дело? Почему западного человека не устраивает мир такой, какой он есть? Почему он пытается построить вместо живой природы мир искусственных вещей? Долгое время западный человек также жил в мире, погруженном в упорядоченность и цикличность. Однако с закатом эпохи Средневековья и наступлением эпохи Возрождения и Реформации происходит переустройство общества, появляются в явном виде такие классы как буржуазия и другие собственники капитала, которые стремятся получить прибыль. Таким образом, получение прибыли входит в противоречие с христианскими заповедями, поэтому наступает отказ от христианства и господство товарно-денежных отношений, основанных на капитале и частной собственности (прежде всего на земле). Естественным образом и наука из «служанки богословия» в Средневековье (хотя это утверждение мы бы оспорили) превращается в «служанку» капитала и капиталистов. Научные открытия используются капиталистами в целях повышения уровня производства, увеличения прибыли. Природа же используется как источник сырья.

В чем же причина такого отношения к природе? С началом процессов урбанизации и укруп-

нения капитала, которым обязано появление и рост буржуазии, происходит обратный процесс: буржуазия десакрализирует природу. Как отмечает В.М. Розин, «действительно, техника как артефакт сегодня воспринимается не только наравне с первой природой, но даже как реальность более естественная и непосредственная, чем явления первой природы» [5, с. 99].

В сознании восточного человека отсутствует это желание изменить природу. Западный человек, изменяя окружающий мир, стремится построить «новое общество», «техническую цивилизацию». И мы видим, чем оборачивается это желание – тяжелейшим экологическим кризисом, технизацией и киберизацией населения. М.В. Розин утверждает: «... дело не в технике, а том типе социальности, который сложился в последние столетия. До тех пор пока мы будем думать, что основные социальные проблемы решаются на ее основе, что благополучие человечества непосредственным образом связано с развитием современных технологий – мы будем и дальше способствовать углублению кризиса нашей цивилизации» [5, с. 106]. Если средневековый крестьянин был окружен в повседневной жизни силами природы и натуральными изделиями, то современный западный человек окружен промышленными товарами, техническими приборами и совершенно огорожен от природы. Но самое печальное в этом то, что он доволен своей искусственной клеткой.

Восточный же человек живет в обществе, где уклад жизни не меняется год от года. Он исповедует традиционные ценности: верность семье, роду, почитание старших, уважение к их мудрости и опыту. Но это не значит, что он не развивается. Созерцательное отношение к миру и превалирование принципа недеяния сочетаются в нем с глубоким уважением к природе как к месту его жизни. Восточный человек не отделяет себя от

природы. Также он не отделяет друг от друга науку, религию, философию.

Только сравнительно недавно современная западная наука открыла для себя простоту и совершенство этого подхода к миру. «Пересмотр классических критериев научности, – по мнению М.О. Шахова, – позволил поставить вопрос: если идеал науки, в соответствии с которым ученый познает мир путем строгого рационального осмысления эмпирических данных, не допуская в этот процесс никаких недоказуемых метафизических суждений (как мечтал О. Конт, а позднее неопозитивисты), оказался недостижимым, и некие априорные постулаты все равно неустранимы из научного знания (в результате чего гносеологическая непорочность науки все равно оказывается утраченной, вернее, никогда не существовала), стоит ли так упорно выводить за рамки науки любое суждение, допускающее вмешательство Бога, или шире, любое объективно-идеалистическое мировоззрение? Очевидно, что для этого нет оснований» [7, с. 66]. Долгое время восточные общества считались «отсталыми», а западные – «прогрессивными». Однако прошло несколько сотен лет, и современная наука в своей деятельности использует «передовые» принципы жизни восточного человека.

Как же относились к рациональности в восточной культуре? Прежде всего необходимо сказать, что понимание рациональности на Востоке отличалось от ее понимания на Западе. Если на Западе преобладали сухая расчетливость и прагматизм, то Восток можно охарактеризовать как «созерцание + прагматизм». Что имеется ввиду? И в японской, и в китайской, и даже в корейской культурах присутствует понимание жизни как деление (довольно условное) на два уровня: внешнее и изменчивое как второстепенное, поверхностное и внутреннее, неизменное как основное, глубинное. Это то, что К. Юнг назвал бы коллек-

тивным бессознательным народа. «Роль архетипа вовсе не в определении границ дозволенного и недозволенного, – пишет М.Н. Чистанов – как об этом можно было бы подумать. Дело в том, что в мифологическом мышлении целенаправленное осмысленное действие только и возможно через воспроизведение некоторого образца. То, что не соответствует архетипу, просто не имеет смысла, а соответственно не может быть совершено, ведь не может существовать то, чего быть не может» [6, с. 15]. Если, пользуясь восточной терминологией, рассматривать цивилизации (и культуру) Востока и Запада, то на востоке издревле считали, что Запад по своей природе олицетворяет мужское начало: буйное, безудержное, экспансивное, в то время как сам Восток понимался как начало женское, умиротворенное, погруженное внутрь себя. При этом если на Западе в культуре ведущим считается именно мужское начало (патриархальный семейный и государственный строй, сюзерен – вассал, хозяин – слуга и т.д.), то на Востоке – женское начало, которое способно подчинить безудержную стихию мужского разрушительного начала своей лаской, спокойствием, любовью, то есть ненасильственными методами.

Потому и так неоднозначно понимание рациональности на Востоке. С одной стороны, мы видим классическую восточную культуру традиционного общества, чтущего природу, обычаи и традиции предков, с другой – современные достижения технического прогресса, ставящие уже упомянутые экономики стран в число ведущих мировых экономик.

Возникает противоречие, однако, только на первый взгляд. Восточная культура, руководствуясь принципом недеяния, вместе с тем активно насаждает свои культурные ценности по всему миру. Западный человек, как правило, руководствуется одной открытой целью. В то время как

восточный человек руководит своей жизнью согласно глобальной цели (стратегически), одновременно используя методы и средства современного мира для достижения тактических целей. С этой точки зрения сознание восточного человека, как, впрочем, и вся восточная культура, устроены гораздо сложнее, в них больше уровней, глубже цели. И рациональность на Востоке понимается как удобное средство тактического воздействия для достижения стратегического перевеса сил.

Издревле Китай растворял в себе пытавшиеся завоевать его народы, окружая их своими обычаями и погружая в свою культуру. Сегодня население западных стран все в большей степени тяготеет к развлечениям. «Если роль этих [репрессивных] механизмов, – как утверждает Л.Л. Штуден, – в жизни общества превосходит некий критический предел – наступает стадия «окоственения» организма культуры с неизбежным возникновением эффекта социальной энтропии. Для многих локальных культур этот период совпал с временем зрелой цивилизации. Именно на этой стадии культура стремится обеспечить свою защиту тотальной системой жестких предписаний, отрываясь тем самым от своего живого источника – Первичных архетипов. Показателем этого, в частности, является ослабление живого религиозного чувства и утрата чистоты нравов: живая ткань культуры замещается здесь механическими структурами. Как показывает История (поздний Рим, поздний Вавилон, Новое царство Египта и т.д.), это состояние необратимо» [8, с. 36]. Именно китайские диаспоры в них, наравне с диаспорами других восточных стран, активно занимаются наукой, промышленностью, оставаясь в глубине своей души патриотами своей Родины.

И если западная экспансия привела через несколько сотен лет к Всемирному экологическому

кризису, то восточная «тихая» экспансия приведет в будущем к бескровному захвату территорий западного мира, с их господством интуитивного познания и сочетанием двух принципов жизни на разных глубинных слоях культуры – созерцания и деятельности.

Литература

1. Абсалямова И.А. Европоцентризм и проблема самобытности русской культуры. / Авторефер. ... канд. филос. н. – С-Пб., 2001.
2. Гайденок П.П. К проблеме становления новоевропейской науки. // Вопросы философии, №5 2009, с. 80-92.
3. Лысков А.П. Человек: путь к цивилизации. – М.: Гуманитарий, 1997 (монография).
4. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как форма непосредственного знания. // Вопросы философии, №8 2008, с. 83-101.
5. Розин В.М. Техника и социальность. // Вопросы философии, №5 2005, с. 95-107.
6. Чистанов М.Н. Генезис исторического сознания как проблема социальной философии. / Авторефер. ... канд. филос. н. – Томск, 2001.
7. Шахов М.О. Реализм как общая основа религиозного и научного знания. // Вопросы философии, №10 2008, с. 66-77.
8. Штуден Л.Л. Кризис сознания как феномен культуры. / Авторефер. ... докт. филос. н. – Екатеринбург, 2000.

ΦΑΙΝΟΜΕΝΟΝ AND ΛΟΓΟΣ IN HEIDEGGER'S PHENOMENOLOGY

Emelyanov A.S.

*Kursk State University,
Kursk, Kurskaya oblast, Russia*

The subject of this article is the meaning of «phenomenology» of Heidegger. Analyzing such concepts as φαῖνομενον, λογος, φρόνησις and αληθεια, by implementing the basic retention of German philosopher for ontology, the main objectives and purposes of phenomenological analysis, the hermeneutics of being and the philosophy in general.

Keywords: *φαῖνομενον, λογος, φρόνησις, αληθεια, essence, being, show, visibility, seemingness, showingness, saging, opening, concealment, un-concealment.*

Give a definition of phenomenology as a philosophical trend, perhaps, is not easier than to give a definition concept of any philosophy, including herself latest. «Phenomenology as disclosure of the world is based on himself or better, itself justifies» – said Merleau-Ponty [1, 21]. In fact, the whole history of phenomenology – is an attempt to justify their self, their sense and basic purpose. Description of phenomena – it's not a description of what they are in themselves. Give a description of things – it means in fact to destroy thing, as it's given to us now, and huge number of treatises written on this subject matter provides guidance for its implementation. But impossibility of this idea, just the same, and points to it, as that is located on the edge; in approaching her death, she draws its strength.

It's in this sense, Heidegger says that the definition of phenomenology as a form of scientific knowledge which studies the phenomena can cardinaly change their meaning depending on the thematic subject. The subject here is that the investigated. Investigated in phenomenology is phenomena. This is why, according to Heidegger's thematic orientation that is the subject of phenomenology, then clarify the meaning of the phenomenon.

The phenomenon has its roots in the Greek word – φαίνόμενον, that is something that itself from itself reveals – that essence (τὰ ὄντα). «Seiendes kann sich nun in verschiedener Weise an sich selbst, von ihm selbst her zeigen, je nach der Zugangsart zu ihm» [2, 111]. In this sense, quite aptly said Chernyakov, compared phenomenon with itself directly indicating and showing [3, 186]. Eventually he comes to the showing of himself, through *show*. Quite natural that any of itself being accomplished in such cases will be two conceptual construct of the persona involved in this *snow*; it's *whom-show* [3, 187], and that he involuntarily Chernyakov silent, *what-show*. While Heidegger remarks that we are interested in essence can show itself not as this is

defined. To it that is shown not fixed a definite sub-basis of showing, that is something that essence, which is shown, shown as other essence, but most importantly, but it is not this essence, therefore, for Heidegger as a non-existent at all. This non-existence is the visibility. Essentially, it says that somehow, that essence, which is the object of our study – is always shown as a friend or a modification of the essence. «Therefore, it is φαίνόμενον as visibility shows that the word «phenomenon» itself means exists, an open as it's in itself; visibility as a means of self-showing of a showingness» [2, 111]. In this sense, the Heidegger's position should to Husserl, of which the natural and low (the experience of visibility) begins with the the experience and them to finishes [4, 10]. This experience is perception [4, 11]. This perception, first of all identifies is not some particular thing of perception, as coming from me, and those or other variety of properties which are highlight in our experience is not specific attribute of the self thing, namely of her breadth. Following the Hegel, to Husserl, they proceed not from thing itself, but of us is [5, 103]. This genus naturally cognition in its basis always gives some source, combines a together, as the process of action, and that on which the action performed, i.e. «looking essence» or directly ideation [4, 13].

However, we return once again to what is detects showing of. Above we were told that this is showing off something and somewhere. What essence, which itself snow through their show not shown as being open, said that what should seem the essence, in general, of not-shown. And so it's. Thus, the appearance itself is a sign of the fact that it will reveal about themselves will shift itself is expressed in the way showingness. «Dieses sichzeigende (Phänomen im echten ursprunglichen Sinne) ist zugleich *Erscheinung* als meldende Austrahlung von etwas, was sich in der Ercheinung verbirgt» [6, 41]. However, the appearance and the phenomenon

are not differentiated through showingness contrast, between them has close connection. That is the appearance is essentially communicate with other appearance of visual experience, referring primarily that the send to the self to each other is an *indication*, a reference to something (Indizierung, der Anzeige von etwas [2, 112]). So the connection between the appearance and the phenomenon according to Heidegger's greater extent the constructive. These are: «Erscheinung und Schein sind selbst in verschiedener Weise im Phänomen fundiert» [6, 41].

In interpreting the make sense Heidegger φαίνόμενον is an important component the devil. That is since phenomenon is self-from-itself-showly (das Sich-an-Ihm-selbst-zeigen) then it is shall show some other essence, but not what it is claimed. It also makes itself felt a make sense bias, which is introduced into an essence of discussed phenomenon status. So how existential purpose every phenomenon, which can easily be defined as a target, generally, just a phenomenological analysis is the *central*' being review what under the *central*', we shall understand some essential process stage opening showly, which is always showing in a certain way (das Wie) or modification essence, talking about what that essence in itself does not centered, but rather heterogeneous. In this context, the necessity rises enough understandable that the phenomenon would be more saturated function showingness something. This leads Heidegger to understanding the phenomenon as the most self-in-itself-showly (das Sich-an-Ihm-zeigende). And it is, according to Heidegger presents phenomenon in truly phenomenological sense: «dieses Sich-an-Ihm-geigende («Formen der Anschauung») sind Phänomene der Phänomenologie» [6, 42]. Approximately that same aspect of clarity and lightness holding to Paul Ricoeur, especially it can manifest itself just below, when we turn to interconnection φαίνόμενον and αληθεια: «If it was necessary to expressed in one word this game

presentation and blackout, which unfolding in the motive and in the values. I would prefer to term is «phenomenon» [7, 316].

For Husserl, however, we can notice a slightly different position. Not only did Husserl himself to a lesser extent than Heidegger was trying to find some specific developments of their future theory of the Greeks, in opposition to his disciple. For him, the problems of phenomenological research begins only with Descartes and his methodological doubt in which he found connection with reduction [8, 37]. For Husserl far greater importance was intentional acts which proceed inside the mind. Itself mind same consciousness is «general name for any» psychic acts» or «intentional experience» [9, 346].

In this sense, the phenomenon itself of Husserl will have little in common with a static image; all images are impressed in our memories of experiences in such cases – are changing, and only able to retain *my* subjectivization this or that thing long enough. That is why, the image or eidos, as Husserl likes to call, to imagine us alludes to the pure essence incarnating datum ideation process (which is a quite a wide layer various types cognitive correlates of perception, recollections and even fantasies [4, 16]). During ideation, carried out in smoothly differentiation of the individual being a research subject, itself thinking of which, primarily, should not connect the facts and essence, and to engage greater extent snooping entity as substantiating grounds. This will eventually form the basis of the division sciences in science about of facts and the science about of essences. To the first Husserl are: pure logic, pure mathematics, pure teaching of the time, of the space, of motion. All of them are in his opinion «free from any the actual positing, or..., in their experience is can't take over the function of validating it as an experience, i.e. as consciousness, grasping or rely the real existence» [4, 20-21]. To the second, all the science that somehow have to

deal with facticity of existence. On the example of the naturalist, Husserl defined this area as one in which «he (the naturalist – A.E.) states existing on of the expertise, experiential knowledge for him is an act of justification, which could not possibly be replaced with a simple imagination [4, 21]. In this context, appropriate to discuss them to remember Molchanov hypothesis that the phenomenon itself is only possible in finding the researcher «within the phenomenological attitude» [10, 76-77]. In Husserl's phenomenological research itself begins with a phenomenon, which is to be cleaned, that it's possible thanks to the eidetic installation and the implementation reduction. Phenomenon it ends. The difference in them is only in their cleanliness. From Heidegger is a phenomenon often showingness – which is each of phenomenology to interpret, although the definition showingness as non-open or open, moreover has a to a specific essential purpose.

The more obvious it's the need to explanations the essential sense *λογος*. Heidegger offers *λογος* not in the sense that it's a word, and, therefore, itself word of phenomenology. *Λογος* them played up to *λεγειν* – as saging that opens. Before us the phenomenon, namely essence its opening the called upon to express *λεγειν* [2, 115]. In this sense, *λογος* doesn't mean itself first experience see something, but rather the assimilation of it as essence. Heidegger writes: «Und weil die Funktion des *λόγος* im schlichten Sehenlassen von etwas liegt, im Vernehmenlassen Seinden, kann *λογος* Vernunft bedeuten» [6, 45]. But, if the «Prolegomena» Heidegger on more limited what *λεγειν* – designed to express essence of opening esse, in «Being and Time» the problematic expression will acquire a slightly different shade. Expression itself is a bind to will acquire some understanding of the truth as unconcealment, ie Greek *αληθεια*. Heidegger's attention fixed on opposition to truth in the sense of conformance visible-saging. His look and saga, as the fundamental expression that exists open, are

not divided, but rather organically are connected, blurring the boundaries of each other in the *λογος*, as the primary means to show themselves from his own essence [11, 152], in the sense *θέωω*. *Αληθεια* opposite resisting concealment as lack of openness that essence to us. «Das «Wahrsein» des *λόγος* als *αληθευειν* be sagt: das Seinde, wovon die Rede ist, im *λεγειν* als *αποφανεσθαι* aus seiner Verborgenheit herausneh – men und es als Unverborgenes (*αληθές*) sehen lassen, ent-decken» [6, 44]. Perhaps it is the relationship between Heidegger established *φαινόμενον* and *αληθεια*, will eventually become one of the reasons for its gradually dissociation from the phenomenological direction. The Greeks themselves Heidegger in «Parmenides» and «Heraclites» calls «the people's eyes» or glance, suggesting that the system is the attitude they initially saw all things in their primordial openness. No less interesting interpretation *φαινόμενον* receives in connection with *φρόνησις*, which is understood by Heidegger as immediate scrutinizing it essence, which is open to them in a wider sense, to his own fundamental ontology, as *φιλοσοφία*. «Φρόνησις here means «philosophy» and naming it means: to have a glance directed in the essential» («Φρόνησις meint hier dasselbe wie «Philosophie», und dieser Titel besagt: den Blick haben für das Wesenhafte») [11, 178].

Precisely in this sense Heidegger creates something new, its phenomenology, but the phenomenology is not aimed at the identification of certain phenomena of reality, namely, the identification of the true phenomena does not distort the essential plan of things. Therefore, he calls to «save the phenomena» (*σώζειν τὰ φαινόμενα*), Heidegger defines as the ability to keep self before itself, are shown as to show and maintain such a disposition in unconcealment, that is, to keep him from escaping into the concealment and distortion. In «Being and Time» phenomenology is endowed

much more sense than the Marburg and Freiburg lectures; phenomenology is not just the science of the phenomena, and just the fundamental ontology (Fundamentalontologie) formed on the specificity difference of the ontological and ontic that essence (Wed. with «Sachhaltig genommen ist die Phänomenologie die Wissen-schaft vom Sein des Seienden – Ontologie») [6, 50]. Being of essence, becoming the subject of study of phenomenology, of course, can be hidden and distorted phenomenon which his seeming. Λογος for Heidegger it's cleansing and opening tool truth, the most expressed in the act of saying the essence of the phenomenon. Therefore, λογος with a light hand is the interpretation or hermeneutics of being. These are: «Der λογος der Phäno-menologie des Daseins hat den Charakter der ἐρμηνεύειν, durch das dem zum Dasein selbst ochorigen Seinsverständnis der eigentliche Sinn von Sein und die Grundstrukturen seines eigenen Seins Kundgegeben werden. Phänomenologie des Daseins ist Hermeneutik in der ursprünglichen Bedeutung des Wortes, wonach es das Geschäft der Auslegung bezeichnet» [6, 50]. In this context it would be appropriate to say that Slinin very accurately shown in one of his articles. I mean the view that Heidegger saw the opportunity to drop in phenomenology approved in Western European thinking «inverse concept of consciousness,» leading its history back to Plato and Aristotle. Here are the words of Slinina about this: «This concept suffers unjustified doubling of entities: according to it, the world of real objects

in the minds of the world confronts images of these objects» [12, 296].

Despite the fact that the implementation of fundamental ontology in Husserl and Heidegger were different, they both agreed on a purely ontological orientation of phenomenology itself. Despite the fact that it deals with entities that seem to be, that is, no-one has a strictly ontological status seemingness themselves are in direct experience seems somehow always like that. Them *as* can be, of course, the degree of openness of a thing to us. In this sense, one could assume that there is a specific way to see things more clean and glance of all. However, Heidegger, though perhaps it means, he does not point this way. Even if phenomenology is a way to approach and definition of a being, even if it appears before us anyway shipped within the scope of the ontology, the very phenomenological analysis may fail, despite the fact that «Ontologie ist nur als Phänomenologie möglich» [6, 48]. Phenomenology, by contrast, says that what is, is itself only provides for such a seemingness, tries to explain the essence of showingness but expected reduction, only one of the modes of torture to look at things on its own, while according to Heidegger, a non- sufficient reliability, and live clean. Purity itself in such cases seemingness things being constructed, i.e. putting things in some artificial boundaries and subjective sphere. Heidegger has to say is about the opening (offenen) or unconcealment like that in something or other things shows itself.

References

1. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Перев., с франц., под ред., И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина.: «Ювента» «Наука». СПб, 1999.
2. Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923-1944. Band 20. Vittorio Klostermann GmbH. Frankfurt am Main, 1979.
3. Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.

4. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phanomenologie und Phanomenologischen Philisophie. Erstes Buch. Allgemeine Einfuhrung in die reine Phanomenologie. Gesammelte Werke. Husserliana. Band. III/1. Martin Nijhoff.: Den Haag, 1976.
5. Hegel G.W.F. Phanomenologie des Geistes. – М: «АСТ. Астрель», 2006.
6. Heidegger M. Sein und Zeit. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914-1970. Band 2. Vittorio Klostermann. Frankfurt am Main, 1977.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. – М.: Академический проект, 2008. (Философские технологии).
8. Гуссерль Э. Картезианские размышления: Серия «Слово о сущем». – Спб.: Изд-во: Наука. – 2006.
9. Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd.ii.T.1. Tübingen, 1968.
10. Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
11. Heidegger M. Parmenides. Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923-1944. Band 54. Vittorio Klostermann GmbH. Frankfurt am Main, 1982.
12. Слинин Я.А. Возникновение философии Хайдеггера из феноменологии Гуссерля. Мартин Хайдеггер: Сб.Статей / Сост. Д.Ю. Дорофеев. – СПб.: РХГИ.2004. – 576 с.: ил. – (Личность в жизни и философии).

РУССКАЯ ИДЕЯ ГУМАНИЗМА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ П.Я. ЧААДАЕВА¹

RUSSIAN IDEA OF HUMANISM IN P.J. CHAADAEV'S SOCIAL PHILOSOPHY

Григорян Т.В.

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Забайкальский край, Россия*

Grigoryan T.V.

*Zabaikalsky State University,
Chita, Zabaikalsky Krai, Russia*

В статье раскрывается социально-философская идея гуманизма в творчестве П.Я. Чаадаева, которому принадлежит важная роль в становлении русской гуманистической мысли. Оригинальность социально-философских взглядов мыслителя состоит в том, что он выдвинул

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3701.2011.

в центр своих размышлений идею гуманизма, апеллирующую не столько к личностному мышлению, сколько к народному сознанию.

Ключевые слова: философия, гуманизм, П.Я. Чаадаев, Россия.

The article presents the socially-philosophical idea of humanism in Chaadaev's creativity, who makes a great contribution in the development of Russian humanistic idea. The originality of the philosopher's socially-philosophical views consists in the fact that the idea of humanism is dominated in his works touching upon not only to the personal thinking but to the national consciousness.

Keywords: philosophy, humanism, P.J. Chaadaev, Russia.

Философские взгляды Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856), рассматривавшего процесс исторического развития как осуществление замысла Бога, и считавшего, что участью людей управляет высшая божественная сила, можно охарактеризовать как провиденциализм. Его идеал гуманизма находит выражение в гармоничном сочетании возможности человеческой религиозности и индивидуальной ценности личности. Философ считал, что гуманность есть человеческая черта характера и поэтому народы могут быть гуманными.

Русский философ отмечал, что для того, чтобы судить о каком-либо народе, необходимо рассматривать не отдельные черты народного характера, а нужно познать всеобщий и сущностный дух народа. В частности, русский народ, с позиции Чаадаева, безразличен к превратностям жизни, равнодушен к проявлениям добра и зла, индифферентен к существованию истины и лжи. По его мнению, для русского народа не существует времён: «Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведён на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чём не содействовали движению вперед человеческого разума, а всё, что доста-

лось нам от этого движения, мы исказили» [6]. Думается, что многие учёные будут не согласны с вышеизложенной позицией Чаадаева постольку, поскольку русских людей, совершавших великие открытия и подвиги на протяжении многовекового исторического существования этого народа, было и есть очень много.

В современной научной литературе одни учёные характеризуют знаменитого философа как патриота и гуманиста, а другие, как анигуманиста и сторонника западного пути развития. В частности, О.А. Макарова, подробно изучая творчество Чаадаева, отмечает скептические взгляды русского философа на современное состояние России, негативное отношение к истории развития русской традиции и отсталость России от стран запада. Макарова отмечает, что Чаадаев восхищается образом жизни и научными достижениями стран запада, считая, что Россия должна перенять их образ жизни [2].

Чаадаев абсолютно не солидарен со славянофилами, примыкая к идеологам западничества, что особенно ярко выражено в его стремлении к негативной оценке самобытности русского народа и восхвалению общественно-исторического пути развития народов западных стран. Макарова утверждает, что русский философ идеализирует западную католическую церковь и негативно оценивает роль отечественной православной

церкви, тем самым становясь приверженцем католичества. Другой современный учёный Ю.М. Микитюк также подчёркивает приверженность Чаадаева к европейской культуре развития и неприятие им русской национальной самобытности [3].

Исследуя творчество Чаадаева, многие современные учёные утверждают обратное, что русский философ является истинным гуманистом и патриотом России. В частности, А.В. Богданов пишет: «Чаадаев нисколько не боготворил и не идеализировал Запад, как казалось многим его современникам и нынешним «западникам». Он открыл «свой» Запад, символ которого помогал ему напряжённо думать и глубоко молчать о самом главном, о России» [1, с. 147]. Богданов подчёркивает, что для Чаадаева Россия наделена важной общечеловеческой гуманистической миссией, заключающейся в том, чтобы примирить народы стран Запада и Востока.

Большое место в творчестве Чаадаева занимает проблема народной гуманности. Он полагал, что в любом народе, лишь малая его часть живёт рационально, увлекая за собой остальную, большую часть, которая опирается преимущественно на свои чувственные способности. Русский мыслитель писал, что «...для правильного суждения о народах следует изучать общий дух, составляющий их жизненное начало, ибо только он, а не та или иная черта их характера может вывести их на путь нравственного совершенства и бесконечного развития» [4, с. 99–100].

В качестве основного двигателя общественно-исторического развития Чаадаев называл убеждения, на основе которых возникают различного рода интересы и мнения. Область убеждений причислялась им к духовной сфере человека, поэтому революции, по его мнению, заключают в себе духовное начало. Философ считал, что всякому человеку, как сознательному существу, до-

ступны «героизм сильной души» и «преданность покорного духа», исходящие из его сердца.

Происхождение любого зла Чаадаев усматривал в наличии разногласий между желаниями отдельной личности и потребностями, присущими его обществу. От рождения человек получает слабые представления о нравственности и благе, которые в процессе социализации и внутренней работы индивида должны превратиться в его инстинктивные потребности. Чаадаев критиковал тех людей, которые не занимаются выстраиванием собственного морального образа жизни, а только и делают, что завидуют отдельным членам общества в их чувственных наслаждениях, имеют суетное любопытство и слепо увлекаются различными новшествами. По мнению философа, истины откровения только тогда сами откроются человеческому сердцу, когда человек всей своей душой отдастся воле какой-либо высшей доброй силе, отрывающей от всего земного и превозносящей к небу. Причём, все блага человека – это не результат его разумного мышления и поведения, а следствие неведомой силы.

Особое значение философ придавал проблеме гуманизма в срезе социально-личностных отношений. Он отмечал, что каждый человек на протяжении всей своей жизни руководствуется инстинктом самосохранения, являющийся проявлением эгоистического начала в человеке. Поэтому Чаадаев вывел следующий основной принцип нравственности: «Как бы ни было пламенно наше стремление действовать для общего блага, это воображаемое нами отвлеченное благо есть лишь то, чего мы желаем для самих себя, а устранить себя вполне нам никогда не удаётся: в том, что мы желаем для других, мы всегда учитываем собственное благо. И потому высший разум, выражая свой закон на языке человека, снисходя к нашей слабой природе, предписал нам только одно: поступать с другими так, как мы желаем,

чтобы поступали с нами» [6]. Этот незыблемый нравственный закон есть то, чем каждый должен руководствоваться по жизни в своих помыслах, суждениях и поступках. Оно есть проявление человеческой мудрости и гуманности.

Несмотря на то, что человек имеет пространственно-временные ограничения, его мысли имеют беспредельный путь. Такие качества, как гуманность, эмпатия, сострадание и любовь приущи человеку от природы. Но эти качества требуют укоренения в человеке через воспитание, дабы они приобрели своё совершенство и крепче укоренились в душе человека. Важными средствами гуманного воспитания детей, по мысли философа, являются добрый пример родителей и здоровый уклад семейной жизни.

По мнению Чаадаева, человечеству необходимы лишь желания, для того, чтобы достигнуть в своём развитии наивысшей нравственности. Чтобы правильно судить о добре и зле, необходимо сначала познать сущность вещей. Бог наделил всё человечество способностью к познанию, сделав каждого человека разумным существом. Философ писал: «Отказаться от своего прошлого, значит лишить себя будущего» [6]. Это утверждение Чаадаев адресовал не только по отношению к отдельной личности, но и ко всякому исторически развивающемуся народу.

Чаадаев считал, что народ должен уметь подчинять своей разумной воле не только физическое, но и духовное бытие. Он так характеризовал русскую культуру: «То, что у других народов является просто привычкой, инстинктом, то нам приходится вбивать в свои головы ударом молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперёд, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подража-

тельной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи вымываются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда [5, с. 124]. Чаадаев был убеждён в том, что русский народ не способен самостоятельно создавать новые идеи, но зато он умеет с лёгкостью перенимать готовые идеи другого народа. Из данного убеждения философ песимистически заключил, что русский народ, несмотря на свою многовековую историю и культуру, никогда не достигнет своего полного расцвета.

Чаадаев писал: «Народы – существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру» [5, с. 124]. Следовательно, можно заключить, что философ верил в возможность установления гуманных отношений между человеком и обществом в земной жизни.

Проанализированные выше социально-философские взгляды гуманистической направленности Чаадаева впоследствии были поддержаны и получили дальнейшее развитие у представителей западничества (М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, Н.В. Станкевич и другие).

Таким образом, в центре социально-философских размышлений мыслителя находится человек как активнодействующий субъект, наделённый чувствами и разумом. Идея гуманизма у философа вытекает из выделения в человеке таких диалектически противоположных форм как природное и духовное. Философия, по его убеждению, является религиозно-идеалистической наукой, призванной вскрыть именно духов-

ное начало в человеке и утвердить в народе гуманность. Тем самым философ обосновал тезис о том, что идея гуманизма обращается к глубинным ментальным структурам человеческого интеллекта. Кроме того, Чаадаев пытался выявить предназначение России в мировом общекультур-

ном пространстве, подчёркивая её отсталость от западных стран и отмечая гуманистическую роль христианской религии в развитии европейского общества. Итак, общечеловеческий пафос наследия Чаадаева позволяет причислить его к плеяде мыслителей гуманистического толка.

Литература

1. Богданов А. В. Неизвестный Чаадаев // *Философия и общество*. 2009. № 3. С. 136–152.
2. Макарова О. А. Проблема рациональности в историософии П. Я. Чаадаева: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2007. 23 с.
3. Микитюк Ю. М. Чаадаев Пётр Яковлевич – предтеча западников и славянофилов // *Альманах современной науки и образования*. 2011. № 4. С. 27–29.
4. Чаадаев П. Я. *Философические письма* // *Антология мировой философии*: в 4 т. М.: Мысль, 1972. Т. 4. С. 92–107.
5. Чаадаев П. Я. *Философические письма* // *Хрестоматия по истории философии (русская философия)*: в 3 т. М.: ВЛАДОС. 1997. Т. 3. С. 122–127.
6. Чаадаев П. Я. *Философические письма*. URL: <http://www.klex.ru/26g.doc> (дата обращения: 20.07.2011).

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ – ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS – A GNOSEOLOGICAL BASIS OF ECOLOGICAL CULTURE

Басилаиа М.А., Тюрина Т.А., Кинцурашвили М.Д.
*Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Basilaia M.A., Tyurina T.A., Kintsurashvili M.D.
*Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia*

Рассмотрен философский аспект необходимости формирования экологического сознания в современном обществе, способного создать духовно-интеллектуальную базу противостоя-

ния экологическому кризису.

Ключевые слова: философия; экологическое сознание; экологическая культура; глобальный экологический кризис; снижение экологической опасности.

The philosophical aspect of necessity of formation of ecological consciousness in the modern society, capable to create spiritually-intellectual base of opposition to ecological crisis is considered.

Keywords: philosophy; ecological consciousness; ecological culture; global ecological crisis; decrease in ecological danger.

Введение

Проблемы становления экологического сознания и вопросы самоусовершенствования человека находятся на стыке ряда наук: экологии, философии, психологии, этики, педагогики и др. Несомненно, базовая роль принадлежит философии. Философское обоснование необходимости формирования экологического сознания в современном обществе, равно как и поиск важнейших механизмов и путей его становления, является актуальной задачей философии. От философского исследования общественная практика ждет глубокого осмысления сложившейся ситуации и теоретических разработок путей и механизмов выхода из экологического кризиса [1].

Термином «экологическое сознание» традиционно обозначается совокупность индивидуальных или групповых представлений о взаимосвязях в системе «человек – природа» и в самой живой и «неживой» природе, а также стратегия и тактика взаимодействия всего живого между собой и средой обитания. Под сущностью экологического сознания мы понимаем активное, адекватное и обобщенное отражение человеком взаимосвязей с окружающей природой на основе выделения себя как субъекта объекту, ориентированного в своей деятельности на гармоничную и конструктивную перспективу этого взаимодействия без ущерба для обеих сторон.

Цель и задачи исследования

Исследование процессов развития экологической формы сознания преследует цель формирования совокупности человеческих качеств, которые, в конечном счете, становятся исходными предпосылками изменения действительности. Здесь «изменение действительности» предполагает сознательно-волевые акты, способствующие обобщать, целенаправленно отражать и конструктивно, творчески преобразовывать действительность, устраняя процесс экологического разрушения биосферы, а также прогнозировать экологическую ситуацию и разумно регулировать и самоконтролировать свое поведение и отношение к среде обитания. В целом формирование экологического сознания является предпосылкой формирования экологической культуры человека.

Понимание тупиковой сущности антропоцентрического сознания привело к возникновению новой «инвайронментальной парадигмы» (New Environmental Paradigm), а сознание, базирующееся на этой парадигме, названо *экоцентрическим* сознанием. Для такой системы представлений о мире характерны:

- 1) ориентированность на экологическую целесообразность, отсутствие противопоставленности человека и природы,
- 2) восприятие природных объектов как пол-

ноправных субъектов, партнеров по взаимодействию с человеком,

- 3) баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с природой [2].

Эта формулировка отражает многомерность, многоаспектность феномена сознания. Становление экологического сознания позволит дать ответ на главный вызов нашего времени – раздробленность и закрытость знания и сознания, утрату современной личностью и обществом в целом способности видеть и воспринимать мироздание как единый процесс развития природы и общества, раскрывающий перед личностью весь пространственно-временной горизонт. Преодоление такой закрытости, устранение интеллектуальных и психологических барьеров, стремление организовать логику использования всех областей знания (философского, социологического, экологического, биологического, антропологического, космологического, географического и т.д.) можно рассматривать как основное преимущество экологического сознания.

Одна из глобальных задач современности состоит в выявлении и развитии экологического сознания, отражающего внутренние человеческие качества, которые являются самым важным ресурсом человечества. Носителем экологического сознания является индивидуальный или коллективный субъект. В соответствии с этим выделяют *индивидуальное* экологическое сознание и *коллективное (общественное)* экологическое сознание.

Результаты исследования

На основании синтеза разных аспектов формирования общего планетарного экологического сознания можно выделить следующие его *существенные черты*:

- 1) приоритет общечеловеческих ценностей в системе «общество – природа» над более локальными, частными, как, напри-

мер, классовыми, национальными, региональными;

- 2) экологическое сознание способно вызывать прогрессивную коррекцию в общественном сознании разных стран и народов и, в частности, в сознании индивидуумов;
- 3) экологическое сознание должно характеризоваться в высшей степени современной научной основой, использующей весь комплекс научного знания;
- 4) экологическое сознание, поднявшись до уровня планетарной значимости, может реализоваться в общечеловеческой практике.

В ходе изучения проблем становления экологического сознания особое значение обретает обеспечение человеку и обществу максимальных возможностей и простора для использования социальной и природной необходимости для осуществления деятельности, направленной на защиту биосферы от угнетающих факторов антропогенного происхождения. Именно поэтому мы обращаемся к этической проблеме свободы и философскому понятию свободы человека – способности его к активной деятельности в соответствии со своими потребностями. «В морали выдвигаются требования, направленные на преобразование (или сохранение) действительности (наличного, сущного) таким образом, чтобы оно, сущее, в наибольшей степени соответствовало должному душевному строю и поведению. В морали человек обретает внутренний закон и, опираясь на силу своего духа, выступает субъектом, обладающим свободой воли и свободой действия» [3]. Подлинная свобода человека включает в себя высокий уровень развития познавательного процесса, при котором человек на основе своих знаний, используя природную и об-

ществленную необходимость, может предвидеть и прогнозировать даже отдаленные последствия своего вмешательства в природу.

Выводы

Многообразие форм отражения действительности и форм деятельности породило новый вид сознания – *экологическое*, под которым понимается совокупность представлений о взаимосвязях человека и среды обитания, ориентации на гармоничную и конструктивную перспективу взаимодействия человека с окружающей средой без ущерба для обеих сторон. Носителем экологического сознания является индивидуальный или коллективный экологический субъект.

Экологическому типу сознания противостоит *антропоцентрический тип* сознания как система представлений о мире, противопоставляющих человека природе, трактующих человека высшей ценностью, а природу – его собственностью, взаимодействие с которой имеет чисто прагматический характер и определяется эгоистическими мотивами и целями.

История формирования экологического сознания на разных этапах развития человеческой цивилизации показала, что оно является как бы *духовным мостом*, переброшенным через пропасть развития человеческого общества из прошлого в будущее. Происходит трансформация экологического сознания – сближение интересов и потребностей индивидуальных и коллективных субъектов. Мотивы и побудительная сила для этой интеграции – единая цель – выживание человечества перед угрозой экологического кризиса [4].

Козволюционный подход появился как коллективный научный «продукт», результат революционного экологического мировидения (отдельными учеными, научными коллективами, научными школами) и международного сотрудничества в решении проблемы взаимоотношения человека и природы в условиях глобального экологического кризиса, когда построение системы снижения экологической опасности стало реальной необходимостью.

Литература

1. Аствацатуров А.Е. Философия научного оптимизма в решении планетарных экологических проблем. – Ростов н/Д: Издательский центр ДГТУ, 2003. – 316 с.
2. Басилаи М.А. Эволюция экологического сознания в условиях современного общества. – Ростов н/Д: Издательский центр ДГТУ, 2006. – 99 с.
3. Налимов В.В. Загадочность сознания. // Тайны сознания и бессознательного. Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. – Минск.: Харвест, 1998. – С. 31-35.
4. Басилаи М.А. Необходимость снижения экологической опасности как императив глобального мироустройства (философский анализ). – Ростов н/Дону: Издательский центр ДГТУ, 2010. – 338 с.

ЭТИКА КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОСТИ

ETHICS AS THE WAY OF SOCIALITY

Железнов А.С.

*Кафедра социальной философии, Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия*

Zheleznov A.S.

*Chair of the social philosophy, Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia*

This article analyzes new understanding of ethics, which is becoming necessary in the context of modern social philosophy. The understanding of co-existence or sharing my own being with others determines also the re-understanding of responsibility and moral duty itself. In the process of analyzing moral responsibility and due we can see ethics as the way of sociality, the way of the process of sharing my own being with others.

Keywords: *co-being, sociality, moral responsibility, duty and due, ethics, deconstruction.*

It seems very important to speak now about ethics, because of its special place in philosophy. Being the end of philosophical knowledge, ethics actually presents the practical meaning of the search for at least the philosopher himself, and it is the reason why ethics must implement all of the changes taking place in the philosophical thinking. Because of this, we have to see how changes that occur in modern philosophy could influence the ethical discourse. It is important to clarify that the relation which is established between new understanding of the sociality and the new sense of ethics.

Here, of course we should start from describing key changes that we can find in the social philosophy. But determine those changes, entering them into the outline of the methodology of social sciences and social philosophy is less important than to show that the changes are in substance, not in their approach, but as the result of the specific work. Above all, the key changes occur in the idea of sociality. If earlier

we could afford to understand sociality as some kind of structure of relationships and roles, the structure that can be mutable, but is always given, now it doesn't seem right. The sociality is thought about as the process of sharing self-own being with others. That process is implemented before existence of any subjects (it's what Deleuze calls «subjectivation before subjects»), more precisely, this process is the place and the way through which subjects and their relations are made. Sociality in any case is not given as set of «objects», facts, that that can be described, but on the contrary it is before any existing as its source.

The concept of sociality can't be clear without its ontological base – the idea of sharing self-own being with others. This idea generally follows from Heidegger's proposition of difference between being and existence, which mostly sets the context of modern philosophy. At first, ontological difference itself means that the existence of existents does not

have any base or fundament and isn't determined by anything. In this sense, we should say, that there is not any «Unity» (or substance), which could specify the way or the aim of existence of existents. Secondly, we should always speak about existence as about co-existence (Heidegger's «Mitsein»), existence is necessarily common. It's important to correctly understand this co-existence of existents which is substantiated by nothing. It isn't in any way regarded as «substantial»: existents do not constitute mere unity and do not join the unity. This co-existence is more sharing self-own being with others, than taking a part in common being. (This theme is clearly articulated in the analysis of Levinas's critic of Heidegger by Derrida in «Violence and Metaphysics» from «Writing and Difference» [5].)

In the context of our research it is important to pay attention to the definition of co-being not only as ontological givenness or factual condition of individual's existence, but as the process through which they exist. We have to speak not so much of what we «are thrown» in the sharing of its own existence, but that we are implementing self-own ability to be through the process of sharing with others. Exactly this process we call sociality.

Changes in social theory determine also changes in understanding ethics, its sense and role. The idea of sociality as a the process of sharing my own being with others form the idea of ethics as the modus or the way of sociality, the special mode of sharing my own being with others.

Here we can mark key difference from traditional understanding of ethics, which sees ethics as the specific social function or as the rational way to evaluate our actions as right or wrong. Generally, this ability to evaluate actions as right always was the core of traditional ethics, and it could be criticized first. Such critics we find in Deleuze's «Spinoza», here Deleuze speaks about unacceptability of moral because moral is needed of «Good» and «Evil». (Here

we can refer to the analysis of the contrasting ethics and morality, which is disclosed in the reasoning of the fall of Adam in «Spinoza: Practical Philosophy» [2].)

At the same time it is interesting to see, that most of attempts to develop the immanent ethics (including Deleuze too) can't do without postulating of the due, with which the actions and the state of individual are coordinated. This due can be determined not by some absolute or universal principles, but by the immanent properties of individual – but this doesn't change the whole approach. This way, attempts of the developing the immanent ethics is usually in the frame of traditional logic: ethics stays only as a way to evaluate actions based on its conformity to any existing reality. This critics is very good articulated by Adorno in his «Problems of Moral Philosophy» [1], here he says that immanent ethics essentially offers us new naturalism.

But we must recognize, that existence of ethics as the way of evaluation now seems senseless. Firstly, any universal and transcendence are more irrelevant - they are just the result of social. And secondly, because the assessment of the existence of individuals in relation to something does not make sense: their existence in itself is ungrounded and does not need any estimates. Ethics which still just evaluates people's actions in accordance with certain principles (in which no one believes), or in accordance with the nature or rationality (which is constantly changing) is no more claimed, it may cannot motivate anything.

Here we have to ask the question about the new way of thinking ethics. This question we can place more radically: if ethics as the way to fix certain behavior (moral as a social function) or ethics as the way to assess our existence from the point of view of corresponding this existence with its external principles or «Nature» (because there aren't more «true» principles or Nature) doesn't interest us, well,

what we are interested in now? And we are interested in strictly ethical relations and the existence of individuals or, in the context of the discussion above, the ratio of ethics to the division of self-own existence with other. And the answer to the question about relation between ethics and co-existence doesn't lay in the area of considerations about the methodology, but in the direct analyses of the ethical situations, the events which get us to identify something as ethical, due, proper.

The example of this analysis could be the deconstruction of the due, as it is done by Jacques Derrida in «On the Name». His consideration about moral duty's antinomy begins with reference to double contradiction, which is contained in the idea of moral duty or politeness: «Friendship as well as politeness would enjoin a double duty: would it not precisely to be avoid at all cost both the language of ritual and language of duty? ... A gesture «of friendship» or «of politeness» would be neither friendly nor polite if it were purely and simply to obey a ritual rule. But his duty to eschew the rule of ritualize decorum also demand that one go beyond the very language of duty. One must not be friendly or polite out of duty» [4, p.7]. Here Derrida reveals the antinomy of the understanding of the due: at the same time it has to be obligated, but could not be determined by any objective grounds. Due (and moral responsibility) are born in recognition of being the compatibility with the Other, it is born from the response to an invitation, the invitation which we can ignore.

This point about response and nonresponse is very important for Derrida, because through this thought he can clarify the moment of the appearance of responsibility. The gesture of friendship or politeness doesn't obligate other side to response: «So the nonresponse. Clearly, it will always possible to say, and it will be true, that nonresponse is a response. One always has, one always must have,

the right not to response, and this liberty belongs to responsibility itself, that is, to the liberty that one believes must be associated with. One must always be free not to respond to an appeal or to an invitation – and it is worth remembering this, reminding oneself of the essence of this liberty. Those who think that responsibility or the sense of responsibility is a good thing, a prime virtue indeed the Good itself, are convinced, however, that one must always answer (for oneself, to the other, before the other or before the law) and that, moreover, a nonresponse is always a modality determined in the space opened by an unavoidable responsibility». [4, p.17]

Not proved by anything existing, friendly act is an invitation and a call, it opens up the possibility of other's reply, the reply beyond a predefined response, or the expectation of the definite answer. And responsibility can become the result of a friendly act, the result of an invitation. This acceptance of responsibility can be thought of as the act of being, understood as a specific action, as «committing existence». Being made outside of certain order of existence or «known» social or personal, friendly action opens the way for new existence, for new sociality. And in response to it the existence is done without having to undertake any reason or purpose. Friendly action and the response to it in its purest sense is thought of as the very act by which own being is shared with another, as opportunity, which will then be implemented in any type of co-existence and in some personal properties. (Speaking of Derrida's understanding of responsibility, of course, we should mentioned about the relationship of this understanding with Levinas's discourse of responsibility that we can find, for example in «Totality and Infinity: An Essay on Exteriority» [6].)

Deconstruction of responsibility actually gives us the key to understanding the relationship of ethics and existence: we can think about ethics as special mode of existence. Specifically as such a way in

which the separation of self-own existence with other is actualized. Ethical is such co-existence, which not only does not escape from self-own «shareness» with others, but, on the contrary, expects this sharing, encourages it. Ethics or ethical in this case is not just relation to an event or the estimation of it, but it is the way people come, the way people carry out joint existence. In essence, we can say that this way of existence is revealed in every situation or action, which we call ethical. It seems important to us to focus on the analysis of liability, however, in a very similar way ethics is also revealed in other ethical situations: love (see Levinas's «Totality and Infinity:

An Essay on Exteriority» [6]), forgiveness (see Derrida's. «On cosmopolitanism and forgiveness» [3]).

As a result, we can say that we obtained immanent ethics as problematic ethics, ethics, which consists of broken decisions to consistency. In this sense, modern ethics ceases to be the technology that allows you to use this procedure to achieve guaranteed results (salvation of the soul, for example). But it becomes more of an art, the ability to see the situation in which the individual has to make a decision not taking to account on what exists, but paying attention only to an unknown future.

References

1. Adorno T. Problems of Moral Philosophy – Stanford University Press. 2000. 240 p.
2. Deleuze G. Spinoza: Practical Philosophy – City Lights Publishers, 2001. – 130 p.
3. Derrida J. On Cosmopolitanism and Forgiveness – Taylor & Francis e-Library, 2005. –80 p.
4. Derrida J. On the Name – Stanford University Press, Stanford California, 1995. – 168 p.
5. Derrida Writing and Difference – London, Routledge, 2001. – 472 p.
6. Levinas E. Totality and Infinity: An Essay on Exteriority – Kluwer Academic Publisher, 1991. 307 p.

ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

ONTOLOGY OF SOCIAL INTERACTION: THE INFORMATION NATURE OF SOCIAL SYSTEMS

Розанов Ф.И.

*Братский государственный университет, филиал в г. Усть-Илимске,
г. Усть-Илимск, Иркутская область, Россия*

Rozanov F.I.

*Bratsk State University, Ust-Ilimsk campus,
Ust-Ilimsk, Irkutsk region, Russia*

В статье исследуются онтологические основания социального взаимодействия, как базовой формы движения материи. Формулируется концепция информационного обмена, как фундаментального системообразующего механизма социальности.

Ключевые слова: *онтология, информационный обмен, фундаментальный механизм, социальное взаимодействие, социальная система.*

In the article is researching ontological foundations of social interaction as the basic form of motion of Matter. Formulating the concept of information exchange, as the fundamental system-forming mechanism of sociality.

Keywords: *ontology, information exchange, fundamental mechanism, interaction, social system.*

Взаимодействие является основополагающей категорией при описании и объяснении природы, однако специфика социального взаимодействия как особой формы движения материи и роль информационных процессов в нем до сих пор не нашли адекватного теоретического объяснения в науке. Существующие в настоящее время обобщающие социально-философские концепции информации и информационного взаимодействия рассматривают преимущественно мировоззренческие вопросы информатизации социума. В современной социальной науке конституируется как данность принципиальное значение информации для социума, но фактически не ставятся вопросы о базовых механизмах социальности и их информационной природе, что является причиной системного теоретико-методологического кризиса социально-гуманитарного знания.

Возрастающая интенсификация научно-технологического развития цивилизации и ее глобализации ставят перед общественными науками все более сложные и масштабные задачи, связанные с объяснением ускоряющихся темпов социально-исторического прогресса и возникновением целого сонма новых социальных феноменов, не объяснимых в рамках классических социальных теорий. Все более актуализируется потребность в создании метатеории, обобщающей

разрозненное социальное знание и дающей базис для теоретико-методологической междисциплинарной интеграции социальной науки с другими, в том числе и естественнонаучными дисциплинами. Одновременно с этим общая тенденция на утилитарность, точность и практичность науки требует от социального знания более глубокого понимания фундаментальных механизмов социально-исторических процессов.

Решение стоящих перед социальной наукой проблем возможно только через обращение к исследованию сферы социального взаимодействия, т.к. именно во взаимодействии элементарных социальных акторов и рождается социальная реальность и именно здесь можно получить ответы на все фундаментальные вопросы. В данной статье мы рассматриваем в рамках онтологического подхода базовые принципы обменных механизмов взаимодействия в природе на различных уровнях организации материи и анализируем специфику обменных механизмов социального взаимодействия.

Движение является имманентным свойством материи на всех уровнях ее организации и сопровождается действием одних объектов на другие, вызывая их взаимовлияние, обуславливая количественные и качественные изменения и явля-

ясь, в конечном итоге, причинно-следственным механизмом диалектического развития природы. В естественных науках взаимодействие понимается как взаимное влияние объектов и систем материального мира. Традиционно принято выделять следующие уровни организации материи: физический, химический, биологический и социальный. Иногда к этой классификации добавляют еще и психический уровень, мотивируя это тем, что человеческий разум представляет собой качественно новый этап в эволюции природных систем [1]. На каждом из этих уровней, согласно современным научным представлениям, взаимодействие элементов носит обменный характер, и понятие обмена рассматривается как фундаментальная онтологическая и гносеологическая категория. Однако, само понятие «обмен» в разных науках интерпретируется по-разному и имеет разное функциональное значение.

В физике понятие обмена является основополагающим для описания процессов на микро и макро уровнях. Согласно представлениям квантовой механики каждому взаимодействию соответствуют свои частицы – переносчики взаимодействия, а взаимодействие представляет собой процесс обмена квантами одного из фундаментальных силовых полей. Для электромагнитного взаимодействия это обмен фотонами, для сильного взаимодействия – пи-мезонами, представляющими собой специфические кварковые образования, для слабого взаимодействия – бозонами, для гравитационного взаимодействия – гипотетическими пока гравитонами. Взаимодействие макрообъектов рассматривается в физике также как обменный процесс, как передача от одного объекта к другому кинетической, потенциальной энергии и вещества. В химических науках взаимодействие трактуется как действие молекул вещества друг на друга, сопровождающееся изменением их свойств и образованием новых веществ. По-

ляризационное обменное взаимодействие и взаимодействие, связанное с переносом электронного заряда основаны на обмене молекулами электронными зарядами и взаимном проникновении электронных оболочек. Дисперсионное, ионное, ковалентное, металлическое и другие виды химического взаимодействия представляют собой межмолекулярный обмен электронами. Электронно-колебательное, спин орбитальное и другие виды химического взаимодействия основанного на квантовых эффектах, представляют собой обмен квантами электромагнитного поля. Фактически мы можем утверждать, что все виды химического взаимодействия имеют общую природу и носят обменный характер.

В биологии, на молекулярном уровне, действуют описанные выше химические обменные механизмы. Взаимодействие физиологических систем в организме понимается в биологии как обмен энергией, химическими веществами и физиологическими жидкостями. Основу внутри и межвидового взаимодействия животных, а также их взаимодействия с внешней средой составляет обмен жестами, голосовыми, визуальными или химическими сигналами. Живая природа, растительный и животный мир, представляют собой симбиоз, где существование и жизнедеятельность одних видов является необходимым условием существования других. Таким образом, экологическое взаимодействие представляет собой глобальный обмен химическими веществами и солнечной энергией, накопленной и трансформированной биомассой, между живыми существами. Такой обмен происходит разными путями, но основным механизмом в данном случае является функционирование пищевых цепочек.

Психический уровень организации материи, механизмы, свойства и проявления психики, как физическую реальность, а также конкретные физиологические процессы, лежащие в основе пси-

хической активности, изучает нейрофизиология. В рамках данной науки взаимодействие понимается как обмен нервными импульсами и химическими веществами (гормонами, нейромедиаторами и т.д.). Именно уникальные возможности психики обусловили эволюцию первобытного человеческого стада к социуму – новому уровню организации материального мира. Поэтому общественно-историческое развитие является результатом взаимодействия людей, отношения которых между собой представляет собой сложный разноплановый процесс экономической, политической и социальной коммуникации, выражающейся в обмене продуктами труда и заменяющими их материальными символами, информацией, социальными знаками и формами поведения. Цивилизационное взаимодействие между обществами рассматривается в истории как процесс взаимного обмена, происходящего посредством торговли, т.е. товарно-денежного обмена, миграции – обмена населением, культурного обмена идеями, традициями и знаниями, технологиями и т.д.

Проведенный нами онтологический анализ процессов взаимодействия в природе позволяет утверждать, что «взаимодействие» является важнейшей и универсальной категорией, так как она отражает процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния и взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой объективный и универсальный процесс, которым охвачены все формы бытия и формы их отражения. В соответствии с достижениями современного естествознания философия считает, что каждой качественно определенной системе свойствен особый тип взаимодействия и любое взаимодействие связано с материальными полями и сопровождается переносом материи, движения и информации, т.е. с

обменом. Обмен – это универсальная категория, применяемая во всех без исключения естественнонаучных дисциплинах для описания процессов взаимодействия. ***Взаимодействие – это процесс обмена, происходящий между материальными объектами и выражающийся в передаче от одного объекта к другому некоторой физической сущности – носителя взаимодействия.*** Поскольку обмен является необходимым условием любого взаимодействия, именно процессы обмена представляют собой механизм качественных и количественных изменений, а также переход количественных изменений в качественные. Таким образом, мы приходим к выводу, что ***обменные процессы составляют механизм взаимодействий в природе во всех их формах и разнообразии и что обмен является инвариантом организации количественных и качественных переходов в организации материи.***

Поскольку на всех уровнях реальности механизмом взаимодействия является обмен, то и социальное взаимодействие также должно иметь обменную природу. Истоки представлений об обменном характере социальности мы обнаруживаем еще в античной философии в трудах Платона и Аристотеля, которые рассматривают процесс взаимного удовлетворения потребностей людьми как источник социальных отношений и общества. Непосредственные теоретические предпосылки обменного подхода к исследованию социальных процессов и явлений мы встречаем у Ф. Ларошфуко, Б. Мандевиля, А. Смита, П. А. Сорокина и, в наибольшей степени, в бихевиористской психологии Б.Ф. Скиннера. Эмпирические исследования феноменов социального обмена содержатся в трудах социальных антропологов и этнологов Б. Малиновского, А. Редклифф-Брауна, М. Мосса, А. Леви-Стросса. В качестве самостоятельного теоретико-методологического направления теория социального обмена оформилась в соци-

ологии 50-60-х годов XX века как развитие идей бихевиоризма. В своем классическом варианте, ставшем основой для всех дальнейших вариантов обменной парадигмы, теория социального обмена была сформулирована Дж. К. Хомансом [2].

На основе проведенных нами исследований мы можем определить **социальный обмен как фундаментальный механизм социального взаимодействия, представляющий собой взаимный обмен акторами социально значимыми ценностями в рамках конвенциональной нормативно-ценностной системы с целью удовлетворения личных потребностей**. Однако гносеологическое значение понятия «механизм взаимодействия» подразумевает не только определение формы взаимодействия (в данном случае – обмен), но также и определение носителя взаимодействия, специфичного для социального уровня организации материи. Онтологический анализ процессов взаимодействия в природе показывает, что социальное взаимодействие всегда носит символический характер. Отражение является всеобщим свойством материи, и каждый акт взаимодействия в природе всегда сопровождается передачей информации. Однако на добиологических уровнях организации материи информационная природа обмена является вторичной, поскольку обмен осуществляется материальными носителями (полем, веществом, энергией) и именно их материальные характеристики являются определяющими в природных процессах взаимодействия, в то время как информационная составляющая обменных процессов никакой роли не играет. На биологическом уровне информационная сторона обменных механизмов наоборот становится главной в процессах взаимодействия, в то время как сами материальные пред-

меты, являются лишь носителями информации и их материальная природа является вторичной. Например, речь, основанная на модулированных звуковых колебаниях, служит именно для передачи информационного содержания, поскольку сами по себе колебания плотности воздуха, являющиеся материальными носителями звука, не имеют значения для воспринимающего речь, а имеет значение только условный символический смысл этих звуковых колебаний, т.е. содержащаяся в них информация.

Не только непосредственная коммуникация людей является информационным процессом, но и виды социальных отношений, связанные с обменом материальными предметами также носят информационную природу, поскольку любой материальный объект в человеческой культуре носит символический характер и его значение определяется не столько объективными материальными качествами, сколько субъективным социальным, экономическим, политическим, культурным значением.

Таким образом, онтологический анализ и исследования представлений современных информационистских концепций социальной философии, социологии и психологии, позволяют нам сделать вывод о том, что универсальным носителем социального взаимодействия и сущностной основой процессов обмена является социальная информация. Проведенные исследования позволили нам сформулировать концепцию социального информационного обмена (КСИО), утверждающую, что **социальная информация является специфическим носителем социального типа взаимодействия, а информационный обмен является фундаментальным механизмом социального взаимодействия** [3].

Литература

1. Wimsatt W. C. The ontology of complex systems: levels of organization, perspectives, and causal thickets / W. C. Wimsatt // Canadian Journal of Philosophy. – 1994. - vol #20. - P. 207-274.
2. Homans G. C. Social behavior: Its elementary forms / G. C. Homans. - N.Y., Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc., - 1961. - 404 p.
3. Розанов Ф.И. Социальное взаимодействие как информационный обмен: философское исследование фундаментальных механизмов социальности. Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 2011. - 156 p.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ: МЕТАФИЗИКА СТАТУСА И ПРАГМАТИКА ОБЫДЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

EXISTENTIAL TIME: METAPHYSICS OF STATUS AND PRAGMATICS OF EVERYDAY PERCEPTION

Денисова Т.Ю.

*Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Тюменская область, Россия*

Denisova T.J.

*Surgut State University,
Surgut, Tyumen region, Russia*

В статье представлена антиномия роли феномена времени в человеческом существовании. Объективно являясь его онтологическим основанием, время традиционно рассматривается обыденным сознанием исключительно прагматически, как ресурс, которым человек обладает и распоряжается.

Ключевые слова: вечность, время, жизненный мир; обыденное сознание, феномен, экзистенция.

In the paper idea of the antinomic role of time phenomenon in human existence is presented. Objectively being its ontological basis, the time is traditionally considered by the common sense only pragmatically, as a resource that person owned and operated.

Keywords: eternity, time, life-world, common sense, phenomenon, existence.

*Постижение жизни в пространстве и времени
лежит вне пространства и времени.*

Людвиг Витгенштейн

Указания на парадоксальность времени и его непроницаемость для рационального анализа стали общим местом еще со времен Августина Блаженного. Причем наиболее загадочной и противоречивой представляется не физическая природа времени (а также специфика протекания биологического, химического, социального времени), а его экзистенциальные, онтологические аспекты, то есть то, что оно значит для индивидуального человеческого существования.

Известное заявление Н.А. Бердяева о том, что проблема времени есть *основная* проблема человеческого существования, следует понимать таким образом, что время является неустранимым онтологическим модусом существования человека. «Судьба человеческого существования осуществляется во времени, и стоит под знаком времени», указывает Н.А. Бердяев [1, с.288], а это значит, что именно время задает систему координат, в которой не просто разворачивается это существование, но реализуются его смыслы. Мы существуем во времени, говорим о времени, как чем-то эмпирически доступном, измеряем время, эмоционально переживаем ситуации, когда оно «летит» или «тянется», «упускаем» время, даже «убиваем» его, однако любая попытка его рационализации и концептуализации ставит нас в тупик так же, как когда-то Августина. Рациональный дискурс, как оказывается, обладает весьма ограниченными возможностями в понимании времени как экзистенциальной проблемы, а потому неизбежно вынужден обращаться к образам времени в обыденном сознании, воплощенным в речевой практике повседневности и художественных образах.

Проблема времени оказывается не только важнейшей онтологической проблемой, но и, как все онтологические проблемы, – проблемой метафизической. Учитывая склонность обыденного сознания «падать в предметную постигаемость» и вообще держаться подальше от умозрительных конструкций, уместно задаться вопросом – каким образом прагматичная повседневность осмысливает проблему времени, есть ли в этом осмыслении место метафизике?

В традиционных представлениях о времени можно, на наш взгляд, выделить два аспекта: во-первых, время понимается как внешнее объективное условие моего существования, задающее его конечность и сроки, локализирующее его в потоке событий; и, во-вторых, время как ресурс, которым я распоряжаюсь по своему усмотрению, хотя и конечный, как любой ресурс.

Эти два аспекта связаны между собой.

С одной стороны, как известно, «времена не выбирают, в них живут и умирают» (А. Кушнер). Мы говорим: «мне отпущено немного времени», «мое время не пришло» или «мое время ушло», «ваше время истекло», понимая время своей жизни как нечаянный и непрощенный дар, как «мой» отрезок на бесконечной прямой времени. Я не могу удлинить этот отрезок, поменять на другой (более ранний или поздний), разделить его с кем-то. Нам понятно отчаянье Б. Паскаля, вопрошавшего: «Почему положен такой предел моим познаниям, моему росту, моему сроку жизни – 100 лет, а не 1000? Какие были у природы причины назначить не именно такой предел и выбрать эту, а не другую точку в бесконечности, если у выбора нет оснований и ни одна точка не предпочтительнее другой?» [5, с.105]

Мне может быть отказано во времени и месте, на которые я почему-то претендую: «There is no time for us, / There is no place for us...» («Who wants to live forever», «Queen»). Я могу переживать свое существование как неуместное и несвоевременное, как «абсолютное не то». Это чувство прекрасно выражено Борхесом в ряде его стихотворений и эссе («Где жизнь моя, которой не жил, та, что быть могла...» [3, с.69]). Время не позволяет мне остановиться в моем бытии к смерти, безжалостно оставляя позади опыт каждого мига моего «теперь», дорогих людей, череду прошедших событий. Это нечто, чем я не управляю, но что управляет мной («Ты времени заложник, у вечности в плену...» (Б.Пастернак)).

Отсюда вечный образ времени, как потока, которому невозможно сопротивляться (от знаменитого *panta rei* («все течет») Гераклита до не менее знаменитых строк Г. Державина «Река времен в своем течение / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей»); образ неподвластного мне источника движения событий («Дни свистят как пули»).

Время как единоличный хозяин моего «теперь», а значит, моего существования и его смыслов, предстает и в противоположном образе застывшей вечности, сквозь которую стремительно движется мое «теперь», оставляя в прошлом пережитое: «Время вкопано в вечность, как столб виселицы в бок земли. Это мы движемся сквозь время, стирая кожу и жилы, изнашивая сердца...» [6, с.176].

В любом случае власть времени надо мной несомненна и состоит в следующем:

1. время предопределяет мое существование как однократное, конечное, кратковременное;
2. предоставляет мне саму возможность существования;

3. помещает мое существование в произвольно избранный промежуток;
4. задает сроки и границы моего существования.

Но вместе с тем, отрезком времени, который мне дан, я могу распоряжаться с некоторой свободой – могу выбирать, чем его наполнить, могу, в конце концов, отказаться от этого дара, сократить его сроки. То есть время моего существования – принадлежащий мне ресурс. У меня есть «мое время». Я сознаю его ограниченность, и поэтому распределяю в графике собственных планов («у меня мало времени, говорите короче»; «делу время, потехе час»). Я оцениваю его отрезки с точки зрения их ценности и значимости в моей жизни («это было самое счастливое время в моей жизни»). Я, наконец, оказываюсь способным предвидеть окончание определенного отрезка времени, обусловленное исчерпанием того содержания и смыслов, которые я же в него и вкладываю («Time to say good bye...»).

Однако при всем этом, очевидно, что, во-первых, обладание «своим» временем не гарантирует отсутствия посягательств на него (вспомним Сенеку: «Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владенье природа, но и его, кто хочет, тот и отнимает» [7, с.5]), а во-вторых, означает невозможность претендовать на какое-то другое, «чужое» время. Рассуждения Сенеки о невозможности умереть не своей смертью и оптимистичны, и пессимистичны в этом смысле одновременно: «Чужой смертью никто не умирает. <...> ...Никто не умирает не в свой срок. Своего времени ты не потеряешь: ведь что ты оставляешь после себя, то не твое [7, с. 148]».

Следовательно, какой бы продолжительности ни было время моей жизни, оно не вмещает ее события, что позволяло бы сетовать, что не вместило больше; напротив, события моей жизни

и создают «мое время». Психологически такая точка зрения вполне оправдана – вне моего сознания, то есть, до моего рождения и после моей смерти для меня нет ничего. Вне существования, то есть вне активности, движения, изменения, то есть того, что измеряется временем, само понятие времени становится бессмысленным. Н.А. Бердяев охарактеризовал эту ситуацию лаконичной формулой: «Время есть продукт объективации, происходящей с субъектом» [1, с.288]. Время только кажется объективным, с его точки зрения, поскольку объективация принимается за реальность, данную извне. Сомнения в объективности времени звучали в истории философии и раньше, получая различные обоснования. Аристотель, описывая спящих героев и людей в горах Сардинии, говорил, что для них не идет время во сне. Следовательно, без воспринимающего существа нет и времени. Отсюда вопрос: идет ли время само по себе, без нас? Или это всего лишь свойство нашей души? Подобное предположение высказывалось и Августином Аврелием. «Субъективным условием», необходимым для координации чувственных восприятий человеком мира, называл время И. Кант. Время, таким образом, предстает всего лишь *моим* инструмент измерения длительности событий *моей* жизни, *моим* способом восприятия явлений как внешнего, так и внутреннего мира. Речь причем идет не только о специфике темпоральной стороны жизненного мира человека, отличной от временных шкал других существ, но и особенностях восприятия времени в различных психологических состояниях, ситуациях, а главное – в ценностном, эмоциональном отношении к времени.

Сопоставление устоявшихся в обыденном и художественном языках вербальных конструкций, связанных со временем, позволяет свести их к двум основным образам:

- времени как потока, вмещающего мою жизнь, несущего мое существование и управляющего мною;
- и времени как пустого ограниченного вместилища, предоставленного мне в распоряжение, как моего «места», моего «сейчас», которым, соответственно, управляю я, простирая свои притязания по собственному усмотрению.

В первом случае я раб времени, во втором – хозяин, более того, если учесть точку зрения, согласно которой именно благодаря человеку и его существованию и возникает время, я творец времени, оно есть порождение моего существования.

Все размышления о времени неизменно сопровождаются печалью, поскольку во времени не только реализуется личность и судьба каждого, – во времени происходит неизбежное движение к смерти. И оказывается, что человек и не творец, не хозяин времени, поскольку управляет только содержанием своего существования, но не временем, которое он бессилён остановить, продлить, вернуть, отменить. Зная о своей конечности и однократности, человек не может с ними смириться, поскольку они обесмысливают его существование.

Августин в «Исповеди» задается вопросом: был ли он до рождения и младенчества где-нибудь и чем-нибудь? [2, с. 424]. И важно не столько то, что мыслитель не находит ответа на вопрос ни в собственном опыте, ни в рассказах других людей; сколько сама его острота, то, что он значит для него. Человек сознает, что заключен в «своем времени» как в камере, но вместе с тем он ищет способ приобщения к вечности, желает этого приобщения, причастности. И причины этого не только в осознании кратковременности существования. Будь человеческая жизнь

длиннее в три, пять, десять раз – ничего не изменилось бы. Перед лицом бесконечного любой отрезок времени не просто мал, он – ничто. Следовательно, вся твоя жизнь, драгоценная и уникальная, не просто случайна, не просто ничтожно мала и незначительна, она – ничто, если не сопричастна бытию в целом.

А потому, даже приняв временность своего существования как непреодолимую данность, человек, тем не менее, размышляет о том, как встраивается его временное (конечное и однократное, повторим) существование в вечное бытие мира, дискретное время существования в континуальную вечность. Прагматика понимания времени как ресурса неожиданно трансформируется в метафизическую апорию: я включен в поток времени, но «мое» время отграничено, отделено от вечности; мое «сейчас» может быть соотнесено с другими отрезками времени, но значит ли оно что-нибудь для вечности, сопричастен ли я времени в целом?

Проблема вечности гораздо меньше занимает обыденное сознание, чем проблема времени: как писал Борхес в своей знаменитой «Истории вечности», «время для нас – проблема жгучая и настоятельная, и, возможно, во всей метафизике самая жизненно актуальная, вечность же – игра и докучливая мечта» [3, с.455]. Однако любые попытки понять смыслы собственного существования, протекающего во времени, делают очевидной их (смыслов) зависимость от того, как понимаются отношения времени и вечности.

Вечность – застывшее время? Бесконечное вмещилище всех «времен»? Бесконечная длительность? Но, хотя бесконечную длительность вечности можно представить сложенной из бесконечного количества конечных частей, она не увеличивается прибавлением, не «растягивается», подобно бесконечному пространству Аристотеля, а дана вся сразу.

Борхес совершенно справедливо замечает, что при всей привычности для нас идеи Платона о том, что время есть текучий образ вечности, сохраняется привычное убеждение, что вечность соткана из времени [3, с.455]. Однако то, что «очевидно» обыденному сознанию, по размышлению оказывается неразрешимым парадоксом. Попытка рационального анализа «частей» вечности приводила к логическому тупику многих мыслителей, начиная с Аристотеля и Августина Блаженного.

Вечность может быть понята как актуальная бесконечность, то есть все прошедшее время и потенциальная бесконечность, то есть все будущее время, которое переливается в настоящее и прошлое. Таким образом, вечность, включая в себя различные модусы времени (прошлое, настоящее, будущее) оказывается составленной из них. Из чего же состоит время? Вероятно, из неких моментов, или точек «теперь». А значит, вечность есть бесконечная длительность, состоящая из точек «теперь». Но какую продолжительность имеет это «теперь»? Если время – точка на бесконечной прямой, которая не имеет протяженности, то как из нее может складываться континуум вечности? А если точка – нечто, то что она такое и какова ее связь с континуумом, представляющим нечто непрерывное и единое, не имеющее частей?

Если время представить как бесконечно делимое, то настоящее стягивается в точку с нулевой продолжительностью. Настоящее исчезает, а вместе с ним и другие модусы – прошлое и будущее, так как они определяются относительно настоящего. Следовательно, время исчезает, и если я существую только во времени – меня нет. Что значит мое конечное время, включенное в вечность? Единица, добавленная к бесконечности, никак ее не увеличивает, писал Б. Паскаль [5, с. 163], она не становится от этого «бесконеч-

нее». И наоборот – если у вечности отнять время, данное мне в пользование, она не уменьшится ни на йоту. Понять это – значит, согласиться с участью «единицы, поделенной на бесконечность» (выражение Г. Померанца).

Время и вечность противоположны, но эта противоположность снимается (или принимает диалектический характер) применительно к человеческому существованию. Временное по определению человеческое существование, заключенное в конкретные границы, получает онтологическую основательность, встраиваясь в целое вечности через эмоционально переживаемую связь с прошлым (поиски истоков, «дальних собеседников», воспоминания) и с будущим (в мечтах, фантазиях, отцовстве, творчестве). По словам Э. Левинаса, «время, внутри которого за-

рождается устремленное в бесконечность бытие, выходит за пределы возможного» [4, с. 258]. Тем самым временное простирается в вечное, делая границы существования менее очевидными и непроницаемыми. Так экзистенциальное время преодолевает власть времени метафизического.

Можно, вероятно, смириться с тем, что жизнь конечна и кратковременна, но невозможно – с тем, что она ничто. А потому время моего существования – неместилище, а содержание этого существования, то есть мое время и я – одно и то же. При всей тщетности попыток овладеть временем, эта интенция преодолеть его односторонность, необратимость, ограниченность неизбывна, поскольку отвечает глубокой экзистенциальной потребности человека.

Литература

1. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. – М., 1994.
2. Блаженный Августин. Исповедь // Блаженный Августин. Творения в 4 тт. Т.1./ Сост. и подг. текста С.И. Еремеева. – СПб: Алетейя, 1998.
3. Борхес Х.Л. Стихотворения. Новеллы. Эссе. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «АСТ», 2003.
4. Левинас Э. Избранное: Тотальность и Бесконечное. – М.; СПб.: Универс. кн., 2000.
5. Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
6. Савицкий Д. Ниоткуда с любовью. – М.: Радуга, 1990.
7. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. – Кемеровское кн. изд-во, 1986.

PHILOLOGY

ЛАКУНА И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА КАК КАТЕГОРИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

LACUNA AND CULTURE-SPECIFIC VOCABULARY AS THE CATEGORIES OF THE COMPARATIVE LANGUACULTURE

Полякова Г.М.

*Московский государственный областной социально-гуманитарный институт,
Коломна, Московская область, Россия*

Polyakova G.M.

*Moscow State Region Institute of Humanities and Social Studies,
Kolomna, Moscow Region, Russia*

В статье рассматривается новое филологическое направление – сопоставительная лингвокультурология, ее предмет, объект, цель и задачи. Устанавливается, что данное активно развивающееся научное направление в качестве своего инструмента использует лексику с национально-культурным компонентом – лакуну и безэквивалентную лексику. В статье дается характеристика данных категорий и приводятся примеры.

Ключевые слова: сопоставительная лингвокультурология, лакуна, безэквивалентная лексика.

The article is dedicated to the observation of the comparative languaculture as a new philological trend, its subject, object, goals and research tasks. It is stated that this particular rapidly developing scientific trend tools lexis with national-cultural component – lacuna and culture-specific vocabulary. The article describes these categories and provides examples.

Keywords: comparative languaculture, lacuna, culture-specific vocabulary.

В современном мире в период глобальных изменений в политической, экономической и культурной жизни общества, остро встает вопрос о сохранении языковой и культурной самобытности отдельных наций и народов. Именно поэтому изучение взаимосвязи и взаимодействия триады

«язык – культура – человек» способствует новому витку в развитии теории культурологической лингвистики.

В русле этих тенденций возникают новые лингвистические дисциплины культурологического направления. Особое место среди них занимает лингвокультурология, возникшая в начале 1990-х гг. на стыке лингвистики и культурологии и призванная описать современное направление изучения функционирования языка во взаимодействии с культурой и личностью, учитывая духовные ценности национально-культурной общности.

На сегодняшний день в связи с потребностью выявления универсальных черт языкового материала, стремлением описать национальную картину мира носителей разных языков, необходимостью совершенствования двуязычных словарей, интересом к изучению национальной специфики семантики и языкового мышления наблюдается рост интереса к сопоставительным исследованиям практической направленности. Благодаря этому мы можем говорить о возникновении нового лингвистического направления – *сопоставительной лингвокультурологии*.

В нашем понимании, *сопоставительная лингвокультурология – это новое научное направление, которое изучает процессы взаимодействия и взаимосвязи языков, культур и наций как целостных структур единиц в единстве их языковых и внеязыковых (культурных) содержаний сквозь призму родного языка, с ориентацией на новую жизнь общества, систему культурных ценностей, обусловленных новым мышлением*.

Объектом сопоставительной лингвокультурологии нам представляются единицы любого уровня языка (фонемы, слова, грамматические явления, текст) в качестве элементов взаимодействия двух и более сопоставляемых культур, ко-

торые находят отражение в сознании людей (нации/личности) и транслируют полученную культурную информацию посредством языка.

Предметом сопоставительной лингвокультурологии являются сходства и различия двух и более культур, зафиксированных в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, художественных текстах, фразеологизмах, метафорах, символах и т.д., нашедших отражение в языковых единицах, выявленных на материале сопоставляемых языков.

Цель сопоставительной лингвокультурологии заключается в системном сравнении двух или нескольких культур, отраженных в языке, для обнаружения сходств и различий в их диалектическом взаимодействии и развитии; «в разработке понятийного ряда, который способствует формированию современного культурологического мышления» [1]; в выявлении схождения и расхождения в использовании языковых средств различными языками [2].

С нашей точки зрения, *задачами* сопоставительной лингвокультурологии являются следующие:

- сопоставить два и более разносистемных языка в сравнении с родным языком;
- исследовать и описать культурные пространства сопоставляемых языков и культур, учитывая системы родного языка;
- выявить специфику культурного фона каждого из сопоставляемых языков;
- изучить способы, которыми каждый из языков воплощает в своих единицах, хранит и передает культуру.

Необходимо отметить, что сопоставительная лингвокультурология – это активно развивающееся сегодня научное направление, которое обладает системой категорий, отражающих специфику проблематики данной области знания и раз-

нообразии подходов к исследованию культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке.

Для процесса сопоставления и сравнения языков важны единицы, которые впоследствии раскрывают культурное и национальное своеобразие народа. В нашем представлении такими единицами являются *лакуна* и *безэквивалентная лексика*.

Соприкасаясь с другой культурой, человек интуитивно воспринимает ее сквозь призму своей локальной культуры, вследствие чего неизбежно возникает различной степени непонимания и расхождения. В российской науке наибольший интерес представляют попытки описания таких расхождений с помощью понятия «лакуна». Так как основной задачей сопоставительной лингвокультурологии является сопоставление языков и культур, мы полагаем, что единицей лингвокультурологического исследования могла бы стать *лакуна* – «белое пятно на семантической карте языка» [3. С. 120], свидетельствующее о расхождении, несовпадении культур, языков, мировоззрения. Лакуны (от лат. *lacuna* – пробел) – это «пробелы», «пустоты» в познании, «противоречия» и «темные места» в тексте, коммуникации. По мнению некоторых ученых, данный термин сужает методологическую базу лингвокультурологии, но при этом остается важным для сопоставительной лингвокультурологии, ибо «лакуны, вообще говоря, это термин для того, что есть в одной локальной культуре, и чего нет в другой» [4. С. 85]. В структурах повседневности лакуны постоянно возникают как «ситуации непонимания», «ситуации неправильного перевода» при взаимодействии разных языков, культур и народов. Лакуна позволяет анализировать и несовпадения, но и фиксировать национально-культурную специфику сопоставляемых языков и культур. Таким образом, лакуна – это несовпадение, возникающее при сопоставлении культур-

ных, языковых, эмоциональных и других категорий двух или нескольких культурных общностей, приводящее к их отчуждению. Это отчуждение выражается в наличии своеобразной культурной, политической, языковой, эмоциональной дистанции между социальными общностями и группами. Так английским названиям женской обуви *flats* (туфли без каблука) и *stilettos* (туфли на шпильке) соответствует русское слово *туфли*. В русском языке используется ЛЕ *комбинезон*, а в английском мы находим 5 наименований, обозначающих различные виды комбинезонов: *body stocking* (прозрачный обтягивающий комбинезон), *bodysuit* (прозрачный обтягивающий комбинезон), *unitard* (плотно обтягивающий комбинезон), *cat suit* (кэтсьют – плотно облегающий фигуру комбинезон, который изготавливается из латекса, кожи или тонкого трикотажа), *dungarees* (комбинезон с тканевой накладкой на груди).

В любом языке существуют слова, не имеющие эквивалента в других языках. Это так называемая *безэквивалентная лексика*, в основном – обозначения специфических явлений определенной культуры. Под безэквивалентной лексикой, согласно лингвострановедческой теории слова, понимаются слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в другом языке, а также слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка к которому они принадлежат [5. С. 53]. Это часть лексики с национально-культурным компонентом значения, не имеющая лексических соответствий в других языках. Причиной может быть как отсутствие в жизни того или иного этнического сообщества соответствующих реалий, так и отсутствие однословного эквивалента для обозначения этих реалий. В этом случае лексические единицы либо заимствуются, либо переводятся описательно. Например, английские названия мужской обуви: *oxford shoes* – *оксфорды* –

классические кожаные мужские полуботинки на шнурках со специальной перфорацией и строчкой. Эта обувь стала популярна в Великобритании благодаря Оксфордскому университету, где такие ботинки носили с XIX века. В английском языке в числе безэквивалентной лексики также часто встречаются названия верхней одежды, например: *dreadnought* – *дредноут* – пальто из толстого сукна, которое защищает от ветра и холода. На наш взгляд эта лексическая единица в данном значении появилась от названия военного корабля британского флота, спущенного на воду в начале XX века. Мы считаем что, что в качестве

обозначения верхней одежды данная лексическая единица стала функционировать потому, что члены экипажа носили пальто такого рода.

Таким образом, необходимо отметить, что сопоставительная лингвокультурология, которая сегодня является активно развивающимся филологическим направлением, призвана раскрывать лингвокультурные индивидуальности сообществ. В качестве ее инструментов используются категории, которые помогают выявить национально-культурные компоненты лексических единиц исследуемых лингвокультур – *лакуна* и *безэквивалентная лексика*.

Литература

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
2. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – С. 5-17.
3. Степанов Ю.С. Французская стилистика. / Ю.С. Степанов. – М.: Высшая школа, 1965. – 355 с.
4. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1989. – 197 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 235 с.

ОТ СИНЕСТЕЗИИ И СИНТЕЗА ИСКУССТВ К ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

FROM SYNESTHESIA AND SYNTHESIS OF ARTS TO INTERMEDIALITY: THEORETICAL ASPECT

Петрова С.А.

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия

Petrova S.A.

Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia

В статье рассматриваются понятия «синестезия», «синтез искусств» и «интермедialность» в ракурсе традиционной и инновационной точек зрения в литературоведении. Представлены разработки исследования проблемы организации художественного произведения как особого художественного пространства, в котором проявляется феномен «семантического стереофонизма» в случае интермедialных связей.

Ключевые слова: *интермедialность, синтез искусств, информация в искусстве, семантический стереофонизм, синестезия.*

In article the concepts «synesthesia», «synthesis of arts» and «intermediality» in a foreshortening of the traditional and innovative points of view in literary theory are considered. This is the research of literature structure as the special art space in which the phenomenon of a «semantic stereofonizm» in case of intermedial communications is shown.

Keywords: *intermediality, synthesis of arts, information in arts, synesthesia, semantic stereofonizm.*

Феномен синтеза искусств возник с появления и дифференциации разных видов искусств в общей эстетике ещё со времён «Поэтики» Аристотеля. Первые формулировки этого взаимодействия были сделаны в XVIII веке (Ш. Батте, Г.Э. Лессинг). Синтез искусств – «совершенно новое единство, восстанавливаемое из полностью определившихся различий между отдельными видами художественного творчества» [12, с.6]. Происходит взаимодействие противоположных, по сути, начал, которые на основе своих противоречий создают определённого рода конфликт между собой. На уровне преодоления этого конфликта происходит сочетание разных видов искусств в новую художественно-синтетическую реальность. Исходной же теоретической предпосылкой такого синтеза исследователи определяют диалектику интегративного взаимодействия искусства и жизни, т.е. художественной и нехудожественной реальности. Цель данной работы – исследование теоретического аспекта в развитии интермедialной теории. Материал исследования – теоретические труды российских и зарубежных учёных.

Манифестация значения одного искусства

через язык другого имеет синестезийную основу, т.е. характеризуется определёнными свойствами сознания автора. С точки зрения психологии, синестезия – «слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, разнородную, например, при цветном слухе качества зрительной сферы на слуховую» [14, с. 192]. С точки зрения лингвистического подхода, как пишет М.Я. Сабанадзе, синестезия представляет собой «сложный многоуровневый лингвопсихологический феномен, заключающийся в том, что ощущения сенсорной модальности вызывают вторичное ощущение другой модальности либо определённую эмоцию; результат на психофизиологическом уровне – перенос качества ощущения, результат на лингвистическом уровне – перенос значений» [15, с.13]. В искусствоведении Б.М. Галеев, посвятивший много литературоведческих трудов проблемам синестезии, определил, что этот феномен в искусстве представляет собой сущностное свойство мышления [8]. Это специфическая форма взаимодействия в целостной системе чувственного отражения, которая содействует выполнению компенсаторных функций по

опосредованному возмещению неполноты самой чувственности в моносенсорных искусствах [8]. В литературоведении синестезия определяется как специфический троп и стилистическая фигура, связанные с межчувственными переносами и сопоставлениями. Синестетичность стала, по сути, одним из атрибутов символизма, выразившись в синтезе искусств, т.н. «смешение чувств». «Синестезия и конкретно «цветной слух» представлялись как знак высокой художественности, синонимом которой считались эзотеричность, элитарность и синтетичность (понимаемая как «панмузыкальность»))» [8, с.18].

Имеется значительное количество работ, в которых учёные рассматривают проблему синтеза искусств и синестезии в различных аспектах: с одной стороны, как вопросы историко-культурного характера, с другой – как вопросы, посвящённые исключительно взаимодействию отдельно взятых видов искусств, в частности, вопросы словесного искусства и музыки или живописи и поэзии, и др., т.е. на уровне поэтики, использования художественных средств и приёмов. Например, проблема взаимодействия музыки и слова достаточно глубоко освещена и в литературоведении, и в музыковедении. Так, ещё в XIX в. были переведены с немецкого работы, посвящённые этому вопросу: А.В. Амброс «Границы музыки и поэзии: Этюд из области музыкальной эстетики» (М., 1889) [1], Э. Ганслик «О музыкально-прекрасном: Опыт поверки музыкальной эстетики» (М., 1895) [9]. Как известно, А.Н. Веселовский вывел генеалогическое родство двух искусств в синкретическом жанре песни, существовавшем в начале человеческой истории [6]. Б.М. Эйхенбаум отмечал в своей работе «Мелодика русского лирического стиха»: «Термин «мелодика» вызывает ассоциации с музыкой. Но если употребить его не в расширенно-метафорическом смысле, то ассоциация эта оказывается совершенно закон-

ной. Искусства тоже не только дифференцируются, но и тяготеют попеременно друг к другу» [19, с.342]. Полемизирующий с ним В.М. Жирмунский писал в своей статье по поводу этой проблемы так: «слово не создано специально для целей искусства, как организованный всецело по художественному принципу абстрактный материал тонов, которыми пользуется музыка: слово, прежде всего, служит практическому заданию общения между людьми... Итак, для искусств тематических, как живопись, скульптура, поэзия, сравнение с беспредметными искусствами (музыкой, орнаментом) возможно лишь в тех пределах, в которых не выступают специфические особенности обеих групп, обусловленные присутствием или отсутствием тематического элемента» [10, с.169].

Идеи В.М. Жирмунского важно учитывать для понимания пределов аналогии между словесным и музыкальным искусством, как пишет другой учёный - Е.Эткинд, но в то же время последний доказывает, что «у поэзии и музыки и меньше общего, чем принято думать, и гораздо больше, чем кажется» [20, с.186]. В русской науке XX в. развиваются тенденции исследования взаимодействия музыки и поэзии в ракурсе их взаимовлияния и синтеза на фонетическом, лексико-семантическом, композиционном уровнях. Фундаментальными можно назвать монографии В.А. Васиной-Гроссман «Музыка и поэтическое слово» (В 3-х частях) [5], Е.Н. Азначеевой «Музыкальные принципы организации литературно-художественного текста» (В 3-х частях) [1], и др., а также сборники статей «Взаимодействие и синтез искусств» (1978) [7], «Поэзия и музыка» (1973) [13], «Слово и музыка: памяти А.В. Михайлова» (2002) [16] и др.

С другой стороны, в рамках компаративистики в европейской и американской науке в 1950-1960-х гг. сформировалась новая методология –

интермедиальность, целью которой стало исследование проблем междисциплинарных связей, собственно – явлений синтеза искусств [11]. При изучении интермедиальных корреляций искусства возникла проблема отличия непосредственно художественного синтеза, представленного такими жанрами как опера, пантомима в театре и кинематограф, от синтетических жанров, которые возникли как явления взаимодействия искусств в рамках мономедийной презентации, где присутствует главенствующий язык [11; 21]. Для таких явлений и был введён термин – интермедиальность, по аналогии с интертекстуальностью [11; 21].

В российском литературоведении эта дисциплина стала дифференцироваться в конце последнего десятилетия двадцатого века. Сейчас есть несколько точек зрения на определение интермедиальности. Первая представлена в работах Н. В. Тишуниной: «1. Интермедиальность – это особый способ организации художественного текста, особый тип внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанный на взаимодействии художественных кодов разных видов искусств;

2. Интермедиальность – это создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры (или создание художественного «метаязыка» культуры), специфическая форма диалога культур, осуществляемая посредством взаимодействия художественных референций;

3. Интермедиальность – это специфическая методология анализа и отдельного художественного произведения, и языка художественной культуры в целом, опирающаяся на принципы междисциплинарных исследований» [17, с.153].

Другую точку зрения развивает в своих исследованиях И.Е. Борисова о том, что интермедиальные связи представляют собой частный случай интертекстуальности [3, с.130]. Эта точка

зрения не учитывает взаимодействия именно неоднородных средств организации художественной сферы, создаваемой в различных видах искусств соответственно по-разному. Также и термины «синтетический» или «синтез» не совсем точно отражают специфику явления, указывая только на некое соединение чего-либо, а не на взаимодействие на уровне средства организации художественного материала.

В 1980-ых годах в мировой науке стала развиваться теория коммуникации с ее проблематикой «медиальности», средств передачи и хранения информации (Medientheorie, Medium). Один из известных учёных этого направления М.Маклюэн в своих ярких работах, посвященных коммуникации, выделил проблематику интермедиальности из замкнутости лишь в сферах истории искусств, развивая идею средств коммуникации как продления человеческого тела и средств коммуникации как определённого рода послания, передачи информации [22]. «В коммуникативно-семиотическом аспекте интермедиальности выстраивается своего рода иерархия по степени коммуникативной насыщенности: моно-, интер- и мультимедиальность, где последний термин, являясь традиционно термином социологии и семиотики коммуникаций, сейчас также вошел в сферу, так сказать, эстетико-интермедиальных исследований» [4, с. 386].

Именно с точки зрения теории информации М. Маклюэн так определял феномен интермедиальных связей разных искусств: «Гибридное смешение или встреча двух средств коммуникации – момент истины и открывания, из которого рождается новая форма. Ибо проведение параллели между двумя средствами коммуникации удерживает нас на границах между формами (...) Момент встречи средств коммуникации – это момент свободы и вызволения из обыденного транса и оцепенения, которые были навязаны этими средства-

ми нашим органам чувств» [22, в переводе с англ. с. 67]. Он также выделял новаторскую функцию синтеза искусств, определяя каждое из них разным, по формальным признакам, средством коммуникации, передающим определённую информацию. В рамках разработок М. Маклюэна одна из особенностей методологии интермедиального анализа заключается в том, что исследователю необходимо рассматривать произведение как образованное несколькими информационными источниками семантическое поле [22].

Развивая данную теорию, добавим, что информационные источники акцентируют заданную тему в художественном пространстве с помощью разных средств, медиа, подобно записи на различных каналах. Благодаря этому приёму создаётся особая объёмная картина мира, идейное содержание которой существует на нескольких плоскостях, взаимодополняющих друг друга, но при этом подчинённых одной общей теме – это можно обозначить как «семантический стереофонизм». Чтобы объяснить этот приём, обратим внимание на то, что художественное произведение как высказывание является источником различного рода информации: и лингвистической, и культурологической, и исторической, и т.п. В своих исследованиях Ежи Фарино отмечал, что высказывания, рассматриваемые как объекты, целесообразно определять источниками, а то содержание, которое они в себе несут, как – информация [18]. В целом, семантика произведения имеет свойства информационного пространства:

1. вычленяемость элементов из общего потока,
2. дискретность,
3. дифференцированность и некоторая неопределённость вычленяемого, которая преодолевается с помощью раскрытия принципов организации объекта [18].

В результате нашего исследования обозначим следующее: организация текста происходит на разных языковых уровнях. В то же время в самом произведении могут быть задействованы и элементы других семиотических кодов. Данные элементы-знаки в текстовой иерархии выступают равноправными источниками информации по сравнению с основным материалом, т.е. словесным. С одной стороны, это также лингвистическим образом выраженные элементы, но с другой – они участвуют в ином эстетическом пространстве в качестве не только словесных обозначений, но и как части другого искусства, другого источника информации. Например, название картины – это и определённое выражение, составленное из слов, в то же время и обозначение объекта живописи, знак невербального искусства. Участвуя в вербальном контексте, этот знак становится особого рода субъектом, требующим обращения к тому художественному миру, который он представляет. Картина как произведение искусства – также источник информации, включающий свою информационную линию в общую семантическую сферу произведения, – становится структурирующим моментом. Данное взаимодействие основывается на принципах интермедиальных связей и приводит к феномену «семантического стереофонизма». Для определения «семантического стереофонизма» напомним, что стереозвучание достигается при звукозаписи с помощью фиксирования сигналов от разных микрофонов отдельно по нескольким каналам, воспроизведение при этом также раздельное, но одновременное, чем достигается объёмность музыкальной темы. Смысл произведения формируется, будучи записанным и воспроизводимым из различных информационных источников. Картина, музыкальное произведение, скульптура и т.д. также являются информационными эстетическими структурами, разница между которы-

ми – в средствах, в медиа, с помощью чего передаётся смысл. «Семантический стереофонизм» возможен только при наличии интермедиальных связей. Таким образом, участвуя в одном худо-

жественном пространстве, разные по средствам организации источники информации создают общий смысл, организуют объёмную семантическую сферу в рамках одного дискурса.

Литература

1. Азначеева, Е.Н. Музыкальные принципы организации литературно-художественного текста. [В 3 ч.]. – Пермь, 1994.
2. Амброс, А.В. Границы музыки и поэзии: Этюд из области музыкальной эстетики. - СПб.- М., 1889.
3. Борисова, И.Е. «Моцарт и Сальери»: Интермедиальность как ключ к пушкинскому тексту // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. - W-wa, 2000.- №5.
4. Борисова И. Е. Zeno is here: В защиту интермедиальности. (Рец. На кн.: Слово и музыка. М., 2002) // *Новое литературное обозрение*. - №65 – 2004.
5. Васина-Гроссман В.А. Музыка и поэтическое слово. В 3-х частях. - М., 1972-1978.
6. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
7. Взаимодействие и синтез искусств. Сб.ст.// Под ред. Д.Д. Благого, Б.Ф. Егорова и др.- Л., 1978.
8. Галеев, Б.М. Человек, искусство, техника (Проблема синестезии в искусстве). - Казань, 1987.
9. Ганслик. Э. О музыкально-прекрасном: Опыт проверки музыкальной эстетики. - М., 1895
10. Жирмунский В.М. К вопросу о «формальном методе» // Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. - Л. 1928.
11. Крауклис Р.Г. Музыка в философско-поэтическом мире О. Мандельштама: автореф. дис.... канд. филол. – СПб., 2006.
12. Мазаев А.И. Проблема синтеза искусств в эстетике русского символизма. - М., 1992.
13. Поэзия и музыка. Сб. ст. и исследований / Ред. кол. В.А. Васина-Гроссман и др. - М., 1973.
14. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – М., 1946.
15. Сабанадзе, М.Я. Синестезия в подязыке музыковедения. (На материале английского языка). Автореферат дис...канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1987.
16. Слово и музыка: Памяти А.В. Михайлова: Материалы науч. конф. / Каф. истории рус.музыки. Ред.-сост. Е.И. Чигарева д.иск.,проф. и др. – М. : МГК, 2002.
17. Тишунина Н.В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию проф. М.С. Кагана. Материалы международной научной конф. 18 мая 2001 г. - СПб. Серия «Symposium». - Выпуск №12, - СПб., 2001.
18. Фарино Е. Введение в литературоведение. - СПб., 2004.
19. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. - Л., 1969.
20. Эткинд Е. От словесной имитации к симфонизму // Поэзия и музыка. - М., 1973.
21. Hansen-Löve A. Intermedialität und Intertextualität Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst – am Beispiel der russischen Moderne // *Wiener Slawistischer Almanach*.- Sbd.11.- Wien, 1983.

22. McLuhan M. The Medium Is the Message: An Inventory of Effects. - New York, 1989 // Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. - М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.

«STRATUM» AS THE SEMANTIC MODALITY OF A POSTMODERN TEXT

Sizykh O.V.

*North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia*

In the article an approach of the sense stratification as the most adequate one for interpreting a modern postmodernist text has been presented. Two models of the semantic analysis of bells lettres – «A fable story» and «Reminiscence story» – have been developed, which consider a narrative aesthetics of postmodernism.

Keywords: *modern literature, postmodernism, semantic modality, strata, V.V. Bykov.*

The art of understanding a text established itself a long time ago, back in the Middle Ages; and, on the one hand, today it is one of the main trends of modern philosophy. On the other hand, hermeneutics, the theory and methodology of text interpretation and philological criticism discipline, deals with decoding the textual meaning. Cultural objects, art masterpieces, can represent the textual meaning. The philosophical method of text analysis was developed in the works of such distinguished hermeneutics representatives, as M. Heidegger, H. Gadamer, F. Schleiermacher, P. Ricoeur, V. Dilthey, and E. Derrida. Philosophers of the postmodernist period and the poststructuralists, such as G. Deleuze and R. Barthes, the analytical psychologist F. Guattari and others tried to make a maximum thorough analysis of the author's text, which as they state, sends the reader a very serious message. A problem that

remains unsolved in the modern literary science is the problem of getting the exact idea of the text.

This work suggests and explains the semantic stratification approach as one of the possible approaches to the postmodern text analysis. G. Deleuze and F. Guattari [4] developed the approach based on the theory of rhizomorphism. The theory is based on the concept of rhizoma.

Modality is understood as the reader's semantic assessment of the text. The sphere of semantic modality includes a number of literature work categories: composition, extra-narrative elements, and character-creating devices.

The approach is based on the following postulates of Postmodernism:

- 1) Rhizoma is an alternative concept based on the assumption that text has infinite meanings;
- 2) Rhizoma refutes the constancy of a text;

3) The rhizomorphic textual environment consists of semantic units named «strata».

Our goal in the process of working on the approach was to find a research technique that would allow the analysis of a text in line with the author's idea; particularly, in consonance with the understanding of the aspects related to some narrative elements of a postmodern text, namely the theme and the problem. The text of a work of fiction is regarded, according to R. Barthes, as «text-work» [1].

The semantic stratification approach is aimed at completing the following tasks:

1) To reveal the underlying message of a text (the meaning of the fiction text in the context of the author's story line);

2) To consider the literary and cultural context (traditions, the problems and themes covered in the text);

3) To transform the meaning of the text based on the underlying message and context.

Thus, the approach takes into account discourse (the author and the reader of the text) and it is based on the following principles:

1) The text consists of «strata» – «the units of meaning»,

2) Each «strata» highlights the plot line,

3) «Strata» has a semantic surrounding, the details,

4) «Strata» cross each other in the text, resulting in climax points in the plot development,

5) The movement from one «strata» to another signifies the change of events; the same can be said about the «strata's» disappearance.

The «strata» attains its own semantics through story details by highlighting the plot line («the line of meaning disappearance»). Citations, allusions give the text new meaning that the reader is supposed to see and understand.

The appropriateness of the approach has been proved, first of all, by successfully singling out the narrative trajectories shaping the author's and reader's discourse, and, secondly, by the fact that the specific character of the narrative of a postmodern text is recognized by the approach.

The aim of the semantic stratification approach is to solve the following problems:

1) To reveal the implied sense of the text, using details (the meaning of the text in the author's plot)

2) To consider the cultural and literary context (tradition)

3) To transform the textual meaning on the basis of the subtext and context

We used V.V. Bykov's stories of the later war period that have the features of postmodern esthetics, to illustrate the developed approach.

The study of stories implies: 1) text interpretation, which contains the author's myth – a story told by the author, 2) realization of the unique character of regarding traditional themes and images, the Great Patriotic War of 1941-1945 in particular that is regarded as stereotypical from the point of view of ideological perception.

Two models of a postmodernist text analysis are developed and suggested (based on V.V. Bykov's stories [2; 3]).

The model «A fable story»

Stratum 1.

Stratum 2.

Stratum 3.

Stratum 2 + Stratum 3 = a new event (Stratum 4), which is the ending of the story.

All the strata contain detail, but their functions are different.

According to their functions, strata can be divided into two groups. They are – background details (secondary, or natural), for example, the ones

that reproduce the cultural and general details; and semantic details, the basic details that tell the reader new information about the character, information that is important for our understanding of the theme, the problem and the idea of the story and so on. We consider the details of the second group. There can be allusions in each stratum, but they can also be omitted. Allusion in a stratum adds extra meaning to the text of the story and activates literary traditions. After the textological analysis of the strata, details and allusion, we come to an interpretation of the author's text, which, in our opinion, help the reader to understand the author's idea.

The «Anti-aircraft gunner woman» story [2]

The text consists of «strata» that highlight the plot lines, based on the characters' rivalry.

Stratum 1. «A short front-line happiness»: «dark, moonless night with the scattered dust of the Milky Way», «cavin», «quiet sky with a few clouds». There are background details in these examples, but no allusions.

Stratum 2. «A horrific whirl of a fire combat»: «numerous deep swirls», «a veiled quietness of the night», «the blackness of the trees' saw-edged heights». There are background details, but no allusions.

Stratum 3. «A silent love»: «rough affection», «bare legs», «chilled boots over the night». There are background details. In this stratum, the author adds the heroine's surname – Bashmakova (Bashmak – boot, shoe (lit.)). This detail allusion signifies the tradition of the Russian literature – the image of a «small person».

Stratum 2 and Stratum 3 = «... a sudden outburst of a grudge» (Strata 4): «As always, *his handsome steel-colored face*, inspired with determination», «but *something black and evil*, arose inside her, and only one word echoed in her thoughts – traitor!» The final scene is where the anti-aircraft gunner woman

shoots down the battalion chief.

A textological comment. Nina Bashmakova, the anti-aircraft gunner woman and Nikolay Kolesnik, the battalion chief were surrounded by the enemy and tried to escape from the trap. The battalion commander is the only one, who survived and by some miracle escaped the court martial a few times and he realizes that he cannot rush to his soldiers, without been injured. His offer scared and surprised the patriotic Nina, «... choking from a strange outburst of a grudge, she pulled the pin for an automatic fire and raised her rifle».

The path of «short front-line happiness» (Stratum 1) that is interrupted several times in the story, disappears completely. The anti-aircraft gunner woman Bashmakova that resembles a «small person», due to her psychological organization and surname, kills Nikolay Kolesnik. The line of the second strata is also interrupted; it appears in the new plot variants and gives the plot a tragic perspective. It crosses with the third stratum, which gives the text its trench lyricism, and then creates the next «disappearing line» – «the touch of demanding hands» – and sharply brings forth the next event in the text: «She didn't turn back anymore and was no longer interested in the person that she shot down. Nobody asked her questions about it, when she came to her mates. How could she have known that in that caponier there remained the father of her son, whom she gave birth to in winter...»

Conclusion. The reader unmistakably forms the author's idea: The Great Patriotic War 1941-1945 becomes a drastic form of the person's rejection from the normal, regular life.

The «Reminiscence story» model

Stratum 1.

Stratum 2.

Stratum 3.

Stratum 4.

Stratum 1 + Stratum 2 + Stratum 3 – Stratum 4 = Stratum 5 (the ending of the story).

«*On the swamp point*» story [3]

The story is a case of adding reminiscences into the text. In doing so, the author imitates a dialogue text that becomes peculiar; it is a unity of the hero's words. Reminiscences in this case are the words. Owing to the reminiscences, the text resembles a collage of the heroine's several voices from the infinite past. The several voices of the heroine are her reminiscences at different age. The heroine's memories are presented in the text of the story using inner monologue. Each memory is a stratum in the text. The text of the story turns out to be unstable and open for a new meaning, because there are meaningful details in each reminiscence stratum. The plot of the story is a path of the heroine's memory, who recalls her life in the village, on her way to the place, where she shot the battalion chief down.

Stratum 1. «*Once a densely populated roadside village*»: «wretched, huts blackened with age», «*dogs have long since stopped barking*», «*there are... less people*». The italicized words express semantic details.

Stratum 2. «*An old little bridge across a swampy river*»: «bridge protection», «woods reaching the village», «police», «someone else's responsibility», «guerillas», «the Germans from the military reservation», «fear». These are all background details. The historic events allusion is expressed in the text using background details.

Stratum 3. «*A large peasant race*», «*teacher*», «baby Vladik», «mother-in-law», «Afanasy Petrovich». The italicized words are semantic details.

Stratum 4. «*A bloody tribe, gone crazy from blood*»: «sand pit», «poor guerilla», «a big chief». The italicized words are semantic details.

Stratum 5. «Pit»: «old pines whispered unrestfully», «a guy with a rifle on a sling-arm», «a

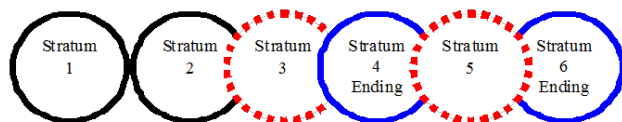
barely noticeable *path* to... a dark alder forest». The italicized word is a semantic detail.

Textological comment. The strata change is a peculiar artistic movement inside the text (the change of reminiscences) and it defines the path of the main heroine's deadly movement, thus explaining the title of the story. The word «*stezhka*» in Russian has several meanings: 1) a few pieces of material stitched together; 2) path. People used the Russian word «*stezhka*» in the second meaning a few decades ago and only in some Russian regions. In this sense the word «*stezhka*» means «an abandoned path». For this reason, the heroine recalls the moments of her life in the past walking on a path, and not a road. This is a semantic detail.

The image of the teacher lacks typical features: consciousness, sacrifice, a sense of making the right choice. The author focuses on developing the character's dialogue consciousness: «I am here to defend the people and not the bridge. The people could get shot». The teacher tries to prevent her fellow villagers from being killed, while the Germans made those villagers defend the bridge from any possible guerilla bomb attacks. The third stratum is eliminated due to an extreme situation that suddenly takes place – the guerillas decide to kill the woman, that they consider to be the «German's flunkie». Then the forth stratum appears: «A bloody tribe, gone crazy from blood». The social and historic layer appearing in the context of the heroine's reminiscences becomes very important; it sends the reader back to the historical fact using allusions. The forth stratum's plot line sharp disappearance and the fifth stratum appearance take place, the execution: «The light in the eyes vanished immediately, the alder forest keeled over, and she fell».

Conclusion. The reader forms the author's idea: war reflects the person's disappointment in the idea of a fight for freedom.

The variants of analysis of a postmodern text presented above can be unified. If we generalize V.V. Bykov's postmodern text observations, we will get the following universal model of semantic stratification:

The red circle represents strata, either joining with other strata, or disappearing in the story plot. The blue circle represents the ending of the story. There can be different amounts of strata in a fiction text. However, it should be kept in mind that the recommended approach to text analysis is aimed at short prose than any other prose, since the analysis of a larger prose requires more time and a more detailed text analysis.

Furthermore, the developed approach to fiction text analysis allows the scientist to get acquainted with the author's ontological model of the world. The author offers the reader his own form of world knowledge. The material, ideal and existential forms of relatedness are universal and many postmodern authors use them in the text. Modern prose writers mark stress on the existential root in a person's life. Today writers attempt to study the psychological problems of a person, who is in a state of disharmony with himself and the surroundings. Author links the depressive state of postmodern texts with social difficulties, including extreme situations that lead to the destruction of life standards.

Thus, in V.V. Bykov's stories, we deal with an ontological world model that demonstrates the instability of the universe. The plot's action speeding up or slowing down by shifting from one stratum to another or by moving to the previous stratum is the predominant feature of the text. The communicative environment in the V.V. Bykov's stories aims the reader toward decoding the traditional asset factors of the Great Patriotic War period of 1941-1945; he does so by actualizing the individual perception of the text. Decoding the poetic elements of V.V. Bykov's wartime story allows explaining the modifications of the plot's events, singling out the author's transformation of stereotypical conclusions, connected with the World War II. What we mean here, is the special perception of the author's text by a reader, where the author is crucially open for dialogue with the reader: the connecting channels are the social and historic associations, reminiscences and allusions.

The theoretical and practical meaning of the suggested approach to text analysis lies in an attempt to single out the main semantic units of the text, and to read fiction texts with as much objectiveness as possible; it also lies in the possibility to use the main principles and conclusions in teaching the Russian Literature of the XX century and the New Era course, in special courses as well as in school and scientific research.

Because of using the semantic stratification approach, the reader figures out the componential aspect of the story with a maximized distortion of the author's idea.

References

1. Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* (Selected Works: Semiotics. Poetics). Moscow, 1994.
2. Bykov V.V. *Stories* // *Star*. 1999. Vol. 5. P. 5-21.
3. Bykov V.V. *On the swamp point* // *Star*. 2001. Vol. 8. P. 6-21.
4. Deleuze, G., Guattari, F. *Rizoma* // *Philosophy of Postmodern*. A collection of translated works and abstracts. Minsk, 1996.

**БЫТИЙНЫЕ ЗАЧИНЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XX ВВ.:
ОПЫТ ГРАММАТИЧЕСКОГО И
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ**

**EXISTENTIAL INTRODUCTIONS IN THE RUSSIAN POETRY
OF XVII-XX CENTURIES: THE EXPERIENCE OF GRAMMATICAL
AND FUNCTIONAL-SEMANTIC DESCRIPTION**

Патроева Н.В.

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия*

Patroeva N.V.

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia*

В статье представлен опыт структурного, семантического, функционального и композиционного описания бытийных зачинов с предикатом ЕСТЬ. Выявлена возрастающая в направлении к середине 19 – началу 20 в. динамика в использовании экзистенциальных инициальных высказываний, а также активность некоторых групп существительных – номинаций субъектов бытия, локализаторов и квазилокализаторов.

Ключевые слова: поэтический зачин, бытийное предложение, экзистенциальное предложение.

The article presents the experience of the structural, semantic, functional and compositional description of existential introductions with a predicate «IS/ARE». The author revealed the dynamics in the use of existential initial statements which had been increasing by the middle of the 19th century – the beginning of the 20th century, as well as the activeness of some groups of nouns – nominations of existential subjects, localizers and quasi-localizers.

Keywords: poetic introduction, existential sentence.

В лирике, в отличие от других литературных родов, заглавие – не обязательный, а факультативный элемент текста. В стихотворениях без заглавий функцию наименования выполняет первая строка, репрезентирующая произведение во внешнем мире, играющая важную роль в процессе декодирования художественного целого, управления читательским восприятием: «первая

строка произведения задает жанр, размер, ритм, тему и очень часто отношение автора ко всему стихотворению» [1; с. 28] поэтому, очевидно, «относительная важность первой строки в поэзии выше, чем в прозе» [1; с. 28]. Само отсутствие заглавия является значимым, предоставляющим «большую свободу для интерпретации содержания стихотворения и может свидетельствовать

о возможности его неоднозначного толкования» [5; с. 58].

В русской синтаксической системе «сообщения о человеке – его личности, внешности, физическом состоянии, внутренних переживаниях, ...отношениях к другим людям и происходящих в его жизни событиях – обычно строятся по бытийной синтаксической модели» [2; с. 142]. Поскольку в поэзии, где «все события реальной действительности... оказываются погруженными в недра чьего-то сознания, становятся материалом чьих-то мыслей и чувств» [4; с. 177], преобладают зачины, содержащие сообщение о состоянии или мировидении лирического героя, т. е. связанные с категорией «Человек», можно предположить активность инициальных предложений экзистенциального типа. В качестве объекта специального рассмотрения были выбраны первые строки, включающие бытийный глагол в форме настоящего времени. Результаты сплошной выборки свидетельствует о росте числа бытийных зачинов в направлении к «золотому» и «серебряному веку» русской лирики: зачины с предикатом ЕСТЬ в поэтических произведениях малых жанров, относящихся к XVIII столетию, представлены всего 5-ю репрезентациями (2 – Дмитриев, 1 – Хемницер, 1 – Богданович, 1 – Кантемир); на протяжении XIX века количество подобных инициальных образований резко возрастает (107 случаев – 27 авторов), поэзия XX столетия демонстрирует еще более высокую их активность (131 пример – 28 авторов).

«Общим местом» при характеристике поэтического хронотопа со времен А. А. Потебни стало утверждение о том, что лирика – это «презенс» переживания внутреннего субъекта. Входящих в зачин глагол ЕСТЬ, относящийся к изображающим мир в состоянии некой данности и статики несюжетным процессным предикатам, обычно имеет семантику настоящего неактуального (по-

вторяющегося и постоянного) и идеально подходит для характеристики присущих всему роду человеческому ментальных состояний, выражения неких сентенций, общих суждений о жизни, всевременных процессов:

Во всяком роде есть безумцы и буяны...

(Дмитриев)

Есть граница между ночью и утром...

(Р. Рождественский)

На каждый звук есть эхо на земле...

(Тарковский)

Единичны репрезентации иного рода, когда форма ЕСТЬ получает грамматическое значение настоящего актуального или настоящего расширенного:

Есть еще вино в глубокой чашке... (Гумилев)

Есть у тебя еще отец и мать... (Цветаева)

Нет погоды над Диксоном. Есть метель.

Ветер есть. И снег. А погоды нет.

(Р. Рождественский)

Будет луна.

Есть уже немножко.

А вот и полная

повисла в воздухе... (Маяковский)

Панхронизм грамматической семантики дополняется исторически сложившейся многозначностью персональной природы формы ЕСТЬ, которая в русском языке национального периода используется для выражения идеи существования не только какого-либо класса объектов в позиции 3-го синтаксического лица, но и приложима также к говорящему и адресату (в силу совершившегося в истории русского языка вытеснения иных форм парадигмы презенса глагола БЫТЬ¹). Как кажется, воплощению предикатом

¹ В поэзии, где архаические явления сохраняются, как известно, дольше, чем в иных сферах языка, мы встречаем уже давно ушедшие из живого употребления и стилистически отмеченные формы БЫТЬ:

значения бытия вообще как не обусловленного чьим-либо волением процесса, независимо от Я-, ТЫ- или ОН- модусной рамки высказывания, способствует также омонимичность окончаний формы ЕСТЬ и инфинитива на –ТЬ.

Поэт представляет существование в мире описываемого далее, после зачина, явления как несомненное, видимое, слышимое или безошибочно угадываемое, прорицаемое интуитивно, постигаемое божественным озарением:

Есть бытие; но именем каким

Его назвать? Ни сон оно, ни бденье...

(Баратынский)

Все снится: дочь есть у меня... (Бунин)

Тем самым в бытийном предложении подчеркивается яркое модальное значение реальной экзистенции какого-либо предмета, не позволяющее представить тот же самый процесс как ирреальный (сослагательный, условный, оптативный, побудительный, долженствовательный по значению вариант бытийного предложения при сохранении исходного смысла «бытие объекта в мире» трудно представим), так что предложение в лирическом контексте, как правило, существенно сужает свои парадигматические возможности.

Интонация экзистенциальных зачинов, как правило, констатирующая, приглашающая читателя к совместному размышлению по поводу бытия некоего вдруг открывшегося поэту явления. Подчеркнуто эмоциональные вопросительные медитативные и риторические зачины занимают незначительное место в выбранном материале, не только диалогизируя лирический текст, но и

Я емь. Ты будешь. Между нами – бездна (М. Цветаева); *Я емь, доколе я один...* (Вяч. Иванов); *Аз и Емь лучит алмаз...* (Вяч. Иванов); *Ах ты гой еси, правда матушка!* (А. К. Толстой); *Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!* (М. Лермонтов).

являясь знаками сомнений лирического героя в возможности существования желаемого:

– Есть ли счастье на свете сильнее любви?

(М. Лохвицкая)

Ты, чистая звезда, скажи мне, есть ли там,

В селениях твоих, забвенье и покой?

(М. Лохвицкая)

До первой звезды есть ли звезды еще?

(Цветаева)

Есть тайна несказанная.

Но где, найду ли я? (Сологуб)

Не случайно идея существования какого-либо явления способна в поэтическом высказывании сосуществовать со знаками отрицательной модальности (негативными частицами и приставками), подчеркивающими недоступность, недостижимость, «несказанность», странность называемого объекта или же «неправильность», дисгармоничность, парадоксальность мироустройства: *Есть в земном творении Облики незримые, Глазу незаметные...* (Случевский); *Есть много звуков в сердца глубине, Неясных дум, непетых песен много...* (А. К. Толстой); *Есть много навсегда забытых впечатлений, Никем не понятых, никем не оцененных...* (Фофанов); *О, есть неповторимые слова...* (Ахматова); *Есть в литографиях забытых мастеров*

Неизъяснимое, но явное дыханье... (Г. Иванов); *Не с тобой мне есть угощенье, Не тебя мне просить прощенья...* (Ахматова); *...Есть недоступность чуда...* (Адамович); *Есть музыка неслышная во всем, что движется...* (Вс. Рождественский).

Бытийные конструкции с тесно взаимодействующими знаками негации и ассерции не только усиливают присущую лирике неопределенность субъекта существования, но и подчеркивают неоднозначность, множественность, «расщепленность» [6; с. 221] поэтической референции.

По этой причине сообщение о реальности бытия некоего феномена иногда совмещается в инициальном высказывании с показателями субъективной гипотетической модальности (1) или категории неопределенности:

(1) *Есть рыбы, говорят, которые летают!*

(Дмитриев)

Есть счастье у нас, поверьте... (Гиппиус)

Как будто есть, как будто нет...

Умру наверно, а воскресну ли? (Гиппиус)

(2) *Есть некий час, в ночи, всемирного*

молчанья... (Тютчев)

Есть что-то в ней, что красоты

прекрасней... (Баратынский)

Есть что-то знакомое, близкое мне...

(Кюхельбекер)

Есть старая песня, печальная песня одна...

(Григорьев)

Зловещее и смутное есть что-то

И в сумерках осенних и в дожде... (Фофанов)

Есть что-то грустное и в розовом рассвете,

И в звуках смеха, тонущих вдали...

(М. Лохвицкая)

Есть что-то позорное в мощи природы...

(Брюсов)

Где-то есть, за темной далью

Грозно зыблемой воды,

Берег вечного веселья... (Брюсов)

Есть одна хорошая песня у соловушки...

(Есенин)

Ведь где-то есть простая жизнь и свет...

(Ахматова)

У меня есть улыбка одна... (Ахматова)

В качестве субъектов экзистенции в поэтических зачинах выступают:

1) Личные одушевленные существительные: *люди* (Крылов, Кольцов, Лермонтов, Бальмонт), *женщины* (Мандельштам), *отец и мать* (Цветаева), *дитя* (Кантемир), *дети* (Надсон, Цветаева),

дочь (Бунин), *путники* (Вс. Рождественский), *безумцы, буяны* (Дмитриев), *прогрессист* (Вяземский), *подхалим* (Маяковский), *бесноватый* (Случевский), *лишние, добавочные* (М. Цветаева), *счастливицы и счастливицы* (Цветаева) – среди которых встречаются термины родства и имена-оценочные характеристики, а повторяющимися здесь оказываются лексемы *люди* и *дети*, участвующие в выражении общих суждений о сути человеческого характера, например:

Есть люди: мысли их и жесты

До оскорбительности ясны (Бальмонт)

Есть странные дети: веселья и шума

Бегут, как заразы, они... (Надсон).

2) Наименования объектов живой и неживой природы – *рыба* (Бальмонт), *рыбы* (Дмитриев), *зверь норок* (Кузмин), *птица* (Бальмонт), *птичка* (Лермонтов), *иволги* (Мандельштам); *роза* (Пушкин); *земля* (Тютчев, Случевский), *роща* (Козлов), *озеро* (Жуковский), *озера* (Вс. Рождественский), *небо, море* (Брюсов), *небесный свод* (Лермонтов), *звезды* (Цветаева), *луна* (Маяковский, Ходасевич), *другие планеты* (Бальмонт), *холм* (Блок), *ветки* (Майков), *колосья* (Цветаева), *закаты, заря* (Вс. Рождественский), *мхи* (Бунин).

3) Названия артефактов: *вино* (Гумилев), *книга* (Анненский), *кольцо* (Лохвицкая), *украшение* (Фет), *телеграф* (Тютчев), *предмет* – о короне (Случевский), *силуэт* – об изображении лица (Лермонтов), *сад* (Гиппиус), *Арка* (Вс. Рождественский), *собор* (Мандельштам), *домик* (Брюсов), *двери* (Есенин), *деньги* (Майков), *дача* (Батюшков), *палата* (Пушкин), *мостки* (Гиппиус), *грот* (Баратынский), часть из которых участвует в формировании лирического топоса. Конкретные реалии, очень не часто включаемые как субъект бытия в инициальное поэтическое высказывание, получают обычно неопределенные, условные характеристики, намеренно «остраня-

ются» в лирическом тексте, так чтобы узнавание и верификация предметов были крайне затруднительными для читателя, например:

*Мостки есть в саду, на пруду, в камышах.
Там, под вечер, как-то, гуляя,
Я видел русалку... (Гиппиус)
Есть кольцо у меня – изумруд
И рубин в сочетании странном горят...
(М. Лохвицкая)
Есть арка – такой не бывало:
Она никуда не ведет (Вс. Рождественский)
Есть грот. Наяда там в полдневные часы...
(Баратынский)*

4) Слова, связанные с мифологией, религией, библейскими легендами: *мир духов* (Вяч. Иванов), *духи зла* (Полежаев), *Творец* (Богданович), *Божий дар* (Гиппиус), *на небе сад* (Лохвицкая), *Зевс* (Вяч. Иванов), *демон* (Брюсов), *демон утра* (Блок), *пророки* (Гумилев), демонстрирующие интерес поэтов к тайнам божества и творения, инфернальным сущностям.

5) Формирующие ключевой хронотоп произведения: временные понятия – *время* (Некрасов), *времена* (Блок), *дни* (Блок), *годы* (Брюсов), *месяцы* (Брюсов), *пора* (Тютчев), *прошлые дни* (Брюсов), *минуты* (Фофанов, Блок), *часы и дни* (Тютчев), *час* (Хомяков, Тютчев, Ахматова, Цветаева), *ночи* (Жуковский, Случевский, Ходасевич), *мгновенье* (Тютчев), *мгновенья* (Некрасов, Случевский, Вяч. Иванов), *граница между ночью и утром* (Вс. Рождественский); поэтическое пространство – *место* (Лермонтов, Тютчев, Тушнова), *сторона* (Никитин), *край* (Бенедиктов, Некрасов, Плетнев), *угол на земле* (Баратынский), *страна* (Баратынский, Некрасов, Блок), *город* (Пушкин), *города* (Вс. Рождественский), *тропа* (Сологуб), *улица* (Брюсов), *зал* (Бальмонт).

6) Абстрактные сущности – самая многочисленная и разнообразная группа слов в поэ-

зии бытийствующих субъектов – названия состояний, эмоций, качеств, процессов и их проявлений, моральные и философские категории: *жизнь* (Кольцов), *жизнь и свет* (Ахматова), *бытие* (Баратынский), *причина* (Сельвинский), *закон* (Слуцкий), *вдохновение* (Сологуб), *любовь* (Бальмонт, Сологуб), *счастье* (Лохвицкая, Гиппиус), *горе* (Никитин, Лохвицкая), *прямота*, *честь*, *подвиги* (Цветаева), *радость* (Батюшков, Мережковский, Бальмонт), *радости* (Лохвицкая), *чувство* (Случевский), *чувство адское* (Бенедиктов), *восторг* (Бальмонт), *нежность* (Бальмонт), *выбор* (Кузмин), *мечта* (Вс. Рождественский), *мечты* (Фофанов), *сила* (Вс. Рождественский), *недоступность чуда*, *мука*, *сомнения* (Г. Адамович), *обольщение* (Брюсов), *величье* (Сельвинский), *свобода* (Мандельштам), *игра* (Мей, Блок), *поцелуи* (Бальмонт), *ирония* (Слуцкий), *умение* (Самойлов), *цвет* (Вяч. Иванов), *белость* (Брюсов), *запах* (Ходасевич), *скрип* (Ходасевич), *целомудрие* (Гиппиус), *дыханье*, *напев*, *шорохи*, *колыханье* (Г. Иванов), *грусть* (Фофанов), *скорбь* (Надсон), *мысли* (Тютчев), *невучесть* (Тютчев), *пристрастие* (Тютчев), *прелесть* (Тютчев), *права* (Григорьев), *значение* (Тютчев), *наслаждение* (Глинка), *наслаждение* (Батюшков), *толк* (Жуковский), *гармония* (Батюшков, Тютчев, Случевский), *ласка* (Брюсов), *соответствия* (Сологуб), *красота* (Бальмонт), *краса* (Фет), *блеск и сила* (Фет), *одиночество* (Апухтин), *забвенье и покой* (Лохвицкая), *прекрасное* (Ходасевич), *трудное*, *стыдное* (Гиппиус).

7) Сущности, связанные с тайнами мироздания, необъяснимыми и непонятными человеческому разуму: *намеки тайные* (Бальмонт), *чудеса* (Блок), *виденья* (Лохвицкая), *облики незримые* (Случевский), *тайна* (Сологуб), *поверье* (Случевский), *заветный мир* (Глинка), *заветная черта* (Ахматова).

8) Звуки мира, слова, тексты: *слово / слова*

(Анненский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, Ахматова, Адамович), *речи* (Лермонтов), *звук* (Вяч. Иванов), *песня* (Григорьев, Бальмонт, Есенин), *стихи* (Вс. Рождественский), *рифмы* (М Цветаева), *преданье* (Вяземский), *музыка* (Вс. Рождественский), *эхо* (Р. Рождественский), *весть* (Блок).

9) Особенно выразительными и приковывающими внимание читателя к зачину оказываются яркие окказиональные метафоры-загадки и смежные с ними олицетворения, сравнения, расшифровать которые иногда можно только исходя из всей следующей за инициальным высказыванием части стихотворного произведения: *Источник страсти есть во мне...* (Лермонтов); *В груди у юноши есть гибельный вулкан...* (Бенедиктов); *Есть цветок: его на лире...* (Бенедиктов) – о возлюбленной лирического героя; *Есть близнецы – для земнородных Два божества – то Смерть и Сон...* (Тютчев); *Есть бездна мрачная, та бездна – отрицанье...* (Надсон); *Есть у свободы враг опаснее цепей... Он – всем врожденная способность примиренья* (Надсон); *Есть за гранью мирозданья Заколотенные зданья..., Всяких планов и моделей... Не добравшихся до целей!* (Случевский); *Есть заросли пространств, как на земле бывают...* (Случевский); *Есть духи глаз. С куста не каждый цвет...* (Вяч. Иванов); *Три брата есть: Благоговенье, Чей взор потуплен, лик покрыт, И личности хранитель – Стыд, И холод чистоты – Презренье...* (Вяч. Иванов); *Есть белый цвет и черный – Два врага, как Да и Нет...* (Вяч. Иванов); *Есть час Души, как час Луны...* (Цветаева). Единичным словоупотреблением представлена метонимия: *У меня есть мама на васильковых обоях* (Маяковский).

Структура бытийных предложений в системе языка обычно содержит локализатор ситуации (место / время события) или квазилокализатор (обычно носитель или источник состояния). Эк-

зистенциальные лирические зачины в половине случаев (более 50 % репрезентаций) не содержат ни локализатора, ни квазилокализатора: *Есть обитая духом Свобода – избранных удел...* (О. Мандельштам); *Есть люди: будь лишь им приятель...* (И. Крылов); *Есть роза дивная: она...* (А. Пушкин) и т.п. «Локализатор... регулярно отсутствует в предложениях, касающихся абстрактных категорий, существование которых не соотносено с какой-либо конкретной областью...», – отмечают Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев, имея в виду языковую норму [2; с. 88]. В лирике же, благодаря метафорической конкретизации мира и участию зачина в построении медитативного дискурса, локализаторы оказываются возможными и в размышлениях об «общих вещах»:

Есть мысли тайные в душевной глубине...

(А. Майков)

Одна есть в мире красота (К. Бальмонт)

Есть ценностей незыблемая скала

Над скучными ошибками веков

(О. Мандельштам)

Обнаруженные в бытийных началах локализаторы представляют собой именованья:

- места существования субъекта (примерно в 15 % репрезентаций), обычно отсылающие читателя к референциально неопределенным или максимально обобщенным локусам (весь мир или некий его фрагмент): *там* (А. Кольцов, Лохвицкая), *здесь* (А. Майков), *где-то* (Брюсов, Ахматова), *на свете* (Хемницер, Лохвицкая, Вс. Рождественский), *в мире* (А. Кольцов, Фет, Брюсов, Бальмонт, 2 примера у Цветаевой), *в этом мире* (Ходасевич), *на земле* (Баратынский, Гиппиус, А. Тарковский), *над твердью* (Вяч. Иванов), *в небе* (Лохвицкая), *в пучине воздушной, в небесном огне* (Кюхельбекер), *в морских волнах* (Тютчев), *в горней вышине* (Тютчев), *за гранью мирозданья* (Случевский), *за далью синей* (Блок),

на севере (Некрасов, Бунин), в России (А. Пушкин), у быстрых ключей (И. Козлов), перед скалой (Жуковский), в лесах (Мандельштам), в дикой роще, у оврага (Блок), на крутом берегу (Сологуб), в саду (Гиппиус), в старинном доме (Бальмонт), в любом учреждении (Маяковский); лишь изредка координаты ситуации оказываются более точными: в Кельне (Мандельштам), в Хороссане (Есенин), в нашей столице (Брюсов), над Диксоном (Р. Рождественский), у русского царя в чертогах (А. Пушкин), в патриаршей ризнице в Москве (Случевский), в старой лавре над Днепром (Случевский);

- временных понятий, также неопределенных и размытых с точки зрения границ проявления состояния или качества (всего в 4% бытийных зачинов): в каждой сутках (Ахматова), в ночи (Тютчев), в осени (Тютчев), в лете (А. Белый), в вечерний час (Брюсов), до первой звезды (Цветаева), между ночью и утром (Р. Рождественский), ныне (Гумилев), еще (Гумилев).

Квазилокализаторами как носителями состояния или свойства в лирических зачинах оказываются «все» и «всё», внутренний мир человека, абстрактные сущности, очень редко артефакты:

1) во всем (Сологуб, Вс. Рождественский), в земном творении (Случевский), в природе (Фофанов), в русской природе (Бальмонт), в будничных вещах (Бальмонт), в календаре столетий (Брюсов), в людях (Вяземский), во всяком роде (Дмитриев), у каждого (Тушнова), в ней (Баратынский, Самойлов), у меня (2 репрезентации – Лермонтов. 1 – Маяковский, 1 – Ахматова, 1 – Лохвицкая. 1 – Бунин), во мне (Лермонтов, Случевский, Ходасевич), в стане моем (Цветаева), у тебя (Цветаева), между нас (Случевский), у нас (Случевский, Гиппиус), у юноши (Бенедиктов), для поэта (Хомяков), у поэтов (А. Григо-

рьев), у возлюбленной (Фет), у Музы (Тютчев), у соловушки (Есенин);

2) у души (Глинка, Вс. Рождественский), в душе моей (Лохвицкая), в сердца глубине (А. К. Толстой), в душевной глубине (А. Майков), в глубине души (Брюсов), в светлых тайниках души (Блок), у воспоминаний (Ахматова);

3) в жизни (Тютчев, Вяч. Иванов, Брюсов), в разлуке, в моем страдальческом застое (Тютчев), в светлости осенних вечеров (Тютчев), в зелени берез (А. Майков), в сумерках осенних и в дожде (Фофанов), в розовом рассвете, в звуках смеха (Лохвицкая), в мощи природы (Брюсов), над скучными ошибками веков (Мандельштам), в моем мышлении (Случевский), в напевах твоих (Блок), в муке (Сологуб), в близости (Ахматова), в труде (И. Сельвинский), у бессмертья (Вс. Рождественский);

4) в литографиях (Г. Иванов), в вине (Брюсов), у государства (Случеский).

Таким образом, множественность и неопределенность референции характеризует позицию не только субъекта, но и локализатора бытия в поэзии. Поэт по праву пророческого дара утверждает часто существование явлений не наблюдаемых, рационально не доказуемых (*Пять чувств – дорога лжи. Но есть восторг экстаза, Когда нам истина сама собой видна...* (К. Бальмонт)), только интуитивно угадываемых и находящихся в столь же неоднозначно толкуемом хронотопе, а адресат может лишь поверить в реальность бытия принципиально не верифицируемых объектов лирической медитации, на чем настаивает поэт: *Есть, есть гармония живая...* (К. Случевский).

Таким образом, экзистенциальные зачины в лирическом роде, содержащие, как правило, панхронический по своему грамматическому

значению предикат и абстрактный субъект бытия, служат прежде всего для создания «генеративного регистра» (в терминах Г.А. Золотовой [3; с. 395]) и демонстрируют прагматическую установку на выражение неких общих представлений о мироустройстве, поэтическое философствование о жизни и человеке, макро- и микрокосмосе.

Литература

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерперетации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4.
2. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
4. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л., 1977.
5. Соловьева А. К. Заметки о типологии начальных строк художественных прозаических произведений // Филологические науки. 1976. № 3.
6. Тураева З. Я. Лингвистика текста. М., 1986.

A CONSTRUÇÃO IMPESSOAL В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ: БЕЗЛИЧНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИЛИ НЕОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНАЯ?

A CONSTRUÇÃO IMPESSOAL IN THE PORTUGUESE LANGUAGE: AN IMPERSONAL CONSTRUCTION OR A STRUCTURE WITH INDEFINITE PERSON?

Аверьянов О.Г.

*МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет,
г. Москва, Россия*

Averyanov O.G.

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

В статье осуществляется попытка анализа так называемых имперсональных (безличных) конструкций в португальском языке, т.е. лишённых семантического и грамматического подлежащего. Автор пытается продемонстрировать, что эти конструкции зачастую не явля-

ются безличными, в них опущен субъект, их можно сравнить с неопределённо-личными оборотами.

Ключевые слова: имперсональные (безличные) конструкции, неопределённо-личные конструкции, обобщённо-личное значение, португальский язык, испанский язык, русский язык.

This article is an attempt to analyze the so-called impersonal constructions in Portuguese, i.d. those which are not supposed to have a semantic or a grammatical subject. The author seeks to demonstrate that such constructions are not impersonal and could be compared with structures with indefinite person, where the subject is omitted.

Keywords: impersonal constructions, structures with indefinite person, generalized meaning, the Portuguese, Spanish, and Russian languages.

Среди романских языков в языках иберо-романской подгруппы, таких как португальский и испанский, большая грамматическая нагрузка падает на показатель *se* (ср. русское –ся). В частности с помощью *se* образуются конструкции, которую принято называть имперсональной (impersonal – исп., impessoal – порт.). Отличительной чертой имперсональных конструкций является тот факт, что их логический объект совпадает не с грамматическим субъектом, как в случае с пассивной конструкцией, а с грамматическим объектом, в то время как грамматического и лексического субъекта в такой конструкции нет. К тому же многие имперсональные конструкции (опять же – в отличие, например, от пассивных) строятся на базе непереходного глагола: *Se trabalha muito aqui* [*Gramática Descritiva: 1686*].

Испанскому языку, в отличие от других романских, свойствен особый вид имперсональной конструкции: в основе её переходный глагол (при одушевлённых существительных он управляет дополнением с предлогом *a*). Так, в испанском языке возможна имперсональная конструкция вида:

1a. *Se ve a los niños* (Детей видно).

Португальский язык в таком случае воспользуется пассивной конструкцией:

1b. *Vêem-se meninos*. (≈ видятся дети (отсюда, например)).

Имперсональная конструкция подробно изучена в испанских теоретических грамматиках; нам хотелось бы обратить внимание на её особенности в португальском языке. За такими конструкциями прочно закреплён термин «impessoal» (в переводе на русский язык – «безличная»). Наша работа проведена на основе нескольких десятков примеров из художественной литературы, прессы, а также комментариев читателей Интернет-изданий португальских и бразильских журналов – самое близкое для исследователя приближение к спонтанной речи.

Рассмотрим два примера:

2a. Assim se vive com o fantasma da radioatividade, um ano depois do tsunami que desencadeou a posterior crise nuclear em Fukushima [*Visão*]. Так мы и живём с призраком радиоактивности год спустя цунами, которое повлекло за собой ядерный кризис на Фукусиме.

2b. Os jornalistas, ‘figuras públicas’ (...), hoje, fazem umas cerimónias incríveis, completamente desfasadas da realidade moderna em que se vive, para comunicar com o público [*комментарий читателя, Visão*]. Журналисты, «публичные фигуры», проделывают сегодня невероятные церемо-

нии – абсолютно не связанные с современной реальностью, в которой мы живём, чтобы общаться с публикой.

Для наглядности употребления так называемой имперсональной конструкции мы предложили не литературные, а буквальные русские переводы. Из них становится понятным, что русский язык (в данном случае – с глаголом существования) предпочитает конструкциям, которые мы обозначаем как имперсональные, личную форму: и не просто личную, а форму первого лица множественного числа. С чем это может быть связано? Мы предполагаем, что причина этого кроется в довольно точной контекстуальной соотносённости высказываний с её участниками. С одной стороны, нельзя забывать о том, что форма с *se* в португальском языке употребляется как раз в том случае, когда говорящему/пишущему необходимо создать дистанцию между реальностью и высказыванием. Тем не менее русский язык в таких случаях остро реагирует на то, кем является участник. Чтобы проиллюстрировать наши размышления, обратимся к более разнообразным примерам 3.

3a. O facto de, após a demissão do primeiro-ministro, se ter começado a viver um ambiente de pré-campanha eleitoral, certamente contribuiu para o atraso no pedido de auxílio financeiro [*Expresso*]. Тот факт, что после отставки Премьер-министра, мы начали чувствовать (переживать) настроение предвыборной кампании, несомненно способствовал задержке в просьбе о финансовой помощи.

3b. Insista-se, pois, em que, na língua portuguesa, como regra geral, o sujeito de uma activa tem de ser um complemento directo na correspondente passiva. [*Пример заимствован из Areas críticas da língua portuguesa*]. Мы настаиваем на том, что в португальском языке, как правило, субъект активной конструкции должен быть прямым дополнением

в соответствующей пассивной конструкции.

3c. Vem isto a talho de foice por uma conversa que tive com um amigo meu do facebook, falando-se dos temperamentos opostos entre os Mendes (já falecido) e Bettencourt [*комментарий читателя, A União*]. Это пришлось очень кстати из-за разговора, который у меня состоялся с другом на «Фейсбуке». Мы говорили о непохожих темпераментах Мендеса (ныне покойного) и Беттанкур.

3d. O problema vai ser o Beira-Mar. Paciencia. Por um se perde por um se ganha [*Jornal de negócios*]. Проблема будет в Бейра-мар. Подождите, не переживайте. Где у одного теряется, у другого находится (= один теряет, другой находит).

3e. – O melhor é entrarmos – disse o Pedro –, e depois logo se vê. [*Magalhães, Alçada*]. Нам лучше будет войти. А там уже посмотрим.

3f. Ainda se vai ver se o tribunal considera que esse aspeto diminui a credibilidade da testemunha. [*Expresso*]. Мы ещё посмотрим, сочтёт ли суд, что этот аспект ставит под сомнение правдивость показаний.

От примеров, где соотношение с деятелем менее очерчено, к более очевидным случаям мы можем пронаблюдать, что зачастую португальская глагольная форма на *se* выполняет функцию неопределённо-личного показателя сродни французскому *on*. Обратим внимание, что этот французский показатель имеет тенденцию (свойственную устной речи) соотноситься с деятелем любого лица и числа, в первую очередь первого лица множественного числа. Так, предложение 3e имело бы во французском языке следующий вид:

3e'. Nous ferions mieux d'entrer, dit Pedro, et puis on verra.

Не следует забывать, что показатель *on* развился из существительного *homme* (= человек), и предикат при нём стоит в третьем лице и един-

ственном числе, как и в португальском языке (et logo se vê).

В продолжение предыдущих размышлений мы должны также заметить, что зачастую действие, обозначаемое глаголом с *se*, соотносится не с конкретным лицом, а с любым потенциальным деятелем, приобретая обобщённо-личное значение, за которое в русском языке часто отвечает 2 лицо единственного числа (*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*). Таким образом, фразеологичность подобных высказываний сближает их с пословицей, поговоркой. См. следующие примеры:

4a. ...não se brinca com o património do ESTADO [*комментарий читателя, Expresso*].

Нельзя играть с государственным достоянием (= с государственным достоянием не играют).

4b. Queira-se ou não, o actual residente em Paris, deixou um lastro de saudade em muitos dos seus [*Jornal de negócios*]. Хочешь не хочешь, а нынешний житель Парижа оставил груз тоски в сердцах многих своих знакомых.

Таким образом, анализ имперсональных конструкций в португальском языке указывает на то, что нередко перед нами не безличная, а неопределённо-личная конструкция, которая также может иметь обобщённое значение. Смысловая и грамматическая нагрузка на компонент *se* ведёт к одинаковому оформлению различных конструкций, поэтому различительную функцию в данном случае играют семантика высказывания и предиката.

Литература

1. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. –СПб.: «Наука», 1991. – 370 с.
 2. Andrade Peres, João. Mória, Telmo. Areas críticas da língua portuguesa. –Caminho. Colecção universitária. Série Linguística dirigida por Maria Raquel Delgado Martins. – 1995.
 3. Cunha, Celso. Cintra, Lindley. Nova Gramática do Português Contemporâneo. – Edições João Sá da Costa, Lisboa, 1994.
 4. Gramática Descriptiva de la Lengua Española. Real Academia Española. Colección Nebrija y Bello dirigida por Ignacio Bosque y Violeta Demonte Espasa. Tercera reimpresión, 2000. Madrid. Tomo 2: Las construcciones sintácticas fundamentales. Relaciones temporales, aspectuales y modales.
 5. Paiva Raposo, Eduardo. Teoria da Gramática. A faculdade de linguagem. – Caminho. Colecção universitária. Série Linguística dirigida por Maria Raquel Delgado Martins. – 1992.
- Цитированная художественная литература:
6. Magalhães, Ana Maria. Alçada, Isabel. Uma Aventura em Lisboa. Editorial Caminho. Coleção , nº22, 2003.

**ТРАНСДЕРИВАЦИОННАЯ МОРФОЛОГИЯ
В СВЕТЕ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
И НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ**

**TRANSDERIVATIONAL MORPHOLOGY
AS THE ASPECT OF DIACHRONICAL COGNITIVE LINGUISTICS
AND NEUROCHRONICAL PROGRAMMING**

Василькова Н.И., Коч Н.В., Романюк Л.Н.

*Николаевский национальный университет имени В.А. Сухомлинского,
г. Николаев, Украина*

Vasilkova N.I., Koch N.V, Romanyuk L.N.

*Mykolayiv National University named after V.O. Suhomlinskiy,
Mykolayiv, Ukraine*

В статье исследуются морфологические основания формирования когнитивных зон конвергенции значимых для восточнославянской картины мира смыслов. Трансдеривационный анализ проводится на примере слов с аффиксоидом полу-, выполняющим роль семантического аттрактора.

Ключевые слова: *трансдеривация, диахроническая когнитивная лингвистика, нейро-лингвистическое программирование, семантический аттрактор.*

The article is devoted to the formation of morphological cognitive zones of convergence significant for the Eastern Slavonic world picture senses. Transderivational analysis is made on the basis of words with affixation – polu, presenting the role of semantic attractor.

Keywords: *transderivation, diachronical cognitive linguistics, neuro-linguistic programming, semantic attractor.*

Согласно основным положениям порождающей грамматики, правила преобразований глубинных структур в поверхностные связаны с механизмами трансформационной когниции: они объясняют процесс возникновения и формирования концептов как информационных единиц сознания, а также природу их возникновения и вербальную представленность на поверхностном (языковом) уровне. Глубинные ментальные схемы и их словесная презентация исследуются в

рамках лингвокогнитивного подхода к изучению исторической лексики, в частности семантики ее морфологической структуры. Реконструкция глубинной модели концептуализации того или иного фрагмента действительности возможна благодаря трансдеривационному анализу слов лексического состава древних языков. Эмпирической базой являются отдельные лексемы, а также их морфемный состав, когнитивно-семантический анализ которого определяет смыслопорождаю-

щий (в частности деривационный) потенциал архаичной лексики. Трансдеривационные процессы в языке, безусловно, влияют на становление коллективного сознания носителей языка. Акты трансдеривации как динамический процесс освоения мира отражают процесс осмысления знаний и опыта с помощью языковых знаков (о трансдеривации см., например, работы Й. Айдуковича [1]). Перспективность исследований такого рода определяется их вкладом в развитие нового направления в языкознании – *диахронической когнитивной лингвистики* [5] и его связи с другими научными направлениями, в частности с нейролингвистическим программированием (НЛП). Основы трансдеривационной морфологии в рамках НЛП разрабатывались Р. Дилтсом, Т. Эпштейном и успешно были применены Р. Бэндлером и Д. Гриндером в процессе создания расширенной Мета-модели [2]. Исследователи исходили из положения о том, что в процессе деривации созданное слово изменяет категорию и семантику исходной номинации, что в свою очередь влияет на изменение уровней поведения носителей языка. Значение словообразующей морфемы лежит в основе трансформации смещения (например, суффиксы отглагольных существительных смещают семантику слова с уровня поведения на уровень идентичности: *писать* → *писатель*).

Трансдеривационный анализ также предполагает поиск различных «средств припоминания» (термин К. Леви-Строса) в ментальных представлениях носителей языка о действительности, сформировавшихся на протяжении длительного периода развития социума (в нейролингвистическом аспекте – поиск индивидуального референтного опыта, в результате накопления которого сформировалась личностная «ментальная карта»). Морфемы как мельчайшие значимые части слова, безусловно, являются элементарными «средствами припоминания». Их психологиче-

ское влияние на восприятие образованных слов, объективирующих концепты, прослеживается, прежде всего, через установление ассоциативных изменений в концептуализированном ряду (или пучке) однокоренных или одноструктурных слов, а также через установление пути перехода такого ряда из одной концептосферы в другую. Таким образом, такие деривационные гнезда предположительно являются показателями существования в сознании человека точек (или зон) конвергенции ассоциативно связанных смыслов. Количественный и качественный состав таких гнезд свидетельствует об актуализации в сознании важных для человека понятий, а их уменьшение – о снижении интереса к номинированным фрагментам реальности в связи с различными экстралингвистическими факторами. Кроме того, отдельные морфемы могут выполнять консолидирующую роль в формировании таких зон конвергенции и выступать своеобразными *семантическими аттракторами* (от лат. *attract* «притягиваю к себе»).

По нашему мнению, «свойство мышления реализовать категории и концепты через систему ментальных противопоставлений проявляется в языке не только через лексико-грамматические формы, реализующиеся в своих значениях, но и через морфемы. Разнообразная семантика выражается в языке корневыми и аффиксальными морфемами, являющимися мельчайшими значимыми единицами языкового сознания, т.е. психологически реальными компонентами, имеющими значение» [3: 163]. Изменение семантики во времени не только слова, но и отдельной морфемы может свидетельствовать об определенных трансформациях в коллективном сознании носителей языка.

В ряде наших статей мы писали о когнитивном потенциале и медиативной функции при-

ставки *недо-* и аффиксоида (усеченной основы) *пол(y)-* в восточнославянских языках XI–XVII вв. В частности, анализировались антропоморфные дериваты, а также инновации с семантикой измерения, структура которых с помощью значимой части слова *пол(y)-* транслировала идею половинчатости и отражала представления человека средневековья о категории «мера» [3; 4]. На основе проведенного анализа значений соответствующих слов были сделаны выводы о семантическом развитии понятия «половина», модифицированном за счет появления значений «отсутствие целостности» и «ущербность» (оттенки ‘ниже качества’, ‘меньше размера’, ‘слабее’, ‘хуже’, ‘неполный’, ‘невзрослый’, ‘незрелый’) [3: 171] (ср. эпиграмму А.С. Пушкина на графа М.С. Воронцова: *Полу-милорд, полу-купец, полу-мудрец, полу-невежда, но есть надежда, что будет полным наконец*, в которой отрицательная коннотация слова заложена в значении аффиксоида *полу-*). Эмоционально-оценочная прагматическая информативность контекстуальных антонимов, вступающих в отношения синонимии, создает экспрессивную динамичную картинку благодаря реализации дихотомии «часть (половина) – целое». За рамками публикаций осталось большое количество фактического материала, который целесообразно привлечь в качестве иллюстрации к трансдеривационному поиску когнитивных зон конвергенции значимых смыслов в архаичной картине мира (в статье использованы материалы исторических словарей русского, украинского и белорусского языков: СлРЯ XVI: 197 и сл.; ГСБМ XXVI: 113 и сл.; ССУМ II: 182–188).

Философским обоснованием функции семантического аттрактора аффиксоида *пол(y)-* является идея симметричного устройства мироздания, проявившая себя, например, в индоевропейской мифологеме «мировое дерево», символизирующей середину мира (ср.: античное понятие «зо-

лотая середина»), или в других мифологемах и архетипах типа *очаг, огонь, пуп земли* и т.п. Состояние равновесия (физического и духовного) и мировой гармонии, сохранившееся благодаря космогоническим воззрениям на природу, заложено во многих универсальных понятиях, одним из которых является концепт «половина», специфически презентированный в различных языках. Культурной мотивацией генерализующей роли компонента *пол(y)-* в восточнославянской культуре является ее особый тип, обозначенный как *медиативный*. Психологической базой конвергентной сущности аффиксоида является возможность мышления производить обобщения разной степени абстракции на основании общей семантики и ассоциативных связей. Необходимость в вербализации конвергентных зон определяет когнитивно-лингвистическую значимость слов с компонентом *пол(y)-*.

Этимологически в слове *пол* в значении «сторона, половина» (отсюда > *женский пол, мужской пол*) первоначально заложена идея деления человека и окружающей действительности на две равные половины, лишь со временем утратившая семантику «равность» и трансформировавшаяся в понятие «часть целого» без обязательного деления последнего на одинаковые части. Предположительно, лексема *пол* связана с алб. *palë* «сторона, партия, раздел, отделение» (Фасмер III: 306) (ср. др.-русс. *пола* «кусок ткани, занавес», *полотно, долгополый*; река *Пола* «правый приток Ловати»; *полоть* «половина туши»). Интересно отметить, что др.-инд. *dalam* (доля) имело значение «кусок, часть, половина», отсюда > *доля* «судьба» (ср.: *получай* «случай», «судьба», «счастье», «состояние, положение в обществе» – СлРЯ XVI: 275).

Понимание половинчатости в связи с понятиями «симметрия», «середина», «раздел поровну», «часть целого» и др. заложено в исходных

аристотелевских категориях, в частности в категориях пространства и времени.

Проанализируем ряд слов с структурным компонентом *пол(у)-* с пространственной семантикой. Универсальная категория пространства, связанная с осознанием его когнитивных признаков трехмерности, территориальной локативности, местоположения, ориентации, дискретности/недискретности, расстояния, линейной протяженности и других параметров, отражается в значениях «мера длины», «линейная мера», «часть расстояния», «объем», «размер» и т.п. Словообразовательные дериваты пространственной семантики с компонентом *пол(у)-* демонстрируют не только логический, но и наглядно-образный тип мышления, имевший большое значение в картине мира средневекового человека. Особенностью словесной объективации пространства (в частности половинного) в исследуемый период является ее конкретизирующая семантика, определяющая отношение конкретного предмета (его образа) к пространственной абстракции: *полвершка* «четвертая часть вершка как линейной меры», *поллоктя* «единица измерения длины», *полмили* (*полумили*) «мера длины», *полстадии* «половина стадии», *полпрута* «половина меры длины и площади, приблизительно равная 2,25 м», *полреза* «половина листа бумаги», *полбревна* (*полсорокъ*) «размер строевого леса» (ср. *поплашная пошлина* «пошлина с дров и строевого леса, взимаемая плахами – половинками расколотого бревна»; ср. также укр. диал. *пілтина* «половина ствола дерева, расколотого вдоль»), *полперестрела* «половина меры расстояния, равного полету стрелы» и т.д. Специфика сочетаемости компонентов последнего слова создает условие осознания семантики субстантива как опредмеченного действия, что переводит пользователя языка с предметно-пространственного континуума на поведенческий уровень (общая синтези-

рующая схема: «половина пространства – соответствующий предмет – соответствующее действие», в данном случае действие (полет стрелы) предшествовало его субстантивации, что дает указание на более архаичную систему измерения пространства и его направления).

Валентностный набор слов в пределах категории «пространство», сочетающихся с *пол(у)-*, гораздо шире, чем в современных восточнославянских языках, и имеет свои смысловые приоритеты. Так, для земледельческого народа большую значимость имели названия, объективирующие понятие «мера земли»: *полплуга* «мера земельной площади в половину плуга», *полроли* «половина соранной земли», *полжеребя* «половина участка, земельного надела», *ползагона* «половина загона, полосы орной земли», *полсохи* «половина земельной меры сохи», *полмиля*, *полверевки*, *полволоки*, *полвыти*, *полверсты*, *полморкга* (*полморку*), *поллука* «единицы измерения земли» и т.п. *Полслужбы* в значениях «половина меры земельной площади» и «земельный надел за выполнение половинности или воинских обязанностей» имеет тесную ассоциативную связь с суффиксальными дериватами, идентифицирующими личность по признаку «половина»: *половинникъ*, *половникъ*, *половничико*, *половинчикъ*, *польщикъ* «арендатор земли, получавший половину урожая в качестве платы» (ср. *половный* «составляющий половинную долю», *половьє* «вид земельной аренды» → *жить в половьє*, *порядитися в половьє*). Словообразовательное значение суффиксов изменяет восприятие «половины» как статичного понятия: *половничати* «быть половником», *половничество* «занятие половника».

Идея справедливого раздела земельных угодий и других пространств на две равные половины воплотилась в номинациях типа *поллеса*, *полмаестности*, *полместа* («половина города», «центр, середина города»), *полсела*, *полкоролев-*

ства, полцарства, полпанства, полсела (полселца), полпашни, полпляцу, полдвора, полпруды, полставокъ, полреки, полгоры, полцеркви, полполтава, полсеней, полмосту, полкаменицы, полквартиры, полкомора и т.п. Наличие большого количества слов с указанием на половину пространства свидетельствует о большом территориальном (в частности земельном) потенциале народа, что, с точки зрения этнопсихологии, является одной из причин формирования широты и открытости национального характера.

Динамика категории времени представлена расчлененной хроносной семантикой, дробление которой свидетельствует об ином (по сравнению с современными представлениями) ощущении членимости времени и в связи с этим иной дифференциацией картины мира: *полгодини* 1) «30 минут», 2) «поминки через полгода»; *полсорочины* «поминки на 20 день»; *полчасъ (полчаса)* «30 минут»; *полрока, пол(у)годье, полувремяе* «полгода»; *поллета* 1) «середина срока», 2) «середина лета»; *полнедели, полседмици* «половина недели»; *пол(у)ночь* 1) «полночь», 2) «север», 3) «ночная церковная служба»; *пол-обеда, пол-утра* «середина первой половины дня»; *полуповода* «время между восходом солнца и полуднем и между полуднем и заходом солнца»; *ползекгарь* «часы, на циферблате которых было 12 часов» и т.д. Специфическая темпоральная лексика представляет по-особому организованную картину мира. Трансформация смещения наблюдается, например, в случае перехода субстантивно-временного значения на уровень идентификации с помощью суффикса с соответствующим значением: *полудень* 1) «середина (половина) дня», 2) «обед, прием пищи», 3) «сторона света» → *полудница* «злой дух в полдень в поле, в огороде, которым пугают детей», аналогично *полуночица* от *пол(у)ночь*. Деривационные отношения морфем показывают специфику

связи предметов (их образов), мотивов и оценок в отношении к понятию «половина». Культурная модель времени средневековья отражает самые разнообразные фрагменты жизни в их детальном временном дроблении, где «половина», репрезентированная аффиксоидом *пол(у)-*, играет важную роль. Детальное дробление пространства и времени в мышлении средневекового человека является сигналом того, что определенное явление активно включается в смысловую структуру коллективного и индивидуального сознания и соответствует личностным и социальным интенциям человека.

Материальная фиксация понятия «половина» большим количеством языковых единиц со структурным элементом *пол(у)-* обеспечивает его адекватную идентификацию в конкретной культуре. Характер реализации деривационного потенциала морфемы в пределах не одного слова, а ряда одноструктурных слов показывает социальную значимость соответствующего понятия в концептуальном пространстве. Актуализируя когнитивную структуру слова с помощью значения отдельных морфем, носитель языка оценивает и выделяет особо важный для его жизнедеятельности фрагмент действительности. Аффиксоид *полу-* отображает процесс порождающего конструирования, вследствие которого эксплицитно осуществляется приращение нового значения, модифицирующего семантику слова и тем самым меняющего представление носителя языка о понятии (категории) «половина». Постоянство и стабильность информационного поля, формирующегося вокруг семантического аттрактора *пол-*, относительно, так как возможны только в определенных временных границах культуры, выработавшей систему правил, норм, ценностей, принятых членами общества и понимаемых ими однозначно по причине существования общей картины мира. Переход многих проанализиро-

ванных лексем в пассивный состав лексики является следствием исчезновения соответствующих реалий на фоне утраты необходимости в дробном членении постепенно познаваемой действительности. Однако вся информация, заложенная ранее в сознание с помощью огромного количества слов, сохраняется и может быть реконструирована с помощью разработанной нами «веерной» модели концепта, *которая показывает степень спрессованности информации в разные временные периоды и потенциальную возможность рекурсии любого элемента знания, объективированного языковой единицей* [5: 87].

Слова с аффиксоидом *пол(у)-* входят в информационные поля самых различных концептосфер, однако их тесная концептуальная связь позволяет предположить наличие общего семантического континуума для всех номинаций, имеющих в своем составе данную морфему. По-видимому, в нашем сознании вербализованные понятия объединяются не только по принципу лексической, но и деривационной семантики, которая способна формировать вокруг себя мощные информационные поля, покрывающие самые разноплановые концептосферы.

Литература

1. Айдукович Й. Введение в лексическую контактологию. Теория адаптации русизмов. – Белград : Фото Футура, 2004. – 364 с. (на серб. яз.).
2. Гриндер Д., Бэндлер Р. Структура магии : в 2-х т. – М. : КААС, 1995. – 520 с.
3. Коч Н.В. Концептуальная значимость морфем в диахронии // Актуальні проблеми іноземної філології. – Бердянськ : Вид-во БДУ, 2011. – 264 с. – Вип. VI. – Ч. I. – С. 162-172.
4. Коч Н. Лингвализация восточнославянской ментальности (опыт диахронического исследования когнитивной категории «мера») // Київська старовина. – 2011. – № 1. – С. 33-44.
5. Коч Н.В. Фаунонимы в концептуальной картине мира восточных славян XI–XVII вв. / Дисс. ... доктора филол. наук: спец. 10.02.01; 10.02.02. – К. : НПУ имени М. П. Драгоманова. – 435 с.

Список сокращений

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Гл. рэд. А.І. Жураўскі. – Мн. : Навука і тэхніка, 2007. – Вып. 26. – 444 с.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. Г. Богатова. – М. : Наука, 2002. – Вып. 16. – 295 с.

ССУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. : в 2-х тт. / Ред. Л. Л. Гумецька, І. М. Керницький. – К. : Наукова думка, 1978. – Т. II. – 591 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : тт. I–IV. – Т. III. – М.: Астрель, 2004. – 830 с.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ COOL КАК ФЛУКТУИРУЮЩИЙ ЗНАК

THE ADJECTIVE COOL AS A FLUCTUATING SIGN

Кульгавова Л.В.

Иркутский государственный лингвистический университет,
г. Иркутск, Россия

Kulgavova L.V.

Irkutsk State Linguistic University,
Irkutsk, Russia

В исследовании на основе анализа семантико-прагматических, функциональных, когнитивных и лингвокультурологических особенностей английского прилагательного cool показано, что это слово является флуктуирующим знаком. Особое внимание уделено диффузности и размытости значений слова, анализу значений с точки зрения теории прототипов, колебаниям произношения и правописания.

Ключевые слова: флуктуация языкового знака; диффузность, размытость значений; широкозначность; прототипическая многофокусность; смысловая амбивалентность; языковая игра.

The research deals with the fluctuation of the adjective cool brought out through an analysis of its semantic-pragmatic, functional, cognitive and linguo-cultural aspects. Particular stress is laid on vagueness and fuzziness of its meanings, the prototypical peculiarities of the word, fluctuation of its pronunciation and spelling.

Keywords: fluctuation of the linguistic sign; vagueness, fuzziness of meanings; broad meaning; multifocus prototypicality; ambivalence of meanings; language play.

Исследование представляет собой попытку рассмотрения феномена флуктуации языкового знака на примере прилагательного cool в английском языке на основе комплексного анализа динамики его значений и их взаимосвязей с древнеанглийского периода по настоящее время, особенностей функционирования и лингвокультурологических характеристик.

Материалом для исследования послужили: данные британских и американских толковых, переводных и этимологических словарей англий-

ского языка в печатном и электронном вариантах, различных Интернет-ресурсов, в том числе словарных и энциклопедических; справочные, научные и научно-популярные зарубежные и отечественные публикации; художественная литература англоязычных авторов (более 200 источников).

Многоаспектность темы обусловила комплекс взаимодополняющих методов исследования: описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию и классификацию; метод компонентного анализа и его

разновидность – дефиниционный анализ; метод контекстуального анализа; индуктивно-дедуктивный метод.

Результаты исследования отражены в пяти публикациях [1; 2; 3; 4; 5]. С монографией «Cool – «живое» слово с удивительной судьбой» автор принимала участие в XIV Всероссийской выставке-презентации учебно-методических изданий, проведенной Российской Академией Естествознания 27 сентября – 1 октября 2012 года в г. Сочи в рамках VIII Международной научной конференции «Перспективы развития вузовской науки». Также автором был представлен доклад «Фразеологизмы с прилагательным cool» на Второй научно-практической конференции с международным участием «Традиции и инновации в лингвистике и лингвообразовании», состоявшейся в апреле 2012 года в Арзамасском государственном педагогическом институте им. А.П. Гайдара.

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам и результатам.

Прилагательное cool относится к словам, которые трудно интерпретировать из-за смежности, диффузности, размытости значений и их оттенков в системе языка и в речи, текстах, а также из-за этимологической загадочности некоторых из них. Это утверждение справедливо как для более ранних значений, так и для современных сленговых. Подчеркнем, что размытость и диффузность cool представляет собой сложное явление, уже заложенное в самом слове, то есть является не только частным, речевым проявлением, но и ингерентным свойством слова как результатом его исторического развития. Анализ данных толковых и переводных словарей показал, что неопределенность значений отражена и заложена в словарях. Иными словами, словари, с одной стороны, фиксируют объективную размытость семантической структуры cool, а с другой – от-

крывают для пользователей словарей возможности субъективных интерпретаций.

Склонность к диффузности и синкретизму проявляется, в частности, в ситуациях языковой игры. Изученные материалы позволяют выделить два типа языковой игры. Первый тип заключается в синкретичном употреблении двух значений – обычно температурного и сленгового. Второй тип характерен для научно-популярного и справочного видов дискурса и предполагает обыгрывание двух ипостасей слова – как анализируемой лексической единицы и как слова, участвующего в вербализации этого анализа, то есть как единицы метаязыка. Это делается с целью придать живость научному повествованию, привлечь внимание читателя к какой-либо мысли, сократить дистанцию между автором и читателем.

Неопределенность и колебательность слова cool проявляется также в том, что оно развило широкозначность (по крайней мере, в части своих значений). Например, в 50-е годы прошлого века оно имело такие значения, как «restrained», «relaxed», «laid-back», «detached», «cerebral», «stylish», «excellent» и др. В настоящее время cool очерчивает чрезвычайно широкий круг «положительности» – от высокого качества / доброкачественности до красоты или удовольствия – и может выполнять функцию атрибута или предикатива в дескрипциях самых разных предметов и явлений действительности.

Весьма своеобразна структура значения cool с точки зрения теории прототипов. По нашему мнению, у cool в американском английском сформировалось два смысловых центра, два прототипических значения: температурное и широкое положительное сленговое. Таким образом, cool характеризуется прототипической многофокусностью, в частности двухфокусностью. Прототипическая многофокусность у cool приобретает характер амбивалентности. Речь идет о разно-

векторном развитии значений этого слова под влиянием языка афро-американцев и различных культурологических факторов – от ранних, более отрицательных значений к современным сленговым, положительным.

Прилагательному cool в последние десятилетия свойственны постоянные колебания в правописании и произношении. В 90-е годы прошлого века в речи молодых людей слово cool при передаче смыслов одобрения претерпело изменения в произношении и приблизилось к cull. В Великобритании и США молодые люди настаивают на правописании kewl. Высказывается предположение о том, что kewl – это телескопизм, образованный основами cool и cute. В языке Интернета встречается особое произношение – Соо-uhl. Функционируют усеченные формы типа соо'. В письменной речи носителей языка, фирменных названиях, на упаковках и этикетках различных товаров, а также на уличных вывесках широко используется замена буквы С на букву К.

Что касается размытости, диффузности семантики прилагательного cool, то они настолько очевидны пользователям языка, что они легко наполняют слово новым, своим содержанием, экспериментируют с его значениями и употреблении и даже манипулируют его семантикой. Как правило, для достижения понимания в таких случаях требуются пояснения о том, что же именно подразумевается. Так, канадский исследователь масс-медиа Маршалл Маклюхан (Мак-Люэн) в

работе «Understanding Media» (1964) переосмыслил семантику и концептуальное содержание cool таким образом, что они стали соответствовать его интерпретации и концепции носителей информации. Его значение может быть представлено следующим образом: «employing understatement and a minimum of detail to convey information and usually requiring the listener, viewer, or reader to complete the message». В соответствии с этим он делит средства коммуникации на две группы: hot media (radio, movies, the newspaper (the press)) и cool media (TV, telephone, speech) [6].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что слово cool является яркой иллюстрацией такого свойства языкового знака, как способность к флуктуации. При этом речь идет не только об означаемом, но и об означающем. Cool – пример чрезвычайной гибкости языкового знака, ни содержание, ни форма (как графическая, так и фонетическая) которого не сдерживают говорящих в его преобразовании. Это придает его использованию оттенок симулятивности, а содержательная сторона знака при этом обесценивается, происходит содержательное опустошение знака. Cool демонстрирует парадокс обесценивания языкового знака при его удивительной востребованности и популярности. Данное слово подошло к такому этапу в своем развитии, когда оно допускает неограниченную свободу в выражении говорящими различных индивидуальных, личностных смыслов.

Литература

1. Кульгавова Л.В. Это «клевое» слово cool, или один из китов американского английского // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 2 (10). – С. 55-67.
2. Кульгавова Л.В. Динамический характер прототипического значения слова // Прототипические и непрототипические единицы в языке: кол. монография / Отв. ред. Л.М. Ковалева; под ред. С.Ю. Богдановой, Т.И. Семеновой. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 148-173.

3. Кульгавова Л.В. Фразеологизмы с прилагательным cool // Традиции и инновации в лингвистике и лингвообразовании: сборник статей по материалам второй научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. К.А. Власова. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 154-158.
4. Кульгавова Л.В. Cool – «живое» слово с удивительной судьбой: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – 70 с.
5. Кульгавова Л.В. Cool – «живое» слово с удивительной судьбой (аннотация монографии) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2012. – № 9. – С. 113.
6. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. – New York: A Signet Book. Published by The New American Library, 1964. – 318 p.

КОНЦЕПТ «МОЛИТВА» КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

THE CONCEPT «PRAYER» AS THE REVELATION OF NATIONAL SELFCONSCIOUSNESS IN THE NOVEL «WAR AND PEACE» BY LEO TOLSTOY

Ланская О.В.

*МБОУ СОШ № 14 г. Липецка,
г. Липецк, Россия*

Lanskaya O.V.

*School № 14,
Lipetsk, Russia*

В статье на материале книги Л.Н. Толстого «Война и мир» рассматривается концепт «молитва». Автор приходит к выводу, что концепт имеет структуру, которая состоит из ядра, репрезентированного ключевым словом молитва, и поля. В свою очередь, поле структурируется с помощью номинаций, входящих в разные лексико-тематические группы.

Через ключевое слово молитва происходит сакрализация пространства и времени, что позволяет выявить особенности авторской позиции в художественном тексте.

Ключевые слова: *концепт, сема, словосочетание, лексико-тематическая группа, ключевое слово.*

Int the article on the base of the book «War and Peace» by Leo Tolstoy the author considers the concept «preyer». The author comes to the conclusion that the concept has the structure that consists of the root represented by the key-word «preyer» and semantic field. In its term the field is structured with the help of the nominations which are included in different lexico-semantic groups.

Through the key-word «preyer» the sacralization of space and time takes place. It allows to reveal the specialities of author's view in the text of fiction.

Keywords: *concept, sem, word-combination, lexico-thematic group, key-word.*

Концепт как единица ментальности представляет собой явление, с помощью которого через языковые и речевые репрезентации объясняется индивидуальное и коллективное восприятие человеком окружающей его действительности. По М.В. Пименовой, концепт – это «национальный образ, идея, символ, осложненный признаками индивидуального представления» [8, с. 59]. По В.А. Масловой, «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [6, с. 36].

Особая точка зрения на концепт в свете исследования философии языка представлена В.В. Колесовым. Вхождение в концепт предполагает вхождение «через все содержательные формы слова (их со-чувствие) – образ, понятие и символ» [3, с. 13]. Сам термин «концепт», по В.В. Колесову, восходит к слову *conceptum* (зародыш, зерно). Концептум есть «тот самый «зародыш» божественного Логоса, архитип мысли, который не задан, а дан, но постоянно изменяет свои грамматические и содержательные формы, прежде всего – образные» [5, с. 69].

На основе приведенных определений приходим к выводу, что содержание концепта выстраивается, с одной стороны, на основе этнокультуры; с другой – обладает общечеловеческой спецификой. Включает оно в себя все смыслы, образы, доступные цивилизации.

Концепт «молитва» является одним из основных в религиозном сознании человека. Ядро данной единицы ментальности представлено ключевым словом *молитва*, восходящим к глаголу *молить* в значении «просить смиренно, покорно

и усердно» [2, т. II, с. 341]. Своё определение молитвы дал Иоанн Златоуст: «Молитва для человека значит то же, что солнце – для неба, ибо как солнце Бог создал для того, чтобы оно управляло днем, так и молитва должна управлять всею жизнью человека» [12, с. 378].

В книге А. Царевского «Уроки по Закону Божьему» дается следующее определение данной лексемы: «Молитва есть возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу и выражающее наши желания и чувствования перед Ним» [12, с. 377].

Существует три рода молитв: прошение, благодарение и славословие. В свою очередь, данные молитвы могут быть устными, наружными и внутренними, то есть духовными, или сердечными.

Существует определенное время дня, в которое произносится обращение к Богу. Это утро и вечер, время до и после приема пищи. Есть также и определенные дни для молитв. Это дни праздничные и воскресные, а также дни покаяния и поста. Все это свидетельствует о том, что молитва в сознании верующего человека восходит к пространству и времени и в связи с этим по-особому выстраивает жизнь человека.

В книге Л.Н. Толстого «Война и мир» в главе XVIII (т. III, часть первая) описана обедня, которая состоялась в домовоей церкви Разумовских 12-ого июля 1812 года, в воскресенье. В начале главы фиксируется наложение разных типов времени: исторического, реально-бытового и личного (время в восприятии Наташи Ростовской), – что, в свою очередь, воссоздает атмосферу тревоги, которая царила в Москве в июле 1812 года.

В лексико-тематическую группу «время» входят номинации, свидетельствующие о том, что время календарное, бытовое и историческое связано в русском языковом сознании со временем сакральным, с периодом, когда решалась судьба Отечества: «*В начале июля* в Москве распространялись все более и более тревожные слухи о ходе войны»; «И так как *до 11-го июля* манифест и воззвание не были получены, то о них и о положении России ходили преувеличенные слухи»; «*11-го июля, в субботу*, был получен манифест, но еще не напечатан и Пьер, бывший у Ростовых, обещал *на другой день, в воскресенье*, приехать обедать и привезти манифест и воззвание» [10, т. 6, с. 78].

Указание на точное время и место проведения службы придает повествованию документальность, подчеркивает такую особенность художественного текста, как соединение исторических реалий с образной системой всего произведения.

Обедня в домовая церкви Разумовских представлена в произведении в восприятии Наташи Ростовской. Перед началом службы Наташа вновь размышляет о своей жизни. Время для неё в этот момент как будто останавливается, что зафиксировано в лексических повторах *еще* и *воскресенье*, в словосочетании *жизнь без жизни* с семьей 'отсутствие радости, счастья, смысла бытия': «*Еще воскресенье, еще* неделя, – говорила она себе, вспоминая, как она была тут в то *воскресенье*, – и все та же *жизнь без жизни*, и все те же условия, в которых так легко бывало жить прежде» [т. 6, с. 79].

Место действия в тексте – это пространство перед церковью и внутри её, и пространство это особое, на что указывает словосочетание *домовая церковь Разумовских*, которое имеет семы 'история XVIII века', 'история государства Российского', 'царствование Елизаветы Петровны',

'царствование Екатерины II', а также 'храм Вознесения Господня'.

Пространство около храма определяется с помощью слов с семами 'погода', 'время года', 'цвет одежды', 'звуки', 'настроение людей', восходящими к общей семе 'мир': «Уже в десять часов, когда Ростовы выходили из кареты перед церковью, *в жарком воздухе, в криках разносчиков, в ярких и светлых летних платьях толпы, в запыленных листьях деревьев бульвара, в звуках музыки и белых панталонах прошедшего на развод батальона, в громе мостовой и ярком блеске жаркого солнца* было то летнее томление, довольство и недовольство настоящим, которое особенно резко чувствуется *в ясный жаркий день в городе*» [т. 6, с. 79].

Около церкви, а потом и в самой церкви перед службой состояние души Наташи оказывается соотнесённым с привычным для неё обществом московской знати, на что указывают словосочетания *слишком громким шепотом; говорившего о ней; были упомянуты имена Курагина и Болконского; та самая; все-таки хороша*: «– Это Ростова, *та самая...*»; «– Как похудела, а *все-таки хороша!*» [т. 6, с. 79].

Путь Наташи в церковь связан с ее мыслями о будущем и прошлом, о смысле жизни: ««Еще воскресенье, еще неделя, – говорила она себе <...>. Хороша, молода, и я знаю, что теперь добра, прежде я была дурная, а теперь я добра, я знаю, – думала она, – а так даром, ни для кого, проходят лучшие годы»» [т. 6, с. 79]. Антонимы *добра – дурная* (в значении «нехороший во всём отношении» [2, т. I, с. 502]) восходят к противопоставлениям «нравственный – безнравственный», «добро – зло». При этом форма краткого прилагательного *добра*, имея оттенок категоричности [7, с. 225 – 226], приобретает семы 'уверенность', 'оценка собственного поведения', 'нравственность'.

Перед службой пространство церкви через восприятие героини осмысливается как пространство реально-бытовое и сакральное одновременно. В связи с этим в лексико-тематическую группу «церковь» наряду со словами *обедня* и *молитва* входят номинации, словосочетания с семами 'оценка', 'осуждение', 'действие': Она (Наташа. – О.Л.) стала подле матери и *перекинулась* с близко стоявшими знакомыми. Наташа по привычке *рассмотрела* туалеты дам, *осудила* *tenie* и *неприличный способ креститься* рукой на малом пространстве одной близко стоявшей дамы, опять с досадой *подумала* о том, что про нее *судят*, что и она *судит* [т. 6, с. 79 – 80]. Во время же службы такое двойственное восприятие окружающей действительности исчезает.

В данную лексико-тематическую группу входят также слово *ужаснулась* с семами 'чувство', 'грех', 'искренняя вера' и словосочетание *прежняя чистота* с семами 'нравственное начало', 'идеал': «<...> и вдруг, услышав звуки службы, *ужаснулась* своей мерзости, *ужаснулась* тому, что прежняя чистота опять потеряна ею» [т. 6, с. 79 – 80]. При этом гиперонимом словосочетаний *осудила* *tenie* и *неприличный способ креститься* рукой на малом пространстве является слово *мерзость* в значении 'гнусность, беззаконие' [2, т. II, с. 320] с семами 'стыд', 'отвращение', 'ужас', 'оскверняться' [11, т. II, с. 603 – 604], свидетельствующее о духовном восхождении Наташи.

Особые чувства испытывает героиня во время самой службы. В связи с этим в лексико-тематическую группу «церковь» входят определения, характеризующие состояние души героини, ее переживания: «Непонятные для нее самой слезы стояли в груди Наташи, и *радостное и томительное* чувство волновало ее» [т. 6, с. 80].

Молитва позволяет Наташе дать нравственную оценку своим поступкам, возвращает на-

дежду на изменение жизни. Через слово Божие Наташа определяет свое отношение к светскому обществу, к себе самой, ко всему тому, что с ней произошло: ««Слияние с волей Бога» оказывается разрешением вопроса о своем «я» и предназначении, как того и ожидает Наташа» [1, с. 328].

Героиня чутко относится к слову молитвы, и именно она объясняет значение слова *миром*, когда дьякон торжественно произносит: «– «Миром господу помолимся»» [т. 6, с. 80]. *Миром* для Наташи – это «все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью» [т. 6, с. 80]. Значение слова *миром* в ее толковании приобретает семы 'единение', 'отсутствие ненависти', 'объединение на основе любви'. При этом глаголы *думала*, *молиться* (*молилась*, *молится*), *вспомнила*, *придумала*, *причисляла*, *кланялась*, *крестилась*, словосочетание *повторяла в своей душе* свидетельствуют о том, что молитва Наташи – это молитва духовная, то есть сердечная, находящая отклик в глубине ее души.

Пространственное осмысление слова Божьего представлено в тексте в единении «земли» и «неба», в стремлении ко всеобщему духовному началу. Молитва, произнесенная в храме, вбирает в себя множество миров. С одной стороны, это *свышний мир* (слово *свышний* восходит к слову *вышний* которое, по В.И. Далю, имеет толкование «Всевышній, Богъ» [2, т. I, с. 315]), *мир ангелов и душ всех бестелесных существ* [т. 6, с. 80]; с другой – мир людей.

В лексико-тематическую группу «мир людей» входят номинации *плавающие*, *путешествующие*, *любящие*, *ненавидящие*, *воинство*; *князь Андрей*, *брат*, *Денисов*, *отец*, *мать*, *домашние*, *Соня*, *Анатоль*, *враги*, *кредиторы*, а также словосочетание *царская фамилия* [т. 6, с. 80 – 81] с семами 'временное пребывание', 'семья', 'родство', 'друзья', 'взаимоотношения', 'чувства', 'государство'. Данные лексические еди-

ницы, восходя к противопоставлениям «добро – зло», «близкие люди – враги», приобретают в тексте семы 'прощение', 'смирение' и 'любовь': «Когда молились за *воинство*, она вспоминала *брата и Денисова*. Когда молились за *плавающих и путешествующих*, она вспоминала *князя Андрея* и молилась за него <...>. Когда молились за *любящих нас*, она молилась о своих *домашних, об отце, матери, Соне* <...>. Когда молились о *ненавидящих нас*, она придумывала себе *врагов и ненавидящих* для того, чтобы молиться за них. Она причисляла к *врагам кредиторов* и всех тех, которые имели дело с ее отцом, и всякий раз, при мысли о *врагах и ненавидящих*, она вспоминала *Анатоля*» [т. 6, с. 80].

Молитва, которую читал дьякон и которая произвела на Наташу сильное впечатление, называлась ектенья. По В.И. Далю, слово *ектенья* – это «моленіе, читаемое діакономъ или священникомъ, на которое ликъ отвѣчаетъ: *Господи помилуй и подай Господи*» [2, т. I, с. 517].

В тексте обозначены начало («Миром господу помолимся» [т. 6, с. 80]) и конец данной молитвы («Сами себя и живот наш Христу-богу предадим» [т. 6, с. 81]), зафиксирован единый духовный порыв следовать христианским заповедям. При этом Наташа воспринимает слова молитвы с искренней верой, надеждой и смирением, о чем свидетельствуют синтаксические единицы с *умиленным нетерпением в душе говорила Наташа и оглядывалась* (графиня Ростова. – О.Л.) *на умиленное, с блестящими глазами, лицо своей дочери* [т. 6, с. 81].

Важно отметить, что автор подчеркивает деятельное отношение своей героини к миру, указывает на то, что Наташа делает свой выбор добровольно: ««Сами себя богу предадим, – повторила в своей душе Наташа. – Боже мой, предаю себя твоей воле, – думала она. – Ничего не хочу, не желаю; научи меня, что мне делать, куда употребить

свою волю!» При этом слово *воля* с точки зрения этимологического анализа имеет семы 'сила', 'власть', 'хотеть', 'желание', 'выбор' [11, т. I, с. 347 – 348] и, приобретая сему 'поиски смысла жизни', свидетельствует о праве человека самому делать выбор в трудных жизненных ситуациях, о чем свидетельствует глагол в повелительном наклонении совершенного вида *научи*.

В. Прудоминский в своей книге «О Толстом» (2005 г.) указывает: «С этой молитвы <...> начинается новое призвание Наташи. Впереди у нее отказ от вывозимого из оставляемой Москвы имущества ради того, чтобы отдать подводы раненым, новая встреча с князем Андреем, его смерть, любовь Пьера, семья, которой отдаются лучшие силы души, то «декабристское», сибирское будущее, которое остается за пределами романа, но зарницы которого явственно озаряют страницы эпилога» [9, с. 40]. К этому высказыванию можно добавить следующее: «новое призвание Наташи» начинается не только с этой молитвы, но и с молитвы, которая была прочитана следом, то есть с молитвы о спасении России.

В тексте фактически происходит наложение одной молитвы на другую. И именно эти две молитвы оказывают большое влияние на Наташу Ростову, определяют восприятие ею тех событий Отечественной войны 1812 г., участницей которой она стала.

Молитва о спасении России от вражеского нашествия прочитана была священником с особым чувством, на что указывает наличие в тексте определений *ясный, ненасыщенный, кроткий* (голос); *духовные, славянские* (чтецы) с семами 'смирение', 'традиции', 'сердечность', 'вера', 'чувство', 'искренность', 'торжественная минута', 'традиции', 'заветы предков', 'призыв к единению', 'любовь к отечеству' и др.: «– Господи боже сил, боже спасения нашего, – начал священник тем *ясным, ненасыщенным и кротким*

голосом, которым читают только одни *духовные славянские* чтецы и который так неотразимо действует на русское сердце» [т. 6, с. 81].

Если ектенья дана через восприятие Наташи Ростовской, через ключевые синтаксические единицы (начало, конец молитвы), то молитва, полученная из Синода, приведена в тексте художественного произведения дословно, а затем уже через восприятие героини.

Слово, произнесенное священником, построено на противопоставлении «враг – смиренные люди» («нечестивые – освященные»). Значение лексемы *враг* с семами ‘дьявол’, ‘черт’, ‘убийца’, ‘беда’, ‘нужда’, ‘гонитель’, ‘злодей» [11, т. I, с. 352] раскрывается через синтаксическую единицу *се людие беззаконии собираются* [т. 6, с. 81] в значении «люди, переступившие через закон человеколюбия». Преступления, совершаемые захватчиками, раскрываются в тексте молитвы с помощью глаголов *погубити*, *осквернити*, *раскопати*, *поругатися* с семами ‘уничтожение, осквернение святынь’, ‘уничтожение отечества’: «Се враг смущай землю и хотяй положите вселенную всю пусту, восста на ны; се людие беззаконии собираются, еже *погубити* достояние твое, *разорити* честный Иерусалим твой, возлюбленную тебе Россию: *осквернити* храмы твои, *раскопати* алтари и *поругатися* святыне нашей» [т. 6, с. 81]. При этом значение словосочетания *разорити Россию* раскрывается через словосочетания *осквернити храмы твои*, *раскопати алтари* и *поругатися святыне нашей*, свидетельствующие о том, что для народа Россия – явление, прежде всего, духовное, сакральное, о чем свидетельствует наличие в произведении текстовых синонимов: *Россия* – это *храм*, *алтарь*, *святыня*, *честный Иерусалим*, *возлюбленный Израиль* [т. 6, с. 80 – 82].

Говорится в молитве и о духовной опоре народа, его защитнике – царе, образ которого соз-

дается с помощью определений, номинаций с семами ‘нравственный закон’, ‘идеал’, ‘смирение’, ‘справедливость’, ‘единение’, ‘отечество’: «Владыко господи! Услыши нас, молящихся тебе: укрепи силою своею *благочестивейшего, самодержавнейшего великого* государя нашего императора Александра Павловича; помяни *правду* его и *кротость*, воздаждь ему по *благости* его, ею же хранит ны, твой возлюбленный Израиль» [т. 6, с. 82]. Будущую победу императора над противником сравнивают в молитве с победами, о которых написано в Библии («<...> подаждь ему победу на врага, яко же Моисею на Амалика, Гедону на Мадиама и Давиду на Голиафа» [т. 6, с. 82]), что свидетельствует о библейской традиции в восприятии истории человечества.

С помощью глаголов повелительного наклонения передается мольба, обращенная к Богу: «*Сердце* чисто *созижди* в нас, и *дух* прав *обнови* во утробе нашей; всех нас *укрепи* верою в тя, *утверди* надеждою, *одушеви* истинною друг ко другу *любовию*, *вооружи* единомудрием на праведное защищение одержания, еже дал еси нам и отцем нашим, да не вознесется жезл нечестивых на жребий освященных»; «не *посрами* нас от чаяния милости твоея и *сотвори* знамение во благо»; «<...> *порази* враги наши, и *сокруши* их под ноги верных твоих вскоре» [т. 6, с. 82]. Ключевыми словами в тексте молитвы являются номинации *сердце*, *дух*, *вера*, *надежда*, *любовь*, *единомудрие*, свидетельствующие о том, что только братская любовь всех людей друг к другу, единение помогут спасти страну от вражеского нашествия.

Ключевыми являются данные слова и в последнем абзаце XVIII главы, в котором вновь говорится о том, какие чувства и мысли вызвало Божье слово в душе Наташи Ростовской: «Она всей душой участвовала в прошении о *духе* правом, об укреплении *сердца верою*, *надеждою* и о воодушевлении их *любовью*» [т. 6, с. 83].

Итак, концепт «молитва» как отражение национального самосознания имеет структуру, которая состоит из ядра, репрезентированного ключевым словом *молитва*, и поля. В свою очередь, поле структурируется с помощью лексикотематических групп «время», «пространство», «чувства Наташи Ростовской», «адресат молитвы», «Россия» и др., которые восходят к противопо-

ставлению «враг – смиренные люди» («нечестивые – освященные») и свидетельствуют о том, что календарное и историческое время в русском языковом сознании связано с сакральным временем и пространством, определяющими чувства и мысли литературных героев, особенности авторской позиции в художественном тексте.

Литература

1. Густафсон, Ричард Ф. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого / Перевод с английского Т. Бузиной. Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. 480 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
3. Колесов В.В. Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб.: Logos, 2007. 384 с.
4. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 624 с.
5. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 703 с.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
8. Пименова М.В. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
9. Порудоминский В. О Толстом. СПб.: Алетейя, 2005. 416 с.
10. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. VI. М.: Худож. лит., 1980. Далее в скобках указаны том и страница.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.
12. Профессор Императорского Юрьевского университета, протоиерей Арсений Царевский. Уроки по Закону Божьему. М.: Издательство «ФондИВ», 2009. 560 с.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

METAPHORICAL FORMATION OF THE AMERICAN OIL AND GAS TERMINOLOGY

Ефремов А.А.

*Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, республика Адыгея, Россия*

Efremov A.A.

*Adyghe State University,
Maikop, Republic of Adygeya, Russia*

Рассматривается роль метафоры в развитии терминологии американской нефтегазовой отрасли. Анализируются основные факторы, оказывающие влияние на создание новых метафорических терминов в исследуемой терминологии.

Ключевые слова: *термин, терминообразование, метафора, английский язык, нефтегазовая отрасль.*

The paper studies the role of metaphors in the formation of the American oil and gas terminology. The factors contributing to the invention of metaphorical terms in the terminology under study are reviewed.

Keywords: *term; term formation; metaphor; English language; Oil and Gas Industry.*

Процесс развития отраслевой терминологии отличается своей непрерывностью. Терминология американской нефтегазовой отрасли в значительной степени является продуктом совместных творческих усилий всех рабочих нефтегазовых промыслов, начиная с первопроходцев, участвовавших в 1859 г. в работах по бурению первой нефтяной скважины в США под руководством полковника Эдвина Л. Дрейка – именно им впервые выпала честь номинировать объекты, субъекты и процессы нефтегазовой отрасли на заре её становления в Соединённых Штатах Америки – и заканчивая специалистами, которые в наше время заняты в работах по реализации крупных

нефтегазовых проектов по всему миру. Количественный состав терминологии американской нефтегазовой отрасли пропорционален массе знаний на каждом этапе её исторического развития. С расширением профессиональных знаний возрастает потребность в новых терминах, в том числе метафорических, так как для оптимального обмена специальной информацией специалистам необходима адекватная терминологическая система. Данная потребность частично удовлетворяется за счёт миграции терминов из других, нередко несмежных, областей знаний, а частично за счёт создания новых терминов, при этом метафоризация является одной из ключевых моделей

формирования терминосистемы американской нефтегазовой отрасли.

На всех этапах развития нефтегазового сектора, сопровождающихся появлением новых понятий, гипотез и теорий, терминосистема исследуемой отрасли неизбежно сталкивается с необходимостью создания терминов для их адекватного выражения. Именно метафоризация выступает как сама суть формулировок новых технологий, методов, открытий и изобретений, позволяющая специалистам нефтегазовой отрасли, опираясь на свой опыт и доступные знания, терминологически фиксировать посредством «неожиданных и точных образов-словочетаний» новые, непривычные образы и понятия» [1].

Терминосистема американской нефтегазовой отрасли изобилует терминами-метафорами. Правомерность этого утверждения убедительно иллюстрирует факт нахождения нами в рамках исследуемой терминосистемы метафорических терминов в количестве 1944 единиц.

«На образование нового термина оказывает значительное влияние экстралингвистический фактор, связанный с процессами возникновения новых наук и других достижений» [2, с. 4]. Среди экстралингвистических факторов, оказавших наибольшее влияние на обогащение терминосистемы американской нефтегазовой отрасли метафорическими терминами, уместно выделить научно-технический прогресс и рост научных знаний в отрасли, экономическое и политическое влияние нефти в мире, формирование нефтегазовой отрасли в США представителями разных сфер знаний, появление в отрасли новых направлений работ, стремление к кодированию информации от непосвящённых и тяжёлые условия труда.

Основным экстралингвистическим фактором развития метафоризации в исследуемой терминосистеме является научно-технический прогресс.

Научно-технический прогресс в отрасли был и остаётся ключевым двигателем появления метафорических терминов, так как возникновение в нефтегазовой отрасли новых предметов, процессов, явлений, а также проблем и задач, с которыми приходится сталкиваться впервые, обуславливает востребованность метафоры, как ведущего механизма концептуализации субъектами нефтегазовой отрасли окружающей их действительности, поскольку именно метафоры обнаруживают аналогии между различными предметами и явлениями, позволяя «применить знания и опыт, приобретённые в одной области, для решения проблем в другой области» [3, с. 291-292]. Например, при внедрении в нефтегазовую отрасль, таких единиц оборудования, как насоснокомпрессорные трубы малого диаметра с целью обеспечения возможности проведения работ внутри труб стандартного диаметра, термин *spaghetti string* был создан путём метафоризации по форме, за счёт схожести сравнительно тонких и длинных НКТ с тонкими спагетти: *spaghetti string* – «колонна НКТ малого диаметра» (дословно «верёвка спагетти»).

Другим экстралингвистическим фактором, значительно повлиявшим на создание метафорических терминов, является участие в строительстве терминосистемы представителей разных областей знаний, которые примкнули к числу работников нефтегазовой отрасли на заре её зарождения в США. Среди социальных групп, оказавших наибольшее влияние на формирование метафорических терминов американской нефтегазовой отрасли, следует выделить фермеров, моряков, ковбоев и ремесленников. Благодаря морякам в терминологию американской нефтегазовой отрасли переключались такие метафорические термины, как *catwalk* («приёмные мостки», дословно «подиум»), *crow's nest* («подкронблочная площадка буровой вышки», дословно «воро-

ные гнездо»), *mast* («вышка буровой установки», дословно «мачта») [4, с. 8]. Большая доля метафорических терминов, появившихся в период становления нефтегазовой отрасли в США, принадлежит работникам, пришедшим в отрасль из фермерского хозяйства, и имевшим в большинстве своём ограниченный опыт общения с техникой. К числу созданных ими терминов-метафор принадлежат: *cow sucker* («груз, подвешиваемый к концу троса для ускорения его спуска», «сосущий корову»), *hayrake* («пальцы для установки свечей бурильных труб», дословно «сенные грабли»), *donkey pump* («вспомогательный насос», дословно «ослиный насос»).

Обращает на себя внимание тот факт, что на протяжении всей истории развития нефтегазовой отрасли в США подавляющее большинство слов для создания терминов-метафор заимствовалось из общеупотребительного языка. Примерами могут служить *soup* и *skin damage*. Термин *soup*, означающий в общеупотребительном языке «суп», в нефтегазовой отрасли служит для обозначения совсем несъедобного органического соединения, а именно нитроглицерина, который используется как взрывчатое вещество. Данный метафорический термин был создан на основе общности признака консистенции.

Словосочетание *skin damage* в общеупотребительном языке означает «повреждение кожи». В терминологии американской нефтегазовой отрасли этот метафорический термин выражает специфическое понятие «ухудшение проницаемости призабойной зоны скважины в связи с оседанием фильтратов применяемых растворов, отложением механических частиц и других твёрдых примесей». Основой для создания этого метафорического термина послужило сравнение корки из примесей, закупоривающей фильтрационные каналы призабойной зоны скважины, с кожей, которая является наружным покровом тела

и защищает организм от внешних воздействий. Интересно отметить, что при создании термина, слово *skin* (дословно «кожа») было наделено отрицательной коннотацией, так как кольматация (загрязнение фильтрационных каналов) является серьёзной проблемой, с которой приходится бороться на всех этапах работы в скважине.

Ещё одним экстралингвистическим фактором, повлиявшим на обогащение исследуемой терминосистемы метафорами, является разветвлённость нефтегазовой отрасли и наличие широкого спектра направлений работ. Особый интерес с точки зрения активного использования метафоризации для освоения новых понятий представляют такие направления работ как бурение, капитальный ремонт и эксплуатация скважин. Например, в бурении применяется целый ряд метафорических терминов для обозначения различных осложнений и аварий. Для обозначения прихвата, «аварии, характеризующейся полным или частичным прекращением движения бурового снаряда при бурении» [5, с. 483], существует несколько метафорических терминов в зависимости от разновидности прихвата. В процессе бурения, если часть ствола скважины отклоняется от вертикали, то труба будет стремиться врезаться в стенку скважины, вырабатывая в ней канавку. Это явление называется *key seating* (образование желобов на стенках скважины, дословно «протачивание замочной скважины»). Основанием для создания данного метафорического термина послужило визуальное сходство между поперечным сечением скважины, где произошло образование жёлоба, с формой замочной скважины.

Причиной прихвата компоновки при бурении может служить сальникообразование, то есть налипание на буровое долото разбуренной породы при бурении глинистых отложений с высокой проходкой и недостаточной циркуляцией раствора. Для создания метафорического термина,

обозначающего понятие «сальникообразование», в терминосистему американской нефтегазовой отрасли из текстильной промышленности был заимствован термин *balling* («намотка в клубки»). Несомненно, что метафорический термин *balling* («сальникообразование») был образован на основе сходства внешнего вида, иными словами написание разбуренной породы в виде шара на долото и наддолотную часть компоновки сравнивается с наматыванием ткани в клубок.

Наряду с метафорическими терминами, образовавшимися под воздействием экстралингвистических факторов, в терминосистеме американской нефтегазовой отрасли существуют метафорические термины, на возникновение которых повлияли лингвистические факторы. К лингвистическим факторам нами были отнесены следующие: синонимия терминов, гнездообразование терминов, стремление к краткости выражения понятий и т.д.

В ходе исследования метафорических терминов, используемых для обозначения субъектов, объектов и процессов в американской нефтегазовой отрасли, нами было обнаружено явление синонимии. Примерами метафорической синонимии могут служить термины *to run a Kodak* (дословно «спускать фотоаппарат «Кодак») и *to run a camera* (дословно «спускать фотоаппарат»). Данные термины являются абсолютными синонимами и отнюдь не подразумевают спуск в скважину какого-то реального фотоаппарата для подземной съёмки.

Слова *Kodak* и *camera* концептуально ассоциируются с представлением об устройстве, предназначенном для точного воспроизведения чего-либо, получения копии. Внести ясность в генезис этих терминов помогает знание специфики ловильных работ в нефтегазовой отрасли. Оборудование и инструменты, оставленные в скважине в

результате обрыва или аварии, подлежат извлечению для освобождения ствола скважины и восстановления нормального хода работ. Для того чтобы ликвидировать аварию необходимо «получить отпечаток поверхности «головы» оставленного в скважине объекта, подлежащего извлечению или обработке и составить представление о его размерах и форме» [6, с. 107]. Для этих целей в скважину спускают печать, обычно изготовленную из свинца. По достижении «головы» объекта на печать создаётся нагрузка и на поверхности печати остаётся точный оттиск «головы» объекта. То есть синонимы *to run a Kodak* и *to run a camera* передают понятие «спускать в скважину печать для определения «головы». Основой для создания метафорических терминов послужило наличие сходства по функции между фотоаппаратом, делающим точные снимки объектов, и печатью, спускаемой в скважину для получения точного оттиска оставленного объекта. В данном случае появление синонимов связано со стремлением к экономии средств выражения.

К числу лингвистических факторов, повлиявших на создание новых метафорических терминов в терминосистеме американской нефтегазовой отрасли, следует отнести частое включение в их состав лексических единиц, которые непосредственно относятся к нефтегазовой сфере деятельности человека и являются «центрами гнездообразования» [7]. Мощностью самого активного гнезда, производящим в котором является термин *oil* «нефть», составляет 72 единицы. Приведём некоторые примеры метафорических производных данного терминологического гнезда: *oil kitchen* («участок подземных недр, где происходит формирование нефти»; дословно «нефтяная кухня»), *sweet oil* («нефть с низким содержанием серы», дословно «сладкая нефть»), *oil thief* («прибор для отбора проб нефти и нефтепродуктов», дословно «вор нефти»).

Нами было выявлено, что типичной чертой метафорических терминов терминосистемы американской нефтегазовой отрасли является наличие коннотации. Среди метафорических терминов, имеющих яркую положительную коннотацию, обращают на себя внимание единицы, в структуру которых входят слова *smart* и *intelligent*. В общелитературном языке *smart* и *intelligent* употребляются в значении умный, интеллектуальный, сообразительный, преимущественно для описания человека. В терминосистеме американской нефтегазовой отрасли включение данных слов в состав терминов служит цели образной характеристики оборудования скважины: *intelligent well* («умная скважина»), *smart field* («умное месторождение»), *intelligent completion* («интеллектуальное заканчивание»). Концептуальная суть данных терминов заключается в том, что подобно умному человеку, умеющему думать, анализировать и самостоятельно принимать правильные решения, автоматизированная система способна принимать решения по управлению и контролю над разработкой месторождений углеводородов.

Метафорический термин *thief zone* (дословно «зона-вор»), в котором один из компонентов заимствован из области криминалистики, имеет отрицательную коннотацию, и был создан для краткости выражения очень важного для терминосистемы понятия. Слово *thief* (дословно «вор») в общелитературном языке обозначает человека,

занимающегося хищением чужого имущества. Термин *thief zone*, обозначающий понятие «зона поглощения бурового раствора», конечно, подразумевает не воровство в буквальном смысле этого слова. Вор, как негативный образ, противопоставляется интервалу в скважине, в котором при вскрытии бурением проницаемых горных пород, происходит потеря бурового раствора, иными словами, участок горных пород, поглощающий раствор при бурении, антропоморфизмуется, то есть наделяется человеческими качествами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что значительная роль в развитии терминосистемы американской нефтегазовой отрасли принадлежит терминам-метафорам, на формирование которых повлияли следующие экстралингвистические и лингвистические факторы: устаревание и постепенный выход из употребления некоторых метафорических терминов (*snakes in the hole* – «обрушение материала породы со стенок буровой скважины»), обогащение фонда метафорических терминов новыми единицами за счёт появления и интерпретации новых научных знаний (*creaming curve* – «кривая отношения количества скважин-открывательниц к общему числу поисковых скважин»), синонимия метафорических терминов (*to run a camera* – *to run a Kodak*), гнездобразование терминов (*oil* – *oil horizon* – *hot oil* – *hot oil producer*), наличие коннотации (*intelligent completion* – «интеллектуальное заканчивание»).

Литература

1. Седов А.Е. Логика и история наук, запечатленные в метафорах ее языка: количественный и структурный анализ профессиональных терминов и высказываний генетики / А.Е. Седов. - http://www.icg.bionet.nsc.ru/vogis/win/9/9_3.html/. - 1999.
2. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса. Краснодар, 2002. – 184 с.
3. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 281-309.

4. Boone Lalia Phipps. The Petroleum Dictionary. Norman: University of Oklahoma Press, 1952. – 338 p.
5. Сучков Б.М. Терминологический словарь-справочник по нефтепромысловому делу. – Москва-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика»; Институт компьютерных исследований, 2007. – 704 с.
6. Kemp Gore Oilwell Fishing Operations: Tools and Techniques. Gulf Pub. Co., Book Division (Houston), 1986. – 120 p.
7. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англо-язычной терминологии венчурного финансирования): Учеб.-метод. пособие / Л.В. Ивина. – М.: Акад. проект, 2003. – 301 с.

ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

LINGUISTIC MODELING IN ARGUMENTATIVE DISCOURSE

Неборская В.В.

*Удмуртский Государственный Университет,
г. Ижевск, Удмуртия, Россия*

Neborskaya V.V.

*Udmurt State University,
Izhevsk, Udmurtia, Russia*

Статья рассматривает проблему языкового моделирования в аргументативном дискурсе, описывает причину возникновения предпочтений языковой личности в выборе тех или иных знаковых систем коммуникации.

Ключевые слова: лингвopsихология; языковая личность; аргументативный дискурс; аргументационная призма; аргументационный мотив.

The article deals with the problem of language modeling in argumentative discourse. It gives the reason of origin of linguistic personality predilection while using these or those sign systems of communication.

Keywords: *linguo-psychology, linguistic personality, argumentative discourse, argumentative prism, argumentative motive.*

A person is inclined to position himself using different linguistic devices in the process of communication. The use of linguistic devices by a linguistic personality can be roughly divided according to their origin. On the one hand we can name «external» rules of linguistic modeling (the way of communication structure), the rules that are stipulated by social standards and norms and are expressed in the form of certain clichés, set phrases, special vocabulary, etc. in this case we can speak about socio-ritual model of person's behavior [1, P. 59–64]. And on the other hand we can pick out «inner» rules of linguistic modeling. In other words, they are personal ideas about communication structure according to the style of linguistic personality.

At present time in Russian science, that inherited psycholinguistic schools of former Soviet Union, there is no much information about the nature of linguistic personality. There are few researches devoted to the problem why a person chooses certain linguistic construction while communicating, arguing or in argumentative discourse. Researches in the field of linguo-psychology can help to deepen the nature of psychological processes raised in a person as a linguistic personality. And they could be used for creating personal psychological portrait based on his speech (whether in written or oral form), for example.

Making difference between the concepts of linguo-psychology and psycholinguistics, we should notice that the subject of research of the last one is psychological aspects of sign system, life of sign – words, phrases, units, texts as linguistic phenomena, when linguo-psychology deals with sign mediation of psychological phenomena themselves (i.e. linguistic psychology of linguistic personality) [2, P. 11].

And if psycholinguistics uses the methods of psychology (psychological experiments), linguo-psychology, in its turn, uses linguistic methods in the research of the subject of psychology i.e. person's

mentality, emotions, mind, perception. It's done through the prism of everyday language. It brings linguo-psychology closer to linguistic philosophy [3, P. 46].

While speaking a person subconsciously transforms linguistic structure in the way, as he thinks, the best suited for a certain situation. Suitability is based on personal type of thinking. The person thinks the certain set of devices for persuading the opponent to be the only right one because the personality is restricted by a type of thinking. During the research on verbal reactions in argumentative discourse basing on empiric analyses of 120 special questionnaires we found out that the reason of such linguistic modeling is a kind of filter which we name an argumentative prism. And it is argumentative prism that defines the inclination of linguistic personality to the choice of certain linguistic tools and the way of linguistic modeling [4, P. 15–17].

Argumentative prism is a strictly organized system of relevantness, a kind of filter with the help of which a person apprehends the information message. It's a sort of psychological bridge between the text and the recipient, along which the recipient moves to the resource meaning of the text. The argumentative prism through which a person apprehends information, gives a person that very preferential set of sign system of communication which will be used in the process of argumentation. That's why for better effect of «reporting information» the sender should take into account the peculiarities of recipient's type of thinking [5, P. 47–51].

In this way, according to the results of the research we can say that thanks to argumentative prism the recipients of such type of thinking as idealist, for example, at first paid attention to expressive content in the text. A person of such type of thinking in argumentative discourse will speak about problems connected with emotions, his counterarguments will be connected with negative side of emotions, with

freedom limitations, etc. Such people were asked to assess the text which described the situation when the government of one Arabic country, the citizen of which won the beauty competition (dressed in bikini) abroad, promised to flog her for breaking the norms of Muslim behavior having taken part in the competition.

Describing their disagreement with the government of Muslim country the recipients of idealistic type of thinking used such expressive linguistic means that first of all depicted emotional part of the problem. They discussed the pride for brave girl and that the government abused her rights and so on. The best part of sentences was formed in the past and present tenses but with ever present redirecting to the past event or some norm, rule or tradition. While analyzing the questionnaires of the recipients of the idealistic type of thinking we can

see retrospective method of fact operation. One of the most favorite methods of idealists is the use of slips of the tongue (81,2%), that helps them to come to compromise avoiding possible remarks from the opponent (for example, realists use slips of the tongue rarely, it's 32,5%) [5, P. 177–182].

For better interaction and quicker and more effective information sending people should take into account their peculiarities which are defined by the type of thinking (the information they get from the world is filtered through argumentative prism). That's why we have a task to create the methodology of the responsiveness of thinking types peculiarities during people's interaction. This methodology could be used in studies while dividing students into groups according to the fact how they work with the information got from outside.

References

1. Fishman J. The sociology of language // *Advances in the sociology of language*. The Hague, 2004. Vol.1. P. 59–64.
2. Zimnyaya I.A. *Lingvopsichologiya rechevoy deyatel'nosti*. Moscow: Moskovskiy psichologo-sotsialniy institut, 2001. 432 p.
3. Demiyankov V.Z. *Lingvopsichologiya // Voprosi lingvistiki i lingvodidaktiki na sovremennom etape: Materiali VII nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow: Fakultet slovyanskoiy i zapadno-evropeiskoi filologii, Moskovskiy Pedagogicheskiy Universitet, 1999. P. 45–51.
4. Kiselyova V.V. (Neborskaya V.V.) *Stili myshleniya i ih verbalizatsiya v argumentativnom diskurse. Uchebnoe posobie po spetskursu*. Izhevsk: Udmurtskiy Universitet, 2005. 73 P.
5. Neborskaya V.V. *Yazikovaya lichnost i stili myshleniya*. Monograph. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 224 p.

TIME AND SPACE IN TRADITIONAL FORMULAE IN ENGLISH FOLK TALE DISCOURSE

Plakhova O.A.

*Togliatti State University,
Togliatti, Samara Region, Russia*

The paper studies the role of traditional formulae in creating chronotopical uncertainty. Topical parameter seems to be the most unstable with explicit tendency to regular localization of folk tale events in initial formulae by a story-teller. The weakening of chronological parameter is of more gradual nature; it is achieved by a wide range of linguistic means. General weakening of chronotopical uncertainty in final formulae is partly determined by narrator's discursive strategies.

Keywords: *folk tale discourse; chronotope; initial formulae; final formulae; topical (local) parameter; chronological (temporal) parameter.*

Introduction

The category of fabulousness (skazochnost') is the genre formative category of folk tale discourse with miracle, aksiologichnost', uncertain chronotope and structural-semantic iterativity as its parameters. It applies to fairy tales, legends, Anglo-Saxon epic works and historical anecdotes attributing these works to folk tale discourse.

The total of political, economic, religious and sociocultural factors has reflected on genre characteristics of English folk tales transforming generally accepted folk tale genre canon. We consider fabulousness as the genre formative category of folk tale discourse and assume possible weakening of its single parameter determined by cultural and historical conditions of folk tale existence in particular ethnic culture. This weakening can possibly be compensated by actualization of other parameters of the category. Thereupon the present paper is aimed at the study of reflection of the category of fabulousness in initial and final formulae of folk works making up English folk tale discourse.

Time and Space in Initial Folk Tale Formulae

As universal structural folk tale components initial and final formulae organize the composition of a work and possess certain emotional characteristics. Initial formulae transform chronotopical organization of the listeners while final formulae lead the listeners out of the specific communicative state and evaluate the represented events. Structural models of initial formulae as well as lexical-phraseological compatibility of their elements are determined by specificity of folk tale communication which satisfies the listeners' aesthetic needs in narration about imaginary events and characters and brings about the chronotopical parameter of fabulousness.

The role of English folk tale initial formulae in creation of chronotopical uncertainty varies. Undoubtedly this parameter is realized to the utmost in traditional formulae 'Once' and 'Once upon a time' which can be complicated by the elements intensifying temporal uncertainty by 1) idealizing the period described in the folk tale or 2) characterizing events breaking logic laws.

There was once upon a time a poor widow who had an only son named Jack, and a cow named

Milky-white ('Jack and the Beanstalk') [4].

Chronotopical uncertainty can be intensified by introduction to initial formulae parallel constructions, contrast (*all big folks were wee ones; all lies were true*) and predicative constructions. Due to frequent reproduction the latter have achieved stability and are based upon paradox as they denote actions and states of referents impossible for their nature (*and monkeys chewed tobacco; when houses were thatched with pancakes*). The alternative reality possessing a paradoxical character and admitting the existence of the impossible obtains favourable reception (*and a very good time it was*) but nevertheless it is alienated by exclusion of both the narrator and the listeners from temporal continuum (*it was neither in my time nor in your time nor in anyone else's time*):

Once upon a time, and a very good time it was, though it was neither in my time nor in your time nor in anyone else's time, there was an old man and an old woman, and they had one son, and they lived in a great forest ('Jack and his Golden Snuff-Box') [4].

Once upon a time when all big folks were wee ones and all lies were true, there was a wee, wee Mannie that had a big, big Coo ('The Wee, Wee Mannie') [1: 112].

Once upon a time – and a very good time it was – when pigs were swine and dogs ate lime, and monkeys chewed tobacco, when houses were thatched with pancakes, streets paved with plum puddings, and roasted pigs ran up and down the streets with knives and forks on their backs, crying 'Come and eat me!', that was a good time for travellers ('The Clicking Toad') [2: 106].

Despite characteristic for folk tale discourse cliché formulae creating chronotopical uncertainty English folk tales demonstrate explicit tendency to more or less definite time-space localization of the events which is achieved in several ways.

In initial formulae chronological uncertainty of varying intensity is accompanied by topical

distinctness. Temporal continuum border diffusion verbalized by cliché formulae *once upon a time, once, there once, in former times, dunnamany years ago, some time since, long years ago, etc.* is compensated by local distinctness realized by indication to separate objects of physical geography (*the Tavy, the Wear, Wood and Mountain Hill, Pendle*), political subdivisions (*Sussex, Herefordshire*), inhabited localities (*Darlaston, Kentchurch, Hilton Hall*) or hand-made objects (*mill-dams of Binnorie*).

Once upon a time there were two king's daughters who lived in a bower near the bonny mill-dams of Binnorie ('Binnorie') [4].

Hilton Hall, in the vale of the Wear, was in former times the resort of a Brownie or House-spirit, called The Cauld Lad ('The Cauld Lad of Hilton') [3].

Accentuation on authenticity of the narrated events in English folk tales is carried out by introduction to initial formulae historical names of toponymic objects along with their contemporary names. This creates the effect of succession and indissoluble ties between the past and the present making the former more realistic and tangible:

More than a hundred years since, there lived somewhere near Lizard Point a man called Lutey, who farmed a few acres of ground *in the parish of Cury, or Corantyn, as it was then called* ('Lutey and the Merrymaid') [2: 37].

In folk tale initial formulae there also exists the indicator of the recent past combining with topical reference. In such cases characteristic for classical folk tales far remote in the time events are brought as much as possible close to the process of discourse development. The narrator may take the part of an active participant of the events imparting veracity to them.

I heard last week of three fairies having been seen in Zennor very recently ('A Fairy Caught') [3].

I took the opportunity last autumn, just before the break-up of the weather, of shaking off the dust

of shoddy mills, and getting a whiff of smokeless air in a run among *the Yorkshire moors*. I spent the first night at *Bolton*, and slept soundly, after a ramble through *the beautiful Wharfedale*, and an examination of *the Strid, where the river gushes through a rift in the rock so narrow that it is supposed possible to stride across it*. I hardly knew whither I rambled, but I certainly got into *Silverdale*, for I lunched on my bread and cheese with *Peny Ghent towering above me on the west*, and beyond it rose *the glorious pile of Ingleborough* ('The Boggart of Hellen Pot') [2: 171].

The weakening of temporal uncertainty in initial formulae in folk tale discourse may be observed in complete replacement of chronological parameter with the topical one. Lack of indication to any remoteness of the events in the time makes them more realistic, weakens fabulousness, intensifies authenticity and produces an impression that the narrator instead of a fiction shares a true story about one of his acquaintances.

Old Honey lived with his wife and his family *in a little hut of two rooms and a 'talfat' on the cliff side of Trereen in Zennor* ('Cherry of Zennor') [2: 54].

In the house of an honest farmer in Yorkshire, named George Gilbertson, a Boggart had taken up his abode ('The Boggart') [3].

Persuasion in the narration authenticity is also achieved in initial formulae by characteristics of objects of supernatural origin which got to the real world and have remained at people's disposal as a true evidence of the events taken place:

In the vestry of Frensham Church, in Surrey, on the north side of the chancel, *is an extraordinary great kettle or caldron, which the inhabitants say, by tradition, was brought hither by the fairies*, time out of mind, from Borough-hill about a mile hence ('The Fairies' Caldron') [3].

Sometimes the narrator appeals to objects of physical geography and wildlife as an evidence of the

narration authenticity: *Cuckoo Bush, near Gotham, tradition says, was planted or set to commemorate a trick which the inhabitants of Gotham put upon King John* ('The Wise Fools of Gotham') [3].

Time and Space in Final Folk Tale Formulae

The main function of folk tale final formulae is the indication to the narration happy end. L. V. Polubichenko and O. A. Egorova point out that such final formulae "are represented by one type ascertaining the final prosperity of the characters by using words *happy, happily, happiness*" [6: 14].

And she lived happy ever after with her husband, the King ('Tom Tit Tot') [7].

So married they were, and the whole kingdom was filled with joy at the wedding. Furthermore, the king bestowed on Jack a noble habitation, with a very beautiful estate thereto belonging, *where he and his lady lived in great joy and happiness all the rest of their days* ('Jack the Giant-Killer') [4].

And off they went, and were not long before they reached their journey's end, when out comes the young wife to meet him with a fine jolly, bonny young son, and *they all lived happy ever afterwards* ('Jack and his Golden Snuff-Box') [4].

The successful way out may also be introduced by other typified formulae:

Out the little old Woman jumped; and whether she broke her neck in the fall; or ran into the wood and was lost there; or found her way out of the wood, and was taken up by the constable and sent to the House of Correction for a vagrant as she was, I cannot tell. But the Three Bears *never saw anything more of her* ('The Story of the Three Bears') [4].

Well, when that heard her, that gave an awful shriek and away that flew into the dark, and she *never saw it any more* ('Tom Tit Tot') [4].

So Molly took the ring to the king, and she was married to his youngest son, and *she never saw the giant again* ('Molly Whuppie') [4].

An' they never sid no more on 'em atter than, but wenten back to the Gorsty Bonk, an' ad'n some pace an' quietnis ('The Boogies an' the Salt-Box') [2: 123].

So they reached home and the good queen their mother, and Burd Ellen *never went round a church 'widershins' again* ('Childe Rowland') [4].

So they went ho'am together, an' a niver wanted to buy a pottle o' brains age'an, fur's wife 'ad enuff fur both ('A Pottle o' Brains') [2: 181].

Besides traditional cliché final formulae ('and they lived happily ever after' or 'and she never saw it again') English folk tales have formulae in which the narrated events' authenticity is intensified. Veracity of stories is verified by the narrator with reference to documents (existent chronicles and official records and their storing places) and to artifacts. Surviving until present artifacts have:

- natural, rationally explicable, origin (e.g. they were made by people in commemoration of an incredible event and so they or their décor elements served as an explicit indication to the mentioned event);

- supernatural origin (e.g. they were supernatural creatures' gifts or possessions or sometimes their remains).

It was done, delivered, and *if you doubt this story's true, just read the role of honor at the school on the hill in Shrewsbury — Reverend Leonard Hotchkiss, Headmaster 1735* ('The Devil in Wem') [5: 84].

And, *sure enough, the grave is there, and covered with a great coned slab of Horsham stone*. But it is without inscription, and though many are proud to show it, this hedger was the only one I ever met who gave the hero 'a local habitation and name.' *To all the rest he was simply 'The Man who killed the Dragon'* ('The Knucker of Lyminster') [2: 70].

But he kept the Boggard's jagged scythe and hung it in his barn. And now his grandson shows it proudly

to his friends to testify to the truth of the story, and he warns young farmers not to be frightened by bullies, for a wise man will get the better of them ('Tops or Butts?') [2: 113].

They decided to remember this event by carving a special pew end and setting it in the church. Now, *if you go to Zennor Church* you can go through the creaky door, and once your eyes get used to the dim light, *you'll see a pew there with a carving of a mermaid on it, which the villagers made in memory of Matty*. And now you know that story to tell to your friends and family ('The Story of Zennor') [5: 94].

To intensify the truth of his story the narrator 1) appeals in final formulae to the further fate of his characters which can turn out either happy or tragical and 2) accompanies the consequences he describes with argumentation, logical grounds and personal estimation.

The curse lay on the family for nine generations, and indeed from Sir John Lambton himself until Henry Lambton, Esq. M.P., no Lambton did die in his bed. The first died in a hunting accident, the last on crossing the new bridge at Lambton on 26 June 1761, while many between were killed in battle. One General Lambton, who had survived battle and lived a long life, was at last confined to bed with a terrible illness. Though in great agony and though his doctors could not believe how he managed to keep breath in his body, he survived until after much pleading his servants lifted him out of his bed — and as soon as they did, he was released into death ('The Lambton Worm') [5: 69 – 70].

But after a while the Squire thort it all over, and *he married Mary the fearless girl, so arter all he got both bags of gold, and he used to tell her off good and proper whensoever he got drunk. And I think she deserved it, for deceiving the old ghost* ('Mary Who Were Afeard o' Nothin') [2: 146].

But the boy was never seen again, nor the voice ever heard, even on the darkest night. *And to this*

day Devon folk will swear that it was not the hooting of an owl, but the calling of the piskies by the river ('Jan Coö') [2: 49].

The attention in final formulae can be focused not only on the characters' fates but also on the repetition of events until present. The temporal frame is thus extended and the borders of two worlds are superposed and do not prevent the imaginary world from penetrating into everyday life. The indication to the infinitely long duration of the events takes the narration out of temporal borders and blends conditionally separating by human mind the past, present and future into eternity.

So beware you idle traveler on the Yorkshire moors; keep a wary eye out for the Boggart of Hellen Pot ('The Boggart of Hellen Pot') [2: 175].

As for the gooseherd boy, he was never seen again, though the memory of his songs lingered on in the hearts of all who had heard them. *The old lord went back to his castle and kept his strange promise never to set eyes on his granddaughter; a promise that caused him more tears. If you pass that way, you may see him in the window crying for what might have been* ('Tattercoats') [7].

No-one looked after the old woman's grave, yet never a weed was seen. As she had tended their tulip bed, so now they tended her grave. *And though no-one was ever seen to plant a flower; somehow her favourites sprang up in the night – rosemary and gillyflowers, lavender and forget-me-nots, sweet scabious and rue* ('The Tulip Pixies') [2: 36].

A correlation between imaginary and real worlds and intrusion of the former into reality is a phenomenon quite frequent in English folk tale final formulae which is achieved in many respects due to the listeners' participation in folk tale events. Personal pronoun *you* including listeners into the circle of replaceable people and nouns with broad semantics *man, person, people* combined with verb forms in Present Simple annihilate the gap between

two worlds making the listeners participants of imaginary events which are carried from folk tale time-space continuum associated with uncertain past into the plane of the present:

And so there was a wedding. A double wedding, in fact, because, you see, the sick sister married the well prince and the well sister married the sick prince. And as the nut tree blossoms, so did they, and as the leaves fall down, they passed away. *But the story of Kate Crackernuts and her sick sister Anne lives as long as there are people with breath in their body and courage in their hearts to tell it to you* ('Kate Crackernuts') [5: 114].

But what the Devil doesn't understand is that he isn't just fighting the hill and the rocks. *The people of Shropshire are a stubborn bunch — steadfast, sturdy, and true — and the land relies as much on them as they rely on the land. As long as there is one person with a love of the land, the hills and rocks, the moors and woods, one person with no room for the Devil in their heart, then the Stiperstones, Shropshire, and England will be safe, no matter how long the Devil sits on his chair and how hard he tries to defeat the hill* ('The Devil and the Stiperstones') [5: 87].

Sometimes annihilation of chronotopical parameter of fabulousness exhibits a complicated character as it includes a total of discursive strategies used by the narrator. For instance, the fate of the main character's descendants is projected on the real and locally well-known for their magic ability family clans and is confirmed by a well-preserved artifact as their possession. At the verbal level this strategy is characterized by the shift of verb tense forms signaling for the past-to-present transposition.

Lutey's body *was never found* and, in spite of every precaution, once in nine years, some of his descendants *find* a grave in the sea. *All the same, the Lutey family is still well known in Cornwall for their remarkable powers of healing; one still keeps the mermaid's comb* (which some people are

unbelieving enough to say is only part of a shark's jaw; but unbelieving people have no imagination) ('Lutey and the Mermaid') [2: 45].

Conclusion

English folk tale traditional formulae are represented by both canonical typified constructions and constructions reflecting English folk tale genre specificity. The latter's distinctive feature is general weakening of chronotopical uncertainty with varying degree of stability of temporal and topical parameters. The least stable character of topical parameter is explained by the tendency to systematic localization of the described events by the narrator. The weakening of chronological parameter is of more gradual character. It varies from explicit temporal uncertainty verbalized by stereotyped folk

tale formulae to distinct attaching of the events to a particular chronological period by means of data and precedent names (e.g. *King Arthur*, *Guinevere his Queen*, *Merlin*, etc.).

Accentuation on time-space reference leads to significant weakening of specific for folk tale discourse aim at fiction in traditional formulae (An' I call'd wife, an' she said it war t' Bargest, but ah've nivver seed it since; *an' that's a true story* [2: 182]). Minor importance of discursive constituent "aim at fiction" is reflected in the correspondent parameter of the category of fabulousness ("uncertain chronotope") making it irrelevant for peripheral spheres of English folk tale discourse. The mentioned tendency is compensated in our opinion by reinforcement of other parameters of the category, particularly the parameter of miracle.

References

1. Briggs K. M. A Sampler of British Folk-Tales / K. M. Briggs. – London & Henley: Routledge & Kegan Paul, 1977. – 315 p.
2. Folk Tales of the British Isles / Ed. by J. Riordan. – M.: Raduga, 1987. – 368 p.
3. Hartland E. S. English Fairy and Other Folk Tales [Electronic resource] / E. S. Hartland. – London: Walter Scott, 24 Warwick Lane, Paternoster Row, 1890. URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm
4. Jacobs J. English Fairy Tales [Electronic resource] / J. Jacobs. – London: David Nutt, 1890. // URL: www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm
5. Keding D., Douglas A. English Folktales / D. Keding, A. Douglas. – Westport, London: Greenwood Publishing Inc., 2005. – 231 p.
6. Polubichenko L. V., Egorova O. A. Folk Tale Traditional Formulae As a Reflection of National Mentality / L. V. Polubichenko, O. A. Egorova // Bulletin of Moscow State University. Series 19: Linguistics. Intercultural Communication. – 2003. – № 1. – P. 7-22.
7. Steel F. A. English Fairy Tales [Electronic resource] / F. A. Steel. – London: Macmillan and Co. Ltd, 1918. URL: http://www.mainlesson.com/display.php?author=steel&book=english&story=_contents

ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА С АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

TYPES OF THE INTERTEXTUAL RELATIONS BETWEEN THE WORKS OF N.S. LESKOV AND ENGLISH LITERATURE

Першина М.А.

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия*

Pershina M.A.

*Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia*

В статье рассматриваются типы интертекстуальных связей творчества Н.С. Лескова с английской и американской литературой на различных уровнях межтекстовых взаимодействий. Выделяются основные функции интертекста, в частности цитат и аллюзий, на примере творчества писателя. Исследуются стилистические особенности интертекстуальных включений в его произведениях.

Ключевые слова: Лесков, интертекстуальность, межтекстовые связи, цитата, аллюзия, тропы.

The article is devoted to the classification of the types of the intertext on the different level of intertextual relations between the works of N.S. Leskov and British and American literature. It points out the main functions of the intertext (in particular quotations and allusions) and reveals its stylistic particularities in the writer's novels and short stories.

Keywords: Leskov, intertextuality, intertextual relations, quotation, allusion, stylistic devices.

В настоящее время в современных отечественных и зарубежных исследованиях все большее внимание уделяется проблеме интертекстуальных связей, которые определяют содержание и поэтику любого текста: от произведений художественной литературы до рекламных слоганов. Понятие интертекстуальности впервые было введено в 1967 году известным теоретиком постмодернизма Ю. Кристевой. Согласно ее определению, интертекстуальность есть «текстуальная интеракция, которая происходит внутри отдельного

текста» [2, с. 98]. Каноническую формулировку интертекста, по мнению большинства теоретиков, дал Р. Барт, который отметил, что «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат.» [1, с. 417]. Иными словами, интертекстуальные связи характеризуются тем, что отдельные тексты постоянно

«вступают в диалог», «ссылаются» друг на друга.

Типология интертекстуальных взаимодействий стала объектом исследования П.Х. Торопа, который классифицирует межтекстовые связи принимая во внимание способ примыкания вторичного текста (метатекста) к первичному (прототексту) – утвердительный или полемический; уровень примыкания – явный или скрытый; а также фрагментарность или целостность примыкающего текста [4]. Более общая классификация различных типов взаимодействия текстов принадлежит Ж. Женетту, который выделяет интертекстуальность (как «соприсутствие в одном тексте двух или более текстов – цитата, аллюзия, реминисценция и т.д.), паратекстуальность (как отношение текста к своему заглавию, послесловию и эпиграфу), метатекстуальность (как комментирующую и часто критическую ссылку на свой предтекст), гипертекстуальность (как осмеяние или пародирование одним текстом другого) и архитекстуальность (или жанровую связь текстов) [6]. Дополняя классификацию Ж. Женетта, Н.А. Фатеева выделяет также иные модели и случаи интертекстуальности: интертекст как троп или стилистическая фигура, интермедияльные тропы, звуко-слоговой и морфемный типы интертекста, заимствование приема; а также поэтическую парадигму [5].

Произведения Н.С. Лескова, безусловно, отличаются сложностью, многослойностью значений, будучи пронизанными цитатами, аллюзиями и реминисценциями, часто открываясь эпиграфами из других текстов. Интертекстуальные связи творчества писателя с английской и американской литературой представлены большинством типов взаимодействия текстов.

Так, на уровне собственно интертекстуальности, образующей конструкции «текст в тексте», английская литература представлена в творчестве Н.С. Лескова цитатами и аллюзиями из про-

изведений Дж. Байрона (его драмы «Манфред» и «Каин»), Дж. Галла («Внезапные размышления, произведенные вдруг при воззрении на какую-нибудь вещь»), О. Гольдсмита (роман «Венфильдский священник»), Д. Дефо (роман «Робинзон Крузо»), А. Редклиф («Сицилийский роман» – в русском переводе «Юлия, или подземелья замка Мадзини»), Дж. Свифт («Путешествия Гулливера»), В. Скотт (роман «Пертская красавица, или Валентинов день»), Л. Стерна (романы «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»), а также поэтов Р. Бернса, Дж. Макферсона («Поэмы Оссиана»), Т. Мура (поэма «Лалла Рук») и А. Поупа (философская поэма «Опыт о человеке»). Н.С. Лесков также цитирует известных современных ему писателей: Ч. Диккенса (его романы «Крошка Доррит», «Домби и сын»), Дж. Кавану (роман «Королева Мэб»), У. Теккерея (роман «Ярмарка тщеславия») и Э. Троллопа (роман «Попэнджой ли он?»). Позиции писателя по некоторым социальным и философским вопросам характеризуют интертекстуальные связи в его произведениях с работами известных английских историков и философов, как Г. Бокль, Ф. Бэкон, Т. Карлейль, Т. Маколей, Дж. Милль, Дж. Морлей, С. Смайлс и Г. Спенсер. Наиболее часто в качестве интертекста в произведениях Н.С. Лескова выступает творчество знаменитого английского поэта и драматурга У. Шекспира, в особенности его пьесы «Гамлет, принц датский», «Макбет», «Сон в летнюю ночь», «Король Лир», «Отелло» и другие. Американская литература в качестве интертекста в форме цитат и аллюзий в творчестве Н.С. Лескова представлена таким известными современниками писателя, как Ф. Брет-Гарт, Ф. Купер, Г. Лонгфелло и Э. По.

Данные цитаты и аллюзии чаще всего выполняют образотворческую функцию, т.е. дают описание героям, отмечают их определенные черты,

чувства и поступки, также они характеризуют сложившиеся ситуации и создают оригинальную атмосферу в произведении. Кроме того, цитаты и аллюзии отличаются по степени их атрибутивности к исходному тексту, а именно по тому, насколько явным является выделение интертекстуальной связи с точки зрения авторского и читательского восприятия текста. Так, наиболее часто фигурируют цитаты с точной атрибуцией и тождественным воспроизведением. Например, описывая главного героя рассказа «Павлин», Лесков цитирует давно ставшие афоризмом слова классика английской философии Ф. Бэкона и с горькой иронией сетует на царящую в обществе несправедливость по отношению к простым добрым людям: «Благородный и рассудительный, но всегда строгий к себе и честный Павлин, не будучи способен ни к какому коварству и предательству, не подозревал его в других и потому, имея ум свой чистым и светлым, являлся совершенно слепым. Глядя на него, можно было проверить всю истинность слов Бэкона Веруламского о людях, которые, вследствие преобладания философского настроения, делаются совами, видящими только во мраке своих умозаключений и слепотствующими при свете действия, а особенно лишенными способности видеть то, что всего яснее и очевиднее. Как *«сынове мира сего мудрее сынов света в роде своем»* и как Павлин в своем роде был сын света и слуга долга, то сынове мира его перемудрили и обокрали» [3, т. 5, с. 254]. Здесь однозначно указан автор воспроизведенного высказывания, а сам претекст заключен в кавычки.

Аллюзии, наоборот, чаще представлены без атрибуции. Как отмечает Н.А. Фатеева, «они по своей внутренней структуре построения межтекстового отношения лучше всего выполняют функцию открытия нового в старом. Открытие требует усилий со стороны читателя, что порождает

дополнительный стилистический эффект» [5, с. 135-136]. Например, в рассказе «Белый орел» губернатор так описывает превосходную игру Ивана Петровича в предстоящем спектакле: «Никакого столбнякового ужаса, ни ломки, ни кривляний, но вы увидите лицо, которое знает то, *что не снилось мудрецам*» [3, т. 7, с. 16]. Замечание героя отсылает читателя к известным словам Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира, который объясняет своему другу Горацио появление призрака своего убитого отца – *есть вещи на свете, которые не снились мудрецам*. В свою очередь, судьба сестер Ярославцевых в романе «Некуда» сопоставляется с судьбой главного героя романа Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»: «Судьба их некоторым образом имела нечто трагическое и общее с судьбою *Тристама Шанди*. Когда они только что появились близнецами на свет, повивальная бабушка, растерявшись, взяла вместо пеленки пустой мешочек и обтерла им головки новорожденных. С той же минуты младенцы сделались совершенно глупыми и остались такими на целую жизнь» [3, т. 2, с. 325]. Однако следует отметить, что данная именная аллюзия, как и другие, представляющие собой имена собственные – имена героев произведений, даже являясь неатрибутированными, обладают повышенной узнаваемостью и без упоминания имени их автора.

На паратекстуальном уровне английская литература широко представлена в творчестве Н.С. Лескова в виде цитат-заглавий и эпиграфов. Как известно, заглавие является ключом к пониманию всего произведения. Писатель в готовом виде заимствует заглавные формулы, отсылающие к претексту, и наслаивает на них новый обранный смысл. Так, например, героиня романа «Островитяне» Ида Норк читает племянникам «Self-Help» английского писателя-моралиста С. Смайла – «книгу, убеждающую человека «са-

мому себе помогать», благодаря чему тихо растут и вырастают в них и решимость, и воля, и воспитывается то, что далекий потомок, может быть, условится называть в человеке прямою добродетелью гражданина» [3, т. 3, с. 192].

Эпиграфами к двум рассказам писателя являются цитаты из произведений известных английских философов. В частности, эпиграфом рассказа «Загон» взята цитата из сочинения «О компромиссе» английского историка, литературоведа и политического деятеля прогрессивного направления Дж. Морлея: «Disciplina arcani существует в полной силе: цель ее – предоставить ближним удобство мирно копать в свинных корытах суеверий, предрассудков и низменных идеалов» [3, т. 9, с. 356]. Подобное учение о тайне, положенное в основу данного рассказа, воплощает в себе идею изобличения глубокого застоя русского общества. Эпиграфом к другому рассказу «Продукт природы» предстает цитата из творчества английского философа и историка Т. Карлейля: «Сравнительно с народною толпою мало явлений заслуживает большего изучения. Она настоящий продукт природы: все прочее только гримасы, а здесь искренность и действительность. Смотри на народную толпу, если хочешь, с трепетом, но смотри внимательно: то, что она сделает, никому неизвестно, и еще менее ей самой» [3, т. 9, с. 340]. Эпиграф раскрывает основную идею проникнутого чувством боли и сострадания к русскому народу рассказа, в основу которого легли воспоминания писателя о переселении крепостных крестьян.

На уровне метатекстуальности основным типом межтекстовых взаимосвязей произведений Н.С. Лескова с английской и американской литературой выступает интертекст-пересказ, который представляет собой эксплицитное высказывание о претексте. В частности, в рассказе «Интересные мужчины» автор передает сюжет рассказа

Ф. Брет-Гарта «Счастье ревущего стана»: «Если вы читали у Брет-Гарта, как какие-то малопутящие люди в американской пустыне были со скуки заинтересованы рождением ребенка совершенно постороннею им женщиною, то вы не станете удивляться, что мы, офицеры, кутилы и тоже беспутники, все внимательно занялись тем, что бог дарует дитя нашей молоденькой полковнице» [3, т. 8, с. 61]. Пересказ в данном случае обращает внимание читателей на большую значимость предстоящего события для героев произведения. А обращение к книге «Коран, или Жизнь, характер и чувства Лаврентия Стерна» в повести «Смех и горе» передает позицию автора по вопросам философии и науки: «Я в вопросах этого рода редко иду путем умозаключений, хотя и люблю искусную и ловкую игру этим орудием, как, например, у Лаврентия Стерна, которого у нас, впрочем, невежды считают своим братом скотом, между тем как он в своем «Коране» приводит очень усердно и тончайшие фибры Левенхука, и песчинку, покрывающую сто двадцать пять орифисов, через которые мы дышим, и другое многое множество современных ему открытий в доказательство, что вещи и явления, которых мы не можем постигать нашим рассудком, вовсе не невозможны от этого» [3, т. 3, с. 485].

На уровне архитектуральности или жанровой соотнесенности текстов целый цикл святочных рассказов Н.С. Лескова связан с рождественскими повестями Ч. Диккенса «Рождественская песнь», «Колокола», «Сверчок за очагом», «Битва жизни» и «Одержимый, или сделка с призраком».

Кроме того, интертекст может входить в состав тропа или стилистического оборота. В том случае интертекстуальная связь произведений становится особенно выразительной. Часто конструкцией, вводящей ссылку на претекст, является сравнение. Например, в повести «Смех и горе» генерал Перлов рассуждал о том, как бы ему всю

Европу выпороть: «Разумеется, если ее дипломатическим путем к тому приглашать, она не дастся, а клич по земле русской кинуть... как *Бирманский лес с прутьями пойдем* и всех перепорем...» [3, т. 3, с. 543]. Здесь проведена аналогия с событиями трагедии У. Шекспира «Макбет», когда воины Малькольма идут в бой, прикрываясь отрубленными ветвями Бирманского леса. Чаще всего центральным элементом сравнения выступают имена собственные, в которых концентрируется сюжет известного читателям претекста. В произведениях Н.С. Лескова в качестве сравнений выступают такие образы, как шекспировский Отелло: «...опять я, как *оный венецианский мавр*, рассказываю что-то...» («Колыванский муж») [3, т. 8, с. 414]; король Лир: «...думаю, как *король Лир* думал в своем помешательстве...» («Смех и горе») [3, т. 3, с. 487]; леди Макбет: «Она, бедняга, даже ночью, как *леди Макбет*, по губернаторскому дому все ходила да стонала: «...Кровь на нас, кровь!...» («Смех и горе») [3, т. 3, с. 528]; следопыт Ф. Купера: «...оставим пока в стороне все тропы и дороги, по которым Ахилла, как *американский следопыт*, будет выслеживать своего врага, учителя Варнавку...» («Соборяне») [3, т. 4, с. 23]; Йорик Л. Стерна: «...и, как *герой «Сентиментального путешествия» Стерна*, говорю: «Нет, это положительно лучше во Франции...» («Смех и горе») [3, т. 3, с. 558] и другие. Иногда аналогия с прототипами задается метафорической номинацией: «...наш *медицинский Гамлет* всегда мрачен» [3, т. 2, с. 76]; «А ты, *Гамлет*, весь день молчал и то заговорил» [3, т. 2, с. 233] (герой романа «Некуда» доктор Розанов сопоставляется с персонажем трагедии У. Шекспира); «...в таком

райском житье прошли для *нашего Робинзона* целые четыре года» [3, т. 1, с. 248]; «Судьи утверждали, что *старогородский Робинзон* лжет» [3, т. 1, с. 261] (герой рассказа «Котин доилец и Платонида» Ион Пизонский сравнивается с персонажем романа Д. Дефо).

Таким образом, межтекстовые связи творчества Н.С. Лескова с английской и американской литературой прослеживаются на уровне интертекстуальности, паратекстуальности, метатекстуальности и архитектекстуальности. Англоязычная литература как претекст чаще всего представлена в произведениях писателя в виде цитат с атрибуцией и неатрибутированных именных аллюзий. Английская литература также представлена в творчестве Н.С. Лескова цитатами-заглавиями произведений и эпиграфами. На уровне метатекстуальности основным типом межтекстовых взаимосвязей выступает интертекст-пересказ, который представляет собой эксплицитное высказывание о претексте. С точки зрения жанровой соотнесенности цикл святочных рассказов Н.С. Лескова связан с рождественскими повестями английского писателя Ч. Диккенса. Кроме того, интертекст часто выступает в качестве тропов и стилистических оборотов. В частности, ключевым элементом сравнений выступают образы героев английского поэта и драматурга У. Шекспира, а также других английских и американских авторов. Интертекст выполняет различные важные функции в произведениях Н.С. Лескова, что доказывает значимость и серьезное влияние англоязычной литературы на творчество писателя.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика // Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. – 1995. – №1. – С. 97-124.
3. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. – М.: ГИХЛ, 1956 – 1958.
4. Тороп П.Х. Проблема интертекста // Труды по знаковым системам XIV. Текст в тексте. Ученые записки Тартуского госуниверситета. – 1981. – Вып. 567. – С. 33-44.
5. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
6. Genette G. Palimpsestes: La litterature au second degre. – P.: Seuil, 1982. – 467 p.

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА КИНЕМАТОГРАФА В ПОЭЗИИ В.В. МАЯКОВСКОГО

FIGURATIVE METHODS OF CINEMATOGRAPHY IN VLADIMIR MAYAKOVSKY'S POETRY

Сильченко Г.В.

*Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова,
г. Ишим, Тюменская обл., Россия*

Silchenko G.V.

*Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov,
Ishim, Tyumen region, Russia*

В статье рассматриваются стихотворения В. В. Маяковского с точки зрения использования в них образных средств кинематографа. Исследуется специфика применения в литературных текстах таких специфических средств кинематографической образности, как смена планов, движение камеры, внутрикадровый и межкадровый монтаж.

Ключевые слова: поэзия; кинематограф; В. В. Маяковский; поэтика; смена планов; движение камеры; монтаж.

There are some poems by Mayakovsky in this article. You can discover these poems from different points of view, with using figurative methods of cinematography. The author investigates the particularity of using figurative methods of cinematography in literary texts. The author shows some figurative methods of cinematography such as variations of background, camera's moving, intraframe and interframe montage.

Keywords: poetry; cinema; Vladimir Mayakovsky; poetics; variations of background; camera's moving; montage.

Взаимодействие литературы и кинематографа представляет собой вполне естественный процесс: многие писатели пробовали свои силы в качестве сценаристов, создавали теоретические работы, посвященные вопросам киноэстетики, обращались к режиссуре, иногда выступали как актеры. К поэтам, для которых кинематограф оказался значимым явлением, следует отнести В.В. Маяковского (1893-1930). Поэту принадлежит ряд статей о кинематографе, несколько киносценариев, работа над которыми продолжалась около 15 лет, помимо этого Маяковский выступил в ряде фильмов в качестве актера. В данной статье представлена попытка рассмотреть поэтические тексты В. В. Маяковского с точки зрения использования в них ключевых кинематографических приемов, специфических образных средств кино.

Как отмечает исследователь проблемы взаимодействия литературы и кинематографа: «Анализ текста посредством выявления его связей с кино, учет и исследование киномышления, заложившего конструктивные основы литературного творчества, является одним из продуктивных способов постижения художественного мира писателя» [4, с. 171]. Следовательно, исследование поэтики Маяковского с точки зрения использования поэтом кинематографических приемов является актуальным.

Кинематограф – это синтетический вид искусства, в основе которого лежит проблема создания динамического образа действительности, этому способствует такой специфический кинематографический прием, как **смена планов**, позволяющий передавать динамику физических и психологических процессов. В стихотворении Маяковского «Необычайное приключение, бывшее со мной, с Владимиром Маяковским, на даче Румянцева, Акулова Гора, Пушкино, Ярославской жел. дор.» (1920) приход солнца к поэту

в гости показан как смена планов, от дальнего к крупному:

*Ко мне
по доброй воле
само,
расставив луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать
и ретеруюсь задом.
Уже в саду его глаза,
уже пролезло садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса.
Ввалилось. Дух переведа,
заговорило басом [3, с. 285].*

Приближение солнца дано как смена кинематографических планов, сопровождающаяся постепенной сменой активности солнца и изменением психологического состояния лирического героя. В момент, когда поэт обращается к солнцу в крике, призывая его спуститься «на чай», солнце показано на дальнем плане, оно спускается за гору «медленно и верно». Дальний план в кинематографе предназначен для того, чтобы показать ощущение пространства, широкую панораму, подобный тип плана не способен передавать психологическое состояние, и солнце в данном эпизоде еще безэмоционально, оно совершает привычный суточный ритуал.

В следующем эпизоде характер отношений поэта и солнца изменяется, и подтверждением тому служит смена плана: «Расставив луч-шаги / шагает солнце в поле», – это общий план (в применении к человеку он связан с показом его в полный рост). Данный тип плана позволяет включить персонажа в окружающую среду, фиксирует явления внешнего мира, но еще без пол-

ного погружения во внутренний мир. Образ лучшагов указывает на размеры светила, его стремительность, способность преодолевать значительные расстояния. Но еще невозможно понять, разгневано солнце приглашением поэта или приняло его с радостью. Следующие строки стихотворения решены с кинематографической точки зрения как первый и крупный планы: солнце показано вблизи, делается акцент на его отдельных деталях: «Уже в саду его глаза, / уже пролезло садом». Именно крупный план дает возможность показать эмоциональную окраску, подчеркнуть значительность изображаемого объекта. Солнце заполняет собой все пространство дачи, и только сейчас мы можем понять, с какими эмоциями оно пришло к поэту в гости.

Начало данного стихотворения может быть рассмотрено как использование поэтом еще одного характерного для кинематографа приема: **движения съёмочной камеры**. Обратимся к следующим строкам:

*Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горюю,
а низ горы деревней был,
кривился крыши корою.
А за деревнею дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз
медленно и верно [3, с. 283].*

В кинематографе принято выделять три основных вида движения камеры: трэвеллинг, включающий такие разновидности, как наезд и отъезд; панорамная съемка и траекторная съемка. В представленном отрывке мы имеем дело с наездом, то есть движением вперед, камера как бы пролетает над поверхностью земли, фиксируя отдельные детали пространства. Данный прием позволяет зафиксировать характер обстановки, предшествующей необыкновенным событиям.

Однообразное течение жизни, подчеркнутое выражениями «каждый раз», «снова» должно обозначить контраст последующего эпизода.

Специфическим кинематографическим средством создания художественного образа выступает **монтаж**. Как отмечают киноведы, именно появление монтажа позволило кинематографу стать самостоятельным видом искусства, обрести собственный язык. Техника монтажа оказалась широко востребована в литературе первой половины XX века, что повлияло на появление особых литературных жанров, например, романа-монтажа.

Произведения Маяковского также могут быть рассмотрены с точки зрения использования в них принципов монтажа различного вида. Принято выделять два основных вида монтажа: **внутрикадровый** и **межкадровый**. **Внутрикадровый монтаж** предполагает «построение единого выразительного пространства-времени кадра» [5, с. 17]. Подобный тип монтажа, применительно к литературным произведениям, получил название **внутрифразовый**, так как он характеризует отдельный в смысловом, композиционном и синтаксическом плане отрезок текста. Посредством внутрикадрового монтажа образуется **мизанкадр**, то есть элемент монтажного ряда обладающий собственной «мини-темой, мини-действием», эмоцией [5, с. 18].

Примером выразительного мизанкадра можно считать первую главку «О балладе и балладах» поэмы Маяковского «Про это» (1923):

Лубянский проезд.

Водопьяный.

Вид

вот.

Вот

фон.

В постели она.

Она лежит.

Он.

На столе телефон.

«Он» и «Она» баллада моя.

Не страшно нов я [3, с. 463].

Данный мизанкадр позволяет показать характер отношений между героями, эмоциональный накал, царящий в комнате. Образы, на которых акцентируется внимание в кадре, станут ключевыми в поэме, приобретут символический характер. Таков образ телефона, он станет лейтмотивным в произведении, связующим звеном и символом разлуки для героев. Завершается глава строкой, уточняющей мизанкадр: «Стол. / На столе соломинка». Соломинка – это метафора, за которой стоит образ телефона, спасительной соломинки, которую пытается ухватиться герой.

Межкадровый монтаж представляет собой сочетание мизанкадров на основе их содержания, ведущее к созданию единой монтажной системы фильма. Монтаж тесно связан с ритмом произведения (кинематографического и литературного), потому что от чередования интенсивных и более замедленных моментов действия зависит темпоральный ход повествования. В литературоведении данный тип монтажа получил название межфразовый.

Монтажные принципы можно проследить во многих произведениях Маяковского. Пример параллельного монтажа представлен в стихотворении «Севастополь – Ялта» (1924), в первой фразе: «Дорога до Ялты будто роман / все время надо крутить», – задается параллель, которая будет реализована в последующем тексте:

Сначала

авто

подступает к горам,

охлаживая кряжевые.

Вот так и у нас

влюбленья пора:

наметишь –

и мчишь, ухаживая.

Авто

начинает

по солнцу трясть,

то жаренной ты,

то варенной.

Так сердце

тебе

распалает страсть,

и грудь –

раскаленной жаровней [3, с. 327].

Весь последующий текст стихотворения продолжает данный вид монтажа. Подобная параллель может быть рассмотрена как прием острания – «обострение художественной выразительности <...> образа путем придания ему необычных, неожиданных, странных черт и особенностей» [1, с. 284]. Необычная параллель, сравнение любви с поездкой по горной дороге создает выразительный образ, характеризующий любовное чувство на многих этапах его развития. Монтаж позволяет взглянуть на любовь по-новому, увидеть ее в неожиданном свете. Теоретики монтажа в киноискусстве утверждают, что склейка двух кадров у зрителей должна рождать третий смысл (1+1=3). Этот смысл и должен стать тем новым, что открывает в себе человек.

Монтаж различного вида довольно часто используется поэтом. Обратимся к стихотворению «Еду» (1924), входящему в парижский цикл поэта:

Билет –

щелк.

Щека –

чмок.

Свисток –

и рванулись туда мы,

куда,

*как сельди,
в сети чулок
плывут
кругосветные дамы* [3, с. 342].

Монтажный стык кадров: «Билет – щелк. Щека – чмок» – позволяет судить о стремительном характере прощания, о любовном чувстве героев не может быть речи. Подтверждает динамичность ситуации следующая строка стихотворения, в которой начало движения поезда выражено глаголом «рванулись».

Выразительным средством создания как кинематографического, так и литературного образа является **деталь**. Существует значительное количество классификаций, предлагающих деление кинематографических деталей на группы. В данной статье за основу взята классификация Н. Б. Ермиловой [2, с. 20-21], согласно которой выделяются следующие группы деталей:

- детали сюжета (детали, играющие ключевую роль в эпизоде, и осевые детали);
- детали характера (характерный жест, как деталь поведения, и детали внешности, костюма);
- детали обстановки (детали, характеризующие героя по обстановке его жилья, и детали, помогающие развитию его сюжета);
- детали-метафоры и детали-символы.

В произведениях В. В. Маяковского можно встретить все виды представленных деталей. Покажем, как реализуются отдельные виды, в поэтических текстах поэта.

Пример сюжетной детали, играющей ключевую роль в эпизоде, присутствует в стихотворении «Хорошее отношение к лошадям» (1918). Лирический герой, подойдя к лошади, увидел, что она плачет:

*Подошел и вижу –
за каплицей каплица
по морде катится,
прячется в шерсти* [3, с. 278].

Лошадиные глаза, из которых катятся каплицы слез, показывают, что она устала от монотонной работы, которая никому не нужна, ей неприятна толпа зевак, сбежавшаяся поглядеть на случившееся.

Одной из известнейших деталей характера, выражающей его посредством костюма, внешности является кофта фата из одноименного стихотворения 1914 года. Уже в названии стихотворения заявлены характерные черты лирического героя, выделяющие его среди других, этому способствует и специфический цвет кофты: желтый, «из трех аршин заката».

Можно сделать вывод, что анализ поэтических текстов Маяковского с опорой на кинематографические приемы позволяет прояснить индивидуальные черты его поэтики. Рассмотрение текстов опирается на использование таких категорий кинематографа, как план, ракурс, монтаж, кинематографическая деталь, трэвеллинг, различные виды движения камеры. Подобный подход к поэтическим текстам является вполне эффективным и служит более целостному восприятию поэзии В. В. Маяковского.

Литература

1. Боров, Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов [Текст] / Ю. Б. Боров. – М., 2003. – 575 с.

2. Ернилова, Н.Б. Деталь в кино. Выразительные возможности использования пластического образа в литературе и кинематографе: учеб. пособие [Текст] / Н. Б. Ернилова. – СПб., 2006. – 96 с.
 3. Маяковский, В. Избранная лирика [Текст] / В. Маяковский. – М., 1998. – 576 с.
 4. Нурманова, Ж.К. Литературный кинематограф: учеб. пособие [Текст] / Ж. К. Нурманова. – Астана, 2010. – 176 с.
 5. Соколова, Н.П. История и теория кино: учеб.-метод. комплекс [Текст] / Н. П. Соколова, Тюмень, 2007. – 240 с.
-

ТИПИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ С ЗООНИМАМИ

TYPICAL SITUATIONS REVEALED IN ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN PROVERBS WITH ZOONYMS

Маклакова Е.М.

*Университет управления «Тисби» Набережночелнинский филиал,
г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия*

Maklakova Y.M.

*University of management «Tisbi» Naberezhnye Chelny branch,
Naberezhnye Chelny, Tatarstan Republic, Russia*

Данная статья посвящена анализу структурной организации зоонимных фразеологических единиц коммуникативного характера (паремиях) трех разноструктурных языков (английского, французского и русского) с целью выявления в них типических ситуаций. На материале пословиц и поговорок английского, французского и русского языков с названиями животных выявлены объединенные общей структурной моделью ситуации, типичные для исследуемых языков.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, паремии, пословица, поговорка, зооним, структурный анализ, разноструктурные языки, типическая ситуация, структура, модель.*

This article is devoted to the structural organization analysis of communicative character phraseological units (proverbs and sayings) with zoonyms in three languages of different structures (English, French and Russian). The purpose of the study is to identify some typical situations in the

target material. The analysis of the proverbs with animals' names allowed revealing typical for the target languages situations united by the general model.

Keywords: *phraseological unit, proverb, saying, zoonym, structural analysis, languages of different structures, typical situation, structure, model.*

Поскольку пословицы и поговорки способны к воссозданию круга наиболее важных для народной культуры понятий, анализ денотативного пространства паремий позволяет рассмотреть основные «предметные» сущности, отраженные в национальной картине мира. Денотативный анализ паремий предусматривает, в первую очередь, определение состава тематической группы, в пределах которой регулярно используются тематически организованные группы денотатов. Классификация таких «типических ситуаций» разработана Г.Л. Пермяковым, выдающимся российским советским ученым-паремиологом, фольклористом и семиологом [Пермяков 1970]. «Сходные пословицы и поговорки независимо от их языкового материала представляют собой образные варианты неких типических ситуаций, а эти ситуации по отношению к пословицам и поговоркам являются инвариантами» [Пермяков 1970:20].

На материале паремий трех сопоставляемых языков выделяем группы ФЕ однотипно организованных со структурно-семантической точки зрения и предпринимаем попытку выявления типических ситуаций, включающих однотипные ФЕ-предложения. К типическим ситуациям относим денотативно-сигнификативные ситуации, имеющие коэффициент репрезентативности более трех. Такой подход к определению типических ситуаций предпринят Д.В. Юрченко [Юрченко 2001]. Всего на основе исследуемого материала английского, французского и русского языков выявлено 14 типических ситуаций, представленных однотипно оформленными по-

словицами и поговорками с названиями животных.

Типичной структурной моделью поговорок английского языка является конструкция «NImperV+N+V»: *Don't teach fish to swim, Don't teach the dog to bark, Don't teach the cock to crow, Don't teach a hen to cluck, Don't teach a serpent to hiss*, соответствующие поговоркам русского языка «*Не учи щуку плавать*», «*Не учи собаку лаять*». Данные выражения соответствуют общей типичной ситуации – «Не стоит учить знающего свое дело человека». Типическая ситуация «Каждый должен заниматься своим делом и не лезть в дела других» представлена поговорками английского и русского языков, имеющими однотипную конструкцию. Для английского языка – это «ImperV+Adj+N+V+(Pron/Prep)+Pron+(Adj)+N»: *Let every man skin his own eel; Let every pig dig for himself; Let every fox take care of his own brush; Let every herring hang by its own gill/tail (sheep hang by its own shank); Let every tailor stick to his goose; Let every sheep hang by its own shank*. В русском языке данная ситуация обозначена поговорками конструкции «ImperV+N+Adj+N»: *Знай сверчок свой шесток, Знай кошка свое лукошко, Знай ворона свое гнездо, Знай ворона свое кра*.

Привлекаемые паремии французского языка представлены скудным числом побудительных предложений, большая часть из которых употребляются без отрицания: *Parez un hérisson, il semblera baron; Compte plutôt sur ton âne que sur le cheval de ton voisin; Menez un âne à la Mecque, vous n'en ramènerez jamais qu'un âne; Sers comme serf ou fuis comme cerf*. Исследуемые паремии

русского языка представлены сравнительно небольшим числом побудительных предложений, большая часть из которых образована с помощью отрицания «не»: *Не продавай шкуры, не убив медведя; Не буди спящего пса; Не пугай сокола вороной*. Ситуация, когда думают о том, что «Не следует доверять ненадежному человеку», запечатлена в следующих примерах конструкции «NImperV+N+Prep+N»: *Не пускай козла в огород, Не пускай лису в курятник, Не пускай волка в овчарню*. Среди пословиц и поговорок с компонентом-зоонимом вопросительные предложения встречаются крайне редко.

Утвердительные предложения занимают наибольший пласт исследуемых зоонимных паремий в английском, французском и русском языках. Моделью «N+NPV+(Adj)+N's+N» обладают следующие ФЕ английского языка, соотносящиеся с ситуацией «Свой своего не обидит»: *Crows will not pick out crows' eyes; Hawks will not pick out hawks' eyes; A hawk will not pick out hawk's eyes; A raven will not peck another raven's eye; A raven won't peck another raven's eye*. В английском языке отмечены примеры ФЕ, соответствующие модели «(Adj)+(Adj)+N+PV+Pron+Adj+N+Adj/N»: *The owl thinks her own young fairest/beauties; The crow thinks her own birds fairest; Every mother thinks her own gosling a swan; The black crow thinks her own birds white; Every man thinks his own geese swans*. Данные выражения соответствуют ситуации «Для каждого родителя свои дети идеальны». Среди пословиц и поговорок, оформленных как простые отрицательные предложения, выявлены следующие модели: 1) «Num+(Adj)+N+Prep+(Adj/Num)+N+PV»: *Две кошки в одном мешке дружбы не заведут; Два кота в одном мешке не улягутся; Два медведя в одной берлоге не улягутся/не уживутся; Две бараньи головы в один котел не лезут*. Данные примеры соответствуют ситуации «Два сильных

соперника не могут сосуществовать на одной территории»; 2) «N+neg.part.+N+(Prep+N)+NPV»: *Дело не сокол, не улетит; Дело не медведь, в лес не уйдет; Дело не голуби, не разлетятся; Работа не волк, в лес/тайгу не убежит; Дело не воробей, не улетит*. Указанные поговорки связаны с ситуацией, когда в оправдание своего безделья утверждают, что «Работа никуда не денется».

Структурной однотипностью характеризуются следующие ФЕ русского языка модели «Adj+N+Adj+N+PV»: *Всякая птица свое гнездо любит; Каждая птица свое гнездо защищает; Всяк кулик свое болото хвалит; Каждая курица свой насест хвалит*. Данные выражения связаны с типической ситуацией «Каждый восхваляет свой дом и своих детей». Наиболее продуктивной конструкцией анализируемых ФЕ русского языка являются двусоставные простые предложения с союзом «и» в постпозиции или препозиции. К группе ФЕ-предложений с союзом «и» в постпозиции относятся следующие типичные конструкции – простые предложения с составным именным сказуемым модели: 1) «Prep+(Pron)+N+Conj+N+N»: *На безрыбье и рак рыба, В поле и жук мясо, На бесптичье и ворона соловей, За морем и синица птица, На мышку и кошка зверь; В своей водице и лягушка певица*; 2) «Prep+(Adj)+N+Conj+N+(neg.part.)+Adj»: *Из куста и ворона востра, С родной стороны и ворона мила, Без хвоста и ворона не красна, С родной стороны и собачка мила, Без слона и бык велик, На возжах и лошадь умна*; 3) «Prep+(Pron/Adj)+N+Conj+N+PV»: *В своем болоте и лягушка поет, На ловца и зверь бежит, На падаля и собака бежит, На падаля и вороны валяются, От жиру и собака бесится, По привету и собака бежит, На красный/хороший цветок и пчела летит, От работы и конидохнут*; 4) «Adj+N+Conj+N+PV»: *Осторожного коня и зверь не вредит, Смирную собаку и кочет/ястреб*

побьет, Мертвого льва и собаки лизнут, Голой кости и собака не гложет и др.

Другими примерами предложений русского языка с союзом «и» в обобщающей функции являются: *Суженого и конем не объедешь, Словом и соловья не убьешь; Мертвым соколом и вороны не затравишь; Удастся и червячку на веку, Пчелка и та взятку берет, Дятел и дуб продалбливает, Каркает ворона и на беркута; Добрый привет и кошке люб, Доброе слово и кошке приятно, Голодный француз и вороне рад, На своей улочке храбра и курочка.*

Во вторую группу ФЕ-предложений с различного рода расширениями отнесем примеры с союзом «и» в препозиции: *И большой таракан не мерину чета, И маленькая рыбка лучше большого таракана, И кулик в своем болоте велик; И сокол выше солнца не летает, И орел выше солнца не летает, И комары лошадей заедают, И лошадь кашляет, И пчелка летит на красный цветок, И муха набивает брюхо, И собака старое добро помнит, И собака ласково слово знает, И собака свою сторону знает, И воробей на кошку чирикает, И большому гусю не высидеть теленка, И у курицы есть сердце, И по заячьему следу доходят до медвежьей берлоги, И курочку на пир зовут/тащат, И от доброй собаки блох наберешься и др.* Среди данных примеров ФЕ русского языка можно выделить следующие типические ситуации, в которых заключены следующие общечеловеческие истины и ценности: «На своей территории любой кажется сильнее»; «За неимением желаемого и нежелаемое кажется подходящим»; «Доброе слово каждому приятно»; «Никто не может превзойти свои возможности»; «На своей родине все кажется знакомым и милым»; «Каждого манит туда, где есть чем поживиться».

Во французском языке типическая ситуация, связанная с темой «Подобное рождает подобное», представлена однотипными ФЕ модели

«N+NPV+N»: *L'aigle n'engendre point la colombe; Les coucous ne font pas les merles; Les chiens ne font pas des chats; Un corbeau ne fait pas un canari.* Модель «Adj+N+V+Pron+N+(Prep+Pron+N)» выделена в следующих ФЕ французского языка: *Chaque oiseau chante sa propre chanson; Chaque renard porte sa queue à sa manière; Chaque chien lèche sa queue selon son goût.* Указанные примеры передают типичную ситуацию «Каждый делает все на свой лад». Среди анализируемых ФЕ французского языка выделяются выражения модели «Pron+NPV+(Adj)+N+Prep+N», «рисующих» ситуацию «Опытного человека на пустяке не провести»: *On ne prend pas les vieux moineaux avec de la paille; On ne prend pas les oiseaux à la tarterelle; On ne prend pas l'oiseau à la crecelle; On ne prend pas les vieux merles à la pipée; On ne prend pas le lièvre au tambourin.*

Типической ситуацией для паремиологического фонда английского и французского языков является тема «Каждый на своей территории считает себя главным». В английском языке данные ФЕ имеют структуру «Adj+N+PV+Adj+Prep+(Pron+Adj)+N»: *Every dog is a lion at home; Every dog is valiant at his own door; Every cock is proud/bold/valiant on his own dunghill.* Во французском языке – это модель «Ad+N+PV+N+Prep+Pron+N»: *Tout chien est lion dans sa maison; Chaque coq est maître de chanter sur son fumier; Chaque coq est seigneur sur son fumier.* В русском языке соответствующие примеры не отличаются структурной однотипностью.

Исследуемый материал русского языка позволяет выделить группу ФЕ-предложений, «рисующих» следующую типическую ситуацию «Несмотря на усилия, никому не изменить своей натуры», представленную ФЕ-предложениями, соответствующими предложениям: 1) сложносочиненным: *Как ни дуйся лягушка, а до вола далеко; Как ни бодрись ворона, а до сокола далеко;*

Как ни вертись собака, а хвост позади; Как ни вертись, ворона, а спереди карга и сзади карга; Сколько с быком ни биться, а молока от него не добиться; Сколько утка не бодрись, а лебедем/гусем не быть; Хоть под небеса летай, а сове соколом не быть; Хоть тресни синица, а не быть журавлем; 2) сложным бессоюзным: *Лягушке волом не быть, сколько воды ни пить; На свинью хоть седло надень – все конем не будет.*

Другой типичной конструкцией ФЕ-предложений русского языка являются модели предложений с условным наклонением. Указанные ниже ФЕ связаны с ситуацией «При возможном наличии одного неизбежно появление другого»: 1) сложносочиненные предложения: *Была бы голова, а виши будут; Была бы шуба, а виши будут; Была бы изба нова, а сверчки будут; Был бы хлеб, а мышки будут; Была бы рыба, а хлеб будет; Была бы собака, а камень найдется; Была бы падаль, а воронье налетит; Был бы сокол, а вороны налетят;* 2) сложные бессоюзные предложения: *Была бы изба, будут и тараканы; Будь в голубятне корм, голуби слетятся; Будь лишь мед, много мух нальнет.*

Довольно широкую группу образуют сложноподчиненные предложения с условным придаточным предложением, вводимым союзом «if» – в английском языке, «si» – во французском и «кабы» – в русском. Сочетание несовместимых и нереальных понятий и событий выступает в качестве основы образности следующих ФЕ, отражающих ситуацию «абсурдность предположений»: англ. язык – *If wishes were horses, beggars might ride; If wishes were thrushes, then beggars would eat birds; If the sky fall(s), we shall catch larks; Si taupe voyait, si sourd entendait, homme sur terre ne vivrait;* франц. язык – *Si le ciel tombait, il y aurait bien des alouettes prises (bien des alouettes seraient prises); Si la mer bouillait, il y aurait bien des poissons cuits;* русск. язык – *Кабы сивому коню черную гриву,*

был бы буланный; Кабы на коня не спотычка, так ему бы и цены не было; Кабы вошку в сошку/соху, а блошку в борону, так много бы напахали; Кабы волк за одно с собакой, так бы человеку и житья не было; Кабы соловому мерину черную гриву, был бы буланный; Кабы на дятла да не свой носок, никто бы его не нашел, Кабы не кабы, стала б кобыла меринком.

Типичной конструкцией пословиц трех привлекаемых языков является модель сложноподчиненного предложения со сравнительной степенью прилагательного «хороший» – «good» – «bon»: *Better a sparrow in the hand than a vulture on the wing; Better a dove on the plate than a woodgrouse in the mating place; Mieux vaut moineau en cage que poule d'eau qui nage; Mieux vaut être oiselet en bocage que grand oiseau en cage;* *Лучше синица в руках, чем журавль в небе; Лучше воробей в руке, чем петух на кровле/крыше; Лучше теленок в хлеву, чем корова за горой; Лучше рябчик в руках, чем два на ветке.* Данная модель может выглядеть иначе: *A feather in hand is better than a bird in the air; A sparrow in the hand is better than a cock on the roof; Le moineau à la main vaut mieux que la grue qui vole; Un oiseau dans la main vaut mieux que deux dans la haie; Синица в руках лучше соловья в лесу, Домашний теленок лучше заморской коровы.* Указанные паремии соответствуют типической ситуации «Лучше что-то реальное и близкое, чем что-то нереальное и далекое».

Проведенный сопоставительный анализ паремий английского, французского и русского языков позволяет говорить о значительном сходстве паремиологического фонда исследуемых языков на структурно-грамматическом уровне, что свидетельствует об определенной общности ассоциативно-образного мышления представителей изучаемых языковых картин, которая проявляется в наличии общих типических ситуаций.

Литература

1. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. (Заметки по общей теории клише). – М.: Наука, 1970. – 339 с.
2. Юрченко Д.В. Структурно-семантические и номинативно-мотивационные свойства зоонимических фразеологизмов немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Юрченко. – Пятигорск, 2001. – 275 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СОБСТВЕННОСТЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА И ПАРЕМИЙ)

LINGUOCULTURAL CONCEPT «PROPERTY» IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (BASED ON PHRASEOLOGICAL UNITS & PROVERBS)

Миронова К.С.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, Республика Хакасия, Россия

Mironova K.S.

Katanov State University of Khakassia,
Abakan, Republic of Khakassia, Russia

В статье автор обращается к паремиологическому фонду русского языка, что способствует наиболее полному описанию всех сторон концепта «собственность», раскрытию его национально-культурных особенностей. Корпус паремий русского языка, объективирующих данный концепт, достаточно полно отражает специфику оценочных предпочтений, норм и стереотипов поведения, связанных с исследуемым концептом.

Ключевые слова: *собственность; концепт; фразеологические единицы; паремии.*

The author refers to the Russian language's paremiological fund, which promotes the description of all sides of the concept «property» completely, reveals its national and cultural peculiarities. The case of Russian proverbs, objectifying this concept adequately reflects the specific assessment of preferences, rates and behavior's stereotypes related to the investigated concept.

Keywords: *property; concept; phraseological units; proverbs.*

Учитывая тот факт, что «в языке ... фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами ... и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [6], мы обратились к анализу «фразеологического языка» концепта «собственность» в русском языке.

Выбор паремий, содержащих компоненты структуры данного концепта, в качестве материала исследования обусловлен следующими причинами. Прежде всего, общепризнанна их способность к отражению национальной культуры, опыта того или иного народа. Доказано, что паремии «могут быть источниками информации о национальной культуре» [1] и отражают ее двумя способами: отдельными единицами своего состава и комплексно [2]. Вместе с тем, паремии также являются единицами языка, о чем свидетельствует их воспроизводимость, знаковость, возможная мотивированность значения, наличие синонимов и антонимов, функциональное сходство с другими языковыми единицами, а также наличие парадигм [2]. Вместе с тем, паремии отличаются от других языковых единиц своей автосемантической, значительно меньшей зависимостью от контекста. Они также обладают и другими особенностями, благодаря которым привлекают внимание при изучении национальной культуры.

Во-первых, паремии «являются знаками ситуаций или определенных отношений между вещами» [5]. При этом изображаемые ситуации (типы участников, их поведение, мотивация, роли, обстоятельства) являются наиболее частотными и регулярно повторяющимися. Они типичны для той или иной культуры, характерны для истории материального производства, явлений быта, отражающих традиции и обычаи, верова-

ния и суеверия соответствующего народа. Это позволяет обозначить паремии как прототипы ситуаций, связанных с определенным культурным концептом. Во-вторых, «пословицы и поговорки выражают не отдельные понятия, а суждения» [3], как правило, оценочного типа. Акцент на аксиологическом аспекте, развернутость структуры позволяют данным языковым единицам в эксплицитном виде показать характерные для лингвокультурной общности принципы, основанные на ценностях культуры и имеющие яркую национальную окраску, а также нормы и правила, представляющие собой конкретные поведенческие рекомендации по реализации данных принципов. В-третьих, паремии относятся к разряду универсальных высказываний, выступают в роли прецедентных текстов, знание которых «есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [4]. Паремиологический фонд включает тексты, которые известны большинству носителей языка, содержащие признаваемые большинством представителей культуры нормы и правила, выработанные на основе опыта ряда поколений. Хотелось бы подчеркнуть, что мы понимаем, что паремии отражают традиционный и несколько консервативный взгляд на вещи и не могут обеспечить всей полноты представлений, однако их изучение является важной частью при исследовании языковой картины мира. Исследования, проводимые в последнее время, наглядно демонстрируют необходимость обращения к паремиологическому фонду языка в лингвокультурологии. Количество рассмотренных нами паремий составило 370 единиц русского языка. Анализируя полученные по результатам сплошной выборки данные из фразеологических и паремиологических словарей, мы обратили внимание, что ФЕ и паремии с ранее названными компонен-

тами структуры концепта «собственность» в рассматриваемых словарях отсутствуют.

Вместе с тем в лексикографических источниках представлено значительное количество единиц, имплицитно объективирующих концепт «собственность»: это – фразеологизмы и паремии, содержащие семы «богатство», «богатый», «бедность», «бедный»: *«золотой (денежный) мешок»; «не житье, а масленица»; «не иметь ни гроша за душой»; «хоть шаром покати»; «бедняк никогда не обанкротится»; «голый разбою не боится»; «тощий (пустой) карман».*

По нашим данным, собственность ассоциируется с богатством, наличием денег: *«жить на широкую ногу»; «утопать в роскоши»; «загрести деньги лопатой»; «денег куры не клюют»; «зашибать большие деньги».*

В части ФЕ и паремий представление о достатке / его отсутствии связано с наличием / отсутствием чего-то, кроме денег (дома, хлеба, соли и др.): *«хлеб насущный»; «жить впроголодь»; «ни кола ни двора»; «перебиваться с хлеба на квас»; «сидеть (оказаться) у разбитого корыта»; «непочатый край»; «хоть отбавляй»; «сидеть на пище святого Антония».*

В русском языке существует достаточно много паремий, посвященных описанию изобретательности, смекалки, трудолюбия человека, испытывающего материальные затруднения. В данных случаях нужна оценивается положительно как состояние, пробуждающее в человеке его лучшие качества, такие как ум, целеустремленность, настойчивость, готовность к выполнению любой работы: *«в нужде и кулик соловьем свищет»; «беды мучат, да уму учат»; «нужда научит и калачи есть».*

В ряде анализируемых ФЕ и паремий объективируется мысль о том, что наличие/отсутствие собственного имущества, главным образом, денег, определяет не только положение человека

в обществе, его личностные качества, но и отношение к нему окружающих: *«быть скупердьяем» (жарг.); «праздная «золотая» молодежь»; «(у него) деньги прожигают в кармане дыру»; «у дурака деньги долго не держатся»; «(на чем-либо) зуб съел».*

В паремиях подчеркивается приоритет хороших отношений с людьми, любви: *«не с деньгами жить, а с добрыми людьми»; «не дорог подарок, дорога любовь»; веселой жизни: «хоть есть нечего, зато жить весело»; избегание бед и горя: «лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой»; личностных качеств человека, например, ума: «по платью встречают, по уму провожают».*

По нашему мнению, в паремиях русского языка подчеркивается одобрение:

1. Гостеприимства: *«не красна изба углами, а красна пирогами».*

2. Умения вести хозяйство: *«пиво варит не кто богат, а кто тароват».*

3. Скупости: *«скупость не глупость, себя бережет».*

4. Отсутствия стремления к получению собственности, доверие судьбе и Богу: *«Бог даст день, даст и пищу»; «Бог даст и в окно подаст».*

5. Сокрытия и присвоения чужой собственности в случае ее находки: *«что у волка в зубах, то Егорий послал»; «что с возу упало, то пропало».*

6. Сокрытия личной собственности: *«подальше положишь, поближе возьмешь».*

7. Получения собственности с использованием служебного положения: *«казенного козла хоть за хвост подержать – можно шубу сшить».*

8. Довольство тем, что имеешь, малым размером получаемой собственности: *«курочка по зернышку клюет, да сыта бывает».*

9. Человека, не имеющего собственности: *«голой овцы не стригут»; «с голого как со святого, взятки гладки».*

10. Взятничество: *«сухая ложка рот дерет»; «не подмажешь – не поедешь»; «пчелка и та взятку берет».*

В паремиях русского языка объектами отрицательной оценки выступают:

1. Получение собственности в долг, которое обычно сопровождается беспокойством и заботами, связанными с необходимостью его возврата: *«долг не рвет, а спать не дает»; «быть по уши в долгу»; «в долгу, как червь в шелку»; «в долгу, что в репьях»; «долг есть тягостное бремя – отнимает сон и время».*

2. Чрезмерная бережливость, скупость: *«кто родом кулак, тому не разогнуться в ладонь»; «у скупого и в крещение льду не выпросишь».* При этом, наряду с осуждением скупости признается независимость от воли и желаний человека: *«скупой не на себя копит: помрет, ничего с собой не возьмет».*

3. Способ приобретения собственности, нарушающий принятые в обществе нормы: *«неправедно нажитое впрок не идет».* Кроме того, особо хотим отметить специфичную для русского языка мотивировку способа приобретения собственности, нарушающего правовые и моральные нормы: *«от трудов праведных не наживешь палат каменных»; «честным трудом богат не будешь».*

4. Отсутствие возмещения при переходе собственности: *«спасибо в карман не положишь»; «из спасибо шубы не сошьешь».*

5. Нежелание богатых понять нужды бедных и помочь им: *«сытый голодного не разумеет»; «залез в богатство – забыл и братство».*

6. Зависть, желание приобрести чужую собственность: *«в чужих руках ломоть велик».*

7. Щедрость за чужой счет: *«чужим добром подносить ведром»; «чужими руками жар загребать».*

8. Жизнь не по средствам, не соответствующая доходам, материальным возможностям, ста-

рание приукрасить материальное положение: *«на брюхе-то шелк, а в брюхе-то щелк»; «жить не по средствам».*

9. Неправильное определение ценности собственности, результатом чего является ее утрата: *«что имеем, не храним, потерявши, плачем».*

10. Нежелание зарабатывать собственность личным трудом, результатом чего является ее недостаточный размер: *«много спать – добра не видать».*

11. Плохое ведение домашнего хозяйства: *«то густо, то пусто, то нет ничего».*

Языковой материал показывает, что с аксиологической точки зрения указанный концепт является амбивалентным (двуоценочным): наличие собственности, а значит богатства, прежде всего денег, а также имущества, характеризуется и как благо, и как зло.

Таким образом, обращение к паремиологическому фонду языка способствует наиболее полному описанию отношений к какой-то конкретной ситуации, дает возможность выявить специфику оценочных предпочтений общества и их мотивировку, установить систему ценностных ориентаций культуры, определить совокупность господствующих норм культуры определенного народа. Паремии не однородны по своему составу и имеют сложное содержательное строение. Основываясь на образном переосмыслении разнообразных жизненных ситуаций, они характеризуют концепт «собственность» с различных сторон, уточняя и конкретизируя. Проанализированные паремии показывают отношение представителей русского социума к воровству, скупости, нищенству, находке чужой собственности и использованию личной собственности. Кроме того, подтверждается своеобразие взаимосвязи концепта «собственность» в русской языковой картине мира с такими концептами, как отношение к власти, к Богу, к судьбе.

Литература

1. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. - М.: Русский язык, 1980. - 320 с.
2. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. - М.: Русский язык, 1983. - 269 с.
3. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.slavlib.ru/downloads.php?cat_id=8&download_id=1546 (дата обращения: 15.08.12).
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 1987. - 264 с.
5. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки / Г.Л. Пермяков. - М.: Наука, 1970. - 240 с.
6. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты / В.Н. Телия. - М.: Школа Языки русской культуры, 1996. - 288 с.

ЖИВЫЕ СТАТУИ В ПРОЗЕ А.С. ГРИНА

THE LIVE STATUE OF THE A.S. GRIN' PROSE

Плютова М.И.

*Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск, Новосибирская область, Россия*

Plyutova M.I.

*Institute of philology SD RAS,
Novosibirsk, Novosibirsk region, Russia*

В статье рассматриваются «живые» статуи в рассказах и романах А.С. Грина. Выявляются особенности превращения статичных предметов в динамические, и наоборот. Писатель обыгрывает этот сюжет в своих произведениях максимально насыщенно, особую роль отводя инверсии.

Ключевые слова: искусство, подлинное искусство, экфрасис, статуя, инверсия.

The article deals with the live pictures of the A.S. Grin's stories and novels. It's detected the features of transformation of static objects in dynamic ones and vice versa. The writer depicts this process maximum rich and uses inverted method.

Keywords: art, genuine art, ekphrasis, statue, inversion

Введение

Мотив «оживающей статуи» подробно исследован в литературоведении. Классическим образцом может служить статья Р. Якобсона «Статуя в поэтической мифологии Пушкина», показательны труды Ю.В. Манна («Скульптурный миф» Пушкина и гоголевская форма окаменения»), Р.Г. Назирова («Сюжет об оживающей статуе») и Л.А. Ходанен («Миф в творчестве русских романтиков»), исследованию архитектурного экфразиса посвящена монография Л.И. Таруашвили «Тектоника визуального образа в поэзии античности и христианской Европы», в монографии М. Рубинс «Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция» есть главы, в которых анализируются скульптуры в стихотворениях А. Ахматовой и И. Одоевцевой. Галерея сюжетов об оживающих скульптурах в мировой литературе начинается с мифа о Пигмалионе и Галатее. Оживающие изваяния – привлекательная тема для писателей и поэтов XIX-XX вв. Вспомним «Медного всадника», «Каменного гостя» и «Сказку о золотом петушке» А.С. Пушкина, «Венеру Илльскую» П. Мериме, Царскосельскую статую в одноименных стихотворениях А. Пушкина и А. Ахматовой.

Своего рода бунт статуе объявляет Нильс, герой детского романа С. Лагерлёф «Путешествие Нильса с дикими гусями». Мальчик видит в городе бронзовую статую короля и дразнит его. Оживший Бронзовый возвращается на свой пьедестал только после того, как разбивает защитника Нильса – Деревянного боцмана (тоже ожившего). Д.М. Шарыпкин в статье «Пушкин в шведской литературе» отмечает: «Известно, что Лагерлёф, имевшая в своей библиотеке шведские переводы сочинений И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина, заимствовала отдельные образы и мотивы русской классической литературы, включив их

в соответственно переработанном виде в художественную структуру собственных произведений. Таков и эпизод преследования основателем военного порта Карлскруны, шведским королем Карлом XI (точнее: его статуей), героя «Удивительного путешествия», Нильса, мальчика, обращенного в гнома» [8: 260]. Д.М. Шарыпкин сопоставляет сюжеты поэмы «Медный всадник» и сказки С. Лагерлеф: схожими оказываются время и место встречи героев со статуей, впечатления Евгения и Нильса от созерцания памятников, вкрапления гимнов, посвященных строителю государства, в произведения.

В центре нашей работы окажутся статуи (как статичные, так и динамичные) в рассказах А.С. Грина, которые являются *материалом исследования*. **Целью статьи** является рассмотрение особенностей использования Грином мотива ожившей статуи и – в некоторых случаях – введения в текст элементов экфразиса. О гриновских статуях писала Р.М. Ханинова («Статуя в сюжете рассказов Александра Грина»). Нам же важно не просто выявить роль статуй в прозе Грина, а рассмотреть оживающие скульптуры в его рассказах и романах, определить особенности переходов статичных объектов в динамичные, и наоборот. В работе использованы методы имманентного и интертекстуального анализа и историко-литературный подход.

Результаты исследования и их обсуждение

Сюжетообразующую функцию играют статуи в рассказах Грина «Редкий фотографический аппарат» и «Белый огонь». Рассказ «Редкий фотографический аппарат» начинается с описания каменной статуи женщины, называемой в народе «Ленивой Матерью», возле которой впоследствии происходит убийство. Молния, ударившая в преступника, оставляет фотографию места преступления у него на шее: «На белой полоске

кожи ясно обозначался рисунок синего цвета, похожий на старинные фотографии; контуры его были расплывчаты, но до странности походили на всем известную статую «Ленивой Матери». Поднятые вверх руки статуи обозначались особенно ясно. Внизу с раскинутыми руками и ногами лежал человек» [3: 154]. Загадочная отметка, изображающая статую, стала уликой и помогла раскрыть преступление. Статуя, как в «Медном Всаднике», выступает в функции правосудия, обрушивая гнев на того, кто выступает против власти. Герой рассказа Грина нарушает закон, а статуя берет на себя роль свидетельницы преступления, а также судьи (так как таинственным образом находит способ наказать убийцу). Подобными функциями наделены статуи в маленькой трагедии «Каменный гость» и «Сказке о золотом петушке». Статуя командора наказывает убийцу Дон Гуана, Золотой Петушок смертельно клюет царя, нарушившего данное слово (Дадон совершил «особое» преступление – нарушил «царское слово», в гневе убил старика). Грин максимально сокращает описание наказания героя. Его статуя не оживает и не берет на себя роль «палача», тем не менее, именно она вершит правосудие.

Особенную роль в судьбе главного герой рассказа «Белый огонь» сыграло «подлинное произведение чистого и высокого искусства». Лейтер, сбежав из больницы умалишенных, видит в лесу мраморные статуи; это так поражает его, что становится причиной его физического и духовного выздоровления. Интересно, что произведения искусства становятся и причиной болезни героя. Выставляя на аукционе рисунок Берн-Джонса, Лейтер заметил, как у него дрожит рука, а затем двоится в глазах. «В то же время на него направились глаза всех портретов и статуй» [2: 394]. Данный эпизод является отсылкой к повестям Н.В. Гоголя («Портрет») и М.Ю. Лермонтова («Штосс»), в которых таинственные события

происходят после приобретения героями загадочных портретов. Грин предельно сжимает момент оживания портретов и статуй и их влияние на главного героя: Лейтер не приобретает загадочное произведение искусства, не подвергается его воздействию, находясь у себя дома, и не присутствует при буквальном выходе портрета из рамы картины (как это происходило с Чартковым и Лугиным). Но тем не менее именно из-за соприкосновения с «оживающими» картинами герой попадает в сумасшедший дом. Однако особенность рассказа Грина в отличие от текстов Гоголя и Лермонтова в положительном финале. Портреты и статуи как губят Лейтера, так и возвращают к жизни. На это способно подлинное искусство, творящее чудеса: оно несет в себе саму жизнь.

В рассказе «Победитель» (1933) статуя несет в себе особые живые черты. Бедный скульптор смотрит на чужое произведение искусства среди десятка статуй, претендующих на роль памятника города: «Да, это искусство. Ведь это все равно, что поймать луч. Как живет. Как дышит и размышляет» [2: 533]. Для Грина настоящее искусство – организм, который действует, дышит, размышляет. Поэтому каменная статуя воспринимается как настоящая, подлинная, следовательно, живая. В искусстве, по Грину, должно быть дыхание, трепет, раздумье. Тогда оно будет подлинным, и такое его восприятие заставляет главного героя уничтожить собственное творение, чтобы дальше в своей работе стремиться к увиденному идеалу. Грин даже не оживляет статую, она презентуется уже живой.

Активными действиями Грин наделяет статую в романе «Бегущая по волнам». Название романа характеризует двойное движение: бег и волны. И хотя данное сочетание идеально подходит для корабля (который в романе так и называется), оно также характеризует статую, вводя динамичность уже в название. Если у Пушкина

ощущается сочетание статичности и движения (*каменный гость, медный всадник*), то Грин максимально насыщает динамикой само название статуи. Главный герой романа Гарвей во время путешествия слышит легенду о Фрези Грант, которая, как путеводная звезда, спасает корабли, попавшие в беду. На помощь загадочная Фрези приходит и Гарвею, когда он остается один в лодке посреди моря. Фрези выглядит как живая девушка. И только некоторые черты подсказывают ее загадочное происхождение: «Как мрамор в луче сверкала ее рука» [1: 325]. Девушка-статуя поддерживает Гарвея в трудный час, в ответ главный герой защищает статую Бегущей в городе Гель-Гью, которую хотят разрушить. Когда Гарвей видит статую Фрези, то замечает в ней особые живые черты: «Все линии тела девушки, приподнявшей ногу, в то время, когда другая отталкивалась, были отчетливы и убедительны. Я видел, что ее дыхание участилось... Ее мраморные глаза – эти условно видящие, но слепые при неумении изобразить их глаза статуи, казалось, смотрят сквозь мраморную тень» [1: 363]. Грин продолжает традицию оживления произведений искусства, начинающееся с описания живых черт самого изображения (будь то портрет или статуя), а затем непосредственного их движения. Интересно заметить, что статуя Бегущей похожа на статую из рассказа «Редкий фотографический аппарат»: те же приподнятые руки. Только лицо Фрези было направлено вдаль, а глаза Ленивой Матери смотрели вниз. Но обе статуи способны установлению правосудия, защищают невинных. В романе «Бегущая по волнам» статуя девушки не только помогает главному герою Гарвею в его приключениях, но спасает его жизнь.

Кульминационным моментом, во время которого статуя Фрези приходит в движение, является битва за статую во время карнавала, когда наемники богачей пытаются уничтожить поэти-

ческий памятник. Гарвей своим телом заслоняет Бегущую и оказывается на волосок от гибели. И в этот миг статуя Фрези Грант на миг ожила, чтобы спасти своего верного поклонника и покарать своих врагов. И именно этот момент является ключевым в романе, после которого определяется судьба Гарвея (он понимает, что ему дорога искренняя девушка, с которой он вместе путешествовал на корабле «Бегущая по волнам»). В финале Грин оставляет статую на своем пьедестале, хотя герои будут воспринимать ее не просто скульптурой: «Нам все пришлось так много думать о мраморной Фрези Грант, что она стала как бы наша знакомая» [1: 373]. А вот как ее видел сам Гарвей: «Из сумерек высоты смотрела на засыпающий город «Бегущая по волнам», и я простился с ней, как с живой» [1: 391]. В сюжет об оживающей статуе Грин снова привносит некоторые новые черты. Рассматривая статую, Гарвей будто бы сам застывает. Грин не просто вводит экфрасис, он его будто бы переворачивает, хотя и не превращает в действительности героя в статую. Прохожий удивляется поведению Гарвея: «Я тронул вас, потому что вы стоите уже около часа, не сходя с места и не шевелясь... Как может кто-нибудь оставаться так погруженно-неподвижен среди трескучей карусели толпы» [1: 365]. Грин не только связывает судьбы главного героя и статуи Фрези, но и «проводит» некоторые параллели между ними: общаться с Фрези может только Гарвей, и только он скульптурно застывает рядом с памятником, судьба главного героя разрешится после его помощи в спасении статуи.

Если в рассмотренном романе статуя помогает герою, то рассказ «Убийство в Кунст-Фише» заканчивается трагично. Роль статуи выполняет небольшая фарфоровая статуэтка, изображающая бегущего самурая, с рукой, положенной на рукоять сабли. Главный герой при этом замечает: «Нечего говорить, что японцы вообще неподра-

жаемы в жизненности этих своих изделий» [4: 276]. Под взглядом наблюдателя статуя словно оживает: «Желтое лицо с острыми косыми глазами и свисавшими кончиками черных усов, под которыми змеилась тонкая азиатская улыбка, так естественно отражало угрожающее движение тела, что хотелось посторониться» [4: 277]. Самурай – подарок мужа, справедливо подозревающего жену в измене. Статуя будто оживает и наблюдает за девушкой глазами мужа, а, убедившись в преступлении, убивает влюбленных. Р.Н. Ханинова отмечает, что «гриновский текст развивает роковую тему оживших статуй в аспекте, когда все стороны любовного треугольника равнозначны» [7: 123]. Самурай становится своего рода тотемом мужа, душа мужа воплощается в нем, превращается в статую, которая в темноте оживает и губит влюбленных, подобно Каменному гостю Пушкина, приглашенному на свидание Дон Гуана и Анны. Грин обыгрывает двойное превращение: из динамичного состояния – в статичное, а потом снова в динамичное. Статуя вершит правосудие и наказывает неверную жену и ее возлюбленного.

Подобный исход событий отсылает также к новелле П. Мериме «Венера Илльская», где статуя Венеры мстит молодому человеку, которого считает своим женихом. Как и Грин, Мериме постепенно оживляет статую, начиная с описания внешности. Так ее видит один из жителей деревни Илль: «Говорят вам, это идол; это видно по выражению ее лица. Уж одно то, как она глядит на вас в упор своими большими белыми глазами... словно сверлит взглядом. Невольно опускаешь глаза, когда смотришь на нее» [6: 417]. А затем скульптура начинает действовать, она будто специально падает и ломает носильщику ногу, отбрасывает назад камни, брошенные прохожими и сгибает палец безымянный палец, не давая снять с себя обручальное кольцо. Подобно гриновско-

му самураю, Венера удивляет своей «живостью» и «натуральностью»: «Больше всего меня поразила изумительная правдивость форм, которые можно было бы счесть вылепленными с натуры, если бы природа способна была создать столь совершенную модель» [6: 420]. Задушив жениха в каменных объятьях, Венера возвращается на свое место и снова застывает, словно выполнив свою функцию. Р. Назиров в статье «Сюжет об оживающих статуях» пишет: «Из средневековых легенд о Госпоже Венере позднейших устрашающих проповедей против идолофилии сложился сюжет о «браке со статуей»: изваяние богини, с которой вольнодумец вздумал играть рискованные шутки, не желает отпустить смельчака и душит его в своих каменных объятьях. Так наряду со статуей-покровительницей и статуей-мстительницей появилась и жуткая «влюбленная статуя» [5: 25].

Можно сделать следующие *выводы*.

Грин, с одной стороны, продолжает литературные традиции об оживающих статуях, с другой – обыгрывает этот сюжет в своих произведениях максимально насыщенно, особую роль отводя инверсии. Несмотря на то, что писатель создает свои произведения вокруг известного мотива об оживающих статуях, он обыгрывает их в своей особенной форме, описывая максимально ярко превращение статичного предмета в динамичный, придает значение лишь подлинному искусству, которое является для героев самой жизнью («Белый огонь», «Победитель»), часто использует прием инверсии:

- наделяет главного героя признаками статуарности («Бегущая по волнам», «Всадник без головы», «Серый автомобиль»);
- не только придает движение скульптуре, но представляет ее сразу живой («Победитель», «Блестящий мир»);

- превращает живого человека в изваяние, а потом снова в динамичный объект («Убийство в Кунст-Фише»);
- главный герой целенаправленно пытается оживить окаменевшую душой девушку (восковую куклу, скульптуру): («Серый автомобиль», «Победитель»).

Литература

1. Грин А.С. Алые паруса: романы; рассказы. – М.: Эксмо, 2009. – 640 с.
2. Грин А.С. Крысолов: повести, рассказы. – М.: Эксмо, 2011. – 640 с.
3. Грин А.С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Том 3. – М.: Правда, 1980. – С. 148-156.
4. Грин А.С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Том 4. – М.: Правда, 1980. – С. 148-156.
5. Назиров Р.Г. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов России. Фольклор и литература. Общее и особенное в фольклоре разных народов. Межвузовский научный сборник. – Уфа: Башкирский университет, 1991. – С. 24-37.
6. Проспер Мериме. Избранное// Перевод А. Смирнова. – М.: Правда, 1986. – 672 с.
7. Ханинова Р.М. Статуя в сюжете рассказов Александра Грина в 1910–1920-х гг.: семантика, символ, функция // А.С. Грин: взгляд из XXI века. К 125-летию Александра Грина: сб. ст. по материалам Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной филологии». – Киров, 2005. – С. 114-128.
8. Шарыпкин Д.М. Пушкин в шведской литературе // Пушкин: Исследования и материалы / Под ред. М. П. Алексеева, Д. Д. Благого, Б. П. Городецкого и др. Т. 7: Пушкин и мировая литература. – Л.: Наука, 1974. – С. 251-262.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА РОМАНА ТЕОДОРА ДРАЙЗЕРА «ФИНАНСИСТ»

KEYWORDS OF THEODORE DREISER'S «FINANCIER»

Фомина Е.М.

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Н.Новгород, Россия*

Fomina E.M.

*Nizhni Novgorod State Linguistic University,
Nizhni Novgorod, Russia*

Статья посвящена исследованию ключевых слов романа Теодора Драйзера «Финансист» при помощи проведенного частотного анализа, а также обсуждению полученных результа-

тов статистики, которые позволяют по-новому взглянуть на образ главного героя романа и на концептосферу писателя в целом.

Ключевые слова: Теодор Драйзер, Художественный мир, Финансист, Ключевые слова.

The article is devoted to the analysis of the keywords of Theodore Dreiser's «Financier» on the basis of the computational analysis of their statistics in the text, that helps to reveal the unknown side of the main character and the poetic world of the author.

Keywords: Theodore Dreiser, Poetic world, Financier, Keywords.

«Трилогия желания» Теодора Драйзера, состоящая из романов «Финансист» /1912/, «Титан» /1914/ и «Стоик» /1947 – издан посмертно/, – огромное эпическое полотно, обобщившее процессы, которые происходили в обществе. Фрэнк Каупервуд – ее главный герой – неоднозначный образ, ставший в мировой литературе хрестоматийным. С одной стороны, Каупервуд – хищник, злодей, не знающий угрызения совести. Этот финансист вызывает отвращение у читателя своими жульничествами и махинациями. Однако его ум, ловкость, сила и изобретательность не могут не вызывать восхищение у автора. В этой сильной, энергичной, незаурядной личности служение бизнесу убило человека, и это волнует писателя. По мнению автора, если Каупервуд и становится преступником, то происходит это совсем не потому, что он злодей от рождения, а потому, что преступником его делает приобщение к миру биржевиков и финансистов.

Цель исследования – выявить ключевые слова романа Теодора Драйзера «Финансист», определить стоящие за ними ментальные концепты и описать систему их функционирования в художественном мире писателя, сравнив полученные результаты с оценками романа «Финансист» критиками и литературоведами.

Теоретико-методологическую базу исследования составили идеи и концепции, представленные в трудах по художественному миру:

М.Л. Гаспарова, Д.С.Лихачева, Ю.М.Лотмана, Р.О. Якобсона, В.Г. Зусмана; по теории концепта и ключевых слов: А.Вежбицкой, С.А. Аскольдова-Алексеева, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, Ю.С.Степанова, И.А. Стернина.

Противоречивость образа Фрэнка Каупервуда и отношения Драйзера к нему наглядно подтверждается статистическим анализом ключевых слов, проведенным с помощью программы фрагментатор. Частотность рассматривалась как критерий необходимый, однако недостаточный, так как к наиболее частотным принадлежать множественные служебные слова. Поэтому, перед тем, как анализировать результаты полученной статистики, из списка слов были исключены служебные части речи: предлоги, союзы, частицы, междометия, а также артикли как не несущие смысловой нагрузки. В качестве вспомогательного критерия была выбрана принадлежность лексической единицы к единому семантическому полю с другими лексическими единицами из полученного списка (с учетом как словарной, так и контекстуальной синонимии).

Полученные в результате названного отбора слова были организованы в тематические кластеры. Далее следовала процедура выявления соответствия полученного кластера ключевых слов тому или иному ментальному концепту в художественном мире Драйзера и американской на-

циональной концептосфере в целом. Результатом явилось вычленение четырех глобальных концептов художественного мира романа «Финансист»: концепт «**Time**» /«время», концепт «**Financier**»/ «финансист», концепт «**Winner**»/ «победитель» и концепт «**Senses**» / «чувства».

Концепт **Time** представляется наиболее значимым из перечисленных выше концептов для художественного мира романа, поскольку само слово *time* по результатам статистики оказалось самым частотным в тексте произведения (479 упоминаний). Кроме того, в тексте было обнаружено большое количество иных вербальных репрезентатов данного концепта: это и наречия времени *now* (610 упоминаний), *once* (195), *never* (192), *always* (92), *today* (34), *tomorrow* (17); и существительные, связанные со временем *day* (196), *years* (152), *moment* (89), *times* (71), *already* (70), *finally* (70), *soon* (60), *morning* (59) и так далее. Время не случайно становится ведущей силой в данном романе, ведь время может изменить многое. Фрэнк Каупервуд из бедного мальчика вырос в талантливого биржевика, смелого, богатого, непоколебимого. Ему потребовалось достаточно времени, чтобы показать, на что он способен. Таким образом, время представлено в романе как ценность, которую нельзя терять – «*There is no time to lose*» (стр.132). Только с течением времени может измениться положение в обществе, потому что успех не приходит мгновенно: «*He was at this time a significant figure*» (1, стр.1), «*In the course of time Frank became a familiar figure*» (1, стр.22), «*The Cowperwood family was by this time established in its new and larger and more tastefully furnished house*» (1, стр.28).

Примечательно, что человек целеустремленный, смелый как Каупервуд стремится получить как можно больше всего здесь и сейчас, что подтверждается статистикой, где наречие време-

ни «**now**» является самым частотным (610 упоминаний): «*I am going to offer you now a fine lot of Castile soap – seven cases, no less – which, as you know, if you know anything about soap, is now selling at fourteen cents a bar.*» (1, стр.11).

Следующий кластер ключевых слов был связан с ментальным концептом «**Financier**». Этот кластер состоит из слов, которые описывают работу, совершаемую Каупервудом, его обязанности, то, с чем он сталкивается каждый день в своей профессиональной деятельности, например, *money* (297), *thousand* (282), *dollars* (271), *hundred* (217), *business* (183), *financial* (138), *treasurer* (118), *bank* (86), *stock* (78), *market* (77), *work* (77), *company* (76), *buy* (60), *pay* (56), *cent* (44), *broker* (42), *clerk* (38) и так далее. Основной девиз Фрэнка Каупервуда – «Мои желания – прежде всего» (1, стр. 149). Добиваясь осуществления своих желаний, он бросается в мир финансовых махинаций и сделок, стремится стать финансовым магнатом и становится им. Деньги являются неотъемлемой частью его работы, что подтверждается высокой частотностью слова «**money**» – 297 упоминаний: «*He wanted to know where all the types of money came from, why discounts were demanded and received, what the men did with all the money they received*» (1, стр.6).

Деньги исчисляются у Фрэнка не единичными монетами, его манят куда большие суммы – «**thousand**» (282): «*He used to come to the brokerage end of the elder Cowperwood's bank, with as much as one hundred thousand or two hundred thousand dollars, in twelve months – post-notes of the United States*» (1, стр.6); «**hundred**» (217): «*We wanted to make some acknowledgment, and we thought about five hundred dollars would be right*» (1, стр.23); «**million**» (35): «*He totaled up his possibilities, and discovered that in all likelihood, with a little preliminary missionary work, he could dispose of one million dollars if personal influence,*

through local political figures, could bring this much of the loan his way» (1, стр.52).

В этот же тематический кластер вошли слова, обозначающие элементы финансовой сферы: bank (86), stock (78), market (77), broker (42), clerk (38), banks (34), banker (32), credit (24), deposit (22), price (21), cash (21). Само слово «**financier**» встречается в тексте, согласно статистике, 27 раз: «He was a **financier** by instinct, and all the knowledge that pertained to that great art was as natural to him as the emotions and subtleties of life are to a poet» (1, стр.5), «Somehow, Frank realized that his father was too honest, too cautious, but when he grew up, he told himself, he was going to be a broker, or a **financier**, or a banker, and do some of these things» (1, стр. 6), «A real man--a **financier**--was never a tool. He used tools. He created. He led» (1, стр. 34), «He longed to become a stable **financier**; but, now that he saw the inside of the brokerage business, he was not so sure that he wanted to stay in it» (1, стр.39). Фрэнк был финансистом от природы, он с детства укрепил в себе твердое желание принадлежать к тем людям, кто живет за счет других. Поэтому концепт «Финансист» и образ Каупервуда неотделимы друг от друга, и именно этот концепт позволяет нам разобратся в его деятельности.

Следующий тематический кластер ключевых слов был обозначен как ментальный концепт «**Senses**», и открывает нам глаза на душевную жизнь героя. Оказывается, несмотря на все отрицательные качества финансиста, которыми он наделен, в этом бездушном титане живет вдохновенная душа, которая умеет любить, чувствовать, видеть прекрасное. Поэтому в эту группу вошли такие слова, как «home» (120), «felt» (102), «love» (102), «sense» (95), «family» (85), «children» (78), «woman» (50), «smiled» (46), «glad» (39), «beautiful» (37), «feel» (35), «soul» (29) и так далее.

В данной тематической группе можно выделить глаголы чувств и эмоций, которые нагляд-

но показывают, что в жизни Каупервуда были не только деньги и финансы, его большой страстью были, также, женщины и живопись: «**felt**» (102): «He **felt** a keen desire to kiss her, and what might transpire at Ruth Merriam's party rose vividly before his eyes.»(1,стр.17); «**smiled**» (46): «Cowperwood **smiled** his inscrutable smile» (1,стр.58); «**feel**» (35): «He wondered how he would **feel** if it were his own little Lillian, and still he did not believe he would make much fuss over the matter, either with himself or with her, if she were as old as Aileen» (стр.163); «**loved**» (27): «He tried, because he **loved** her, to interest her in these things intelligently, but while she pretended slightly, she could not really see or care, and it was very plain that she could not» (1, стр.49).

В данном кластере можно выделить группу прилагательных, которые подчеркивают наличие у Каупервуда вкуса и чувства прекрасного: «beautiful» (37), «friendly» (36), «lovely» (32), «comfortable» (27), «happy» (24), «handsome» (17), «charming» (16). Кроме того, в жизни Фрэнка есть место размышлениям о любви («love» – 102), семье («family» – 85), домашнем очаге («home» – 120), он знает толк в женской красоте, он любит женщин: «woman» (50), «women» (29), «eye» (38), «smile» (26), «beauty» (26), «lips» (15), «cheeks» (15). Таким образом, можно сделать вывод, что Фрэнк, этот хищник, злодей мира бизнеса, не знающий угрызений совести, оказывается, романтик в душе, которому не чуждо прекрасное – он умеет искренне восхищаться женщинами, искусством, природой.

Последний концепт, объединивший еще одну группу ключевых слов, это концепт «**Winner**» («Победитель»). В эту группу вошли такие слова, как «can» (486), «want» (307), «great» (240), «first» (186), «won» (129), «wanted» (118), «best» (85), «believe» (52), «wish» (51), «hope» (49), «strong» (47), «greatly» (39), «rich» (35), «chance» (35),

«desire» (33), «wealth» (26), «happy» (24), «power» (23), «eager» (21), «individual» (21), «forceful» (20), «successful» (19), «success» (16), «powerful» (15), «superior» (13), «win» (12), «famous» (12) и ряд других.

Фрэнк Каупервуд является ярким примером настоящего победителя. Этот человек абсолютно уверен в своих силах, он уверенно идет к своей цели. Неудивительно, что модальный глагол «**can**» по статистике встречается в тексте романа 486 раз: «And, meantime, keep your health and learn all you **can**» (стр.9), «He's already offered me sixty-two for it. I **can** get it for thirty-two» (стр.12), «Yes, I **can**» (стр.15). Здесь находит выражение распространенный концепт американской нации – «can-do-it-attitude». Кроме того, девиз Фрэнка о том, что его «желания – прежде всего» также подтверждает его натуру победителя, и наглядно выражается в высокой частотности глагола «**want**» – 307 раз: «I **want** to get out and get to work, though. That's what I **want** to do» (стр.9); «I don't **want** to be a boy. I **want** to get to work» (стр.10).

Статистика также представляет целый ряд прилагательных, которые являются характеристиками настоящего победителя, а именно: «great» (240 упоминаний), «best» (85), «strong» (47 упоминаний), «rich» (35), «eager» (21), «individual» (21), «forceful» (20), «determined» (20), «successful» (19), «powerful» (15), «superior» (13), «famous» (12). Победитель не может не быть сильным духом, энергичным, смелым, непоколебимым, он высоко ценит свою индивидуальность, власть и превосходство над другими людьми. Кроме того, в статистике есть слова, которые являются неотъемлемой частью успешной жизни настоящего победителя: финансовое благополучие («**wealth**» – 26 упоминаний), власть («**power**»-26), успех («**success**» – 16), процветание («**prosperity**» – 12). Все это манит и Каупервуда: «Uncle Seneca

was married now, having, because of his **wealth**, attracted the attention» (стр.18); «Engrossed as he was by his desire for **wealth**, prestige, dominance» (стр.30); «The governor and the treasurer were foot-free; but there were other influences – prestige, friendship, social **power**, political ambitions, etc.» (стр.61); «Because of his great **success** he had grown more liberal – easier – in his financial ventures» (стр.118).

Проведенный статистический анализ ключевых слов дает возможность сделать открытие относительно писательского видения образа Фрэнка Каупервуда. Среди литературоведов бытует мнение о том, что его образ отрицателен, что это эгоист до мозга костей, который ничем не дорожит по жизни, кроме материальных благ. Однако, статистика ключевых слов романа «Финансист», позволяет увидеть и другую сторону образа Фрэнка. Оказывается, что герой не только наделен Драйзером глубокими чувствами и сложными эмоциональными переживаниями (как это было показано в связи с концептом «**Senses**»), но и позитивно трактуемыми американским сознанием качествами настоящего победителя. Слова, представляющие авторскую оценку качеств главного героя, имеющие положительную оценку, по своей частотности существенно преобладают над словами, имеющими негативную окраску.

Таким образом, хотя, Каупервуд и был задуман Драйзером как воплощение пороков американского дельца, бизнесмена и финансиста, он оказался изображенным как чрезвычайно сильная и харизматическая личность. Несмотря на то, что Каупервуд отдал свою силу и энергию служению ложным, иллюзорным целям, во имя славы и власти, которые не несут настоящего счастья, он не может не вызывать уважения и даже восхищения в контексте ценностей американского культурного мира.

Литература

Романы Т.Драйзера

1. Theodore Dreiser «Trilogy of Desire», Great Britain, 1994, 1485 s.

Работы по американской литературе

2. Батурин С. «Драйзер», Москва, 1975.
3. «Зарубежный роман. Проблема метода и жанра», сборник научных трудов, Пермь, 1982.
4. Засурский Я.Н. «Теодор Драйзер», Москва, 1977.
5. История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Наука, 1983–1994.
6. Кириллова Т.Д. «Американская литература конца 19- начала 20 века», Минск, 1997.

Литература о концепте, концептосфере и ключевых словах

7. Бочкарев А.Е., Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. «Практикум по теории межкультурной коммуникации», Н.Новгород, 2005.
8. Вежбицкая А. «Понимание культур через посредство ключевых слов», Волгоград, 2002.
9. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. «Межкультурная коммуникация. Системный подход», Н.Н., 2003.
10. Зусман В.Г. «Диалог и концепт в литературе», Н.Новгород, 2001.
11. Стернин И.А. «Язык и мышление», Воронеж, 1997.
12. Стернин И.А., Стернина М.А. «Американское коммуникативное поведение», научное издание, Воронеж, 2001.
13. Тарасова И.А. «Художественный концепт. Диалог лингвистики и литературоведения», Саратов, 2010.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

LINGVOCULTURAL COMPETENCE IN THE SPACE OF MULTICULTURAL SOCIETY

Халупо О.И.

Челябинская государственная агроинженерная академия,
г. Челябинск, Россия

Khalupo O.I.

*Chelyabinsk State Agroengineering Academy,
Chelyabinsk, Russia*

В статье рассматриваются теоретические вопросы, связанные с лингвокультурной компетенцией, как важной составляющей межкультурной коммуникации, с позиции ее вариативности в ситуации поликультурности социума. Изучение и анализ данной проблемы позволяют исследовать аспекты, относящиеся к области формирования мировоззрения носителя языка, освоения им основного понимания языковой и лингвокультурной картин мира.

Ключевые слова: лингвокультурная компетенция, менталитет, межкультурная коммуникация, поликультурное общество, социальная идентичность.

The article deals with the theoretical issues related to linguocultural competence as an important component of intercultural communication from the perspective of its variability in the situation of multicultural society. The study and analysis of this problem allow us to investigate aspects related to the formation of a native speaker's world view, mastering the basic understanding of the language and linguocultural images of the world.

Keywords: *linguocultural competence, mentality, intercultural communication, multicultural society, social identity.*

Современная реальность такова, что общество постепенно превращается в одно глобальное пространство, но где явно существует многообразие культур, языков. Люди с неодинаковым мировоззрением, только им присущими представлениями о ценностях, своих законах, нормах, традициях и т.п., своим языком, живут в обществе, где существуют другие культуры и языки, но где взаимное уважение, признание культурных различий является основополагающим принципом любого цивилизованного общества. Таким образом, даже в век стирания границ между культурами и языками, многообразие культур существует, и наблюдается тенденция к сохранению истинных ценностей каждой культуры, продолжается накопление богатств, которые каждая нация, народность, общность приобретала и приобрела в течение долгого времени. При всем при этом, взаимодействие требует определенных способ-

ностей, которых разные ученые в разные времена и в разных областях называли и называют это компетентностью, приспособлением, умением, компетенцией, трансформацией – способность овладения процессом адекватного взаимодействия.

Тенденции стремительного развития общества привели к тому, что даже в рамках одной нации их представители не всегда адекватно осуществляют взаимодействие. Ведь, «в развитии языка, прежде всего, отражаются такие кардинальные события в жизни общества, как революционные преобразования экономических формаций, образование и разрушение государственных и национальных общностей людей, уровень развития культуры, территориальная, социальная, профессиональная, иногда возрастная, тендерная, и другие виды дифференциации общества» [4, 358]. Язык как средство общения людей и

культура как своеобразный образ общения людей находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, поэтому решение многих проблем (философских, лингвистических, культурологических, психологических, дидактических, и т.п.) базируется на этом принципе. Для нашего исследования именно лингвокультура является основополагающим фактором в вопросах дифференциации носителей языка и способах совершенствования их языковой культуры, повышения лингвокультурной компетенции.

Лингвокультура – это совокупность явлений культуры и языка, взаимосвязанных друг с другом и отраженных в сознании определенной общности людей (этнической, социальной, гендерной, профессиональной, возрастной и т.п.) или в сознании отдельной личности как целостное ментальное образование [1, 89].

Для того чтобы человек овладел языком, освоил языковые единицы, осознал не только их семантические значения, но и культурное содержание, стал компетентным в осуществлении взаимодействия, необязательно овладевать полным научным знанием о языковой структуре, организации, видах языковых единиц, способах и случаях их узкого употребления, подробного культурного содержания. Достаточно для этого овладеть базовыми знаниями в этой области для адекватного понимания и взаимодействия с собеседником. Таким образом, лингвокультурная компетенция подразумевает приобретенную способность, которая обусловлена как биологической, так и социальной необходимостью, определенными потребностями общества. В нашем понимании лингвокультурная компетенция – овладение базовыми знаниями в неспециализированных областях, отражающими духовно-нравственные представления, нормы, правила, действующие в данной культуре и языке и актуализированные человеком в процессе своей жизнедеятельности

[6, 123]. Для того чтобы понять ее сущность и иметь представление о том содержании, которое имеет данное понятие, необходимо рассмотреть его с разных ракурсов. В данной статье мы анализируем это явление с точки зрения социальной принадлежности, социальной идентичности. Так как нам представляется очень важным адаптация человека в любой среде, в различных пространствах лингвокультур.

Существуют различные виды социальной идентичности языковой личности и целых обществ: профессиональная, гендерная, возрастная, межпоколенная, этническая (национальная). Существуют и другие классификации. Мы остановимся только на той, которая представляется нам более существенной, с отличительными особенностями и важной для нашего исследования.

Лингвокультурная компетенция с позиции социальной принадлежности подразумевает овладение единицами языка вместе с их культурным содержанием при проявлении эмпатии, чуткости, терпимости к другим мнениям, к высказываниям и чувствам других представителей общества, способности к адекватному общению, проявлению позитивного поведения, открытости, самоконтролю и т.п. В данной работе речь идет о вариантах лингвокультур, которые часто используют различные социальные группы и называются социолектом, который как отмечает В.И. Карасик, служит знаком групповой принадлежности и идентификации людей, принадлежащим к одному социальному слою общества [2, 219].

Лингвокультурная компетенция профессиональная отображает единство менталитета отдельной профессии или специальности, которая заключается не в знании профессиональных терминов, а специфичной, индивидуальной лингвокультуры, относящейся к этой области. Человеку «из другого круга» трудно сориентироваться в понятиях, содержании и смысле тех или иных

проявлений взаимодействия. Причем, в зависимости от области профессиональной деятельности, уровень сложности понимания, осознания и овладения той или иной лингвокультурой, будет разным. Рассматривая различные дискурсы отдельной профессиональной деятельности, представляется возможным определить по терминам к какой области знаний относятся они. Но сложнее становится взаимодействовать с представителями данной области на их уровне неподготовленному человеку, не из их профессии, даже если речь не идет о профессиональных сферах, так как у них существует «своя культура и свой язык» вне профессии.

Лингвокультурная компетенция гендерная подразумевает овладение знаниями с учетом потребностей и интересов, отражающих социально-половую структуру общества. Данная компетенция подразумевает познание и отношение к познанию определенных понятий, их культурного содержания с точки зрения различия гендера.

Анализируя всевозможные языковые единицы и языковые явления, можно составить мнение о роли гендерности в определенной культуре, о дифференциации понятий с точки зрения «мужского и женского», о том, какие языковые особенности нужно характеризовать как женские, а какие мужские.

Например, по данным ассоциативного эксперимента все «информанты, независимо от пола, ассоциируют образ русской женщины с терпением, добротой, трудолюбием, красотой, любовью (в первую очередь материнской) и самоотверженностью. Информанты «ценят» в русской женщине активность, решительность, энергию и целеустремленность, а также хозяйственность и материнство, высокие нравственные качества: верность, отзывчивость, способность к сочувствию, эмоциональную теплоту» [3, 19].

Мы не рассматриваем в данном случае лингвокультурную компетенцию гендерную с точки зрения теории лингвистической относительности, согласно которой язык определяет мышление человека, процесс всеобщего познания мира человеком, созданную обществом культуру, поведение человека в этом обществе и мироощущение, мировосприятие человека этого общества и всех его процессов. В данном случае мы рассматриваем обозначенную компетенцию с точки зрения владения теми или иными знаниями и навыками, то есть преобладание в употреблении и овладении теми или иными особенностями речевых оборотов, грамматических конструкций, определенных базовых лингвокультурных единиц. Женщины чаще будут употреблять более вежливые конструкции, уменьшительно-ласкательные суффиксы и т.д. «Мужская компетенция» в данном случае будет определяться более «холодным и сухим», то есть конкретным, без прикрас и спокойным, часто безэмоциональным выражением своих мыслей, чувств, эмоций, впечатлений. Кроме того, они чаще используют в своей речи общенную лексику.

Лингвокультурная компетенция возрастная зависит от многих факторов (воспитания, образования, личностных качеств и способностей, стремлений и т.д.) и означает овладение знаниями и навыками в определенном возрасте. Причем, мы исходим из положения, что на каждом этапе своего возраста, а значит и развития, человек должен обладать необходимым набором знаний для своего адекватного функционирования в обществе. В зависимости от сформировавшихся компетенций в области языка и культуры формируется языковая личность, лингвокультурная личность. Лингвокультурная компетенция возрастная, как и любая другая, подвержена изменениям. Только, в отличие от других, она изменяется интенсивнее, продуктивнее и заметнее, если

носитель языка и культуры совершенствуется, постигает знания. И, наоборот, он может остаться на одном и том же уровне, который он пассивно «одолел», в течение своей жизни.

Лингвокультурная компетенция межпоколенная означает изменения в наборе знаний и навыков целых поколений и значительно отличается одна от другой в силу различных причин (экономических, политических, культурных, духовно-нравственных и т.д.). Являясь инструментом общения и средством выражения мыслей, отражающим уровень развития общества на том или ином этапе его развития, язык предназначен для обслуживания общества. Культура – передаваемая из поколения в поколение система знаний, норм, традиций общества. На каждом этапе развития общества – свой уровень, то есть свои особенности лексики, грамматики, фонетики, свои нормы, законы, традиции. Лингвокультура первобытного человека не отвечала бы требованиям нашего современного общества, и наоборот, современная языковая культура вызвала бы недоумение у любого первобытного человека.

Лингвокультурная компетенция национальная наиболее ярко отражает знания и владение лингвокультурными национальными особенностями той или иной культуры. Свой особый язык имеют многие государства с различной культурой, образом жизни, экономическим, политическим устройством, идеологией. Именно данное направление представляет наибольший интерес для лингвистов, культурологов, философов, пси-

хологов, так как их отличия многогранны и интересны.

Актуальность проблемы овладения лингвокультурной компетенцией в настоящее время не вызывает сомнений. Она связана и с расширением культурного пространства, и с увеличивающимися темпами межкультурного сотрудничества, с увеличивающимся объемом информации, появлением новых требований к человеку как носителю, хранителю и передатчику ценностей при взаимодействии с представителями разных культур. Для обеспечения эффективности взаимодействия необходимо обладать лингвокультурной компетенцией, являющейся частью межкультурной компетенции, а без последней невозможна межкультурная коммуникация, которая является важной частью любого результативного взаимодействия. Ведь это знания, которые необходимы для реализации своих планов и намерений в конкретных коммуникативных ситуациях с представителями других лингвокультур, это представления о нормах, традициях, правилах, существующих в рамках той или иной общности.

Анализ и изучение мира носителей языка, его способностей, познание культуры народа в эпоху поликультурности направлено на то, чтобы помочь понять и улучшить определенные качества личности, находить новые пути, средства, методы для сохранения ценностей культуры, использования их в формировании личности, обосновании новых методов овладения знаниями в области языка и культуры.

Литература

1. Городецкая Л.А. Лингвокультура и лингвокультурная компетентность: монография / Л.А. Городецкая. – М.: КДУ, 2009. – 264 с.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т яз. РАН; Волгогр.гос.пед.ин-т, 1992. – 330 с.
3. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах. Гендер и язык / Московский гос. Лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской

культуры, 2005. – 624 с.

4. Попова З.Д. Общее языкознание. Учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 408.
5. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2007. – 286 с.
6. Халупо О.И. Языковая культура и лингвокультурная компетенция: монография / О.И. Халупо. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – 168 с.

МИСТИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ГУМИЛЕВА И О. МАНДЕЛЬШТАМА

MYSTICAL TRAVELS IN THE WORK OF N.GUMILEV AND O.MANDELSTAM

Чижикова А.А.

*Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия*

Chizhikova A.A.

*Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia*

В статье рассматривается проблема трансформации и модификации жанра баллады на материале стихотворений Н. Гумилева и О. Мандельштама. Выявлены особенности художественного хронотопа балладного жанра.

Ключевые слова: баллада, жанр, пространство, время, ритм, образ, сюжет.

The article deals with the problem of transformation and modification genre of ballads on a material of N. Gumilev's and O. Mandelshtam's poems. It is revealed the features of the artistic chronotope of ballad genre.

Keywords: ballad, genre, space, time, rhythm, image, plot.

Введение

В начале XX в. происходит изменение жанровой структуры баллады как с точки зрения ро-

довой принадлежности, так и внутрижанровой. Однозначного определения баллады в литературоведении нет. Если в средние века во Фран-

ции балладой называли «лирическую песню или стихотворение без сюжета» [1: 26], то XVIII-XIX вв. в Англии, Германии и других странах балладу определяли как «фольклорный эпический песенный жанр» [1: 26]. В настоящее время принято считать, что это «лиро-эпическое сюжетное стихотворение с четкими жанрово-структурными признаками» [2], гибридный литературный стихотворный жанр, совмещающий лирическое, эпическое (повествовательная фабула) и драматическое (диалогические реплики персонажей) начала [1: 26].

Изначально баллада была имитацией фольклора, позже так называли «стихотворную песню о чудесном» [3: 243] с элементами фантастики, а в начале XX в., как отмечает Б. Томашевский, «под балладой стали понимать стихотворение с фабулой» [4: 242]. А. Мерилай подчеркивает, что «основная функция баллады – вызвать глубокие эмоции. Баллада стремится внушить чувства и всегда лирически окрашена, достигая этого многими эффектами: музыкальным сопровождением, обилием словесных повторов, скрытой развязкой, аллегорией, лирическими формальными приемами на различных уровнях» [5: 9].

Целью данной статьи является определение особенностей трансформации жанра баллады на примере «Заблудившегося трамвая» (1919) Н. Гумилева и балладного стихотворения О. Мандельштама «Фаэтонщик» (1931).

Материал исследования

В работе используются следующие *методы*: описательно-аналитический, анализ теоретической литературы по разрабатываемой проблеме, методы имманентного анализа, интертекстуального анализа, для статьи в целом характерен историко-литературный подход.

Результаты исследования и их обсуждение

«Заблудившийся трамвай» анализировали Л. Аллен, Р. Тименчик, Ю. Кроль, Ю. Зобнин, Е. Куликова, Л. Бельская и др. «Заблудившийся трамвай» – одно из самых таинственных в лирике Гумилева. К. Ичин отмечает, что ««Заблудившийся трамвай» вбирает в себя ключевые моменты балладных сюжетов с их трагическими ситуациями героев, подвластных зловещей бесовской игре высших сил их жизнью; именно вследствие этого скрытого, но напряженного диалога с самыми значительными образцами русской и мировой баллад Гумилёвское стихотворение приобрело архетипический, мифологический статус» [6]. П.Е. Спиваковский пишет о том, что лирический герой, «попадая внутрь трамвая, источающего громы и огонь (но и «звоны лютни» – знак утонченности и изысканности)... сознательно идет навстречу опасному и неведомому... это вполне соответствует жанру баллады, в котором написано стихотворение» [7].

Текст можно разделить на три части, первые две части заканчиваются многоточием и стихами: «Остановите, вагоновожатый, / Остановите сейчас вагон», а третья часть (и все стихотворение) заканчивается иначе («Машенька, я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить»), но синтаксически напоминает предыдущие повторы: это тоже обращение, но на этот раз не к вагоновожатому – судьбе, а к возлюбленной. Автор сохраняет укоренившийся признак баллад – повтор нескольких стихов. Многоточия перед повторами создают будто музыкальную паузу, чтобы исполнить заключительную музыкальную фразу, репризу, которая завершает раздел.

Е. Куликова указывает на перекличку «Заблудившего трамвая» с «Фаэтонщиком» Мандельштама, по ее мнению, ««Фаэтонщик» является своего рода вариацией на тему, заданную Н. Гумилевым в «Заблудившемся трамвае»» [8:

251]. Повествование в двух текстах начинается с пикового момента, без какой-либо предыстории, будь то пир со смертью («На высоком перевале / В мусульманской стороне / Мы со смертью пировали – / Было страшно, как во сне» [9: 130]) или же приключение на «незнакомой улице» («Шел я по улице незнакомой / И вдруг услышал вороний гай, / И звоны лютни, и дальние громы, – / Передо мною летел трамвай» [10: 271]), но происходит отправление в трансцендентное путешествие, где герои теряют способность действовать.

Лирический герой в «Заблудившемся трамвае» слышит вороний гай (отметим, что ворон – птица с мистическими коннотациями, данный образ характерен для баллад), «звоны лютни, и дальние громы» («звоны лютни» отсылают нас к «Эоловой арфе» В.А. Жуковского) и только потом видит необыкновенное зрелище – летящий трамвай. Элемент перехода из мира реального в ирреальный Гумилев значительно сокращает, а Мандельштам с первых строк помещает лирического героя в ирреальное пространство, тем самым с самого начала текстов присутствует балладное напряжение. Урбанистический и фантастический трамвай у Гумилева дает способность лирическому герою преодолевать время и пространство. В начале XX в. трамвай воспринимался как нечто мистическое и «вдвигался ... в «природный», натурфилософский ряд» [11: 137], данный образ подробно рассмотрен в статье «К символике трамвая в русской поэзии» Р. Тименчика.

При появлении трамвая все окружающее приходит в движение, и пространство расширяется до размеров Вселенной. Мандельштам же использует, казалось бы, привычную повозку, но ее ведет мистический проводник. Благодаря своеобразному путешествию по воздуху Гумилев и Мандельштам смещают обыденное понимание пути на мистический полет в межпространство.

Во второй части стихотворения Гумилева трамвай выступает неким отражением героя, он знает важные моменты жизни лирического «я» – такие, как путешествия в Париж, Африку и жизнь в Петербурге. Мистический трамвай не только преодолевает огромные пространства, но и время ему под силу, лирический герой замечает людей из прошлого. Странное ирреальное путешествие происходит будто в мыслях лирического героя:

Где я? Так томно и так тревожно

Сердце мое стучит в ответ:

Видишь вокзал, на котором можно

В Индию Духа купить билет [10: 272].

Динамизм развития событий в пространстве текста усиливается и бифуркацией в пространстве лирического героя, в виде раздвоения на почти собеседников. В стихотворении трамвай проносится по таким местам, где возможно совпадение времен и пространств не только реальных, но и фантастических, прошлого, настоящего и будущего («В красной рубашке, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне» [10: 272]). Автор, с одной стороны, будто сжимает время, знакомые места и события проносятся перед глазами лирического героя, а с другой – делает время бесконечным за счет его всеохватности, время практически превращается в пространство.

Баллада по своей природе музыкальна, и Гумилев создает песнь, ритм которой определяется рефреном, синтаксисом и звучанием. Если в первой части звуки лишь появляются в некой пространственной отдаленности – это шаги, которые задают ритм движения, крики птиц, звоны лютни и доносящиеся дальние громы, то во второй строфе звуки становятся громче, четче и настойчивее: «мы прогремели по трем мостам». В следующих стихах ритм шагов перенимает ритм сердца («сердце мое стучит»). В строфе

*...В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими*

Здесь, в ящике скользком, на самом дне [10: 272] – появляется резкий звук гильотины или топора. Аллитерация на «с», «з», «р», «л» проявляется на протяжении всей строфы: «с лицом», «срезал», «с другими», «скользком». Поэт будто подводит читателя к образу скользкого от крови ящика.

Гумилев вводит сюжет о мертвой невесте в третьей части:

*Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла! [10: 273]*

В финале баллады поэт меняет *мертвую невесту* на *мертвого жениха*:

*Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне [10: 273].*

Гумилев смещает восприятие действительности, оно сдвигается в зависимости от угла зрения, от совмещения сна и реальности, оно иллюзорно:

*И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня [10: 273].*

Сверхъестественный трамвай в третьей части стихотворения заменяется автором на образ фантастического Всадника, сквозь которого угадывается отсылка к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник». Данный образ несет в себе оттенок страха, но Гумилев еще более усиливает мистичность фигуры, благодаря соединению об-

раза Петра I и коня в нечто единое и устрашающее, разрешая скульптуре сорваться с места и полететь, тем самым внося балладный элемент фантастической скачки. В финале баллады ритм как бы ослабевает и плавно затихает: «сердце угрюмо», «трудно дышать». Баллады Гумилева, словно старинные таинственные карты, объединяющие в себе мистическое сочетание времен и пространств, а поэт вслед за лирическим героем увлекает читателя в опасное путешествие.

Авторы используют традиционную организацию пространства – двоемие, но ирреальный мир имеет свои особые черты. Если в традиционных балладах (под традиционными балладами мы понимаем балладу В.А. Жуковского) ирреальный мир – фантастический и корни его лежат в мистическом, то в поэзии Гумилева и Мандельштама – пространство, в котором главенствующую роль играет время, своеобразно преломляющиеся, соединяющее в себе прошедшее, настоящее и будущее. Е. Куликова пишет, что «строки «Фаэтонщика» создают образ другого путешествия – дороги в «чумную» Францию XV в., где жил и творил «любимец» поэта Франсуа Вийон» [8: 246]. «Фаэтонщик» был написан после поездки в Армению. Н.Я. Мандельштам пишет: «У О.М. создалось впечатление, будто мусульмане на рынке – это остатки тех убитых, которые с десятков лет назад разгромили город, только впрок им это не пошло: восточная нищета, чудовищные отрепья, гнойные болячки на лицах... Мы решили ехать в Степанакерт... Добраться туда можно было только на извозчике. Вот и попался нам безносый извозчик... с кожаной нашлепкой, закрывавшей нос и часть лица» [12: 162].

Стихотворение «Фаэтонщик» композиционно можно разделить на три части. Первые две части заканчиваются паузами – многоточиями. Первая часть относится к таинственному пиршеству и мистическому потенциальному пространствен-

ному перемещению, происходящему на вершине горы. Во второй лирический герой приходит в себя, как ему кажется, но это обманчиво. Лирический герой подводит некий итог случившемуся таинственному событию в Нагорном Карабахе.

Во второй строфе первой части появляется фаэтонщик – странный извозчик, «пропеченный, как изюм», который ассоциируется по цвету с мушкетером, а образ мертвого дополняется характеристиками «односложен и угрюм», «ужасные черты». Однотипные голосовые выкрики («крик араба», «бессмысленное «цо»») оживляют мертвеца. Автор сравнивает лицо извозчика то с розой, которая может погибнуть на солнце, то с жабой.

В следующей строфе таинственный извозчик словно прикрывается второй кожей «кожевенною маской» и гонит все быстрее, будто стремится успеть до рассвета. Далее ритм движения раскачивается: «толчки», «разгоны», «закружились»; лирический герой будто теряет фокус и проваливается в сон и уже в следующую секунду внезапно просыпается, но оказывается в том же ирреальном пространстве, не осознавая этого:

Я очнулся: стой, приятель!

Я припомнил — черт возьми!

Это чумный председатель

Заблудился с лошадьми! [9: 130]

Мандельштам превращает фаэтонщика в чумного председателя, который заблудился также как и трамвай у Гумилева. Вторая часть «Фаэтонщика» заканчивается строками: «Чтоб вертелась каруселью / Кисло-сладкая земля...» [9: 130], перед лирическим героем все пространство закручивается, унося его в неведомые миры, а в «Заблудив-

шемся трамвае» герой проносится сквозь время и пространство.

Последние три строфы «Фаэтонщика» поэт выстраивает в виде модифицированной посылки. Лирический герой подводит некий итог случившемуся таинственному событию в Нагорном Карабахе. Поэт таким образом выстраивает композицию стихотворения, что только в последней части мы понимаем, что все путешествие можно увидеть как странный сон, кошмар лирического героя, в котором переплелись впечатления от безлюдного города с мистическими домами полуметвецами «Сорок тысяч мертвых окон», «И бесстыдно розовеют / Обнаженные дома» [9: 130].

Е. Куликова отмечает, что в «Фаэтоннике» «подспудно отзывается «Баллада повешенных» («L'Épitaphe Villon (Ballade des perdus)») Вийона. Прямых реминисценций из «Баллады...» у Мандельштама нет, но переживание смерти («Я изведал эти страхи, / Соприродные душе», явленной в мотивах «мертвых окон», «обнаженных домов» «темно-синей чумы неба», соотносится с «мертвой плотью» и страданиями повешенных, от лица которых Вийон ведет повествование» [8: 247].

Можно сформулировать некоторые выводы по проблеме трансформации и модификации балладного жанра у Гумилева и Мандельштама. Поэты, несколько изменяя традиционную форму написания баллады, укрепляют иные компоненты: повторы, созвучия, аллитеративность, усиливая асемантизм (термин Ю. Чумакова), усложняя хронологические качества баллады, заданные как будто хаотическим ритмом событий, имеющих, однако, четко вычерченную структуру.

Литература

1. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Н.Д. Тмарченко. – М.: Изд-о Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

2. Лермонтовская энциклопедия. Режим доступа по: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/>
3. Скандинавская баллада / Изд. подг. Г. В. Воронкова, Игн. Ивановский, М. И. Стеблин-Каменский. – СПб.: Наука, 2004. – 272 с.
4. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 242 с.
5. Мерилай А.Э. Вопросы теории баллады. Балладность / А.Э. Мерилай // Учен. зап. Тартусского университета. Поэтика жанра и образа. Труды по метрике и поэтике. 1990. Вып. 879. С. 3-16. С. 9.
6. Ичин К. Межтекстовый синтез в «Заблудившемся трамвае» Гумилёва / К. Ичин. Режим доступа по: <http://www.gumilev.ru/about/27/>
7. Спиваковский П.Е. У входа. Анализ стихотворения Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» / П.Е. Спиваковский. Режим доступа по: http://www.portal-slovo.ru/philology/37243.php?ELEMENT_ID=37243&SHOWALL_2=1
8. Куликова, Е. Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов / Е. Ю.Куликова. – Новосибирск: Свинья и сыновья, 2011. – 530 с.
9. Мандельштам О. Четвертая проза / О.Э.Мандельштам. – М.: Эксмо, 2007. – 640 с.
10. Гумилев Н.С. Избранное / Н.С. Гумилев. – СПб.: Паритет, 2008. – 352 с.
11. Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии. Символ в системе культуры. // Р.Д. Тименчик. Труды по знаковым системам XXI. Тарту, 1987. – 135-143.
12. Мандельштам Н. Я. Книга третья: Воспоминания / Н.Я. Мандельштам. – Paris: YMCA-Press, 1987. – 335 с.

К ВОПРОСУ О ЦЕНТРИЗМЕ И ПОЛИЦЕНТРИЗМЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

TO THE QUESTION ABOUT CENTRISM AND POLYCENTRISM OF LANGUAGE SYSTEM

Некипелова И.М.

*Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашикова,
г. Ижевск, Удмуртская Республика, Россия*

Nekipelova I.M.

*M.T. Kalashnikov Izhevsk State Technical University,
Izhevsk, Udmurt Republic, Russia*

Исследование посвящено изучению и описанию явлений центричности и полицентричности в языковой системе. Эти, на первый взгляд, противопоставленные механизмы развития языка отражают разные аспекты формирования языковой системы: центризм обусловлен внешним давлением человека на язык, полицентризм – внутренним влиянием.

Ключевые слова: теория языка; философия языка; механизмы развития языка; центризм; полицентризм; потенциал языка.

The research is devoted to study and description of centrism and polycentrism phenomena in language system. This, at a first glance, opposed mechanisms of language development reflects various aspects of language system forming. Centrism is made by outer pressure of human on language, polycentrism by inner influence.

Keywords: theory of a language; philosophy of a language; mechanisms of progress of a language system; centrism; polycentrism; language potential.

Традиционно в лингвистике принято считать, что в системе любого языка выявляется ядро, составляющее активных запас лексики и грамматических средств носителей языка, и периферия, к которой относится лексика и грамматика, не имеющая активного употребления и распространения в определённый период существования языка. Так, считается, что ядро образуется наиболее употребительной и актуальной лексикой, в него же включаются и слова, которые охватывают различные речевые ситуации, достаточные для общения на различные темы и в любой обстановке, т.е. необходимый лексический минимум [1].

Действительно, если посмотреть в учебники по лексикологии, то можно увидеть, что вся лексика языка делится на крупные объединения, которые дифференцированы по степени территориального распространения, профессионального употребления, стилистической маркированности, временной актуальности и пр. В этом случае ядром языка выступает общеупотребительная лексика, не имеющая стилистической маркированности (нейтральная), употребляющаяся на всей территории распространения языка и знакомая всем носителям языка: «Ядро – это наиболее

употребительные слова, принадлежащие литературному языку» [2]. На периферию выходит вся остальная лексика. Следовательно, «в большей или меньшей степени удалены от ядра слова специальные, стилистически сниженные, просторечные, жаргонные, обценные» [3].

При этом все общеупотребительные слова, составляющие ядро языковой системы, имеют чётко и строго конвенциональное знание (значения), закреплённое в толковых словарях литературной формы языка. «Естественно, в первую очередь в словаре фиксируется лексика ядерная» [4]. Лексика, относящаяся к периферии, в основном базовые словари не входит, но «...и лексика периферийная также должна попадать в словарь, только при этом необходимо рассматривать разного рода факторы, которые характеризуют то или иное слово: какую реалию оно обозначает, насколько оно употребительно, какова его стилистическая окраска, какова та социальная или профессиональная среда, в которой это слово чаще всего обращается, и т. д. [5]. Таким образом, в целом четкой границы между ядром и периферией нет, поскольку сама периферия, как, впрочем, и ядро, – явление размытое и неточное.

Конвенциональное значение имеют и все остальные слова в языке, но при этом эти значения могут быть неизвестны некоторым носителям языка. Набор агнонимов – слов родного языка, неизвестных носителю языка – сугубо индивидуален, поскольку зависит от языкового опыта каждого отдельно взятого человека.

Итак, в целом и общем ядро и периферия языка учёными определена, однако использование языка в процессе реализации приводит порой к труднопреодолимым проблемам, среди которых основными являются непонимание собеседника, недопонимание собеседника, неудовлетворённость коммуникацией. Причинами возникновения этих проблем могут являться различные факторы, не только собственно языковые, но и внеязыковые, такие, как плохое самочувствие, рассеянное внимание, негативное личное отношение к собеседнику, депрессия и пр. Однако, казалось бы, что может быть проще в осуществлении коммуникации – необходимо лишь употреблять одни и те же слова в одних и тех же контекстах, составляющих ядро языка. С этой точки зрения вся коммуникация должна быть универсальной и нейтрализующей так называемое авторское начало в человеке. Однако в реальных условиях общения коммуникация не стремится к нейтральности и унификации, более того, в коммуникации происходит вербальная реализация личности. Следовательно, понимание деления языка на одинаковые для всех носителей языка ядро и периферию не может выступать в качестве абсолютной истины, претендующей на всеохватность и непогрешимость.

До недавнего времени учёные-лингвисты были ориентированы на описание той или иной языковой системы, её классифицирование и структурирование, представляющие во многом язык как некий глобальный конструктор, в кото-

ром есть определённые правила конструирования слов в высказывания. Безусловно, в целом и общем это именно так, но в погоне за выявлением генеральных правил и законов упускалось из виду, что язык и человек/общество оказывают взаимное влияние друг на друга, поскольку, конечно, язык – творение человека/общества, но и человек/общество – творение языка. То, какой в итоге личностью становится человек, во многом определяется его языковым опытом.

Языковой опыт человека зависит от многих факторов, среди которых особо надо выделить языковое пространство, в котором формируется личность человека, происходит её становление, и в котором преимущественно находится человек (семья, ближайшее окружение, профессия, литературные и информационные предпочтения). Совокупность языкового опыта носителей языка определяет потенциал языка, дальнейшую специфику его развития.

Языковой опыт, языковое пространство и потенциал языка, на котором говорит каждый отдельно взятый человек, составляют постоянно изменяющуюся языковую систему. Наличие средства коммуникации определяет общечеловеческую способность к использованию языков. Каждая нация в своей истории формирует свой, национальный язык, который способствует идентификации нации. Представители нации говорят на одном языке, используют одну языковую систему, и в этом случае язык выполняет наряду с когнитивной, коммуникативной и другими важными функциями функцию самовыражения. Эта функция очень важна, поскольку нация – это не простая совокупность её представителей, это самостоятельные личности, разделяющие одно культурное и языковое пространство. Поведение людей в обществе запрограммировать нельзя, следовательно, всё, что происходит в мире, обусловлено разностью в мышлении людей. Именно

поэтому реализация языка в речи является настолько уникальным явлением.

Каждый человек использует так называемый «свой» язык – подсистему общенационального языка, в которой есть ядро – актуальная лексика и грамматика, периферия – известная, но неактуальная грамматика и периферия, и которая обладает потенциалом – возможностями личности к нестандартному употреблению языковых единиц. Эта подсистема формируется в языковом пространстве и в результате положительного или отрицательного языкового опыта человека (изучение других языков, чтение литературы, работа со словарями, образование, творческий потенциал и некоторое другое). Следовательно, у каждого из ста сорока четырёх миллионов россиян, использующих русский язык в качестве государственного (в том числе представителей других национальностей, говорящих на родном национальном языке) формируется «свой» русский язык. Понимание этого факта приводит к тому, что, наряду с традиционным представлением о центричности языка, явным становится видение и его полицентричности.

Формирование общего для всех носителей языка ядра языковой системы вызвано центростремительными механизмами, которые приводят к центричности языка. Центризм языковой системы формируется за счёт образования литературной формы языка, общей для всех носителей. Однако наряду с этим происходит естественный процесс полицентризма языка, поскольку мышление и языковой опыт каждого носителя языка сугубо индивидуальны. В процессе взаимодействия людей друг с другом их языковой опыт пополняется, в результате чего корректируется индивидуальная языковая картина мира. Множество *индивидуальных* языков пересекаются и взаимодействуют. Максимально полное совпадение индивидуальных языков и общая апперцепцион-

ная база делают общение людей более полным и насыщенным. Человеку важно не просто довести до сведения другого человека информацию, ему важно быть не просто *понятым*, ему важно быть *понятым*.

Наиболее сложной с этой точки зрения оказывается передача чувств и эмоций, касающихся понимания смысла жизни. Дело в том, что это сфера максимальной абстракции, формализованной в языке с помощью абстрактной лексики, значение которой передать оказывается очень сложно. Однако на ранних стадиях своего развития ни один язык не имел в своём составе ни отвлечённой, ни абстрактной лексики. Развитие языка идёт по пути *актуализации сначала отвлечённого, а затем и абстрактного типов мышления homo sapiens* [6] в результате *развития экстраполяции* этого биологического вида в целом и его отдельных представителей в частности [7]. Следовательно, определение ядра и периферии языковой системы является также проблемой исторического, диахронического характера.

Для более точного и ёмкого выражения картины мира человек использует свои творческие возможности и потенциал языка. Мышление человека устроено таким образом, что человек понимает, какой образ будет понят, а какой выходит за рамки понимания, то есть происходит дифференциация возможного и невозможного в языке. Однако о невозможном в языке говорить очень сложно, поскольку существование многих языковых явлений – вопрос времени: возможно, однажды то, что не было использовано сегодня, станет востребованным завтра.

Именно формирование *индивидуального языка* способствует максимальному самовыражению личности. В наше время, время свободы выражения личности, это является наиболее актуальным аспектом, поскольку самовыражение одной личности не должно угнетать самовыра-

жение другой личности. Именно поэтому вопросы толерантности в языковом отношении стали очень важными в современном обществе. Иногда это явление становится частью языковой политики стран, например, к этой сфере относится введение запрета на использование табуированной лексики и пр. Однако сам запрет направлен лишь на устранение «симптомов» языковой болезни, а не на её лечение. Негативно-оценочная и эмоциональная лексика образовывается на ранней стадии формирования языка и является универсалией, что говорит о том, что лексика такого плана есть во всех языках. Табуированная лексика рано или поздно становится известной любому носителю языка, однако границы её употребления личность определяет сама: у одних людей она включена в ядро, у других вынесена на периферию индивидуального, субъективного языка. Только личностная инициатива способна определять, насколько необходимо употребление подобной лексики. Запрет извне практически ничего не способен изменить на уровне личностного восприятия языка. К тому же закон может ограничить употребление, но он не может вычеркнуть этот пласт лексики из языка – язык не подчиняется законам такого типа. Корректировать вербальное поведение людей, безусловно, надо, но корректировка должна проходить в результате получения языкового опыта: вместо табуированной лексики должна быть использована другая. Но что делать, если языковой опыт человека не позволил ему сформировать представление об употреблении эвфемизмов и в его мышлении образовалась лакуна? Именно на это и направлено во всех странах общегуманитарное образование, которое на когнитивном уровне формирует представление о том, что, где и когда можно употреблять. Отказ от углублённого изучения родного и государственного языков, от чтения мировой литературы, от изучения культуры народов и мира

неизбежно приведёт к тому, что коммуникация перестанет удовлетворять людей.

Таким образом, можно говорить о субъективной картине мира и субъективном (индивидуальном) языке, в котором реализовано авторское начало. Множество субъективных языковых картин мира и субъективных языков формируют объективную языковую картину мира и объективный язык, являющийся по преимуществу национальным. Однако термин объективный не значит правильный, поскольку не бывает правильных или неправильных языков, нет самого понимания того, что такое правильный язык. Термин *объективный* в данном случае должен соответствовать понятию *общий язык* и обозначать ту форму существования языка, которая объединяет все существующие подсистемы языка, все субъективные формы существования языка. При этом все единицы языка, получившие закрепление в языке получают название *языковых*, все остальные, реализующие актуальные потенции языка, не получившие конвенционального закрепления – *контекстуальные / ситуативные*. Выражение посредством языка новых понятий и мыслей человека называется актуализацией.

Постоянная корректировка объективного языка за счёт постоянных изменений множества субъективных языков приводит к флуктуационным процессам, нарушающим некоторое устойчивое равновесие существующей ранее системы, и именно эти процессы выполняют системообразующую функцию, поскольку одно языковое изменение влечёт за собой ряд других изменений, влияющих на системы в целом. Если бы произошедшие изменения никак не сказывались на общей системе (*general system*), то системой такое явление назвать было бы нельзя.

На усвоение одних изменений уходит мало времени, на усвоение других могут уйти годы и десятилетия, важно же, что ни одно изменение

не остаётся не использованным и не замеченным языком. Возможность существования одного явления даёт возможность появления типовых или аналогичных явлений. Любое изменение, даже весьма незначительное, может послужить актуализации или деактуализации каких-либо других явлений. Так, ряд слов *ежедневно* – *еженедельно* – *ежегодно* и пр. стал активно по мере запроса общества пополняться словами, образованными по этой словообразовательной модели: *еженочно*, *ежеутречно*, *ежевесенне*, *ежебуднично*. Подобные окказиональные образования наглядно показывают, как может быть использован потенциал языка. Возможно, однажды эти слова станут неотъемлемой частью активного словарного запаса носителей русского языка.

Языковая политика государства ориентирована и направлена на центризм языковой системы, поскольку явление центризма через закрепление общих норм и литературной формы языка способствует консолидации общества в государство. В самом же языке, как и в обществе, заложен механизм полицентризма, что соответствует основным представлениям эволюционизма – достижение жизненного единообразия через возможное разнообразие. Следовательно, в языке столько центров, сколько индивидов.

Интересно, что человек может быть идентифицирован как человек в нашем представлении не только по анатомическим и генетическим особенностям. Поведение, в том числе и языковое во многих случаях определяет наше видение того ли иного человека. Мы не называем животными тех людей, которые родились с шестью пальцами или иными физиолого-анатомическими особенностями. Животными мы называем тех людей, поведение которых, вербальное и невербальное, не соответствует нормам поведения в обществе, оказывается далёким от понятия культуры, отличается нецивилизованностью и жестокостью.

Полицентризм языка в очередной раз доказывает, что язык является открытой нелинейной системой, в рамках которой постоянно действуют флуктуации, а реализованные и нереализованные возможности языка выявляются через явления фуркации, бифуркации и полифуркации. Язык неотделим от человека и общества, вне их язык перестаёт существовать, именно поэтому проблемно-ориентированный поиск и использование общенаучных концепций, получающих своё развитие в рамках диатропики и синергетики, позволяют более точно увидеть и понять механизмы функционирования и развития языка.

Литература

1. Рублева О.Л. Лексика современного русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/resource/008/41008/files/dvgu129.pdf> (дата обращения 03.10.2012)
2. Новый большой англо-русский словарь. В 3-х томах. / Под ред. Апресяна Ю.Д.; Медникова Э.М. М.: Русский язык, 1993.
3. Там же.
4. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии [Электронный ресурс]. URL: http://portal.tpu.ru/SHARED/s/SHCHITOVA/Aspir/Aspirantam/Krysin_slovo.pdf (дата обращения 03.10.2012)
5. Там же.

6. Некипелова И.М. К вопросу о разграничении понятий отвлечённость и абстрактность и роли категорий отвлечённости и абстрактности в развитии семантической системы русского языка // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. – № 4.1(16). – С. 682-689. (Гуманитарные и общественные науки).
7. Некипелова И.М. Экстраполяция как лингвофилософская категория и способ формирования языковой картины мира // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – № 2 (261). – Выпуск 14. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. – С. 66-72.

ТИПОЛОГИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ: МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

TYPOLOGY OF ELECTRONIC MASS MEDIA: STUDY METHODS AND RESULTS

Радионцева Е.С.

*ОмГУ им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Россия*

Radiontseva E.S.

*Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky,
Omsk, Russia*

В публикации поднимается проблема трансформации типологической системы СМИ, рассматривается вопрос о методике анализа типологии электронных изданий. Материал изучается на примере районных газет, считающихся лидером на рынке читаемых изданий России. В статье проанализированы электронные версии районных газет Сибирского федерального округа.

Ключевые слова: *районная газета, электронная версия, интернет, аудитория средств массовой информации.*

The article raises a problem of mass media typological system transformation and considers an issue on methods of electronic publications typology analysis. District newspapers which are regarded a market leader among widely read Russian publications serve as study material. The article analyses electronic versions of district newspapers of Siberian Federal District.

Keywords: *district newspaper, electronic version, the Internet, mass media audience.*

Типология, значимость которой в теории журналистики неоспорима, помогает теоретикам и практикам СМИ понять место изданий, программ в системе средств массовой информации, способствует их взаимодействию, развитию здоровой конкуренции, высвечивает место СМИ в географическом, экономическом, социальном пространстве. Она же способствует определению особенностей деятельности, взаимоотношений с политическими структурами, экономическими институтами, с потребителями информации, читателями, слушателями, зрителями, помогает выработать методы общения с аудиторией.

Сегодня типология СМИ строится исключительно на основе эмпирических данных. К сожалению, пока не разработан системный подход, который позволил бы выстроить некую типологическую схему универсального характера. В основу общепринятой типологии современными исследователями положен технологический фактор. Именно он позволяет разграничивать все СМИ на печатные, телерадиовещательные и электронные (интернет). Более того, среди исследователей, изучающих вопросы типологии, принято говорить о типологической доминанте – главном типобразующем признаке. Здесь прослеживается два основных подхода. Одни исследователи полагают, что типобразующим фактором является аудитория, говорят о ее доминирующем влиянии по типологию. Другие полагают, что ведущим признаком типологии СМИ стала функция, которую выполняет то или иное издание/программа.

Статистические данные свидетельствуют о том, что число пользователей такого типа СМИ как интернет неуклонно растет. Этот процесс затрагивает все страны мира. Так, по данным Международного союза электросвязи (ITU), количество пользователей Интернета в мире к концу 2010 года достигло 2 млрд. человек, 1,2 млрд. из

которых проживают в развивающихся странах. Выход в Сеть теперь имеют 71% жителей развитых государств и 21% – развивающихся, а домашний интернет соответственно 63% и 13,5%. По данным проекта «Web Index» TNS, число российских пользователей интернета за 2010 год увеличилось на 14%, преимущественно за счет регионов. 59% жителей России старше 12 лет теперь хотя бы раз в месяц используют интернет.

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям РФ констатирует, что в последние годы российская аудитория интернета стала значительно старше [1, с.35]. Интернет в России перестает быть уделом молодежи, констатируется в 29-м бюллетене фонда «Общественное мнение». Чаще всего в Сеть заходят россияне в возрасте 25–34 лет (31%). Доля молодежи в возрасте 18–24 лет упала с 37% в 2005 году до 30% в 2010-м. При этом молодые жители Москвы и Санкт-Петербурга пользуются Сетью почти поголовно (97% и 98% соответственно). В других городах-миллионниках их число составляет 87%.

Следует сразу оговориться, что общепринятых типологических методик, связанных с анализом интернет-СМИ, сегодня не существует. Более того, исследователи интернета, такие как: А.А. Калмыков, Л.А. Коханова [4], М.М. Лукина [5], Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшина. [6] и мн.др., предлагают совершенно разные инструменты для анализа интернет-СМИ.

В открытых источниках интернета сайты разграничиваются по назначению, ради которых пользователи посещают интернет. Теоретики, как правило, разграничивают все многообразие электронных СМИ на основе целого ряда параметров: специфики контента, оформления, наличия/отсутствия рекламного материала, дополнительных сервисов и т.д. Зачастую каждый исследователь выделяет определенный набор ин-

струментов, которыми в дальнейшем «препарирует» свой объект.

Попытаемся посмотреть, применимы ли эти инструменты для анализа электронных версий районных газет. Районные газеты считаются устойчивым, общепризнанным и исторически сложившимся типом изданий. Кроме того, «районки» являются лидером читаемых изданий России, чьи тиражи остаются одними из самых массовых. Еще несколько лет назад Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям в исследовании «Российский рынок периодической печати в 2007 году: состояние, тенденции и перспективы развития», было подмечено, что «... чем дальше, тем больше население страны предпочитает местную ... прессу как более доступную» [2, с. 13]

Сегодня районные издания взяли курс на перевооружение – пытаются освоить интернет-пространство. В Омской области из 32 районных газет, зарегистрированных на территории региона, 14 имеют собственные электронные версии. Среди регионов Сибирского федерального округа по насыщенности электронными версиями Омская область лидирует, чей результат – 44% электронных версий от общего числа печатных «районок». На втором месте Красноярский край, в котором насчитывается 39% электронных версий от общего числа периодических печатных районных изданий. На конец первого полугодия 2012 года в крае было 17 электронных версий «районок» из 44 районных изданий, представленных на официальном сайте Красноярского края www.krskstate.ru. На третьем месте Алтайский край с результатом 36% электронных версий от общего количества районных изданий, информация о которых зафиксирована на официальном сайте Алтайского края www.altairregion22.ru. Это 21 электронный вариант, а всего в Алтайском крае выходит 59 «районок». Последнее место

в нашем рейтинге за Новосибирской областью с 5 электронными версиями из 32 районных газет или 16% от общего числа. Ситуация мониторилась с февраля по апрель 2012 года.

Причины невысокого проникновения районных газет в Сеть понятны: они связаны с отсутствием физических и материальных ресурсов, которые необходимы редакции для создания, поддержки и обновления электронной версии. Для поиска этих ресурсов у руководства районных изданий отсутствует мотивация. И все же в условиях роста популярности интернета необходимо сочетать интересы редакции с потребностями аудитории.

Что же собой представляют электронные версии районных газет с типологической точки зрения?

В основу методики нашего анализа были положены четыре основных критерия:

Количественный, связанный с оценкой количественных показателей: рубрик, подрубрик, частотой их обновления и т.д.

Качественный, предполагающий оценку контента, учет особенностей сети для ее продвижения.

Аудиторный, демонстрирующий возможность отслеживать аудиторию, регистрировать ее.

Особенности оформления

Анализ электронных версий районных газет проведен на примере Омской области. Самое большое количество рубрик отмечается у газеты «Наша искра» Называевского района, «Таврические новости» Таврического района, «Тарское Прииртышье» Тарского района. Электронные версии этих газет содержат по 9 рубрик. Самое большое количество подрубрик – 24 – в рубрике «Рубрики» «Нашей искры» Называевского района. Стандартные рубрики электронных версий газет: «Гостевая книга», «Объявления», «Фото-

галерея», «Газета» и другие, в среднем сопровождаются 4-10 подрубриками. Единственная электронная версия – газета «вперед» знаменского района – не имеет ни рубрик, ни подрубрик на главной странице сайта, поскольку их наименования скрыты в архиве номеров электронной версии газеты. Это затрудняет чтение, препятствует восприятию информации.

Число страниц сайта – другой важный показатель: чем больше материалов на сайте, тем интереснее издание читателю. Количество страниц влияет на число кликов на сайт, переходов по внутренним ссылкам, ранжирование в поисковых системах. Оптимального количества не существует, поскольку редакция каждого района самостоятельно выбирает количество разделов и страниц электронной версии своей газеты. Редакции омских районных газет по-разному расценивают этот показатель, однако в целом все электронные СМИ «районки» можно условно разделить на несколько групп:

1. С количеством страниц более 100: «Вперед» Знаменского района, «Знамя» Исилькульского района, «Маяк» Любинского района, «К новым рубежам» Саргатского района.
2. С количеством страниц более 200: Калачинский «Сибиряк», «Таврические новости» Таврического района, «Ваша сельская трибуна» Крутинского района.
3. С количеством страниц более 300: «Наша искра» Называевского района, «Пламя всегда с Вами» Одесского района и «Заря» Полтавского района.
4. Более 400 страниц содержит сетевая газета «Тарское Прииртышье» Тарского района.

При оценке параметра «Периодичность, системность обновления электронной версии газе-

ты» выделены следующие категории районных сетевых СМИ:

1. Ежедневно (один раз в день): «Наша искра» Называевского района.
2. Ежедневно (несколько раз в день): «Вперед» Знаменского района, «Маяк» Любинского района.
3. Несистемно (один раз в день): «Сибиряк» Калачинского района.
4. 1-2 раза в неделю: «Заря» Полтавского района, «К новым рубежам» Саргатского района, «Тарское Прииртышье» Тарского района, «Таврические новости» Таврического района.
5. Несистемно, 3-4 раза в неделю: «Знамя» Исилькульского района, «Ваша сельская трибуна» Крутинского района, «Пламя всегда с Вами» Одесского района.

Таким образом, исследование показало, что большинство электронных версий газет обновляются лишь несколько раз в неделю, от 1 до 4 раз (7 газет из 11). Количество выкладываемых материалов не превышает 5. В среднем по 3-4.

Регулярное обновление тематическим, уникальным материалом способствует увеличению виртуальных читателей газеты и росту их интереса к интернет-ресурсу. Редакции омских районных газет по-разному расценивают частотность обновления информации в электронных версиях газет. Это связано как с ограниченностью информационного поля, так и с нехваткой специалистов по сопровождению интернет-ресурсов.

Оценивая характеристику контента, необходимо отметить, что контент на веб-сайте может быть очень разным. Уникального контента не представляет ни одна электронная версия районных изданий, не отличается он и эксклюзивностью. Контент всех версий районных газет доступен, актуален, достоверен и значим, он имеет

аналоги на других сетевых СМИ похожей тематики.

Исследуя электронную версию каждого района в отдельности, можно отметить некоторые особенности. Так, в электронной газете «Вперед» Знаменского района, также как и в газете «Знамя» Исилькульского района, преобладает графический контент. Карта Омской области и герб района присутствуют здесь на главной странице сайта. «Сибиряк» Калачинского района состоит из трех видов контента в равных долях: текстового, фактического, графического. В «Маяке» Любинского района преобладает текстовый контент с элементами графического.

Анализ структуры электронных версий газет позволяет выявить внутренние взаимосвязи, сказать об эффективности их организации. Большая часть электронных версий районных газет использует древовидный тип структур (из анализируемых 14 версий, относящихся к Омской области, 7 имеют этот тип структур). Древовидная структура имеет начало — первую страницу, корень дерева, конец просмотра, который связан с исчерпанием всего материала сетевой газеты. Основным недостатком древовидной структуры является сложность соблюдения баланса между глубиной и шириной. Если дерево электронной версии газеты будет расти только вглубь, то читателю, чтобы дойти до интересующей его страницы, придется загрузить и просмотреть слишком большое количество страниц. Если же электронная версия газеты будет только расширяться, то чтобы найти нужную информацию, читатель будет тратить много времени на выбор нужного раздела. И первое, и второе может вызвать у него негативные эмоции. Поэтому необходимо постоянно следить за разрастанием ресурса и придерживаться золотой середины.

Плоская структура состоит из главного документа (домашней страницы), который имеет

ссылки на все остальные документы узла. В Омской области такой тип структуры используют три электронные версии.

Комбинированный тип структур отмечается еще у трех электронных версий газет. Верхний уровень (домашняя страница, группа вспомогательных документов, индексы разделов) организован как плоская структура. От заголовков разделов исходят древовидные конструкции, объединяющие документы, относящиеся к этим разделам, имеющие ссылки только на своих прямых «родственников» и «родителей». Листьями этих деревьев являются отдельные документы, плоские структуры.

Оценивая наличие рекламных материалов в электронных версиях газет, необходимо отметить следующие тенденции: в трех версиях районных сетевых СМИ рекламные материалы отсутствуют совсем. Частные строчные объявления размещены в электронных газетах «Знамя» Исилькульского района, «Ваша сельская трибуна» Крутинского района, «Маяк» Любинского района. В отдельную рубрику «Объявления» сведены объявления о купле-продаже товаров, сдаче в аренду и размене жилплощади, открытых вакансиях в районные компании и так далее. Рубрика «Объявления» существует в газетах: «К новым рубежам» Саргатского района, «Наша искра» Называевского района, «Ваша сельская трибуна» Крутинского района, «Таврические новости» Таврического района, «Тарское Прииртышье» Тарского района.

Статичные текстовые объявления изжили себя, и районным газетам стало не хватать динамики и яркости. Рекламная индустрия не преминула использовать мультипликационные технологии для создания анимированных баннеров. Такие баннеры в «Заре» Полтавского района и «Тарском Прииртышье» Тарского района. Анимированные объявления в стиле бегущей строки представлены, например, в интернет-СМИ «Впе-

ред» Знаменского района, «Заря» Полтавского района, «К новым рубежам» Саргатского района, «Наша искра» Называевского района, «Тарское Прииртышье» Тарского района.

Все рекламные материалы размещены в шапке анализируемых сайтов. Однако некоторые газеты, такие как «Тарское Прииртышье» Тарского района и «Заря» Полтавского района, размещают анимированные баннеры внизу главной электронной страницы за счет обилия анимационных материалов в остальных частях сайта. В «Нашей искре» Называевского района статичные рекламные баннеры тоже размещены к низу главной страницы.

Немаловажный параметр – наличие поисковой системы внутри электронной версии, которые просматривается только в пяти изданиях. Поисковые системы упрощают доступ к информации, помогают понять логическое расположение информации – в меню, в основном тексте, в нижней части страницы и так далее. Для читателей важна релевантность сайта – смысловое соответствие между информационным запросом и полученным сообщением. Поэтому важна как релевантность результатов поисковых запросов, так и релевантность контента электронной газеты для читателей. Соответствие результатов запроса поисковой системы внутри сетевой газеты интересам виртуального читателя зависит не только

от поисковой системы, но и от того, насколько удачно сформулирован запрос, то есть, насколько сам запрос правильно отражает интересы посетителя. Практически все электронные версии снабжены счетчиками посещений. Они показывают, что цифровые СМИ сегодня интересны читателям, хотя ни одна из электронных версий не представлена в рейтингах интернет-СМИ региона как значимая по посещаемости.

Таким образом, можно констатировать, что типологические признаки электронных версий районных газет пока не сформировались. Журналисту, которому предстоит прийти работать в этот сегмент СМИ, придется столкнуться с трудностями, вызванными непониманием специфики работы с аудиторией, методами взаимодействия с ней, поскольку у электронных версий районных газет не выявлено четких типологических особенностей. Это значит, что разговор о развитии нормальной конкуренции между электронных версиями районных газет, их месте в географическом, экономическом, социальном пространстве носит пока преждевременный характер. Можно констатировать, что взаимоотношения электронных версий с политическими структурами, экономическими институтами, с потребителями информации, читателями, слушателями, зрителями не обозначены.

Литература

1. Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития. М., 2011 // http://www.sbo-paper.ru/upload/pdf/2011_periodical.pdf. 79 с.
2. Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития. М., 2007 // http://www.sbo-paper.ru/upload/pdf/2011_periodical.pdf. 76 с.
3. Радионцева Е.С. Творческий потенциал районной газеты: автореф. диссертации на соискание степени кандидата филол. наук по специальности «Журналистика» / Е.С. Радионцева. Екатеринбург, 2009. 16 с.

4. Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика / А.А. Калмыков, Л.А. Коханова. М., 2005. 376 с.
5. Лукина М.М. Интернет-СМИ. Теория и практика / М.М. Лукина. М., 2011. 346 с.
6. Мельник Г.С., Тепляшина А.Н. Актуальные проблемы современности и журналистика: Учебное пособие для студентов факультета журналистика / Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшина. СПб, 2005. 237 с.

УЛИЧНАЯ СЦЕНОГРАФИЯ Н.А. НЕКРАСОВА В «ГОРОДСКИХ» ЦИКЛАХ (ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

NEKRASOV'S STREET SCENOGRAPHY IN «CITY» SERIES (INTERMEDIALITY ASPECT)

Павловская О.А.

*Ивановский государственный университет,
г.Иваново, Россия*

Pavlovskaya O.A.

*Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia*

В статье обобщаются наблюдения над спецификой использования сценографических элементов в лирике Н.А. Некрасова, с помощью которых поэт создает динамичный лирико-драматический Петербургский текст. Особое внимание уделяется сценографическим приемам психологизации и объективации лирических образов, динамике субъектно-объектных отношений, способам презентации (портретной, поведенческой, речевой) лирического героя и героев «ролевой» лирики.

Ключевые слова: сценография, «ролевая» лирика, лирический герой, объективация.

In this article the specific uses of scenographic elements in Nekrasov's lyrics are summarised. With the help of these elements the poet creates dynamic lyrical dramatic St.Petersburg's text. Emphasis is on the scenographic method of psychologization and objectification of lyrical images, the dynamic of subjective-objective relations, the way of lyrical characters' presentation (portrait, behavioral, speech presentation) and characters of «role» lyrics.

Keywords: scenography, «role» lyrics, lyrical character, objectification.

Городские циклы («На улице», «О погоде») в поэзии Н.А. Некрасова – это уникальный жанрово-тематический комплекс, в котором не только оттачивалось мастерство поэта в творческой интерпретации одной из значительных тем русской литературы, но и кристаллизовались сценографические элементы, вызванные к жизни тематическим вектором.

В некрасововедении стала уже традиционной мысль о соответствии циклической организации стихотворений их сюжетно-тематическому комплексу. В частности, принцип «монтажной» композиции, реализованный в «городских» циклах позволил Некрасову расширить пространственные координаты, увеличить угол зрения и одновременно событийно наполнить намеченную перспективу. По мнению Б.О. Кормана, «монтажный принцип <...> служит одним важнейших средств введения в лирику социального содержания» [1]. Этот же исследователь рассматривает и разные приемы монтажной организации лирических произведений Н.А. Некрасова, среди них: включение прямой речи в лирический монолог, лирическое многоголосье, смена субъектной организации и другие. Заметим, что сам монтажный принцип структурного оформления цикла получил обозначение по аналогии с кинематографическим искусством (автор термина С.Эйзенштейн), что служит поводом для развития интермедийного подхода к исследованию поэтики Некрасова.

Вслед за В.Г. Власовым мы рассматриваем сценографию как «искусство создания зрительного образа театрального представления посредством декораций, костюмов, света и цвета, бутфории, реквизита и постановочной техники» [2].

Уличная сценография как одно из проявлений тенденции драматизации лирики возникает в поэзии Некрасова одновременно с введением приема «ролевой» лирики. Определенная авто-

номность лирического героя, его дистанцированность от других персонажей произведения является условием поэтической сценографии. Объективация улицы, уличных впечатлений в лирическом произведении возможна именно благодаря такому герою.

В цикле «На улице» (1850) взаимоотношения лирического героя с миром строятся на контрасте:

*Спеша на званный пир по улице презренной,
Вчера был поражен я сценой безобразной...*

[3]

При этом чуждое лирическому герою уличное пространство обостряет мироощущение, раздражает нервы и невольно делает героя участником события – вызывает сочувствие или полное неприятие.

Автономность лирического героя в определенной степени снимает центростремительную стянутость персонифицированных образов и общает им объективный план изображения. Все персонажи – типичные представители улицы: торгаш, городской, кучер Ванька... И эта связь зафиксирована в их социальной и психологической характеристиках. Герои живут и действуют по законам улицы, которые могут не совпадать с представлениями лирического героя или даже противоречить его нравственным ценностям. Так в первом сценическом действии такой функцией острашения происходящего наделен торгаш:

Вздрыгнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач

И, бросаясь от лотка, кричал: «Держите вора!» (I, 76)

Поведение героя, как и его словесно-звуковое сопровождение, являются провозвестниками уличной дисгармонии. Конфликтная основа всех сцен социально детерминирована. Если в первой

части («Вор») лирический герой становится свидетелем «восстановления» уличного порядка, во втором и третьем стихотворениях (соответственно «Проводы» и «Гробок») он вовлекает в размышления читателя, намеренно самоустраняясь из сценического действия, то уже в заключительной части герой включается в сценическое действие оценочно-обвинительным словом.

В основе уличной сценографии Некрасова лежит идея несвободы человека, его вынужденной подчиненности социальным и общественным законам. В сценографическом воплощении этой концепции у Некрасова можно выделить как комедийные, так и трагедийные элементы. К примеру, в первой части цикла «На улице» оксюморонный прием презентации персонажа-торгаша, сатирическая гиперболизация церемониальных действий городского травестируют образы, разоблачают уличных дельцов и хранителей порядка и наоборот вызывают сочувствие к жертвам. Образ вора – неотъемлемый атрибут уличных зарисовок – также трагедийно гиперболизирован. Его централизации на сценической площадке способствуют и название части, и достаточно объемная сценографическая презентация, включающая поведенческую, жестовую, мимическую и даже костюмированную характеристики. Сценическая напряженность поддерживается не только кульминационной фазой в развитии уличных событий – задержание вора, но и благодаря психологической насыщенности ролевой установки:

Закушенный калач дрожал в его руке;

...

Лицо являло след недавнего недуга,

Стыда, отчаянья, моления и испуга... (I,76)

Именно вор переключает восприятие лирического героя из объективно-оценочного в субъективное, вызывая тем самым сочувствие.

Априорно трагедийная ситуация второй и третьей частей усиливает мысль о безысходности человеческих страданий, персонажи бессильны перед судьбой, их сценическим поведением управляет покорная обреченность.

Сценической завершенности первой части цикла во многом способствует обобщающая фраза лирического героя: «сцена безобразная», а также комплекс сценографических элементов: мимика и жесты персонажей, их портретно-костюмное обеспечение, речевое проявление.

На наш взгляд, лирический герой во многом усиливает сценическую живость площадки: именно его удивляет поведение уличного торгаша и именно он в завершение сценки берет на себя поведенческо-речевую нагрузку персонажей:

Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» –

И богу поспешил молебствие принести

За то, что у меня наследственное есть...

(I, 76)

Прием сценического самоустранения лирического героя во второй и третьей частях цикла изменяет их поэтику. Сценическое раскрытие персонажей сменяется лирико-драматическим повествованием, в котором каждый персонаж следует определенной ролевой установке. Из комплекса сценических элементов в соответствии с повествовательной поэтикой сохраняется поведенческая самопрезентация героя:

Мать касатиком сына зовет,

Сын любовно глядит на старуху,

Молодая бабенка ревет

И все просит остаться Ванюху... (I,77)

В сцене «Гробок» доминирующая повествовательная стилистика вновь соединяется с драматическим элементом: в сценическое действие включается двойник главного персонажа, его

внутренний голос, который обнажает безысходность трагической ситуации.

В заключительной части «Ванька» лирический герой вновь обретает сценографическое проявление. Взгляд со стороны как способ объективации героя по-прежнему обеспечивает трагестирование образов. При этом сценические «полномочия» главного героя изменяются: он не просто наблюдатель, но главный повествователь, который от лица автора включается в уличные зарисовки и словесно-описательной характеристикой героев выносит приговор улице. Сценичность образов (дельца Ваньки, «продажной красы») формируется за счет их «актерского амплуа», также продиктованного улицей.

Итак, в раннем городском цикле уличная сценография подчинена персонажу, будь то лирический герой или герой «ролевой» лирики. Комплекс сценических элементов направлен на социально-психологическое раскрытие персонафицированного образа.

В цикле «О погоде» (1858-1865) уличная сценография не исчерпывается характерологической функцией, а становится значимым структурным элементом городского текста.

Важным условием функционального переосмысления поэтической сценографии являются взаимоотношения лирического героя и улицы. Если в раннем произведении эти отношения строились на контрасте, что было художественно оправдано с целью объективации героя и уличных персонажей, то в цикле «О погоде» лирический герой принадлежит миру города. Ярким признаком подобной включенности является его лирико-интонационное совпадение с музыкально-хоровой презентацией городской жизни. По сути в образе лирического героя хоровое звучание города обретает проникновенное лирико-интонационное воплощение. Закономерно и то, что следующая за таким вступлением первая уличная

сцена вызывает у лирического героя не отторжение, а душевное переживание, подталкивающее к соучастию в развертывающемся действии.

В раннем цикле Некрасова сценография ориентирована на фрагмент и в сценах запечатлены буднично-драматические моменты уличной жизни. В цикле «О погоде» сценическая фрагментарность преодолевается во многом благодаря иному соотношению понятий человек и улица. В судьбу большинства персонажей улица привносит не только драматическое напряжение: она определяет зависимость человека от погоды и расстояний, от заказов и начальников. Улица руководит судьбой человека. Эта идея получает и новое воплощение: панорамный принцип, перспектива, виды экстерьера обогащают уличную сценографию. Усложняется и сценическое действие: визуальные картины Некрасов совмещает с драматическим повествованием, с диалогами персонажей. Так в первой сцене (похороны чиновника) визуально-минорные впечатления лирического героя драматизируются самой улицей. Офицерская коляска символизирует темп и энергию улицы, беспощадность ко всему отжившему, ненужному. Именно коляска, зацепившая дроги, оказывается пружиной драматического действия. Динамичное «Пошел!» сменяется сферическим плачем-причитаниями старушонки. Ее роль в этом трагедийном представлении ведущая: она – распорядительница покойного, она презентует его судьбу, она – единственная защитница его перед Богом. Лирический герой уступает сценическую площадку тем, кто знает улицу непонаслышке, кому открыты жизнь и судьбы его обитателей. При этом для Некрасова важна персонификация сценического представления, с одной стороны как вариант характерологии, с другой стороны, как способ сохранения лирической поэтики. Для самого же лирического героя и старушонка, и рассыльный Минай – «знакомые незнакомцы».

Эти типичные представители улицы откликаются на заинтересованное участие лирического героя и как близкому человеку открывают историю своей жизни, в которую вплетены судьбы других людей. При этом история рассыльного Миня становится для героя Некрасова способом понять себя, свое место в мире. Подобной существенностью для героя обладает и первая сценка. Случайная старушонка провожает в последний путь не только чиновника, но сопровождает литератора туда, где все предписано и предопределено. Но если последнее пристанище чиновника является лишь драматическим завершением все того же «жизненного каламбура», то лирический герой с помощью охранительной усмешки пытается сопротивляться трагической предначертанности:

*Я немым ей поклоном ответил
И ушел... Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал – и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой... (II,178)*

Городские циклы Н.А.Некрасова, как известно, соотносятся в мотивно-образном плане. При этом поэтика городского текста, воплощенная в цикле «О погоде», вбирает ранее найденные художественные элементы, но в трансформированном виде. Так заявленный в заключительном стихотворении «Ванька» (цикл «На улице») образ продажной красы оказывается доминантой уличной сценографии части «Сумерки» из цикла «О погоде». Возможным основанием такого художественного решения можно рассматривать намерение автора усилить контрастность образа города, которая в свою очередь может проявляться в оппозиции мужского и женского. Творческим вариантом такого противопоставления в части «Сумерки» и оказываются город и улица:

*Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян... (II,184)*

*Наша улица улиц столичных краса,
В ней дома все в четыре этажа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа (II,184).*

Подобный ракурс расставляет акценты в уличной сценографии: доминантно-крупными представлены знаки европейских торговцев:

*Там перчатка с руки великана,
Там торчит Веллингтонов сапог... (II,184-185)*

Улица оказывается во власти мужской силы и получает печать жертвы. Не случайно, что завершением уличного обзора становится сюжетно-обыгранный дом гробовщика Варсонофия Петрова.

В звуковом оформлении улицы Некрасов сохраняет перебивы мужского и женского аккордов:

*Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая! (II,185)*

При этом лирический герой улавливает в уличной какофонии единый интонационный план.

Апокалиптическая интонация улицы достигает особой пронзительности в «душераздирающем» детском плаче. Можно увидеть в этом и звуковое выражение мотива жертвенности. Плач невинных детей, жертв улицы и города, возвещает миру о близком конце. Однако принимая во внимание женскую природу уличной сценографии в городском тексте Некрасова, мы склонны видеть в развивающемся мотиве детства его ор-

ганическую сцепленность с женским началом. Улица с ее «продажной красотой», звуковой какофонией обрекают ребенка на «нужду и неволю». Улица и город, полные противоречий, превращают дитя в свою жертву.

По контрасту с улицей Некрасов создает сценографию Невского проспекта как средоточие света, блеска и игры. Проспект неуязвим в своем совершенстве и пленяет, превращая в жертвы, души неопытные и случайные. Сцена о проделках франтов, формирующаяся в городском пространстве и получившая развязку в поле, подтверждает игровую потенцию природной силы. Красота и блеск Невского проспекта столь же иллюзорны, опасны, как и огненные игры мороза.

Итак, наблюдения над уличной сценографией в городских циклах Некрасова открывают широкий диапазон творческих исканий поэта в об-

ласти драматизации лирики. Интерес Некрасова к сценографии во многом продиктован драматизмом поэтического мироощущения, так емко выраженным в поэтической формуле: «Мерещится мне всюду драма...». Сценографические элементы, включенные в поэтический текст, позволяют совместить план выражения с изобразительными возможностями. Поэтический образ обретает пластику, естественную живость, сценическую выразительность. Сценография Некрасова с использованием приемов ролевой лирики открывала и новые горизонты в обобщении и объективации жизненных явлений. Одновременно сценографические элементы создавали определенное поле для притяжения читателя: включали его в сферу творческой рефлексии автора и усиливали в читательском переживании ноты *со-участия* и *со-переживания*.

Литература

1. Корман Б.О. Лирика Н.А. Некрасова. Воронеж, - 1964. - С.317.
2. Власов В.Г. Сценография // slovari.yandex.ru. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства.
3. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т., Л. - 1981. Т.1. - С.76. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами).

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРИЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ В НОВЕЛЛАХ Ф. СОЛОГУБА

ON THE USE OF ADMISSION IN THE STORIES OF TRANSFORMATION F. SOLOGUB

Чвертко С.Ю.

*Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск, Россия*

Chvertko S.Yu.

*Institute of philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia*

В данной статье анализируется использование приема трансформации в фантастических новеллах Ф. Сологуба, рассматриваются различные аспекты и виды метаморфоз. Результатом исследования является расширение представлений об использовании трансформации в фантастической прозе начала XX в.

Ключевые слова: трансформация, новелла, Сологуб, серебряный век.

In this article use of reception of transformation in F. Sologub's fantastic short stories is analyzed, various aspects and types of metamorphoses are considered. Result of research is expansion of ideas of transformation use in fantastic prose of the beginning of the XX century.

Keywords: transformation, short story, Sologub, silver age.

Введение

Использование приема трансформации (или метаморфоз) встречается еще в античной литературе и берет свои истоки в мифологической традиции. М.М. Бахтин пишет, что «метаморфоза (превращение) – в основном человеческое превращение – наряду с тождеством (также в основном – человеческим тождеством) принадлежит к сокровищнице мирового доклассового фольклора. Превращение и тождество глубоко сочетаются в фольклорном образе человека... С человека мотивы превращения – тождества переходят и на весь человеческий мир – на природу и на вещи, созданные самим человеком...

На античной почве идея метаморфозы проделала очень сложный и разветвленный путь развития. Одно из разветвлений этого пути – греческая философия, где идее превращения, наряду с идеей тождества, принадлежит громадная роль, причем существенная мифологическая оболочка этих идей сохраняется до Демокрита и Аристофана... Другое разветвление – культовое развитие идеи метаморфозы (превращения) в античных мистериях, и прежде всего в элевсинских мистериях. Античные мистерии в их дальнейшем развитии все более и более подвергались влиянию восточных культов, с их специфическими формами метаморфозы. В этом ряду развития лежат и перво-

начальные формы христианского культа. Сюда же примыкают и те грубые магические формы метаморфозы, которые были чрезвычайно распространены в I-II веках нашей эры, практиковались различными шарлатанами и стали прочным бытовым явлением эпохи. Третье разветвление – дальнейшая жизнь мотивов превращения в собственно народном фольклоре. До нас этот фольклор, конечно, не дошел, но его существование известно нам по его влияниям – отражениям в литературе (например, в той же новелле об Амуре и Психее у Апулея). Наконец, четвертое разветвление – развитие идеи метаморфозы в литературе» [2, с. 368]. *Целью данной статьи* является изучение своеобразия использования Ф. Сологубом приема трансформации на примере его фантастических новелл. *Материалом исследования* послужили новеллы Сологуба «Опечаленная невеста», «Смерть по объявлению», «Белая березка», «Снегурочка», «Тени и свет», «Соединяющий души», «Очарование печали», «Дама в узах», «Претворившая воду в вино».

Результаты исследования и их обсуждение

Для фантастической литературы характерен прием метаморфоз. Это позволяет преобразовать реальность, в том числе объективную и субъективную, – так, как этого желает автор. Р. Лахманн пишет, что «трансформации, мутации, изменения, происходящие внезапно или протяженные во времени, – эти излюбленные приемы литературной фантастики указывают на нестабильность, непостоянство человеческой души и тела... Превращения живого в мертвое, а мертвого в живое, одушевленного в неодушевленное, происходящие под воздействием колдовства, по воле богов или в силу внутреннего импульса, представляют собой намеренно скандальные нарушения границ обыденной логики. Подобные метаморфозы фантастический текст представляет как потрясение

основ существующего порядка, как инверсию актуальных представлений о природе человека [4, с. 5]. Можно сказать, что фантастическому жанру свойственна некая ирония, насмешка над ограниченными, субъективными представлениями человека о самом себе и окружающем мире. Метаморфозы помогают противопоставить реальный материальный мир вымышленному или идеальному, «фантастичность можно было бы определить как вербальную репрезентацию игры в Другое, как метаморфозу и изобретение инобытия... метаморфоза означает изменение субстанции и уровня стилей инсценирования Другого» [4, с. 51]. Таким образом, метаморфозы – один из основных приемов, помогающих автору изменить реальность и использовать его, чтобы более полно раскрыть основную идею произведения. Рассмотрим, как использовал трансформации и метаморфозы Сологуб в своих новеллах.

«В основе фантастических новелл Сологуба («Собака», «Опечаленная невеста»), – по мнению В.В. Виноградовой, – лежит невероятное – сказочное, таинственное или сверхъестественное – событие. В них проявляется интерес писателя к мистике, к мотивам метаморфозы, к поведению человека при встрече с нечистой силой. Для них характерны динамичный сюжет, однособытийность и ретардация, осуществляемая посредством подробной детализации» [3, с. 25]. С.Н. Бройтман пишет о том, что мотив превращения характерен для новелл Сологуба: «Оно может иметь бытовую и даже анекдотическую окраску («Превращения», 1904; «Конный стражник», 1907), но может выводить к теме преображения и творимого чуда («Претворившая воду в вино», «Алчущий и жаждущий», «Снегурочка», 1908). В ряде случаев метаморфоза ведет к деградации, вплоть до полного исчезновения предмета («Страна, где воцарился зверь», 1906; «Маленький человек», 1907), но она может означать вос-

ходящее развитие, которое иногда начинается как игра, а затем обретает безусловную реальность («Белая березка», 1909; «Смерть по объявлению», 1907; «Опечаленная невеста», 1908)» [1].

В новелле «Опечаленная невеста» мотив трансформации соединен с балладным мотивом мертвого жениха. Все начинается как игра, похожая на баллады В.А. Жуковского: девушки создают своеобразный кружок, в котором участницы дожидаются смерти молодого человека без невесты и приходят на похороны, где играют роль скорбящей возлюбленной. Для одной из участниц, Нины Бессоновой, игра преобразается в реальность и девушка уже с нетерпением ждет, когда умрет ее «жених», и по-настоящему плачет и тоскует, когда ей выпадает жребий изображать невесту. То, что было игрой скучающей барышни, неожиданно материализуется в реальности, и Нина приобретает смысл жизни. Мы наблюдаем, как игра и фантазия трансформируются в реальность, что помогает героине превратиться из скучающей барышни, чья жизнь не наполнена никаким смыслом, в девушку, которая стремится продолжить дело «возлюбленного», которого она видела только мертвым. Вероятно, косвенная перекличка с балладами Жуковского может объясняться тем, что именно этот поэт ввел в стихотворении «Я музу юную, бывало...» определение «Жизнь и Поэзия одно». Символист Сологуб отражает эту идею в новелле «Опечаленная невеста» буквально: воображаемый мир заслоняет собой реальный, а потом и превращается в него.

В новелле «Смерть по объявлению» также прослеживается преобразование игры в реальность. Главный герой Резанов находит в газете объявление молодой вдовы, которая просит занять денег, и согласна на любые условия. Он решает ответить, но при этом ставит определенные – несколько странные – условия: женщина должна прийти к нему за деньгами в образе смерти.

Она соглашается и так хорошо играет свою роль, что и читатель, и герой не могут понять, что же происходит – действительно ли к герою пришла смерть, или это удивительная игра. Так создается непрочное, колеблющееся равновесие между фантастикой и реальностью, финалом новеллы служит их своеобразное совмещение: вдова отыгрывает роль смерти, уколов героя и себя отравленным стилетом.

В новеллах «Белая березка» и «Снегурочка» герои силой мысли и желания оживляют неодушевленные предметы: березку и слеplенную из снега девочку. В конце первой новеллы герой вместе с ожившим деревом гибнет, предпочтя «пламенное мгновение» «темным оковам существования», что подчеркивает неоднократно повторяющийся у Сологуба мотив отрицания существования, предпочтения «очарования печали» радостям дневной жизни. Во второй новелле, в конце концов, погибает только Снегурочка, потому что, ожив, она так стала похожа на настоящую девочку, что ее силой ведут греться к очагу. Подтекстом рассказов Сологуба являются русские народные сказки и легенды о Снегурочке, трактовка А.Н. Островского, но сам писатель обыгрывает сюжет в символистской поэтике двоемирия: несовместимость двух планов бытия создает трагический конфликт и пуант его новелл.

В новелле «Тени и свет» невинная забава мальчика Володи (складывание фигурки из теней) превращается в нечто полузапретное, в его личную тайну, которую он прячет даже от матери. Книжка становится кладезем тайных, оккультных знаний, будто бы это легендарная книга мертвых, сводящая с ума каждого из своих читателей. Мальчик постепенно погружается в сумрачный мир теней, утягивая за собой следом свою мать. Они, как настоящие безумцы, совершенно ограничивают свой разум, не в силах сосре-

доточится на чем-то, кроме теней. Сологуб создает жутковатую атмосферу обреченности человека, захваченного уходом в другой мир. Сначала Володя стыдится своего увлечения, а мать видит в нем опасность. А.В. Матюшкин, анализируя данную новеллу, отмечает: «Мир действительности в рассказе – это мир долга и обязанности, где не позволено быть собой, где все регламентировано, однако вознаграждением за соблюдение правил являются скука и уныние. Мир теней, напротив, дает героям безграничную свободу, позволяет им разнообразно проявить себя.... Герои рассказа, неудовлетворенные и нереализованные в мире действительности, неожиданно для себя получают возможность сотворить новую действительность. Эту возможность им дают тени, которые послушно копируют привычные и создают сказочные силуэты.... Сологуб подчеркивает иномирный характер теней. Когда во время урока Володя увлекается наблюдениями за их жизнью, то приобретает «нездешний вид»» [5]. Метаморфозы здесь, в первую очередь, затрагивают разум ребенка и матери, превращая безобидную книгу в ключ к безумию, что для символиста означает выход в беспредельное.

В ряде новелл трансформация изменяет души людей. Так, в новелле «Соединяющий души», Сологуб подходит к темам преобразования и переселения душ и стремления героев уйти от реальности. В центре повествования – два героя (Гармонов и Сонпольев), неудовлетворенные жизнью из-за собственных недостатков. Приход к Сонпольеву неизвестного существа, рассказывающего о предыдущих жизнях, где души двух героев были едины и создавали цельного человека, напоминает рассказ Э. По «Ангел необъяснимого», где к герою также является таинственное существо, которое нельзя причислить ни к демону, ни к ангелу, да и вообще ни к одному из известных – реальных существ. Для героя Сологуба кажется

соблазнительным исправить свои недостатки, стать цельным существом, соединив души – но не с тем, кто тебе приятен, напротив – с тем, кто вызывает неосознанную ненависть. Сологуб пишет своего рода притчу, так как новелла словно комментирует формулу, высказанную в начале текста: «Нельзя надеть на лицо маску, не сочетав своей души с ее душою». В финале новеллы, когда неведомое существо пытается соединить две души, Гармонов пугается и тем самым проваливает ритуал. Сонпольев чувствует, что душа Гармонова воплощает все худшее, что было в нем, но можно предположить, что так же думает и Гармонов: именно поэтому он отказывается от соединения, страшась обрести полноту, объединяющую в себе весь свет и всю черноту души.

Тему соединений душ затрагивает новелла «Очарование печали». Данный текст похож на сказку с архетипическим мотивом злой мачехи и прекрасной принцессы. Интересно, что имена героинь отличаются всего одним звуком: мачеха – Мариана, а принцесса – Ариана. Сологуб объясняет, в чем же заключается особая прелесть молодой девушки: это «очарование печали», которое злыми чарами пытается заполучить королева. Цена превращения и красоты – смерть падчерицы. Но очарование печали, перейдя в злое сердце, сделав Мариану прекрасной, не дает ей счастья, и, раскаявшись, она решает воскресить Ариану ценой своей жизни. Финал, как это и предполагает жанр новеллы, неожиданный – вместе с жизнью и очарованием печали принцессе достается и душа ее мачехи. В отличие от волшебной сказки, финал новеллы не является полностью счастливым, более того, он ставит под сомнение «очарование» светлой героини и странным образом несколько возвышает темную душу мачехи. Другое отличие от сказочного сюжета – характерный для Сологуба отказ от радостей земной жизни, неприятие окружающей реальности, что де-

лает любую женщину самой прекрасной в мире, ибо наделяет ее загадочностью и закрытостью в понимании обыкновенных людей, т.е. романтическим ореолом, чертами «потусторонности», любимыми символистами. Вместо однозначности сказки и ее четкости деления на добро и зло, Сологуб описывает фантастическую историю в полутонах, через оттенки, невидимо скользящие между светом и тьмой, чистотой и ненавистью, добротой и жестокостью.

В новелле «Дама в узах» происходит временное преобразование души – ее переселение в случайно выбранное тело. Загадочный персонаж – Ирина Владимировна Омежина в прошлом страдала от побоев и издевательств мужа, молила о его смерти, и эта молитва исполнилась. Но мучения для нее не прекратились – каждый год в день смерти ее супруг возвращается к ней: выбрав тело другого человека, он вселяется в него и продолжает мучить героиню. Это рассказ Омежиной, между тем автор не раскрывает, истинны ли эти события, или происходящее – плод больного воображения героини. Начинается текст с описания картины, на которой лицо Омежиной выражает одновременно и радость и ужас; далее читатель понимает, что в дни, когда приближается годовщина смерти мужа героини, она будто погружается в мир мертвых, а после совершенного ритуального избиения возвращается в мир живых. События новеллы можно трактовать и мистически (вселение души покойного в подходящего мужчину), и рационально (Омежина специально подыскивает тех мужчин, которым нравилось видеть её жертвой, и провоцирует их: для места встречи выбирается уединенная дача, временем встречи становится ночь, героиня встречает гостя со связанными руками, рассказывает о жестокости мужа, вызывающей в ней двойственные чувства, возможно, те же, что изображены на картине: радость и ужас). Художник

Крагаев, которому довелось быть выбранным в качестве нового мучителя женщины, рисует её, стараясь передать всю загадочность ситуации. Странное поведение Омежиной вдохновляет его, и, может быть, он сам испытывает ту же противоречивую гамму чувств, что и героиня. Преображение в новелле может заключаться и в том, что добрая душа вдруг становится иной: жестокой, жаждущей причинить боль и пробудить в жертве ужас.

С.Н. Бройтман пишет, что «особое место занимает тема преобразования и творимого чуда, часто неканонически трактованная на фоне евангельских притч. В новелле «Претворившая воду в вино» чудо преобразования должен совершить не Учитель (как в евангельском сюжете), а сама героиня... И в речи Учителя, и в слове повествователя вода названа водою, а вино – вином, то есть с внешней точки зрения чуда не происходит. Но оно происходит для девы, находящейся внутри ситуации. Именно между внутренней и внешней точками зрения не устанавливается в данном случае «единый план». Ни одна из них не подана как единственно истинная – и другие герои, и повествователь, сохраняя свою позицию, не отвергают и другую: «Распорядитель пира и старые, трезвые гости не понимали, чему радуется эта упившаяся простою водою девушка...»; но называя ее безумною»... завидовали ей, – знали, что она видела великие тайны и дивные чудеса... что с нею говорил Бог»... В... ориентированных на Евангелия притчах особенно очевидна неканоничность позиции писателя, который говорит чуду одновременно лирическое «нет» и ироническое «да» [1]. Это подметил еще М.М. Бахтин: «Основная особенность новелл Сологуба – ведение повествования в двух планах старых новеллах все события вмещаются в единую целостную, компактную действительность. В действительности сводятся концы с концами, и лишь

иногда остается лирическое впечатление иного плана, как например, в «Черном монахе» Чехова... У Сологуба двойственность обнаруживается везде, единый план не устанавливается» [1].

Таким образом, мы видим, насколько разнообразно использует мотив метаморфоз Сологуб в своих новеллах. Данный мотив может проявлять-

ся в преображении реальности, появлении чуда, которые инициируются силой мысли и верой человека («Снегурочка», «Березка»), но метаморфоза может исходить и от нечистой силы («Собака», «Красногубая гостья»), трансформации могут затрагивать как тела («Маленький человек»), так и души («Соединяющий души», «Очарование печали», «Дама в узах»).

Литература

1. Бройтман, С. Н. О Федоре Сологубе // Электронная библиотека специальной филологической литературы: [сайт]. URL: <http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=165> (дата обращения: 05.03.2012)
2. Бахтин, М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2012. – 880 с.
3. Виноградова, В.В. «Декадансная трансформация новеллы в творчестве Ф. Сологуба и М. Арцыбашева» // Вестник Новгородского Государственного Университета, 2009, №52. – С.24-26.
4. Лахманн, Р. Дискурсы фантастического. Перевод с немецкого. – М: Новое литературное обозрение, 2009. — 384 с.
5. Матюшкин, А.В. Иной мир в рассказе Ф. К. Сологуба «Свет и тени» // Карельская государственная педагогическая академия: [Сайт]. URL: http://iff.kspu.karelia.ru/DswMedia/svet_i_teni.htm (дата обращения: 05.03.2011)

ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

ELLIPTICAL SENTENCES IN THE MODERN FEMALE DISCOURSE OF FICTION

Берсирова С.А., Хачмафова З.Р.

*Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия*

Bersirova S.A., Khachmafova Z.R.

*Adyghe State University,
Maikop, Republic of Adygeya, Russia*

Рассматриваются особенности функционирования эллиптических предложений в современном женском художественном дискурсе.

Ключевые слова: художественный дискурс; женская языковая личность; Эллипсис; парцелированные высказывания.

This article is devoted to some peculiarities of elliptical sentences functioning in the modern female discourse of fiction.

Keywords: discourse of fiction; women's linguistic identity; ellipsis, parcelling.

В художественном дискурсе современной женской прозы одним из главных средств выражения эмоционального состояния женщины (персонажа и автора), как возбуждения, радости, удивления, восторга, грусти, тоски и т.п., является **эллипсис**. Эллиптические предложения являются распространенным приемом экспрессивного синтаксиса в дискурсе современной женской прозы. Структурная неполнота проявляется, прежде всего, в выпадении строевых (семантически пустых) элементов конструкции, например вспомогательного глагола. Однако процесс сокращения высказывания может затронуть и полнозначные лексические элементы, такие, как глаголы, обозначающие движение. С точки зрения психолингвистики эллипсис рассматривается как «косвенное выражение эмоций» [1; С. 211].

Следует отметить, что эллиптические предложения сохраняют грамматическую структуру, эксплицитно выражающую предикативность. Выполняя отдельные коммутативные функции, они становятся эллиптическими высказываниями. О.А. Кострова к ним причисляет и словосочетания, и отдельные слова, функционирующие как речевые действия [2; С.50].

В стилистике различают узуальный и окказиональный эллипсисы [3; С. 178]. К первому виду относятся неполносоставные высказывания, функционирующие в устоявшихся оборотах речи, в типичных коммуникативных ситуациях.

Экспрессивные возможности этого вида эллипсиса основаны на парадигматическом контрасте полных и неполных структур. Неполные структуры вовлекаются при этом в процесс метонимизации: часть структуры представляет всю структуру целиком.

Окказиональный эллипсис составляют разного рода недомолвки, обрывы высказываний, выделение отдельных частей в самостоятельно оформленное высказывание (парцелирование). В этом случае процесс метонимизации представлен более явно. «Его оборотной стороной является импликация смысла, вытекающего из ситуации. Экспрессия возникает из контраста имплицитного (подразумеваемого) смысла и его метонимического представления (нередко одним словом)» [2; С. 51].

Среди **узуальных эллиптических предложений**, обнаруженных в текстах женской прозы, следует выделить субстантивные словосочетания и глагольные предложения, встречающиеся в нескольких разновидностях. Субстантивные словосочетания по их прагматической функции здесь можно разделить на «бытийные», динамические и оценочные.

«Бытийные» словосочетания обозначают конкретную референцию к ситуации, которая может быть наблюдаема. Они называют факт наличия, существования, бытия предмета или явления, время и место осуществления действия,

состояние среды, и выполняют тем самым функцию обозначения бытийности, создающую эффект дистанции, непричастности автора к описываемому. Так же как и короткие предложения, «бытийные» высказывания реализуются в двух основных дискурсивных функциях: зачинной и разрабатывающей. В зачинной функции они называют тему повествования, определяют его экспозицию. Например: *«Чем богаче человек и чем выше его положение, тем более распушенным он позволяет себе быть. Только единицы умудряются найти в себе некий стержень, который помогает им этого избежать. И опираются на него всю жизнь. Обычно это семья. Дом, жена, дети, собака. Компьютер, теца, спортивный канал»* [О. Робски. CASUAL/Повседневное].

Разрабатывающая функция бытийных высказываний реализуется при описании внешности, обстановки, характера. Отдельные черты, детали подаются при этом как бы крупным планом, повествование становится персонально-окрашенным. Например: *«Определяющей частью его лица был рот, хорошо подготовленный подбородком. И улыбка, подготовленная его сутью. Улыбка до конца. Зубы – чистые, породистые, волчьи. Хорошая улыбка. А с глазами не понятно. Под очками. Лена не могла поймать их выражения. Какая-то мерцательная аритмия. Глаза сумасшедшего. Хороший столб шеи. Размах рук. И рост. Под метр девяносто. Колени далеко уходят под стол. На таких коленях хорошо держать женщину и играть с ребенком»* [В. Токарева. Антон, надень ботинки!].

Динамические субстантивные словосочетания выражают развитие ситуации во времени. Субстантивные высказывания с динамической функцией встречаются также в ситуации реминисценции при изображении событий, картин, всплывающих в памяти героев. Например:

*«Любовь к мужчине, бывает, застит весь свет, как если взять кусок пирога и поднести его к самым глазам. Глаза съедутся к носу, все сойдется в одной точке – и уже ничего, кроме куска пирога, не увидишь. А отведешь его от глаз, положишь на стол, помотришь сверху, и видно – вот кусок пирога. Лежит он на столе. **Стол возле окна. А за окном – весь мир.** И выйдя в этот мир, не перестанешь удивляться краскам неба, форме дерева – всем замыслам главного художника – Природы. И это не исчезает, как Мансуров. **Это твое: твоя дорога в школу, твои дети, твое дело. Твоя жизнь.** Ты в этом уверен до тех пор, пока ты человек, а не тело. А уверенность – те же самые сухие острова, пусть не в болоте – в море страстей. Нельзя же все время плыть. Надо и отдыхать. Его величество Покой – тоже часть Порядка. Или Порядок часть Покоя»* [В. Токарева. Извинюсь. Не расстреляют].

Динамическая функция субстантивных словосочетаний может сочетаться с оценочной. Такие высказывания обозначают существование какого-либо явления и одновременно дают его оценку. Экспрессивный эффект основан на «лингвистической солидаризации с читателями, а именно реализует пресуппозицию всеобщности: все знают хорошо это или плохо, хотя эксплицитно оценка не выражена» [2; С.55]. Здесь происходит процесс «импликации оценки» [4; С. 22]. Нередко оценочная функция выступает на первый план. *«Er hob wieder die Zeitung vors Gesicht: Abendversteck. Jung? Sein Hirn schweifte gemächlich zurück. **Jung? Und wie. Alles zu seiner Zeit.** Er rülpste Zufriedenheit aus dem prallen Stück Bauch überm Gürtel. Kein Grund zur Klage. Richtige Hühner, die Frauen, ewiges Gegacker»* [G. Wohmann. Schönes goldenes Haar].

Субстантивные словосочетания обозначают конкретную референцию к ситуации, которая может быть наблюдаема. Данные словосочетания

называют факт наличия, существования, бытия предмета или явления, время и место осуществления действия, состояния среды. Основные функции этих высказываний реализуются при описании внешности героев, обстановки, характера. При этом повествование становится персонально-окрашенным. Например: «*Nur so kann man die gesteckten Ziele erreichen. Dabei haben wir unsere Ziele schon erreicht: beruflich eine gute Position – privat ein schönes Haus*» [B. Prettner. Der Brief].

В женском художественном дискурсе также можно выделить **глагольные эллиптические предложения**. Такие предложения отличаются динамичностью, компактностью и ярко выраженной экспрессивностью, которая возникает через импликацию семантики действия. Нередко они имеют проективный характер и употребляются в продолжение предыдущего высказывания с опорой на подтекст. Рассмотрим примеры на русском языке:

«Они качнулись друг к другу. **Обнялись. Замерли**» [В. Токарева. Тайна земли].

«Слова ни говоря, она вляпалась в шубу, накинула оренбургский дареный платок – брала она подарки, если ей их приносили: коробки конфет, книг и, конверты с деньгами. **Брала и сдержанно благодарила**» [Л. Улицкая. Пиковая дама].

Приведем примеры на немецком языке:

«*Sie dachte an ihre Höhle in der Stadt, an die Bücher, das weiche Bett, das Telefon. Eine Stimme hören, selbst sprechen*» [M. Maron. Annaeva].

Также:

«*Eine verheiratete Frau gehört zu ihrem Mann, ihren Kindern. Auch wenn sie noch ungeboren sind. Die kommen schon noch*» [B. Prettner. Der Brief].

В проективных предложениях может опускаться не только подлежащее, но и связочный или даже смысловой глагол. Например:

«*Некоторые относятся к жизни потребительно. Некоторые – как к подвигу. Некоторые – как к чаше, которую нужно испить. До дна. Я отношусь к жизни как к партнеру. По увлекательной игре*» [О. Робски CASUAL/Повседневное].

Сравним на немецком языке:

«*Ich habe meine Pflichten. Allen voran: Zubereitung der Mahlzeiten- am besten nach Terminplan. Nicht nach meinem, nach seinem, ich bin doch zum kochen da, wann er kommen kann, hängt von seinen Terminplan ab. Darum der Terminplan, jede Woche ein neuer*» [B. Plettner. Der Brief].

Следует подчеркнуть, что проективный эллипсис реализуется и в сложном предложении, одна из частей которого является полносоставной, а другая эллиптической. Например, в сложносочиненном предложении вторая часть может опираться на первую, представляя собой синтаксическую параллельную структуру. В таком случае предикативное отношение легко проецируется. Как отмечает О.А. Кострова, «предложенческий» характер конструкции подтверждается тем, что взятая отдельно она не образует словосочетания [2; С.57]. Например:

«Она была похожа на французскую певицу Миррей Матье, но похуже – **без успеха и без нарядов**» [В. Токарева. Коррида].

Также:

«*Баклажаны и грецкие орехи Леночка считала, деньги – никогда*» [Л. Улицкая. Медя и ее дети].

В сложноподчиненном предложении неполносоставным нередко оказывается главное. Как правило, оно выражает согласие или несогласие или модальную оценку мысли, содержащейся в придаточном предложении. Сложный комплекс приобретает более эмоциональный характер, например:

«**Жаль**, что Петров женился не на мне, а на блондинке» [В. Токарева. Инструктор по плаванию].

Рассмотрим пример на немецком языке:

«**Weniger nett von ihr**, denn sie hatte spüren müssen, dass der Mann unter dem Unfall litt wie sie, schuldig oder nicht» [G. Wohmann. Verjährt].

Окказиональный эллипсис реализуется в виде **парцеллированных высказываний** и в виде незавершенных высказываний. В отличие от узального эллипсиса он не может быть спрогнозирован, его возникновение определяется исключительно намерениями говорящего.

Парцеллированные уточняющие высказывания присоединяются к предшествующему высказыванию с целью расширения, дополнения, пояснения его рематической части. Экспрессивный эффект уточняющих парцеллятов основан на логическом выделении какой-либо детали, события факта. Приведем примеры на русском языке:

«Я всю жизнь ждала. **С семнадцати лет. Каждый день.** Вышла замуж и ждала. Родила ребенка и ждала» [В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату].

Также:

«Сердце не стучалось, а скреблось. **Наточенными граблями**» [О. Робски. CASUAL/Повседневное].

Сравним на немецком языке:

«Jetzt habe ich nur den Haushalt, der macht müde genug – vor allem den Körper, den Kopf nicht. Für den Kopf muss ich etwas anderes suchen, zum Beispiel Bucher oder Kurse. Kurse sind besser, dort trifft man andere Frauen. Von denen kann man reden, sieht dann erst, wie gut man es hat: **einen Mann in guter Position- keine Kinder- viel freie Zeit**» [B. Prettner. Der Brief].

Также:

«Doch gerade in dem Moment, da ich daran gehen konnte, mich wieder ein wenig herzurichten, war es auch schon wieder zu Ende mit der Hege und Pflege, denn da hatte sich schon die Tatsache, dass unrecht Gut nicht gedeiht, als zutreffend herausgestellt. **Durch einen blöden Zufall**» [E. Jelinek. Paula].

Интенсифицирующие парцелляты передают разнообразные эмоции: гнев, возмущение, радость, сочувствие, оценку и т.п. Продемонстрируем это следующими примерами:

«Она соглашалась со всем с такой подкупающей готовностью, что я подумала: **неудивительно, что наши мужья уходят к таким вот Светланам... "От Лен"**, – уточнила я с непростительной мстительностью» [О. Робски. CASUAL/Повседневное].

Также:

«Mein tanzender Freund, eng an der hübschen Blonden, macht keine gute Figur aus einer gewissen Entfernung: das juckt mich nicht. **Genug.** Was mein Freund mit seinem Gesicht in dem langen Haar der Blonde tut, nennt man in der verdorbenen Mischsprache «sich in etwas hineinkuscheln». **Hundsgemein, schofel, verständlich**» [G. Wohmann. Ländliches Fest].

Анализ обширного практического материала на русском и немецком языках позволил сделать следующий вывод о том, что дискурс современной женской прозы отличается частым использованием эллиптических предложений, которые передают различные оттенки эмоционального состояния женщины (персонажа и автора), отношения к действительности, способствуя при этом созданию сюжетной линии. Таким образом, эллиптические предложения относятся к гендерно-обусловленным формам репрезентации женской языковой личности в художественном дискурсе.

Литература

1. Долинин К.А. Стилистика французского языка. / К.А. Долинин. – Л.: Просвещение, 1987. – 303 с.
2. Кострова, О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка: учеб. пособие / О.А. Кострова. – М.: Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т, 2004. – 240 с.
3. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. / W. Fleischer, G. Michel. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1975. – 234 S.
4. Liedtke F. Implikaturen: Grammatische und Pragmatische Analysen. / F. Liedtke. – Tübingen: M. Niemeyer, 1995. – 233 S.

ECONOMICS

ECONOMIC AND POLITICAL MODERNIZATION IN KAZAKHSTAN

Baisultanova K.S.

*Kazakh University of International Relations and World Languages named after Abylay Khan,
Almaty, Kazakhstan*

This article examines the processes of modernization in the economy and politics of the Republic of Kazakhstan. Analyzed the priorities of economic development and political modernization.

Keywords: *Modernization, economic development and political modernization, innovation, democracy, civil society, non-governmental organizations, strategy, program.*

Introduction

The modernization involves progressive changes in all spheres of society. Due to these circumstances, after the collapse of the Soviet Union, modernization of «catching up» type feature was the development of Kazakhstan. The main objective pursued modernization in Kazakhstan society is establishment of mechanisms of the market economy, the formation of law and the strengthening of democracy in our country. Currently, the Government of Kazakhstan adopted the necessary policies and relevant regulations for the implementation of tasks on further modernization of the country.

The purpose of the article

Analysis of the modernization process in the political and economic environment of the Republic of Kazakhstan.

Materials and Methods of research

The materials of the study are state programs for economic and political modernization of Kazakhstan, regulatory and legal acts, research works of scientists.

Methods. The synthesis of scientific and theoretical foundations of the modernization, the analysis of the processes of modernization, complex and evolutionary approaches to the study of the phenomena.

Modernization is a common phenomenon of the modern world. The modernization process is complex and multifaceted, the term modernization is considered in the framework of economics, political science and sociology. In the study of the process of modernization should be noted pioneering work of Western scholars Rostow, D.Bella, T. Parsons, C. Muller. Many researchers pay attention to the characteristics of the processes of modernization

and social development of different ways in different countries. According to scientists, modernization implies progressive changes in all spheres of society. Changes in the social sphere affect culture, social structure, way of life and traditions in the process of modernization of traditional societies and they are transformed into a modern type of society. The modernization implies the improvement of relations of production using the latest technology, the introduction of open science in the production process, in the field of information technology and innovation, competitive products in the economic system. Demographic Modernization means a qualitative change in the structure of society and life, the natural population growth.

In political terms, different liberal and conservative modernization. Liberal modernization shows the degree of involvement of ordinary citizens in the political system and the possibility of open competition within the ruling elite for votes, and according to conservative modernization requires highly centralized, political institutions, a hard mode that can provide stability, order, and social integration. In our view, the second option with the experience of modernization of the East.

This article aims to describe the process of modernization in relation to Kazakhstan practice.

Due to these circumstances, after the collapse of the Soviet Union, modernization of «catching up» type feature was the development of most post-Soviet states, including Kazakhstan. The main objective pursued modernization and the creation of mechanisms of the market economy, the formation of the rule of law and the strengthening of democracy in our country.

The first stages of economic reforms have created the necessary prerequisites for the transition to a market economy and further socio-economic development. Since independence ongoing organizational changes in our country aimed at creating market institutions

and their corresponding forms and methods of regulation of social and economic development. To solve the problems of employment and the saturation of the domestic market of consumer goods of own production in 1996, the government is promoting activities to support small businesses. In this regard, in 1997, adopted the Law «On state support of small business», «On individual entrepreneurship» and other regulations governing the market economy. During this time, prepares regional entrepreneurship program, which is approved after consultation with the concerned government agencies.

One of the highlights of the transition was the creation of a market infrastructure investment and insurance funds, training, consulting, advisory, exchange centers, shopping malls, and other techno. Now the Republic along with government agencies small and medium business support company: «Center of Engineering and Technology Transfer», «Corporation for Export Development and Promotion» Kaznex «,» Entrepreneurship Development Fund «Damu», «National Innovation Fund», «Investment Fund of Kazakhstan «,» Development Bank of Kazakhstan «and technology parks, business incubators, industrial zones, and others. [1] Currently, both the government and specialized organizations provides an integrated and targeted support to small businesses in different directions. During the first stages of formation market relations to formulate mechanisms of competition, in the subsequent stages improved competition between market actors. To implement the objectives of diversification of the economy in 2002, a strategy was developed industrial - innovative development of Kazakhstan for 2003-2015. aimed at creating preconditions for the transition to a service technological economy in the long term with regard to their changes in the world economy.

Now great importance for the development of the economy has a state program of forced indust-

rial – innovative development of Kazakhstan for 2010-2014. As part of this program, our country in 2014 should reach growth of GDP – by 50% from 2008 (the GDP of Kazakhstan in 2008 amounted to about \$ 135 billion, GDP per capita – \$ 8, 45 million), increased productivity – up to 50% in the manufacturing sector and by 100% – in some sectors of the economy, bring the share of non-oil exports to 40% reduction of energy GDP by 10% from 2008, and an increase to 10% the share of innovative enterprises by the number of operating. With the task of sustainable and balanced development in the next decade, which will be provided by accelerated diversification and competitiveness of the national economy.

Essential parts of the State Program of Forced Industrial – innovative development of Kazakhstan for 2010-2014 is developed by Republican and Regional Industrialization Map of Kazakhstan for 2010-2014. It would allow the state together with business to develop the right investment decisions and provide interconnection projects of the private sector to the development of infrastructure and resource potential of the country. In 2010 it is planned to complete the 146 industrial facilities, will create more than 25 thousand permanent skilled jobs. [2] Besides circuit rational distribution of production facilities, the plan to implement the program and the «Roadmap for business -2020» is defined as a program of forced industrial tools – innovative development of Kazakhstan for 2010-2014. It should be noted that the activities of the Government in order to implement this program, focused on the efficiency of interaction between government and business – structure.

Thus, our country has identified the main priorities of economic development for 5 years, rapidly shift to a «smart economy» based on technological innovation, the dynamic movement of all types of resources. The implementation of economic

modernization requires a corresponding change in the political sphere, which should focus on solving problems of technological reform innovation. As you know, the impact of economic reforms the state largely depends on the political environment, and the important are: a form of political government, political system and level of development of civil society, the personal factor leader. International experience suggests that the key to economic prosperity is political stability.

Since independence, the Republic of Kazakhstan focuses on strengthening democratization of Kazakh society. In the Republic of dynamically created and developed various institutions of civil society, there are currently eight political parties, non-governmental organizations 5820 different directions, 3340 public funds, associations of legal persons in 1072, 471 national-cultural centers, 3,340 religious associations, representing more than 40 faiths and denominations, 6645 Media of different ownership. Development of civil society is a very important step towards democracy and a market economy in Kazakhstan. This will increase the activity of citizens, which undoubtedly contributed to the effectiveness of political and economic reforms in the country. In Kazakhstan in recent years there has been growth. According to the Kazakh political scientist Yu.Buluktaeva, the real expansion of the presence of non-governmental organizations are becoming more and more popular as the socio-political development. They represented the state finds a reliable partner to solve problems permanently heat-generating social, economic and legal issues. [3] The ongoing political and economic processes in Kazakhstan show a significant increase in the activity of civil society. Citizens, including in the actual process of making important decisions, and develop civil society. This process is important to the mass public consciousness, aimed at economic growth. Nongovernmental institutions aims at the

protection of basic rights, including the security of persons and property, which are designed to create the conditions that ensure the development of human capital. Institutions and civil society as the main tools market – promote democratic change public policy of modernization, combating corruption, improving civic initiatives, political stability and economic growth. Also important is the fact that today the state is broad support for Kazakh NGOs, through the mechanisms of the state social order every year it stands at a solid funding. In the future, some government functions will be transferred to non-governmental organizations, thus the conditions for increasing their activities in all sectors.

In his message, President Nursultan Nazarbayev said that the new reforms must strictly correspond not only with specified democratic goals, but with the peculiarity of Kazakhstan's political system, socio-cultural characteristics of the society. With a view to the development of democratic processes in Kazakhstan society operates the State Commission for the development and concretization of democratic reforms. The main objective of the State Commission - to find the best way to improve the political system to meet the requirements of rapid modernization in all spheres of society. The ongoing modernization is aimed at improving the existing political and administrative system. Therefore, development of new laws to extend the functions and powers of the Parliament, local representative bodies, the introduction of the system of local self-government, the protection of fundamental rights and freedoms of citizens. Local authorities will be presented to a broad mandate, they will be more independent in solving socio-economic problems of the region.

Status and authority of the party changed in accordance with democratic principles, evidenced by

the recent parliamentary elections in Kazakhstan this year. On the presidential race competed 7 parties of 8 registered. In the pre-election programs each party in its own covered topical issues of today and presented for discussion the way long-term development of the country. As a result of the parliamentary elections in Kazakhstan were three parties: the People's Democratic Party «NurOtan» party, the Democratic Party «AkJol» and the Communist People's Party of Kazakhstan, thus for the first time in the history of independent Kazakhstan formulated the three-party parliament.

Thus, over the 21 years of Independence of the Republic of Kazakhstan in the strategy formulated by the original ideas, priority directions of development in the future before the ideas put forward, turned into concrete and detailed installation program. To date, the program established by the State in the process of implementation, actively implemented. In the near future, we hope to receive positive results, which can be an incentive to improve the modernization process in the political and economic life of Kazakhstan.

Conclusion

Modernization of the political and economic sphere is a necessary step in the process of renovation of the Republic of Kazakhstan. Overall, Kazakhstan has a large enough capacity to implement the strategy of modernization. Feature of the process of modernization in Kazakhstan is that it began with the economic sphere, is now gradually affects all spheres of social and political life of the society, the state is the main initiative in this direction. In our view, the joint activities of public organizations and economic operators will be able to ensure the effectiveness of measures to modernize the Kazakh society.

References

1. Business support structures // Entrepreneurship Development Fund «Damu» // www.damu.kz
2. K. Kulshmanov, the Government of Kazakhstan has adopted a program of forced industrial-innovative development of Kazakhstan for 2010-2014. Nomad, 23.10.2010.
3. Buluktaev Y.O. Post-communist transformation of the political regime in the context of globalization of democratic processes (on the materials of Kazakhstan): Dissertation for the degree of Doctor of Political Science. Almaty, 2009.

ФОРМИРОВАНИЕ СТЕРЖНЕВЫХ И ИННОВАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

FORMATION OF CORE AND INNOVATIVE COMPETENCES OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE PERM REGION)

Попова Е.С., Киченко Л.П.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Пермский край, Россия*

Popova E.S., Kichenko L.P.

*Perm State National Research University,
Perm, Perm Krai, Russia*

В статье рассматриваются понятия стержневых и инновационных компетенций регионов, а также источники их формирования. На примере Пермского края проводится анализ возможных стержневых и инновационных компетенций региона. Даются рекомендации по отбору проектов с целью их превращения в инновационные компетенции.

Ключевые слова: *система высшего образования, стержневые компетенции региона, инновационные компетенции региона, конкурентоспособность региона.*

The concept of core and innovative competences of the region is examined in the article, as well as the sources of it's formation. The analyzes of possible core and innovative competences of the region is made on the example of the Perm region. The recommendations for the selection process of projects in order to transform them into innovative competences are given in the article.

Keywords: *system of higher education, core competence of the region, innovative competence of the region, competitiveness of region.*

Повышение конкурентоспособности экономики региона связано, прежде всего, с выявлением территориальных конкурентных преимуществ и последующим развитием их в стержневые компетенции региона. По своему происхождению конкурентные преимущества делятся на основные, или естественные, и развитые, искусственные, которые и могут формировать стержневые компетенции региона. Стержневые компетенции определяют наиболее перспективные направления развития региона, с помощью которых он способен занять лидирующие позиции на национальном и международном уровне.

Термин стержневые компетенции впервые был введен К. Прахаладом и Г. Хэмелом в работе «The Core Competence of the Corporation» [6] применительно к коммерческим организациям. Под стержневыми компетенциями ими понимаются «коллективные знания организации, направленные на координирование разнотипных производственных навыков и связывание воедино множества технологических потоков. Стержневые компетенции организации практически не воспроизводимы ее конкурентами, поскольку они представляют собой сложное взаимодействие индивидуализированных технологий и навыков». Компетенции являются связующим звеном между различными направлениями деятельности компании. Кроме того, они выступают движущей силой развития новых видов деятельности, а применительно к региону – отраслей.

Региону стержневые компетенции позволяют получить базовые долгосрочные конкурентные преимущества по отношению к другим регионам, обладающим сходным набором конкурентных преимуществ. Их наличие обеспечивает региону потенциальный доступ к различным рынкам и позволяет более полно учитывать запросы населения. В то же время, они обязательно пред-

усматривают механизмы защиты от копирования конкурентами.

Согласно одному из подходов к пониманию сущности региона [5], регион рассматривают как квазикорпорацию, обладающую чертами экономической организации. В этом качестве регион представляет собой крупный субъект собственности (региональной и муниципальной) и экономической деятельности, становится участником конкурентной борьбы на рынках товаров, услуг, капитала. Использование данного подхода позволяет раскрыть такие аспекты процесса территориального развития, как конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность региональных экономических систем, согласование интересов субъектов их внутренней среды и др. В связи с этим, мы считаем возможным применение понятия стержневых компетенций к экономике региона.

Далее под стержневыми компетенциями региона авторы понимают *его способности реализовывать уникальные конкурентные преимущества региональной экономической системы, трудновоспроизводимые другими регионами и позволяющие организациям, расположенным в регионе, занять и удержать лидирующие позиции на внутреннем рынке страны, а при определенных условиях и на международном рынке.*

«В основе стратегических конкурентных способностей (стержневых конкурентных компетенций) региона лежат, во-первых, уникальные природные и производственные ресурсы, которыми он располагает, его географическое положение, во-вторых (и это главное), сложные нематериальные (интеллектуальные) активы» [4, с. 10]. Таким образом, стержневые компетенции, по сути, приравниваются к естественным и искусственным конкурентным преимуществам региона, что, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку не в полной мере обеспечивает выполнение основ-

ного требования – трудновоспроизводимости конкурентами. Вместе с тем, нельзя не согласиться с доминирующей ролью в условиях постиндустриальной экономики нематериальных активов, в которые входят результаты интеллектуальной деятельности физических и юридических лиц, находящихся в определенном регионе. Согласно другому подходу, в целях разработки региональной стратегии выбирают 1-2 стержневые компетенции, к которым относят «институциональное знание, сосредоточенное в региональных организациях, организационно-информационную систему взаимодействия региональных предприятий, репутацию и т.п.» [2, с. 49].

Оценка стержневых компетенций региона должна происходить в несколько этапов. На первом этапе происходит качественная оценка наличия стержневых компетенций и возможностей их использования, составление перечня региональных стержневых компетенций. Второй этап заключается в количественной стоимостной оценке, для которой могут использоваться методы оценки стоимости нематериальных активов, если компетенции связаны с уникальными знаниями и технологиями, а также оценка по рыночной стоимости для уникальных ресурсов, с учетом оцениваемой величины их запасов.

Стержневые компетенции региона, это уже сформированные, стандартизированные компетенции, производства, базирующиеся на образовательном вкладе вузов. Наряду с ними, предлагаем выделять инновационные компетенции, связанные с научными школами, существующими в вузах и научных учреждениях региона. Они служат источником формирования будущих стержневых компетенций региона, при условии практической реализации полученных знаний.

Научная школа – это интеллектуальная, эмоционально-ценностная, неформальная, открытая общность ученых разных статусов, разрабатыва-

ющих под руководством лидера выдвинутую им исследовательскую программу. Существенным признаком научной школы является то, что она одновременно реализует функции производства, распространения, защиты научных идей и обучения молодых ученых [3]. Особенно важно наличие лидера – крупного ученого, обладающего педагогическим мастерством и личным авторитетом и группы последователей лидера, поддерживающих с ним контакты, разделяющих ценности и традиции школы, способных к самостоятельному поиску.

Под инновационными компетенциями региона далее будем понимать *способности расположенных на его территории научных и образовательных организаций создавать и коммерциализировать инновационные продукты и разработки в перспективных отраслях науки и техники, предоставляющие региону возможность занять лидирующие позиции в будущем.*

На современном этапе развития экономики стержневые и инновационные компетенции региона могут базироваться на создании ведущего образовательного и научного центра по одному или нескольким из приоритетных направлений развития, превращающегося в «полюс роста» для экономики региона и источник формирования новых инновационных компетенций, основанных на знаниях. Превращение разработок вузов в стержневую компетенцию региона зависит не только от стратегии вуза, но и от поддержки со стороны региона. Для Пермского края, на территории которого расположены 3 научно-исследовательских университета¹, составляющие базу развития

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), филиал Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ).

научного потенциала региона, может быть рекомендовано в качестве одной из стержневых компетенций создание ведущего образовательного и научного центра по одному или нескольким из приоритетных направлений развития экономики региона.

Другими областями, в которых существует задел для превращения в стержневые компетенции, для Пермского края могут выступать информационные технологии, life science, авиадвигателестроение, машиностроение и порошковая металлургия. Базой для создания новых и развития существующих стержневых компетенций здесь могут выступать крупные предприятия, работающие в этих областях, владеющие уникальными технологиями и нематериальными активами, широко известные в России и в мире. Эти предприятия могут стать основой создания высокотехнологичных кластеров, из которых складывается региональная инновационная система. Так, в Пермском крае уже созданы биотехнологический, аэрокосмический, IT- кластеры. Одной из важных задач при этом становится обеспечение данных отраслей высококвалифицированными специалистами и исследователями, в связи с чем необходим анализ структуры направлений обучения вузами региона, а также учет связанных с ними направлений обучения и исследований как приоритетных в стратегиях вузов.

Анализ показывает, что в разрезе групп направлений подготовки бакалавров, и специалистов в Пермском крае представлены практически все группы, кроме морской техники. Таким образом, кластеры, формирующиеся в Пермском крае, могут быть обеспечены высококвалифицированными специалистами, осуществляющими реализацию бизнес-процессов компаний. Оценить обеспеченность исследовательскими кадрами по-

зволяет анализ подготовки магистров и аспирантов.

Еще одним источником получения конкурентных преимуществ для региона выступает владение уникальными ресурсами. Для Пермского края таким ресурсом выступают калийные соли, Верхнекамское месторождение калийных солей, расположенное в Пермском крае, является крупнейшим в России и вторым в мире (31,4% мировых запасов хлористого калия). Главное Саратовское месторождение – единственное в России разрабатываемое месторождение хромитов. При этом следует учитывать, что путь ориентации на сырьевые ресурсы в долгосрочной перспективе неэффективен в связи с исчерпаемостью природных ископаемых и более низкой стоимостью продукции добывающей промышленности по сравнению с обрабатывающей.

Основываясь на вышесказанном можно сделать вывод, что развитие конкурентных преимуществ и стержневых компетенций региона напрямую зависит от системы высшего образования в регионе. Взаимосвязь стержневых компетенций региона и стратегического развития расположенных в нем вузов отражается в определении приоритетных направлений развития вузов, сформулированных в стратегиях и программах развития национальных исследовательских университетов.

Пример связи стержневых компетенций и приоритетных направлений развития ведущих вузов Пермского края представлен в табл. 1. Можно увидеть, что все предлагаемые нами стержневые компетенции обеспечены поддержкой со стороны вузов, что отражено в выбранных ими приоритетных направлениях развития. Таким образом, развитие стержневых компетенций обеспечивается кадровыми ресурсами и научными исследованиями.

Таблица 1

**Взаимосвязь приоритетных направлений развития вузов
и стержневых компетенций Пермского края**

Сфера экономики Пермского края, в которой может возникнуть стержневая компетенция	Вуз	Приоритетное направление развития
Информационные технологии	ПГНИУ	Прогнозирование и управление процессами социально-экономического развития стран и территорий на основе современных информационных технологий
Life science	ПГНИУ	Научоёмкие технологии управления живыми системами
	ПГФА ²	Биомедицинские технологии, а также лечение диабета и туберкулеза
Авиадвигателестроение	ПНИПУ	Авиационное двигателестроение и газотурбинные технологии
Машиностроение и порошковая металлургия	ПНИПУ	Наноиндустрия
	ПГНИУ	Моделирование и управление физическими и химическими процессами, развитие технологий
Добыча полезных ископаемых	ПГНИУ	Технологии изучения, освоения, прогнозирования и управления георесурсами и геосистемами
	ПНИПУ	добыча и переработка нефти, газа и полезных ископаемых

² Пермская государственная фармацевтическая академия

Инновационные компетенции региона развиваются на базе сложившихся в вузах научных школ, направления научных исследований которых имеют перспективы применения в коммерческих целях. Структура научных школ Пермского края в целом соответствует доминирующим четвертому и пятому технологическому укладам, присутствует достаточно большое число направлений, присущих будущему, шестому, укладу.

Отбор инновационных проектов, финансирующихся на уровне региона с целью последующего превращения результатов деятельности научных школ в инновационные компетенции региона, должен осуществляться при помощи многоэтапного механизма отбора. Он позволяет оценить, с одной стороны, коммерческие перспективы проекта, уровень научных разработок, их инновационность, с другой стороны – ценность проекта для регионального развития и повышения конкурентоспособности, возможности превращения в инновационную компетенцию региона.

На первом этапе научные школы генерируют научные идеи и разработки, часть из которых могут быть превращены в коммерческие проекты. Происходит отбор жизнеспособных проектов, имеющих перспективы коммерциализации. Критерием отбора на данном этапе может служить инновационный потенциал проекта (новизна предлагаемого подхода к решению задачи и новизна предполагаемого продукта – результата научного проекта).

Следующий этап отбора происходит на уровне вуза, среди представленных в нем научных школ, с целью их приоритетной поддержки вузом в конкурсах на получение финансирования. Здесь оценка может быть приближена к требованиям венчурного инвестирования, базируясь не только на научных, но и на экономических показателях, включающих рентабельность и срок окупаемости проекта, оценку сложности и рисков реализации проекта, его социальную эффективность.

После этапа внутривузовского отбора происходит поиск источников финансирования проек-

тов. Они могут быть профинансированы: регионом, венчурными инвесторами, государственными фондами, в рамках федеральных целевых программ. При этом в каждом случае к инновационному проекту предъявляются свои требования. Остановимся подробнее на проектах, финансируемых регионом, в рамках региональных программ поддержки инновационного и малого предпринимательства, развития науки.

Существующие и используемые различными регионами механизмы отбора финансируемых научных проектов обычно оценивают только их возможную коммерческую, социальную и научную эффективность, упуская из виду влияние на конкурентоспособность региона, возможности превращения в инновационные компетенции региона. Предлагаем ряд показателей, позволяющие оценить шансы проекта на превращение в инновационную компетенцию региона: соответствие тематики проекта технологиям

перспективных 5 и 6 технологических укладов, а также приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники (перечень – [1]); значительность, важность проекта для региона; наличие в регионе предприятий, работающих в данной сфере, либо возможностей организации новых предприятий, в дальнейшем – их преобразование в кластер; наличие поддерживающей инфраструктуры и образовательных учреждений, обеспечивающих проведение дальнейших научных исследований и подготовку кадров для организаций, работающих в данной сфере; ориентация проекта на имеющиеся в регионе ресурсы. Экспертными группами могут оцениваться проекты, с помощью балльных оценок по каждому показателю, при этом приоритет при выборе финансируемых проектов получают те, которые при максимуме баллов, характеризующих вклад проекта в конкурентоспособность региона, обладают наибольшей экономической эффективностью.

Литература

1. Указ Президента РФ от 07.07.2011г. N 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации».
2. Белых Н.Ю. Роль инвестиционных стратегий в повышении инвестиционной привлекательности региона // Инновации, №2, 2009. С. 47-49.
3. Научные школы Пермского государственного университета. Доклад начальника Научно-исследовательской части ПГУ В.Н. Катаева на заседании Ученого совета ПГУ 31.03.2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.psu.ru/science/science_regulations/1
4. Ощепков В.М. Нематериальные корпоративные активы субъекта федерации как фактор повышения региональной конкурентоспособности. Автореферат на соискание уч. ст. к.э.н. Пермь, 2011.
5. Региональный менеджмент (Управление экономикой региона): монография / В.Г. Прудский, А.М. Елохов; Перм. гос. Ун-т. – Пермь, 2011.
6. Prahalad and Hamel, The Core Competence of the Corporation, Harvard Business Review, vol. 68, no. 3 May - June 1990, pp. 79-91.

**ОЦЕНКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ ЮГА РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ**

**EVALUATION OF THE FUNCTIONING REGIONAL TRANSPORT
SYSTEMS IN THE SOUTH OF RUSSIA, IN THE CONTEXT
OF POST-CRISIS DEVELOPMENT OF THE ECONOMY**

Бережная О.В., Бережной В.И.

*Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Ставропольский край, Россия*

Berezhnaia O.V., Berezhnoy V.I.

*North-Caucasian Federal University,
Stavropol, Stavropol region, Russia*

В статье рассматриваются ключевые тенденции развития транспортной системы России, анализируется место и роль транспорта в экономике страны и регионов Юга России. Представленные расчеты проведены на базе официальных статистических данных.

Ключевые слова: *транспортные системы региона; инфраструктура; тенденции развития; пространственное развитие; статистический анализ.*

The article discusses key trends of the transport system of Russia, analyzes the place and role of transport in the national economy and regions of southern Russia. Presented calculations were performed on the basis of official statistics.

Keywords: *regional transport systems, infrastructure, trends in development, spatial development, statistical analysis.*

На современном этапе развития экономики Российской Федерации транспорт играет важнейшую роль в обеспечении экономического роста и социального развития государства. В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости в 2009 году транспорту принадлежит 10,4 %.

Формирование новой экономической системы, изменяющиеся положения хозяйственного права, постоянная инфляция, существенные изменения объемов производства различных видов продукции, нестабильность внутрироссийских и

международных экономических связей делают внешнюю среду серьезным источником экономических рисков функционирования транспорта.

Все вышесказанное обуславливает необходимость исследования тенденций развития транспортных систем регионов во взаимосвязи с внешней средой, с состоянием экономики страны в целом и конкретной территории, в частности. Следует отметить, что особую важность такое исследование принимает для тех региональных социально-экономических систем (РСЭС),

в которых транспорт занимает существенную долю в экономике.

Анализируя социально-экономическое развитие России по макроэкономическому показателю валовой внутренний продукт (ВВП), следует отметить устойчивую тенденцию роста и изменения этого показателя в период 2000-2010 годы: в среднем его величина возросла на 20,06 %.

Значительное влияние на темпы развития экономики оказал мировой финансовый кризис, увеличивший уровень экономических рисков. Результаты его воздействия проявились в конце 2008-начале 2009 гг. В целом динамика экономики в 2008 году сохранила положительные тенденции, сформированные за счет деятельности организаций в первые три квартала года. Однако следует отметить снижение объемов ВВП в посткризисном 2009 году на 6,6 % по сравнению с 2008 при дальнейшем значительном приросте в 2010-2011 гг. Следует отметить, что отрасли транспорта и связи являются одними из немногих, темпы роста которых в 2008 году увеличились по сравнению с 2007 годом, однако уже в 2009 году в транспортной отрасли наблюдается спад грузооборота и пассажирооборота, что в целом соответствует общеэкономической тенденции.

Динамика отраслей, обеспечивающих своим производством объем грузоперевозок на транспорте, обуславливает возрастание риска сокращения потребности в транспортных услугах.

Для характеристики экономических рисков важны не только объективные параметры, характеризующие реальными экономическими показателями, но и субъективные оценки и ожидания предпринимателей. В этой связи актуальны индексы предпринимательской уверенности, дающие упреждающую информацию об изменениях экономических переменных и представляющие

собой результаты опросов руководителей организаций.

Рецессия экономики оказала негативное влияние на индекс предпринимательской уверенности, который в ряде отраслей и регионов сохраняет отрицательные значения на протяжении всех посткризисных лет.

Изменение темпов роста экономики последних лет обуславливает динамику объемов перевозимых грузов. Объем перевозок железнодорожным транспортом за период 2000-2011 гг. возрос на 2,6 %, перевозки грузов автомобильным транспортом снизился на 0,3 %. В среднем объем перевозок по всем видам транспорта вырос на 0,5 % за 12 лет. Наибольшая доля в перевозках приходится на автомобильный транспорт – 67,9 % (2011 год).

Следует отметить, что колебания объемов перевозок в последние годы тесно связаны с кризисными явлениями. Так, в период 2008-2009 гг. общий грузооборот снизился более чем на 5 %, а объем перевозок – более чем на 10 %. Среднее снижение объема перевозок за три года (2008-2011) составило 5 %, грузооборота – на 1 %. [1]

Снижение грузооборота в 2008-2009 гг. происходило по всем видам транспорта, за исключением морского, чей грузооборот вырос более чем на 8 %. Прирост в 2011 году по сравнению с 2008 наблюдается по автомобильному, воздушному и железнодорожному транспорту. В этот же период объем перевозок растет по воздушному, трубопроводному и железнодорожному транспорту.

В структуре грузооборота в 2011 году почти 50 % приходится на трубопроводы, 43 % – на железнодорожный транспорт. Автомобильный транспорт занимает только 4,5 %. В структуре объема перевозок 68 % приходится на автомобильный транспорт, и только 16 и 13 % – на железнодорожный и трубопроводный соответственно. Разница в значимости видов транспорта

в структуре объемов перевозок и грузооборота определяется значительным расхождением в состояниях перевозок.

Аналогичная ситуация наблюдается на пассажирском транспорте: в период 2000-2011 гг. число перевезенных пассажиров увеличилось на 0,1 %. Одной из причин низких темпов роста транспортной подвижности следует назвать рост тарифов: их индекс в 2010 году составил 133,1 %, что повлекло рост доли транспортных расходов у населения.

Одной из основных проблем на транспорте остается высокий износ основных фондов. За период с 2009 по 2010 годы стоимость основных фондов на начало года возросла на 11,45 %, степень их износа за это же время увеличилась на 2,5 %. Превышение темпов роста стоимости фондов над износом обусловлено, прежде всего, опережающими темпами роста инвестиций в основной капитал транспортных организаций, которые возросли на 14 %.

Наибольшая доля основных фондов приходится на железнодорожный и трубопроводный транспорт (52,5 % и 20,7 % соответственно). Несмотря на то, что в среднем износ в транспортной отрасли составляет 28,1 % против средне-российского значения 43,8 %, его подотраслевая структура указывает на чрезвычайно плохое состояние транспортных средств. Здесь этот показатель колеблется от 13,9 % (городской электрический транспорт) до 71,4 % (внутренний водный транспорт). Износ фондов подотраслей, занимающих ведущее место в перевозках, изменяется от 21,5 % (железнодорожный транспорт) до 45,3 % (грузовой автомобильный транспорт). [2]

В соответствии с Федеральной адресной инвестиционной программой на 2011 г. предусматривалось выделение государственных инвестиций (по уточненному перечню Минэкономразвития России) на 2801 объект, из них транспортный

комплекс включает 418 объектов (15 % от общего числа объектов), со сроком ввода в 2011 году – 129. Введен в действие на полную мощность в 2011 году в транспортном комплексе 31 объект (24,0 % от числа объектов со сроком ввода в 2011 г.), частичный ввод – 5 объектов.

Инвестиционная активность в транспортном комплексе ориентирована в основном на более прибыльные подотрасли: так, на трубопроводный транспорт было направлено в 2009 году 39 % инвестиций всей отрасли.

Одним из основных факторов деятельности любой организации, оказывающим значительное влияние на ее эффективность и уровень рисков, являются трудовые ресурсы. На транспортную систему приходится 6,5% среднегодовой численности занятых в экономике (2010 г.). Вместе с тем среднегодовая численность работников в отрасли снизилась с 2000 по 2010 годы на 1,7 %. Прирост численности работников наблюдается только в подотрасли трубопроводного транспорта и вспомогательной деятельности, т.е. в наиболее перспективных и доходных на сегодняшний день подотраслях. Наибольшее снижение произошло на воздушном транспорте (более 5 %) и на водном транспорте (более 9 %). Положительно характеризуют труд на транспорте такие показатели, как заработная плата – она выше среднероссийской на 4127,6 тыс. руб., и динамика выпуска специалистов по специальностям транспорта – прирост с 2005 по 2007 гг составил 7,5 %.

Деятельность транспорта во многом определяется инфраструктурой. В период с 2000 по 2010 годы густота автомобильных дорог возросла на 2,60 %, их качество улучшилось за счет роста доли дорог с усовершенствованным покрытием на 0,2 %.

Финансовые результаты деятельности транспорта незначительны. Если железнодорожный, внутренний водный и морской транспорт получа-

ют прибыль от грузоперевозок, перекрывающую их убытки от пассажирских перевозок, то результаты деятельности автомобильного транспорта отрицательны.

В 2010 году на долю транспорта в среднем по стране приходилось 27,8 % стоимости основных фондов (при этом по регионам эта величина колеблется от 8 до 56%), 26,67 % инвестиций, 9,4 % валовой добавленной стоимости, 7,2 % сальдированного финансового результата, 6,5 % среднегодовой численности занятых в экономике, 4,9 % предприятий и организаций (табл. 1).

Удельный вес предприятий транспорта по РФ составляет 4,9 %, такой же уровень характерен и для большинства регионов, исключая те, экономика которых тесно взаимосвязана с внешнеторговым оборотом.

Задачи изучения динамики состояния транспортной системы в зависимости от конкретных условий социально-экономического развития ре-

гионов имеют свою специфику, направленность и приоритеты, что требует сравнительного анализа места, роли и уровня развития транспорта в регионах.

В Южном и Северо-Кавказском федеральных округах (ЮФО и СКФО) транспорт является одной из наиболее значимых отраслей экономики. Ряд регионов имеет важное транспортно-географическое значение: Астраханский транспортный узел находится на самом коротком пути из Европы в Среднюю и Южную Азию, через Северную Осетию-Аланию проходит единственная безопасная автомагистраль в Закавказье, территорию Юга России пересекают крупные транспортные магистрали (включая автомобильную дорогу федерального значения М-29 «Кавказ»). Отдельные регионы являются монополистами по выпуску определенных видов промышленной продукции, требующей транспортировки в остальные субъекты.

Таблица 1

Динамика удельного веса транспорта в экономике Российской Федерации

Показатель	Доля транспорта по годам, %			
	2005	2006	2007	2010
1	2	3	4	5
Число организаций	3,4	3,8	4	4,9
Число убыточных организаций	6,0	8,0	6,7	8,4
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций	5,2	3,8	6,3	7,2
Сумма убытка	7,0	6,5	6,1	5,8
Основные фонды	32,7	33,0	31,3	27,8
Инвестиции в основной капитал	19,1	19,1	18,5	26,7
Иностранные инвестиции	1,0	1,1	2,8	5,7
Оборот организаций	6,3	6,0	5,6	1,0
Дебиторская задолженность	6,6	5,8	7,2	7,0
в т.ч. просроченная	8,4	5,2	5,9	5,2
Кредиторская задолженность	7,4	6,7	5,9	8,0
в т.ч. просроченная	6,7	6,1	5,3	5,2
Среднегодовая численность занятых в экономике (только транспорт)	6,6	6,7	6,6	6,5
Транспортные услуги в структуре платных услуг населению	21,5	21,2	21	20,0

Источник: Россия в цифрах и Регионы России 2011; сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы.

В Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях, Краснодарском крае, республиках Северная Осетия-Алания, Калмыкия, Адыгея, Да-

гестан развитие и модернизация транспортного комплекса стали одними из ключевых направлений региональных стратегий социально-эконо-

Доля транспорта в экономике регионов ЮФО

Таблица 2

Регион	Доля транспорта в экономике регионов федеральных округов РФ и субъектов Юга РФ (% , 2010 год):							
	ВРП*	Число организаций (на конец 2010)	Оборот организаций*	Основные фонды*	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций	Сумма прибыли	Сумма убытка	Инвестиции в основной капитал
РФ	10,45	4,91	10,08	27,85	7,21	6,93	5,16	24,37
ЦФО	9,52	4,14	11,64	19,49	7,68	7,25	4,05	16,27
СЗФО	11,14	6,17	9,86	31,46	7,59	7,50	7,07	31,86
ЮФО	13,06	4,96	8,59	31,68	21,59	16,98	5,51	36,07
РА	4,30	4,16	2,31	13,33	4,52	1,84	0,42	5,95
РК	5,32	2,25	3,41	55,63	1,80	1,94	1,87	23,03
КК	15,84	5,24	12,52	33,73	39,25	33,03	9,44	45,26
АО	14,25	5,70	3,62	30,70	-4,45	10,02	3,68	24,48
ВО	11,37	4,46	4,22	33,26	1,57	1,90	3,82	22,33
РО	10,44	5,01	6,37	27,39	3,32	3,35	3,36	16,46
СКФО	8,91	2,67	7,01	27,42	16,96	5,82	3,17	11,07
РД	9,35	2,27	19,50	26,52	-51,44	7,77	11,27	17,04
РИ	9,12	1,27	11,63	17,93	4,37	12,05	4,87	11,33
КБР	7,63	3,59	1,86	17,96	25,71	0,63	10,65	2,70
КЧР	5,59	3,02	1,45	10,85	0,70	0,29	0,41	13,85
РСОА	9,20	2,85	1,95	25,06	11,84	0,47	5,97	18,55
ЧР	5,29	1,78	5,79	14,83	-1,95	29,24	1,24	6,04
СК	9,99	2,85	6,66	36,19	9,38	5,54	1,47	11,49
ПФО	10,23	4,84	7,58	30,75	5,36	5,25	4,66	15,30
УФО	9,05	5,52	8,66	36,68	4,38	4,33	3,80	14,81
СФО	12,23	5,19	9,44	29,66	6,64	6,67	6,81	13,13
ДФО	13,40	8,03	12,09	26,67	10,53	10,68	11,12	43,89

Условные обозначения: РФ – Российская Федерация; ЦФО – Центральный федеральный округ (ФО); СЗФО – Северо-Западный ФО; ЮФО – Южный ФО; СКФО – Северо-Кавказский ФО; ПФО – Приволжский ФО; УФО – Уральский ФО; СФО – Сибирский ФО; ДФО – Дальневосточный ФО; РА – Республика Адыгея; РД – Республика Дагестан; РИ – Республика Ингушетия; КБР – Кабардино-Балкарская Республика; РК – Республика Калмыкия; КЧР – Карачаево-Черкесская Республика; РСОА – Республика Северная Осетия – Алания; ЧР – Чеченская Республика; КК – Краснодарский край; СК – Ставропольский край; АО – Астраханская область; ВО – Волгоградская область; РО – Ростовская область.

*Транспорт и связь

мического развития.

Проведенный ранее анализ показал, что в Южном федеральном округе в старых границах (включая нынешние ЮФО и СКФО) транспортная система занимает значительное место в его экономике. Однако разбиение федерального округа на два наглядно показало, что «локомотивом» в развитии транспортной отрасли были такие субъекты, как Краснодарский край, Астраханская и Волгоградская области (табл. 2, см. с.501), вошедшие в ЮФО в новых границах. Доля же транспорта в ВРП регионов СКФО не превышает среднего показателя по России (10,45 %).

Доля организаций транспорта в СКФО – самая низкая во всей стране. Несмотря на это, они обеспечивают почти 17 % сальдированного финансового результата федерального округа – это второе место после ЮФО. Но в двух из семи субъектов деятельность транспорта – убыточна.

Следует отметить, что ЮФО в новых границах занимает первое место среди федеральных округов по доле транспортных организаций в сумме прибыли всех хозяйствующих субъектов региона.

Значительная доля инвестиций, приходящаяся на транспортную отрасль в ЮФО, обеспечи-

вает постоянное обновление фондов и их качественное улучшение. Обратная ситуация наблюдается в СКФО – в ряде субъектов на транспорт не приходится и одной десятой от объема капитальных вложений.

Таким образом, транспортная отрасль занимает значительное место и в экономике РФ, и в экономике Южного федерального округа. На ее долю приходится значительная доля основных фондов и инвестиций, что объясняется, прежде всего, значимостью транспорта для обеспечения взаимосвязи между различными объектами экономического пространства. Вместе с тем, транспорт СКФО практически не обеспечен инвестиционными вложениями, убыточен и не играет большой роли в экономике округа.

Транспортный комплекс ЮФО характеризуется высоким качеством инфраструктуры, однако износ транспортных средств, как и в среднем по стране, значителен. Несмотря на наличие Транспортной стратегии РФ, на транспорт выделяется незначительная доля бюджетных расходов, его финансовая деятельности в ряде регионов СКФО убыточна. Большой объем инвестиций не обеспечивает выполнения даже государственных адресных программ.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Статистический сборник [Текст] / Председатель редакционной коллегии И.С. Ульянов. – М. : Росстат, 2011. – 991 с.
2. Бережная О.В. Региональный транспортный комплекс: стратегия развития и факторы экономического риска [Текст] // О.В. Бережная. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010.
3. ЕМИСС - Федеральный план статистических работ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>

ГОРОДСКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА В ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

URBAN LOCAL PUBLIC GOODS IN TRANSITION ECONOMY

Садовникова Е.Н.

*Воронежский институт экономики и социального управления,
г. Воронеж, Воронежская обл., Россия*

Sadovnikova E.N.

*Voronezh Institute of Economy and Social Management,
Voronezh, Russia*

В статье рассматриваются особенности производства городских локальных общественных благ. Представлен ряд проблем связанных с их производством муниципальными органами власти и пути возможного их решения.

Ключевые слова: *городские локальные общественные блага, общественные блага, транзитивная экономика, государственный сектор экономики.*

The article looks at the characteristics of production of urban local public goods. A number of problems connected with their production by municipal authorities are described in the article as well as possible ways of their solution.

Keywords: *urban local public goods, public goods, transition economy, governmental support economy.*

The development of any economic system is inevitably connected with efficient production of public goods which are consumed by the whole society. As a rule, these goods are indivisible as far as their consumption is concerned. The growing demand for public goods leads to changes in government regulation of their production. The issue of defining optimal boundaries of decentralized management of public goods production for the purpose of efficient resource allocation according to the needs in public goods is still equally important.

Urban local public goods hold a special position in the system of public goods. Their self-standing

status is presumably caused by the localization of needs within the territory of a municipal entity and by the urbanization factor.

Urban local public goods are defined as goods the production of which is conditioned by the necessity to organize joint residence of people inside a city as a socioeconomic phenomenon whereas consumption is possible only if a person belongs to a particular group (city dwellers) or finds oneself within a particular territory.

The local public benefits were investigated by the theory of regional economy in the analysis of a city economy of von I. Tyunen, A. Weber, A. Gettner,

V. Kristaller and other researchers.

In the course of transition to market economy the amount of consumed urban local public goods is reduced. The reasons of the reduction are the following:

- production of the same goods on a market basis, e.g. health services, education, public security.
- shrinking of the governmental support in the area of urban goods production as a result of insufficient financing of local budgets of municipal entities.
- slowing down of the reproduction mechanism of urban local public goods. It increases the gap between the community's needs in urban public goods and their actual delivery, e.g. transport infrastructure and environmental protection.
- high transaction expenses which are due mainly to monopolies and bureaucracy in the area of production management of urban local public goods.

In the context of radical transformations production of local public goods is characterized, firstly, by lack of coordination between the state and municipal expenditure and, secondly, by discrepancy between income sources and expenditure obligations. In terms of transition economy also worth noting is the existence of 'unfunded mandates', i.e. commitments accepted by the higher legislative

authority but fulfilled on a lower level of state and municipal system. In this case introduction of interbudget equalization system reduces the incentive to improve the efficiency of local public goods provision, increase the investment appeal of a municipal entity, and develop its economic potential.

Another distinctive feature of local public goods production in transition economy is vague degree of autonomy local government possesses when making a decision about the production of certain local public goods. Corruption at the local government level and insufficient control lead to Pareto effect – inefficient allocation of municipal budget resources. In this situation it is reasonable to introduce cost – or result-oriented state standardization mandatory throughout the country. Standards in transition economies are typically formed using cost-based approach, i.e. regulation and control of municipal government activities in the area of production and provision of local public goods are carried out by monitoring the sums of money allowed and spent on provision of certain goods. The degree of plan execution is defined by the share of the initial sum utilized in real practice.

In general, the abovementioned processes lead to lowering of socioeconomic standard of living. Therefore carrying out special economic policy of municipal authorities is required directed on elimination of the negative consequences of production of urban local public goods.

Литература

1. Сорокина Т.И. Влияние урбанизации на проблемы производства общественных благ в транзитивной экономике: автореф. дис. ...канд. экон. наук. Челябинск., 2006.
2. Власова Н.Ю. Структура модернизации экономики крупнейших городов России. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2000. - С. 255 .
3. Ильин И.А. Экономика городов: региональный аспект развития. М.: Наука, 1960. - С.190.

THE INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN AIRPORT SYSTEM IN 1990-2012

Yaroshevich N.Yu., Vyazovskaya V.V.

Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Sverdlovsk region, Russia

The article analyzes the evolution of the Russian airport system in the post-soviet period. The authors systematized the main stages of the Russian air transport transformation and revealed the key problems of each stage.

In the first years of its existence the Russian civil aviation was used mainly for military purposes. In 1964 the USSR Ministry of civil aviation was founded. Thus, the organizational structure of the Civil aviation was a three-level system (the Ministry – the Territorial administration of the Civil aviation – the operating units) and existed for about 25 years. In 1988, a two-level management system was introduced to increase the aircraft fleet concentration and meet the population's needs in the air transportation. The demonopolization began in 1991 and led to the creation of two equal air enterprises: airport and airline. During the privatization period, the main principles were developed to share objectively the properties of the airline companies and the airports. These principles are: functional and technological, historical and principle of integral management. Thus, the airport system transformation, through transition to the market mechanisms of management, resulted in multiple forms of the airports property. However, the transition revealed many problems: the absence of the clearly defined regulation policies, the lack of experience in the airport management under competition, the lack of the qualified staff.

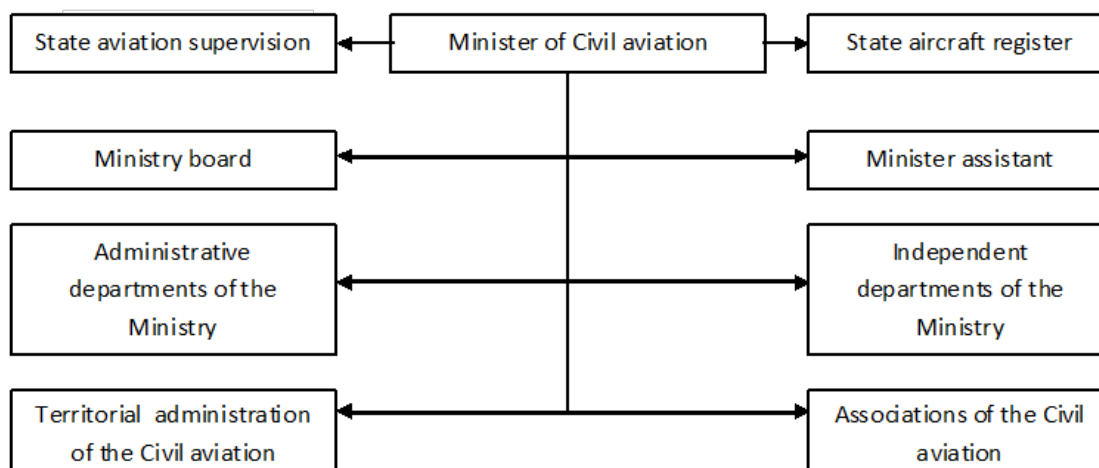
Keywords: air transport system, reforms, privatization, demonopolization, organizational forms of air transport enterprises, airport management.

Speaking about the transformation of the airport system institutional structure, let us turn to the history of the civil aviation. In the first years of its existence the civil aviation and the airports, as an integral element of its system, were used mainly for military purposes and reported to the defense authorities.

The rapid growth of the transportation volumes in the pre-war and post-war periods changed the role and place of air transport in the transport system of the country. These changes led to a number of organizational reforms to ensure the improvement of the industry activity. In July 1964 the USSR Ministry

of civil aviation (USSR MCA) was founded (see picture 1) [1].

The MCA managed the industry as part of the national economy. In that period the organizational structure of the Civil aviation administration was a three-level system: the Ministry – the Territorial administration of the Civil aviation – the operating units. This organizational structure of management existed for about 25 years, till 1988. The system was formed under extensive development of the national economy and based on the linear-functional management structure. The aircraft repair plants, the building and assembly departments, the special

Picture 1. *Organizational structure of the USSR Ministry of civil aviation in 1964-1988*

institutions of higher and secondary education, the scientific-research institutes were reported to the MCA.

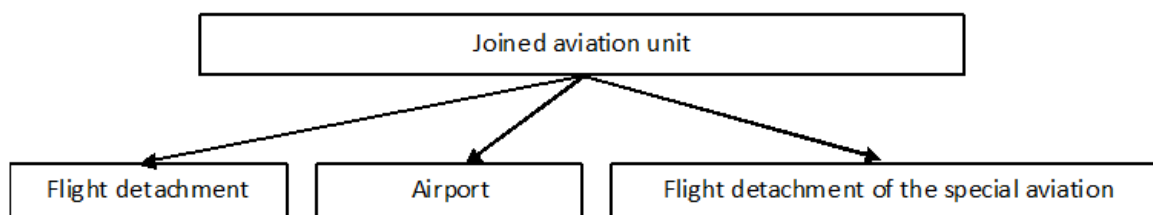
One of the Ministry of civil aviation's basic structural measures was the formation of the joint aviation units (JAU) as main production enterprises of the Civil aviation (1964). The JAU consolidated the flight detachments, the special aviation flight detachments and the airports. The JAU became the Civil aviation enterprises with a complete cycle of aircraft operations, which provided the whole complex of services to passengers and shippers, as well as the national economy. The JAU ensured the integrated management of the flight detachments and the airports, including the service departments and repair shops (see picture 2) [1].

This system of the airlines management existed until 1988. By the end of 1987 a three-level management system consisted of 363 units,

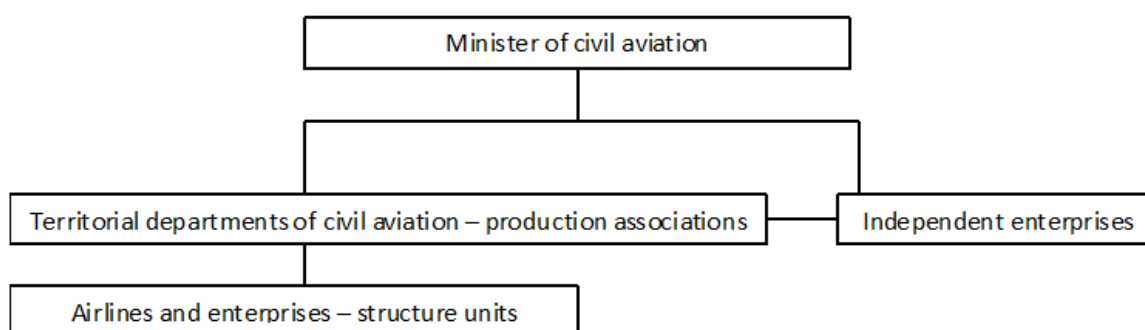
including 289 operating units, aircraft repair plants, the institutions of higher education, the scientific-research institutes, the training centers and other units. 29 territorial departments represented the middle management of the civil aviation. 14 departments were in the RSFSR, 14 were in other Union republics, 1 department specialized in the international air transport.

After the industry shift to a full self-financing in 1988, a two-level management system was introduced (see picture 3) [1].

In this new structure the territorial departments got the status of production associations, and most of the airlines got the status of structure units. After the introduction of two-level management system, all the capital assets, including aircrafts, were transferred to the books of the territorial departments. This measure was to ensure the significant increase of the aircraft fleet concentration. This was also done

Picture 2. *Structure of a joined aviation unit*

Picture 3. Two-level organizational structure of the Ministry of civil aviation (1988-1991)

to create favorable conditions for efficient use of the resources and meet the population's needs in the air transportation.

By the end of 1988 the number of management objects dropped from 363 to 92. 14 independent enterprises and 335 structure units operated in this period within the territorial production complexes, according to the Law of USSR «About state enterprise (association)». The Russian air transport system was in the state ownership and under total state control till the end of the twelfth five-year plan (1990) [2].

The shift of the Russian economy to the market set new objectives to the air transport system. The demonopolization began in 1991 by differentiation of the airport and air transport activities, that led to the creation of two equal air enterprises: airport and airline [2].

The differentiation between the airport and the air company is based not only on their different production functions and a role in the air transport process, but mainly, on different principles of the revenues and profit formation, because the airport revenues are the costs of the air company. In the integrated air enterprise the costs of the airline company are made decrease by decreasing of the airport revenues. That gives a false impression of high profitability of an airline company and low profitability of an airport. The differentiation supposes that each enterprise will look for supplementary revenue sources, reduce costs

and in fact increase the profitability and efficiency of their activity. An airline company within an airport can make the airport to reduce significantly the taxes and prices on the land maintenance. That will be an advantage for the airline company but a loss for the airport [3].

Nowadays, the properties division of the integrated enterprises is still a problem. The successful division means that the air enterprises keep their economic efficiency. Also the requirements of the Antimonopoly legislation should be taken into account.

During the demonopolization and privatization period, the main principles were developed to share objectively the properties of the airline companies and the airports. These principles are:

- *functional and technological*. The ownership rights on the movable assets depend on the priority of an airport or an airline company. This is based on their technological functions and assigned by certification requirements;

- «*historical*» principle helps to avoid a competitive battle between an airport and an airline company by finding a compromise in property division and similar functions execution. If a function can be done both by an airport and an airline company, using assets involved, the priority is given to that enterprise for which this activity (technological operation) is the main one.

- *principle of integral management* of a ground area and property assets in the airport. It is necessary to introduce integral management and legal rights of an airport development to allow other enterprises on the airport territory. After assigning the ground area to the airport, it is necessary to allocate in the property of an air company a part of the property objects and territories which are the most important for its activity. Removing these ground areas from the airport land acquisition shouldn't obstruct its perspective development (including aerodrome area and engineering infrastructure). Other vital objects (buildings, constructions, equipment) are received by the air company on the contract basis, including long lease contracts or concession with specially fixed prices.

The air enterprise being divided into an airport

and an airline company, the airport gets the complex of buildings, constructions and equipment:

- passenger-cargo terminals;
- airport airfield, equipped with runways, a taxi tracks system, a ramp, aircrafts parking area and special platforms for air crafts maintenance;
- objects of air traffic dispatching and radio-navigated landing;
- aircrafts technical maintenance facilities;
- fuel storage and refuelling facilities;
- heating, electric, communication and transport facilities;
- other special facilities.

In the tables 1 and 2 the production functions of the airports and airline companies are enumerated.

Table 1

Airport functions and production complexes

Airport functions	Production complexes
Servicing of passengers, processing of baggage, mail and cargo	Air terminal, postal-cargo complex, air transport complex, complex of mechanization means
Aircrafts maintenance	Aerodrome, air traffic dispatching complex, complex of fuel, complex of technical and commercial aircraft maintenance (the engineering-aviation service)
Aviation security	Security flights service. Inspection for the aviation security. Aviation security service.
Technological process support	Heating, electric, light, sanitary, metrological and technical facilities; communication; transport, etc.
Emergency-rescue operations	Emergency-rescue service
Servicing of passengers and clients (food, retail, entertainment, services, medicine, etc.)	Rent, leasing and concession facilities and services
Ensuring of the economic efficiency and the airport perspective development	Airport commercial service
Exploitation, reconstruction and construction of objects and complexes	Exploitation and construction departments
Foreign economic activity, conclusion of commercial, technical and other contracts and agreements	Information and analytical, commercial, planned-economic, legal and other administrative and management departments
Ecology and environment protection on the airport and adjacent territory	Ecology service and environment protection service
Civil defense organization of mobilization facilities	Administrative department
Organization of staff training and retraining	Marketing department, human resources department

Table 2

Airline company functions and production complexes

Airline company functions	Production complexes
Aircrafts flight operation	Aircrafts, aircraft engines, spare parts for the aircrafts, flight detachments (ACC); buildings, destined for only flight complex works; technological equipment (devices, computers, etc.)
Technical maintenance of the aircrafts*	Buildings and constructions for service on the platform; stationary technological equipment, devices, instruments, etc.
Periodic aircraft maintenance	Hangar facilities and other buildings, devices, equipment, instruments
Air traffic servicing (commercial maintenance of the aircrafts on the platform, passenger servicing, processing of baggage, mail and cargo in the air terminal)*	Air terminal, hotel; railway station with the constructions and buildings; cargo storage; shop catering, technical facilities and technological equipment; air transport; special transport vehicles
Personal training*	Training centers, classes, training sets
Administration and management*	Computers, funds and property for the production management

* – functions may be also done by an airport.

In July 2012, according to the State airport register, 62 air enterprises of 230 have a form of an integrated enterprise. This accounts for 27% (almost one third) of the operating airports total number.

The institutional transformation of the Russian airport system includes total or partial privatization of the state airport property.

The Russian air transport system was transformed as follows. The property of the air enterprises was divided into parts, subject and not subject to the privatization. The last part included an air field, runways, a taxi tracks system, aircrafts parking area rumps, radio and lighting equipment, equipment for air traffic dispatching. Thus, an aerodrome complex stayed state property.

In practice, these reforms were confronted with many obstacles, due to the unwillingness of the government structures and their chiefs to rebuild the air transport industry, the lack of general rules and management procedures, the absence of qualified and well trained staff, capable to work under competition and market conditions.

As a result, many air transport enterprises didn't make the planned division, and some of them just

changed a form of ownership from public to private. The competition between privatized and state-owned air transport enterprises has sharply increased. Many of them used dumping prices. Under inflation, political and economic instability, the privatization process did not bring the expected result [4].

As a result, new organizational forms (models) appeared (see table 3) [5].

Form A – a state unitary enterprise «Airport», based on federal unprivatized property (without synchronous airport property privatization); an open joint-stock company «Airline company», based on flight technical complex. The privatization and the property division are not synchronous, which is the advantage of this form. This model neutralizes a problem of unprivatized property ineffective use.

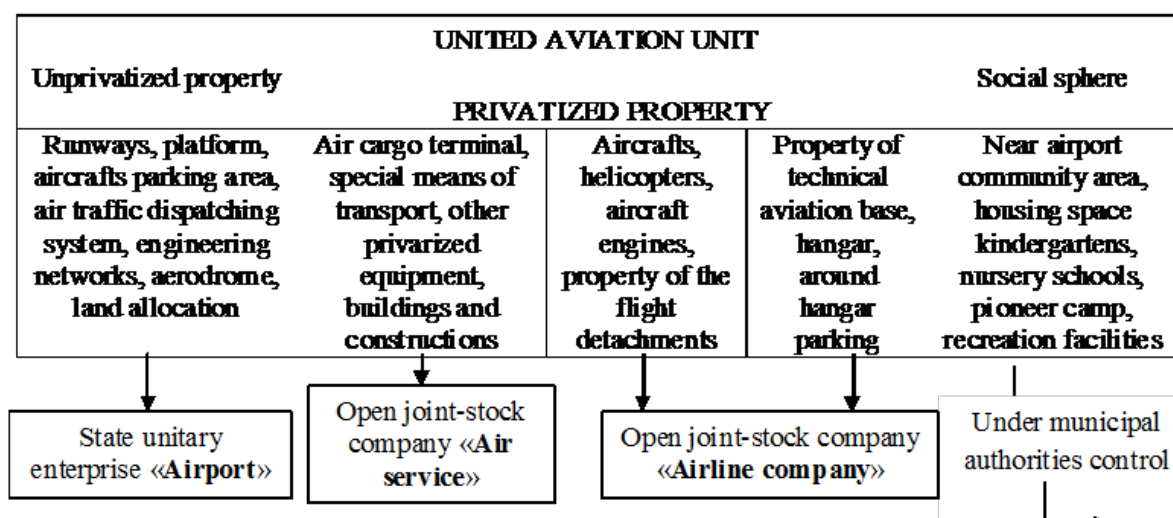
Form B – a state unitary enterprise «Airport» or «Airport administration», based on federal unprivatized property. Simultaneously an open joint-stock company «Air service» is created, based on privatized property together with an open joint-stock company «Airline company», based on flight technical complex. This form structure is represented on the picture 4.

Table 3

Organizational forms of air transport enterprises under restructuring

Form	Structure	Advantages and disadvantages
A. Two air transport enterprises of different organizational forms	SUE* «Airport» and open joint-stock company «Airline company»	- asynchronous privatization - not privatized property is given under SUE operating control and can be used efficiently
B. Three air transport enterprises of different organizational forms	SUE «Airport» based on federal unprivatized property (the administration or main operator). Open joint-stock company «Air service» based on privatized property. Open joint-stock company «Airline company» based on flight technical complex	- formation of a competitors' market - absence of the regulatory framework - complicated interaction of the three administrative boards
C. Two different joint-stock companies (main form before 1997)	Open joint-stock companies – airport and airline company	- difficulties with property division - synchronic division and privatization of property except the aerodrome which stays public; - inefficient aerodrome management form
D. Two state unitary enterprises	Airport and airline company	- privatization of the airport and airline company public property is made after the enterprises are divided
E. Air transport enterprise, where an airport is autonomous but not split-off. Airport property split-off, independent statement of assets and liabilities. Airport departments split-off.	Air transport enterprises: airport and basic airline company	- stagewise property division; - preparation of the departments for the division; - less hostility during the property division; - airport doesn't have its own business.

* – state unitary enterprise.

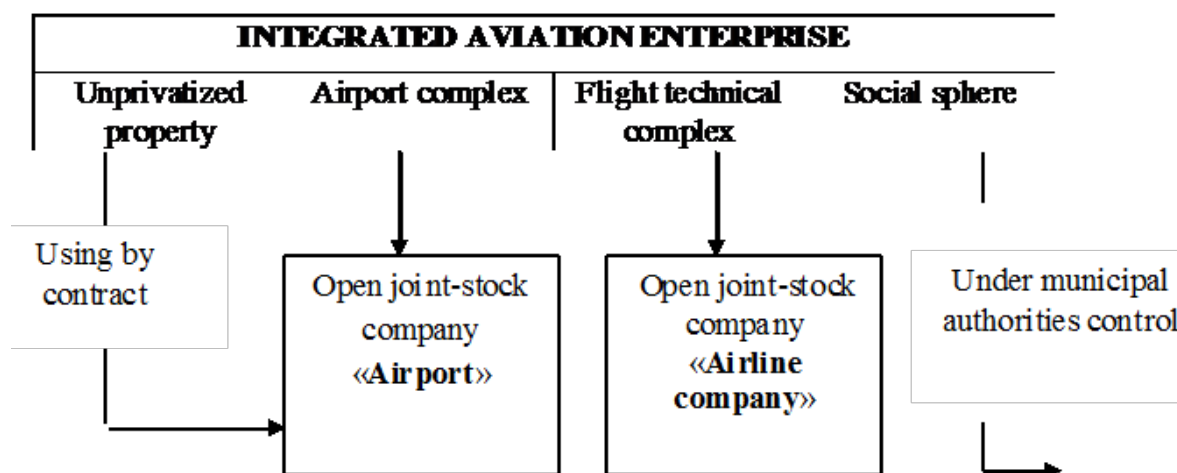

Picture 4. Form B – three air transport enterprises

In the beginning of 1998 this model was introduced in Domodedovsky production association. Its disadvantages are the lack of adequate regulatory framework for the airline management and the synchronization of two processes.

Form C – two open joint-stock companies – airport and airline company – are created by the air transport enterprise property division. As a rule, the social sphere in this model is transferred under

control of local authorities in order to deliver the industrial sector from its maintenance. Till the end of 1997 this model was used as the only model of restructuring. However, it has some disadvantages, such as the absence of effective management of the unprivatized airfield public property and the simultaneous implementation of two complex processes – division of property and privatization. The form is shown in picture 5.

Picture 5. *Form C* – two joint-stock companies

Form D – two state unitary enterprises – an independent airport and an airline company are based on the property of the integrated state air transport enterprise. In this model the privatization of the airport and airline company state property is easier, because it is made on the second stage. An absence of the conformable regulatory framework is a disadvantage of this model.

Form E – the airport property is autonomous but not split-off. That means a partial airport independence within an air transport enterprise. This model permits to realize the step-by-step division principle, to prepare the departments to this division and to ensure less of losses in the transition period.

Nowadays there are 230 airports in the State airport register of the Russian Federation. 92 airports are open joint-stock companies, 24 airports are

societies with limited liability, 12 airports are closed joint-stock companies, 25 airports are federal state unitary enterprises, 36 airports are public enterprises for operational management of public property, 32 airports are state unitary enterprises, 9 airports are municipal unitary enterprises. Thus, there are only 116 airports in the commercial form of public-private partnership, 25 airports on the federal level, 78 airports on the federal subjects level, 9 airports on the municipal level.

Thus, airport system transformation through reforming and transition to the market mechanisms of management, resulted in multiple and different forms of the airports property at different levels of administration – federal, regional and local. New companies and organizations appeared around airports.

However, the absence of the clearly defined state airport property regulation policies, the lack of experience in the modern airport business management under competition, the lack of the qualified and well trained staff bring into focus all the researches of the foreign experience in airports management institutional models.

References

1. Istoriya Grajdanskoy aviacii SSSR. Nauchno-populyarny ocherk. – Moscow: Vozdushny transport, 1983.
2. GosNII GA. Tri chetverti veka. – Moscow: Aeromediya, 2005.
3. Dinamika osnovnykh pokazateley raboty transporta za 1995-2001 rr. // Vestnik transporta, №3, 2002.
4. Yermolayev F.P. Analiz statisticheskikh dannykh i prognoz passajirskikh perevozok aviakompaniyami Rossii. Otchet ISK VT. – Moscow, 2000.
5. Volkova L.P. Upravlenie deyatelnost'yu aeroporta. – Moscow.: MGTU GA, 2007.

ИННОВАЦИОННАЯ САМОЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И ОТЛИЧИЯ. ЧАСТЬ 1

INNOVATIVE SELF-EMPLOYMENT: THE ESSENCE AND DIFFERENCES. PART 1

Сербиновский Б.Ю., Мукучан Р.Р.

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Serbinovskiy B.Y., Mukuchyan R.R.

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Рассмотрены существенные отличия инновационной и традиционной самозанятости, инновационная самозанятость описана как явление, феномен, процесс и вид самозанятости, новая форма занятости населения.

Ключевые слова: *самозанятость, инновационная самозанятость, разделение труда, интеграция процессов и производств, социально-экономическая система, бизнес-система.*

Considered essential differences of innovative and traditional self-employment, innovative self-employment is described as a phenomenon, phenomenon, the process and the type of self-employment,

a new form of employment of the population.

Keywords: *self-employment, innovation, self-employment, division of labor, the integration of processes and production, social and economic system, business system.*

В мировой экономике, экономиках развитых стран и России проявляются общие тенденции их качественного и количественного изменения, которые принято связывать с новыми состояниями, получившими описания в теоретических концепциях новой экономики, экономики знаний, информационной и виртуальной экономики. Происходящие перемены затрагивают экономику и общество, отражаются на социально-экономических системах разного масштаба как в целом, так и в их отдельных элементах. Проявляются новые процессы трансформации рыночных форм и отношений, которые необходимо углубленно изучать. Один из таких трансформационных процессов связан с возникновением новой формы самозанятости – инновационной самозанятости.

Несмотря на то, что самозанятости российские (Н.И. Абакумова, А.В. Аистов, Б.Д. Бреев, И.Р. Бугаян, А.Д. Дугаржапова, С.Г. Землянухина, И.Е. Калабихина, А.А. Кремнёв, Е.Б. Крылова, Л.В. Максимович, Л.К. Плюснина, Б.Ю. Сербиновский, М.С. Токсанбаева, С.Н. Цветкова, Ю.В. Черевко и др.) и зарубежные (F. Belussi, D. Blanchflower, D. Blau, R. Boden, D. Bogenhold, G. Borjas, B. Bradbury, D. Bruce, M. Campbell, R. Carrasco, S. Clain, K. Clark, R. Connelly, M. Cowling, G. De Wit, W. Dennis, T. Devine, J. Earle, D. Evans, R. Fairlie, E. Fuji, J. Garen, Y. Georgellis, B. Granger, A. Henley, M. Hout, G. Hundley, E. Johansson, J. Katz, A. Laferrère, M. Lechner, T. Lindh, M. Lofstrom, K. Lombard, J. Long, S. Luber, D. MacPherson, M. Marcén, P. McManus, N. Meager, L. Nunziata, L. Pasquier-Doumer, S. Parker, J. Quinn, H. Rees, M. Robson, C. Román, U. Staber, D. Stark, M. Taylor, D. Williams и др.) исследователи удели-

ли достаточно много внимания, инновационная самозанятость до настоящего времени остается недостаточно исследованной в теоретико-методологическом аспекте, что препятствует созданию новых инструментов и механизмов: 1) государственного управления развитием самозанятости; 2) повышения эффективности деятельности инновационных самозанятых. Отсутствует дефиниция термина «инновационная самозанятость», который целесообразно использовать в науке и практике.

Представляется возможным, во-первых, на основе анализа сущности и содержания категории «самозанятость населения» предложить дефиницию производного термина «инновационная самозанятость населения», во-вторых, описать научные и инновационные продукты труда инновационного самозанятого, процессы, результаты и формы его интеграции и кооперации в инновационные процессы (циклы) и производства.

Рассматривая инновационную самозанятость, следует выделить ее *отличия, проявляющиеся в отношении объекта и предмета труда, результатов (продуктов) труда инновационных самозанятых, способов и средств труда и производства, форм организации труда и производства, форм разделения труда, конкуренции и конкурентоспособности самозанятого, возникающих эффектов и повышения эффективности, которое сопровождает инновационную самозанятость.*

Следуя принятой логике исследования, можно утверждать, что *самозанятость населения – это вид занятости и форма занятости, закрепленная институционально и юридически, а инновационная самозанятость – вид самозанятости,*

который может рассматриваться как форма самозанятости, если этот вид самозанятости будет признан научным и предпринимательским сообществом, закреплён институционально и юридически, обретёт собственные специальные инструменты и механизмы, влияющие на условия и результаты его функционирования и воспроизводства, а также государственные институты поддержки и регулирования.

Содержательная часть государственных программ помощи самозанятым помогает отделить инновационную самозанятость от традиционной. В документах служб занятости населения безработным предлагается производственная деятельность (чаще всего производство товаров народного потребления и сельскохозяйственной продукции, ее переработка); оказание разного рода услуг, в том числе бытовых, жилищно-коммунальных, транспортных, образовательных, консультативных; торгово-коммерческая деятельность. Это перечисление отражает сущность и содержание традиционной самозанятости. Традиционного самозанятого не считать предпринимателем в полной мере, т.к. инновационная функция предпринимателя у него в полной мере не проявляется.

С экономических позиций инновационная самозанятость это явление, феномен, процесс, форма занятости населения, а также вид самозанятости.

Как явление самозанятость и инновационная самозанятость порождаются трудовой, творческой и предпринимательской активностью людей, которые не находят удовлетворяющего их предложения рабочей силы на рынке труда. Это процесс протекает во времени и пространстве: безработный подготавливает и начинает собственное дело, может получить от государства, общественных организаций материальную (финансовую) и нематериальную поддержку.

Процесс создания самозанятым собственного дела в его типовом варианте начинается с осознания необходимости самостоятельно решать проблему трудоустройства, не становясь наемным работником, и заканчивается трансформацией потенциального в фактического самозанятого. При этом возможны альтернативные топологии процесса:

1) официальная регистрация в качестве безработного

1) официальная регистрация в качестве безработного → оформление документов на получение государственной помощи на организацию собственного дела → профессиональная переподготовка или повышение квалификации (на средства государства) → получение финансовой и других видов помощи → открытие дела → отчет перед государственными органами о целевом расходовании средств выделенных самозанятому → ведение и развитие бизнеса → переход из группы безработных в группу самозанятых (индивидуальных предпринимателей (ИП), малых предпринимателей, руководителей малых предприятий);

2) инициативная самозанятость без обращения в государственные органы для получения помощи → организация собственного дела → качественное изменение статуса «безработный → самозанятый»;

3) официальная регистрация в качестве безработного или отсутствие такой регистрации → оформление документов на получение грантов от общественных организаций, осуществляющих поддержку самозанятости, малого предпринимательства, малого и среднего бизнеса → использование средств гранта для организации собственного дела → открытие дела → отчет перед общественной организацией по результатам использования средств гранта → ведение и развитие бизнеса → переход из группы безработных

в группу самозанятых (ИП, малых предпринимателей, руководителей малых предприятий).

Таким образом, инновационную самозанятость можно и необходимо рассматривать как процесс: управляемый (регулируемый, стимулируемый), если речь идет о реализации политики самозанятости, помощи самозанятым в организации дела и сохранении бизнеса (например, упрощения процедур налогообложения и снижения налоговой нагрузки), формирования в обществе позитивного отношения самозанятым, поскольку принятие решения о самозанятости всегда имеет эмоциональную составляющую; самопроизвольный и саморегулируемый в рамках саморегулируемых процессов на рынке труда и рынках ресурсов, товаров, работ и услуг, поскольку самозанятость выступает как инициативный и естественных для рыночной экономики процесс создания собственного дела, выбора способов и формы хозяйственной деятельности, а типологическое разнообразие инновационной самозанятости делает процесс ее становления и развитие скорее самопроизвольным и саморегулируемым, нежели управляемым государством; наблюдаемый, отслеживаемый и анализируемый, если государство и общественные организации выполняют мониторинг безработицы, рынка труда и самозанятости, однако, пока не налажен мониторинг и анализ инновационной самозанятости.

Некоторые авторы описывают процесс формирования и развития самозанятости потоковыми моделями [1, с. 196, 197].

Процесс труда инновационный самозанятый сам организует и реализует; включается в инновационный процесс, который выполняет самостоятельно или в составе группы (команды), сетевой структуры, кластера. Особенности процесса труда инновационного самозанятого связываются с использованием высоких технологий, наукоемким производством и преобладанием умственного, творческого труда, созданием нового знания и его использованием при разработке инноваций. Существуют отличия инновационной от традиционной самозанятости, инновационных от традиционных самозанятых. Первое основное, распространенное и хорошо заметное отличие – уровень квалификации самозанятых, который оказывается существенно выше, чем у тех, кто занят традиционными видами бизнеса (табл. 1).

Среди инновационной самозанятости особым образом выделяются три группы: самозанятые, выполняющие работы и оказывающие услуги, связанные с IT-технологиями, в том числе обслуживанием вычислительной техники и средств связи; самозанятые, создающие или распространяющие программное обеспечение и осуществляющие сервисное обслуживание программ и программных комплексов, в том числе

Таблица 1

Квалификационная структура самозанятых

Вид самозанятости	Образование самозанятого*		
	Высшее профессиональное	Среднее профессиональное или незаконченное высшее профессиональное образование	Не имеет высшего и среднего профессионального образования
Традиционная	13,4	48,7	37,9
Инновационная	72,7	27,1	0,2
* – опрошено 577 самозанятых в городах Ростовской области, механическая выборка была составлена из условия примерно одинакового представления в ней традиционных и инновационных самозанятых			

в виртуальной среде; самозанятые, участвующие в выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и проектных работах и проектах, в том числе в открытых проектах реализуемых сетевых структурах и виртуальной среде.

Второе важное отличие – инновационные самозанятые всегда участвуют в группах интеграции процессов и производств, передают друг другу знания и опыт, готовы к совместному труду при решении отдельных проблем, создают профессиональные сети и сети по интересам, на основе которых легко формируют временные группы для выполнения какой-либо отдельной работы или проекта, решения задачи или проблемы. Несмотря на то, что такие группы, команды, творческие коллективы могут быть временными, но ситуации повторяются и существуют периодически реализуемые комбинации структур и групп самозанятых. В этом смысле подобные группы следует считать устойчивыми и в них легко выделяются структурные складки [2] и взаимодействие через самозанятого, участвующего в нескольких структурных образованиях.

Третье отличие – инновационные самозанятые легко, мобильно и гибко, взаимодействуя между собой в хозяйственной деятельности, становятся участниками инновационных процессов в кластерной и/или сетевой структуре, но это взаимодействие не связано только с необходимостью специализации и кооперации труда, интеграции в рамках бизнес-структуры и совместно реализуемого бизнес-процесса. Для них существенным является когнитивный аспект взаимодействия, поиск нового знания и инновационная направленность деятельности. Мышление такого самозанятого инновационно по своему содержанию, поскольку он ведет свое дело в высокотехнологичной отрасли, в которой темпы научно-технического прогресса велики, и люди с «застойным» мышлением не могут устойчиво сохранять

и развивать свой бизнес в выбранном сегменте рынка. В этих условиях самозанятые проявляют в повседневной хозяйственной деятельности познавательные мотивы и интеллектуальные способности наряду с предпринимательскими, ведут себя инновационно, являются разработчиками и/или проводниками инноваций на рынок, другие сектора экономики.

Четвертое отличие связано с формированием общих компетенций и базы знаний группы и интегрированной бизнес-структуры. Взаимодействие в группе взаимодополняющее, обмен знаниями и информацией направлен на формирование нового состояния группы – ее общих компетенций, используемых в совместно реализуемых инновационных процессах и проектах, что позволяет обогащать новыми знаниями группу и ее членов. Это сплачивает группу, повышает ее устойчивость даже в условиях, когда сама группа виртуальная, периодически исчезает и появляется снова по поводу выполнения совместной работы, проекта. Познавательные мотивы, интересы и потребности взаимодействия и выгоды от доступа к общим компетенциям группы сохраняют ее стабильность даже в случае временного отсутствия совместно выполняемых работ.

Развивающиеся личные и групповые компетенции позволяют инновационным самозанятым эффективно включаются в процесс горизонтальной и вертикальной интеграции, на высоком качественном уровне организовывать общие бизнес-процессы и бизнес-системы, связывать горизонтальной и вертикальной интеграцией самозанятых и других производителей в группы, кластеры, сетевые структуры. Этот факт служит подтверждением существования межгрупповой сплоченности, но показывает, что сплачивающие мотивы, интересы и потребности у инновационных самозанятых шире и не сводятся непосредственно к бизнес-взаимодействию и экономиче-

ским мотивам и интересам (имеют коммерческий и некоммерческий характер).

Пятое отличительное свойство проявляется в расширении круга лиц, с которыми взаимодействует инновационный самозанятых внутри групп и во внешних связях (в тех случаях, когда самозанятый интегрирован в бизнес-структуры и бизнес-процессы вместе с предприятиями-партнерами). В поле взаимодействия самозанятого (по поводу удовлетворения расширенного круга мотивов, интересов и потребностей) попадают работники и руководители разных уровней иерархии системы менеджмента предприятия. Взаимодействие может иметь более широкую типологию и топологию формальных и неформальных связей по поводу реализации совместных экономических и неэкономических интересов, что усложняет связи и взаимодействие, но укрепляет его.

Инновационная самозанятость как явление *связана с проявлением экономическими субъектами активности на рынке*. Эта трудовая активность не всегда сочетается с предпринимательской активностью, поскольку отдельный самозанятый как участник группы, реализующей общий бизнес-процесс, может быть «ведомым», для которого предпринимательское поведение нехарактерно, а преобладает творческий, интеллектуальный труд в группе с распределением ролей, обязанностей и отдельных видов работ, процессов и продуктов труда.

Инновационные самозанятые создают новые предприятия и рабочие места для наемных работников, решая проблемы занятости инициативным порядком. В этом процессе, во-первых, обогащаются рыночные отношения, которые проявляются на рынке труда, а также рынках ресурсов, товаров, работ и услуг, во-вторых, в ряде аспектов раскрывается многогранность инновационной самозанятости как экономического явления,

в том числе в выборе формы трудоустройства; в стремлении части трудоспособного населения организовать собственное дело; в создании ряда форм хозяйственной деятельности с целью производства и реализации экономических благ в форме товаров, работ и услуг для удовлетворения потребностей потребителей; в получении дохода и прибыли с целью удовлетворения собственных потребностей и воспроизводства деятельности; в трудовых отношениях без найма и труде на основе самостоятельного выбора вида и способов деятельности (как правило, в рамках законодательства), самоуправления, самообеспечения, самокупаемости и, в большей части, самофинансирования; в автономном («свободном» от найма и подчинения руководителю) труде; в реализации стратегии выживания и развития экономически автономного самозанятого. Как явление самозанятость посредством создания новых форм и видов хозяйственной деятельности людей оказывает влияние на рынок и процесс реструктуризации экономики.

По своей природе самозанятость – это социально-экономическое явление, в результате которого безработный или занятый осуществляет трудовую деятельность, создавая собственное дело, бизнес, принимает на себя риск такой деятельности. Если речь идет о безработном, то образуя собственное дело (микро- и малый бизнес), обычно оформленное как ИП или общество с ограниченной ответственностью (ООО), самозанятый официально становится занятым (теряет статус безработного). Однако, во-первых, самозанятость может быть скрытой, не связанной с официальным оформлением статуса юридического лица или индивидуального предпринимателя, во-вторых, самозанятость может сочетаться с полной или частичной занятостью, связанной с трудом в качестве наемного работника. Скрытая инновационная самозанятость достаточно

распространена. Во всем мире развивается «серое» производство программных продуктов, объемы которого в России оцениваются на уровне 3 млрд., а в Индии – 11 млрд. долл. США. На-

личие неофициальной, «серой» инновационной самозанятости лишает самозанятых части социальных благ, но выбор решения и типа поведения остается за самозанятым.

Литература

1. Аистов А.В. О развитии некоторых форм самозанятости в России в 1994 – 2002 годах // Экономический журнал ВШЭ. – 2005. – №2. – С 185-215.
2. Сербиновский Б.Ю. Структурные складки самозанятости / Б.Ю. Сербиновский, Р.Р. Мукучан // Наукові дослідження та їх практичне застосування. Сучасний стан та шляхи розвитку – 2011: Зб. матер. міжнарод. науково-практичної конф., 04 – 15 жовт. 2011 г, г. Одеса, Україна. – В 31 т. – Одеса: Черноморье, 2011. – Т. 12. Економіка. – С. 85-93.

ИННОВАЦИОННАЯ САМОЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И ОТЛИЧИЯ. ЧАСТЬ 2

INNOVATIVE SELF-EMPLOYMENT: THE ESSENCE AND DIFFERENCES. PART 2

Сербиновский Б.Ю., Мукучан Р.Р.

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Serbinovskiy B.Y., Mukuchyan R.R.

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Рассмотрены существенные отличия инновационной и традиционной самозанятости, инновационная самозанятость описана как явление, феномен, процесс и вид самозанятости, новая форма занятости.

Ключевые слова: *самозанятость, инновационная самозанятость, разделение труда, интеграция процессов и производств, социально-экономическая и бизнес-система.*

Considered essential differences of innovative and traditional self-employment, innovative self-employment is described as a phenomenon, phenomenon, the process and the type of self-employment,

a new form of employment.

Keywords: *self-employment, innovation, self-employment, division of labor, the integration of processes and production, social, economic and business system.*

Как было отмечено в части 1 настоящей статьи, представленной в материалах конференции, инновационная самозанятость служит «средством» от безработицы и феноменом, проявляющимся в результате качественной модернизации экономики. Если традиционная самозанятость является конъюнктурным процессом (в период экономических кризисов с нарастанием безработицы самозанятость растет, но с преодолением кризиса и снижением безработицы самозанятости идет на спад), то инновационная самозанятость имеет конъюнктурную и перспективную составляющие. Это результат и проявление закономерности становления и развития инновационной самозанятости при качественном преобразовании российской экономики. Поэтому следует ожидать роста инновационной самозанятости как результата саморегуляции трансформируемого рынка. Следовательно, *инновационная самозанятость становится явлением и процессом, которые отражают закономерности и тенденцию развития, модернизации и реструктуризации экономики, которая приобретает черты новой экономики и экономики знаний.*

Инновационная самозанятость растет в отраслях и сферах деятельности, для которых характерно относительно малые инвестиции в основные и оборотные средства, но значительны вложения в человеческий и интеллектуальный капитал (потенциал), от которых инновационный самозанятый получает основную отдачу. Лимитирующими для инновационного самозанятого становятся ресурсы, компетенции и время выполнения работы и оказание услуг.

Самозанятый удовлетворяет материальную и духовную потребность в труде. Он выбирает дело «по душе» (как показывает анализ практики выбора бизнеса, нелюбимое дело постепенно угасает). При этом (по И.И. Чангли [1, с. 61 – 62]) через труд реализуется «социальная материальность»: 1) потребность в познании, когда знания служат производству не только в интересах повышения его эффективности, но и ради облегчения труда, ради превращения всех видов деятельности в творчество; 2) потребность в общении через труд с людьми, объединенными в процессе труда общностью интересов, целей, мировоззрения, мироощущения; 3) потребность в красоте – созидательная, облагораживающая, объединяющая, удовлетворяющая насущные потребности сила труда призвана также утолять человеческую жажду прекрасного. Важно, что инновационная самозанятость создает условия для удовлетворения потребностей познания, творчества, предполагает общение и обмен информацией, в том числе на междисциплинарной основе, предоставляет возможности для созидательной, облагораживающей и развивающей, объединяющей и удовлетворяющей потребности деятельности самозанятого.

Успехи инновационного самозанятого связаны с умением встраиваться в существующую экономическую систему, находить там место для своего бизнеса, обслуживать технологические цепочки; использовать выгоды разделения труда, интеграции процессов и производств, партнерских связей между предприятиями; создавать предложение, соответствующее сложившемуся спросу; порождать новый спрос, предлагая инно-

вационные решения и перестраивая «под себя» сложившуюся экономическую систему и рынок. При этом инновационные самозанятые в большей степени избирают высокотехнологичный и наукоемкий сервис, в том числе консалтинг, экспертизу, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (рис. 1).

Могут быть названы критерии, отделяющие инновационную самозанятость от традиционной, связанные с особым предметом труда, (преимущественно) затратами умственного труда и использованием накопленного интеллектуального потенциала и капитала. Это: 1) процессы создания, использования и реализации нового знания, научных продуктов, наукоемких (научно-исследовательских) услуг, высоких технологий, трансфера инновационного знания, ноу-хау и технологий, научно-технической продукции и инновационный процесс в кооперации

с партнерами; 2) наукоемкий консалтинг, системный и комплексный (междисциплинарный) анализ, подготовка научно обоснованных решений; 3) проектные услуги, разработка программного обеспечения, системных решений, моделей управления процессами и предприятием и т.п.; 4) создание промышленных образцов и прототипов (техники и технологии), объектов интеллектуальной собственности, продажа прав интеллектуальной собственности; 5) создание наукоемких производств, стартапов и их развитие в малые предприятия; 6) оказание услуг в эксплуатации инновационных товаров, техники и технологий; 7) оказание наукоемких образовательных и научно-образовательных услуг; 8) оказание наукоемких экспертных услуг.

Таким образом, инновационную самозанятость следует связывать с передовыми направлениями, характерными для новой экономики и

Рис. 1. Примерная типологическая структура инновационной самозанятости

экономики знаний (*особым предметом инновационной самозанятости*): 1) с приоритетными научными направлениями развития науки, техники, технологий и критическими технологиями; 2) с опережающим развитием наукоемких, высокотехнологичных отраслей, производств и сфер деятельности; 3) с созданием научно-производственных, инновационно-образовательных и инновационно-производственных кластеров [2]; 4) с участием в научно-образовательных, научно-инновационных, инновационно-образовательных сетях и системе учебно-научно-производственной интеграции и кооперации [3]; 5) с функционированием учебно-научно-производственных комплексов и технопарков, центров трансфера технологий и центров коллективного пользования научным оборудованием [3, 4]; 6) с развитием национальной и региональных инновационных систем и инновационной инфраструктуры; 7) с участием в открытых инновационных проектах; 8) с маркетингом, брендингом и продвижением на рынок инноваций и инновационных стартапов, фирм, компаний, продуктов и технологий; 9) с коммерциализацией инноваций.

Особые предметы труда определяют необходимость применения высокотехнологичных и наукоемких способов производства, инновационных технологий, отнесенных к приоритетным направлениям науки, техники и технологии и критическим технологиям, которые дополняются научно-исследовательскими методами и средствами для производства новых знаний, технологиями проектирования и производства инноваций.

Особенности конкуренции самозанятого и инновационного самозанятого таковы. Самозанятый является хозяйствующим субъектом, вступающим в рыночные отношения с поставщиками ресурсов и покупателями (потребителями) продуктов его труда (производства). Он принимает на себя все риски своего бизнеса и в этом смыс-

ле выступает как предприниматель, поэтому его бизнес типологически относят к малому предпринимательству. С позиций теории конкуренции самозанятый типологически может быть отнесен, по одной классификации, к «серым мышам», которые имеют шансы стать «хитрыми лисами» и далее эволюционировать в «молодых львов»; а по другой – к эксплерентам, инновационно активным малым хозяйствующим субъектам. Конкуренция и конкурентоспособность инновационного самозанятого проявляются специфически: 1) он обладает высокими, но (как правило) узкоспециализированными компетенциями, которые готов расширить при организации собственного бизнеса; 2) инновационный самозанятый может найти себе работу на виртуальном рынке труда и обеспечить себе необходимое качество виртуального рабочего места; 3) компетенции инновационного самозанятого становятся ключевыми компетенциями его бизнеса, которые необходимо поддерживать и развивать в соответствии с требованиями и динамикой рынка, поскольку инновационный самозанятый конкурирует на рынке товаров, работ и услуг как фирма; 4) виртуальная или натуральная фирма образуется самозанятым в соответствии с теоремой Рональда Коуза и с учетом трансакционных издержек, которые изменчивы и всегда сравниваются с вариантом продажи рабочей силы работодателю, следовательно, самозанятый может прекратить свой бизнес (при выгодном предложении, поступившем от работодателя) и перейти в наемные работники, но такой выбор не всегда является экономическим и зависит от социальных и психологических факторов, которые могут преобладать над экономическими выгодами и интересами, а это означает, что инновационный самозанятый может продолжать свой бизнес, поступая с экономической точки зрения нерационально; 5) самозанятый вынужден конкурировать как фирма, противодействовать кон-

курентным силам, описанным М. Портером, однако, инновационный самозанятый, производя информацию и новые знания, способен превращать отдельные конкурентные силы в силы поддержки в результате формирования сплоченных групп хозяйствующих субъектов, совместно выполняющих бизнес-процессы и конкурирующих на рынке товаров, работ и услуг, следовательно, инновационные самозанятые могут конкурировать не только индивидуально, но и в составе сообщества (сетевого или кластерного). Таким образом, инновационный самозанятый участвует в конкуренции на разных рынках: 1) на товарном и других рынках при ведении собственного бизнеса, в том числе может выступать в качестве работодателя на рынке труда для ограниченного (малого) числа физических лиц; 2) на рынке труда в качестве потенциального наемного работника.

Инновационный самозанятый становится, во-первых, элементом национальной, региональной, местной, а иногда международной и мировой (глобальной) инновационной системы, если сможет сохранить собственную конкурентоспособность и временную, но воспроизводимую (обновляемую) уникальность, во-вторых – элементом инновационной инфраструктуры. Он, во-первых, непосредственно участвует в инновационном преобразовании составляющих инфраструктуры: жесткой (основные фонды, совокупность целевых объектов недвижимости) инфраструктуры; полужесткой инфраструктуры, включающей сервисные и технологические предприятия (подсистема обеспечения инновационных структур, процессов и проектов); мягкой инфраструктуры – совокупности создаваемых инновационным бизнесом организационных структур и коммуникаций, поддерживающих функционирование жесткой и полужесткой инфраструктур, во-вторых, становится элементом технологической

инфраструктуры; выполняет вполне трудовые процессы в системе разделения труда и интеграции производств и процессов.

Особый предмет и способы труда инновационной самозанятости определяют специфику результата труда – продуктов инновационной самозанятости, которые могут служить *критериями, отделяющими инновационную самозанятость от традиционной*. Это: 1) научные продукты (произведения науки); 2) научно-инновационные продукты; 3) защищенные объекты промышленной и непромышленной интеллектуальной собственности; 4) ноу-хау; 5) произведения литературы и искусства, при изготовлении которых использованы высокие технологии. *Основные продуктами инновационной самозанятости*: новые знания и информация; модели, образцы материалов и устройств; высокотехнологичные изделия. Могут быть выделены особые эффекты инновационной самозанятости в рыночной экономике и на рынке труда.

В итоге может быть предложена дефиниция термина *инновационная самозанятость*: это 1) многогранное и сложное социально-экономическое явление, выступающее важнейшей составной частью инновационно модернизируемого общественного производства, оказывающее влияние на рынок и процесс реструктуризации экономики, проявляющееся в реализации трудовой, творческой и предпринимательской активности части населения, которое не находит удовлетворяющего их предложения на рынке труда для продажи рабочей силы, самостоятельно решает проблему трудоустройства, путем создания собственного наукоемкого и высокотехнологичного дела (бизнеса), например, малого предприятия, встраивается в существующую, сложившуюся экономическую систему, находя место для своего бизнеса, и принимает на себя риск такой деятельности; в выборе формы тру-

доустройства; в создании форм хозяйственной деятельности, разделения (специализации, кооперации) труда, интеграции процессов и производств с целью производства и реализации экономических благ (наукоемких и высокотехнологичных товаров, работ и услуг) для удовлетворения потребностей потребителей; в получении дохода и прибыли, частично или полностью используемых для воспроизводства деятельности; в трудовых отношениях без найма и автономном труде на основе самостоятельного выбора вида и способов деятельности, самоорганизации, самоуправления, самообеспечения, самоокупаемости и, в большей части, самофинансирования; в самостоятельной реализации экономически автономным самозанятым стратегии выживания и развития деятельности, ориентированной как высокие, критические (передовые) технологии и приоритетные направления научно-технического прогресса; в обеспечении населения рабочими местами; в обеспечении человека и его семьи необходимыми средствами для существования и повышения уровня жизни; в удовлетворении самозанятым материальной, социальные и духовной потребности в труде; в преобладании компоненты умственного, творческого труда в ресурсном обеспечении производства инновационным самозанятым экономических благ; 2) феномен, связанный с инновационной модернизацией экономики; 3) процесс во времени и пространстве, являющийся результатом саморегуляции рынка и проявлением закономерности трансформации самозанятости в инновационную самозанятость при качественном преобразовании индустриальной и ориентированной на экспорт природных ресурсов и продуктов их первичной переработки экономики в новую экономику и экономику знаний, в результате которого безработный, решая проблему занятости инициативным порядком, подготавливает, организует и ведет собственное

дело, в том числе как индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, может получить от государства, общественных организаций и бизнес-сообществ разные формы материальной и нематериальной поддержки (помощи), включая субсидий и помощь в обучении, переподготовке и повышении квалификации; 4) вид самозанятости с характерными отличиями, проявляющиеся в отношении сложных или особо сложных объекта, предмета, способов и средств труда и производства, наукоемких и высокотехнологичных результатов (продуктов) труда инновационных самозанятых, форм, методов и структур организации труда и производства; обширного и расширяющегося набора профессиональных, инновационных, управленческих (в том числе маркетинговых) и предпринимательских компетенций инновационного самозанятого; конкуренции и конкурентоспособности самозанятого; иного экономического, технологического, институционального, компетентностного, психологического и социального базиса и статуса; экономических эффектов от развития инновационной самозанятости; современных теоретических моделей предложения труда, жизненного цикла и человеческого капитала 5) форма занятости населения, проявляющаяся в рыночной среде как результата процесса создания экономически активным населением инновационного бизнеса, связанного с приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники (технологии) и критическими технологиями, поддерживаемого государством и обществом посредством специальных институтов, инструментов и механизмов поддержки и развития самозанятости, малого предпринимательства, малого и среднего бизнеса; 6) элемент национальной, региональной, местной, отраслевой, межотраслевой, а также международной и мировой (глобальной) инновационной системы и инновационной инфраструктуры.

Литература

1. Чангли И.И. Труд. – М.: ЦСП, 2002. – 452 с.
2. Сербиновский Б.Ю. Инновационная модель и интегрированная информационная среда в управлении университетом нового типа / Б.Ю. Сербиновский, Б.Б. Сербиновский, Л.М. Егорова; Южный федеральный ун-т. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. – 226 с.
3. Сербиновский Б.Ю. Научно-исследовательский аутсорсинг: Монография / Б.Ю. Сербиновский, Б.Б. Сербиновский, Т.Г. Гусенко; Юж. федеральный ун-т. – Новочеркасск: Оникс+, 2007. – 146 с.
4. Олишевский Д.П. Моделирование и анализ организации и управления центром коллективного пользования / Д.П. Олишевский, Б.Ю. Сербиновский; Южный федеральный ун-т. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. – 135 с.

EVOLUTION OF SCIENTIFIC THOUGHT IN FIELD OF BANKING

Ismagilov D.D.¹, Abdyukova E.I.²

Bashkir state university¹, Ufa, Bashkortostan, Russia

Ufa state aviation technical university², Ufa, Bashkortostan, Russia

В статье описывается хронология экономических учений в области банковского дела. Опыт истории показывает реальные преимущества и недостатки экономических теорий. Наша задача – построить модель депозитно-кредитных отношений, учитывая прошлые недостатки.

Ключевые слова: депозит; кредит; процент; спрос; предложение; потребности; прибыль; моделирование.

In article the chronology of economic doctrines in the field of banking is described. Experience of history showed real advantages and shortcomings economic to the theory. Our task – to construct model of the depositary and credit relations, considering last shortcomings.

Keywords: deposit; credit; percent; demand; offer; requirements; profit; modeling.

Коммерческие банки являются важнейшим звеном рыночной экономики. Все аспекты и сферы деятельности коммерческих банков объединяются единой стратегией управления банковским делом, цель которой – достижение доходности

при обеспечении достаточной ликвидности. Исследование истории возникновения учений, различных направлений о банковском деле открывает возможность понимания как проблем того времени, так и тех современных задач, которые

требуют решения от экономической науки.

Начало размышлениям о таком виде дохода как процент было положено экономистами Ж.-Б. Сеем, который выделял процент как награда за кредит, прибыль за рациональное соединение факторов производства, и Ф. Найтом. Кроме того огромный вклад в формирование теорий о проценте внесли австрийский ученый Й. Шумпетер и английский экономист Р. Кантильон, которые в своих работах впервые упомянули о предпринимательстве.

На современном этапе развития теория ценообразования не является самостоятельным направлением, вкрапываясь в более широкие направления обсуждения общей теории денег, спроса и предложения, теории экономического роста и проблем распределения. Тем не менее, обсуждение проблем, связанных с ценообразованием, можно найти в работах М. Блауга, Коддингтона, Дж. Хикса, Р.Ф. Харрода, Дж. Робинсона, Р. Голдсмита, Р. Фридмана, Дж. Дьюзенберри, Ф. Модильяни, Р. Брумберга, А. Андо, Х.С. Хаутэккера и др. Причем в последние десятилетия основное внимание уделяется не столько теоретическому аспекту ценообразования, сколько моделированию ранее установленных взаимосвязей (Б. Кинг, Д. Хестер, Э. Элтон, М. Руббер, Дж. Фаррел, Б. Розенберг, Р. Кан, Р. Арнот, Дж. Вэй, Дж. Шэнкен, С. Браун).

В современной теории денег выделяются две теории, касающиеся сущности и роли кредита в экономике: натуралистическую и капиталотворческую. Отличие теорий состоит в определении границ (сферы действия) кредита в воспроизводственном цикле и оценке его роли в общественном производстве.

Натуралистическая теория первоначально обоснована английскими экономистами А. Смитом и Д. Рикардо. Основные положения теории:

- а) объектом кредита являются натуральные, т.е. неденежные вещественные блага;
- б) кредит представляет собой движение натуральных благ и поэтому есть только способ перераспределения существующих в обществе материальных ценностей;
- в) ссудный капитал – действительный капитал, а поэтому его движение полностью совпадает с движением производственного капитала;
- г) кредиту присуща пассивная роль. Ценности создаются промышленным капиталом. Банки – скромные посредники, выполняющие функцию перераспределения капитала между хозяйствующими субъектами.

Ошибочность данной теории заключается в следующем:

- а) не считали ссудный капитал обособившейся частью промышленного капитала, а отождествляли с ним. Ссудный капитал, таким образом, лишен собственной роли;
- б) нет понимания роли кредита и его создателей – банков.

Вместе с тем данная теория в отличие от более поздней объективно подходит к пониманию сущности кредита: кредит действительно не создает реальной стоимости. Она образуется в процессе производства, где нет места ссудному капиталу.

Основные концепции капиталотворческой теории заложены английским экономистом Дж. Ло:

- а) кредит занимает положение, не зависящее от процесса производства;
- б) кредиту принадлежит решающая роль в развитии экономики. Кредит отождествлялся с деньгами и богатством.

По мнению Ло, кредит способен привести в движение все неиспользованные возможности страны, создавать богатство и капитал. Банки рассматриваются в качестве создателей капитала, а не посредников.

Широкое развитие теория получает в 19-20 веках. Господствующее положение до первой трети 20 века. Наиболее видный представитель Г. Маклеод. Основные положения теории:

- а) отождествление денег и кредита;
- б) деньги и кредит – богатство, так как они имеют покупательную способность;

в) кредит приносит прибыль, поэтому является производственным капиталом.

Современные теории (Кейнс, монетаризм) рассматривают не сущностные характеристики кредита, а возможности его влияния на экономическое развитие и способы использования этих возможностей на практике.

Набор учений об управлении активами и пассивами достаточно широк и включает разные направления. Рассмотрим наиболее значимые из них, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Обзор традиционных теорий управления активами и пассивами

Теория	Описание, преимущества	Недостатки
Эвристические теории		
Метод общего: фонд ресурсов	Ресурсы банка поступают в общий фонд из различных источников, включая вклады до востребования, сберегательные, срочные вклады, а также собственный капитал банка. Затем общий фонд ресурсов распределяется между видами активов (ссуды, правительственные ценные бумаги, кассовая наличность и т.д.). Преимущества: возможность распоряжения и оперирования значительными средствами.	Управление активами осложняется: - размещение средств в строгом соответствии с предписаниями Центробанка об обязательных нормативах; - отношения между банками и его клиентами строятся на основе договоров; - держатели акций банка рассчитывают на норму доходности, соответствующей инвестированному риску. Метод не содержит четких критериев для распределения средств по категориям активов и не дает полного решения дилеммы «ликвидность-прибыльность».
Теория коммерческих ссуд	Размещение средств преимущественно в краткосрочных активах. Защитники теории утверждают, что банк сохраняет свою ликвидность, пока его активы размещены в краткосрочные ссуды, своевременно погашаемые при нормальном состоянии деловой активности.	- не учитывает кредитных потребностей; - запрещение финансирования расширения предприятий, приобретение домов, земли; - не учитывается относительная стабильность банковских вкладов; - краткосрочная самоликвидирующаяся коммерческая ссуда обеспечивает ликвидность в условиях нормального экономического развития.
Теория перемещения	Банк может быть ликвидным, если его активы можно переместить или продать другим кредиторам или инвесторам за денежные средства. Если кредиты не погашаются в срок, то залоговые ценности в обеспечение ссуды могут быть проданы на рынке, или же ссуды могут быть рефинансированы в Центральном банке. Условие покрытия потребностей банка в ликвидных ресурсах – постоянное наличие активов, которые можно продать.	Трудно избежать проблемы ликвидности, так как ее обеспечение требует потребность только в востребованных рынком активах, а, значит, снижает общий объем возможностей банка для размещения свободных денежных средств.

Продолжение таблицы 1

Теория ожидаемого дохода	Банковскую ликвидность можно планировать, если в основу графика платежей в погашение кредитов положить будущие доходы. На ликвидность банка можно воздействовать, изменяя структуру сроков погашения кредитов и инвестиций. Многие банки положили в основу формирования портфеля инвестиций эффект ступенчатости: ценные бумаги так подбираются по срокам погашения, чтобы поступления были регулярными и предсказуемыми.	Ожидаемый доход основывается на предположениях. Ситуация в экономике не всегда предсказуема и поэтому может принести ущерб деятельности банка.
Метод распределения активов с частичным учетом структуры пассивов (метод конверсии ресурсов)	Теория увязывает размер необходимых банку ликвидных средств с источниками привлечения. Метод классифицирует источники ресурсов в соответствии с нормами обязательных резервов и скоростью их обращения. Предполагается создание нескольких «центров ликвидности и прибыли» внутри самого банка. Определяется порядок размещения ресурсов каждым центром. Главное преимущество метода – уменьшение доли ликвидных активов и вложения дополнительных средств в ссуды и инвестиции, что ведет к увеличению нормы прибыли.	В основу выделения «центров прибыли» положена скорость обращения различных типов вкладов, но тесной связи между скоростью обращения вкладов той или иной группы и колебаниями общей суммы вкладов этой группы может и не быть. Метод предполагает независимость источников средств от путей их использования. Акцент делается на ликвидности обязательных резервов и возможном изъятии вкладов, уделяя меньше внимания прибыльности.
Управление пассивами		
Теория раздельного управления пассивами	Банки могут решить проблему ликвидности путем привлечения дополнительных денежных средств, покупая их на рынке капитала. Банки могут обеспечить свою ликвидность, прибегая к займам в центральном банке либо у банков-корреспондентов.	Как правило, межбанковские кредиты дороги и не могут обеспечить достаточной доходности.

Разработано автором.

Традиционные теории по управлению активными и пассивными операциями коммерческого банка рассматривают способы организации деятельности финансового учреждения в условиях банковской системы, но не уделяют внимание взаимодействию с внешней средой. Исследование влияния изменения внутренних составляющих предприятия на внешний спрос преимущественно касается вопроса процента. Яркие представители, выражающие различные взгляды на

эту проблему, показаны на рис. 1.

Основываясь на данных рис. 1, можно отметить следующее.

1. С точки зрения представителя австрийской экономической школы – Е. Бем-Баверка, природа процента заключается в факте отказа от текущего дохода в пользу будущего дохода. Бем-Баверк исходил из того, что в обществе всегда есть люди, готовые заплатить за удовольствие иметь деньги сегодня и распорядиться ими по своему усмо-

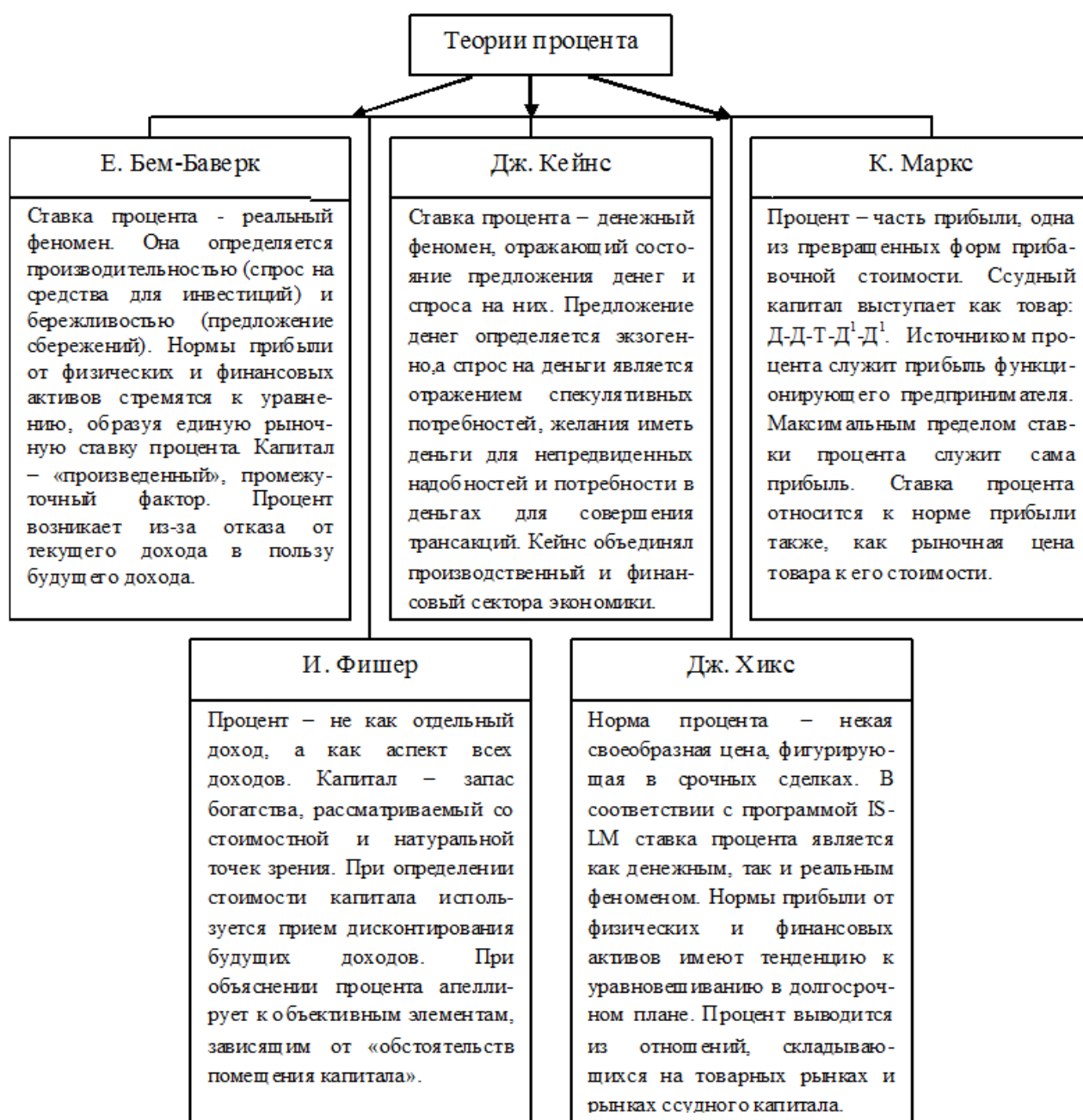

Рис. 1. Теории процента в представлениях экономистов

трению в обозримом будущем. Равновесная же норма процента определяется предельной производительностью.

2. В теории Кейнса процент – это монетарный феномен. Он формируется стихийно, в ходе сопоставления спроса на деньги и их предложения. Спрос на деньги регулируется предпочтением ликвидности в экономике, предложение – количеством денег в обращении. Норма процента, по

Кейнсу, играет важнейшую роль в определении реального объема инвестиций в экономике.

3. У Маркса процентом выступает часть прибыли, которую функционирующий капиталист выплачивает собственнику ссудного капитала за право временного пользования его денежными средствами. По экономическому содержанию процент – это одна из превращенных форм прибавочной стоимости.

4. Фишер при объяснении процента апеллирует к объективным элементам, зависящим от «обстоятельств помещения капитала». При этом установление ставки процента он объяснял как баланс между предложением капитала, на которое оказывают влияние психологические факторы межвременного предпочтения и производительностью инвестиций, или нормой прибыли на затраты. В работе «Теории процента» Фишер дал критический разбор представления о проценте у Бем-Баверка.

5. Джон Хикс выводит норму процента как некую своеобразную цену, фигурирующую в сроч-

ных сделках. Процент выводится из отношений, складывающихся на товарных рынках и на рынке ссудного капитала. Хикс показал, что процент есть как монетарный, так и реальный феномен.

Имеющиеся представления и учения относительно активных и пассивных операций, природы процента и взаимодействия финансового учреждения с внешней средой ложатся в основу моделирования деятельности коммерческих банков.

Моделирование позволяет решать задачи организации по управлению финансовыми операциями. Наиболее известные модели, получившие признание, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Обзор математических моделей деятельности банка

Математические модели банка	Достоинства	Недостатки
Ф. Эджворт (<i>F.Y. Edgeworth</i>) Первая математическая теория банковского дела «The Mathematical Theory of Banking» 1888 г.	Четкое количественное соотношение между величиной обязательств банка и необходимым объемом резервов ликвидности.	Не охватывает всего спектра банковской деятельности.
И. Фишер (<i>I. Fisher</i>) Теория процентной ставки и приведенной стоимости: детерминированная модель 1930 г.	- использование простых математических средств элементарной алгебры и начал анализа; - целевая функция представляет собой максимизацию чистой приведенной стоимости; - продолжает широко использоваться при решении частных задач в условиях относительной стабилизации денежно-кредитного рынка страны.	- совершенно не учитывается неопределенность; - позволяет анализировать только отдельно взятый актив вне его связи с другими активами; - одномерность, анализирует лишь одну характеристику актива доходность; - не учитываются возникающие риски при принятии инвестиционных решений.
Г. Марковиц (<i>H. Markovitz</i>) Портфельная теория 1951 г.	- учитывает два важных фактора: доходность и риск, а также аналогичные характеристики портфеля активов; - учет взаимных корреляционных зависимостей между доходностями активов, что способствует проведению эффективной диверсификации портфеля.	- сложный математический аппарат; - модель формирования оптимального портфеля активов представляет собой задачу квадратичной оптимизации при линейных ограничениях.

Продолжение таблицы 2

Математические модели банка	Достоинства	Недостатки
У. Шарп (<i>W.E. Sharpe</i>) Однофакторная модель рынка капиталов. Модель CAPM 1965 г.	- позволяет заменить сложные математические алгоритмы квадратичной оптимизации оптимизацией линейной; - простая математика; - совершенная статистическая техника оценки коэффициентов чувствительности, рыночных индексов способствуют широкому использованию модели Шарпа на всех фондовых рынках мира; - впервые появились «альфа» и «бета» характеристики акций.	- однофакторная модель рынка капиталов не решает задачу управления привлеченными средствами.
С. Росс (<i>S. Ross</i>) Модель ценообразования АРТ. 1976 г.	- проста в применении; - в основе лежит принцип арбитража; - устанавливает регрессионную зависимость поведения цен активов от различных факторов; - разложение риска; - доходность актива описывается факторной моделью.	- не идентифицируются сами факторы; - оставляет без ответов вопросы о количестве и сущности факторов, которые влияют на ожидаемые доходности активов.
Р. Портер (<i>R.C. Porter</i>) Модель банка 1961 г.	В основе теории фирмы лежит балансовое уравнение: $I + N = k + B + L,$ где I — объем проданных банком депозитов, равный 1; N — доля собственного капитала по отношению к привлеченным депозитам; k — доля наличных денежных средств и средств на корреспондентских счетах банка по отношению к привлеченным депозитам, причем $0 < k < 1$; B — доля ценных бумаг, приобретенных банком, по отношению к привлеченным депозитам; L — доля кредитов, выданных банком, по отношению к привлеченным депозитам.	- имеет больше теоретическое значение, чем практическое, для принятия конкретных управленческих решений в банке.
Кейн и Молкил (<i>Kane, Malkiel</i>) 1971 г.	- аргументами функции максимизации являются индексы доходности портфеля активов, состоящего из кредитов и государственных ценных бумаг, а также риска в виде среднего квадратичного отклонения доходности портфеля активов банка; - учет корреляционной связи между активами портфеля; - использование балансового уравнения.	- не учитывает активы в виде наличных средств в кассе и средств на корреспондентских счетах в других банках, а также отличия активов внутри групп кредитов и ценных бумаг; риски и структуру портфеля пассивов, расходы, которые сопровождают пассивные операции банка; управление собственным капиталом. - модель является статической.

Окончание таблицы 2

К. Сили (C.W. Sealey) 1977 г.	- математическое решение задачи одновременного управления и требованиями и обязательствами банка; - неопределенность в модели учитывается в определении депозитной и кредитной процентных ставок; - впервые вводится переменная, характеризующая избыток или недостаток ликвидности; - банковские аналитики получили инструмент для практического применения теорий управления ликвидностью.	- отсутствие явного управления собственным капиталом; - упрощенный подход к размеру банка. Последний определяется «рыночными условиями, избеганием риска или реальными ресурсными издержками»; - модель осталась статической.
Баумоль-Тобин Модель BAT 1952 г.	- хранение всех резервов денежных активов в форме краткосрочных финансовых вложений; - пополнение остатков денежных средств за счет продажи части краткосрочных финансовых вложений или краткосрочных кредитов банков.	- постоянство потока расходования денежных средств; - каждая операция по продаже краткосрочных активов или получения кредита связана с определенными расходами.
Миллер-Опп Модель Миллера-Оппа 1966 г.	- ориентирована на денежные притоки и оттоки, которые меняются случайным образом день ото дня; - действует в границах верхнего и нижнего предела объема денежных средств, а также планового денежного сальдо.	- не учитывает альтернативные способы вложения свободных денежных средств.
Э. Балтенспергер (E. Baltensperger) 1971 г.	- сформулировал требования к комплексному подходу при моделировании банка: - соотношение и структура требований и обязательств; - размер собственного капитала банка; - исследование источников прибыли банка и анализ издержек.	- направленность на решение узкой задачи деятельности банка.
Н. Егорова и А. Смулов Модель российских специалистов 1998 г.	- в основе принцип «положительной обратной связи» между текущими результатами деятельности банка и собственным капиталом (ресурсами). - позволяет рассчитывать показатели банка с использованием российской методики, а также интегральный показатель выживаемости банка.	- отсутствие возможностей управления ставкой процента; - зависимость объема привлеченных средств от ставки процента; - отсутствие оптимизационной модели обоснования структуры требований и обязательств; - высокая степень агрегирования данных.

Разработано автором.

Указанные в табл. 2 математические модели широко используются в повседневной практике коммерческих организаций и на фондовых рынках мира. Среди моделей имеются те, которые включают оценку риска и неопределенность, а также модели, решающие узкие задачи. Каждое из имеющихся решений имеет как свои достоинства, так и недостатки, и поэтому не может об-

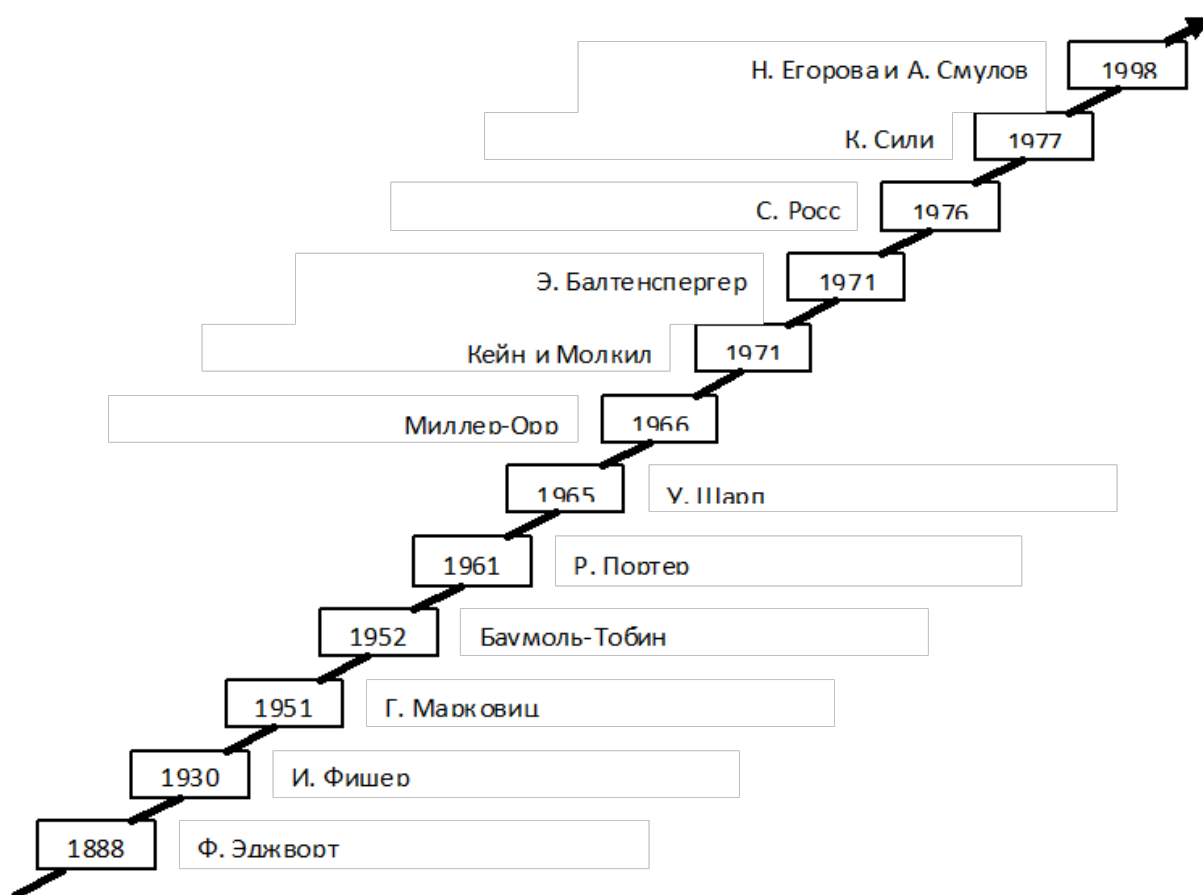

Рис. 2. Математические модели деятельности банка

ладать универсальностью, что дает основания исследователям для поиска и разработки других моделей, призванных улучшать процессы принятия управленческих воздействий и оптимизировать финансовые операции коммерческого банка.

Попытки моделирования деятельности банка становятся одной из ключевых задач для руководства кредитных организаций. Появление различных моделей на историческом промежутке можно проследить по рис. 2.

С ростом тесноты связи коммерческого банка

с внешним окружением и взаимозависимости повышается чувствительность к воздействию с их стороны. В этой связи внимание исследователей привлекает вопрос построения моделей, учитывающих возможные последствия от изменения внутренних факторов, которыми апеллирует организация, а также прогнозы ожидания клиентов. Решение этой задачи позволяет лучшему взаимодействию финансового учреждения со средой, что приводит к оптимизации депозитно-кредитной деятельности и росту показателей прибыльности.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА НА РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

FEATURES OF THE EFFECT OF INDUSTRIAL REGIONAL POLICY ON THE DEVELOPMENT OF INTELLECTUAL PROPERTY

Жданов М.А.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Пермский край, Россия*

Zhdanov M.A.

*Perm State National Research University,
Perm, Perm region, Russia*

В статье приведен анализ исторического процесса развития частной собственности, описаны ключевые особенности развития частной собственности в современных экономических условиях. Определены основные проблемы дальнейшего развития института частной собственности. Даны рекомендации по разрешению проблем и выхода из кризиса.

Ключевые слова: Региональная промышленная политика; интеллектуальная собственность, частная собственность, патент.

The article analyzes the historical development of private property, describes the key features of the development of private property in the current economic environment. The main problems of the further development of the institution of private property are determined. The recommendations for solving problems and overcoming the crisis are made.

Keywords: Regional industrial policy, intellectual property, private property, patent.

Частная собственность выступает одним из наиболее фундаментальных признаков экономической эпохи. В ней воплощены как обособленность производителей, так и зависимость человека от других людей или общества в целом.

Термин «собственность» восходит к приянтому в римском праве понятию «dominium (владение)»; именно через него собственность определялась в наиболее ранних источниках по современной европейской юриспруденции. Понятие «частный» появилось в середине XVI века

без всякой связи с термином «собственность» и применялось для противопоставления самостоятельной хозяйственной деятельности человека и активности политических структур.

Понятие «частная собственность» появилось как антипод довлеющему фактору государственной власти, по сути как обозначение отношения экономического порядка, преобразующего неэкономическую реальность.

По мнению большинства авторов, частная собственность возникла в процессе разложения так называемой общинной собственности и впо-

следствии может быть замещена собственностью общественной.

Истории человечества известны непосредственно общественный, внеэкономический (принудительный) и экономический способы сочетания факторов производства и их различные модификации.

Так, различают рабовладельческую собственность, которая экономически реализуется на основе труда рабов; феодальную собственность, которая реализуется на основе труда крепостных крестьян; капиталистическую собственность, которая реализуется на основе наемного труда; интеллектуальную собственность, основанную на интеллектуальных результатах труда непосредственных производителей.

Первообщинная собственность. Это исторически первый вид собственности на средства производства, прежде всего на землю как основное средство производства, основное условие жизни и деятельности людей. Именно с него начинают свою историю все народы мира. Существенной чертой и особенностью первообщинной собственности является принадлежность земли общине - всем ее субъектам в целом, т.е. каждому субъекту общины как индивиду, который живет вместе с общиной, а не отдельно от нее. В общине каждый является субъектом лишь владения и использования земли, а сочетание факторов производства имеет непосредственно общественный характер.

Сущностные свойства первообщинной собственности обусловлены особенностями состояния производительных сил первобытного общества. Неразвитые производительные силы первобытной эпохи предполагали необходимость совместного участия людей в производстве средств жизни, органическую связь между всеми членами общины, невозможность выживания отдельных индивидов, семей вне общины.

Сущностной чертой первобытных отношений собственности является единство собственности и труда, при которых труд предстает как средство присвоения условий и результатов производства. На ранних этапах первоначальной собственности труд и соответственно продукт еще не делятся на необходимый и дополнительный. В эту эпоху вся работа и весь продукт является необходимым, что обуславливает невозможность эксплуатации одних членов общины другими, и как следствие невозможность возникновения классовой структуры общества.

Постепенное развитие производительных сил в рамках первоначальной общины (развитие орудий труда и самого труда) обуславливает такой рост производительности труда, который дает возможность отдельным семьям обеспечивать свое существование за счет труда членов семьи, а не всей общины. На этой основе происходит качественное изменение отношений присвоения собственности: выделение в общине семейно-индивидуальных хозяйств и их обособления от общины; работа с непосредственно общественной превращается в частную и начинает делиться на необходимую и дополнительную, а соответственно и продукт – на необходимый и дополнительный;

Следующим этапом развития частной собственности выступает рабовладельческая собственность. Это исторически первый вид классовой, эксплуататорской по характеру, частной собственности на личностные и вещественные факторы производства, ее экономическую основу образует такой уровень развития производительных сил, за который непосредственные работники (рабы) уже могут производить продукта больше, чем требуется для воспроизводства их рабочей силы.

Сущностные свойства рабовладельческой собственности определяются следующими ос-

новными чертами: раб является принадлежностью индивидуального или коллективного владельца (общины, храма, государства), который распоряжается им и использует в качестве «орудия труда, что говорит». Рабовладельческая собственность реализуется через присвоение рабовладельцем всего (необходимого и дополнительного) продукта труда рабов на основе внеэкономического принуждения к труду. Во всех формах рабства раб не является владельцем ни средств производства, ни результатов своего труда. Часть продукта труда рабов, что соответствует необходимому продукту, рабовладелец выделяет на воспроизводство рабочей силы раба.

Исторически вторым видом классовой, эксплуататорской по своему характеру, частной собственности выступает феодальная собственность. Ее основой была феодальная собственность на землю – сложная совокупность отношений принадлежности, владения, распоряжения и пользования землей между феодалами, и феодалами и крепостными, которые, в отличие от рабов, были уже не объектами, а субъектами отношений земельного собственности.

Существенные черты феодальной собственности это принадлежность земли феодалам, пользование крепостными землями феодалов как условие выполнения на пользу феодалов трудовых повинностей, земельная и личная (крепостного) зависимость крестьян от феодалов, реализация феодальной земельной собственности на основе внеэкономических принуждения крестьян к труду в форме феодальной земельной ренты.

Третьим видом исторического развития института частной собственности является капиталистическая собственность. Капиталистическая собственность это вид классовой, эксплуататорской по своему характеру, частной собственности. Своим содержанием она принципиально отличается от рабовладельческой и феодальной

собственности. Основные черты капиталистической собственности следующие: средства производства и деньги в форме капитала принадлежат капиталисту (работодателю); непосредственные производители являются наемными работниками, наемный работник является свободным лицом, которому принадлежит его рабочая сила и какой он может распоряжаться по собственному усмотрению; сочетание работника со средствами производства имеет экономический, товарный характер и выступает в форме продажи рабочим своей рабочей силы работодателю. Основу капиталистической собственности образует отношение «наемная труд – капитал», а ее экономическая реализация сводится к присвоению капиталистам добавочной стоимости, создаваемой наемными работниками.

В отличие от своего юридического содержания – принадлежности капиталистам средств производства, а наемным работникам их рабочей силы – экономическое содержание капиталистической собственности образуют отношения производства наемными работниками дополнительной стоимости и ее присвоение капиталистами. При этом если купля-продажа рабочей силы является экономической формой этих отношений, то их экономическое содержание составляет неэквивалентный обмен между наемным работником и капиталистом.

Дополнительная стоимость, которая создается живым трудом наемных работников и присваивается капиталистом, является следствием неэквивалентного обмена, который образует экономическую форму реализации капиталистической собственности. В этом смысле отношение «наемный труд – капитал» является основным производственным отношением капиталистического способа производства.

В рамках системы отношений капиталистической собственности дополнительная стоимость

является объектом распределения и присвоения субъектами промышленного, торгового, ссудного и финансового капитала, землевладельцев и др. В отношениях между ними дополнительная стоимость приобретает преобразованную форму промышленной прибыли, торговой прибыли, предпринимательского дохода, ссудного процента, дивиденда, земельной ренты и других доходов, которые служат экономическими «инструментами» присвоения указанными субъектами соответствующей доли общественного продукта.

На современном этапе развития экономических отношений интеллектуальная собственность выделяется в самостоятельный вид собственности. Термин «интеллектуальная собственность» эпизодически употреблялся теоретиками – юристами и экономистами в XVIII и XIX веках, однако в широкое употребление вошел лишь во второй половине XX века, в связи с учреждением в 1967 году в Стокгольме Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Согласно учредительным документам ВОИС, «интеллектуальная собственность» включает права, относящиеся к:

- литературным, художественным и научным произведениям;
- исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио и телевизионным передачам;
- изобретениям во всех областях человеческой деятельности;
- полезным моделям;
- промышленным образцам;
- товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям;
- другим правам, относящимся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях.

Основное предназначение частной собственности, в том числе интеллектуальной собственности, это получение полезности индивидуумом, который ей владеет, от ее использования. В результате владельцы собственности прилагают большое количество усилий для юридического закрепления своих прав. Данная процедура позволяет, во-первых определить границы частной собственности, а во-вторых получить возможность защиты своих интересов в суде.

Несмотря на то, что интеллектуальная собственность стала изучаться достаточно недавно, уже во многих странах имеется правовое поле и накопленная база судебных прецедентов. Так, например, в США, Японии, Германии, России имеются специализированные государственные институты, призванные проводить экспертизу заявок на право обладать интеллектуальной собственностью. Ежегодно данные патентные бюро принимают в работу более 300 000 патентных заявок, и данное количество каждый год увеличивается на 4,7%. Патент – это основной инструмент для защиты прав на интеллектуальную собственность, в первую очередь для промышленных предприятий. Основная цель патентов – продвигать вперед технические и научные знания с помощью стимулирования промышленными предприятиями инвестиций в новые продукты. Грамотная работа с институтом патентования позволяет компании создавать заградительные барьеры для конкурентов, а также увеличивать потенциальный доход от вложений в инновационную деятельность.

Наряду с этим другой характерной чертой интеллектуальной собственности выступает физическая независимость владельца патента от права пользования интеллектуальной собственностью. Данная особенность позволяет, с одной стороны, расширять сферу применения инноваций за счет организации, чья бизнес модель предполагает

только создание новшеств и последующую продажу прав на использование данных инноваций в своей коммерческой деятельности другими промышленными предприятиями. Данные процессы в настоящее время в экономике набирают популярность, так, например, по данным Ассоциации менеджеров по образовательным технологиям, доходы от университетских патентов взлетели с \$186 млн. в 1991 г. до \$1,4 млрд. в 2006.

С другой стороны, возможность отделения права обладания от права пользования влечет за собой угрозу со стороны компаний и частных лиц, чья бизнес модель поведения на рынке не предполагает ведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Цель данных организаций и частных лиц заключается в том, чтобы воспользовавшись несовершенством института защиты прав на интеллектуальную собственность, преследовать правопользователей в судебном порядке. По данным Центра изучения передовых правовых и экономических стратегий Phoenix (США), ежегодные потери экономики США составляют \$25,5 млрд., что составляет 3% ВВП.

Таким образом, частная собственность преодолела в своем развитии большой путь от первобытнообщинного строя до шестого этапа научно-технического уклада. На каждом этапе своего

развития частная собственность подвергалась влиянию окружающих факторов, таких как тип экономики, нормативно-правовые отношения в обществе, уровень развития научно-технического прогресса. На всем пути своего развития частная собственность встречает кризисы, преодолевая которые видоизменяет свою форму, чтобы более точно соответствовать изменившимся условиям в экономике и обществе. Развитие частной собственности в целом носит эволюционный характер, на каждом этапе ее развития присутствуют как пройденные этапы, так и зарождающиеся новые. На современном этапе развития общества частная собственность может столкнуться с новым кризисом. Особенности данного кризиса заключаются в несовершенстве института управления интеллектуальной собственностью. В результате этого промышленные компании теряют мотивацию к разработке и внедрению инноваций, экономика региона теряет существенную часть своих доходов, в обществе в целом снижаются темпы повышения качества жизни.

Для смягчения негативного влияния кризисных явлений руководство региона должно выработать соответствующую региональную промышленную политику, которая будет направлена на развитие инновационной деятельности промышленными компаниями в регионе.

Литература

1. Against intellectual monopoly / Michele Boldrin, David K. Levine. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – viii, 298 p. ISBN 978-0-511-41084-0
2. K.Lakhani, J. Panetta «The principles of distributed innovation», Innovations 2, 2007.
3. Noveck B. S. Wiki Government: How Technology Can Make Government Better, Democracy Stronger, and Citizens More Powerful \ Brookings Institution Press, 2009. – 224 с.
4. M. Sorikin, Starting from Zero: Reconstructing Downtown New York (New York: Reutledge, 2003).
5. Youval Rotman. Byzantine Slavery and the Mediterranean World. Harvard, HUP, 2009.
6. Бабкин С. А. Интеллектуальная собственность в Интернет. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2006. –

512 с.

7. Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. М.: УРСС, 2007.
8. Иноземцев В.Л. 'Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы' \ учеб. пособие для студентов вузов. – Москва: Логос, 2000. – С.304.

СОЦИОЛОГИЯ ТОРГОВЛИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

SOCIOLOGY TRADE: SOME ASPECTS OF THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Аборвалова О.Н.

*Саратовский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического
университета, г. Саратов, Россия*

Aborvalova O.N.

*Saratov Institute (branch) of Russian State Trade and Economic University,
Saratov, Russia*

Меняющиеся реалии жизненного пространства требуют переосмысления происходящих процессов. Революционные изменения, происходящие в торговле, диктуют необходимость изучения представленных трансформаций. Проведенный автором теоретико-методологический анализ сферы торговли (фрагментарно представленный в данной статье) позволяет говорить о возможности и необходимости выделения социологии торговли в самостоятельную отрасль социологического знания.

Ключевые слова: *торговля, теория торговли, советская торговля, современная торговля, поведение потребителей, феноменология повседневности, концепция социального действия.*

Changing realities of living space requires a rethinking of the processes. The revolutionary changes in commerce necessitate examination of the transformation. Of the author's theoretical and methodological analysis of the scope of trade (in fragments presented in this article) suggests the possibility of and the need for trade sociology as an independent branch of sociological knowledge.

Keywords: *trade, trade theory, Soviet trade, modern trade, consumer behavior, the phenomenology of everyday life, the concept of social action.*

Сегодняшнее развитие торговли обусловлено новыми вызовами экономического развития мирового сообщества. Современный миропорядок, интеграция экономической деятельности, взаимозависимость стран, взаимообусловленность производственных процессов, диктуют необходимость изменения места и роли торговли в реализации predetermined ей специфических функций.

На сегодняшний день в отечественном обществознании накоплен весомый материал по истории торговли, специфике ее экономического развития в различные периоды времени, функционированию торгового предпринимательства. Вместе с этим, социологическая интерпретация процессов трансформации торговой отрасли, является недостаточно изученной и представляет собой теоретическую и практическую значимость. В связи с чем, целью проведенного исследования является обоснование возможности и необходимости выделения социологии торговли в самостоятельную отрасль социологического знания. Накопленная теоретическая база, методологическая основа изучения сферы торговли, многочисленные эмпирические исследования позволяют вычленив социологию торговли в самостоятельное научное направление.

Теория торговли создавалась трудами многих ученых разных поколений. В их числе – философы Ксенофонт [1], Платон [2], Аристотель [3], Т. Мор [4], Т. Кампанелла [5], Ш. Фурье [6] и др., основоположники западной экономической науки Адам Смит [7], Давид Рикардо [8], Томас Манн [9], К. Маркс, Ф. Энгельс [10, 11], П. Струве [12, 13] и др.

Развитие советской торговли нашло отражение в работах отечественных ученых: Л.Т. Александровича [14], Ю.А. Аванесова [15, 16], И.Н. Бергера [17, 18], В.Г. Бурмистрова [19], В.В. Вержбицкого [20], В.К. Задорожного [21], В.А. Кизи-

лова [22, 23], Рубинштейна Г.Л. [24], А.Л. Покровского [25], Дихтыра Г.А. [26, 27], Л.А. Самсонова [28], А.М. Сапожникова [29], С.В. Серебрякова [30, 31], Тюкова В.С., Локшина Р.А. [32] и др.

Современному состоянию развития торговли, трансформации ее организационных форм, посвящены работы Радаева В.В. [33, 34, 35], Федорова А. [36], Хасис Л.А. [37], Чкаловой О.В. [38], Бланка И.А. [39], Брагина Л.А., Александрова В.Б. [40], Давыдовича Г.А. [41], Гордуновой М. [42], Днепропетровской Е. [43], Лебедевой С.Н. [44], Котельниковой З.В. [45], Аниськовой О.Г. [46] и др.

Анализ сферы торговли будет не полон без изучения поведения и социальных характеристик другой стороны торгового взаимодействия – потребителей. Большинство исследователей, при изучении поведения покупателей, доминирующим подходом используют логический позитивизм, преследующий двоякую цель: с одной стороны, понять и предсказать поведение потребителя, с другой – выявить причинно-следственные связи, управляющие убеждением. К сожалению, реальность показывает, что потребительское поведение намного сложнее, чем какая-либо теоретическая конструкция. С переходом российского общества к рыночной экономике, ростом развития информационных технологий, современный потребитель не всегда готов адаптироваться к быстро меняющимся условиям среды, не всегда осознает свои потребности, зачастую не может рационально совместить свои потребности и возможности.

Сегодня в отечественной науке с социологической позиции поведение потребителей рассматривают М.А. Абрамова, Л.С. Александрова [47], А.Б. Гофман [48], В.И. Ильин [49], И.А. Рамазанов [50], В.В. Радаев [51] и др.

Отправной точкой социологического анализа торговли являются отношения купли – продажи – это действия, которые люди совершают повсеместно и практически ежедневно. Это их повседневная реальность. Феноменология повседневности говорит о том, что интерпретирующая деятельность человека придает социальным явлениям смысл. Согласно теории А. Шюца [52] мир повседневности наполнен смыслом, который придают ему люди. В пространстве повседневной действительности главное заключается в понимании процесса становления объективности социальных феноменов на основе субъективного опыта индивидов. Люди стремятся наладить с ним взаимоотношения и воспринимают его не как субъективный, а интерсубъективный мир – т.е. общий для всех людей мир, актуально данный или потенциально доступный каждому на основе интеркоммуникации и языка. Последний и есть социальная реальность, которая является первичной и высшей по отношению к другим реальностям. Социология торговли призвана произвести редукцию к обыденному, простому пониманию повседневности. В центре внимания социологии торговли находится человек, мотивация его поступков и его социальное действие. Социология торговли стремится к дескриптивному анализу действительности и объяснению наблюдаемых процессов. Социология торговли рассматривает повседневность и использует ее как материал для проблематизации.

С точки зрения теории М. Вебера [53] социальное действие – это форма деятельности, которая содержит в себе субъективное смысловое единство и по этому смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на эти действия. Другими словами, с социальным действием мы имеем дело тогда, когда оно внутренне мотивировано, а его субъект ожидает от других людей ответной реакции. В тоже время,

отношения купли – продажи – это экономические отношения. Поэтому социальное действие выступает основанием и одновременно внутренним элементом экономического действия. В этом смысле социология торговли базируется на экономико-социологическом подходе, специфика которого определяется тремя связанными положениями: экономическое действие есть форма социального действия; экономическое действие закреплено в социальных структурах и хозяйственные институты (в данном случае торговля) являются социальными конструкциями – социальными институтами, призванными удовлетворять потребности людей.

Первое положение означает, что социологию торговли интересует не только наблюдаемое поведение, но и субъективная позиция акторов социального действия – его мотивы, определение ситуации, вырабатываемые людьми концепции контроля – совокупность значений и смыслов, позволяющих объяснять происходящее и свои собственные поступки, ориентированность в своих действиях и поступках на свое социальное окружение, представителей того социального класса, к которому принадлежит тот, или иной индивид.

Смысловое содержание второго положения заключается в том, что мотивы хозяйственного агента выходят за пределы сугубо экономических целей, где наряду с экономическим интересом, выступают социальные нормы и принуждения. Представители разных социальных страт нацелены на приобретение товаров и услуг соответственно своему статусному положению, как некоего стандарта потребления, соответствующего образа жизни. Богатые и бедные покупают различное количество товаров разного качества. Закрепляя сложившееся положение, существуют магазины эконом класса и брендовые магазины для богатых. Такое понимание означает включение экономического действия в социальные

контексты и признание его социальной встроенности. Люди вступают в подобные отношения, ориентируясь на институциональные нормы и правила, которые регулируют отношения и делают их предсказуемыми.

Таким образом, раскрывая основы социологии торговли через веберовские категории экономического и социального действия, можно сказать, что предмет социологии торговли необходимо рассматривать с позиций методологического индивидуализма, учитывая при этом, что индивидуализм может быть экономический и социологический.

Экономический индивидуализм сопряжен с автономностью индивида, независимостью принимаемых решений и установлением опосредованной социальной связи – преимущественно через соотнесение результатов произведенного действия.

Социологический индивидуализм – явление другого порядка. Индивид рассматривается в совокупности своих социальных связей и включенности в разнородные социальные структуры. Здесь общество реально присутствует в мотивах индивидуального действия.

Социальный институт современной торговли

функционирует как сложное полифункциональное явление, обеспечивающее не только рациональную организацию распределения ресурсов посредством экономических обменов, но и процессы адаптации системы и ее элементов к изменившимся социально-экономическим условиям, представляя необходимые ресурсы для удовлетворения меняющихся потребностей и формируя новые практики их удовлетворения. В социально-трансформационных процессах общественного развития торговля обеспечивает приток в систему дополнительных ресурсов – товаров, капиталов, информации, идей, ценностей, людей, знаний, технологий и т.д., создавая энергетический заряд изменений системы. Как социальное явление, выходящее за рамки экономической связи и взаимодействия, торговля обеспечивает социальное единство и модификацию системы на уровне социетальных процессов.

Предложенный теоретико-методологический анализ торговли, как социального феномена, дает возможность показать сложность данного социального феномена в процессе его развития и позволяет говорить о том, что выделение социологии торговли в самостоятельную отрасль социологического знания, представляется оправданным.

Литература

1. Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия. М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2003.
2. Платон. Собр. соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1994.
3. Аристотель. Политика. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1983.
4. Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978.
5. Горфункель А.Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М.: Мысль, 1977.
6. Фурье Ш. Социальная эволюция//Деборин А. Книга для чтения по философии. В 2 т. М., 1925.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т.1. М.: МП Эконом, 1991.
8. Афанасьев В.С. Давид Рикардо. М.: Экономика, 1988.
9. Томас Манн, Собрание сочинений. Тт. 1–10. М.: Гослитиздат, 1959–1961.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е. М., 1955. Т 4.
11. Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е. М., 1955. Т 1.
12. Струве П.Б. Торговая политика России. М.: Социум, 2007.
13. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб, 1894 г.
14. Александрович Л.Т. Проблемы развития универсамов. Советская торговля. 1979, № 11.
15. Аванесов Ю.А. и др. Организация управления оптовым торговым предприятием / Аванесов Ю., Муштов Б., Ермилов Н. М.: Экономика, 1979. 16. Аванесов Ю.А. Основы коммерции на рынке товаров и услуг: Учебник / Аванесов Ю.А., Ключко А.Н., Васькин Е.В. М.: Люкс-арт, 1995.
17. Бергер И.Н. Искусство торговать. М.: Экономика, 1968.
18. Усов В.В., Бергер И.Н. Профессиональная этика и психология труда в торговле. М.: Экономика, 1974.
19. Бурмистров В.Г. Основы торговли непродовольственными товарами. М.: Экономика, 1989.
20. Вержбицкий В.В. Организация и размещение городской торговой сети / М.А. Орлов, В.В. Вержбицкий, И.Р. Федосеева. М.: Экономика, 1980.
21. Задорожный В.К. Эффективность советской торговли. М.: Знание, 1974.
22. Кизилов В.А. Проблемы внутрихозяйственного расчёта // Советская торговля. 1988, №11.
23. Кизилов В.А. Приватизация: как сократить путь? // Советская торговля. 1990, №12.
24. Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964.
25. Покровский А.Л. Экономика советской торговли. М.: Экономика, 1980.
26. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М.: АН СССР, 1961.
27. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М.: Наука, 1965.
28. Самсонов Л.А. Сфера обращения предметов личного потребления (формы развития, механизм управления). М.: Экономика, 1986.
29. Сапожников А.М. Розничная торговля меняет приоритеты. // Советская торговля. 1990, № 8.
30. Серебряков С.В. Организация и техника советской торговли. М.: Госторгиздат, 1949.
31. Серебряков С.В. Планирование городской торговой сети / С.В. Серебряков и др. М.: Экономика, 1968.
32. Тюков В.С., Локшин Р.А. Советская торговля в период перехода к коммунизму. М.: Экономика, 1964.
33. Радаев В.В. Эволюция организационных форм в российской розничной торговле // Вопросы экономики. 2006, №10.
34. Радаев В.В. Популяционная экология организаций: как возникает разнообразие организационных форм // Российский журнал менеджмента. 2007, № 2.
35. Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2007.
36. Федоров А. Розничная торговля: эффективная организация торгового предприятия // Практиче-

- ский маркетинг. 2005, №8.
37. Хасис Л.А. Розничные торговые сети в современной экономике. М.: Едиториал УРСС, 2009.
38. Чкалова О.В. Формирование и развитие розничной торговой сети в мегаполисе. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2010.
39. Бланк И.А. Управление торговым предприятием. М.: Ассоциация авторов и издателей ТАНДЕМ. Изд-во ЭКМОС, 2009.
40. Брагин Л.А., Александров В.Б. Теоретические аспекты развития розничных торговых сетей / Научно-практическая конференция. Таганрог, 2007.
41. Валевиц Р.П., Давыдович Г.А. Экономика торгового предприятия. Минск: Высшая школа, 2008.
42. Годунова М. Как плетутся сети в розничной торговле // Экономика России: XXI век. 2008, № 3.
43. Днепровская Е. Сеть магазинов: формируем единые стандарты // Точка продаж. 2008, №7.
44. Лебедева С.Н. Экономика торгового предприятия. Мн.: Новое знание, 2009.
45. Организационные формы и конкурентные стратегии в российской розничной торговле (региональный аспект) / Под ред. З.В. Котельникова. М.: Вершина, 2008.
46. Пигунова О.В., Аниськова О.Г. Стратегия коммерческой деятельности предприятия розничной торговли. М.: Маркетинг, 2009.
47. Абрамова М.А., Александрова Л.С. Экономическая теория. М.: Юриспруденция, 2003.
48. Гофман А.Б. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 1994.
49. Ильин В.И. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2000.
50. Рамазанов И.А. Формирование имиджа покупателя в условиях российского рынка//Современная торговля. 2003, №1.
51. Радаев В.В. Социология потребления // Социологические исследования. 2005, №1.
52. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: МГУ, 1996.
53. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

FEATURES OF THE SOCIO-ECONOMIC POTENTIAL OF THE TVER REGION

Белоусов О.А.

*Тверской государственный технический университет,
г. Тверь, Тверская область, Россия*

Belousov O.A.

*Tver State Technical University,
Tver, Tver region, Russia*

Статья посвящена вопросу оценки социально-экономического потенциала с точки зрения ресурсного подхода. Принимая во внимание, что каждый конкретный субъект РФ представляет собой целостную макроэкономическую систему, автор проводит анализ факторов социально-экономического развития на примере Тверской области с применением swot-методики. На основе данных Федеральной службы государственной статистики автор исследует как сильные и слабые стороны потенциала, так и вероятные возможности и угрозы развития тверского региона.

Ключевые слова: *социально-экономический потенциал региона, валовой региональный продукт, консолидированный бюджет области, инвестиционный климат, уровень жизни населения.*

The article is devoted to assess the socio-economic potential in terms of resources approach. Taking into account that each individual entity of the Russian Federation represents a complete macroeconomic system, the author analyzes the factors of socio-economic development for example, Tver region, using swot-analysis. Based on data from the Federal State Statistics Service examines both the strengths and weaknesses of the potential and the probable opportunities and threats of the Tver region.

Keywords: *regional socio-economic potential, gross regional product, the consolidated budget, investment climate, standard of living.*

Сегодня российские регионы являются более гибкими и восприимчивыми к воздействию как модернизационных процессов, так и кризисных явлений, чем в целом экономика страны. Реализуемая в последние годы политика повышения самостоятельности и ресурсообеспеченности регионов формулирует перед исследователями задачу такую как изучение различного рода факторов (преимущественно социально-экономических), оказывающих прямое или косвенное влияние на развитие потенциала субъектов РФ. Для того чтобы нагляднее представить ресурсный

потенциал конкретно взятой области необходимо оценить его сильные/слабые стороны, возможности/угрозы развития, после чего представляется возможным отнести регион либо к «локомотиву роста» [1], либо к «аутсайдеру».

Комплексный ресурсный подход к оценке эффективности деятельности любого субъекта РФ подразумевает интегральный учет большого количества показателей, которые представляется возможным распределить по следующим блокам:

- экономическое развитие;
- здравоохранение и здоровье населения;
- общее образование;
- начальное и среднее профессиональное образование;
- жилищное строительство и обеспечение граждан жильем;
- жилищно-коммунальное хозяйство;
- дорожное хозяйство;
- обеспечение безопасности граждан;
- организация государственного и муници-

пального управления;

- общая оценка эффективности расходования бюджетных средств.

Принимая во внимание, что уникальные преимущества, как и уязвимые стороны регионов, играют ключевую роль во взаимодействии с другими территориями, автор, на примере тверского края, входящего в состав ЦФО, раскрыть попытался содержание главных факторов, влияющих на социально-экономический потенциал области. Для такого рода анализа автором использовался перечень как качественных, так и количественных параметров и оценок, среди основных: территориально-географическое положение и природно-климатические условия, туристско-рекреационные возможности, миграционные процессы и трудовой потенциал, положение отраслевой структуры экономики и инвестиционного климата области. Кратко рассмотрим их (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика сильных/слабых сторон ресурсного потенциала Тверской области

№ п/п	Фактор влияния	
	Сильные стороны и возможности развития	Слабые стороны и угрозы развитию
1	Близость к г. Москва и г. Санкт-Петербург [2]	
	– Близость к чрезвычайно емким рынкам сбыта продукции и услуг, обеспечивает потенциальную возможность размещения большого количества производств, ориентированных на рынки Москвы и Подмосковья; – Расположение региона способствует как росту трудовой мобильности, что снижает напряженность на рынке труда, так и дает растущий приток отдыхающих; – Особенности территориально-географического положения способствуют как привлечению инвесторов, так и относительной диверсификации экономики и низкому уровню условных обязательств.	– Близость к активным рынкам труда, характеризующимся высоким уровнем оплаты труда, способствует оттоку трудовых ресурсов из региона; – Дисперсность расселения и низкая плотность населения на обширной территории требуют больших расходов на социальное обустройство, что приводит к росту нагрузки на экономику области, а контрасты в расселении увеличивают масштабы социального территориального неравенства; – Ограничивает гибкость в управлении доходами и расходами, снижает предсказуемость финансовых показателей, вследствие зависимости от решений федерального правительства по ставкам основных налогов и распределению трансфертов; – Ставит экономику региона в зависимость от интересов головных компаний, располагающихся преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге, что осложняет взаимодействие с предприятиями в разрезе решения насущных экономических и социальных проблем области.

Продолжение таблицы 1

2	Большая площадь территории	
	– Мультифункциональные земельные ресурсы, позволяют развивать многоотраслевую специализацию экономики (промышленность, сельское хозяйство, туризм).	– Неравномерность системы расселения и инфраструктурного развития территории являются угрозой «потери» территорий и появлению «медвежьих углов», а также дополнительных затрат на поддержание территории.
3	Нахождение в створе международных транспортных коридоров	
	– Большой пассажирский и грузовой потоки через территорию, способствуют развитию сферы обслуживания.	– Преимущественно транзитный характер пассажирского и грузового потоков, отсутствие узлов – точек пересечения транспортных потоков. Угроза отчуждения трасс от прилегающих территорий, дополнительная техногенная нагрузка.
4	Благоприятная экологическая ситуация	
	– Благоприятная среда обитания и отдыха, позволяет интенсивно развивать туристско-рекреационную отрасль, коттеджное строительство и пр.	– Природно-экологические ограничения промышленного развития территории региона, снижают потенциал ускоренного экономического роста, и способствует концентрации населения на ограниченном пространстве. Присутствие в регионе Калининской АЭС и Конаковской ГРЭС является источником повышенной экологической и техногенной опасности [3].
5	Неравномерность экономического развития муниципальных районов Тверской области	
	– «Коридор», примыкающий к полимагистральной Москва-Санкт-Петербург является наиболее освоенной и урбанизированной территорией области, где сосредоточена основная часть экономического и демографического потенциала. Здесь находятся областной центр и все города области с численностью населения более 50 тыс. человек. Наложение зон влияния этих городов обеспечивает более высокую социальную обустроенность территории и доступность услуг [4].	– Дисперсность расселения и низкая плотность населения на обширной территории требуют больших расходов на социальное обустройство, что приводит к росту нагрузки на экономику области, а контрасты в расселении увеличивают масштабы социального территориального неравенства; – Неравномерность экономического развития муниципальных районов Тверской области является угрозой «потери» территорий и влечет дополнительные затраты на поддержание территории [5].
6	Обилие биоресурсов	
	– Возможность встраивания в растущие рынки производства энергии из возобновляемых источников.	– Затрудненный доступ к биоресурсам, трудность извлечения и коммерческого использования.
7	Динамика валового регионального продукта [6]	
	– Темпы роста экономики Тверской области за период с 2002 по 2008 год практически совпадали с российскими, а на текущий момент экономика области преодолевает последствия кризиса и выходит в сопоставимых ценах на уровень 2008 года.	– Показатели благосостояния Тверской области остаются низкими: в 2010 году ВРП на душу населения составлял около 50% от среднего по России, а потребности в развитии инфраструктуры превышают текущий уровень капитальных расходов.

Продолжение таблицы 1

8	Финансово-экономическая устойчивость	
	– Усиление финансово-экономической устойчивости лидеров тверской экономики, повышение конкурентоспособности предприятий. Успешное функционирование данных предприятий способствует проявлению заинтересованности штаб-квартир в развитии производств и формировании технологических и стоимостных цепочек в регионе.	– Зависимость филиалов от штаб-квартир компаний, расположенных за пределами Тверской области, обуславливает усложнение координации планов администрации по социальному и экономическому развитию региона.
9	Диверсифицированная структура экономики	
	– Устойчивость экономического развития, наличие разнопрофильных смежных производств, увеличивает привлекательность региона для инвесторов.	– Отсутствие «локомотива» экономики, вызывает проблемы в реализации эффективной государственной промышленной политики; – Наличие административных барьеров.
10	Наличие на территории двух крупных производителей электроэнергии	
	– Тверской регион занимает важное место в электроснабжении центра России, поскольку основная часть электроэнергии, вырабатываемой тверскими электростанциями, поставляется на федеральный оптовый рынок электрической энергии (выработка электроэнергии на территории Тверской области примерно в 6 раз превышает ее потребности); – Энергоизбыточность региона, снимает проблему дефицита энергоресурса для существующих и новых предприятий, что в повышает инвестиционную привлекательность Тверской области.	– Электросетевое хозяйство региона, имеет большой износ оборудования, что обуславливает высокие потери электроэнергии в электрических сетях и дефицит трансформаторной мощности. При этом затраты на условную единицу в Тверской области до настоящего времени существенно ниже, чем в среднем по ЦФО; – Строительство новых электросетей ведется по завышенным в разы расценкам; – Существует необходимость внедрения программ энергоэффективности и энергосбережения, а также развития альтернативных источников энергии в удаленных районах, с целью сокращения затрат на передачу электрической энергии; – Электростанции являются источниками экологической и техногенной опасности.
11	Потенциал региона в производстве сельхозпродукции	
	– У Тверской области большой опыт эффективного сельхозпроизводства и возможность выхода на растущие, высокорентабельные рынки экологически чистых продуктов питания.	– Тверская область находится в зоне рискованного земледелия, что повышает издержки сельхозпроизводителей, увеличивает зависимость региона от импорта продовольствия.
12	Объемы ввода жилья и ипотечное жилищное кредитование	
	– Устойчивое формирование новых предприятий, ориентированных на 2 крупнейших рынка сбыта Москвы и Подмосквья; – Высокий показатель количества ипотечных жилищных кредитов на 1000 жителей, составляющий 3,44 (в РФ – 3,12, по ЦФО – 2,36), основными получателями которых являются молодые семьи (81%) [7].	– Объемы ввода жилья из года в год существенно не увеличиваются; – Отсутствуют корпоративные ипотечные программы; – Сложные механизмы или их отсутствие в получении субсидий на приобретение элитного жилья; – Низкая информированность населения удаленных муниципальных образований.

Продолжение таблицы 1

13	Высокая мобильность населения	
	– Высокий потенциал по кадровому обеспечению вновь создаваемых производств.	– Половозрастной дисбаланс демографической структуры населения, увеличивает социальную нагрузку бюджета.
14	Туристско-рекреационный потенциал	
	– Отличие тверского туристского предложения от аналогов, с избытком предлагающихся на рынке, состоит в том, что в Тверской области имеется уникальная возможность формировать самый различный туристский продукт, основанный на сочетании разных видов туризма. В связи с чем, в регионе с учетом особенности территории и распределения туристских потоков, так же и разнообразия многочисленных рекреационных ресурсов было условно выделено 8 туристических зон (по видам туризма) [8].	– Бездействие в плане вхождения Тверской области в Федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2011–2018 годы» путем определения зон приоритетного развития туризма и создания системы туристских кластеров, объединенных единым планом развития; – Необходимость типовой модельной программы социально-экономического развития каждого муниципального образования Тверской области, включающей раздел по планированию развития туристического направления: это и развитие дорог, подъездов к культурно-историческим и природным объектам, строительство кемпингов, moteley, стоянок для автобусов, подведение канализации и других коммуникаций для объектов капитального строительства для туристско-рекреационного и автотуристского кластера; – Отсутствие туристической карты Тверской области, включающей полный перечень объектов туризма, с последующим типографическим выпуском серии сувенирных изданий (каталоги, путеводители и пр.) всех значимых туристических объектов в разрезе муниципальных образований Тверской области;
	Миграционные процессы [9]	
	– Миграционный прирост (отток) не может оказать существенного влияния на изменение демографической ситуации в целом по Тверской области, поскольку естественная убыль населения в абсолютном значении выше миграционного прироста (оттока) последних лет в 12,5 раза.	– Историческая тенденция: снижение миграционной привлекательности области происходило быстрее, чем в других регионах ЦФО; – В составе выбывшего населения большую часть оттока составляют молодые возраста (от 17 до 39 лет), с высшим профессиональным образованием. Область покидает наиболее продуктивная часть населения (женщины до 25 лет).
15	Человеческий капитал региона	
	– Уровень образования женщин из года в год растет и усиливается их конкурентоспособность на рынке труда. По специальностям: «технология швейных изделий», «социальная педагогика», «технология продукции общественного питания» наблюдается наивысшая концентрация женщин. Женщины все больше заняты в отраслях сектора услуг и обслуживания, в связи с более низкой заработной платой в этих отраслях и невысокой концентрацией конкурентной мужской рабочей силы;	– По численности студентов и числу вузов Тверская область занимает последние места в ЦФО. Развитие государственного и коммерческого образовательных комплексов по сравнению с другими областями протекает менее прогрессивно; – В Тверской области падает квалификационный потенциал профессорско-преподавательского состава всех уровней профессионального образования; – Более высокий уровень оплаты научных кадров в московском и Санкт-Петербургском регионах способствует оттоку наиболее квалифицированного и интеллектуального человеческого капитала из Тверской области;

Окончание таблицы 1

	– Высокое качество человеческого потенциала, стимулирует быстрое развитие инновационной экономики [10].	– Число абитуриентов, поступающих в учебные заведения тверского региона, неуклонно сокращается; – Научно-инновационный потенциал используется преимущественно в интересах иных регионов.
	Трудовые ресурсы	
16	– Ежегодные объемы высвобождения не превысят показатели 2011 года и составят порядка 6,5 тыс. человек, а ежегодная численность граждан, ищущих работу при содействии органов службы занятости, будет на уровне 67,0 – 70,0 тыс. человек. – В ближайшие два-три года на территории тверского края будут реализовываться свыше 30 крупных инвестиционных проектов в различных отраслях экономики с перспективой создания около 15,0 тыс. рабочих мест. В связи с этим будут востребованы квалифицированные кадры рабочих, владеющих несколькими рабочими специальностями и специальными навыками по смежным профессиям [11].	– Несбалансированность рынка труда (профессиональное и территориальное несоответствие спроса и предложения рабочей силы); – Относительно высокий уровень незанятости сельского населения в отдельных районах области; – Нестабильное финансовое положение целого ряда предприятий, сохраняющиеся проблемы на финансовом рынке, слабые конкурентные позиции продукции при снижающемся потребительском спросе.
	Потенциал региона и риски инвестирования [12]	
17	– Рейтинг инвестиционного климата тверского региона с 1998 года по настоящее время остается неизменным – пониженный потенциал – умеренный риск.	– В ближайшем будущем рейтинг будет понижен по причине накопления Тверской областью за 2011-2012 гг. краткосрочных обязательств, которые привели к дефициту бюджета в размере 17 млрд. руб.

Результаты анализа свидетельствуют, что из всех составляющих общересурсного потенциала наиболее востребованными в настоящее время являются ресурсы географического положения Тверской области, делающие ее привлекательной для развития индустрии туризма и инвестиций.

Однако экономика тверского региона находится в сильной зависимости от экономического центра России – г. Москва, что создает значительные трудности как для увеличения темпов роста, так и существенного улучшения сценария развития экономики Тверской области.

Литература

1. Савельева М.В. Уникальные преимущества как критерии регионов – «локомотивов роста» // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 2. – С. 20-25.
2. Белоусов О.А. Территориально-географическая специфика и особенности миграционных процессов Тверского региона // Вестник ТГУ. – 2010. – Вып. 6, с. 59-64
3. Тверскую АЭС планируется построить в Ржевском районе. URL: <http://www.tver-portal.ru/jandeks->

- novosti-menju/368-tverskiju-aes-planiruetsja-postroit-v-rzhevskom-rajone.html.
4. Белоусов О.А. Основные демографические и социально-экономические показатели ресурсобеспеченности современных молодых семей тверского региона // Местное самоуправление в РФ. 2009. № 1–2. С. 53-62.
 5. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики, М.: Поматуп, 2005.
 6. Региональные особенности и тенденции динамики ВПП. URL: http://www.rau.su/observer/N10_2003/10_10.HTM.
 7. Информационно-аналитический бюллетень «Социально-экономическое положение в 2010 году». – Тверь: Тверьстат, 2011.
 8. Туристский потенциал Тверской области. URL: <http://www.tverturism.ru/info.php?id=35>.
 9. Белоусов О.А. Ресурсный потенциал современной молодой семьи: опыт комплексного подхода: Монография / О.А. Белоусов. – Тверь: ТвГУ, 2009.
 10. Белоусов О.А. Региональные особенности образовательного уровня населения (на примере Тверской области) // Креативная экономика. – 2010. – № 7. – С.76-81.
 11. Управление экономическими ресурсами и координация инвестиционных процессов в региональном разрезе // European Social Science Journal. – 2011. – № 7. – С. 352-360.
 12. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2010–2011 гг.: риск, с которым трудно управиться. URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions>.
-

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

MUNICIPAL UNITS: DIRECTIONS AND METHODS OF RESEARCH

Гордеева Т.Н.

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Забайкальский край, Россия*

Gordeeva T.N.

*Zabaikalsky state university,
Chita, Zabaikalye Territory, Russia*

*В статье представлены некоторые результаты исследования муниципальных образований
Забайкальского края РФ. Представлена методика сбора данных о населении муниципальных*

образований, основанная на психолингвистическом подходе. В результате типологического и факторного анализа получена типология муниципальных образований, включающая четыре типа, различающихся по уровню социально-экономического развития и критерию «системной сложности». Показаны дальнейшие направления разработки темы.

Ключевые слова: муниципальное образование; муниципальное управление; типологический анализ, факторный анализ, сбор данных, психолингвистический подход.

The article is concerned certain results of research of the Zabaikalye Territory municipal units. The methods of collection of information about population of municipal units are submitted. The psycholinguistic approach is basis of these methods. On the base of typological and factor analysis the authors created the Zabaikalye Territory municipal units typology that consists of four types each of which is different according to its level of socio-economic development and such a criterion as «system complexity». The directions of research topics are defined.

Keywords: *municipal units; municipal administration; typological analysis; factor analysis; collection of information; psycholinguistic approach.*

Тема нашего исследования – моделирование социальных процессов муниципальных образований Забайкальского края РФ, с учетом их региональных особенностей. Объектом исследования выбраны муниципальные образования как специфические территориальные общности. Реформы, происходящие в России, приводят к изменению традиционных укладов жизни в малых городах и сельских поселениях, которые всегда были не только местом проживания, работы, приобщения к социокультурным традициям, но и возможностью самореализации людей. Реформа местного самоуправления в России изменила административно-территориальную структуру страны. В ходе реформы деление поселений страны на города и поселки, села и деревни в составе административных районов, которое складывалось столетиями, было заменено на городские округа, муниципальные районы, городские и сельские поселения. Многие населенные пункты с исторической традицией уездных городов, районных центров получили подчиненный статус городских поселений. В Забайкальском крае

это восемь городов из десяти, в том числе три из них бывшего областного подчинения: Баян-Ола, Борзя, Краснокаменск и пять городов районного значения: Могоща, Нерчинск, Сретинск, Хилок, Шилка. На месте административных районов, в их же границах возникли муниципальные районы с заново созданной инфраструктурой, но по факту сохранившие прежние административные функции, формально ставшие чуждыми. Изменились полномочия и ответственность местных органов власти за обеспечение жизнеспособности поселений. В результате возникают проблемы в управлении муниципальными образованиями.

На кафедре государственного и муниципального управления Забайкальского государственного университета с апреля 2011 г. проводится научно-исследовательская работа, целью которой является разработка и внедрение адекватных имитационных моделей с использованием современных программных продуктов в систему муниципального управления для принятия эффективных управленческих решений. Модели системы муниципального образования и происходящих

процессов разрабатываются на основе качественной, релевантной информации. Данные о численности населения, демографических, экономических и социальных показателях, основных видах деятельности нами были взяты из официальных статистических сборников. Но, несмотря на то, что создаются «Паспорта муниципальных образований», сведения, которые в них содержатся, не точны, отдельные разделы информации не доступны, сокращена система показателей в разрезе муниципальных образований. Существующая система сбора, систематизация и доведение до пользователей статистической информации не отвечает требованиям времени. Выбор, отслеживаемых региональными комитетами государственной статистики показателей, базируется на соблюдении определенных требований Госкомстата России, а не на потребностях органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления [1].

Кроме того, научный подход к управлению муниципальными образованиями затруднен отсутствием какой-либо типологии муниципальных образований, на основании которой можно разработать типовые методы управления (например, имитационные модели системы муниципального образования, входящих подсистем или отдельных процессов). Есть возможность использовать существующую типологию поселений по численности. Но данная типология поселений включает достаточно большое количество типов. Кроме того, мы уже указали на специфику муниципальных образований, которая заключается в том, что им может быть отдельное поселение – город, село, поселок; один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов или часть города.

Результатами проведенного исследования стала типология муниципальных образований Забайкальского края. В основе проведенного ти-

пологического анализа муниципальных образований (муниципальных районов) Забайкальского края лежит методика, предложенная группой ученых для изучения сельских поселений [2,3].

Для построения типологии нами была определена система индикаторов, характеризующих социально-экономическое положение муниципальных образований (муниципальных районов) Забайкальского края. Она отражает функции муниципальных образований, их место в более широких системах (территориальных, производственных, административно-управленческих и т.д.), особенности развития основных подсистем и системообразующих связей, системную сложность.

Решение задачи экстремальной группировки исходной системы индикаторов, описывающих изучаемые нами муниципальные образования Забайкальского края, позволило выделить эффективную подсистему, включающую 26 социально-экономических индикаторов. Коэффициент КМО, равный 0,785, характеризует достаточно высокий уровень возможности интерпретации полученной матрицы.

Сравнительный анализ вариантов группировки параметров показал преимущество двухфакторного решения, а итоговая типология социальных статусов муниципальных образований, полученная пересечением частных классификаций, включает в себя 4 типа.

Для каждого получившегося типа можно составить специфический социально-экономический «портрет». Некоторые средние значения индикаторов четко интерпретируются с содержательной точки зрения. В пользу обоснованности выделения именно таких типов говорит их соответствие исходным теоретическим представлениям об изучаемом объекте.

Построенная типология обладает высокой дифференцирующей силой по отношению к ряду

явлений, происходящих в поселениях муниципальных образований, характеристики которых непосредственно не участвовали в построении типологии и лишь косвенно связаны с достигнутым социально-экономическим положением и уровнем системной сложности. Это касается особенностей формирования населения, характера миграционного движения, структуры формирования личных доходов и т.д.

Различия названных параметров по выделенным типам поселений свидетельствует о том, что принадлежность к типу является существенной структурной характеристикой объекта и в значительной мере определяет основные социальные процессы, происходящие в муниципальных образованиях Забайкальского края.

Данная типология позволяет получить эффективный инструмент для изучения и оценки достигнутого уровня развития муниципальных образований Забайкалья, разработки качественных управленческих решений местной власти, моделирования систем муниципальных образований, подсистем и происходящих процессов. Построенная типология по предложенной методике обеспечивает решение поставленных задач [4].

Для получения дополнительных данных о населении, о проблемах муниципальных образований, об отношении людей к поселениям, в которых они живут, работают, реализуют свой потенциал, было проведено пилотажное социологическое исследование в нескольких муниципальных образованиях Забайкальского края в апреле-июне 2011 г.

Исследование включало анкетный опрос жителей по нескольким темам.

Для анализа социальной структуры были включены вопросы о возрасте, образовании, социальном статусе, доходах респондентов. Для оценки социальной идентификации были ис-

пользованы закрытые вопросы о желании жить и работать в данном населенном пункте, о желании того, чтобы здесь жили дети и внуки. Были включены вопросы о «местных корнях» (количество лет прожитых в данном населенном пункте) и достопримечательностях малой родины.

Одной из задач, которая была решена в результате исследования, был сбор данных, позволяющих сделать оценку уровня социального взаимодействия в поселениях края – как возможности реализовать потенциал местного самоуправления (самоорганизации и решения каких-то вопросов сообща) и эффективного осуществления муниципального управления (целенаправленного воздействия со стороны местных органов власти). Кроме того, важной задачей социологического опроса было получение сведений об эмоциональном отношении респондентов к месту проживания, соседям, власти для оценки деятельности местных администраций, политической активности местных жителей.

На наш взгляд, при конструировании анкеты интересным и плодотворным было использование методики, в основу которой был положен психолингвистический подход. В отличие от других специальных процедур, методики, основанные на принципах психолингвистического подхода, прекрасно «встраиваются» в контекст опросного листа и не требуют особых и подробных указаний относительно работы над заданием.

В качестве первичного материала для социологического исследования были взяты русские пословицы, которые в силу своей универсальности, могут быть средством для выявления различных сторон группового сознания.

Предложенные пословицы были протестированы методом факторного анализа. Степень применимости факторного анализа для данной выборки характеризуется высокой адекватностью по критерию Кайзера-Мейера-Олкина равной

0,787. Выбранные пословицы были сгруппированы в 6 основных групп, интерпретация которых позволила выделить группы пословиц, определяющие:

- отношение к месту жительства («где родился, там и пригодился», «в гостях хорошо, а дома лучше», «в каком городе живешь, того обычая и держись» и др.);
- отношение к тому, какой должна быть местная власть («добрый пастух не о себе печется, о стаде», «артель атаманом крепка», «дружба дружбой, а служба службой» и др.);
- отношение к законам и законности власти («закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло», «не бойся суда – бойся судьи», «что мне законы, были бы судьи знакомы» и др.);
- отношение к тактическим и стратегическим целям («лучше синица в руках, чем журавль в небе», «человек предполагает, а Бог располагает», «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» и др.).

Эти пословицы были предъявлены респондентам для оценки согласия с предложенным высказыванием по шкале: не согласен (1) – полностью согласен (10).

Анализ проводился путем определения среднего значения для поставленных оценок: «где родился, там и пригодился» – среднее значение 5,7171; «жить в деревне – не видать веселья» – 4,6908; «в каком городе живешь, того обычая и держись» – 6,1842; «в гостях хорошо, а дома лучше» – 9,0197; «своя рубашка ближе к телу» – 7,5000; «где покос отведут, там и коси» – 6,9211.

Полученные результаты говорят об относительно высоком уровне идентификации с местом проживания. Этот результат подтверждается

результатами обработки ответов на «обычные» вопросы анкеты, позволяющие оценить степень самоидентификации жителей как «местных, своих» [5].

В качестве маркера социальной идентификации жителей муниципальных образований были взяты средние значения ответов на вопросы о наличии перспектив в развитии для данного муниципального образования и желания того, чтобы в данном месте жили их дети и внуки. Уверены в наличии перспектив для своего муниципального образования 21,1 % опрошенных, с надеждой смотрят в будущее 42,3 %, сомневаются в перспективах развития 31,0 %, однозначно не видят перспектив лишь 1,4 %. Респондентов, которые хотели бы, что бы их дети и внуки жили здесь независимо ни от чего 8,5 %; тех, кто несмотря ни на что не хотел бы, чтобы на малой родине жили дети и внуки – 31,0 %; хотели бы, чтобы здесь остались дети и внуки, если будут созданы для этого возможности 16,9 % жителей; затруднились ответить 40,8 %.

Оценка отношения к власти, выраженного в пословицах, в среднем немного ниже у мужчин, чем у женщин (5,500 и 6,900), у молодых, чем у старших поколений. Нами установлена определенная взаимосвязь между показателями социальной идентификации и оценкой деятельности местных администраций. Респонденты, которые высоко оценили усилия власти, хотят, чтобы здесь остались жить дети и внуки, если для этого будут возможности и с надеждой говорят о перспективах муниципального образования.

Полученные данные позволяют определить проблемные сферы социального взаимодействия в поселениях муниципальных образований. В первую очередь, можно выделить проблемы взаимодействия властных структур и местного населения. Низкий уровень доверия к местной власти подтверждается результатами проведен-

ного исследования. Руководителям муниципальных образований такая информация необходима для принятия эффективных решений, прогноза их результата и достижения поставленных целей [6].

Представленные результаты позволяют расширить знание о социально-территориальных общностях с одной стороны, и эффективно управлять муниципальными образованиями на благо местного населения, с другой.

Исходя из заявленной темы, мы не останавливаемся на достигнутых результатах. Совмещение различных методик в анкете представляет собой одну из возможностей создания «собственного» инструмента для снятия социальной информации, необходимой для эффективного управления муниципальными образованиями. Типологиче-

ский анализ муниципальных образований Забайкальского края будет дополнен разработкой типологии по следующим основаниям: с учетом «локальности», стратификации. Значительный интерес для системного изучения муниципальных образований представляет разработка и использование обобщенной статико-динамической типологии, которая сконцентрирует в себе результаты исследования, как достигнутого уровня, так и направлений и темпов дальнейшего развития муниципальных образований.

Данные, полученные посредством различных методов, после проведения специальных процедур формализации могут быть использованы для создания имитационных моделей системы муниципальных образований и процессов, в них происходящих.

Литература

1. Муниципальная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа www.budgetrf.ru/Publications/2004/Budgeting/Federal/ofd/econ20034120Mpln/econ200341200Mpln130.html, свободный. Заглавие с экрана. Дата обращения 12.02.2012.
2. Пути социального развития деревни. Сборник научных трудов. Под ред. Т.И. Заславской, Л.А. Хухулиной. Новосибирск, 1978.
3. Развитие сельских поселений. Под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. М., Статистика, 1977.
4. Гордеева Т.Н. Типологический анализ муниципальных образований Забайкальского края // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №5(13), 2012. – Режим доступа: URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/5/gordeeva.pdf>.
5. Гордеева Т.Н. Сбор информации в муниципальном образовании: методологические особенности конструирования анкеты // Вестник Читинского государственного университета (Вестник ЧитГУ) № 5 (84). – Чита: ЗабГУ, 2012. – С. 86-92.
6. Гордеева Т.Н. Социальная идентификация жителей муниципальных образований Забайкальского края // Теория и практика общественного развития [Электронный ресурс]. 2012. № 2. Шифр Информрегистра 0421200093\0085. Режим доступа: <http://teoria-practica.ru/-2-2012/sociology/gordeeva.pdf>.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ В КОРПОРАТИВНОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ СЕКТОРАХ: КРИТЕРИИ И ФАКТОРЫ ОЦЕНКИ

THE EFFECTIVENESS OF GOVERNANCE IN THE CORPORATE AND PUBLIC SECTORS: THE CRITERIA AND FACTORS OF ASSESSMENT

Воронина Е.В., Исаева И.А., Курамшина А.В.

*Сургутский государственный университет ХМАО – Югры,
г. Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Россия*

Voronina E.V., Isaeva I.A., Kuramshina A.V.

*Surgut State University of KhMAO – Ugra,
Surgut, Khanty-Mansiysky Autonomous Okrug – Ugra, Russia*

В статье описываются критерии оценки эффективности управления и факторы, на нее влияющие. Описывается трансформация критериев оценки эффективности управления. Характеризуются критерии эффективности управления финансами в корпоративном и общественном секторах. Выделяются возможности и трудности применения подходов к оценке эффективности.

Ключевые слова: *эффективность управления, управление финансами, критерии оценки, подходы к оценке, общественный сектор, корпоративный сектор.*

The article describes the criteria for evaluating the effectiveness of management and the factors influencing it. Describes the transformation of the criteria for the evaluation of the efficiency of management. The criteria of effectiveness of financial management characterized in the corporate and public sectors. Highlights the opportunities and challenges of approaches to the assessment of effectiveness.

Keywords: *the efficiency of the management, financial management, evaluation criteria, evaluation approaches, public sector, corporate sector.*

Концепция эффективности сложна и многомерна. Эффективность не поддается односторонней оценке, поэтому многие менеджеры испытывают трудности при выборе методов оценки, основанных на измерении таких характеристик, которые нельзя точно описать количественно. Кроме этого, выбрать однозначный критерий эффективности управляющих воздействий и оценить их практическую значимость также не всег-

да возможно.

Современная оценка эффективности имеет достаточно много критериев, показателей и их систем. Однако они, как правило, разрабатываются для отдельных функций, связующих процессов и подсистем управления. Системы показателей являются весьма модными в оценке эффективности управления. В теории и практике часто это инструмент стратегического и текуще-

го менеджмента. Тесная связь оценки эффективности управления наблюдается со стратегией. Но связь показателей эффективности управления представлена все-таки слабо.

Общую эффективность в реальных организациях трудно измерить, поскольку на оценку эффективности большое влияние оказывает субъективный фактор лица, разрабатывающего соответствующий алгоритм оценки. Также оценка эффективности вызывает определенные трудности, связанные с оценкой эффекта от управляющих воздействий и их практической значимости. Еще Р. Дафт выделил подходы, которые называл ситуационными, к измерению эффективности (*contingency effectiveness approaches*). Традиционными среди них считаются [1, с. 53-62]: ресурсный подход, подход внутренних процессов и целевой подход.

Некоторые авторы пытаются строить системы для оценки эффективности управления, используя две позиции – экономической и социальной эффективности управления. Кибанов А.Я. [2, с. 3-6], говоря об экономической эффективности, выделяет экономический эффект от совершенствования управления организацией, образуемый в сфере управления, в сфере производства и в сфере эксплуатации продукции (услуги).

Критерии эффективности как формализованное выражение цели управления объектом неоднородны. Среди них, по мнению, Волощука С.Д., можно выделить такие группы, как экономические, рыночные, производственно-технические и общественные [3, с. 5]. Производственно-технические критерии играли большую роль в условиях административно-командной экономики. Рыночная экономика диктует необходимость оценивать организацию с позиции рыночных и экономических критериев. Каждый из подходов раскрывает одну из сторон деятельности. Можно говорить об актуальности концепций,

характеризующих эффективность бизнеса. Одним из современных подходов к оценке эффективности является подход акционеров (подход заинтересованных сторон) (*constituency approach*), в котором акцент в оценке перемещается на тех, кто заинтересован в ее работе. Причем, акционер (*stakeholder*) здесь – это любая группа лиц, заинтересованная в результатах работы: кредиторы, поставщики, работники и владельцы компании. Оценка того, как организация выполняет свои функции по отношению к каждой группе, позволяет определить общую эффективность организации. В этом подходе понятие эффективности является более широким, что считается позитивным фактором: здесь учитываются внутренние условия и внешние факторы, социальный аспект, что дает возможность работать сразу с несколькими критериями. Изначально принимается во внимание такой факт, что не существует единственной шкалы для измерения эффективности.

Остановимся на особенностях оценки эффективности управления в корпоративном и финансовом секторах.

Исходя из главной цели финансового управления в корпоративных структурах, на современном этапе основой определения эффективности финансов корпорации выступает концепция *Value-Based Management* – управление, основанное на стоимости (ценности) (далее – *VBM*), которая появилась в 1980-90-х гг. В рамках практического применения концепции *VBM* появился целый ряд в общем-то новых показателей, отражающих процесс создания стоимости компании.

Существует множество путей измерения ценности для акционеров, но два, наиболее хорошо известные, «ведут» за собой остальные. Первый – это суммарная доходность акционеров, второй – экономическая прибыль [4, с. 22].

Суммарная (или полная) доходность акционеров (*Total Shareholder Return* (или *Revenue*),

TSR), являясь наиболее важным измерителем созданной ценности, представляет собой сумму двух компонентов, которые отражают выгоды акционеров от владения акциями [4, с. 22; 5, с. 291; 6, с. 81]: процентное повышение цены акции за изучаемый период; норма дивиденда, реализованная в течение данного периода, выраженная как процент от цены акции. Полная доходность акционеров TSR позволяет сопоставить изменение стоимости акции и суммы дивидендов, полученных акционером за период, с начальной ценой акции. К числу недостатков TSR относятся: использование только для оценки эффективности компании в целом (не бизнес-единиц), невозможность отражения качества работы менеджеров ввиду влияния внешних, рыночных факторов систематического характера (с точки зрения риска). В то же время, при использовании показателя TSR используются данные об исторических ценах акций, что обеспечивает, с нашей точки зрения, достоверность проведенных расчетов – это преимущество рассмотренного показателя.

Полным аналогом показателя суммарной доходности акционеров выступает показатель суммарной доходности бизнеса (Total Business Return, TBR) [6, с. 81] с тем отличием, что он выводится аналитически и применяется, как правило, для компаний, не являющихся публичными. TBR измеряет историческую доходность, заработанную компанией, и показывает пороговую норму доходности для будущих показателей деятельности. Разница между TSR и TBR рассматривается как вклад внешних, т.е. рыночных, факторов в создание ценности [6, с. 82].

Компании, применяющие систему менеджмента, основанного на ценности (Value-Based Management) для внутренних целей, зачастую используют второй, более популярный измеритель ценности. Он известен как «экономическая прибыль» и измеряет доход (или прибыль), за-

работанный компанией за данный период, после вычета стоимости капитала, инвестированного в бизнес [4, с. 22]. Экономическая прибыль зачастую рассматривается как «внутренний измеритель VBM», который в долгосрочном плане выступает в качестве эталона ценности для акционеров, измеряемой ими через TSR.

Из всех существующих показателей, предназначенных для оценки процесса создания стоимости компании, самым известным и распространенным является экономическая добавленная стоимость (Economic Value Added, EVA) [4; 6, с. 68-69; 7, с. 12; 8 и др.]

Также как и в случае расчета чистой приведенной стоимости, положительное значение EVA характеризует эффективное использование капитала, значение EVA, равное нулю, характеризует норму возврата на вложенный капитал, компенсирующую риск, отрицательное значение EVA характеризует неэффективное использование капитала.

В рамках макроэкономического масштаба производительность капитала – фактор, оказывающий наибольшее влияние на экономику и, как следствие, на рост ВВП. Для любой экономики характерен некий «запас» капитала, что приводит к появлению нового ВВП. Чем более производитель капитал, тем больший ВВП мы имеем. Следовательно, достижение максимально возможного положительного значения EVA является не только положительным фактором для акционеров в рамках управления стоимостью компании, но и для всей экономики и важно для каждого конкретного индивидуума в более широкой перспективе. Практически данный момент характеризует возможности наиболее эффективного перераспределения капитала от одной отрасли к другой, что позволяет отрасли развиваться и получать дополнительные доходы [9].

Кроме того, для оценки эффективности фи-

нансов в корпоративном секторе применяют и другие показатели, однако при оценке стоимости они обладают высокой долей субъективизма: добавленная рыночная ценность (Market Value Added, MVA) [6]; добавленная денежная ценность (Cash Value Added, CVA) [6]; добавленная экономическая стоимость (Shareholder Value Added, SVA) [8]. Для определения CVA используется также внутренняя норма доходности по существующим инвестициям с учетом временной стоимости денег (Cash Flow Return on Investment, CFROI) [5, с. 291], который часто называют Residual Cash Flow (RCF) [8].

Таким образом, несмотря на обширный методический инструментарий оценки стоимости корпорации, ни один из рассмотренных показателей не является идеальным, имеет свои ограничения в применении. Кроме этого, любой из них (показателей) не является абсолютно объективным, особенно в части прогнозирования денежных потоков и определения ставок дисконтирования.

Руководители современных организаций находят все более новые способы измерения эффективности. Например, через измерение удовлетворенности работников, «восхищение покупателей».

Трансформация экономики предопределяет и трансформацию взглядов, характерных для концепции эффективности и ее оценки. Показателем общественной полезности объектов экономики, отражающим наличие внешних эффектов, выступает их общественная стоимость. Данная величина имеет сложную природу, в ее составе могут быть выделены различные типы стоимости использования, связанные с удовлетворением потребностей общества по потреблению благ, а также ряд стоимостей неиспользования, которые отражают возможности по удовлетворению потенциальных потребностей общества.

Для оценки деятельности государственного сектора экономики необходимо пользоваться общественными критериями. Так, согласно международным стандартам финансовой отчетности общественного сектора, выделяется критерий, по которому можно разграничить понятия частной и государственной организации. Этим критерием служит сервисный потенциал. Целью создания частной организации являются деньги, она достигается с помощью предоставления услуг. В отличие от этого, государственная организация создается с целью предоставления услуг, способом достижения цели являются деньги. Поэтому оценивать организации общественного сектора вышеизложенными критериями сложно.

Говоря об эффективности управления общественными финансами, в условиях бюджетирования, ориентированного на результат, следует отметить, что остаются нерешенными ряд проблем методического характера. Так, внимания специалистов требует формирование критериев оценки эффективности использования бюджетных средств.

Критерии оценки эффективности представляют собой качественные и количественные характеристики процессов и результатов использования государственных средств, которые показывают, какие результаты являются свидетельством эффективного использования государственных средств.

Всемирный банк в рамках системы оценки эффективности управления общественными финансами установил следующие критерии оценки:

- 1) реалистичность бюджета;
- 2) полнота и прозрачность (мониторинг за бюджетными и финансовыми рисками, общедоступность и открытость финансовой и бюджетной информации);
- 3) составление бюджета в соответствии с целями государственной политики;

4) предсказуемость и контроль в процессе исполнения бюджета;

5) учет, ведение документации и отчетность;

6) внешний контроль и аудит.

Критерии оценки эффективности использования бюджетных средств должны включать в себя [10, с. 26-29]:

1. Правовые критерии. Основным признаком эффективности служит отсутствие нарушений законодательства в процессе реализации программ, деятельности органов власти, учреждений.

2. Экспертные критерии. Признаком эффективности является отсутствие жалоб и положительные отзывы населения о реализации программ, деятельности органов власти, учреждений.

3. Социальные критерии. Оценка эффективности осуществляется на основании заключения независимых экспертов о социальной эффективности деятельности органов власти, учреждений.

4. Прагматические критерии – оценка эффективности осуществляется по конечным результатам.

Следует отметить, что правовые, экспертные и социальные критерии оценки эффективности использования бюджетных средств формируются аналитически на основе интеграции объективных и субъективных оценок. Прагматические критерии наиболее объективны, формализованы с применением количественных методов оценки.

Для оценки эффективности государственных программ, кроме критериев эффективности и результативности можно предложить следующие критерии:

1) целесообразность (релевантность) – соответствие цели проекта тем задачам, которыми предстояло заняться в рамках проекта, а также условиям физического и стратегического харак-

тера, в которых осуществлялся проект, включая анализ качества подготовки и структуры проекта – логику и завершенность процесса планирования проекта, а также внутреннюю логику и согласованность со структурой проекта;

2) контролируемость проекта – наличие четкого функционального, ресурсного и временного закрепления, наличие механизмов мониторинга и освещения в СМИ, наличие системы самооценки на различных этапах реализации программы;

3) устойчивость – оценка вероятности того, что преимущества и выгоды от проекта продолжат поступать после завершения внешнего финансирования. Необходимы конкретные ссылки на факторы, связанные с правом собственности, принадлежащим бенефициарам, на фактор политической поддержки, на экономические и финансовые факторы, на аспекты социально-культурного характера, на фактор гендерного равенства, наличия должной технологии, экологических аспектов, а также на факторы институционального и управленческого потенциала.

Кроме общих критериев оценки эффективности использования бюджетных средств каждая программа должна иметь и частные критерии.

Выбор критериев эффективности – очень сложный и ответственный момент в оценке эффективности. При этом должны соблюдаться основные принципы этих критериев: объективность, четкость, сравнимость, достаточность.

Оценка эффективности должна стать инструментом обратной связи между представителями органов власти, юридическими и физическими лицами и программой. На основе оценки должны приниматься взвешенные, экономически рациональные решения, касающиеся деятельности органа власти, реализации программы, повышения их эффективности и результативности.

Грамотно проведенная оценка способствует улучшению механизмов предоставления бюд-

жетных услуг, повышению эффективности и меньшей затратности реализуемых программ. Оценка эффективности использования бюджетных средств повышает прозрачность и должна играть важную роль в процессе бюджетной отчетности.

Стоит отметить, общественные критерии в настоящее время приобретают большое значение и для коммерческого сектора, так как на рыночную стоимость оказывает большое влияние то, как организация строит свои отношения со средой хозяйствования.

Таким образом, категория эффективности является как самостоятельной категорией, так и критерием оценки функций и связующих процессов в управлении. Эта категория используется при оценке предприятий различных организационно-правовых форм и видов деятельности, а также различных процессов: внутреннего контроля [11], эффективности управления в системе банкротства [12], управления персоналом [2] и многих других. На оценку эффективности влияет

множество факторов, как объективных, связанных с оценкой эффекта от управляющих воздействий и их практической значимости, так и субъективных, имеющих отношение к лицам, выбирающим критерии, показатели, и осуществляющих оценку. Говоря, например, об оценке стоимости корпорации, можно сказать, что, несмотря на обширный методический инструментарий, практически отсутствуют показатели, которые можно было бы применять без каких-либо ограничений, так как они не являются абсолютно объективными, особенно в части прогнозирования денежных потоков и определения ставок дисконтирования. Следует понимать, что не существует единственной шкалы для измерения эффективности. Эффективность – это сложная и многомерная конструкция, которую следует оценивать комплексно, стараясь учитывать все факторы, влияющие на деятельность хозяйствующих субъектов в конкретной ситуации. Только так можно выбрать критерии, показатели и индикаторы, которые будут объективно характеризовать процесс (объект, явление) в конкретной ситуации.

Литература

1. Дафт, Р. Организации. Учебник для психологов и экономистов / Р. Дафт. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 480 с.
2. Кибанов, А.Я. Управление персоналом: теория и практика. Оценка экономической и социальной эффективности управления персоналом организации: учеб.-практ. пособие / Под ред. А.Я. Кибанова. – Москва: Проспект, 2012. – 48 с.
3. Волощук, С.Д. Оценка эффективности управления объектами оборонно-промышленного комплекса на основе показателя общественной стоимости / С.Д. Волощук. – М.: Наука, 2009. – 232 с.
4. Эшуорт, Г. Менеджмент, основанный на ценности (Value-based management): как обеспечить ценность для акционеров: Пер. с англ. / Г. Эшуорт, П. Джеймс. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 190 с.
5. Никонова, И.А. Стратегия и стоимость коммерческого банка / И.А. Никонова, Р.Н. Шамгунов, 3-е изд. – М.: «Альпина Бизнес Букс», 2007. – 304 с.
6. Лобанова, Е.Н. Финансовое обоснование стратегических решений в российских корпорациях / Е.Н. Лобанова, В.П. Паламарчук, В.Б. Минасян. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. – 520 с.

7. Никитушкина, И.В. Корпоративные финансы: учеб. пособие / И.В. Никитушкина, С.Г. Макарова, С.С. Студников. – М.: Эксмо, 2009. – 576 с.
8. Степанов, Д. Value-based management и показатели стоимости [Электрон. ресурс] / Д. Степанов. – Режим доступа: <http://d-stepanov.narod.ru/> Загл. с экрана. Дата обращения 09.07.2012.
9. Щербакова, О. Методы оценки и управления стоимостью компании, основанные на концепции экономической добавленной стоимости [Электрон. ресурс] / О. Щербакова // Финансовый менеджмент. – №3. – 2003. Режим доступа: <http://www.finman.ru/articles/2003/3/695.html> Дата обращения 09.07.2012.
10. Сильвестрова, Т. Критерии оценки эффективности использования бюджетных средств при современной модели управления бюджетными ресурсами / Т. Сильвестрова // Бюджетные организации: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2007. – №5. – С. 26-29.
11. Горячева, О.П. Внутренний аудит : монография / О.П. Горячева // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».
12. Дорохина, Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства / Е.Г. Дорохина // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис».

ПОДХОДЫ К ФИНАНСОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРЕДПРИЯТИЯ НА ОСНОВЕ ИНСТРУМЕНТОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ

APPROACHES TO THE FINANCIAL SUPPORT OF THE COMPANY BASED FINANCING INSTRUMENTS

Есымханова З.К.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан*

Yessymkhanova Z.K.

*Eurasian National University. LN Gumilev,
Astana, Kazakhstan*

В данной статье рассмотрены различные подходы к финансовому обеспечению предприятия с использованием современных инструментов финансирования. На основе исследования правовых и практических аспектов и даны рекомендации по эффективному финансовому обеспечению предприятия.

Ключевые слова: инструменты финансирования, лизинг, рынок ценных бумаг, акции, облигации, факторинг, форфейтинг, инвестиции.

This article describes the different approaches to financial security company with modern financing instruments. Based on the study of legal and practical aspects and recommendations for effective financial security company.

Keywords: *financial instruments, leasing, stock market, stocks, bonds, factoring, forfeiting, investments.*

Актуальность данной проблемы обусловлена сложностью поиска инструментов финансирования в условиях децентрализации финансового обеспечения предприятий. Известно, что финансовая политика предприятия проявляется в системе форм и методов мобилизации финансовых ресурсов, их распределения и использовании на основе финансового законодательства страны.

Организация финансовой деятельности предприятий должна иметь такой же приоритет, как и виды деятельности, которые приносят доход. Механизм формирования финансовых ресурсов на промышленном предприятии зависит от множества факторов при взаимодействии производственных, организационных, управленческих решений и собственно от финансовой политики каждого предприятия. Экономисты утверждают, что средства фирмы, направляемые на покупку ресурсов, входят в ее производственные издержки, поэтому фирма стремится использовать ресурсы в таком количестве и сочетании, которое позволит ей получить максимальную прибыль [1, с.131].

Постоянной проблемой всегда остается выбор и определение реальных источников формирования финансовых ресурсов, которые затем уже будут оцениваться с позиции их эффективности.

Выделим подходы к формированию финансовых ресурсов предприятий на основе инструментов финансирования, в разрезе традиционных и альтернативных.

В условиях рыночной экономики промышленным предприятиям целесообразно прибегать не только к традиционным, а в большей степени к современным и альтернативным подходам формирования финансового потенциала с целью увеличения объемов производства и повышения конкурентоспособности продукции, а также реализации и расширения своих экспортных возможностей

На данном этапе развития экономики многие предприятия испытывают нехватку финансовых ресурсов для своего функционирования. Кроме того, также основные производственные фонды большинства промышленных предприятий Казахстана находятся на стадии полного физического износа и, что наиболее важно, морально устарели. В этой связи проблема обновления, модернизации, перевооружения и реконструкции производственного потенциала очень актуальна. В настоящее время предприятиям необходимо применять современные способы формирования финансовых ресурсов. Остановимся на некоторых из них: лизинг, эмиссия ценных бумаг, факторинг, форфейтинг и инвестиции.

Лизинг является новой, нетрадиционной, дополнительной системой финансирования ресурсного потенциала предприятий, в которой задействованы арендные отношения, элементы кредитного финансирования под залог, расчеты по долговым обязательствам и прочие финансовые механизмы.

В Республике Казахстан ведется достаточно огромная работа по совершенствованию лизин-

говых отношений в стране, действующий закон РК «О финансовом лизинге», направлен на привлечение инвестиций на основе лизинговой деятельности, в том числе пополнения финансовых ресурсов различных субъектов хозяйствования. [2].

В настоящее время основные производственные фонды большинства промышленных предприятий Казахстана требуют реального обновления, при этом изыскивая наиболее доступные, приемлемые пути пополнения финансовых ресурсов. Считается, что одним из таких источников финансирования является лизинг.

В современный период при совершении лизинговых операций залоговым обеспечением являются: основные средства (земля на праве частной собственности или на праве землепользования на пашни под зерновые культуры, сельскохозяйственная техника, транспортные средства, недвижимое имущество, оборудование и др.); наиболее ликвидные оборотные активы (зерно и др.); гарантии банков и других юридических лиц; депозиты и др., что свидетельствует о доступности лизинга многим предприятиям, хотя именно проблемы залогов достаточно осложнены.

Следует отметить, что в данный период лизинг более широкое применение получил преимущественно в аграрном секторе. Безусловно, этот сектор экономики наиболее нуждается в использовании лизинга при обновлении и пополнении специализированной и другой техники и оборудования. Но есть необходимость создания и промышленного лизинга, так как доля промышленной продукции в общем объеме произведенной продукции и доля промышленности в ВВП растет из года в год.

Экономисты отмечают положительные стороны лизинга и, увязывая их с деятельностью финансово-кредитных институтов, считают, что

в современных условиях в связи с расширением финансовых услуг лизинговые операции традиционно кроме банков осуществляют также кредитно-финансовые институты, которые оказывают широкий спектр финансовых и банковских услуг.

Следовательно, государственная поддержка развития лизинга позволит предприятиям пополнить основные фонды и увеличить производственную мощность. Также, учитывая жесткую конкуренцию на мировом рынке промышленной продукции, необходимо констатировать, что один из путей увеличения объемов производства и конкурентоспособности произведенной продукции – передовая техника и технологии, наличие которых может обеспечить лизинг, что в свою очередь предусматривает экономический рост государства.

В современных условиях в Казахстане источником формирования финансовых ресурсов предприятий могут служить также инструменты рынка ценных бумаг. Развивающийся в РК рынок ценных бумаг имеет огромный потенциал для финансирования предприятий.

Закон РК «О рынке ценных бумаг» усовершенствует нормы, регулирующие порядок выпуска, обращения и погашения ценных бумаг, регистрации сделок с ценными бумагами, создания и деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг и организаций, составляющих инфраструктуру рынка ценных бумаг, правовой статус и компетенцию уполномоченного органа по регулированию рынка ценных бумаг [3].

Выпуск облигаций имеет ряд преимуществ: облигационные займы обычно дешевле банковских кредитов, выпуск облигационных займов может позволить предприятию привлечь значительно большие ресурсы, выпуск облигаций не связан с опасностью частичной или полной утраты контроля над предприятием, как при выпуске

обыкновенных акций. Говоря о выпуске облигаций, необходимо отметить, что облигации могут выпускаться далеко не всеми предприятиями (достаточно большие объемы финансирования, эмитент облигаций должен быть прибыльным в настоящий момент предприятием, иметь высокий процент поступления «живых» денег, эмитент облигаций должен быть достаточно хорошо известным широкому кругу потенциальных инвесторов).

В формировании финансовых ресурсов предприятия также велика роль ценных бумаг, в частности в виде корпоративных облигационных займов. За последний период Правительство Казахстана уделяет большое внимание вопросам становления и развития рынка ценных бумаг. В связи с этим, в области регулирования рынка ценных бумаг разработаны мероприятия, которые позволят: упростить порядок обращения акций на вторичном рынке ценных бумаг; конкретизировать порядок осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг и регламентировать аспекты корпоративного управления акционерных обществ в Казахстане.

Проводимая политика государственной поддержки развития рынка ценных бумаг в Казахстане дает большие перспективы к становлению рынка ценных бумаг и расширения числа его участников.

Таким образом, в настоящее время предприятиям есть смысл выпускать корпоративные ценные бумаги, так они играют большую роль в формировании денежных средств предприятия, как самых высоко ликвидных активов предприятий, что способствует улучшению качества активов предприятий.

В условиях рынка также получили распространение комплекс услуг, известный в финансовой практике под названием «факторинг», то есть покупка банком или специализированной фак-

торинговой компанией платежных требований клиента. Тем самым они практически берут на себя посредническую и предоставляет дополнительные (по сравнению с простым коммерческим кредитованием) услуги, взимая за них комиссионные. Это помогает предприятиям перевести менее ликвидные активы в наиболее ликвидные активы.

В современных условиях сфера факторинговых операций значительно расширилась, включив в себя ведение бухгалтерских счетов компании-клиента, организацию транспортировки продукции и ее сбыта, страхование и т.д. Финансовые институты, осуществляющие факторинговое обслуживание, информируют покупателей о возможностях перехода к более выгодным формам расчетов, помогают клиентам наиболее полно использовать при заполнении своих деклараций существующие налоговые льготы, предоставляют доверительные услуги и т.д. Также они предлагают крупным транснациональным компаниям комплексное обслуживание их текущих расчетов по международным операциям: сбор платежей, погашение требований, выплата зарплаты и т.д. Денежные поступления и расходы по всем этим операциям могут сводиться в едином балансе (в пересчете на выбранную клиентом валюту).

В скорейшем погашении дебиторской задолженности предприятий и ее превращения в более ликвидный актив большую роль играет факторинг.

Форфейтинг также, как и факторинг, представляет собой оплату банком товарных поставок своего клиента, в обмен на долговое требование к покупателю. Часто предметом уступки при форфейтинге являются долговые требования по внешнеторговым операциям.

Форфейтирование – это один из альтернативных подходов в финансировании международной торговли, который представляет собой покупку

экспортных требований форфсайтером с исключением права регресса на экспортера в случае неуплаты. Следовательно, предприятиям-экспортерам следует обратить внимание на применение форфейтинга в своей финансово-хозяйственной деятельности.

К сожалению, приходится констатировать, что эти виды финансовых услуг (факторинг, форфейтинг и др.) не находят применения у коммерческих банков и других специализированных кредитно-финансовых институтов. Хотя в связи с развитием финансового рынка эти сферы финансовых услуг будут находить спрос у потребителей, что в свою очередь вызовет необходимость их предложений.

Как страна с богатым минерально-сырьевыми ресурсами и значительным сельскохозяйственным потенциалом и стратегическим положением в Азиатском регионе, Казахстан для иностранных инвесторов представляет благоприятную сферу приложения свободного капитала. Система льгот и преференций, установленная для иностранных инвестиций в приоритетные отрасли, создает определенные условия беспрепятственному притоку капитала в топливно-энергетический, металлургический и горнодобывающий комплексы. Иностранная подпитка экономики финансовыми ресурсами идет в виде официальной помощи развитию под гарантии правительства, прямых и портфельных инвестиций и других.

Ориентация экономики Казахстана на рыночные отношения повысила потребность в привлечении иностранных инвестиций для развития промышленного производства, так как на современном этапе наблюдается недостаток внутренних источников финансирования инвестиций.

Инвестиции являются одним из важнейших и наиболее изменчивых компонентов валового национального продукта (ВВП). [4, с.637.]. Мы считаем, что в нормальной экономике на уровне

каждого предприятия инвестиции должны быть оправданы. Формируемые из разных источников финансовые ресурсы дают возможность предприятию своевременно инвестировать средства в новое производство, обеспечивать при необходимости расширение и техническое перевооружение действующего предприятия, финансировать научные исследования, разработки и их внедрение и т. д.

Хотя прибыль на вложенный капитал – это главный критерий инвестиционных решений, – она не является единственным в случае промышленных инвестиций, поскольку (если учитывать только финансовые доходы) финансовые ресурсы могут также вкладываться в облигации, ценные бумаги и т.д.

В процессе исследования проблемы финансового обеспечения предприятий в современных условиях нами сделаны следующие рекомендации:

1. Благодаря эффективной организации предприятий происходит рост финансовых ресурсов предприятий, что, в свою очередь, ведет к увеличению макроэкономических показателей отраслей деятельности и страны в целом. Высокие макроэкономические показатели государства вселяют уверенность инвесторам в обеспечении сохранности вложений и предприятиям в обеспечении их функционирования, способствуют проведению активной финансовой стратегии в осуществлении различных видов финансово-хозяйственной деятельности.

2. Исследование состояния формирования финансовых ресурсов показало возможность и необходимость применения различных финансовых инструментов финансового рынка в процессе формирования финансовых ресурсов предприятий. Предприятиям целесообразно разработать инвестиционную политику предприятия для уча-

ствия в инвестиционных программах на государственном, региональном и других уровнях.

3. В условиях рыночной экономики известны различные способы и приемы финансирования деятельности предприятия, применяемые самостоятельно или в комбинации. В настоящее время промышленным предприятиям целесообразно прибегать не только к традиционным, а особенно к современным и альтернативным подходам формирования финансового потенциала с целью увеличения объемов производства и повышения конкурентоспособности продукции, а также реализации и расширения своих экспортных возможностей.

4. Казахстан для иностранных инвесторов представляет благоприятную сферу приложения свободного капитала. Система льгот и преферен-

ций, установленная для иностранных инвестиций в приоритетные отрасли создает определенные условия беспрепятственному притоку капитала в топливно-энергетический, металлургический и горнодобывающий комплексы. Иностранная подпитка экономики финансовыми ресурсами идет в виде официальной помощи развитию под гарантии правительства, прямых и портфельных инвестиций и другие. [5, с.154-155].

Таким образом, очевидно, что от эффективности финансового обеспечения предприятий целиком и полностью зависит результат деятельности предприятия в целом. Основные пути укрепления финансовой устойчивости предприятий связаны с оптимальным формированием финансовых ресурсов и обеспечение их достаточности.

Литература

1. Булатов А.С. Экономика. М.: Издательство БЕК, 1994, 632 с.
2. Закон Республики Казахстан «О финансовом лизинге» от 5 июля 2000 года № 78-ІІ.
3. Закон РК «О рынке ценных бумаг» от 2 июля 2003 г. № 461-ІІ.
4. Менкью Н.Г. Макроэкономика. Пер. с англ. М.:Издательство МГУ, 1994, 736с.
5. Есымханова З.К. Формирование финансовых ресурсов предприятий в условиях рынка. – Алматы, 2005. – С.172.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ САМООРГАНИЗУЮЩИХСЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF DEVELOPMENT OF SELF-ORGANIZED MANUFACTURING EXECUTING SYSTEMS

Кириллов Д.О.

*Ростовский государственный экономический университет,
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия*

Kirillov D.O.

*Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Rostov region, Russia*

Самонастраиваемое массовое производство является современной тенденцией во многих производственных секторах. Такого рода производственная самоорганизация полагает системную интеграцию и кооперацию между взаимосвязанными сущностями, раскрывая их возможности и ставя своей целью достижение адаптации к гетерогенности продукта. Интегрирующим элементом в системе управления и системах, связанных с продажами является производственная исполнительная система (MES). Потенциальным путем достижения взаимодействия между MES и настраиваемым компьютеризированным производством является концепция умного продукта, где каждый продукт управляет своим собственным производством, уменьшая связанность между производством и диспетчеризацией заказов, так же как и взаимодействие между физическими и информационными потоками. Решением такого рода несовместимости является гомогенизация и интеграция с целью устранения разнородности компонентов системы, ресурсы, а также умные продукты могут быть «инкапсулированы» в связанные сущности, называемые «холоны». В ранее опубликованных исследованиях подобного рода представлена организация холонифицированных ресурсов и их кооперация посредством внедрения компьютерных логических объектов, называемых «алгоритмами». В данной статье предлагается концептуальное решение в лице метамодели и ее применение для холонификации модели и симуляционного механизма.

Ключевые слова: умный продукт, гетерогенные системы, холон, механизм принятия решений, PROSA-агенты.

Mass customized manufacturing is a current tendency in many production sectors. This manufacturing customization imposes systemic integration and co-operations between the concerned entities to explore their capabilities, aiming at adaptability to the product heterogeneity. An integration element of the management system and systems related to the shop floor is the manufacturing executing systems (MES). A conceivable way to allow MES supporting this customized e-manufacturing is the concept of smart-product, where each product «drives» its own production, allowing a decoupling between production and order dispatching, as well as the consistency between physical and

informational flows. Treating such incompatibility is homogenization and integration of this diversity, resources and also smart-products may be «encapsulated» inside of communicating entities called «holons». Previous studies presented the organization of resource-HLs co-operation carried out by computational entities called «rules». In this article, it is proposed a conceptual solution of a meta-model for rules-oriented and product-driven H-MES and its application for the holonification of a design and simulation tool.

Keywords: *smart-product, heterogeneity, holons, decision-making mechanism, PROSA-agents.*

Nowadays the mass customization is a tendency and a challenge to the intelligent manufacturing system (IMS) community. In the mass customization, customers make personal choices when they buy goods using no bureaucratic means, i.e. they want to buy products that corresponded as well as possible to their needs and desires using the present technology easiness (e.g. e-commerce).

Part of this thematic may be treated in the scope of manufacturing execution systems (MES) whose primordial purpose is the integration of the management system and systems nearer the shop floor operations. A way to allow MES supporting this kind of customization is to employ the concept of smart product [1]. In a smart-product context, each product being processed is part of a smart-entity responsible for driving its production. This allows a better independence between the production and the dispatching of production orders. The smart-product also enables the consistency between physical and informational flows.

A smart-product must request services to manufacturing entities, e.g. resources as production-cells, equipment, and workers, aiming to achieve its production needs. These resources could smartly organize themselves based on their own knowledge and on a flexible co-operation policy, in order to carry out the smart-product requests. However, this co-operation is difficult, firstly because the elements of the factory are heterogeneous.

This diversity of resources could be homogenized and integrated by their encapsulation, in an abstract manner, inside of communicating entities called «holons» (HLs). Hence, smart-products could be also holons able to negotiate with resource-HLs or compete for them.

The composition of each product-driven holonic MES (H-MES) is not trivial, because the dynamic between holons can be complex, being necessary organization means. Previous studies presented the organization of resource-HLs co-operation carried out by computational entities called «rules» that allow establishing flexible co-operation logic.

The rules decide the good moments of co-operation based on the states notified from resource-HLs. Rules can also request services to them. In this context, each product-HL can have its production needs appropriately carried out by rules that it allocates. Therefore, the set of rules is a decoupling mechanism to organize the product-HLs and resource-HLs co-operations.

The intention of this article is to propose a conceptual solution of a meta-model for product-driven H-MES. The quality of a meta-model would allow reducing the time system for system composition. This solution is also used to improve a design and simulation tool for computer integrated manufacturing (CIM) in the direction of holonic manufacturing system (HMS).

For dealing with variant production environment, manufacturing organizations must exploit their

own existing flexibilities. The current researches in manufacturing system propose to use auto-organized entities in this context to improve the classical manufacturing process, where the autonomous production entities articulate themselves to produce.

In classical manufacturing process, the production is planned in lots, by means of systems as enterprise manufacturing planning (ERP), based on previous client demands. For a production planned in lots, the manufacturing entities (e.g. controllers and resources as machines) are prepared and fixed to produce few types of products during a defined period. This policy is not interesting in manufacturing organization aiming solve mass customization issues because, for example, the response time to treat customizations could be too long for concurrent market context.

A solution to improve flexibility could be each order, e.g. concerned to a specific product instance, being an autonomous agent or smart entity. This smart entity would know the capacities and states of robust resources, i.e. resources with a certain flexibility and re-configurability features, and it would launch itself in the production environment with appropriate.

The resources could be also «improved» with some expertise to allow smart-orders consulting their states and capabilities as well as to allow smart-orders requesting services. In practical terms, this would be implemented by a software entity or agent connected to the mechatronic physical resource, via computational-electronic means. The physical resource and its concerned agent are considered together a smart-resource.

In this scenario, the smart-orders can arrive in the system, negotiate with smart-resources, in the computational word, and launch themselves in the smart-production environment. This agent orientation facilitates co-operations, because heterogeneous production actors are homogenized at software level as well as their negotiations [2].

The above described environment allows an order-driven production, but a set of questions and problems remains, as the possible incoherence between information flow (smart-order) and respective physical flows (products), e.g. a smart-order could believe that its respective product is in a place, but it is not. A solution is the integration of informational (soft) and physical (hard) parts, where each smart-order is its respective order product guaranteeing the flows consistence. The conjunction of hard and soft product parts had been called smart-product.

For the implementation of a smart-product, in a technical vision, it is needed at least to identify the physical product with a certain frequency and force the update in the correspondent agent. The on-line trace of the product can be made using auto-id technologies, as RFID (radio frequency identification). Also, some researches consider some smartness effectively in embedded system pasted in the product, using RFID technologies as communication means.

The concept of smart entity can be associated with the concept of holon from holonic system. A holon (HL) is currently defined as an autonomous and co-operative building block of a manufacturing system for transporting, storing and/or validating information and physical objects [3]. A holon consists of an information processing part and often a dedicated physical processing part. A holon can also be a part of another holon (fractal).

In the IMS researches about auto-organized systems, the most focused approach is the holonic paradigm originated from a philosophic theory on the creation and evolution of complex adaptive systems in the world (e.g. social systems, evolutionary theory). The main idea is to achieve the good properties of holonic systems (e.g. adaptability and flexibility) in the manufacturing context, developing a class of system called holonic manufacturing system (HMS).

Product-HLs and resource-HLs negotiating in heterarchical way are not enough to achieve the benefits expected in the HMS. These could present problems, like states unpredictability, deadlock or states explosion. Thus, a control (like a shop floor control – SFC) is necessary to intermediate or organize product-HLs and resource-HLs negotiations, as well to control resource-HL co-operations. However, this control must give operability guaranties to the system without impose a strong hierarchism, i.e. adaptability capacity must be preserved permitting a holarchy.

The envisaged holonic control is compatible with the industrial interests and researches in manufacturing execution system (MES), a SFC-like. Therefore, this paper is in the context of the holonic MES, a research objective in the IMS community.

The MES research discussed in this paper strongly emphasizes problem domain modeling as part of building a manufacturing control solution; this concern takes precedence over devising high-performing decision-making mechanisms [4]. The expressive power of the models embedded in the holonic MES supports a one-to-one correspondence with the entities and activities in the production system.

Because any computationally efficient decision-making mechanism – solving an inherently NP-hard problem – will have a smaller applicability range than the constituents of the problem domain model, the holonic MES postpones the introduction of these mechanisms until the final stages of the control system formation. Actually, the decision-making mechanisms are considered easily replaced plug-in components that are added last and can be updated regularly without causing maintenance or inducing modification requirements to the remainder of the control system. This design is highly suited for answering the above MES challenges.

The holonic MES implements the PROSA reference architecture. This reference architecture acronym denotes Product-Resource-Order-Staff Architecture [5]. The structure of the systems designed along the PROSA architecture is composed of three types of basic agents:

- Resource agents correspond to a physical part and contain an information processing part that controls their resource. In manufacturing control systems a resource agent is an abstraction of the production means. In object-oriented terminology, each resource agent reflects a physical resource, is able to drive this resource, and keeps its resource-state-reflecting attributes synchronized with this resource's actual state.
- Order agents represent tasks in the underlying system. They are responsible for performing the assigned work correctly and on time. In manufacturing control systems, an order agent manages the physical product being produced, the product-state model, and all the logistic information processing related to the job. An order agent may represent customer orders, make-to-stock orders, prototype-making orders, orders to maintain and repair resources, and so on.
- Product agents hold the process and product knowledge to assure the correct making of a product with sufficient quality. The product agent acts as an information server to the other agents, delivering the right recipes in the right place. It knows how to make a product without making any decisions about when and where production takes place. In an advanced application, a product agent may even redesign the product in response to requests from the order agent.

These basic agents are structured through aggregation and specialization. An agent may belong

to several aggregations, and aggregated agents can dynamically change their contents. For instance, membership of a batch order agent may depend on the timely arrival of the prospective members. Aggregated agents may emerge out of the self-organizing interaction of agents or they may be designed up front. The number of aggregation levels depends on the specific needs of a certain system and is not dictated by the architecture. Aggregation reduces exposure of the individual agents and increases software reuse. For instance, a shopping list agent simply creates new agents for each item on the shopping list and manages the aggregate; the production of the individual items is delegated to the corresponding item agents.

Specialization allows a layered implementation of the agents, where the higher layers can be shared and, more importantly, used as interfaces to the remainder of the coordination and control system. For instance, in a manufacturing control system there will be a specialization hierarchy starting from the agent along resource agent, transport resource agent, toward conveyor belt agent. Importantly, any agent working with resource agents will perform its duties regardless of which more specialized kinds of resource agents it is interacting with.

Staff agents, as in human organizations, can be added to assist the basic agents with expert knowledge. These agents often reflect functions such as planning systems. However, they only produce advice and never hold final responsibilities concerning command and control of the underlying system. In certain ways, these agents reflect information rather than being a function. The weak coupling (advice-only) effectively limits the mutual exposure of the agents and eases integration.

Furthermore, relentless usage of delegation characterizes the interaction amongst the basic PROSA agents, which limits their exposure to system properties outside their own scope. Product

agents never attempt to manage state information about ongoing tasks and delegate this to the order agent. Product agents receive an object representing the state of a task from the corresponding order agent whenever they need this information to perform their tasks. Likewise, order agents always consult product agents about possible ways to proceed with their task.

The applicability range of PROSA is online real-time resource allocation and the coordination of the related activities.

The holonic MES uses a bio-inspired design to search and select solutions to carry out the required manufacturing orders. And, the MES generates short-term forecasts at the same time. These forecasts predict resource loads and order routings, including their timing, based on the current order intentions and accounting for the latest information available.

To clarify how the MES handles production requirements and produces short-term forecasts in resource allocation, likewise: human agents making travel arrangements. Next, it discusses how an agent system may achieve similar results, compensating its limitations and benefiting from its strengths relative to the human agents. In the MES, the travelers are not humans but production orders. Note that each order agent arranges its own production as humans would arrange their journey individually.

When a human travel agent arranges a vacation on behalf of a customer, the agent first checks for availabilities with the service-offering resources: airlines, hotels, event organizers, and so forth. In the MES, the order agent checks availabilities with the service-offering resource agents in the factory: machining stations, conveyor belts, storage spaces, inspection stations, packaging stations, and so on. The human travel agent accounts for the customer requirements. The MES order agent checks with its product agent about the processing requirements that must be met. These inquiries typically investigate

several options and possibilities. While making these inquiries, the agent receives answers accounting for a prediction of resource availabilities (that is, the current reservations roster of the resource).

This resource availability prediction is constructed based on the reservations by agents representing travelers. In other words, the resources constitute an environment in which order agents deposit their intentions and commitments, and the (reservation departments of the) resources combine such information to construct forecasts of their utilization in the future. This environment transcends the present in a manner that accounts for the overall system state, including mental states that have been externalized into the environment.

Our travel agent combines customer requirements/preferences with the answers from its inquiries to construct a 'best' travel arrangement, and makes reservations at the resources involved.

In this manner, the forecasts are adapted to the new situation. In case of disturbances (e.g., a fire destroys the hotel), the agent is informed by the resource, which triggers actions to deal with the situation.

Software agents have limited reasoning capabilities compared to humans. In contrast, they have fewer problems with performing simple tasks at high frequencies. The multi-agent design based on the above behavior pattern is therefore different in the following ways:

- The agent system requires frequent reconfirmation of reservations. Humans consider it a burden to reconfirm their flight once. Software agents easily reconfirm their reservations every 10 seconds. This enables the overall system to see changes and disturbances very rapidly without requiring a reliable notification system. Reservations that are not reconfirmed for two minutes can safely be discarded, and the resource

becomes again available. Likewise, the software agent detects any disturbance at a resource during reconfirmation.

- The software agents cannot distinguish critical aspects from less important ones. To have a reliable service with little chance of nasty surprises, the agents virtually execute complete travel trajectories in detail, checking and making arrangements with all resources involved in the journey. Instead of knowing which elements need prior arrangement (hotel, flight), the agent makes arrangements with all resources involved. Since these agents not only arrange travel beforehand but also remain in charge during execution, they need to manage this anyhow. Handling many simple tasks is easier for software agents than common-sense reasoning.
- The agents are less capable of picking travel arrangements fitting customer requirements up front. Instead they explore and generate many more options. Moreover, they keep on searching during execution and modify reservations when opportune (e.g., to handle a disturbance).

Based on the above scheme and inspired by food foraging in ant colonies, the holonic MES introduces two types of lightweight mobile agents, called ant agents. These ant agents, respectively, check resource availability and make/reconfirm reservations at the resources on behalf of the order agent that creates them.

The PROSA resource agents provide a navigation graph and the reservations infrastructure. Each resource agent has a finite number of entries and exits. Entries are connected to exits of neighboring resources and vice versa. Exits and entries may also remain unconnected. Order agents are located in this resource graph. In the simplest case, this is the

position of the not-yet-finished product instance, for which the order agent is responsible.

From this position, the order agent creates ant agents, of both types, at a regular frequency.

First, the order agent creates exploring ant agents. These ant agents virtually execute the remaining production steps, including all required handling and storage. During this exploration, resource agents receive inquiries about their availabilities and capabilities, which they answer based on the self-knowledge and their local reservations roster. No reservations or commitments are made. The ant agents stochastically explore different possibilities (each ant agent investigates exactly one possible solution). The mechanisms deciding which options will be explored are considered to be a variable part of the holonic MES design, which is continuously adapted and updated to account for the prevailing conditions.

Second, the order agent creates intention ant agents. This activity starts when an adequate number of possible solutions have been reported back by the exploring ant agents. From these candidate solutions, the order agent picks its preferred solution: its intention. The intention ant agents virtually execute this solution and make/reconfirm the corresponding reservations at the resource agents involved. These reservations permit the resource agent to self-forecast the future load, which in turn allows the order agents to predict their routing including timing. The above procedure is executed continuously. When disturbances occur, the ant agents discover this, and order agents may adapt their intentions accordingly.

In this first development, the selection of intentions by the order agents is biased toward executing a given schedule. The exploration for possible solutions remains unbiased, guaranteeing that feasible solutions will be found even if the schedule is infeasible (autonomic manufacturing control). In future developments, a given percentage

of the exploring ant agents will be biased toward routings and timings in the given schedule, and resource agents will grant more priorities to requests in accordance with the given schedule.

The modification to the basic holonic MES – to achieve autonomic schedule execution – affects the selection of the initial intention by an order agent as well as the eventual changing of this intention.

To implement the decision-making mechanism biased toward the given schedule, the order agent executes the following steps:

1. The order agent retrieves solutions discovered and sent back by its exploring ant agent.
2. The order agent ranks these solutions and its current intention in accordance with its performance criterion biased toward the given schedule. The order agent marks the top-ranking solutions as the candidate intention.
3. If the current intention of the order agent already exists and has been successfully refreshed, the order agent switches its intention to the candidate intention with a 60% probability. Otherwise, the current intention is kept. If the order agent has no valid current intention, the candidate intention becomes the current intention with a 90% probability.
4. If the order agent decides to change intentions, it first checks whether the candidate intention still is a valid, top-ranking solution by means of an exploration refresh.
5. The current intention is propagated by means of creating and sending out an intention ant agent.

To bias the manufacturing execution toward the given schedule, the ranking in step 2 utilizes a criterion that combines deviation from this schedule with application-oriented performance measurements (e.g., lead time, tardiness, bottleneck utilization).

This measure prefers solutions that are executed on the machines indicated by the schedule, and

solutions matching finishing times approaching the schedule times. In case of multiple solutions having the same result, the solution with the shortest lead time is chosen. Note that in case of large deviations, result will be zero, and lead time decides the selection of the current intention.

This paper presents a holonic MES that uses a

given schedule as a guideline for selecting among task execution alternatives. It is an autonomic design, which means that the MES generates solutions that are independent from the given schedule. This ensures that the MES is able to find solutions even when the schedule is infeasible. And, it generates alternative solutions allowing assessment of schedule quality.

References

1. D. McFarlane, S. Sarma, J.L. Chrin, K. Ashton, Auto ID systems and intelligent manufacturing control, *Intell. Manuf.: Spec. Issue Eng. Appl. Artif. Intell.* 16 (4) (2003) 365-376.
2. Vagin S.G. Heterogeneous system – a new form of organization of strategic management/Vagin S.G./ Reformation of the management system on modern enterprise: digest VII International conference of applied science. – Penza: RIO PGSHA, 2007. – P. 68-71.
3. Calabrese, M. (2011). «Hierarchical-Granularity Holonic Modelling». http://air.unimi.it/bitstream/2434/155499/2/phd_unimi_R07647.pdf Doctoral Thesis. University of Milan, Italy.
4. Valckenaers P, Hadeli, Saint Germain B, Verstraete P, Van Brussel H. Emergent short-term forecasting through ant colony engineering in coordination and control systems. *Advanced Engineering Informatics* 2006; 20:2 61-78.
5. H. Van Brussel, J. Wyns, P. Valckenaers, L. Bongaerts, P. Peeters, Reference architecture for holonic manufacturing systems PROSA, *Comput. Ind.* 37 (1998) 255-274.

БАЗОВЫЕ ТИПЫ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

BASIC TYPES AND FEATURES OF FUNCTIONING OF INNOVATION SYSTEMS IN THE DIFFERENT COUNTRIES

Краснокутский П.А.

*Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия*

Krasnokutsky P.A.

*Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Rostov region, Russia*

В статье рассматриваются основные типы и особенности функционирования инновационных систем в России и зарубежных странах.

Ключевые слова: национальная инновационная система, модель «тройной спирали».

In article are considered the basic types and features of functioning of innovation systems in Russia and foreign countries.

Keywords: national innovation system, "triple helix" model.

Устойчивое развитие государств и национальных экономик в глобальном экономическом пространстве на современном этапе невозможно представить себе без инновационной составляющей. Экономические модели, основанные на использовании исключительно природно-ресурсного потенциала территории, наглядно демонстрируют пределы роста и предопределяют необходимость смены экономической парадигмы с ресурсно-ориентированной на инновационно-ориентированную. Вместе с тем, использование модели «развития, основанного на инновациях» с необходимостью предполагает формирование в стране, как на национальном, так и на региональном уровне инновационных систем, целью функционирования которых является создание, распространение и внедрение новых технологий, а, в конечном счёте – повышение конкурентоспособности продукции на мировом рынке.

Говоря о построении национальных и региональных инновационных систем различных стран, следует подчеркнуть, что при их формировании решающее значение приобретают страновые и региональные особенности, предопределяющие специфику того или иного типа инновационных систем.

В этой связи, целью данного теоретического исследования является выделение и характеристика базовых типов и страновых особенностей функционирования инновационных систем. Ис-

пользуемые методы исследования – монографический и метод аналогий.

Большинство специалистов, занимающихся изучением данной проблемы, сходятся во мнении о том, что следует выделять два принципиально различных типа моделей инновационных систем: административную и рыночную. При этом отмечается, что административная модель, доминировавшая в Советском Союзе, оказалась эффективной лишь по некоторым направлениям, однако она не была способна решить всего комплекса задач, стоящих перед инновационной системой. В противовес данной модели, рыночная (капиталистическая) продемонстрировала свою функциональную жизнеспособность в конкурентной среде, что позволило ряду крупных западных стран занять лидирующие позиции в глобальном экономическом пространстве и перейти к постиндустриальному этапу развития [1].

Исследуя рыночную модель инновационной системы, большинство экономистов склонны выделять в её рамках три базовых модели инновационного развития [2]:

1. Евroatлантическая (США, Великобритания, Франция, Италия, Швеция, Нидерланды, Дания, Швейцария, Финляндия).
2. Восточноазиатская (Япония, Южная Корея, Гонконг).
3. Альтернативная (Тайланд, Чили, Турция, Иордания, Португалия).

Вместе с тем, существуют также альтернативные взгляды на проблему типологизации моделей региональных инновационных систем. В частности, в работе Н.Ф. Чеботарёва выделяются следующие модели [3]:

1. Рыночная (США и Великобритания).
2. Мезокорпоративная (Япония).
3. Социал-демократическая (скандинавские страны).
4. Интеграционно-европейская (Германия, Франция, Нидерланды, Италия).

Таким образом, позиции различных авторов относительно типологизации моделей инновационных систем достаточно существенно варьируются, что можно объяснить тем, какие принципы формирования той или иной модели рассматриваются различными учёными в качестве доминантных. Кроме того, указанное деление в принципе весьма условно, поскольку, как уже отмечалось выше, существуют достаточно значительные страновые различия между спецификой моделей инновационных систем. В этой связи целесообразно остановиться на рассмотрении страновых особенностей моделей более подробно.

Инновационная система США

Одной из ключевых особенностей инновационной системы США, по мнению Г. Роуэна, является «...лёгкость, с которой можно основывать компании...» [4].

К числу факторов, обеспечивающих успешность развития инновационной системы в США могут быть отнесены следующие [5]:

1. Наличие развитого демократического общества, положительно воспринимающего инновации.
2. Государственное финансирование образования и исследовательской работы как на федеральном, так и на региональном

уровне.

3. Высокий уровень подготовки кадров в колледжах и университетах.
4. Достаточно лёгкий доступ к ресурсам.
5. Наличие налаженной системы взаимодействия между основными участниками инновационного процесса.
6. Развитую систему аутсорсинга.

Инновационная система Канады

Как и в США, основу инновационной системы Канады составляет деятельность научно-исследовательских институтов, университетов, а также исследовательских подразделений отдельных фирм. При этом ряд исследователей отмечает высокий уровень квалификации рабочей силы в данной стране, что обусловлено большей продолжительностью среднего срока обучения (в стране данный показатель составляет порядка 17 лет), а также существенную долю расходов на образование всех уровней. К числу основных научно-технологических приоритетов в области инновационного развития относятся [6]:

1. Научно-технологический приоритет в области экологии.
2. Научно-технологический приоритет в области природных ресурсов и энергетики.
3. Научно-технологический приоритет в области здравоохранения, наук о жизни и медицинских технологий.
4. Научно-технологический приоритет в области информационно-коммуникационных технологий.

Существенную роль в инновационной системе Канады играет государственно-частное партнёрство между представителями науки, бизнеса и власти, способствующее возникновению и успешному функционированию региональных кластеров.

Инновационная система Великобритании

В целом модель инновационной системы Великобритании схожа с моделями, распространёнными в Канаде и, в особенности, в США. Наиболее перспективные научные разработки лежат в сфере радиоастрономии, изучения биологических свойств высокомолекулярных веществ, фармацевтики и авиакосмической промышленности [2, 7]. Кроме того, особое внимание уделяется повышению эффективности инновационного менеджмента, что выражается в изменении структуры органов, отвечающих за инновационную деятельность [6].

Инновационная система Италии

Инновационная система Италии характеризуется относительно невысокой инновационной активностью, что обусловлено низким уровнем затрат на научные исследования, а также недостаточным притоком квалифицированной рабочей силы. Кроме того, региональная инновационная система Италии имеет специфическую особенность, в соответствии с которой производство ноу-хау зачастую проходит две стадии: на первой стадии разрабатываемый инновационный продукт постепенно переходит со странового на глобальный уровень, а затем «...производство продукции переносится в более эффективные регионы, а сама компания становится управляющим филиалом транснациональной компании в Италии...» [6].

Инновационная система Германии

Структурно инновационная система Германии включает в себя следующие элементы [6]:

1. Подсистема реализации исследовательских работ в государственном и частном секторах экономики.
2. Подсистема профессионального образования и переподготовки.

3. Подсистема инновационной деятельности в промышленном производстве и сфере услуг.
4. Подсистема формирования новых высокотехнологичных производств.
5. Подсистема применения информационно-коммуникационных технологий.

В целом национальная и региональные инновационные системы Германии являются одними из наиболее развитых в мире, а производимая инновационная продукция концентрируется, в основном, в следующих отраслях: нанотехнологии, новые материалы, информационно-коммуникационные технологии, микроэлектроника, биотехнологии.

Инновационная система Японии

Основой исследовательских разработок в Японии на протяжении долгого времени оставались копирование, модификация и улучшение образцов, созданных другими странами. В настоящее время Япония стремится к повышению эффективности процесса диффузии инноваций и уровня коммерциализации имеющихся научных разработок [6]. В целом инновационная система в Японии отличается от аналогичных систем, прежде всего, тем, что роль университетов здесь значительно ниже, чем исследовательских подразделений корпораций, а прикладные разработки часто превалируют над фундаментальными [2].

Инновационная система Франции

Одним из важнейших элементов инновационных систем во Франции являются кластеры, формируемые при поддержке государства вокруг крупных городов или в регионе. Однако при этом, как отмечает Г.Шансон, «...Французские компании не скупаются на собственные НИОКР,

но не горят желанием инвестировать в такие инновации, выгоды от которых могут получить и другие...» [8]. По мнению того же исследователя, наиболее успешно развиваются направления, связанные с аэрокосмической отраслью и нанотехнологиями. Вместе с тем, существенным недостатком французской инновационной системы является то, что при проведении научных исследований коллективами университетов созданный интеллектуальный продукт не приносит конкретному его разработчику существенной прибыли, что является серьёзным фактором, демотивирующим исследовательскую работу.

Инновационная система Швеции

Отличительными чертами инновационной системы Швеции являются следующие [9]:

1. В стране функционирует ряд крупных ТНК, работающих в наиболее конкурентоспособных отраслях.
2. Относительно небольшое (по сравнению с другими странами) число научно-исследовательских институтов. Их роль отводится университетам.
3. Малые компании вкладывают мало средств в исследования и разработки.
4. Основные усилия со стороны государства направлены на обеспечение обратной связи между бизнес-сообществом и университетами, что позволяет повысить уровень коммерциализации научных разработок.
5. Активное применение принципов, положенных в основу модели «тройной спирали».

Специфической особенностью инновационной системы Швеции является наличие достаточно серьёзного стимула для учёных к формированию нового знания – так называемой «учи-

тельской поправки» [10]. Наиболее успешно в настоящий момент, по мнению ряда специалистов, в Швеции развиваются телекоммуникационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии [11].

В целом, по мнению многих специалистов, будущее инновационной системы Швеции связано с её развитием на основе кластерного подхода.

Инновационная система России

Говоря о процессе формирования российской национальной инновационной системы и инновационных систем регионов страны, следует обратить внимание на рассмотренный мировой опыт формирования моделей инновационных систем. При этом необходимо отметить, что важен не только опыт развитых стран с успешно функционирующими инновационными системами, но, в частности, и на опыт реализации альтернативной модели, которой придерживаются развивающиеся страны, а также на опыт Японии. Анализируя перспективы формирования инновационных систем в нашей стране, известный российский учёный, академик РАН В.М. Полтерович отмечает, в частности, что российская инновационная система на современном этапе «...представляет собой весьма плачевное зрелище, поскольку строилась безо всякого плана. Это беспорядочное нагромождение различных институтов, созданных путём прямолинейного копирования институтов западных систем...» [12]. Далее в указанной работе В.М. Полтерович отмечает парадокс, в соответствии с которым страна копирует институциональные формы, надеясь при этом автоматически приобрести и сам инновационный механизм, а на самом деле «...России нужно найти институциональную конструкцию, которая обеспечивала бы эффективное заимствование и постепенный переход на инновационный путь развития...» [12]. Говоря о развитии инно-

вационных систем в России, один из авторов понятия «национальная инновационная система» профессор Лундвалл также отмечает, что «...основным недостатком российской инновационной системы являются «институты»...» [13]. По его мнению, «...нужны изменения в системе мотиваций таким образом, чтобы творческий подход к делу поощрялся, как среди наёмных работников, так и среди предпринимателей...» [13]. Кроме того, профессор Лундвалл отмечает, что без подобных системных изменений увеличение инвестиций в науку не даст серьёзных результатов.

В целом, особенности современной инновационной системы в России определяются исторически сложившейся спецификой сформировавшейся в нашей стране системы производства нового знания. Так, по словам И. Бортника, одной из таких особенностей выступает развитие

фундаментальной науки, прежде всего, в сети академических институтов, что способствовало появлению сильного отрыва академической науки от образования [14]. Кроме того, к числу ключевых особенностей российской инновационной системы, по мнению данного автора, могут быть отнесены низкий спрос на инновации и недостаточно развитая инновационная инфраструктура.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что при современном уровне развития инновационных систем в России, наиболее рациональной формой их функционирования может стать заимствование технологий с последующим постепенным переходом к продуцированию инноваций, а также более активное использование имеющегося собственного задела на основе повышения уровня коммерциализации научных разработок.

Литература

1. Гуриева Л.К. Национальная инновационная система России: модели и инфраструктура // <http://www.masters.donntu.edu.ua>
2. Сергеев В., Алексеенкова Е., Нечаев В. Типология моделей инновационного развития // *Полития*. – 2008. – №4. – С.3-12.
3. Чеботарёв Н.Ф. Национальная инновационная система России // *Аудит и финансовый анализ*. – 2007. – №3. – С.231-240.
4. Rowen H. President Medvedev Understands the Importance of Rules // *Innovation Trends*. – 2011. – №8. – P.1-3.
5. Pearson J., Fong A. Unrestricted Markets and Safety Regulations: Where's the Right Balance? // *Innovation Trends*. – 2011. – №8. – P.11-13.
6. Киселёв В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В. Инновационная политика и национальные инновационные системы Канады, Великобритании, Италии, Германии и Японии // *Информационно-аналитический бюллетень ЦИСН*. – 2009. – №6. – 71 с.
7. Baghurst D. If You Have Someone at the Top – Just Do It! // *Innovation Trends*. – 2011. – №6. – P.5-7.
8. Шансон Г. Центры конкурентоспособности – наиболее значительные элементы французской инновационной системы // *Инновационные тренды*. – 2011. – №11. – С.14-17.
9. Edlund S.-G. The Cluster Phenomenon Is Here to Stay // *Innovation Trends*. – 2011. – №7. – P.1-4.
10. Johansson O. Entrepreneurship in a Welfare State // *Innovation Trends*. – 2011. – №7. – P.5-6.

11. Molleryd B., Breidne M. It Is Important That Prime Minister in Person is Involved // Innovation Trends. – 2011. – №7. – P.11-13.
12. Полтерович В.М. Нужен инновационный подход для создания нестандартных институтов // Инновационные тренды. – 2011. – №1. – С.1-2.
13. Лундвалл Б.-О. Он придумал национальную инновационную систему // Инновационные тренды. – 2011. – №1. – С.3-4.
14. Бортник И. Россия: инновационная система-2 // Инновационные тренды. – 2011. – №1. – С.5-6.

МОДЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ МЕТРИКИ И СИСТЕМЫ ОЦЕНИВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ МАРКЕТИНГОВОЙ ФУНКЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

THE MODEL-BASED APPROACH TO THE FORMATION OF METRICS AND EVALUATION SYSTEM OF ECONOMIC EFFICIENCY OF MARKETING FUNCTIONS OF THE COMPANY

Щинова Р.А.

*Филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный индустриальный университет» в г.Кирове,
г. Киров, Россия*

Schinova R.A.

*Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Vocational Training
«Moscow State Industrial University» in Kirov, Kirov, Kirov region, Russia*

Статья посвящена модельному подходу к формированию метрики и системы оценивания экономической эффективности маркетинговой функции предприятия. Автор рассматривает методику модельной сборки системы метрик, отображающих процесс реализации маркетинговой стратегии с учетом временного фактора.

Ключевые слова: *модельный подход, экономическая эффективность, система оценивания, маркетинговая функция.*

The article is devoted to the model-based approach to the formation of metrics and evaluation system of economic efficiency of marketing functions of the company. The author considers the methods of model-based assembly of the metrics system, reflecting the implementation of marketing strategies with account of the time factor.

Keywords: *model-based approach, economic effectiveness, evaluation system, marketing function.*

Модельный подход к формированию метрики предполагает наличие трех элементов: во-первых, субъекта, в качестве которого выступает человек-исследователь; во-вторых, объекта исследования (системы) и, в-третьих, самой модели объекта (системы) как некоего связующего звена между субъектом и объектом. В концептуальном отношении связующим звеном между способом понимания маркетинговых процессов компании (концепцией маркетинга) и набором маркетинговых элементов (маркетинговыми моделями) являются маркетинговые стратегии. Моделирование в маркетинге представляет собой сложный процесс, состоящий из ряда последовательных взаимосвязанных этапов. Рассмотрим эти взаимосвязанные этапы, образующие логическую цепочку «концепция – модель – стратегия» в маркетинговой деятельности предприятия. При этом логическая взаимосвязь может быть представлена следующим образом (рис. 1).

Первый этап заключается в постановке задачи и начинается с выработки цели исследования – ею может быть минимизация затрат, связанных с транспортировкой товара потребителю, максимизация прибыли и др. Исходя из сформулированной цели проводят подробный анализ системы, выявляют ее структуру, функции, особенности, так как модель должна правильно вос-

производить объект изучения, быть доступной для исследования – не упрощать, но и не усложнять его. Второй этап включает выбор типа модели для определенного объекта исследования. На этом этапе приводится формализация маркетинговой ситуации, построение математических зависимостей в виде уравнений, неравенств, функций и т.п. Приступая к формализации маркетингового процесса, необходимо выяснить возможность использования ранее разработанных и хорошо зарекомендовавших себя моделей например модель Парето, модели поведения потребителей, модель реализации рекламной компании и др. Третий этап связан с принятием решения, на основе которого строится модель. И это связано со сбором и обработкой исходной информации для создания модели. Проблема заключается в том, что на практике не всегда удается собрать требуемую информацию, и это часто приводит к невозможности построения выбранной модели. В таком случае приходится вновь возвращаться к постановке задачи и приспособлять ее к имеющимся данным. Другой задачей данного этапа является выбор метода получения решения. Если задача не укладывается в рамки разработанных ранее методов решения и алгоритмов, то можно воспользоваться эвристическими, имитационными методами. На четвертом этапе моделирования

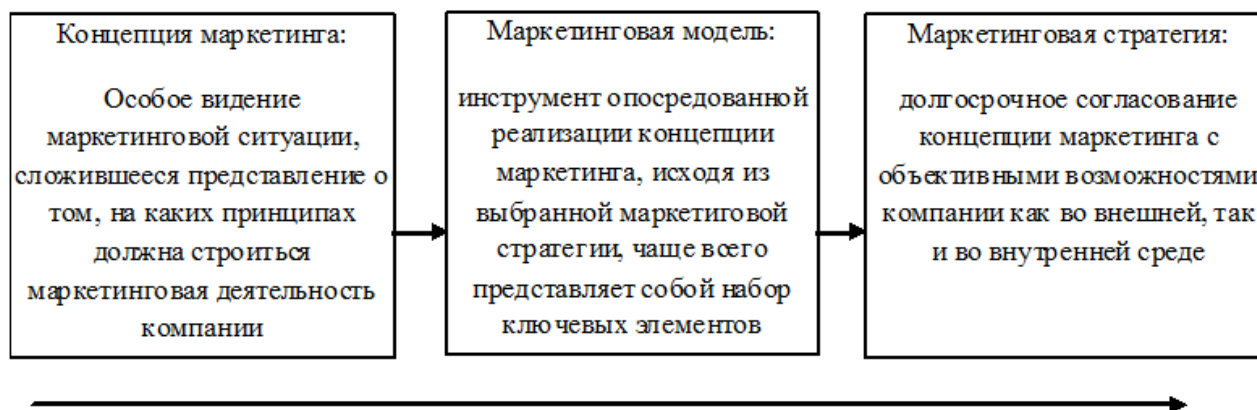

Рис. 1. Логическая цепочка «концепция – модель – стратегия» в маркетинге

осуществляется применение полученных с помощью модели результатов в конкретных практических условиях. Здесь проверяется, насколько принятые в процессе моделирования допущения правомерны и приемлема ли вообще разработанная модель для исследуемой системы на практике. В случае необходимости модель корректируется.

Экономическая и маркетинговая деятельность представляет собой замкнутую информационную систему с обратной связью, поэтому модели таких систем должны сохранять замкнутый контур. В информационной системе с обратной связью те или иные явления порождают информацию, которая служит основой для решений, управляющих действиями, направленными на изменение этих явлений. Следует отметить, цикл в этих системах непрерывен. Экономический цикл есть одно из проявлений изменяющихся во времени взаимодействий, которые происходят в контурах систем с обратной связью. При оценке эффективности системы мы выделили три основных момента.

1. Стратегическая связь, рассматриваемая в плане соответствия информационных ресурсов, должна соответствовать долгосрочным целям промышленного предприятия.
2. Финансовая связь, рассматриваемая в плане соответствия информационных издержек (как инвестиционных, так и эксплуатационных), должна отвечать долгосрочным целям предприятия.
3. Связь с людьми, которая понимается, с одной стороны, как уровень соответствия знаний, умений и способностей персонала промышленного предприятия соответствовать сложности ситуаций, с которыми приходится сталкиваться предприятию, а с другой стороны, сложности имеющихся

информационных ресурсов и обеспечивающих их использование информационных систем.

Расчет эффективности по методу «затраты – прибыль» для большинства традиционным образом создаваемых информационных систем осложняется тем, что реальная экономия от внедрения крупномасштабных проектов и моделей решения стратегических проблем предприятия может быть получена лишь по прошествии значительного периода времени. Оценивание итоговой экономической эффективности модельного комплекса было осуществлено на основе критериев. Одним из важнейших критериев адекватности модельного комплекса является его релевантность: должно иметься достаточное количество надежных данных об изменяющейся обстановке. Эти данные необходимы для поддержания эффективных связей между всеми уровнями, на которых осуществляется анализ и принятие решений. Вторым критерием адекватности модельного комплекса является наличие четко сформулированных целей. Выраженные в ясной словесной форме они позволяют принимать нестандартные и творческие решения, например, касающиеся новых или только планируемых фирмой видов деятельности, выходящих за пределы сегодняшних потребностей. Таким образом, обеспечивается основа для принятия независимых и в то же время концептуально согласованных решений корпоративного или фирменного уровня. Третьим критерием адекватности модельного комплекса является организационное соответствие. Система принятия маркетинговых решений должна быть хорошо согласована с организационной и функциональной структурой фирмы. Это существенно облегчает как процесс принятия решений, так и контроль за их выполнением. Кроме того, такой подход позволяет более четко согласовывать

и увязывать между собой задачи на всех ступенях корпоративной иерархии фирмы. Четвертым критерием адекватности модельного комплекса является его гибкость и приспособляемость к меняющейся ситуации. Человек, принимающий решение, должен оказаться способным взять на себя ответственность за окончательное решение вне зависимости от рекомендаций, исходящих от модели. Важным фактором качества системы моделирования маркетинговых решений является время, необходимое на формирование решения. В данном случае, в качестве методической основы, мы полагаем, для оценки теоретического уровня работ необходимо использовать не двумерную систему координат, с помощью которой экономические процессы изучаются в одной плоскости, а многомерную систему, позволяющую применить пространственный подход. Но хотя мы не можем предсказать будущее, мы способны поразмышлять о том, что могло бы случиться. И мы можем делать это систематически, основываясь на знании о нынешних тенденциях и сигналах о будущем развитии. Именно этим занимается сценарный анализ. Сценарный анализ – это не метод прогнозирования, а процесс размышлений о будущем и обсуждения его. Предприятия используют сценарный анализ для разработки стратегий, чтобы исследовать эволюцию отрасли, изучить развитие рынков конкретных стран и проанализировать перспективы определенных инвестиционных проектов.

Метрики являются проводниками информации всей маркетинговой деятельности во времени и жизненном цикле предприятия. Они создаются и для того, чтобы соединить коммуникационные процессы прошлого, настоящего и будущего. Со временем метрики меняются, так как предприятие осуществляет свою деятельность в эпоху постоянных изменений. При размышлении об изменении метрик можно сказать, что

есть выбор из двух возможностей. Первая возможность: метрики точно согласованы со стратегией и определяют рычаги, с помощью которых менеджеры должны действовать, чтобы оптимизировать результаты. Другая возможность неопределенна; метрики используются для позиционирования в широкой области, а не для точного применения, и для информации, а не для контроля. С этими двумя альтернативными возможностями будущего сравнивается ситуация в настоящее время, когда эффективность маркетинга редко квантифицируется (представляется количественно) в полном официальном смысле. Более чем естественным является обращение к принципу системности, так как, по сути, системность, рассматриваемая как метод научного исследования, есть не что иное, как способ одновременного учета целостной совокупности связанных между собой объектов, предметов, явлений, процессов, сущностей и иных системных компонентов, каждая из которых и сама, как правило, обладает определенным, часто значительным, уровнем внутренней сложности.

В процессе формирования системной модели можно выделить два основных подхода. Первый подход основан на принципе, который можно обозначить как принцип активного связывания системных компонентов, когда каждая новая компонента системы, будучи включенной в формирующуюся системную совокупность, приобретает значительную «добавленную» сложность. Полученная в результате такого подхода системная совокупность, представленная в виде некоторой модельной конструкции и являющаяся реализацией некоторой схемной сборки отдельных системных компонентов в единую, предназначенную для целостного осмысления картины, обладает тем преимуществом, что дает исследователю синтетическое видение природы того феномена, который является предметом его

научного интереса. Во втором случае подход основан на несколько ином принципе системного моделирования, который можно условно обозначить как принцип рядоположенности системных компонент, когда исследователь не производит активного вскрытия межкомпонентных связей по той причине, что данная модель мало пригодна для практического исследования изучаемого предмета. Однако польза и познавательная ценность системной модели, основанной на принципе рядоположенности отдельных модельных представлений, заключается в том, что каждая из собранных таким образом системных модельных компонентов является, с одной стороны, относительно самостоятельной и целостно отражающей какой-либо важный аспект исследуемой проблемы, с другой стороны – является выражением одинаково истинных для исследователя, но значительно различающихся по методу выявления, форме, способу выражения и используемому понятийному аппарату точек зрения на единую по сути природу исследуемого предмета и явления. Фактором эффективности систем моделирования

является также их способность обеспечивать не только принятие решений, но и в какой-то мере способность оценивать продуктивность самого маркетинга предприятия, то есть уметь в рамках системы диагностики и оценивания экономической эффективности промышленного предприятия проводить анализ прибыльности, анализ эффективности затрат маркетинга, а также анализ операционной эффективности маркетинговых подразделений. Представляется, что именно такая ситуация имеет место при попытке объединения в едином системном ансамбле рассмотренных ранее в рамках настоящего исследования модельных конструкций, отражающих различные стороны, экономической эффективности маркетинговой функции предприятия. На основе концепции и механизма функционирования системы метризации и процесса оценивания маркетинговой деятельности предприятия в работе представлена авторская методика модельной сборки системы метрик, отображающая процесс реализации маркетинговой стратегии с учетом временного фактора (рис. 2).

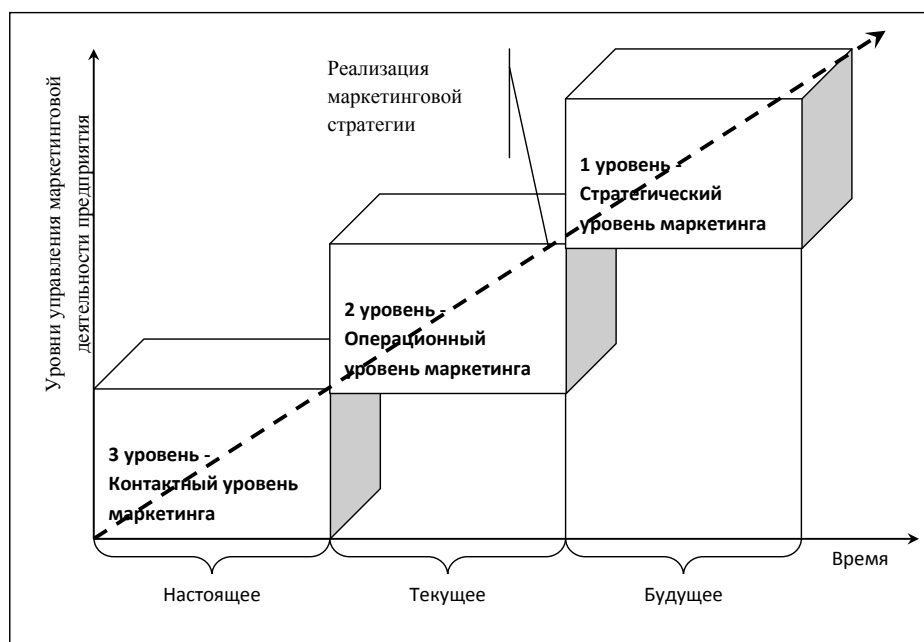

Рис. 2. Системная модель формирования метрик и системы оценивания экономической эффективности маркетинговой функции предприятия

С методологической точки зрения, описанный выше способ выстраивания системной модели обладает тем преимуществом, что позволяет произвести раздельное оценивание частных составляющих этой модели на предмет определения их адекватности в практически используемых схемах, встроенных в систему оценивания экономической эффективности маркетинговой деятельности предприятия (рис. 3, 4, 5). В качестве методической основы для создания адекватной и, как следствие, более эффективной системы оценивания экономической эффективности маркетинговой деятельности может быть положен принцип системной калибровки, заключающийся в интерактивной «отладке» путем последовательного оценивания уровня адекватности отдельных реальных компонентов системы

метризации предприятия и сопоставления этих элементов с идеальными модельными образцами с последующей адаптивной корректировкой реальных компонентов.

На модельном уровне калибровка модели осуществляется под конкретное предприятие согласно логической цепочке «концепция – модель – стратегия». В концептуальном отношении связующим звеном между способом понимания маркетинговых процессов компании (концепцией маркетинга) и набором маркетинговых элементов (маркетинговыми моделями) являются маркетинговые стратегии. По мере того, как системные модели оценивания экономической эффективности предприятий становятся все более общепонятными и если при этом они достаточно эффективны как основа для усовершенствования

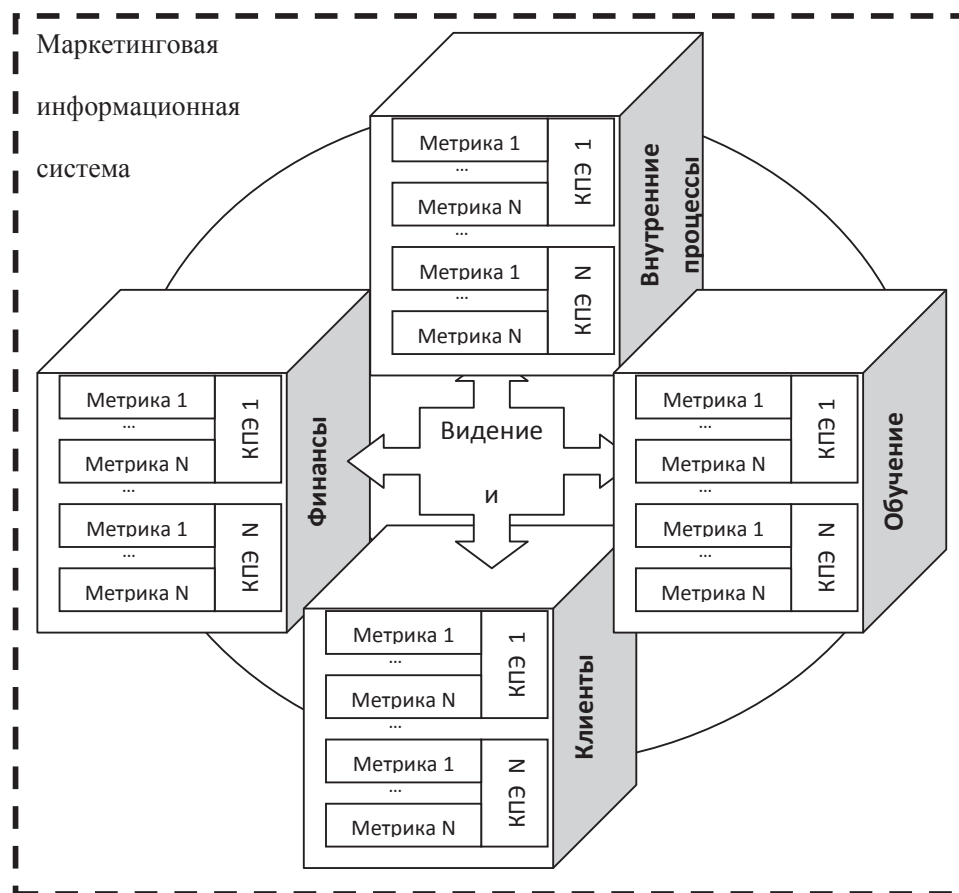

Рис. 3. Система оценивания экономической эффективности маркетинговой функции стратегического уровня предприятия

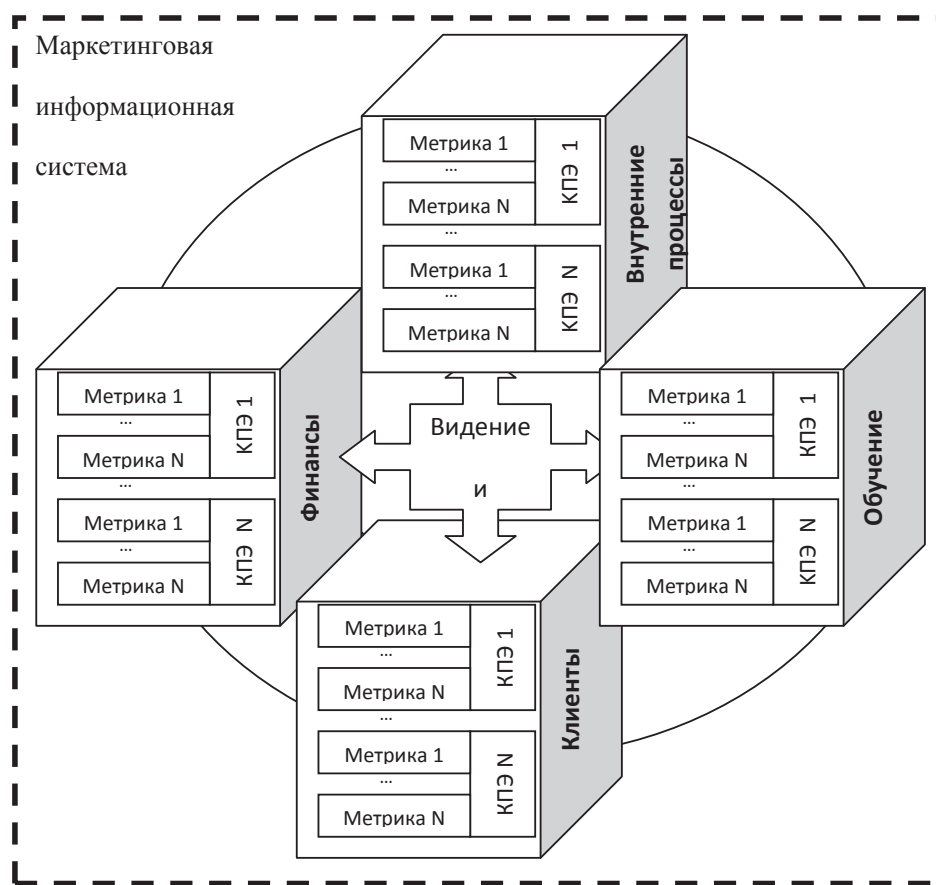

Рис. 4. Система оценивания экономической эффективности маркетинговой функции операционного уровня предприятия

системы, они включаются в арсенал конкурирующих методов, существование которых влияет на представляемые ими системы. Различие между разными методами может заключаться в скорости их воздействия. Надежный прогноз самостоятельного события, например увеличения продаж, воспринимается значительно легче, и реакция на него происходит быстрее, чем реакция на прогноз, согласно которому некоторое изменение образа действия предприятия усилит вероятность увеличения продаж. Метризация как метод исследования экономической эффективности оценивания процесса маркетинговой деятельности предприятия позволяет соединить коммуникационные процессы прошлого, настоящего и будущего. Они являются проводниками информации всей маркетинговой деятельности

во времени и жизненном цикле промышленного предприятия. Практическая ценность описанной здесь системной модели с точки зрения её использования заключается в том, что это модельная сборка, этапы которой послужили созданию компьютерных показателей. Сборная модель эквивалентна целостной системной модели: «Система оценки риска невостребованности продукции на товарном рынке». Она зарегистрирована как полезная, работающая модель (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011610183 от 11.01.2011 г.) Данная модель позволяет в практической деятельности предприятия осуществлять анализ показателей прошлого периода, планирование – настоящего и моделирование будущих периодов на всех уровнях управления предприятием (контактном,

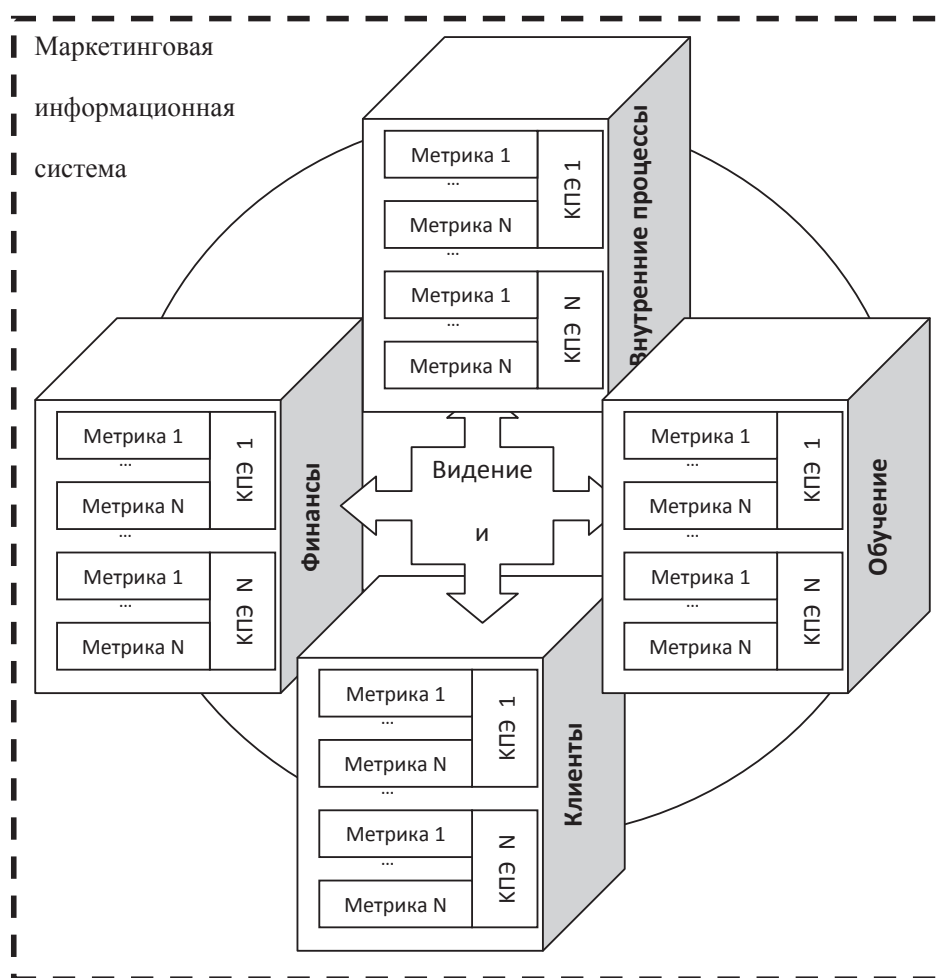

Рис. 5. Система оценивания экономической эффективности маркетинговой функции контактного уровня предприятия

операционном и стратегическом) на платформе ССП четырех составляющих (финансы, внутренние процессы, клиенты, обучение и рост) и тем самым выполнить основную миссию предприятия – долгосрочной и успешной работы на глобальных рынках страны. Сам процесс оценивания экономической эффективности марке-

тинговой деятельности предприятия соединяет прошлое, настоящее и будущее в управлении системой маркетинговой деятельности предприятия через оценку во времени как прошедшее в настоящем, настоящее в настоящем и будущее в настоящем, что позволяет реализовать стратегию предприятия.

SEGMENTATION OF THE RUSSIAN UNIVERSITIES MARKET

Mushketova N.S.

Volgograd State University,

Volgograd, Russia

Identification and characteristics of the segments in the article provide a theoretical basis for the search of new business opportunities for universities. This approach is based on the principle of products' advantages and benefits offered to consumers (behavioral segmentation criterion), but not products segmentation. This approach helps significantly to apply this article results for universities.

Keywords: *segmentation, segmentation criteria, consumers of educational services, the decision to purchase educational services.*

There are rapid changes in the demographic components of the marketing macroenvironment in the Russian Federation and most universities committed to maximizing the list of proposed educational programs of different levels – specialization, graduate, postgraduate, doctoral, training programs and short-term training, vocational education programs, program combined education, MBA programs, etc. This leads to the fact that schools are beginning to not only compete with each other to attract students, but all the more dependent on the differentiation and diversification of services offered. Competing universities and programs are actively fighting for consumers, for the financial support of the state, foreign aid, grants to attract sponsors. [11] Moreover, universities are adopting various forms of integration with the universities of secondary education - schools, high schools, grammar schools, and enterprises-employers by creating a basic chairs and centers of learning. This leads not only to the complexity of university management, but also to increase the number and variety of types of its customers. Contribute to the expansion of the customer base and other activities carried out by the university. This confirms the relevance of the theme of this article, for the participants of the Russian

market of educational services that form the sentence.

The purpose of this study is a theoretical definition and characterization of consumer segments that form the demand for university education market, to further develop the positioning and marketing strategy.

The information base for the study were the materials collected and systematized by the author in the research process, describing the theoretical and practical international experience segmenting markets and the experience of Russian universities in the field of segmentation of the education market, as reflected in the writings of D.Aaker, I.Ansof, S.Dibb, LA Simkin, M.Sirvanchi, O. Saginova, A.P.Pankruhin, D.A.Shevchenko etc.

The results and conclusions presented in the article could contribute to the expansion of theoretical knowledge and understanding of the process of segmenting the educational services market and can be used in the practice of segmenting consumers of educational services to universities. Market segmentation is the process of sharing customers (potential or actual) in the market for different groups, or segments, in which consumers have the same or similar requirements, satisfies the definition of the marketing mix. As the idea

of the education market segmentation university looks relatively simple thing, but in practice faces challenges as it requires data sets and approaches, based on a long study of the market. The problem for the marketing of the university is to determine the criteria and characteristics of segmentation, which will identify segments, identify their needs, offer appropriate marketing mix to meet them and to generate competitive advantages of the university.

Segmentation – is a creative and iterative process, which aims to how to better meet the specific needs and in the end – to create competitive advantages of the university. It is determined by needs of consumers, not companies, and must be reviewed periodically. Segmentation process also helps to identify new opportunities for both the products and the markets [3,6]. Consumers of university educational services can be segmented by behavioral criteria and purposes of using the service. They can be combined into the following segments:

- 1) Consumers – individuals;
- 2) Consumers using educational services for industrial purposes (companies and organizations);
- 3) Consumers using educational services for social (public) goals (state agencies, authorities).

1. Consumers – individuals interested in the product of the universities (entrants) and in the high school educational product for personal use (students and trainees). A market in which consumers are individual segmented according to the socio-demographic, economic, behavioral and psychographic criteria. The speciality of this market segment for high school - a wide range of different of requirements, tastes, priorities and concerns of consumers. Therefore, it is necessary to carefully segmenting consumers.

Entrants, on the one hand, can be attributed to potential consumers, as they through their own inclinations, information on universities, labor market carry the choice of the profile of the university and training. Thus they create the demand for higher education services. On the other hand, university, as opposed to business, does not always respond to the increasing demand proportional increase in the supply of services, as it has a limited number of students and therefore chooses its customers from among the entrants. The university is responsible increase in the supply of its services in accordance to the needs of the economy, offering new programmes and training to the population, which has its own idea of the prestige and relevance of professions, and therefore the demand for the services of the university by the employers and the population can different, although the same time.

Currently, the influence of students on the university increased due to the change in the system of reception, better access to higher education for all segments of the population, increased competition in the education market. On the one hand, the entrant creates demand for the services of the university, on the other hand, it provides a critical resource for college – own backgrounds, intellectual ability and motivation. So, to fight for applicants, the university runs the risk of the quality of its educational product as possible selection of future students at universities are now slim. It may be noted that the applicant is a consumer information services, which enable it to exercise choice of university and educational programs, as well as customer support services, training and university entrance. Prospects for the development of relations with the applicants related to their admission to college and moved into the category of students.

Person uses the learning potential, not only for the creation of material and other benefits, not only for the reproduction of the labor force, but also for our

own cognitive needs. That individual, personalized media, the owner, the user and the end user of the product of the universities provides specific choice for future training, time, place and form of education, sources of financing, as well as the choice of a future employer (or the next level of education) and the full range of conditions for implementation acquired capacity. Around this a personal choice and there are relations of all other subjects of the education market, put together by this central subject.

The specifics of the educational activity is that the student becomes an active participant in the learning process, not a passive recipient of education. There are three differences between traditional consumer goods from the consumers of educational services:

- 1) The existence of freedom of choice (consumers are free to purchase products and services. Universities limit the demand and supply of educational services by the selection of applicants in accordance with the achieved level of training).
- 2) Solvency (customers usually pay for the goods and services out of their own funds. In higher education students are usually funded by parents. Overall, however, the field of higher education, taxpayers subsidize).
- 3) The need to prove their achievements and abilities (for the commercial organization in the marketplace do not need to test their customers in order to determine whether they warrant goods bought, and how they have benefited from such an acquisition. At the same time, students accepted to the university, constantly being tested in order to be able to determine how well they learn the material being taught.)

The analysis of current approaches to the place and role of students in the educational process allowed to identify multiple roles performed by the students:

- 1) Students – domestic consumers of educational technology.
- 2) The students – members of the educational process. They are actively involved in the learning process. In addition to the application of effort they have to have certain skills, aptitudes, and motivation to succeed in learning.
- 3) Students – domestic consumers of support services for the university.

Thus students are not only consumers of the product of the university, and its main partners. Their role in the educational and extra-curricular activities is very high. Impact on the outcome of those activities on the part of students can be considered critical. Related services for high school students are also the main target group of consumers, provide stable, although not sufficiently effective demand [10]. That students feel the greatest relationship with the university, and even dependent on it, and they are usually endowed with little power and authority, require motivation and management in the course of their academic and extracurricular activities. The nature of satisfied needs of students is very wide.

Form relationships with students are the most diverse, and the prospects of their development – favorable. First, students may be involved in almost all activities, thus developing and enhancing their effectiveness. In addition, they are a potential customer of additional educational programs, and after graduation can be attracted to join the Alumni Association and a new level of relationship with the university.

Supplementary education programs, students have certain similarities and differences with the students. Their role in the educational process is also high, and the impact on educational outcomes can be considered critical. Related services for high school students are an important target group.

However, unlike the students, they are more feel it is the consumer, as the self-finance their education and understand the motives of its receipt. Sometimes an additional motive is to acquire new contacts in the professional community. Typically, their rights are realized, and the initiative in the relationship with the university appear more consistently. In addition, students usually do not participate in extracurricular and academic life of the university. Prospects for the development of relationships with students related to their involvement in other educational programs and interact with them as partners, employers, investors, sponsors, etc.

Graduate and doctoral students do not often identify as consumers of educational services of the university, and the relationship with them is not regarded as an object of control. However, their research activities have a direct impact on the ranking of the university. It should be noted that the nature of interaction with graduate students and doctoral candidates also affects the results of their work: the higher the degree of their involvement in the research process of the university, the generally better outcomes. The nature of the interaction can be significant differences in the context of the faculties. Keep in mind the diversity of the consumer group: graduate and doctoral students can be divided into two groups – university staff and outside. Basic needs of post-graduate students are associated with the management of the organization and conduct of scientific research, as well as the social, financial and organizational support in the learning process (scholarship, payment of publications and travel, residence, etc.). Therefore, they can be attributed to consumers related services of the university. In the future they may be considered as potential employees of the university or as a partner in the case of employment elsewhere. If they are employees of the university, the prospects for the development of relations with them are related primarily to the

promotion [5].

Special role (often – decisive) in the decision to purchase educational services play the parents of applicants (graduate students) that provide financial support to their children in the learning process, often pay for education and often form expectations of applicants and students on the process of training and future career play a crucial role in the guidance of their children, are the source of some motivation to learn. Representations of parents about the educational process and extracurricular activities of students, what qualities should be vaccinated their children in high school, are also a form of social order. Although parents may be called only by indirect users of services of the universities (that invest in the human capital of their children in the hope of a better future for them and for myself), however, the study of their needs and wishes will be guided to the university in the social subsystem of the marketing environment in which it operates. Parents as well as students, are consumers of information and support services for university entrance. However, throughout the period of study in high school kids does not change the role of parents, not decreasing the degree of influence on the level of student expectations, behavior, desire for additional education and extracurricular activities. Therefore, parents are consumers of information services and psychological support throughout the study. However, this kind of service for parents, as a rule, are not available on a regular basis, and their importance is underestimated.

The behavior of providers of higher education (universities) focused on customers (individuals and families) and not on consumers. Buyers the choice of educational services as a commodity trust, consider the reputation of the supplier, brand, appeal of the «package» (the direction of training). The quality of higher education – is not only the satisfaction of direct customers, but users. Rotate the future significantly changes, and of the quality of higher

education, bringing the issue of criteria for evaluation of the quality of the scope of the university – in the scope of future operations of the graduate, taking (with great difficulty and are not always willing to university staff) the priority of the assessment by the employer. This is not about to take an interest in the fate of graduates, but to participate in the formation of the necessary social and personal and professional competencies. Thus, the problem in a segment of consumers-individuals is that these central actors are more vulnerable, less-informed consumers compared to other market participants. Therefore, it is the individual student (including potential) should be the focus, information flow and communications, other marketing efforts, as well as mandatory signatory to all transactions in the field.

2. Consumers who use the educational service for industrial purposes (companies and organizations), they form the organized secondary (indirect) demand for educational products in demand in the labor market for labor professionals in various areas of training, which, in turn, form the supply of labor force. With increasing demand for professionals specific profile of the labor market's demand for educational services in the field of training of such specialists in the education market. Market demand for the presentation of the subjects which are the company (companies and organizations), is a more professional, consumers are regularly exercise their choice, according to the national strategy and action plans. Therefore, the part of actors representing offer services, it also implies a greater professionalism, yet it simplifies a number of procedures. Market enterprises easier to classify, segmented by industry and other characteristics.

Employers are able to directly evaluate the quality of education graduates in their ability to competently perform their professional duties, so end-users of educational content are just employers. At their office received a graduate applies the

knowledge and skills that sells itself as a specialist. It should be noted that companies and organizations can be seen not only as a potential employer, but also as consumers of research and development work.

Relationships with businesses universities have various forms of contractual pre-emptive: compliance orders for scientific and technological products, consulting services and the provision of additional educational programs. Their future development associated with the expansion of the range and the increase in services and scientific and technical products. Approaches to creating loyalty of these customers are traditional, similar to a common marketing practice. Relationships within the major educational programs related to the fact that businesses and organizations provide practice site for students and subsequently jobs for graduates. Another form of relationship is the formation of centers, departments and laboratories in the facilities that serve more partners than consumers, as material and financial exchanges between the parties is not present, and both parties receive some benefit. Development of informal relations is connected with the involvement of organizations and their leaders as members (chairman) of the Trust Committee, sponsors, scientific, educational and cultural activities for political support, creating a positive image of the university, faculties, disciplines.

3. Customers who use the educational service of universities for social (public) goals (state agencies, authorities, imposing their own requirements and standards, aimed not only at the professional training of the labor force qualifications that, and to meet the needs of society and individuals in intellectual, cultural and moral development). This segment of the market where consumers are governments at various levels for a long time is the sole investor in the universities. This market is attractive enough for the university especially the scale of demand for its graduates.

References

1. Gronroos, K. Service Marketing / K. Gronroos. - New York: Macmillan // Lexington Books, 1990, p.33.
2. Sirvanci, M. Are the Students the True Customers of Higher Education // Quality Progress. 1996. Oct. P. 99-102.
3. Aaker, D. Strategic market management / A. Aaker, 7th ed. Math. from English., Ed.SG Bozhuk. - St.: Peter, 2007. - 496. (Series «Theory of Management»).
4. Ansoff, I. Strategic marketing / I. Ansoff. - Moscow: Economics, 1989. - 519 p.
5. Vatolkina N.S. The role of students in quality assurance in the university // Quality Management in education. SPb.ETU «LETI», 2008. - P.60-62.
6. Dibb, S. Practical Guide to Market segmentation / S. Dibb, L. Simkin. - St.: Peter, 2002. - 240. (Series «Marketing Professional»).
7. Marketing of educational services / ed. N.A. Pashkus. - St.: LLC «Knizhny Dom», 2007. - P.36-38.
8. Pankrukhin A.P. Marketing of educational services in higher and further education. Textbook. Moscow - Interpraks, 1995, 240 p.
9. Saginova O.V. The strategy of the university: the marketing aspect // Economyka obrazovaniya. 2004. - № 2. - P. 26-40.
10. Salimova T.A., Vatolkina N.S. Comparative characteristics of the consumers of higher education universities // University Management. - 2010. - № 1. - P.72.
11. Shevchenko D. The situation in the market research of educational services // <http://www.marketologi.ru/lib/shev/mou.html>.

ИНСТИТУТ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ПУТИ ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВРЕМЕНИ

THE INSTITUTION OF THE ORGANIZATIONAL CULTURE AND THE WAYS OF ITS CHANGE IN TIME

Попов А.Н., Виноградова Н.П.

*Челябинский государственный университет, Костанайский филиал,
г. Костанай, Костанайская область, Республика Казахстан*

Popov A.N., Vinogradova N.P.

*Kostanay branch of the Federal State-financed Educational Establishment
of the Higher Professional Education The State University of Chelyabinsk,
Kostanay, Kostanay region, Republic of Kazakhstan*

Определены институциональные рамки организационной культуры. С позиций «теории идеологии» исследованы возможные пути формирования института организационной культуры и его развития во времени.

Ключевые слова: институт, организационная культура, нормы, изменение во времени, эволюция, коррекция, интерпретация, импорт.

The institutional frameworks of the organizational culture are defined in the article. The possible ways of the formation of the institution of the organizational culture and its development in time are studied from the position of the 'theory of the ideology'.

Keywords: institution, organizational culture, norms, change in time, evolution, correction, interpretation, import.

В последние годы все чаще отечественными экономистами поднимается вопрос о современном состоянии методологии моделирования инструментов бизнеса (4) и ресурсной теории экономического развития (3). Последняя трактуется очень широко и органически связывается с институциональной экономической теорией, адекватной переходному периоду, в которой все еще пребывает национальная экономика. В более конкретном виде речь идет о сотрудничестве экономических агентов на основе институтов.

Любой институт – это совокупность норм, структурирующих взаимодействие индивидов в сфере производства и обмена материальных благ. Одним из таких институтов является организационная культура макро- и микроуровня. Именно она, как отмечают институционалисты, имеет важное значение в решении проблемы «принципала-агента» на основе «золотого правила» (11).

Специалисты выделяют ее интерпретативную функцию, благодаря которой дают оценку обоснованности решений принципала при наступлении тех или иных непредвиденных обстоятельств (11): «организационная культура дает *ex ante* подчиненным представление о том, как организация будет реагировать на те или иные непредвиденные обстоятельства, строго говоря,

благодаря ее существованию организация получает свою идентичность». Говоря иначе, однажды сформировавшаяся организационная культура препятствует изменению типа взаимоотношений принципала и агента.

К числу норм, определяющих суть организационной культуры как института, можно отнести деперсонифицированное доверие, эмпатию, утилитаризм, целерациональное действие, уважение прав собственности. Эти нормы (как базовые регуляторы взаимодействия работников фирмы) органически связаны с экономикой соглашений и общественного выбора (Л. Тевено, О. Фавро, А. Орлеан) – в рамках институционального детерминизма.

Для норм характерны три свойства, причем все они связаны с ролью, которую нормы играют в обеспечении координации деятельности (11). Свойства эти следующие.

1. Свойство неизбирательности в потреблении: использование определенной нормы одним человеком не уменьшает ее доступности для остальных. Наоборот, чем доступнее норма, тем легче скоординировать на ее основе деятельность в различных сферах.

2. Свойство неисключаемости в потреблении: ни одному человеку не может быть запре-

щено использование нормы, даже если он не участвует (или не участвовал) в ее создании или корректировке (норму вообще нельзя потребить индивидуально, ее потребление носит всегда совместный характер).

3. Свойство неисчерпаемости в потреблении: использование нормы одним индивидом не уменьшает полезного эффекта от использования этой же нормы другим индивидом. Наоборот, чем шире распространена норма, тем больше полезный эффект от ее применения, ведь выбор общепринятой нормы снижает неопределенность во взаимодействиях.

Организационная культура – как институт – структурирует взаимодействия между работниками фирмы на основе определенных норм

(формальных и неформальных). Кроме того, существуют и такие рамки поведения, которые не фиксируются ни в писаном, ни в неписаном праве. Индивиды выбирают их спонтанным образом и добровольно следуют их предписаниям (5). В последнем случае речь идет о совместных стратегиях, принимающих форму соглашений и «фокальных точек».

По сути, речь идет о трех видах институциональных рамок, определяющих рассматриваемый институт рыночной экономики, который можно назвать одним из основополагающих в современных условиях глобализации и информатизации. Конкретно о сути этих рамок можно судить по данным таблицы 1, составленной на основе исследований американских авторов (9).

Таблица 1

Институциональные рамки организационной культуры

Критерий сравнения	Формальные рамки	Неформальные рамки	Спонтанно выбираемые рамки
Структура	Правило	Правило или норма	«Совместная стратегия»
Характер санкций за невыполнение предписаний	Легальные (административная или уголовная ответственность)	Социальные (ostracism, потеря репутации)	Санкции отсутствуют
Где закреплены	Писаное право	Неписаное право	Интуиция
В отношении кого действуют	Все индивиды в рамках внутрифирменных отношений	Действие ограничено рамками социально однородных групп	Обладающие достаточной информацией друг о друге люди
Транзакционные издержки	Не зависят от личности участников сделки и/или их социальной принадлежности	Минимальны в случае совершения сделки в рамках социально однородных групп	Отсутствуют – сделка не оформляется ни легальным, ни нелегальным образом

Те же и другие авторы речь ведут об эволюционном варианте развития Института, основанном на наличии интенсивных социальных связей и отношений, основных на взаимности и доверии. При этом неформальные рамки института организационной культуры – в процессе легализации – превращаются в легальные как на макро-, так и микроуровне. Это так называемый генетический (по трактовке других авторов – эволюционный,

инерционный) вариант развития данного института, имеющий непосредственное отношение к российской действительности на протяжении последних двух десятилетий рыночных преобразований. И в данном – конкретном – случае можно согласиться с тем, что **институт организационной культуры** – «это привычный образ мышления людей, который имеет тенденцию продлевать свое существование неопределенно долго» (2).

В преломлении к рассматриваемому институту уместны слова об эффекте исторической обусловленности его развития (особенно если вчерашние институциональные рамки остаются значимыми и ограничивают варианты выбора сегодня и в будущем). В данном случае – с позиций развития рыночных отношений на глобальном уровне (институциональном развитии) – «историческую значимость» (12).

Экономическую историю развития института организационной культуры в нашей стране в постсоветский период уместно рассматривать с позиций «теории идеологии» (12). Под **идеологией** при этом понимается способ восприятия ежедневно возникающих проблем, который позволяет минимизировать количество информации, требуемой для их решения (позитивное определение), и суждение о справедливости или легитимности институциональных рамок, в которых действует индивид (нормативное определение).

В данном случае речь идет об интерпретативной функции института организационной культуры. Говоря иначе, с помощью идеологии в рамках фирмы (или в более широком плане – на макроуровне) определяется круг факторов, учитываемых при принятии решения, организационное поведение не полностью рационально (оно ценностно-рационально с позиций теории института организационной культуры).

Схематично развитие данного института у нас в стране (на макро- и микроуровне) выглядит следующим образом (рис. 1). Здесь, по нашему мнению, можно согласиться со следующими словами (10): «Длительные периоды медленных, частичных изменений (в идеологии) сменяются относительно короткими периодами радикальных изменений, в течение которых происходит смена механизма интерпретации». Или, идеология воззрения сменяется когда практический опыт не поддается интерпретации на основе прежней идеологии.

Такого рода развитие института организационной культуры можно назвать методом «прерывистого равновесия». Его реализация на практике возможна лишь при наличии в самой идеологии организационного культуростроения элементов, ответственных за ее текущую корректировку. С этой точки зрения, идеологии бывают двух типов – ориентированные на инверсию и на медиацию нового опыта (1). С этой точки зрения важна идеология, ориентированная на медиацию нового опыта через синтез нового мировоззрения и постоянную коррекцию идеологии (5). «Например, неформальные нормы, перенесенные на общество в целом, создают совершенно новые условия функционирования и применения. Возникает противоречие между структурой нормы и целями, которые она призвана выполнять. Противоречие может быть решено либо на основе логи-

Рис. 1. Эволюция развития института организационной культуры (средствами коррекции) на макро- и микроуровне

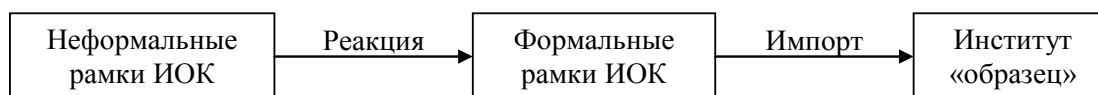

Рис. 2. *Революционный путь организационного культуростроения (изменения основ функционирования института организационной культуры – ИОК)*

ки инверсии (легализация неформальной нормы без ее изменения или запрещение неформальной нормы), либо на основе логики медиации (интерпретация неформальной нормы в соответствии со спецификой взаимодействия в рамках общества в целом)».

Итак, эволюционные изменения допускают лишь развитие норм по аналогии, исключая их радикальную корректировку и интерпретацию в соответствии с изменившимися условиями и (или) общественными потребностями. Иное дело в отношении революционного варианта развития института организационной культуры (рис. 2).

Отмеченное касается в первую очередь формальных рамок, ибо неформальные не поддаются прямому воздействию и могут быть изменены лишь индуктивно, как реакция на новые формальные рамки. В отличие от генетических изменений, сопровождающих эволюцию институтов, революционные изменения можно назвать онтологическими: желаемая ситуация проецируется на общество (8).

Обобщая, приведем так называемое «дерево» институционализма, обусловленное наличием теории ценностно-ориентированного рационализма. В основе данной теории лежат вопросы принятия решений в условиях риска и неопределенности в системе предпринимательства. Расширение областей знаний в рамках институционализма как явления рыночной экономики мы связываем с институтом организационной культуры и институтом управленческой экономики, каждый из которых имеет «выход» на институциональную теорию фирмы, осуществляющей предпринимательскую деятельность (рис. 3).

Л.Г. Силкина в свое время выражала сомнения в том, что вряд ли можно «предпринимательство» относить к числу известных в экономической теории факторов производства. Аргументировала она это тем, что есть два условия, определяющие суть фактора: 1) строгая однородность, 2) бесконечная делимость (7). «Таким образом, – писала она, – налицо явное противоречие: с одной стороны, предпринимательство является жизненно важной функцией рыночной экономики, а с другой – в условиях долгосрочного конкурентного равновесия ему нет места в связи с тем, что экономическая прибыль равна нулю, а оплата других факторов производства осуществляется на основе теории предельной полезности».

Представленная на рисунке 3 информация в отношении «дерева» институционализма позволяет определенным образом снять (в качестве дискуссионного вопроса) данное противоречие. Как следует из данного рисунка, предпринимательство представимо в виде ряда составляющих, а именно: наличие транзакционных (в том числе информационных) издержек и риска (неопределенности), а также первичности личности предпринимателя и наличия когнитивных ограничений. Сюда же следует отнести и теорию ценностно-ориентированного рационализма.

Такое его деление позволяет представить предпринимательство в виде определенной экономической личности и ее действий, направленных на экономию транзакционных издержек (и, соответственно, получение предпринимательского дохода) в условиях риска и неопределенности. Вот эти-то действия (исключая определенным образом экономическую личность) и

Рис. 3. «Дерево» институционализма

являются фактором производства экономических благ. Им (это можно утверждать с определенной категоричностью) свойственна и строгая однородность, и бесконечна делимость, о справедливом чем утверждает Л.Г. Силкина. Особую роль при этом играет «институт организационной культуры» с его теориями развития, доверия, транзакционных издержек и др.

Заключая, отметим также следующее.

1. Институт организационной культуры – это такое благо которое используется для организации взаимодействия совместно всеми экономическими агентами, вне зависимости от того, принимают ли они участие в процессе корректировки норм и их интерпретации с точки зрения нового опыта (5). Его назначение – снижать транзакционные издержки предпринимательской деятельности (в частности издержки поиска информации, измерения, заключения контракта, спецификации и защиты прав собственности и

защиты от третьих лиц) и достижение – на этой основе – делового успеха.

2. На мировом рынке существует выбор институтов. Отмеченное касается и института организационной культуры, который развивается в стране – с учетом зарубежного опыта (и прежде всего США) – как эволюционным (прежде всего на микроуровне), так и революционным путем с целью обеспечения конкурентоспособности на уровне хозяйствующих субъектов.

3. Основным фактором, влияющим на успех импорта института организационной культуры является характер (степень) конгруэнтности господствующих в стране норм, на основе которых функционирует данный институт. Именно от этого зависит каким будет его развитие – эволюционным, стабильным (позитивным или негативным).

Отмеченное касается и конгруэнтности с институтом власти в стране, его местом в социально-экономической структуре, властными полно-

мочиями, источником власти, ее интересе в развитии института организационной культуры.

4. Под **институционализмом** – в самом широком смысле этого слова – понимается наставление, указание, образ действия. Именно со всем

этим и связано предлагаемое нами для введения в научный оборот понятие «институт организационной культуры», о путях развития которого и шла речь выше.

Литература

1. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. – М.: Философское общество СССР, 1991. – С. 71.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – С. 202.
3. Войтехович Е.Н. От ресурсного подхода к ресурсной теории // Вестник инжэкона. – 2012. – № 3. – С. 38-45.
4. Минаев Д.В. Современное состояние методологии моделирования инструментов бизнеса // Вестник инжэкона. – 2012. – № 3. – С. 183-189.
5. Олейник А.Н. Институциональная экономика. Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 416 с.
6. Попов А.Н., Виноградова Н.П. Институциональная теория организационного культуростроения. – Костанай: КСТУ, 2012. – 414 с.
7. Силкина Л.Г. Экономическая теория. Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2003. – 448 с.
8. Andreff W. La crise des economies socialistes. La rupture d'un système. Grenoble: PUG, 1993. – P. 12.
9. Crawford S., Ostrom E. A Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 83. № 3. – P. 582-583.
10. Denzau A., North D. Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // Kyklos. 1994. Vol. 47. № 1. – P. 23.
11. Kreps D. Corporate Culture and Economic Theory / Perspectives on Positive Political Economy. Ed. By Y. Alt, K. Shepsle. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 126.
12. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 93.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

THEORETICAL BASE OF THE PROVISION TO ECONOMIC SAFETY STATE

Харесова М.Ш.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан*

Kharesova M.S.

*Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan*

Экономическая безопасность государства – это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию.

Ключевые слова: *безопасность, угроза, стабильность, устойчивость, независимость.*

The economic security of the state – a set of conditions and to ensure the independence of the national economy, its stability and the ability to constantly update and improve.

Keywords: *security, threat, stability, steadiness and independence.*

Современное понимание «безопасности» чрезвычайно широко и многообразно, к его определению существует множество подходов.

В Толковых словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова понятие безопасность трактуется как «состояние, при котором не угрожает опасность, защита от опасности» [1] или «отсутствие опасности, сохранность, надёжность» [2].

С правовой точки зрения безопасность определяется как «состояние, тенденции развития (в том числе латентные) и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности с объективно обусловленными инновациями в ней, и свободное, соответствующее собственной природе и

ею определяемое функционирование» [3, с.219].

Философский подход означает триединство следующих определений: «Безопасность – 1) непротиворечивость системы объективных законов функционирования общества; 2) стабильность и сбалансированность системы общественных отношений, обеспечивающих единство и взаимообусловленность системы интересов в обществе; 3) устойчивость воспроизводства мотивов позитивного поведения и продуктивного взаимодействия различных социальных общностей в рассматриваемой системе» [4].

По мнению авторов курса «Экономическая безопасность России», «общий подход к понятию безопасности общества, сложившийся в литературе, таков: безопасность общества – это состоя-

ние (включая факторы, условия и механизм обеспечения этого состояния) сбалансированности всех (внутренних и внешних) сторон его бытия, формирующее возможности реализации интересов его текущего и будущего развития. Безопасность – это не только механизм, состояние, но и самостоятельное, достаточно автономное явление, во многом определяющее условия, жизненные возможности и будущее любого связанного с ним объекта» [4].

Термин «безопасность» в научной литературе весьма многозначен, до сих пор не выработано четкого и строго определения этого понятия. Иногда безопасность рассматривается как цель, в других случаях как концепция, как научная программа или научная дисциплина.

До сего времени не существует целостной концепции безопасности: понятия «личная безопасность», «национальная безопасность», «международная безопасность» имеют дело с различным набором проблем и исходят из различных исторических и философских контекстов. В последнее время произошло существенное расширение представлений о безопасности, как в отношении объектов посягательства, так и в отношении источников опасности, а в принципиальных вопросах при определении понятия «безопасность» речь по-прежнему идет либо о способности (иногда свойстве, качестве) какой-либо системы противостоять посягательствам, либо о состоянии объекта, характеризующегося защищенностью от опасности или отсутствием самой возможности разрушительного воздействия [5, с.23].

Безопасность как состояние сохранности, надежности предполагает поддержание определенного баланса между негативным воздействием на субъект окружающей его среды и его способностью преодолеть это воздействие либо собственными ресурсами, либо при помощи соответствующих,

специально для этого созданных органов или механизмов.

Безопасность можно интерпретировать как свойство системы, включающей в себя потенциальные жертвы и угрозы для них. Она обеспечивается стабильностью, устойчивостью, живучестью жертвы и использованием ею следующих методов: уклонение, защита либо уничтожение источников опасности, угроз и вызовов. Под устойчивостью подразумевается способность нормально функционировать при возмущениях; под стабильностью – совокупность устойчивостей к длительно действующим возмущающим факторам, а под живучестью – способность систем сохранять функционирование в условиях целенаправленного противодействия.

Применительно к социальным субъектам (государство именно таким и является) «под безопасностью следует понимать такое их качественное состояние, при котором обеспечивается их устойчивое существование и функционирование, удовлетворение и реализация необходимых потребностей и интересов, способность к эффективному предотвращению или устранению различного рода опасностей и угроз, прогрессу и саморазвитию» [5].

Очевидно – но нигде в литературе не отмечено – что безопасность является субъективной оценочной категорией. Очевидно, что угрозы и опасности оцениваются каждым индивидуумом (каждой группой в обществе) по-разному. Перефразируем пословицу: «для кого-то угроза – то, что хлеб будет черствый, а для кого-то – то, что жемчуга мелкие». Объективной основой оценки безопасности являются такие характеристики как стабильность или устойчивость.

Т.е. безопасность – это субъективное представление наблюдателя 1) о способности (свойстве, качестве) объекта сохранять устойчивость (стабильность) под воздействием угроз внешней

среды («вызовов» в терминах синергетики), либо 2) о предсказуемости состояния объекта, характеризующегося защищенностью от опасности или отсутствием самой возможности разрушительного воздействия.

Когда Казахстан стал независимым государством, возникла необходимость определиться с рядом ключевых для государственности моментов, одним из которых являлась национальная безопасность. Выбор был сделан в пользу широкого понимания безопасности. Национальная безопасность Республики Казахстан определяется как «состояние защищенности национальных интересов страны от реальных и потенциальных угроз» [6] и состоит из разных аспектов: экономической, общественной, внешней, военной, экологической, информационной безопасности и безопасности государственных институтов. (Аналогичным образом безопасность в российском законодательстве – «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [7]. Совершенно по иному определяется национальная безопасность в Соединенных Штатах, где под этим понятием понимается только оборонная и внешняя политика. Внутренняя политика, экономическая политика и т.д. в это понятие не включаются - несмотря на то, что термин «экономическая безопасность» ввел в лексикон Президент США Рузвельт в 1934 г., создав федеральный Комитет по экономической безопасности [8].

Как мы видим, национальная безопасность понимается как состояние государства – объекта угроз – но не как способность государства как системы им противостоять. При этом нельзя забывать, что безопасность – это субъективное оценочное представление наблюдателя, реакция которого на опасность сугубо индивидуальна. И научно установленные закономерности обще-

ственного развития «представляют собой не статические «железобетонные» конструкции, а динамический результат взаимодействия множества социальных сил, условий, тенденций и факторов. /.../ В разных фазах эволюционного цикла существуют различные возможности для деятельности ключевых социальных и политических акторов (действующих лиц – включая и отдельных индивидов); динамику этих возможностей описывают эволюционные ритмы и циклы» [9].

Итак, налицо два различных подхода к пониманию безопасности – в статике, как субъективная оценка состояния, и в динамике – как столь же субъективная оценка способности экономической системы сохранять устойчивость.

Теория экономической безопасности государства получила широкое освещение в экономической науке. С. Murdoch полагал, что экономическая опасность возникает в том случае, когда происходят изменения: в объеме и распределении доходов и богатства; в уровне занятости, инфляции, доступе на рынок, снабжении сырьем и т.д.; в экономическом суверенитете, т.е. возможности контролировать широкий круг инструментов политики и ресурсов [10]. Н. Maull под экономической безопасностью понимает отсутствие острой угрозы минимально приемлемому уровню основных ценностей, который нация считает первостепенно необходимым. По его мнению, эта угроза возникает в том случае, когда внешние экономические параметры изменяются настолько, что возникают условия, способные разрушить существующую социально-политическую систему [11]. В течение многих лет экономическая безопасность рассматривалась как прикладная категория, лишь относительно недавно она стала предметом теоретических исследований. Однако, войдя в научный и практический оборот, эта категория не приобрела четкого содержания.

Спектр научных взглядов на понятие «экономическая безопасность» довольно широк ... и весьма расплывчат.

В Законе «О национальной безопасности Республики Казахстан» экономическая безопасность определяется «состояние защищенности национальной безопасности Республики Казахстан от внутренних и внешних условий, процессов и факторов, ставящих под угрозу ее устойчивое развитие и экономическую независимость» [7].

В различных источниках экономическая безопасность определяется как:

- совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию [12];

- состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социальная направленность политики, достаточный оборонный потенциал даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов [13];

- защищенность национальных интересов при оптимальных затратах труда и природоохранном использовании сырьевых ресурсов и окружающей среды, а также готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества [14];

- способность соответствующих политических, правовых и экономических институтов защищать интересы всех своих ключевых субъектов национальной экономики в рамках правил, действующих внутри страны и в международной торговле, на основе национальных и междуна-

родных правовых норм, при соблюдении и уважении национальных хозяйственных традиций и ценностей [15];

- сочетание экономических, политических и правовых условий, которое обеспечивает в долгосрочной перспективе производство максимального количества экономических ресурсов на душу населения наиболее эффективным способом [16];

- состояние экономики, уровень развития ее производственно-ресурсного потенциала, а также сфер распределения и обращения, которые обеспечивают социально-экономическую и военно-политическую стабильность общества и государства, суверенную и независимую внешне-экономическую позицию [17];

- состояние экономики, при котором на длительный период времени обеспечиваются достойные условия жизни и гармоничного развития личности, социально-экономической, политической, нравственно-психологической стабильности общества и государства, способность противостоять влиянию внутренних и внешних угроз при оптимальных затратах всех видов ресурсов и при неистощительном использовании природных факторов [18];

- такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внешних и внутренних процессов. Экономическая безопасность не есть некая абстрактная теоретическая конструкция. Защищённость национальных интересов определяется и обеспечивается способностью институтов власти создавать механизмы реализации и защиты интересов отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества». В целом

экономическая безопасность государства состоит в способности народного хозяйства развиваться в устойчивом расширенном масштабе, удовлетворять реальные экономические потребности общества на уровне не ниже критического предела, обеспечивать экономическую независимость государства, противостоять существующим и внезапно возникающим угрозам [19];

- комплексная категория, характеризующая состояние экономики, динамичность ее развития, способность нейтрализовать негативное воздействие деструктивных факторов и угроз внешней среды, обеспечивать соответствующим субъектам экономические блага для удовлетворения их первоочередных потребностей, реализации жизненно важных интересов общества, личности, государства, к ее постоянному обновлению и самосовершенствованию. Экономическая безопасность рассматривается как качественная характеристика экономической системы, определяющая ее способность последовательно реализовать национально-государственные интересы. Экономическая безопасность есть защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз[20];

- на макроуровне экономическую безопасность представляют как «состояние экономики», как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих определенный необходимый уровень экономического развития страны», связанную с такой характеристикой экономической системы, как защищенность от внешних и внутренних угроз. На микроуровне экономическую безопасность можно представить как такое состояние хо-

зяйствующего субъекта, при котором он при наиболее эффективном использовании имеющихся ресурсов добивается предотвращения, ослабления или защиты от существующих опасностей и угроз или других непредвиденных обстоятельств и в основном обеспечивает достижение целей бизнеса в условиях конкуренции и рисков среды [21].

К основным принципам обеспечения экономической безопасности как составной части национальной безопасности относится противодействие источникам потенциальной экономической опасности; мониторинг и индикативный анализ состояния экономики; технологическое совершенствование экономики как условие прогресса и устойчивого ее развития; целевое управление внешнеэкономической деятельностью; постоянное взаимодействие органов власти при реализации стратегии экономической безопасности; определение ориентиров инвестиционной политики.

Получается, что «экономическая безопасность имеет многомерный, межотраслевой характер, она охватывает /.../ безграничный спектр объектов, свойств, критериев». Тем не менее, во всех этих определениях экономическая безопасность – либо состояние (в статике), либо способность (в динамике), которая «обеспечивается устойчивостью экономической системы, уровнем взаимодействия ее структурных подсистем, а также способностью отраслей самостоятельно формировать текущие и стратегические цели, создавать механизм адаптации к возможным изменениям любого уровня, изыскивать резервы самоорганизации и саморазвития».

Литература

1. Назарбаев Н.А. «Индустриально-технологическое развитие Казахстана ради нашего будущего» Выступление Президента Республики Казахстан на внеочередном XII съезде партии «Нур Отан» 15.05.2009// Сайт Президента Республики Казахстан <http://www.akorda.kz>

2. Кудеров М. Виктор Красильщиков: «Нам надо забыть о нефти» // Частный корреспондент 11 марта 2009 года <http://www.chaskor.ru/p.php?id=4183>
3. Ляско А.К. Концепция доверия в социально-экономической теории /Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук: Москва. – 2004 219 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М, 1994. – С. 444.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1981. – С.67.
6. Степашин С.В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы): Монография. – СПб., 1994. – С. 23.
7. Закон Республики Казахстан от 26 июня 1998 года N 233 «О национальной безопасности Республики Казахстан» // Ведомости Парламента РК, 1998 г., N 11-12, ст. 173.
8. Закон Российской Федерации «О безопасности» / О безопасности: Сб. законодательных и нормативных документов. М., 1998. – С. 38.
9. Экономическая безопасность (теория и практика): Учебник / Под. ред. Е.А. Олейникова. – М.: «Классика плюс», 1999. – С. 9.
10. Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. – Дубна: ООО «Феникс+», 2006. – 448 с.
11. Murdoch C. Economic Factors al objtets of security: Ecjnjmics security 2: vulnerability // K. Knorr, F. Jraeger. Economicsis – skies 2: national security. – Zcuorence. 1977. – P. 67-98.
12. Maull H. Raw materials, energy and Western security. L. 1984. – P. 216.
13. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – №12. – С. 5.
14. Экономическая безопасность: производство, финансы, банки / А.И. Архипов, Р.А. Белоусов и др.; под ред. В.К. Сенчагова. – М.: ЗАО «Финстатинформ», 1998. – С. 12.
15. Национальная экономика России: потенциалы, комплексы, экономическая безопасность: Учебник / Под общ. ред. В.И. Лисова. – М.: «Экономика», 2000. – С. 431.
16. Илларионов А.И. Критерии экономической безопасности//Вопросы экономики. 1998. № 10. – С. 21.
17. Асалиев А.М., Бороздин СВ., Брагин Л.А. Макроэкономика: показатели экономической безопасности и их пороговые значения. – М.: «Экономика и финансы» совместно с ИИФ «Триада». – 1996. – С.96.
18. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. / Под общ. ред. С.В.Степашина. М.; СПб.: Издательство «Лань», 2001. – 608 с.
19. Асанов В., Евдокимов К., Смешко О. Методологические основы теории экономической безопасности государства // Регион № 5 2002 г., с. 53.
20. Данилов А. А. Формирование финансовой составляющей экономической безопасности: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук- Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2008.
21. Мелешев Р. С. Налоговое планирование в системе обеспечения финансовой безопасности Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук – Москва: ФГОУ ВПО «Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации», 2008.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИЗМЕНЕНИЙ ИНДИКАТОРОВ
РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ
СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

**METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT
OF CHANGES IN INDICATORS OF COMMUNITY DEVELOPMENT
IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL REFORM
OF THE SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT**

Казаков М.Ю.¹, Бобрышев А.Н.²

¹ *Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Ставропольский край, Россия*

² *Ставропольский государственный аграрный университет,
г. Ставрополь, Ставропольский край, Россия*

Kazakov M.J.¹, Bobryshev A.N.²

¹ *North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia*

² *Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia*

В статье рассмотрены методические подходы к выявлению трансформаций в системе территориального самоуправления с позиций их влияния на социально-экономические показатели развития локалитетов.

Ключевые слова: экономика, регион, социально-экономическое развитие, асимметрия, полярные зоны.

The article describes the methodological approaches to identify transformations in the system of local self-government in terms of their impact on the socio-economic indicators of the locality.

Keywords: economy, region, socio-economic development, asymmetry, the polar zones.

В современной системе регионального менеджмента одной из ключевых проблем является выравнивание социально-экономического развития муниципальных образований. Как показали наши исследования, развитие муниципальных образований Волгоградской области характеризуется достаточно высокой дифференциацией. Оценка социально-экономического развития муниципальных образований исследуемого региона

происходила в разрезе трех групп показателей (таблица 1): индикаторы общего уровня развития экономики, финансовые показатели деятельности организаций и демографические показатели.

В процессе реализации стандартных процедур мониторинга муниципальных образований Волгоградской области, в результате сравнительного анализа нами были выявлены лидирующие и отстающие территории [1]. Кроме того, необ-

ходимо отметить, что по уровню экономического развития муниципальные образования Волгоградской области крайне дифференцированы, при этом наблюдаемая асимметрия смещена в сторону городских агломераций. Так практически по всем показателям доля г. Волгограда составляет более 70% в агрегированном показателе по области в целом, а средний уровень по региону превышает крайне малое количество муниципальных образований.

Проведенная аналитическая работа позволила, исходя из максимального количества попаданий в группы лидирующих муниципальных образований, в разрезе трех групп показателей, выделить территории-лидеры и территории-аутсайдеры по уровню социально-экономического развития муниципальных образований (табл. 1).

Таким образом, следует отметить, что главной детерминантой социально-экономического развития муниципальных образований Волгоградской области является высокая степень их дифференциации, природа которой носит двойственный характер: во-первых, асимметрия в развитии отдельных территорий региональной социально-экономической системы может объясняться априорно различными условиями природно-ресурсного, кадрового, политического, экономического и социального потенциала, а во-вторых, поляризация в их развитии может быть вызвана различной эффективностью действий региональных властей, объясняющейся во многом различной степенью адаптации к меняющимся рыночно-конъюнктурным условиям функционирования, неспособностью адаптации к доктринальным положениям реформационной модели местного самоуправления, низкой эффективностью управленческих технологий и механизмов реализуемых в рамках системы муниципального менеджмента.

Исходя из этого, оценку степени эффективности муниципального менеджмента необходимо проводить в определенной последовательности. По нашему мнению наиболее комплексным и релевантным является методический подход, в соответствии с которым выделяется ряд структурированных аналитических действий (рис. 1).

Следует отметить, что проблема оценки эффективности и результативности муниципального менеджмента, его реформационной модели возникла одновременно со становлением института местного народовластия [2]. В данной связи нами выдвинуто предположение о том, что оценить эффективность муниципального управления, а также выявить взаимосвязь между изменениями параметров социально-экономического развития и реформирования системы территориального местного самоуправления можно с полиаспектных позиций различных субъектов муниципальной экономики:

1. Население. Основной целью территориального управления является повышение уровня и качества жизни населения, именно поэтому данная категория может объективно оценить, на сколько трансформационные процессы в системе муниципального менеджмента влияют на качество и динамику жизненных процессов.

2. Муниципальные служащие. Данная категория экспертов помогает оценить на внутрисубъектном уровне управления оценить те предпосылки к эффективному выполнению своих обязанностей, которые сформировались в рамках реформирования системы муниципального самоуправления.

3. Руководители предприятий реального сектора экономики. Данная категория позволяет на низовом уровне проследить последовательность государственной политики экономического стимулирования реального сектора региональной экономики.

Таблица 1
Группировка муниципальных образований Волгоградской области по группам социально-экономического развития

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ				ФИНАНСОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ	
Оборот розничной торговли на душу населения, руб.		Оборот общественного питания на душу населения, руб.		Удельный вес убыточных организаций, %	
Лидирующие	Отстающие	Лидирующие	Отстающие	Лидирующие	Отстающие
г. Волгоград, г. Михайловка, г. Волжский, г. Камышин, Николаевский район, г. Фролово, г. Урюпинск.	г. Волгоград, г. Волжский, г. Михайловка, Котовский р-н, г. Камышин.	г. Волгоград, г. Волжский, Старополтавский р-н, Октябрьский р-н, Еланский р-н, Ольховский р-н.	Урюпинский р-н, Михайловский р-н, Фроловский р-н, Чернышковский р-н, Камышинский р-н, Ленинский р-н.	Новониколаевский р-н, Жирновский р-н, Старополтавский р-н, Палласовский р-н, Ленинский р-н, Среднеахтубинский р-н, г. Михайловка.	Камышинский р-н, Старополтавский р-н, Палласовский р-н, Ленинский р-н, Среднеахтубинский р-н, Быховский р-н, Камышин.
Дифференциация (max/min уровень)		Дифференциация (max/min уровень)		Дифференциация (max/min уровень)	
47846,1 руб.		1168,2 руб.		7%	
В среднем по области		В среднем по области		В среднем по области	
25846,7 руб.		648,3 руб.		35%	
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ				ФИНАНСОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ	
Естественный прирост (убыль) населения, чел.		Сальдо миграции, чел.		Удельный вес просроченной кредиторской задолженности организаций, %	
Лидирующие	Отстающие	Лидирующие	Отстающие	Лидирующие	Отстающие
Палласовский р-н, Городищенский р-н, Светловский р-н, Николаевский р-н, Быховский р-н, Старополтавский р-н.	г. Волгоград, г. Волжский, г. Камышин, Жирновский р-н, Урюпинский р-н, г. Михайловка	г. Волгоград, Городищенский р-н, Дубовский р-н, Среднеахтубинский р-н, Иловлинский р-н.	г. Камышин, Камышинский р-н, Николаевский р-н, Суровикинский р-н, Палласовский р-н.	Жирновский р-н, Нехаевский р-н, Урюпинский р-н, Киквидзенский р-н, Котовский р-н, Чернышковский р-н.	Октябрьский р-н, Николаевский р-н, Ленинский р-н, Среднеахтубинский р-н, Быховский р-н, Камышин.
Дифференциация (max/min уровень)		Дифференциация (max/min уровень)		Дифференциация (max/min уровень)	
+ 235		+ 879		0%	
В среднем по области		В среднем по области		В среднем по области	
-8163		- 883		82,1%	
				В среднем по области	
				9,1%	
ТЕРРИТОРИИ ЛИДЕРЫ ¹ : г. Волгоград, г. Волжский, Камышин, г. Михайловка, г. Урюпинск, г. Фролово, Городищенский р-н, Жирновский р-н, Киквидзенский р-н, Котельниковский р-н, Котовский р-н, Николаевский р-н, Светловский р-н, Урюпинский р-н.				ТЕРРИТОРИИ АУТСАЙДЕРЫ: Камышинский р-н, Быховский р-н, Октябрьский р-н, Палласовский р-н, г. Камышин, Ленинский, Старополтавский р-н, Урюпинский р-н	

¹ По наибольшему количеству попаданий в группу лидирующих или отстающих территорий

Рис. 1. Схема реализации методического инструментария оценки эффективности совершенствования модели муниципального менеджмента

Выделенные группы пользователей, доминантные с точки зрения оценки эффективности системы муниципального управления, в соответствии с данным методическим подходом выступают в качестве экспертов. Для этого мы сформировали три фокус группы, в состав которых вошли представители различных социальных групп и категорий населения, муниципальные служащие различных рангов, руководители различных по масштабам и отраслевой направленности предприятий реального сектора экономики, с высокой степенью предикаторности и компетентности в исследуемой области. Для каждой из этих фокус групп были разработаны опросные листы, в которых были поставлены односложные вопросы, предполагающие оценку эффективности системы муниципального управления до реформы и после реформы.

Для статистической обработки информации и установления тесноты связи между реформированием модели территориального самоуправления и социально-экономическим развитием территории, нами был применен коэффициент ассоциации Юла, который позволяет оценить тесноту связи двух качественных признаков, каждый из которых состоит из двух качественных групп.

Для расчета строится типовая таблица:

a	b	a + b
c	d	c + d
a + c	b + d	a + b + c + d

Коэффициент ассоциации вычисляется по формуле:

$$K_a = (ad - bc) / (ad + bc)$$

Для коэффициента ассоциации Юла связь считается подтвержденной, если $K_a > 0,5$. В ре-

результате проведенного исследования сформирована вспомогательная таблица, на основании полученного информационно-эмпирического материала для расчета коэффициента ассоциации Юла (табл. 2).

ны в основу расчета атрибутивного коэффициента корреляции Юла, что позволило дать экономическую интерпретацию явственно просматриваемым тенденциозным явлениям, происходящим в системе регионального управления (табл. 3).

Таблица 2

Результаты экспертного опроса были положены в основу расчета атрибутивного коэффициента корреляции Юла, что позволило дать экономическую интерпретацию явственно просматриваемым тенденциозным явлениям, происходящим в системе регионального управления (табл. 3).

Фокус группа	Критерий		Оценка экспертами положения		Всего	Коэф. Юла
			После реформы	До реформы		
Население	1. Наличие положительных изменений в социально-экономической среде муниципального образования	Явные	66	31	97	0,7
		Неидентифицируемые	21	56	77	
		Итого	87	87	174	
	2. Транспарентность и доступность власти для населения	Высокая	47	25	72	0,49
		Низкая	40	62	102	
		Итого	87	87	174	
	3. Положительные изменения в социально-трудовой сфере	Имеются	67	39	106	0,61
		Не имеются	20	48	68	
		Итого	87	87	174	
Муниципальные служащие	1. Достаточность налоговой базы местных бюджетов для решения вопросов местного значения	Достаточно	9	12	21	0,21
		Не достаточно	23	20	43	
		Итого	32	32	64	
	2. Перегруженность исполнением делегированных государственных полномочий	Наблюдается	25	9	34	0,80
		Не наблюдается	7	23	30	
		Итого	32	32	64	
	3. Достаточность имущественных прав на муниципальную собственность	Достаточно	21	12	33	0,52
		Не достаточно	11	20	31	
		Итого	32	32	64	
Руководители предприятий реального сектора экономики	1. Получение средств муниципальной поддержки	Получал	24	10	34	0,64
		Не получал	16	30	46	
		Итого	40	40	80	
	2. Создание системы стимулов и преференций для реального сектора экономики со стороны властных структур, в том числе и не материальных	Отмечается	24	12	36	0,55
		Не отмечается	16	28	44	
		Итого	40	40	80	
	3. Наличие коррупционной составляющей, мешающей автономному развитию бизнеса	Присутствует	18	19	37	0,05
		Отсутствует	22	21	43	
		Итого	40	40	80	

Разработанный нами методический подход к оценке системы эффективности муниципального менеджмента, обладая простотой, понятностью, исключая возможности формулировки

противоречивых выводов является унифицированным в части применимости на всех уровнях муниципального управления: поселковый, районный, городской, окружной.

Таблица 3

**Экономическая интерпретация корреляционной зависимости критериев оценки
от трансформационных процессов в системе муниципального управления**

Категория	Критерии оценки	Коэф. ассоциации Юла	Экономическая интерпретация корреляционной связи
1. Население	1. Положительные изменения в социально-экономической среде муниципального образования (благоустройство, инфраструктура, доходы)	0,70	Результаты расчетов подтверждают наличие прямой положительной связи между реформированием системы муниципального управления и улучшением социально-экономической среды муниципальных образований.
	2. Транспарентность и доступность власти для населения	0,49	Отсутствует подтвержденная связь между институциональными изменениями в системе муниципального менеджмента и коммуникационной «близости» власти к населению.
	3. Положительные изменения в социально-трудовой сфере	0,61	Подтверждено наличие связи между положительными тенденциями в социально-трудовой сфере муниципальных образований и реформационными преобразованиями.
2. Муниципальные служащие	1. Достаточность налоговой базы местных бюджетов для решения вопросов местного значения	0,21	Статистически подтвержден тезис о централизации бюджетных ресурсов и слабости налоговой базы муниципальных образований. По мнению экспертов, реформационные процессы на данную ситуацию повлияли слабо.
	2. Перегруженность исполнением делегированных государственных полномочий	0,80	В результате реализации реформы местные институты власти стали наделены еще большим массивом делегированных государственных полномочий и неизбежность решения вопросов совместного ведения, что подтверждает явные процессы «огосударствления» местного самоуправления.
	3. Достаточность имущественных прав на муниципальную собственность	0,52	Связь подтверждена, что объясняется эскалацией процессов передачи государственной собственности в ведение муниципальных образований.
3. Руководители предприятий реального сектора экономики	1. Получение средств муниципальной поддержки	0,64	Отмечена высокая степень зависимости между реформационными преобразованиями и активизацией процессов стимулирования реального сектора экономики территорий, не только методами прямого финансирования, но и посредством создания условий для выхода на новые рынки, внедрения прогрессивных технологий, усиления административной и правовой защиты, информационно-консультационного обслуживания.
	2. Создание системы стимулов и преференций для реального сектора экономики со стороны властных структур, в том числе и нематериальных	0,55	
	3. Наличие коррупционной составляющей, мешающей автономному развитию бизнеса	0,05	Результаты исследования показывают отсутствие связи между процессами реформирования системы муниципального менеджмента и проявления коррупционных явлений в экономике территориальных образований.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов:

- В экономико-демографическом положении муниципальных образований Волгоградской области существует очевидная, достаточно высокая дифференциация территорий, сглаживание которой является важнейшим приоритетом региональных органов власти.
- Волгоградская область обладает ярко выраженным свойством однополярного развития социально-экономической системы, объясняющейся урбанизационными и агломерационными эффектами, связанными с пространственным функционированием городской агломерации г. Волгограда. При оценке параметров муниципального развития целесообразно использовать структурированный порядок действий, отвечающий требованиям комплексности и релевантности получаемой информации.
- При оценке эффективности социально-экономического развития муниципальных образований региона необходимо исходить не только из количественных параметров развития экономики и социальной сферы, но и оценивать качественные параметры, диагностируемые непосредственными участниками экономических процессов, протекающих в региональных социально-экономических системах.

Литература

1. Казаков М.Ю., Бобрышев А.Н. Концептуальные основы мониторинга социально-экономического развития региона / Казаков М.Ю., Бобрышев А.Н. // Kant 2011. – № 2. – С. 97-100.
2. Казаков М.Ю. Формирование региональной и субрегиональной политики социально-экономического развития на основе устранения экономических проблем местного самоуправления переходного-реформационного периода / Казаков М.Ю. / Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2011. – № 28. – С. 48-55.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОДУКТ: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ, ОЦЕНКА СТОИМОСТИ

INNOVATIVE PRODUCT: CONCEPTION, FEATURES, COST ESTIMATING

Утробина А.Ю.

*Хабаровская государственная академия экономики и права,
г. Хабаровск, Хабаровский край, Россия*

Ytrobina A.U.

*Khabarovsk State Academy of Economics and Law,
Khabarovsk, Khabarovsky krai, Russia*

В работе рассмотрены основы законодательства страны в рамках инновационной деятельности предприятия. Дано авторское определение инновационному продукту предпринимательства и высказаны предположения по оценке его рыночной стоимости.

Ключевые слова: *инновационная деятельность, инновационный продукт, промышленная собственность, методы оценки.*

In this research were considered basic principles of legislation of the country within the framework of innovative activities of an enterprise. Author defined innovative product and suggested some conjectures of cost estimating of innovative product.

Keywords: *innovative activity, innovative product, industrial property, methods of assessment.*

Приоритетный путь развития России в настоящий момент – это строительство новой, инновационной экономики, уход от сырьевых источников пополнение бюджета. Данный подход предполагает реорганизацию существующей структуры экономики, которая по большей части представлена первичным сектором экономики. В «инновационной структуре» наибольший удельный вес должно иметь производство наукоемкой продукции. Инновации должны стать ведущим фактором экономического роста. Для того чтобы предполагаемый путь развития стал реально достижимой целью необходимо еще очень много сделать.

В частности одним из основных вопросов, который должен найти решение, является разработка законодательства в сфере инновационной деятельности. В российском законодательной практике нет единого понимания, что есть «инновационная деятельность» и «инновационный продукт». Разработка и принятие федерального закона, регулирующего отношения в этой области, позволило бы внести ясность во многие вопросы, волнующие субъектов инновационной деятельности, а также позволило бы совершенствовать экономическую деятельность, дать ей толчок к переходу на новый этап развития.

Отсутствие федерального закона подталкивает субъекты Российской Федерации к законотворческой инициативе по разработке «инновационного законодательства». В частности такое законодательство уже появилось в Челябинской и Московской областях. Последний определяет цели, принципы и направления инновационной политики органов государственной власти Московской области, формы государственной поддержки субъектов инновационной деятельности, обеспечивает условия для реализации государственной инновационной политики на территории Подмосковья. А также в законе представлен понятийный аппарат, в котором дается определение таким понятиям как «инновационная деятельность», «инновационная инфраструктура», «инновационный процесс», «инновационный продукт» и т. д. Под инновационной деятельностью составители закона обозначили деятельность, связанную с доведением результатов интеллектуальной деятельности до стадии готового продукта, предназначенного для реализации и способного приносить прибыль, их внедрением в производство товаров, применением при выполнении работ, оказании услуг, обладающих новыми потребительскими качествами. Такое определение не противоречит общепринятому пониманию и большинству определений, дан-

ных различными авторами. Конечным результатом инновационной деятельности предприятия принято считать инновационный продукт, понятие которого также приведено в вышеуказанном нормативно-правовом акте. Инновационный продукт – это продукция (товары, услуги), обладающая новыми потребительскими качествами, или результат интеллектуальной деятельности, оформленный в виде конечного продукта, готового к применению. Данное определение с одной стороны тоже отражает общую точку зрения, но является в некоторой степени двусмысленным и не дает четкого понятия об инновационном продукте, а главное не отделяет его от всех других товаров и услуг и в частности от объектов интеллектуальной собственности.

Практически любой товар, может обладать новыми потребительскими свойствами в сравнении со своими аналогами, при этом, не являясь инновационным. Инновационный продукт не просто обладает новыми потребительскими свойствами, ему присущи инновационные потребительские характеристики, которые и отделяют его от всех остальных, не инновационных продуктов, товаров и услуг.

Потребительские свойства, определяют как свойства товаров, обуславливающие их пригодность удовлетворять определенные потребности населения и проявляющиеся в процессе эксплуатации или потребления. Это совокупность технических (функциональных), экономических, эргономических и эстетических качеств товара, свойств безопасности и надежности, обеспечивающих покупателю наибольшее удовлетворение его потребностей за оптимальную цену.

Инновационные потребительские свойства – это свойства, которыми обладает продукт (товар, услуга), созданные при воздействии инновационной технологии в ходе производственного процесса (процесса оказания услуг), которые позво-

ляют удовлетворять потребности потребителей, удовлетворение ранее которых было невозможно. Инновационное потребительское свойство, может быть абсолютно новым и формировать отдельную группу потребительских свойств или включаться в одну из существующих, дополняя ее.

Инновационный продукт обладает совокупностью потребительских и инновационных потребительских свойств. Именно инновационность продукта, его новизна формирует инновационные потребительские свойства этого продукта. Введение понятия инновационных потребительских свойств позволяет отделить инновационный продукт от продуктов предшественников.

Также понятие инновационного продукта, которое дается во многих источниках и в указанном выше законодательном акте, является очень схожим с понятием интеллектуальной собственности. При этом мы имеем в виду не все категории входящие в состав интеллектуальной собственности.

Интеллектуальная собственность разделяется на две группы: объекты авторского права и промышленную собственность. Наибольший интерес для нас представляет последняя группа. В промышленную собственность включаются: объекты патентного права, средства индивидуализации, секреты производства, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, право на пресечение недобросовестной конкуренции. Объекты промышленной собственности наиболее близки к характеристикам инновационного продукта, в частности те объекты, которые входят в состав объектов патентного права, это: изобретения, полезные модели и промышленные образцы.

Охрана прав интеллектуальной собственности на перечисленные объекты промышленной

собственности регламентируется Гражданским кодексом РФ (часть 4, глава 72), их охрана от незаконного использования осуществляется в рамках патентных прав с помощью гражданского, административного и уголовного законодательства. Согласно законодательству РФ:

- изобретением признается техническое решение, в любой области, относящееся к продукту или способу;
- полезная модель – это техническое решение, относящееся к устройству;
- промышленным образцом является художественно-конструкторское решение изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства, определяющее его внешний вид.

Таким образом, можно сделать вывод, что перечисленные объекты патентного права, входящие в состав объектов промышленной собственности, зарегистрированные в установленном законодательством порядке, на которые выдан патент не являются инновационным продуктом, но могут стать основой для его производства.

То есть, предприятие не может получить патент на инновационный продукт, так он не входит в состав тех объектов, которые попадают под охрану патентного права, но может защитить технологию и разработки связанные с его производством. На основе этих технологий и разработок и будет создан инновационный продукт.

Рассмотрев основные отличия инновационного продукта от его аналогов и объектов промышленной собственности, можно дать следующее определение: инновационный продукт – это конечный результат инновационной деятельности предприятия, прошедший все стадии инновационного процесса, обладающий высокой добавленной стоимостью и большим удельным весом интеллектуальной составляющей, созданный с

использование инновационной технологии, который обладает уникальными качествами и инновационными потребительскими свойствами и способен приносить производителю сверхдоход (прибыль, генерируемая инновационными потребительскими свойствами и уникальными качествами).

Такое определение инновационного продукта, на наш взгляд, полностью раскрывает особенности инновационного продукта, дает его четкую характеристику и отличительные особенности.

Промышленная собственность, на основе которой производится инновационный продукт, как объект интеллектуальной собственности имеет свою стоимость, также стоимость имеет и ресурсы, которые используются при производстве инновационного продукта. Тогда возникает вопрос, а какова стоимость инновационного продукта и как она может быть рассчитана.

Основой для оценки рыночной стоимости инновационного продукта могут стать уже разработанные и опробованные методы оценки стоимости объектов интеллектуальной собственности. В частности те, которые используются для оценки изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Эти методы могут быть изменены и адаптированы под особенности инновационного продукта. Например, логика адаптации методов оценки может быть такова, как представлена далее.

На данный момент разработано и применяется на практике при оценке любых объектов три подхода:

- затратный;
- рыночный (сравнительный);
- доходный.

В методических рекомендациях предлагается использовать все три подхода, а стоимость объекта оценки выводится из средневзвешенной

стоимости, полученной при каждом подходе. Но на практике не всегда возможно использовать все три подхода. Порядок очередности применения и распределение весов подходов объясняется следующим:

- в связи с тем, что учесть затраты на создание объектов интеллектуальной собственности достаточно сложно, т.к. тяжело определить стоимость интеллектуального капитала, вложенного в создаваемый объект, поэтому затратный подход имеет наименьший вес при определении средневзвешенной стоимости;
- сравнительный подход редко используется в первую очередь т.к. отечественный рынок интеллектуальной собственности не достаточно развит, в связи, с чем мало информации для сравнения;
- первоочередность применения доходного подхода обусловлена тем, что использование объектов интеллектуальной собственности в деятельности фирмы предполагает получение дополнительного дохода для его владельца.

Анализируя и адаптируя такой выбор первоочередного подхода к оценке стоимости инновационного продукта, можно заключить, что использование доходного подхода является приоритетным, т.к. при определении инновационного продукта, была дана такая его характеристика, как способность приносить владельцу сверхприбыль. Присвоение наибольшего веса другому подходу даст менее достоверные результаты.

Расчету стоимости инновационного продукта затратным методом, предлагается дать больший вес, чем при оценке объектов интеллектуальной собственности. При этом предлагается использовать корректирующий коэффициент, который позволит учесть затраты, вложенные в интеллек-

туальную составляющую инновационного продукта. Для начала предлагается выделить наиболее близкий аналог инновационного продукта и рассчитать затраты на его воспроизводство на дату оценки. При использовании в затратном подходе аналога, можно обоснованно отказаться от применения сравнительного подхода, если в этом есть необходимость. Если продукт обладает абсолютной новизной, то учитываем затраты по материальной и энергетической составляющей инновационного продукта, также на дату оценки. Затем полученный результат необходимо увеличить на корректирующий коэффициент.

Корректирующий коэффициент должен отразить уровень инновационности продукта, затраты интеллектуально капитала и т.д. Коэффициент предлагается рассчитывать в виде доли, расчетное значение должно быть больше 1. Данный коэффициент предполагается рассчитывать из двух составляющих. Первая составляющая будет учитывать уровень инновационности самого предприятия, выпускающего оцениваемый продукт. Элементы, которые необходимо рассмотреть для расчета первой составляющей: коэффициент инновационности предприятия; коэффициент инновационности персонала; наличие патентов у предприятия и его работников, грантов и т.д.; доля инновационной продукции в общем объеме выпуска; скорость коммерциализации инновационных продуктов; темпы роста предприятия (инновационные компании обычно отличаются высокими темпами роста); полнота инновационного цикла и динамика инновационного процесса.

Перечисленные элементы дадут возможность определить уровень инновационности предприятия, в какой мере оно обеспечено необходимыми ресурсами для выпуска инновационного продукта.

Каждому из элементов будет присвоен вес, в зависимости от полученного значения (от 0 до 1).

После чего, путем перемножения получим расчётное значение первой составляющей корректирующего коэффициента. Таким же образом будет рассчитана и вторая составляющая.

Вторая составляющая корректирующего коэффициента будет учитывать инновационность продукта. Для его характеристики подлежат оценке следующие элементы:

- доля затрат на НИОКР в себестоимости продукции;
- отдача на единицу денежных средств, вложенных в НИОКР;
- доля добавленной стоимости конечной стоимости продукции;
- срок инновационности.

Первые три элемента отражают затраты интеллектуального капитала на создание объекта оценки. Это основная трудность в оценке объектов интеллектуальной собственности и соответственно инновационного продукта. Но кроме этого, выделенные элементы позволят учесть и стоимость используемых материалов и энергии, которые также делают этот продукт инновационным. Ведь зачастую для производства новшества производитель использует более усовершенствованные технологии, ресурсы или энергию, которые также отличают инновационный продукт от всех других.

В общем виде корректирующий коэффициент может быть рассчитан по следующей формуле:

$$KK = 1 + (S_1 \times S_2),$$

где, KK – корректирующий коэффициент; S_1 – расчётное значение первой составляющей, учитывающей уровень инновационности предприятия; S_2 – расчётное значение второй составляющей, учитывающей уровень инновационности оцениваемого продукта.

Рассчитанный с использованием данных предложений коэффициент, даст возможность в более полной мере учесть интеллектуальную составляющую, в общей стоимости инновационного продукта, что соответственно позволит более адекватно определить затраты на создание и воспроизводство объекта оценки.

Переходя к сравнительному подходу, необходимо отметить, что основная трудность применения данного подхода состоит в нехватке информации. Это касается как оценки объектов интеллектуальной собственности, так и инновационного продукта. При данном подходе можно воспользоваться данными о стоимости ближайшего не инновационного аналога, но с использованием различных мультипликаторов, которые бы позволили также учесть уровень инновационности продукта. Разработка и использование таких мультипликаторов требует дальнейших исследований.

Таким образом, считаем, что более целесообразным для предприятия может стать вариант расчёта стоимости не объектов промышленной собственности, которые позволяют выпускать инновационный продукт, а стоимости самого инновационного продукта, которая вероятнее всего будет выше, что позволит совершать более выгодные сделки купли-продажи. Также стоимость инновационного продукта может быть учтена при расчёте рыночной стоимости компании, что также отразится на данном показателе положительно. Хочется добавить, что актуальным также остаётся вопрос об оценке стоимости инновационной услуги, которая имеет свои отличительные характеристики, а значит и свои методы оценки.

Литература

1. Арутюнов Ю.А., Киселёва М.М. Ценообразование на инновационную продукцию // Креативная экономика. – 2011. – №9 (33). – С. 109-115.
2. Куклев П.А. Инновационный продукт как объект купли-продажи в условиях рынка // Креативная экономика. – 2011. – №7. – С. 68-72.
3. Плоткина А.Р. Управление и оценка стоимости интеллектуальной собственности и нематериальных активов : учебник / А.Р. Плоткина. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2011. – 216 с.
4. Пулова Л.Б. Потребительские свойства товара в концепции инновационного предпринимательства // Проблемы современной экономики. – 2011. – №2. – С. 32-34.

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

FORMATION AND IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE INVESTMENT STRATEGY OF THE ENTERPRISE

Бармашова Л.В.

*Филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный индустриальный университет»
в г. Вязьме Смоленской области, г. Вязьма, Смоленская область, Россия*

Barmashova L.V.

*Branch of the federal government budget educational institution of higher professional education
«Moscow State Industrial University» in Vyazma, Vyazma, Smolensk region, Russia*

В условиях нарастания в мире глобальных трансформационных процессов, происходят кардинальные изменения в жизнедеятельности общества, в том числе и в инновационно-инвестиционном процессе, длительность которого взаимопересекается с длительностью трансформационных процессов мирового масштаба. В данной статье рассматривается вопрос формирования инновационно-инвестиционной стратегии развития предприятия, разработан и разработан механизм проработки стратегии инновационно-инвестиционного развития предприятия.

Ключевые слова: *инновационно-инвестиционное развитие, стратегия развития, глобализация, инновационный риск, инновационное предпринимательство, рациональная стратегия.*

In an increasingly global world in transformation processes are fundamental changes in the life of society, including the innovative investment process, whose duration is overlapping with the

duration of the transformation processes worldwide. This article discusses the formation of innovative investment strategy of the enterprise, designed and developed a mechanism to elaborate a strategy of innovation and investment for the company.

Keywords: *innovation and investment development, strategy development, globalization, innovation risk, innovative entrepreneurship, the rational strategy.*

Целью исследования является инновационно-инвестиционный процесс в системе современного общественного воспроизводства. В данной статье рассматривается формирование механизма разработки стратегии инновационно-инвестиционного развития предприятия через эффективное управление основными видами его деятельности. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой теме, метод сравнения, системный подход к выявлению и исследованию факторов, влияющих на разработку и выбор стратегии инновационно-инвестиционного развития предприятия. Результаты исследования рассматривались на кафедре менеджмента и экономического анализа. Практическая значимость исследования заключается в разработке механизма проработки стратегии инновационно-инвестиционного развития предприятия, в выявлении возможных рисков.

Инновационно-инвестиционный процесс в условиях рыночного реформирования российской экономики может быть проанализирован в контексте общей экономической ситуации в России. При анализе инновационно-инвестиционного процесса, следует иметь в виду, что инновации материализуются посредством инвестиций, а инвестиции в сферу производства во многом теряют смысл в условиях слабой загрузки производственных мощностей. Кризис инновационно-инвестиционного процесса, взаимопереплетающегося с ухудшением условий воспроизводства трудового потенциала российского общества,

является составной частью системного кризиса Российской экономики, порожденного реформированием в духе рыночного фундаментализма и по рецептам монетаризма. (5)

Обеспечение эффективного инновационно-инвестиционного развития предприятия требует проведение ряда мероприятий направленных на планирование инновационно-инвестиционной деятельности. Для обеспечения конкурентоспособности и долгосрочного развития предприятия необходима разработка стратегии развития.

Стратегия – это целенаправленный план действий по управлению объектом в долгосрочной перспективе, имеющий обобщенный характер и основанный на определенной концепции, программах и действиях для достижения поставленных целей и выполнения миссии организации. (7)

В настоящее время, в условиях глобализации и интенсификации производства значительное внимание уделяется проблемам развития предприятия, его способности адекватно реагировать на происходящие в экономике изменения. Стратегию развития предприятия можно рассмотреть как совокупность действий, необходимых для обеспечения развития предприятия на основе выбора критериев повышения его инновационного потенциала. (2)

Обеспечение развития предприятия достигается путем эффективного управления основными видами деятельности предприятия. Объективной предпосылкой наличия резервов в развитии предприятия служит закон убывающей эффективности эволюционного совершенствования

систем, когда технологические и эволюционные изменения проникают повсюду и в дальнейшем движение приобретает эволюционный характер. Структурными источниками экономического развития служат: развитие на основе факторов производства; на основе инвестиций; на основе инновационной деятельности.

Интенсивный путь развития предприятия предполагает внедрение инноваций, обновление оборудования, внедрение прогрессивных технологий и рациональных форм организации производства; применение новых материалов и т. д. (3)

Основой инновационно-инвестиционного процесса является процесс создания и освоения новой техники или технологии.

Инновационный риск — это вероятность потерь, возникающих при вложении предприятием средств в производство новых товаров и услуг, которые, возможно, не найдут ожидаемого спроса на рынке.

Риск является элементом результатов исполнения любого хозяйственного решения в силу того, что неопределенность — неизбежное условие хозяйствования. Инновационное предпринимательство связано с неопределенностью экономической конъюнктуры, вытекающей из непостоянства спроса — предложения на товары и деньги, факторы производства, из многовариантности сфер приложения капитала и разнообразия критериев предпочтительности инвестирования средств, из ограниченности знаний в сферах инновационной деятельности.

Инновационный риск особенно важен в современной предпринимательской деятельности, которая находится на этапе увеличения капиталов, используемых как для производства существующих товаров и услуг, так и для создания новых, ранее не производимых.

Существование риска непосредственно связано с наличием неопределенности, которая не-

однородна по форме проявления и по содержанию. Внешняя среда включает в себя объективные экономические, социальные и политические условия, в рамках которых осуществляется инновационная деятельность и к динамике которых она вынуждена приспосабливаться. Это возможные сдвиги в общественных потребностях и потребительском спросе, появление технических и технологических новшеств, изменение политической обстановки, влияющей на инновационную деятельность предприятия, действия конкурентов, непредсказуемые природные явления и многое другое.

Неопределенность условий, в которых осуществляется инновационная деятельность предприятия, предопределяется тем, что она зависит от множества переменных, контрагентов и лиц, поведение которых не всегда можно предсказать с приемлемой точностью. (9)

Для российской экономики инновационное предпринимательство чрезвычайно привлекательно. Оно стимулирует экономические процессы, которые необходимы именно на стадии перехода к рыночным отношениям, в частности, значительный приток ресурсов в сферу научных исследований и разработок. В Российской Федерации популярность инновационных видов деятельности постепенно растет. Это связано с относительной стабилизацией политической и экономической обстановки в стране, а также с многочисленными преимуществами данного вида предпринимательства и усилением позитивной роли государства в стимулировании инновационного процесса.

Главной проблемой поддержки и развития научно-технического потенциала остается проблема инвестирования средств в НИОКР. Система финансирования научно-технического развития представляет собой весьма сложный и постоянно развивающийся механизм.

В настоящее время привлечение иностранных инвестиций стало реальностью функционирования мировой экономики. Создание экономических связей в мировых масштабах позволяет существенно повысить эффективность производства, обеспечить высокую конкурентоспособность выпускаемой продукции, снизить издержки производства. Практически ни одна страна мира с рыночной экономикой не в состоянии эффективно развиваться без иностранных инвестиций. Благодаря использованию заемного и предпринимательского капитала стал возможен выход на качественно новый уровень развития многих стран. Растущая экономическая взаимозависимость стран всего мира в результате возрастающего объема и разнообразия трансграничных перемещений товаров, услуг и международных потоков капитала, благодаря все более быстрой и широкой диффузии технологий называется глобализацией. (8)

Понятие глобализации в собственно экономической трактовке можно отнести к процессу накопления структурных сдвигов и поэтапного формирования органически целостного, взаимосвязанного и взаимозависимого всемирного хозяйства, отдельные звенья которого органически переплетены непрерывно укрепляющимися финансово – экономическими, производственно – техническими, информационными и другими связями, намного более всесторонними, многочисленными и глубокими, чем на предшествующих этапах. Это более высокий этап интернационализации всех факторов производства. (6)

В настоящее время в качестве основных источников средств, используемых для финансирования инновационной деятельности предприятий выступают: бюджетные ассигнования, выделяемые на федеральном и региональном уровнях; средства специальных внебюджетных фондов финансирования НИОКР, которые образуются

ИП, региональными органами управления; собственные средства предприятий; финансовые ресурсы различных типов коммерческих структур (инвестиционных компаний, коммерческих банков, страховых обществ, ФПГ и т.п.); кредитные ресурсы специально уполномоченных правительством инвестиционных банков; конверсионные кредиты для ИП оборонного комплекса; иностранные инвестиции промышленных и коммерческих фирм и компаний; средства национальных и зарубежных научных фондов; частные накопления физических лиц.

Опора на государственные источники имеет некоторые преимущества: возможность экономии затрат на НИОКР, особенно на начальных этапах, уменьшение степени риска и сокращение времени на освоение производства новых продуктов и технологических процессов и т.д. Но, несмотря на большое значение для инновационных процессов внешних источников, решающую роль на уровне предприятий, и на национальном уровне играют собственные ресурсы.

При формировании ресурсов внебюджетного финансирования инноваций используются следующие первичные источники:

- средства износа нематериальных активов, включаемых в себестоимость продукции, которые отражают перенос стоимости НИОКР и научно-технических новшеств на стоимость продукции;
- средства амортизационных отчислений на реновацию в той их части, в которой в стоимости основных производственных фондов в неявном виде учтены предпроизводственные затраты, включая затраты на НИОКР и инновации;
- доходы от продажи (передачи) научно-технической продукции, имущественных прав на объекты интеллектуальной и промышленной собственности, а также дохо-

ды от продажи объектов материально-технической инфраструктуры науки и прав пользования ими;

- доходы по прямым и портфельным инвестициям в НИОКР и технологическое развитие, получаемые в виде дивидендов и отчислений от прибыли;
- средства выкупа объектов приватизации научно-технической сферы и эмиссионного дохода, поступающие в результате институциональных преобразований в порядке возврата государству инвестированного им капитала в НИОКР и технологическое развитие;
- компенсации за несанкционированное (безлицензионное) использование научно-технических новшеств как объектов интеллектуальной и промышленной собственности.

Эти средства могут использоваться на обновление и расширение производства, осуществление научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических проектов и программ освоения новых видов конкурентоспособной продукции, увеличение собственных оборотных средств, а также на другие цели, содействующие укреплению материально-технической базы предприятия.

Инновационное развитие следует рассматривать как процесс, пронизывающий научно-техническую, производственную и маркетинговую деятельность предприятия. Это единственный в своем роде процесс, системно объединяющий науку, технику, экономику. Предпринимательство и управление. Иначе говоря, в инновационном пространстве задействована вся цепочка – от зарождения идеи до сферы потребления. В которой рынок оказывает решающее воздействие не только на стратегию сбыта, но и на стратегию научно-технического развития. (4)

С учетом проблемы исследования необходимо рассмотреть стратегию инновационно – инвестиционного развития предприятия.

При этом необходимо решить следующие задачи: разработать миссию и стратегическое видение предприятия; определить цели и подцели; разработать собственно стратегию предприятия. При определении целей разработки стратегии необходимо проведение анализа внешней и внутренней среды предприятия, сопоставление результатов, уточнение основных направлений стратегического развития предприятия, рассмотрение вариативности возможных стратегий, их анализ, уточнение и выбор основной стратегии развития предприятия. После этого необходимо выделить основные мероприятия по реализации стратегии.

Процесс выбора наиболее рациональной стратегии развития предприятия в конкретных условиях хозяйствования основывается на результатах оценки всех форм инновационной деятельности, которые проявляются в нововведениях различных типов. Наиболее важными факторами эффективности стратегии развития являются: инновационный потенциал предприятия; гибкие организационные формы позволяющие эффективно осваивать нововведения; процессы обучения, направленные на накопление специфических компетенций по результатам анализа внешних и внутренних факторов; наличие ресурсов, отвечающих потребностям развития предприятия. (4)

Стратегическое управление научно-инновационным потенциалом предприятия включает в себя механизмы финансово-экономической, информационной, кадровой, технологической и иной поддержки. Экономическому развитию предприятия способствует наличие значительного научно-технического потенциала региона, основу которого составляют научно-исследователь-

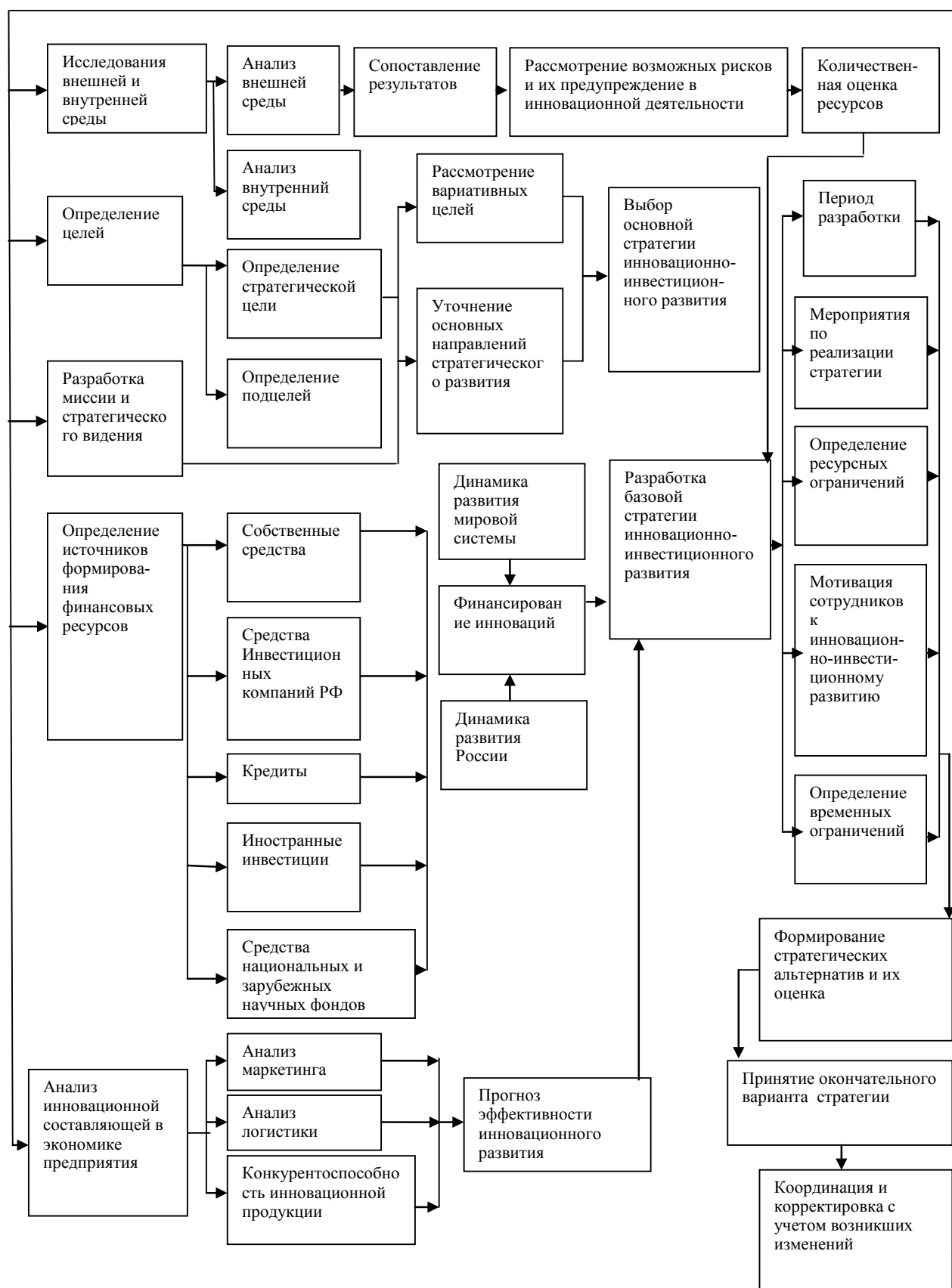

Рис. Механизм разработки стратегии инновационно-инвестиционного развития предприятия

ские институты и научные организации, крупные промышленные предприятия, образовательные учреждения высшего образования. (1)

Формирование механизма разработки стратегии инновационно-инвестиционного развития предприятия представлено на рисунке.

В заключении можно отметить, что представленный механизм разработки инновационно-инвестиционного развития предприятия позво-

лит осуществить все необходимые действия по формированию инновационно-инвестиционного развития предприятия с учетом изменений происходящих во внешней среде предприятия и мировых тенденций. Использование компьютерных информационных технологий, а так же своевременная корректировка и координация позволят предприятию уменьшить риски в инновационно-инвестиционной деятельности.

Литература

1. Андреева Л.Н., Бармашова Л.В., Викторов В.А., Эффективная инновационная политика как условие устойчивого экономического развития предприятия, Материалы научно-практической конференции «Применение экономических инструментов управления предпринимательской деятельности», Вязьма: РИЦ ВФ ГОУ МГИУ, 2010.
2. Бармашова Л.В., Бармашов К.С., Обеспечение устойчивого развития предприятия на основе повышения его инновационного потенциала, Научно-практическая конференция «Инновационное развитие как основа экономического роста», Вязьма: РИЦ филиала ФГБОУ ВПО «МГИУ» в г. Вязьме, 2012.
3. Бармашова Л.В., Кучерова Е.Н., Концептуальные аспекты устойчивого развития предприятия, Вязьма: РИЦ ВФ ГОУ МГИУ, 2010.
4. Бородулин В.Ю., Герасин А.Н., Бармашова Л.В., Экономические регуляторы обеспечения устойчивости производства, М.: МГИУ, 2010.
5. Герасина О.Н., Беянина И.В., Бармашова Л.В., Формирование инновационно-ориентированной системы управления производством на базе рационального использования трудового потенциала, М.: МГИУ, 2009.
6. Ивасенко А.Г., Никонова Я.И., Иностранные инвестиции, М.: Кнорус, 2010.
7. Свиридова С.В., Процедура формирования и реализации стратегии инновационного развития предприятия, Экономика и предпринимательство, № 6. 2011.
8. Фомичев В., Международная торговля, М.: Филинь, 2000.
9. Экономика инноваций / Под ред. Горфинкеля В.Я., М.: Вузовский учебник, 2011.

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

CLUSTER APPROACH IN THE STRATEGIC MANAGEMENT OF DEVELOPMENT IN THE REGION

Фурсов В.А., Лазарева Н.В.

*Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Ставропольский край, Россия*

Fursov V.A., Lazareva N.V.

*North Caucasus Federal University,
Stavropol, Stavropol Krai, Russia*

В статье анализируются сущность и содержание основ кластерного развития региона. Особое внимание сосредоточено на теоретических аспектах формирования и реализации региональной кластерной политики.

Ключевые слова: кластерный подход, региональная политика, управление развитием регионов.

The article considers the essence and the content of the foundations of cluster development in the region. A special attention is focused on the theoretical aspects of the formation and implementation of regional cluster policy.

Keywords: the cluster approach, regional policy, management of development of the regions.

В качестве одной из стратегических целей социально-экономического развития России названо создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий. Развитие территориальных кластеров – важнейшее направление региональной государственной политики, нацеленной на повышение конкурентоспособности отраслей экономики, эффективности реализации технологического и инновационного потенциала. В целях реализации общей стратегической цели и намеченных стратегических направлений развития региона встает задача выбора определенных отраслевых и межотраслевых эконо-

мических кластеров роста и развития территории.

При всем различии трактовок кластера большинство ученых сходятся в том, что кластер представляет собой систему, которая характеризуется рядом признаков, варьирующихся по своим размерам, широте охвата и уровню развития [1]. Некоторые кластеры состоят в основном из малых и средних предприятий, а другие кластеры, в свою очередь, включают как крупные, так и малые фирмы. Кластер представляет собой значительно более сложное явление, чем просто объединение фирм для совместной деятельности. Фирмы не только кооперируются внутри кластера,

но и продолжают конкурировать друг с другом избирательно в отдельных областях, что является движущей силой постоянных продуктовых и технологических обновлений, направленных на рост производительности всех факторов производства, и обеспечивает быстрое распространение новшеств. В более широком смысле кластеры представляют новый, обеспечивающий дополнительные возможности, способ структурирования и понимания экономики. Кластер является проявлением самоорганизации социально-экономического пространства по всем направлениям: факторам производства, технологиям, знаниям, занятости, культурной среде и др. Создание кластеров позволяет связано и непротиворечиво решать вопросы развития крупных корпораций, малого и среднего бизнеса, научного и кадрового обеспечения производства, развития транспортно-логистической, инновационной и финансовой инфраструктуры.

Основной движущей силой кластера являются входящие в него предприятия. Такая концентрация поддерживает (обеспечивает) конкурентоспособность и развитие отдельных компаний и организаций, а также кластера в целом, что выражается в относительно высоком уровне производительности; стимулировании новых предприятий, а также технологических инноваций. Сети предприятий, работающих в кооперации друг с другом, дают синергетический и мультипликативный эффект.

Формирование конкурентоспособных кластеров позволит региональной экономике полноценно включиться в процессы сетевой глобализации и стать одной из зон опережающего экономического развития в стране. Развитие кластера оказывает также влияние на конкурентоспособность и развитие территории, что выражается в росте занятости, формировании благоприятной структуры занятости и росте заработной платы [2].

Кластерная политика стремительно набирает популярность, как за рубежом, так и в российских регионах. Формирование и реализация кластерной политики – основа сбалансированного развития территорий, одно из главных направлений государственной политики по повышению национальной и региональной конкурентоспособности.

Кластерная политика представляет собой систему взаимосвязанных действий федеральных, региональных и муниципальных органов власти, направленных на стимулирование и поддержку инициатив региональных и муниципальных органов власти и предпринимательских структур по созданию и развитию кластеров, реализующих конкурентные преимущества данных территорий. Кластерная политика рассматривается как координированная деятельность органов государственного и регионального управления по разработке принципов, задач и методов стимулирования организации и развития кластеров, реализующих конкурентные преимущества данных территорий, с целью повышения конкурентоспособности региональной экономики [4].

Целями кластерной политики является повышение конкурентоспособности и инновационного потенциала предприятий и отдельных отраслей, развитие малого и среднего бизнеса, диверсификация национальной экономики. Кластерный подход не должен восприниматься как протекционистская отраслевая политика, направленная на развитие выбранных местных отраслей, через субсидии, тарифные и нетарифные барьеры, ограничение иностранных инвестиций. Он направлен на создание конкурентной бизнес-среды и формирование кластерных инициативных групп для стимулирования сотрудничества между компаниями и поддерживающими организациями для повышения производительности и максимизации рыночных возможностей [3].

На федеральном уровне разрабатывается общая стратегия и политика развития кластеров, включая вопросы использования инструментов кластерной политики, участия федеральных ведомств, вопросы финансирования, координации ключевых мероприятий и вовлечения региональных и муниципальных властей.

На региональном уровне основные задачи состоят в выявлении ключевых кластеров в экономике региона, анализе барьеров и возможностей для их развития и реализации инициатив, направленных на стимулирование развития кластеров.

Для региона кластерная политика состоит в финансировании и координации проектов по развитию ключевых кластеров.

Для муниципальных образований задачи кластерной политики состоят в интеграции местной экономики в ключевые региональные кластеры и координации проектов, направленных на развитие местных кластеров, существующих в границах муниципальных образований.

Фокусом кластерной политики является самоукрепление бизнес-сетей, а также факторы, влияющие на конкурентоспособность секторов (такие как доступность определенных компетенций, технологий и финансов). Кластерная политика осуществляется через сеть, в которой поддержка политики не централизована, а распределена среди различных хозяйствующих агентов, координируемых в рамках общих стратегических целей.

Важно учитывать, что на развитие кластеров оказывают существенное влияние действия органов власти в других сферах (а не только поддержка кластерных инициатив). При оценке эффективности кластерного управления необходимо не только найти способ отслеживания влияния кластеров (через принципы «оптимальное соотношение цены и качества» и рентабельности), но и принять более широкую цель: выработка более

четкого представления о процессах, посредством которых можно стимулировать развитие кластеров [6]. Задача оценки состоит не просто в определении эффективности тех или иных программ и мероприятий, а в установлении значимости кластерного подхода.

Развитие кластеров – основа реализации конкурентных преимуществ территорий и повышение конкурентоспособности экономики страны в целом.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- формирование системы выявления кластеров и определения их текущей и потенциальной конкурентоспособности;
- формирование механизмов стимулирования и поддержки кластерных инициатив;
- создание системы отбора кластерных инициатив;
- создание стимулов для региональных и муниципальных органов власти для реализации кластерной политики на своих уровнях и ее интеграции в стратегии и программы развития соответствующих регионов и муниципалитетов;
- создания системы мониторинга развития кластеров и оценки эффективности действий органов власти всех уровней по реализации кластерной политики.

В результате реализации кластерной политики планируется достичь:

- увеличения доли инновационных и наукоемких отраслей в структуре валового национального продукта;
- увеличения конкурентоспособности традиционных отраслей экономики;
- увеличения доли малых и средних предприятий в экономике;
- повышения уровня занятости и роста до-

ходов населения в регионах локализации кластеров.

Реализация кластерной политики включает два основных блока мероприятий – стимулирование возникновения кластерных инициатив и реализация кластерных инициатив.

В рамках первого блока необходимо:

- разработать и выполнить проект по выявлению и анализу ключевых кластеров в экономике региона;
- подготовить методические рекомендации по развитию кластеров;
- реализовать образовательные программы по вопросам конкурентоспособности и развития кластеров;
- провести оценку текущих кластерных инициатив в рамках кластерной политики на регулярной основе.

На начальном этапе запуска кластерной политики на федеральном или региональном уровне необходимо обладать информацией об уровне развития кластеров в России, понимать типичные барьеры и возможности для развития кластеров и влияние кластеров на развитие отраслей и регионов. Необходима своего рода «карта» кластеров.

Формирование кластерных инициатив осуществляется в три этапа.

1) инициирование, формируется команда инициаторов проекта развития кластера (локальной бизнес – ассоциации или иных бизнес-организаций).

2) диагностика – проводится анализ границ и структуры кластера, определяются его сильные и слабые стороны, потенциал развития и существующие барьеры, ключевые группы интересов.

3) разработка заинтересованными участниками (бизнес-сообщество или органы власти) программы, предусматривающая комплекс мер по его развитию.

В рамках второго блока – реализация кластерных инициатив – на федеральном уровне осуществляется отбор программ развития кластеров и их реализация, поводится оценка их эффективности и при необходимости – их корректировка. Осуществляется федеральная поддержка данных программ.

По направлениям воздействия инструменты реализации кластерной политики подразделяются на:

- развитие инновационного потенциала – финансовая поддержка НИОКР, создание научных и технологических парков; центров трансфера технологий, инновационных баз данных.
- развитие человеческого капитала – мероприятия по повышению качества образования, по профилю кластера, программы повышения квалификации, стимулирование привлечения специалистов из других регионов и из-за рубежа.
- поддержка бизнес-инициатив – создание бизнес-инкубаторов, венчурных фондов, налоговые преференции.
- поддержка экспорта, поддержка участия в соответствующих ярмарках и выставках.
- развитие инфраструктуры кластера – финансирование проектов по развитию транспортной и инженерной инфраструктур, связи и телекоммуникаций.

В качестве источников финансирования мероприятий по реализации кластерной политики наряду со средствами предприятий – участников кластера, могут выступать бюджетные ресурсы, выделяемые на финансирование федеральных и ведомственных целевых программ, региональных целевых программ, НИОКР, а также средства Инвестиционного фонда РФ [5].

Кластерная политика имеет не только универсальный, но и интегрирующий характер. Основными результатами реализации региональной кластерной политики будет повышение уровня конкурентоспособности экономики региона за счет роста объемов производства, увеличения доли инновационной и наукоемкой продукции,

роста производительности труда участников кластеров, увеличения объемов прямых инвестиций в экономику региона, более интенсивного развития субъектов малого и среднего предпринимательства, повышения уровня занятости и роста доходов населения в регионах локализации кластеров.

Литература

1. Адамова К.З. Кластеры: понятие, условия возникновения и функционирования // Вестник Саратовского государственного технического университета. – №34. – 2008.
2. Жидков В.Е., Лазарева Н.В., Фурсов В.А. Кластерный подход к управлению развитием туризма как фактор повышения конкурентоспособности региона // Вопросы туризмоведения. – Саратов: Экспресс-тиражирование, №1(1), 2012.
3. Нелюбова Н.Н. Кластеризация как инструмент повышения конкурентоспособности в инновационной стратегии региона // Региональная экономика: теория и практика. – № 10 (49). – 2007.
4. Пилипенко И.В. Кластерная политика в России: возможности реализации и конкурентоспособность регионов // VIII Сократические чтения «Постиндустриальная трансформация старопромышленных районов России». – М.: Эслан, 2011.
5. Раевский С.В., Винокурова Ю.В. Кластерная концепция организации структуры экономики регионов // Региональная экономика: теория и практика. – № 5. – 2007.
6. Скоч А. Эффективность кластеризации региональной экономики / А. Скоч // Экономические стратегии. – № 05. – 2007.

LEGAL SCIENCES

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION OF AGRICULTURAL COOPERATION IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Шилова Н.П.

*Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде),
г. Вологда, Вологодская область, Россия*

Shilova N.P.

*Vologda Branch of Moscow State Law Academy named after O.E. Kutaphin.
Vologda, Vologda region, Russia*

В настоящей статье через сравнительно-правовой анализ конституционных норм о сельскохозяйственной кооперации в России и зарубежных странах сформулированы тенденции современного конституционно-правового регулирования условий функционирования кооперативных организаций в АПК.

Ключевые слова: кооперация; кооператив; сельскохозяйственный кооператив; конституция; кооперативное законодательство.

In this paper a comparative legal analysis of constitutional rules on agricultural cooperation in Russia and other countries has enabled to set the trends of modern constitutional and legal regulation of the conditions of cooperative organizations in the agricultural sector.

Keywords: cooperation; cooperative; farming cooperative; the Constitution; cooperative legislation.

В настоящее время кооперативное движение охватывает более одного миллиарда человек. По данным ООН, кооперативы существуют во всех странах мира, но наибольшее развитие они получили в странах, в которых и произошло зарождение кооперативных организаций.

В XXI веке на кооперативы при поддержке межгосударственных и неправительственных структур возложено решение ключевых вопросов, позволяющих обеспечить устойчивое развитие общества. Одним из условий успешного функционирования кооперации в любой стране является наличие качественной правовой основы.

Изначально кооперативы не имели централизованного правового регулирования своей деятельности. Первые европейские кооперативные законы увидели свет только с середины XIX века. В России первое ссудо-сберегательное товарищество было создано в 1861 году, устав данного товарищества до 1872 года служил образцом для создаваемых ссудо-сберегательных товариществ. Первый российский централизованный нормативный правовой акт о ссудо-сберегательных кооперативах был утвержден в 1895 году. В это время кооперативные товарищества (и не только ссудо-сберегательные и кредитные) уже успешно функционировали практически во всех развитых европейских государствах, имея добротную правовую основу для своего функционирования.

Сегодня правовое регулирование кооперации в зарубежных странах носит комплексный характер и включает в себя нормы конституционного, гражданского, кооперативного, административного, банковского, налогового законодательства в зависимости от вида и сферы деятельности кооперативных организаций. В настоящей статье хотелось бы акцентировать внимание именно на конституционно-правовом регулировании кооперации, в том числе и сельскохозяйственной в России и зарубежных странах.

В ряде зарубежных стран важнейшим источником правового регулирования кооперации является конституция (основной закон). Посредством этих норм реализованы три основные кооперативные заповеди:

1. Социальное значение кооперации.
2. Независимость кооперативов.
3. Признание государством роли кооперативов в развитии гражданского общества.

Так, социальная функция кооперации прямо закреплена в статье 45 Конституции Итальянской Республики, в которой предусматривается, что «Республика признает социальную функцию кооперации, основанной на взаимопомощи и не преследующей целей частной спекуляции...» [1. С. С.75].

Самостоятельный характер кооперации воплощен в основных законах либо через норму о невмешательстве государства в деятельность кооперативов (частности, данный запрет содержится в статье 5 Конституции Федеративной Республики Бразилии) [1. С.290], либо через норму об автономности кооперативов (статья 12 Конституции Венгерской Республики) [1. С.381].

Кроме того, в отдельных зарубежных странах на конституционном уровне закреплена государственная поддержка кооперации (статья 45 Конституции Итальянской Республики, статья 129 Конституции Испании [1. С. 225], статья 5 Конституции Федеративной Республики Бразилии, статья 12 Конституции Венгерской Республики, статья 5 Конституция Китайской Республики [1. С.408]).

Наиболее подробно из стран ЕС получило свою регламентацию регулирование кооперативных отношений в Конституции Португалии.

Прежде всего, в главе 1 раздела III данного нормативного правового акта закреплено, что «все имеют право на свободное создание кооперативов ...» (п. 2 ст. 61) [2]. При этом государство четко указывает, что кооперативы обязаны действовать исключительно на кооперативных началах.

В Португалии кооперативы признаются самостоятельными юридическими лицами, обладающими имуществом на праве собственности.

Кооперативная собственность является самостоятельной формой собственности наряду с государственной, частной и общественной. Фундаментальный характер модели кооперативной собственности придает конституционная норма о защите кооперативной собственности на средства производства как принципе социально-экономической организации общества.

Кооперативная и общественная формы собственности объединены одним правовым режимом и включают в себя средства производства, принадлежащие кооперативам; коммунальные средства производства; средства производства организаций, основной целью которых является не извлечение прибыли, а достижение социальных, культурных и иных нематериальных целей (в России данным видом организаций являются некоммерческие организации).

Кооперативы вправе создавать кооперативные организации последующих уровней и образовывать союзы для своего представительства, что, на наш взгляд, обеспечивает большую финансовую стабильность их деятельности, позволяет расширить сферу деятельности, привлечь в кооперативы новых членов.

Несмотря на то, что кооперативы являются организационно и финансово самостоятельными структурами, государство гарантирует им свою помощь в форме налоговых льгот, кредитов, предоставления необходимого оборудования и т.д. (ст. 85 Конституции Португалии).

Разделяя международно-правовой взгляд на социальную природу кооперативов и многоаспектность их деятельности, государство также гарантирует создание кооперативных школ (п.4 ст. 43).

Таким образом, закрепление в конституци-

онных законах норм, направленных на развитие кооперации, на наш взгляд, позволяет обеспечить фундаментальную основу развития кооперативного сектора и свидетельствует о возложении на кооперативы решение не только экономических, но и социальных задач.

Анализ Конституции РФ, к сожалению, свидетельствует о том, что непосредственное правовое регулирование кооперации отсутствует. Чем это обусловлено? На наш взгляд, несмотря на богатые российские исторические кооперативные традиции извращение кооперативной природы колхозов и потребительских обществ в советское время (в частности, сращивание с государственным сектором, потеря кооперативной независимости и др.) повлекло в формировании общественного сознания (кстати, во многом искусственно навязанным) мнения о том, что кооперативы – это пережитки прошлого советского времени. К сожалению, были преданы забвению и труды выдающихся российских кооператоров. Не добавляли авторитета кооперации и кооперативы периода так называемой перестройки.

Вспоминая аграрную и земельную реформы начала 90-х гг. прошлого века, нельзя не отметить и четко отрицательную позицию высшей российской власти. Так, в ряде указов Президента РФ прямо говорилось о том, что аграрный сектор должен быть представлен исключительно фермерскими хозяйствами, а не кооперативными объединениями. Способствовало этому и отсутствие в то время специального закона о сельскохозяйственной кооперации (Закон СССР «О кооперации» также являлся крайне несовершенным). Но практика функционирования сельского хозяйства показала, что наиболее оптимальным вариантом организации сельскохозяйственной производственной деятельности все-таки являются кооперативы. Тем более, что эта тенденция соответствует и современной международно-

правовой модели организации экономической жизни общества.

Но, несмотря на отсутствие прямого конституционного регулирования деятельности кооперативов, отдельные нормы российского основного закона все-таки пусть и опосредованно, но являются нормами, применяемыми и к кооперативам.

Прежде всего, это статья 8 Конституции РФ, согласно которой в стране «гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» [3]. Это означает, что и кооперативы являются субъектами экономической деятельности.

Согласно ст. 30 каждый имеет право на объединение, что означает возможность добровольного вступления в кооператив и свободу выхода из его состава. Тем более, что ст. 34 предусматривает право граждан свободно распоряжаться своими способностями для осуществления экономической деятельности, включая и предпринимательство (в России коммерческими организациями являются производственные кооперативы, в том числе и в АПК).

Определенные гарантии кооперативам дают и нормы о множественности и равенстве всех форм собственности на землю и иные природные ресурсы (ст. 9), об охране права частной собственности законом (ст. 35). К сожалению, Россия пока не доросла до признания кооперативной собственности самостоятельной формой собственности (хотя формально правовая возможность для этого есть: в статье 9 говорится и об иных формах собственности, в частности, на природные ресурсы). Но для этого придется существенно менять концепцию института собственности, заложенную в Гражданском кодексе РФ. Разработанные изменения в ГК РФ, обсуждаемые сегодня

Государственной Думой Федерального Собрания РФ, также сохраняют уже ставшего для России традиционного трехчленного деления форм собственности на государственную, муниципальную и частную. Имущество кооперативов признается частной собственностью, хотя уже достаточно давно в мировой практике обоснованы отличия кооперативов от частных предприятий, и прежде всего, по целям деятельности, участникам, механизму управления.

Одним из пробелов российской Конституции является отсутствие норм, направленных на государственную поддержку кооперации, и прежде всего, в сельском хозяйстве. Вместе с тем, мировой опыт показывает, что значительная часть сельскохозяйственной продукции производится, перерабатывается, транспортируется и реализуется именно сельскохозяйственными кооперативами [4]. Не менее значимым является и опыт кредитной кооперации, жилищной кооперации.

ООН, КОПАК, иные межгосударственные и негосударственные структуры неоднократно отмечают, что кооперативы являются организациями, действующими в интересах как членов кооператива, так и самих кооперативов, являясь важным элементом механизма социального партнерства. В целях развития кооперативного движения ежегодно отмечается день кооперации, день кредитной кооперации. Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 64/136 от 18 декабря 2009 года 2012 год объявлен годом кооперации [5]. Следовательно, международное сообщество заинтересовано в развитии кооперативного сектора экономики, в том числе и через правовой механизм.

В ряде зарубежных стран (Итальянская Республика, Федеративная Республика Бразилии, Венгерская Республика, Испания, Португалия, КНР) конституционно-правовое регулирование является непосредственным, в России – опос-

редованным. Следовательно, конституционные нормы должны находить свою реализацию в кооперативных законах – Федеральном законе «О сельскохозяйственной кооперации», Федеральном законе «О производственных кооперативах» и иных. Но, к сожалению, существующий Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» в ряде норм не только не отражает конституционные начала, но прямо противоречит и им, и международным принципам. Таким образом, на наш взгляд, российское кооперативное законодательство нуждается в приведении его в соответствие с общепринятыми кооперативными принципами и конституционными нормами.

Литература

1. Конституции зарубежных стран. Сборник. / Сост. В.Н. Дубровин. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008.
2. Конституции стран Европы: В 3-х т. 2 / Под общей редакцией и со вступительной статьей директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Л.А. Окунькова. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – С. 767.
3. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. С изм. от 30 декабря 2008 года // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2009. 21 января.
4. Папцов А. Развитие сельскохозяйственной кооперации в Европейском Союзе // Экономика сельского хозяйства России. – 2007. – № 3. – С.19-20.
5. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН 64/136 от 18 декабря 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://www.ica.coop> (дата обращения: 23.09.2012).

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

URGENCY AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF INSTITUTION OF POLICE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY (SOCIAL AND ADMINISTRATIVE ASPECT)

Янбухтин Р.М.

*Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

Yanbukhtin R.M.

Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Обосновывается актуальность развития института полиции в современной России, рассматриваемого с позиции социологического анализа социально-управленческих основ повышения эффективности его деятельности. Раскрывается содержание понятий «институт полиции», «социальное управление в полиции», «эффективность деятельности института полиции» с учетом действующего законодательства, уточняются система оценки и критерии эффективности деятельности полиции, определяются перспективы развития института полиции в российском обществе.

Ключевые слова: *социальный институт, институт полиции, социальное управление, социальное управление в полиции, эффективность, система оценки эффективности.*

The article grounds the urgency of development of the institution of police in modern Russia, which is considered from the point of view of the sociological analysis of social and administrative bases of increase of efficiency of its activity. The content of concepts «police institution», «social management in police», «efficiency of activity of the institution of police» taking into account the current legislation, the system of assessment and criteria of efficiency of activity of police are specified, prospects of development of the institution of police in the Russian society are defined.

Keywords: *social institution, police institution, social management, social management in police, efficiency, system of assessment of efficiency.*

Становление института полиции в России начала XXI века является закономерным результатом общественного развития и необходимости приведения назначения и функционирования правоохранительного ведомства потребностям защиты прав и интересов личности и населения, обеспечения их безопасности, поддержания правопорядка. С включением в структуру общественных отношений полиции актуализируется проблема социологического анализа социально-управленческих основ повышения эффективности деятельности института полиции, решение которой становится возможной благодаря полидисциплинарному подходу, включающему теорию социального управления, теорию государства и права, институциональный подход.

Обзор и анализ литературы, раскрывающей проблемы деятельности органов внутренних дел, свидетельствует, что в преобладающем большинстве научных исследований органы правопоряд-

ка рассматриваются или как разновидность социальной организации [5]; или как сложные системы, состоящие из «множества разнообразных элементов, между которыми существуют многообразные взаимосвязи, отношения, и созданные для решения заранее определенных задач» [3]. Тогда как, по сути, образование полиции в государственно-политическом механизме России сводится к вопросу возникновения и становления полиции как социального института, или интеграции нового вида социальной деятельности в существующую структуру общественных отношений.

Интерес к институциональному подходу применительно к деятельности органов внутренних дел обнаруживается в ряде исследований при рассмотрении милиции в механизме обеспечения государственной власти (Е.Ю. Аврутин) [1], специфики деятельности милиции в переходной

период развития общества (В.Ю. Бельский) [2], институциональной эволюции органов внутренних дел (С.А. Дербичева, П.Н. Астапенко) [4], эффективности деятельности органов внутренних дел как социальной организации (С.В. Егорышев) [5], взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации (Ю.Ю. Комлев) [7], социализации личности (Д.Д. Невирко) [8]. Между тем вне поля исследований оказывается институциональная проблематика полиции как новой правоохранительной структуры; вопросы, касающиеся социологического рассмотрения полиции как социального института, осмысления методологии и разработки современной модели социального управления в полиции, определения системы оценки эффективности ее деятельности. Все это требует глубокой проработки институционального вопроса и сопутствующего ему категориально-понятийного аппарата

С привлечением институционального подхода институт полиции рассматривается как социально-профессиональная общность людей, назначением которой является организация совместной деятельности людей и управление процессами их социальных взаимодействий и взаимосвязей в сфере защиты прав и интересов личности и населения, обеспечения их безопасности, охраны общественного порядка и поддержания правопорядка. Выступая специфической формой существования социальной общности, институт полиции предстает как профессиональные группы людей, объединенные посредством социальных связей и отношений; имеющие общие задачи, функции и обусловленные ими социальные статусы и роли, социальные нормы, ценности, символы, идеалы. Благодаря упорядоченности составляющих ее элементов, связей, отношений, полиция как социальный институт выполняет характерные для нее социальные роли, которые она призвана решать, отвечая требованиям общественного развития,

удовлетворению потребностей и социальных ожиданий широких слоев населения.

Наряду с разработкой институционального подхода теоретико-методологическое обоснование исследования социально-управленческих основ деятельности института полиции, обеспечивающих повышение его эффективности, включает рассмотрения вопросов, связанных с теорией социального управления в органах внутренних дел, раскрытием понятия «социальное управление в полиции». Согласно анализу литературных источников, посвященных теории социального управления в сфере правоохранительной деятельности, в преобладающем большинстве научных исследований представлено широкое толкование термина «социальное управление» (В.Д. Малков, В.П. Сальников, С.Ю. Калинин, Е.Ф. Яськов и др.). В частности, рассматриваемое в рамках теории управления оно определяется как «сознательное, целенаправленное воздействие на социальную систему в целом или ее отдельные элементы на основе использования присущих системе объективных закономерностей и тенденций» [6, с. 55]. Следуя этому широкому определению, сложно четко разграничить понятия «управление» и «социальное управление». Между тем, смысл социального управления заключается именно в управлении социальными процессами, явлениями, отношениями, взаимодействиями в социальных системах, организациях, институтах. Исходя из постановки научной проблемы настоящего исследования, нам представляется следующее понимание социального управления в полиции. Являясь одним из видов социального управления, социальное управление в полиции – это управление социальными процессами в полицейских подразделениях, службах с целью утверждения системы социально-правовых и гуманистических отношений и форм взаимодействия управляющих и управляемых субъ-

ектов, направленное на создание условий, обеспечивающих эффективную реализацию социального и правоохранительного назначения полиции.

Для существующей на сегодняшний день модели управления в полиции характерно отсутствие современной концепции социального управления, а также системности в осуществлении социального управления, отсутствие действенного механизма обратной связи в управленческой деятельности. В этой связи важными по своей значимости направлениями формирования эффективного института полиции, отвечающего требованиям современного развития общества, являются: 1) совершенствование управления органами полиции в направлении углубления его социальной ориентации; 2) установление тесного взаимодействия и сотрудничества с населением; 3) поддержание репутации полицейских служб и подразделений в общественном мнении.

Недооценивание роли и значения социально-управленческих основ деятельности института полиции осложняет более глубокую интеграцию полиции в структуру общественных отношений и выполнение задачи построения высокоэффективного института полиции, открытого

для общественного контроля, конструктивного взаимодействия и диалога с населением. Доказательством тому являются многолетние исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел, проведенные нами на территории Республики Башкортостан и охватывающие близлежащие регионы (Оренбургская, Пермская, Челябинская области), включая мнение самих сотрудников органов внутренних дел. Так, отслеживаемое в динамике мнение граждан подтверждает наличие проблем в области социальной направленности деятельности органов внутренних дел. Отвечая на вопрос какие из факторов, по мнению респондентов, в наибольшей степени способствуют снижению авторитета органов внутренних дел, опрашиваемые неизменно показывают в числе детерминант бюрократизм, формализм, волокиту (до 30 %, в среднем), а также поборы, взяточничество, коррупцию (около 25 %, в среднем) (табл. 1).

Актуальными в последние годы остаются вопросы, связанные с низким профессионализмом и компетенцией сотрудников (30,5 %, по данным 2008 года, и 38,7 %, по данным 2011 года), равнодушием и низкой культурой общения с гражданами

Таблица 1

Факторы, способствующие снижению авторитета ОВД (в %)

Факторы	Годы исследований						
	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011
Необоснованное задержание граждан	30	21	20	18,5	18,5	9,6	14,5
Необоснованное применение насильственных действий	12	15	20	17	14	4,8	1,6
Низкий профессионализм, компетенция сотрудников	37,5	40	39,5	41	30,5	33,8	38,7
Равнодушие, низкая культура общения с гражданами	30,5	27	31,5	31	15	16,9	19,3
Использование служебного положения в личных целях	22,5	19	30	23	14,5	14,5	14,5
Бюрократизм, формализм, Волокита	28,5	33,5	20,5	24	13,5	40,3	29
Поборы, взяточничество, коррумпированность	25	9	20,5	14,5	21	34,6	40,3
Иное	19,5	1,5	4	1,5	0	0	1,6
Затрудняюсь ответить	4	5,5	4	7	0	3,2	6,4

ми (15,0 %, по данным 2008 года, и 19,3 %, по данным 2011 года). В то же время, в последние годы снизились, по мнению респондентов, необоснованные задержания граждан – с 30 %, по данным 2000 года, до 14,5 %, по данным 2011 года, и необоснованное применение насильственных действий в отношении граждан – с 20 %, по данным 2000 года, до 1,6 %, по данным 2011 года. Однако вдвое и более возросла численность опрошенных, выделяющих в числе основных причин, способствующих снижению авторитета органов внутренних дел – поборы, взяточничество, коррупционность (с 14,5 %, по данным 2006 года, до 40,3 %, по данным 2011 года); бюрократизм, формализм, волокита (с 13,5 %, по данным 2008 года, до 29 %, по данным 2011 года).

В свою очередь, опрос сотрудников органов внутренних дел выявляет проблемы, преимущественно связанные с формами и методами управления. В частности, к числу негативных причин, влияющих на качество деятельности органов внутренних дел, сотрудники относят стремление руководителей обеспечить высокие показатели своих подразделений. Отвечая на вопрос: «Чем, по Вашему мнению, можно объяснить наличие фактов нарушения законности и служебной дисциплины в деятельности сотрудников милиции?», 30,0 % сотрудников, по данным 2006, и

70,9 % сотрудников, по данным 2011 гг., указали на стремление руководства обеспечить высокие показатели своих подразделений (табл. 2).

Таким образом, результаты социологического опроса подкрепляют выдвинутое нами положение, что глубокая интеграция полиции в структуру общественных отношений и выполнение задачи построения высокоэффективного института полиции становятся возможными при условии совершенствования социального управления в полиции. Так, социально-ориентированная модель управления нацелена на осуществление системного социального управления в полиции, направленного на реализацию ожиданий и интересов граждан в обеспечении их безопасности, повышение социальной роли института полиции в обществе, активизацию деятельности личности сотрудника полиции и профессионального коллектива, установление эффективного взаимодействия полиции с широкими слоями населения, поддержание деловой репутации.

Разработка методологии социального управления в полиции предполагает уточнение системы оценки эффективности функционирования полицейских служб и подразделений. Федеральным законом «О полиции» определено, что одним из основных критериев официальной оцен-

Таблица 2

**Причины нарушения законности и служебной дисциплины
в деятельности работников милиции (в %)**

Причины	Годы исследования						
	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011
Слабый контроль со стороны руководства	9,5	13,0	17,5	18,5	19	7,2	1.6
Стремление обеспечить высокие показатели	60	46,5	32	30	41	65,3	70.9
Низкий уровень профессиональной подготовки	36,5	34,5	34,5	27,5	28	19,3	8.6
Несовершенство законов, регулирующих деятельность органов внутренних дел	39,5	30	36,5	40,5	30,9	42,9	38.7
Иное	0	3,5%	3,5%	1,0%	4,0%	0,8%	0

ки деятельности полиции является общественное мнение [9]. В этой связи МВД России утвердило Приказ от 26.12.2011 г. № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» и ввело в действие инструкцию и показатели ведомственной оценки, включая оценку их работы по результатам исследования общественного мнения. Между тем, следуя обозначенной нами проблеме, а именно ориентации деятельности института полиции на усиление социальной направленности управления, считаем целесообразным при определении эффективности деятельности полиции на вверенной им территории признать приоритетным оценку населения.

Охватывая целевое предназначение, процесс и результат деятельности, понятие эффективность характеризует состояние правоохранительной и социальной деятельности полиции и раскрывается в соответствии с видом и содержанием деятельности полицейских подразделений, характером и критериями оценивания деятельности института полиции. В нашем понимании эффективность деятельности института полиции – есть степень, мера достижения заданных социально значимых целей и задач, определяемая внешними и внутренними параметрами, где субъектами оценки внутренних параметров выступают вышестоящие полицейские структуры; а субъектами оценки внешних параметров – население. В соответствии с этим система оценки эффективности деятельности полицейских подразделений включает показатели, учитывающие уровень удовлетворенности потребностей личности и населения в защите их прав и интересов, обеспе-

чение безопасности их жизни, своевременное и качественное решение социально-правовых проблем граждан, динамику обеспечения безопасности личности и населения, мобильность полицейских подразделений по предотвращению и пресечению правонарушений, раскрытию преступлений.

Проведенное исследование позволяет прогнозировать перспективы развития института полиции в ближайшие годы. Так, ключевым элементом социального развития института полиции будет являться ориентация на своевременное выявление и решение социально-правовых проблем населения, а также их широкое привлечение к оказанию помощи и содействию полиции. Не вызывает сомнения и факт последующего эволюционного обновления системы МВД России, совершенствования его структурного построения, повышения роли и назначения института полиции в российском обществе. В этой связи и с развитием демократических отношений в российском обществе следует ожидать постановки новых задач в части социально-управленческой стратегии совершенствования деятельности института полиции. В частности, это переосмысление социальной миссии полиции в обществе, расширение социального содержания ее задач, целей, функций, оценки деятельности, повышение требований к уровню профессиональной и общей культуры личности сотрудника. Также следует ожидать усиления гуманистического направления развития российской полиции, расширение социально-гуманитарных форм, методов работы с населением.

Литература

1. Аврутин Ю. Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003 – 501 с.

2. Бельский В. Ю. Милиция как социальный институт в переходной период развития общества // Специфика деятельности милиции (полиции) в переходной период развития общества: материалы международного семинара. – М.: Московский университет МВД России, изд-во «Шит-М», 2005. – С. 14-17.
3. Гурский А. А. Управление органами внутренних дел как социальной системой // Вестник ДВЮИ МВД РФ. – 2009. – № 1. – С. 41-45.
4. Дербичева С. А., Астапенко П. Н. Институциональная эволюция ОВД в системе европейской модели государственного развития // Закон и право. – 2007. – №3. – С. 61-63.
5. Егорышев С. В., Толкачев К. Б. Социология организаций. Орган внутренних дел как социальная организация: монография. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, Роша А. Н. Основы социологических знаний. Орган внутренних дел как социальная организация. – М., 1990. – 180 с.
6. Калинин С. Ю. Теоретические аспекты самоуправления в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. – 2009. – №1. – С. 54-58.
7. Комлев Ю. Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. – 388 с.
8. Невирко Д. Д. Особенности социализации личности в авторитарных институтах России 90-х годов (опыт социологического анализа специфики подготовки кадров органов внутренних дел). – Красноярск, 1999. – 175 с.
9. О полиции: Федеральный закон от 7.02.2011 г. №3-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – №7. – Ст. 900.

**ПРАВОТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СЕВЕРА В XV-XVII ВВ.
В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ РЫБНЫХ И ИНЫХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ
СЕВЕРНОЙ РОССИИ НОРМАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И ОБЩИННОГО ПРАВА**

**LEGISLATING THE NORTH OF THE FIFTEENTH AND SEVENTEENTH
CENTURIES. IN THE FIELD OF FISHERIES AND OTHER NATURAL
RESOURCES OF NORTHERN RUSSIA FEDERAL, STATE
AND COMMUNITY RIGHTS**

Иванова Ж.Б.

Коми республиканская академия государственной службы и управления, Россия

Ivanova J.B.

Komirepublican academy of state service and administration, Russia

В статье рассматриваются проблемы охраны водных и иных живых ресурсов малых народов Северной России нормами государственного и «своего, местного права». Обобщен опыт применения «общинного права» в практике потребления природных ресурсов по соблюдению принципа – равновесия общества и природы.

Ключевые слова: *Малые народы Севера; обычаи неюридические и юридические; общинное право; традиционное правосудие; государственное и местное право.*

The article deals with the problems of water and other living resources of the small peoples of northern Russia and the rules state «of his, a local law». The experience of the use of «community rights» in the practice of consumption of natural resources to comply with the principle – the equilibrium of society and nature.

Keywords: *Small Peoples of the North; non-legal and legal practices, community law, traditional justice, state and local law.*

Малые народы Севера оказались в сложной правовой ситуации. Их юридические обычаи – обычаи доклассового общества, получив санкцию государственной власти, как бы трансформировались в нормы обычного права. Такая трансформация явилась следствием включения полупервобытных, в сущности, народов в классовое общество, и нельзя сказать, что это было формальным актом, не отразившимся на их юридическом быте.

Народы Севера стали объектом действия двух различных, находившихся в конфликте систем права – государственного и своего, местного права. В подобных случаях падал престиж и постепенно, но неуклонно сокращалась область применения последнего. Его отдельные нормы подвергались деформации и модернизации. Сами они обновлялись за счет рецепции правовых норм, необходимых для регулирования новых отношений, возникавших в результате внешних контактов. В конечном счете - это право, хотя оно и распространяется на большинство туземного населения, оказывается сведенным до уровня частного, исключительного права.

Правотворчество народов Севера в XV-XVII вв., а в большей степени в последующие периоды испытывало влияние государственного права России, правосознания русского народа. Сохранение традиционного суда и юридических обычаев народов Севера объяснялось невозможностью применения к ним государственных законов, стремлением правительства уберечь их как плательщиков ясака от разорения, связанного с разбором дел в общем судебном порядке. Да и практически трудно или же совсем невозможно было ввести у этих народов государственный суд, учитывая их образ жизни и отдаленность от административных центров.

Сохранение традиционной юстиции не уберегло народы Севера от произвола и насилия чиновников, в том числе и судебных, ущемления прав и Интересов со стороны скупщиков пушнины, рыбопромышленников, зажиточной части русского и коми населения. Иначе говоря, общинное право народов Севера, регулируя внутренние отношения, было бессильно защитить их от посягательств извне. Покровительство правительства мало что значило на месте, в дебрях тайги и безбрежных просторах тундры.

Применение двух правовых систем требовало разграничения сфер их действия. Первоначально такого разграничения не существовало. Затем предпринимались попытки расчленить сферы действия закона и обычая. Однако такое разграничение не имело четкости, проводилось непоследовательно и постоянно нарушалось чиновниками, вмешивавшимися в юридические конфликты. Доправовую юридическую культуру народов Севера отличает архаичность форм, меньшая степень развитости по сравнению с обычно-правовым институтом древних народов, отразившим отношения уже классово-дифференцированного общества. В ней фиксируется отсутствие частной собственности на землю, промысловые и пастбищные угодья, некоторые средства производства, отмечается социальное равенство людей.

В то же время юридическая культура народов Севера – это культура дифференцированного по-своему общества. Она различна, хотя и не в резкой форме, общественное положение людей (князец, старшина, рядовой общинник) наделяло разными правами разные возрастные группы, старожилы и новоселы, учитывала системы родства, определявшие порядок наследования.

В отличие от обычно-правовых институтов других народов, занимавшихся скотоводством и земледелием, доправовая культура народов Севера – это культура народов, ведущих промыслово-охотничье, рыболовное и оленеводческое, то есть преимущественно присваивающее, а не производящее хозяйство, что существенно смещало акцент значимости собственности на землю и регламентировало отношения именно в этой сфере, а не в сфере сельского хозяйства.

Наличие у народов Севера самостоятельных юридических систем отнюдь не означало, что они не составляли единого комплекса. Общность исторического процесса этих народов обусловила и общность социально-экономических и всех

других устоев традиционного уклада жизни, в том числе и доправовой культуры. Несмотря на отличия, порой существенные, эту культуру у всех народов Севера можно рассматривать как единую систему, которой присущи единство и общность основополагающих признаков.

Обычное право различных народов – это в значительной степени право отдельных групп и общин, индивидуум получал признание только через принадлежность к определенным коллективам. Солидарность общества ставилась в нем выше индивидуальных интересов его членов, за которыми не признавалось, собственно говоря, никаких прав. Функция обычного права состояла отнюдь не в охране и признании прав субъекта, а в обеспечении сплочения группы, в поддержании согласия и взаимопонимания в отношениях между ее членами. Отсюда примирительная направленность общинного права; в основе его лежала идея примирения и арбитража, а не идея права как таковая, в нем большее место занимали нормы простой справедливости. Общинное право народов Севера претерпевало известные изменения, глубина которых, как правило, зависела от продолжительности и интенсивности контактов с русским населением.

Другое изменение заключалось в постепенной консолидации разрозненных, нечетких юридических обычаев в более или менее определенные нормы, свойственные общинному праву народов, ушедших далее в своем развитии. Особенно это проявилось в судебной практике инородных управ. В отдельных случаях наблюдалось воздействие юридических обычаев народов Севера на русское население, воспринимавшее не только приемы рыбной ловли и способы охоты, но и правила их ведения. В условиях патриархально-родовых общинных отношений, одну из основ которых составляли коллективизм и взаимопомощь, правонарушения имели иную окраску и

степень распространенности по сравнению, как с первобытным, так и с классовым обществом.

Правонарушений как таковых не могло быть, а взаимоотношения между людьми регулировались исключительно нормами морали. Преступления, как правило, не носили социально опасного характера и количественно уступали тяжбам и проступкам, связанным преимущественно с мелкими конфликтами.

Однако разложение традиционных институтов, ослаблявшее нравственные нормы, породило преступления против собственности и личности. Причем преобладающее значение, как по количеству, так и по значимости имели преступления против собственности, гражданско-правовые споры и т.д.

«Самоеды составляют самостоятельное племя, занимавшее место между Финским и Монгольским. Они переселились в Архангельскую губернию из Азии, где, за Уральским хребтом, еще до сих пор кочует часть Самоедского племени». Это передвижение «доказал своими филологическими изысканиями Кастрен, который проследил Самоедов до Саянских гор, до верховьев речной системы Енисея»¹. Самоеды, владеющие тундрой с незапамятных времен, давшие свои имена ее урочищам, платившие за нее ясак, должны быть настоящими хозяевами тундры, и права их подтверждались многократно жалованными грамотами великих князей и царей Московских, также как и современными узаконениями².

В 1545 году была дана Канинским и Тиманским Самоедам по жалобам на их притеснения жалованная грамота Иваном Грозным. По этой грамоте «Самоедам велено владеть всеми звери-

ными промыслами и рыбными ловлями, какими владели раньше, с тем, чтобы Печоряне и Пермь-ки, то есть Пустозеры и Зыряне не смогли вступать в их права; а также пинежским волостелям запрещено было судить Самоедов в каких-либо делах, кроме убийства и кражи с поличным, и притеснять их; суд же над ними предоставлен даньщику, который собирает с них подать на государя»³.

Доказательством прав Большеземельских Самоедов на владение тундрой и угодьями, находящимися в ней, может служить грамота, данная на Кевролу и на Мезень стольнику и воеводе Михайлу Романовичу Воейкову в 1688 году царями Иваном и Петром Алексеевичами и царевной Софьей. Эта грамота дана в защиту Тиманских Самоедов от нападений Югорских и Лесовых, то есть Большеземельских, «которые сильно обижали Тиманских: «летом рыбные промыслы их отнимают и грабят и Тиунскую (Тиманскую) Самоядь побивают до смерти и малых ребят воровки уносят и работать им на своих промыслах и зимою на тундре в их угодьях не дают и всячески изобижают и разоряют»⁴. Из этой грамоты видно, что Большеземельские Самоеды до 1765 года, бесспорно, владели тундрой и в их права не вступался никто, ни пустозерские, ни ижемские крестьяне. Но Русские и зыряне захватили в свою власть тундру с различными угодьями в явное нарушение прав собственности Самоедов.

Самоеды не могли защищаться собственными силами и в 1835 году «последовало административное устройство Самоедов, которое должно было положить конец всем злоупотреблениям и дать прочные гарантии безопасности и неприкосновенности их прав. Издан был Устав, предоставлявший Самоедам многие права: свободу от разных повинностей, лежащих на податном

¹ Журнал Министерства Народного Просвещения. 1851г., май, отд. УП, с.68.

² Ефименко А.Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии //Записки РГО по отделению этнографии. Т. 8. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. С. 160.

³ Там же. С. 160-161.

⁴ Там же. С. 161.

сословии; собственное управление и суд; законное право на владение тундрой, захваченной пришельцами. Все, что могло служить для блага Самоедов и предохранить их от какого бы то ни было произвола, было предусмотрено этим уставом»⁵.

Кроме оленеводства Самоеды занимались рыбным и звериным промыслами. Эти виды промысла могли бы служить очень важным подспорьем в хозяйстве, если бы они могли были в состоянии извлекать все выгоды из множества рыбных озер и рек, которыми изобилует тундра. Однако Зыряне и Русские «отбили у Самоедов все промысловые места, обзавелись нужными снастями и промыслили рыбу все лучшее время года, не подпуская самоедов». Эти последние выжидали для ловли осени, когда Зыряне и Русские возвращались домой в свои поселения и тогда начинали ловить, если были необходимые снаряды. Но недостаток соли не позволял Самоедам воспользоваться, как следует, добычей своего промысла⁶.

⁵ См. Полн. Собр. Законов за 1835 г. N8,071: Устав об управлении Самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии, опубликованный 18 мая. В именном указе, данном по этому случаю Правительствующему Сенату, сказано: «Вследствие представления министра внутренних дел о нравах и образе жизни обитающих в Мезенском уезде Самоедов признается полезным распространить на них постановления, для сибирских инородцев изданные, с изменениями, настоящему состоянию их сообразными». Самоедский устав представляет применение к частному случаю общих начал, выработанных в уставе 1822 г. об управлении инородцами. Этот последний, как известно, принадлежит гр. Сперанскому, который во время управления Сибирью обратил серьезное внимание на обычаи инородцев, там проживающих, вследствие чего быт этих последних, а равно и Мезенских Самоедов, был принят во внимание при составлении свода Законов.

⁶ Ефименко А.Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 8. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. С. 168.

Звериными и рыбными промыслами Самоеды занимались на море, в тундре и в лесах. Выгодными промыслами морских зверей «они занимаются мало, так как Русские заняли все лучшие промысловые места, как на Канинском и Тиманском берегах, так и около Югорского шара. Русские берут Самоедов в рабочие, как отважных и искусных охотников, но, разумеется, тогда все выгоды промыслов переходят в руки Русских».

Предметами завладения у Карелов бывали чаще всего рыболовные места в реках, сенокосные участки и т.п. Завладение происходило «вследствие задолжания одного лица другому, при разделе земель и предметов общего пользования». Здесь «очевидно действует право сильного, то есть кулаков и мироедов»⁷. У Лопарей также имели место захваты «озерных, речных рыбных угодий. Эти захваты разбирались в том же мире-погосте по заявлению законного владельца, в котором находился виновник захвата.

Рыболовецкое право сродни охотничьему. Оно включало в себя нормы, регулировавшие владение рыболовными угодьями и снастями, распределение добычи, а также меры наказания за нарушение общепринятых правил. Объем этого права меньше охотничьего, хотя рыболовство занимало ведущее место в обеспечении многих малых народов Севера пищей.

Рыболовные угодья делились на мелкие и крупные. В первом случае они разделялись на семейные наделы, где действовало то же правило. Нарушивший его считался вором и в первый раз отдавал половину или всю добычу владельцу участка. При повторном нарушении виновного вдобавок секли розгами. Однако любой путник мог добывать в чужих землях зверя, рыбу или птицу для собственного пропитания. Обычно

⁷ Ефименко А.Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 8. Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. С. 115.

действовало правило: «Где остановился, там и добывай». Однако, как правило, у каждой семьи имелись свои постоянные, привычные места. Если же кто-то расчищал рыболовное место или ставил постоянно ловушки на одном и том же месте (запор, котец), то получал право на владение ими, которое могло передаваться по наследству⁸.

Крупные рыболовные угодья больших рек находились в общинном владении⁹. У коми-рыбаков право личной собственности на водные угодья рек было крайне редко. Имелись лишь отдельные факты обладания небольшими старичными озерами. Как отмечает Н.Д. Конаков, «в качестве правового принципа здесь выступает труд, затраченный на расчистку озера, установление рыболовных заграждений с рыболовушками, предохранение рыбы от замора»¹⁰.

На реке Визинга «во временное индивидуальное пользование поступали участки реки вблизи семейных сенокосных угодий, если там сооружались рыболовные запруды для лова рыбы «мордой»¹¹. Обычай устанавливал порядок, при котором рыба, дичь или зверь, попавшие в ловушки или оставленные при промысле в угодьях общего пользования с клеймом («пасом») промысловика, считались неприкосновенными для других охотников и прохожих. Уличенный в хищении из чужих ловушек, наказывался битьем или изгонялся на несколько лет из угодий, в которых раньше занимался промысловой деятельностью.

По данным А.С. Сидорова «на Вычегде и Печоре существовала такая мера наказания, как «распятие» виновника: ему привязывали руки

к концам палки, пропущенной через рукава сукмана, и в таком виде отпускали домой. Добираться до жилья с расprostертыми в стороны руками, с большим трудом пробираясь между деревьями, было сложной задачей, особенно зимой¹².

Над злостными похитителями чужой добычи устраивалась расправа, называемая «саро пуктом» (воцарение). Виновников в похищении чужой добычи сжигали живьем в собственных избушках или прищемляли связанного и раздетого догола вора за волосы в расщепе стоящего дерева и так оставляли¹³.

У многих народов Севера прослеживался обычай, обязывавший рыболова и охотника делиться первой добычей с другими; нарушение его влекло за собой утрату охотничьего счастья (удачи) и осуждалось общественным мнением. «Еще недавно существовал обычай наделения частью добычи при возвращении с рыбного лова и охоты престарелых соседей, а также каждого, кто оказывал хоть какую-то помощь промысловику, встретив его при выходе на берег: помог при выгрузке лодки или донес до дому часть добычи, снасть или другую вещь»¹⁴. При совместном лове рыбы в ближних озерах улов делили не по числу участников рыбной ловли, а по числу жителей деревни.

Таким образом, анализ истории развития взаимодействия общества и биосферы является необходимой предпосылкой и исходной базой для совершенствования деятельности государства и общества в настоящее время, преодоления устаревших взглядов и концепций, традиций и при-

⁸ Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII-XIX в.в. Томск. 1990. С. 178.

⁹ Конаков Н.Д. Полевые записки автора..., 1978, с.171

¹⁰ Там же. С. 171-172.

¹¹ Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт. ВГВ, 1859, N 31, с.273.

¹² Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928, с.182-183.

¹³ Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Этнографический уклад населения Верхней Вычегды. ИФС, 1960, вып.5, с.98.

¹⁴ Сидоров А.С. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян. НКФАН, ф.1, оп.13, д.14, л.5. охотники..., с. 173.

вычек, основанных на принципах покорения и завоевания природы, совершенствования природоохранной практики и разработки новых экологических концепций. Понять сущность возникающих проблем, выработать программу практических действий невозможно вне единства

прошлого, настоящего и будущего. Весь уклад повседневной жизни на промысле был связан с интенсивной добычей зверя, птицы и рыбы. Специфика такой деятельности «заставляла» сводить до минимума потребности во всем укладе повседневной жизни промысловиков.

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

CONCEPT OF THE STATE SERVICES: ANALYSIS OF MODERN APPROACHES

Душакова Л.А.

*Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия*

Dushakova L.A.

*The southern Russian institute branch of the Russian academy of national economy
and public service at the President of the Russian Federation,
Rostov-on-Don, Rostov region, Russia*

В настоящей статье представлены основные теоретические подходы к толкованию и направления концептуализации понятия государственных услуг.

Ключевые слова: услуги, государственные услуги, концепция «сервисного государства».

In the present article the main theoretical approaches to interpretation and the directions of a kontseptualizatsiya of concept of the state services are presented.

Keywords: services, state services, concept of «the service state».

В научной литературе представлены достаточно разноплановые определения понятий государственной услуги. Можно говорить об узком и широком подходах. В рамках широкого толкова-

ния понятия государственных услуг к ним относятся услуги, предоставляемые органами власти непосредственно, и услуги, предоставление которых организуют органы власти и которые предо-

ставляются подведомственными организациями также от имени государства, хотя совершенно очевидно, что юридическая природа этих услуг неодинакова.

В частности, по мнению С.А. Белова, государственная услуга – это осуществление организациями, действующими от имени государства, в отношении гражданина определенной деятельности, результат которой не овеществлен. [1, с. 85] Следует отметить, что здесь прослеживается деятельностный подход к пониманию государственных услуг. В то же время это определение вызывает ряд вопросов: во-первых, организациями, действующими от имени государства, могут быть государственные органы, органы местного самоуправления, действующие в рамках переданных полномочий, коммерческие и некоммерческие организации любой организационно-правовой формы и формы собственности; во-вторых, конструкция «определенная деятельность, результат которой не овеществлен» близка к цивилистической традиции понимания услуг и никак не характеризует сферу общественной жизни, в которой предоставляются государственные услуги.

В отдельных методических разработках под государственными услугами предлагается понимать нормативно установленный способ обеспечения прав и свобод, а также законных интересов граждан и организаций государственными органами власти, осуществляемый во взаимодействии физического или юридического лица (пользователя) с органом исполнительной власти или государственным служащим.

Такого рода толкование также вызывает ряд вопросов:

- услуга вряд ли может рассматриваться как способ обеспечения прав и свобод, а также законных интересов граждан и организаций, поскольку природа услуг связана

с деятельностью и некими благами, в которых заинтересован определенный субъект и которые являются результатом этой деятельности; другое дело, что деятельность по предоставлению государственных услуг может иметь функцию обеспечения прав и свобод, а также законных интересов; кроме того, если говорить о соотношении услуг и прав и свобод, а также законных интересов граждан и организаций, то более логично было бы говорить о том, что деятельность по предоставлению государственных услуг направлена на реализацию прав и свобод, а также законных интересов граждан и организаций;

- в определении речь идет о правах, свободах и законных интересах граждан и организаций, а пользователем услуги выступает физическое или юридическое лицо, тогда как юридическое лицо и организация – понятия не тождественные, равно как соотношение понятий граждан и физическое лицо также требует пояснений.

В «Методических рекомендациях по порядку формирования проектов перечней государственных услуг и государственных функций органа исполнительной власти, связанных с взаимодействием с гражданами (организациями)», разработанных специалистами ГУ ВШЭ под государственной услугой понимается деятельность федерального агентства (подведомственного ему бюджетного учреждения), выражающаяся в совершении действий и (или) принятии решений, влекущих возникновение, изменение или прекращение правоотношений, или возникновение документированной информации (документа), в связи с обращением гражданина (организации)

или без такового, осуществляемая в непосредственном взаимодействии с пользователем государственной услуги (гражданином или организацией).

В данном случае дается деятельностная характеристика государственных услуг, и это деятельность исключительно федерального агентства, которое в соответствии с системой федеральных органов исполнительной власти наделено функцией по предоставлению государственных услуг. В то же время очевидным фактом является предоставление государственных услуг также федеральными министерствами и федеральными службами.

Понятие государственных услуг также трактуется через понятие взаимодействия. В частности, государственная услуга понимается как добровольное или обязательное в силу закона взаимодействие физического или юридического лица (клиента) с органом исполнительной власти или его должностным лицом (агентом), в результате которого происходит изменение прав, ресурсов, полномочий клиента» [2, с. 286]. Такого рода определение охватывает практически любую внешнюю административную деятельность и имеет широкий смысл. Здесь:

- возникают понятия клиента и агента, характерные для частно-правового регулирования. Это, по-видимому, не случайно, поскольку одна из современных тенденций – реализация и развитие «клиентских», «сервисных» отношений между государством в лице его официальных представителей и граждан и организаций;
- вряд ли возможно услугу трактовать как взаимодействие, вероятно более корректно было бы говорить о деятельности, основанной на взаимодействии;
- представляется, что не вполне корректна конструкция «изменение прав, ресур-

сов, полномочий клиента»: возможно не только изменение, но и возникновение и прекращение, поглощение понятием изменения самостоятельных понятий возникновения и прекращения не верно; не вполне понятен правовой смысл термина «ресурсы» клиента; вызывает сомнения допустимость конструкции «полномочия клиента», поскольку понятием полномочий охватывается деятельность органов власти и должностных лиц и возможность ее распространения на клиентов требует обсуждения;

- кроме того вызывает вопросы конструкция «взаимодействие физического или юридического лица (клиента) с органом исполнительной власти или его должностным лицом (агентом)», поскольку взаимодействие между органом власти и контрагентом (физическим или юридическим лицом) имеет место не только в рамках предоставления государственных услуг, но и в рамках исполнения государственных функций.

Вообще обращает на себя внимание использование цивилистической терминологии (клиент, агент, услугодатель, услугополучатель и проч.), соответственно возникает вопрос о возможности и допустимости ее рецепции в публично-правовой сфере. Т.В. Жуковой в этой связи полагает, что термин «государственные услуги» должен носить условный характер; он не может трактоваться как правовая категория в узком смысле, если речь идет о выполнении государственными органами публичных функций государства. Можно говорить об оказании государственных услуг в таких областях государственного управления, где государственная власть (либо непосредственно, либо через подведомственные или уполномо-

ченные учреждения и организации) непосредственно соприкасается с гражданами и юридическими лицами, обращающимися в соответствующие структуры. И в процессе нормотворчества, и в практической деятельности следует достаточно четко разграничивать действия органов исполнительной власти по выполнению ими возложенных на них функций государства и собственно правоотношения в сфере оказания услуг в пределах частноправовых отношений. Использование одного термина «услуги» является не очень удачным, так как может привести к смешению не только понятий, но и сути явлений. [3, с. 45-46]

А.В. Нестеров государственные услуги (услуги власти) трактует как бесплатные услуги по закону, оказываемые уполномоченными по закону услугодателями, добровольно обратившимся заинтересованным лицам, в соответствии с регламентами и стандартами государственных услуг за счет использования ресурсов государства [4]: В данном случае, во-первых, фактически не показана природа государственных услуг (используется конструкция «услуги – это услуги»), во-вторых – акцент делается на признаке добровольности обращения, что логично для понимания сути услуг в целом, но не логично для действующего законодательства, в соответствии с которым услуги могут быть обязательными (но не принудительными), в частности, услуги по регистрации, лицензированию и проч.

Вряд ли можно согласиться с концепцией принудительных услуг [5, с. 286], поскольку, во-первых, это противоречит смыслу понятия услуги, во-вторых, мы не можем разграничить с деятельностью по применению мер принуждения, поскольку последние также применяются для общего блага – установления законности, а в их основе лежит обязанность частного субъекта.

По мнению Е.Г. Приходько, термин государственные услуги может обозначать:

1. все направления деятельности государства и его органов, в том числе органов исполнительной власти, имеющие внешнего получателя (исходя из договорной теории, согласно которой государство обязано через свои органы предоставлять населению определенные услуги, «служить» гражданам);

2. направления деятельности, которые характеризуются массовостью, социальной значимостью, типичностью, т.е. направления деятельности, которые осуществляются органами исполнительной власти в непосредственном контакте с гражданами, представителями организаций;

3. одно из направлений деятельности федеральных агентств, состоящее в невластном взаимодействии данных органов (подведомственных или подконтрольных им организаций) с гражданами по поводу реализации последними своих субъективных публичных прав позитивного (не юрисдикционного) характера, а в ряде случаев – по поводу реализации юридических обязанностей. [6, с. 67]

В рамках данного подхода обращает на себя внимание следующее:

- государственные услуги трактуются как направления деятельности, но не сама деятельность, что не одно и то же. В этой связи думается, что направлением деятельности можно полагать предоставление государственных услуг, но никак не сами государственные услуги;
- в конечном итоге государственные услуги сводятся к взаимодействию их продуцента и получателя;
- представлены разные по объему значения термина «государственные услуги», в то же время есть определенная неконкретность, поскольку в непосредственном контакте с гражданами могут быть реализованы любые направления деятельности,

в том числе не связанные с предоставлением государственных услуг и в том числе юрисдикционного характера;

- последняя позиция вызывает ряд уточнений: действующее законодательство говорит возможности предоставления государственных услуг также федеральными министерствами и федеральными службами (этот момент упущен); взаимодействие не может быть невластным, если речь идет о выполнении обязанностей.

А. Данилин предлагает считать рабочим следующее определение: «государственная услуга – это нормативно закрепленная услуга, оказываемая государственными органами гражданам, бизнесу или другим государственным органам» [7]. Однако данное определение не позиционирует собственно самой государственной услуги. Действительно, государственные услуги оказываются гражданам, бизнесу и государственным ведомствам, но это ничего не говорит об их сущности и специфике. Другие исследователи придерживаются той точки зрения, что государственная услуга ничем не отличается от частных услуг, то есть тех, для которых верно определение словаря С.И. Ожегова.

В специальной литературе наметились несколько подходов к концептуализации государственной услуги. Первый из них можно обозначить как квазирыночный, в рамках которого государственная услуга представляет собой своего рода товар, предоставляемый органами власти гражданам и организациям на добровольной основе в силу того, что только государству в лице соответствующих органов власти возможно и допустимо предлагать на рынок данный товар (услуги по национальной обороне, обеспечению безопасности дорожного движения и т.д.). Соответственно, когда мы оцениваем какую-либо ус-

лугу, мы должны выявить надлежащего поставщика, способного выступить наиболее эффективным производителем этого рода деятельности – государство или рынок.

Второй подход – управленческий, основанный на административно-регламентной модели. В его рамках государственная услуга трактуется как взаимодействие государства и граждан и организаций в любой форме, как добровольное, так и принудительное.

Третий подход видится в оценке государственной услуги в контексте концепции «сервисного государства». Еще во второй половине XIX в. теоретики «государства благоденствия» определили, что государство оказывает гражданам определенные услуги, поскольку, во-первых, частные структуры не заинтересованы в их оказании в силу высокой стоимости и неприбыльности, во-вторых, эти услуги должны быть оказаны обязательно, в силу заинтересованности в них общества в целом, в-третьих, предоставление этих услуг требует существенных финансовых и организационно-властных затрат.

В рамках концепции «сервисного государства» предполагается, что практически любое взаимодействие граждан и государственных органов является оказанием государственной услуги, особенно в той части, когда гражданин обязан внести в государственную казну обязательный платеж (определенная аналогия возмездности в гражданском обороте).

Однако такое понимание государственных услуг не позволяет разграничить властно-принудительную деятельность государства и деятельность по оказанию государственных услуг предоставительного характера. И в этом смысле одним из критериев разграничения выступает интерес, а точнее – различие либо совпадение интересов государства и гражданина. Властно-принудительная деятельность предполагает реализацию

интереса государства и общества в целом, поскольку обеспечивает целостность государства, безопасность общественной жизнедеятельности, и в этом контексте государство может устанавливать требования, которые могут не просто не совпадать, но и прямо противоречить интересам гражданина. Оказание государственных услуг предполагает, что государство реализует интерес гражданина. Различия прослеживаются также

в характере поведения и способе его установления: получение государственной услуги может быть только добровольным, поскольку в данном случае реализуется предоставительное воздействие, тогда как осуществление властно-принудительной деятельности связано с реализацией обязанностей и построено, главным образом, на императивном, предписывающем регулировании.

Литература

1. Белов С.А. Принципы правового регулирования деятельности по оказанию государственных услуг/ Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сборник / Под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М.: Волтерс Клувер, 2007.
2. Административная реформа в России: Научно-практическое пособие. М., 2006.
3. Жукова Т.В. К вопросу о понятии и содержании правовой категории «государственные услуги»: взгляд цивилиста / Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сборник / Под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М.: Волтерс Клувер, 2007.
4. Нестеров А.В. Понятие услуги государственной, общественной (социальной) и публичной // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11.
5. Административная реформа в России. М., 2006. С 286.
6. Приходько Е.Г. Требования, предъявляемые к государственным служащим, осуществляющим функции по предоставлению государственных услуг. / Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сборник / Под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М.: Волтерс Клувер, 2007.
7. Данилин А. Электронные государственные услуги и административные регламенты. – Москва, Инфра-М, 2004.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ФОРМА КОНСТИТУЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ

HUMAN RIGHTS AS A FORM OF CONSTITUTIONAL VALUE

Вилова М.Г., Пермиловский М.С.

*Северный (Арктический) университет имени М.В. Ломоносова,
Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Архангельской области
и Ненецкому автономному округу, г. Архангельск, Архангельская область, Россия*

Vilova M.G., Permilovskiy M.S.

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Office of the Ministry
of Justice for the Arkhangelsk region and Nenets autonomous district,
Arkhangelsk, Arkhangelsk region, Russia*

В статье рассмотрены вопросы аксиологического значения прав человека в условиях вооруженных конфликтов, в том числе права на благоприятную окружающую среду. Выявлена и обоснована необходимость исследования категории справедливости как необходимого условия существования основных прав человека. Проведен критический анализ определения конституционной ценности и ее роли в развитии учения о правах человека.

Ключевые слова: *права человека, справедливость, конституционная ценность, аксиология, вооруженный конфликт.*

The present article is devoted to questions relating to axiological meaning of human rights in the context of armed conflicts, including the right to a favorable environment. The pressing need to study the category of justice is identified with a view to insuring the existence of human rights. Critical analysis of the constitutional value is conducted and its role in the development of the doctrine of human rights is defined.

Keywords: *human rights, fundamental freedoms, justice, the constitutional value, axiology, the armed conflict.*

В настоящее время с уверенностью можно сказать, что человечество, шагнув в XXI век, внесло в новое столетие существенные достижения и опыт в различных сферах деятельности, в том числе и в науке. Вместе с тем, невозможно не учитывать обратную сторону прогресса. Ведущие страны современности вместе с накопленными научными достижениями и разработками в области техники и технологии вынуждены ис-

пользовать природные ресурсы, оказывая при этом негативное воздействие на окружающую среду. Между тем, нельзя отрицать, что человек является творением и одновременно создателем окружающей природной среды, которая обеспечивает его физическое существование, предоставляет человеку возможности для интеллектуального, нравственного, социального и духовного развития (пункт 1 Стокгольмской Декларации).

Указанное положение рискует остаться декларативным при отсутствии слаженного механизма реализации прав человека, в частности экологических прав. Требуется актуальное средство, которое позволит свежо взглянуть на проблемы реализации прав человека и гражданина и обеспечить их эффективную защиту.

По своей природе права человека включены в область публичных правоотношений. В зависимости от правовой системы Основной закон большинства стран провозглашает права человека незыблемыми основами существования государства. Конституция Российской Федерации, в частности, провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства (статья 2).

Основные гарантии реализации прав и свобод человека в современной действительности исходят из международно-правовых средств их защиты. Соответственно, нормы и принципы международного права предстают в качестве важнейших инструментов обеспечения реализации и признания прав человека и гражданина. Конституция Российской Федерации признает общепризнанные принципы и нормы международного права частью своей правовой системы (часть 4 статьи 15). Упоминания об общепризнанных принципах и нормах международного права в том или ином виде встречается в Конституциях Италии, Греции, Франции, Германии, Австрии, Болгарии и многих других стран [1].

Всеобщие ценности построения мира, такие как равноправие, свобода и справедливость, служат фундаментом для формирования и развития правовых норм и конструкций в сфере прав человека.

В этой связи, права человека можно рассматривать как формально определенные свободно реализуемые возможности субъекта, направлен-

ные на самостоятельное построение условий его жизни, воплощаемые в справедливом взаимоотношении с государством и равенством с другими субъектами.

Такая необходимость формирования категориального – дефинитивного аппарата в отношении прав и свобод человека и гражданина вызвана подчас неверными либо искаженными представлениями о сущности тех или иных институтов права.

Кроме того, основные права человека и гражданина представляют собой ценностное направление в деятельности государства, основывающееся на праве, выраженном в законе, принципах законности и справедливости. Отметим, что в зависимости от степени развитости правовой охраны прав человека определяется зрелость государственности. В соответствии с Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18). В этой связи возникает справедливый вопрос: почему при наличии легально закрепленных прав их защита сопряжена со значительными проблемами, а государства остаются неправовыми?

Представляется, что для ответа на данный вопрос уместно привести утверждение Рудольфа фон-Иеринга. «Право, – писал Иеринг – употребляется в двояком смысле: в объективном и субъективном» [2]. В объективном смысле право представляет собой совокупность применяемых государством правовых принципов, законный порядок жизни. Конкретное обращение абстрактного правила в конкретное правомочие лица есть право в субъективном смысле. «В обоих направлениях, – подчеркивает Иеринг, – право встречает сопротивление, в обоих направлениях оно

должно преодолевать его, т.е. путем борьбы завоевывать или защищать свое существование» [2].

Действительно, проблемы, существующие в сфере закрепления и реализации прав и свобод человека, не лишают актуальности необходимость борьбы за указанные права. Конституционная ценность обеспечения и реализации прав человека заключается в достижении гуманного отношения и их обеспечения со стороны государства. В случае, когда права человека в пределах государства умаляются, не признаются и нарушаются, значимость приобретают международно-правовые средства защиты.

Определенную степень опасности для человека и защиты его прав представляют вооруженные конфликты, поскольку в период войны права человека в наибольшей степени подвержены риску их несоблюдения и нарушения. Вооруженные конфликты оказывают негативное воздействие и на окружающую среду, которая является необходимым условием жизни людей. Для предотвращения нарушения прав человека, которые государства обязались соблюдать, разработаны международные договоры и конвенции, составившие впоследствии международное гуманитарное право, принципы и нормы которого гарантируют защиту основных прав и свобод в период войны.

Тем не менее, проблемы обеспечения и защиты права на жизнь, запрета пыток и бесчеловечного отношения к человеку, права на справедливое судебное разбирательство и эффективные средства защиты в условиях вооруженных конфликтов остаются актуальными и требуют максимального внимания, как со стороны международных организаций, так и государств. В связи со сказанным особое значение имеет междисциплинарная ценностная категория справедливости.

В научно-правовой среде существует поляризованность мнений относительно значения категории

справедливости. Так, при исследовании признаков права Г.Д. Гурвич рассматривает справедливость, как единственный его конститутивный признак, который «представляет собой попытку реализовать справедливость» [3]. О. Хеффе рассматривал справедливость как условие взаимовыгодного ограничения свободы [4]. Справедливость, по его мнению, опосредуется принципами и правами человека [4]. «Глубочайшей основой идеи справедливости, – пишет Н.Н. Алексеев, – является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к другу ценности, – мысль о постепенном их достоинстве, о возрастающих и убывающих степенях их совершенства. Правильное отношение этих степеней и есть отношение справедливое» [5]. С приведенным мнением следует согласиться, поскольку категория справедливости является объективным принципом права и при этом направлена на полноценное воплощение прав человека, обеспечивая в итоге свободу, в том числе в условиях вооруженных конфликтов. Таким образом, справедливость является необходимым условием существования основных прав человека.

С категорией справедливости неразрывно связано понятие конституционной ценности. В науке конституционного права большинство ученых определяют конституционные ценности как органические части Конституции Российской Федерации [6-11], которые либо прописаны в ней, либо подразумеваются и соответствующим образом толкуются в ходе правоприменительной деятельности. В последнее время предпринимаются попытки представления единой целостной дефиниции категории конституционной ценности. Так, под конституционными ценностями понимается совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституцион-

но-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих наиболее оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов [12].

Указанная дефиниция имеет стройную, согласованную и четкую формулировку, однако имеются и принципиальные замечания к данному понятию. При определении конституционной ценности через понятие социального принципа необоснованно сужается прикладное значение названной категории, поскольку оно имеет более широкий характер, включая также некоторые моральные установки и оценки государства и общества. Кроме того, следует помнить, что категория конституционной ценности объединяет в себе объективные принципы права, что расширяет возможности для толкования Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, в том числе применяя аналогию права.

В отношении формализации конституционных ценностей в Основном Законе и (или) их появления в результате конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, следует заметить, что отдельные ценности либо прямо закреплены в Конституции Российской Федерации (например, статья 2), либо подразумеваются в ней.

Представляется, что конституционные ценности напрямую не формулируются в результате конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, поскольку ценности первоначально закладываются в Основном Законе и они лишь развиваются или получают примат посредством толкования ука-

занными органами отдельных положений Конституции.

Кроме перечисленного в определении не учтено, что конституционные ценности как таковые не обеспечивают оптимального развития личности, общества и государства. Только эффективное и решительное воплощение в жизнь отдельных конституционных ценностей на определенной иерархичной основе будет способствовать достижению вышеуказанной цели. Баланс же частных и публичных интересов необходим для эффективной реализации конституционных ценностей в определенном правовом, социально-экономическом и историческом контексте.

В этой связи представляется уместным привести слова Иммануила Канта: «Права человека должны считаться священными, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти. Здесь нет середины, и нельзя измышлять среднего, прагматически обусловленного права... всей политике следует преклонить колени перед правом» [13].

По итогам рассмотрения прав человека как формы конституционной ценности следует отметить, что современные проблемы, связанные с обеспечением прав и основных свобод человека и гражданина требуют формирования дефинитивного аппарата, а также аксиологического понимания сущности прав человека. Данное утверждение подтверждается проблематикой защиты основных прав человека в условиях вооруженных конфликтов. Особое значение при этом имеет категория справедливости, которая является необходимым условием существования и эффективной защиты прав человека.

Литература

1. Калашников С.В. Применение общепризнанных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России: вопросы теории и практики / под ред. Д.С. Валиевой. М.: ДМК Пресс, 2010. – 162 с.
2. Иеринг Р. Борьба за право. СПб.: Издательство «Вестника Знания» (В.В. Битнера). – 1912.
3. Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004. – С. 126.
4. Хеффе О. Политика, право, справедливость. М., 1994. – С. 256.
5. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. – С. 119.
6. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. – № 12. – С. 3-14.
7. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6. – С. 5-12.
8. Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М., Норма. – 2007. – С. 191.
9. Пресняков М.В. Справедливость в системе конституционно-правовых ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – №16. – С. 6-9.
10. Таева Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – №5. – С. 2-4.
11. Назарова И.С. Экологические права личности: конституционно-правовое преломление // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – №9. – С. 7-10.
12. Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис....канд. юрид. наук. Челябинск. – 2012. – С. 8.
13. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994. – С. 461.

WHAT DOES IT MEAN TO BE A PROFESSIONAL RESPONSIBLE AND ETHICAL LAWYER IN THE GLOBAL LEGAL MARKET?

Chernov A.M.

*National Research University – Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

This paperwork describes the responsibility of lawyers in the global legal market. In this work you can find an answer to the main question which causes a great deal of controversy at society – what does the definition of ethics lawyer is mean and what does its term is indicate.

Keywords: *Law, Responsibility, Legal Ethic, Lawyer.*

What does this definition of legal ethic include? Why is this ethic so necessarily for lawyers? These questions have been exciting professionals at the legal sphere for a long time.

For the first time the definition of ethics was introduced by ancient philosopher of Greece Aristotle. It gets special human qualities which determines as virtue such as temperance, generosity, magnanimity, justice etc¹. So, this definition known from the ancient Greece has been discussing for this moment.

Nowadays there is not uniform description of this definition. Moreover ethical rules change very fast. And that ethics and those moral rules were some years ago do not exist now. Each lawyer and incompetent person in legal sphere considers this idea in their own way. But undoubtedly each lawyer absolutely needs in ethics of the global legal market.

We can speak infinitely long what the ethics means. And there won't be any coincidences in opinion. By the way I would like to talk what the professional ethics means. I would like to share my own opinion about it. And at the end of my work I want to emphasize a point, why it is so necessary for the practicing lawyer.

Legal Ethics is undeniable quality which every person has chosen profession of lawyer must be corresponsive in its professional. Every man, if he even wants to be the best lawyer of the world, can't be considered worthy to call themselves so, before he does not have elementary set of moral rules of conduct. In my opinion to be responsible and ethic in legal profession is not simple to be a law-abiding but at the same way it means to be a fair, honest and possess high moral quality.

Any good lawyer well knowing the legislation sees and knows how he can use gaps which exist in Russian legislation. He knows how to win the hopeless case using his eloquence and knowledge

of laws. But no one can be sure that such activity correspond a principle of moral rules though at first sight formally answers all requirements of the law. Thanks to knowledge and eloquence the lawyer can win a victory practically in any cases. Respecting and the highly moral lawyer has to understand observance of formal legislative signs, and number of the won case, and it doesn't do the lawyer more professional. At any cases there should be a moral aspect, which warns against precipitate actions. It also called as ethics. To do all possible in favor of innocent, to protect him or to protect guilty and to release on freedom, that each lawyer for itself should solve.

The main problem consists in ethics delimitation. Moral and the right are closely correlated and sometimes it is not simple to define their borders. If something immoral for one lawyer, it will be not obligatory to be that for another. Ethics is not just law ethic is the wider concept and the law includes in his definition moral standards which are individual for everyone. Considering concept of an ethic in a framework of professional ethics, we cannot forget about the human ethics. The golden rule of ethics says: «Do unto others as you would have them do unto you». Possessing of a certain level of ordinary ethic rules, the lawyer must to use them. Lawfully or not the specific case, it is a court decision. The court should observe the law worries; even the applied law in his opinion is not moral. The main lawyer's aim in case is not only to observe the law, but also to prove the innocence of the client paying attention to universal principles of morals

The paramount importance in modern and pre-revolutionary legal literature concern to the legal ethics, because the legal profession has a direct bearing on definition person's destiny. When the lawyer sets an aim to protect his client, this victory at specifically case lawyer can be reached in the various ways. For example the lawyer can take a case which

¹ Aristotel – Nikomahov's ethic, vol.1.

is primary not right vessel, or have a win in a case for the charge of it the lawyer must find gaps of the legislation which can wrap up a situation to the best advantage, if client break the law. In my opinion the ethic lawyer can't protect a guilty person. The Roman lawyers undertook to stop the process even during production if their client was dishonest². Definition of moral rules already existed at that time. Nowadays another question has been playing a very important role. What will instruments lawyer use to win? Deception, pseudo-witnessing, false documents are the not ethic instruments for the lawyer. Ethical standards should accompany the lawyer throughout all his professional activity. Lawyer should be able to differentiate moral from immoral, not to do much harm to the society and do not betray its moral principles for the own financial wellbeing.

There is the most widespread opinion in our society where almost all lawyers are immoral people who carrying out his activity exclusively for keeping their own financial wellbeing. From this case people have corresponding mistrust attitude in the relation of lawyers. And it is true; today it is not so easy to find the worthy lawyer. As Shakespeare wrote: «The first thing we do, let's kill all the lawyers³».

In the daily work, the lawyer is in space where the right faces face to face with the wrong, where agreements are terminated, laws are broken, unfair partners constantly meet and colleagues who try to deceive clients. Differently, immoral behavior of people is everywhere and in such situation it is really heavy to save the face and not to become the same as surrounding society.

Ethic is a face of every lawyer, that shows his high moral ideals, system of behavior rules, ability to refuse personal financial benefit to defend own moral foundations.

² Vaskovskiy E.V. – «The main questions of Lawyers Ethic, 1895, p.10.

³ William Shakespeare – Henry VI, part II, act IV, scene ii, lines 83–84.

Dishonesty is always favorable. At first sight talent of the lawyer in collaboration with dishonesty is the key of success. In the modern market of legal services the large quantity of law firms is presented, each of them uses dishonest behavior to receive his financial profit. But the lawyer is not simply commercial figure, he is a person who representatives society and for society the moral has the first place in this case, the lawyer should possess high moral qualities primary refusing protection of immoral affairs.

It is heavy to condemn the person is not not ethical if he doesn't consider it himself. Accordingly there always will people who are ready to protect the criminal or to help to bypass the law, for the sake of financial wellbeing.

E. Markov in 1875 wrote: «The lawyer – the cynic necessarily and consequently stands up for everything, and isn't necessary neither for anything, or in anything doesn't trust and consequently trusts in everything⁴».

There is a main problem in many cases. It is to undertake concrete case or not, sometimes it depends on the sum of the offered fee, and it's not the usual occurrence when lawyers try to protect his clients, who himself broke the law or tried to do something in illegal way. As it was already noted, the lawyer and the Law serve on guards of protection of moral rules and the rights of the society. If the wrongful party loses his case it will be better for society, otherwise the law operates against itself. In this case we make an exception in toward of a criminal trial where presence of the defender is necessary. Also in this case it is impossible to apply immoral means of protection and to recede from the principles and to do everything within moral.

The moral has a crucial importance because there is an invasion into the inner world of the person who trusts the professional. The lawyer

⁴ Markov E.L. – Sophists XIX // «Voice», 1895.

knows things, which nobody knows. Society expects from the lawyer the high level of responsibility and professionalism. In particular in that it supports by legal advice and won't announce to the public the information requiring confidentiality.

Professional honor and professional advantage help to support high level of moral. The moral includes concept of justice for the lawyer. Justice, duty and conscience in collaboration with law are the main virtues of the lawyer ethic. The sense of conscience and the sense of justice create the border which cannot be crossed.

Ending the essay, it is necessary to note that ethics of the lawyer is not simply beautiful words. Unfortunately, not each lawyer possesses and to what it is necessary to aim aspires from the very beginning of career.

Ethic includes a lot of components, a part of which, in my opinion, plays the most important role. A few components of them I tried to underline in this essay. Ethics and responsibility of the lawyer mean that the person is a professional and at his activities operates such concepts as a debt, conscience,

justice, and applies these qualities to any matter in independence of material, official and other status of the client, without giving personal preferences and considering each case to the same extent are fair and professional. The lawyer must give legal support and aid of the clients through a prism of the above described qualities. The lawyer shall have high moral foundations which, undoubtedly, includes at concept of ethics. First of all he shall estimate case from the point of moral view, and such lawyer should abstain from representation of interests of unreliable clients. The lawyer who presents due level of moral, operates only within the law. Even in cases when the client is fair but it is very heavy to prove his correctness the lawyer won't begin to apply illegal methods of protection and will operate only within a legal framework.

The high-ethic lawyer it not simply professional. He is the person who people are going hope in to protect their rights. People which trust to him the word of which causes huge trust and conviction in correctness. All of this undoubtedly plays a huge important role for image of ethic lawyer.

FOR NOTES

Scientific edition

Applied and Fundamental Studies

VOLUME 2

hosted by the Publishing House «Science and Innovation Center»,
and the International Journal of Advanced Studies,

October 27-28, 2012

